ИНСТИТУТ ОБЩЕСТВЕННОЙ МЫСЛИ

А. В. Репников
О. А. Милевский

ДВЕ ЖИЗНИ ЛЬВА ТИХОМИРОВА

ACADEMIA

Москва
2011

УДК 929
ББК 66.3(2Рос)8
Р 41

Научный редактор
Шелохаев Валентин Валентинович,
доктор исторических наук, профессор, главный специалист Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ),
лауреат Государственной премии Российской Федерации

Рецензенты
Белов Андрей Михайлович,
доктор исторических наук, профессор, декан исторического факультета Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова
Зверев Василий Васильевич,
доктор исторических наук, профессор кафедры истории российской государственности Российской Академии государственной службы при Президенте РФ
Карнишин Валерий Юрьевич,
доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории Пензенского государственного университета
Макаров Владимир Геннадиевич,
кандидат философских наук, доцент, научный сотрудник Центрального архива ФСБ России

Издание осуществлено при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ)
Проект № 11-01-16131д

Репников А.В., Милевский О.А.
Р 41 Две жизни Льва Тихомирова / А.В Репников, О.А. Милевский. Монография. — М.: Academia, 2011. — 560 с.

ISBN 978-5-87444-353-5

В монографии впервые предпринята попытка совокупного анализа жизненного пути и взглядов Л.А. Тихомирова (1852—1923) — революционера и идеолога «Народной воли», прошедшего царскую тюрьму, ставшего монархистом, редактором официозных «Московских ведомостей» и закончившего жизнь православным мыслителем.

Долгие десятилетия его считали ренегатом, изменившим революционной борьбе. В последние годы большой интерес в России вызывают работы Тихомирова-монархиста. Вместе с тем только анализ всех основных событий его жизни и мировоззренческой эволюции позволяет в полной мере раскрыть специфику его взглядов в различные периоды жизни.

В приложение вошли не переиздававшиеся более 100 лет статьи Тихомирова, посвященные геополитическим проблемам в отношениях между Россией и Китаем, а также библиография основных работ Тихомирова и посвященной ему литературы.

Книга рассчитана не только на профессиональных историков и политологов, но и на всех, интересующихся теорией и практикой отечественной революционной мысли и русского консерватизма.

ISBN 978-5-87444-353-5

УДК 929
ББК 66.3(2Рос)8

© Репников А.В., 2011.
© Милевский О.А., 2011.
© Издательство «Academia», оформление, 2011.

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ 5

Глава I
ДЕТСТВО И ЮНОСТЬ (1852—1869) 27

Глава II
РОЖДЕНИЕ РЕВОЛЮЦИОНЕРА (1870—1877) 41

Глава III
ВЫБОР ПУТИ (1877—1879) 77

Глава IV
НАРОДОВОЛЕЦ (1879—1882) 99

Глава V
ВНЕ РОССИИ (1882—1884) 141

Глава VI
ТОЧКА ВОЗВРАТА (1885—1888) 177

Глава VII
ОБРЕТЕНИЕ ПОЧВЫ (1889—1894) 223

Глава VIII
В НАЧАЛЕ НОВОГО ЦАРСТВОВАНИЯ (1894—1901) 273

Глава IX
В ПРЕДДВЕРИИ РЕВОЛЮЦИИ (1901—1904) 315

Глава X
В ГОДЫ ПЕРВОЙ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ (1905—1907) 351

Глава XI
ПЕТЕРБУРГСКИЙ ПЕРИОД (КОНЕЦ 1907—1908) 391

Глава XII
ВО ГЛАВЕ «МОСКОВСКИХ ВЕДОМОСТЕЙ» (1909—1913) 413

Глава XIII
НА ЗАКАТЕ ЖИЗНИ (1914—1923) 461

ЗАКЛЮЧЕНИЕ 511

ПРИЛОЖЕНИЕ 1
Тихомиров Л.А. Китай, Россия и Европа 514

ПРИЛОЖЕНИЕ 2
Тихомиров Л.А. Вести о китайском православии 527

ПРИЛОЖЕНИЕ 3
Тихомиров Л.А. Япония и Китай в Корее 529

ПРИЛОЖЕНИЕ 4
Библиография книг Л.А. Тихомирова 531

ПРИЛОЖЕНИЕ 5
Библиография основных работ о Л.А. Тихомирове 535

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ 544

ВВЕДЕНИЕ

В современных исторических условиях декларирование приверженности консервативным принципам, становится в российском обществе одним из признаков хорошего тона. При этом зачастую простое смещение оценок с резко негативных на столь же крайне позитивные мало объясняет суть проблемы и приводит только к упрощению такого сложного явления, как русский консерватизм. Обращаясь к теоретическому наследию русского дореволюционного консерватизма, нужно помнить, что представители этого направления разрабатывали свои концепции в рамках самодержавно-монархического государства, и в рамках *иной общественно-политической системы*, не «увенчанной» фигурой монарха, эти идеи не могут быть в полной мере восприняты и тем более востребованы[1]. Нельзя осуществить транзит концепций вековой давности в политическое пространство современной России[2].

В сегодняшней исторической науке имеет место постоянный интерес к представителям отечественного консерватизма. С 1991 года появились не только отдельные статьи, но и целые научные монографии, посвященные идеологам русской консервативной мысли XIX — начала XX в.[3] Опубликованы исследования, носящие обобщающий характер, рассматривающие генезис и идеологию российского консерватизма в целом[4]. Проведены научные дискуссии и «круглые столы» по теоретическим проблемам консерватизма[5]. Не оставлен исследовательским вниманием и Лев Александрович

---

[1] См.: *Репников А.В.* Консервативная концепция российской государственности. М., 1999; *Он же.* Консервативные концепции переустройства России. М., 2007.

[2] *Репников А.В.* Русский консерватизм: pro et contra // Российский либерализм: теория, программатика, практика, персоналии. Сборник научных статей. Орел, 2009. С. 41—57.

[3] *Корольков А.А.* Пророчества Константина Леонтьева. СПб., 1991; *Сивак А.Ф.* Константин Леонтьев. Л., 1991; *Авдеева Л.Р.* Русские мыслители: Ап.А. Григорьев, Н.Я. Данилевский, Н.Н. Страхов: философская культурология второй половины XIX в. М., 1992; *Аринин А.М., Михеев В.А.* Самобытные идеи Н.Я. Данилевского. М., 1996; *Бажов С.И.* Философия истории Н.Я. Данилевского. М., 1997; *Косик В.И.* Константин Леонтьев: размышления на славянскую тему. М., 1997; *Шлемин П.И.* М.О. Меньшиков: Мысли о России. М., 1997; *Динерштейн Е.А.* А.С. Суворин: человек, сделавший карьеру. М., 1998; *Володихин Д.М.* «Высокомерный странник». Философия и жизнь Константина Леонтьева. М., 2000; *Балуев Б.П.* Споры о судьбах России: Н.Я. Данилевский и его книга «Россия и Европа». Тверь, 2001; *Гоголев Р.А.* «Ангельский доктор» русской истории. Философия истории К.Н. Леонтьева: опыт реконструкции. М., 2007; *Хатунцев С.В.* Константин Леонтьев: интеллектуальная биография, 1850—1874 гг. СПб., 2007; *Емельянов-Лукьянчиков М.А.* Иерархия радуги: русская цивилизация в наследии К.Н. Леонтьева, Н.Я. Данилевского, О.А. Шпенглера, А.Дж. Тойнби. М., 2008; *Санькова С.М.* Государственный деятель без государственной должности. М.Н. Катков как идеолог государственного национализма. Историографический аспект. СПб., 2007; *Она же.* Михаил Никифорович Катков. В поисках места (1818—1856). М., 2008; *Полунов А.Ю.* К.П. Победоносцев в общественно-политической и духовной жизни России. М., 2010, и др. Подробный историографический обзор работ о русском консерватизме см.: *Репников А.В.* Консервативные концепции переустройства России. С. 21—100. *Он же.* Проблемы историографии правомонархического движения в России // Российские университеты в XVIII—XX веках: Сборник научных статей. Воронеж, 2004. Вып. 7. С. 65—81; *Он же.* The Contemporary Historiography of Russian Conservatism // Russian studies in history: a journal of translations. 2009. Vol. 48. No. 2. P. 29—55.

[4] См.: *Карцов А.С.* Правовая идеология русского консерватизма. М., 1999; *Руткевич А.М.* Что такое консерватизм? СПб., 1999; *Гросул В.Я., Итенберг Б.С., Твардовская В.А., Шацилло К.Ф., Эймонтова Р.Г.* Русский консерватизм XIX столетия: идеология и практика. М., 2000; *Репников А.В.* Консервативные представления о переустройстве России (конец XIX — начало XX в.). М., 2006, и др.

[5] См.: Консерватизм в России («круглый стол») // Социс. 1993. № 1. С. 43—61; Консерватизм как течение общественной мысли и фактор общественного развития: материалы «круглого стола» // Полис. 1995. № 4. С. 33—59; Русский консерватизм: проблемы, подходы, мнения («круглый стол») // Отечественная история. 2001. № 3. С. 103—133; «Консервативный проект» для России: «круглый стол» журнала «Москва» // Москва. 2007. № 5. С. 117—138; Консерва-

Тихомиров[6]. Правда, при этом следует отметить, что имеющаяся о нем научная литература все еще достаточно фрагментарна. Первой попыткой создания обобщающего исследования жизни Тихомирова стала работа О.А. Милевского[7].

Хронологически всю историографию работ о Тихомирове условно можно разделить на несколько этапов.

Первый этап — дореволюционная и эмигрантская историография. В основном она представлена публицистическими статьями и рецензиями и носит в большинстве случаев откровенно полемический, а не исследовательский характер. Диапазон трактовок деяний и оценок личности Тихомирова необычайно широк. В революционно-демократической прессе его оценивали как «реакционера» и «обскуранта», а в кругах, идейно близких ему, — как «монархиста-демократа», «сторонника этического монархизма».

В отдельную группу в дореволюционной историографии можно выделить серию печатных откликов революционеров-народовольцев и их союзников по революционной борьбе на переход Тихомирова в лагерь самодержавия[8]. Данные публикации лишены каких-либо серьезных попыток разобраться в причинах его отхода от революционного движения и содержат стандартный набор выпадов против царского самодержавия[9]. Особняком среди подобного рода литературных выступлений стоят статьи Г.В. Плеханова, противника народовольческой идеологии, усматривавшего причины эволюции Тихомирова в реакционных элементах самих народнических доктрин, связанных с их «ошибочными» экономическими построениями, в частности, неверной трактовкой роли крестьянской общины[10]. Эту мысль высказывали и его товарищи по группе «Освобождение труда» П.Б. Аксельрод, Л.Г. Дейч, В.И. Засулич[11].

Что же касается эмигрантской литературы, то одним из лучших исследований о Тихомирове была книга В.А. Маевского[12]. Небольшая по объему работа написана на основе исторического материала и личных впечатлений от знакомства с неординарным мыслителем. Впрочем, следует отметить, что взгляды автора, писавшего книгу в среде белой эмиграции, достаточно идеологизированы и потому не всегда объективны. Оценивая эмигрантскую литературу о Тихомирове, следует помнить, что в Русском Зарубежье обращение к идеям последнего было сопряжено с попыткой консолидировать все «здоровые эмигрантские силы» вокруг народно-монархического движения, базировавшегося исключительно на русской почве, на основе доктрины солидаризма. Один из идеологов эмигрантского течения, получившего название «Российского народно-имперского движе-

---

тизм — основа национальной политики России: «круглый стол» // Русский журнал: общенациональный. 2008. № 7/8. С. 18—24, и др.

[6] См.: *Беленький И.Л.* Консерватизм в России XVIII — начала XX в. (Библиографический обзор отечественных исследований и публикаций второй половины XX в.). Персоналии: Тихомиров Лев Александрович // Россия и современный мир. 2003. № 3. С. 260—263; *Репников А.В.* Тихомиров Лев Александрович // Общественная мысль России XVIII — начала XX века: Энциклопедия / Ответственный редактор *В.В. Журавлев.* М., 2005. С. 533—536; *Он же.* Тихомиров Лев Александрович // Русский консерватизм середины XVIII — начала XX века: Энциклопедия / Ответственный редактор *В.В. Шелохаев.* М., 2010. С. 515—521; *Он же.* Тихомиров Лев Александрович // Императорский Московский университет: 1755—1917: Энциклопедический словарь. М., 2010. С. 718—719.

[7] *Милевский О.А.* Лев Тихомиров: две стороны одной жизни: Монография. Барнаул, 2004.

[8] По их количеству и значимости отклики с критикой (или, наоборот, в поддержку) Тихомирова могли бы составить отдельный том: «Л.А. Тихомиров: pro et contra». Правда, пока этой идеей никто не заинтересовался, хотя коллектив специалистов, способный подготовить такую работу на высоком научном уровне, имеется.

[9] См.: *Лавров П.Л.* Письмо товарищам в Россию. Женева, 1888; *Русанов Н.С.* Революция или эволюция? По поводу предисловия Л.А. Тихомирова La Russie politique et sociale. Женева, 1888; *Серебряков Э.А.* Открытое письмо Л. Тихомирову. Женева, 1888, и др.

[10] См.: *Плеханов Г.В.* «Неизбежный поворот. "Революция или эволюция?"»; «Новый защитник самодержавия, или Горе г. Л. Тихомирова»; «Рецензия на книгу Л. Тихомирова "Почему я перестал быть революционером"» // *Он же.* Собрание сочинений. М., Пг., 1923. Т. 3.

[11] См.: Из архива П.Б. Аксельрода. Вып. I: 1880 — 1892 гг. / Ответственный редактор *П.Ю. Савельев*, рабочая группа: *Э. Вагенаар, М.Д. Дворкина, Н.В. Макаров, А.П. Ненароков, Ю.В. Романов, И.В. Смирнова, Л. Сорока, С.В. Тютюкин, Т.И. Филимонова, Р.М. Гайнуллина.* М., 2006; *Дейч Л.Г.* К возникновению группы «Освобождение труда» // Пролетарская революция. 1923. № 4. С. 196—215; *Засулич В.И.* Воспоминания. М., 1931.

[12] *Маевский В.А.* Революционер-монархист. Памяти Л. Тихомирова. Белград-Нови-Сад, 1934.

ния» (или «штабс-капитанского»), И.Л. Солоневич отмечал в предисловии к своей книге «Народная монархия», на страницах которой он постоянно цитировал сочинение Тихомирова «Монархическая государственность», главное кредо русских солидаристов: «Народно-Монархическое Движение имеет общие точки с правыми, ибо требует мощной царской власти, но смыкается и с левыми, ибо имеет в виду свободу и интересы народа, массы, а не сословия или слоя»[13].

Следующий, второй этап историографии, посвященной Тихомирову, берет свое начало после большевистского переворота и связан с научными изысканиями первой волны ученых-марксистов 1920—1930-х годов. В фокусе послереволюционной историографии вопроса стояла, как правило, проблема «ренегатства» Тихомирова и выявление ее причин с точки зрения марксистской идеологии. Особенно активно такие попытки предпринимались исследователями до второй половины 1930-х годов, когда, с одной стороны, живы были отдельные представители революционного движения, лично знавшие Тихомирова, с другой — молодая советская историческая наука активно занималась изучением истории революционного движения и была еще не столь подвержена влиянию идеологических запретов. В историографии 1920—1930-х годов можно четко выделить два направления.

К первому можно отнести оценки «отступничества» Тихомирова, сделанные его товарищами по «Народной воле». Определяющим в освещении этого вопроса явилась трактовка В.Н. Фигнер, изложенная в предисловии к «Воспоминаниям» Тихомирова (1927 г.). Основная идея предисловия заключалась в его черновом названии «Заболел психически, или Можно было ожидать», сохранившемся в личном архиве Фигнер[14]. Она как бы синтезировала две точки зрения на причины идейного переворота, произошедшего с Тихомировым. Первая была повторением мысли Н.А. Морозова, считавшего, что этого всегда можно было ожидать и причины следует искать в характере Тихомирова, недостаточно подготовленного для революционной деятельности. Вторая точка зрения отталкивалась от тезиса, утверждавшего, что превращение Тихомирова в ярого монархиста было якобы обусловлено его психическим заболеванием. Главный же вывод статьи гласил, что причиной перехода Льва Александровича на позиции монархизма явилась его недостаточная революционная выработка: сделавшись революционером случайно, он оставался человеком безвольным, легко поддающимся посторонним влияниям, и «на данной почве выросло злокачественное растение — психоз, превратившее революционера, республиканца и атеиста в ретрограда, монархиста и ханжу»[15]. Основная масса народовольцев, оставивших свои мемуары, — А.Н. Бах, О.С. Любатович, В.И. Сухомлин, Н.С. Русанов, — в целом признавая революционные заслуги Тихомирова, не выходили за рамки оценок, данных Фигнер и Морозовым[16].

Историки-марксисты 1920—1930-х годов — В.И. Невский, Н.А. Бухбиндер, Е.А. Мороховец[17] вслед за Плехановым объясняли легкость перехода Тихомирова на позиции монархизма тем, что народовольцы и либералы близки друг другу, и, следовательно, такое превращение Тихомирова вписывалось в рамки общей эволюции «Народной воли» вправо. Невский добавлял к этому и социальное происхождение Тихомирова — он вышел из духовного сословия. Особняком в этом ряду стоит мнение С.Н. Валка и Б.И. Николаевского, которые, хотя и косвенно, указывали, что причины

---

[13] *Солоневич И.Л.* Народная монархия. М., 1991. С. 14.

[14] РГАЛИ. Ф. 1185. Оп. 1. Д. 154. Ср. с мнением Прибылевой-Корбы, высказанном в письме к Фигнер от 8 октября 1929 года. Прибылева-Корба писала, что после прочтения работы Д. Кузьмина о народовольцах ей захотелось сначала написать о Михайлове, «а потом и то, что я знаю и помню о Тихомирове, которого я со времени его ренегатства считала, и теперь считаю, что он был сумасшедшим» // Там же. Д. 675. Л. 89.

[15] *Фигнер В.Н.* Л. Тихомиров // *Она же.* Собрание сочинений. М., 1932. Т. 5. С. 299.

[16] *Бах А.Н.* Записки народовольца. М., 1931; *Любатович О.С.* Далекое и недавнее. М., 1930; *Русанов Н.С.* В эмиграции. М., 1929; *Сухомлин В.И.* Из эпохи упадка «Народной Воли» // Каторга и ссылка. 1926. № 3. С. 75—89; № 4. С. 29—45; № 6. С. 65—87; № 7/8. С. 61—103. В письме от 5 января 1927 года к Фигнер Прибылева-Корба возмущалась публикацией о Народной воле в № 6 «Каторги и ссылки» за 1926 год: «Нельзя так искажать историческую перспективу. Хорошо! Мы знаем историю, ну а молодежь, что она должна думать? Для нее при таких жалких приемах все иксы и игреки будут равны! Правильно ли это будет?» // РГАЛИ. Ф. 1185. Оп. 1. Д. 675. Л. 75 об.

[17] *Невский В.И.* От «Земли и воли» к группе «Освобождение труда». М., 1930; *Мороховец Е.А.* Рецензия на книгу «Воспоминания Л. Тихомирова» // Историк-марксист. 1927. Т. 6. С. 281—283.

превращения Тихомирова в монархиста более глубоки и требуют более детальной проработки[18]. Несколько иной точки зрения придерживался один из известнейших историков 1930-х годов, Н.А. Рожков[19], полагавший, что виной всему было честолюбие Тихомирова, слишком развитый инстинкт самосохранения и стремление к материальной обеспеченности. Такие же мысли несколько ранее высказывал в своих дневниковых записях и Я.В. Стефанович[20], знавший Тихомирова по совместной революционной работе. Характерно, что Стефанович отмечал присущую Тихомирову-революционеру ортодоксальность, нетерпимость к критике и даже «болезненную подозрительность» к новшествам, которые могли бы, по его мнению, «посягнуть» на народовольческие традиции.

Третий этап развития историографии, посвященной Тихомирову, берет свое начало в литературе конца 1950-х и продолжается до 80-х годов. Тогда историки вновь после более чем двадцатипятилетнего перерыва, вызванного еще «сталинским вето» на изучение народовольческого периода в отечественном освободительном движении, возвращаются к дискуссионным проблемам революционной эпохи 1870—1880-х годов, одной из которых и являлось «ренегатство» Тихомирова. Правда, отдельно вопросы, связанные с эволюцией взглядов Тихомирова, практически не рассматривались — сказывалось «идеологическое табу» на объективное освещение и оценку этого факта, компрометирующего историю русской революции. Исследователи касались преимущественно революционной деятельности Льва Александровича.

Необходимо отметить работы Н.А. Троицкого, основанные на богатом фактическом материале, сохранившие свою научную значимость и несущие важную информацию о событиях того времени. Определенное место в них уделено освещению роли Тихомирова в «Народной воле»[21]. Общей приметой того времени являлось некоторое принижение значения Тихомирова как теоретика и одного из ведущих идеологов народовольчества.

Обычная практика тех лет — слияние идей Тихомирова с мыслями и мнением ИК в целом, выставление его только «рупором народовольческих идей, проводником мыслей руководителей организации А.Д. Михайлова и А.И. Желябова»[22]. Более детально изучалось сотрудничество Тихомирова в легальных общественно-политических журналах с 1881 до 1884 г., но и здесь зачастую рассматривались только некоторые из наиболее известных его статей, опубликованных в журнале «Дело»[23]. При этом подчеркивалась мысль об идентичности взглядов, проводимых Тихомировым в нелегальном печатном органе «Народная воля» и легальном журнале «Дело». Из работ, затрагивающих эти вопросы, наиболее интересны и основательны монографии М.Г. Седова и В.А. Твардовской[24]. И все же, к сожалению, и отнюдь не по вине талантливейших советских историков, комплексного исследования сотрудничества Тихомирова в легальных журналах дано не было, хотя это позволило бы представить более широкий спектр его суждений по различным вопросам русской жизни.

Обратим внимание и на то обстоятельство, что в своих работах советские ученые, так или иначе, касались отдельных моментов жизни и деятельности Тихомирова. Философ В.А. Малинин анализировал философские взгляды и политическую концепцию Тихомирова как теоретика «Народной воли». Однако, свою монографию Малинин заключал в традиционном для советской историографии духе, подчеркнув, что теория Тихомирова мелкобуржуазна и представляет собой левоавангардистскую

---

[18] *Валк С.Н.* Рецензия на книгу «Воспоминания Л. Тихомирова» // Пролетарская революция. 1927. Кн. 8/9. С. 429—434; *Николаевский Б.И.* О «Воспоминаниях Л. Тихомирова» // Каторга и ссылка. 1928. № 1. С. 174—178.

[19] *Рожков Н.А.* Русская история в сравнительно-историческом освещении. М., Л., 1928. Т. 11.

[20] *Стефанович Я.В.* Дневник карийца. [предположительно СПб.], 1906.

[21] *Троицкий Н.А.* Безумство храбрых. Русские революционеры и карательная политика царизма. 1866—1882 гг. М., 1978; *Он же.* Царизм под судом прогрессивной общественности. 1866—1895 гг. М., 1979; *Он же.* «Народная воля» перед царским судом (1880—1894). М., 1983; *Он же.* Первые из блестящей плеяды. Саратов, 1991. См. также: *Левин Ш.М.* Очерки по истории русской общественной мысли. Вторая половина XIX — начало XX в. Л., 1974. С. 214—222.

[22] *Твардовская В.А.* Н.А. Морозов в русском освободительном движении. М., 1983. С. 97.

[23] *Кольцов И.* К вопросу об экономике и политике // Дело. 1881. № 5. С. 2—38.

[24] *Седов М.Г.* Героический период революционного народничества. М., 1966; *Твардовская В.А.* Социалистическая мысль России на рубеже 1870—1880-х гг. М., 1969.

концепцию 1880-х годов, призванную «подкрепить и развить идею о всесилии непосредственного революционного действия» и которая обнаружила после 1 марта 1881 г. свою односторонность и бесперспективность[25]. Интересны диссертация и документальная публикация Ю.А. Пелевина, в которых в том числе затронут и революционный период жизни Тихомирова[26].

Следует особо подчеркнуть, что деятельность Тихомирова в проправительственном лагере фактически тогда не изучалась. Достаточно полно освещались лишь его воззрения относительно рабочего вопроса в России. Были введены в оборот и некоторые архивные материалы, свидетельствовавшие об активной работе Тихомирова в этом направлении. Так, о его участии в проектах С.В. Зубатова в 1901—1903 гг. имеются упоминания в трудах А.Ф. Вовчика, В.Я. Лаверычева, В.В. Кавторина[27]. В целом их оценки сводились к тому, что «реакционеры» типа Тихомирова делали все, чтобы воспитать у рабочих покорность, смирение, преданность самодержавию, национализм и таким образом отвлечь их внимание от революционного движения.

Сотрудничество Тихомирова как эксперта по рабочему вопросу в правительстве Столыпина с 1907 по 1908 г. довольно подробно изучал А.Я. Аврех, который тоже пришел к выводам, что «новаторские», «антиполицейские» проекты Тихомирова есть не что иное, как обанкротившаяся зубатовщина и гапоновщина, а сам он не более как «безнадежный консерватор и рутинер»[28]. Как видим, диапазон оценок советских исследователей позиции Тихомирова по рабочему вопросу невелик. В основном они подходили только с точки зрения революционной целесообразности разрешения рабочего вопроса.

Информация о деятельности Тихомирова в монархическом лагере содержится и в исследованиях Ю.Б. Соловьева[29]. Однако, изучая в целом расстановку сил в этом лагере с конца XIX в. по 1914 г. и воссоздавая предгрозовую атмосферу того времени, ученый, к сожалению, использовал дневниковые записи Тихомирова в основном только как источник, свидетельствовавший о кризисе самодержавной политики, и никак не определял конкретную роль и место Тихомирова в раскладе монархических сил. Он практически ничего не писал о его деятельности в этот период, его попытках выработать положительную программу вывода самодержавной власти из кризисной ситуации.

Таким образом, из вышеприведенного явствует, что советская историческая наука не слишком баловала вниманием Тихомирова-монархиста и в основном ориентировалась на изучение его революционной деятельности. Впрочем, до середины 1980-х годов почти не появлялось исследований, посвященных представителям русской консервативной мысли. Из обобщающих же исследований, целью которых было показать всю тщетность попыток монархистов отстоять власть самодержавия перед надвигающейся революцией, можно выделить, как наиболее значительные и непредвзятые, работы В.А. Твардовской и С.Л. Эвенчик[30]. В них авторы попытались на основе большого фактического материала проанализировать социально-политические воззрения видных представителей монархического лагеря и показать гибельность консервативно-охранительной идеологии в пореформенной России. Заслуживает внимания и небольшая статья В.В. Ведерникова о кризисе консервативной идеологии, в которой Тихомиров упомянут как один из ведущих идеологов[31].

---

[25] *Малинин В.А.* История русского утопического социализма. Вторая половина XIX — начало XX вв. М., 1991. С. 171.

[26] *Пелевин Ю.А.* А.Д. Михайлов в революционном движении 1870—1880-х годов. Дис. ... канд. ист. наук. М., 1984; *Он же.* Новые материалы о народовольцах А.Д. Михайлове, А.П. Прибылевой-Корбе и Л.А. Тихомирове // Вестник Московского университета. 1979. № 3. Серия 8: История. С. 65—77.

[27] *Вовчик А.Ф.* Политика царизма по рабочему вопросу в предреволюционный период (1895—1904). Львов, 1964; *Лаверычев В.Я.* Царизм и рабочий вопрос в России 1861—1917 гг. М., 1972; *Кавторин В.В.* Первый шаг к катастрофе. Л., 1992; *Ашмарина С.В.* Зубатов Сергей Васильевич // Русский консерватизм середины XVIII — начала XX века: энциклопедия. С. 190—192

[28] *Аврех А.Я.* П.А. Столыпин и третья Дума. М., 1968; *Он же.* П.А. Столыпин и судьбы реформ в России. М., 1991.

[29] *Соловьев Ю.Б.* Самодержавие и дворянство в конце XIX в. Л., 1973; *Он же.* Самодержавие и дворянство в 1902—1907 гг. Л., 1981; *Он же.* Самодержавие и дворянство в 1907—1914 гг. Л., 1990.

[30] *Твардовская В.А.* Идеология пореформенного самодержавия: М.Н. Катков и его издания. М., 1978; *Эвенчик С.Л.* Победоносцев и дворянско-крепостническая линия самодержавия в пореформенной России // Ученые записки Московского государственного педагогического института им. В.И. Ленина. М., 1969. Т. 309. С. 52—338.

[31] См.: *Ведерников В.В.* Кризис консервативной идеологии и его отражение в печати (1895—1902) // Вестник ЛГУ. 1981. Серия: История. Вып. 2. № 8. С. 104—107.

К сожалению, автор практически не затронул теоретические работы Тихомирова, проливающие свет на его монархическую концепцию.

Меняющаяся политическая ситуация в СССР в середине 1980-х годов позволила вплотную подойти к непосредственному изучению общественно-политических воззрений Тихомирова, в том числе и мотивов его идейной эволюции. Пионером в изучении социально-политических взглядов Тихомирова-монархиста и первым, кто попытался более глубоко осмыслить его идейную трагедию и объяснить ее причины, стал В.Н. Костылев (1952—1990). В сложной обстановке начала 1980-х годов, когда работа над подобными темами была еще затруднена, он смог достаточно объективно подойти к оценке личности Тихомирова и обозначить ряд проблем, до него совсем не звучавших в советской исторической науке. Костылев первым из советских ученых обратился к исследованию фундаментального труда Тихомирова «Монархическая государственность». В 1980 г. увидела свет его статья[32], являвшаяся фрагментом кандидатской диссертации. В статье была подробно проанализирована реакция общества на переход революционера Тихомирова в правительственный лагерь. Давались оценки этого события со стороны монархистов, политической эмиграции, русских революционеров. Костылев использовал многочисленные источники, в том числе архивные материалы. В 1987 году[33] он защитил кандидатскую диссертацию[34]. Автор отмечал, что наследие Тихомирова-монархиста неизвестно на Западе и незаслуженно забыто в СССР. При этом необходимость изучения монархических работ бывшего революционера традиционно для той эпохи объяснялась тем, что многие положения охранительной мысли «вошли в теоретический арсенал современного антикоммунизма и буржуазной советологии»[35]. Вместе с тем отмечалось, что идеи и труды Тихомирова позволяют говорить о нем «как о едва ли не самом крупном (после Каткова) публицисте и идеологе самодержавия»[36].

Костылев сосредоточил свое внимание на анализе участия и выяснении роли Тихомирова в идейной борьбе начиная с 1888 г. и вплоть до создания им своей «самодержавной утопии» и ее краха. Разбирая причины идейной эволюции бывшего революционера и отталкиваясь от справедливого замечания Седова о том, что «имеющаяся литература по данному вопросу мало что объясняет в самой сути дела»[37], Костылев попытался максимально использовать информацию, накопленную его предшественниками о «ренегатстве» Тихомирова, и проанализировать ее комплексно. Рассматривая в диссертации причины идейной метаморфозы Тихомирова, он пришел к выводу, что «нельзя уместить решение этого вопроса в прокрустово ложе однозначных суждений». Автор выделил две причины, тесно связанные между собой и равноденственные: историческая обстановка второй половины 1880-х годов и особенности жизни, характера и взглядов самого Льва Александровича. Отметим, что в попытке связать воедино как объективные причины, так и особенности характера Тихомирова для объяснения причин его эволюции Костылев опирался на традиции западной историографии, уделявшей много внимания человеческому фактору, психологическим характеристикам деятелей русского революционного движения. Стоит отметить, что в своей диссертации историк не ставил цели рассмотреть формирование общественно-политических взглядов Тихомирова и его идейную эволюцию, начиная с его участия в революционном движении. Работая в обстановке определенной идеологической цензуры, в которой находилась вся советская историческая наука, Костылев ограничил свое исследование в основном анализом деятельности Тихомирова в монархическом лагере, подчас критически оценивая эту деятельность. Особенно много критических стрел в адрес «ренегата» было

---

[32] *Костылев В.Н.* Ренегатство Л.А. Тихомирова и русское общество в конце 80-х — начале 90-х годов XIX в. // Проблемы истории СССР. М., 1980. Вып. XI. С. 151—169.

[33] В автореферате диссертации датой защиты значится 31 марта 1987 года. Обращаем на это внимание, поскольку автореферат датирован 1986 годом. См.: *Костылев В.Н.* Лев Тихомиров на службе царизма (из истории общественно-идейной борьбы в России в конце XIX — начале XX в.). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1986. Защита диссертации состоялась на Историческом факультете МГУ; научный руководитель — д.и.н., проф. М.Г. Седов; оппоненты — д.и.н. Б.С. Итенберг и к.и.н. М.Д. Карпачев.

[34] *Костылев В.Н.* Лев Тихомиров на службе царизма... Дис. ... канд. ист. наук. М., 1987.

[35] *Костылев В.Н.* Лев Тихомиров на службе царизма... Автореф. дис. ... канд. ист. наук. С. 2.

[36] Там же. С. 3.

[37] *Седов М.Г.* [Рецензия на книгу: Лавров П.Л. Годы эмиграции] // Вопросы истории. 1977. № 7. С. 199.

выпущено автором при изучении его антиреволюционных и антилиберальных публицистических работ конца XIX — начала XX в. Отсюда и сужение хронологических рамок диссертации. Отметим, что Костылев не слишком акцентировал внимание на государственных воззрениях Тихомирова, а потому специально их не анализировал. Думается, что корни идейной эволюции Льва Александровича, наметившейся уже в период его служения революционной идее, лежат именно в специфике его государственных взглядов. Но в целом, с учетом тогдашней общественно-политической обстановки в СССР, вклад Костылева в приоткрытие «завесы» над столь одиозной в тот период личностью, как Тихомиров, трудно переоценить.

К сожалению, Костылев рано ушел из жизни и уже посмертно в журнале «Вопросы истории» вышел его очерк о Тихомирове, подготовленный В.И. Харламовым по рукописям покойного историка[38]. Диссертация Костылева, высказанные им предположения и гипотезы и сегодня пользуются вниманием российских историков. В этой связи некорректным выглядит замечание М.Б. Смолина по адресу Костылева, который, по мнению Смолина, не смог «спокойно и объективно, без партийных штампов, изучить, изложить и оценить идеи Л.А. Тихомирова, что отрицательно сказалось на содержании его диссертации»[39]. Упрекая Костылева в пристрастности, Смолин уходит в иную крайность, утверждая, что Тихомиров «гениален в своем упорном и последовательном протесте против сумасшествия антигосударственных сил XIX и XX века... о Тихомирове можно сказать, что он был политическим теологом, метафизиком монархической государственности»[40].

На идеализацию Смолиным образа Тихомирова-монархиста[41] обратил внимание нижегородский историк С.В. Чесноков: «В 1990-е... появилось новое искушение — "канонизировать" Тихомирова. Наиболее ярко подобные попытки видны в традиции издания трудов Л.А. Тихомирова М.Б. Смолиным. Однако, другие исследователи, такие, как С.М. Сергеев и С.В. Фомин, считают, что не стоит делать из Л.А. Тихомирова нового Маркса, тем более, что излишне идеализированный образ Тихомирова-монархиста способен обернуться прямой противоположностью...»[42]. В кандидатской диссертации Чесноков развивает эту тему: «Нужно сказать об отличии двух основных традиций издания работ Тихомирова в 1990-е гг.: М.Б. Смолина и С.М. Сергеева. На наш взгляд, оно в том, что если в первой — приоритет делается на монархизм, не в самом лучшем — "партийном" его варианте, в том числе при подаче религиозно-философских взглядов, во второй традиции акценты уравновешиваются: христианство и политика, что уже можно толковать как серьезную проблему..»[43].

---

[38] *Костылев В.Н.* Выбор Льва Тихомирова // Вопросы истории. 1992. № 6/7. С 30—46. Во вступлении к статье ее публикатор В.Н. Харламов отмечает, что Костылев выбрал тему диссертации еще «в середине 70-х годов» и «к началу 80-х годов исследование было завершено, но защита состоялась лишь в 1987 г. — задержка была связана с "отвлечением" молодого историка, вступившего в борьбу (как показало последующее — неравную и трагическую) за перестройку исторического образования в Брянском педагогическом институте, где он тогда работал» // Там же. С. 30.

[39] *Смолин М.Б.* Государственно-правовые идеи Л.А. Тихомирова. Дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2004. С. 19. Отметим, что эта оценка контрастирует с оценкой историка М.В. Шерстюка, отдавшего дань уважения своим предшественникам. «В объемной и выполненной на высочайшем научном уровне работе на базе богатейшего архивного и опубликованного материала была осуществлена попытка дать комплексную научную оценку жизни и деятельности Л.А. Тихомирова в монархический период», — пишет он о диссертации Костылева // *Шерстюк М.В.* Л.А. Тихомиров: обретение религиозного мировоззрения. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2010. С. 11.

[40] *Смолин М.Б.* От Бога все его труды // *Тихомиров Л.А.* Тени прошлого / Составитель, автор вступительной статьи и комментариев *М.Б. Смолин.* М., 2000. С. 8.

[41] По сути — все это признак той же «партийности», только по отношению не к «революционерам», а к «контрреволюционерам», свидетельствующий о догматизме мышления. Отметим, что «партийность» характерна и для «ниспровергателей» русского консерватизма в целом, и Льва Тихомирова — в частности. Сравните с радикально-критическим мнением образца 1993 года: «Еще вчера "интеллигенты" признавали правоту и безальтернативность коммунизма, пытаясь отыскать в отчужденных и потерявших всякий смысл марксистско-ленинских штампах ниши для своего полурационального писка. Сегодня то же бездарное слюнтяйство рядится в рыночную риторику и завывания о преимуществе американской модели (в которой почти никто из демократов ровным счетом ничего не понимает). Завтра, когда у власти окажутся патриоты, нытье того же тембра мы услышим сквозь патетические разглагольствования о "100 веках славной истории русского народа", "о величии его балалаечных традиций" и т.д.» // Аутодафе интеллигентов... очистит путь элите // Элементы: евразийское обозрение. 1993. № 3, С. 3.

[42] *Чесноков С.В.* Роль идейно-политического наследия Л.А. Тихомирова в русской общественной мысли и культуре конца XIX—XX в. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Нижний Новгород. 2005. С. 17.

[43] *Чесноков С.В.* Роль идейно-политического наследия Л.А. Тихомирова в русской общественной мысли и культуре конца XIX—XX в. Дис. ... канд. ист. наук. Нижний Новгород. 2005. С. 38.

Характерен и тот факт, что, неоднократно ссылаясь в тексте диссертации на труды других историков, изучавших жизнь и взгляды Тихомирова, и цитируя их, Смолин в автореферате диссертации не признает значимости работ, создававшихся *до него*: «В целом историография, посвященная Л.А. Тихомирову, носит весьма однобокий характер, главной темой является его переход от революции к монархии. В работах о Л.А. Тихомирове крайне редко и весьма поверхностно исследуются его государственно-правовые идеи»[44]. В книге Смолина 2005 г. в списке литературы, посвященной Тихомирову, при наличии десятков статей о нем, нескольких монографий и диссертационных исследований, присутствуют только две работы — эмигранта В.А. Маевского и самого автора[45]. Хотя, судя по диссертации, чужие исследования автору известны, обращаясь к статье Смолина о Тихомирове в издании 2008 г., мы опять видим в «списке» литературы те же две указанные работы[46]. Повторяется, кстати, и допущенная ранее ошибка — опять указано неверное название работы Тихомирова («В последние времена» вместо «В последние дни»)[47]. Можно сделать предположение, что в данном случае имеет место тенденция, наметившаяся в последние годы среди некоторых молодых исследователей, намеренно игнорирующих не только советскую историографию (это можно объяснить идеологическими причинами), но и вообще какую бы то ни было историографию, за исключением собственных работ и работ авторов «своего» круга.

Заслуживает внимания попытка саратовского историка А.В. Воронихина вписать жизнь Тихомирова и тех, с кем он общался, в общий контекст царствования Александра III[48]. Взгляды Тихомирова на проблемы государственной власти были проанализированы в монографии В.Ю. Верещагина, В.В. Макеева, М.Ю. Понежина; диссертации А.А. Горшколепова[49]. В 1996 году кандидатская диссертация о Льве Тихомирове была защишена Милевским[50]. Продолжением работы над данной темой стала его докторская диссертация, защищенная в 2007 году[51].

Образ Тихомирова привлекает не только историков. Дважды была издана книга А.И. Яковлева «Корона и крест», в которой важное место уделено эволюции взглядов бывшего народовольца[52].

---

[44] *Смолин М.Б.* Государственно-правовые идеи Л.А. Тихомирова. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2004. С. 6. Можно говорить об укоренившейся в последние годы среди части исследователей (особенно молодых) тенденции намеренного игнорирования не только советской историографии, но и какой бы то ни было историографии вообще. Некоторые из них, в поисках аргументации «новизны темы», отбрасывают труды своих предшественников, обвинив их в идеологической предвзятости, или же просто замолчав. Можно квалифицировать подобное явление как своеобразный «историографический нигилизм». Характерно, что с ним можно встретиться в работах и о «правых», и о «левых» представителях общественно-политической мысли России.

[45] *Смолин М.Б.* Энциклопедия имперской традиции русской мысли. М., 2005. С. 425. Статья о Тихомирове в издании, аннотированном как энциклопедия, занимает 92 страницы, что во много раз превышает объем других статей (например, статья о С.Ф. Шарапове занимает в этом издании 8 строчек, каждая из которых начинается с нового абзаца; статья о А.А. Кирееве — 7 строчек, зато статья о М.Н. Каткове целых 35 страниц. И.С. Бердникову уделено 33 страницы; Д.И. Иловайскому — 8 строчек, К.Н. Пасхалову — 6, А.А. Григорьеву — 5).

[46] *Смолин М.Б. Тихомиров Л.А.* // Черная сотня. Историческая энциклопедия. 1900—1917 / Составители: *А.Д. Степанов, А.А. Иванов. М.,* 2008. С. 547.

[47] Там же. С. 546.

[48] *Воронихин А.В.* Исторический календарь царствования Александра III. Пособие к спецкурсу. Саратов, 2001. В пособии представлены очерки, посвященные В.Н. Фигнер // Там же. С. 54—59; Л.А. Тихомирову // Там же. С. 96—102; К.П. Победоносцеву // Там же. С. 129—135. К сожалению, в статье о Тихомирове есть некоторые неточности: на стр. 97 приводится отрывок из письма Тихомирова к Ольге Новиковой со сноской на страницу 57 «Воспоминаний Льва Тихомирова» (М.—Л., 1927), но на указанной странице эта фраза отсутствует. На странице 98 дана цитата со сноской № 5 на страницу 120 воспоминаний Тихомирова, но на указанной странице такой цитаты нет; на странице 102 в примечаниях значится сноска № 15, но в тексте ее нет и т.д.

[49] *Верещагин В.Ю., Макеев В.В. Понежин М.Ю.* Доктрина монархической государственности Л.А. Тихомирова. Ростов-на-Дону, 2003; *Горшколепов А.А.* Идеократическая государственность: политико-правовой анализ. Автореф. дис. ... канд. юридич. наук. Ростов-на-Дону, 2003.

[50] *Милевский О.А.* Л.А. Тихомиров: от революционности к монархизму. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Томск, 1996.

[51] *Милевский О.А.* Л.А. Тихомиров: из истории формирования консервативной мысли в России в конце XIX — начале XX в. Автореф. дис. ... докт. ист. наук. Томск, 2007.

[52] *Яковлев А.И.* Корона и крест: Сцены российской церковной жизни конца XIX — начала XX века. М., 2001; *Он же.* Корона и крест: Сцены российской церковной жизни конца XIX — начала XX века. 2-е изд., испр. М., 2005.

Он стал одним из главных героев двух романов, принадлежащих перу Ю.В. Давыдова[53], и двух романов писателей, придерживающихся «почвеннической» ориентации — О.Н. Михайлова[54] и А.П. Полякова[55].

В последнее десятилетие XX в. отношение к носителям консервативной идеологии в нашей стране также существенно изменилось. С 1990-х годов можно выделить четвертый этап историографии, посвященной изучению творческого наследия Тихомирова. Из появившихся в этот период публикаций хотелось бы выделить статью С.Б. Неволина, снабженную краткой библиографией с перечислением основных работ[56]. Автор с позиции начала 1990-х проанализировал монархическую идею в творчестве Тихомирова. Неволин усматривает в его взглядах много общего с идеями К.Н. Леонтьева и достаточно объективно излагает его государственно-монархическую концепцию. Поскольку Неволин делает свой анализ с философских позиций, что обусловлено направлением антологии, в которую включена статья, он подходит к рассмотрению теории монархической государственности Тихомирова с историософских позиций, не пытаясь связать ее появление с конкретно-историческими событиями в России, влиявшими на Льва Александровича. В центре внимания отечественных авторов оказался и главный труд Тихомирова «Монархическая государственность». Появились статьи И.А. Исаева, В. Белова, Б. Парамонова[57]. Особо выделим обширную статью А.В. Ремнева, содержащую не только очерк жизни и деятельности Тихомирова, но и анализ его мировоззрения[58]. В большинстве же статей, опубликованных в этот период, авторы пересказывали основные биографические сведения и положения работ. Публикации, за исключением статьи Ремнева, носили ознакомительный характер, с чем было связано и отсутствие в них научных комментариев.

В 1994 году вышла в свет утвержденная к печати Институтом всеобщей истории РАН книга С.Н. Бурина «Судьбы безвестные: С. Нечаев, Л. Тихомиров, В. Засулич», в которой автор проанализировал взаимоотношения Тихомирова с его бывшими соратниками, после разрыва с революционным прошлым[59]. Работа Бурина содержала «своего рода апологию Тихомирова-"монархиста"», как выразились авторы еще одного исследования о Тихомирове Д.В. Ермашов, А.В. Пролубников и А.А. Ширинянц[60]. В свою очередь, три упомянутых автора в своей небольшой по объему книге, состоящей из двух частей, попытались: а) дать аналитическое исследование концепции монархической государственности Тихомирова; б) поместили фрагменты его работ, характеризующие его взгляды на русскую государственность, и комментарии к ним. Появился и ряд работ, посвященных изучению консервативно-правовых построений в русской общественно-политической мысли конца XIX — начала XX вв. Среди них следует выделить исследование И.А. Исаева, касающегося взглядов Тихомирова относительно роли самодержавной власти в судьбах русской государственности[61].

---

[53] *Давыдов Ю.В.* Глухая пора листопада. М., 1996; *Он же.* Бестселлер. М., 2001.

[54] *Михайлов О.Н.* Забытый император. М., 1996.

[55] *Поляков А.П.* Великаны сумрака // Молодая гвардия. 2010. № 7/8, 9, 10, 11/12. 2011. № 1/2. В 2011 г. роман был издан отдельной книгой, см.: *Поляков А.П.* Великаны сумрака. М., 2011.

[56] *Неволин С.Б.* Лев Александрович Тихомиров // Русские философы (конец XIX — середина XX века): Антология. М., 1994. Вып. 2. С. 185—197. Библиографию основных работ Тихомирова см.: Там же. С. 197—198. В список литературы о Тихомирове у Неволина включена всего одна статья И.А. Исаева, опубликованная в 1993 году в журнале «Родина». Далее на стр. 199—231 в указанной антологии републикована работа Тихомирова «Борьба века» с приложением статьи «Альтруизм и христианская любовь».

[57] *Исаев И.А.* Превращения монархической идеи // Родина. 1993. № 1. С. 14—19; *Белов В.* Незамеченная книга // Наш современник. 1997. № 1. С. 192—195; *Парамонов Б.* О ненужности покаяния // Звезда. 1994. № 2. С. 199—206.

[58] *Ремнев А.В.* Крестный путь Льва Тихомирова // Исторический ежегодник. Специальный выпуск. Общественное движение в Сибири в начале XX века. Омск, 1997. С. 113—133. В статье, к сожалению, присутствуют опечатки в датах, и ошибочно указано, что Тихомиров пошел в милицию с заявлением о подчинении новой власти после Октябрьской революции, в то время как это произошло после Февральской // Там же. С. 132.

[59] *Бурин С.Н.* Судьбы безвестные: С. Нечаев, Л. Тихомиров, В. Засулич. М., 1994.

[60] *Ермашов Д.В., Пролубников А.В., Ширинянц А.А.* Русская социально-политическая мысль XIX — начала XX века: Л.А. Тихомиров. М., 1999. С. 8.

[61] *Исаев И.А.* Политико-правовая утопия в России (конец XIX — начало XX в.). М., 1991.

В начале 1990-х начинают появляться более фундированные исследования, посвященные различным аспектам жизни и деятельности Тихомирова. В числе статей подобного рода обращает на себя внимание небольшая статья И.Е. Задорожнюка и Е.Н. Мощелкова, помещенная в словаре «Русская философия»[62], авторы которой по достоинству оценили наследие Тихомирова, вычленив в нем более конкретные аспекты исторического функционирования монархического государства. Упоминания о Тихомирове вошли и в учебники по русской философии[63]. В плане признания многогранности его литературного таланта информативна статья В.Н. Назарова[64], предваряющая публикацию писем Тихомирова к М.В. Лодыженскому[65] и посвященная рассмотрению его мистических и теософских интенций[66].

Со второй половины 1990-х вплоть до настоящего времени фигура Тихомирова, его мировоззрение и общественная деятельность привлекают к себе внимание не только историков[67], но и публицистов[68].

В связи с тем, что за последние 20 лет множество статей (как позитивных, так и критических) о русском консерватизме в целом и о Тихомирове в частности были написаны публицистами, сделаем небольшое, но важное отступление. Возникает вопрос о правомерности введения этих публикаций в научный оборот. Историки по-разному рассматривают данный вопрос. Например, И.И. Антонович утверждает: «Нам, теоретикам, не пристало спорить с публицистами по той простой причине, что логическая консистентность, доказательства в идеях публицистов часто совершенно не адекватны той смелости, с которой они бросаются в оценку глобальных проблем современной и прошлой истории... Нам спорить с публицистикой не пристало, нам надо разобраться во всем самим. Только наша медлительность в изучении этих процессов и академическая осторожность позволяют публицистам с такой лихостью "проскальзывать" по темам, которые требуют десятилетий упорного осмысления и исследования»[69]. Подобный академический подход понятен, но в реальности публицистика уже давно стала не только продуктом, активно потребляемым массовым читателем (прежде всего — интернет-пользователями), но и все чаще включается в

---

[62] *Задорожнюк И.Е., Мощелков Е.Н.* Тихомиров Лев Александрович // Русская философия: Словарь. М., 1999. С. 514—515.

[63] История русской философии: Учебник для вузов / Редколлегия: *М.А. Маслин* и др. М., 2001. С. 320—321.

[64] *Назаров В.Н.* «Загадочный Лев Тихомиров» // Вопросы философии. 1992. № 5. С. 137—139.

[65] *Ладыженский (Лодыженский) Митрофан Васильевич* (1852—1917) — богослов, писатель-мистик, драматург, религиозный философ. Подробнее см.: Тульский краеведческий альманах. 2005. Вып. 3. С. 107—113. Автор ряда сочинений религиозно-философского содержания, получивших позитивный отклик современников и ряда иерархов русской Православной Церкви. См.: *Лодыженский М.В.* Мистическая трилогия. «Сверхсознание и пути к его достижению» (СПб., 1911), «Свет незримый» (СПб., 1912) и «Темная сила» (СПб., 1914); современное переиздание [М]., 1998. Т. 1—3.

[66] Л.А. Тихомиров. Письма к М.В. Лодыженскому / Предисловие, публикация и комментарии В.Н. Назарова // Вопросы философии. 1992. № 5. С. 140—144.

[67] *Карцов А.С.* Проблема личности и власти в творчестве Л.А. Тихомирова // Личность и власть в истории России XIX—XX вв. СПб., 1997; *Селиванова Г.И.* Некоторые проблемы политическо-правовой концепции Л.А. Тихомирова // Проблемы истории России: опыт государственного строительства XV—XX вв. Екатеринбург, 1998. Вып. 2; *Карнишин В.Ю.* Л.А. Тихомиров о проблемах российской государственности: из истории консерватизма второй половины XIX — начала XX в. // Актуальные проблемы политики и права. Пенза, 2001. Вып. 3; *Трифонов А.Г.* Монархия и империя в российской политической науке 90-х годов // Политическая наука. Вып. 3: Политическая наука современной России. М., 1999; *Цыганов В.И.* Л.А. Тихомиров об общем содержании монархической власти // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия Право. Нижний Новгород, 2000. Вып. 3; *Шерстюк М.В.* Одиночество Льва Тихомирова // Россия XXI. 2002. № 2; *Он же.* На краю истории. Эволюция религиозных взглядов Льва Тихомирова в 1900-е годы // Родина. 2010. № 1, и др.

[68] *Федосеева И.* Русский фонд души: Духовное завещание Л.А. Тихомирова // Домострой. 1991. № 17; *Булычев Ю.* Сверяясь с Россией. О жизни и творчестве Л.А. Тихомирова // Москва. 1992. № 2/4. С. 113—119; *Степанов А.Д.* «Я увидел и отвернулся...» (Лев Тихомиров о русской революции) // Вече: Альманах русской философии и культуры. СПб., 1994. Вып. 1. С. 95—105; *Кублановский Ю.* О публицистических мыслях Льва Тихомирова // Новый мир. 1998. № 11. С. 223—227; *Чурзин В.В.* Л.А. Тихомиров и парижская эмиграция // Вече: Альманах русской философии и культуры. СПб., 1998. Вып. 11. С. 32—55; *Афонский Л.Н.* Современная Россия и идея народной монархии // Москва. 2001. № 8. С. 126—142; *Тростников В.Н.* Он поправил самого Аристотеля // Русский дом. 2002. № 2. С. 36; *Скоркин С.* От Бога все труды его // Память. 2006. № 1. С. 2—7, и др.

[69] Великая французская революция и современность. Материалы международной научной конференции (23—24 ноября 1989 г.). М., 1990. С. 141.

историографические обзоры диссертаций. Отметим, что для оценки научного уровня работы сложно ориентироваться и по такому критерию, как место публикации статьи. Ведь важно не то, где опубликована статья, а ее содержание. Проблема в том, что наряду с добротными статьями (хотя бы и опубликованными в изданиях, далеких от вошедших в список «рекомендованных ВАК») в историографии, посвященной русскому консерватизму, все чаще встречаются ссылки на откровенную и весьма пристрастную (как pro, так и contra) публицистику. Не получим ли мы в итоге «троянского коня»?

Сейчас в рейтинге продаж лидируют сочинения на исторические темы, написанные публицистами, которые хватают интересную тему, выхолащивают, «выжимают», и, выстроив «сенсационную концепцию», бегут дальше. Выходит, по законам рынка, что, пока будут делать одно тщательно вычитанное издание документов, выйдет пять или десять изданий с кучей ошибок. Наука в принципе, и тем более наука гуманитарная — убыточна с точки зрения «делания денег», потому что эти работы, монографии, сборники документов, которые выходят, не будут приносить какой-то колоссальной коммерческой выгоды. Тиражи маленькие, переизданий, за редким исключением, не бывает. Публицист Владислав Гулевич отмечает: «Гуманитарная сфера действительно забыла о своем предназначении. Рынок медленно покоряет всех, и только у самых стойких хватает решимости отвергнуть житейский постулат римского плебса "хлеба и зрелищ!"... Если мы позабудем о духовности, о том, что человек, кроме желудка, имеет еще и душу, наше общество окончательно скатится в ту самую бездну, которая уже давно всматривается в нас так пристально»[70].

Возвращаясь к историографии, посвященной Тихомирову, отметим ряд статей, затрагивающих различные аспекты его социально-экономической, религиозной, научной и публицистической деятельности[71]. В 90-е и 2000-е годы появились работы, посвященные анализу его взаимоотноше-

---

[70] *Гулевич В.* Руины в душах наших // Час пик (еженедельник). 2010. № 8. http://www.newsland.ru/News/Detail/id/466909/.

[71] См.: *Верещагин В.Ю., Понежин М.Ю.* Философско-правовой анализ концепции монархической государственности Л.А. Тихомирова // Философия права. 2000. № 1; *Карцов А.С.* Проблемы личности и власти в творчестве Л.А. Тихомирова // Личность и власть в России XIX—XX вв. СПб., 1997; *Милевский О.А.* Л. Тихомиров о взаимоотношениях самодержавного государства и Православной церкви (1892—1905 гг.) // Вестник ТГПУ. 1997. Вып. 3. Серия: Правоведение, история; *Он же.* Из истории русско-китайских культурных связей: Л. Тихомиров и его роль в пропаганде православия в Китае в конце XIX — начале XX в. // Вестник ТГПУ. 1999. Вып. 1. Серия: Философия, история; *Он же.* Монархическая утопия Л. Тихомирова // Проблемы веры и современное социальное развитие России. Барнаул, 2002. Вып. 2; *Он же.* Православная составляющая в концепции «этической монархии» Л. Тихомирова // Теология и религоведение. Барнаул, 2001. Вып. 1; *Он же.* Теория «идеальной монархии» Л. Тихомирова: утопия или реальность // Эхо. Сборник статей по новой и новейшей истории Отечества. М., 2001. Вып. 5; *Он же.* Идеи Л. Тихомирова по преобразованию церковно-государственных отношений в духе теории «идеальной монархии» // Консерватизм в России и мире: прошлое и настоящее. Сборник научных трудов. Воронеж, 2001. Вып. 1; *Он же.* Л. Тихомиров и зубатовщина в Москве (1901—1903 гг.) // Актуальные проблемы региональных исследований. Барнаул, 2003. Вып. 3; *Он же.* Лев Тихомиров и Сергей Зубатов: из истории «полицейского социализма» // Актуальные проблемы региональных исследований: сборник научных и научно-методических трудов преподавателей, аспирантов и студентов кафедры регионологии Алтайского государственного технического университета. Барнаул, 2010. Вып. 10; *Петричко Ю.В.* Г.В. Плеханов и Л.А. Тихомиров: к истории взаимоотношений // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2007. Спецвыпуск № 1; *Попов Э.А.* Л.А. Тихомиров и Б.Н. Чичерин: спор оппонентов // Либеральный консерватизм: история и современность. М., 2001; *Он же.* Рабочий вопрос в неоконсервативной доктрине Л.А. Тихомирова // Социальная история и социальная работа. Научно-теоретическая конференция «Вторые межрегиональные научные чтения по актуальным проблемам социальной истории и социальной работы». Тезисы докладов и сообщений 24—25 мая 2001 г. Новочеркасск, 2001; *Он же.* Концепция «социального строя» Л.А. Тихомирова // Социальная политика России: история и современность. Материалы межрегиональной научно-теоретической конференции. Новочеркасск, 2000; *Ремнев А.В.* Крестный путь Льва Тихомирова // Исторический ежегодник. Специальный выпуск. Общественное движение в Сибири в начале XX века. Омск, 1997; *Репников А.В.* Л.А. Тихомиров — две грани одной жизни // Эхо. Сборник статей по новой и новейшей истории Отечества. М., 2001. Вып. 5; *Он же.* Лев Тихомиров: возвращение к истокам // Эволюция консерватизма: европейская традиция и русский опыт: Материалы международной научной конференции. Самара, 26—29 апреля 2002 года. Самара, 2002; *Станкова М.В.* Лев Тихомиров и перспективы возрождения монархии в современной России // Материалы Всероссийской научной конференции «Современные социально-экономические проблемы развития России». Омск, 1994; *Сухотина Л.Г.* Л.А. Тихомиров о взаимоотношении церкви и государства // Культура Отечества: прошлое, настоящее и будущее. Томск, 1995. Вып. 4; *Бренькова А.С.* Критика идеи демократии Л.А. Тихомировым // История идей и история общества. Материалы IX Всероссийской научной конференции. Нижневартовск. 2011, и др.

ний с другими представителями консервативных сил[72]. В частности, истории взаимоотношений Тихомирова и Леонтьева посвящены статьи Милевского, Репникова и Сергеева[73]. В ряде статей предприняты попытки анализа причин отхода Тихомирова от революционного движения (особо выделим монографию Г.С. Кана[74] и очерк Б.С. Итенберга[75]), хочется отметить высокий уровень этих публикаций, отходящих от идеологической зашоренности прошлых лет и позволивших более глубоко и взвешенно оценить поступки Тихомирова и в целом масштаб его личности, в действительности очень сложной и неоднозначной. В отдельных статьях А.В. Репникова рассматривается отношение Тихомирова-монархиста к социализму[76]. В 2008 г. статья о Тихомирове вышла в рубрике «Исторические портреты» журнала «Отечественная история»[77], а в 2011 г. — другая статья о нем вышла в журнале «Вопросы истории»[78].

В свете современного отечественного религиозного ренессанса заслуживает внимания обращение таких авторов, как Милевский[79], Репников[80], А.Р. Ефименко[81], С.М. Сергеев[82], А.Г. Трифонов[83] к религиозному аспекту в мировоззрении Тихомирова и его апокалипсическим изысканиям. Неоднократно высказываемая Репниковым мысль о том, что консервативные мыслители считали невозможным анализировать сущность самодержавия в отрыве от религиозных принципов, породила дискуссию. М.Д. Суслов полагает, что нет смысла анализировать монархизм русских консерваторов «в контексте их религиозных верований», поскольку «"религиозность" является довольно пустым и ничего не объясняющим термином»[84]. М.В. Головкина, наоборот, соглашается с актуальностью

---

[72] *Сергеев С.М.* Идеология творческого традиционализма в русской общественной мысли 80—90-х гг. XIX в. Дис. ... канд. ист. наук. М., 2002; *Он же.* Л.А. Тихомиров и лагерь русских традиционалистов в 90-е годы XIX века // *Тихомиров Л.А.* Христианство и политика // Составление, предисловие, комментарии, приложение С.М. Сергеева; подготовка текста: *С.М. Сергеев, А.В. Ефремов.* М., 1999. С. 606—615.

[73] *Милевский О.А.* Л. Тихомиров и К. Леонтьев: к истории взаимоотношений // Вестник Томского государственного педагогического университета. Томск, 1997. Вып. 1. С. 70—74; *Репников А.В.* Константин Леонтьев и Лев Тихомиров // Эхо. Сборник статей по новой и новейшей истории Отечества. М., 2000. Вып. 3. С. 7—16; *Сергеев С.М.* Тихомиров и Леонтьев // *Тихомиров Л.А.* Христианство и политика. С. 609—610.

[74] *Кан Г.С.* «Народная воля»: идеология и лидеры. М., 1997; *Милевский О.А.* К истории идейной эволюции Л. Тихомирова: последние годы эмиграции (1885—1888) // Проблемы отечественной и всеобщей истории. Томск, 1999; *Ремнев А.В.* (Идейная метаморфоза Льва Тихомирова) между революцией и самодержавием // Русский вопрос: история и современность. Омск, 1993, и др.

[75] *Итенберг Б.С.* «Почему я перестал быть революционером» // *Он же.* Российская интеллигенция и Запад: Век XIX. Очерки. М., 1999. С. 209—215.

[76] *Репников А.В.* Оценка социалистической перспективы в работах Л.А. Тихомирова // Общественная мысль и политические деятели России XIX и XX веков. Материалы научной конференции. 16—17 апреля 1996 г. Смоленск, 1996. С. 37—39; Он же. Л.А. Тихомиров о «заслугах и ошибках социализма» // Провинция России: тенденции, факторы и перспективы социокультурной динамики. Материалы круглого стола «Регионы России» III Международной Кондратьевской конференции. М. — Кострома, 1998. С. 131—133; *Он же.* Лев Тихомиров о социализме // Подмосковная правда. 1999. № 1. С. 3.

[77] *Репников А.В.* Лев Александрович Тихомиров // Отечественная история. 2008. № 2. С. 146—160.

[78] *Репников А.В.* Лев Александрович Тихомиров // Вопросы истории. 2011. № 4. С. 20—32.

[79] *Милевский О.А.* Религиозная историософия Л. Тихомирова // Актуальные проблемы региональных исследований: сборник научных и научно-методических трудов преподавателей, аспирантов и студентов кафедры регионологии Алтайского государственного технического университета. Барнаул, 2008. Вып. 8. С. 153—191; *Он же.* Текст Апокалипсиса в историософском наследии Л.А. Тихомирова // Человек — Текст — Эпоха. Томск. 2011. Вып. 4. С. 302—316.

[80] *Репников А.В.* Неизвестная мистическая повесть Л. Тихомирова // Эхо. Сборник статей по новой и новейшей истории Отечества. М., 1999. Вып. 1. С. 8—12; *Он же.* Л.А. Тихомиров — «схимник от самодержавия» // Россия и современный мир. 2002. № 3. С. 178—191; *Он же.* Лев Тихомиров — от революции к апокалипсису // Россия и современный мир. 1998. № 3. С. 189—198.

[81] *Ефименко А.Р.* Тема эсхатологии в социально-философских концепциях Л.А. Тихомирова // Историко-философская проблема: существо и типологическое многообразие. М., 1998. С. 74—80.

[82] *Сергеев С.М.* «Мои идеалы в вечном...» (Творческий традиционализм Льва Тихомирова) // *Тихомиров Л.А.* Монархическая государственность. М., 1998. С. 5—19.

[83] *Трифонов А.Г.* Апокалипсические элементы в мировоззрении Л.А. Тихомирова: эсхатологическая история России // Россия и новое время: Историческая традиция и проблемы самоидентификации. М., 1996. С. 141—143.

[84] *Суслов М.Д.* Новейшая историография российского консерватизма: его исследователи, критики и апологеты // Ab Imperio. 2008. № 1. С. 269—270. Представляется дискуссионным и следующее утверждение Суслова о том, что «большинство правых идеологов было далеко от теологических тонкостей и соглашалось на сделку с любым богом или

«изучения соотношений собственно православной основы взглядов и политических программ» русских консерваторов[85].

В целом можно точно указать, что все упомянутые нами работы дают новую точку отсчета изучению общественно-политических взглядов Льва Александровича и его практической деятельности, направленной на реализацию разработанной им программы государственно-правового усовершенствования русской жизни. В 2007 году исследователь из Екатеринбурга М.Н. Начапкин выпускает посвященную Тихомирову монографию[86]. В центре внимания автора в первую очередь находятся взгляды Тихомирова — «защитника самодержавия», которые в основном реконструируются им на основе опубликованных в последние годы сборников статей Тихомирова. В 2009 году вышла в свет монография братьев-исследователей А.В. Посадского и С.В. Посадского, посвященная философско-культурологическим взглядам Тихомирова[87].

Льву Тихомирову посвящено несколько диссертаций (Карцов А.С., Пролубников А.В., Ефименко А.Р., Смолин М.Б., Цыганов В.И., Тимохова Е.А., Чесноков С.В., Посадский С.В., Петричко Ю.В., Шестопалов С.В., Шерстюк М.В.)[88]. Из них особо хотелось бы выделить работу Чеснокова «Роль идейно-политического наследия Л.А. Тихомирова в русской общественной мысли и культуре конца XIX—XX веков»[89]. Она интересна попыткой исследователя воссоздать «целостный образ Тихомирова», вписав его в общекультурный контекст эпохи. Интересна и попытка Чеснокова, используя обширный массив опубликованных и архивных источников, объяснить внутренний мир Тихомирова, сложить из отдельных элементов мозаики целостную картину его жизни. При этом для Чеснокова важны все три периода жизни главного героя его исследования: революционный, монархический и религиозно-философский. Судьба Тихомирова для него еще и возможность исследовать феномен «ренегатства», а также обратиться к ряду тем, имеющих не столько исторический, сколько историософский и религиозно-богословский характер. Правда, проводя аналогии и сравнения, исследователь порой увлекается, и делает ошибочные выводы. В части работы, посвященной историографии он обнаруживает не существующую (во всяком случае, в том виде, в котором это

дьяволом ради спасения погибающей Империи... При чем же здесь православная догматика? Из настойчивых утверждений автора о связи политических концептов правых (например, "иерархия", "военная служба") с религией можно сделать иной вывод: идеологический и социологический портрет русского консерватора имеет заметный фундаменталистский оттенок. В любом случае, вопреки молчаливому восхищению (sic! — *А.Р., О.М.*) автора, именно религиозность правых была фактором слабости консервативного движения, ведь даже наиболее блестящие идеологи — Тихомиров, Леонтьев, П.Е. Казанский — не смогли обосновать монархизм с чисто рациональной точки зрения, без ссылок на божественные откровения, к которым так мало оставалось в то время доверия» // Там же. С. 270—271.

[85] См.: *Головкина М.В.* Научное творчество С.П. Шевырева в осмыслении и передаче религиозной традиции в историческом самосознании // Церковь в истории России. М., 2010. Сб. 9. С. 92.

[86] *Начапкин М.Н.* Малоизвестные страницы русского консерватизма. Л.А. Тихомиров: жизнь и мировоззрение. Екатеринбург, 2007.

[87] *Посадский С.В., Посадский А.В.* Лев Александрович Тихомиров: философско-культурологические искания. СПб., 2009.

[88] *Карцов А.С.* Политическая теория Л.А. Тихомирова. Автореф. дис. ... канд. полит. наук. СПб., 1998; *Пролубников А.В.* Концепция монархической государственности Л.А. Тихомирова. Автореф. дис. ... канд. полит. наук. М. 1998; *Ефименко А.Р.* Эволюция социально-исторических и философских взглядов Л.А. Тихомирова. Автореф. дис. ... канд. филос. наук. М., 2000; *Смолин М.Б.* Государственно-правовые идеи Л.А. Тихомирова. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2004; *Цыганов В.И.* Идея русского самодержавия и ее развитие в творчестве Л.А. Тихомирова. Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Нижний Новгород. 2000; *Тимохова Е.А.* Лев Тихомиров и русский консерватизм рубежа XIX—XX вв. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Самара, 2001; *Чесноков С.В.* Роль идейно-политического наследия Л.А. Тихомирова в русской общественной мысли и культуре конца XIX—XX веков. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Нижний Новгород. 2005; *Посадский С.В.* Философские основания культурно-исторических воззрений Л.А. Тихомирова. Автореф. дис. ... канд. филос. наук. СПб., 2006; *Петричко Ю.В.* Наследие Л.А. Тихомирова в отечественной историографии. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2007; *Шестопалов С.В.* Аксиология права в философии российского консерватизма: Л.А. Тихомиров, И.А. Ильин. Автореф. дис. ... канд. филос. наук. Тула, 2009; *Шерстюк М.В.* Л.А. Тихомиров: обретение религиозного мировоззрения. Дис. ... канд. ист. наук. М., 2010.

[89] *Чесноков С.В.* Роль идейно-политического наследия Л.А. Тихомирова в русской общественной мысли и культуре конца XIX—XX веков. Дис. ... канд. ист. наук. Нижний Новгород. 2005. Ранее, в 1998 году, исследователем была защищена дипломная работа о Тихомирове: *Чесноков С.В.* Лев Тихомиров по обе стороны баррикад. Дипломная работа. Нижний Новгород: ННГУ, кафедра социальной философии. 1998.

мыслится Чеснокову) традицию изучения консерватизма, и на основании допущенной ошибки с двумя разными вузами делается неверный вывод о своеобразной «группе» преподавателей, из МПУ исследующих консерватизм (А.Ф. Лосев, С.М. Сергеев, Репников)[90]. Еще один пример, когда на основе ошибочной посылки делаются неверные выводы. Чесноков цитирует запись из дневника Тихомирова от 5 марта 1915 года: «Собрались поговорить об определении *мистического*. Но не прочли даже составленной мной записки. О. Павел сразу свел вопрос на то, что не важнее определения, а нужно достигнуть *святости*. Никакими силами нельзя было довести разговора до дела. Так проговорили часа 3—4, и они ушли ни с чем, и я остался ни с чем. Думается мне, что о. Павел просто *не хочет* говорить. Почему? Вероятно, потому, что вопрос не решен для него, и он не хочет говорить необдуманно. Но меня он оставил с тяжелым чувством. Что вопрос этот нужен — в этом я остался при прежнем мнении. Но нужно ли, чтобы я этим занимался? Не должен ли я все *это* бросить, и думать только о молитве, об очищении *себя*? Он меня очень смущает. Конечно — он не "старец". Но однако — могло в нем говорить и некоторое прозрение о *личной моей* непотребности...»[91]. В оригинале дневника читаем: «Вечером были о. Павел Флоренский, Ф.К. Андреев и Новоселов. Собрались говорить об определении мистического. Но не прочли даже составленной мною записки. О. Павел сразу свел вопрос на то, что не важны определения, а нужно достигать *святости*. Никакими силами нельзя было довести разговоры до дела. Так проговорили часа 3—4, и они ушли ни с чем, и я остался ни с чем. Думается мне, что о. Павел просто *не хочет* говорить. Почему? Вероятно потому, что вопрос не решен для него, и он не хочет говорить необдуманно. Но меня он оставил с тяжелым чувством. Что вопрос этот нужен — в этом я остался при прежнем мнении. Но нужно ли, чтобы я этим заниматься? Не должен ли я все *это* бросить, и думать только о молитве, об очищении *себя*? Он меня очень смущает. Конечно — он не "старец". Но однако — могло в нем говорить и некоторое прозрение о *личной моей* потребности...»[92]. Трудный для расшифровки почерк Тихомирова объясняет, почему «потребность» была понята Чесноковым как «непотребность», что привело к ошибочным выводам. Оговоримся, что приводим данные примеры не для критики диссертации Чеснокова, которая, на наш взгляд (наряду с отличающимися высоким научным уровнем и тщательной проработкой историографии и источников диссертациями Костылева и Шерстюка), является одной из наиболее интересных диссертационных работ о Тихомирове. Опечатки и описки, при расшифровке рукописных текстов, неизбежны и, к сожалению, не миновали их в своих публикациях и авторы данной книги. Подобные примеры еще раз показывают всю сложность работы с архивными текстами Тихомирова[93].

В перспективе хотелось бы подготовить и издать с привлечением большого числа исследователей «Тихомировскую энциклопедию»[94]. Думается, что этот коллективный труд должен быть основан на

---

[90] Чесноков пишет в диссертации: «1999—2001 гг. отмечены двумя связанными между собой попытками комплексной оценки узкого круга крупнейших консерваторов, имевшей место среди преподавателей Московского педагогического университета (в котором до последних лет преподавал А.Ф. Лосев), это А.В. Репников и С.М. Сергеев» // *Чесноков С.В.* Роль идейно-политического наследия Л.А. Тихомирова в русской общественной мысли и культуре конца XIX—XX веков. Дис. ... канд. ист. наук. С. 34. Однако, А.Ф. Лосев, а впоследствии С.М. Сергеев преподавали не в Московском педагогическом университете (МПУ), а в Московском государственном педагогическом институте (МГПИ, впоследствии — МПГУ). Репников же никогда не был ни студентом, ни преподавателем упомянутого университета и закончил Московский педагогический университет — МПУ — бывший Московский областной педагогический институт (МОПИ). Именно в МПУ в 1999 году была опубликована монография Репникова «Консервативная концепция российской государственности», о которой пишет далее Чесноков. Т.о. исследователь перепутал московские университеты, что вполне объяснимо чередой переименований и удаленностью исследователя от столицы. Однако, в результате этой путаницы возникает несуществующая «группа» из «преподавателей Московского педагогического университета».

[91] *Чесноков С.В.* Роль идейно-политического наследия Л.А. Тихомирова в русской общественной мысли и культуре конца XIX—XX веков. Дис. ... канд. ист. наук. С. 181.

[92] ГА РФ. Ф. 634. Оп. 1. Д. 24. Л. 16 об. — 17.

[93] «Чтение и работа с дневниками Л.А. Тихомирова, чей почерк не отличается разборчивостью, представляется задачей не простой» // *Ефименко А.Р.* Л.А. Тихомиров: обзор документов личного фонда // Вестник архивиста. 1999. № 6. С. 63.

[94] Известны энциклопедии, посвященные Ф.М. Достоевскому, М.Ю. Лермонтову. Недавно вышла «Розановская энциклопедия», готовятся к выходу «Столыпинская» и «Виттевская». На этом фоне подготовка «Тихомировской энциклопедии» выглядит вполне реальной, тем более, что имеется и коллектив авторов, каждый из которых мог бы

позициях историзма и содействовать не «прославлению» Тихомирова-монархиста, или «разоблачению» Тихомирова-ренегата. В этой связи отметим и такой интересный факт — сторонниками апологетической трактовки жизни и взглядов Тихомирова было критически воспринято выступление Чеснокова в 1998 г. на конференции в Москве, приуроченной к 75-й годовщине со дня кончины Льва Александровича. Тех, кто не видет и не желает видеть подлинного Тихомирова, творя новый миф о нем, как о «правоверном» монархисте, возмутило подкрепленное ссылкой на документы, хранящиеся в ГА РФ, сообщение Чеснокова, о том, что Тихомиров в дни февральской революции «отказался от своих монархических идеалов, более того, написал заявление на получение денежного пособия в качестве ветерана русского революционного подполья»[95]. Впоследствии Чесноков опубликовал ряд интересных статей, посвященных Тихомирову, и вместе с игуменом Андроником (Трубачевым) осуществил публикацию избранных писем из переписки Тихомирова и П.А. Флоренского[96].

Следует отметить, что изучению идейно-теоретического наследия и деятельности представителей консервативных сил в России всегда значительное внимание уделяла западная историография, особенно английская и американская. Перу западных авторов принадлежит ряд работ по этой теме[97]. Одни из них написаны взвешенно, основываются на большом фактическом материале и представляют научный интерес. В этой связи особо выделим недавнюю статью Ричарда Пайпса, посвященную Льву Тихомирову[98]. Другие публикации, например, книга У. Лакера, предвзяты[99]. Факт в том, что такие исследования велись и ведутся очень активно. Личности Тихомирова, его революционному прошлому, последовавшей за этим эволюции вправо, его теории монархической государственности и последним годам жизни в советской России западные специалисты также уделяли внимание.

Интересна в научном плане статья К. Тидмарша «Лев Тихомиров и кризис русского радикализма»[100]. Основной тезис статьи в том, что Тихомиров по сути и не менял своих корневых взглядов, поскольку его идеалом (и в период революционной деятельности, и после) была сильная и независимая Россия, базирующаяся на национальных традициях и идеях социальной стабильности и справедливости. Объяснял же Тидмарш переход Тихомирова из одного лагеря в другой общим кризисом русского радикализма, который в конце 1880-х годов отчетливо проявился в кризисе народовольчества. Данное обстоятельство, по мнению автора, и способствовало разочарованию Тихомирова в преобразовательных возможностях революционного движения и повороту к монархизму. Характерна и достаточно традиционная для части западных исследователей русского консерватизма попытка увязать русский консерватизм (в данном случае — в лице Тихомирова) с тоталитарными идеологиями XX века. Более адекватным действительному положению вещей кажется вывод американского исследователя Эдварда Тадена, заметившего, что «консервативный национализм большее, чем прелюдия к неудач-

внести в проект свою долю участия и тем самым содействовать устранению отдельных неточностей в биографии Льва Александровича.

[95] *ТИТ.* Шаги // Завтра. 1998. № 40. С. 8. См. о конференции: Русский вестник. 1998. № 36/38. С. 1.

[96] Избранные письма из переписки Л.А. Тихомирова и П.А. Флоренского / Публикация игумена *Андроника (Трубачева), С.В. Чеснокова*, послесловие *С.В. Чеснокова* // Энтелехия. 2005. № 10. С. 90—105; См. также: *Чесноков С.В.* Л.А. Тихомиров и П.А. Флоренский в контексте исторического развития России // Там же. С. 22—33.

[97] *Лакер У.* Черная сотня. Происхождение русского фашизма. М., 1994; *Пайпс Р.* Россия при старом режиме. М., 1993; *Он же.* Русский консерватизм во второй половине XIX в. // Доклад на XIII Международном конгрессе исторических наук. М., 1970.

[98] *Пайпс Р.* Лев Тихомиров: революционер поневоле // Неприкосновенный запас. 2010. № 4. С. 116—153.

[99] Об ошибках в книге У. Лакера см.: *Репников А.В.* Русский консерватизм и современное мифотворчество: историографический аспект проблемы // Интеллигенция и мир. Российский междисциплинарный журнал социально-гуманитарных наук. 2008. № 3. С. 27—45; *Он же.* Русский консерватизм и современное мифотворчество // Ключевские чтения — 2008. Отечественная история и культура: единое пространство в прошлом, настоящем и будущем: Материалы Межвузовской научной конференции. Сборник научных трудов. М., 2008. С. 85—95. *Он же.* Русский консерватизм: фальсификации, ошибки, плагиат (историографический аспект проблемы) // Научное наследие А.Г. Кузьмина и отечественная история: Материалы Всероссийской научной конференции «Историческая память народа и духовно-нравственные основы личности», посвященной памяти и 80-летию со дня рождения проф. А.Г. Кузьмина, 17—19 сентября 2008 г. Рязань, 2009. С. 94—113.

[100] *Tidmarsh K.* L. Tikhomirov and a Crisis in Russian Radicalism // Russian Review. 1961. № 1. Vol. 20. P. 45—63.

ному русскому фашизму. Такие мыслители, как Апполон Григорьев, Самарин, Страхов, Данилевский и Леонтьев внесли важный вклад в интеллектуальную жизнь России 19-го века. Их исследования источников и основ русской культуры и общества открыли правду относительно России, которая ускользнула от многих их либеральных или радикальных соотечественников»[101]. Таден характеризует Тихомирова как оригинального русского мыслителя, продолжателя традиций славянофилов и почвенников, но, к сожалению, не подтверждает свои взгляды анализом общественно-политических воззрений мыслителя.

Есть еще несколько серьезных научных работ и статей. В статье Э. Глисона рассмотрены жизнь и взгляды Тихомирова в период его «ренегатства»[102]. Автор отмечает, что отступничество Тихомирова было одним из самых суровых бедствий, которые претерпела «Народная воля» в период, последовавший после убийства Александра II. Далее Глисон кратко характеризует жизнь Тихомирова, начиная от его рожденья, отмечая скудность информации о детстве (действительно, мы знаем об этих годах только из воспоминаний самого Льва Александровича). Обращаясь к влиянию на Тихомирова-подростка леворадикальной среды, исследователь делает вывод, что «крайняя приспособляемость» была отличительной чертой его характера. Далее следует пересказ основных событий, связанных с революционной деятельностью, арестом, заключением, судом и скитаниями по России. Описывая события, связанные с убийством Александра II, историк полагает, что Тихомиров был не совсем искренен, когда впоследствии категорически отрицал свою причастность к убийству. Далее следует рассказ о деятельности Тихомирова в эмиграции и произошедшем кризисе. По мнению автора, не только долги, болезнь сына и идейный кризис приводят Тихомирова к перемене своих взглядов. Он изначально не был убежденным радикалом, и власть сама, своими репрессиями ожесточала его. Его вера в революцию со временем начала проходить, требовалась другая вера. И он вернулся к молитве, и отошел от прежних идей. Вместо революции он обратился к эволюции. Однако, это не принесло ему счастья и он, прощеный и вернувшийся в Россию, жил и умер несчастным человеком. Карьера и отшельническая привязанность к работе не смогли заменить ему потерю возможности радоваться жизни. Роль Прометея оказалась невозможной для Тихомирова и его отречение стало частью человеческого кризиса; осознанием того, что он предан действительностью. Мнение автора о том, что высокие стандарты и требования революционного движения ослабили Тихомирова, представляется нам верным. Поставив «на революцию», выложившись, Тихомиров понял, что революция не придет в Россию. Он просто надорвался, рухнув, подобно Икару, с огромной высоты в бездну. Начались поиски новой роли и он поставил на «контрреволюцию», но и эта ставка, как он сам в итоге понял, оказалась проигранной.

Обращаясь к работам иностранных авторов, особое внимание хотелось бы обратить на исследование японского ученого, посвященное последним годам жизни Тихомирова и основанное в значительной степени на дневниковых записях самого Льва Александровича[103]. Харуки Вада высказал в своем труде несколько оригинальных, хотя и не бесспорных гипотез. В частности, на основе изучения последних дневниковых записей он обосновал тезис о том, что Тихомиров в конце жизни склонялся к признанию итогов двух революций 1917 г. Исследователь удачно выделил пессимистическое начало, присущее мировоззрению Тихомирова, приведя из дневника соответствующие отрывки. К сожалению, при цитировании им был допущен ряд неточностей и искажений (вполне объяснимых в силу объективных причин), попавших впоследствии и в русский перевод книги[104].

---

[101] *Thaden E.* Conservative nationalism in nineteenth-century Russia. Seatle: University of Washington press, 1964. P. 205.

[102] *Gleason Abbot.* The Emigration and Apostasy of Lev Tikhomirov // Slavic Review. 1967. Vol. 36. P. 414–429.

[103] *Wada H.* Lev Tikhomirov: His Thought in his years, 1913 – 1923. Tokyo, 1987; *Вада Харуки.* Лев Тихомиров: его духовный мир в последние годы жизни (1913–1923) // *Он же.* Россия как проблема всемирной истории. Избранные труды. М., 1999. С. 123–162.

[104] См.: *Вада Харуки.* Лев Тихомиров: его духовный мир в последние годы жизни (1913–1923); на стр. 132 – вместо «направлять на победное единство» следует читать: «к подобию единства»; на с. 138 – вместо «Страшная весть» – «Страшные вести»; на с. 141 – вместо «Коалиционное Правительство» – «Коалиционное Министерство» и т.д.

Однако, нельзя согласиться с высказанным предположением, согласно которому Тихомиров, как пишет Харуки Вада, «полагал, что монархию могло бы спасти убийство Николая II»[105].

Некоторые из работ иностранных ученых слабо введены в научный оборот. Это, в частности, диссертация фон Дюана Хардести «Лев А. Тихомиров и автократический принцип: исследование его консервативной философии», защищенная в 1974 году в университете штата Огайо, посвященная анализу книги Тихомирова «Монархическая государственность» и развитию его общественно-политических взглядов до 1912 года[106].

В постперестроечной России начинают активнейшим образом издаваться работы различных представителей отечественной консервативной идеологии. Переиздаются работы Тихомирова, подготовленные к публикации Смолиным. В 1997 году он осуществил публикацию книги Тихомирова «Религиозно-философские основы истории», которая вышла 5-тысячным тиражом в серии «Пути русского имперского сознания» как «приложение к журналу "Москва"»[107]. Оригинал рукописи хранится в ГА РФ, однако гриф архива или ссылка на него в издании отсутствуют, на что еще в 2000 году обратил внимание Чесноков[108]. Впоследствии книга неоднократно переиздавалась, и в 2007 году вышло 5-е издание[109]. Во вступительной статье указано, что «настоящее издание впервые печатается с большими дополнениями и выписками, которые Л.А. Тихомиров делал для написания самого текста "Религиозно-философских основ истории"»[110]. О том, что «книга выходит с приложением, значительно дополняющим предыдущие издания», мы узнаем еще дважды — из сообщения, помещенного рядом с титульным листом, и из аннотации[111]. Сообщается и о том, что издание осуществлено «по благословлению архиепископа Самарского и Сызраньского Сергия»[112]. Отсутствует только (в очередной раз) ссылка на ГА РФ и указание на то, откуда взяты и где хранятся книга и впервые публикуемые тихомировские записи.

В 1999 году С.М. Сергеевым впервые была опубликована повесть Тихомирова «В последние дни (эсхатологическая фантазия)»[113]. Работа была переиздана в 2004 году без ссылок на первую публикацию[114]. Вступительная статья Чеснокова «Лев Тихомиров. По обе стороны баррикад» взята с интернет-сайта, адрес которого приводится. Текст повести и комментарии Сергеева взяты из книги «Христианство и политика» без ссылок на первоисточник[115].

«Монархическая государственность» с 1992 года переиздавалась несколько раз, но, к сожалению, эти републикации были выполнены небрежно. Например, в переиздании, подготовленном историком Сергеевым,[116] «международные *процессы*» превратились в «международные *отношения*»; «население

---

[105] Там же. С. 137. «Думается, что автор в данном случае не до конца разобрался в сущности фразы» / *Итенберг Б.С.* Харуки Вада и его книга «Россия как проблема всемирной истории. Избранные труды» // Отечественная история. 2001. № 1. С. 133.

[106] *Hardesty Von Duane.* Lev A. Tikhomirov and the Autocratic Principle: A Study of His Conservative Thoughts. Ph. D. Dissertation. Ohio State University, 1974.

[107] *Тихомиров Л.А.* Религиозно-философские основы истории / Составитель, автор вступительной статьи М.Б. Смолин. М., 1997 (в данной монографии ссылки даются по этому изданию).

[108] «Издано М. Смолиным без ссылки на ГА РФ; см. ГА РФ, ф. 634, оп. 1. дд. 48—58» / *Чесноков С.В.* «Социология господства» Макса Вебера сквозь призму теории верховной власти Л.А. Тихомирова // Полис. 2000. № 2. С. 171. Развивая в своей диссертации эту тему, историк Чесноков пишет: «Книга была опубликована без ссылок на архив, как будто рукопись была найдена издателем на улице или упала с неба. Это тем более странно, что никаких запретов на публикацию со стороны ГА РФ на тот момент не было, и даже никакой оплаты за публикацию текста не потребовалось бы (необходимо было лишь поставить в известность дирекцию архива)» // *Чесноков С.В.* Роль идейно-политического наследия Л.А. Тихомирова в русской общественной мысли и культуре конца XIX—XX веков. Дис. ... канд. ист. наук. С. 37.

[109] *Тихомиров Л.А.* Религиозно-философские основы истории. 5-е издание, значительно дополненное. М., 2007.

[110] *Смолин М.Б.* Всеобъемлющий идеал Льва Тихомирова // Там же. С. 22.

[111] Там же. С. 2, 4.

[112] Там же. С. 4.

[113] *Тихомиров Л.А.* Христианство и политика. С. 393—538.

[114] Указано, что это «издание православного братства во имя Воздвижения Честного и Животворящего Креста Господня».

[115] *Тихомиров Л.А.* В последние дни. М., 2004.

[116] *Тихомиров Л.А.* Монархическая государственность. М.: ГУП «Облиздат», ТОО «АЛИР», 1998. Тираж 5 тысяч экземпляров.

Японии» в «населения Японии»; действие «исполнительной власти» в «*исполните* власти»; «*единение*» в «единство»; Московский уезд в «*узд*»; «важнее помнить» в «важные помнить»; «*возникшие* проекты» в «*возникающие*»; «права, которые *я не всегда* могу принять» превратились в «права, которые всегда могу принять» и т.д.[117]. Вполне понятно, что наличие подобных опечаток во многом обусловлено техническими сложностями при переводе текста Тихомирова на новую орфографию[118]. В 2004 году издательство «Библиотека Сербского Креста»[119], а в 2006 году издательство «Айрис-пресс»[120] выпустили «Монархическую государственность». По какому тексту осуществлена публикация 2004 года, в книге не указывалось. В издании 2006 года от издательства сообщалось, что «книга печатается по репринтному изданию Российского имперского союза-ордена (Санкт-Петербург, 1992)». Однако, в книге 1992 года[121] отсутствуют редакционные примечания к тексту Тихомирова, включенные непосредственно в тихомировский текст издания 2006 года. Эти примечания не принадлежат Тихомирову и совпадают с примечаниями С.М. Сергеева и З.Г. Антипенко к изданию «Монархической государственности» 1998 года[122]. В изданиях «Монархической государственности» 2004 и 2006 гг. воспроизводятся (без ссылок на первоисточник) примечания и указатель имен (сост. А.В. Ефремов) из издания 1998 года[123]. В 2010 г. в издательстве РОССПЭН в 118-томной серии «Библиотека отечественной общественной мысли» вышло подготовленное А.В. Репниковым издание «Монархической государственности»[124]. Публикатор сравнил текст непосредственно с оригиналом прижизненного издания Тихомирова и исправил ошибки, допущенные в предшествующих переизданиях. Таким образом, на сегодняшний день осуществленное А.В. Репниковым переиздание «Монархической государственности» можно считать наиболее аутентичным прижизненному изданию этой фундаментальной работы Тихомирова.

Фрагменты из дневника Тихомирова за 1883—1895 гг. публиковались в 1927 году[125], а в начале 30-х гг. в «Красном архиве» была помещена часть записей, относящаяся к периоду первой русской революции[126]. Комментарии к этой публикации носили самый общий характер, небрежность видна и в несовпадении заголовков[127]. Фрагменты дневника за 1901, 1905 и 1912—1917 гг. были помещены в 2002 году в сборнике, посвященном юбилею С.В. Фомина[128]. Две публикации, включавшие фрагменты

---

[117] Там же. С. 656, 622, 597, 557, 545, 539, 509, 470, 20.

[118] Нижегородский историк Чесноков отмечает: «Рецензия на это издание, называющаяся "Библия русского монархизма", в 2000 г. попала в сборник статей М.Б. Смолина "Очерки имперского пути", в который вошли вступительные статьи к книгам издаваемой им серии. Следует отметить, что, много и хорошо написав о "Монархической государственности", рецензент, к сожалению, даже не упомянул о ее издателе» // *Чесноков С.В.* Роль идейно-политического наследия Л.А. Тихомирова в русской общественной мысли и культуре конца XIX — XX веков. Дис. ... канд. ист. наук. С. 33—34.

[119] *Тихомиров Л.А.* Монархическая государственность. М.: Издательство «Библиотека Сербского Креста», 2004. Тираж 3 тысячи экземпляров.

[120] *Тихомиров Л.А.* Монархическая государственность. М.: Айрис-пресс, 2006. (Библиотека истории и культуры). Тираж 2 тысячи экземпляров.

[121] *Тихомиров Л.А.* Монархическая государственность. Российский имперский союз-орден. А/О «Комплект». СПб., 1992. Тираж 10 тысяч экземпляров.

[122] *Тихомиров Л.А.* Монархическая государственность. М., 1998.

[123] В первоначальном аннотированном указателе имен, составленном А.В. Ефремовым, встречаются ошибки в датах и написании имен, которые перекочевали в издания 2004 и 2006 гг. Например, Юрий Федорович Самарин стал Юрием Федотовичем // Там же. С. 656. Эта опечатка была воспроизведена в изданиях 2004 (С. 509) и 2006 гг. (С. 610).

[124] *Тихомиров Л.А.* Монархическая государственность. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. Тираж 1 тысяча экземпляров. Далее в нашей монографии все ссылки на «Монархическую государственность» (за исключением оговоренных) приводятся по этому изданию.

[125] См.: Воспоминания Льва Тихомирова / Пред. В.И. Невский, вступ. ст. *В.Н. Фигнер*. М.—Л., 1927. С. 154—438.

[126] См.: 25 лет назад. Из дневников Л. Тихомирова // Красный архив. М.—Л., 1930. Т. 1, С. 20—69; Т. 2. С. 47—75; Т. 3. С. 59—96; Т. 4/5. С. 103—147; Из дневника Л.А. Тихомирова // Красный архив, М., 1933, Т. 6. С. 82—128; Из дневника Льва Тихомирова (Период столыпинщины) // Красный архив. М., 1935. Т. 5. С. 120—159; Т. 6. С. 170—190; М., 1936. Т. 1. С. 162—191; Т. 2. С. 171—184. Далее в сносках при цитировании указывается название и том «Красного архива».

[127] Обращаем внимание на тот факт, что в одних случаях в названии публикации «25 лет назад» в подзаголовке значится — «из дневник***ов***», в других — «из дневни***ка***». Наличествуют и другие разночтения, например, в одних случаях в названии указано имя «Лев», в других — только инициал «Л»; подзаголовок в одних случаях — в скобках, а в других — без них.

[128] *Фомин С.В.* Из дневника Л.А. Тихомирова (Москва. 1901, 1905, 1912—1917 гг.) // ...И даны будут Жене два крыла.

за 1899—1904 гг., были подготовлены Г.Б. Николаевым[129]. В 2008 г. вышел в свет подготовленный А.В. Репниковым дневник Тихомирова 1915—1917 гг.[130] В ходе работы по данному проекту некоторые материалы дневника были введены историком в научный оборот в его публикациях[131]. Осуществленное Репниковым издание получило ряд положительных рецензий и откликов в научных журналах, периодической печати и интернет-изданиях[132].

Сборник к 50-летию Сергея Фомина. М., 2002. С. 556—626. К сожалению, при публикации текстов допущено несколько ошибок, что, как уже указывалось, не такая уж редкость, поскольку почерк Тихомирова сложен для расшифровки. Так, вместо слов «распространяются слухи о каких-то готовящихся избиениях или погромах то *политиков*, то евреев...» (Там же. С. 593) следует читать: «распространяются слухи о каких-то готовящихся избиениях или погромах то *поляков*, то евреев...» (ГА РФ. Ф. 634. Оп. 1. Д. 26. Л. 59). В предложении «Наглая спекуляция, общее мошенничество, какие-то непонятные скупки всего, от хлеба до железа, — наполняют тревогой» [*Фомин С.* Из дневника Л.А. Тихомирова (Москва. 1901, 1905, 1912—1917 гг.). С. 592] из текста публикации выпало словосочетание, отсутствие которого никак не отмечено, в отличие от других случаев, когда при сокращении текста это указывается. В первоисточнике читаем: «Наглая спекуляция, общее мошенничество, какие-то непонятные скупки всего, от хлеба до железа, — проводимые евреями, — наполняют тревогой» (ГА РФ. Ф. 634. Оп. 1. Д. 26. Л. 45).

[129] *Николаев Г.Б.* Эсхатологический триптих // Эсхатологический сборник. СПб., 2006. С. 296—358.

[130] Дневник Л.А. Тихомирова. 1915—1917 гг. / Руководитель проекта, составитель, автор предисловия, комментариев и примечаний *А.В. Репников*. М., 2008.

[131] Л.А. Тихомиров (1852—1923). Из дневника за 1915 г. / Публикация, предисловие и примечания *А.В. Репникова* // Философская культура. Январь — июнь. СПб., 2005. № 1. С. 105—148; Л.А. Тихомиров. Из дневника за 1916 г. / Публикация, предисловие и примечания *А.В. Репникова* // Философская культура. Июль — декабрь. СПб., 2005. № 2. С. 174—227; *Репников А.В.* «Если гибнет моя Россия...» (быт русского консерватора начала XX века по материалам дневника Л.А. Тихомирова) // Гуманитарный сервис: X Международная научная конференция «наука — сервису»: Материалы секций: «История и культура повседневности» и «Актуальные проблемы социально-гуманитарного сервиса». М., 2005. Кн. 3. С. 25—38; *Он же.* «Мы находимся в положении лодки, попавшей в водоворот...» (по страницам Дневника Л.А. Тихомирова) // Ставропольский альманах Российского общества интеллектуальной истории. Ставрополь, 2005. Вып. 7. С. 266—280; *Он же.* Лев Тихомиров: «Мои идеи отвергнуты и покинуты народом, Россией и человечеством» // Философия и будущее цивилизации: Тезисы докладов и выступлений IV Российского философского конгресса (Москва, 24—28 мая 2005 г.). М., 2005. Т. 5. С. 614—615; *Он же.* «От правых, кажется, я стою в стороне больше, чем от левых...»: дневник Л.А. Тихомирова // Сборник материалов научных конференций: «Консерватизм в России и мире: прошлое и настоящее», «Национальный вопрос в Европе в новое и новейшее время», «Правый консерватизм в России и русском зарубежье в новое и новейшее время». Воронеж, 2005. С. 94—113; *Он же.* Лев Тихомиров в Сергиевом Посаде (по страницам дневника) // Избранное... Самостоятельные творческие работы учащихся. Сергиев Посад. 2006. С. 3—6; Л.А. Тихомиров. Из дневника за 1916—1917 гг. / Публикация, предисловие и комментарии *А.В. Репникова* // Философская культура. Январь — июнь. СПб., 2006. № 3. С. 113—175; *Репников А.В.* «...Все идет к перевороту» // Россия XXI. 2006. № 5. С. 160—188; *Он же.* «...Силам добра нет доступа к власти» (Из дневников Льва Тихомирова) // Наш современник. 2006. № 4. С. 210—223; Лев Тихомиров. Из дневников 1915 — 1917 гг. / Публикация и комментарии *А.В. Репникова* // Наш современник. 2006. № 4. С. 224—229; Лев Тихомиров. Из дневников 1915 — 1916 гг. / Публикация и комментарии *А.В. Репникова* // Наш современник. 2006. № 5. С. 188—208; *Репников А.В.* Дневник Льва Тихомирова как исторический источник // Научное наследие академика Л.В. Черепнина и российская история в Средние века и Новое время во всемирном историческом процессе: материалы Всероссийской научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения академика Л.В. Черепнина, 90-летию основания и 75-летию со дня воссоздания Рязанского государственного педагогического университета им. С.А. Есенина, 17 — 19 ноября 2005 года. Рязань, 2006. С. 256—260; *Он же.* «...Силам добра нет доступа к власти» (по страницам дневника Льва Тихомирова) // Историческая газета. 2006. № 6. С. 10; *Он же.* Лев Тихомиров: «Царство русское кончено при Николае II» // Революция в России: история и современность: Материалы третьей межрегиональной научной конференции. Рязань, 2007. С. 22—27; *Он же.* «...Погибла Родина, погиб мой народ, моя церковь, мои политические идеалы...» (Лев Тихомиров и его дневник) // IV Сургучевские чтения: «Локальная литература и мировой литературный процесс»: Сборник материалов Международной научно-практической конференции. Ставрополь, 2007. С. 352—359; *Он же.* «Несчастный Царь, может быть — последний» (события Февральской революции на страницах Дневника Л.А. Тихомирова) // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2007. № 3. С. 31—40; *Он же.* Дневник Л.А. Тихомирова 1915—1916 гг. // Герценовские чтения 2007. Актуальные проблемы социальных наук. Сборник научных и учебно-методических трудов. СПб., 2008. С. 112—114; *Он же.* 1917 год на страницах неопубликованного дневника Льва Тихомирова // Музейный сборник. Вып. 11. Материалы научной конференции «Великий Октябрь и мировая цивилизация», проходившей 10 ноября 2007 г. М. 2008. С. 211—220; *Он же.* Лев Тихомиров в 1917 г. (по материалам дневника) // 1917 год: революции в России: Материалы Всероссийской научной конференции (30 ноября — 1 декабря 2007 г.). М., 2008. С. 277—282; *Он же.* «Моя судьба — злая насмешка» (революционер и консерватор Лев Тихомиров) // Гуманитарные науки в творческом вузе. Сборник статей. М., 2010. Вып. 3. С. 25—46.

[132] Перечислим некоторые из них по хронологии: Читаем вместе. Навигатор в мире книг. 2008. № 4. С. 20; [Рецензия] // Завтра. 2008. № 11. С. 7 (http://zavtra.ru/cgi//veil//data/zavtra/08/747/72.html); Пять книг недели // НГ—Ex Libris. 15 мая 2008. С. 1 (http://exlibris.ng.ru/five/2008-05-15/1_5books.html?mthree=3); *Минаков А.Ю.* Дневник Льва Тихомиро-

Даже беглый взгляд на историографию проблемы не оставляет сомнения в том, что до сих пор нет ни одной работы, в которой была бы предпринята попытка максимально охватить все стороны жизни и деятельности этого яркого и неординарного мыслителя[133], вскрыть внутренние и внешние причины его действий, вызывавших шок и недоумение у большинства его современников, как «слева», так и «справа».

Авторы данной книги давно занимаются изучением жизни и взглядов Тихомирова. О.А. Милевский защитил в 1996 году кандидатскую диссертацию, посвященную пути Льва Александровича «от революционности к монархизму». В 1997 г. А.В. Репников защитил кандидатскую диссертацию, посвященную взглядам русских консерваторов на вопросы государственного строительства. В ходе многолетней работы в поле зрения Милевского оказался Тихомиров-монархист, а Репникова в ходе научного поиска заинтересовала судьба Тихомирова-революционера[134]. Оба автора защитили докторские диссертации, расширяя круг своих исследований и, наконец, объединив усилия, решили представить читателю первый совокупный анализ биографии Тихомирова.

Отдельные сюжеты, подробно раскрытые в предлагаемой читателям монографии, ранее были апробированы в монографии Милевского «Лев Тихомиров: две стороны одной жизни» и моногра-

ва // Москва. 2008. № 7. С. 207—208; *Он же.* Дневник Л.А. Тихомирова. 1915 — 1917 гг. // Отечественные архивы. 2008. № 3. С. 109—111 (http://www.rusarchives.ru/publication/dairy-tihomirov.shtml); *Мраморнов А.И.* «Захолустный» свидетель уходящей России http://bogoslov.stack.net/text/311871.html; *Иванов А.А.* Революционер и консерватор // Литературная Россия. 2008. № 28. С. 13 (http://www.litrossia.ru/article.php?article=3116); *Карнишин В.Ю.* [Рецензия] // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2008. С. 171—173; *Соловьев К.А.* [Рецензия] // Исторический архив. 2008. № 6. С. 212—214; *Степанский А.Д.* [Рецензия] // Российская история. 2009. № 4. С. 191—192; *Мягкова Е.М.* [Рецензия] // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. 2008. № 4. С. 257—261; *Она же.* Научное издание дневников Л.А. Тихомирова. 1915—1917 гг. // Вестник архивиста. 2010. № 1. С. 305—308; *Селезнева Л.В.* [Рецензия] // Ab imperio 2010. № 1. С. 284—292; *Хатунцев С.В.* Хроники приближения к Мальстриму // Подъем. 2011. № 3. С. 207—210; *Он же.* [Рецензия] // Наш современник. 2011. № 4. С. 241—243.

[133] Характерно, что ряд современных апологетов Тихомирова вольно или невольно игнорирует в своих публикациях его деятельность как революционера, которая подается ими как не достойный анализа и изучения период своеобразных блужданий во тьме. Т.о. происходит очередное «препарирование» биографии Тихомирова, из которого на этот раз уже лепится «непоколебимый» православный монархист. Приведем только один образчик подобной трактовки: «Антирусский характер так называемых революционеров Тихомиров понял на личном опыте во время учебы в Московском университете. Здесь он обманом был вовлечен в революционный кружок, под его влиянием бежал за границу, где окончательно понял преступный, антинародный характер своих "соратников", ненавидивших историческую Россию, ее православную веру и традиционные устои. Порвав с преступниками, Тихомиров в 1888 обратился к Александру III...» // *Платонов О.А.* Предисловие // *Тихомиров Л.А.* Руководящие идеи русской жизни. М., 2008. С. 5. В качестве итога жизни Тихомирова Платоновым подается то, что он «в 1918 году признал "убийственную правду" Сионских протоколов» // Там же. С. 8. Из какого источника взята эта информация, Платонов не сообщает. В диссертации нижегородского историка встречаем «серьезные сомнения по этому поводу» // *Чесноков С.В.* Роль идейно-политического наследия Л.А. Тихомирова в русской общественной мысли и культуре конца XIX—XX веков. Дис. ... канд. ист. наук. С. 36—37. Тихомиров в «Монархической государственности» писал о «протоколах» скептически: «Само социалистическое государство — такая невероятность, что почти равна невозможности, по крайней мере если за это не возьмутся какие-нибудь "Сионские мудрецы" (если они не миф)» // *Тихомиров Л.А.* Монархическая государственность. С. 684. В 1907 г. Тихомиров откликнулся на появление «Протоколов», поместив в «Московских ведомостях» «редакционную статью эсхатологического характера» под заголовком «Ганнибал у ворот». Французский исследователь П.-А. Тагиефф полагает: «Быть может, поводом для ее написания стало издание Бутми, появившееся в 1907 г.» // *П.-А. Тагиефф.* Протоколы сионских мудрецов. Фальшивка и ее использование. М., 2011. С. 62. Писатель Ю.В. Давыдов уточняет, что Тихомиров «сомневался в подлинности "Протоколов"... Статья о Ганнибале у ворот — отклик, отзыв на "Протоколы сионских мудрецов". Христианский отклик, эсхатологический, предвестие конца времен» // *Давыдов Ю.В.* Бестселлер. С. 396. В письме Тихомирова к П.А. Флоренскому от 17 апреля 1914 г. тема получает развитие: «Еще сообщу Вам, что французские антимасоны считают апокрифом столь популярные у нас "Протоколы Сионских мудрецов". У меня эти протоколы имеются, между прочим в *первом* [издании, — *авт.*]. То есть без последующих легких подрисовок. Если когда-нибудь вздумаете просмотреть, то могу даже дать *Вам*, хотя на самое краткое время и под заклятиями. Апокриф или нет, но книжка уже не находимая, почти исчезнувшая. А я и вообще не выпускаю книг из комнаты, тем более редких» // Избранные письма из переписки Л.А. Тихомирова и П.А. Флоренского. С. 97.

[134] См.: *Милевский О.А., Репников А.В.* Тихомиров Лев Александрович // Общественная мысль Русского зарубежья: Энциклопедия. М., 2009. С. 543—547; *Они же.* Опыт создания политической биографии Л.А. Тихомирова как пример исторического исследования // История идей и история общества: Материалы VIII Всероссийской научной конференции (г. Нижневартовск, 15 — 16 апреля 2010 года). Нижневартовск, 2010. С. 182—184.

фии Репникова «Консервативные концепции переустройства России»[135]. Однако, важно отметить, что монография, которую вы держите в руках, представляет собой совершенно *самостоятельное* научное исследование.

Надеемся, что эта книга станет своеобразным «ключом» к пониманию мировоззрения Льва Александровича. В монографии предпринята попытка рассмотреть оба «круга» его жизни и представить читателю свою точку зрения на эволюцию и развитие его мировоззренческих установок, определявших его поступки. Пройдя долгий и извилистый путь, герой нашей книги старался, насколько это было возможно, всегда оставаться честным и перед собой, и перед своими товарищами. Эпиграфом к его судьбе можно поставить строки из стихотворения русского поэта Николая Рубцова:

До конца,
До тихого креста
Пусть душа
Останется чиста![136]

Удалось ли Тихомирову сохранить душевную чистоту, или нет, и с чем он пришел к «тихому кресту» — судить читателю. Авторы книги, рассчитывая вернуться в дальнейшей научной работе к изучению жизни и взглядов Тихомирова, подводят этой монографией определенный итог своей научной деятельности, и выражают признательность за помощь в работе: доктору исторических наук Сухотиной Людмиле Григорьевне, кандидату исторических наук Мягковой Елене Михайловне; Репниковой Любови Константиновне, сотрудникам архивов и библиотек, в которых работали авторы, а также Российскому гуманитарному научному фонду и издательству «Academia».

---

[135] См. рецензии и отклики: *Белов А.М.* Консервативные представления о переустройстве России // Светочъ. Альманах. Кострома, 2008. № 4. С. 145—149; *Гагкуев Р.Г.* Уроки русского консерватизма // Университетская книга. 2008. № 5. С. 92—93; *Камнев В.М.* [Рецензия] // Берестень: философско-культурологический альманах. Великий Новгород, 2008. № 1. С. 394—396; *Макаров В.Г.* Русский консерватизм — из прошлого в будущее // Литературная Россия. 2008. № 7. С. 4; *Он же* [Рецензия] // Новая и новейшая история. 2008. № 5. С. 238—241; *Он же* [Рецензия] // Гуманитарный вестник. 2010. № 1. С. 186—191; Читаем вместе. Навигатор в мире книг. 2008. № 3. С. 19; *Михайлова Е.М.* [Рецензия] // Вестник Чебоксарского кооперативного института. 2008. № 2. С. 236—238; *Шевырин В.М.* [Рецензия] // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 5: История. Реферативный журнал. Центр социальных научно-информационных исследований. Отд. истории. М., 2008. № 4. С. 53—59; *Шульгин В.Н.* [Рецензия] // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2008. Т. 10. № 4 (октябрь — декабрь). С. 1295—1299; *Он же.* О сохранении социума и государства // Москва. 2009. № 1. С. 196—202; *Васьков М.* [Рецензия] // Ab imperio. 2009. № 3. С. 579—587; *Галкина Е.С.* [Рецензия] // Славяноведение. 2009. № 3. С. 93—96; *Она же* [Рецензия] // Рязанский историк. 2009. № 9. С. 104—108; *Зверев В.В.* [Рецензия] // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. 2009. № 4. С. 263—266; *Минаков А.Ю.* [Рецензия] // Вопросы истории. 2009. № 3. С. 170—171; Родина. 2010. № 6. С. 14.

[136] *Рубцов Н.М.* Улетели листья... М., 1998. С. 281.

Глава I

ДЕТСТВО И ЮНОСТЬ (1852–1869)

> Что мир развивается революциями — это было в эпоху моего воспитания *аксиомой*, это был *закон*. Нравится он кому-нибудь или нет, *она* придет в Россию, уже хотя бы по одному тому, что ее еще не было; очевидно, что она должна прийти скоро.
>
> *Тихомиров Л.А.*[1]

Жизнь семьи Тихомировых во второй половине XIX в. оказалась тесно связанной с освоением западного Кавказа. Впрочем, первоначально отец будущего революционера, а затем и монархиста, Александр Александрович Тихомиров и не помышлял о подобном. Он родился 8 сентября 1818 года в деревне Ильинке под Тулой, в семье, принадлежавшей к старинному роду, имевшему не одно поколение священнослужителей. Сам он также окончил курс Тульской духовной семинарии, но в дальнейшем, сохраняя в сердце искреннюю веру в Бога, Александр Александрович стезю священнослужителя так и не выбрал. Напротив, он поступил в Московскую медико-хирургическую академию, которую в 1840 году блистательно окончил с золотой медалью. Его медицинская карьера пошла по военному ведомству. Он был направлен военным врачом на Кавказ, и именно с этим краем связана вся жизнь семьи Тихомировых. Там родились и выросли все их дети, там же они приписаны к дворянскому обществу северного Кавказа[2].

Мать Льва Тихомирова Христина Николаевна, урожденная Каратаева, родилась в 1829 году в Бессарабии, в городе Бендеры. После смерти родителей она воспитывалась на казенный счет в Керченском Кушниковском институте. Христина Николаевна отличалась истинной религиозностью, даже в чем-то религиозной экзальтацией. «Однажды она вздумала провести великий пост на хлебе и воде, долго исполняла это, исхудала, готова была свалиться, когда начальство, дознавшись, наконец, в чем дело, приказало прекратить это самоумерщвление»[3]. В Геленджике Христина Николаевна оказалась, переехав жить к своей сестре Варваре, которая вышла замуж за врача Андрея Павловича Савицкого, человека, по характеристике Льва Тихомирова, образованного, много читавшего, следившего за движением общественной мысли в России и Европе. Он являл собой тип человека пореформенной эпохи, сторонника освобождения крестьян, земских учреждений, читал, хотя и не во всем одобрял, А.И. Герцена[4], но при этом всегда и во всем требовал порядка и дисциплины. «В семейной жизни, оставаясь при той же вежливости и приличии, он переходил немножко в деспотизм и держал свой дом в большой строгости»[5].

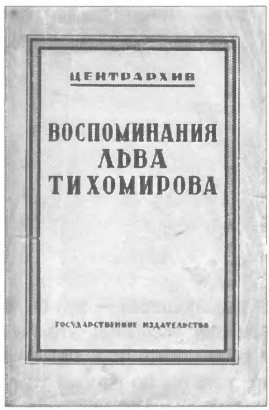
[1] *Тихомиров Л.А.* Критика демократии / Составитель, автор вступительной статьи и комментариев *М.Б. Смолин.* М., 1997. С. 93.

[2] Воспоминания Льва Тихомирова. С. 12.

[3] Там же. С. 16.

[4] Характерно, что Лев Тихомиров тоже «очень любил А.И. Герцена и оставил о нем, в частности, следующие проникновенные строки: "А.И. Герцен принадлежит к числу тех гениальных натур, творения которых никогда, в сущности, не умирают <...> Мы не имеем лучшего истолкователя русской жизни, не имеем другого писателя с таким глубоким пониманием и жизни вообще"» // *Кан Г.С.* «Народная воля»: идеология и лидеры. С. 145–146.

[5] *Тихомиров Л.А.* Тени прошлого. С. 35.

Книга была напечатана в 1927 году, предисловие написал В. Невский, вступительную статью В. Фигнер

В августе 1847 года состоялось венчание Христины Николаевны и Александра Александровича, и уже в 1848 г. родился первенец — Владимир. После него был еще сын Лев, названный так в честь героя Кавказской войны, генерала Льва Львовича Альбранда, но второй сын Тихомировых умер в младенчестве. Его имя унаследовал родившийся 19 (31) января 1852 г. мальчик — герой нашей книги. Не последнюю роль здесь сыграли настоятельные просьбы брата Владимира, обрадовавшегося, что в семье опять «есть Лева», и тот факт, что 18 февраля — день Льва, папы Римского. Если быть мистиком, то можно считать, что в течение всей своей жизни Лев Александрович играл не свою роль, т.к. получил чужое имя. По семейным преданиям, перед его рождением мать увидела во сне святителя Митрофана Воронежского, благословлявшего ее, и хотела назвать сына в его честь. В дальнейшем Лев Александрович носил на своей груди образок святого Митрофана и был убежден, что этот знак играет особую роль в его жизни[6]. В октябре 1853 родилась сестра Мария, последний ребенок в семье. В раннем возрасте Лев был очень болезненным мальчиком, страдал сильными головными болями, которые удалось излечить с помощью отца.

Первые два года жизни маленький Лев и его семья провели в Геленджике в суровой обстановке армейского гарнизона, окруженного со всех сторон враждебными черкесскими племенами. До окончательного усмирения Кавказа было еще очень далеко, и семья жила практически в прифронтовой полосе. Прекрасная суровая природа Кавказа, пропитанная духом войны с непокорными горцами, рождающая постоянное чувство опасности и напряжения, волновала романтическое воображение подрастающего мальчика. Постоянные контакты с офицерами действующей Кавказской армии сформировали в будущем горячего русского патриота. Вот как он сам вспоминал об этом: «Жизнь на Кавказе была проникнута глубоким смыслом, гораздо более, чем в любой другой области России... Тут человек сознавал, что он недаром живет на свете, а совершает некоторую хотя бы и малую долю великого дела. Если бы спросить жителей любой губернии, для чего они существуют на свете, они бы очень затруднялись объяснить это. Но старый кавказец знал, для чего он живет, знал, что исполняет великую национальную и культурную роль в трудном, непрерывном подвиге, в сложной непрестанной борьбе с природой и людьми. Оттого-то старые кавказцы и были такими патриотами своего края. Он был их детищем; своими трудами и нервами они достраивали здесь Россию, созидали новую могучую ее окраину, где разнородные туземные племена приобщались к культурной жизни под гегемонией России...»[7].

Начало Крымской кампании в 1853 г. привело к эвакуации семей военных из Геленджика, произошедшей в марте 1854 г. Мать и детей отправили в Керчь, где они стали жить в семье А.П. Савицкого. Причем переезд в Керчь по морю со всеми атрибутами военного времени и пережитое острое чувство опасности запали в память даже двухлетнего ребенка. Но это было лишь начало скитаний. В Керчи свирепствовала холера, неприятельские корабли барражировали по всему Черному морю и подходили к городу. Обстановка в районе самой Керчи также оказалась крайне неспокойной. Дело в том, что, кроме русского города Керчи и греческого поселения Еникале, все остальное пространство занимали татары, которых русские боялись больше, чем турок. Осознавая всю тревожность ситуации, Савицкий как глава семьи принял решение переехать из Керчи в глубь страны. Решили перебираться к родственникам Савицкого в Нежин. В мае 1854 г. семьи Тихомировых и Савицких погрузились на греческое судно, шедшее в Мариуполь, чтобы оттуда уже ехать в Нежин. Однако по пути следования Христина Николаевна решила остаться с детьми в немецкой колонии Грунау, попечителем которой был

[6] *Тихомиров Л.А.* Тени прошлого. С. 24. См. также: *Чесноков С.В.* Святитель Митрофан Воронежский и тайна материнского благословения Льва Тихомирова // Трибуна русской мысли. 2002. № 2. С. 94—102.

[7] Там же. С. 26.

барон Штемпель, тепло принявший семью Тихомировых и вникнувший в их непростое положение.

Жизнь в хорошо обустроенной немецкой колонии оказалась достаточно дешева, а для детей приятна разнообразными развлечениями и впечатлениями от пребывания на новом месте. Главной темой разговоров взрослых оставалась война и героическая оборона Севастополя. Только беспокойство за судьбу мужа и отца вносило разлад в довольно размеренное течение жизни семьи Тихомировых. «Отец не тревожил маму в письмах рассказами об обстановке своей лазаретной работы, — вспоминал Тихомиров. — Но в немецких колониях прекрасно знали положение врачей на театре военных действий, и мама ни на один день не была уверена, что остается еще в живых он, единственная поддержка всей семьи. Только горячая вера спасла ее, только в молитве находила она успокоение»[8]. Судьба хранила Александра Александровича, невзирая на все опасности в период военной кампании, он не пострадал, неся службу в Феодосийском отряде в самое трудное время — с 16 сентября 1854 г. по 26 февраля 1855 г., и за это получил орден Анны II степени[9]. Наконец, 5 июня 1856 г. А.А. Тихомирова прикомандировали к Ейскому военному госпиталю, и семья воссоединилась вновь.

Именно в спокойном Ейске, на берегу Азовского моря, Тихомировы наконец зажили полноценной жизнью. В этот период начинают закладываться и основы характера Льва Александровича. Попытаемся рассмотреть и глубже разобраться, какие же внутренние и внешние процессы влияли на формирование его внутреннего «я». Несомненно, что в эти годы первостепенное влияние на становление подростка оказывало семейное окружение.

Обстановка в семье рисуется достаточно демократичной для того времени. Отец проявлял себя как истинный глава семьи, предпочитающий воздействовать на своих домочадцев не гневом и окриками, а надменным спокойствием и хладнокровием, чем и создал себе твердый авторитет для всех. Дети никогда не знали мер физического воздействия, но зато с самого младшего возраста им «внушали», что они должны вести себя благородно, то есть «не лгать, не воровать, не браниться»[10]. Позже Тихомиров указывал: «Это настойчиво развиваемое чувство чести меня потом сильно воздерживало в жизни от дурных поступков. Выучился я потом в гимназии и браниться, и лгать, но всегда, всю жизнь останавливался с отвращением от всякого соблазна сделать "подлость"»[11]. Мать ставила отца в пример детям, всегда подчеркивая его честность и неподкупность. Да и сам глава семьи всеми своими поступками в течение жизни доказывал, что дети могут гордиться отцом. Семья хотя и не бедствовала, но всегда жила очень скромно. Александр Александрович доходов от частной практики почти не имел, как напишет впоследствии Тихомиров, «его очень ценили как врача, и от больных не было отбоя, но получал он с них гроши. С людей сколько-нибудь бедных он принципиально ничего не брал, а богатые платили, сколько вздумается и вообще очень скупо, потому что размеры гонорара не имели никакого влияния на его врачебное усердие и внимательность»[12]. Лев Александрович также отмечал: «Вообще, отец был большим идеалистом в отношении своих обязанностей и смотрел так, что он должен оказать помощь каждому больному. В результате его все любили и уважали, а денег не давали»[13]. Зато, когда Александр Александрович умер, его провожал на кладбище весь Новороссийск, а улицу, на которой жила его семья, самовольно народ переименовал в Тихомировскую «и так упорно, что в конце концов даже и на официальных планах бывшая Джубская улица

---

[8] *Тихомиров Л.А.* Тени прошлого. С. 69.

[9] Там же. С. 68. Лев Тихомиров перечисляет награды отца: «Покойный отец был кавалер орденов Анны 3-й степени, Станислава 3-й степени, Станислава 2-й степени с императорской короной, Анны 2-й степени с императорской короной, Владимира 4-й степени, Владимира 3-й степени, имел знаки отличия беспорочной службы, бронзовую на Андреевской ленте медаль в память войны 1854—1865 годов, серебряную за покорение Западного Кавказа, темно-бронзовую в память войны 1877—1878 годов и железный Кавказский крест» // Там же.

[10] Там же. С. 77.

[11] Там же.

[12] Там же. С. 25.

[13] Там же.

Ларс. Военно-грузинская дорога. Гравюра

стала именоваться Тихомировской»[14]. Как видим, перед нами предстает образ глубоко порядочного человека. Типичный чеховский образ провинциального врача, готового откликнуться на чужую беду и не трепещущего перед «золотым тельцом», целью которого было желание вырастить и воспитать детей порядочными, честными и благородными людьми. Вместе с тем родители считали, что дети должны получить хорошее образование.

Учить детей, в том числе Льва, начали очень рано. Кроме «нелюбимого» им письма, обучали также арифметике, грамматике, закону Божьему. В семье царил культ книги. Дети запоем читали русские книги и рано перешли к повестям и романам. «И отец, и мать, — подчеркивал Тихомиров, — относились к книгам с преувеличенным доверием и полагали, что никакая книга не повредит, что хорошее останется, а дурное само отскочит. Они не знали еще, как могуча книга в прививке именно дурного и как много она подорвет из того, что выращивало в нас их воспитание»[15]. Когда Льву исполнилось 7 лет, отец выписал для него довольно большую библиотеку по всем отраслям знаний — от истории до химии. Единственный пробел в организации семейного обучения касался преподавания иностранных языков. «Хотя нас учили по-французски, — вспоминал позже Тихомиров, — и мы знали несколько ходячих разговорных фраз, однако читать французские книги никто из нас не мог»[16]. В предгимназические годы Лев был очень верующим ребенком: сказывалось влияние матери.

Карьера отца, остававшегося на службе, во многом определяла жизнь и быт семьи Тихомировых. Так, в 1861 г. Александр Александрович получил назначение на должность главного лекаря Темрюкского военного госпиталя. Семья вновь стала готовиться к переезду, только старший сын, одиннадцатилетний Володя, остался пансионером в Ейской гимназии.

В отличие от Ейска Темрюк был типичным захолустным провинциальным городком, славившимся только своими рыбными промыслами. Но для детей место было благодатнейшее. Стоящий в дельте реки Кубань, изобиловавшей большими лиманами, город давал возможность детворе много времени проводить на свежем воздухе. Наиболее популярным развлечением являлась, конечно, рыбалка. Столь естественная обстановка, удаленность от центров урбанизации чрезвычайно благоприятно действовали на подростка, с детства росшего болезненным и физически малоразвитым. В этих местах застал Тихомирова и манифест 19 февраля 1861 г. Он отмечал, что данное событие мало обсуждалось в городе, где не было крепостных, а в душе девятилетнего мальчика, даже не знавшего, кто такие «крепостные» и «помещики», и вовсе не оставило никакого следа. Гораздо более ярким фактом для него тогда явился переезд вместе с семьей в военный госпиталь Константиновского укрепления, иначе говоря — в Новороссийск. Переезд семьи в Новороссийск совпал с акцией правительства по изгнанию черкесов с западного Кавказа. «Все самые горячие годы изгнания горцев прошли, таким образом, перед нашими глазами. При нас же началось и преобразование края сначала на полугражданский, а потом и в общегражданский лад», — отмечал позже Тихомиров[17].

Окончательное покорение Кавказа в 1864 г. оказалось для Тихомирова знаменательным и в другом отношении: в этом году он поступает в гимназию, сразу во 2-й класс, и впервые надолго расстается с семьей. Ближайшая от Новороссийска гимназия находилась в Керчи. Там же жили родственники Тихомировых Савицкие, под опекой которых он был, хотя жил отдельно. Таким образом, в 12 лет Лев Александрович получает первый опыт самостоятельной жизни. Первоначально

[14] *Тихомиров Л.А.* Тени прошлого. С. 25.
[15] Там же. С. 78.
[16] Там же.
[17] Там же. С. 140—141.

Александр II

обстановка гимназии подавляла застенчивого мальчика: «Обстановка чужая меня пугала и подавляла. Когда мама первый раз привела меня в гимназию, шумная толпа учеников... меня ошеломила»[18]. Описывая свои впечатления от начала гимназической жизни, Тихомиров позже подчеркивал: «Такой тоски я, кажется, никогда в жизни больше не испытывал, даже когда попал в тюрьму III отделения»[19].

С ощущения горечи расставания с домом началось его шестилетнее пребывание в керченской Александровской гимназии. В ней он из застенчивого подростка превратился в бойкого, самоуверенного юношу, мыслящего крайне радикально. Керченская Александровская гимназия, как и большинство учебных заведений подобного рода, находилась тогда в стадии преобразования. Ее создали буквально накануне поступления Тихомирова из керченского уездного училища, поэтому все бывшие «уездники» остались в гимназии, в низших классах. Таким образом, первое время состав гимназических классов являл собой очень колоритное зрелище. За партами совместно с 11—12-летними детьми сидели 17—18-летние юнцы, пропитанные запахом табака, а иногда и пьющие. Невысокой оказалась и подготовка преподавателей. Целый ряд учителей, в том числе преподаватели французского, латинского и греческого, отвратительно знали даже русский язык, что затрудняло понимание и усвоение материала. Уж не отсюда ли удивительно слабая языковая подготовка Тихомирова, в дальнейшем так осложнившая его жизнь в эмиграции? На проблемы с языками он неоднократно жалуется и в дневниковых записях[20].

Как и большинство учебных заведений подобного рода, Александровская гимназия вскоре стала рассадником нигилизма и свободомыслия, подарив России, кроме Тихомирова, и других крупных революционеров. В ней на год младше обучался А.И. Желябов, будущий лидер «Народной воли», кстати, окончивший курс с серебряной медалью. В эту же гимназию чуть позже в старшие классы был переведен М.Н. Тригони, также ставший членом Исполнительного Комитета (далее ИК, — *авт.*) «Народной воли».

Пребывание в гимназии психологически раскрепостило Тихомирова, превратив из домашнего мальчика в юношу с независимыми суждениями. Тем не менее, подобное превращение, да еще и в обстановке минимального контроля со стороны семьи, толкнуло его по пути искания всевозможных острых впечатлений и сомнительных удовольствий. Но сказывался хороший фундамент домашнего воспитания, хотя в целом гимназисты вели довольно разгульную жизнь, а в первые годы обучения Тихомирова, как бы по наследству от уездного училища, доходили и до буйства, участвуя в уличных стычках. С течением же времени и под влиянием притока юношей из порядочных семей лицо гимназии менялось. Гимназистов хорошего поведения и воспитания стали охотно принимать в обществе. Все чаще они посещали вечера, ухаживали за барышнями, даже проникали на закрытые для гимназистов карнавалы — все это отвлекало их от улицы и сомнительных удовольствий.

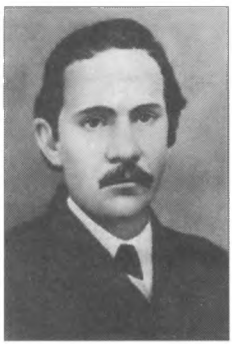
Издержками такого рода свободы вскоре явилось иное обстоятельство. Наиболее интеллектуально развитые гимназисты пубертатного возраста на волне невиданной ранее либерализации стали увлекаться антирелигиозными и противомонархическими сочинениями как иностранного, так и отечественного происхождения, благо в середине 1860-х годов недостатка в литературе подобного рода не было. Шестидесятые годы в истории России были не только периодом форсированного становления капиталистических отношений, но и эпохой активной литературной полемики между публицистами из консервативного лагеря, возглавляемого М.Н. Катковым, и представителями демократически настроенной печати — журналами «Современник» и «Русское слово» — по поводу дальнейшего развития страны.

---

[18] *Тихомиров Л.А.* Тени прошлого. С. 152.

[19] Там же.

[20] Характерно и наличие ошибок в написании им французских слов, встречающееся в дневнике.

П. Н. Ткачев

Ожесточенные литературные дискуссии стали символом раскола в русском обществе относительно оценки результатов реформ Александра II. Ко всему прочему резкие перемены, произошедшие в государстве, не могли не сказаться и на общественной жизни, очнувшейся от спячки николаевского царствования.

Отметим, что все изменения в социально-экономической сфере России укладывались, хотя и с опозданием, в общую схему развития европейского континента, получившую название «революция модерности»[21]. Олицетворением ее триумфа в XIX в. стало торжество научного знания и вера в «религию прогресса», ставшего выразителем этого явления[22]. В свою очередь ориентация на торжество точной науки и техники привела к изменению взглядов в европейском мыслящем социуме на роль и значение философии от ее игнорирования в старых классических формах до увлечения новыми философскими теориями.

Это распространенное интеллектуальное настроение отмечал в своих статьях активный участник идейных исканий тех лет П.Н. Ткачев: «Философия, пропагандируемая гг. Юркевичами, Соловьевыми, Кавелиными и им подобными, никого не прельстит и не огорчит. Самый невзыскательный человек отшатнется от этой дряблой, заживо разлагающейся старушки, начиненной схоластическими и спиритическими бреднями, насквозь пропитанной запахом деревянного масла и ладана. Совсем другое дело философия Конта, Спенсера, Дюринга, Ланге, Льюиса, Милля и других, — философия, пропагандируемая гг. П.Л. (П.Л. Лавровым, — *авт.*), Михайловским, Лесевичем, Козловым и иными. Она по-видимому не имеет ничего общего с разлагающейся старушкой (хотя она ее законная дочь); сама она относится к ней с гримасой не то сожаления, не то презрения...»[23]. Далее Ткачев наглядно показывал господствовавшие тогда «передовые» общественные тенденции в отношении новых философских схем и иронично отмечал: «В этой молодящейся философии, преисполненной всевозможными притязаниями, пышущей здоровьем и энергией, самоуверенной, самодовольной, есть действительно нечто соблазнительное, увлекающее. Немудрено, что под ее влиянием взгляды на роль и значение философии, взгляды, господствовавшие в 40-х годах в Европе и в 60-х годах у нас, стали радикально изменяться. В то время, например, когда появился во Франции "Курс позитивной философии" Ог. Конта (1830—1842), философия была в таком загоне, что на него не только обыкновенная публика, но даже люди, претендующие на звание мыслителей, по преимуществу, не обратили почти никакого внимания.

В 40-х и 50-х годах в Германии не только между учеными специалистами, но и вообще между образованными людьми господствовало мнение, что философия сыграла свою роль и сдана в архив. К такому же выводу приходил и англичанин Льюис в своей хорошо знакомой русской публике "Истории философии". По его мнению, история философии есть не более не менее как история человеческих заблуждений»[24]. Однако, на рубеже 1860-х отношение общественного мнения к незамеченным ранее философским теориям начинает меняться, сначала в Европе, а позднее, в начале 1870-х годов, в России, и вот уже «с 60-х годов система Конта, известная до тех пор только в небольшом кружке более или менее "уединенных" мыслителей, появляется, по словам Милля, "на поверхности современной философии". О ней начинают говорить, спорить, по поводу ее возникает целая литература...»[25].

---

[21] Под модерностью итальянский славист В. Страда понимает исторический период, длящийся около трех столетий и соответствующий «Новой истории». Страда полагает, что история России, а следовательно и история развития ее общественной мысли не могла проходить полностью изолированно от развития мировой и уж тем более европейской цивилизации и ее политико-культурной традиции // *Страда В.* Западничество и славянофильство в обратной перспективе // Вопросы философии. 1993. № 7. С. 57—64.

[22] *Страда В.* Западничество и славянофильство в обратной перспективе. С. 58.

[23] *Ткачев П.Н.* Кладези мудрости российских философов. М., 1990. С. 225—226.

[24] Там же. С. 226.

[25] Там же. С. 227.

Д.И. Писарев

Однако в ряде европейских стран «догоняющего развития», таких, как Германия, государства юго-восточной Европы и, естественно, Россия, вовлеченных в сферу модерности позднее англо-французского мира, в ряду голосов, славящих «эру прогресса и техники», начали раздаваться и речи противников подобной модернизации. Для них «модерность воспринималась в ее противоречивой динамике как бюрократическая регламентация общества, подчиненного научно-технической рациональности, и освобождение субъективности в формах индивидуализма, сбросившего с себя путы старой традиции»[26]. По мнению немецкого философа и социолога Карла Манхейма консерватизм стал духовным и интеллектуальным ответом на идеологию буржуазного общества, т.е. — либерализма, рационализма, индивидуализма и просветительской философии. «Консервативная мысль сосредоточивается на прошлом в той мере, в какой прошлое живет в современности, а мысль буржуазная, принципиально сосредоточенная на современности, живет благодаря тому, что, собственно, есть новое, в то время, как пролетарская мысль пробует уловить элементы будущего, существующие уже в настоящем, сосредоточиваясь на тех существующих в данный момент факторах, в которых можно увидеть зародыши будущего общества»[27].

Поэтому, по сути, полемика между консерваторами и сторонниками либерально-демократического лагеря олицетворяла собой интеллектуальное столкновение двух начал в оценке перспектив и направлений модернизационного развития в России, борьбу между «антимодернистами» и «модернистами». При этом стоит отметить, что некоторая часть российского образованного общества, искренне желая перемен, продиктованных модерностью, слепо и механически стремилась перенести на российскую почву ее идеи, взяв за основу без должного анализа далеко не лучшие образцы. Особенно это касалось философских теорий и различных концепций социального развития. Этим объясняется увлечение демократических публицистов апологетикой вульгарного материализма, их убежденность во всесилии естественнонаучного знания и оголтелые призывы к разрушению национальных культурных основ.

Обращает на себя внимание и то обстоятельство, что своих «пророков» литераторы-демократы нашли среди немецких ученых — представителей страны, также переживающей начальную стадию усвоения идей модерности. Именно в Германии, несколько раньше России столкнувшейся с противостоянием «модернистов» и «антимодернистов», как карикатура на усвоение идей научной модернизации зародилась довольно примитивная философия вульгарного материализма, выросшая из работ ученых физиологов-естествоиспытателей, таких, как К. Фогт, Л. Бюхнер, Я. Молешотт и др. В дальнейшем эти не слишком глубокие, но претендующие на всеохватность социально-философские концепции, построенные на основе использования методов социального дарвинизма, были активно растиражированы в России апологетами «нового» знания в лице публицистов-«отрицателей», среди которых наиболее выделялся Д.И. Писарев.

Вот как характеризовал тогдашние умонастроения «передового общества» и роль Писарева близкий к нему тогда Ткачев: «Мысль, освобожденная от темничного затворничества, с лихорадочною поспешностью перескакивала от вопроса к вопросу, от одной идеи к другой. Ей хотелось быть au courant[28] всех "последних" слов всех наук, и она порхала по ним, как бабочка по цветам, не останавливаясь подолгу ни на одном. И Писарев воплощал в себе именно эту сторону тогдашнего настроения большинства нашей интеллигентной молодежи. Подобно ей, он решительно не мог остановиться ни на одном предмете. "Последние слова" естествознания, теории Бюхнера, Фохта, Дарвина, вопросы общественной экономии и истории, "жгучие" вопросы современной действительности, те или другие выдающиеся литературные произведения, выдвинутые жизнью вопросы

[26] *Страда В.* Западничество и славянофильство в обратной перспективе. С. 59.
[27] *Манхейм К.* Диагноз нашего времени. М., 1994. С. 611.
[28] В курсе (*фр.*).

индивидуальной морали, вопросы чисто философские и эстетические поочередно разрывают его мысль, терзают и волнуют его душу. На каждый из них он хочет дать ответ и ответ непременно категорический, "безапелляционный", и ни на одном из них он не способен исключительно и всецело сосредоточиться»[29].

Причем ряд стран с запоздавшей и встретившей сопротивление модернизацией, в том числе и Российская империя с ее жестким авторитарным характером власти, превратились, в отличие от Западной Европы, в экспериментальное поле для «псевдомодернизации». Власть активно использовала материальные инструменты модерности (технические новшества, научные разработки) и отвергала ее духовные инструменты (демократические свободы, веротерпимость, плюрализм и т.д.), что в свою очередь порождало недовольство как со стороны защитников модернизации, так и со стороны ее противников. В данном отношении показателен пример реформ Александра II, заслуживших совершенно полярные оценки у современников, — реформ, хотя и не до конца, но затронувших практически все сферы жизни российского общества.

Именно в такой, непростой для России общественно-политической ситуации и проходило формирование мировоззренческих установок Тихомирова. «Что мир развивается революциями — это было в эпоху моего воспитания *аксиомой*, это был *закон*. Нравится он кому-нибудь или нет, *она* придет в Россию, уже хотя бы по одному тому, что ее еще не было; очевидно, что она должна прийти скоро... революция считалась неизбежной даже теми, кто вовсе ее не хотел. "Эх, молодые люди, — увещевал одного арестованного полицейский офицер, — и чего вы хлопочите? Ну, поставят вам памятник через пятьдесят лет: да *вы*-то где будете в эти времена? Давно сгинете как-нибудь"[30]. И ныне у стариков, у людей того времени, это убеждение замечательно прочно»[31]. Причем сама атмосфера пореформенных лет способствовала складыванию оппозиционных, «отрицательных», как тогда говорили, настроений. Властителями душ сделались журналисты демократической волны, пишущие в журналах «Современник» и «Русское слово». Читали их представители совершенно различных социальных групп. Это стало повальной модой, увлечением, истоки которого необходимо искать в атмосфере удушливого обскурантизма и запрещения любого свежего слова в эпоху николаевского царствования. Тихомиров впервые познакомился с такого рода литературой, как ни странно, еще в 3 классе гимназии, в доме своего дяди Савицкого, слывшего убежденным монархистом и поклонником Каткова. Любимым автором Тихомирова стал Писарев, покоривший гимназиста. Тихомиров вспоминал: «Сначала я только восхищался хлесткостью полемики, не понимая хорошенько смысла, но потом мало-по-малу стал запоминать слова и идеи. С таким руководителем, конечно, все мои детские верования стирались в какую-то кашу, растворялись, улетучивались»[32].

Впрочем, повальное увлечение статьями Писарева среди читающей молодежи являлось тогда приметой времени. Практически каждый более-менее развитый и образованный человек, живший в то время, в той или иной форме испытал влияние этого «апостола тотального разрушения». В чем-то моду на «Русское слово» в «культурных домах» можно сравнить с современной нам перестроечной эпохой конца 80-х гг. XX в. Тогда не иметь в квартире толстых литературных журналов типа «Нового мира» или «Знамени» со статьями публицистов, критикующих советский строй и «приоткрывающих завесу» над темными страницами отечественной истории или экономической политики государства, казалось просто неприличным.

Естественно, молодежь, наиболее увлекающаяся, подверженная «модным» веяниям и склонная к излишней социальной экзальтации и радикализации, оказалась самой восприимчивой к «трескучей писаревской фразеологии». Причем в идейно незрелой и экзальтированной гимназистско-студенческой

---

[29] *Ткачев П.Н.* Кладези мудрости российских философов. С. 563. Подобное «порхание» по темам весьма напоминает расплодившихся в последние годы «популярных историков», забивающих интернет статьями на любые темы с «категорическими» и «безапелляционными» ответами на все вопросы, и полной глухотой к любому мнению, отличному от их собственного.

[30] Обратим внимание современного читателя на мрачные оценки будущего самодержавной России полицейским офицером, отводившем монархии всего «пятьдесят лет» сроку.

[31] *Тихомиров Л.А.* Критика демократии. С. 93.

[32] Воспоминания Льва Тихомирова. С. 29.

среде нигилистические эскапады Писарева воспринимались зачастую совершенно некритически.

Свидетельств о влиянии «отрицательных идей» 60-х гг. на формирование мировоззрения молодежи множество. Этим увлечением переболели и будущие революционеры, и либералы, и консерваторы. Очень характерно в этом плане высказывание будущего известного историка-либерала Н.И. Кареева (современника Тихомирова) о том, что Писарев произвел на него подавляющее впечатление. «Через Писарева в меня впитывался тогдашний "нигилизм" со своеобразной идеализацией Базарова... кроме Базарова, передо мной стоял образ Рахметова из "Что делать?" Чернышевского», — вспоминал Кареев[33]. В точно таком же направлении шло формирование миросозерцания основной массы образованной молодежи. И в этом отношении гимназические годы Тихомирова отнюдь не исключение, а, скорее, правило.

С другой стороны, обращает на себя внимание то обстоятельство, что к середине 1860-х годов увлечение демократической журналистикой являло собой все же больше книжные упражнения — «игры для ума». Тогда еще не сформировалась тенденция, сумевшая к началу 70-х гг. XIX в. связать теорию, вытекающую из «передовых» книг и журналов, и практику в единое целое. Лучшим свидетельством этого является факт, что никакого впечатления на Тихомирова и других гимназистов не произвела попытка цареубийства, предпринятая Каракозовым 4 апреля 1866 г. А ведь это было первое покушение на жизнь императора!

Тихомиров вспоминал: «Конечно, — избави Бог, — не было сочувствия убийце, но не было ничего и против него. У нас был *один* (только один) учитель, который заплакал <...> Это был старенький, седенький, тихенький Николай Иванович Рещиков, над которым все молодое шарлатанство... не знавшее сотой доли того, что знал Рещиков, постоянно подсмеивалось <...> Этот Рещиков при известии о покушении тут же, в классе, заплакал <...> И мы, дети, заметили тут лишь комическую сторону и с хохотом передавали друг другу, как всхлипывал старичок <...> Бедный, бедный Николай Иванович! Единственный из наших наставников, который еще сохранил способность понять сразу ужас происшедшего!»[34]. В тот период времени Льву Александровичу было уже 14 лет, а тогда молодежь взрослела очень быстро. Для сравнения хотелось бы обратить внимание читателей на события, произошедшие спустя всего 12 лет в Одессе. Летом 1878 г. в Одессе шел суд над И.М. Ковальским и его друзьями, оказавшими вооруженное сопротивление полиции. Когда суд вынес ему смертный приговор, то четырнадцатилетняя гимназистка В.Л. Гуковская под впечатлением от такого известия обратилась прямо у здания суда с антиправительственной речью к собравшимся и, по сути, спровоцировала беспорядки, а сама через некоторое время была арестована и отправлена в ссылку.

Не вызывает сомнения тот факт, что Тихомиров, как и большинство его сверстников по гимназии, переживал период романтического увлечения нигилистическими идеями отрицателей-шестидесятников. Во многом подобное состояние умов среди молодежи поддерживали и сами их наставники-учителя, часть из которых также переживала увлечение новыми идеями. Особенно это касалось молодых учителей-словесников, недавно окончивших университеты.

На какое-то время в стране защита принципов монархии сделалась дурным тоном, показателем интеллектуального убожества. Образованный слой как откровение воспринимал идеи, культивируемые «адептами отрицательного» направления. «Я решительно не помню за все время обучения, чтобы хоть один из десятков наших учителей сказал нам хоть одно слово в защиту монархического принципа», — сетовал позже Тихомиров[35]. Что уж говорить о юношах, только начинавших вырабатывать свое миросозерцание или, лучше сказать, «социальное самочувствие»[36]. Причем такого рода радикализация мысли среди молодежи носила черты явления массового. Через подобного рода «прививку»

---

[33] *Кареев Н.И.* Прожитое и пережитое. Л., 1990. С. 105.

[34] Воспоминания Льва Тихомирова. С. 30.

[35] *Тихомиров Л.А.* Тени прошлого. С. 162.

[36] Под термином «социальное самочувствие» Овсянико-Куликовский понимал те личные переживания, из которых образовывались впоследствии общественные, научные и литературные стремления и откуда появлялись элементы политического образа мыслей.

прошли и будущие вожди революционной партии, и будущие маститые ученые, и молодые люди, затем ставшие рядовыми обывателями и благополучными отцами семейств.

Тихомиров вспоминал: «Также мы делались материалистами. Материализм доходил до полного кощунства. Говели мы *обязательно*. Помню, мой хороший товарищ, Ф., в 6 или 7 классе, взявши в рот Св. причастия, не проглотил, а дошел потихоньку до улицы и <...> выплюнул. Об этом он рассказывал с самодовольствием. Все это нигилистическое воспитание, при всей резкости, было, однако, полно противоречий. Идеи коммунизма и идеи безграничной свободы... Республика — и невозможность ее. Вдобавок — борьба всего этого с основным русским фоном души. Получался хаос, противоречия. Ничего ясного. Этот хаос не был невыносимым только по молодости, потому что жизненная сила все же играла; во-вторых, потому что впереди был *университет*, который должен был все разрешить окончательно, указать, как и что делать, внести в хаос свет и мысль»[37].

Казалось, сама эпоха конца 1860-х гг. заряжала юношество «отрицательной энергией». Молодость, в силу психофизиологических черт, всегда более ангажирована на некритическое восприятие новых идей, зачастую отрицающих и попирающих заветы отцов. А в России 60-х гг. XIX в., очнувшейся от интеллектуальной спячки, это чувствовалось особенно отчетливо. Верно подметил подобную психологическую подоплеку такого рода увлечений один из основоположников психологического направления в литературоведении Д.Н. Овсянико-Куликовский, современник этих событий. Превращение, бывшее с ним в симферопольской гимназии, он описывал так: «За это же время я превратился из религиозного, наивно верующего и смиренного юноши в "неверующего" и "протестующего" радикала. Само собой разумеется, о каких-либо мало-мальски выработанных взглядах и "убеждениях" смешно было бы говорить (мне было 18—19 лет). Это была лишь соответствовавшая возрасту, душевным предрасположениям и духу времени перемена настроения; это был также психологически закономерный кризис личного и социального самочувствия — этап умственного развития, реакция просыпающейся души на новые впечатления жизни и мысли. Хорошо помню ту интеллектуальную радость "отрицания", которую я тогда ощущал и которая так причудливо переплеталась с очарованием "первой любви" и веселым бездельем в дружной компании товарищей»[38].

Эти слова будущего маститого литературоведа как нельзя лучше применимы и к характеристике психологического состояния быстро взрослеющего Тихомирова. Представляется, что и Овсянико-Куликовский, и Тихомиров в своих последующих оценках верно указали и важнейшую причину такого легкого перехода молодежи в стан «отрицателей» — невыработанность религиозного чувства. «Что касается религиозного настроения, — сетовал много позже Тихомиров, — оно у нас было очень слабо. Дети поступали в гимназию верующими. Я, например, был в детстве чрезвычайно религиозен. Но в гимназии вера у всех быстро тускнела и исчезала»[39]. Вера в Бога, вытеснявшаяся под прессом общественного движения 60-х гг. из сознания юношества, искала замены на что-то иное. Явилась насущная необходимость хоть чем-то заполнять душевную пустоту, и здесь пророк радикальной молодежи 60-х гг. защитник «нигилизма» Писарев выдвинул и свою положительную программу.

Слова «реализм», «мыслящие реалисты», используемые Писаревым, казались сами по себе многозначительны и обаятельны. «Это были не столько термины с определенным содержанием, за которыми скрывалась бы определенная программа, сколько условные лозунги и символы, открывавшие заманчивую даль будущей деятельности, "плодотворной работы", борьбы, а может быть, и славы!», — так описывает свои настроения на тот момент времени Овсянико-Куликовский, человек достаточно законопослушный[40].

О своем увлечении Писаревым говорит и Тихомиров, заявляя, что в гимназии «истинным властителем дум молодого поколения был Д.И. Писарев, который принял "нигилизм" под свою за-

---

[37] Воспоминания Льва Тихомирова. С. 31.

[38] *Овсянико-Куликовский Д.Н.* Воспоминания // Литературно-критические работы в 2-х тт. М., 1989. Т. 2. С. 317—318.

[39] *Тихомиров Л.А.* Тени прошлого. С. 163.

[40] *Овсянико-Куликовский Д.Н.* Воспоминания. С. 318—319.

щиту и был, по существу, гораздо более глубоким отрицателем, чем Чернышевский и Добролюбов... в гимназии это был мой пророк и учитель»[41]. Пропаганда писаревского полузнания, высмеивания всего и всех, в том числе и исторических основ общественности и государственности, имела бешеный успех у молодежи главным образом потому, что «читают и усваивают не то, что умно или сильно аргументировано, а то, что нравится, к чему стремится душа человека»[42]. Стремилась же она к свободе, отрицанию авторитета, к тому, чтобы жить, как самому хочется, а не так, как велят. Тихомиров вспоминал: «Мы, молодежь 60-х годов, плыли по течению разрушительного либерализма вместе со всей Россией. Первыми, основными авторитетами, в нас сокрушающимися, были Бог, вера, Церковь, а с ними падали и общественные авторитеты»[43].

При всей агрессивности и поверхности суждений в демократической печати это не являлось каким-то сугубо российским феноменом. Молодежная среда во все времена и во всех странах ангажирована на простые ответы при решении сложных вопросов. Так было в веке XIX, то же наблюдалось и много позже. Вспомним хунвейбинов периода маоистской культурной революции, с остервенением громивших еще сохранившиеся очаги культуры в Китае. Обратимся к движению «новых левых» образца 60-х гг. XX в. в Европе и США, спровоцировавших целую серию молодежных бунтов, самым мощным из которых был «красный май» 1968 г. в Париже, когда восставшая молодежь «расцветила» парижские бульвары не только баррикадами, но и лозунгами типа «Да здравствуют Че Гевара и Мао!». Наконец, не будем забывать, что из движения «новых левых» вскоре проклюнулись ростки идейного сопротивления против современного буржуазного государства, облеченного одним из самых ярких интеллектуальных идеологов этого движения Ульрикой Майнхоф в формулу: «Ответное насилие должно превратиться в такое насилие, которое *соразмерно* полицейскому насилию, в такое насилие, в котором продуманный расчет заменит бессильную ярость, такое насилие, которое на использование полиции в качестве вооруженной, *военной* силы тоже ответит вооруженными, *военными* средствами... Шутки кончились. Протест — это когда я заявляю: то-то и то-то меня не устраивает. Сопротивление — это когда я делаю так, чтобы то, что меня не устраивает, прекратило существование»[44]. В дальнейшем это сопротивление против не устраивающей молодежь политической системы западного общества обрело форму реальной вооруженной борьбы в виде «левого экстремизма» с его идеей, формализованной все той же Майнхоф в следующем высказывании: «Коммунизм сегодня — это и есть вооруженное насилие»[45]. Стоит также напомнить, что в период увлечения Европы «левым» терроризмом, на рубеже 1960—1970-х гг., в ФРГ, например, из социологических опросов явствовало, что каждый третий немец в возрасте до 30 лет симпатизировал группе «Баадера — Майнхоф», или, как они сами себя называли, «Фракция Красной армии» (Die Rote Armee Fraktion — РАФ)[46].

В последние годы на Западе появился ряд документальных фильмов о главных персонажах РАФ, например — «Баадер — Майнхофф: Красная Армия террора», а также ряд художественных фильмов. Это — «Баадер» (с большим количеством отступлений от исторической правды) и более удачный, как в плане следования фактам, так и в режиссерском отношении, фильм «Комплекс Баадер — Майнхофф». Обращает на себя внимание и фильм Марагретте фон Трота «Свинцовые времена», хорошо передающий атмосферу того периода и ставший классикой немецкого кино, и фильм «Легенды Риты», отмеченный рядом призов[47]. В художественной форме история РАФ представлена в романе советского писателя А.П. Кулешова[48]. Повествование в романе Кулешова ведется от лица главного

---

[41] *Тихомиров Л.А.* Тени прошлого. С. 163.

[42] Там же.

[43] Там же. С. 164.

[44] *Майнхоф У.* От протеста — к сопротивлению. Из литературного наследия городской партизанки. М., 2004. С. 189—190.

[45] Цит. по: *Грачев А.С.* Политический экстремизм. М., 1986. С. 111.

[46] Подробнее см.: Современный терроризм. М., 2000. С. 124; *Базаркина Д.Ю.* Основные направления деятельности «Фракции Красной армии» (РАФ) в ФРГ и ее коммуникационное сопровождение (1971—1992 гг). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2009.

[47] Авторы выражают признательность историку Наталье Ивановне Рожковой за предоставленные фильмы.

[48] См.: *Кулешов А.П.* Тупик. М., 1984.

героя, носящего имя Арндт и имеющего сходство с Андреасом Баадером. Его любовница (Гудрун) носит то же имя, что и реальная Гудрун Энслин, и имеет схожую биографию, а журналистка Рики явно списана с Ульрики Майнхоф.

Нельзя не признать и того обстоятельства, что в России пореформенная эпоха показала серьезный кризис всей консервативной идеологии. Пожалуй, за исключением Каткова никто из «правых» публицистов не смог противостоять фаланге блестящих публицистов оппозиционного лагеря. Журналистского таланта, умения остроумно и хлестко полемизировать, тонко чувствовать настроение читающей публики у литераторов новой волны не отнять. Лучшее тому подтверждение — это огромная популярность подцензурных демократических изданий. В 1861 г. «Русское слово» имело 2100 подписчиков, а в 1865 г. оно печаталось уже в количестве 3000—3300 экземпляров. «Современник» был еще популярнее к началу 1865 г., он имел около 6000 подписчиков. Отметим также и тот факт, что властители душ отнюдь не бедствовали, популярность изданий давала им возможность хорошо на этом зарабатывать[49].

Рассматривая феномен успеха демократической журналистики у юношеской читающей аудитории, отметим, что поколение «отцов» оказалось не готово к осознанию факта, что не всякое печатное слово есть благо. Воспитанное в слепой вере и убеждении, привитом в царствование Николая I, что все разрешенное цензурой полезно для чтения молодежи, старшее поколение практически никак не отреагировало на зарождение отрицательного направления в литературе. Априорная вера в безусловную полезность книжного знания сыграла с людьми 30—40-х гг. злую шутку. Подрастающее поколение получило свободный доступ к передовой печати, оказавшейся практически в каждой образованной семье, исповедующей даже самые консервативные убеждения, не говоря уже о библиотеках. Такими были и родители Тихомирова, пребывавшие в святом убеждении, что чтение — абсолютное благо. Несмотря на увлечение идеями Писарева, Тихомиров отлично зарекомендовал себя в гимназии. Человек по природе честолюбивый, он легко выдвинулся на позиции первого ученика в классе. Отметим, что при этом его не обуял грех гордыни. Он никогда не забывал законов гимназического братства. Ради товарищей он даже участвовал в коллективных протестах, уже не говоря о помощи по учебе[50]. Такие черты характера, как верность дружескому долгу и отсутствие эгоизма, прививались ему с рождения. Не будем забывать, что детские годы Льва Александровича прошли в обстановке постоянной военной опасности, в наблюдениях за жизнью военных гарнизонов, а там чувство локтя, взаимопомощи, готовности к самопожертвованию ценились очень высоко.

В дальнейшем, в бытность его уже начинающим революционером, именно эти черты характера, заложенные с детства, привели Тихомирова к длительному предварительному заключению, а затем и служению идее, полностью им не разделявшейся. С другой же стороны, благодаря такой нравственной выработке он впоследствии стал пользоваться непререкаемым авторитетом в революционных кругах. Показательно, что даже после его ренегатства ни один из собратьев по революционному цеху не усомнился в незапятнанности его революционного имени. Примечательно в этом отношении мнение Любатович, гражданской жены Н.А. Морозова и всегдашней оппонентки Тихомирова: «Я знала, что он (Тихомиров — *авт.*) не лгал ради самосохранения, я знала, что он давно молчаливо носил нравственную смерть в своей душе, но я знала также, что если он купил себе свободу ценою своего личного достояния, ценою своего имени, то вверенные его чести свобода и жизнь товарищей не войдут в эту цену, не пострадают. Я знала, что Тихомиров не может быть ни Гольденбергом[51], ни

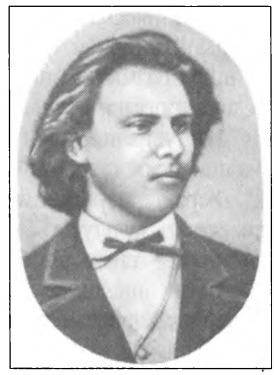
---

[49] По данным В. Евгеньева-Максимова Н.Г. Чернышевский получал с 1856—1857 гг. — 40 рублей, а в 1858—1862 гг. получал по 50 рублей за пл.; Добролюбов в 1857 г. — 30 рублей, а с сентября 1857 по май 1858 г. — 40 рублей, с мая 1858 г. — 50 рублей за пл. Начиная с 1861 г. оба писателя вошли в число дольщиков журнала, в силу чего их заработок резко увеличился, они получили в этом году по 5000 рублей дивидендов. Г.З. Елисеев и А.Н. Пыпин в 1863 г. также стали получать по 50 рублей за пл. Писарев в «Русском слове» к 1865 г. стал получать по 60 рублей за пл. и имел право на дивиденды, равные части прибыли.

[50] См.: *Тихомиров Л.А.* Тени прошлого. С. 169—170.

[51] *Гольденберг Григорий Давыдович* (1855—1880) — народоволец и террорист. Будучи арестованным, начал в феврале—марте 1880 года давать откровенные показания. После встречи с М.Т. Лорис-Меликовым дал показания,

Дегаевым. А сколько мог бы он вернуть из административной ссылки если не на эшафот, как Дегаев вернул барона Штромберга, то в каторжную тюрьму... История все-таки это должна знать, помнить и быть справедливой. Горше доли, как доля Тихомирова, придумать трудно»[52].

А. И. Желябов в студенческие годы

Характеризуя мировоззрение, точнее, мироощущение Тихомирова в старших классах гимназии, обратим внимание на то обстоятельство, что под влиянием идей «Русского слова» он стал законченным республиканцем, пребывавшим в убеждении, что прогресса в обществе можно добиться только с помощью революции. Но при этом в его душе «отец оставил зародыши монархизма, но собственно *чувством* своим, теплым отношением к императору Николаю, рассказами об отдельных фактах духа, который то время умело создавать в русских, и т.п.»[53]. Возможно, такая раздвоенность сознания, верно, коренящаяся в сильном нравственном авторитете отца, не слишком заметная в молодости, когда он был увлечен антимонархическими идеями, сказалась много позже, в зрелом возрасте, в период кризиса его радикального сознания, и как-то повлияла на идейный поворот, произошедший с ним в конце 1880-х годов.

Учеба оставляла большое количество свободного времени, которое Тихомиров с успехом делил между уроками, даваемыми гимназистам младших классов для небольшого заработка, и чтением. Кроме увлечения Писаревым, у него существовали и другие интересы. Юношу занимали беллетристика, путешествия, естественные науки. Он с огромным интересом прочел сочинения врача и педагога Н.И. Пирогова.

Тогда уже у Тихомирова появилась склонность к писательству, его ученические сочинения славились на всю гимназию, он начал вести дневник[54]. Тяжеловесные философские сочинения в те годы еще не привлекали живого и подвижного юношу, но для себя гимназист строил целые философские системы, близкие к оккультным. Уже тогда у него стал явно проглядывать теоретический склад ума, нацеленный на конструирование собственных, пускай в ту пору и наивных, схем социального бытия, построенных на основе прочитанной и переваренной им литературы по вопросам общественного развития.

Гимназические годы Тихомирова, с одной стороны, были проникнуты всем, что будоражило молодую кровь, с другой — были временем раздумий о смысле жизни, будущем предназначении, т.е. шло формирование того самого «социального самочувствия». Причем, имея много товарищей

способствовавшие в дальнейшем разгрому народовольчества. В начале июля 1880 обратился к «друзьям-приятелям, товарищам, знакомым и незнакомым, честным людям всего мира» с исповедью, в которой попытался объяснить причины своего предательства. 15 июля того же года повесился на полотенце в Петропавловской крепости // Деятели революционного движения в России. Справочник и электронная база данных. Вторая половина 1850—1890-е гг. Т. 2: 1870-е гг. / ответственный составитель *Л.М. Ляшенко*. М., 2009. С. 126—128.

[52] *Любатович О.С.* Далекое и недавнее. С. 65.

[53] Воспоминания Льва Тихомирова. С. 30—31.

[54] Пристрастие Льва Александровича к дневниковым записям заслуживает отдельного исследования. Сохранившийся в ГА РФ текст дневника, который Тихомиров вел более 30 лет и, бережно сохранив, лично передал в Румянцевский музей, очень важен для понимания его внутреннего мира. С другой стороны, это характеризует его и как человека, желающего *сохранить* в записях даже то, что, при известных условиях, *в отдаленной перспективе* могло бы свидетельствовать против него. Представляется, что в этом случае к Тихомирову справедливо было бы применить оценку французского мыслителя, который тоже вел дневник (ныне опубликованный) с весьма откровенными записями: «Дневник — это малодушие писателя. Вершинное проявление литературного суеверия, расчет на потомков. А у некоторых проявление скупости, чтобы ничего не пропало» // *Дрие ла Рошель, П.* Дневник. 1939—1945. СПб., 2000. С. 496. В действиях Тихомирова присутствовал и «расчет на потомков» (вполне оправданный, ибо фрагменты из его дневника спустя много десятилетий публикуются и вызывают неизменный интерес), и желание зафиксировать события и размышления, «чтобы ничего не пропало». Вместе с тем, дневник (при всей его интимной исповедальности), а тем более воспоминания — это еще и возможность слегка подкорректировать и «причесать» мысли, изложив их на бумаге. Как писал Макс Фриш: «Каждый человек рано или поздно выдумывает для себя историю, которую считает своей жизнью».

по гимназическим увлечениям, он не имел ни одного друга, с которым мог жить одной духовной жизнью[55]. Впрочем, интеллектуальное одиночество не тяготило Тихомирова, утешение он находил в книгах и размышлениях, которым в полной мере предавался, совершая так любимые им длительные пешие прогулки в живописных окрестностях Керчи.

Наступивший 1869 г. принес очередные изменения в его жизнь. Он расстается с гимназией, окончив курс с золотой медалью.

Характеризуя свое мироощущение в тот момент, Тихомиров отмечал, что «все мы были пропитаны, так сказать, культурно-отрицательным направлением. Религия у всех была подорвана, монархический принцип — также, все были проникнуты идеями свободы и демократизма, бродили в нас даже идеи смутного социализма. Но у нас не собирались приступать к революции и не отбрасывали культурных привычек хорошего общества. Сам я кончал курс с намерением серьезно работать в университете, думал о научной карьере...»[56]. Таким образом, можно заключить, что Тихомиров, несомненно, отдал дань «отрицательному направлению 60-х гг.», но это явилось данью времени и не более. Не усвоил он и нигилистических привычек в быту. Лев Александрович не щеголял в синих очках и пледе, как поступали многие из его сверстников. Его «радикализм» тогда рисуется достаточно расплывчатым, условным. Такая умеренность будущего революционера во многом объяснялась патриархальным семейным воспитанием. Не сформировалось к окончанию гимназии у него и каких-либо четких представлений, связанных с переустройством русской жизни, и взглядов на свое общественное предназначение. Ясно было одно: осознание необходимости продолжать образование. Тихомиров планировал посвятить свою жизнь культурной работе, конечно же, на благо народа. Размышляя над годами учебы, он впоследствии писал, что гимназические годы остались для него светлым пятном, «тогда как университетские времена вызывают у меня лишь воспоминания серые, скучные, лишенные всякого внутреннего содержания»[57]. Когда Тихомиров расставался с гимназией, то его имя, как ученика, кончившего курс с золотой медалью, было записано «на так называемой Золотой доске, вывешенной около залы совета»[58]. Так было до тех пор, пока он «не попался в политических преступлениях, обвиняемый даже в причастии к цареубийству», после чего его имя «было стерто с доски»[59]. Характерная история. Соскабливание со всевозможных «почетных досок» имен врагов власть имущих началось не при И.В. Сталине. Льву Александровичу оставалось утешаться тем, что, «хотя родная гимназия отрясла, так сказать, со своих стен самый прах ног моих, однако я ее вспоминаю с любовью и благодарностью. Много доброго она дала мне, и не она меня толкнула в революцию, а университет своей неспособностью дать мне живое существование, возбудившей во мне отвращение ко всему русскому строю»[60]. В жизни Тихомирова начинался новый этап.

---

[55] *Тихомиров Л.А.* Тени прошлого. С. 206.
[56] Там же. С. 207.
[57] Там же. С. 214.
[58] Там же.
[59] Там же.
[60] Там же.

Глава II

РОЖДЕНИЕ РЕВОЛЮЦИОНЕРА (1870–1877)

Если вы, господа судьи, взглянете в отчеты о политических процессах, в эту открытую Книгу бытия, то вы увидите, что русские народолюбцы не всегда действовали метательными снарядами, что в нашей деятельности была юность, розовая, мечтательная, и если она прошла, то не мы тому виной.

Из речи А.И. Желябова на суде по делу 1 марта [1].

Мне хочется рельефней выставить перед вами тот факт, что меры надзора, репрессий и т.п. совершенно недостаточны в борьбе с идеями.

Из письма Тихомирова П.И. Рачковскому от 4 января 1889 года[2].

В августе 1870 Лев Александрович приезжает в Москву для поступления в университет. Выбор этого учебного заведения оказался далеко не случайным. В нем на юридическом факультете уже учился старший брат Тихомирова — Владимир. Только, в отличие от брата, ставка была сделана на медицинский факультет — сказывалось влияние отца и одновременно увлечение естественными науками. Однако на этом пути возникли и первые трудности. «Слабее всего я себя чувствовал по латинскому языку, несмотря на свою золотую медаль», — вспоминал Тихомиров, по большому счету никогда не отличавшийся склонностью к языкам[3]. При этом «ходили слухи, что поступающих на медицинский факультет экзаменуют строго по-латыни. Поэтому я подал прошение о поступлении на юридический факультет, с тем, чтобы немедленно по поступлении перейти на медицинский»[4].

Москва встретила приехавшего пестротой, шумом и треском. Основная масса вновь прибывших в первопрестольную молодых людей сразу попадала в окружение своих земляков. Не стал исключением и Тихомиров. Вообще, землячество в форме коммуны тогда представляло собой чрезвычайно распространенную форму студенческого общежития. Обычно для этого в складчину нанимались квартиры вблизи учебного заведения. Материальное положение живущих в коммунах юношей и девушек, естественно, различалось, но все полученные средства поступали в общее пользование, делились также и всяким имуществом. «Главным принципом такой жизни была взаимопомощь, как того требовала этика нашего поколения», — вспоминала А.И. Корнилова-Мороз, подчеркивая, что «такие коммуны являлись центрами для сближения молодежи между собой, увеличивали влияние более развитых и зрелых на вновь приезжающих, способствовали успеху пропаганды социалистических идей. Вместе с тем они давали возможность, при увлечении социализмом, применять его

---

[1] 1 марта 1881 года. Казнь императора Александра II. Л., 1991. С. 313.
[2] Воспоминания Льва Тихомирова. С. 268.
[3] Там же. С. 35.
[4] Там же.

принципы на практике в своей личной жизни, действительно отрекаться от всех благ "старого мира", живя в обстановке не лучшей, а даже худшей, чем у заводских рабочих, не различая между "моим" и "твоим" и отказываясь от личного пользования состояниями, чтобы употреблять их на общественные дела и цели»[5].

Первый опыт общения с такой формой жизни студенчества произошел у Тихомирова сразу после вступительного коллоквиума. Он оказался у туляков, туда его затащил новый знакомец — студент В.А. Вагнер. Там же, в тульском землячестве, Тихомиров впервые встретился с Н.А. Морозовым и В.А. Гольцевым. Пребывание среди туляков не открыло ему ничего нового: «От них разило той же писаревщиной, какая пропитывала меня. На столе валяются Карл Фогт[6] и т.п. Толки о развитии, последних словах науки и т.п.», — отмечал много позже Тихомиров[7].

В целом первоначально студенческая атмосфера несколько разочаровала самолюбивого и достаточно амбициозного провинциала: уж слишком она напоминала гимназическую. Собственно, ничего удивительного в этом открытии не было. Чрезвычайно удачно свое впечатление о переходном состоянии от гимназиста к студенту выразил современник Льва Александровича, уже упоминавшийся нами Овсянико-Куликовский, тонко подметивший, что «студент, кроме того, есть такой молодой человек, в котором еще жив гимназист. Гимназист в студенте упорно держится, по крайней мере, на двух курсах и только на третьем стушевывается, чтобы уступить место созревшему молодому человеку...»[8]. Это проявляется в массе мелочей душевного самочувствия, но главное, по мысли Овсянико-Куликовского, в следующем: «Наука превращается в предмет преподавания, в известную сумму знаний, которую можно выучить или не выучить. Отсюда и иная, нежели в гимназии, система университетского преподавания, которая сводится к перевоспитанию мысли, превращению натурального обывательского мышления в научное»[9]. Во многом скорейшая выработка такого типа мышления зависит от научного интереса студента.

Действительно, первоначально Тихомиров, студент медицинского факультета, проявил к занятиям большой интерес. Он вспоминал: «Я сначала набросился с большим жаром на лекции, мертвое мясо и т.п. Собственно, нам, конечно, не полагалось делать препаратов, но иные из нас покупали у сторожей. Я, помню, купил крошечного ребенка и усердно его резал, никак не умея понять, что такое у меня под ножом. По книжке я знал, что есть подкожный слой жира, но не имел понятия о том, что он может быть красным и таким толстым. И вот я усердно сдирал кожу, обнажая какую-то круглую красноватую зернистую массу, видя, что это как будто не мускулы, и боясь ее резать. Наконец, кто-то из студентов объяснил мне, что это жир и что его нужно снять прежде, чем дойдешь до мускулов <...> Само собой, я немедленно накупил книг, банок, пробирок, разных химических препаратов, и все зря, на ощупь, как будто играя в "науку", но очень серьезно. Купил и лампочку и со всей этой дрянью возился усерднейшим образом и дома, и в университете. Я засел вплотную, усердно, никуда не выходя, ни с кем не знакомясь. Ходил, конечно, на лекции»[10].

Однако, привитое в гимназии и оказавшееся чрезвычайно живучим среди студенчества той поры убеждение в абсолютной правильности пропагандируемых Писаревым понятий вульгарного материализма стало тормозом для постижения научной истины. Вот характерный пример из жизни Тихомирова и его окружения. Профессор анатомии Д.Н. Зернов как-то заявил на лекции, что между весом мозга и силой ума не замечается пропорционального отношения. В результате слушатели (в том числе и Тихомиров) почувствовали себя глубоко оскорбленными в лучших чувствах, а профессора заклеймили «реакционером»[11]. Произошло это по той простой причине, что

---

[5] См.: *Корнилова-Мороз А.И.* Перовская и кружок чайковцев // Революционеры 1870-х годов. Воспоминания участников народнического движения в Петербурге. Л., 1986. С. 67.

[6] *Фохт (Фогт, Фогд) Карл* (1817—1895) — немецкий естествоиспытатель, один из представителей вульгарного материализма.

[7] Воспоминания Льва Тихомирова. С. 36.

[8] *Овсянико-Куликовский Д.Н.* Воспоминания. С. 374.

[9] Там же. С. 375.

[10] Воспоминания Льва Тихомирова. С. 37.

[11] Там же.

данное высказывание шло вопреки с положениями популярных тогда научных теорий ученых-физиологов К. Фогта и Бюхнера, выступающих с позиций вульгарного материализма. «Это грубо механическое материалистическое миросозерцание было у меня вбито накрепко разными Фогтами. Это была вера, не допускающая никаких сомнений!», — грустно замечал Тихомиров[12]. Подобное отношение к науке тогда являлось своеобразной приметой времени.

П.А. Кропоткин

Характеризуя студенчество, среди которого проходила жизнь Тихомирова в самом начале 1870-х годов, необходимо обратить внимание на важную деталь, отличавшую поколение 60-х гг. от поколения 70-х гг. Очень верно это показательное отличие отметил П.Н. Кропоткин, человек, формирование которого пришлось на 60-е гг., а действовать ему пришлось уже рука об руку с поколением 70-х гг. По наблюдениям Кропоткина, если в начале 60-х гг. почти в каждой семье шла борьба между отцами, желавшими поддержать старые порядки, и сыновьями и дочерьми, отстаивающими свое право располагать собою согласно собственным идеалам (что это за идеи, мы знаем на примере работ Писарева) («В начале XIX века бытовой деспотизм царил и в Западной Европе... но нигде он не расцвел таким пышным цветом, как в России. Вся русская жизнь — в семье, в отношениях начальника к подчиненному, офицера к солдату, хозяина к работнику — была проникнута им. Создался целый мир привычек, обычаев, способов мышления, предрассудков и нравственной трусости, выросший на почве бесправия»[13]), то в начале 1870-х годов многие из них добились вожделенной личной свободы и теперь «у всех их не было никакой еще мысли о революции, о насильственном перестройстве общества по определенному плану. Они просто желали обучить народ грамоте, просветить его, помочь ему каким-нибудь образом выбраться из тьмы и нищеты и в то же время узнать у самого народа, каков его идеал лучшей социальной жизни»[14].

Самое начало 70-х годов явилось переломным в психологическом состоянии отечественного юношества. Подобная ломка отживших, как им казалось, стереотипов поведения, выразившаяся в постепенном и поэтапном формировании в их сознании идеи служения простому народу, совпала и с изменением социально-политической парадигмы развития всего русского общества в пореформенный период. Вера в чистое научное знание, увлечение естественными науками, стремление соответствовать типу мыслящего реалиста в жестком столкновении с политическими реалиями второй половины 60-х гг. XIX в. несколько трансформировались. Реакция, наступившая после выстрела Д.В. Каракозова, оттолкнула от молодежи 70-х не только отцов, защищавших отмершие крепостные порядки, но и старших братьев, отстранившихся от молодежи, не посчитав нужным примкнуть к ней в ее тяготении к разрешению наболевших социальных вопросов русской жизни и опасаясь вместе с тем поддерживать ее в борьбе за расширение политических прав. В целом к началу 70-х гг. образованное общество в России оказалось деморализованным.

«Оффенбаховщина царила всюду», — как очень метко выразился Кропоткин, иронизируя над стремлением «соломенных революционеров» переводить все разговоры на политические темы в русло обычной светской беседы[15]. Передовая молодежь, учащаяся в высшей школе, оказалась как бы в интеллектуальной изоляции, еще больше увеличивавшейся после студенческих беспорядков 1869 г. и нечаевской истории. Тихомиров ярко характеризовал ситуацию апатии в студенческой среде на рубеже 1869 — 1870 годов: «Молодежь того времени, вообще, отличалась весьма невысоким уровнем развития. Это не подлежит никакому сомнению. Она, несомненно, страдала огромною душевною пустотою. За исключением слоя, который, вероятно, целиком скоро пошел в революцию... Ни высшие вопросы религии, философии, науки, в тех пунктах, где они соприкасаются с фило-

[12] Воспоминания Льва Тихомирова. С. 37.
[13] *Кропоткин П.А.* Записки революционера. М., 1988. С. 282—283.
[14] Там же. С. 287.
[15] Там же. С. 227.

софией, ни вопросы нравственности, ни широкие общественные вопросы, — ничего этого не затрагивалось около меня в течение двух лет. Мы ходили на лекции, спорили о частных вопросах той или иной науки, — но это все»[16]. При такой затхлой общественной атмосфере возникало стремление заполнить чем-либо душевную пустоту, а отсюда проистекало сожительство с модистками, карты, кутежи, пьянство. «Пили вообще очень много... смотришь, кто-нибудь сидит утром и дерет водку, закусывая солью. Это делалось для шику: дескать, как настоящие горьчайшие пьяницы. Показывают тут же кучи рвоты: пили, дескать, весь вечер, ночью так начало рвать такого-то — беда! Тот же шик и со всевозможного рода девками. И не следует видеть во всем этом, строго говоря, разврата. Нет, это было наполнение чем-нибудь жизни. На душе ничего не было, и я не говорю, что это их не тяготило... Что было у этих людей? Веры в Бога не было... Какой-нибудь сознательной и живой связи со своей страной не было. Да и страны-то этой не знали. Ясной общей философии не было. Задач политических и общественных — сколько-нибудь ясно не было. Жили неизвестно для чего... Это состояние душевной пустоты обыкновенно не возбуждает никакого опасения во властях»[17]. Итог был печален: «Так и проходило время в таком бессмысленном, бесцельном провождении, неизвестно к чему, и вовсе не у одних глупых»[18].

Кутежи и политика часто шли рука об руку. Тихомиров впоследствии вспоминал, как его привели в дом к «госпоже Л.» — жене украинофила А.С. Лашкевича: «Это было где-то далеко, чуть ли не на Мещанских. Но квартирка уютная, хорошо меблированная. Жили с достатком. Пожилая — и, очевидно, пожившая — была лишь сама г-жа Л. Меня представили... Она порылась в книжке, лежавшей тут же около стакана чаю, и прочитала:

— Женщина есть форма, в которую отливаются новые поколения.

Она торжественно обвела взором толпу; студенты кое-кто осклабился на эту акушерскую образность, а дочка г-жи Л. как будто потупила глаза. Г-жа Л. сочла нужным взять меня в этот день на свое попечение и без всякого вызова с моей стороны рассказала через полчаса, что с мужем своим она не живет, потому что он очень отсталый человек. Она вышла за него <...> Ведь он знаменитый украинофил. Она не малороссиянка, но, выходя замуж, думала, что они, украинофилы, будут действительно что-нибудь делать. Но время шло. Все песни, национальные костюмы. — Я ему говорю: "Господа, но ведь это все слова, это хорошо, но когда же дело? Дело, дело-то когда же?". Спрашивала она мужа, победоносно смотря на меня, уверенная, что я не могу не понять убийственной силы этого обличающего вопроса <...> Потом были какие-то личные несогласия. Вероятно, мужу не очень-то нравилась жизнь с такой шалавой. Но он был настолько дурак или дрянь, что, отпуская ее от себя, отдал ей детей, которых она теперь и "воспитывала". Дети, — собственно, я помню только дочь, — симпатичная девушка, которой, по-видимому, инстинктивно претила распущенность обстановки, в которой ее развивала мать. Дом представлял типичные черты нигилизма самого мелкого сорта. Либеральные разговоры, "женские права", отсутствие стеснения с молодыми людьми. Показывали мне карточки здешних барышень, снятых в мужском костюме. На вечеринках барышни пили вместе со студентами, чокались, целовались, напивались и допьяна. Помню один случай, когда пьяный Д-ский так и заснул, лежа головой на коленях у m-lle Л. Я не присматривался, но знаю, что из этих прикосновений развивались тут и романы, не знаю уж до каких пределов. Мать же обижалась, что ни один молодой человек не ухаживал за ней, а все за барышнями. Правда, она, по-видимому, находилась в интимных отношениях с Ш. Это был полячок, не без способностей, без гроша за душой, который все мечтал держать экзамен на доктора (он, кажется, и выдержал его, и ныне стал, если это только он, даже довольно известным в медицинском мире). Тогда, в ожидании, он проживал в полном бездействии у г-жи Л., чуть ли не в виде родственника, но в действительности просто ее любовником. По крайней мере раз она заметила его ухаживание за одной барышней и сделала ему громкую, скандальную сцену»[19].

---

[16] Воспоминания Льва Тихомирова. С. 38.
[17] Там же. С. 40—41.
[18] Там же. С. 39.
[19] Там же. С. 44—45.

Идеологическая невыработанность большинства студенчества, его пустопорожнее времяпрепровождение на некоторое время создали у правительства опасную иллюзию спокойствия в учащейся среде. Молодежь же жаждала для приложения своих сил деятельности внешней и по первому зову готова была отдаться любым крайностям, как вспоминал Тихомиров: «это *самое крайнее* — значит туда и идти. *"Московские ведомости"* ругают — значит хорошо... неприлично не быть *передовым*»[20]. Все, что официозно, то и плохо. Что власть ругает — то и хорошо! Теоретический вакуум в головах молодого поколения искал заполнения, а правительство ничего, кроме ужесточения курса, не предлагало, и новый пророк не замедлил явиться. С.Ф. Ковалик вспоминал, что «наибольшее значение в смысле выработки миросозерцания имело для семидесятников сочинение П.Л. Лаврова "Исторические письма"»[21]. Этот цикл статей в России появился вполне легально в 1869 г. на страницах либерального органа «Неделя» под псевдонимом Миртов. «Исторические письма» будили в душе интеллигента чувства, заложенные всей предыдущей историей. Лавров призывал к уплате нравственного долга народу за полученное образование. Развивая и углубляя идеи 60-х гг., он обосновывал мысль, что наука в России должна играть служебную роль, содействуя раскрытию идеи свободы.

В обстановке снижения общественной активности Лавров предложил научный метод, окрыливший ум начинающего мыслителя и вдохнувший в него недостающую смелость. Он доказывал, что «критически мыслящая личность» имеет право свои субъективные идеалы ставить во главу угла изучения истории. «Волей-неволей приходится прилагать к процессу истории субъективную оценку», — писал он в работе «Философия и социология», замечая, чтобы, «усвоив по степени своего нравственного развития тот или другой нравственный идеал, расположить все факты истории в перспективе, по которой они содействовали или противодействовали этому идеалу». Он, кроме того, указывал, что человечество слишком дорого заплатило «за то, чтобы несколько мыслителей в своем кабинете могли говорить о его прогрессе»[22]. Отталкиваясь от этого положения, он разработал теорию «неоплатного долга интеллигенции перед народом», из которой вытекал следующий нравственный императив: «Я сниму с себя ответственность за кровавую цену своего развития, если употреблю это самое развитие на то, чтобы уменьшить зло в настоящем и будущем»[23].

Основной пафос «Исторических писем» заключался в обращении к интеллигенции работать среди народа во имя его духовного преображения и политического освобождения не на основе существующих политических порядков, а на иной, а именно социалистической основе. То есть идеи «шестидесятников» не отрицались, но как бы развивались применительно к новым общественным условиям. «Исторические письма» студенческая молодежь встретила с небывалым энтузиазмом. Они «были не только настольной книгой молодежи 70-х годов — нет! Это была книга жизни, революционное евангелие, философия революции. Она читалась, перечитывалась. Некоторые главы ее даже переписывались», — вспоминал О.В. Аптекман[24].

Несколько позже, в 1872 г., в России появился перевод первого тома «Капитала» К. Маркса, начатый М.Н. Бакуниным и доведенный до конца Г.А. Лопатиным и Н.Ф. Даниельсоном. Причем впервые вопрос о «Капитале» Маркса возник в Центральном комитете иностранной цензуры в 1871 г., когда по докладу цензора Шульца (№ 71—18 от 1 января 1871 года) первый том немецкого издания этого сочинения, как произведение «строго научное, тяжелое и малодоступное» был допущен «к обращению в России, как в подлиннике, так и в переводе»[25]. Вопрос о сочинениях Маркса на русском языке встал перед Петербургским цензурным комитетом в 1872 году, когда издателем Н.П. Поляковым было представлено соответствующее число экземпляров изданной им без предварительной цензуры книги[26]. Цензурный комитет обратился в Центральный комитет иностранной цензуры с запросом,

---

[20] Воспоминания Льва Тихомирова. С. 47.

[21] *Ковалик С.Ф.* Революционное движение семидесятых годов // Революционеры 1870-х годов. Воспоминания участников народнического движения в Петербурге. С. 151.

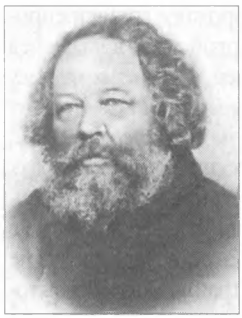
[22] *Лавров П.Л.* Избранные произведения в 2-х тт. М., 1965. Т. 2. С. 81.

[23] Там же. С. 86.

[24] *Аптекман О.В.* Общество «Земля и воля» 70-х годов. Пг., 1924. С. 122.

[25] Сочинения Карла Маркса в русской цензуре (архивная справка) // Дела и дни. 1920. № 1. С. 321.

[26] *Маркс К.* Капитал. Критика политической экономии. СПб., 1872. Т. 1. Кн. 1.

М.А. Бакунин

разрешен ли подлинник сочинения. По получении утвердительного ответа книга была сдана на просмотр цензорам Скуратову и Е.В. Де-Роберти, которые по ознакомлении с ней дали благожелательный отзыв[27], и некоторое время «Капитал» легально продавался в книжных магазинах.

В 1873 г. вслед за эпохальными «Историческими письмами» и «Капиталом» появляется книга Бакунина «Государственность и анархия», ставшая откровением для противников государственного устройства. Чрезвычайно сильным оказалось влияние на русскую читающую молодежь и западноевропейских мыслителей-обществоведов. В области вопросов общественных наук появились также неизвестные доселе в России идеи — «Милль отстаивал равноправие женщин, Лассаль произносил свои огненные речи перед рабочими. На все эти новинки сразу набросилось все живое, молодое, любознательное», — отмечали очевидцы тех дней[28]. Широкое распространение, и не только среди студенчества, получили идеи представителей позитивной философии: О. Конта, Г. Спенсера и Г.-Т. Бокля.

Эпоха начала 1870-х годов вообще характеризовалась повальным увлечением социальными науками. Они как бы приняли эстафету у естественнонаучных дисциплин, столь популярных в 60-е гг. Об этом сохранилась масса свидетельств. Причем подобного увлечения не избежали и лица, в революционном движении не замешанные. Оно стало всеобщим. «Моя наивная вера в Науку, — писал Овсянико-Куликовский, — получила теперь рациональную постановку и превращалась в род убеждения или философской догмы, казавшейся незыблемой... Я уверовал в Науку вообще, в Социологию в частности. "Социология", не для меня одного в ту эпоху было слово особенное, слово с обаянием и властью — одно из тех, от которых воспламеняются молодые души... Социология — венец научного знания. Она открывает законы социальной жизни и прогресса и тем самым даст человечеству возможность преодолеть все отрицательные стороны, все бедствия и недуги цивилизации. Социология — это якорь спасения, это главный, если не единственный путь к лучшему будущему, это тот чудодейственный символ, указуя на который, можно смело сказать человечеству: "Сим победиши!"»[29]. Такая картина интеллектуального развития тогдашней учащейся молодежи, нарисованная на собственном примере далеким от революционных увлечений Овсянико-Куликовским, была неохватной. Во всех учебных заведениях на базе студенческих коммун возникали кружки самообразования, на заседаниях которых молодые люди, отчаянно споря, обсуждали рефераты по социальной проблематике и искали способа претворения книжных идей в реальной жизни.

В начале 1870-х гг. тип студента-нигилиста также претерпел некоторые изменения по сравнению с 1860-ми гг. «Он порвал, конечно, с суеверием отцов. По философским своим понятиям нигилист был позитивист, атеист, эволюционист в духе Спенсера или материалист. Он щадил, конечно, простую и искреннюю веру, являющуюся психологической необходимостью чувства, но зато беспощадно боролся с лицемерием в христианстве», — вспоминал Кропоткин[30]. Буквально за два года студенческая среда радикально изменилась. Повсюду возникают студенческие учреждения: библиотеки, кухмистерские (столовые), кассы взаимопомощи. Первоначально многие из этих ассоциаций возникали с позволения университетского начальства, не усматривающего в них потенциальной опасности. Вскоре сходки на базе этих учреждений становятся обычным явлением. Тихомиров верно подметил особенности этого, пока скрытого, брожения среди учащейся молодежи. Он писал, что «молодежь интересовало не чтение, не наука, даже не истина, а деятельность... искали деятельности непосредственной и внешней»[31].

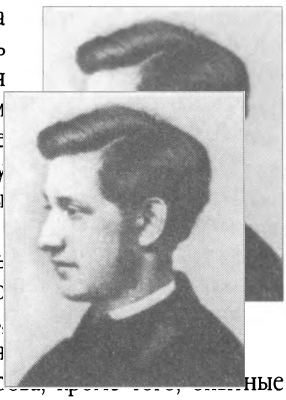
[27] Сочинения Карла Маркса в русской цензуре... С. 323—324.

[28] *Клеменц Д.А.* Из прошлого. Л., 1925. С. 95.

[29] *Овсянико-Куликовский Д.Н.* Воспоминания. С. 322—323.

[30] *Кропоткин П.А.* Записки революционера. С. 284.

[31] *Тихомиров Л.А.* Тени прошлого. С. 235.

Жажда деятельности на пользу обществу, как воронка, затягивала огромное количество способного к наукам юношества. И еще одну очень характерную черту, говорящую о высокой нравственной планке поколения семидесятников, подметил Ю.В. Давыдов — это сострадание к судьбам простого народа, «и не мечтательное, а деятельное... Высокое, скорбное чувство, какое-то женственное, как в русских сказках»[32]. В жертву этому нравственному порыву приносились семья, учеба, научные интересы и в конечном счете для многих в дальнейшем и сама жизнь.

Этим оживлением в студенческой среде успешно воспользовались оставшиеся на свободе представители действительно революционного направления мысли (М.А. Натансон, Н.В. Чайковский, Ф.Н. Лермонтов, А.И. Сердюков и др.) и повели активную пропаганду в кругах учащейся молодежи. За основу бывалые агитаторы брали идеи все того же Лавр[illegible] «ловцы душ» пытались революционизировать подрастающее поколение, пропагандируя передовой образ мыслей. На практике это означало, что шла усиленная пропаганда социалистических идей под видом распространения нового социального знания и науки. Совершалось это через распространение литературы обществоведческого характера, но преимущественно революционного содержания.

Сам Чайковский «производил обаятельное впечатление своей красивой, симпатичной наружностью, своей искренностью, общительностью, способностью горячо увлекаться и увлекать других; одевался он прилично, вовсе не выглядел суровым нигилистом, чувствовал себя свободно в любом обществе и мог быть достойным представителем кружка при сношениях с издателями, книгопродавцами, либеральной и демократической публикой... обладал способностью завязывать новые связи и добывать деньги на издания и широкое распространение книг в кредит, далеко превышавший платежные средства провинциальных кружков», — вспоминала Корнилова-Мороз[33]. Она выделяла такие качества чайковцев, как «глубокая любовь, идейная преданность народу и выдающаяся талантливость»[34]. В качестве примера ею назывались: П.А. Кропоткин, С.М. Кравчинский, Л.Э. Шишко, Д.А. Клеменц, Н.А. Чарушин, Ф.В. Волховский, С.С. Синегуб, Л.А. Тихомиров — «целая плеяда людей, выдающихся по уму, образованию и таланту»[35].

Тихомиров свидетельствовал, что «нам, молодежи рекомендовали знание, науку: науку приходилось, очевидно, искать в книгах; книги же издавались на подбор революционные. Таким образом, блистательно достигалась иллюзия, что наука и революция говорят одно и то же. Рекомендуя не прямо революцию, а *науку*, нас приводили именно к революции»[36]. К такого рода книжной деятельности стали прибегать складывающиеся в начале 70-х гг. студенческие кружки, в том числе и кружок «чайковцев» или, как он еще известен в отечественной историографии, «Большое общество пропаганды», окончательное оформление которого исследователи относят к августу 1871 года[37]. В состав вновь организованного кружка вошли: студенты-медики Натансон, А.И. Сердюков, Н.Н. Лопатин[38]; студенты университета Чайковский, А.К. Левашов; технологи И.А. Вернер, И.И. Басов, М.Ф. Кокушкин[39]; недоучившийся восемнадцатилетний гимназист, собирающийся только держать экзамен для поступления в технологический институт, М.В. Купреянов. Из женщин были

---

[32] *Давыдов Ю.В.* Завещаю вам, братья. М., 1979. С. 6.

[33] *Корнилова-Мороз А.И.* Перовская и кружок чайковцев. С. 79.

[34] Там же. С. 84.

[35] Там же.

[36] Воспоминания Льва Тихомирова. С. 53.

[37] *Троицкий Н.А.* Первые из блестящей плеяды. Большое общество пропаганды 1871—1874 гг. Саратов., 1991.

[38] *Лопатин Николай Николаевич* (1856—?) — двоюродный брат Г.А Лопатина и В.А. Лопатина. Участвовал в революционной деятельности, репрессировался, бежал за границу, в 1888 г. подал прошение о помиловании и вернулся в Россию.

[39] Кокушкин «летом 1871 г. находился в близких отношениях с М.А. Натансоном, С.Л. Перовской, Н.В. Чайковским и др., был близок к петербургскому кружку "чайковцев"... вел пропаганду... С 1876 г. отошел от революционного движения» // Деятели революционного движения в России. Справочник и электронная база данных. Вторая половина 1850-х — 1890-е гг. Т. 2: 1870-е гг. С. 273.

приглашены О.А. Шлейснер (Натансон), А.Я. Ободовская, С.Л. Перовская, сестры Л. и А. Корниловы, Н.К. Скворцова.

Для системного образования и подготовки рефератов по различным социальным вопросам Натансон составил целую программу, первоначально рекомендовавшую труды по физиологии, психологии и политической экономии[40]. Тогда, в начале 1870-х гг., существовала и специальная программа чтения для молодежи, составленная еще Лавровым. И, само собой, книги подбирались соответствующие. «Книги были в отношении философском сплошь материалистические, в отношении политическом — революционные и социалистические. По прочтении книг о них составлялись рефераты и велись рассуждения»[41]. Понятно, что при столь однобоком подборе литературы речь шла о выработке и закреплении только революционного мировоззрения.

Справедливости ради отметим, что особенностью кружка «чайковцев» было горячее стремление противодействовать нечаевским способам деятельности. В состав кружка, как свидетельствовали многочисленные мемуаристы, «выбирали людей не только умных, но также возможно более проникнутых передовыми идеями, а также *нравственных*»[42]. Э.А. Павлюченко отмечала в своей книге, что для «чайковцев», как и вообще для эпохи «хождения в народ», было характерно широкое участие женщин и в числе 1611 пропагандистов, подвергшихся преследованиям в 1873—1876 гг., насчитывалось 244 женщины[43]. Власть пыталась использовать этот фактор, объясняя успехи пропаганды «революционной партии» влиянием «имеющихся в ее среде в немалом количестве молодых женщин и девушек» и обвиняя женщин в том, что они «агитировали с тем большею энергиею, чем сильнее связывали их с мужчинами узы половых страстей»[44]. Однако, такой подход (во всяком случае, в отношении «чайковцев») был грубым упрощением. По меткому замечанию Кропоткина, «Чайковский и его друзья рассудили совершенно верно, что нравственно развитая личность должна быть в основе всякой организации независимо от того, какой бы политический характер она потом ни приняла и какую бы программу деятельности она ни усвоила под влиянием событий. Вот почему кружок Чайковского, постепенно раздвигая свою программу, так широко распространился по России и достиг таких серьезных результатов»[45]. Возможно, этим объясняется тот факт, что кружок подготовил целую плеяду революционеров. Можно критиковать их, но нельзя не отметить их желания до конца служить интересам народа так, как *они их понимали*, и готовность без колебаний отдать за это свою жизнь, не прячась за спины других.

В период оформления первых революционных кружков в столице Империи Тихомиров, тоже не чуждый передового образа мыслей и стремившийся к активной деятельности, по-прежнему находился в Москве. Там он быстро освоился в университетских кругах, став членом студенческой кухмистерской. В ней Тихомиров свел знакомство со всем цветом передового московского студенчества, на фоне которого выделялись члены местного отделения «Большого общества пропаганды» С.Л. Клячко и Н.П. Цакни. Сближение между ними произошло в конце 1871 г.[46] Отметим, что с 1871 по 1874 гг. филиалы «Общества» возникли не только в Москве, но и в ряде других городов. Так, в петербургском кружке насчитывалось 36 членов и 17 сотрудников, в Московском филиале — 22 человека, Киевском — 12, Одесском — 16, в Харьковском — 4. Кроме того, во многих городах действовали «агенты» петербургского кружка, оказывавшие влияние на местную молодежь. Такие «агенты» известны в Орле, Казани, Туле, Вятке, Самаре, Саратове, Перми, Ростове, Вильнюсе и Минске[47].

Что же объединяло членов «Общества» на первом этапе его деятельности? На специальном собрании петербургских «чайковцев» осенью 1871 года были обозначены следующие задачи. 1. При-

---

[40] *Корнилова-Мороз А.И.* Перовская и кружок чайковцев. С. 73.

[41] Воспоминания Льва Тихомирова. С. 53.

[42] Там же.

[43] *Павлюченко Э.А.* Женщины в русском освободительном движении. От Марии Волконской до Веры Фигнер. М., 1988. С. 228.

[44] Там же.

[45] *Кропоткин П.А.* Записки революционера. С. 289.

[46] Воспоминания Льва Тихомирова. С. 55.

[47] *Троицкий Н.А.* Первые из блестящей плеяды... С. 66; 71; 73; 74; 101.

обретать и самим издавать книги по дешевым ценам. 2. Снабжать ими студенческие библиотеки в Петербурге и провинции по тем же низким ценам. 3. Содействовать устройству новых библиотек и кружков самообразования[48]. Обозначив своей целью способствовать более широкому распространению революционной литературы по всей России, создавая для этого сеть филиалов по университетским городам, петербургский кружок с этой целью получал от издателей Н.П. Полякова и К.Т. Солдатенкова и книгопродавцов А.А. Черкесова и В.Я. Яковлева книги с уступкой от 30 до 50% и даже по себестоимости. Кроме того, кружок стал издавать книги за границей. Весной 1871 года Александрову поручается устроить типографию в Цюрихе[49].

С.Г. Нечаев

В начале 1872 г. к распространению книг в Москве привлекли и Тихомирова, тогда еще официально к «Обществу» не принадлежавшего. К этому времени он водил дружбу с Цакни. Их сближало не только недовольство существующей политической системой, сложившейся в России, но и южное происхождение — Цакни, имеющий греческие корни, окончил Симферопольскую гимназию. Он был несколько старше Тихомирова, родился в 1851 году, т.е. обладал несколько большим жизненным опытом, и отличался здравым и трезвым складом ума и уравновешенностью. Ко всему прочему Цакни был «умный, хорошо образованный и интересный собеседник»[50]. Он тогда играл в радикальных кружках Москвы роль «первой скрипки». Особенно это относилось к распространению литературы и внешним контактам. По данным историка Т.В. Антоновой, составившей таблицу изданий Н.П. Полякова, находящихся в каталогах пропагандистов, видно, что в Москве именно в каталогах, изъятых у Цакни, они значились чаще всего — 46 раз. Для сравнения: у Клячко — 22 раза, а у В.И. Князева — 6 раз[51].

Не вызывает сомнения и тот факт, что колоссальную роль в формировании Тихомирова как революционера сыграл нечаевский процесс, состоявшийся летом 1871 г. и широко освещавшийся в официальной печати. На нем подсудимые, несмотря на все старания правительства дискредитировать их помыслы, и всю тяжесть обвинения против них, смогли максимально открыто донести до публики свою приверженность делу освобождения народа. «Странное отношение установилось к этому громкому политическому делу: к людям, участникам процесса, положительное, — вспоминал очевидец тех событий, — а к организации как таковой, с которой они были связаны, — безусловно отрицательное»[52]. Процесс способствовал чрезвычайно быстрой радикализации молодежи, вдохновленной к тому же революционной проповедью Лаврова.

Многие материалы нечаевского процесса оказались напрямую связаны с Москвой, в первую очередь — с Петровской земледельческой академией. Естественно, такое знаковое для радикально настроенной молодежи событие не могло оставить Тихомирова равнодушным. Вращаясь в студенческой среде, он лично знал многих членов кружка А.В. Долгушина («долгушинцев») — пионеров «хождения в народ» — самого Долгушина, И.И. Папина, Н.А. Плотникова, Д.И. Гамова. Более того, в 1872 году он проживал в мебелированных комнатах, около Тверской, там же жили Папин и Плотников[53]. И, хотя, по его собственным позднейшим утверждениям, особенно близок к их затеям он не был и о деятельности их кружка тогда мало что знал, тем не менее, подобные знакомства как нельзя лучше характеризуют общественно-политические настроения студента Тихомирова на тот момент времени.

---

[48] *Корнилова-Мороз А.И.* Перовская и кружок чайковцев. С. 78.

[49] Там же. С. 80.

[50] *Овсянико-Куликовский Д.Н.* Воспоминания. С. 415.

[51] *Антонова Т.В. Издания Н.П.* Полякова в революционном подполье 1870-х годов // Исторические записки. М., 1985. С. 94—97.

[52] *Чарушин Н.А.* О далеком прошлом. Из воспоминаний о революционном движении 70-х годов XIX в. М., 1973. С. 100.

[53] Воспоминания Льва Тихомирова. С. 52.

Первоначально такие «новообращенные», как Тихомиров, Н.А. Армфельдт, В.Н. Батюшкова и другие лишь исполняли поручения более крупных революционеров Цакни и Клячко, сами не проявляя особой инициативы. Тихомиров тогда же проводил первые «литературные опыты». К концу 1872 г. он закончил свою дебютную брошюру под названием «Америка» и приступил к работе над историей Е. Пугачева. В связи с этим он много времени проводил за чтением. Само собою, предметом увлечения являлись отнюдь не медицинские учебники, а литература по истории и социальным вопросам. Исследователь Р.К. Баландин даже полагает, что в революционное движение Тихомирова, возможно, привели именно «неудачные попытки занятся литературным творчеством»[54]. Но вряд ли дело ограничивалось только этим.

В документах Цакни имеется даже список литературы, озаглавленный как курс «общеобразовательный». В нем находился перечень книг, распределенных по разделам, с помощью которых он «обрабатывал» молодежь, в том числе и Тихомирова. Расположены разделы были в следующем порядке: 1. Логика. 2. Психология. 3. Право. 4. Этика. 5. Политэкономия. 6. Рабочий вопрос и социализм. 7. История. То есть прослеживается путь от общеобразовательных предметов к социальным наукам. Причем наиболее часто (5 раз) в его каталоге называлась книга В.В. Берви-Флеровского «Азбука социальных наук». Из каталога видна и особая роль «Исторических писем» Лаврова: эта работа указывалась в перечне литературы сразу по 3 — 4 направлениям[55].

Деятельность московских «чайковцев» в начале 70-х гг. характеризовалась слабой активностью. Руководители московского студенчества Клячко и Цакни «были какие-то тряпки, вялые, кислые, занимавшиеся радикальными делами как будто бы по обязанности службы и как будто сами от этих дел ничего не ожидавшие», как вспоминал Тихомиров[56]. После их ареста в 1872 г. и отхода от революционных дел Л.Ф. Рагозина оппозиционная деятельность Тихомирова замерла. Основную часть времени он проводил в литературных упражнениях, предоставленный сам себе. Но такое бездействие продолжалось недолго. В том же 1872 году под влиянием событий внутри страны и под впечатлением революционного брожения в Европе (Парижская коммуна — 1871 года, развитие социалистического движения и деятельность I Интернационала) радикальная жизнь в Москве вновь оживает, петербургский кружок «чайковцев» становится центром социалистической пропаганды среди учащейся молодежи и естественным посредником в отношениях между провинциальными его отделениями[57]. Затем у петербуржцев под впечатлением призывов Лаврова явилось настойчивое желание на практике связать социалистическую пропаганду с народом. Для такого рода деятельности внимание «чайковцев» привлекали рабочие кварталы Петербурга. Подобные рекомендации получили и провинциальные кружки других городов. Переход к такой форме революционной работы датируется весной 1872 года[58].

Естественно, для нее необходимо было рекрутировать новые силы. С такой целью, для восстановления связей с Москвой, туда из Петербурга прибывает Н.А. Чарушин. При первом знакомстве с положением дел он пришел к выводу, что все окружение Цакни и Клячко — люди, безусловно, отличные, искренне преданные делу народа, но им недостает спаянности и инициативности, присущих центральному кружку. Целью Чарушина стала реанимация московского отделения «Общества», а для этого требовались свежие силы. Ставку Чарушин сделал на лиц, о которых в столице Империи уже слышали, в том числе и на Тихомирова. Первая встреча Тихомирова с Чарушиным прошла несколько настороженно, выяснилось, что если в Петербурге о Тихомирове как о перспективном революционном работнике слышали от московских руководителей кружка, то сам Тихомиров оставался об этом в полном неведении. Вскоре дело разъяснилось, и сближение Тихомирова с Чарушиным проходило очень быстро. Всем ходом своего развития Тихомиров уже был подготовлен к восприятию радикальных идей, а здесь перед ним предстал «человек, способный к вере, человек с потребностью

[54] *Баландин Р.К.* Тайные общества русских революционеров. М., 2007. С. 338.

[55] ГА РФ. Ф. 1167. Оп. 2. Д. 5246. Л. 28—31 об.

[56] Воспоминания Льва Тихомирова. С. 58.

[57] *Кропоткин П.А.* Записки революционера. С. 289—290.

[58] Подробнее см. в воспоминаниях П.А. Кропоткина и А.И. Корниловой-Мороз.

жить чем-нибудь широким»[59]. Тихомиров также чрезвычайно понравился Чарушину. Последний так описывал свое знакомство с ним: «Это был молодой человек небольшого роста, умный, спокойный и рассудительный, чуждый громких фраз и какого-либо позерства и в то же время, несомненно, настолько убежденный, что на него можно было положиться. Качества эти невольно привлекали, и я, в бытность мою в Москве, ежедневно бывал у него и едва ли не больше всех беседовал с ним»[60]. Именно Чарушин побудил Тихомирова взяться за реорганизацию отделения «Общества» в Москве, и помог ему в этом. Чарушин познакомил Тихомирова с возвратившимся из ссылки Н.М. Аносовым, а тот, как бывший студент Петровской академии, способствовал установлению контактов с рабочими, «распропагандированными» еще с нечаевских времен. По заявлениям самого Тихомирова, к рабочим он очень стремился. Такое направление мыслей Тихомирова полностью устраивало Чарушина, так как совпадало с целями центрального кружка.

Проблемы организации пропаганды среди рабочих в Москве неоднократно обсуждались на встречах Чарушина, Тихомирова и Аносова. Вопрос рассматривался не только в теоретической плоскости, но касался и практических способов активизации такого рода деятельности. Горячее стремление Тихомирова к пропаганде среди рабочих еще сильнее сблизило его с Чарушиным, их отношения стали по-настоящему дружескими. После отъезда Чарушина Тихомиров, казалось бы, увидевший истинный смысл своего предназначения, полностью отдается пропагандистской деятельности. Университет им больше не посещался, заброшенными оказались лекции и занятия наукой. Все время поглощала деятельность, заключавшаяся в общении с миром радикалов, куда его ввел Чарушин. Это и организация «книжного дела», то есть распространение запрещенной литературы, и, наконец, сношение с рабочими. Сам Тихомиров впоследствии сетовал: «Кто занимался заговорами или политической агитацией, тот знает, сколько времени берет эта вечная, бесконечная сутолка, видимо, бессодержательная и утомительная, но без которой, однако, "брожение" и "движение" прекратилось бы»[61]. Положение Тихомирова как организатора осложнялось еще и тем, что в Москве оказалось очень мало революционно выработанных кадров. Через Аносова он познакомился с В.И. Князевым и его окружением из Петровской академии, которая со времен С.Г. Нечаева была заражена революционным духом. Напрасно начальство меняло директоров, пытаясь ужесточить дисциплину, вводило более строгие правила приема экзаменов, отчисляло массу студентов — ничего не помогало. Пример такого радикально настроенного студента-петровца являл собой вышеназванный Князев. Тихомиров его так характеризовал: «Князев был типичный нигилист "семинар"[62]. Бедный, отрепанный, в какой-то длинной развевающейся хламиде вместо пальто, очень молодой, худой с заостренными чертами лица, — это было лицо старой злой бабы без малейших признаков растительности. Угрюмый, озлобленный, самолюбивый, с огромными претензиями, с самыми посредственными способностями, Князев был бы, однако, способен к развитию, если бы оно было ему дано... К революции он пристал без колебаний, без разговоров, погрузился в нее, как в свою природную стихию. А, впрочем, ничего в ней не мог сделать, потому что не имел никакого таланта, ни в каком отношении»[63].

Иного склада был еще один представитель Петровской академии — Григорий Филипченко — «красивый, из зажиточной семьи, в дорогом полушубке из демократизма и в золотых очках из барства. Он работал в академии прекрасно, интересовался своим предметом. Не имея никакого вкуса и способности к каким-либо высшим вопросам, он был однако очень умен в более наглядных предметах, обладал большим здравым смыслом и хорошей волей. Радикальничал он недолго и, вероятно, больше по инерции и не предвидя от того никаких последствий. Он, конечно, мог бы и втянуться в революцию, но месяца через 2 — 3 профессор, у которого он работал, заметив что-то ненормальное в его поведении, серьезно переговорил с ним, убеждал его бросить глупости и заняться серьезной работой <...> Филипченко послушал доброго совета и круто порвал с нами,

[59] Воспоминания Льва Тихомирова. С. 58.
[60] *Чарушин Н.А.* О далеком прошлом... С. 152.
[61] Воспоминания Льва Тихомирова. С. 59.
[62] Т.е. нигилист-семинарист.
[63] Воспоминания Льва Тихомирова. С. 62—63.

объявив начисто, что ни в какие революции не верит и ничего с ними делать не намерен. Так он и скрылся с горизонта.

Тогда я очень жалел о нем. Впоследствии я слышал, что он завел передвижную паровую молотилку, с которой зарабатывал много денег в Орловской, кажется, губернии...

В то время, когда я только что познакомился с Филипченко, он находился в связи с некоей Андреевой (кажется, Анна Васильевна[64]), жившей на той же даче. С ней он тоже скоро разошелся. Когда я сообщил ему, что, по словам Князева, Андреева собирается открыть какую-то мастерскую, Филипченко грубо засмеялся и сказал: "Ей годится одна мастерская, — детей делать!!"

Это, действительно, была личность любопытная по испорченности.

Андреева, впоследствии попавшая подсудимой в процессе 193-х, была провинциальной актрисой. Гамов столкнулся с ней в Таганроге, как, вероятно, сталкивался с ней не один десяток мужчин.

В те времена, т.е. в 60-е годы, была мода спасать падших женщин, по "Что делать". Одна компания студентов выкупила, например, из публичного дома женщину, начала ее "развивать", отучать постепенно от пьянства, а чтобы постепенно отучать от разврата, назначили ей в сожители одного из своей среды <...> Вся эта мерзость, не подозревающая своего собственного разврата, не спасла женщину, которая сбежала от своих развивателей опять в публичный дом.

Гамов тоже стал спасать Андрееву, развивать ее, говорить ей о высших интересах и т.п. Андреева набралась у него громких слов, но осталась прежнею.

Мы, впрочем, т.е. московские чайковцы, не имели с Андреевой никакого дела»[65].

Ценным для московских «чайковцев» человеком стал К.В. Аркадский, с которым Тихомиров быстро сошелся, свободно обсуждая различные политические вопросы. С ним Тихомиров решил начать деятельность в народе, а иначе говоря — пропаганду среди рабочих. И все же в 1872 г. среди московской молодежи таких ярких образчиков радикализма насчитывались единицы. Ситуация несколько изменилась только в 1873 г., когда в Москве появилась книга Бакунина «Государственность и анархия». Идеи анархизма начинают активно распространяться в среде передового студенчества. Сами члены кружка «чайковцев» тогда еще не определились в отношении бакунизма, а придуманное для анархистов Клеменцом прозвище «вспышкопускатели» явно показывало ироничное отношение большинства кружковцев к восприятию идей Бакунина на тот момент времени[66].

В какой-то мере можно согласиться с мнением мемуаристов о том, что на рубеже 1872—1873 гг. программные вопросы мало интересовали членов кружка и они «могли свободно располагать собою и искать наиболее подходящих для себя путей деятельности в народе»[67]. В основном упор делался на практическую сторону организации революционного дела, зачастую в городской среде. Центральный кружок всячески стремился активизировать пропаганду среди рабочих, в том числе и в провинции. Так, через Чарушина центр пытался подталкивать в данном направлении и московский кружок, хотя дело шло очень туго. Тихомиров смог через рабочего Семена, распропагандированного еще нечаевцами, наладить контакты с одной рабочей артелью. Однако дело едва-едва продвигалось. Видя свою «неумелость» в этом начинании, Тихомиров вынашивает планы поездки в Петербург, дабы поучиться вести дело с рабочими, а пока все контакты в артели сдает Аркадскому.

В целом, несмотря на локальные неудачи, можно констатировать тот факт, что к началу 1873 г. Тихомиров выдвигается на ведущие роли среди московских «чайковцев». А это в свою очередь способствовало расширению его радикальных связей. Он ближе сходится с членами кружка Долгу-

---

[64] *Андреева Анна Васильевна* (ок. 1849—?) — пропагандистка; зимой 1873 г. принадлежала к кружку, организованному среди студентов Петровской академии, затем в конце 1873 г. поселилась в деревне Сковородневе Курской губернии, ведя пропаганду среди знакомых и крестьян. Жила в Курске, откуда весной 1874 г. уехала в Харьков, где организовала небольшой кружок среди учеников местного железнодорожного технического училища. Затем переехала в Таганрог, где примкнула к кружку И. Павловского. В октябре 1874 арестована в Таганроге. Проходила по процессу «193-х». Приговором от 23 января 1878 г. признана невиновной, дальнейших сведений о ее участии в революционной деятельности не имеется.

[65] Воспоминания Льва Тихомирова. С. 63—64.

[66] *Корнилова-Мороз А.И.* Перовская и кружок чайковцев. С. 82.

[67] Там же. С. 82—83.

шина, знакомится с И.А. Богдановым и Ф.М. Любавским. Последнее знакомство в дальнейшем имело для Тихомирова тяжелые последствия. Наконец удалось ему предпринять и долгожданную поездку в столицу Империи. Это было его первое знакомство с "Северной пальмирой", об этом визите информации практически не сохранилось, но представляется, что, используя конспиративные сведения, полученные от Чарушина, Тихомиров смог не только наладить контакты с членами «центрального кружка», но и имел с ними тесные, неформальные отношения.

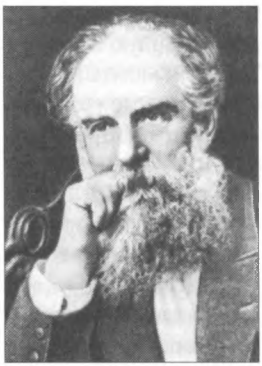
Главной целью поездки являлось решение вопросов, связанных с распространением запрещенной литературы. Более того, центральный кружок поручил Тихомирову, Гольцеву и Морозову учреждение студенческой библиотеки. На заседаниях кружка Тихомиров также обменялся опытом по организации пропаганды среди рабочих и получил совет от петербуржцев, как ее лучше вести. Тогда же обсуждался вопрос об издании заграничного журнала. В целом программа визита Тихомирова оказалась довольно насыщенной. И все же представляется, что главное впечатление, вынесенное им из столичной поездки, — это ощущение той особой ауры, сложившейся внутри самого кружка, покоившейся на высочайшей нравственной выработке его членов.

Много говорилось о том, что кружок «чайковцев» формировался как антипод нечаевской организации. Тем не менее, хотелось бы еще раз подчеркнуть, что те нравственные критерии, которые «чайковцы» прилагали к своим товарищам, не имеют аналога в истории русского революционного движения. В такой оценке сходятся и сторонники, и противники «чайковцев». В 1877 году Клеменц писал Чайковскому: «Много мне пришлось повидать народу за свою жизнь, — столько, сколько и десяток других людей не перевидит, но чище и лучше людей нашего кружка <...> я не видал. В той совокупности, как мы были, мы были очень сильны, сильны своим нравственным влиянием на всех»[68]. В своих полицейских показаниях их давний недруг, студент Медико-хирургической академии А.В. Низовкин, отмечал, что «Чайковцы, в высшей степени скрытны в отношении посторонних, но между собой вполне и абсолютно доверяют друг другу... Между ними нет ни старших, ни младших — все равнозначащи»[69]. Такая необыкновенная нравственная атмосфера братства и доверия не могла не очаровать Тихомирова и не заронить в его голову мысль о переезде в Петербург. Тем более что задуманное на широкую ногу издание нелегальной литературы для народа требовало наличия в центре людей, обладающих литературным талантом.

Увиденное в столице заставило Тихомирова во многом по-новому посмотреть и на постановку революционного дела в Москве. Ведь до этого местные радикалы, близкие к «чайковцам» (Тихомиров, Аносов, Армфельдт, Батюшкова, В.И. Князев), несмотря на то, что действовали вместе, формального кружка не составляли. Насущная же необходимость требовала реорганизации всего революционного дела в сторону большего единства. Эту же мысль «москвичам» настойчиво внушал и вернувшийся из «инспекторской» поездки по стране Чарушин. В пример им он ставил одесский филиал кружка, которым руководил Волховский. В работе одесского кружка в первую очередь бросалась в глаза прекрасная организация и четкая специализация всех сфер деятельности. В нем каждый занимался своим делом. Одни вели пропаганду среди молодежи, другие — среди рабочих, третьи занимались отысканием средств для кружка, четвертые — литературным делом.

Подобного же решено было достичь и в Москве, о чем много говорили между собой Чарушин и Тихомиров, ставшие настоящими друзьями. И первую скрипку в организации кружка в Москве сыграл именно Чарушин[70]. Окончательное оформление московского кружка произошло весной 1873 г., на квартире Армфельдт, где присутствовали 7 — 8 человек, включая Тихомирова и Чарушина. На этом и ряде следующих собраний решено было активизировать занятия с рабочими, и для привлечения новых лиц к работе кружка снять на лето дачу в московском пригороде Мазилово[71]. Тогда же Чарушин обратил внимание на первые литературные пробы Тихомирова. Как упоминалось выше, он уже закончил свою «Америку», которая, хотя и не была пропущена цензурой, стала из-

[68] Цит. по: *Тарапута Е.А.* С.М. Степняк-Кравчинский — революционер и писатель. М., 1973. С. 36.
[69] ГА РФ. Ф. 112. Оп. 1. 1874. Д. 213. Л. 97 об.
[70] Воспоминания Льва Тихомирова. С. 73—74.
[71] Там же. С. 75.

Н.В. Чайковский

вестна в петербургских радикальных кругах и читалась среди рабочих в рукописи. Осваивал Тихомиров и новый жанр — сказки. Именно это направление в его творчестве наиболее заинтересовало Чарушина, агитировавшего Тихомирова переехать в Петербург, где как раз «на очереди стояла большая задача — создание народной нелегальной литературы»[72]. Пока же решили, что Тихомиров больше времени будет уделять литературным занятиям и временно устранится от пропаганды среди рабочих. Лев Александрович вспоминал, что в это время «делал свои первые литературные пробы, и именно преимущественно в виде *сказок*. Моя "*Америка*" (в сущности чушь, так же похожая на Америку, как свинья на апельсин), не пропущенная цензурою, читалась, однако, рабочими в Петербурге в рукописи. Ее пропагандисты очень одобрили. Не помню хорошо, какие я именно писал *сказки*, конечно, тенденциозные, но только их чрезвычайно похвалили... К известной чести моей нужно сказать, что хотя сказки мои бессовестны в том смысле, что я сам не знал того, что позволял себе ругать, однако, я и тогда не доходил ни до грязи, ни до богохульства, какими щеголяли другие революционные писатели»[73]. И Тихомиров, вдохновленный похвалой его агитационным произведениям, по собственному выражению, «усердно кропал».

Несомненно, предложение Чарушина переехать очень заинтересовало Тихомирова, поскольку оно обещало новые знакомства в мире радикалов, причем с его наиболее знаковыми фигурами. Все это не могло не льстить самолюбию начинающего революционера. Не последнюю роль в переезде сыграла и особая атмосфера «кружка чайковцев» в Петербурге, а главное — величина задач, стоящих, по мнению Тихомирова, перед ними. Как три сестры А.П. Чехова повторяли «в Москву, в Москву», так и Тихомиров всеми фибрами души рвался в «мекку» русского радикализма — Санкт-Петербург, в котором не так давно жили и творили все еще боготворимые им Писарев и Чернышевский. С Москвой же его, кроме кружка, ничего не связывало, занятия в университете были давно заброшены. Петербург манил неофита новыми возможностями, открывал качественно иные революционные горизонты, обещал живое дело. В конце концов это и склонило чашу весов в пользу переезда, по сути, предопределив его дальнейшую судьбу на долгие пятнадцать лет революционного служения. В какой-то мере столь скорая радикализация Льва Александровича может быть объяснена еще и тем, что его брат Владимир, бывший старше Льва на четыре года, к тому времени заканчивал курс университета и не мог много времени уделять общению с младшим братом, предоставив последнего самому себе и не обращая внимания на его подозрительные знакомства.

Переезд Тихомирова в столицу состоялся в начале сентября 1873 года. Оказавшись в Петербурге и будучи принят в дружную семью «чайковцев», он сразу ощутил те особые товарищеские отношения, которыми был проникнут кружок. Даже на склоне лет, полностью разочаровавшись в революционных идеях, при воспоминании о том времени он с теплом отметит, что «чайковцы» выбирали людей не только умных, но и возможно более проникнутых идеями, а также нравственных. О нравственности в кружках заботились очень много, как никогда ни в одном кружке. Правила приема в кружок были очень жесткими: чтобы стать его членом, необходимо было получить добро всех его участников. «Прежде чем принять нового члена, характер его обсуждался со всею откровенностью, присущей нигилистам. Малейший признак неискренности или сомнения — и его не принимали. Чайковцы не гнались за тем, чтобы набрать побольше членов»[74].

По свидетельству самого Чайковского «кружок являлся чем-то большим, нежели обыкновенная организация политических заговорщиков, так как здесь были узы действительного братства, подвергшиеся в течении последующих лет всевозможным испытаниям. Более крупные организации, возникшие в позднейший период русского революционного движения, никогда не могли похвастать-

[72] *Чарушин Н.А.* О далеком прошлом... С. 165.
[73] Воспоминания Льва Тихомирова. С. 75.
[74] *Кропоткин П.А.* Записки революционера. С. 290.

ся такою сплоченностью, как наш кружок»[75]. Иными словами, попадание Тихомирова в эту среду свидетельствовало о полном к нему доверии и о его готовности служить делу освобождения народа.

Действительно, в петербургском кружке он работал рядом с неординарными людьми, оставившими яркий, пускай в условиях современной России и негативно воспринимаемый многими историками, след в революционном движении. Этими людьми были — Перовская, С.М. Степняк-Кравчинский, Кропоткин, Морозов и другие. Громадное влияние на мужчин-«чайковцев» имели их соратницы-женщины. В первую очередь нужно сказать о Перовской, т.к. ее особую роль в кружке как некоего «нравственного эталона» отмечают практически все мемуаристы. «Со всеми женщинами в кружке у нас были прекрасные товарищеские отношения. Но Соню Перовскую мы все любили», — писал Кропоткин[76]. Пример этой девушки из аристократической семьи действовал вдохновляюще и заставлял забывать обо всем ради идеи служения народу. Она первая шла в борьбу и жаждала наиболее опасных постов. Это и давало ей, быть может, такую власть над сердцами товарищей по борьбе. «Когда, устремив на человека свой пытливый взгляд, проникавший, казалось, в самую глубину души, она говорила с самым серьезным видом: "Пойдем" — кто мог ответить ей: "Не пойду!"? Она сама шла с увлечением, с энтузиазмом крестоносца, идущего на завоевание гроба господня», — писал о ней в своих очерках «Подпольная Россия» Степняк-Кравчинский[77]. Видимо, при первом знакомстве не избежал ее чар и Тихомиров. Хотя справедливости ради надо отметить, что Перовская крайне требовательно относилась к революционерам-мужчинам и не позволяла себе даже легкого флирта. Недаром самым страшным упреком-приговором в устах этой юной ригористки (ей было чуть больше 20 лет!) являлось слово «бабник»[78].

Тамбовский историк Л.Г. Протасов, размышляя о судьбах женщин-революционерок «на стыке столетий», приходил к выводу, что «здесь в размышления о путях революционного типа личности вмешивается сама Природа, предназначившая женщине функцию продолжательницы человеческого рода, роль жены и матери. Этот фактор настолько значим, что побуждает говорить о ситуационных различиях в формировании мужского и женского типа революционера, как и вообще мужественного и женственного. Если у мужчин этот тип обычно рационально-волевой, то у женщин — эмоционально-импульсивный... Для женщин (фактически — молодых девушек) уход в революцию означал сознательный отказ от нормальной личной жизни, от возможности иметь полноценную семью, домашний очаг... В любом случае для женщины возврат к прежней жизни был если и возможен, то крайне затруднен, в отличие от мужчин, которым "грехи молодости" не слишком мешали карьерному росту (достаточно вспомнить начальника Главного штаба Н.Н. Обручева, бывшего землевольца, или народовольца Л.А. Тихомирова, ставшего официозным публицистом)»[79].

К осени 1873 г. окончательно оформилось основное направление в деятельности «Большого общества пропаганды» — пропаганда среди рабочих. Напрямую с ней связывали и деятельность по распространению пропагандистской литературы, хотя уже первые занятия с рабочими показали их крайне низкий уровень развития. Отметим, что «чайковцы» вели занятия в основном с фабричными рабочими: считалось, что они не утратили связи с деревней и после определенной обработки смогут донести идеи, почерпнутые от революционеров, в крестьянские массы[80]. Для такого рода пропаганды требовалась особого рода литература, в современной историографии получившая название «литература для народа». Она представляла собой небольшие повествовательные произведения, где

---

[75] Цит. по. *Перрис Д.* Пионеры русской революции. СПб., 1906. С. 22.

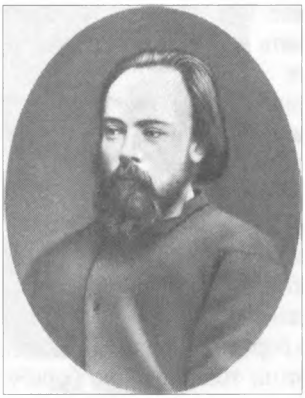
[76] *Кропоткин П.А.* Записки революционера. С. 290.

[77] *Степняк-Кравчинский С.М.* Сочинения в 2-х томах. М., 1987. Т. 1. С. 423.

[78] Там же. С. 280.

[79] *Протасов Л.Г.* Люди Учредительного собрания: портрет в интерьере эпохи. М., 2008. С. 97.

[80] Положение заводских и фабричных рабочих было различным. Заводские рабочие были значительно лучше обеспечены, нежели фабричные, соответственно более развиты. В среднем заводской рабочий получал до 2 рублей в день, т.е. около 60 рублей в месяц, а фабричные работали более 12–14 часов, а зарабатывали 20–25 рублей в месяц. Фабричный рабочий носил ситцевую рубаху и долгополую поддевку, над которой посмеивались заводские // См.: *Плеханов Г.В.* Русский рабочий в революционном движении. Л., 1989. С. 65–66.

Д.А. Клеменц

в доступной форме излагались факты и идеи, приводящие к выводу о необходимости социальной революции ради освобождения народа от нищеты, невежества и эксплуатации его труда[81]. Для подготовки такого рода сочинений в недрах кружка «чайковцев» сформировали специальный литературный комитет.

Ядро комитета составляли Клеменц, Степняк-Кравчинский, Кропоткин, Л.Э. Шишко и Тихомиров. Его членам вменялось в обязанность не только подбирать подходящие для пропаганды произведения из того, что было издано легально, но и писать их самим. В Швейцарии у «Общества» находилась типография, где печатались сочинения членов. Деятельность «чайковцев» в этом направлении шла чрезвычайно активно: с 1872 по 1877 г. они издали 12 брошюр, всего в революционном лагере на юге было издано — 29. Из них в 1872—1874 гг. — 8, за это же время остальными кружками — всего 9. Переправляли нелегальную литературу в Россию в основном, где члены одесского кружка, как тогда выражались, «держали границу». Наиболее известными сочинениями Тихомирова, написанными в жанре литературы для народа, стали «Е. Пугачев, или Бунт 1773 года» и «Сказка о четырех братьях» (другое название «Счастливые встречи, или Любовь к Родине»). Обе брошюры высоко оценили в революционных кругах. Очень лестно отзывался о «Сказке о четырех братьях» известный революционер-эмигрант И.Л. Линев, писавший Л. Гольднбергу[82]: «Честь и хвала вам за новое издание ваше... Форма рассказа бесподобная. Вы издали образцовую штуку»[83]. В.Г. Короленко, в свою очередь, вспоминал, что тихомировская «Сказка» имела успех среди крестьян и использовалась для революционной пропаганды среди них.

О признании сочинений Тихомирова свидетельствует и то обстоятельство, что они несколько раз переиздавались довольно большим тиражом. Обращает внимание то, что при переиздании той или иной брошюры в первую очередь учитывался факт ценности ее для пропаганды, когда это подтверждалось непосредственным опытом практической деятельности в народе. Именно апробация в условиях российской сельской и городской глубинки приводила к росту либо сокращению тиража издания. Например, третье издание тихомировской «Сказки о четырех братьях» достигло 15 тыс. экземпляров, для сравнения: «Чтой-то, братцы» Шишко — 4 тыс., а «Хитрая механика» В.Е. Варзара — 10 тыс. экземпляров. Первое издание «Сказки о Мудрице Наумовне» Степняка-Кравчинского и вовсе не превысило 3 тысяч. Тогда же в 1873 г. в Женеве издали книгу «История одного французского крестьянина», переделанную из большого романа французских писателей Э. Эркмана и А. Шатриана. Как считают специалисты, наиболее вероятным автором переделки явился народнический беллетрист П.В. Засодимский, создавший ее при участии Тихомирова и Клеменца[84].

Таким образом, смело можно утверждать, что в революционном лагере авторитет Тихомирова как литератора был достаточно высок. Но при этом не следует забывать, что рассматриваемые нами произведения содержали окончательные выводы, написанные не им. Его собственные варианты были изменены, по решению кружка, на более радикальные. «"Сказка" всем нам очень понравилась, — вспоминал позже Кропоткин, — но когда мы прочли ее заключение, мы совсем разочаровались. У автора четыре брата, натерпевшись от капитала, государства и т.д., сошлись все четверо, на границе Сибири, куда их сослали, и заплакали. Сергей (Степняк-Кравчинский, — *авт.*) и я настаивали, чтобы конец был переделан, и я переделал его и сделал так, как он теперь в брошюре, что они идут на север, на юг, на запад и на восток проповедовать бунт. Точно так же и в "Пугачевщине" конец был

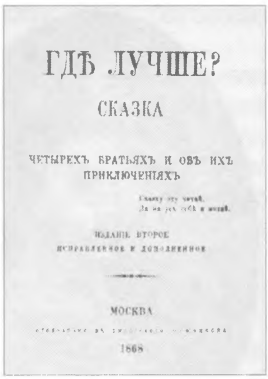
[81] См.: *Захарина В.Ф.* Голос революционной России. Литература революционного подполья 70-х годов. «Издания для народа» М., 1971. С. 237.

[82] Л.Б. Гольденберг ведал типографией «чайковцев» после В.М. Александрова. См.: *Гинев В.Н.* Блестящая плеяда // Революционеры 1870-х годов. Воспоминания участников народнического движения в Петербурге. С. 13—14.

[83] *Захарина В.Ф.* Голос революционной России. С. 39.

[84] Там же. С. 67—76.

плох.... Решили приделать конец, где бы изображен был идеал безгосударственного послереволюционного строя. Я и написал этот конец в несколько страниц. Моя рукопись попалась потом в руки жандармов»[85]. Изменение Кропоткиным концовки тихомировских брошюр в сторону пропаганды антигосударственности ярко свидетельствовало о том, что анархическая доктрина Бакунина нашла своих первых адептов среди «чайковцев». Программные вопросы, первоначально мало интересующие членов кружка и не мешающие их совместной работе, тем не менее, требовали разрешения. С другой стороны, «характерная деталь: оба сочинения Льва Тихомирова, несмотря на свою революционную направленность, оказались без убедительного идейного завершения. В такой незавершенности, непоследовательности нечто напоминающее судьбу автора»[86].

ГДѢ ЛУЧШЕ?

СКАЗКА

ЧЕТЫРЕХЪ БРАТЬЯХЪ И ОВЪ ИХЪ ПРИКЛЮЧЕНІЯХЪ

ИЗДАНІЕ ВТОРОЕ

МОСКВА

1868

Данные вымышленные, на деле книгу печатали в Женеве в 1873 г.

Осенью 1873 г. в кружке пришли к выводу о необходимости иметь свою программу. С инициативой ее написания выступил Кропоткин. В целом разработанный им документ под названием «Должны ли мы заняться рассмотрением идеала будущего строя?» был выдержан явно в духе бакунизма. До сих пор как в мемуарной, так и в научной литературе нет единого мнения, является ли данный текст программой всего «Большого общества пропаганды». Вероятно, в первую очередь кропоткинская программа отражала настроения петербургских членов кружка, да и то не всех. Подлинная ее рукопись имеет большое количество замечаний и вставок. Тихомиров свидетельствовал, что программу, предложенную Кропоткиным в духе крайнего анархизма, «мы долго продолжали еще обсуждать... и дополнять»[87]. Поэтому можно полагать, что правы исследователи, полагающие, что программой всей развитой сети «чайковской» организации она не может являться ввиду того, что ее не успели разослать для обсуждения в провинциальные кружки[88].

Наблюдая такой теоретический сумбур в центре «Общества», вопрошаешь, а как же сам Тихомиров смотрел на будущее русской жизни, каковы были его социальные воззрения в рассматриваемый период времени? Говорить о каком-либо окончательно оформившемся взгляде на направление развития русского революционного движения, думается, не стоит. Все было еще очень расплывчато, а направляющей силой выступала довольно аморфная и аполитичная эмоциональная составляющая служения народному делу. Ему ясно было одно: жестокий, оторванный от интересов простого народа нынешний политический строй в виде самодержавия существовать в России не должен. Тем не менее, попытаемся по возможности прояснить данный вопрос, обратившись к анализу ранних литературных произведений Тихомирова. Рассматривая их, нельзя не отметить, что, пытаясь вскрыть социально-экономические корни угнетения народа, он не видел другого способа защиты народных интересов, кроме как при участии политических институтов государства. Сопоставляя тексты Тихомирова и Кропоткина, историк В.Ф. Захарина пришла к выводу, что, если работы Кропоткина не оставляют сомнения в борьбе против государства и за безгосударственный строй, то в текстах Тихомирова можно усмотреть идею создания народного правительства взамен уничтоженного самодержавного[89]. Да и сам Тихомиров впоследствии заявлял, что никогда не разделял анархических убеждений. В этом

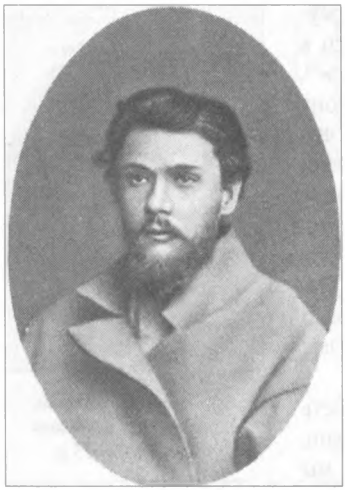
[85] *Кропоткин П.А.* Записки революционера. С. 336. «Концовка брошюры о Ем. Пугачеве, написанная П.А. Кропоткиным, отличается от текста Л.А. Тихомирова усилением анархистского начала в послереволюционном обществе. У Тихомирова "Единственное средство помочь горю — это так устроить народ, чтобы он сам управлял своими делами, за всем смотрел и всякое начальство сам выбирал"; у Кропоткина: "Одно средство помочь горю, чтобы народ сам управлял всеми до единого своими делами без всяких начальников, сам бы за всем смотрел и все свои дела сам решал по деревням и городам"» // Там же. С. 489 [Комментарий].

[86] *Баландин Р.К.* Тайные общества русских революционеров. С. 339.

[87] *Тихомиров Л.А.* Заговорщики и полиция / Под ред. *В. Невского* и *П. Антольева*. М.—Л., 1928. С. 15.

[88] См.: *Итенберг Б.С.* Движение революционного народничества. Народнические кружки и «хождение в народ» в 70-х годах XIX в. М., 1965. С. 236—241.

[89] *Захарина В.Ф.* Голос революционной России. С. 212.

С.С. Синегуб

отношении интересен цикл его очерков «Пропагандисты», опубликованный в «Московских ведомостях» в октябре — ноябре 1895 года[90]. Вспоминая период революционной борьбы, Тихомиров отмечал: «Анархизм только наиболее соответствовал смутности наших политических понятий... В действительности мы не имели на душе ничего, кроме мечтаний о будущем счастье человечества, безусловной свободе, всеобщем братстве, но как все это сделать, как даже подойти к осуществлению этого — на этот счет мы не имели даже приблизительно ясных представлений...»[91].

В целом, оценивая общественно-политическое мировоззрение Тихомирова-«чайковца», следует признать, что он в это время разделял идеи скорее культурно-просветительские, нежели бунтовские. Некоторое же бравирование бакунистской фразой представляется, скорее, данью времени, юношеской экзальтацией. Не будем забывать, что все они, «страшные ниспровергатели существующего строя», были молоды и по-житейски наивны, полагая, что весь народ думает так же, как они, опираясь при этом на книжное знание, на мнение таких авторитетов, как Лавров и Бакунин. Тем более, что, как подчеркивал Тихомиров, «среди нас было несколько действительно убежденных анархистов; другие же довольствовались не вполне ясными мечтаниями о будущем, об абсолютной свободе, о безграничном братстве, о всеобщем счастье. Но это была еще далеко не программа, это была скорее мечта, заменявшая для нас утраченную веру в *будущую жизнь*»[92]. Исходя из всего вышесказанного, выдвинем тезис о том, что «государственный инстинкт» всегда был достаточно выражен в политических воззрениях Тихомирова. Не любитель готовых формул, он много размышлял над фактами русской истории, стремился постичь ее самобытный характер. Свидетельство тому — его знакомство уже в то время с работами славянофилов. Тихомиров признавал: «Я был из самых начитанных в кружке и между прочим перелистывал когда-то Киреевского и Хомякова. Но только перелистывал. Они были слишком сложны для наших голов, избалованных соблазнительной простотой механического миросозерцания»[93].

Кроме литературной работы Тихомиров большое количество времени отдавал пропаганде среди рабочих. Этой стороне дела, как уже говорилось, многие члены кружка уделяли особое внимание. Еще в январе 1873 г. состоялось общее собрание кружка, на котором рабочее дело «без возражений не только санкционировалось, но ему отводилось в задачах кружка самое почетное место»[94]. В Петербурге у «чайковцев» было несколько точек для пропаганды, ведущейся в основном на фабричных окраинах. Степняк-Кравчинский, Клеменц, С.С. Синегуб, Д.М. Рогачев, Тихомиров и Перовская вели занятия за Невской заставой (где были заводы Семенякова и Торнтона). Пропаганда велась также на Петербургской и Выборгской сторонах: там концентрировалось много ткацких фабрик. Пропагандировали также на Симпсониевском проспекте, за Московской заставой, на фабрике Жданова и на Петровском острове[95]. Деятельность среди рабочих еще более сблизила «чайковцев». Особенно тесно Тихомиров сошелся с Синегубом и его супругой Ларисой Васильевной Синегуб (Чемодановой)[96]. Они вместе нанимали одну квартиру в рабочем квартале, за Невской заставой,

[90] *Тихомиров Л.А.* Пропагандисты // Московские ведомости. 1895. № 266; 273; 280; 287 [переиздано без ссылки на первую публикацию — *Тихомиров Л.А.* Пропагандисты // Имперский вестник. 2010. № 4. С. 25—42, далее сноски даются по переизданию].

[91] *Тихомиров Л.А.* Пропагандисты. С. 32.

[92] *Тихомиров Л.А.* Заговорщики и полиция. С. 15.

[93] *Тихомиров Л.А.* Пропагандисты. С. 31.

[94] *Чарушин Н.А.* О далеком прошлом... С. 144.

[95] *Корнилова-Мороз А.И.* Перовская и кружок чайковцев. С. 84.

[96] Жену Синегуба звали Ларисса Васильевна Чемоданова. В метрике записано имя Лариссы, в семье ее между собой называли Софьей. В воспоминаниях Тихомирова жена Синегуба фигурирует как Надя. Возможно, что Тихомиров перепутал ее с подругой — Надеждой.

в шутку называя место своего обитания Сент-Антуанским предместьем. Жили просто, без особых запросов, стремясь во всем подражать быту рабочих.

Тогда среди левых радикалов господствовало мнение, что опрощение есть лучший способ ближе сойтись с угнетенными классами и понять их. Молодые, достаточно образованные люди становились социалистами, живя не лучше, а зачастую и хуже, чем простые работники. Этот ригоризм, отречение от благ цивилизации в какой-то мере роднит народников-пропагандистов с первыми христианскими подвижниками. Зачастую такое самоотречение не находило отклика в той среде, для которой было предназначено. Рабочие, а впоследствии и крестьяне слушали этих странников с изумлением, а иногда и с подозрительностью[97].

Опрощение наблюдалось во всем, в том числе и в гастрономических пристрастиях. Вот как описывает Тихомиров популярные обеденные блюда семейства Синегубов, которые потреблял и он сам: «Часто мы ели только дешевую селедку, кислую капусту, особенно репу. Сырой репы мы поглощали невероятное количество. Случалось, покупали в харчевне к обеду студень из всякой дряни, которую делали более удобоваримой обильной приправой уксуса. Все это, конечно, при истинно солдатских порциях хлеба. Чаще всего мы готовили яичницу, иногда суп, макароны. Вина и водки у нас не бывало, впрочем, не из принципа — в трактире, случалось, и мы пивали с рабочими, дома же не употребляли просто потому, что не было привычки. Зато чай пили целый день»[98]. Не исключено, что проблемы с желудком, столь досаждавшие Тихомирову в старости, стали результатом того, что «довольствовались селедкой, кислой капустой, редькой...»[99]. Причем на кухне и в доме хозяйствовали мужчины. Как отмечал Тихомиров, сам довольно беспомощный в хозяйственных вопросах, жена Синегуба была на это неспособна, а если и бралась за что-то, то «вечно все перепортит и перепутает... Так что в общей сложности Надя[100] жила у нас неизвестно зачем, сидела больше у себя в комнате да книжки читала»[101]. Он вспоминал: «Надя ничего не понимала в этой области, и если начинала, например, мести комнаты, мы всегда поднимали крик, потому что, страшно близорукая и рассеянная, она всегда выбрасывала в огонь или в помойницу наши бумаги, заметки, табак — словом, все, что имело несчастье попасть ей под руку»[102].

В отличие от Москвы, пропаганда в Петербурге шла значительно оживленнее, хотя и здесь оставалось та же проблема: трудность в заведении знакомств с рабочими. Обычно контакты устанавливались с помощью посредничества уже знакомых революционерам рабочих. Использовалась также практика устройства на работу в мастерские или на фабрику. Так, Рогачев некоторое время трудился кочегаром на Путиловском заводе, а Степняк-Кравчинский и Синегуб находились в артели каменщиков, где вскоре завели связи и выступали перед большой аудиторией[103]. Существовали и «экстремальные» способы заводить знакомства с мастеровыми, например, в кабаках. Если Тихомиров еще в Москве отказался от подобного рода практики как бесперспективной и вредной для здоровья, то Степняк-Кравчинский иногда пытался сближаться с рабочими таким способом. В полицейских архивах на этот счет сохранилось показание студента А.В. Низовкина, свидетельствовавшего, что для сближения с рабочими «талантливейший из "чайковцев" Кравчинский пил много и притом в кабаках»[104]. Рабочие, в свою очередь, прислушивались к агитаторам, не поддаваясь на призывы Низовкина не слушать лекции Кравчинского и Кропоткина, и оправдываясь, что те «очень интересные штуки рассказывают»[105].

Тихомирова, как мало приспособленного к физическому труду, использовали для пропаганды тогда, когда контакты с рабочими оказывались уже налажены. Сама же пропаганда не представляла

---

[97] *Итенберг Б.С.* Движение революционного народничества... С. 55.
[98] *Тихомиров Л.А.* Пропагандисты. С. 33.
[99] *Тихомиров Л.А.* Заговорщики и полиция. С. 15—16.
[100] Т.е. Ларисса Синегуб — жена Сергея Синегуба.
[101] *Тихомиров Л.А.* Пропагандисты. С. 33.
[102] *Тихомиров Л.А.* Заговорщики и полиция. С. 16.
[103] *Тарапута Е.А.* С.М. Степняк-Кравчинский — революционер и писатель. С. 39.
[104] Там же. С. 43.
[105] Там же.

никаких затруднений. По воспоминаниям Тихомирова, рабочих интересовало «решительно все... мы объясняли нашей аудитории, каким образом измеряют, например, расстояние между землей и солнцем и пр. По поводу наших физических и химических опытов нас всегда спрашивали о чертях и о тысяче фантастических существ, населяющих поля и леса.

— Значит, блуждающие огни это есть явление фосфоресценции?

— Значит, леший — это не больше, как наша тень, или нечто похожее на тени волшебного фонаря?

Мы объясняли; аудитория вся целиком бросала свои карандаши и перья. Говорили о чудесах, о святых и т.д.

Наши уроки не отличались систематичностью, но они упражняли умственные способности учеников, которые в общем делали большие успехи...»[106].

В сущности, это были курсы общего развития для взрослых, и не более. Велись беседы по истории, политэкономии и ряду других предметов. Свидетельство тому — многотомные полицейские дела, хранящиеся в архивах Москвы и Петербурга. Например, рабочий Г.А. Щеглов с Невского механического завода в показаниях сообщал, что весной 1873 года он познакомился с рабочими этого завода В.Н. Тимофеевым и конторщиком М.А. Орловым. Они давали читать ему разные запрещенные книги, и по их приглашению он стал ходить к «студентам С. Кравчинскому и Д. Клеменцу, проживавшим в местности Клочки на набережной, за Невской заставой... Здесь читались лекции по политэкономии, и он слушал их всего три раза в воскресные дни, собирались при нем не более десяти человек. Лекции продолжались не более полутора часов, причем обсуждались вопросы о равномерном распределении труда и капитала, разделе земель, уничтожении собственности и проч.»[107]. Примерно так же вели дело и Тихомиров с Синегубом. Как более опытный в общении с рабочими, Синегуб играл в этом процессе ведущую роль. Правда, иногда попытка привить рабочим позитивное миросозерцание давала весьма неожиданный результат. Сильное впечатление на Тихомирова произвел случай с рабочим Никифором, который, поссорившился из-за несправедливого, как он считал, распределения денег в рабочей артели и «совершенно пьяный, дошел до того, что нанес оскорбление своему брату», затем бросился на него с ножом и был в ответ избит братом и артельщиками так, что «он вырвался из их рук окровавленный, с разбитым лицом, оставив в их руках несколько клочьев своей одежды» и прибежал к Тихомирову[108]. Призвав Льва Александровича в третейские судьи, он жаловался: «Вы мне говорили... что нужно протестовать против эксплоататоров. Мой брат это и есть настоящий эксплоататор! Он меня эксплоатирует, должен или нет я перерезать ему горло?»[109]. Когда Тихомиров попытался образумить буяна, тот был изумлен, а Лев Александрович задумался. «Скоро Никифор заснул под столом, куда я свалил его, но я уже не мог спать всю эту ночь. Эти братья, эксплоатирующие друг-друга и готовые взаимно перерезать друг-другу горло, эта артель, поддерживающая порядок таким прекрасным и справедливым способом; этот бедный Никифор, так ловко перетолковывающий нашу пропаганду, — все это проходило перед моими глазами и висело надо мною каким-то кошмаром»[110].

В 1873 г. пропаганда среди рабочих находилась в зачаточной форме. Идейно выработанных рабочих, приверженных революционной идее, насчитывались единицы. Большинство же из них, только слегка задетые агитаторством, оказывались еще не готовыми к усвоению основных идей, развиваемых пропагандистами, либо ими интуитивно улавливалось лишь общее настроение, острое ощущение несправедливости своего положения. Но и такое развитие пропаганды вширь, причем пропаганда велась практически открыто, не могло не настораживать власти. К такого рода опасности прибавилось и еще одно обстоятельство, не учтенное пропагандистами по своей неопытно-

[106] *Тихомиров Л.А.* Заговорщики и полиция. С. 21.
[107] ГА РФ. Ф. 109. 3-я экспедиция, 1874 г. Д. 144. Ч. 5. Л. 330.
[108] *Тихомиров Л.А.* Заговорщики и полиция. С. 29—30.
[109] Там же. С. 30.
[110] Там же.

сти и слабому знанию действительной обстановки в фабричной среде — агрессивное неприятие идей, проповедуемых радикальной интеллигенцией некоторой (и немалой!) частью рабочих, для которых авторитет мастера и фабричного старосты по-прежнему оставался чрезвычайно высок. Ненависть к «высоколобым», неизвестно для чего нарядившимся в рабочее платье, выплескивалась наружу, в том числе на рабочих квартирах, порождая конфликты внутри фабричного коллектива, а отсюда и доносы начальству, в свою очередь напрямую информировавшему соответствующие органы.

Сохранилось свидетельство самого Тихомирова: «Рабочая среда, в широком смысле, не оказалось без людей, которые в нас самостоятельно признали каких-то "врагов" в то время, когда официально мы не были еще объявлены вредными... противодействие среды нарастало очень быстро. Немного месяцев действовала наша дальнезаставская группа, а уже окружающая атмосфера стала как-то омрачаться. Количество рабочих, являвшихся "учиться", сначала так быстро возраставшее, начало уменьшаться. Наши "ученики" все чаще стали передавать о тех спорах, которые им приходилось выдерживать о нас на квартирах»[111].

Получалась парадоксальная вещь: силой обстоятельств пропаганда среди рабочих, задуманная как массовая и имеющая просветительский характер, стала со временем все более принимать характер тайный, заговорщический, ориентированный лишь на отдельных представителей рабочего сословия. И все же именно тогда, невзирая на все просчеты и неудачи, связанные с этим начинанием, у Тихомирова зародилось трепетное отношение к справедливому решению «проклятого» рабочего вопроса. Данная проблема занимала его на протяжении всей его жизни. В 1906 г., находясь уже по другую сторону баррикад, в письме к Суворину Тихомиров эмоционально делился сокровенным: «Начал в "Московском Голосе" ряд статей о социализме и гражданственности. Хочу нашим рабочим сколько-нибудь втолковать, что социализм — ничего не даст. Потом эти статьи думаю обделать в две-три брошюры <...> Так ведь и тут не подойдешь к "согражданам". Растерял знакомых рабочих и не предвижу, как я могу распространить между рабочими свое произведение, когда оно будет. Я все мечтаю о рабочей газете (с рабочей редакцией). Не подойдешь к ним. Наводил справки: говорят — подождите, пока с них сойдет революционный дурман <...> Этакая обида. А ведь рабочие — это мой самый близкий (по духу) класс. Я крестьян мало знаю, и не сумел бы с ними сойтись. А рабочие мне свои люди. То есть, конечно, они могут меня и расстрелять, но это другой разговор, стреляют не одних чужих, а и своих. Это не мешает мне быть с ними близким, знать их и уметь с ними жить и говорить. Но вот уверяют, что теперь не согласятся. Очень досадно: такая уж мне вечная незадача в жизни. И все-таки должно быть не выдержу и попробую сбить из них редакцию (в которую и сам должен войти, конечно)»[112].

Пребывание Тихомирова среди петербургских «чайковцев» оказалось непродолжительным. Полиция, напуганная ростом пропаганды в столице Империи, используя промашки еще не искушенных в конспирации молодых людей, вскоре вышла на их след. В ночь с 11 на 12 ноября 1873 г. полицейские нагрянули на квартиру за Невской заставой, нанимаемую семейством Синегубов и Тихомировым. Лев Александрович вспоминал, что 11 ноября у него было неспокойно на душе: «Давно мне уже не приходилось бывать на Петербургской стороне, и я шел туда... с тяжелым чувством, какое я начинал испытывать довольно часто. Я чувствовал бессознательно, что мы были накануне очень тяжелых испытаний... Я знал, что и меня также искали. В провинции тем временем уже было произведено несколько арестов»[113]. Сергей Синегуб говорил, что «уже очистил свою квартиру от всяких революционных брошюр и пр. в виду неизбежного обыска»[114]. Тихомиров лег спать, а когда проснулся, в доме уже была полиция. При обыске, первоначально не предвещавшем ничего опасного, т.к. запрещенную литературу заблаговременно ликвидировали, нашли некоторые

---

[111] *Тихомиров Л.А.* Пропагандисты. С. 40.

[112] *Бухбиндер Н.А.* Из жизни Л. Тихомирова (по неизданным материалам) // Каторга и ссылка. 1928. № 12. С. 68–69.

[113] *Тихомиров Л.А.* Заговорщики и полиция. С. 64–65.

[114] Там же. С. 65.

компрометирующие материалы[115]. «Под одной скамейкой нашли свернутый в комок старый пиджак. Жандармы заинтересовались и старательно начали его развертывать.

— Тише, господа! — крикнул Сергей.

Они с испугом остановились.

— Почему? Что тут может быть завернуто?

— Кошка нагадила прямо на моем пиджаке...

Одни улыбнулись, другие нахмурили брови.

— Чьи это стихи?

Прокурор прочитал две строчки:

Эй, работники, несите
Топоры, ножи с собой...[116]

— Чья это бумага?

— Это мои стихи, — отвечал бедный Сергей, который был недюжинным поэтом»[117]. В результате «этакой "поэзии" у него нашлось по разным закоулкам предостаточно. Видно, плохо "очищал" свою квартиру... Правда, кажется, ничего другого предосудительного и не оказалось»[118]. Но и найденного было вполне достаточно, чтобы троицу препроводить в полицейский участок, где Тихомиров заявил, что его зовут Тигрыч — его кличка в кружке «чайковцев» от слова «тигр» — опосредованный намек на имя Лев[119]. Пришлось Тихомирову испытать и все «прелести» задержанного: «Меня быстро раздели, сняли с меня все, включая рубашку, трясли каждую вещь, обыскивали карманы и все складки платья, затем быстро нарядили в тюремное платье, показавшееся мне отвратительным: рубашка, кальсоны, серый халат, на ноги плохие туфли — только и всего, не было даже брюк. Мне стало холодно»[120].

Аресты пропагандистов стали тогда уже обычным явлением. И все могло еще кончиться более-менее сносно, но знакомство Тихомирова с Синегубом, который был сильно скомпрометирован перед властями, а также московские дела Тихомирова, ставшие частично известными полиции, и его упорное нежелание сотрудничать с властями и помогать им — все это в совокупности выставило Льва Александровича перед полицейским дознанием как серьезного врага существующего строя. Стоит отметить, что в начале 1870-х гг. правительство чрезвычайно переоценивало воздействие революционной пропаганды на широкие слои русского населения, гипертрофированно преувеличивало силы и возможности тогда еще зачастую легальных и мирных пропагандистов. Отсюда и совершенно неадекватные меры по воздействию на арестованных преступников, большинство из которых и сами потом признавали, что прошло бы еще 1—2 года «подобных странствий по деревням (имелось в виду «хождение в народ», — *авт.*) или жизни среди народа, и мы бы отрезвились от наших революционно-народнических утопий. Движение наше улеглось бы... и мы оказались не чем другим, как "крайне левой" нашего общеземского движения»[121]. Примерно так же впоследствии оценивали эту эпоху Морозов, Кропоткин, и др. Подобную же точку зрения озвучивал и дореволюционный историк К. Циллиакус, писавший: «Если бы правительство понимало, как мало шансов имела эта попаганда, начатая с таким энтузиазмом ("хождение в народ") то, вероятно, оно не по-

---

[115] См.: *Тихомиров Л.А.* Развязка // Московские ведомости. 1895. № 315; 322 [переиздано без ссылки на первую публикацию — *Тихомиров Л.А.* Развязка. Очерки и отрывки // Имперский вестник. 2010. № 5. С. 8—15].

[116] Первые строки стихотворения С. Синегуба:

Эй, работники, несите
Топоры, ножи с собой.
Смело, братья, выходите
За свободу в честный бой.
Мы под звуки вольных песен
Уничтожим подлецов...» // *Тихомиров Л.А.* Заговорщики и полиция. С. 214.

[117] Там же. С. 70—71. Несколько иное описание событий см.: Сегал Е.А. Софья Перовская. М., 1962. С. 93—94.

[118] *Тихомиров Л.А.* Развязка. С. 13.

[119] Хроника социалистического движения в России. 1878—1887 гг. М., 1906. С. 60.

[120] *Тихомиров Л.А.* Заговорщики и полиция. С. 77.

[121] *Дебагорий-Мокриевич В.К.* От бунтарства к терроризму. М., 1930. Кн. 1. С. 213.

мешало бы самим пропагандистам постепенно понять, как мало их методы были пригодны для достижения результата»[122].

Правительство, однако, оказалось в плену иллюзий и не желало понять этот своего рода патриотический порыв молодого поколения. Замшелая бюрократическая машина царского правосудия обрушилась на арестованных пропагандистов, ломая их и... одновременно озлобляя, подталкивая к дальнейшей борьбе с властью. Тем более что успехи в полицейских дознаниях сулили карьерный рост и награды. Тихомиров впоследствии подробно описал свои впечатления от жизни за решеткой и общения с представителями тюремной администрации[123]. Жандармские чины на всех уровнях не желали считаться с тем, что перед ними оказались молодые люди, у многих из которых, по меткому наблюдению Тихомирова, над личным опытом преобладали книжные, теоретические представления о жизни, когда «молодой человек невольно более *играет* ту или иную *роль*, нежели действительно *живет*. Я искренно воображал себя революционером и старался держать себя именно так, как подобает в звании врага существующего строя. Но в действительности — я тогда еще вовсе не имел сам по себе, *в чувстве*, ненависти к этому строю... Мое отрицание было чисто *идейное*, и направлялось не против действительности существующего строя, которой я и не знал, а против *идеи* его. Если бы что-либо в это время повлияло на мои идеи, показало бы ошибочность их, — существующий строй не нашел бы в себе вражды в моем *чувстве*. Напротив, тут нашлись бы все задатки духовной близости к нему. Первый действительный удар им нанесла тюрьма, и даже не столько сама тюрьма, как отношения, сложившиеся у меня с реальными представителями этого существующего строя. Как это подобало роли революционера, я рассудил, что нахожусь "в плену" "у неприятеля". С другой стороны, как было совершенно натурально по самому чувству порядочности, я не хотел кого-либо выдать. Поэтому я поставил себя в положение холодной и осторожной сдержанности в показаниях»[124].

Никто не попытался повлиять на еще *не устоявшееся* мировоззрение Тихомирова и ему подобных и попытаться победить их не силой, а иными, идейными способами. Господствовала одна цель: наказать как можно строже, дабы другим неповадно было. Среди массы правительственных сановников не нашлось ни одного, кто бы задумался над тем, что из сегодняшних, скорее «внешних», фрондирующих революционеров, а не «матерых» борцов с властью, действующих уже по определенному внутреннему убеждению, они своим карательным произволом формируют первые легенды радикального мира. Репрессии создают из молодых людей бессмертные мифы революции, которым вскоре начнет в массовом порядке поклоняться экзальтированная молодежь, вообще склонная к подражательности. Но об этом в те годы не думали, и поэтому при ведении полицейского дознания четко прослеживалась линия на привлечение как можно большего круга лиц к ответу. Интересны в связи с этим наблюдения Ф.Э. Дзержинского, который сам провел 11 лет в тюрьмах, ссылках и на каторге: «Ни одно наказание, исходящее извне, никогда никого не может исправить, а только искалечит. Примером могут служить тюрьмы для взрослых, которые не исправляют, а лишь мучают, портят и отделяют людей от общества»[125].

Тихомиров вспоминал: «Мое чисто теоретическое представление о "неприятеле" начинало только оформляться в живое, действительное. Я начинал видеть против себя действительного неприятеля, начинал пропитываться сознанием, что между нами нет ничего общего, никаких человеческих связей. Я вспоминал песню пленного ирокеза, привязанного к столбу и расстреливаемого толпой вражеского племени; как он, я напрягал все душевные силы на выработку безмолвной гордой ненависти, которую одну мог противопоставить стрелам врагов. Во мне начинал впервые зарождаться *действительный* революционер, проникнутый той личной злобой против существующего строя,

---

[122] *Циллиакус К.* Революционная Россия. СПб., 1906. С. 61.

[123] См. цикл публикаций в ноябре — декабре 1895 года: *Тихомиров Л.А.* Тюрьма // Московские ведомости. 1895. № 329; 336; 344; 350 [переиздано без ссылки на первую публикацию — *Тихомиров Л.А.* Тюрьма. Очерки и отрывки // Имперский вестник. 2010. № 5. С. 16–32, далее сноски даются по переизданию].

[124] *Тихомиров Л.А.* Тюрьма. Очерки и отрывки. С. 20.

[125] Письма Ф.Э. Дзержинского // Семья и школа. 1946. № 7/8. С. 4.

которая создала идеи, дотоле воспринимавшиеся мной лишь наружно, с беспечным добродушием мальчика. Этот внутренний процесс переработки моей души из добродушно-ребяческой на мрачно-ненавидящую был до невозможности тяжел. До тех пор я только болтал с чужих слов, будто бы зло царствует в мире, а сам, напротив, чувствовал в нем почти одно добро. Теперь — меня охватывало прямое ощущение, что все ужасно на свете, что наша жизнь — мрачное зло. Это сатанинское чувство сжигало меня, подрывало все силы душевные и физические... Я остался безусловно один, в строжайшем одиночном заключении, замкнутый, в подавляющем сознании своего бессилия перед "врагами" и в озлоблении против торжествующей силы, раздавливавшей меня как червяка, но не возбуждавшей во мне ничего, кроме горделивой ненависти»[126].

Извечная враждебность полицейских чинов к просвещенным слоям русского общества как постоянному источнику опасности сказывалась и на ходе дознания. «Студент — значит виновен, — примерно так рассуждали жандармские следователи. — Не желает выдавать товарищей — вдвойне виновен». В результате такого подхода Тихомиров и огромное число других представителей молодого поколения, исповедующего «передовые» взгляды, оказались затянуты в гигантский водоворот полицейского расследования по делу «О преступной пропаганде в Империи», которое проводили прокурор Саратовской судебной палаты С.С. Жихарев и начальник Московского жандармского управления И.Л. Слезкин. Дознаватели раскрыли пропаганду в 37 губерниях[127]. Всего привлеченных в качестве обвиняемых в этих губерниях значилось 770 человек, из них 158 женщин. Под стражей находились 265 человек, в том числе и Тихомиров[128].

Первого тюремного опыта Лев Александрович набирался в Петропавловской крепости, куда его вскоре после ареста перевели из тюрьмы III отделения как опасного политического преступника. На своей шкуре он опробовал старую, как мир, русскую пословицу еще екатерининских времен: «В России язык до Киева доведет, а перо — до Шлиссельбурга». Именно в крепости из него начинает формироваться настоящий революционер, враждебно настроенный к существующему строю. Причем первоначально, как отмечал сам Тихомиров, он негативно оценивал сложившийся в России порядок вещей через призму неприязни к конкретным представителям его, а именно — представителям полицейского департамента и тюремной администрации. Одиночное заключение, сводящая с ума тоска, постоянное подглядывание за арестантом в глазок — все это доводило Тихомирова буквально до сумасшествия. Он вспоминал, что «вздумал смастерить себе карты — не для игры, конечно, а чтобы раскладывать пасьянс... Долго собирал я гильзы от папирос. Потом наготовил нечто вроде туши, из хлеба, смешанного с копотью от керосинки. Наконец, я разрисовал свои двойки и тузы»[129]. Но, когда Тихомиров был на прогулке, его колоду нашли и изъяли. Тогда он «начал собирать разноцветные клочки, красные, зеленые, желтые, которыми заклеены резинки в книжках папиросной бумаги[130], и раскладывать их так, чтобы они все освещались лучом солнца. Я наслаждался видом этих ярких разноцветных точек. Но присяжному мое занятие показалось странным... и он унес мои бумажки с видимым убеждением, что я затевал нечто весьма подозрительное. Но у меня оставалось мыло. Я делал мыльные пузыри и подставлял под свой луч солнца, любуясь их перламутровыми переливами»[131].

Вначале Тихомирову выдавались только тюремные книги. В основном «старый хлам» в виде военных журналов времен Крымской кампании. Отметим, что, по признанию Тихомирова, «чтение

---

[126] *Тихомиров Л.А.* Тюрьма. Очерки и отрывки. С. 21, 22.

[127] Полицейское дознание учло 37 губерний, захваченных «хождением в народ», еще 4 губернии были выявлены последующим дознаниями и 10 советскими историками. Подробнее об этом см.: *Троицкий Н.А.* Царские суды против революционной России: политические процессы 1871—1880 гг. Саратов, 1976. С. 42.

[128] Записка графа К.И. Палена. Успехи революционной пропаганды в России // *Дейч Л.Г.* Социалистическое движение начала 70-х годов в России. М.-Л., 1928. С. 46.

[129] *Тихомиров Л.А.* Тюрьма. Очерки и отрывки. С. 26.

[130] «Я подобрал куски той цветной бумаги — желтой, зеленой и розовой, какая всегда имеется в русских папиросах, и расположил их таким образом, что они освещались этим солнечным лучом» // *Тихомиров Л.А.* Заговорщики и полиция. С. 95.

[131] *Тихомиров Л.А.* Тюрьма. Очерки и отрывки. С. 26.

вангелия все-таки составляло одно из любимых занятий моих в тюрьме... вообще за это время я овольно хорошо изучил Новый Завет, что мне оказалось очень полезным впоследствии, когда я, лагодаря Богу мог подойти к Священной книге с несколько иным настроением»[132].

Особенно раздражала Тихомирова постоянная слежка часового за ним: «Окошечко в дверях юстукивало, и глаз часового приближался к нему... Это выводило меня из себя... Это шпионство ісегда возмущало меня особенно вечером; оно мешало мне спать и, когда наконец я засыпал, меня ачинали душить ужасающие кошмары, почти всегда фантастические привидения, порожденные моим душевным состоянием. То это было чудовище, которое пожирало меня, то я скользил по ледяному пространству, увлекавшему меня к неведомой бездонной пропасти... Я просыпался в ужасе, покрытый холодным потом. Сны эти бывали настолько ужасны, что я начинал испытывать некоторый страх перед наступающей ночью и старался не засыпать, как можно долее. Самое ужасное было то, что в конце концов я видел себя только одетым в мой тюремный костюм; значит, тюрьма настолько охватила все мое существо, так запечатлелась в глубине моей души, что даже во сне я не был в состоянии вызвать какие-либо другие воспоминания!»[133]

Не удивительно, что даже, несмотря на относительно хорошее питание, Тихомиров почувствовал себя полным инвалидом: «Приблизительно через девять месяцев я чувствовал себя наиболее слабым, и физически и нравственно, гораздо более слабым, чем позднее. Мои нервы развинтились до невозможности. Сердцебиение так усилилось, что я не мог ни лежать, ни ходить. Доктор предписал мне дигиталис и при каждом визите советовал не думать ни о чем, особенно о своем положении. Советовать было легко, но как исполнить? Где было взять силу на это? Упадок духа у меня был полный. В это время я готов был даже *сдаться*. Конечно, ничего, по моим взглядам, нечестного я бы и тогда не сделал. Даже напротив, только мысль об опасности поступить нечестно способна была еще меня возбуждать к сопротивлению... Я чувствовал себя полным инвалидом и, размышляя, порешил, что имею право *сдаться*. Тогда я написал одному из следователей, который мне больше других нравился, пренаивное послание, в котором просил *освободить* меня под поруку моего честного слова, что я не стану заниматься никакой пропагандой и никуда не скроюсь <...> Само собой, просьба, выходящая изо всех предусмотренных законом рубрик, осталась без малейших последствий. Вспоминаю о ней только для характеристики своего настроения в этот момент кризиса»[134].

Чувство тоски и безысходности, полностью захватившее Тихомирова, находит выражение в его поэтических упражнениях. Он им стал предаваться в крепости после того, как получил разрешение на пользование пером и бумагой. Тюремная лирика Тихомирова достаточно красноречиво свидетельствует о посещавших его мыслях. В результате проведенной исследовательской работы[135] удалось связать с авторством Тихомирова несколько поэтических автографов, оставленных под псевдонимом «Кар...». В некоторых из них, как, например, в стихотворении «К моему пиджаку», чувствуется определенная автобиографичность. В доказательство приведем небольшой отрывок из него:

Ты помнишь дом за ...ою заставой?
Там жили бедность, дружба и любовь.
Друзьям нужда казалася забавой,
И часто кровь их грела вместо дров...
Увы, как сон минуло это:
Ты помнишь ночь, когда обоим нам
Пришлось усесться в «черную карету»?

---

[132] *Тихомиров Л.А.* Тюрьма. Очерки и отрывки. С. 23.

[133] *Тихомиров Л.А.* Заговорщики и полиция. С. 96—97.

[134] *Тихомиров Л.А.* Тюрьма. Очерки и отрывки. С. 28.

[135] См.: *Милевский О.А.* Под псевдонимом «Кар...»: (к вопросу об установлении поэтического псевдонима Л.А. Тихомирова) // Гуманитарному факультету — 15 лет: юбилейный сборник научных и научно-методических трудов преподавателей и аспирантов гуманитарного факультета Алтайского государственного технического университета. Барнаул, 2007. Вып. 2. С. 36—41.

Кроме строк, обращенных к старой дружбе в домике за Невской заставой и соответственно к Синегубу, в абсолютном большинстве других ранних тюремных поэтических посланий просматривается не оставляющая надежд тоска, перемежающаяся с лютой ненавистью к своим тюремщикам. Как видим — взрывоопасная, гремучая смесь. Чего стоят следующие строфы:

Служить опять найдутся ли в нас силы?
Иль ничего уж не осталось нам,
Как снова лечь, уже навек, в могилу,
Послав проклятье нашим палачам?

Еще более щемяще звучат строчки из другого стихотворения:

Прощай, земля родная! Может быть,
Уж больше мне тебя не суждено увидеть,
Но буду я тебя по-прежнему любить,
И всех врагов, как прежде, ненавидеть...[136]

Через год предварительного заключения произошло удивительное событие, впрочем, очень характерное для тогдашних процессуальных порядков Российской Империи. Тихомиров вспоминал, что «меня вызвали и объявили мне, что следствие было окончено и что я должен остаться в заключении до процесса.

— Но скажите мне, пожалуйста, — обратился я к прокурору, — в чем вы меня обвиняете? Честное слово, я этого не знаю!

— Да, — отвечал он мне, — это верно, ваша роль второстепенная... Вам скорее вредит недостаток искренности, — добавил он.

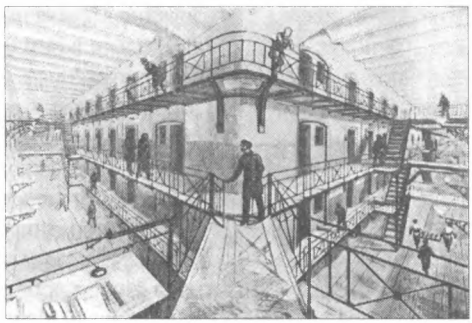
И, правда, искренним на допросах я никогда не был. Единственное, что утешало меня в это ужасное время, это сознание, что я никому не повредил, никого не выдал»[137].

Вот как вспоминал о данном судебном казусе Синегуб: «Над Тихомировым судьба жестоко посмеялась... Его действительно привезли из крепости в судебную палату; Гераков прочел ему постановление об его освобождении из-под стражи с подпиской о невыезде из Петербурга, а Э.Я. Фукс (прокурор судебной палаты) возвратил постановление Геракова с подписью, что хотя Тихомиров по нашему делу и должен быть освобожден из-под стражи, но так как он провинился еще по "делу Любовского", возникшему в Москве, то до окончания следствия по этому последнему делу его освободить нельзя. Нетрудно представить, каково было возмущение Тихомирова, когда на процессе было объявлено, что "по делу Любовского" Тихомиров вовсе не привлекался. Таким образом, неизвестно и непонятно, за что же Тихомирова выдержали в одиночном заключении с 12 ноября 1873 г. по февраль 1878 г.»[138]. Сам Тихомиров всегда помнил об этой судебной ошибке, и не случайно жаловался Новиковой, что попал в тюрьму всего-то «за дурацкую брошюру».

Можно объяснить столь странное стечение обстоятельств и тем, что ведущую роль в этом громадном полицейском дознании играл руководитель Московского жандармского управления И.Л. Слезкин, особенно стремившийся выявить все революционные связи в Москве, а отсюда повышенный интерес к персоне Тихомирова, достаточно известной в московских радикальных кругах. В любом случае ясно, что суровость уже совершившегося наказания отнюдь не соответствовала тяжести преступления и, ко всему прочему, все это наслаивалось на архаичность российской пенитенциарной системы. В результате все происшедшее с ним трактовалось Тихомировым как месть правящего режима, направленная против него лично, а отнюдь не как наказание за совершенное им противоправное деяние. В свою очередь это способствовало лишь одному — консервации уже сложившихся у него революционных воззрений.

---

[136] Из-за решетки. Женева, 1877. С. 57—59.
[137] *Тихомиров Л.А.* Заговорщики и полиция. С. 85.
[138] *Синегуб С.С.* Воспоминания чайковца // Былое. 1906. № 9. С. 118.

Внутренний вид Дома предварительного заключения

Более того, такого рода взгляды стали еще «левее». Теперь Тихомиров имел собственный счет к правительству, что вполне объяснимо. Жестокие репрессии, настоящая «истребительная война» против пропагандистов, развязанная царизмом, приводила ко все большему расколу в русском мыслящем обществе, все больше склонявшемуся к поддержке революционной молодежи. Карательный произвол властей способствовал тому, что в недрах русских тюрем стал формироваться тип революционера, не только проникнутого агрессией против существующих порядков, не гарантировавших свободу и права личности, но и готового отстаивать их с помощью крайних средств. Не будем забывать, что в открытом противостоянии власти и общества в первых рядах оказались далеко не худшие представители молодого поколения России. Для лучшей иллюстрации ситуации приведем данные о возрастном составе участников революционного движения с 1873 по март 1879 гг., опираясь на исследования Б.С. Итенберга. Получается следующее: из известных по возрасту 1665 человек — 27,5% (458 чел.) были моложе 21 года; 38,4% (640 чел.) от 21 до 25 лет; 21,3% (356 чел.) от 25 до 30 лет. Таким образом, 87,2% участников движения были в возрасте до 30 лет[139]. Поэтому неудивительно, что они очень остро реагировали на откровенную и во многом действительно чрезмерную жестокость власти.

Факты же, свидетельствующие о тяжелом положении заключенных, еще более накаляли обстановку. Отметим, что за время предварительного заключения, с 1873 по 1878 г., из числа арестованных по делу «О пропаганде в Империи» в тюрьмах России погибло около 100 человек из 770, т.е. фактически каждый восьмой. В том числе умерли — 43, самоубийств — 12, сошли с ума — 38, покушений на самоубийство — 3[140]. Очень ярко, а вместе с тем и трагично напряжение этого момента передал в строках своего романа «Андрей Кожухов» Степняк-Кравчинский в монологе Андрея: «Наша миссия очень тяжелая, но мы должны выполнить ее до конца. Что бы выиграла Россия, если бы мы не отплачивали ударом за удар, а продолжали обучение и пропаганду в деревушках?.. Правда, нас бы не вешали. Но что тут хорошего? Нас бы арестовывали и ссылали в Сибирь или оставляли бы гнить в тюрьмах по-прежнему. Мы не оказались бы в лучшем положении, чем теперь, и... ни одного лишнего часа нам не дали бы посвятить народному делу. Нет, нам не дадут свободы в награду за примерное поведение. Мы должны бороться за нее любым оружием»[141]. Несомненно, под такими словами мог подписаться тогда и Тихомиров.

После окончания предварительного следствия, в самом начале 1876 г., Тихомирова перевели в Дом предварительного заключения (в дальнейшем ДПЗ) там же, в Петербурге[142]. Он открылся 1 августа 1875 года, построенный по последнему слову тогдашней тюремной архитектуры. ДПЗ должен был продемонстрировать европейский уровень организации «тюремного дела в России»[143]. Перевод из Петропавловки явился в некотором роде событием в тюремной одиссее Тихомирова.

---

[139] *Итенберг Б.С.* Движение революционного народничества... С. 377.

[140] Революционное народничество семидесятых годов XIX вв. Сборник документов и материалов. М.—Л., 1965. Т. 2. С. 46.

[141] *Степняк-Кравчинский С.М.* Сочинения в 2-х томах. М., 1987. Т. 2. С. 124.

[142] Впоследствии, 3 декабря 1888 года, Тихомиров написал Новиковой «по поводу тюрем русских», что, будучи в ДПЗ, познакомился с заключенным, сидевшим в русских и заграничных тюрьмах, который уверял его, что русские тюрьмы понравились ему больше. Он также писал Новиковой, что в России тюремный режим мягче и гуманней, что полезно для общества, т.к. арестант не ожесточается и не делается таким зверем, как после западной тюрьмы // РГАЛИ. Ф. 345. Оп. 1. Д. 746. Л. 68. Правда, сам Тихомиров в западных тюрьмах не сидел и писал все это, уже отойдя от революционной деятельности.

[143] ДПЗ представлял собой шестиэтажное здание, которое содержало 63 камеры по системе общего заключения и 317 одиночных камер. Всего по «норме» там могло содержаться одновременно 710 заключенных // *Гернет М.Н.* История царской тюрьмы. М., 1961. Т. 3. С. 361.

Наконец-то прервалась изоляция заключенных. Государственные преступники занимали одиночные камеры, но, т.к. большинство сидели в ожидании суда очень долго, то они считали себя вправе перестать покоряться тюремным инструкциям. Это непокорство один из заключенных, Л.А. Дическуло, выразил в формуле: «Нас законопачивают, а мы расконопачиваемся», и, как вспоминал Синегуб, «мы действительно начали расконопачиваться по всем направлениям»[144].

Прежде всего нарушалось строгое тюремное предписание не разговаривать друг с другом. Вскоре к традиционному перестукиванию присоединились еще так называемые «клубы»[145]. Организация клубов особенно впечатляла своей оригинальностью. Видимо, только изголодавшийся по общению рассудок русского революционера мог придумать такое. За основу брались конструктивные недочеты в постройке ДПЗ. Тихомиров описал это так: «Еще одно обстоятельство очень дурно отзывалось на здоровье сидящих. Клозет каждой камеры, поставленной вертикально, оканчивался большим вертикальным же каналом, по которому спускались нечистоты. Заключенные, всегда жаждавшие пользоваться обществом себе подобных, скоро открыли, что если прочистить каналы клозетов, то через них, как через разговорные трубы, можно свободно разговаривать. Сделанный опыт в этом смысле подтвердил предположение. Оказалось, что двенадцать заключенных могли этим путем, по спускным трубам, легко беседовать между собою.

Дело было сделано. Никакие строгости теперь уже не могли помешать никому из нас участвовать в его клубе, как мы называли эту дюжину камер, соединенных общим каналом. Трудно, конечно, было победить некоторое естественное чувство отвращения, вызываемое присущим клозетам зловонием, но раз это было достигнуто — получалось очень много удовольствия.

Можно представить себе, каким воздухом при этом приходилось дышать заключенным столько времени. Наверху, в седьмом этаже, было еще сносно, но во втором — ниже этого мне не приходилось сидеть — можно было задохнуться. Часто, кроме отвратительного запаха, через отверстие поднимались какие-то сернистые испарения, и все наши старания дезинфицировать клозеты водою, скипидаром и пр. ни к чему не приводили, и от этих испарений избавиться нам не удалось.

Крышки клозетов оставались открытыми целый день, так как, хотя у каждого из нас и была своя работа, но не могли победить в себе желания поговорить с товарищем, если ему вздумается нас позвать»[146]. По счастливой случайности членом одного такого «клуба» стали старые друзья — Тихомиров и Синегуб. Общение через «клубы» являлось грубейшим нарушением тюремных порядков, однако сил на пресечения подобного «безобразия» у тюремной администрации не хватало, и она в итоге махнула на это рукой. Да и настроение в стране изменилось: теперь симпатии общественного мнения оказались на стороне арестованных, и использовать против них карательные меры тюремная администрация где-то и побаивалась.

Несомненно, восстановление, хотя бы в такой форме, контактов с друзьями несколько подняло моральный дух Тихомирова. В рассматриваемый отрезок времени настроение у него рисуется достаточно боевым. Общение с товарищами сделало свое дело. В его голове начинают роиться планы по продолжению борьбы, а для этого необходимо было обрести свободу. Первоначально Тихомиров содержался в одном тюремном отсеке с Коваликом и П.И. Войнаральским. Вместе с ними и еще четырьмя товарищами он принял участие в неудачной попытке побега, по счастью, так и не открытой тюремным начальством. За 500 рублей неожиданно проснувшийся надзиратель не донес о планах арестантов уйти через одно из заранее открытых окон в нижнем этаже ДПЗ[147]. Несмотря на столь оглушительную неудачу, Тихомиров не сдавался. Тем более, что заключенные отвоевали для себя еще ряд существенных льгот. Одной из новых побед в борьбе с администрацией ДПЗ явилась акция по отвинчиванию и снятию тяжелых железных оконных рам.

---

[144] *Синегуб С.С.* Воспоминания чайковца [В Доме Предварительного заключения. Боголюбовская история] // Революционеры 1870-х годов. Воспоминания участников народнического движения в Петербурге. С. 233.

[145] Там же.

[146] *Тихомиров Л.А.* Заговорщики и полиция. С. 108—109.

[147] Автобиография Ковалика С.Ф. // Деятели СССР и революционного движения в России. М., 1989. С. 175.

Ф.Ф. Трепов

Третьим нарушением оказалось общение заключенных путем передачи друг другу записок и даже вещей. Тихомирову, в тот период, когда он только еще осваивал тюремные премудрости, пришла в голову странная идея: «Летом через форточку в мою камеру прилетело много мух. Мне пришла мысль утилизировать их в качестве почтальонов; я приготовил несколько записок на папиросной бумаге, поймал соответственное количество мух, привязал записочки к их лапкам и пустил их. После я спрашивал товарищей об этих мухах-почтальонах, но оказалось, что все усилия мои были напрасны: никто решительно не получал моей корреспонденции»[148]. Существовал более проверенный и эффективный способ передачи записок, чем ловля мух — организация так называемых «коней». Синегуб вспоминал: «"Кони" — это шнурки... которые мы провели из окна в окно, от соседа к соседу и вниз, и вбок. С помощью этих "коней" мы могли передавать товарищам решительно все: и записки, и книги, и угощения, получаемые с воли, и одежду»[149]. Такое покушение на тюремные правила не могло не задевать интересов тюремного начальства. Тем более что к уже завоеванным негласным правам прибавилось еще одно — совместные прогулки. «Зло нарушения инстукции начинало принимать в глазах начальства слишком большие размеры; у него начала накапливаться досада...»[150].

В конце концов именно на прогулке и произошла 13 июля 1877 г. нашумевшая боголюбовская история[151], закончившаяся телесным наказанием заключенного А.П. Боголюбова (Емельянова) по приказу находящегося в ДПЗ с инспекцией градоначальника Ф.Ф. Трепова. Боголюбов получил 13 розог. Такое насилие над личностью вызвало шквал протестов среди заключенных, вылившихся в потасовки с надзирателями и закончившихся зверским избиением арестованных, карцерами и т.д. Причем насилие над политическими заключенными оказалось настолько беззаконным даже в практике царских тюрем, что прокурор Петербургской судебной палаты Фукс в представлении министру юстиции делал следующий вывод: «Вышеизложенные факты... указывают, что начальство ДПЗ относительно содержащихся в нем арестантов дозволило себе такие действия, которые не разрешены законом и не могли бы быть терпимыми не только в столичной тюрьме, устроенной для подследственных арестантов, но и ни в какой провинциальной тюрьме, содержащей лиц, уже осужденных... Эти прискорбные факты злоупотребления власти, ничем не вызванные... должны повлечь ответственность виновных в них для предотвращения возможности повторения их на будущее время»[152].

В дальнейшем «боголюбовская история» имела свое продолжение — как хорошо известно, она стала причиной покушения Засулич на жизнь Ф.Ф. Трепова и открыла «эру терроризма» в России. Факты тюремного произвола еще сильнее наэлектризовывали радикально настроенную молодежь. Главное же — они свидетельствовали о порочности и неэффективности такой «тюремной педагогики» и ее последствиях: «Собственно, в идейном смысле, то есть в отношении убеждений, никакого влияния одиночное заключение ни в одном мне известном случае ни в девять, и в двадцать месяцев не имело. Может быть, у человека, обильного опытом, наблюдениями, вообще с большим запасом внутреннего содержания дело выходит иначе. Могу себе представить, что такой человек, оставшись наедине, может лучше взвесить то, о чем не думал на воле под действием увлечения,

---

[148] *Тихомиров Л.А.* Заговорщики и полиция. С. 100.

[149] *Синегуб С.С.* Воспоминания чайковца [В Доме Предварительного заключения. Боголюбовская история]. С. 235.

[150] Там же.

[151] Причина наказания заключалась в следующем: Боголюбов на совместной прогулке заключенных якобы не снял шапки перед градоначальником Санкт-Петербурга Ф.Ф. Треповым. В свою очередь, Трепов сбил шапку с головы заключенного, вызвав тем самым взрыв ярости остальных арестованных, наблюдавших за инцидентом из окон своих камер и решивших, что градоначальник ударил Боголюбова по лицу. Все это и спровоцировало тюремные беспорядки.

[152] *Кони А.Ф.* Собр. соч. М., 1966. Т. 2. С. 398.

или посторонних влияний. Может быть, такой человек способен одуматься, измениться. Но у себя лично и у всех своих товарищей ничего подобного я не замечал. Напротив, на множестве примеров я видел, что одиночное заключение совершенно консервирует человека в его прежних взглядах»[153]. Ко всему прочему сама атмосфера ДПЗ, проникнутая, с одной стороны, «тюремной романтикой» и обостренным чувством «тюремного товарищества», а с другой — постоянной конфронтацией с администрацией ДПЗ, еще более интегрировала заключенных, видевших перед собой общего врага, и сильнее настраивала молодых радикалов на оппозиционный власти лад.

Ко всему прочему, видя, что подготовка процесса затягивается, а симпатии «общества» переходят к революционерам, правительство вынужденно было само идти на определенные уступки арестованным. В основном это касалось свиданий, передач и переписки. Большую роль в этом сыграли оставшиеся на свободе женщины-«чайковцы». Л.И. Сердюкова и Синегуб стали инициаторами помощи заключенным. В этом начинании им деятельно помогали Перовская и А. Корнилова, выпущенные на поруки. В дни свиданий они регулярно приносили передачу человек на 20, в том числе белье и продукты домашнего приготовления. Передачу книг организовали через особый стол в окружном суде. В распоряжении «чайковцев», оставшихся на свободе, оказалась прекрасная библиотека Н.Ф. Жохова (муж сестры А. Корниловой)[154]. Ее и использовали для снабжения книгами товарищей, томящихся в ДПЗ. Бесспорно, такая поддержка извне спасла жизни и рассудок многих заключенных. Но, даже несмотря на столь, казалось бы, «вольную» жизнь в ДПЗ, многие из арестованных стояли на краю могилы. Виной тому и долгие годы ожидания суда, и небольшое пространство удушливых одиночных камер, не дающих выхода энергии молодого организма и навевающих тоску и безысходность. Особенно если человек не мог себя организовать и настроить на систематические физические и умственные упражнения. Наиболее метко впечатления от пребывания в ДПЗ выразил Д.И. Соловьев в стихотворении-пародии на известное сочинение А.А. Фета «Шепот, робкое дыханье, трели соловья...»[155]:

Стук по стенам... стук по трубам...
Немой разговор.
Заседание по клубам...
В воздухе — топор!
Жизнь без дела и движенья.
В камере мороз...
И желудка несваренье...
И — понос, понос...[156]

Кажется удивительным, но именно в такой удушливой атмосфере и завязались теплые отношения между Перовской и Тихомировым, в какой-то мере это даже можно назвать «тюремным» романом.

---

[153] *Тихомиров Л.А.* Тюрьма. Очерки и отрывки. С. 27. 28.

[154] *Корнилова-Мороз А.И.* Перовская и кружок чайковцев. С. 148.

[155] Сравните:

Шепот, робкое дыханье,
Трели соловья,
Серебро и колыханье
Сонного ручья.
Свет ночной, ночные тени,
Тени без конца,
Ряд волшебных изменений
Милого лица.
В дымных тучах пурпур розы,
Отблеск янтаря,
И лобзания, и слезы,
И заря, заря!.. // *Фет А.А.* Стихотворения. М., 1979. С. 100.

[156] *Синегуб С.С.* Воспоминания чайковца [В Доме Предварительного заключения. Боголюбовская история]. С. 234.

Чтобы облегчить связь с неволей, некоторые девушки представлялись «невестами» заключенных. Одну из таких пар составили Перовская и Тихомиров. Синегуб вспоминал: «Свидания в это время давались не только с родными, но и со знакомыми: так Говоруха-Отрок имел свидание с Михайловским. Тихомиров — с Соней Перовской, числившейся тогда его невестой. Свидания давались же прямо в камерах без всяких свидетелей и по нескольку часов подряд»[157]. Кто знает, о чем говорили Тихомиров и Перовская, оставаясь «без всяких свидетелей» в камере наедине друг с другом[158]. Во всяком случае, подобные свидания не могли не остаться в их сердце. «Соню, когда она... пришла навестить Тихомирова, провели прямо к нему в камеру... Под впечатлением рассказов Тихомирова Соня вся целиком была охвачена чувством сострадания»[159]. Близкое знакомство, переросшее во взаимную симпатию, в дальнейшем сыграло очень важную роль в определении судьбы Тихомирова. Будучи молодым, тонко чувствующим человеком, да еще проведшим в заключении уже более трех лет, он, несомненно, увлекся миловидной Софьей. Уж не под впечатлением ли легкой юношеской влюбленности Тихомирова вновь посетила поэтическая муза? Сохранилось несколько стихотворений, написанных им в ДПЗ. Из стихотворного ряда можно заключить, что его психологическое состояние значительно улучшилось, и яркое тому подтверждение — это его поэтическая лирика, а именно:

Дорогие братья!
Из-за стен тюрьмы
Вам свои объятья
Открываем мы.
Верьте, братья, сила
Наших тяжких уз
Наш не задавила
Дружеский союз...

Или чего стоит написанная им плясовая, просто фонтанирующая здоровой жизненной энергией:

Полно ж, братцы, плакать, горьки слезы лить,
Своего нам горя этим не избыть,
Проживем мы и в Сибири как-нибудь,
Так не лучше ль плясовую затянуть?..
Ну так что ж такое, братцы? Наплевать!
Из-за малости такой не горевать!
Мы еще себе дождемся красных дней,
И себя еще потешим, и людей![160]

Тихомиров настолько серьезно отнесся к роли «жениха», что даже сообщил родителям о возможной свадьбе в одном из писем[161]. Возможно, столь скоропалительное решение объяснялось тем,

---

[157] *Синегуб С.С.* Указ. изд. С. 239.

[158] Писатель О.Н. Михайлов в своем романе видит такую картину: «В тесной каморке с зарешеченными окнами он сидит напротив Перовской. — Неужели это ты? Милая! Дорогая! — Тихомиров лепетал, обезумев от радости... — Левушка! — Под пристальным взглядом надзирателя она, кажется, тоже потеряла осторожность, но затем, собравшись, торопливо, желая высказать все в отведенные полчаса, заговорила: — Ты знаешь, дорогой, я уже сказала маме <...> что ты — мой жених <...> — Как я люблю тебя! — повторял Тихомиров. — Ты — мое счастье! Моя отрада!.. Ему нравилось в ней все: и ее милое маленькое огрубелое личико, и небольшие серо-синие глаза, и решительность тона, и даже мещанское платье» // *Михайлов О.Н.* Забытый император. С. 88. А вот писатель Поляков, например, предлагает в своем романе такую смелую версию: «Сонечка незаметно сунула ефрейтору местной команды двугривенный, и их оставили одних. Они кинулись друг у другу, задохнулись в объятиях. Он снова пил эти розовые полные губы, в затхлом полумраке рядом светились любимые голубые глаза» / *Поляков А.П.* Великаны сумрака // Молодая гвардия. 2010. № 7/8. С. 54.

[159] *Сегал Е.А.* Софья Перовская. С. 121.

[160] Из-за решетки. С. 60.

[161] *Тихомиров Л.А.* Эпоха «Земли и воли» и «Народной воли» // Красный архив. 1924. Т. 6. С. 130.

Л.А. Тихомиров, фото 1-й полов. 70-х гг.

С.Л. Перовская

что он родился и воспитывался в семье с прочными нравственными устоями, где к браку всегда относились серьезно. Перовскую, несомненно, привлекал «жертвеннический ореол» героя, томящегося за правду в темнице.

Как уже отмечалось выше, долгое пребывание в одиночном заключении не могло способствовать духовному развитию оторванного от жизни юноши и лишь законсервировало у него прежнее революционное настроение. Но из этого вовсе не следует, что его миросозерцание не претерпело каких-либо изменений. В арестантский период жизни Тихомиров углубленно занимался самообразованием. Он изучал труды по истории, литературе и философии. Знакомился с работами по истории религии. Еще в период пребывания в Петропавловке, когда ощущалась нехватка книг, Тихомиров знакомится с православными первоисточниками; читает Четьи-Минеи[162], захватившие и увлекшие его целиком. Изучение же Евангелия становится одним из его любимейших занятий и на знакомство с ним, по собственным воспоминаниям, он затратил целый год. Впоследствии Тихомиров писал, что, когда он получил Четьи-Минеи для чтения, то «их старинная, почти сумасшедшая, но в то же время захватывающая поэзия окружила меня фантастическим миром святых, нечистой силы, чудес, беснования и самых высоких человеческих добродетелей. Вместе с Евангелием это были единственные книги, чего-нибудь стоящие из всех доступных мне в течение этого года... Евангелие я мог изучить здесь во всех его подробностях. Эта замечательнейшая из всех существующих книг требует очень продолжительного изучения ее, и ее одной хватило мне на целый год, тем более, что она представляет собою материал очень опасный в одиночном заключении, так как слишком сильно возбуждает воображение. При таком исключительном чтении легко сойти с ума даже человеку верующему, а неверующему в особенности. Что же оставалось мне делать? Ничего»[163]. Тихомиров едва ли был тогда хоть в какой-то мере верующим человеком, но несомненно, что углубленное чтение религиозной литературы, да еще в условиях одиночного заключения, не могло пройти бесследно и «проделало большие бреши в душевном и физическом состоянии» Тихомирова-революционера, как небезосновательно полагают некоторые исследователи[164]. Недаром в дальнейшем он, даже придерживаясь крайних взглядов, иногда забредал в церковь. Так было, например, на Воронежском съезде, о котором речь пойдет ниже. Там он, невзирая на занятость, нашел время для посещения церкви Митрофаньевского монастыря, где хранились мощи святого Митрофания, которого Лев Александрович считал своим покровителем. Об увлечении религиозной тематикой свидетельствует и одно из сохранившихся поэтических сочинений Тихомирова с характерным названием «Из апостола Павла». В нем можно встретить строки, как нельзя лучше свидетельствующие о напряженной душевной работе, идущей внутри него. Читал Тихомиров и все, что было официально разрешено заключенному по вопросам социально-политического устройства российского государства. Так, в ДПЗ он ознакомился с работами А.А. Григорьева — литературного критика, философа-почвенника, истово верящего в особое предназначение России. Идеи Григорьева настолько увлекли Тихомирова, что, выйдя на свободу, он вдумчиво прочел его литературное наследие. Однако размышления над религиозными книгами, как и чтение сопутствующей литературы, не поколебало тогда, да, видимо, и не могло поколебать его убеждения в необходимости революционных преобразований окружающей действительности. Но

[162] Четьи-Минеи — сборники житий святых, составленные по месяцам в соответствии с днями чествования церковью памяти святого // Введение христианства на Руси. М., 1987. С. 199.

[163] *Тихомиров Л.А.* Заговорщики и полиция. С. 88—89.

[164] *Кузьмин Д.* [Колосов Е.Е.] Народовольческая журналистика. М., 1930. С. 168—169.

думается, что Тихомиров, как человек теоретического направления мыслей, не мог не задуматься об отличии русской исторической судьбы от западно-европейской и не прийти к убеждению, что особенность русского пути лежит в возможности миновать капитализм и построить «справедливую государственность» посредством действия революционной партии.

Основной составляющей в его понимании «справедливой государственности» оставалась идея создания такого государственно-политического устройства, при котором бы соблюдались политические, экономические и гуманитарные права всех категорий граждан страны. Российская же действительность, не предоставлявшая возможностей для легальной политической деятельности, толкала этого талантливого, жаждущего более справедливого переустройства окружающей его действительности и чрезвычайно честолюбивого человека на нелегальный, революционный путь борьбы за реализацию своих общественных идеалов — против, как ему казалось тогда, несправедливой и косной государственной системы. Ко всему прочему неприятие существующего в России положения вещей усугублялось раздражением по поводу того, что правительство не желало вступать в диалог с радикальной оппозицией и характерным для всех исторических времен «молодежным экстремизмом» — стремлением переделать «мир отцов». Позже Тихомиров отмечал в дневнике, что действовал нередко под сильным впечатлением «честолюбия, самолюбия, а также отчасти раздражения», но при этом действовал только тогда, «когда был уверен в правоте своей»; причем к этому следует прибавить еще и желание тщеславного юноши «не отставать от других и даже опередить их»[165].

Наконец власти сочли следствие законченным. Подсудимым вручили обвинительные акты — толстые объемные тетради в пол-листа, и начался долго оттягиваемый судебный процесс[166]. Это событие произошло 18 октября 1877 г. Судило пропагандистов Особое присутствие Правительствующего сената (далее ОППС) под председательством сенатора К.К. Петерса. Процесс-монстр, следствие по которому длилось более четырех лет, вошел в историю революционного движения под названием «процесс 193-х»[167]. Вот как описывает начало процесса одна из его участниц А.В. Якимова: «Женщин сначала вывели из камер в громадный коридор, где были уже мужчины. Всех мужчин выстроили правильной длинной колонной, по бокам которой выстроились жандармы с саблями, а женщин ставили по одной и между каждой по жандарму. Начальник конвоя прочел грозную инструкцию, по которой мы должны были беспрекословно подчиняться всем распоряжениям конвоя, в противном случае имевшего права прибегнуть к оружию»[168]. Меры предосторожности вводились неслыханные. Складывалось впечатление, что судили не мирных пропагандистов, а отпетых уголовников-душегубов. Правительство, напугавшее при подготовке этого судебного фарса само себя, теперь предпринимало все от него зависящее, чтобы придать больше значительности фигурам подсудимых. Отгородившись от осужденных жандармами с саблями наперевес, сенаторы словно пытались уверить себя и благонамеренную публику в особой опасности подсудимых.

Ход процесса ознаменовался чередой скандалов, начиная от тесноты помещения, повлекшей за собой ограничение числа присутствующих на судебных заседаниях зрителей, а это в свою очередь дало повод одному из защитников — В.Ф. Спасовичу сделать заявление о нарушении гласности судопризводства и о том, что суд проходит при закрытых дверях. От лица всех адвокатов раздалось требование о переносе заседания в более просторное помещение. Пока шла перепалка между защитой и первоприсутствующим К.К. Петерсом, осужденные, так долго не видевшиеся друг с другом, оживленно общались, завязывались новые знакомства. Так, именно на процессе Тихомиров ближе познакомился с Якимовой и Желябовым. О Желябове он впоследствии напишет: «Добрый, способный войти в положение каждого, способный другим прощать бесконечно больше, чем самому себе, он невольно возбуждал к себе симпатии»[169].

---

[165] Запись в дневнике 6 июня 1896 года.

[166] Автобиография Головиной Надежды Александровны // Деятели СССР и революционного движения в России. М., 1989. С. 53.

[167] См.: *Троицкий Н.А.* Процесс 193-х // Общественное движение в пореформенной России. М., 1965.

[168] *Якимова А.В.* «Большой процесс», или «Процесс 193-х» о революционной пропаганде в империи (1877.18.X — 1878.23.I) // Каторга и ссылка. 1927. № 8. С. 32.

[169] *Андрей Иванович Желябов.* Материалы для биографии. М., 1930. С. 40.

Первый день суда закончился еще одним эксцессом. Подсудимый И.Н. Чернявский заявил, что, так как суд не уважил требования защиты о публичности и гласности, то он остается судом закрытым, которого подсудимые не признают. После того, как Петерс распорядился вывести Чернявского из зала, отовсюду раздались голоса: «Всех уводите!», «Мы не признаем суда!», и подсудимые направились к выходу. После этого заседание было закрыто[170].

На следующем заседании, 20 октября, препирательства между первоприсутствующим и подсудимыми продолжались. Тихомиров в этих столкновениях особого участия не принимал: сказывалась психологическая усталость от 4-летнего заключения. Ему мучительно хотелось одного — развязки, чего угодно, лишь бы конца. Все время, пока читался обвинительный акт, с которым подсудимых ознакомили еще до начала суда, Тихомиров, как и большинство других заключенных, оживленно беседовал, обмениваясь последними новостями, не особо прислушиваясь к голосу Петерса. Идиллия длилась недолго. Сразу же после окончания чтения обвинительного акта Петерс совершенно неожиданно для подсудимых огласил постановление заседания ОППС о том, что ввиду недостаточного помещения провести судебное следствие в присутствии всех обвиняемых представляется физически невозможным, и потому все обвиняемые делятся на 17 групп и по каждой следствие будет проводиться отдельно. Разделение на группы вызвало ропот негодования, и Петерс поспешил закрыть заседание.

В знак протеста против фактически закрытого характера суда о своем отказе участвовать в этом фарсе заявили 120 человек, среди них оказался и Тихомиров[171]. После этого «протестантов» (так их называли) доставляли на заседания суда только под воздействием физической силы. 73 человека, прозванные в отличие от «протестантов» «католиками», согласились участвовать в суде[172]. «Протестанты» мотивировали бойкот суда так: «Останемся чисты в глазах России. Она видит, что не мы дрогнули перед гласностью <...> а враг наш. Она видит, что, убедившись в невозможности употребить суд как средство дать ей отчет в наших действиях и разоблачить перед нею действия нашего и ее врага, мы прямо и открыто плюнули на этот суд»[173]. Противостояние подсудимых и судей развивалось по нарастающей. Видя, что инициатива в ведении процесса упущена, отчеты о заседании в официальные средства массовой информации стали даваться чиновниками крайне сжато и тенденциозно. Объективный свидетель этого А.Ф. Кони отмечал, что «известия о судебном следствии стали... передаваться в совершенно бессмысленном по своей краткости виде»[174].

Можно согласиться с мнением историка Троицкого, утверждавшего, что «протестанты» с первых дней процесса поставили суд в затруднительное положение и расчет властей дискредитировать революционеров перед Россией и Европой был сорван. Наступательная тактика активного бойкота, избранная подсудимыми, выбила из рук судей их главное оружие — инициативу обвинения. Перед бойкотом они оказались беспомощны[175]. Венцом противостояния судей и подсудимых стала нашумевшая речь И.Н. Мышкина, произнесенная им 15 ноября 1877 года[176]. Российские исследователи, такие, как В.Г. Базанов и Троицкий, уделили ей в своих работах достаточное внимание, и все же хотя бы кратко остановимся на ней как на квинтэссенции противостояния арестованных пропагандистов и властей. Как отмечал Тихомиров, который, будучи «протестантом», сам не присутствовоал при ее произнесении, «Мышкин без малейшего преувеличения был великим оратором. Он обладал всеми необходимыми для этого качествами; его сильный и гибкий голос, выражающий все оттенки чувства, звучал как священный гром»[177].

Подвергнув в своем выступлении критике политику правительства, Мышкин утверждал, что именно «невыносимо тяжелое положение народа» грозит революционным взрывом и «не нужно

---

[170] *Якимова А.В.* «Большой процесс», или «Процесс 193-х» о революционной пропаганде в империи. С. 34.
[171] *Чарушин Н.А.* О далеком прошлом... С. 261.
[172] *Троицкий Н.А.* Безумство храбрых... С. 118.
[173] Там же.
[174] *Кони А.Ф.* Собр. соч. М., 1966. Т. 2. С. 62.
[175] *Троицкий Н.А.* Безумство храбрых... С. 120.
[176] *Базанов В.Г.* Ипполит Мышкин и его речь на «процессе 193-х» // Русская литература. 1963. № 2. С. 149—168.
[177] *Тихомиров Л.А.* Заговорщики и полиция. С. 123.

И.Н. Мышкин

быть пророком, чтобы предвидеть неизбежность восстания»[178]. Его речь до 60 раз прерывалась председателем суда, и тогда Мышкин бросил судьям следующие слова: «Теперь я имею полное право сказать, что это не суд, а пустая комедия, или <...> нечто худшее, более отвратительное, позорное, более позорное, чем дом терпимости: там женщина из-за нужды торгует своим телом, а здесь сенаторы из подлости, из холопства, из-за чинов и крупных окладов торгуют чужой жизнью, истиной и справедливостью, торгуют всем, что есть наиболее дорогого для человечества!»[179]. Пытаясь прервать выступление Мышкина, жандармы попытались применить силу, вспыхнула потасовка, что только усилило и без того убийственный для властей эффект от речи. «Защитники требовали составления протокола о кулачной расправе, но первоприсутствующий не счел нужным удовлетворить их просьбу и даже упрекнул адвокатов в подстрекательстве»[180]. Речь и ее последствия произвели впечатление настолько сильное, что на следующий день Мышкин не был вызван в суд, хотя следствие шло как раз по его делу. В ответ на запрос защитника Е.И. Утина о вызове Мышкина первоприсутствующий ответил отказом, добавив, что «суд признает положительно опасным вызывать И. Мышкина»[181]. Речь Мышкина ударила по авторитету суда и существующего режима. Это признавали люди, даже не питавшие уважения к революционерам. Вот отзыв одного из царских генералов, оказавшихся свидетелем ее произнесения: «Сотни нигилистов за целый год не смогли сделать нам столько вреда, сколько нанес этот человек за один единственный день»[182].

В недрах ДПЗ, особенно после поступка Мышкина, также царило оживление. Заключенными активно обсуждался вопрос, касающийся обработки всех материалов о заседаниях суда для их дальнейшей публикации. Исходили из того, что официально печатаемые материалы в «Правительственном вестнике» были слишком краткими и субъективными. Ставилась цель подготовить полномасштабный отчет о процессе для нелегальной печати. В этой работе главными действующими лицами намечались Тихомиров и Волховский. Постепенно все очевиднее становилось, что моральная победа в этом противостоянии остается за подсудимыми. Общественное мнение столицы склонялось на их сторону. Процесс близился к концу. Власть также отчетливо это чувствовала, что видно хотя бы из перлюстрированных писем. Приведем характерные строки одной подобной корреспонденции от 10 января 1878 года из Москвы в Архангельск: «Едва ли наше правительство когда-нибудь и чем-нибудь оскандалилось так, как настоящим процессом»[183].

Наконец, 23 января 1878 г. был оглашен приговор, вызвавший удивление и негодование в окружении монарха неожиданной мягкостью. Как пишет Е.А. Сегал: «Многим подсудимым Особое присутствие смягчило наказание, принимая во внимание их молодость, легкомыслие, неразвитость»[184]. Можно предположить, что ОППС смягчило приговор, надеясь сгладить невыгодное впечатление от процесса: 90 человек оправдали, 61 подсудимому было зачтено в наказание предварительное заключение, среди них оказался и Тихомиров, 28 человек первоначально приговорили к каторге на срок от 3,5 до 10 лет, двух помиловали из-за полного раскаяния, а остальных приговорили к ссылке. Притом суд сам ходатайствовал о замене каторги поселением всем, кроме Мышкина. Впрочем, ходатайство суда по отношению к 13 подсудимым не было удовлетворено царем по настоянию шефа жандармов Н.В. Мезенцова и министра юстиции К.И. Палена. Это было подтверждено доку-

---

[178] *Троицкий Н.А.* Безумство храбрых... С. 121.

[179] Там же. С. 122. См.: Речь И.Н. Мышкина на заседании суда Особого присутствия Правительствующего сената; см. также: Блестящая плеяда. М., 1989. С. 540–563.

[180] Блестящая плеяда. С. 563.

[181] Революционное народничество семидесятых годов XIX в. Сборник документов и материалов. М., 1964. Т. 1. С. 431.

[182] *Базанов В.Г.* Ипполит Мышкин и его речь на «процессе 193-х». С. 162.

[183] Цит. по: *Троицкий Н.А.* Безумство храбрых... С. 123.

[184] *Сегал Е.А.* Софья Перовская. С. 156.

ментами, обнаруженными историком Ш.М. Левиным[185]. В результате 90 обвиняемых были оправданы, «28 человек были приговорены к каторге на срок от 3,5 до 10 лет и 39 — к ссылке... 24 "протестанта", рискуя еще больше ухудшить свою участь, 25 мая 1878 г. перед отправкой на каторгу и в ссылку обратились к "товарищам по убеждениям", остававшимся на воле, с революционным завещанием...»[186]. Они призывали оставшихся на воле «идти с прежней энергией и удвоенною бодростью к той святой цели, из-за которой подвергались преследованиям и ради которой готовы бороться и страдать до последнего вздоха»[187]. Среди подписей стояли имена и очень близких Тихомирову людей — Синегуба и Чарушина.

По сути, на этой героико-трагической ноте для Тихомирова завершился первый период его антиправительственной деятельности. Он вспоминал свое освобождение: «Дверь открылась; холодный ветер зимней ночи охватил мое пылающее лицо. Свободные звезды блистали над моей головой. Я провел в тюрьме 4 года, три месяца и шесть дней»[188]. Именно в царских тюрьмах из молодого Льва Тихомирова сформировался умный и агрессивно настроенный по отношению к существующему строю революционер, готовый бороться с существующей системой гораздо более решительно, чем до заключения. Этому были свои объяснения, которые следовало искать не только в особенностях личности Льва Александровича, но и в психологии данного типа молодых людей[189].

[185] См.: Красный архив. 1928. Т. 5. С. 184—199.

[186] *Троицкий Н.А.* Безумство храбрых... С. 123.

[187] Там же.

[188] *Тихомиров Л.А.* Заговорщики и полиция. С. 136.

[189] См. некоторые размышления на эту тему: *Репников А.В.* Пророк модернизации: завтра исполняется 149 лет со дня рождения великого реформатора Петра Столыпина // Известия. № 56. 2011. С. 11.

Глава III

ВЫБОР ПУТИ (1877—1879)

Горсть храбрых на тьмы ополчилась врагов.
Шатались могучего трона ступени...

Якубович П.Ф.[1]

Я дерзко колебал ветхозаветный трон...
Меня приветствовал победный шум знамен.

Савинков Б.В., 1911 год.[2]

Выпущенные на волю после оглашения приговора некоторое время оставались в Петербурге в атмосфере встреч и новых впечатлений. В ожидании окончательного утверждения приговора освобожденные участники процесса находились под подпиской о невыезде. Большинство из них получили предупреждение от адвокатов, что, по всей вероятности, оправданные по суду будут высланы административно[3].

Находясь под подпиской о невыезде, Тихомиров вновь оказался в революционной среде. Тогда радикальная жизнь в столице Империи кипела. Вышедших из тюрем революционеров приветствовала как героев не только студенческая молодежь, всегда остро реагирующая на такого рода события, но и представители почтенной либеральной публики. Н.А. Морозов описывал, как после его выхода на свободу «вся молодежь окружила нас и... мы вышли из дверей на тротуар, сопровождаемые целой толпой»[4].

В атмосфере общественной жизни столицы чувствовалось что-то неуловимо новое, необычное. За время, проведенное Тихомировым за решеткой, воочию проявили себя новые, ранее малозаметные элементы общественной жизни, в частности, рабочее движение. Буквально перед окончанием «процесса 193-х» 17—21 января прогремела стачка на Екатерингофской бумагопрядильне, а 27 января – на Путиловском заводе. В марте 1878 г. произошла первая стачка на Новой бумагопрядильне. Поводом к этой крупнейшей тогда забастовке послужило снижение заработной платы. Рабочие обратились с петицией к наследнику престола, пройдя колонной до Зимнего дворца. Одного рабочего арестовала полиция, остальных заставили разойтись, но стачка продолжалась еще 2 недели. Бастовали около 2 тыс. человек[5].

Естественно, молодым людям, оторванным от реальной жизни по несколько лет, казалось, что страна пробуждается. Не дремало и революционное подполье: в 1876 г. оформляется новая народническая организация, в дальнейшем получившая название «Земля и воля». Она вобрала в себя осколки различных разгромленных пропагандистских кружков. Программа новой организации отразила изменения, произошедшие в народническом сознании после провала «хождения в народ».

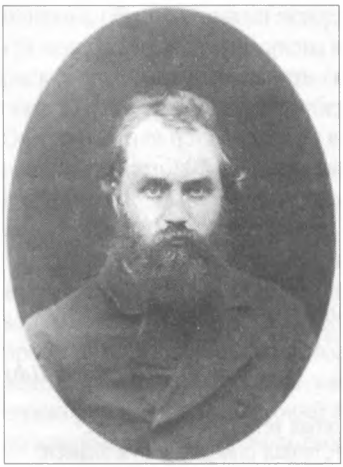
[1] Цит. по. *Троицкий Н.А.* Безумство храбрых... С. 135.

[2] *Савинков Б.В. (Ропшин В.)* То, чего не было. М., 1992. С. 666.

[3] Вскоре действительно вышло специальное постановление III отделения, по которому административной высылке подлежали 80 человек из 90 оправданных и, естественно, все «протестанты», в том числе и Тихомиров. См.: *Якимова А.В.* Большой процесс, или Процесс 193-х. С. 48.

[4] *Морозов Н.А.* Повести моей жизни. М., 1961. Т. 2. С. 110.

[5] *Плеханов Г.В.* Русский рабочий в революционном движении. С. 93. См. об этом же: *Васильев Н.В.* В семидесятые годы. М., 1931. С. 91.

А.Д. Михайлов

Программа предусматривала сосредоточение пропаганды в деревне на требованиях, близких и понятных народу, — «земле» и «воле». По-прежнему, однако, не имелось в виду «завоевание гражданских свобод». И в более позднем варианте землевольческая программа (весной 1878 г.) оставалась оставалась побакунистски аполитичной[6].

Землевольцы с распростертыми объятиями готовы были принять и освобожденных по «Большому процессу», особенно бывших «чайковцев». Как-никак, одним из лидеров «троглодитов» (так в шутку за пристрастие к конспиративным ухищрениям называли членов центрального кружка «Земли и воли») был Натансон, один из первых «чайковцев»[7]. Правда, первоначально под воздействием Перовской, пытавшейся восстановить прошлые традиции, Тихомиров, Морозов, а также Клеменц составили некое подобие старого кружка, но, как справедливо отмечал Тихомиров, их кружок из «освобожденных», видимо, дышал на ладан. Те же, кто сколько-нибудь интересовались делами, знакомились с «натансоновцами» и более или менее с ними сходились. Резко возросшее влияние новой организации чувствовал не только Тихомиров, с ним соглашался и Клеменц.

Тогда же состоялось знакомство Тихомирова с такими известными в радикальных кругах людьми, как Г.Н. Преображенский, Георгий (Юрий) Макарович Тищенко, а главное — А.Д. Михайлов. Знакомство с последним произошло на студенческом балу, на котором Александр Дмитриевич произнес тост в честь Засулич. Это знакомство, вскоре переросшее в дружбу, во многом определит дальнейшее течение жизни Тихомирова. Но пока он лишь присматривался к «троглодитам», вел с ними долгие споры о дальнейших перспективах революционного движения. В дискуссиях в первую очередь затрагивались программные вопросы. Особенно тщательно анализировались итоги «хождения в народ». Достаточно осторожно относился Тихомиров и к декларируемому аполитизму землевольцев. Он критически относился к тезису об одновременной социальной и политической революции. Выше мы уже указывали, что Тихомиров никогда не был «бакунистом», отсюда его более чем прохладное отношение к аполитизму и устойчивый интерес к политическим вопросам. «Очень скептически он относился и к нашей работе в деревне», считая ее малоэффективной и ведущей к распылению революционных сил[8]. Этому, тогда столь нетрадиционному взгляду среди народников, есть два объяснения.

Первое заключалось в том, что обстановка в столице с рабочими забастовками и студенческими демонстрациями создавала иллюзию живого революционного дела в городе. Особенно у тех, кто длительное время провел в заключении. Второе — это жажда мести и прямого столкновения с правительством. Такое настроение наблюдалось у большинства вышедших из тюремных застенков. Очень хорошо тогдашнее эмоциональное состояние революционного лагеря передает видный землеволец М.Р. Попов: «Помню то негодование и жажду мести, с которыми, вероятно, не я один выходил из собраний молодежи, где освобожденные по этому процессу («193-х», — *авт.*) рассказали о суде, во главе которого стоял Желиховский, ухитрившийся выставить "процесс 193-х" как процесс одной организации. Когда все это вспоминаешь теперь, ясно видишь, как революционизировалось настроение представителей освободительного движения 70-х годов. Одним словом, представители "Земли и воли" и представители "процесса 193-х" казались людьми из двух различных миров»[9].

---

[6] *Твардовская В.А.* Н.А. Морозов в русском освободительном движении. С. 73.

Троглодитами Д.А. Клеменц прозвал членов «кружка Натансона» за чрезвычайное пристрастие к конспирации.

[8] *Аптекман О.В.* Общество «Земля и воля» 70-х годов. С. 360.

[9] *Попов М.Р.* Записки землевольца. М., 1933. С. 106—108.

Таковым было положение вещей к весне 1878 г. Сам же Тихомиров в делах новой организации пока никакого практического участия не принимал, ограничиваясь заведением новых знакомств в радикальной среде. Тяжелейшие тюремные испытания изрядно подорвали его здоровье. Ему требовалась хотя бы небольшая передышка. Это отмечали многие, тогда же Тигрыч, как звали его «чайковцы», получает другой революционный псевдоним — Старик[10], подчеркивающий его старообразность и вид пожилого человека[11]. О.С. Любатович так описала его портрет конца 70-х годов: «В нашей среде Л. Тихомирова звали стариком. И в самом деле, этот худой, с бритым, ради конспирации, по-департаментски подбородком и английскими баками человек, с маленькими выцветшими серыми глазами и полинялыми жидкими волосами, казался стариком, хотя ему вряд ли было за 30...»[12]. В какой-то мере физические силы Тихомирова поддерживал заряд обожания и почитания, окружавший его как одного из героев «большого процесса». Для столь честолюбивого молодого человека, как он, такое внимание к его персоне являлось немалым аргументом на чаше весов, определивших его дальнейшую судьбу.

Основное время в февральские дни 1878 г. у него занимали новые знакомства и участие в студенческих демонстрациях. Наиболее впечатляющим мероприятием такого рода стали похороны А.А. Подлевского (Падлевского), также участника «процесса 193-х», умершего 22 февраля 1878 г., уже после процесса. Его похороны, состоявшиеся 25 февраля, сопровождались массовой антиправительственной демонстрацией, когда около 500 человек, в том числе Тихомиров, прошли за гробом под похоронное пение от Николаевского госпиталя на Литейную до Петербургского окружного суда и ДПЗ, а оттуда на Выборгское кладбище[13]. Сразу же после окончания демонстрации Тихомиров, еще окончательно не определившийся в выборе дальнейшего жизненного пути, предпринял поездку в Москву, чтобы увидеться с братом и узнать, не может ли он продолжать обучение в Московском университете. Он тогда не торопился сжигать за собой мосты, связывающие его с обычной жизнью. Свидетельство тому, например, то, что он не спешил сразу после выхода на свободу переходить на нелегальное положение, как делали многие.

Весьма возможно, если бы он смог получить разрешение на продолжение образования, его жизнь пошла бы по-иному, но судьба рассудила иначе. Ректор Московского университета профессор Н.С. Тихонравов заявил, что не может его принять, хотя и не будет портить репутации. Тихомирову выдали свидетельство о том, что он отчислен из университета за неуплату. Свое нежелание принять участие в судьбе опального студента ректор сопроводил следующими словами: «Да и к чему вам? Вы уже и по летам пропустили свой срок»[14]. Тихомиров вспоминал: «Очень мне было досадно, я тут впервые почувствовал, что я — какой-то "обреченный". Что я буду делать? Чем заниматься?»[15]. Трудно, конечно, сейчас предполагать, да и исторические законы не знают сослагательного наклонения, но быть может, прояви ректор больше гражданского мужества, и революционное движение не получило бы столь яркого выразителя своих крайних устремлений. К сожалению, известный филолог Тихонравов не был расположен к фрондированию. Знавший его Н.И. Кареев, которого, в силу его взглядов, не упрекнешь в большой любви к революционерам, оставил свидетельство: Николай Саввович[16] Тихонравов «был, что называется, себе на уме и казался прижимистым. Много позднее Тихонравов был ректором, воевавшим с попечителем учебного округа и не дававшим спуску студентам»[17]. О какой уж симпатии к радикальной молодежи можно говорить.

---

[10] Характерно, что В.И. Ленина также называли «Стариком».

[11] *Прибылева-Корба А.П.* Народная воля. Воспоминания о 1870—1880 гг. М., 1926. С. 51.

[12] Цит. по: *Тихомиров Лев Александрович* // История государства Российского: Жизнеописания. XIX век. Вторая половина. М., 1998. С. 148.

[13] *Твардовская В.А.* Н.А. Морозов в русском освободительном движении. С. 72.

[14] Воспоминания Льва Тихомирова. С. 97.

[15] Там же.

[16] Саввич.

[17] *Кареев Н.И.* Прожитое и пережитое. С. 117—118.

Так или иначе, путь к высшему образованию оказался для Льва Александровича отрезан. Поотиравшись из любопытства в радикальных кругах Москвы и убедившись, что там настроения такие же, как в Петербурге (все убеждены в близости «великих событий», либо переворота, либо конституции), Тихомиров возвращается в столицу. Тем более, что сенсационное оправдание присяжными 31 марта 1878 года Засулич обрастало фантастическими слухами. В столице Империи ждали чуть ли не революции, а Г.П. Сидорацкого, якобы убитого (на самом деле произошел несчастный случай, фактически — самоубийство) при освобождении последней, должны были торжественно хоронить. Вот к этой-то намечающейся демонстрации и планировал присоединиться Тихомиров.

Вернувшись в Петербург, он нашел, что оставшиеся «чайковцы» вообще рассыпались кто куда. Верной «старому знамени» оставалась лишь Перовская. Личные отношения между Софьей и Львом также расстроились. Планы женитьбы Тихомирова остались в прошлом. Ореол тюремного романа растаял, а на смену жалости и преклонению перед мученичеством настоящие чувства не пришли. Позже Тихомиров заметит: «Мы совершенно открыто и окончательно решили жениться, заявили об этом даже родителям своим[18]. Но едва ли я для нее в то время подходил. Она могла уважать меня и особенно *жалеть*, но любить — едва ли. Ей, при ее характере, нужен был человек, которому бы она могла *подчиниться* (таким человеком позже оказался Желябов, — *авт.*), а у меня этого никогда не было. Как бы то ни было, когда я вышел из тюрьмы, она меня встретила и сконфуженно и холодно и сразу поставила на "благородную дистанцию". Я от этого несколько времени очень страдал и даже воображал себя очень несчастным, но в конце концов у меня был тоже не такой характер, чтобы я погиб "из-за бабы". Я влюблялся множество раз, но столь же легко утешался. Впоследствии мы с Перовской стали снова большие друзья, и она меня брала даже в конфиденты. Но в это время, само собою, я сначала огорчался, потом стал обижаться и вообще злиться на нее»[19]. На сложности личных отношений с Перовской у Тихомирова в тот период наложились идейные расхождения с ней: «Она молилась на память "чайковцев", а я и в 1873 году над ними подтрунивал; она старалась воссоздать "свой" кружок, а я все более захватывался общим движением и искал людей повсюду; она мечтала о пропаганде в народе, я — о революции. И впоследствии даже она стала ярой *террористкой*, а я — только и думал *о заговоре и государственном перевороте*»[20].

По возвращении из Москвы через нового друга Михайлова состоялось знакомство Тихомирова с Плехановым и О.Э. Веймаром. Последний произвел на Льва Александровича сильное впечатление. Орест Эдуардович Веймар действительно был примечательной личностью в радикальных кругах: обеспеченный человек, доктор медицины, отличившийся в русско-турецкой войне, и при этом радикал, сочувствовавший революции. Он лично принял участие в освобождении Кропоткина[21], которого увез на своем знаменитом призовом рысаке Варваре[22]. Вообще хотелось бы обратить внимание на одну любопытную черту в характере Тихомирова: особенно сильное влияние на него оказывали личности, способные *делать то, чего он сам не мог или не умел*, люди «прямого действия», обладавшие решительностью и готовые отказаться во имя служения идее от всего личного. Общение с такими людьми как бы компенсировало Тихомирову недостаток собственного личного мужества и готовности к самопожертвованию. Он отнюдь не представлял собой тип психологически слабого человека. Тихомиров оставался всегда верен слову, предан дружбе и был готов ради нее на многое; не запятнал себя предательством, но личного мужества и готовности отказаться от всего ради идеи ему на всем протяжении жизни явно недоставало. Видимо, недаром бытует мнение, что «истинные

---

[18] Р. Пайпс подвергает сомнению факт уведомления Тихомировым своих родителей о свадьбе. См.: *Пайпс Р.* Лев Тихомиров: революционер поневоле. С. 125.

[19] Воспоминания Льва Тихомирова. С. 98—99.

[20] Там же. С. 99.

[21] *Кропоткин П.А.* Записки революционера. С. 350, 363.

[22] Этот призовой рысак еще не раз будет служить революционерам. Например, на нем после убийства шефа жандармов Мезенцова будет увезен Кравчинский. После ареста О.Э. Веймара рысак Варвар будет конфискован и отправлен в царские конюшни. По странному стечению обстоятельств, кажущемуся почти мистическим, именно Варвар будет в императорской упряжке 1 марта, когда произойдет покушение на Александра II, закончившееся гибелью императора. См.: *Каменский Ф.* Повесть о легендарном Варваре // Неделя. 1976. № 36.

герои — это люди, лишенные фантазии». Характеристикой для «героев» как нельзя лучше служит знаменитая фраза Михайлова: «Человек, победивший страх смерти, становится всесилен, как Бог». Они не способны себе представить, что за душевным порывом, за желанием облагодетельствовать всех может последовать боль, горе близких или даже смерть. Поэтому-то их абсолютное меньшинство, но именно люди подобного калибра магически действовали на Тихомирова, притягивали его[23].

В.И. Засулич, фото 1877 г.

Его возвращение в Петербург совпало с сообщениями из Москвы, где 3 апреля 1878 г. произошло избиение лавочниками Охотного ряда студенческой демонстрации. Катков в «Московских ведомостях» назвал это событие ответом простого народа на оправдание Засулич.

Студенчество университетских городов кипело от негодования. Обстановка в стране ощутимо накалялась; происходили массовые студенческие сходки. Казалось, сама ситуация требует от революционеров решительных действий. Фантомы насилия буквально пронизывали политическую ситуацию в Империи.

Наиболее явственно это ощущалось на юге России в Одессе, Киеве, Харькове. Там под именем Исполнительного комитета Русской социально-революционной партии действовал кружок В.А. Осинского, предпринявший ряд покушений на шпионов и представителей власти. Именно революционеры-южане выступили застрельщиками новой формы борьбы, терроризма, прямо вытекавшего из анархистского бунтарства, но на юге это течение было напрямую связано с осознанием необходимости политической борьбы. «Русский террор носил исключительно политический характер и ни разу не изменил этому направлению», — писал прямой участник этих событий В.К. Дебагорий-Мокриевич, прибавляя: «Этот исключительно политический характер нашего террора, или, другими словами, террористической борьбы за политическую свободу, к сожалению, не был понят всеми»[24]. В этом контексте имелись в виду, конечно, северяне. Террористическое движение в южном регионе стало набирать силу с конца 1877 г.[25]. Сказывалось влияние многих факторов, в том числе близость к театру военных действий в период русско-турецкой войны 1877—1878 гг., а главное — отсутствие на юге сильного объединяющего начала, т.е. революционной организации с

---

[23] Ср.: «Единственное достойное перенятия у Левых — это особое качество *людей*, вовлеченных в Революцию. Исторически было так, что людей, готовых "подохнуть за свою идею", на стороне Левой, на стороне нигилистического разрушения группировалось больше, нежели на стороне Правой, на стороне Охранения (правой и политически, и доктринально, но неправой, как обнаружилось, "антропологически"). История революционного движения в Царской России дает тому наглядный пример. Глубоко экзистенциально переживший отмеченную нами проблематику, пропустивший ее через собственную судьбу — Лев Тихомиров, переживший преображение из террориста-народовольца в крупнейшего теоретика монархической государственности, написал о "идейной нищете" революционеров слева следующее: "В моем понимании освободительное движение есть возмущение против жизни, во имя абсолютного идеала. Это алкание ненасытимое, алканье потерявших Бога. Потерявшие Бога — бесноватые. Успокоиться им нельзя. Они скорее истребят все "зло", т.е. весь свет, чем уступят...". Но он же утверждал о своих бывших соратниках: "Я их и теперь люблю. Не по делам, а за честность убеждений и самопожертвование". О новоприобретенных же соратниках из лагеря охранителей Л. Тихомиров неоднократно высказывает мысли, подобные следующим: "Какие вообще ослы наши "консерваторы". Как их не бить противникам при такой глупости..."; "победа... революции совершенно неизбежна... ибо в самом русском обществе все принципиальные и идеальные основы православной монархии — так бледны, что оно не в состоянии дать отпора никакому врагу". Надобно заметить, что в сих настроениях Л.А. Тихомиров был не одинок. Практически все подлинно-правые наиболее глубокие русские умы приходили к похожим выводам. Чрезвычайно ярко они выражены В.В. Розановым в письме к Тихомирову же: "Просто консерватизм (не в идеях, а в людях) опостылел мне; переболела моя душа от них, возненавидел я их за... их способы служить консерватизму"» // *Бычков Р.* Монархизм-ленинизм. М., 2005. С. 88—89. Действительно, в дневниках Тихомирова мы находим немало записей такого рода: «Все либеральное меня ненавидит, консервативное — почти поголовно состоит из дряни и ничтожества. Немногие исключения бессильны, да и не до чего им. Ужасное положение» // Цит. по: *Шерстюк М.В.* Одиночество Льва Тихомирова. С. 153.

[24] *Дебагорий-Мокриевич В.К.* От бунтарства к терроризму. М., 1930. Кн. 2. С. 53.

[25] *Фроленко М.Ф.* Записки семидесятника. М., 1927. С. 111.

программой, уставом, регламентирующими идейные поиски революционеров. «Инициатива может принадлежать только личности, организации — никогда», — отмечал В. Дебагорий-Мокриевич, бывший одним из теоретиков нового направления[26].

В северной столице также не все обстояло спокойно. Бродили слухи о тюремном произволе, особенно в созданных по предложению Мезенцова центральных каторжных тюрьмах — «централах» (Новобелгородской и Борисоглебской). По рукам ходила дошедшая оттуда рукопись Долгушина «Заживо погребенные», повествующая об убийственном тюремном режиме. «Смерть, одна смерть, медленная, ужасная, ждет впереди всякого политического, переступившего страшный порог этой тюрьмы! Да, они — заживо погребенные!», — эти слова камертоном стучали в сердце каждого революционера[27]. Доходили сведения и о событиях в Петропавловской крепости, где еще не вывезенные осужденные по «процессу 193-х» приняли участие в голодовке в поддержку требований по улучшению тюремного быта других подследственных революционеров. Весть о голодовке вызвала большую тревогу среди освобожденных товарищей и родственников арестованных, не без основания опасавшихся за и без того подорванное здоровье участников «процесса 193-х». Вскоре стало известно, что шеф жандармов Мезенцов ответил на просьбы родственников заключенных следующее: «Пусть умирают, я приказал заказать гробы»[28]. Можно представить, какой шок и взрыв ненависти вызвало такого рода заявление в радикальной среде. Именно тогда среди «землевольцев» вызревает убеждение в необходимости предпринять попытку по освобождению кого-либо из осужденных, по «большому процессу» отправляемых в «централы».

Первоначально выбор пал на Мышкина. Идея с освобождением принадлежала оставшимся на свободе «чайковцам» и в первую очередь Перовской. В этом начинании ее поддержали и «землевольцы», в частности, Михайлов. В связи с этим Тихомиров получил задание съездить в Харьков и установить связи с местными революционерами, так как «центральная тюрьма» находилась недалеко от Харькова, в селе Печенги. При провозе через Харьков и планировали отбить Мышкина. Там состоялось знакомство Льва Александровича с представителями крайней фракции русского революционного движения. Первое впечатление от знакомства с братьями Иваном Николаевичем и Игнатием Николаевичем Ивичевичами, А.Е. Сенятиным и Л.К. Брандтнером осталось у него самым положительным: «Они оказались милейшими и симпатичнейшими людьми. По сравнению с нашими петербургскими конспирациями жили они весьма нараспашку, — вспоминал Тихомиров. — На предложение участвовать в освобождении осужденных они тотчас же согласились. Их психика производила на меня такое впечатление, что было бы только удалое предприятие — и они за всякое возьмутся с радостью... Они чувствовали себя совершенно как смелые молодые люди на войне»[29]. Иван Ивичевич, который 2 февраля 1878 г. участвовал в убийстве шпиона А. Никонова (Тихомиров в воспоминаниях называет его Финогеновым[30]) в Ростове-на-Дону произвел этим эпизодом своей биографии впечатление на Тихомирова: «Другие выследили, а стрелять пришлось ему. Он с первой же пули свалил шпиона, но был так внимателен к своей задаче, что для полной уверенности подбежал к убитому или, может быть, раненному и всадил ему в череп все пули, какие только оставались в барабане»[31]. Братья Ивичевичи «постоянно изучали условия своей партизанской войны, знали, конечно, все тогдашнее оружие...»[32]. Однако правительство опередило революционеров: Мышкина доставили в Харьков скорее, чем об этом думали. По возвращении в Петербург Перовская встретила Тихомирова градом упреков, мол, «проворонили», «неизвестно зачем ездили» и т.д.

Степняк-Кравчинский вспоминал: «Трудно описать, что сделалось с Соней после этой неудачи. Попавшегося ей на глаза в этот день участника она ни за что разругала самым несправедливым

---

[26] *Дебагорий-Мокриевич В.К.* От бунтарства к терроризму. М., 1930. Кн. 1. С. 372.
[27] Цит. по: *Тарапута Е.А.* С.М. Степняк-Кравчинский — революционер и писатель. С. 166.
[28] *Синегуб С.С.* Записки чайковца. М.-Л., 1929. С. 216.
[29] *Тихомиров Л.А.* Тени прошлого. С. 280—281.
[30] Там же. С. 281.
[31] Там же.
[32] Там же.

образом и, успокоившись, просто застыла на мысли — непременно, во что бы то ни стало освободить других»[33].

Брат Перовской упоминает в воспоминаниях об одной пикантной и, судя по всему, малоизвестной подробности. Перовская «предполагала ехать в Сибирь, чтобы там организовать побеги каторжан. Для того, чтобы получить право легально ехать в Сибирь, не возбуждая подозрения, она предполагала обвенчаться с Львом Тихомировым. В виду того, что власти могли по этому поводу обратиться к отцу, она письмом просила мать написать отцу и просить его, чтобы он не препятствовал со своей стороны. Мать, конечно, сейчас же написала отцу об этом, но отец ни слова не ответил. Между тем Соня оставила это намерение, — без сомнения потому, что обвиненных не посылали в Сибирь, а развозили по центральным тюрьмам. После этого Соня приехала к нам. Несмотря на то, что я уверял мать, что этот брак несомненно фиктивный, только как средство для поездки в Сибирь, мать не поверила моим доводам и, когда приехала Соня, поздравила ее и даже сообщила, что и все близкие, узнав об этом, радовались вместе с ней. Соня очень рассердилась и это сильно испортило настроение минуты. Я сказал матери: "Вот видишь, мама, что я был прав, когда говорил, что предполагался фиктивный брак". На это сестра с раздражением процедила: "Да хоть бы и действительный! Все-таки слишком интимное это дело, и об этом звонить вовсе не следует"»[34].

А.А. Квятковский

А.И. Баранников

Перовской было от чего проникнуться досадой на своего так и не состоявшегося «мужа» Тихомирова. Между ними произошла еще одна размолвка, и, так как никакой вины Тихомиров за собой не чувствовал, ссора с Перовской глубоко задела его честолюбие. Впоследствии он не без язвительности заметит: «Дожил я, наконец, до того, что видел Перовскую и в полном порабощении — у Желябова. Это была женщина: полюбила Желябова всей душою и стала его рабой. Но об этом после... на этот раз мы расстались в гневе, и Перовская, видимо, не подозревала, насколько сильно порвала наши связи»[35]. Тихомиров принимает решение о поездке в Новороссийск к родным для поправки здоровья, отдыха и «залечивания душевных ран». Так что предпринятая 1 июля 1878 г. под Харьковом неудачная попытка освободить Войнаральского, организованная силами «землевольцев», обошлась уже без него. В подготовке и осуществлении дерзкой акции принимали участие: Михайлов, М.Ф. Фроленко, А.А. Квятковский, А.И. Баранников, А. Фомин, Морозов, Перовская и М.Н. Оловенникова (Ошанина).

По воспоминаниям Тихомирова, лето 1878 года оказалось в его жизни исключительно светлой полосой, «какой я не знал ни раньше, ни после за все 68 лет моего существования», и запомнилось, как «беспечальное лето»[36]. Он буквально упивался свободой, восстанавливался морально и физически. Суетная жизнь радикального мира больших городов осталась за спиной. В это лето он не хотел задумываться о будущем и строить какие-либо планы. Такое его настроение позволяет нам предположить, что альтернатива: принимать или не принимать дальнейшее участие в революционном движении для него еще существовала. Готового решения не было. В какой-то мере дальнейшие планы Тихомирова зависели от фатума, судьбы. Он ждал, что выбор пути в жизни предопределится сам собой при стечении не зависящих от него внешних обстоятельств.

---

[33] *Степняк-Кравчинский С.М.* Сочинения в 2-х томах. Т. 1. С. 412.
[34] *Перовский В.Л.* Воспоминания о сестре (Софье Перовской). М.—Л., 1927. С. 85.
[35] Воспоминания Льва Тихомирова. С. 111.
[36] *Тихомиров Л.А.* Тени прошлого. С. 257.

М.Ф. Фроленко, фото 1881 г.

Два фактора могли склонить чашу весов в ту или иную сторону. Первое — окончательное решение своей судьбы по «процессу 193-х», а оно оказалось для Тихомирова неутешительным. Свидетельство тому фрагмент из «Предложения министра юстиции Сенату от 21 мая 1878 г. за № 970 с изложением содержания состоявшегося 11 мая высочайшего постановления». «Государь император высочайше повелеть соизволил... VIII) признать нижепоименованных девятнадцать лиц подлежащими определенным им Правительствующим Сенатом наказаниям по закону, именно: а) Кувшинскую[37], Данилова, Мокиевского-Зубка, Тихомирова, Франжоли, Софью Лешерн-фон-Герцфельд, Мейера, Фишера, Ярцева и Клеопатру Бладзевич — ссылке на житье в Тобольскую губернию с лишением всех особых прав и преимуществ»[38]. И второе — серьезная размолвка с Перовской, во многом определившая его отъезд из Петербурга. Еще одним моментом, стоящим несколько особняком, являлось то, что программа петербургских революционеров не совсем устраивала Тихомирова.

Аполитизм и федерализм «землевольцев», их стремление любым способом продолжать пропаганду в народе, по его мнению, были вчерашним днем революционного движения. Сам не участвуя в «хождении в народ», Тихомиров довольно негативно оценивал итоги этого движения. Он считал, что лица, живущие в народе как учителя, волостные писари, фельдшеры становятся все менее революционны. Чем больше они обживались и сходились с мужиками, тем менее думали о бунте и тем более вдавались в мысль о легальной защите мужика[39]. Терроризм же южан, поставленный на службу идее борьбы за политические свободы, тоже оказывался слишком узок для политического мировоззрения Тихомирова.

Думается, что честолюбие, амбиции и несомненный патриотизм Тихомирова уже тогда требовали большего — широкомасштабной политической деятельности. Пусть и в рамках борющейся с правительством революционной организации, но ставящей перед собой крупные, а главное, в его представлении, «реальные» политические цели. Ему виделось создание социально справедливого общества, опирающегося на «крестьянские миры», но с четко функционирующей центральной государственной властью при поддержке всего передового общества. Пока же на повестке дня, как он полагал, должна стоять прямая борьба с правительством под знаменем четко оформленной политической программы.

Тихомиров, как и большинство его радикально настроенных современников, переоценивал кризис власти, принимая частные уступки и даже панику в правительственных сферах за начало глубокого системного кризиса государственной власти, кризиса, который под натиском оппозиции, в том числе и радикальной, способен привести к глобальным политическим изменениям в Российской Империи. А так как он формально даже не являлся членом «Земли и воли», то, естественно, не мог влиять на принимаемые в ней решения, а уж тем более на выработку программных документов.

Поэтому жаркое и насыщенное для революционеров лето 1878 г. он провел в тиши и спокойствии, наслаждаясь горным воздухом Кавказа и проводя время в кругу домашних. Для укрепления физических кондиций он даже предпринял путешествие по Военно-Грузинской дороге. Пребывая на большом удалении от центров политической жизни страны, Тихомиров мог улавливать лишь отрывочную информацию о происходящих там событиях.

Ситуация же летом и осенью 1878 г. начала кардинально меняться. Ожесточение борьбы нарастало. Застрельщиками, как всегда, выступили южане. Находясь в Новороссийске, Тихомиров узнает о судебном процессе в Одессе над группой Ковальского, оказавшей вооруженное сопротивление

---

[37] Кувшинская (по мужу Чарушина) Анна Дмитриевна (1851—1909).

[38] Финал процесса 193 // Красный архив. 1928. Т. 5. С. 192.

[39] См.: *Козьмин Б.П.* Из истории революционной мысли в России. М., 1961. С. 706.

ои аресте. Суд начался 20 июля 1878 г., а уже вечером 24 июля Ковальскому вынесли смертный оворов. Известие о приговоре вызвало стихийную демонстрацию возле здания суда. Солдатами ыло применено оружие, имелись убитые и раненые с обеих сторон. Своеобразным ответом на казнь овальского, состоявшуюся 2 августа 1878 г., стало убийство шефа жандармов Мезенцова, произведенное 4 августа в Петербурге среди бела дня. Его осуществил близко знакомый Тихомирову Степняк-равчинский. Свой поступок новоявленный террорист объяснил в выпущенной брошюре «Смерть а смерть». Кравчинский писал: «Убийство — вещь ужасная! Только в минуту сильнейшего аффекта, ходящего до потери самосознания, человек, не будучи извергом и выродком человечества, может ишить жизни себе подобного. Русское же правительство нас, социалистов, нас, посвятивших себя елу освобождения страждущих, нас, обрекших себя на всяческие страдания, чтобы избавить от них ругих, — русское правительство довело до того, что мы решаемся на целый ряд убийств, возводим их в систему!»[40]. Острый полемичный памфлет отражал аполитизм и теоретическую путаницу взглядов емлевольцев, по крайне мере, самого Степняка-Кравчинского, отрицавшего политический характер борьбы своих товарищей и заявлявшего: «Вот почему мы, как нельзя более, склонны оставить в покое вас, правительствующие. Наши настоящие враги — буржуазия, которая теперь прячется за вашей спиной <...> Так посторонитесь же! Не мешайте нам бороться с нашими настоящими врагами, и мы оставим вас в покое. Пока не свалим мы теперешнего экономического строя, вы можете мирно почивать под тенью ваших обильных смоковниц»[41]. Но при всей теоретической сумбурности этого документа мало кто из тогдашних революционеров, в том числе и Тихомиров, не подписался бы под следующими словами Степняка-Кравчинского: «Террор — ужасная вещь, есть только одна вещь хуже террора: это — безропотно сносить насилия»[42].

Убийство Мезенцова свидетельствовало, что и в Петербурге часть землевольцев готова перейти по примеру южан к решительным действиям. Вообще активность организации, в основном благодаря усилиям Михайлова, резко возросла. Одним из главнейших его начинаний стало устройство самостоятельного, бесцензурного печатного органа, выходящего прямо в России. С весны 1878 г. работа по организации типографии велась очень активно. К делу были привлечены лучшие технические силы революционеров во главе с опытнейшей наборщицей М.К. Крыловой, а также наиболее известные «литераторы» организации. В редакцию нового органа первоначально входили Степняк-Кравчинский, Клеменц и Морозов. Место для типографии и систему конспирации лично выбирал и разрабатывал Михайлов. Способнейший организатор, воплощенный гений конспирации, он, по мнению Тихомирова, «мог бы, при иной обстановке, быть великим министром»[43].

Действительно, в каком-то смысле устроенная им типография «Земли и воли» в Саперном переулке, ставшая впоследствии народовольческой, являла собой настоящий памятник его работе. Ее раскрыли много позже и то случайно. Таким образом, типография просуществовала до ее погрома достаточно долго, а ее работа была эффективной. Так, 25 октября 1878 г. в свет вышел № 1 «Земли и воли» (давший официальное название организации). Причем были и другие предложения. Так, например, Морозов предлагал назвать газету «Свет и Свобода», заявляя, что название «Земля и воля» устарело, т.к. идет поголовный отток пропагандистов из деревень, а предложенное им название соответствует требованию момента, когда революционеры начинают «борьбу по способу Вильгельма Телля», которую они «стараются объяснить не нашим желанием достигнуть гражданской свободы, а только местью за погубленных товарищей»[44]. Активизация революционеров в столице, еще и появление нелегальной газеты неминуемо усиливало тревогу властей и, как следствие, — полицейские репрессии.

Красочную иллюстрацию о жизни Петербурга тех дней с присущим ему юмором оставил Степняк-Кравчинский в письме А.М. Эпштейн: «У нас в Питере казаков конных пикетами на всех

[40] Цит. по: *Зверев В.В.* Русское народничество: учебное пособие. М., 2009. С. 143.

[41] Цит. по: *Тарапута Е.А.* С.М. Степняк-Кравчинский — революционер и писатель. С. 174.

[42] Там же. С. 168.

[43] Воспоминания Льва Тихомирова. С. 94.

[44] *Морозов Н.А.* Повести моей жизни. С. 350—351.

С.М. Кравчинский, фото 1878 г.

перекрестках порасставили, да еще понаделали так называемых военных городовых... Точно в осажденном городе живешь! Это все нигилисты и повивальные бабки. Ох, уж задал бы я им, коли бы мне силы да власть!.. Представьте, что они (революционеры, — *авт.*) еще сделали в последнее время: напечатали объявления, что, мол, на их газету... принимается подписка годовая и полугодовая, в местах и через лиц, публике известных!.. Тут полиция из кожи лезет, в ниточку натягивается, а они и в ус не дуют... И чего смотрят казаки! Нет, мало их пикетами расставить, — нужно к каждому дому их приставить, и чуть нигилист или нигилистка из калитки, — сейчас коли ее пикою»[45]. Впрочем, подобные иронические взгляды на действия полиции и III отделения просуществовали в землевольческой среде недолго.

Деятели политического сыска быстро учились на своих ошибках и постепенно нарабатывали практику в охоте за нелегалами. Первый крупный успех ожидал III отделение в октябре 1878 г., когда были арестованы значительные силы землевольческого центра: Марк и Ольга Натансоны, Адриан Михайлов, В. Трощанский, Л.Ф. Бердников и Л.П. Буланов. Начало арестам положили бумаги, найденные у задержанной в ночь с 11 на 12 октября художницы А.Н. Малиновской, оказавшей вооруженное сопротивление[46].

Остававшийся все еще не разысканным Степняк-Кравчинский, ходящий буквально под виселицей, по настойчивым просьбам товарищей отправился, как тогда говорили, «проветриться», т.е. за границу. В конце ноября 1878 г. Степняк-Кравчинский прибывает в Женеву. Его отъезд и аресты поставили редакцию «Земли и воли» в очень затруднительное положение. Дело в том, что в редакции, по существу, остался лишь один опытный работник, Клеменц. Морозов был еще очень молод, неопытен, горяч и обидчив. Первоначально в редакции на него возложили сбор материалов и составление хроники текущих событий[47]. Теперь он волей обстоятельств стал правой рукой Клеменца в редакции.

Нельзя не указать и на то обстоятельство, что программные статьи, предлагаемые Морозовым, шли вразрез с теоретическими установками «Земли и воли», а зачастую оказывались еще и идейно незрелыми. О трудностях в редакции в письме в Женеву Степняку-Кравчинскому сетовал и Клеменц. Он писал, что второй номер газеты стоил «труда немалого», а «горя еще больше. Горе — это Воробей (Морозов, — *авт.*). Написал он одну статейку принципиальную, программную, которая, по его мнению, должна была служить продолжением твоей. Беру, читаю, не верю своим глазам — слог по мысли, а главное, по аргументации достоин гимназиста 5 класса»[48]. В центре организации ясно понимали, что необходимо срочно усиливать редакцию. Одно место в ней заполнили быстро — вместо убывшего Степняка-Кравчинского пригласили Плеханова.

В составе Клеменца, Морозова и Плеханова редакция заканчивала уже второй выпуск газеты, увидевший свет 15 декабря 1878 г.[49] Для дальнейшей активизации ее работы решено было обратиться к Тихомирову, имевшему не только «большой вес» в революционных кругах, но и опыт литературной работы. Ко всему прочему, он получил письмо и от бывшей «невесты» Перовской. Она предлагала ему покинуть ссылку (до окончательного решения по процессу 193-х Тихомиров «подлежал гласному надзору полиции на 3 года, с воспрещением отлучек с места жительства и, кроме того, с воспрещением проживательства в столицах, столичных губерниях, городах: Киеве, Харькове, Одессе и Саратове, а равно в Новороссийском крае и местностях, близких к театру военных действий»[50]) и присоединиться к «Земле и воле».

---

[45] ГА РФ. Ф. 109. Оп. 1. Д. 734. Л. 21—22.

[46] Хроника социалистического движения в России. С. 58.

[47] *Твардовская В.А.* Н.А. Морозов в русском освободительном движении. С. 82.

[48] Там же. С. 83—84.

[49] *Морозов Н.А.* Отголосок давних дней // Былое. 1907. № 10. С. 242.

[50] Финал процесса 193. С. 197.

Тихомиров оказался перед дилеммой: остаться ли поднадзорным, а в перспективе, как мы уже знаем из документов, и административно высланным, что, по сути, было равносильно отходу от революционного движения, либо, скрывшись из-под полицейского надзора, переходить на нелегальное положение. Дело в том, что, если бы он, сославшись на решение властей, остался отбывать наказание, то, очевидно, вскоре растерял бы все свои революционные связи. В то время «поколения революционеров» сменялись чрезвычайно быстро. Сохранилось свидетельство Морозова, характеризующего такое положение вещей: «Средняя продолжительность нелегальной деятельности в России не более трех месяцев. Всякий, кто уклоняется от нее хоть одну зиму, теряет все связи с действующими лицами. Его знакомые уже все арестованы, их преемники его не знают. Он (революционер, — *авт.*) не мог бы вновь установить порванных раз сношений, если б даже и хотел, вследствие потери всех адресов»[51].

Несомненно, решение об административной ссылке глубоко задело Тихомирова. «При моей молодости и жажде широк[ого] наблюдения, — вспоминал он впоследствии, — эта мера поразила меня, как громовый удар. Мне казалось, что я снова попадаю в нечто вроде недавно оставленной тюрьмы, и я немедленно бежал, без денег, без планов, даже не зная, кого из революционных друзей сумею разыскать. С этого момента начинается моя нелегальная жизнь»[52]. Действительно, он лишался многих гражданских прав: не мог служить, заниматься преподаванием и общественной деятельностью, не говоря уж о продолжении образования. Да еще в случае какой-либо провинности его могли отправить дальше в Сибирь. Уязвленное самолюбие требовало отмщения и отсюда — переход на нелегальное положение. К тому же новое направление в деятельности «Земли и воли», а именно, хотя и медленный, но поворот к политике, не могло оставить Тихомирова равнодушным. Льстили ему и просьбы товарищей о помощи в редакции. Это была реальная возможность не только выйти на первые роли, но и проводить свои общественно-политические взгляды через бесцензурную печать.

Последний же камень на чашу весов в пользу перехода в нелегалы положила все та же Перовская своим письмом. Видимо, «любовная заноза» все еще сидела в сердце Тихомирова. «Была одна девушка, к которой я был не равнодушен... Но в эту минуту она мне один раз прислала письмо и советовала бежать к ним, действующим революционерам, — писал в дневнике Тихомиров 6 июня 1896 года. — Это письмо было последней каплей, решительным ударом». Рубикон был перейден, и в самом конце осени 1878 г. он оказался в Петербурге. В столицу Лев Александрович прибыл без паспорта и денег, но, восстановив через Н.А. Грибоедова старые связи, вышел на Клеменца, и вскоре его с распростертыми объятиями приняли в самом «центре», в редакции газеты «Земля и воля». Тогда же он официально вместе с Перовской вступает в состав организации[53]. Перейдя на нелегальное положение, Тихомиров действовал на революционном поприще под именем Константина Кожина[54].

Тихомиров застает деятельность организации на переломном этапе, когда внутри нее все сильнее раздаются возгласы о переносе борьбы с правительством в город, о смещении акцента в сторону политической борьбы, в том числе и актов дезорганизации правительства. В тот момент времени подобная трактовка землевольческой программы как нельзя лучше соответствовала взглядам Тихомирова, жаждавшего активных действий, хотя высказывал он их достаточно осторожно, в отличие от запальчивого Морозова, всюду пропагандировавшего прямую террористическую борьбу с правительством.

Согласимся с мнением Твардовской, считавшей, что на первом этапе своего пребывания в редакции Тихомиров еще не определил окончательно свою позицию, но склонялся к признанию политической борьбы[55]. Третий номер газеты, вышедший 15 января 1879 г., еще никак не отражает степени участия в ней Тихомирова, большая часть материала была подготовлена до его приезда.

---

[51] *Морозов Н.А.* Повести моей жизни. С. 270.

[52] Воспоминания Льва Тихомирова. С. 241.

[53] Там же. С. 113.

[54] Хроника социалистического движения в России. С. 60.

[55] *Твардовская В.А.* Социалистическая мысль России на рубеже 1870—1880 годов. С. 41.

Но и он времени даром не терял. В начале 1879 г. он начинает завязывать довольно активные связи и в кругах легальной демократической журналистики под именем Ивана Григорьевича Каратаева[56]. Имя было выбрано не случайно, и позволим себе не согласиться с мнением В.А. Малинина, считавшего, что выбор псевдонима, предложенного Ал. Михайловым, отражает суть термина «каратаевщина», то есть соглашательство. На самом деле он просто использовал девичью фамилию матери. Вращаясь в литературных салонах, он устанавливает тесные связи со знакомым ему еще по Московскому университету Гольцевым, редактором «Русской мысли», а через него — с Н.К. Михайловским, редактором «Отечественных записок», и с Н.В. Шелгуновым — одним из издателей журнала «Дело».

Выходу Тихомирова на первые роли в редакции «Земли и воли» способствовал и арест в феврале 1879 года Клеменца, сторонника старого народнического аполитизма и признанного авторитета в революционной газете. Как отмечал Аптекман, в результате этого ареста редакторской группе был нанесен значительный урон и в редакции остались только Тихомиров и Морозов. «Плеханов, хотя тогда уже близко стоял к редакции, но, так сказать, *ответственным* (перед *партией*) редактором он не считался еще»[57]. О частых ссорах между Клеменцом и Плехановым сохранилось и свидетельство самого Тихомирова, объяснявшего это личной неприязнью Плеханова, возникшей из-за главенствующей роли Клеменца в редакции[58]. Более осторожный и тактичный Тихомиров исполнял в редакции роль «громоотвода». О роли Клеменца в издании говорят и интересные математические выкладки, приведенные Д. Кузьминым, высчитавшим то количество печатных знаков, которое в издании опубликовал тот или иной автор. Тут первенство Клеменца неоспоримо: Клеменц — 196 тыс. букв; Морозов — 120 тыс. букв; Плеханов — 90 тыс. букв; Степняк-Кравчинский — 35 тыс. букв; Тихомиров — 30 тыс. букв[59].

Арест Клеменца практически совпал с выходом в свет 4-го номера издания (29 февраля 1878 года). Вообще, оценивая впоследствии периодику «Земли и воли», Тихомиров отмечал, что публицистика организации отражала путаницу, мешанину во взглядах, и это так, ведь шел поиск новых путей в революционном движении. В этом отношении представляется правомерным тезис исследователя И.С. Вахрушева, считавшего, что «в кажущейся противоречивости газеты четко просматривается ее последовательность и поступательное развитие, сообразно с условиями времени и текущей действительности»[60].

Быстро меняющаяся политическая обстановка в стране при несомненной активизации революционного лагеря все более убеждала Тихомирова в правильности выбора в сторону «политической борьбы». Постепенно он отходит от роли буфера, каковую он играл некоторое время, примиряя яростных оппонентов — «теллиста» Морозова и «деревенщика» Плеханова. Тихомиров все более склоняется к пропаганде активной политической борьбы, но он смотрит на нее под более широким углом зрения, нежели Морозов. Лев Александрович усматривает в переходе к политической борьбе не просто серию террористических актов, способных поколебать правительство и вырвать политические свободы у самодержавия. Под политической борьбой ему виделась возможность улучшения народной жизни с помощью изменения структуры и роли государственных учреждений в стране.

Позже Тихомиров вспоминал: «Лозунг времени был *социализм*, но я, в сущности, хотел только материальной обеспеченности народа... Мой социализм, в сущности, сводился к государственной регуляции частной собственности. Что касается *террора*, то мне он нравился только как первые *революционные схватки*, передовые аванпостные стычки. Но и только. Террора как систему я не понимал, и даже она мне казалась нелепостью»[61]. И все же переход Тихомирова на позиции сто-

---

[56] *Малинин В.А.* История русского утопического социализма... С. 167.

[57] См.: *Аптекман О.В.* Общество «Земля и воля» 70-х годов // Революционеры 1870-х годов. Воспоминания участников народнического движения в Петербурге. С. 340.

[58] *Вахрушев И.С.* Очерки по истории русской революционно-демократической печати 1873—1886 годов. Саратов, 1980. С. 116—117.

[59] *Кузьмин Д. [Колосов Е.Е.]* Народовольческая журналистика. С. 226.

[60] *Вахрушев И.С.* Очерки по истории русской революционно-демократической печати 1873—1886 годов. С. 120.

[61] Воспоминания Льва Тихомирова. С. 132—133.

онника активной борьбы с правительством являлся, своего рода, приметой времени. И связан он резко изменившимися общественными настроениями в стране.

«Аполитичное» народничество «розовой юности», то есть «хождения в народ», безвозвратно ходило в прошлое. Случаи открытого сопротивления властям перестали быть редкостью. Правительственное насилие давало свои результаты: радикальная молодежь повсеместно вооружалась. Острее это ощущалось на юге, где под «мифической маской» ИК действовала группа Осинского. Да и в Петербурге землевольцы под давлением обстоятельств, хотя и медленно, но эволюционировали от «аполитизма» к «политике». «Деревенский период» организации с мирной просветительской работой среди крестьянства сменялся городским, а обстановка города сама по себе способствовала политизации взглядов. Даже такой сторонник «пропаганды в народе», как Плеханов, продолжал вести работу в городе с рабочими. Что уж говорить о Тихомирове, в силу объективных обстоятельств вообще не участвовавшем в организации «деревенских поселений». Всей душой он выступает за активизацию деятельности «Земли и воли» именно в городах, отдавая предпочтение политической направленности. Настроения Тихомирова разделял его друг Михайлов и ряд других влиятельных членов организации. Сближение Тихомирова с наиболее активными сторонниками нового, политического направления в немалой степени способствовало его выдвижению на первые роли в «Земле и воле» как признанного идеолога нового направления.

В начале 1879 г. в организации то и дело вспыхивали дискуссии о дальнейших путях деятельности. Довольно часто собирались для обсуждения программных вопросов на квартире близкой землевольцам Г.Ф. Чернявской. «Говорили о работе в деревне, о настоятельной необходимости свергнуть самодержавие, о политическом терроре. Основными спорщиками были Плеханов и Аптекман с одной стороны, Желябов, Тихомиров, Оловенникова — с другой»[62]. О постоянных дискуссиях с Тихомировым сохранились и воспоминания Аптекмана, указывавшего, что Тихомиров чуть ли не каждый день бывал у него в квартире на Гончарной. Там велись продолжительные беседы как о насущных вопросах, так и о вопросах теории. Уже тогда Тихомиров критически относился к труду историка Н.И. Костомарова «Северо-русские народоправства» и горячо доказывал, что землевольцы «совершенно напрасно увлеклись этим прославленным "федеративным" строем. В этом строе ничего жизненного и творческого не было, дела вершили худшие мужики... элемент совершенно противогосударственный и противообщественный». Скептически Тихомиров относился и к работе в деревне. При этом, замечает Аптекман, «он меня покорил своей, казалось мне, глубокой цельностью, преданностью революционному делу»[63]. Михайлов, в отличие от своего друга, в споры не вступал. Он предпочитал действие, через него поддерживались контакты с террористами-южанами, изыскивались деньги для организации. В редакции «Земли и воли» Михайлов также добился компромисса. Решено было создать хроникальное добавление к газете, где освещались бы революционные события, вокруг которых в редакции кипели споры. Фактически это означало возможность писать о политической борьбе. Редактором «Листка Земли и воли», начавшего выходить в марте 1879 г., назначили Морозова[64]. Михайлов же, реагируя на критические обвинения, касающиеся теоретических шатаний издания, с неизменным спокойствием отвечал: «Главное — появление газеты нелегально... Вот что действует на публику. А что написано, — это неважно. По мне, — прибавил он раз со смехом, — идеальная газета была бы такая, чтобы в ней ничего не было напечатано. Но это, к сожалению, невозможно»[65].

Существовало и еще одно обстоятельство, подталкивающие революционеров, в том числе и Тихомирова, в сторону окончательного принятия идеи политической борьбы — это одобрительное отношение либерального общества. Вращаясь в демократических литературных кругах, эти настроения чутко улавливал и Тихомиров. Ситуация складывалась таким образом, что разнонаправленные векторы устремлений части наиболее решительно настроенных представителей революционного

[62] *Твардовская В.А.* Социалистическая мысль России на рубеже 1870—1880-х годов. С. 51.
[63] *Аптекман О.В.* Общество «Земля и воля» 70-х годов. С. 360.
[64] *Твардовская В.А.* Н.А. Морозов в русском освободительном движении. С. 86.
[65] Воспоминания Льва Тихомирова. С. 133.

Н.К. Михайловский

лагеря и части либерально-демократического общества, оппозиционного правительству, сходились в вопросах политической борьбы и завоевания гражданских свобод.

Отметим, что в подцензурной журналистике конца 1870-х годов активно развивались идеи Е. Дюринга. Достаточно вспомнить нашумевшую статью Михайловского «Утопия Ренана и теория автономии личности Е. Дюринга»[66], в которой известный литератор особенно выделял те места в «теории Дюринга», которые служили оправданием насилия как ответа на насилие: «...Зло существует, и с ним надо бороться, бороться иногда жестокими, даже террористическими средствами!», — восклицал он[67]. Близкие контакты с легальными журналистами заставляли Льва Александровича следить за новыми направлениями в развитии социальных наук.

Это особенно характерно для «землевольческого периода» его деятельности. Тогда он стремился всячески расширить горизонты своих знаний. Будучи, как и большинство радикалов, сторонником позитивистской философии с ее верой в приоритет естественнонаучного знания, Тихомиров этим не довольствовался. Можно предположить, что уже тогда его интересовали вопросы, над которыми он в той или иной форме работал в течение всей жизни.

Одной из наиболее волновавших его тем являлась разработка основных законов общественного развития. Позитивная социология, как и теория К. Маркса с ее обоснованием доминирующей роли экономического фактора, не устраивали Тихомирова. Признавая неразработанность основных социологических законов, он пытался спроецировать законы, управляющие обществом, на законы, которые управляют личностью. При этом он исходил из посылки, что именно из личностей состоит общество, а, следовательно, и законы должны быть тождественными и могут различаться лишь количественно.

Видя нерешенность данной научной проблемы, он заинтересовался работами Михайловского, тогда уже приступившего к научной разработке «субъективного метода» в социологии. Вообще влияние личности Михайловского на Тихомирова было тогда чрезвычайно сильно. И вполне объяснимо, что увлечение Михайловского идеями Дюринга не прошло бесследно и для Тихомирова. Духом статей Михайловского, посвященных теории Дюринга, проникнуто, например, письмо Тихомирова к «деревенщикам» от 15 января 1879 г.: «Есть, товарищи, еще один вопрос — вопрос нашей чести, нашего достоинства, — писал он. — И мы должны оберегать его, должны поднять его выше всякого упрека. Мы зовем народ к защите его прав... Нельзя, стало быть, допускать беззаконного попирания и наших прав...»[68]. Далее содержался призыв в случае необходимости к открытой борьбе с правительством в ответ на его насильственные действия. Строки этого письма свидетельствуют, что Тихомиров окончательно переходит в стан наиболее радикально настроенных — «политиков». Да и сами события свидетельствовали о переходе революционеров в новый фазис борьбы.

Вооруженное противостояние «власти» и «революционеров» стремительно нарастало. Если на юге револьвер и кинжал давно стали решительным аргументом в этом споре, не имевшем победителя, то постепенно к этому же пришли и на севере. Дезорганизаторское крыло «Земли и воли» начинает проявлять себя все активнее. 26 февраля 1879 г. в Москве землевольцами М.Р. Поповым и Н.В. Шмеманом убит предатель Н.В. Рейнштейн («Николка»). А.П. Прибылева-Корба вспоминала, что «убийство Рейнштейна был первый террористический акт, в котором проявилась, как скрытая пружина, деятельность Клеточникова»[69]. Еще более впечатляющей акцией стало дерзкое покушение, осуществленное Л.Ф. Мирским, когда «13 марта 1879 г., около Летнего сада, едва не был застрелен

---

[66] *Михайловский Н.К.* Утопия Ренана и теория автономии личности Е. Дюринга // Отечественные записки. 1878. Кн. 9/10.

[67] *Михайловский Н.К.* Собрание сочинений. СПб., 1909. Т. 3. С. 233.

[68] Архив «Земли и воли» и «Народной воли». М., 1932. С. 99.

[69] *Прибылева А.П.* Воспоминания о «Народной воле» // Голос минувшего. 1916. № 9. С. 93.

новый шеф шандармов А.Р. Дрентельн подскакавшим к его карете всадником. Покушение готовилось с одобрения или, по крайней мере, непротивления большинства членов Основного кружка "Земли и воли". Категорически возражал только Плеханов»[70]. Покушение вызвало шквал репрессий. «Редко проходила ночь без 60—80 обысков и арестов... Даже полиция, говорят, и та уже стала роптать: ни днем ни ночью отдыха нет», — вспоминал Аптекман[71]. Дело Мирского еще сильнее обострило ситуацию и внутри «Земли и воли». В том числе и в редакции газеты, где все явственнее ощущался антагонизм между набравшим силу и очень авторитетным «Стариком» (Тихомировым) и молодым, но амбициозным «Жоржем» (Плехановым).

«Точки кипения» споры в «Земле и воле» достигли в конце марта — начале апреля, когда в столицу явился участник саратовского поселения А.К. Соловьев и заявил, что готов «идти на царя». Через Михайлова вопрос поставили на обсуждение в центральном кружке. «Деревенщики» во главе с Плехановым всеми силами сопротивлялись замыслу Соловьева, доказывая, что подобный террористический акт только усилит репрессии[72]. На стороне цареубийства оказались Морозов, Михайлов, Квятковский, Фроленко, к ним примкнул и Тихомиров. Решено было оказать Соловьеву помощь в частном порядке, без привлечения сил и средств «Земли и воли». Гениальный практик Михайлов разработал план покушения, но 2 апреля 1879 г. Бог был на стороне императора. Все 5 выстрелов Соловьева в царя на Дворцовой площади во время его прогулки не достигли цели. Казалось бы, полное фиаско, однако в тот же день в Ростове вспыхнули волнения рабочих. Причина оказалась банальнейшей: в день Пасхи за нарушение порядка околоточные арестовали двоих пьяных. По дороге в участок полицейский ударил одного из них нагайкой. Это разъярило нетрезвую толпу, и она бросилась громить полицейские участки[73]. Случайность? Несомненно! В конкретном же случае подобное стечение обстоятельств сыграло на руку революционерам. Правительство посчитало, что события в Ростове напрямую связаны с выстрелом Соловьева. В какой-то степени правоту наших заключений доказывает разбирательство «ростовского дела». В 1880 г. Военным судом судили около 40 человек, сроки приговоров оказались весьма продолжительными, а 10 человек приговорили к 25 годам каторжных работ[74]. Правительство, напуганное «сращиванием» революционного движения с рабочей массой и не знающее, что предпринять, пошло на крайние меры. Всю страну разделили на 6 военных генерал-губернаторств и ввели военные суды[75].

Землевольцы же, особенно сторонники нового направления, также восприняли события в Ростове как «добрый знак» того, что новые формы борьбы дают позитивный результат. О такой оценке событий, например, свидетельствуют строки из письма А.Н. Малиновской, написанного из ДПЗ: «После этого факта (2 апреля в Ростове, — *авт.*) всем очевидно, что мы сделаем безумие и преступление, если во время крушения царя не будем среди рабочих... вообще среди народа... Факты вроде ростовского должны действовать на ширину, а факты террора в центре — на объем уступок правительства»[76].

Покушение Соловьева окончательно взорвало и редакцию «Земли и воли» изнутри. Камнем преткновения стала передовая статья в № 5 газеты от 8 апреля 1879 г., написанная Тихомировым. Помещение подобной статьи вызвало нешуточный скандал в организации. Дело в том, что первоначально планировалась совершенно иная передовая, уже предоставленная редакции Плехановым. Статья посвящалась церковному расколу, его историческому значению и его роли в революционном будущем русского народа[77]. Аптекман отмечал, что «статья Тихомирова появилась *вне очереди.*

---

[70] *Гинев В.Н., Цамутали А.Н.* В борьбе за свободу // «Народная воля» и «Черный передел». Воспоминания участников революционного движения в Петербурге в 1879—1882 гг. Л., 1989. С. 9.

[71] См.: *Аптекман О.В.* Общество «Земля и воля» 70-х годов // «Народная воля» и «Черный передел». Воспоминания участников революционного движения в Петербурге в 1879—1882 гг. С. 76.

[72] См.: *Морозов Н.А.* Повести моей жизни. Т. 2. С. 415—416.

[73] *Попов М.Р.* Записки землевольца. С. 164. Об этом же см.: *Бах А.Н.* Записки народовольца. С. 109.

[74] *Попов М.Р.* Записки землевольца. С. 164—165.

[75] См.: *Троицкий Н.А.* Безумство храбрых... С. 152—186.

[76] Архив «Земли и воли» и «Народной воли». М., 1932. С. 277.

[77] *Аптекман О.В.* Общество «Земля и воля» 70-х годов. С. 363; *Аптекман О.В.* «Черный передел». (Страница из

Плеханов передавал мне, что на одном из редакционных совещаний было решено, чтобы продолжать дальнейшее теоретическое развитие землевольческой программы со всеми необходимыми дополнениями, уже внесенными в нее практикой. Статью должен был написать Плеханов, что он исполнил. Она была одобрена редакциею, особенно сочувственно к ней отнесся А. Михайлов»[78]. Пикантность ситуации заключалась в том, что Плеханов не находился тогда в столице. И нетрудно было предугадать бурную реакцию амбициозного и вспыльчивого Жоржа на такого рода демарш со стороны редакции. Тем более что сам Плеханов крайне негативно относился к мероприятию А.К. Соловьева и порицал увлечение землевольцев террористической практикой.

Специфичность появления статьи Тихомирова еще и в том, что, если раньше все сообщения о тех или иных террористических актах появлялись в прокламациях от имени «Земли и воли» («Казнь агента Рейтенштейна в Москве 26 февраля 1879 г.», «Покушение на жизнь Дрентельна 13 марта 1879 г.»), то в данном случае «дело 2 апреля» стало темой передовой статьи центрального органа организации. В свою очередь это неоспоримо свидетельствовало об усилении роли «политиков» в «Земле и воле» вообще, и о значительном упрочении позиций Тихомирова в редакции в частности. В свое время Вахрушев высказывал предположение, что по заказу «центра» в редакции были написаны две статьи и прошла «передовица» Тихомирова[79]. Можно выдвинуть версию, что резонанс, вызванный «делом А.К. Соловьева» в стране — с одной стороны, и революционный авторитет Тихомирова — с другой позволили последнему, опираясь на поддержку Михайлова и Квятковского, настоять на написании совершенно иной передовой статьи, отвечавшей, по мнению большинства землевольцев, остроте момента.

В тихомировской передовице «Отголоски 2 апреля», несмотря на определенную словесную эквилибристику, зазвучал «государственный мотив», так характерный в будущем для публицистики «Народной воли» и проходящий через всю дальнейшую публицистику Тихомирова. В отличие от прошлого теоретического сумбура, в ней автор твердо и четко писал: «И пока мы будем размышлять о *высшем развитии и конечных идеалах* — народ может быть доведен до такого состояния, что его уже не подымешь никакими способами. Нет, *нам нужны не идеалы*, нам нужно в самом скорейшем времени, пока еще не поздно, разбить эту ужасную государственную машину и поставить на ее место общественный строй, хотя бы и не идеальный, но все же обеспечивающий народу возможность дальнейшего развития. *Малый прогресс все же лучше большого регресса*»[80]. Тут уже просматривались будущие идеи народовольчества, хотя в целом статья характеризовала собой промежуточный этап движения от землевольческого аполитизма к народовольческой политике. Многое в ней Тихомиров вынужден был, считаясь с настроением революционеров, сохранить и из старого народнического арсенала, поэтому в ней можно найти и сильный налет бакунизма. Это и идеи федерализма, и местное самоуправление, основанное на общинном начале, и организация крестьянских дружин. Но, чтобы этого добиться, нужно сокрушить старую государственную машину с помощью сил революционной партии, что в таких случаях просто неизбежно. Еще не совсем четко, но в тоне статьи уже можно проследить мысль о переходе к новому государственному строю путем насильственного захвата власти. Нужно поставить революционную партию в глазах крестьянина на то место, «какое занимает у него мифический царь», как можно больше расшевелить крестьянина, возбуждать его к протесту, приучать к борьбе. По мнению Тихомирова, только идя рука об руку с таким фактическим протестом, пропаганда получит действительно серьезное значение. Указывая на эти факторы, Тихомиров завершает свою статью совсем уже в духе Дюринга и Михайловского, выделяя роль субъективного фактора в общественной жизни. «Насколько все это возможно? Конеч-

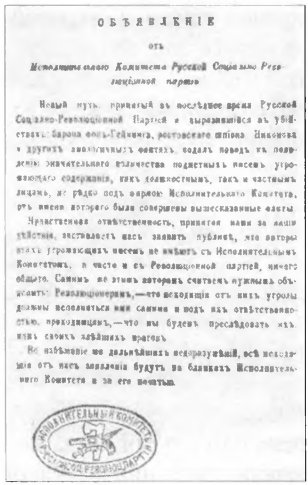
истории общества «Земля и Воля» 70-х годов) // Памятники агитационной литературы. Т. 1: Черный передел. Орган социалистов-федералистов 1880—1881 гг. М.—Пг., 1923. С. 59—64. На обложке указан 1922 год, на титульном листе — 1923.

[78] *Аптекман О.В.* «Черный передел». (Страница из истории общества «Земля и Воля» 70-х годов). С. 62.

[79] *Вахрушев И.С.* Очерки по истории русской революционно-демократической печати 1873—1886 годов. С. 124.

[80] Цит. по: *Аптекман О.В.* «Черный передел». (Страница из истории общества «Земля и Воля» 70-х годов). С. 61. Здесь и далее курсив О.В. Аптекмана.

но, — писал он, — нам станут указывать на разные исторические законы и т.п. Прекрасно. Но исторические законы проявят свою силу и без нашего попечения, а мы будем пока делать, что можем и что считаем нужным. Начиная дело, будем стараться вести его по возможности основательнее и шире, а выйдет ли оно так стройно и гладко, как рисуется в теории, или только приблизительно к этому — зависит, конечно, от обстоятельств, и рассуждать об этом в настоящее время совершенно бесполезно»[81]. В финале статьи, который Аптекман охарактеризовал саркастически как «последний удар по арфе», звучало: «Оставим же бесплодное витание *в высших областях идеалов*, будем *практичны*, будем энергичны — и пусть знамя Земли и Воли *осенит* собою соединенные армии крестьян и революционной интеллигенции на *страх* всем эксплуататорам и вековым врагам народа»[82].

ОБЪЯВЛЕНІЕ

отъ

Исполнительнаго Комитета Русской Социально-Революціонной партіи

Новый путь, принятый въ послѣднее время Русской Соціально-Революціонной Партіей и выразившійся въ убійствахъ барона фонъ-Гейкинга, ростовскаго шпіона Никонова и другихъ аналогичныхъ фактовъ, подалъ поводъ къ появленію значительнаго количества подметныхъ писемъ угрожающаго содержанія, какъ должностныхъ, такъ и частныхъ лицамъ, не рѣдко подъ видомъ Исполнительнаго Комитета, отъ имени котораго были совершены вышеназванные факты.

Нравственная отвѣтственность, принятая нами за наши дѣйствія, заставляетъ насъ заявить публикѣ, что авторы этихъ угрожающихъ писемъ не имѣютъ съ Исполнительнымъ Комитетомъ, и чрезъ него съ Революціонной партіей, ничего общаго. Сами же мы этимъ авторамъ считаемъ нужнымъ объявить: Революціонеры,—что исходящія отъ нихъ угрозы должны исполняться ими самими и подъ ихъ отвѣтственностью, революціонеры,—что мы будемъ преслѣдовать ихъ, какъ своихъ заѣшихъ враговъ.

Во избѣженіе же дальнѣйшихъ недоразумѣній, всѣ письма отъ насъ лицамъ будутъ за подписью Исполнительнаго Комитета и за его печатью.

Прокламация, написанная В.А. Осинским от имени Исполнительного комитета «Народной воли»

Резкий, запальчивый, в чем-то даже аффективный тон статьи сразу привлек внимание радикально настроенных слоев общества. «Молодежь, — вспоминал Аптекман, — как я в этом тогда не раз убеждался, читала эту статью с восторгом. То была пора (весною 1879 года), когда вдумываться в "теорию" некогда было, когда "практика" захватывала людей своей злобою, когда *настроение* требовало немедленного ответа на "проклятые вопросы"... Когда, одним словом, был большой спрос на популяризацию идей в Тихомировском духе. Это так. Думаю, что не преувеличиваю. Звезда Тихомирова, как идеолога революции, поднималась все выше и выше, его весьма охотно слушали, читали, преклонялись перед ним <...> А это создает самомнение, — конечно, в ограниченных людях, — стремление подниматься выше, сверх своих сил, т.е. становиться на ходули <...> Плеханов же собственно только стал выдвигаться, набираться сил, расправлять свои крылья и — вдруг на пути Тихомиров: *соревнование*, сначала скрытое, а потом и явное, прорвалось таки...»[83]. Тихомиров в этот переломный для всего революционного движения момент своей статьей сыграл роль своеобразного катализатора, ускорившего окончательное выяснения вопроса о роли насилия в политической борьбе. Даже много лет спустя в «Истории РКП» Г.Е. Зиновьев отмечал, что Тихомиров был самым блестящим деятелем «Народной Воли» и лучшим писателем этой организации[84].

О накале страстей в землевольческих кругах свидетельствует следующий факт. После покушения Соловьева М.К. Крылова (неизменная работница типографии) отказалась печатать статьи Тихомирова и Морозова. С весны 1879 г. приостановился и выход газеты «Земля и воля». «Плеханов, Тихомиров, Морозов вместе отредактировали три номера "Земли и воли". Последний, 5-й, номер вышел 16 апреля 1879 г.»[85]. Не раскрытая правительством типография временно перестала функционировать[86].

Таким образом, на повестке дня со всей очевидностью встал вопрос о созыве съезда организации. Выдвижению подобной идеи способствовало и еще одно обстоятельство: арест, а затем и казнь 14 мая 1879 г. признанного теоретика нового направления Осинского и двух его товарищей.

Фигура Осинского, этого «апостола терроризма», являлась во многом знаковой для революционеров 70-х гг.[87] Тем ощутимее для них оказалось чувство потери и тем сильнее жажда мести. Взывали к отмщению и строки из предсмертной записки Осинского. В последних словах содержался

---

[81] *Аптекман О.В.* Указ. изд. С. 60—61.

[82] Там же. С. 61.

[83] Там же. С. 62—63.

[84] *Зиновьев Г.Е.* История РКП. М.—Пг., 1923. С. 37.

[85] *Троицкий Н.А.* Крестоносцы социализма. Саратов, 2002. С. 211.

[86] *Ткаченко П.С.* Революционная народническая организация «Земля и воля» (1876—1879). М., 1961. С. 260.

[87] См.: *Степняк-Кравчинский С.М.* Сочинения в 2-х томах. Т. 1. С. 378—386.

прямой призыв к открытой борьбе с правительством: «Желаю вам, дорогие мои, умереть производительнее нас. Это первое, самое лучшее пожелание, которое мы с вами можем сделать... Мы не сомневаемся в том, что ваша деятельность теперь будет направлена в одну сторону. Если бы даже вы и не писали об этом, то мы и сами могли бы это вывести. Ни за что другое, по-нашему, партия физически не может взяться. Но для того чтобы серьезно поставить дело террора, вам необходимы люди и средства»[88].

В те майские дни подпольная атмосфера столицы Империи была буквально проникнута миазмами ненависти по отношению к представителям власти. Очень точно это состояние революционного лагеря передают и очевидцы тех событий, отмечавшие, что «в начале поворота к той революционной деятельности, которая потом стала программой "Народной воли", Ал. Михайлов руководствовался только чувством мести правительству за все те репрессии, которые оно сыпало щедрой рукой на головы революционеров»[89]. Можно предположить, что подобного же рода мысли роились и в голове Тихомирова. Дабы продемонстрировать преемственность идей Осинского, по инициативе Михайлова придуманная Осинским печать ИК «Социально-революционной партии» была доставлена в Петербург. Тогда же, в мае 1879 г., группа революционеров-политиков как «северян», так и «южан», сторонников дезорганизаторской (читай террористической) деятельности, оформляется в особую группу, получившую название «Свобода или смерть». А.В. Якимова перечисляет входивших в нее 15 человек: Баранников, Г.Д. Гольденберг, А.Б. Арончик, С.А. Иванова, Н.Н. Богородский, Морозов, Г.П. Исаев, Е.Д. Сергеева, Тихомиров, Квятковский, А.В. Якимова, В.М. Якимов, С.Г. Ширяев, В.В. Зеге фон Лауренберг, Н.С. Зацепина. Михайлов по тактическим соображениям официально не вошел в состав группы, хотя и поддерживал с ней теснейшие контакты. В распоряжении ее участников оказалось 20 тыс. рублей, внесенных одной из революционерок, фиктивно вышедшей замуж и получившей от родных приданое. На эти средства завели собственную динамитную мастерскую и конспиративную квартиру. На собраниях группы в основном речь шла о подготовке будущих боевых выступлений[90]. Все вышеприведенные факты неоспоримо свидетельствовали о назревании раскола в «Земле и воле». В такой обстановке центральным кружком принимается решение о подготовке съезда, который должен был состояться в июне 1879 г. Первоначально местом съезда выбрали Тамбов, впоследствии, по конспиративным соображениям, замененный на Воронеж[91].

Сторонники же «террористического» направления, действуя тайно, решили съехаться отдельно, еще до общего съезда, чтобы согласовать план совместных действий. Местом встречи ими избирается Липецк, находящийся недалеко от Воронежа. 15 июня в Липецке собралось 11 человек: Баранников, Квятковский, Михайлов, Морозов, Оловенникова, Тихомиров, Фроленко, а также формально не члены «Земли и воли», но известные склонностью к «политической борьбе» С.Г. Ширяев, Г.Д. Гольденберг, Желябов и Н.Н. Колодкевич[92].

Выше уже отмечалось, что задолго до Липецка у Тихомирова сложилось твердое убеждение в нецелесообразности распыления революционных сил по деревенским поселениям, а, следовательно, в неприемлемости аполитичной революционной доктрины «Земли и воли», опиравшейся на концепцию федералистского устройства российского государства на основе свободного союза крестьянских миров. Сам Тихомиров все более склонялся к мысли о неизбежности проведения необходимых социально-экономических преобразований в стране при помощи сильной государственной власти через воссозданные на новых основаниях государственные учреждения. За практическую реализацию этой идеи, по его мысли, и должна была бороться реорганизованная революционная партия.

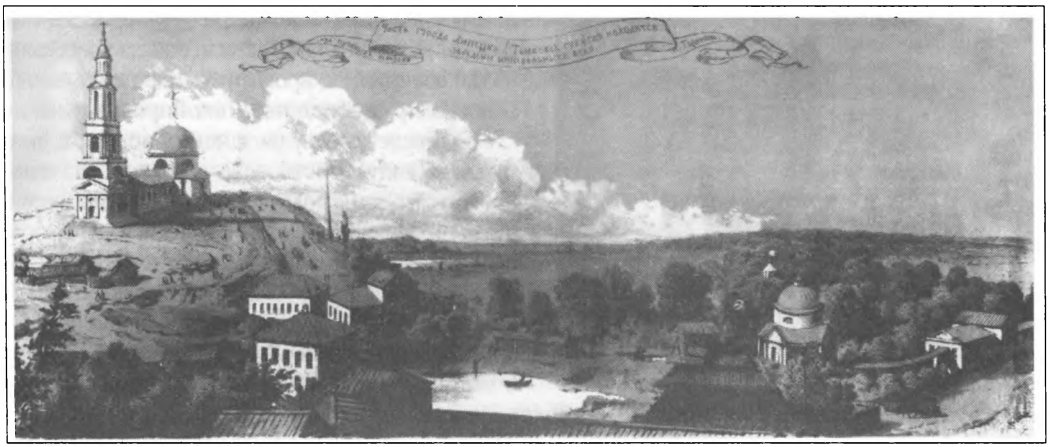
[88] Революционная журналистика 70-х годов XIX в. С. 304—305.

[89] *Попов М.Р.* Записки землевольца. С. 142.

[90] *Дружинин Н.М.* Член Исполнительного комитета партии «Народная воля» А.В. Якимова (Кобозева) // Революционное движение в России в XIX в. Избранные труды. М., 1985. С. 460.

[91] См.: *Цымрина Т.В.* Софья Перовская. Политический портрет. Таганрог, 2006. 82—83.

[92] *Гинев В.Н., Цамутали А.Н.* В борьбе за свободу // «Народная воля» и «Черный передел». Воспоминания участников революционного движения в Петербурге в 1879—1882 гг. С. 12.

Часть Липецка, кон. XIX в., рис. этого же времени

М.Ф. Фроленко вспоминал, как, накупив «закусок, немного вина, очищенной (водки, — *авт.*)»[93], революционеры двинулись на извозчиках под видом гуляющих в лес. По дороге Желябов поспорил, что поднимет за заднюю ось пролетку вместе с седоком. После того, как извозчики стали останавливаться, как вспоминал М.Ф. Фроленко, «Желябов сошел со своей пролетки. Внезапно бросается он к новому подъезжавшему экипажу, схватывает его за заднюю железную ось и, подняв вверх пролетку с седоком, останавливает лошадь, бежавшую тихой рысью. "Ну и сильный!", — вырвалось невольно у одного извозчика. Мы все тем более были поражены, что с виду Желябов вовсе не производил впечатления силача-атлета. У него же от напряжения только лопнула кожа немного на пальце и выступила кровь»[94]. Начало было хорошим, наделив извозчиков закуской и водкой и отпустив их, революционеры двинулись в лес, найдя вскоре подходящую поляну. Историк Троицкий отмечает: «Любопытным было открытие съезда. Делегаты... расселись, приготовили вина и закуску, наполнили стаканы и — начали... обсуждать проблему революционного переустройства России»[95].

Собрания революционеров в Липецке проходили по заранее спланированному сценарию. Еще до отъезда в Липецк Михайлов и Тихомиров составили примерный проект устава оформлявшейся в Липецке Боевой организации[96]. Фроленко отмечал тот факт, что Тихомиров высоко ценился как теоретик: «Его роль и значение, главным образом, вытекали из того, что это был человек начитанный, умный, с литературным талантом, умеющий хорошо логически излагать и доказывать свои мысли, умеющий склонять и других на свою сторону»[97].

Весна и лето 1879 г. стали временем наиболее тесного сближения Тихомирова и Михайлова, причем их дружбу отличало идейное взаимопонимание. Историк Г.С. Кан, правда, полагает, что влияние Михайлова на Тихомирова сильно преувеличено[98]. Наблюдавшие их тогда товарищи отмечали, что «в первое время они составляли настолько одно целое, что для не знающего их хорошо человека трудно было даже разобраться, где начинался один и кончался другой, — так дружно и согласованно они проводили свои предложения»[99]. Поэтому и в Липецке они озвучивали одну позицию, впрочем, с

---

[93] *Фроленко М.Ф.* Липецкий и воронежский съезды // «Народная воля» и «Черный передел». Воспоминания участников революционного движения в Петербурге в 1879—1882 гг. С. 59.

[94] *Фроленко М.Ф.* Указ. изд.

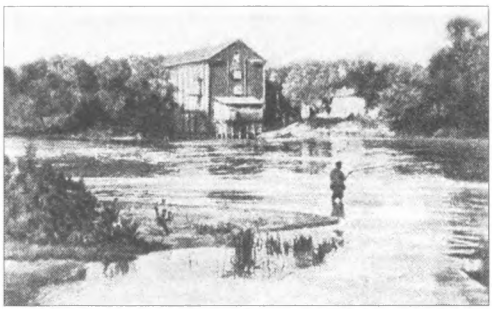
[95] *Троицкий Н.А.* Крестоносцы социализма. С. 246.

[96] В некоторых воспоминаниях в числе составителей проекта программы помимо Михайлова и Тихомирова фигурирует еще и Н.А. Морозов

[97] *Фроленко М.Ф.* Избранное. М., 1932. Т. 2. С. 52—53

[98] *Кан Г.С.* «Народная воля»: идеология и лидеры. С. 20.

[99] *Фроленко М.Ф.* Избранное. С. 48.

Мельница близ Воронежа, рядом с которой проходили заседания съезда народовольцев, рис.

ними особо никто и не спорил. После нескольких заседаний «политики» приняли начала положений, позже вошедших в программу «Народной воли», в основном разработанных Тихомировым.

По свидетельству ряда мемуаристов, т.к. съезд «имел в виду действовать еще под знаменем программы землевольческой, то ему не было и нужды формулировать свои мысли в одно целое и делать на этот счет постановления... Главной целью съезда было создание сильной боевой организации... Выработкой организационных вопросов съезд главным образом и занялся»[100]. Отсюда и быстрая отработка общего подхода, единство в суждениях и оценках. Хотя мнение мемуаристов все же субъективно. Видимо, стоит принять точку зрения ряда исследователей, считающих, что по сути «новаторы» наметили программу, в корне отличающуюся от землевольческой[101]. По словам Желябова, сказанным на процессе по «делу 1 марта», в Липецке «наметили путь насильственного переворота путем заговора, а для этого нужна была организация революционных сил в самом широком смысле слова». То есть Желябов на судебном процессе в 1881 г. озвучил мысли, которых в 1879 г. придерживался и Тихомиров.

После Липецка большинство участников отправились на общий сбор в Воронеж, где 21 июня 1879 г. начался съезд. В «конгрессе» землевольцев участвовали 19 человек, председателем избрали «деревенщика» Г.М. Тищенко («Титыча»)[102]. Всего было 4 заседания — 2 в Ботаническом саду и 2 на реке Воронеж. Заседания проходили в обстановке жестоких споров. Главная причина раздора — политическая борьба и вопрос о терроре. Главным оппонентом «новаторов», как и ожидалось, оказался Плеханов. Тихомиров, в целом не отступая от липецкой линии, все же стремился всячески смягчить, сгладить противоречия и разногласия[103]. В итоге ценой ухода со съезда Плеханова и ряда обоюдных уступок удалось достичь компромисса. Был избран и новый состав редакции. Вместо выбывшего Плеханова к Тихомирову и Морозову прибавился Г.Н. Преображенский — «правоверный народник»[104].

Время же рассудило по-другому. Решения, принятые в Воронеже, существовали лишь на бумаге. Политическая реальность России конца 70-х гг. XIX в. не оставляла места мирному старому народничеству. 17 смертных приговоров, приведенных в исполнение в 1878—1879 гг.[105], причем вынесенных зачастую с нарушением процессуальных норм, вызывали в душах революционеров-политиков мысль об отмщении. Прибавьте сюда массовые административные высылки, и вы поймете степень напряжения, существовавшего в образованных слоях русского общества.

Вопросы «политики» теперь затрагивали не только революционеров, но зачастую и рядовых обывателей. Последней же каплей, переполнившей чашу терпения и по сути расколовшей «Землю и волю» окончательно, а заодно и санкционировавшей политический террор, стали события в Одессе и Николаеве 10—11 августа 1879 г., когда на виселицу был отправлен Д.А. Лизогуб и еще четверо революционеров. Тогда же заговорили о подготовке покушения на наиболее ненавистных генерал-губернаторов. «Имена Тотлебена и Черткова были вообще ненавистны за кровожадность, и мы

---

[100] *Фроленко М.Ф.* Избранное. С. 27.

[101] Например, С.С. Волк считал, что в Липецке был выработан некий документ — программа или декларация и приводил даже реконструкцию его содержания. См.: *Волк С.С.* Программные документы «Народной воли» // Вопросы историографии и источниковедения истории СССР. М.—Л., 1963. С. 379—401.

[102] *Твардовская В.А.* Воронежский съезд землевольцев. Научные доклады высшей школы. Историческая наука. М., 1959. Вып. 2. С. 31.

[103] *Аптекман О.В.* Общество «Земля и воля» 70-х годов. С. 370.

[104] Там же. С. 371.

[105] *Троицкий Н.А.* Царские суды против революционной России: политические процессы 1871 — 1880 гг. С. 375—390.

(политики, — *авт.*) имели в виду систематическим истреблением генерал-губернаторов добиться уничтожения самого учреждения, представителями которого они были», — вспоминала Фигнер[106]. Но главной в списке жертв террористов-политиков оставалась фигура царя. Александр II, который, санкционировав казнь Лизогуба, по сути, подписал себе смертный приговор.

В такой накаленной обстановке о единстве «Земли и воли» не могло быть и речи. В результате после череды мелких стычек и конфликтов 15 августа 1879 г. в дачном поселке Лесной близ Петербурга организация собралась последний раз. Здесь и приняли окончательное решение о ее разделе. Тихомиров самым непосредственным образом участвовал в этом мероприятии. Звезда его как признанного теоретика нового направления в революционном лагере сияла тогда чрезвычайно ярко. Причем Тихомиров зарекомендовал себя и как замечательный полемист. «То, как Тихомиров в спорах с передельцами разбивал их на каждом шагу, меня восхищало, обстоятельность в деловых разговорах очень нравилась... Общее впечатление: уж если Тихомиров что обдумает, рассудит, то закрывши глаза можно соглашаться», — вспоминала Г.Ф. Чернявская[107].

Аптекман вспоминал, что «со стороны террористов» в специальную комиссию, целью которой являлось ведение общего печатного органа, вошли Тихомиров и Морозов, а со стороны народников Г.Н. Преображенский и он. Но из этого предприятия ничего не вышло, и стало окончательно ясно, что пути сторонников и противников политической борьбы в революционном движении расходятся окончательно.

Тихомиров, как и остальные приверженцы нового направления, основали на «руинах» «Земли и воли» организацию, получившую имя «Народная воля» и принесшую в скором будущем Тихомирову «лавры» одного из опаснейших террористов. Кстати, сохранилось любопытное свидетельство, откуда появилось название. Когда возник вопрос о том, как назвать нарождающийся официальный орган партии, решили, что каждый подаст свое мнение в закрытом конверте. В результате принято было название «Народная воля», предложенное В. Зеге фон Лауренбергом[108].

На завершившемся землевольческом этапе его «революционной карьеры» можно констатировать один свершившейся факт, а именно стремление Тихомирова отдать все свои силы делу политического освобождения народа от самодержавия. В активизации политической борьбы он усматривал средство добиться перехода от самодержавия царского к самодержавию народному. Под влиянием, как ему казалось, всего хода исторического развития страны, опираясь на теоретические посылки Дюринга, он видит задачу революционной партии в насильственном ниспровержении системы существующей государственной власти, с тем, чтобы на ее месте строить государственность, наиболее соответствующую запросам народной жизни. Подспудно у него начинает вызревать идея революционного заговора с целью свержения власти, а затем декретирования всех необходимых социально-экономических преобразований сверху, но эти свои идеи он начинает пропагандировать, уже находясь в рядах «Народной воли».

---

[106] *Фигнер В.Н.* Запечатленный труд. М., 1964. Т. 2. С. 226.

[107] РГАЛИ. Ф. 1185. Оп 1. Д. 892. Л.1 об.

[108] *Чернявская-Бохановская Г.Ф.* Автобиография // Каторга и ссылка. 1928. № 6. С. 23.

Глава IV

НАРОДОВОЛЕЦ (1879—1882)

Созидающий башню сорвется,
Будет страшен стремительный лет,
И на дне мирового колодца
Он безумье свое проклянет.

Разрушающий будет раздавлен,
Опрокинут обломками плит,
И, Всевидящим Богом оставлен,
Он о муке своей возвопит...

Не спасешься от доли кровавой,
Что земным предназначила твердь.
Но молчи: несравненное право —
Самому выбирать свою смерть.

Гумилев Н.С., 1908 год.[1]

Я меду внял речей лукавых и надменных,
Я книгу прочитал деяний сокровенных,
Я, всадник, острый меч в безумье обнажил,
И Ангел Аваддон опять меня смутил.
Губитель прилетел, склонился к изголовью
И на ухо шепнул: «Душа убита кровью».

Савинков Б.В., 1911 год.[2]

В новой организации Тихомиров сразу оказался на ведущих ролях: он возглавил печатный орган «Народной воли», стал членом ИК «Народной воли» и ее Распорядительной комиссии (далее РК), мимо которой не проходило ни одно начинание революционеров. Об особом доверии к нему в организации свидетельствует хотя бы тот факт, что он был не только посвящен в тайну о нахождении в недрах III Отделения агента организации Н.В. Клеточникова, но и по поручению Михайлова встречался с ним в комнате на Казанской улице, где проживала Г.Ф. Чернявская[3].

Уже указывалось, что еще в период существования «Земли и воли» Тихомиров очень дружил с Михайловым — человеком, безусловно, выдающимся в революционной среде. Но особенно они сблизились уже после образования «Народной воли». Несомненно, что Михайлов оказал влияние на формирование Тихомирова-народовольца. В воспоминаниях Тихомирова чувствуется восхищение другом: «В знакомом большом городе, как Москва или Петербург, он был буквально неуловим, как зверь в лесу. Он всегда умел куда-то мгновенно исчезнуть, как сквозь землю провалиться»[4]. Для лучшего понимания того, кем был Михайлов для Тихомирова, приведем фрагмент из очерка самого

---

[1] *Гумилев Н.С.* Полное собрание сочинений в 10 тт. Т. 1. Стихотворения. Поэмы (1902—1910). М., 1998. С. 183.
[2] *Савинков Б.В. (Ропшин В.).* То, чего не было. С. 663.
[3] *Чернявская-Бохановская Г.Ф.* Автобиография. С. 21.
[4] Воспоминания Льва Тихомирова. С. 95.

Н.В. Клеточников

Льва Александровича. В 1883 г. в Женеве были опубликованы краткие автобиографические заметки Михайлова с примечаниями Тихомирова, который буквально восхищался товарищем: «Таким остался А.Д. (Михайлов, — *авт.*) до конца деятельности. Он очень хорошо понимал, что в России осторожность, осмотрительность и практичность составляли для существования революционной организации необходимое условие. Этих качеств он требовал от каждого революционера. Будучи сам чрезвычайно осмотрителен и практичен, он постоянно замечал ошибки других и указывал их, конечно. Если же ошибки происходили от "распущенности", оттого, что человеку становилось скучно или невыносимо постоянно следить за малейшим своим поступком, — то А.Д., для которого никакая ломка самого себя не казалась невыносимой, если это нужно "для дела", — уже просто возмущался. Он считал это нечестностью, недостаточностью преданности. В позднейшие времена (народовольческие уже) А.Д., например, не находил достаточно резких, циничных слов для одного товарища, который иногда заходил проведать жену свою, находившуюся под надзором: "Он шляется к жене, где его стерегут и могут забрать; наконец его могут проследить на другие квартиры". Это для него было просто подлостью, тем более огорчительной, что она исходила от человека, которого он глубоко уважал. Против подобной неряшливости А.Д. "немолчно лаял", постоянно и всю жизнь оставался каким-то ревизором революционной конспирации. Он даже сам говорил совершенно серьезно: "Ах, если бы меня назначили инспектором для наблюдения за порядком в организации". Там, где А.Д. имел такое право наблюдения, он превратил это право в обязанность для себя. Сплошь и рядом он следил по улицам за товарищами, чтобы убедиться в их осторожности. Один такой случай мы помним с А. Квятковским, который, однако, заметил слежение, чем несказанно обрадовал А.Д. Но зато беда, если кто-нибудь позволял проследить себя. Упреки сыпались градом. А.Д. буквально "пилил" людей ежедневно и ежеминутно за такие провинности. Иногда он на улице совершенно неожиданно заставлял вас читать вывески и рассматривать физиономии на разных расстояниях: "Ты не можешь прочесть? Ну, брат, очки покупай непременно". И потом уже дохнуть не дает, пока не купишь очков. Один близорукий заявил, что доктор запретил ему носить очки, под страхом ослепнуть совсем, А.Д. не умилостивился: "Ну, откажись от таких дел, где нужно посещать конспиративные квартиры. Делай что-нибудь другое". На беду, оказалось, что человек нужен именно на "таких квартирах" <...> "Ну так непременно очки или пенсне. Это обязательно". — "Покорно благодарю, я не желаю ослепнуть". А.Д. вспылил: "Ослепнешь, тогда выходи в отставку. Нам из-за твоих глаз не проваливать организацию" — и потом обратился ко всем товарищам с предложением: "*Обязать* NN носить очки такого-то номера". Так следил А.Д. за всем образом жизни товарищей. Войдет в квартиру, сейчас осмотрит все углы, постучит в стену, чтобы убедиться, достаточно ли толста, послушает, не слышно ли разговора в соседней квартире, выйдет для того же на лестницу. "У вас народу столько бывает, а ход всего один: это невозможно" <...> Еще хуже, если квартира без воды: значит, дворник будет лишний раз шляться. За "знаками", т.е. сигналами безопасности, которые снимаются, если квартира в опасности, А.Д. следил страшно: "Вашего знака не видно, у вас вовсе нельзя устроить знака, что это за комната? Как к вам ходить?". Один товарищ даже смеялся по этому поводу, уверяя, что в истории будет отмечено со временем: "И прииде дворник, и учреди знак" (дворник — это прозвище А.Д.). Впрочем, ни шутки, ни насмешки, ни брань нисколько не смущали А.Д. при исполнении своих "обязанностей". Он не обращал на все это ни малейшего внимания, не обижался, не сердился. Иногда случалось, что хозяева расхаянной им квартиры не хотели даже говорить с ним, и он все-таки преспокойно заходил в свое время посмотреть, все ли благополучно, и весьма внимательно объяснял свои соображения нахмуренным хозяевам. "Ну что, вы кончили? Больше ничего?", — торопят они его, чтобы поскорее убирался, "Да, я кончил, только теперь уже время обедать. Я бы остался".

Не должно, однако, думать, чтобы А.Д. выкидывал такие шутки назло. Нет, он просто не хотел допустить мысли, чтобы кто-нибудь смел нравственно, перед собственной совестью, сердиться

серьезно за исполнение человеком обязанности охранять безопасность организации. Соблюдать осторожность скучно, выслушивать замечания еще скучнее: поэтому можно быть в дурном расположении духа, это понятно; но сердиться за это именно на него, А.Д., совершенно несправедливо, и порядочный человек сам будет стыдиться, если позволит себе поссориться из-за совершенно дельных указаний. Так рассуждал А.Д. и не хотел, с своей точки зрения, обижать людей, принимая в серьезную сторону их резкие ответы, насмешки, грубости. В общей сложности это благородное отношение к людям и делу вполне оценивалось всеми, и А.Д., хотя ежедневно ругался и ссорился с 20 человеками средним числом, пользовался таким уважением, как никто.

Из конспирации А.Д. создал целую науку. Он <...> выработал в себе способность одним взглядом отличать знакомые лица в целой толпе. Петербург он знал, как рыба свой пруд. У него был составлен огромный список проходных дворов и домов (штук 300), и он все это помнил наизусть. Покойный Халтурин передавал нам однажды, как он следил за А.Д. (у Халтурина тоже были эти привычки — контролировать других); тот немедленно заметил его. Халтурин с приятной улыбкой знатока рассказывал, до чего ловко А.Д. изыскивал случаи смотреть позади себя, совершенно естественно, то будто взглянуть на красивую барыню, то поправивши шляпу и т.д.; в конце концов он исчез — "Черт его знает, куда он девался" <...> А нужно сказать, что Халтурин тоже был мастер выслеживать.

Проходными дворами и домами А.Д. пользовался артистически. Один человек, спасенный А.Д. от ареста, рассказывал нам, как это произошло. "Я должен был сбежать с квартиры и скоро заметил упорное преследование. Я сел в конку, потом на извозчика. Ничего не помогло. Наконец мне удалось, бегом пробежавши рынок, вскочить в вагон с другой стороны; я потерял из виду своего преследователя, но не успел вздохнуть свободно, как вдруг входит в вагон шпион, прекрасно мне известный: он постоянно присутствовал при всех проездах царя и выследил меня на мою квартиру, откуда я сбежал. Я был в полном отчаянии, но в то же мгновение совершенно неожиданно вижу — идет по улице А.Д. Я выскочил из вагона с другого конца и побежал вдогонку. Догнал, прохожу быстро мимо и говорю, не поворачивая головы: "Меня ловят". А.Д., тоже не взглянувши на меня, ответил: "Иди скоро вперед". Я пошел. Он, оказалось, в это время осмотрелся, что такое за мной делается. Через минуту он догоняет меня, проходит мимо и говорит: "Номер 37, во двор, через двор на Фонтанку, № 50, опять во двор; догоню" (№№, впрочем, я уже позабыл). Я пошел, увидел скоро № 37, иду во двор, который оказался очень тесным с какими-то закоулками, и в конце концов — я неожиданно очутился на Фонтанке <...> Тут я в первый раз поверил в свое спасение. Торопясь, я уже не следил за собой, а только старался как можно скорее идти. Скоро по Фонтанке оказался другой заворот, а за ним № 50: прекрасное место, чтобы исчезнуть неожиданно. Вхожу во двор, смотрю, а там уже стоит А.Д.; оказалось, что двор также проходной в какой-то переулок. "Выходи в переулок, — говорит Ал. Дм., — нанимай извозчика, куда-нибудь поблизости от такой-то квартиры", сам же выбежал на Фонтанку и осмотрелся. Пока я нанял извозчика, он возвратился и отвез меня на квартиру.."[5].

Член ИК Фроленко вспоминал, что Тихомирова «можно было бы назвать головой организации, но только не в смысле руководительства, а в смысле способности к теоретическим обоснованиям, как практических начинаний, так и принципиальных положений. К этому необходимо было добавить, что в таких случаях Тихомирова надо всегда рисовать рядом с Михайловым»[6]. Об этом же в октябре 1888 года Тихомиров писал Новиковой, отмечая, что в кругу «Народной воли» был «один человек, имевший на меня влияние, никогда не поверите, именно А. Михайлов»[7]. Об истоках этого влияния следует сказать подробнее. Дело в том, что, видимо, уже тогда проницательный взгляд Михайлова подметил некоторую психологическую надломленность Тихомирова. По своему складу ума он являлся не революционером-практиком, а, скорее, кабинетным ученым. Поэтому длительное тюремное заключение особенно повлияло на него. Очень точно оценил такой психологический тип людей писатель Короленко, говоря о себе: «Если верен тот голос, который так ясно говорит во

[5] Цит. по: Примечания // «Народная воля» и «Черный передел». Воспоминания участников революционного движения в Петербурге 1879—1882 гг. С. 352—354

[6] *Фроленко М.Ф.* Избранное. Т. 2. С. 48.

[7] РГАЛИ. Ф. 345. Оп. 1. Д. 746. Л. 5.

А.П. Прибылева-Корба, фото прим. 1880 г.

мне, у меня для борьбы есть только одно оружие: литература. Но я одно время подавлял ее в себе. Честность перед собой требует поставить один вопрос: действительно ли я революционер?.. Я не революционер, а наблюдатель... Чувства, которые я испытывал, были бы сильнее у истинного революционера»[8].

Революционный темперамент у Тихомирова тоже выражался менее ярко, чем у остальных членов ИК. Оказавшись в силу увлечений молодости втянутым в политическое движение, а затем волею обстоятельств попав в заключение, он, естественно, в силу юношеского максимализма был зол на правительство и настроен очень оппозиционно.

Впоследствии, вспоминая этот период, Лев Александрович писал Новиковой в октябре 1888 года: «В кружке "чайковцев" я был из молодых, но видных членов, но вскоре (11 ноября 1873 г.) был арестован. В тюрьме меня обозлили. Подумайте — мальчик, полный жажды жизни, и, в сущности, за вздор, за дурацкую брошюру — 4 года заключения... Следователи фактически мне сказали: "Вот какова жизнь в России, вот какова гуманность". В это время у меня было самое решительное настроение (1878 г.), и я искал людей действия»[9]. Но, как известно, эмоции улетучиваются — оппозиционные настроения остаются, а революционного темперамента не прибавляется. И человек оказывается в ситуации, когда начинает понимать, что такой психологический груз для него непосилен.

Такое впечатление произвел Тихомиров, в частности, на А.П. Прибылеву-Корбу, вспоминавшую, что большинство членов ИК были крепкие, физически сильные люди, за исключением Тихомирова, который провел лучшие годы своей юности в Петропавловской крепости и вышел оттуда с подорванным здоровьем[10]. В этом плане очень любопытно свидетельство Русанова о разговоре в эмиграции с Оловенниковой по поводу психологии революционеров. Она говорила, что для определения психологической пригодности человека был незаменим Ал. Михайлов. Достаточно ему было поработать с кем-нибудь несколько недель, и он безошибочно определял, на что человек способен, «кто хорош как заговорщик, кто — как литератор, а кто как "бомбардир"»[11]. Очевидно, Михайлов увидел в Тихомирове то, что не осознавал он сам. Именно благодаря ему Льва Александровича отстранили от конспиративной практики, и он стал заниматься только литературной работой. Впоследствии в своем «завещании» товарищам Михайлов напишет: «Завещаю вам, братья, беречь и ценить нашего доброго Старика, нашу лучшую умственную силу. Он не должен участвовать в практических мероприятиях — он к ним не способен. Вам надо сознавать это, а ему не следует себя обманывать», и попросит прощения за то, что часто упрекал Тихомирова в бездействии[12]. Понимал это и сам Тихомиров. Фигнер вспоминала, что, став редактором «Народной воли», Тихомиров заявил: «Если хотите, чтобы я писал, освободите меня от обязанностей члена ИК, от всех практических дел. Совместить литературную работу с участием в этих делах абсолютно невозможно. Чтобы писать, надо читать, следить за всем, что выходит из печати, надо много и сосредоточенно думать — это требует свободы от всех других занятий». ИК не мог не признать справедливым это заявление и оставил Тихомирова исключительно на литературной работе[13].

Первоначальной задачей для революционного подполья стала организация издательского дела. В результате народовольцы расконсервировали бывшую землевольческую типографию. Роль супругов, хозяев квартиры исполняли представительный Н.К. Бух[14] и С.А. Иванова. На должность кухарки определили обаятельную курсистку, называвшуюся по паспорту А.И. Барабановой. Под этим

[8] *Короленко В.Г.* История моего современника. Л., 1976. Т. 4. С. 278.
[9] РГАЛИ. Ф. 345. Оп. 1. Д. 746. Л. 10. Во время ареста Тихомирову шел 22-й год.
[10] *Прибылева-Корба А.П.* Народная воля. Воспоминания о 1870 — 1880 гг. С. 51.
[11] *Русанов Н.С.* В эмиграции. С. 113.
[12] *Щеголев П.Е.* Письма народовольца А.Д. Михайлова. М., 1933. С. 210.
[13] *Фигнер В.Н.* Запечатленный труд. М., 1961. Т. 1. С. 371.
[14] Бух Николай Константинович — брат Льва Константиновича Буха.

менем скрывалась Сергеева, будущая супруга Тихомирова[15]. Вновь испеченная кухарка прекрасно правлялась со своими обязанностями, а практичность «Аннушки» и природная выдержка делали : просто незаменимой. В помещении типографии, где Тихомиров часто бывал как редактор, и сотоялось его знакомство с молодой привлекательной девушкой. Эта встреча во многом определила альнейшую судьбу Льва Александровича.

Впоследствии Тихомиров вспоминал, что после встречи с Сергеевой «Перовская мне стала каться не женщиной, а мужчиной. Я увидел настоящую женскую личность, сильную не мужскими, женскими качествами: сердцем, любящим отношением к жизни, инстинктивным пониманием ножества тонкостей, столь трудно дающихся рассудку, и вместе с тем с той непосредственной кромностью, которая составляет лучшую красоту женщины. В сравнении с Катей Перовская совершенно исчезла для меня. И благодарю Господа, что спас меня от типичной "революционерки" и свел с истинной женой и другом. У Перовской ее женские свойства были засыпаны слишком устым слоем "идейности", радикализма»[16]. К тому же Сергеева «для своего круга могла считаться едкой хозяйкой и работницей»[17]. Екатерина Дмитриевна была уроженкой г. Орла и дружила с Оловенниковой. Обе разделяли якобинские убеждения, привитые им в Орловской женской гимназии П.Г. Заичневским, автором когда-то нашумевшей прокламации «Молодая Россия». Под обаяние этих двух женщин и попал Тихомиров.

Касательно мировоззренческих установок самого Тихомирова в конце 1879 г. уже можно говорить о том, что у него сложились определенные политико-исторические воззрения, может быть, еще недостаточно четкие, но с ярко выраженным «государственным оттенком». Несмотря на то, что основная масса представителей революционного лагеря вплоть до конца 1879 г. по-прежнему являлась выразителем аполитичного направления в революционном движении и игнорировала роль государственного начала в исторических судьбах России, Тихомиров оставался сторонником централизованной государственной власти. Его отличала не только любовь к России, но и убеждение в своеобразии ее исторической судьбы, которое он усматривал в особом значении государственности в истории страны, в тяготении русского населения к авторитарным началам управления.

Тихомиров смотрел на государство не с позиций просвещенного европейца — как на гарант прав и свобод личности, а как на инструмент, овладев которым, можно добиться необходимых преобразований, улучшающих жизнь угнетенных классов, т.е. усматривал в государственных институтах отвлеченную самодовлеющую силу. Находясь именно на такой идейно-теоретической платформе, Тихомиров стал одним из «столпов» набирающего ход народовольческого движения. Отсюда же вытекала и его социально-политическая концепция, во главу угла которой ставилась заговорщическая тактика организации с ориентацией на захват власти в стране силами революционной партии с последующим декларированием необходимых социально-экономических преобразований в интересах широких слоев населения. В каком-то смысле формированию таких взглядов способствовали и его тесные дружеские отношения с очаровательными представительницами «орловской якобинской школы».

Однако в начале деятельности Тихомирова в рядах «Народной воли» его общественно-политические воззрения более концентрированно выражали только заявленное им же в конечной фазе «землевольчества». При этом следует отметить, что среди членов новой революционной организации он выделялся большей широтой взглядов и замыслов в выработке концепции социально-политического переустройства России. Да и само «народовольчество» первоначально представляло собой довольно эклектичное образование, объединявшее под своими знаменами революционеров с разными программными и тактическими установками.

По свидетельству Морозова народовольцы относились к теоретическим вопросам достаточно «спокойно». «Большинство одинаково сочувствовало Бакунину, Лаврову, Михайловскому, Лассалю,

[15] *Иванова-Борейшо С.А.* Первая типография «Народной воли». М., 1927. С. 10.
[16] Воспоминания Льва Тихомирова. С. 111—112.
[17] Там же. С. 147.

Марксу и Энгельсу»[18]. Тот же Тихомиров, отвечая в конце 1879 г. на вопрос Плеханова, почему он предпочитает Дюринга К. Марксу, ответил, что думает, что народовольческая программа больше подходит к учению Дюринга. В тот период они были связаны одной целью — открытой борьбой с правительством, апогеем которой намечалось цареубийство, и не слишком углублялись в революционную теорию. О смертном приговоре императору было заявлено в № 1 «Народной воли», вышедшем в сентябре 1879 г. Идеи же Тихомирова шли дальше решения этой задачи, ставшей в то время главной для «Народной воли».

Более широко об идейно-теоретических и общественно-политических взглядах Тихомирова в тот момент времени можно судить по его публицистике в печатном органе «Народной воли». Одним из основных направлений, которое он развивал на страницах издания, являлось обоснование идеи политической борьбы как главной задачи современного момента русской истории. Особенно четко такие мысли выражались им в программных статьях, опубликованных в первом номере издания. Причем многое в обоснование идеи прямого столкновения с правительством черпалось им как раз из дюрингианской доктрины. Впоследствии, оценивая программные положения «Народной воли», близко стоявший к ней Русанов отмечал, что в основе народовольческого предубеждения против марксизма в вопросе политической борьбы лежало «фатальное недоразумение, которое неизбежно повело к переоценке дюрингианства и превращению его в боевое оружие против того, что казалось тогда большинству деятелей в обеих враждующих фракциях сущностью учения Маркса, а именно его якобы равнодушием к собственно политической борьбе»[19].

Передовица в первом номере являла собой как бы квинтэссенцию социально-политических взглядов Тихомирова начального периода народовольчества. Наиболее четко в ней обозначились его представления о той роли, которую в планах организации должна будет играть государственная власть. Он полагал, что «одним их важнейших чисто практических вопросов настоящего времени является вопрос о государственных отношениях. Анархические тенденции долго отвлекали и до сих пор отвлекают наше внимание от этого важного вопроса. А между тем, именно у нас в России особенно не следовало бы его игнорировать»[20].

В этой статье он обращал внимание читателей на некоторые особенности Российской империи, а именно — на гипертрофированную роль государства, и подчеркивал: «Наше государство — совсем не то, что государство европейское...», и что правительство в России «не комиссия уполномоченных от господствующих классов, как в Европе, а — самостоятельная, для самой себя существующая организация, иерархическая, дисциплинированная ассоциация, которая держала бы народ в экономическом и политическом рабстве даже в том случае, если бы у нас не существовало никаких эксплуататорских классов»[21]. Как видим, убеждение Тихомирова в своеобразии российской государственности проявилось уже в конце 1879 г. Исходя из исторической самобытности русского «государственного организма», он строил и планы деятельности революционной организации, а именно: через захват государственных структур осуществить идею справедливого социального переустройства жизни простого народа.

Достаточно ярко этот тезис прозвучал в № 2 народовольческой газеты от 10 ноября 1879 г. Развивая его, Тихомиров указывал: «Ниспровержение существующих ныне государственных форм и подчинение государственной власти народу — так определяем мы главнейшую задачу социально-революционной партии в настоящее время»[22]. Убедившись, как ему тогда казалось, в слабости самодержавия, в консервативности этой формы правления, некомпетентности правительственных кругов, Тихомиров пришел к выводу о необходимости насильственного свержения существующей государственной машины с целью установления сильной власти, которая бы пользовалась поддержкой всего общества.

---

[18] *Морозов Н.А.* К. Маркс и «Народная воля» в начале 80-х годов // Каторга и ссылка. 1933. № 3. С. 144.

[19] *Русанов Н.С.* Идейные основы «Народной воли» (К истории народовольчества) // Былое. 1907. № 9. С. 53.

[20] Литература партии «Народная воля». М., 1930. С. 3.

[21] Там же. С. 3.

[22] Там же. С. 23.

Н.А. Морозов, фото сер. 70-х гг.

Таким образом, уже в начале народовольческого периода революционной деятельности Тихомирова обозначилась особенно волновавшая его проблема, а именно — стремление к общественному переустройству России, разработке которой он будет уделять много внимания в дальнейшем. Из этой достаточно общей проблемы вытекал и ряд более конкретных тем. В первую очередь — прояснение вопроса об особой роли государственности в Российской империи и вытекающих из него составляющих, как-то: определения роли сословности в структуре государственной власти, выяснения судьбы отечественного капитализма и его роли в современной России, а также связанный с этим рабочий вопрос.

Отметим, что оценке роли и перспектив государственных институтов в прошлом, настоящем и будущем России в своих теоретических построениях Тихомиров уделял чрезвычайно много внимания. Только государство, по его мнению, создало классы и социальные группы. Он полагал, что российская буржуазия — также порождение государства и представляет собой «отдельного, умного и неразборчивого в средствах хищника». Исходя из подобных посылок, он видел выход из создавшегося положения в том, чтобы придать деятельности революционной партии в быстро меняющихся социально-экономических условиях Империи совершенно особый характер. По его мнению, при таком положении дел политическая и экономическая реформы становятся неотделимы одна от другой и сливаются в один общегосударственный переворот, т.к. непосредственным источником народных бедствий является самодержавное государство.

В ИК не все разделяли подобные взгляды. Имелись и достаточно резкие противники политической линии Тихомирова. Особенно отчетливо это проявлялось в вопросе о подготовке «Программы ИК». Ситуация, сложившаяся в организации, не оставляла времени для проведения длительных политических дискуссий. Первичная цель — цареубийство, определенная еще в Липецке и во всеуслышание заявленная в сентябрьском номере газеты, требовала напряжения всех наличных сил. Началась работа по приготовлению «тройной ловушки» на Александра II в Одессе, Александрове и под Москвой. Представители ИК были задействованы на этих участках работы, т.е. они занимались практической деятельностью. Недаром тогдашний безусловный лидер организации Михайлов неустанно подчеркивал, что «Народная воля» не партия, а организация. «Партия — это солидарность мысли, а организация — это солидарность действия», — любил повторять он. Из-за нехватки людей всю работу по подготовке черновых проектов программы взяла на себя только редакция. Взгляды же главного редактора Тихомирова и сотрудника редакции Морозова в оценке исторического момента и дальнейших перспектив революционной борьбы оказались диаметрально противоположными. Потому-то разработка основополагающего программного документа «Народной воли» выявила две точки зрения на дальнейшие цели борьбы, существующие в организации.

Разногласия, главным образом, проявлялись в понимании способов политической борьбы. Морозов и Любатович выдвигали террор, или, как они его называли — «неопартизанскую борьбу» в качестве главной цели деятельности ИК. Они рассчитывали, что именно так можно будет «принудить правительство предоставить народу свободно и беспрепятственно выразить свою волю». Несколько иной, несомненно, более широкий взгляд на вещи отразил Тихомиров в своем проекте программы, который после ряда согласований на заседаниях ИК и приняли. Опираясь на данные о совместном обсуждении варианта программы, предложенного Тихомировым, большинство ученых, и небезосновательно, считают, что конечная «Программа ИК», принятая организацией, — это плод коллективной мысли, а Тихомиров ее лишь литературно оформил. И все же, даже при таком подходе, следует учитывать особенности характера последнего. Для отстаивания разработанного им документа он использовал весь свой непререкаемый литературный авторитет, а также свое влияние в ИК, бывшее, несомненно, выше, чем морозовское. Да и по духу разработка, предложенная Тихомировым, больше соответствовала идейным установкам народовольцев. В результате недолгих и вполне

О.С. Любатович

спокойных обсуждений тихомировский проект приняли абсолютным большинством голосов.

Программу одобрили и в провинциальных кружках. «Программа ИК», опубликованная в № 3 «Народной воли» от 1 января 1880 г., подчеркивала некоторую преемственность деятельности «Народной воли» с предшествующим народническим движением. Утверждая социалистический идеал, программа увязывала его с традиционными народными требованиями, опираясь на такие народные принципы, как «право народа на землю, общинное и местное самоуправление, зачатки федеративного устройства, свободу слова и совести»[23]. В ней же провозглашалась принадлежность земли народу, а также проведение «системы мер» для передачи в руки рабочих фабрик и заводов. По сравнению с той же «Землей и волей» эта программа отличалась четко очерченными демократическими требованиями: свободы слова, печати, избирательной агитации, сходок, всеобщего избирательного права и постоянного народного представительства.

Ближайшей задачей объявлялся политический переворот с целью отнять у существующего правительства власть и передать ее Учредительному собранию, которое должно пересмотреть все государственные и общественные учреждения и перестроить их согласно инструкции своих избирателей[24]. Под идеей Учредительного собрания имелось в виду то, что при умелых действиях революционной партии до 90% депутатов Собрания будут от крестьянства, которое знает, что ему нужно, лучше всяких государственных чиновников. То есть, как мы видим, в программе сохранялась вера в силу крестьянской общины как ячейки социализма и основу будущей российской государственности.

При этом нельзя не обратить внимание на следующее обстоятельство. В «Программе» никак не был отражен пункт о праве наций на самоопределение в случае крушения царизма. Один из ведущих исследователей «Народной воли» С. Волк так откомментировал этот момент: «Наличие различных точек зрения в ИК по важным теоретическим проблемам сказалось в важнейшем вопросе о будущем государственном устройстве. В "Программе ИК", видимо, отнюдь не случайно не было даже упоминания о правах народов России отделиться или остаться в общерусском союзе. В силу очень туманных посылок Тихомиров отрицал право наций на самоопределение и даже заявлял, что "в прогрессивной программе этому принципу нет места"»[25].

Дело становится более понятным, если обратиться к политической философии тогдашнего Тихомирова. Представляется, что, будучи государственником и русским патриотом по своей натуре, он полагал (причем, как показал весь ход дальнейшего исторического развития, совершенно справедливо), что безответственная апелляция к национальному вопросу таит в себе опасность развала страны и будущих братоубийственных войн. Недаром оппонентом Тихомирова выступил известный украинофил М.П. Драгоманов, по просьбе Желябова ознакомившийся с народовольческой программой. Он заявил, что основные разногласия с «Народной волей» видит в отсутствии в официальной программе «признания федеративного начала», без которого невозможно основать «действительную политическую свободу в России»[26].

Отметим, что в дальнейшем под давлением сторонников федералистского начала, среди которых самым авторитетным был Желябов, с федералистских позиций выступал и Морозов — самый непримиримый критик проекта Тихомирова. Лев Александрович вынужден был скорректировать свою позицию, что нашло отражение в его будущем «Письме ИК заграничным товарищам».

В борьбе за политическую власть «Программой» предусматривались многообразные формы деятельности: пропаганда, агитация, организация революционных кружков и групп. Террор провоз-

---

[23] Литература партии «Народная воля». М., 1930. С. 49—51.

[24] Там же. С. 50.

[25] *Волк С.С.* Народная воля. 1879—1882. М.—Л., 1966. С. 210.

[26] Там же. С. 210.

глашался только одной из форм борьбы и в программе в ряду других средств по своему значению не выделялся (пункт № 2-д). Лишь логика открытой борьбы с правительством выдвинула его на передний план, чего Тихомиров совсем не желал. Его воззрения на революционное движение достаточно отчетливо раскрывала фраза, брошенная им, что «он терпел террор, стараясь обуздывать его и подчинять созидательным идеям», т.е. реализации проекта захвата власти. Именно такую трактовку программы не принял Морозов, позже утверждавший, что его оппонент навязал ее организации путем интриг[27]. Кроме того, Любатович не устраивало отсутствие в первоначальном варианте тихомировского проекта пункта о пропаганде в деревне, и она упрекала за это Тихомирова. В результате был найден компромисс, и, как позже вспоминал Фроленко, «чтобы ее утешить, внесли какой-то параграф о деревне, но все знали заранее, что это мертворожденный параграф»[28]. В итоге расхождения с ИК способствовали отъезду Морозова и Любатович за границу, в Швейцарию. Там в 1880 г. они опубликовали брошюру под названием «Террористическая борьба», за которую, как заявляли позже на политических процессах народовольцы, «они ответственности не несут»[29].

НАРОДНАЯ ВОЛЯ

«Народная воля», № 4 от 5 декабря 1880 г.

Выше уже, касаясь революционной публицистики Тихомирова и особенно «Программы ИК», отмечался тот факт, что передовые статьи народовольческого печатного органа действительно являлись, в определенном смысле, произведением коллективного творчества: они обсуждались и утверждались на заседаниях ИК. Провести в них только свою личную точку зрения было очень трудно, и Тихомиров, как никто другой, оказался подходящей фигурой для точного и яркого выражения общей мысли. Программа ИК как нельзя лучше характеризовала эту коллегиальность в работе руководящего органа. Этот документ отражал не столько мнение Тихомирова, сколько пожелания большинства членов ИК. Думается, сам Тихомиров, достаточно скептически относящийся к возможности народа самому организовать государственное управление, делал известную уступку большинству ИК, о чем свидетельствуют и воспоминания очевидцев. Однако не следует принижать его роли в народовольческом печатном органе.

Воззрения Тихомирова на место и роль государства в России отчетливо проявились и в исследовании им проблем социально-экономического развития страны, в частности, российского капитализма, а точнее — роли государства в его развитии. Получил этот вопрос отражение и в нелегальной литературной деятельности Тихомирова. В увязке с вышеуказанной тематикой он изучал и положение эксплуатируемых классов в Российской империи.

Касаясь этого вопроса и, естественно, делая упор на крестьянство, Тихомиров, в сущности, вплотную подошел тогда к идеям экономиста В.В. (Воронцова), писавшего в журналах «Отечественные записки» и «Русское богатство» о нарождении кулака и разорении простого крестьянина и о том, что ответственность за это несет экономический (читай государственный) строй России, приводящий массы к нищете гражданской и политической, деморализующий народ и забирающий его энергию. «Устраните этот гнет государства, и вы сразу отнимите 9/10 шансов для формирования буржуазии», — предлагал Тихомиров со страниц народовольческого издания[30]. Он, как и многие либерально-демократические публицисты той поры, видел альтернативу в увеличении роли кустарного производства, убивавшегося, по его мнению, протекционизмом государства крупной промышленности.

При этом стоит отметить, что, в отличие от концепции Воронцова, полностью отрицающего возможности русского капитализма, Тихомиров в первых номерах «Народной воли» не только при-

---

[27] *Морозов Н.А.* Повести моей жизни. Т. 2. С. 412—413.

[28] *Фроленко М.Ф.* Как в школе знакомят с партией «Народная воля» (Библиографическая заметка) // 1 марта 1881 года. Статьи и воспоминания участников и современников. М., 1931. С. 36.

[29] См.: Речь А. Желябова на процессе по делу 1 марта 1881 // *Будницкий О.В.* История терроризма в России. Ростов-на-Дону, 1996. С. 133.

[30] Литература партии «Народная воля». С. 24.

знавал опасность наступления капитализма, но и предвидел возможность его успешного развития в связи с мощной поддержкой государства. Опасения подобного рода сквозят и в его письме Кропоткину в 1880 году: «Если мы проворонim свое время и дадим сформироваться конституционному государству, основанному на поддержке буржуа — тогда хоть ложись и помирай»[41].

Например, в № 2 «Народной воли» им описывались и оценивались мероприятия правительства по насаждению крупного капиталистического производства, вплоть до разрушения кустарных промыслов и создания сети железных дорог, пароходств, горно-рудной и суконной промышленности, к которым Тихомиров относился очень негативно, настаивая на том, что они инспирированы государством.

Анализируя экономическое положение страны, Тихомиров обращал внимание читателей на то, что причины такого состояния хозяйства лежат в самостоятельном значении российского государства, развивающего в стране капитализм худшего западно-европейского образца и готовящего для России уже потрясший Европу рабочий вопрос. В афористичной манере он заявлял, что «Россия, собственно говоря, представляет нечто вроде обширного поместья, принадлежащего компании "Русское государство"». Экономическое и политическое влияние, экономический и политический гнет здесь, как и быть должно, сливаются и сводятся к одному юридическому лицу — к самой компании. При таких условиях, — делал он жесткий вывод, — «политическая и экономическая реформа становятся также совершенно неотделимы одна от другой и сливаются в один общегосударственный переворот»[42].

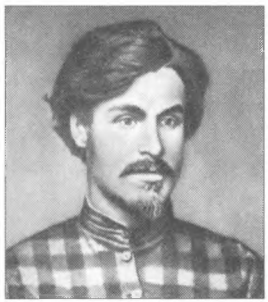
Таким образом, за короткое время, начиная с осени 1879 г., Тихомиров опубликовал несколько программных статей в народовольческом печатном органе. Отстраненный от практических дел, связанных с подготовкой цареубийства, он быстро и на достаточно высокий уровень поднял нелегальную публицистику организации. Причем она зачастую включала в себя не только освещение проблем, связанных с узкопрограммной тематикой, но и выходила на уровень рассмотрения тем и вопросов, характерных для легальной демократической прессы. Это привлекало к революционной газете дополнительное внимание читающей публики, которая могла на ее страницах найти и объективный социально-экономический анализ процессов, происходящих в стране, и предложения, правда, крайне радикальные, по их исправлению без оглядки на цензуру.

В этой-то, пока незримо установившейся идейно-политической преемственности мыслей и мнений между либерально-демократическими изданиями и бесцензурной радикальной печатью и есть заслуга Тихомирова, редактора и публициста. Он смог в условиях нехватки сил и средств совершить, казалось бы, невозможное — поднять народовольческую журналистику на один уровень с «прогрессивными» изданиями, такими, как «Дело», «Слово» и «Отечественные записки». Тихомиров, используя только свой талант литератора, полностью изменил имидж революционного издания, сформировавшийся ранее. От незрелых и крикливых публикаций «Земли и воли», брошюр типа «Смерть за смерть» он перешел, по возможности, конечно, к солидной и аргументированной бесцензурной публицистике, таким образом резко подняв престиж издания. Недаром уже в 1880 г. почитал за честь в нем публиковаться и высказать свои мысли о политическом моменте без оглядки на цензуру такой корифей отечественной демократической журналистики, как Михайловский (под псевдонимом М. Гроньяр). Столь успешная редакционная деятельность Тихомирова наносила не менее, если не более серьезный удар по престижу самодержавия, нежели грохочущие с конца 1879 г. динамитные взрывы.

В такой обстановке, в ситуации повышенной революционной активности заканчивался во многом переломный для русской истории 1879 г., доказавший, что с помощью террора возможно потрясти основания Верховной власти. По меткому выражению будущего министра внутренних дел П.Н. Дурново, «терроризм создавал силу из бессилия». И хотя в 1879 г. монарх остался жив, популярность «Народной воли» среди оппозиционеров, и особенно среди молодежи, стремительно возрастала. Напрямую этому способствовали хотя и неудачные, но чрезвычайно дерзкие «пред-

[41] Цит. по: *Волк С.С.* Народная воля. 1879—1882. С. 199.
[42] Литература партии «Народная воля». С. 24—25.

приятия» революционеров, такие, как взрыв царского поезда 19 ноября под Москвой, когда только случай спас царскую семью.

С.Н. Халтурин, рис.

Активная революционная деятельность «Народной воли» не могла не привлечь к организации внимания как представителей правительственных кругов, так и либерально-демократического лагеря. В контактах с публицистами, отражающими взгляды этого направления, роль Тихомирова оказалась огромной. С середины 1880 г. он все чаще под именем Ивана Каратаева появляется в литературных салонах и начинает напрямую сотрудничать в органах демократической печати. У него устанавливаются хорошие, даже дружеские отношения с Михайловским (редактором «Отечественных записок»)[33], с редакторами журналов «Слово» и «Дело». В журнале «Дело» в конце 1880 — начале 1881 г. и появляются его первые легальные публикации под псевдонимами: И. Кольцов, И.К., И.Х., К. Григорьев[34].

1880 г. вообще оказался во многом переломным в жизни Тихомирова. Два события первой половины этого года сильно повлияли на его дальнейшую судьбу. Важным, отрезвляющим фактом, показавшим всю безнравственность терроризма как формы борьбы, стал взрыв в Зимнем дворце, подготовленный ИК и осуществленный С.Н. Халтуриным.

До этого события Тихомиров достаточно индифферентно относился к терроризму, рассчитывая на скорое изменение тактики организации в пользу политического переворота, и поэтому довольно активно работал в ИК. Однако после взрыва 5 февраля 1880 г. он, потрясенный чудовищными результатами кровавой акции (11 убитых при взрыве и умерших от ран и 56 раненых)[35], окончательно осознает, что терроризм как метод борьбы губителен и для «Народной воли», и для революционного движения в целом. Видя невозможность перенацелить деятельность народовольцев в ближайшее время, он мало-помалу начинает отходить от активной работы в ИК и РК. И раньше в «Народной воле» он стоял особняком, а с середины 1880 г. это начинает проявляться наиболее отчетливо. В то время как члены ИК все плотнее «сжимались» вокруг террора и цареубийства, Тихомирова, наоборот, все больше привлекал широкий круг общественных проблем. Он рассматривал задачи революционной борьбы шире, чем просто цареубийство, которое должно было стать толчком к революционным выступлениям. «Деятельность "Народной воли" шла не по моему вкусу, — писал он. — Сообщество пошло по пути цареубийства. Я сначала относился к этому безразлично, но потом начал даже негодовать, видя, как дело *заговора* оставляется в пренебрежении»[36]. Порочность ситуации чувствовал не он один. «Дуэль» с царем явно затягивалась и обескровливала партию. «Мы проживаем капитал», — эта тревожная фраза Желябова говорит о многом. По сохранившимся воспоминаниям Оловенниковой, именно Желябов и Михайлов больше других настаивали на расширении иных сторон деятельности, активно поддерживал их и Тихомиров[37], но они же лучше других понимали невозможность осуществить это на деле. Хотя подобные попытки и предпринимались.

Свидетельством тому стало проведенное весной 1880 г. Михайловым совещание, на котором участники пришли к выводу о том, что возможность осуществить восстание силами партии представляется крайне сомнительной. По-видимому, участие в нем принимал и Тихомиров. Именно тогда решено было несколько скорректировать стратегический план, выдвинутый «Программой ИК», в которой изначально предусматривалось лишь «активное содействие масс» выступлению партии[38].

---

[33] О тесных литературных связях, установившихся между Тихомировым и Михайловским, см.: *Иванчин-Писарев А.И.* Хождение в народ: воспоминания. М.—Л., 1929.

[34] *Козьмин Б.П.* Неизданная записка Н.В. Шелгунова // Каторга и ссылка. 1929. № 8/9. С. 167.

[35] «Народная воля» и «Черный передел». Воспоминания участников революционного движения в Петербурге 1879—1882 гг. С. 389.

[36] РГАЛИ. Ф. 345. Оп. 1. Д. 746. Л. 11.

[37] Цит. по: *Ашешов Н.П.* Софья Перовская: Материалы для биографии и характеристики. Пг., 1920 (на титульном листе книги Ашешова указан 1921 год, что привело к путанице в библиографии). С. 93.

[38] Литература партии «Народная воля». С. 166.

Отражением изменившегося положения вещей стал секретный документ, принятый ИК весной 1880 г. Он носил название «Подготовительная работа партии». В нем идея революционного заговора при поддержке народного восстания прозвучала вполне определенно. При этом пункт о терроре в этой секретной инструкции также звучал иначе. По сути, в «Подготовительной работе» отражалась возросшая роль терроризма для организации. Теперь террору предназначалась роль возможного детонатора восстания. «Искусно выполненная система террористических предприятий, одновременно уничтожающих 10—15 человек — столпов современного правительства, приведет правительство в панику, лишит его единства действий и в то же время возбудит народные массы, т.е. создаст удобный момент для нападения», — вот как рассчитывали действовать народовольцы. Тихомиров, естественно, знал о готовящемся документе, как член ИК принимал участие в его составлении и доработке. Более того, в отечественной историографии официально и небезосновательно считается, что первоначальный набросок инструкции создан Тихомировым, кроме раздела о рабочих, написанного Желябовым[39].

При подготовке подобного документа Тихомиров, все еще убежденный в возможности реализации идеи политического заговора, руководствовался констатацией следующих обстоятельств: при слабости массового оппозиционного движения только открытая конфронтация «Народной воли» с правительством может помочь организации удержаться на гребне революционной волны и вербовать ей новых сторонников вместо выбывших. Подобные нотки звучали и в письме Тихомирова к Кропоткину в мае 1880 г.: «У нас в России прежде всего нужно движение, освобождающее силы народа и выдвигающее их на сцену истории... Мы должны сбить против правительства все, что только может идти против него из-за каких бы то ни было побуждений»[40].

Представляется, что на некоторое время предполагавшаяся новая стратегия народовольцев вызвала оптимизм у Тихомирова, это, например, можно понять из его письма Степняку-Кравчинскому, отправленного примерно в то же время. В его строках Тихомиров весьма оптимистично высказывался в том духе, что при энергичной работе революционеров через год-два затрещала бы Россия по всем швам и массы народные могли бы выступить на сцену[41]. Однако, дальше принятия секретного документа дело не пошло и на деле мало, что изменилось. По сути, складывался порочный круг — на террор шло столько сил и средств (иначе его вообще не было бы), но при этом террор ослаблял другие стороны партийной работы, в том числе мероприятия по подготовке политического заговора. Для последнего нужна была кропотливая работа в различных слоях общества, а это требовало времени и людей — ни того, ни другого у организации не было. Все это еще больше усиливало пессимизм и апатию Льва Александровича, порождая неверие относительно успеха революционной борьбы в том виде, в каком она велась в настоящий момент.

В том же 1880 г. состоялось его бракосочетание с Е.Д. Сергеевой. Ученица Заичневского, Екатерина Сергеева, тем не менее, настояла на том, чтобы их брак был оформлен по всем канонам, т.е. с венчанием. Характерно, что она забеременела раньше, и первая дочка Тихомировых родилась уже вскоре после венчания, которое состоялось в военном соборе Петербурга. Шаферами на свадьбе были Михайловский и Шелгунов[42]. Тихомиров венчался как Тихон Львович Алещенко, в дальнейшем это стало известно в полиции[43]. После венчания вся компания, а среди приглашенных оказались многие члены ИК, в их числе — Фигнер и Желябов, отправилась в известный в Петербурге трактир Палкина, где они изрядно повеселились: обедали, общались и танцевали[44]. Михайловский предложил оплатить счет, составивший более пятидесяти рублей, но Тихомиров, конечно, не согласился на это.

---

[39] Литература партии «Народная воля». С. 427.

[40] Цит. по: *Волк С.С.* Народная воля. 1879—1882. С. 217—218.

[41] ГА РФ. Ф. 1762. Оп. 4. Д. 621. Л.1—2.

[42] *Михайловский Н.К.* Из воспоминаний о В.Н. Фигнер // *Он же.* Полное собрание сочинений. СПб., 1913. Т. X. С. 55.

[43] *Костылев В.Н.* Лев Тихомиров на службе царизма... С. 344. Венчание под чужой фамилией впоследствии доставило Тихомирову-монархисту немало хлопот. Ему пришлось доказывать законность брака и, соответственно, подтверждать и «законность» рожденных в этом браке детей.

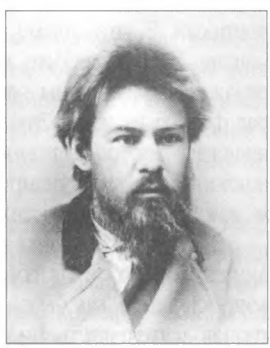
[44] *Михайловский Н.К.* Из воспоминаний о В.Н. Фигнер... С. 55

Свадьба подвела черту под отношениями Тихомирова и Перовской. По свидетельству очевидцев, Перовская не была на свадебной вечеринке и выразила недовольство выбором Тихомирова. Он вспоминал, что, когда Перовская узнала о женитьбе, то «она была, как мне передавали, крайне обижена и раздосадована. Однако, когда мы после этого снова встретились, впервые Перовская начала смотреть на меня как-то немножко снизу вверх. Вероятно, она в глубине души почувствовала ко мне уважение, увидавши, что я не даю "бабе" крутить собой»[45].

Е. Д. Сергеева, супруга Льва Тихомирова

Не будем забывать, что все эти люди были еще очень молоды, средний возраст членов ИК составлял 25—27 лет. Естественно, их души, несмотря на страшный нравственный груз, были переполнены чувствами, они хотели жить настоящей жизнью, а не только «конспирациями» и «заговорами», прекрасно понимая, что им отпущено не так много времени. Срок деятельности революционера-нелегала в России в среднем не превышал двух лет. Полноты жизни не хватало и Тихомирову, имевшему за спиной более чем четырехлетнее заключение. Психологическая усталость сквозила во всем его облике и поведении.

Л. А. Тихомиров, фото кон. 70-х – нач. 80-х гг.

Учитывая дальнейшие события в жизни Тихомирова, интересно привести мнение Фигнер о его жене как «о женщине довольно неподвижной, любящей покой, отошедшей от революционной борьбы после рождения ребенка и не имеющей особого влияния на мужа»[46]. Однако, думается, что роль Сергеевой в жизни Тихомирова была намного значительнее. В этом отношении большего внимания заслуживает свидетельство Фроленко, который, вспоминая много позднее об этом событии, писал: «Этой свадьбой и нельзя было революционеру быть довольным. Ибо Сергеева представляла из себя обычную мещанку с чисто мещанскими поползновениями, ничего общего с революцией не имеющими. Она и раньше и после только и думала о себе, о своем доме... Тихомиров рад, что избавился от идейной Перовской и не замечает, что его оседлала простая баба и довела до того, чем он стал»[47]. Стоит учесть и мнение историка Костылева, небезосновательно полагавшего, что при всех своих «мещанских поползновениях» (а может быть, и благодаря им) Сергеева «была женщиной честолюбивой, энергичной, волевой, с сильным характером и умела влиять на людей», по крайней мере на своего мужа[48]. Нам ситуация представляется следующей. С одной стороны, молодая и энергичная Сергеева, это, при всех негативных словах товарищей-революционеров Тихомирова, — женщина весьма решительная и четко знающая высокую интеллектуальную цену мужа. С другой стороны, она хорошая и домовитая хозяйка, умеющая даже на скудные средства вести дом и облагородить не слишком привлекательный революционный быт, создав для Льва Александровича столь необходимый ему для литературной работы уют и покой. Поэтому понятно, что, обретя с ней личное счастье, зажив нормальной семейной жизнью, он впервые ощутил простые житейские радости и заботы, задумался о дальнейшем.

После женитьбы, наверное, впервые за годы революционной борьбы он наслаждался семейным покоем, всецело предаваясь своей любимой литературной работе. Судя по воспоминаниям Фигнер, семья Тихомировых жила достаточно скромно: «В маленькой, невзрачной квартире из двух комнат и кухни помещался он с женой и ребенком. Жили они без прислуги: Екатерина Дмитриевна сама кормила ребенка и стряпала. Были ли там при скудной обстановке книги? Раз-

[45] Воспоминания Льва Тихомирова. С. 111.
[46] РГАЛИ. Ф. 1185. Оп. 1. Д. 154. Л. 6.
[47] РГАЛИ. Ф. 1185. Оп. 1. Д. 891. Л. 2.
[48] *Костылев В.Н.* Лев Тихомиров на службе царизма... С. 344—345.

ве 2—3, взятые у знакомых или из библиотеки! Нелегальный, без определенных средств к жизни втроем, без всякого домашнего уюта и хотя бы тишины и покоя, отвлекаемый заседаниями в "распорядительной комиссии", заседаниями общего собрания членов исполнительного комитета и собраниями редакций, мог ли Тихомиров углубиться в себя, пополнить пробелы образования — смешно сказать: накоплять знания! — следить за выходящими журналами, газетами и писать, писать на два фронта!»[49].

С середины 1880 г. Тихомиров начинает активнее контактировать с редакциями легальных изданий демократического толка, и уже в начале 1881 года становится полноправным сотрудником журнала «Дело». В свою очередь это не могло не льстить его честолюбию и подталкивало к разработке более широкого круга общественных вопросов.

Народовольцы, чтобы реализовать свой план цареубийства, буквально с головой окунулись в террор, и не потому, что они были столь кровожадными «по натуре», а в силу того, что иначе дело вести было нельзя[50]. Тогдашнее развитие техники требовало огромных энергозатрат на ведение подпольной террористической деятельности, поэтому сил и времени ни на что другое практически не оставалось. Отсюда и зацикливание многих членов ИК только на узко технических и специальных вопросах. В этом плане показательно свидетельство Оловенниковой об одном из заседаний ИК в начале 1881 года: «Что касется всех остальных, мало кто заботился о будущем, все способности оказались поглощены одним: удачным выполнением покушения... Почему-то меня поразила в тот раз фигура Исаева[51]. Это был человек очень не глупый и на которого раньше возлагались большие надежды. Теперь оказалось, что он ни о чем не мог говорить, кроме динамита и бомбы. От его наклонности теоретизировать не осталось и следа и он даже не жаловался, как Желябов, на невозможность "почитать книжку"»[52].

В отличие от своих товарищей по революционному подполью, Тихомиров оказался менее зашоренным, более способным отойти от узкореволюционных проблем, посмотреть на социальные вопросы шире, как бы со стороны. И несомненно, что в этом ему очень помогала легальная литературная деятельность. Видимо, тогда он уже начинал сознавать, что его талант может принадлежать не только узкому революционному кружку, а быть востребованным более широко. Много позже, в письме к В.Л. Бурцеву от 14 августа 1906 года, Тихомиров напишет: «Когда я хочу уловить, в чем разница между мной и товарищами — основная разница, то я постоянно убеждаюсь: не во мнениях, не в идеалах (менее всего), ни даже в способах действия, а в том, что я давно стал жить с людьми вообще и в течение жизни все более вставал на общечеловеческую почву, а они, товарищи, замыкались в свой кружок, все более съеживающийся... Многие, по крайней мере некоторые из прежних могли бы выйти крупнейшими общественными деятелями, если бы не это замыкание. Характеры огромные: это ведь главное в деятеле. Но раз закружило сектанство, из него почти невозможно выскочить даже для крупного характера...»[53].

Действительно, уже во второй половине 1880 г. намечается видимое расхождение во взглядах Тихомирова с остальными членами ИК, а как член РК он вообще перестает работать. Тогда же, летом 1880 г., у него наступает первый серьезный психологический срыв — резко обострилась «шпиономания», совпавшая с заметной для всех меланхолией и душевным разладом. Практика деятельности народовольцев его не устраивала, но он не мог ничего изменить. Манила стезя подцензурной

---

[49] Цит. по: *Пайпс Р.* Лев Тихомиров: революционер поневоле. С. 130.

[50] «Практика народовольцев включала в себя пропагандистско-агитационную и разрушительную деятельность... Разрушительная деятельность включала организацию террора против "наиболее вредных лиц правительства", подрыв "обаяния правительственной силы", защиту партии от шпионов, возбуждение революционного духа народа и поддержание веры в победу, формирование годных к бою сил» // *Зверев В.В.* Русское народничество: учебное пособие. С. 147.

[51] *Исаев Григорий Прокофьевич* (1857—1886) в мае 1879 вступил в террористическую группу «Свобода или смерть», летом 1879 — в «Народную волю». Будучи техником последней, готовил динамитные снаряды и принимал участие в покушениях на Александра II. В апреле 1881 арестован, осужден на смертную казнь, замененную бессрочной каторгой. Умер от туберкулеза в Шлиссельбургской крепости // Деятели революционного движения в России. Справочник и электронная база данных. Вторая половина 1850-х — 1890-е гг. Т. 2: 1870-е гг. С. 242.

[52] *Оловенникова М.Н.* К истории партии Народной Воли // Былое. 1907. № 6. С. 7.

[53] РГАЛИ. Ф. 75. Оп. 1. Д. 32.

журналистики, а приходилось редактировать нелегальные статьи, да еще в рамках «революционной цензуры», не имея возможности проводить только свою точку зрения.

С.А. Иванова-Борейша, рис.

Ко всему прочему, в организации начались провалы и аресты. Сказывалась усталость от борьбы, за ней следовали ошибки. Осложнило ситуацию и предательство Г.Д. Гольденберга, попавшего в сеть полицейской провокации. Арестованный в конце 1879 г., он раскрыл правительству многие тайны «Народной воли». Следствием ошибок революционеров стало открытие полицией святая святых организации — ее типографии. Полиция явилась в третьем часу ночи с 17 на 18 января 1880 года, и взяла ее штурмом[54]. С.А. Иванова-Борейша (Борейшо) вспоминала, что, когда после ожесточеннейшей перестрелки «полиция ворвалась наконец в квартиру, мы собрались все вместе в третьей комнате, но не стрелял уже никто, и револьверы были без зарядов... Мы были моментально сбиты с ног и связаны...»[55]. В ее воспоминаниях содержится интересный рассказ, согласно которому при разгроме типографии революционеры начали разбивать стекла в окнах, которые были видны с улицы, гранками и связками типографского шрифта. Это делалось для того, чтобы посетители знали о провале, и, действительно, «благодаря такому приему, Александр Михайлов, которого мы ждали на следующее утро, прошел с невозмутимым видом мимо разгромленной квартиры в то время, как совершенно непричастные люди были арестованы только по одному подозрению, что они идут в дом № 10»[56].

К счастью для семейства Тихомировых, Екатерина Дмитриевна в роли прислуги при данной квартире пробыла недолго, и ее арест не коснулся. Чуть позже оказались арестованными такие крупные деятели партии, как Квятковский, А.К. Пресняков, С.Г. Ширяев, над которыми, благодаря информации, полученной властями от Г.Д. Гольденберга, нависла угроза виселицы. Февральско-мартовские казни 1880 г. в Петербурге И.О. Млодецкого[57], несмотря на заступничество писателя В.М. Гаршина, и в Киеве — студентов И.И. Розовского и М.П. Лозинского, вина которых состояла только в том, что они не открыли властям имена лиц, оставивших им на хранение народовольческую литературу[58], также не добавляли оптимизма Тихомирову. Чувство разочарования усилила и очередная неудача покушения на Александра II: не состоялся взрыв под Каменным мостом в Петербурге, назначенный на 17 августа 1880 г.

Тревожные мысли посещали Тихомирова еще и потому, что в конце 1880 он стал отцом, в семье родилась дочь. Теперь мысли об их благополучии занимали Льва Александровича. Необходимо было задуматься о хлебе насущном. Тихомиров, человек очень щепетильный в денежных вопросах, считал себя не вправе жить всей семьей за счет организации, финансовые дела которой и так оставляли желать лучшего. Бюджет «Исполнительного комитета» в «Народной воле» составлял около 5000 рублей в месяц[59]. Реальный заработок молодой семье могла дать только легальная журналистика. Она требовала много времени, и подчас ни на что другое его уже не оставалось, в том числе и на революционную работу.

В отходе Тихомирова на обочину революционного движения большую роль сыграла и его супруга, хотя значение этого факта многими недооценивалось. Представляется, что на поверку именно Сергеева являлась семейным лидером, и если вопросы революционной теории ее не очень занимали, то в вопросах быта Лев Александрович во всем полагался на нее и зависел от мнения жены. Не случайно Прибылева-Корба считала, что отход Тихомирова от революционной борьбы

---

[54] См.: *Иванова-Борейша С.А.* Первая типография «Народной воли» // «Народная воля» и «Черный передел». Воспоминания участников революционного движения в Петербурге в 1879—1882 гг. С. 175—177.

[55] Там же. С. 176—177.

[56] Там же. С. 176.

[57] Повешен по приговору суда 22 февраля 1880 года.

[58] См.: *Троицкий Н.А.* Безумство храбрых... С. 195.

[59] *Тихомиров Л.А.* Критика демократии. С. 106.

Арест народовольческой типографии, рис.

начался после того, как у него «появилась семья. Пока он был одинок, он существовал на средства партии, которой принадлежало все его время и весь его труд, но когда на свет появился ребенок, Тихомир[ов] задумывался над средствами для содержания семьи. Он останавливался на решении добывать средства литературной работой, но для нее требовалось много свободного времени и полное спокойствие духа, и Тихомиров не отдавался делам партии с прежним рвением»[60]. Она также писала: «Лично я также вполне одобряю мнение Д. Кузьмина о ренегатстве Л. Тихомирова, и разделяю мнение его, состоящее в том, что позорное и смешное поведение Тихомирова в период от 1884 года и позднее есть последствие его психического заболевания. И у него и было достаточно причин, чтобы сойти с ума! Нам, видевшим его в качестве основателя страшной ее врагам революционной партии "Народной Воли", и позднее в качестве популярного и любимого вожака во главе этой партии, вполне ясно, что только физическое изменение его мозга могло превратить выдающегося и талантливого человека в жалкое существо, вселявшее во всех видевших его отвращение и брезгливое чувство презрения»[61]. В письме к Фигнер Прибылева-Корба обращала внимание на то, что заключение плохо повлияло на Тихомирова, описывала его постепенный отход от революционного движения. Вкупе с преследованиями полиции это давило на Тихомирова и «летом 1880 года действительно силы его надломились. У него довольно резко проявилась шпиономания. Около этого времени, — вспоминала Прибылева-Корба, — однажды Александр Михайлов случайно увидел Тихомирова на улице где-то в центре Петербурга. Тихомиров покинул свою квартиру и блуждал в течение нескольких часов по улицам, не зная, как уйти от шпионов. Измученный и обессиленный, он был близок к отчаянию. А. Михайлов подхватил его и после тщательной очистки привел к себе на квартиру. Долго Тихом[иров] не мог оправиться от пароксизма малодушия, овладевшего им; и это скоро стало заметно для всех. Сам он страдал в это время какой-то меланхолией и страшным душевным разладом»[62]. И «только 1 марта вывело его из оцепенения»[63]. Но последующая болезнь сына и материальная нужда довершили дело: «Надо признать, что у Тихомирова не было недостатка в причинах потерять душевное равновесие, и сойти с ума. Со временем психическое расстройство переходит в слабоумие. Тихомиров делается ханжой, монархистом, поклонником Александра III и Победоносцева»[64].

Результатом психологического кризиса стало обращение Тихомирова к своим товарищам с просьбой предоставить ему полную отпускную, чтобы иметь возможность вернуться к частной жизни. Это событие произошло в самом конце лета 1880 г. на одном из заседаний ИК. Естественно, такая просьба не вызвала одобрения его коллег. Прибылева-Корба писала[65]: «Говорил он с трудом, еле выдавливая из себя слова. Сцена была в высшей степени мучительна. Первым отвечал ему А. Михайлов. Сдерживая негодование, он напомнил Тихом[ирову] обещание, которое давали члены Комитета, вступая в его ряды, никогда не покидать его; сказал, что то, что испытывает теперь он,

[60] *Пелевин Ю.А.* Новые материалы о народовольцах А.Д. Михайлове, А.П. Прибылевой-Корбе и Л.А. Тихомирове. С. 74.

[61] РГАЛИ. Ф. 1185. Оп. 1. Д. 675. Л. 98,

[62] *Пелевин Ю.А.* Новые материалы о народовольцах А.Д. Михайлове, А.П. Прибылевой-Корбе и Л.А. Тихомирове. С. 73.

[63] РГАЛИ. Ф. 1185. Оп. 1. Д. 675. Л. 101 об.

[64] Там же. 104.

[65] Историк Ю.А. Пелевин атрибутировал эти воспоминания периодом не ранее 30 мая 1906 — не позднее конца 1907 г.

Тихомиров, это — малодушие, вызванное м[ожет] б[ыть] недавними неудачами с предприятием под Каменным мостом[66], убеждал "Старика" (народовольческая кличка Тихомирова) побороть свои чувства и снова завоевать уважение и любовь товарищей, которые теперь поколеблены. Если нужно А. Михайлов предлагал временный отпуск для поправления здоровья Тихомирова. Желябов высказал сожаление товарищей по поводу того, что один из самых выдающихся членов Комитета чувствует себя плохо и расстроен может быть даже духом; но все убеждены в том, что оправившись физически он вернется к своим обязанностям с новой энергией и новыми силами. Нечего говорить, что отъезд Тихомирова был решен единодушно. Он ответил, что очень ценит слова дружбы и одобрения, которые только что слышал, но что он боится, что Комитет в нем ошибается и переоценивает его. Когда кто-то указал на его труды и услуги, оказанные революц[ионному] делу, он сказал, что это было раньше, но что теперь он чувствует себя бессильным» [67].

Негодование Михайлова можно понять: «Народная воля» являла собой его любимое детище, она сплотила в своих рядах то лучшее, что выработало русское революционное движение за десятилетие. И такого рода утверждение не является преувеличением. Можно одобрять или не одобрять действия этих людей, оценивая их в контексте изменившихся ныне исторических условий, но их ригоризм, самопожертвование и готовность идти до конца за интересы угнетаемого народа не могут не вызывать уважения. Прибылева-Корба вспоминала, как состоялся ее первый визит с А.Д. Михайловым к Тихомирову, когда тот еще был вполне уверен в своих революционных взглядах. Именно Тихомиров тогда внушал ей, вербуя ее в «Народную волю» и предлагая быть агентом «1-й степени», следующее: «Вам придется исполнять поручения, какие возложит на вас Комитет, сообразно ходу работ и деятельности партии. Вам нельзя будет от них отказываться, даже в тех случаях, когда исполнение будет связано с большой опасностью... Вы знаете, что за принадлежность к революционному кружку в Киеве и в Одессе несколько человек были повешены. Вешали людей просто за распространение прокламаций. Вы знаете также, что люди по целым годам томятся в тюрьмах в одиночном заключении[68]... Партия признала одним из средств борьбы с правительством террористические акты. На нашей обязанности лежит еще сказать вам, что отказ от агентства 1-й степени почти невозможен... выход... из агентов может состояться только в самых редких случаях. Поэтому Исполнительный Комитет принимает в свои агенты только людей, сознательно готовых умереть за свои убеждения, не боящихся долгого и мучительного заключения»[69]. Она согласилась, и тогда Михайлов сказал ей, что он и Тихомиров по поручению Комитета принимают ее в агенты 1-й степени и что это служит доказательством доверия Комитета. Прибылева-Корба вспоминала, как после этой беседы с Михайловым и Тихомировым шла по Невскому домой: «Я не чувствовала земли под ногами. Огромная радость овладела мною. Сердце переполнилось восторгом. Мне казалось, что уже близок час, когда я отдам свою жизнь за счастье родного народа. Я переживала лучший день в своей жизни. И до сих пор уверена, что тогда во всем мире не было человека счастливее меня»[70].

И вот теперь Тихомиров, когда-то столь убежденно говоривший Прибылевой-Корбе о революционном чести и долге, сам, с трудом подбирая слова, просил об «отпускной». Помимо негативной идеологической подоплеки все это имело и практическую сторону. Дело в том, что уникальный подбор исполнителей в ИК делал незаменимым практически каждого на своем участке партийной работы. Это и прекрасные техники организации — Г.П. Исаев, М.Ф. Грачевский, Н.И. Кибальчич, С. Ширяев, и незаменимые в революционных кружках пропагандисты, такие, как Желябов, П.А. Теллалов[71], С.С. Златопольский, и бойцы-практики с железным самообладанием — Пресня-

---

[66] Неудачное покушение ИК «Народной воли» на Александра II летом 1880 года.

[67] *Пелевин Ю.А.* Новые материалы о народовольцах А.Д. Михайлове, А.П. Прибылевой-Корбе и Л.А. Тихомирове. С. 73—74.

[68] Напомним, что Тихомиров на собственном опыте хорошо знал, что такое одиночное заключение.

[69] *Прибылева А.* Воспоминания о «Народной воле». С. 106—107.

[70] Там же. С. 107. В письме от 7 декабря 1924 года к Фигнер, обращаясь к своему революционному прошлому, Прибылева-Корба напишет: «Любовь к народу рождала ненависть к притеснителям и эксплуататорам и несомненно была одним из мотивов борьбы с самодержавием» // РГАЛИ. Ф. 1185. Оп. 1. Д. 675. Л. 41.

[71] *Теллалов Петр Абрамович* (Иногда, например, в воспоминаниях И.И. Попова, фамилия пишется с одним «л»).

В.И. Фигнер

Н.Н. Колодкевич

ков, Фроленко, Баранников, Колодкевич, наконец, плеяда женщин-революционерок, исполнявших роль и пропагандисток, и хозяек конспиративных квартир, а в случае необходимости способных возглавить и боевое предприятие, — Перовская, Фигнер, Оловенникова, Т.И. Лебедева, А.В. Якимова.

Все это объединял и цементировал организатор и гений конспирации, имевший через агента ИК Клеточникова свои «глаза и уши» в недрах III отделения — Михайлов. Даже среди такого количества неординарных личностей фигура Тихомирова стояла особняком. Он являлся «пером» партии, причем пером блестящим, и для «Народной воли» его уход по значимости можно сопоставить только с потерей самого Михайлова или Клеточникова. Заменить Тихомирова на посту редактора было некем, тем более что через него осуществлялись контакты с легальными литераторами, сотрудничавшими и с бесцензурной печатью. Отсюда все попытки Михайлова встряхнуть Старика.

«Еще с 1880—1881 г. — напишет впоследствии Тихомиров, — я нередко подмечал какой-то глубокий разлад между собой и товарищами, на вид так уважавшими меня. Они искренне, конечно, полагали, что мой авторитет велик для них, но в действительности я чем дальше, тем больше чувствовал, что они меня, в сущности, не понимают... разлад был и в моей собственной душе, где все, что мой ум выработал самостоятельно, давно боролось с приобретенными на веру идеями революции»[72]. Получив отпуск у ИК, Тихомиров около двух месяцев отсутствовал в Петербурге. Его возвращение в столицу поздней осенью 1880 г. совпало с обстоятельствами, окончательно подорвавшими в нем веру в успех борьбы «Народной воли». Вообще ноябрь того года выдался для организации чрезвычайно тяжелым. Началось все с казни в Петербурге 4 ноября Квятковского и Преснякова.

28 ноября, пытаясь размножить карточки казненных, из-за собственной неосторожности в руки полиции попал сам «Дворник» — Михайлов, недреманное око партии. Тихомиров вспоминал, что «Михайлов, этот железный человек, негодовавший при одной только мысли о небрежности или неблагоразумии, что он называл *деморализацией*, сам кончил тем, что был арестован самым нелепым образом, по мельчайшему поводу, как следствие крайнего неблагоразумия»[73]. В историографии народовольчества этому факту не придавали особого значения, и, думается, напрасно. В этом отношении важно заслушать мнение самих народовольцев. Очень интересную оценку роли Михайлова дала обычно строгая в оценке товарищей Оловенникова: «Михайлов совершенно не грешил честолюбием; для него его собственная личность отождествлялась всецело с делом. Если он и бывал иногда чересчур autoritaire, то только потому, что думал, что требует от других должного, и требуя, он совершенно забывал о собственной особе, о том, например, что его тон резок, что его слова похожи на приказания. Этого часто и не могли понять некоторые из женщин, но и их обескураживало его удивление, которое он обнаруживал, когда ему делали замечания. "Какое тебе дело до тона, или слов, ты должна смотреть на дело: дело я говорю или нет", отвечал он обыкновенно. Ничего личного, ни малейшей позы — отличительная черта Михайлова»[74]. Роль его в организации именно как выдающегося практика революционного дела была чрезвычайно велика. С его арестом резко упала конспиративная дисциплина, а это, в свою очередь, привело к целой серии провалов. Ведь полиция также не дремала, совершенствуя методы борьбы с революционным подпольем. Давало о себе знать и создание после взрыва в Зимнем дворце Верховной распорядительной комиссии

[72] Цит. по: *Шерстюк М.В.* Одиночество Льва Тихомирова. С. 146.
[73] *Тихомиров Л.А.* Заговорщики и полиция. С. 203.
[74] *Оловенникова М.Н.* К истории партии Народной Воли. С. 7—8.

(далее ВРК) во главе с М.Т. Лорис-Меликовым и инспирированное по его инициативе закрытие III отделения при создании на его месте в 1880 г. другой, более гибкой структуры — Департамента полиции. В результате привлечения в недра Департамента талантливых сыщиков с периферии, особенно с юга России, Г.П. Судейкина, А.Ф. Доброжинского в борьбе с крамолой удалось достичь значительных успехов.

А.В. Якимова

К началу февраля 1881 г. оказались арестованными агент ИК Г.М. Фриденсон, а также члены ИК Баранников, Колодкевич; на квартире последнего взяли и «ангела-хранителя» партии Клеточникова. Назначение встречи с осведомителем «Народной воли» на квартире революционера-нелегала явилось вопиющим нарушением законов конспирации, но Михайлова в рядах организации уже не было, и некому стало следить за партийной дисциплиной. Арест Михайлова оказался для Тихомирова настоящим психологическим шоком. Он как никто другой понимал значение его для «Народной воли». Даже спустя годы, будучи рьяным консерватором, он отдавал дань способностям этого человека. Характерно, что, перейдя в противоположный лагерь, Тихомиров ни о ком из бывших товарищей не отзывался в столь превосходной степени.

Ю.Н. Богданович (Кобозев)

После ареста Дворника участие Тихомирова в деятельности «Народной воли» принимает все более пассивный характер. Впоследствии он заявил, что «верой и правдой, по совести и убеждению прослужил я почти до конца 1880 года. Тут я — и не я один — стал чувствовать, что в этом движении нет творящей силы. 1881 год я прожил весь уже с чисто формальной "верностью знамени"»[75]. О таких настроениях Тихомирова свидетельствовала и Ольга Любатович. Она вспоминает любопытный разговор с ним. «Я не верю вообще в успех революционного дела», — говорил Тихомиров. «Почему же в таком случае вы работаете в революционном кругу?», — спросила я. «А потому, что в нем мои старые товарищи», — был ответ[76]. По ее мнению, Тихомиров с начала 1880 г., хотя и продолжал быть номинально одним из распорядителей для Исполнительного Комитета, однако после февральского взрыва мало-помалу стал отстраняться от дел организации и все больше и больше льнул к легальным литературным сферам, отдавая свое время почти исключительно легальной литературе, работая в журналах под именем Кольцова[77]. О пассивности Тихомирова и его дистанцированности от революционных дел свидетельствовала и Прибылева-Корба. Отчасти это объяснялось и семейными делами. Прибавление в семействе Тихомировых острее поставило финансовый вопрос. Пришлось активизировать поиски легального литературного заработка. Это требовало времени и спокойствия, что достигалось только отходом от революционной рутины.

Литературным дебютом на ниве легальной публицистики стала его статья «Неразрешенные вопросы» в № 1 журнала «Дело» за 1881 г., в которой Тихомиров обращался к анализу идейного наследия демократической публицистики 60-х гг.[78] Публикация привлекла внимание и критиков, и читателей[79]. Имя И. Кольцова (таким псевдонимом воспользовался Лев Александрович) сразу стало известно широкой читающей публике. Успешный дебют принес и неплохой заработок. Вскоре такого рода работа стала основной статьей семейного бюджета. Только за 1881 г. Лев Александрович получил из кассы журнала «Дело» 1168 руб. 32 коп.[80] — сумма по тем временам не маленькая. Рост зависимости от редакционных планов легальных изданий сокращал и без того небольшие контакты

[75] *Тихомиров Л.А.* Критика демократии. С. 30.

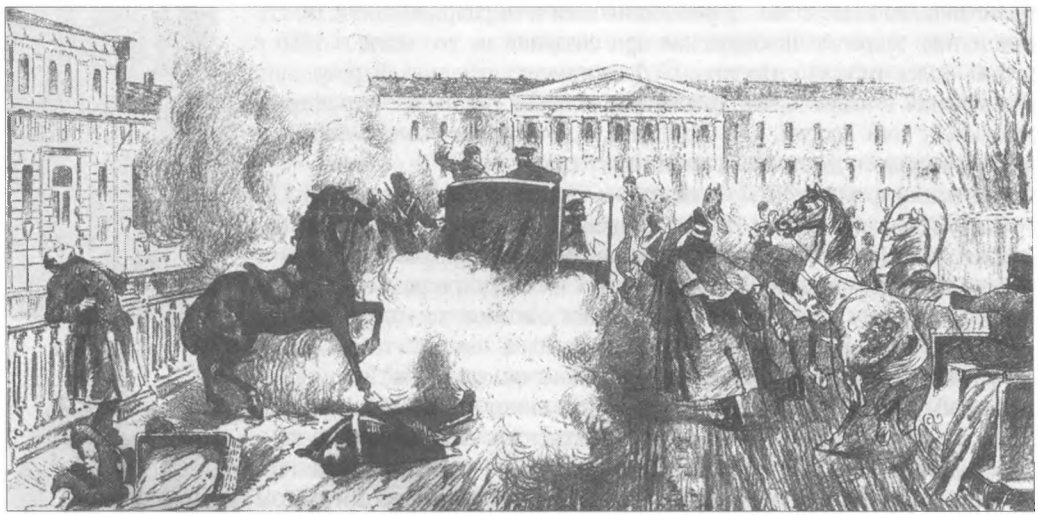
[76] *Любатович О.С.* Далекое и недавнее. С. 64—65.

[77] Там же. С. 79.

[78] Дело. 1881. № 1. С. 1—31.

[79] См.: *Милевский О.А.* Л. Тихомиров и демократическая журналистика: анализ легальной публицистики (1880—1884 гг.) // Актуальные проблемы региональных исследований. Барнаул, 2002. Вып. 2. С. 42—67.

[80] ГА РФ. Ф. 93. Оп. 1. Д. 7. Л. 49.

Убийство Александра II, рис. Сразу после взрыва

Тихомирова с товарищами по борьбе. В связи с такой самоизоляцией падает его влияние в ИК и в редакции. Например, появившаяся в 1880 г. «Рабочая газета» выходила фактически без его участия, в основном с подачи Желябова.

Несколько активизировалось его участие в делах «Народной воли» лишь в феврале 1881 г. В это время ИК готовил очередное покушение на монарха. Основная работа велась на Малой Садовой улице, из расположенной там сырной лавки, владельцем которой являлся купец Кобозев (Богданович Ю.Н.), велся подкоп с целью закладки мины большой разрушительной силы. Дело в том, что этим маршрутом часто пользовался Александр II при выездах на развод гвардейских полков. Для наблюдения за выездами царя создали специальный наблюдательный отряд, деятельностью которого руководила Перовская. Но при ее занятости часть обязанностей взяла на себя Сергеева, в чем ей помогал супруг[81]. В частности, преимущественно Екатерине Дмитриевне наблюдатели сдавали собранные сведения о выездах Александра II[82]. Таким образом жена Тихомирова отнюдь не сидела в стороне от всех этих событий. Вообще в это время все члены ИК отчаянно много работали, обстановка была очень нервная. Оловенникова вспоминала, что «перед 1 марта заседания (ИК, — *авт.*) носили характер лихорадочный; чувствовалось страшное напряжение нервов, некоторая усталость и развинченность. Все внимание поглощалось террором да еще военными и их участием в ближайшем предприятии, (освобождение Нечаева, от которого нам, особенно Желябову, не хотелось отказаться, несмотря на письмо Нечаева, умолявшего не заботиться о нем)»[83].

1 марта 1881 года Александр II был смертельно ранен народовольцами. Впоследствии Мария Федоровна напишет своей матери, датской королеве Луизе, вспоминая трагический день: «Кто видел эту страшную картину, никогда не сможет забыть ее! Я вижу перед собой это постоянно — день и ночь! Бедный безвинный Император... Лицо, голова и верхняя часть тела были невредимы, но ноги — абсолютно размозжены и вплоть до колен разорваны в клочья... Никогда в жизни я не видела ничего подобного. Нет, это было ужасно!»[84]. Доставленный в Зимний дворец, император скончался в 15 часов 35 минут. «И скорбь, и горе, и стыд — вот что ощущает теперь русское сердце», — скажет по поводу этого события И.С. Аксаков[85]. Среди соболезнований, приходящих к Александру Алек-

[81] *Сидоренко Е.М.* Автобиография // Деятели СССР и революционного движения в России. М., 1985. С. 417.
[82] *Оловенникова Е.Н.* Автобиография // Деятели СССР и революционного движения в России. М., 1985. С. 326.
[83] *Оловенникова М.Н.* К истории партии Народной Воли. С. 6.
[84] Цит. по: *Кудрина Ю.* Императрица Мария Федоровна. 1847—1928 гг. М., 2002. С. 25.
[85] См.: *Толмачев Е.П.* Александр II и его время. М., 1998. Кн. 2. С. 231.

сандровичу по поводу гибели его отца, была записка с поразительными словами: «Отец твой не мученик и не святой, потому что пострадал не за церковь, не за крест, не за христианскую веру, не за православие, а за то единственно, что распустил народ, и этот распущенный народ убил его»[86]. Тем временем «в провинции толпы простолюдинов избивали помещиков и интеллигентов, приговаривая: "А, вы рады, что царя убили, вы подкупили убить его за то, что он освободил нас"»[87].

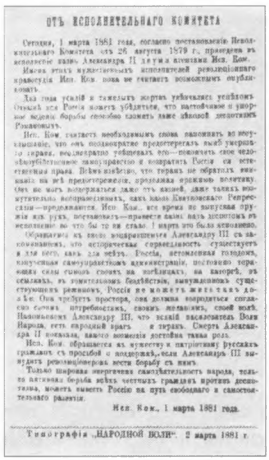

Царская карета после взрыва, рис.

Историк Л.М. Ляшенко приводит подборку сообщений из газет того времени: «Надо было видеть улицы Петербурга в ночь с 1 на 2 марта, чтобы судить о силе всеобщего оцепенения жителей столицы. Самые многолюдные улицы, на которых никогда не прекращается движение, были совершенно пусты» («Петербургская газета», 7 марта). «Все время в Аничковом дворце стоит караул л. гв. Павловского полка. Мы слышали, что тотчас после катастрофы 1 марта командир Павловского полка Шмидт, взяв из казарм роту в полном составе, бегом явился в Аничков дворец, чтобы охранять государя наследника и его семейство; сам генерал не оставлял дворца в течение двух суток» («Сын отечества», 11 марта). «Газеты сообщают, будто бы в клинику профессора душевных болезней Мержеевского за последние три дня поступило около десяти человек больных, внезапно помешавшихся, видя все, что в настоящее время в Петербурге натворилось» («Порядок», 8 марта). «Все фабрики и заводы, находящиеся на Выборгской стороне, за Московской и Нарвской заставами, приостановили 6 марта на два дня работы свои, дабы дать возможность рабочим присутствовать в церквях при совершающихся ежедневно панихидах по почившему государю» («Петербургская газета», 7 марта). «К появившимся сообщениям о народной расправе мы можем добавить еще следующие два. Один из университетских студентов был 2 марта у Зимнего дворца; почему-то на него народ обратил внимание и хотел бить. Тогда молодой человек сказал, что он не студент. — Перекрестись! — Студент перекрестился, и его оставили в покое. Другой случай был на Невском проспекте, на углу Троицкого переулка. Один из типографских работников ударил несколько раз слушательницу женских курсов, которая вышла из квартиры. Она вскочила на первого попавшегося извозчика и приехала на курсы, где сейчас же упала без чувств... Многие из студентов приняли все меры, чтобы не вовлекать народ в ошибку. Одни оставляли дома пледы и форменные фуражки, другие снимали очки, заботились о внешности; студенты постригали волосы, женщины закутывали голову в платки; рассказывают, что многие продавали пледы по самой дешевой цене» («Петербургская газета», 15 марта)[88].

События 1 марта и то, что последовало за этим, произвело на Тихомирова двойственное впечатление. С одной стороны, промежуточная цель народовольцев оказалась достигнутой. Смертный приговор, вынесенный осенью 1879 г. Александру II, был приведен в исполнение. Закончилась 18-месячная охота народовольцев за царем. Казалось, дальше движение пойдет по пути организации заговора с целью политического переворота в стране. С другой стороны, ему было по-человечески жаль Александра. Появление Тихомирова с траурной повязкой на рукаве и участие в молебне по убиенному монарху явилось отнюдь не только конспиративным трюком, как полагали товарищи. Это было вполне искреннее желание хоть как-то успокоить свою совесть. Осуществленное цареубийство поставило перед организацией вопрос ребром — есть ли наличные силы для открытого выступления. На заседании спешно собравшегося ИК выяснилось: сил нет. Правота Тихомирова не требовала подтверждения. Террор, бесконечная погоня за царем полностью обескровили «Народную волю». Чуть позже в книге, написанной для европейцев, революционер-эмигрант Кравчинский, тво-

[86] Цит. по: *Твардовская В.А.* Александр III // Российские самодержцы. 1801—1917. М., 1993. С. 237.
[87] *Ляшенко Л.М.* Александр II, или История трех одиночеств. М., 2003. С. 304.
[88] Там же. С. 318—319.

ОТЪ ИСПОЛНИТЕЛЬНАГО КОМИТЕТА

Типография „НАРОДНОЙ ВОЛИ". 2 марта 1881 г.

Обращение «Народной воли» к Александру III

ривший под псевдонимом Степняк, сравнит яростную и потрясшую всю Европу «охоту на царя» с «динамитным взрывом, который промахнулся»[89]. Предательство Н.И. Рысакова и послемартовские аресты окончательно обескровили народовольческий центр.

Было решено изложить требования Исполнительного комитета к царю в виде открытого письма. «7 или 8 марта на одной из конспиративных квартир состоялось обсуждение этих требований»[90]. 10 марта состоялось второе обсуждение текста, который был окончательно одобрен. Подготовленный Тихомировым и слегка отредактированный Михайловским, текст письма ИК был отпечатан тиражом в 13000 экземпляров и широко распространен. Письмо произвело хорошее впечатление на либеральное общество как в России, так и в Европе. Г.А. Лопатин свидетельствовал, что в беседе с ним Ф. Энгельс заявил: «И я, и Маркс находим, что письмо Комитета к Александру III положительно прекрасно по своей политичности и спокойному тону. Оно доказывает, что в рядах революционеров находятся люди с государственной складкой ума»[91].

В силу огромной важности открытого письма ИК к новому императору, для понимания сложившейся ситуации и ее дальнейшего развития, мы приводим текст письма полностью.

«ИСПОЛНИТЕЛЬНЫЙ КОМИТЕТ
ИМПЕРАТОРУ АЛЕКСАНДРУ III

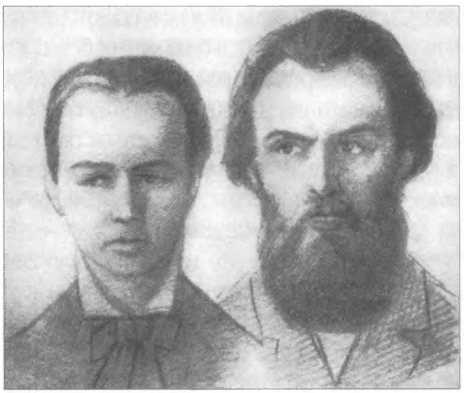
Ваше величество! Вполне понимая то тягостное настроение, которое вы испытываете в настоящие минуты, Исполнительный комитет не считает, однако, себя вправе поддаваться чувству естественной деликатности, требующей, может быть, для нижеследующего объяснения выждать некоторое время. Есть нечто высшее, чем самые законные чувства человека: это долг перед родной страной, долг, которому гражданин принужден жертвовать и собой, и своими чувствами, и даже чувствами других людей. Повинуясь этой всесильной обязанности, мы решаемся обратиться к вам немедленно, ничего не выжидая, так как не ждет тот исторический процесс, который грозит нам в будущем реками крови и самыми тяжелыми потрясениями.

Кровавая трагедия, разыгравшаяся на Екатерининском канале, не была случайностью и ни для кого не была неожиданной. После всего происшедшего в течение последнего десятилетия она являлась совершенно неизбежной, и в этом ее глубокий смысл, который обязан понять человек, поставленный судьбою во главе правительственной власти. Объяснять подобные факты злоумышлением отдельных личностей или хотя бы "шайки" может только человек, совершенно неспособный анализировать жизнь народов. В течение целых 10 лет мы видим, как у нас, несмотря на самые строгие преследования, несмотря на то, что правительство покойного императора жертвовало всем — свободой, интересами всех классов, интересами промышленности и даже собственным достоинством, — безусловно всем жертвовало для подавления революционного движения, оно все-таки упорно разрасталось, привлекая к себе лучшие элементы страны, самых энергичных и самоотверженных людей России, и вот уже три года вступило в отчаянную, партизанскую войну с правительством.

Вы знаете, ваше величество, что правительство покойного императора нельзя обвинять в недостатке энергии, У нас вешали правого и виноватого, тюрьмы и отдаленные губернии переполнялись ссыльными. Целые десятки так называемых "вожаков" переловлены, перевешаны. Они гибли с мужеством и спокойствием мучеников, но движение не прекращалось, оно безостановочно росло и крепло. Да, ваше величество, революционное движение не такое дело, которое зависит от отдель-

[89] *Степняк-Кравчинский С.М.* Сочинения в 2-х томах. Т. 1. С. 496.
[90] *Пинев В.Н., Цамутали А.Н.* В борьбе за свободу. С. 36.
[91] Русские современники о К. Марксе и Ф. Энгельсе. М., 1969. С. 202.

ных личностей, Это процесс народного организма, и виселицы, воздвигаемые для наиболее энергичных выразителей этого процесса, так же бессильны спасти отживающий порядок, как крестная смерть спасителя не спасла развратившийся античный мир от торжества реформирующего христианства.

Софья Перовская и Андрей Желябов, рисунок П.Я. Пясецкого, сделанный во время суда

Правительство, конечно, может еще переловить и перевешать многое множество отдельных личностей. Оно может разрушить множество отдельных революционных групп. Допустим, что оно разрушит даже самые серьезные из существующих революционных организаций. Но ведь все это нисколько не изменит положения вещей. Революционеров создают обстоятельства, всеобщее неудовольствие народа, стремление России к новым общественным формам. Весь народ истребить нельзя, нельзя и уничтожить его недовольство посредством репрессалий: неудовольствие, напротив, растет от этого. Поэтому на смену истребляемых постоянно выдвигаются из народа все в большем количестве новые личности, еще более озлобленные, еще более энергичные. Эти личности в интересах борьбы, разумеется, организуются, имея уже готовый опыт своих предшественников; поэтому революционная организация с течением времени должна усиливаться и количественно и качественно. Это мы видим в действительности за последние 10 лет. Какую пользу принесла правительству гибель долгушинцев, чайковцев, деятелей [18]74 г.? На смену их выступили гораздо более решительные народники. Страшные правительственные репрессалии вызвали затем на сцену террористов [18]78—[18]79 гг. Напрасно правительство истребляло Ковальских, Дубровиных, Осинских, Лизогубов. Напрасно оно разрушало десятки революционных кружков. Из этих несовершенных организаций путем естественного подбора вырабатываются только более крепкие формы. Появляется, наконец, Исполнительный комитет, с которым правительство до сих пор не в состоянии справиться.

Окидывая беспристрастным взглядом пережитое нами тяжелое десятилетие, можно безошибочно предсказать дальнейший ход движения, если только политика правительства не изменится. Движение должно расти, увеличиваться, факты террористического характера повторяться все более обостренно; революционная организация будет выдвигать на место истребляемых групп все более и более совершенные, крепкие формы. Общее количество недовольных в стране между тем увеличивается; доверие к правительству в народе должно все более падать, мысль о революции, о ее возможности и неизбежности все прочнее будет развиваться в России. Страшный взрыв, кровавая перетасовка, судорожное революционное потрясение всей России завершит этот процесс разрушения старого порядка.

Чем вызывается, обусловливается эта страшная перспектива? Да, ваше величество, страшная и печальная. Не примите этого за фразу. Мы лучше, чем кто-либо другой, понимаем, как печальна гибель стольких талантов, такой энергии на деле разрушения, в кровавых схватках, в то время когда эти силы при других условиях могли бы быть потрачены непосредственно на созидательную работу, на развитие народа, его ума, благосостояния, его гражданского общежития. Отчего же происходит эта печальная необходимость кровавой борьбы?

Оттого, ваше величество, что теперь у нас настоящего правительства в истинном его смысле не существует. Правительство по самому своему принципу должно только выражать народные стремления, только осуществлять народную волю. Между тем у нас — извините за выражение — правительство выродилось в чистую камарилью и заслуживает названия узурпаторской шайки гораздо более, чем Исполнительный комитет. Каковы бы ни были намерения государя, но действия правительства не имеют ничего общего с народной пользой и стремлениями. Императорское правительство подчинило народ крепостному праву, отдало массы во власть дворянству; в настоящее время оно открыто

создает самый вредный класс спекулянтов и барышников. Все реформы его приводят лишь к тому, что народ впадает все в большее рабство, все более эксплуатируется. Оно довело Россию до того, что в настоящее время народные массы находятся в состоянии полной нищеты и разорения, несвободны от самого обидного надзора даже у своего домашнего очага, невластны даже в своих мирских, общественных делах. Покровительством закона и правительства пользуется только — хищник, эксплуататор; самые возмутительные грабежи остаются без наказания. Но зато какая страшная судьба ждет человека, искренно помышляющего об общей пользе. Вы знаете хорошо, ваше величество, что не одних социалистов ссылают и преследуют. Что же такое — правительство, охраняющее подобный "порядок"? Неужели это не шайка, неужели это не проявление полной узурпации?

Вот почему русское правительство не имеет никакого нравственного влияния, никакой опоры в народе; вот почему Россия порождает столько революционеров; вот почему даже такой факт, как цареубийство, вызывает в огромной части населения радость и сочувствие! Да, ваше величество, не обманывайте себя отзывами льстецов и прислужников. Цареубийство в России очень популярно.

Из такого положения может быть два выхода: или революция, совершенно неизбежная, которую нельзя предотвратить никакими казнями, или добровольное обращение верховной власти к народу. В интересах родной страны, во избежание напрасной гибели сил, во избежание тех страшных бедствий, которые всегда сопровождают революцию, Исполнительный комитет обращается к вашему величеству с советом избрать второй путь. Верьте, что как только верховная власть перестанет быть произвольной, как только она твердо решится осуществлять лишь требования народного сознания и совести, вы можете смело прогнать позорящих правительство шпионов, отослать конвойных в казармы и сжечь развращающие народ виселицы. Исполн[ительный] комит[ет] сам прекратит свою деятельность и организованные около него силы разойдутся для того, чтобы посвятить себя культурной работе на благо родного народа. Мирная, идейная борьба сменит насилие, которое противно нам более, чем вашим слугам, и которое практикуется нами только из печальной необходимости.

Мы обращаемся к вам, отбросивши всякие предубеждения, подавивши то недоверие, которое создала вековая деятельность правительства. Мы забываем, что вы представитель той власти, которая столько обманывала народ, сделала ему столько зла. Обращаемся к вам как гражданину и честному человеку. Надеемся, что чувство личного озлобления не заглушит в вас сознания своих обязанностей и желания знать истину. Озлобление может быть и у нас. Вы потеряли отца. Мы теряли не только отцов, но еще братьев, жен, детей, лучших друзей. Но мы готовы заглушить личное чувство, если того требует благо России. Ждем того же и от вас.

Мы не ставим вам условий. Пусть не шокирует вас наше предложение. Условия, которые необходимы для того, чтобы революционное движение заменилось мирной работой, созданы не нами, а историей. Мы не ставим, а только напоминаем их.

Этих условий, по нашему мнению, два:

1) общая амнистия по всем политическим преступлениям прошлого времени, так как это были не преступления, но исполнение гражданского долга;

2) созыв представителей от всего русского народа для пересмотра существующих форм государственной и общественной жизни и переделки их сообразно с народными желаниями.

Считаем необходимым напомнить, однако, что легализация верховной власти народным представительством может быть достигнута лишь тогда, если выборы будут произведены совершенно свободно. Поэтому выборы должны быть произведены при следующей обстановке:

1) депутаты посылаются от всех классов и сословий безразлично и пропорционально числу жителей;

2) никаких ограничений ни для избирателей, ни для депутатов не должно быть;

3) избирательная агитация и самые выборы должны быть произведены совершенно свободно, а потому правительство должно в виде временной меры, впредь до решения народного собрания, допустить: а) полную свободу печати, б) полную свободу слова, в) полную свободу сходок, г) полную свободу избирательных программ.

Вот единственное средство к возвращению России на путь правильного и мирного развития. Заявляем торжественно пред лицом родной страны и всего мира, что наша партия со своей стороны безусловно подчинится решению народного собрания, избранного при соблюдении вышеизложенных условий, и не позволит себе впредь никакого насильственного противодействия правительству, санкционированному народным собранием.

Итак, ваше величество, решайте. Перед вами два пути. От вас зависит выбор. Мы же затем можем только просить судьбу, чтобы ваш разум и совесть подсказали вам решение, единственно сообразное с благом России, с вашим собственным достоинством и обязанностями перед родною страной.

Исп[олнительный] ком[итет], 10 марта 1881 г.

Типография «Народной воли», 12 марта 1881 г.»[92]

Но все это были слова, а на деле организация противопоставить правительству ничего не могла. Только за весну 1881 г. партия потеряла, кроме арестованных в конце февраля Желябова и Тригони, еще и Перовскую, Кибальчича, Н.А. Саблина, Г.М. Гельфман, Г.П. Исаева, М.Р. Ланганса, а чуть позже полиция выследила и арестовала Фроленко, Т.И. Лебедеву и А.В. Якимову.

В обществе ждали действий от нового главы государства. Своего рода «проверкой» стало его отношение к цареубийцам. Философ Вл.С. Соловьев, выступая перед многочисленной аудиторией, публично призвал нового императора простить убийц, патетически воскликнув: «Он не может не простить их! Он должен простить их!». О помиловании просил и Л.Н. Толстой. Император «распорядился передать графу, что, если б покушение было совершено на него самого, он мог бы помиловать, «но убийц отца не имеет права простить»[93].

3 апреля 1881 года на Семеновском плацу были казнены Желябов, Перовская, Кибальчич, Т.М. Михайлов, Рысаков. Приговоренная к смертной казни через повешенье, Г.М. Гельфман подала 30 марта заявление о своей беременности, и казнь для нее была сначала отложена «до истечения 40 дней после родов»[94], а впоследствии заменена бессрочной ссылкой на каторжные работы. Хроника зафиксировала, что «осужденные преступники казались довольно спокойными, особенно Перовская, Кибальчич и Желябов»[95]. По воспоминаниям актрисы Савиной, видевшей, как народовольцев везли к месту казни, «кроме одного из приговоренных, Рысакова, лица остальных, влекомых на казнь, были светлее и радостнее лиц, их окружавших. Софья Перовская зарделась и просто сияла на темном фоне мрачной процессии»[96].

Смертников взвели на эшафот и поставили у позорных столбов. «Столбов — три, обреченных — пять... Перовская у среднего столба, Желябов справа от нее, слева Михайлов, Рысаков и Кибальчич по краям — у перил эшафота»[97]. Сначала казнили Рысакова, потом — Перовскую; далее — Михайлова, который дважды срывался с виселицы. Толпа бушевала. «Невозможно описать того взрыва негодования, криков протеста и возмущения, брани и проклятий, которыми разразилась залившая площадь толпа. Не будь помост с виселицей окружен внушительным сравнительно нарядом войск, вооруженных заряженными винтовками, то, вероятно, и от виселицы с помостом, и от палачей и от других исполнителей приговора суда в один миг не осталось бы ничего, — вспоминал

---

[92] «Народная воля» и «Черный передел»: Воспоминания участников революционного движения в Петербурге в 1879—1882. С. 330—333.

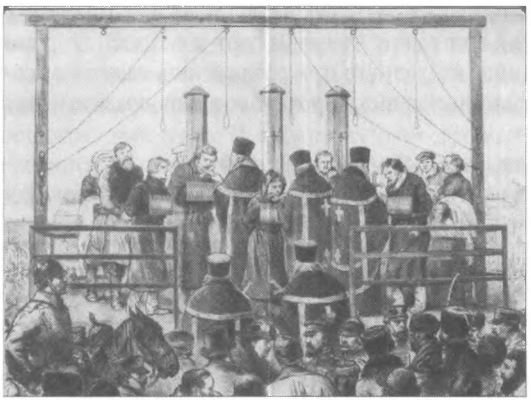
[93] См.: *Боханов А.Н.* Император Александр III. М., 1998. С. 286.

[94] 12 октября 1881 года, находясь в Доме предварительного заключения, она родила дочь. Ребенок будет отдан в воспитательный дом, где вскоре умрет. Сама Г.М. Гельфман умрет 1 февраля 1882 года в тюрьме от гнойного воспаления брюшины.

[95] Цит. по: *Сегал Е.А.* Софья Перовская. С. 387.

[96] Цит. по: *Троицкий Н.А.* Крестоносцы социализма. С. 337. Ср. с официальным отчетом о казни: «На спокойном желтовато-бледном лице Перовской блуждал легкий румянец, когда она подъехала к эшафоту, глаза ее блуждали лихорадочно, скользя по толпе и тогда, когда она, не шевеля ни одним мускулом, пристально глядя на толпу, стояла у позорного столба» // *Сегал Е.А.* Софья Перовская. С. 387.

[97] *Прокофьев В.А.* Желябов. М., 1965. С. 347.

Казнь народовольцев, рис.

Л.Э. Плансон, командир эскадрона, охранявшего приговоренных[98]. Перовская перед смертью простилась с Желябовым, Михайловым и Кибальчичем, но отшатнулась от Рысакова, предавшего на следствии товарищей. Более чем через четверть века граф фон Пфейль вспоминал: «Я до сих пор вижу перед собой могучую умную голову Желябова»[99]. У эшафота уже были приготовлены гробы... Это будет последняя публичная казнь в Российской империи.

Что же пережил Тихомиров в тот день, когда казнили его соратников? Писатели (Михайлов и Поляков) пытались воссоздать его чувства. В романе Михайлова продрогший Тихомиров мечется по Семеновскому плацу, надеясь на царскую милость и на то, что «помилуют хотя бы Перовскую»[100]. У Полякова в романе Тихомиров готов, если подвернется случай, содействовать тому, чтобы отбить товарищей, влекомых на казнь. Оба писателя представили эти картины с литературным мастерством, но давайте обратимся к источникам! Интересен и очень важен в этом отношении рассказ Русанова, приведенный в его воспоминаниях. Он пишет о том, как друзья, и прежде всего Михайлов, пытались поддержать Тихомирова, пока были рядом: «Подтянись, Лев, подтянись, старичок! Видишь, какими орлами наша молодежь ходит, — дружески увещевал Михайлов Тихомирова, давая ему в провожатые юношей из рабочей дружины, которые шли с револьверами наготове недалеко от Тихомирова, когда ему во время страшных петербургских арестов приходилось идти куда-нибудь на опасное конспиративное заседание»[101].

Но 3 апреля рядом с Тихомировым не было друзей, и некому было поддерживать его. Русанов приводит рассказ известного романиста Рони-старшего, которому уже после отхода Тихомирова от революционного движения «пришлось услышать передачу поразительного рассказа Тихомирова о том, что тот испытал в день казни цареубийц... Рони воспроизвел это состояние духа Тихомирова с потрясающей художественностью»[102]. Рони вспоминал: «Как-то раз я задал ему вопрос, что ощущает террорист, который ежеминутно подвергается опасности быть схваченным, на каждом шагу теряет своих дорогих друзей, но в то же время проникнут великой идеей борьбы за свой народ, за свободу. Тихомиров подумал-подумал, побегал с минуту своими глазами по комнате и рассказал мне, по обыкновению очень запинаясь и на ломаном французском языке, самый мучительный случай из своей жизни:

— В апреле 1881 г. должна была состояться казнь пяти террористов, осужденных за цареубийство первого марта <...> Приговоренных к смерти везли на колесницах к Семеновскому плацу. Путь их, между прочим, лежал через улицу, куда выходили окна квартиры, в которой я жил под фальшивым паспортом чиновника <...> Все тротуары были запружены народом. Не было ни одного дома, из окон которого не выглядывало бы любопытных. Конечно, и я должен был подойти к окну и смотреть на это шествие, иначе это могло бы возбудить подозрение. Мы стояли у окна с женой, а рядом с нами стояла наша кухарка. Когда показались колесницы, на которых качались осужденные, крепко привязанные веревками к дощатым сидениям, я замер на месте <...> Подумайте: Желябов, Перовская, Тимофей Михайлов бывали у нас еще недавно!.. А наша прислуга словно нарочно всматривалась так пристально в лица провозимых <...> Вот-вот, казалось, она

[98] *Плансон Л.Э.* Казнь цареубийц // Исторический вестник. 1913. № 2. С. 532.

[99] Цит. по: *Сегал Е.А.* Софья Перовская. С. 388.

[100] *Михайлов О.Н.* Забытый император. С. 252.

[101] *Русанов Н.С.* В эмиграции. С. 114.

[102] Там же.

знает кого-нибудь из них и вскрикнет: "Да ведь я здесь видела этих господ!" <...> В несколько минут, пока, громыхая колесами среди всеобщей тишины, проезжали мимо нас колесницы, мы пережили с женой вечность.

— Вам было ужасно думать, не правда ли, что ваши близкие идейные товарищи, в жилах которых течет еще горячая кровь, через какой-нибудь час будут безжизненными трупами? Вы были охвачены скорбью, что Россия теряет таких сынов? Жажда мести, сознание необходимости продолжать борьбу проникали в вашу душу? — забрасывал я вопросами Тихомирова в этот трагический момент его рассказа.

— Да, знаете, конечно, но это было после, — отвечал мне Тихомиров, — а тогда я думал только, какая это несчастная судьба русского революционера, которого со всех сторон травят, как хищного зверя.

— О, в этот миг Тихомиров говорил совершенно искренно со мной, он ничуть не рисовался, но, несмотря на эту искренность, мне было как-то не по себе, было тяжело и стыдно за Тихомирова <...> Эта исключительная, почти животная дума только о себе и в такие трагические минуты поразила меня <...> Я до того времени представлял себе Тихомирова иначе <...>».

Я (Русанов, — *авт.*) вспомнил этот рассказ Рони, когда некоторое время спустя прочитал в брошюре Тихомирова "Почему я перестал быть революционером" очень выразительные и очень, если хотите, искренние строки, где бывший революционер жалуется насчет жизни травленого волка, выпадающей на долю русского социалиста»[103].

В такой обстановке ни о какой серьезной революционной деятельности в Петербурге не могло быть и речи, и ИК перебирается в Москву. Воспользовавшись вынужденной паузой в практической деятельности организации, Тихомиров полностью ушел в легальную литературную работу, а в ноябре 1881 Екатерина Дмитриевна родила ему вторую дочку.

В основном остаток 1881 г. прошел под знаком сотрудничества Льва Александровича в подцензурной демократической журналистике. Исследователи как-то мало обращают внимания на этот период его общественной жизни. Между тем представляется, что эта сфера деятельности Тихомирова заслуживает особого внимания, т.к. может более полно показать его идейно-политические и социальные воззрения, сложившиеся в это время. Анализ этой стороны его творчества интересен еще и тем, что в легальной журналистике Тихомиров не был стеснен программными рамками, как в роли главного редактора печатного органа «Народной воли». Здесь он имел возможность поднимать более широкий круг вопросов общественной жизни, не опасаясь революционной цензуры.

Такие настроения явно проглядывали у него и ранее. Еще в письме к Желябову (сентябрь 1880 г.) Тихомиров делился подобными планами: «В последнее время занялся кое-какой работой... Моя мысль — определить истинное значение учреждений, имеют ли они какое-нибудь реальное значение и влияние на людей или же... они одна только фантасмагория, одно отражение действительности», — писал он, отмечая, что этот вопрос до настоящего времени не исследован, но решать его, однако, необходимо, а для этого приходится много читать. И в письме он прямо указывал: «Я теперь думаю, как бы мне устроиться так, чтобы иметь возможность заняться серьезным чтением»[104]. Это письмо, кроме того, показывает, что Тихомирова интересовал вопрос, связанный с осознанием значения государственных учреждений и их роли в устройстве общественной жизни. Возможно, зарождение острого интереса к этим вопросам напрямую явилось следствием его работы над программными документами «Народной воли». В процессе их подготовки Тихомиров пытался найти ключ к решению проблемы переустройства российской государственности на новых основаниях.

Из всех подцензурных изданий Тихомирова более всего привлекал журнал «Дело». Хорошие, даже дружеские отношения сложились у него и в редакции, которую тогда возглавлял Шелгунов — друг и соратник Чернышевского.

---

[103] *Русанов Н.С.* В эмиграции. С. 114—115.

[104] Письмо Л.А. Тихомирова — А.И. Желябову // Архив «Земли и воли» и «Народной воли». М., 1932. С. 111—112.

После успеха, принесенного статьей «Неразрешенные вопросы», он получает право вести в журнале «Дело» один из самых сложных разделов «Жизнь и печать», построенный на анализе всех направлений российской публицистики. Трудность работы состояла не только в необходимости внимательно отслеживать всю выходящую прессу, но и в проведении через подцензурное издание, хотя и в завуалированной форме, определенных оппозиционных идей. В данной рубрике за 1881 г. И. Кольцов (Тихомиров) поднял несколько очень важных тем, которые легли в основу всей его публицистики того времени. Статьи, написанные остро и полемично, привлекли в свою очередь к имени автора внимание не только читателей и соратников по перу, но и Департамента полиции[105].

Известный публицист Русанов отмечал: «Главным образом поражало, что Тихомиров писал в "Деле"... где выдвигалась не узко якобинская, а широко-общественная точка зрения. И я не мог путем свести воедино взгляды сотрудника "Дела" И. Кольцова (Л. Тихомирова) и взгляды одного из руководителей "Народной Воли"»[106].

Знакомство с разделом «Жизнь и печать»[107] позволило выделить четыре группы вопросов, на которых автор заострял особое внимание.

Во-первых, это вопросы, связанные с сугубо экономической проблематикой, главным образом обращенные к выяснению судеб российского крестьянства в пореформенный период.

Во-вторых, анализ деятельности российских государственных институтов и функционирования политической системы России в целом.

В третьих, изучение проблемы свободы печати, которую он увязывал с вопросом о предоставлении правительством более широких гражданских свобод вообще и критикой русской либеральной печати — в частности.

Наконец, четвертая группа вопросов о роли русской литературы в развитии передовой отечественной общественной мысли.

Касаясь первой группы вопросов, сразу отметим, что главное внимание автор уделял, как мы уже указывали выше, положению крестьянства. Он оказался одним из первых, кто обратил внимание на превосходные очерки А.Н. Энгельгардта «Письма из деревни», появившиеся в «Отечественных записках»[108]. В своих статьях Тихомиров критиковал либеральную печать за половинчатость предложений, связанных с решением проблемы крестьянского малоземелья. Обращая внимание читателей на то обстоятельство, что в аграрном вопросе необходимо ясно обозначить такой принцип, как право государства приносить частные интересы в жертву общенародным, он, по сути, настаивал на идее дополнительной прирезки земли крестьянам за счет помещичьих наделов в качестве добровольной уступки либо покупки земель государством[109].

Проблемы положения крестьянского мира он отразил в публикациях, не входящих в раздел «Жизнь и печать». В малоизвестной статье «Воинская повинность в Малоархангельском уезде»[110] он на основе привлеченного статистического материала сделал широкие обобщения о жизни и быте крестьянства этого уезда, сформулировав вывод о ненормальных условиях жизни и растущем обнищании крестьянства.

В статье «Наши виды на урожай» (1881 г.), вскрывая причины сокращения посевов, Тихомиров прямо называл главную причину такого положения дел — недостаток семян, а это в свою очередь связано с упадком благополучия крестьянских хозяйств. Статья, написанная на злобу дня, т.к. в 1880 г. в стране разразился неурожай, повлекший за собой голод, вызвала живейший интерес среди читающей публики. Показывая всю бедственность сложившейся ситуации, автор делал неутешительный вывод, «что в результате экономического подчинения крестьянства Россия зарастает вместо хлеба

---

[105] ГА РФ. Ф. 93. Оп. 1. Д. 7. Л. 12—27.

[106] Цит. по: *Кузьмин Д.* [*Колосов Е.Е.*] Народовольческая журналистика. С. 85.

[107] *Кольцов И.* Жизнь и печать // Дело. 1881. № 2. С. 120—141; № 4. С. 57—82; № 8. С. 66—84; № 9. С. 104—119; № 11. С. 87—106.

[108] См.: *Энгельгардт А.Н.* Из деревни. 12 писем. 1872 — 1887. СПб., 1999

[109] *Кольцов И.* Жизнь и печать // Дело. 1881. № 2. С. 136.

[110] *Каратаев И.* Воинская повинность в Малоархангельском уезде (1874 — 1879 гг.) // Дело. 1881. № 3. С. 98—119.

бурьяном. Первая и главная задача должна состоять теперь в том, чтобы вывести крестьянские массы из экономической зависимости и поставить земледельческий труд в такие условия, при которых жатва бы не являлась каждый год каторгой»[111].

Возвращаясь к теме крестьянского малоземелья в разделе «Жизнь и печать», Тихомиров ставил вопрос о проведении качественно иной выкупной операции, указывая на несправедливый, по сути, антикрестьянский характер таковой в пореформенный период. Он высказывал мысль, что, если бы правительство решилось отказаться от прибылей и ограничиться возмещением своих издержек, то платежи крестьян были бы значительно уменьшены[112].

В целом, оценивая его статьи, рассматривающие положение крестьянства, отметим, что Тихомиров оставался верен традициям демократического направления 60-х гг., критикующего правительство за ограниченную крестьянскую реформу. Он усматривал причины всех крестьянских бед не в вопиющей отсталости агрокультуры в абсолютном большинстве хозяйств и консервативной роли общины в этом вопросе, а в первую очередь в пропомещичьей политике государства, выразившейся в крестьянском малоземелье.

Переходя к рассмотрению вопросов, касающихся роли государственных учреждений в политической системе России, отметим, что эта тема особенно волновала Тихомирова. Об этом свидетельствует и программа, которую он в трех пунктах развил для Шелгунова в записке по реорганизации журнала «Дело»:

1) признание исторической неизбежности «обобществления» всех функций народной жизни;

2) реорганизация государства в расчете на то, чтобы оно стало способно выполнять свою новую роль, достающуюся на ее долю в процессе осуществления 1-го пункта программы;

3) невозможность организации нового государства без постоянного воздействия на него народной совести, сознания и воли[113]. Такое пристальное внимание к вопросу о роли государственных учреждений в переустройстве русской жизни логически вытекало из тогдашнего революционного миросозерцания Тихомирова.

Оно основывалось на историософской концепции Дюринга и проистекающего из нее убеждения Тихомирова о ведущем значении партии в будущем переустройстве общества. Поэтому он и занимался выработкой концепции новой государственности, тесно связанной с национальными особенностями страны. Много внимания этому вопросу уделялось им и в нелегальной печати. Так, в № 6 «Народной воли» он утверждал, что вопрос о центральной государственной власти делается сосредоточением политической борьбы. «Организация государственной власти в настоящее время представляется для каждого народа делом все более серьезным» и, «таким образом, уже в силу общих социальных законов развития Россия не может оставаться равнодушною к вопросу о характере нашего государства. Не подлежит сомнению, что какими бы частными реформами мы ни задавались, их судьба тесно связана с устройством верховной власти. Уродливые формы государства заранее обрекают на безуспешность самые чистые и практичные начинания в деле местного самоуправления, в деле народного просвещения, при аграрном переустройстве и везде, где социализация жизни успела уже заявить свое присутствие... Мы присуствуем при самом разгаре борьбы между народным, общинно-социальным строем и государственно-буржуазным», — писал Тихомиров[114]. Далее он делал следующий вывод: «Обладание государственной властью вообще делается у нас главным условием победы для каждой из сторон. Значение государства становится всепоглощающим»[115].

Естественно, что и в легальной публицистике он эту проблему без внимания не оставил. К ней он обращался в начале 1881 года в статье «Французский крестьянин в 1789 г.», опубликованной в журнале «Слово». В ней Тихомиров утверждал, что «в борьбе французских сословий организа-

---

[111] *Кольцов И.* Наши виды на урожай (1881 г.) // Дело. 1881. № 8. С. 148.

[112] *Кольцов И.* Жизнь и печать // Дело. 1881. № 11. С. 89.

[113] *Козьмин Б.П.* Неизданная записка Н.В. Шелгунова. С. 162.

[114] Литература партии «Народная воля». С. 130—131.

[115] Там же. С. 132.

ция — главнейший шанс победы», и на основе приводимого исторического материала делал смелый, хотя и излишне однозначный, вывод, что для осуществления сословных целей буржуазии была необходима кардинальная реорганизация существующих государственных учреждений, что довело старый порядок до полного крушения[116].

При этом вышеуказанная тематика в публицистике Тихомирова напрямую пересекалась с постановкой им вопроса о роли журналистики в развитии русской общественной мысли и создании национальной программы возрождения страны. Показательна в этом отношении 4 книжка журнала за 1881 г., в которой он касался рассмотрения обоих вопросов при разборе консервативной печати, а именно газет «Московские ведомости» и «Русь».

Характеризуя позицию этих изданий, он рассуждал о том, что идеи правой прессы по поводу государственного устройства страны базируются на теориях возвращения к «старым временам», когда Россия была Московией. Но те времена «давно прошли и не могут возвратиться. Россия переросла Московию, как та переросла Владимир, тоже сыгравший когда-то роль центра», — резюмировал автор[117].

Сам Тихомиров, верящий в национальную самобытность России, в непохожесть ее исторической судьбы на историю Западной Европы, был обеспокоен выработкой такой общественно-политической программы преобразований, которая бы исходила из постулата своеобразия российской истории и государственности, но направлялась не в прошлое, куда призывала двигаться консервативная печать, а в будущее, которое виделось ему в полной реорганизации национальной государственной машины. Для такого рода переустройства, по его представлению, требовалась серьезная работа русской общественной мысли, и роль печати в этом вопросе должна быть первостепенной.

Острой проблемой для страны, по убеждению Тихомирова, оставалась неразработанность науки об обществе, что тормозило формирование того общественного идеала, той программы возрождения российского государства на новых основаниях, которые так необходимы в настоящее время. Оценивая программу, выдвигаемую «правыми» изданиями, он с горечью отмечал: «Отсутствие оригинальной мысли, вполне проникнутой русскими своеобразными интересами, способной выделить из переплетения общественных сил те, которые составляют самую суть дела... отсутствие этого составляет, может быть, самый тревожный признак русской жизни»[118].

Продолжая развивать этот тезис, публицист прямо заявлял, что «требуется не какая-нибудь мысль, а учение, всесторонне охватывающее жизнь, такое учение есть всегда плод коллективной работы общественной мысли, конечно, великий учитель формирует эту работу, но материал для формулировки дает исключительно общественная мысль». В качестве примера действительно новых социологических наработок Тихомиров приводил статьи Воронцова и сетовал, что «господин В.В. как литератор оказался в очень затруднительном положении. Он является на арену публики не с различными сентенциями из Милля, Маркса, Спенсера и прочих, а со своею собственною мыслью»[119]. Тихомиров напрямую увязывал проблемы формирования позитивной политической программы с разрешением вопроса о свободе печати и предоставлением правительством более широких гражданских прав. Отсутствием последних он прямо объяснял то, что российская общественная наука находится в зачаточном состоянии и не может указать путей положительной общественной деятельности. В такой ситуации вопрос о свободе печати стоял наиболее остро, и Тихомиров предостерегал власти, что, «затрудняя работу общественной мысли, отнимая главное орудие этой работы, то есть свободу слова и литературы, мы на первых порах водворяем действительно тишину. Но люди, тем не менее, живут и думают. Не имея возможности обмениваться результатами своего опыта и своих размышлений, они только становятся односторонними, развитие мысли принимает уродливый характер»[120].

---

[116] *Кольцов И.* Французский крестьянин в 1789 г. // Слово. 1881. № 2. С. 80.

[117] *Кольцов И.* Жизнь и печать // Дело. 1881. № 4. С. 72.

[118] Там же. С. 75.

[119] Там же. С. 76.

[120] Там же. № 9. С. 116.

Тихомиров полагал, что произвол государства в области общественной мысли приведет к тому, что защита гражданственности в литературной публицистике будет совершенно невозможна. При этом призыв к большей открытости в общественных отношениях, роднящий Тихомирова с представителями либерально-демократического лагеря, трактовался им более объемно.

Он считал, что правительство и общество обязаны дать право публицисту принимать участие в работе общественного устроения. Обязанность же самого публициста — быть достойным такой работы. Далее, развивая это положение, Тихомиров восклицал: «Я... не могу примириться с политической эквилибристикой и не одобряю тактики, которая двадцать раз сознательно поступается правдой для того, чтобы хоть в двадцать первый раз иметь возможность произнести правдивое слово»[121].

Как видим, будучи ведущим раздела «Жизнь и печать», Тихомиров оставался продолжателем традиций демократической журналистики 60-х гг. Тем не менее, представляется, что сам Тихомиров смотрел на роль легальной журналистики несколько иначе. В отличие от работников прогрессивного направления 60-х гг., он пытался ставить в своих публикациях более масштабные общественные вопросы, вытекающие из современных ему условий русской жизни. Особенно это заметно в рассмотрении им проблем, касающихся роли политических институтов в социальном переустройстве России.

Хотелось бы также обратить внимание еще на одно обстоятельство, просматривающееся в его статьях. Он постепенно отходит от догматического следования заветам демократов-шестидесятников. Их литературное наследие, как и идеи, почерпнутые из современной ему европейской философской мысли, постепенно пересматриваются Тихомировым. Наблюдая современные ему события, он все больше склоняется к необходимости создания социально-политической программы, которая была бы построена на основе учета русского исторического опыта, национальной специфики страны, а для этого, по его мнению, необходимо первоначально развить собственную общественную науку. Во многом такое изменение в мировоззренческих установках произошло после знакомства с работами отечественных историков-государственников и философов почвеннического направления.

Наряду с ведением раздела «Жизнь и печать» в этом же 1881 г. Тихомиров помещает в журнале «Дело» статью «К вопросу об экономике и политике», являющуюся ответом на статью Русанова «Экономика и политика». В ней публицист пытался разрешить вопрос о соотношении экономики и политики и полемизировал с Русановым, стоявшим на марксистских позициях. Сам Тихомиров в этой дискуссии использовал для обоснования своей позиции положения дюрингианской доктрины, в первую очередь «теорию насилия» как решающего фактора в образовании новых социально-политических форм, а также взгляды Дюринга на первенствующую роль политического фактора в общественной жизни. Стоит отметить, что теория факторов тогда также являлась основой социологических наработок Тихомирова. Он полагал, что, опираясь на данную методологическую конструкцию, можно охватить и объяснить все многообразие причин и следствий в социальном мире.

Задача же социологии как науки должна, по его мнению, состоять в том, чтобы установить первичные социологические элементы общества, т.е. «неразложимые факторы». Вычленив же эти факторы, социология сумеет определить соотношение и взаимодействие их в сложных общественных явлениях. Конечная цель социологии, по его мнению, заключалась в том, чтобы вывести «общий закон взаимодействия факторов»[122]. Вышеуказанная статья Тихомирова как раз наиболее показательна в этом отношении. В ней автор, критикуя позицию исключительного экономизма, отстаиваемую Русановым, оспаривал ее, придавая факту насилия в отношениях между людьми более важное значение. Тихомиров полагал, что Русанов и Н.И. Зибер преувеличивают силу воздействия экономического фактора как на жизнь отдельного человека, так и на ход исторических событий. В противовес им Тихомиров выдвигал иную, но также абсолютизируемую им посылку, полагая, что

---

[121] *Кольцов И.* Жизнь и печать // Дело. 1881. № 9. С. 106.

[122] *Кольцов И.* К вопросу об экономике и политике. С. 31.

«факт насилия между людьми — элемент более важный, чем производство»[123]. Он писал: «Я сомневаюсь, чтобы производство было действительно таким ключом к социологии, каким считают его»[124] и высказывал точку зрения, что преимущественное внимание необходимо уделять насилию, иначе говоря, искать ответ в структуре самой личности. Вообще в статье чувствуется сильное влияние идей «субъективного метода» Михайловского, о чем свидетельствует, например, следующая мысль, высказанная автором: «Общество состоит из личностей. Несомненно потому, что социологические законы основаны на тех законах, которыми управляется личность. Но, к сожалению, эти последние до сих пор в высшей степени остаются неясными, неразработанными. Поэтому в настоящее время совершенно немыслима и социология, настолько точная, как, например, физика или химия. Именно самое главное, самую основу социологии и невозможно отыскать, пока неизвестна человеческая личность»[125].

Далее автор акцентирует внимание на том, что свойства личности «определяются различными условиями внешней среды». Исследователь В.А. Малинин считает, что здесь Тихомиров уже напрямую апеллирует к философской антропологии[126]. Для аргументации своих утверждений Тихомиров прибегал к авторитету работ ученых-этнографов, естественников, правоведов, в основном стоящих на позитивистских позициях — А. Кольба, Г. Бокля, А. Брема, Ф.-А. Ланге, Д. Леббока, Палмана и других. На основе выкладок из их научных трудов он делал вывод, что устанавливающиеся в обществе зависимости между людьми являются результатом природных способностей, знаний, богатства и организации сил.

Признавая власть общества над личностью, Тихомиров считал, что она поддерживается системой политических отношений и учреждений. То есть автор вновь затрагивает глубоко интересующую его проблему о роли политических учреждений в жизни общества, исходя из посылки, что политические учреждения не просто отражение экономики, а до некоторой степени самостоятельная сила. Обратившись к опыту Франции, публицист исследовал борьбу французских сословий и пришел к заключению, что для осуществления сословных целей организация служит таким же важным средством, как целесообразная постановка производства. Развивая далее этот тезис, он обратил внимание на то обстоятельство, что в рассматриваемый момент целью политических учреждений является не охрана общественного блага, а «охрана установленного общественного строя», иначе говоря, интересов господствующих классов, и, соответственно, необходимо стремиться к изменению общественного строя в интересах всего общества, а отсюда следует, «что в каждом отдельном случае изменение политических учреждений или невозможно, или, если оно возможно, никогда не бывает безрезультатно и всегда составляет изменение общественных отношений власти»[127], а этого достичь можно только насилием.

Данная посылка является основополагающей в статье и близка по духу программным установкам «Народной воли». Нельзя не согласиться с мнением М. Седова, что здесь речь идет не только о захвате власти, но и о том, что овладевание властью не есть изменение лишь формы политического господства, а дальнейший шаг его — преобразование основ общественной жизни[128]. «Потому-то, — заключал Тихомиров, — Русанов совершает историческую ошибку, заявляя, что политические перевороты не изменяют общественной жизни»[129].

Нарастание напряженности в стране после событий 1 марта 1881 г., переезд ИК в Москву осложнили положение Тихомирова и его семьи. В условиях отсутствия основных организаторских сил партии вся тяжесть реорганизации «Народной воли» легла на плечи самых авторитетных революционеров, среди которых числился и он. Теперь штаб-квартира ИК находилась на Садовой улице, хозяином ее стал Ю.Н. Богданович.

---

[123] *Кольцов И.* К вопросу об экономике и политике. С. 3.
[124] Там же.
[125] *Кольцов И.* К вопросу об экономике и политике. С. 18.
[126] *Малинин В.А.* История русского утопического социализма... С. 169.
[127] *Кольцов И.* К вопросу об экономике и политике. С. 12.
[128] *Седов М.Г.* Героический период революционного народничества. С. 129.
[129] *Кольцов И.* К вопросу об экономике и политике. С. 37.

Нельзя сказать, что народовольческий центр был полностью парализован — нет, революционеры даже пытались расширить и диверсифицировать пропагандистскую работу. Так, в начале ноября 1881 г. в Москве состоялось совещание, обсуждавшее способы деятельности среди раскольников и сектантов. Созыв этого совещания один из его участников, Ф. Крылов, приписывал инициативе Грачевского. Среди участников были В.С. Гусев, Стефанович, Тихомиров, А.А. Франжоли. Проходило оно тайно (в том числе и от большинства народовольцев) сначала на квартире рабочей группы (А.И. Лисовская и Ф. Крылов), а затем на квартире А.А. Франжоли и Е.Ф. Завадской (по мужу Франжоли).

По итогам работы было составлено два документа для деятельности среди раскольников и сектантов — «Соборное послание Христианского братства ко всем чтущим святое учение Христа» и «Соборное уложение Христианского братства». Совещание приняло предложение Гусева попытаться объединить верующих не на религиозной почве, а на почве борьбы с существующим строем. Было принято решение учредить «Христианское братство» и организовать совет «Братства», который должен был руководить его работой и вести сношения с ИК (представителем ИК был Тихомиров). Члены совета обязались вовлекать сектантов и раскольников в «братство» и создавать из них кружки. Конспиративной квартирой совета стала квартира Андрея Афанасьевича Франжоли, где также находилась типография и печатались издания, хранилась печать и архив[130]. Однако в целом пропаганда народовольцев среди раскольников за редким исключением большого успеха не имела.

Как видим, в Москве на Льва Александровича свалился и ряд чисто практических функций в партии, о которых в другое время не могло быть и речи, это, естественно, вызывало у него недовольство и раздражение. Неспособность Тихомирова к различным рутинным революционным мероприятиям, с одной стороны, и занятость в журнале «Дело» — с другой, привели к тому, что на рубеже 1881—1882 гг. на лидирующее положение в «Народной воле» выдвинулась Оловенникова. Роль Тихомирова как теоретика и главного редактора народовольческого органа резко снизилась. Напомним, что передовицу в № 8—9 «Народной воли», где наиболее акцентированно зазвучала идея революционного переворота и заговора, сторонником которой являлся и Тихомиров, написал В.С. Лебедев, креатура Оловенниковой[131]. В самом начале передовой статьи отчетливо, без всяких экивоков и словесной эквилибристики, прозвучало: «Совершение переворота путем заговора — вот цель партии "Народная воля", определяемая программой ИК»[132]. Впрочем, в основном это объяснялось нежеланием самого Тихомирова брать на себя какую-либо ответственность за судьбу организации. Более того, даже когда-то привлекавшая его, как и Оловенникову, идея революционного переворота отходит у него на второй план. В настоящий момент, переживаемый русским революционным движением, он, не отказываясь от нее в принципе, считал таковую практически не выполнимой. Слишком велики, по мнению Тихомирова, оказались потери «Народной воли» в послемартовский период.

По сути, на рубеже 1881—1882 годов для него характерно полное манкирование партийной работой, стремление несколько дистанцироваться от других членов ИК с целью максимально обезопасить себя и свою семью. В какой-то мере можно говорить и о развившейся на почве тотальных провалов депрессии, сопряженной с постоянным ощущением слежки и ожиданием неизбежного ареста, что для Тихомирова означало фактически неминуемый смертный приговор. При этом он, воочию наблюдавший, как ему казалось, агонию «старого» народовольчества, искал пути выхода из создавшегося идейного тупика. О своих сомнениях того времени он позже вспоминал: «То, что я видел в России, меня не огорчало, — Россия мне казалась очень оживленной, гораздо более, чем прежде, хотя и не в нашем вкусе. Я повсюду видел жизнь, движение, видел, что люди работают, каждый в своем духе, но бодро. Этим я был вполне доволен. Но, с другой стороны, мы, революционеры, — по крайней мере, типа 1881 г., — оказывались на голову разбиты и, видимо, не имели места в русской жизни»[133]. Этот вопрос мучает его. То обстоятельство, что террористический акт 1 марта не вызвал никакого потрясения основ монархии, еще больше убеждало Тихомирова в гибельно-

---

[130] См.: *Волк С.С.* Народная воля. 1879—1882. С. 374—381.

[131] *Кузьмин Д.* [*Колосов Е.Е.*] Народовольческая журналистика. С. 100.

[132] Литература партии «Народная воля». С. 157.

[133] Воспоминания Льва Тихомирова. С. 137.

сти дальнейших шагов в этом направлении. Он считал, что необходимо было как-то переосмыслить ситуацию, сложившуюся в стране, а сделать это в горячке революционных буден казалось практически невозможно. Тем более совершенно невозможно было это сделать на страницах нелегального издания, в котором, невзирая на авторитет Тихомирова, учитывалось только коллегиальное мнение.

Именно несоответствие желаемого и действительного после 1 марта послужило одной из причин еще большей активизации Льва Александровича в легальной печати. Другая причина являлась традиционной для семейства Тихомировых — поправление финансового положения. К тому же правительственные репрессии после цареубийства деморализовали «передовое» общество, которое ранее выступало источником основных денежных поступлений организации. Видя дальнейшее ослабление «Народной воли» и спад общественного движения в целом, Тихомиров на одном из комитетских заседаний в мае 1881 г. внес предложение о полном изменении структуры партии. Он предложил проект созыва съезда народовольцев. Съезд, по мнению Тихомирова, должен будет санкционировать предложенную им реорганизацию «Народной воли» и выработать новую ее тактику. Однако большинство членов ИК его предложение не поддержали.

В основном деятельность обновленного комитета в Москве направлялась на пропаганду идеи государственного переворота, которая когда-то была так близка Тихомирову. Активно проводили реорганизацию связей с провинцией, занимались добыванием средств, восстанавливали «паспортный стол» и устраивали стационарную типографию. Но, как замечал Тихомиров, «все это производилось шумно, неосторожно, совсем не по-старому. Люди-то были очень действительно очень "пониженного ценза" с революционно-заговорщицкой точки зрения»[134]. Поэтому-то осторожный Тихомиров предпринимал все возможное для минимизации контактов с революционным центром. Предпринимались попытки пополнить «Народную волю» проверенными товарищами из сочувствующих ее борьбе революционных групп. Так, для усиления ИК из-за границы прибыли несколько человек, в том числе известный по «Чигиринскому делу» Стефанович, тогда же членом ИК стал и Г.Г. Романенко. Оба отличались определенной беспринципностью при ведении революционных дел, что и не замедлило сказаться в скором времени. Наиболее показательный случай, характеризующий идейную деградацию движения, произошел в связи с изданием в Москве прокламации, написанной Герасимом Романенко[135] и опубликованной на украинском языке за подписью по-русски «Исп. ком. Нар. Воли, 30 августа 1881 г.». Эта прокламация от имени ИК одобряла еврейские погромы, разразившиеся на юге России. В письме к Прибылевой-Корбе, находящейся в Тифлисе и возмущенной бульварным тоном документа, Тихомиров писал: «Если вы хотите знать мое личное мнение о прокламации, я скажу вам, что я очень против нее, но дело уже сделано»[136]. В свою очередь, такой казус неоспоримо свидетельствовал о падении влияния Тихомирова в ИК либо о его дистанцировании от большинства комитетских начинаний, в которые он не верил. Но в данном конкретном случае рискнем сделать еще одно предположение. Возможно, в случае с антисемитской прокламацией Тихомиров оказался не вполне искренним. Конечно, не могло быть и речи о том, чтобы он с идейной точки зрения одобрил призыв к еврейским погромам, но с точки зрения признания негативной социально-экономической роли, которую играл еврейский капитал в России, Тихомиров вполне мог «закрыть глаза» на прокламацию[137]. Он был убежден в значительности той роли, которую играла еврейская национальная буржуазия в эксплуатации русского трудового народа. Тем более, что, разделяя в это время взгляды Воронцова на искусственность российского капитализма, Тихомиров усматривал в интернациональной еврейской буржуазии проводников чуждой русскому народу экономической политики.

---

[134] *Тихомиров Л.А.* Тени прошлого. С. 297.

[135] Любопытна дальнейшая судьба Г. Романенко, закончившего свою политическую карьеру монархистом.

[136] *Прибылева-Корба А.П.* Народная воля. Воспоминания о 1870—1880 гг. С. 197.

[137] Отношение Тихомирова к приведенной прокламации раскрывает, в частности, Я.В. Стефанович, который, будучи членом ИК «Народной воли», в конце 1881 — начале 1882 г. свидетельствовал, что Тихомиров поддерживал уже написанное воззвание к народу, одобрявшее избиение евреев. См.: *Дейч Л.Г.* Яков Стефанович среди народовольцев // Группа «Освобождение труда». М.—Л., 1925. Вып. 3. С. 110.

И все же к концу 1881 г. он окончательно осознал, что с новыми людьми в «Народной воле» ему не по пути. Он воочию наблюдал не только падение идейного уровня движения, но и почти полную замену состава «великого ИК». На место духовно близких ему людей приходила молодежь, взгляды которой оказывались для него неприемлемыми. Так, например, позднее, уже в эмиграции, Г.Г. Романенко под фамилией Тарновский напишет брошюру «Терроризм и рутина». В ней он прямо выступит апологетом насилия, заявив: «Она, интеллигенция обязана — вынести на своих плечах политические свободы в России, пользуясь террором как средством»[138]. Противником столь узкоутилитарного подхода к революционной борьбе, да еще с абсолютизацией такого обоюдоострого средства, как террор, всегда выступал Тихомиров, боровшийся ранее с подобными же идеями, исходившими от Морозова. Подобные идеи, само собой, родились в голове Г.Г. Романенко и ему подобных не в одночасье. Несомненно, они дебатировались и на заседаниях ИК в Москве, и не миновали ушей Тихомирова. Тем не менее Льву Александровичу, вольно или невольно, приходилось работать с ними, к его мнению часто обращались как к мнению одного из корифеев «Народной воли», но в отсутствие испытанных товарищей хранить верность старому знамени оказывалось для него уже невозможным. «Они меня давно не понимали! Только Михайлов да Желябов несколько вникали в мою душу и мирились с тем, что я — *не они*, т.е. считали, что я хоть и особь (так в тексте, — *авт.*) статья, *но полезный* и по-своему прав», — так характеризовал он свое настроение в начале 1882 г.[139]

Ко всему прочему в Москве резко осложнилась полицейская обстановка — сказалась активная деятельность жандармского офицера Судейкина, признанного мастера политического сыска, и его не менее способного московского ученика А.С. Скандракова[140]. В начале 1882 года явную слежку за собой заметил и Тихомиров. Осознавая, что дальнейшие контакты с неопытным революционным подпольем для него смертельно опасны, он вместе в семьей в феврале 1882 тайно от всех снимается с места. Об отъезде семьи Тихомировых знали только старые испытанные товарищи — Оловенникова и Златопольский. По железной дороге они перебрались в Нижний Новгород, а оттуда по санному пути — в Казань.

Лев Александрович вспоминал, что от Нижнего до Казани они ехали не без волнения, но беспокоила их отнюдь не полиция. Обычная дорога была покрыта огромными обледенелыми ухабами и при езде по ним «тряска расколачивает все внутренности и просто выбивает душу из тела»[141]. Путешественники спустились на замершую Волгу и поехали по льду. «Но на Волге зато допекали меня полыньи. Помню, первый раз я заметил, что на снежной равнине реки подымается не то дым, не то пар. Спрашиваю ямщика, что это такое. Оказывается, это полынья, незамерзающая часть реки, вроде пруда или целого озерка. Отчего тут вода не замерзает — никто толком не знал. Говорили, что на дне реки есть в этих местах родники, напускающие сравнительно теплую воду. Мне трудно представить такие могучие родники. Не помню хорошенько где, кажется в Космодемьянске, я наблюдал из окна станции, с горы, огромную полынью. Это было целое озерко. Ключи должны бить со дна прямо речками, чтобы согреть такое большое пространство. Как бы то ни было, эти полыньи производили на меня самое гнетущее впечатление, тем более что дорога пролегала иногда очень близко к ним. Так и думаешь: "А что, если проломится лед?". Правда, полыньи были обставлены маленькими елочками, чтобы предостеречь путника или проезжающего. Но во-первых, елочки ночью или в метель совершенно незаметны, а во-вторых, рассказы передают немало случаев гибели саней с лошадьми и людьми, рухнувших в полынью. Незадолго до нашего проезда у каких-то приказчиков лошади чего-то испугались, помчались прямо на полынью, и в ее темной бездне моментально погибли все — лошади, сани и седоки. Мне чувствовалось каждый раз не по себе, когда близ дороги показывался этот "глаз Волги", как полынья называется по-черемисски. Кстати сказать, название весьма нелепое, по-

[138] Цит. по: *Тун А.* История революционного движения в России. Пг., 1920. С. 58.
[139] Воспоминания Льва Тихомирова. С. 140—141.
[140] Скандраков А.С. — начальник Московского охранного отделения.
[141] *Тихомиров Л.А.* Тени прошлого. С. 302.

тому что полынья нисколько не похожа на глаз, а скорее напоминает котел, из которого вечно поднимается пар. Как-то, под самыми Чебоксарами, пришлось нам объезжать полынью, идущую прямо от берега. Дорога проходила по самому краю ее, около воды. Я совсем перепугался и начал отстегивать полость, чтобы выскочить в случае, если сани поползут в воду. Ничего такого, однако, не случилось, а жена только подсмеивалась над моим испугом. Она вообще была храбрее меня в дорожных приключениях»[142].

Нужно было где-то останавливаться, но «в те времена на всем пути от Нижнего до Казани не было ни одного приличного городка»[143]. В селе Лысково гостиница была забита постояльцами. Чебоксары Тихомиров оценил, как «городишко... весьма захудалый»[144]. В Свияжске у его жены «приключилась болезнь, очень неудобная для зимнего путешествия, — сильное расстройство кишок»[145]. «Пришлось поневоле остановиться, и, пока она лежала на станции, я отправился на розыски врача. Такового, однако, в городе не оказалось. Думал пойти в аптеку, но и ее не оказалось.

— Как же вы тут живете без всякой медицинской помощи? — спросил я одного почтенного обывателя.

— Да что ж, батюшка, так и живем, все больше Божиим милосердием.

— Нет ли у вас хоть хорошего магазина, чтобы купить красного вина?

— Ну, это есть, магазин хороший, вино всякое найдете.

Пошел я в этот хороший магазин, и оказалось нечто невозможное. Вина были все безобразнейшие подделки под портвейн и тому подобные дорогие напитки. Достаточно было взглянуть на эту мерзкую бурду и грубые самодельные ярлыки, чтобы понять чисто местную фабрикацию этих якобы вин. Нечего было делать, купил бутылку, какая показалась менее сомнительной, но когда я ее откупорил и попробовал, то мог лишь с отвращением выплюнуть. Невозможно было давать больной эту отраву. Но во время странствий по городу я узнал, что в нем, собственно, есть аптека, только земская, отпускающая лекарства бесплатно, но исключительно деревенскому населению. Странный какой-то порядок. В своей крайности я решился, однако, попытать счастья и пошел искать земскую аптеку. Это оказалось нелегко. Помещалась она в захолустье, почти за городом, а жители Свияжска, не имея с ней дела, не знали, где она находится. В конце концов я ее все-таки нашел.

Там, в помещении, нисколько не похожем на аптеку, сидели какие-то барышни и молодые люди, которые сначала наотрез отказались отпустить мне что бы то ни было. Но я взмолился с красноречием отчаяния, и сердца барышень тронулись. Одна побежала просить разрешения врача, к счастью, бывшего поблизости, и я с торжеством вернулся домой со склянкой микстуры из висмута с опием.

Чтобы дать жене время полечиться, нам и пришлось заночевать в Свияжске, так что мы пробыли в этом дрянном городке чуть не целые сутки»[146].

Наконец, Тихомировы добрались до Казани, где прожили довольно долго. «Требовалось только пережить достаточно времени, чтобы московская полиция совершенно потеряла мой след и привыкла к мысли, что меня искать негде и нужно спокойно ждать, пока я сам вынырну из своего неведомого убежища в сферу поднадзорного радикализма», — вспоминал он[147]. Пребывание в Казани было заполнено плодотворной литературной работой и тягостными размышлениями о дальнейшей судьбе. Оценивая современное состояние революционного лагеря и его возможности, он пришел к неутешительному выводу о том, что «возобновить прежнюю деятельность нельзя и любые попытки к этому абсурдны и смешны». Главный же вывод, сделанный им, заключался в том, что пытаться наличными революционными силами осуществить в настоящий момент в стране идею политического заговора — это самоубийство. Понимал он и то, что ему с семьей, по сути, некуда возвращаться: в

---

[142] *Тихомиров Л.А.* Тени прошлого. С. 302—303.
[143] Там же. С. 304.
[144] Там же. С. 305.
[145] Там же.
[146] Там же. С. 305—306.
[147] Там же. С. 307.

России его ждали неминуемый арест и виселица. Семейство Тихомировых начинает всерьез подумывать об эмиграции. Лев Александрович вспоминал: «Единственное, чего я хотел настойчивее с каждым днем, — это уединиться, вдуматься в дело, которому служил, пересмотреть все, чему веровал... И вот у меня стала являться мысль об эмиграции... До сих пор я не помышлял ехать за границу. Теперь эмиграция в Европу стала представляться мне единственным средством уяснить себе свои русские задачи»[148]. Знал бы тогда Тихомиров, как далеко зайдет этот его пересмотр собственных взглядов. Жена поддержала его мысль об эмиграции и «со свойственной ей практичностью погрузилась в соображения, каким способом устроить... отъезд»[149].

Рождается план активизировать сотрудничество с редакцией «Дела», получить через Шелгунова и К.М. Станюковича за написанные статьи деньги, а возможно, и аванс за будущие работы, и на вырученные суммы обеспечить отъезд за границу. Приняв такое решение, Тихомировы вновь возвращаются в Москву. Шелгунов действительно близко к сердцу принял проблемы Тихомирова и выразил готовность принять от него статьи по любой тематике. Оплату литературных трудов Тихомирова организовали по очень высокому тарифу — из расчета 65 рублей за редакторский лист (для сравнения отметим, что в свои лучшие годы столько получали Чернышевский и Писарев).

В Москве Тихомиров узнает, что не одинок в своем решении отбыть в эмиграцию. Уезжает за границу и лучшая подруга Екатерины Дмитриевны — Оловенникова. Старые дружеские связи, которые соединяли ИК и семью Тихомировых, прервались окончательно, а сам он совсем отошел от активной революционной деятельности. «Ясно было также, что с такими отбросками, мальчишками и ограниченными людьми, которых мы имели, ничего нельзя было делать. От этого можно было бы притти в отчаяния. Но у меня не было отчаяния ни на волос, потому что я верил не в нас, а в Россию; Россия же, на мой взгляд, была здорова и оживленна. Не годились только мы», — так характеризует он те силы, которые остались в России[150]. Ничто более не держало Тихомирова в Москве, и, получив все необходимые сведения и явки, он с семьей поспешил убраться из города, переехав на юг, в Харьков. Дочь решили не брать в неизвестность, ее оставили у родителей Екатерины Дмитриевны[151]. Отъезд Тихомировых из Москвы произошел весьма своевременно. Летом 1882 г. в Москве, а затем и в Петербурге произошли большие аресты. Благодаря оперативности Судейкина и его агентов в тюрьму попали Прибылева-Корба, Грачевский, Теллалов, Стефанович, а всего аресту подверглись более сотни революционеров[152]. Усердие подполковника не осталось незамеченным. За поимку Грачевского Судейкин получил пятнадцать тысяч рублей, а в дальнейшем его удостоил личной аудиенции император[153].

На юге увидела свет очередная журнальная статья Тихомирова «В защиту интеллигенции», подписанная псевдонимом «И. Кольцов»[154]. Он начинал с напоминания о том, «сколько обвинений сыпалось со всех сторон на злосчастную интеллигенцию, как одни уговаривали ее исправиться, другие, более решительные, прямо приговаривали к упразднению» и казалось, «что против нас поднимается поголовно вся Россия». Основным тезисом статьи явилось утверждение о внесословности русской интеллигенции и разделении понятий «образованный класс» и «интеллигенция». По мысли Тихомирова, водораздел между этими социологическими категориями пролегает в определении целей общественной деятельности: «Общественное благо — вот цель, одушевлявшая духовных отцов

---

[148] *Тихомиров Л.А.* Тени прошлого. С. 309—310.

[149] Там же. С. 310

[150] Воспоминания Льва Тихомирова. С. 138.

[151] Японский исследователь Харуки Вада, ссылаясь в своей работе на ГА РФ (Ф. 102. 3-е д-во. Д. 545. Т. 1. Л. 24), предполагает, что дочери Тихомирова были двойняшками и обе родились в 1880 г. См. подр.: *Wada H.* Lev Tikhomirov: His Thought in his years, 1913—1923. Однако, можно полагать, что первая дочка родилась вскоре после венчания, в 1880, а вторая — в ноябре 1881 года, т.к. как в мемуарной литературе (например, у В.Н. Фигнер) есть указания на рождение первого ребенка, а не на двойню. Вопросы, связанные с жизнью и судьбой детей Тихомировых — Веры, Надежды и Николая слабо освещены и требуют дальнейшего изучения. В большей мере воссоздана биография Александра Тихомирова (о. Тихона).

[152] *Троицкий Н.А.* Процесс 17-ти // Советское государство и право. 1983. № 6. С. 101.

[153] *Троицкий Н.А.* Царизм под судом прогрессивной общественности... С. 33.

[154] *Кольцов И.* В защиту интеллигенции // Дело. 1882. № 4. С. 1—32.

современной интеллигенции, заставлявшая их погружаться в науку, руководившая их практической деятельностью», а значит, объединяющий элемент внесословной интеллигенции — не материальный интерес, а нравственная идея. Задачу интеллигенции Тихомиров усматривал в формулировании идеала общественной правды, остроумно замечая, что «газету читать еще не есть дело интеллигенции, ее дело, если уж на то пошло — скорее создавать, формулировать и проводить идеал общественной правды». Под идеалом общественной правды интеллигент, по мысли Тихомирова, понимает интересы народа. Именно отстаивание интересов общественной правды порождает современного интеллигентного подвижника, роль которого виделась Тихомирову в следующем: «Он везде первый, не думая о своих выгодах и удобствах, отзывается на каждый запрос времени. Конечно, многие из попыток интеллигентного человека оказываются несвоевременными, неудачными. Но зато он же укажет тысячи своевременных и удачных... Много благородных сил было уложено, например, в "несвоевременных" попытках объединения Италии, но без них Италия до сих пор бы оставалась "географическим термином". Вообще в деле практического воплощения своих задач интеллигенция по своей малочисленности без поддержки масс не может сделать многого, но в качестве неуничтожимого фермента и постоянного инициатора она играет огромную роль в жизни народов». По мнению Тихомирова, разложение общества началось, и потому интеллигент-подвижник необходим «как одно из главнейших условий для прекращения начавшегося разложения»[155]. Согласимся с мнением В.А. Малинина, который, опираясь на последнюю сентенцию Тихомирова, утверждал, что на этой идеалистической посылке Тихомиров пытается строить целую социальную философию[156]. Его подвижник, то есть народоволец, не только будил общественное чувство и призывал к правде, как это делала интеллигенция 1860-х гг., но и указывал практические способы осуществления этой правды. В подцензурной печати, конечно, нельзя было озвучить эти практические способы, но после 1 марта 1881 г. они становились ясны каждому, кто способен был мыслить и анализировать. Таким образом, углубляя и развивая положения демократической журналистики 60-х гг. о роли интеллигенции в обществе, Тихомиров обосновывал идею об интеллигенте-практике, в которой четко просматривалось модифицированное представление о мыслящем реалисте, критически мыслящей личности, первоначально выдвинутое в литературе 60-х гг.

Еще одна тема, которую активно развивал Тихомиров, — это экономическое развитие страны. Можно согласиться с мнением Твардовской о том, что демократическая журналистика конца 70-х — начала 80-х гг. XIX в. была насыщена материалами о роли государства в деле насаждения капиталистических отношений в экономической жизни России[157].

Выше уже говорилось об увлечении Тихомирова идеями публициста Воронцова, отстаивавшего положение об искусственности русского капитализма и верящего в безграничные возможности общинного уклада жизни. Эти мотивы особенно отчетливо стали прослеживаться в послемартовский период в народовольческой публицистике Тихомирова. Вот, например, что можно было прочитать в передовице № 6 «Народной воли» за октябрь 1881 г.: «Слабость буржуазии у нас достаточно раскрыта новейшими исследователями (В.В. Воронцовым, — *авт.*) по вопросу о нашем капитализме. Русский буржуа остается до сих пор хищником, капитализм как система производства не имеет у нас будущности и выражается не в социализации труда, а в простом разобщении народа от орудий труда»[158]. Аналогичные мысли развивались им и в легальной прессе. В ней, обращаясь к истории русской промышленности, он останавливался на тех мерах, которые употребило правительство для развития крупного производства.

Результат правительственной политики Тихомиров видел и в развитии городов. Так, в очерках «С низовьев Дона» на примере Ростова-на-Дону, куда он с семьей перебрался из Харькова как в более

---

[155] *Кольцов И.* В защиту интеллигенции // Дело. 1882. № 4. С. 1—3, 25, 27.

[156] *Малинин В.А.* История русского утопического социализма... С. 171. См. также сравнительный анализ статьи Тихомирова «В защиту интеллигенции» и его последующих оценок интеллигенции: *Балуев Б.П.* Споры в конце XIX века о роли интеллигенции в исторических судьбах России // В раздумьях о России (XIX век) / Отв. ред. *Е.Л. Рудницкая.* М., 1996. С. 312—313.

[157] *Твардовская В.А.* Социалистическая мысль на рубеже 1870—1880 гг. С. 60—61.

[158] Литература партии «Народная воля». С. 133.

безопасное место[159], публицистом живописуется так называемый «кулацкий тип» города, который развился самовольно[160]. Такому типу городов противопоставлялся старый порт Таганрог, захиревший без государственной поддержки. Самостоятельно же возникающие города наподобие Ростова, Юзовки или Иваново-Вознесенска, по мысли Тихомирова, в России большая редкость. Рассматривая эти очерки, хотелось бы обратить внимание и на другой момент. В этом цикле статей публицист наиболее остро и ярко поставил перед читающей аудиторией вопрос о существовании в России, хоть и в зачаточной форме, рабочего вопроса. Не жалея черных красок, он изображал ужасающие условия труда и быта рабочих в Ростове, восклицая, что при существующей правительственной политике, при поддержании только охотников за «золотым тельцом», Россия в скором времени рискует получить «язву пролетариатства» еще в более худших формах, чем на Западе[161]. Причем во многом такое ужасающее положение рабочих Тихомиров связывал с деятельностью еврейской буржуазии. То есть можно говорить о том, что уже в тот период происходит формирование антисемитских взглядов Тихомирова, которые впоследствии, когда он перейдет в монархический лагерь, найдут выражение в его статьях, и еще в большей мере — в дневнике и письмах. Так, затрагивая вопрос о еврейской буржуазии и о погромах, прошедших на юге страны в конце 1881 г., он писал: «Часто евреи, к сожалению, просто сами вызывают на драку. Нужно посмотреть, как, например, обходятся содержатели кабаков и харчевен с рабочими, в душе иной раз досада берет. Грубо, дерзко кричат, насмехаются, обращаются буквально, как с рабами своими... Вообще, нужно сказать, в Ростове они, евреи, ужасно неприятный народ, и защищать их от нападения, которое в сущности часто не более, как самозащита, — по всей вероятности, составляет очень тяжелую обязанность»[162].

Характеризуя в целом социально-экономические воззрения Тихомирова того периода, остановимся на следующей схеме: своеобразие российского государственного устройства проявлялось, как он полагал, в самодовлеющей силе государства и его изолированности от большинства социальных групп населения страны. А это в свою очередь приводило к тому, что правительство в стране, не имеющей полноценного третьего сословия, попыталось создать его искусственно, а, следовательно, оно нежизнеспособно. Отсюда и уверенность в том, что альтернативой капитализму и кулаку является широкая сеть кустарных промыслов и общинный уклад жизни.

Перед своим отъездом за границу в конце 1882 г. Тихомиров отправил в редакцию журнала «Дело» статью «Общественность в природе», на которую исследователи, к сожалению, практически не обращают внимания, хотя сам автор даже в период своего идейного перевоплощения считал ее одной из лучших. Много позже, 5 декабря 1888 года, он писал Новиковой, что о статье «Общественность в природе» могут «сказать что угодно, только не обвинять в заимствовании. О ней упоминает Кареев в "Истории философии". И доказательство моей оригинальности, что Кареев ничего не понял у меня, хотя и отзывался с уважением»[163]. Достаточно сказать, что некоторые из положений, высказанных в этой статье, были впоследствии использованы Тихомировым в работе «Монархическая государственность». Лейтмотив статьи неизменен — проблема общества и неразработанность критериев для его изучения из-за отсутствия научной социологии. Автор подчеркивал: «Вместе с тем... следует признать, что общественность как социологический закон мало понятна для нас»[164]. В статье четко просматривается естественно-научная, дарвинистская подкладка философских воззрений Тихомирова. Многие явления из жизни живой природы он проецирует на объяснение развития человеческого общества, указывая, что «борьба за существование — это такой принцип развития, который вполне доказан во всех процессах жизни. Можно быть заранее уверенным, что

---

[159] *Тихомиров Л.А.* Тени прошлого. С. 317.

[160] *Кольцов И.* С низовьев Дона // Дело. 1882. № 8. С. 285—312; № 9. С. 69—96; № 10. С. 55—86.

[161] *Кольцов И.* С низовьев Дона // Дело. 1882. № 8. С. 290—291. В этой связи нельзя согласиться с утверждением, что «в статье "С низовьев Дона" не было ничего революционного. Так, организация рыболовных артелей» / *Поляков А.П.* Великаны сумрака // Молодая гвардия. 2010. № 11/12. С. 61.

[162] *Кольцов И.* С низовьев Дона // Дело. 1882. № 9. С. 78.

[163] РГАЛИ. Ф. 345. Оп. 1. Д. 746. Л. 70 об. — 71.

[164] *Кольцов И.* Общественность в природе // Дело. 1882. № 12. С. 46.

общество, если оно только действительно составляет некоторый закон органического мира, непременно должно иметь какое-нибудь отношение к борьбе за существование»[165].

Биологизаторские нотки (именно нотки, но не более![166]) звучали в статье, да и сам подбор авторов, на которых ссылается Тихомиров, говорит об этом: А. Эспинас, А. Брем, Д.-Г. Льюис, Ж. Перье, Э. Геккель, К. Линней, В.-В. Карпентер, труды позитивистов-социологов Г. Спенсера, А. Фулье. Из текста явствует, что особое впечатление на Тихомирова произвел труд Альфреда Виктора Эспинаса «Социальная жизнь животных». Тем не менее, Тихомиров творчески интерпретировал идеи представителей социологического направления, грубо проецировавших жизнь животного мира на человеческий социум. Он выступил против простых механических попыток применить к развитию общества биологические принципы, предостерегая, что «попытка приложить к обществу биологический способ организации погибнет измором, так как ведет общество к расчленению, слабости и смерти»[167].

Тихомиров развивал мысль о том, что только личность лежит в основе общества. Отсюда вытекала, по его мнению, и основная задача для общества — выработка такого типа организации, в основе которой в первую очередь должно лежать развитие личности. «Этот новый тип личности можно назвать социологическим, в отличие от биологического, господствующего до тех пор в органическом мире», — полагал автор[168]. То есть публицист, перенеся на развитие ранних стадий человеческого общества ряд биологических законов, рассматривал его эволюцию в сторону более совершенной организации, где законы биологические должны быть замещены законами социологическими. Поэтому вся история развития и становления человеческой цивилизации, как явствовало из его статьи, — это борьба биологического и социального в организации жизни общества. А так как запросы личности вырастают, то постепенно увеличивается социологический тип организации жизни общества. Заключал статью Тихомиров именно таким выводом: «История человеческого общества с ее кастами, рабством разных видов и до настоящего времени представляет нам образчик этой борьбы социологического типа с последними чуть видными отголосками биологического принципа»[169].

Статья «Общественность в природе» стояла особняком в творчестве Тихомирова. Это была своего рода квинтэссенция его философского мировоззрения. Отмечая в ней, впрочем, как и в ряде других сочинений, тот факт, что общественная наука у нас находится в зачаточном состоянии, Тихомиров не довольствовался только наработками популярной тогда позитивистской школы. Он пытается развить положения позитивизма, отойти от натуралистического подхода к явлениям общественной жизни, представленным органической школой в социологии и социальным механицизмом. Сторонники этого направления пытались объяснить общественную жизнь и поведение человека, распространяя на них только законы и закономерности, установленные в физических (естественных) науках. Не довольствуясь этим, Тихомиров рассчитывал поставить науку об обществе на качественно иной уровень на основе использования новых знаний о личности и обществе. Работая в этом ключе, большое внимание он уделял знакомству с человеческой психикой и психологией вообще, хотя и сетовал на «жалкое» состояние психологии. Представляется, что интерес к последней был во многом

[165] *Кольцов И.* Общественность в природе // Дело. 1882. № 12. С. 48.

[166] В этот и последующий после обращения к консерватизму периоды жизни Тихомирова нельзя однозначно отнести к сторонникам биологизаторского и т.б. расового подхода. В этой связи хотелось бы исправить ошибку, допущенную М. Васьковым. В рецензии на монографию Репникова «Консервативные концепции переустройства России» он, ссылаясь на эту книгу, отмечает: «В среде русских консерваторов существовал — пусть и менее распространенный — биологический и расовый подход к пониманию нации. Сторонники этого направления делали акцент на нации, а не на народности. В принципе, этот подход был характерен для германских идеологов консерватизма. В числе российских консерваторов особенно заметными сторонниками биологического подхода являлись бывший революционер-народник Л.А. Тихомиров и М.О. Меньшиков (С. 305)» // *Васьков М.* [Рецензия] С. 568. Однако, на упомянутой рецензентом 305 странице монографии Репников, вопреки написанному Васьковым, отнюдь не утверждает, что Тихомиров являлся «сторонником биологического подхода», а просто цитирует мнение историка И.В. Омельянчука, приводя его (а, отнюдь, не свою) классификацию. Некорректно выглядит критика одного историка за взгляды другого историка, а если Васьков не согласен с приведенным утверждением, он может полемизировать с Омельянчуком.

[167] *Кольцов И.* Общественность в природе. С. 55.

[168] Там же. С. 68.

[169] Там же. С. 69.

навеян Тихомирову работами Михайловского (в 1882 г. вышла его работа «Герои и толпа», в которой была предпринята попытка выяснить психофизиологический механизм всяких массовых действий). В целом же поиски Тихомировым новационных подходов к изучению общества и созданию истинной общественной науки находились еще в зачаточном состоянии. Он и сам признавал это. В его позднейшей переписке с Новиковой мы можем найти строки, в которых он отмечает, что работа «Общественность в природе» это «вещь совершенно незрелая. Я ее писал чуть не плача, что она еще не созрела у меня в голове»[170]. Статья оказалась последней, написанной Львом Александровичем в России, и в свет она вышла, когда он уже находился в Швейцарии.

В начале августа 1882 г. через Анастасию Осинскую[171], подругу Екатерины Дмитриевны, удалось достать заграничные паспорта и начать подготовку к отъезду. Тихомиров страшно нервничал. Он сбрил бороду и баки, чтобы изменить внешность. Ситуация усугублялась не столько опасностью ареста, сколько тем, что в семействе ожидалось рождение третьего ребенка (им окажется мальчик). Решено было ехать раздельно, дабы не подвергать опасности ареста супругу.

Тихомиров вспоминал, что, погрузившись в поезд, воспринимал все несколько отстраненно: «Единственный момент, захвативший было меня интересом, — это переход самой границы. "Вот русская граница", — сказал какой-то попутчик. Я бросился к окошку. С этим словом — "граница", пока ее ни разу не видал, воображение соединяет нечто чуть не грандиозное. Оказался истинный мизер. Перед нами узенький ровчичек, которого бы и не заметил, если бы не сказали, что это граница двух держав. По обе стороны ровчичка широкая полоса абсолютно пустой земли; это нейтральная полоса, русская и австрийская, осужденная на безлюдие. С той и другой стороны ее сиротливо торчат двое часовых — наш и австрийский. Я чуть не плюнул от разочарования. Но зато после этого тотчас начались новые, уже настоящие заграничные впечатления. Мы двинулись наконец на австрийском поезде[172].

Тихомиров, впервые выезжавший за пределы Империи, впитывал в себя эти новые впечатления: «Не успеешь устроиться в вагоне или заснуть, как уже тебя тревожат. Оказывается, что тут какая-то граница, какая-то новая страна, что-то осматривают, допрашивают, а то и заставляют переходить в другой поезд. Это мне страшно надоедало, и невольно думалось: "То ли дело у нас в России: сядешь в поезд, едешь тысячу верст, две тысячи, три тысячи — и все одна страна, никаких границ, никто тебя не тревожит". Вероятно, из-за этих закрытых купе у меня уже не оказывалось русских попутчиков, кроме той барышни, с которой мы переехали границу. От скуки и под влиянием какой-то разгильдяйной веселости, которая меня обуревала все время, я снова начал за ней ухаживать, да и она стала ко мне очень ласкова. Глупо все это было до нелепости, но очень быстро кончилось по-хорошему. Начали мы расспрашивать друг о друге, и барышня особенно осведомилась о состоянии моих финансов. Я очень весело объяснил, что у меня нет ломаного гроша и что я вообще еду за границу в качестве голи перекатной. Тогда она со своей стороны рассказала, что она ищет богатого покровителя и едет в Невшатель, где имеется один такой господин, который, однако, ей крайне не нравится <...> После этих объяснений мы с ней уже без всякого ухаживания, но очень дружески, словно мы давно знакомы, продолжали совместный путь в разговорах до самой Вены, сожалея о ее невшательских перспективах и о том, что я не могу ей указать никакой более приятной добычи. В Вене мы расстались, она, вероятно, проследовала дальше... мне же необходимо было остановиться, чтобы, согласно уговору, известить жену о благополучном переезде границы и дать ей время выйти мне навстречу в Женеве, где она находилась»[173].

О состоянии Тихомирова говорит тот факт, что, остановившись в Вене, он проспал более суток, пропустив два поезда до Женевы — конечного пункта «путешествия». В результате «пришлось ознакомиться с Веной. Вечером шлялся по городу, утром и целый день тоже. Город мне понравился.

---

[170] РГАЛИ. Ф. 345. Оп. 1. Д. 746. Л. 51 об.

[171] *Осинская Анастасия Андреевна* — родная сестра Валерьяна Андреевича Осинского, пропагандиста и террориста-южанина, повешенного 14 мая 1879 года в Киеве по приговору суда.

[172] Тихомиров Л.А. Тени прошлого. С. 320.

[173] Там же. С. 321–322.

Живой, веселый, культурный»[174]. Поражали «превосходные мостовые, вычищенные, словно их мыли и подметали. В этом лабиринте средневековых улиц находился Штефанц-платц, площадь Святого Стефана, маленькая, чуть не вся занятая поразительным собором Святого Стефана. Из всех соборов, какие потом видел в Европе, ни один не производил такого чудного впечатления. Не берусь его описывать: как описать пером красоту? Высокий, стройный, ажурный, грациозный настолько же, как грандиозный, собор Святого Стефана составляет истинное чудо строительного искусства. Я любовался им до восхищения...»[175]. Сев в Вене на поезд, Тихомиров проследовал дальше. По дороге, остановившись на два часа в Мюнхене, выпил баварского пива, и к ночи поезд подъехал к последнему немецкому городу Констанцу, на берегу Баденского озера. «На противоположном берегу начиналась Швейцария — уже настоящая страна свободы»[176]. На ночь пришлось остановиться в Констанце, где на утро Тихомиров осмотрел город, показавшийся ему захолустьем, и отведал местного пива. Потом была переправа через Баденское озеро и швейцарский поезд.

На станции в Женеве он сошел с поезда. Начинался новый этап в его жизни, и именно там, в спокойной и мирной Швейцарии, в окружении обывателей, поглощавших пиво с сосисками, жизнь Тихомирова окажется наполненной невеселыми размышлениями о своей дальнейшей судьбе и предназначении.

[174] Воспоминания Льва Тихомирова. С. 143.
[175] *Тихомиров Л.А.* Тени прошлого. С. 322—323.
[176] *Тихомиров Л.А.* Тени прошлого. С. 324.

Глава V

ВНЕ РОССИИ (1882–1884)

Нет родины — и все кругом неверно,
Нет родины — и все кругом ничтожно,
Нет родины — и вера невозможна,
Нет родины — и слово лицемерно,
Нет родины — и радость без улыбки,
Нет родины — и горе без названья,
Нет родины — и жизнь, как призрак зыбкий,
Нет родины — и смерть, как увяданье...
Нет родины. Замок висит острожный,
И все кругом ненужно или ложно.

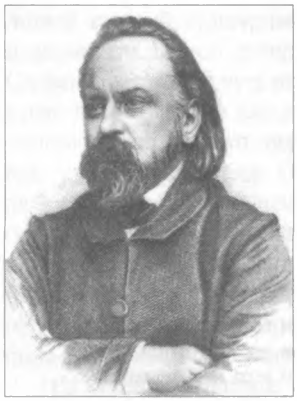
Савинков Б.В.[1]

Своей жены на Женевском вокзале Тихомиров не увидел. Из-за его неожиданной задержки в Вене, когда он проспал более суток, Екатерина Дмитриевна дважды понапрасну выходила встречать мужа, но так и не встретила. Льва Александровича встречал его товарищ еще по «процессу 193-х» И.И. Добровольский, земский врач и активный революционер-пропагандист, приговоренный в 1878 году к девяти годам каторжных работ и бежавший за границу. Именно на квартире доктора Добровольского временно остановилась приехавшая раньше Екатерина Дмитриевна. С пребывания в этой неустроенной квартире и началась эмигрантская эпопея Тихомировых.

Позже Лев Александрович напишет: «Было бы долго, да и едва ли я имею всегда на то право, говорить об обстоятельствах, которые определили такое, а не иное поведение мое за границей. Скажу одно: это самое отвратительное время моей жизни. Это единственная эпоха, когда кружковщина, заедающая вообще всю живую силу в наших quasiпартиях, могла меня связать и полонить. Конечно, на то были свои причины, и именно долг, рутинный партийный долг, который животворит человека в живом деле, но, сказываясь по отношению к делу умирающему, напоминает грехи, наказуемые до седьмого поколения. Действительность мне давала потрясающие указания. Но чтобы ими пользоваться, нужно иметь ум и совесть свободно функционирующими, нужно позволять себе думать и чувствовать, а этого-то и не было, как нет нигде в партиях, а уж особенно в наших. Я утешал себя мыслью, что, находясь в рядах партии, буду лучше способствовать ее пересозданию. Какое самообольщение! Выходило, конечно, лишь то, что я себя подчинял, сам молчал, да и думал гораздо меньше, чем следовало бы, мешая думать и другим»[2].

Первые впечатления от пребывания в русской эмигрантской колонии оказались не из приятных, особенно поразила Тихомировых неустроенность быта приютившего их семейства. Добровольские жили очень бедно, в основном за счет редких поступлений от врачебной практики, а преимущественно в надежде на денежные займы у друзей, естественно, без отдачи. И такая жизнь вовсе не являлась чем-то особенным для русских эмигрантов. Нанеся визит чете Плехановых, Тихомировы увидели похожую картину. Плехановы снимали квартирку на нижнем этаже дрянного дома, а в быту руководствовались принципом «сегодня густо, а завтра пусто» — сказывалась, видимо, широта русской

[1] *Савинков Б.В. (Ропшин В.).* То, чего не было. С. 710.
[2] *Тихомиров Л.А.* Критика демократии. С. 30.

А.И. Герцен

натуры, всегдашняя интеллигентская неприхотливость и неумелость в быту. Супругу Льва Александровича, женщину очень практичную, шокировали беспорядочные траты Плехановых по хозяйству и то, как эта «образцово беспорядочная» пара вела свою семейную бухгалтерию: «По хозяйству оба не занимались и ничего не смыслили. Издерживали они очень много денег, а жили грязно, беспорядочно и скудно»[3]. Тихомиров явно сочувствовал Плеханову, которому жена «была плохой помощницей. Погруженная в свои лекции, она не занималась домашним хозяйством... В лавочках на них насчитывали лишние деньги, и писали в заборных книжках неимоверное количество продуктов. Между тем Женевские торговцы старались сохранять репутацию добросовестности, и им нужно было очень твердо убедиться в невнимательности и безответственности клиентов для того, чтобы решиться так бесцеремонно их грабить»[4].

Уже при первом рассмотрении Тихомиров отметил, что в эмиграции существует некий «осадок» полных неудачников, выброшенных из жизни, которые возбуждают в окружающих их людях глубокую тоску и жалость. Он не мог тогда предположить, что вскоре бремя нищеты ляжет и на его семью. Пока у него были другие заботы — необходимость обустраиваться самим, т.к. в скором будущем ожидалось прибавление в семействе и «нужно было немедленно устраивать себе какой-нибудь приют для родов Кати»[5]. В женевском предместье быстро удалось снять две небольшие и неприхотливые комнатки, «квартира была неважная, бедноватая и грязноватая, во втором этаже»[6]. 28 августа 1882 года, спустя две недели после приезда, на свет появился первый сын Тихомирова, названный в честь деда Александром. После хлопот по обустройству, связанных с появлением ребенка, Тихомировы постепенно завязали более тесные отношения с эмигрантской колонией. В основном это делалось через Плехановых. Нужно отметить следующую особенность, затрудняющую жизнь русских революционеров в эмиграции, — это глубокая ее изолированность от жизни местного общества. В свою очередь, отсутствие знакомств и связей в местной среде значительно затрудняло адаптацию подавляющего большинства эмигрантов к окружающей их жизни. В подобную ловушку попали и Тихомировы.

Сам Лев Александрович не имел никаких подлинных документов и проживал в Швейцарии как Василий Игнатьевич Долинский. По местным же законам, например, для того, чтобы засвидетельствовать рождение ребенка и выправить на него метрику, было нужно поручительство хотя бы одного члена местной муниципальной общины. На помощь пришел А.Л. Эльсниц, тогда уже являвшийся членом одной из женевских общин и имевший возможность похлопотать за ребенка. В целом же организация жизни в Швейцарии поразила Тихомирова своей чрезвычайной устроенностью и размеренностью, а также отсутствием «порыва» к чему-нибудь лучшему. Эта умеренность и нежелание ничего менять вызывали раздражение у большинства русских политических эмигрантов. Вообще малые страны Европы не отвечали размаху русского человека, желающего облагодетельствовать сразу «все человечество». Отсюда непонимание русских и их устремлений большинством европейцев, воспитанных в традициях протестантской этики и чуждых мессианских идей. Эту несочетаемость жизненных устремлений русских и европейцев отмечал еще Герцен, оставивший в одном из своих сочинений психологически точную зарисовку о том, как жители германских княжеств оценивали пребывание на их территории в годы революции 1848 года Бакунина. Большинство из них искренне полагали, что он специально послан русским царем, чтобы нарушить спокойное течение их жизни.

---

[3] Воспоминания Льва Тихомирова. С. 92.

[4] *Тихомиров Л.А.* Плеханов и его друзья. Из личных воспоминаний / Пред. и прим. *П.С. Попова*. Л., 1925. С. 29–30.

[5] *Тихомиров Л.А.* Тени прошлого. С. 331.

[6] Там же.

Женева, площадь Бель эр, фото 2-й полов. XIX в.

Как пример несовпадения этнических темпераментов и устремлений показательна нелюбовь Плеханова к швейцарцам. В воспоминаниях Тихомирова приводится такой случай: «Раз как-то у нас зашла речь о болотистой долине верхней Роны, что в населении очень распространен зоб, сопровождаемый идиотизмом. "Да швейцарцы все такие, — прервал меня Плеханов, — все равно и здесь такие же идиоты, только зоба нет"»[7]. Тихомиров приводит и еще один случай. Плеханов якобы рассказывал ему: «Раз как-то... проходил я за городом, и вижу — из леса вышла группа крестьян (французских). Я невольно загляделся. Что за типичные фигуры: скрюченные, руки и ноги какие-то изогнутые! Они мне совершенно напомнили стадо горилл или орангутангов»[8].

Мнение Тихомирова в отношении иностранцев немногим отличалось от Плехановского, и уже после первых месяцев умиротворения Льва Александровича стала тяготить провинциальность и даже некоторая биологичность жизни в Женеве, хотя первоначально семейство буквально упивалось покоем, чувством полной безопасности и красотами альпийской природы. Тем более, что, в отличие от большинства эмигрантской братии, материальных проблем Тихомировы в тот период не испытывали. Лев Александрович имел твердые гарантии от редакции журнала «Дело». По договору с Шелгуновым он имел жалованье по 100 рублей в месяц из расчета покрытия его журналистской работой с оплатой по 65 рублей за печатный лист. Это составляло около трехсот франков в месяц. В дешевой Женеве, да еще при сметливой и бережливой жене, таких средств было более чем достаточно, и в первое время супруги вели спокойную жизнь рядовых обывателей, стремились «не путаться в политику» и не влезать в эмигрантские дрязги.

Первоначально общение Тихомировых ограничивалось лишь кругом старых знакомых. Связь поддерживалась с семейством Плехановых, а также с Эльсницами и Н.И. Жуковским, эмигрантом еще герценовской волны. Активно переписывались с Оловенниковой (Ошаниной), проживавшей в Париже под фамилией Полонской. Выехав за границу, Тихомиров отнюдь не спешил наладить отношения с официальным представителем «Народной воли» за границей Л.Н. Гартманом, находившимся после высылки его из Франции, по требованию царского правительства, в Лондоне. Пренебрег он и общением с В.И. Иохельсоном (Голдовским), взявшим на себя миссию представлять народовольчество в Женеве, чем вызвал большую обиду последнего.

[7] *Тихомиров Л.А.* Тени прошлого. С. 335.

[8] *Тихомиров Л.А.* Плеханов и его друзья. Из личных воспоминаний. С. 35—36.

Основное занятие Тихомирова в рассматриваемый период — это литературная работа. Она давала ему тогда и твердый заработок, и некоторую уверенность в завтрашнем дне. Для характеристики жизни, быта и эмоционального состояния Тихомировых в период сотрудничества Льва Александровича в русских легальных журналах любопытно свидетельство Сухомлина, посетившего их летом 1883 года. Он вспоминал: «Тихомиров с женой и детьми жил в красивой горной местности, в простом сельском шалэ. Он и жена встретили нас радушно, с русским гостеприимством, прежде всяких разговоров накормив и напоив нас чаем. Хотя жена Тихомирова (урожденная Сергеева), как я впоследствии узнал, считалась членом Исполнительного комитета, — она ни в какие деловые разговоры со мной не вступала <...> Сам Тихомиров, как человек мне чрезвычайно понравился — подкупала простота обхождения, отсутствие всякого "генеральства". По внешности это был типичный русский интеллигент из семинаристов или разночинцев. Впоследствии всякий раз, когда мне попадалась на глаза фотография Достоевского, у меня воскресал в памяти образ Тихомирова, каким я его видел в Швейцарии. В лице его было какое-то неуловимое сходство с Достоевским[9] — не чертами лица, но типом и выражением <...> Он много работал, составляя статьи для легальных журналов, дававших ему средства к жизни, но все же проводил со мною ежедневно несколько часов в совместных прогулках по окрестностям <...> Он рассказывал мне много интересного о своих переживаниях и с любовью вспоминал погибших товарищей <...> Эти беседы оставили во мне впечатление, что Тихомиров — человек глубоко несчастный, что его непрерывно и постоянно грызет тоска, с которой он борется, но которая его не оставляет»[10]. Тихомиров, как личность, обладал, безусловно, притягательной силой и некоторым казалось, что в нем скрыта загадка. Так, философ Русского зарубежья Г.П. Федотов писал про то, как «"ренегаты", среди них *загадочный* (выделено нами, — *авт.*) Лев Тихомиров, редактор "Народной воли", кончают православием»[11]. Интересно сравнить это мнение с мнением историка Е.В. Тарле, который, читая «Воспоминания Тихомирова» — «скорбного, но подлого полупрохвоста», в начале 1950-х годов писал одному из своих корреспондентов: «Без этого типа 80-е годы были бы неполны и Чехов был бы неполон»[12].

Итак, пока для эмигранта-Тихомирова все складывалось относительно благополучно. Осенью 1882 г. он отправил в редакцию «Дела» очередную статью, написанную на основе еще свежих впечатлений после выезда из России и вышедшую под названием «Современное положение публицистики» в последней книжке журнала за 1882 г.[13] В ней автор подводил итог развития русской печати за прошедший год. Это был во многом знаковый год, т.к. он открыл эпоху нового царствования после событий 1 марта 1881 года. Статья, написанная в тоне горькой иронии, как нельзя лучше характеризовала настроение самого Тихомирова после отъезда из России. Анализируя события прошедшего года, публицист заключал: «Вообще год был тяжелый. Он ничего не создал, но многое уничтожил и особенно энергично уничтожил в литературе все следы ее недавнего оживления»[14]. Рассуждая о монополии на печатное слово, он предостерегал правительство о пагубности следования по этому пути, указывая, что не лучшую роль играет «изуродованная пресса» и по отношению к своему правительству. В нормальном состоянии она должна знакомить государственных деятелей с настроениями общества, наконец следить вообще за положением страны и за ходом самого механизма. Понятно, что с той минуты, когда голос прессы уже не имеет ничего общего с голосом народа, она делается совершенно неспособной к такой службе и, наоборот, становится источником постоянного самообмана. Развивая эту мысль далее, он делал следующее заключение: «Едва ли власть и нуждается вообще в подобных проводниках. Ей нужно только одно:

---

[9] Не случайно В.А. Маевский в своей книге о Тихомирове отмечал, что, если бы Достоевский прожил еще несколько лет, то ему бы не удалось уйти от соблазна написать роман о Тихомирове. Сравните также: «Лев Тихомиров — самый настоящий герой Достоевского, некий синтез Ивана и Алеши Карамазовых; можно вспомнить и Раскольникова» // *Парамонов Б.* О ненужности покаяния. С. 203.

[10] *Сухомлин В.И.* Из эпохи упадка «Народной Воли» // Каторга и ссылка. 1926. № 4. С. 33—34.

[11] *Федотов П.П.* Судьба и грехи России. В 2-х тт. СПб., 1991. Т. 1. С. 92.

[12] Из литературного наследия академика Е.В. Тарле. М., 1981. С. 266.

[13] *Кольцов И.* Современное положение публицистики // Дело. 1882. № 12. С. 1—20.

[14] Там же. С. 5.

чтобы знали ее намерения и предначертания, а для этого вполне достаточно немногих чисто и открыто официальных органов»[15].

В это время занятость в легальной журналистике подтолкнула Тихомирова к отклонению исходящего от Дейча (представлявшего группу Плеханова) предложения об организации издательского дела для печатания революционной литературы. Практичный Дейч рассчитывал привлечением к своему начинанию таких известных революционеров, как Плеханов и Тихомиров, несколько улучшить и материальное положение участников предприятия, надеясь на поступление средств из России. Отказ Тихомирова, сославшегося на формальную принадлежность к «Народной воле», к которой Плеханов и К° не принадлежали, вызвал некоторое охлаждение в отношениях между ним и Дейчем. В таком случае возникает закономерный вопрос: как могло случиться, что Тихомиров, уже изрядно разочаровавшийся в методах революционной борьбы и ехавший за границу с намерением вести частную жизнь и писать мемуары, вновь оказался в центре революционных событий, когда, по его собственным словам, уже начинался третий этап его революционной деятельности, определяемый им как «мечтания о государственном перевороте путем заговора с резким отрицанием террора и с требованием усиления культурной работы (эпоха кончины "Народной воли")»[16]. Под усилением культурной работы Тихомиров подразумевал придание партии более глобальных задач по сплочению всех оппозиционных элементов в России и эмиграции, готовых служить выражению не узкопартийных, а широко национальных интересов.

Чтобы лучше разобраться в данной политической метаморфозе Тихомирова, необходимо присмотреться к жизни русской колонии и вообще к эмигрантской среде. Оказавшись в конце 1882 г. в Швейцарии, он сразу попал в особое положение, поскольку, кроме Оловенниковой, он являлся здесь единственным крупным представителем народовольческого центра. Вера же в силу и возможности «Народной воли» у людей, живших прошлыми представлениями и находившихся в большом отдалении от России, была еще очень велика. Не удивительно, что взгляды и русских эмигрантов, и европейских социалистов, и радикалов всех мастей были обращены в ее сторону. В этом отношении крайне интересно привести фрагмент из письма Г.А. Лопатина Оловенниковой от 20 сентября 1882 года. В нем Лопатин рассказывает о встрече с Ф. Энгельсом. «Он (Энгельс, — *авт.*) также считает (как К. Маркс и я), — пишет Лопатин, — что задача революционной партии, или партии действия в России в данную минуту не в пропаганде нового социального идеала и даже не в стремлении осуществить этот далеко не выработанный идеал с помощью составленного из наших товарищей Временного правительства, а в направлении всех сил к тому 1) чтобы или принудить Государя созвать Земской собор; 2) или же путем "устрашения" Государя и т.п. вызвать такие глубокие беспорядки, которые привели бы иначе к созыву этого собора или чего подобного»[17]. В заключительной фазе письма Лопатин прямо цитировал Энгельса: «Все зависит от того, что будет сделано в ближайшее будущее в Петербурге, на который устремлены ныне глаза всех мыслящих, дальновидных и проницательных людей целой Европы... Россия, это — Франция нашего века. Ей законно и правомерно принадлежит революционная инициатива нового социального переустройства»[18]. Сам Лопатин считал, что «по части "устрашений", надо направить все силы на "барина" (царя, — *авт.*): или его или никого. После 1 марта, все остальное было бы слишком мелко»[19].

Естественно, что Тихомиров оказался в центре внимания эмиграции как крупнейший идеолог партии. Высокая самооценка и тщеславие, присущие ему, получили в этот период времени изрядную подпитку. Обратим внимание и на тот факт, что бывшие критики народовольцев из среды эмигрантов (Аксельрод, Плеханов и др.) теперь пытались завязать отношения с «Народной волей», а это не могло не повлиять на самолюбие Тихомирова. Необходимо учесть и то обстоятельство, что Тихомиров не имел опыта общения с политической эмиграцией, тем более что в народовольческой

[15] *Кольцов И.* Современное положение публицистики // Дело. 1882. № 12. С. 18.

[16] *Тихомиров Л.А.* Критика демократии. С. 32.

[17] РГАЛИ. Ф. 1185. Оп. 1. Д. 898. Л. 1—2.

[18] Там же.

[19] Там же.

И.И. Воронцов-Дашков

среде бытовало мнение, что дело можно делать только на месте, лично, а не заниматься революцией издали. Сама же эмиграция рассматривалась зачастую как уход с поля боя и одобрялась только в самых крайних случаях.

Стоит вспомнить, что после взрыва царского поезда, в подготовке которого Перовская принимала участие еще не будучи членом «Народной воли», «чернопередельцы», зная, что она не разделяет народовольческих воззрений целиком, предложили ей выждать некоторое время, пока возможна будет деятельность в народе, и звали уехать с ними за границу, но Перовская ответила отказом и заявила: «Я останусь здесь погибать вместе с борющимися товарищами»[20]. Примерно так же рассуждал и близкий к Тихомирову Михайлов, который «ставил знак равенства между эмигрантами и дезертирами, всячески подчеркивая необходимость для революционера находиться на родине и участвовать в борьбе рядом со своими товарищами»[21]. Тихомиров также разделял подобного рода убеждения. Но оказалось, что здесь на него имелись виды и вынашивались какие-то планы, связанные с его персоной. Это не могло не льстить, тем более, что Лев Александрович иногда был не чужд позы.

Не последнее место имел и факт самого соприкосновения с европейской жизнью, к которой Тихомиров, в силу своих взглядов, оказался не готов. «Вообще, "заграница" меня очень удивляла, — писал он позже. — Я ее себе представлял не такою. Я считал себя, так сказать, представителем Европы в России. А тут с первых наблюдений виделось, что Европа, нечто с нашей точки зрения, как будто "реакционное". Лучшие журналы — консервативные, лучшие ученые — консерваторы. Мы, — эмигранты, "свои люди" Европе, — на самом деле живем в отчуждении у нее, вроде как евреи в своих "гетто"»[22].

Негативизм в отношении европейского уклада жизни, который поразил Тихомирова своим мещанским, бюргерским духом, сытой самодовольностью, построенной на потребительском начале, усиленный и слабым знанием европейских языков, в немалой степени способствовал тому, что он оказался вновь втянутым в революционный водоворот. Этому сопутствовало еще одно обстоятельство. В ноябре 1882 года Тихомиров через Н.М. Салову получил известие, что в Париж для свидания с ним приезжает грузинский общественный деятель, литературный критик либерального направления Н.Я. Николадзе, имевший важные предложения от влиятельных правительственных лиц к ИК, представители которого находились за границей[23]. Николадзе появился в Париже в середине декабря 1882 года. Вместе с ним прибыл К.А. Бороздин, выступавший в качестве посредника со стороны графа И.И. Воронцова-Дашкова — одного из лидеров «Священной дружины». Речь шла о безопасности коронации Александра III, которая из-за боязни возможных террористических покушений неоправданно затянулась. Воронцов-Дашков через Бороздина ставил вопрос: нельзя ли прекратить террор на условиях более приемлемых, нежели те, что изложены в письме ИК к Александру III.

Будучи осведомленным о развале народовольческой организации в России, Тихомиров не мог упустить такого шанса оказать давление на правительство и согласился принять участие в переговорах, взяв на себя роль лидера «Народной воли» в эмиграции. Тем более, что условия, которые первоначально выдвигались на переговорах со стороны народовольцев, не могли не устроить Ти-

---

[20] *Иванова С.А.* Воспоминания о С.Л. Перовской // Былое. 1906. № 3. С. 126—127.

[21] *Гросул В.Я.* Международные связи российской политической эмиграции во 2-й половине XIX века. М., 2001. С. 249.

[22] Воспоминания Льва Тихомирова. С. 149.

[23] Неизданные записки Л. Тихомирова [Сообщ. *В.В. Максаков*] // Красный архив. 1928. Т. 4. С. 154. Об этом же: К истории освобождения Н.Г. Чернышевского // Красный архив. 1928. Т. 6. С. 214—219; *Дебагорий-Мокриевич В.К.* К вопросу о переговорах «Исполнительного комитета "Народной Воли"» с «Добровольной охраной» // Былое. 1907. № 4. С. 56—62.

омирова, мечтавшего не только повлиять на политику в России, но и добиться освобождения из юрем своих товарищей, в первую очередь, конечно, Михайлова, а «это одно, само по себе, было акое дело, от которого я никогда бы не отказался», — напишет он впоследствии[24]. Во время переоворов с Николадзе в общих чертах остановились на ряде условий совместной работы, а именно: ребовать полной амнистии политических заключенных и ссыльных, свободы печати, обществ и ирной социалистической пропаганды, расширения земского и городского самоуправления. Относительно первоначального «залога» со стороны власти договорились о следующем: 1. Немедленное свобождение какого-нибудь важного политического преступника. 2. Внесение «влиятельными ицами» какой-либо крупной суммы, например, в один миллион рублей на имя какого-нибудь лагонадежного третьего лица в Париже, с тем, чтобы эти деньги возвращались последним по исполнении обещаний, либо передавались ИК в случае их неисполнения[25].

Что же касается кандидатуры освобожденного политического заключенного, решено было оставить выбор за Николадзе, который предложил освободить Чернышевского. В результате после переговоров Николадзе привез в конце декабря 1882 года в Петербург записку от Тихомирова с обязательством не производить покушения до и после коронации в обмен на освобождение Чернышевского и расследование злоупотреблений администрации на карийской каторге[26]. Но, казалось бы, обретенная надежда на блистательное завершение «народовольческой» эпопеи для Тихомирова вскоре сменилась разочарованием. По неизвестной причине переговоры были прерваны в декабре 1882 года, а Николадзе, во избежание неприятностей, рекомендовалось немедленно возвращаться в Россию.

С одной стороны, можно полагать, что власть поняла слабость разгромленной ею «Народной воли» и не пошла на уступки. С другой стороны, разгадку срыва переговоров можно искать в аресте и предательстве Дегаева. Такой точки зрения в свое время придерживался и историк Волк. В подтверждение этого он приводил фрагмент из письма от 1911 года Г.А. Лопатина к историку «Народной воли» В.Я. Богучарскому, в котором тот писал: «Я убедился впоследствии, что переговоры были прерваны вследствие их ненужности, когда в лице Дегаева они ввели своего члена в недра ИК»[27]. Дегаев, завербованный Судейкиным, согласился играть роль «первой скрипки» в его плане, рассчитанном на запугивание правительства революционерами, а революционеров — правительством. При этом Судейкин должен был контролировать Россию «надпольную», Дегаев — «подпольную», а вместе они надеялись добиться своеобразного «теневого» контроля над страной. В качестве аванса для реализации этой «полицейской фантасмогории» Дегаев выдал властям все и вся в революционном подполье. В результате такого широкомасштабного предательства правительству стало ясно, что ИК в его нынешнем состоянии не более чем блеф, а соответственно и переговоры с ним (и тем более — какие-либо уступки) вовсе не обязательны. Кроме того, у властей в рукаве появился еще один джокер. Над участниками «процесса 17-ти» (а среди них оказалось несколько членов «великого ИК» — Прибылева-Корба, Грачевский, Ю.Н. Богданович, Теллалов, Златопольский) нависли смертные приговоры. Власти тонко распустили в обществе слух, что приговор не приведут в исполнение, если коронация пройдет без эксцессов. Справедливости ради отметим, что действительно после коронации никого не казнили, а Чернышевского через некоторое время возвратили из Вилюйской ссылки сначала в Астрахань, а затем на родину, в Саратов.

Вернемся к судьбе Тихомирова. Историк Троицкий отмечает: «Наиболее разительный пример спровоцированного недоверия руководства “Народной воли” к товарищам, представшим перед царским судом, — это упрек, который редактор “Вестника Народной воли” Л.А. Тихомиров бросил героям процесса “17-ти”, упрек в том, что они будто бы “политиканствовали” на суде не по-народовольчески и что их речи “произвели на революционную среду тягостное впечатление какого-то

[24] Воспоминания Льва Тихомирова. С. 152.

[25] *Тихомиров Л.А.* Тени прошлого. С. 375.

[26] *Николадзе Н.Я.* Переговоры «Священной дружины» с партией «Народной воли» в 1882 г. Пг., 1917. С. 31. См.: *Сенчакова Л.Т.* «Священная дружина» и ее состав // Вестник Московского университета. 1967. № 2. С. 62—81.

[27] *Волк С.С.* Народная воля. 1879—1882. С. 145.

крайнего компромисса с существующим строем и даже с самодержавной монархией"»[28]. Несмотря на то, что переговоры не имели никакого продолжения, Тихомиров вновь оказался выведенным на орбиту революционной борьбы. Ко всему прочему он лишний раз получил подтверждение того, что правительство боится революционной партии, а значит, не все еще потеряно, и можно вновь попытаться осуществить так долго вынашиваемую идею революционного переворота с последующим за ним государственным переустройством России на условиях социальной справедливости. Но для этого необходимо, как он полагал, модернизировать деятельность «Народной воли» применительно к новым условиям, придав ей более широкие задачи.

В этот момент, как нельзя кстати, на революционной сцене вновь появляется народоволец В.И. Голдовский (Иохельсон) с деньгами и идеей издать «Календарь Народной воли»[29], тем самым поставив вопрос о выпуске постоянного печатного органа народовольцев за границей. Следует отметить, что о подобном издании ИК «Народной воли» задумывался еще в 1881 г. Такое предложение прямо прозвучало в письме ИК Лаврову от 14 (26) декабря 1881 г. В нем содержалось предложение Лаврову и Степняку-Кравчинскому возглавить будущую редакцию «Вестника "Народной воли"» и указывалось, что было бы желательно, чтобы редакция представляла из себя специальную группу, входящую в состав общей организации «Народной воли», и, как все другие специальные группы, состояла бы в подчиненном отношении к центру организации[30].

Следует признать, что предложение об издании «Вестника» вызвало активную переписку между эмигрантами и ИК. Во многом это было связано с тем, какой резонанс в кругах политической эмиграции произвело знаменитое письмо ИК «Народной воли» заграничным товарищам, написанное в конце 1881 г, как установлено графологической экспертизой, рукой Тихомирова[31]. В нем содержалось рассмотрение современных программных и тактических установок организации. В частности, в письме указывалось, что «сначала и до конца народовольство было направлением немедленного действия, государственного переворота». Много места в тексте отводилось обоснованию идеи захвата власти с помощью заговора и вытекающих из этого вопросов о федерализме и якобинизме, использовании террора как метода борьбы, отстаивалась идея внутренней организации партии на основе централизма и единомыслия[32].

Естественно, не все пункты вышеприведенного письма устроили эмигрантов. Тезис о захвате власти вызвал резкое неприятие у группы Плеханова. И даже более толерантный к программным расхождениям Степняк-Кравчинский в своем ответе прямо указывал, что «не согласен с одним из ваших основных воззрений — именно с централизмом». Причем он видел в этом вопросе опасность для будущего издания: «В настоящее время относительно журнала дело обстоит так же. Но явилось одно осложнение, о котором я считаю полезным предупредить Вас заранее. Я думал, что этот жизненный вопрос о централизме и федерализме так и останется про запас для будущего. Но получилось, что он всплыл гораздо раньше, чем даже начался журнал. Здесь за границей начнется вскоре ожесточенная полемика именно по этому вопросу. Так как я считаю его самым жизненным из всех наших вопросов, то для меня было бы просто постыдно не вмешаться в эту полемику»[33].

Хотя сам Степняк-Кравчинский не отказывался от сотрудничества и подчеркивал: «В случае если бы Вы считали мое сотрудничество существенным для журнала (пишу это только потому, что Вы ко мне и Лаврову обратились для организации этого дела), мое теоретическое расхождение с Вами ни на одну йоту не ослабляет моего пламенного желания служить тому делу, которое Вы олицетворяете, всеми силами и всеми средствами, находящимися в моем распоряжении. Сотрудничать я буду при какой бы ни было редакции и при том абсолютно столько же, сколько было

---

[28] *Троицкий Н.А.* «Народная воля» перед царским судом. С. 202. Дается ссылка на Вестник «Народной воли». 1883. №. 1. С. 135. Зная, куда приведут самого Тихомирова компромиссы «с существующим строем» через несколько лет после этих обвинений товарищей в «крайнем компромиссе», невольно задумаешься над злой иронией судьбы.

[29] *Иохельсон В.И.* Календарь «Народной воли» // Сборник «Музей революции». М., 1923. № 1. С. 44—51.

[30] Революционное народничество семидесятых годов XIX в. Сборник документов и материалов. Т. 2. С. 322.

[31] Там же. С. 387.

[32] Там же. С. 315—322.

[33] РГАЛИ. Ф. 1158. Оп. 2. Д. 9. Л. 5.

бы при моем собственном редактировании — может быть даже больше, так как не буду вынужден тратить времени собственно на редактирование работы. Возможные же разногласия с редакцией никакого препятствия в этом составить не могут потому, что я взял бы исключительно историко-беллетристический отдел — стоящий вне всяких принципиальных распрей»[34].

И после гибели «великого ИК» разговоры о необходимости иметь солидный печатный орган народовольцев за границей не стихали. Отзвуки переговоров по данному вопросу отчетливо звучали в переписке Лаврова и Плеханова, которого Лавров очень хотел привлечь к работе. Хотя сам Плеханов высказывал опасения по этому поводу, аргументируя их несхожестью политических взглядов. В письме, датированном ранней весной 1882 года, Плеханов писал: «Вы знаете мой образ мыслей, могу Вас уверить, что он не переменился с того времени, как я оставил Париж. Если мы не оттеняем, не указываем на свои разногласия в письме, то это объясняется тем, что мы надеялись и надеемся мирным путем повернуть «народовольчество» на надлежащую дорогу (повторяю, я говорю это только Вам)»[35]. Тем не менее, несмотря на объективные трудности и идеологические расхождения, скорейшая реализация подобного проекта казалась революционерам как никогда необходимой, хотя дело двигалось медленно. Идея издания народовольческого заграничного органа захватила и Тихомирова, вновь оказавшегося в эпицентре кипения революционных страстей.

О желании принять участие в организации подобного издания Лев Александрович информировал Лаврова в письме из Женевы от 27 ноября 1882 г.: «Я лично желал бы тоже послужить для этого дела. К несчастью, я не имею до сих пор никакого формального отношения к журналу... Теперь мне не остается ничего другого, как просить редакцию дать мне у себя какое-либо место»[36]. Таким образом, как видим, намерения «старых» народовольцев и их более молодых товарищей в этом вопросе полностью совпали. В связи с этим Тихомиров еще некоторое время провел в Париже, совещаясь с Оловенниковой и Лавровым по вопросам организации нового народовольческого печатного органа, получившего название «Вестник "Народной воли"» (в дальнейшем «Вестник»). Предполагалось, что издание может стать дополнительным аргументом в оказании давления на правительство в случае возобновления переговоров.

Чтобы объективно и взвешенно оценить поступки Тихомирова в это время, необходимо обратить внимание на саму среду русских революционеров-эмигрантов, на те условия жизни, в которых оказался Тихомиров. Напомним, что по своему составу эмиграция была чрезвычайно «пестрой» и состояла из обломков различных групп и направлений. Фигнер совершенно верно указывала на то, что, оказавшись за границей, Тихомиров попал в условия еще более неблагоприятные, чем в России. Вместо сплоченного товарищества людей его окружает нездоровая среда эмигрантов, лиц, потерпевших кораблекрушение, обломков всевозможных кружков и группировок[37]. Фракционные раздоры, усиленные постоянным безденежьем и взаимной подозрительностью, — такой становилась жизнь революционеров в эмиграции. В их среде выделялись два типа людей. К одному принадлежали те, кто смог более или менее интегрироваться в европейскую жизнь. Они хорошо владели языками, имели постоянный доход, связи в кругах либерального европейского общества и, как правило, стояли в отдалении от жизни русской эмигрантской колонии. К ним, хотя и с натяжкой можно отнести Кропоткина, Степняка-Кравчинского, Жуковского. Но таковых оказывалось немного. Большая же часть русской колонии состояла из числа людей, которых отрыв от России обрек на постоянную нужду и скитания. Все это, усиленное теоретическими разногласиями и политическими амбициями, давало эффект гремучей смеси и иногда делало жизнь русских эмигрантов просто невыносимой. К этой группе принадлежали и Тихомиров с супругой.

Впрочем, в конце 1882 — начале 1883 г. Тихомировы еще оставались на плаву благодаря сотрудничеству главы семьи в русских журналах[38]. В частности, из редакции журнала «Дело» на

---

[34] РГАЛИ. Ф. 1158. Оп. 2. Д. 9. Л. 6.

[35] Письма Г.В. Плеханова П.Л. Лаврову // Дела и дни. 1921. № 2. С. 90.

[36] ГА РФ. Ф. 1762. Оп. 4. Д. 568. Л. 27.

[37] ГА РФ. Ф. 1185. Оп. 1. Д. 154. Л. 4.

[38] *Сухомлин В.И.* Из эпохи упадка «Народной Воли» // Каторга и ссылка. 1926. № 4. С. 33.

имя В.И. Долинского (Л.А. Тихомирова) в Женеву с сентября по декабрь 1882 г. было переслано 500 рублей[39]. Однако уже в конце 1882 г. в сотрудничестве с русскими либерально-демократическими изданиями обозначились объективные трудности, связанные с отсутствием необходимой для работы общественно-политической информации из России. Недаром в начале 1883 г. Тихомиров в письме завел с Русановым, казалось бы, странный разговор. Речь велась о возможности для Тихомирова сотрудничать с иллюстрированным и безыдейным журналом «Нива», и он просил у Русанова разрешения подписываться его именем и дать редакции его адрес в силу легальности положения последнего, но получил отказ[40].

Работа же в иностранных средствах массовой информации для Тихомирова затруднялась в силу того, что он, в отличие, например, от Степняка-Кравчинского, очень слабо знал иностранные языки, в частности, французский. Именно поэтому он не мог зарабатывать и литературными переводами, а специализировался исключительно на проблемных общественно-политических статьях, для которых нуждался в притоке свежей информации. Уже в марте 1883 г. он писал Оловенниковой в Париж: «Пожалуйста, пришлите мне работу. Ей-богу, я потеряю жалование. Здесь ни черта нет, и справиться негде... Что за проклятая трущоба эта Женева»[41]. Неудивительно, что Лев Александрович решил попробовать себя в жанре литературной критики. Дебютом в этой новой для него роли явилась статья «Шатание политической мысли» («Дело». 1883. № 3), посвященная разбору книги Юзова (литературный псевдоним И.И. Каблица) «Основы народничества». В ней публицист «в писаревских традициях журнала "Дело" разделывает "под орех" народника Каблица за его уклонение в сторону либерализма»[42]. В статье, написанной в острокритической форме, автор едко замечал, что «тема очень интересная и смелая... К счастью для господина Юзова, давно уже стали появляться у нас "народники", произносящие страшное слово и протягивающие в то же время руку примирения Каткову»[43]. Одну из главных ошибок Каблица Тихомиров усматривал в выдвижении им идеи о самобытности народного развития — вместо вопроса о самостоятельности в этом развитии. Расшифровывая эту мысль, автор утверждал: «Юзов, перенося центр личности из самостоятельности в самобытность, навязывает народничеству то, что составляет характерный признак славянофильства», т.е. Каблицу доставалось за национализм, связанный, по-Тихомирову, с прошлым, а значит — консервативный и отсталый. По тогдашнему представлению Тихомирова, «общей теоретической подкладкой народничества был демократизм, не какой-нибудь специально русский, а всемирный, так сказать»[44].

Несостоятельность Каблица как теоретика Тихомиров усматривал в «смешении им понятий народник и самобытник» и далее пояснял, что «чисто народническое миросозерцание он пытается органически слить с самобытностью национального типа»[45]. Расходился в тот момент публицист с Каблицем и в отношении интеллигенции, которую Каблиц обвинял в подражательности Европе. По мнению Тихомирова, интеллигенция, рассуждая о необходимости заимствования чего-либо, всегда исходила из соображений пользы для России. В целом, найдя в работе массу погрешностей, автор делал следующий вывод: «К счастью, шатание публицистики есть факт более литературный, чем общественный... Для развития общественной мысли, мы видим, напротив, тяжелый опыт жизни не пропадает даром. Расплывчатая маниловщина все больше исчезает и заменяется трезвым отношением к действительности»[46]. Кто бы тогда мог подумать, что всего через четыре года Тихомиров фактически встанет на позиции Каблица.

Но даже для таких литературно-критических статей требовалась информация из России, а ее из-за усиливавшейся в стране реакции получать становилось все труднее. В свою очередь, это сужало

---

[39] ГА РФ. Ф. 93. Оп. 1. Д. 7. Л. 88—89.
[40] *Русанов Н.С.* В эмиграции. С. 107—108.
[41] Архив П.Л. Лаврова. Бостон, 1974. Т. 2. С. 202.
[42] *Балуев Б.П.* Либеральное народничество на рубеже XIX—XX веков. М., 1995. С. 73.
[43] *Кольцов И.* Шатание политической мысли // Дело. 1883. № 3. С. 2.
[44] Там же. С. 5.
[45] Там же. С. 9.
[46] Там же. С. 28.

творческое поле» для Тихомирова в русских журналах, существенно лияя при этом на размер его гонораров. Поэтому издание революционного печатного органа казалось выгодно и с чисто материальной стороны. Показав, что народовольческий центр жив и руководим из-за раницы, можно было привлечь капитал от жертвователей и революционных кружков из России. И это обстоятельство явилось отнюдь не оследним при принятии Тихомировым решения о присоединении изданию. При его участии дело по организации «Вестника» пошло начительно быстрее, чему способствовал и немалый редакторский пыт Льва Александровича. Свидетельство тому — полицейская справка, казывающая, что «Тихомиров приложил все свои силы к поднятию огда упавшей революционной литературы»[47]. Это полицейское донесение со всей очевидностью показало, что внимание заграничной агентуры вновь было привлечено ко Тихомирову, как опаснейшему из политических эмигрантов.

М.П. Драгоманов

Еще до приезда Тихомирова планировался следующий состав редакции: Лавров, Плеханов и Степняк-Кравчинский. Хотя разница во взглядах между тем же Плехановым и Кравчинским была очень существенной. Сам Плеханов, надеявшийся в дальнейшем превратить издание в рупор своих идей, характеризовал эти политические расхождения следующим образом: «Затем, между мной и Сергеем Михайловичем (Степняком-Кравчинским, — *авт.*) существует, как мне кажется, немаловажная разница в воззрениях: он что-то в роде прудониста, я — не понимаю Прудона; характеры наши тоже не совсем сходны: он человек, относящийся в высшей степени терпимо ко всем оттенкам социалистической мысли, я готов создать из "Капитала" прокрустово ложе для всех сотрудников "Вестника Народной Воли"»[48].

Желание Тихомирова принять участие в подготовке «Вестника» несколько изменило диспозицию. Степняк-Кравчинский, постоянно живший в Лондоне и первоначально давший согласие на сотрудничество, отказался войти в состав редакции. Формально это произошло из-за скандала с Драгомановым, опубликовавшим в «Вольном слове» (№ 42 от 1 августа 1882 года) статью «Итальянская книга о русских революционерах», содержащую очень резкие нападки на народовольцев. В частности, он утверждал, что в революционной среде слишком участились случаи предательств, которые, по его мнению, носили принципиальный характер, а следовательно, свидетельствовали о несостоятельности народовольческой доктрины[49].

Основная часть политической эмигрантской колонии объявила бойкот Драгоманову, прервав с ним всяческие отношения. Степняк-Кравчинский отказался присоединиться к бойкоту, и ему на собрании сотрудников «Вестника» в Женеве предъявили ультиматум: он может войти в состав редакции только при условии разрыва всех отношений с Драгомановым, на которого было указано как на открытого и злостного врага всего русского революционного движения. Причем от лица редакции говорил Тихомиров[50]. Но Степняк-Кравчинский отказался это сделать и в редакцию так и не вошел. Однако представляется, что не только история с Драгомановым послужила тому причиной. Свидетельство — более раннее письмо Степняка-Кравчинского к Лаврову, в котором он указывал: «С приездом Тигрыча положение дел совсем меняется. Я становлюсь положительно лишним как редактор... у меня даже функции постоянной нет. Если помните, я хотел взять на себя внутренний отдел. Но теперь, согласитесь, что было бы просто смешно поручать его кому-нибудь, кроме Тигрыча»[51]. Можно согласиться и с мнением Вахрушева, полагавшего, что объективной причиной отказа Степняка-Кравчинского являлись его расхождения с народовольцами по во-

[47] ГА РФ. Ф. 634. Оп. 1. Д. 134. Л. 13.

[48] Письма Г.В. Плеханова П.Л. Лаврову. С. 90—91.

[49] *Таратута Е.А.* С.М. Степняк-Кравчинский — революционер и писатель. С. 273—274.

[50] *Дейч Л.Г.* С.М. Кравчинский. Пг., 1919. С. 45—46.

[51] ГА РФ. Ф. 1762. Оп. 4. Д. 425. Л. 39 об.

Г.В. Плеханов

просу о централизме, именно в этом он поддержал Драгоманова, критиковавшего «Народную волю»[52].

В результате такого рода перестановок первоначальный состав редакции оказался крайне непрочным. Во многом из-за того, что ее члены исповедовали прямо противоположные взгляды на текущий революционный момент. Хотя, возможно, на первом этапе членства в редакции Тихомирова Плеханов и надеялся достичь с ним если не консенсуса, то хотя бы некоторого взаимопонимания. Например, тогда их позиции некоторым образом сближало неприятие федерализма, ревностным сторонником которого был Степняк-Кравчинский. В письме Лаврову Плеханов тогда так обозначал свою позицию: «Боюсь, чтобы "Вестник Народной Воли" не связал меня еще больше, если он будет проповедовать федерализм. Я теперь решительный противник федерализма: по моему, лучше якобинство, чем эта мелкобуржуазная реакция»[53]. Однако дальнейшее течение событий показало несовместимость политических воззрений Плеханова и Тихомирова. Более того, представляется, что более толерантный к социалистической теории и вообще настроенный более литературно-художественно, нежели идеологически-непримиримо, Степняк-Кравчинский был бы более удобен непреклонному и не терпящему возражений Плеханову на посту редактора, чем имевший твердые взгляды и умевший прекрасно их отстаивать Тихомиров.

Неудивительно, что вскоре помимо программных расхождений начались и проблемы личного свойства. Весьма заметно просматривалась антипатия, в результате которой по одну сторону баррикад оказались Оловенникова и Тихомиров, которых между собой «плехановцы» называли «Павой» и «Протяжным», а по другую — Плеханов и Дейч. Особенное напряжение ощущалось во взаимоотношениях Тихомирова и Дейча, свидетельство тому — письма Тихомирова: «Вы все думаете, что у меня личное раздражение. Ей-богу нет, хотя, конечно, Евгений (кличка Дейча, — *авт.*) — это животное самое ехидное»[54]. В чем-то Лев Александрович в отношении Дейча оказался прав. Последний, действительно, не верил в прочность союза с народовольцами и в возможность как-то перенацелить это движение. Свидетельство — его переписка с Аксельродом. Так, в письме от 15 июня 1883 г. он подчеркивал, что «никогда народовольцы не сделаются сознательными социалистами, марксистами, [а останутся] бланкистами, энергичными и предприимчивыми революционными заговорщиками»[55]. Можно предположить, что Дейч хотел использовать средства, выделяемые на издание «Вестника», за неимением собственных, для пропаганды марксизма, а заодно и для того, чтобы поправить незавидное финансовое положение группы Плеханова. Если же рассматривать их совместную работу на первом этапе, то позиция Тихомирова видится даже более компромиссной, нежели плехановская. Но, по мере приближения даты выхода первого номера журнала, фракции начали маневрировать в борьбе за положение и влияние в редакции. Так, Плеханов, верный своим первоначальным устремлениям, попытался изменить название журнала на менее официальное. Видимо, ему не очень импонировала перспектива работать под флагом идей и традиций, столь отличных от его собственных. Он также решил внести социал-демократический оттенок в объявление о выходе нового издания, в котором редакторами излагалась концепция целей и задач революционной партии[56].

Ситуация обострялась еще и потому, что основные силы оппонентов «народовольческого» направления «Вестника» находились в Женеве, там же проживало и семейство Тихомировых. Соот-

---

[52] *Вахрушев И.С.* Очерки по истории русской революционно-демократической печати 1873—1886 годов. С. 189.

[53] Письма Г.В. Плеханова П.Л. Лаврову. С. 91.

[54] Группа «Освобождение труда». М., 1923. Вып. 1. С. 252.

[55] Там же. С. 167.

[56] *Бэрон С.Х.* Г.В. Плеханов — основоположник русского марксизма. СПб., 1998. С. 119.

П.Б. Аксельрод

ственно, по всем стратегическим вопросам Лев Александрович вынужден был сноситься с Парижем, что, конечно, затягивало выработку решений. Вот как Тихомиров описывал переговоры в Женеве в письме Лаврову. На них группа Плеханова выступила с заявлением, что «они не хотят видеть журнал народовольческим... т.к. народовольчество не есть направление. Хотя он должен быть органом партии конечно». Я, — пишет далее Тихомиров, — старался поставить на вид, что народовольчество, как известный фазис развития революционного движения и мысли, имело, несомненно, известные основы и принципы, что, может быть (и с этим я согласен), не вполне выразило собственную формулу, но что было бы крайне странно отказывать ему даже в принципах, журнал, конечно, должен развивать дальше и формулировать эти принципы, потому-то он и должен быть народовольческим. Но всем этим господам не нравится само слово "народовольцы"»[57].

Противоречия, нараставшие, как снежный ком, в окончательном виде проявились летом 1883 г., когда заканчивалась подготовка первого номера «Вестника». На сей раз они упирались в организационную плоскость. Ввиду приближения срока выхода издания фракция Плеханова настаивала на официальном объявлении о слиянии двух групп с изложением принципов нового объединения. Старые народовольцы понимали всю невыгодность для себя сложившейся ситуации. Получалось, что, используя кризисное положение партии, которое к тому времени сомнения не вызывало, но при этом опираясь на огромный авторитет той же «Народной воли» среди русского и европейского революционного движения, а соответственно и на деньги, которые будут даваться под ее имя, «плехановцы» смогут через народовольческий орган проводить, по сути, антинародовольческие идеи, да еще при этом вести внутри организации фракционную борьбу. Как ни ослаблена была организация, как ни желательно было ей привлечь на свою сторону столь мощные интеллектуальные и литературные силы, как группа Плеханова, на такие уступки Тихомиров и его окружение идти не могли, да и не хотели.

Поэтому-то на переговорах о слиянии Тихомиров и использовал пункт устава «Народной воли», который запрещал прием целой группы. Фракция должна сначала самораспуститься, а уже затем на индивидуальной основе должен был состояться прием в организацию. «В августе 1883 г. Л.А. Тихомиров и М.Н. Ошанина, ведшие за рубежом от имени "Народной воли" переговоры с группой Г.В. Плеханова о соединении, заявили в противоречии со своими прежними обещаниями, что вопрос о вступлении в "Народную волю" может рассматриваться только индивидуально для каждого, но ни в коем случае — о вступлении "плехановцев" группой. Тогда же Тихомиров выступил решительно против включения Плеханова в редакцию "Вестника Народной воли"»[58].

Причем надо признать, что в таком предложении, поступившем от народовольческого центра, не было ничего необычного. Примером тому могут служить неудачные переговоры весной 1883 г. между парижским центром «Народной воли» и лидером польской партии «Пролетариат» Л. Варыньским. На этих переговорах Оловенникова и Тихомиров настаивали на полном подчинении пролетариатцев народовольческому руководству, отрицая их права на какую-либо автономию[59].

Но, тем не менее, подобное условие об индивидуальном вступлении в организацию вызвало бурную реакцию Плеханова и его товарищей. Ответом стало письмо Плеханова, в котором он с возмущением восклицал: «С самого начала наших переговоров мы представляли, что соединение может произойти не иначе, как в виде слияния двух групп, сближенных временем и ходом событий...

---

[57] ГА РФ. Ф. 1762. Оп. 4. Д. 568. Л. 24.

[58] Из архива группы «Освобождение труда». Переписка Г.В. и Р.М. Плехановых, П.Б. Аксельрода, В.И. Засулич и Л.Г. Дейча. Вып. 1: 1883—1897 гг. / Ответственный редактор *П.Ю. Савельев*; рабочая группа *Э. Вагенаар, Н.В. Макаров, А.П. Ненароков, М.В. Пронина, И.В. Смирнова, С.В. Тютюкин, Т.И. Филимонова.* М., 2009. С. 26.

[59] *Волк С.С.* Народная воля. 1879 — 1882. С. 417. Об этом же см.: *Кон Ф.Я.* Союз «Пролетариата» с «Народной Волей» // Каторга и ссылка. 1926. № 3. С. 69—74.

М.Н. Оловенникова (Ошанина)

Разбиться на атомы, чтобы быть ассимилированными организацией, мы не считали и не считаем возможным... Называться же редактором журнала "Народной Воли", не будучи народовольцем на самом деле, значило бы ставить себя в крайне двусмысленное и неудобное положение»[60]. Уже потом Дейч приводил еще одну версию этого конфликта: «Названные представители доживавшей свои последние дни партии, вдруг заявили нам, что по их уставу, нельзя сразу присоединять целую группу лиц, а лишь по-одиночке каждого из нее. Иначе говоря, на присоединение одних из нас они могут согласиться, а других — нет. Мне не трудно догадаться, в виду некоторых обстоятельств... что они не желают, чтобы именно я присоединился к ним»[61]. Действительно, выше уже указывалось на очень натянутые отношения между Дейчем, Тихомировым, Оловенниковой.

Возможно, в какой-то мере их настораживала и пугала в Дейче жестокость и желание использовать любые средства для достижения поставленной им цели. В памяти Льва Александровича могли всплывать и картины «процесса 193-х», на которых фигурировала искалеченная и обезображенная фигура Н.Е. Гориновича, которого Дейч и сотоварищи на юге заподозрили в предательстве, вследствие чего состоялось постановление кружка о его убийстве. В ночь на 11 июня 1876 года В.А. Малинкой, Дейчем и Стефановичем в Одессе было произведено покушение. После ранения в голову Горинович был облит серной кислотой, но остался жив. Однако, уже в старости Тихомиров напишет в воспоминаниях: «Дейч... был хороший человек, ума среднего, но с большой энергией и характером. Он фактически доказал, что способен на убийство (дело Гориновича), но сердце у него было все же доброе, и он способен был горячо привязываться... В общем его натура была грубовата, чужда тонкостей, он совсем не походил на человека интеллигенции, но это был человек рассудительный, по природе добрый и, думаю, на него можно было положиться»[62].

Вышеприведенная острая реакция Плеханова означала, что Тихомиров разгадал их маневр и нанес удар по больному месту. Реакцией Плеханова стало ужесточение своей позиции по отношению к уже написанной им статье «Социализм и политическая борьба», первоначально одобренной редакцией, несмотря на ее явную социал-демократическую направленность. Теперь плехановской группе это казалось уже недостаточным, и Плеханов снабдил статью еще и историческим предисловием, где прямо называл «Народную волю» «самой революционной, но и самой беспринципной» из всех оппозиционных партий[63]. Это уже прозвучало открытым вызовом редакции. Последовало бурное объяснение между «плехановцами» и Оловенниковой, пытался достичь компромисса и Тихомиров, в целом он соглашался на публикацию и лишь предлагал убрать или переделать ее историческую часть, заявив: «Прав автор в своих оценках или нет, это дело спорное, но в "Вестнике Народной воли" да еще в его № 1, довольно странно помещать такие исторические оценки, которые гласят что народовольчество было "наиболее беспринципным направлением". Рекомендовать изменение программы, в смысле отказа от захвата власти, я бы тоже не решился, по крайней мере в № 1»[64].

Тихомиров чувствовал, что соперники ведут свою политическую игру, о чем и предупреждал Лаврова, являвшегося сторонником безусловного привлечения Плеханова к редакционной работе «Я вообще вывожу такое заключение, что они теперь после разговора с Мариной Никаноровной (Оловенниковой, — *авт.*) прямо ищут разрыва и, раскаиваясь в том, что дали статьи раньше, берут их назад прямо преднамеренно: я уже говорил вам, что исторических оценок Жоржа (Плеханова, — *авт.*) раньше не предполагалось; он их, очевидно, вставил нарочно, чтобы помешать принятию статьи; Аксельрод придуривается просто нахально, и, согласитесь, что всякая редакция, кроме

[60] Письма Г.В. Плеханова к П.Л. Лаврову. С. 96.

[61] *Дейч Л.Г.* Приложение // Дела и дни. 1921. № 2. С. 102.

[62] *Тихомиров Л.А.* Плеханов и его друзья. Из личных воспоминаний. С. 39.

[63] *Плеханов Г.В.* Собрание сочинений. М., 1928. Т. 13. С. 32.

[64] Группа «Освобождение труда». Вып. 1. С. 245.

нашей (по ее затруднительному положению), просто расхохоталась бы, если бы ей сотрудник ставил условием принятие статей другого сотрудника»[65].

Все попытки Лаврова примирить стороны большого успеха не имели. Не сумел он и смягчить позицию Тихомирова, который в письме от 3 августа 1883 г. прямо заявил: «Итак, уважаемый Петр Лаврович, это дело конченное. Хорошо или дурно, но мы остаемся вдвоем, и теперь нужно скинуть с журнальных счетов одного очень ценного работника (Плеханова, — *авт.*). Мое мнение, что Евгений будет стараться вооружить его, как и всех своих, против нас, так что в будущем я предвижу только ухудшение отношений, хотя в данный момент мы с Плехановым не поссорились, а только честно и благородно разошлись»[66]. Развивая свои мысли в дальнейшей переписке, Лев Александрович предлагал руководствоваться осознанием того факта, что «журнал должен быть органом объединения русских социал-революционеров, а не просто 1 $^{1}/_{2}$ десятка эмигрантов, Петр Лаврович, всем нам (и мне, и вам, и Дейчу с К°) не должно забывать, что мы не в России и наши отношения не есть еще отношения русских фракций... Если мы будем служить (как я надеюсь) центром (т.е., конечно нравственным) русских, т.е. в России действующих соц.-революционеров, то наша миссия — достигнута, как бы не ругались Дейч и К°»[67]. В изменившейся ситуации Тихомиров предлагал: 1) статьи Плеханова не принимать, если он не захочет выкинуть или изменить историческую часть; 2) Аксельрод пускай поступает, как угодно, на его письмо можно ответить, что он введен в недоразумение касательно отношения к ним редакции, сотрудничество Жоржа крайне желательно, но, конечно, не всякую статью можно принять; 3) на следующую книжку, да и вообще до тех пор, пока не будет твердой почвы в России, не рекомендовать статей вроде «Принципов "Народной воли"» и т.д.[68]

Как видим, в сложившейся ситуации Тихомиров проявил себя как настоящий лидер партии, четко знающий, чего он хочет добиться, и неуклонно идущий к цели. Он оказался прав и относительно дальнейшего ухудшения отношений между фракциями, как и в том, что руку к этому приложит Дейч. Впрочем, поведение самих народовольцев в отношении «группы Плеханова» этичным тоже не назовешь. Справедливости ради отметим, что большая часть вины лежит на партийном центре, действовавшем в России.

В России народовольцы перехватили письмо Стефановича, близкого к группе Плеханова, и переслали его за границу, но не Дейчу, которому оно было адресовано, а в Париж Оловенниковой. Информация о письме дошла каким-то образом и до Дейча, который отправился к Тихомирову и обвинил последнего в присвоении чужого письма. Резкие требования отдать письмо сопровождались угрозами третейского суда и достаточно нелицеприятными высказываниями по адресу народовольцев. Ничего не знавший Тихомиров попросил отсрочки, чтобы связаться с Парижем, но его уже упредили Дейч с Плехановым, сами поехавшие во Францию к Оловенниковой и Лаврову. Признав факт перехвата письма в России, последние отрицали наличие письма у себя, но заверили, что свяжутся по этому поводу с «русскими товарищами».

В конце концов запутанная история с письмом подошла к логическому концу — его переслали на имя Тихомирова в Женеву, при этом ему, видимо, поручили взять расписку о передаче письма в руки коллег по «революционному цеху», что Лев Александрович в точности и исполнил. Но при этом его визит к Плеханову, да еще просьба о расписке вызвали настоящую истерику у Георгия Валентиновича, обвинившего Тихомирова во всех смертных грехах и сравнившего поступок народовольцев с деятельностью тайной полиции[69]. Бурное выяснение отношений между Плехановым и Тихомировым состоялось в конце августа 1883 г. и, по существу, расставило все точки над i. Ни о какой совместной деятельности не могло больше быть и речи. Практически сразу же после истории с письмом Тихомиров потребовал у Дейча сдать дела по техническому руководству журналом Я.С. Френкелю (Полену), человеку «народовольцев», а 12 сентября разрыв завершился объявлением

---

[65] Группа «Освобождение труда». Вып. 1. С. 248.

[66] Там же. С. 246.

[67] Там же. С. 250.

[68] Там же. С. 251.

[69] *Дейч Л.Г.* О сближении и разрыве с народовольцами // Пролетарская революция. 1923. № 8. С. 50—51.

П.Л. Лавров

«плехановцами» о создании группы «Освобождение труда» и ее печатного органа — «Библиотеки современного социализма»[70].

В своем письме, датированном концом сентября 1883 г., Плеханов так разъяснял свою теперешнюю позицию Лаврову: «Я с своей стороны, сотрудничать у Вас (а не у Долинского) не прочь, но не знаю, удобно ли это будет для Вас? Мне очень жаль, что редактируемый Вами [журнал] есть Вестник Народной Воли. История, по поводу которой мы ездили в Париж (а наша поездка оправдала вполне наши подозрения), отняла у меня всякое уважение не к "партии", конечно, а к людям, ее здесь представляющим... Напишите мне Ваше мнение... и о факте нашего выступления. Вспомните при этом, что нам ничего другого не оставалось делать»[71].

Так окончилась попытка объединения двух столь несовместимых по идейным установкам групп. Масштаб разногласий между ними являлся огромным и не допускал возможности какого-либо долговременного и прочного союза. Наиболее отчетливо это видели самые непримиримые антагонисты — Дейч и Тихомиров. Каждый из них смотрел на возможный союз двух противоположностей с точки зрения утилитарного интереса, желая использовать для достижения нужного результата своих политических противников. Дейч, а за ним и остальные «плехановцы» хотели эксплуатировать популярность «Народной воли» и ее печатного органа для пропаганды идей социал-демократии. В свою очередь, Тихомиров и его окружение намеревались воспользоваться литературным талантом Плеханова, а также связями и организационными возможностями его группы, не предоставляя им при этом какой-либо самостоятельности в «Народной воле».

Разрыв внес определенное успокоение в редакционные дела, хотя и породил трудности в связи с замещением материала, изъятого «плехановцами». Вот тут-то и пригодился опыт и журналистский талант Тихомирова, взявшего дела «Вестника» в свои руки. Об особой роли Тихомирова в подготовке издания «Вестника» свидетельствовала хорошо знавшая ситуацию с его изданием изнутри Г.Ф. Чернявская, отмечавшая: «А "Вестник Народной воли"? Без него (Тихомирова, — *авт.*) мог быть каким угодно "Вестником", но "Вестником Народной воли" он был только благодаря ему»[72].

В основе программы издания лежали положения, высказанные им в уже упоминаемом выше письме ИК «заграничным товарищам». В нем декларировалась идея государственного переворота в качестве главного направления народовольчества, и поскольку считалось, что Россия находится накануне революции, основная цель организации виделась в подготовке самого переворота, следовательно, задачей дня становился организационный вопрос. «Собирание, развитие, организация активной силы составляют, значит, главнейшую нашу задачу. Этой цели подчиняется у нас все», — говорилось в письме[73]. Заявляя о политических пристрастиях, автор указывал: «Мы какие были, такие и есть, то есть не радикалы и не социалисты, а просто народовольцы. Задачи наши заключают в себе элементы политического радикализма, как и социализма, а иначе и быть не может»[74]. Это утверждение прежде всего свидетельствовало об усилившемся эклектизме в теоретической доктрине народовольчества, вобравшей в это время в себя все различные проявления отечественной радикальной мысли и все наличные силы российского революционного движения, готовые вступить в открытую политическую борьбу с правительством.

Интересно мнение Тихомирова и об отношении к вопросам государственности. При их обсуждении он прямо высказывался против федерализма в пользу централизованного государственного

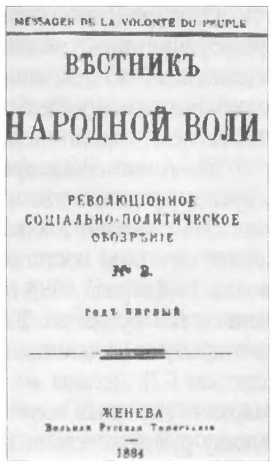
[70] *Бэрон С.Х.* Г.В. Плеханов — основоположник русского марксизма. С. 121.

[71] Письма Г.В. Плеханова П.Л. Лаврову. С. 98.

[72] РГАЛИ. Ф. 1185. Оп.1. Д. 982. Л. 1 об.

[73] Письмо Исполнительного комитета — заграничным товарищам // Революционное народничество семидесятых годов XIX в. Сборник документов и материалов. Т. 2. С. 316.

[74] Там же. С. 319.

MESSAGER DE LA VOLONTÉ DU PEUPLE

ВѢСТНИКЪ

НАРОДНОЙ ВОЛИ

РЕВОЛЮЦІОННОЕ
СОЦІАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ
ОБОЗРѢНІЕ

№ 2.

ГОДЪ ПЕРВЫЙ

ЖЕНЕВА

1884

«Вестник «Народной воли»,

союза и заявлял следующее: «Мы по убеждениям и суждениям государственники, то есть признаем за элементом государственным, элементом политической власти огромную важность. Это сила, а потому она должна быть умно организована. Поэтому мы обращаем на нее такое же внимание, как на организацию экономических отношений. Революция совершится только тогда, когда власть будет в хороших руках, а посему мы стремимся захватить ее, так как народ пока раб тысячи условий и все равно ее не удержит. Если бы государственный переворот дал нам власть, то мы бы ее не выпустили, пока не поставили народ прочно на ноги»[75]. Вопросу о терроре не придавалось в этом документе первостепенного значения, а взгляды Морозова резко осуждались[76].

Письмо, написанное в период начавшегося разгрома «великого ИК», ярко отразило точку зрения революционеров именно «тихомировского согласия» т.е. сторонников заговора, а если быть более точным — самого Тихомирова, да еще Оловенниковой. Думается, в оценке расстановки социальных сил в России он оказался во многом большим провидцем, чем его оппоненты, все еще убежденные, что мужик — социалист по натуре. Верно оценив особую роль государства в русской истории и убедившись, что убийство Александра II не вызвало никаких потрясений в обществе, и уж тем более в «крестьянских мирах», Тихомиров окончательно пришел к убеждению, что все необходимые социально-политические преобразования в России при исторически сложившейся авторитарной системе правления можно проводить только сверху посредством контроля над государственным аппаратом, при необходимости видоизменяя и модернизируя его.

Идеи же о том, что народ сам может добиться желаемого через своих представителей в Учредительном собрании, он считал чистой иллюзией, полагая, что западные формы демократического государства нежизнеспособны в России и, скорее всего, обернутся против самих же революционеров. И именно в таком духе планировал он ведение заграничного издания. После стольких сложностей в ноябре 1883 г. увидел свет № 1 «Вестника» тиражом в 1000 экземпляров со статьей Тихомирова «Новое царствование». В ней в резких тонах он отзывался о начале царствования Александра III, не прибавив ровным счетом ничего нового к обычной для революционных кругов критике внутренней политики самодержца, обвиняя его в реакционности и приводя многочисленные факты полицейского произвола в России[77].

В это время из России продолжали поступать неутешительные для политических изгнанников сообщения: свирепствовала полиция, аресты шли лавинообразно, просвета практически не было видно. Ситуация на родине не вселяла оптимизма, более того — рисовалась все более удручающей. Тихомирова в это время постоянно преследовало ощущение близкого краха «Народной воли». «Там, в России, очевидно, — мальчишка на мальчишке, и я глубоко уверен, что если их не переберут сразу, то через полгода реноме организации окончательно погибнет», — писал он Оловенниковой[78]. Обстановка в Империи убеждала его в необходимости изменения форм борьбы, надо было, по-видимому, отказаться от чисто террористической практики и начать более широкую организационную и культурную работы. Тем более, что реальное положение вещей свидетельствовало о том, что «жалкие террористические потуги» оставшихся на свободе революционеров только активизировали реакцию в стране, закрывая все возможности иных действий.

---

[75] Письмо Исполнительного комитета — заграничным товарищам // Революционное народничество семидесятых годов XIX в. Сборник документов и материалов. Т. 2. С. 320—321.

[76] Находясь в эмиграции в Женеве, Н.А. Морозов в конце 1880 г. написал и опубликовал брошюру «Террористическая борьба», в которой пропагандировал исключительно террористические методы борьбы с целью завоевания организацией политических свобод.

[77] *Тихомиров Л.А.* Новое царствование // Вестник Народной воли. 1883. № 1. С. 28—121.

[78] Архив П.Л. Лаврова. Бостон, 1974. Т. 2. С. 97.

Одновременно с этим на фоне подготовки № 1 «Вестника» в Швейцарии, а затем и в Париже разворачивались события, связанные с печально известной «дегаевской историей» и оказавшие сильнейшее воздействие на Тихомирова. «Дегаевщина» — грандиозная полицейская провокация, задуманная и проведенная жандармским подполковником Судейкиным через своего агента — члена ИК Дегаева, надолго деморализовала революционное движение России[79].

Многочисленные аресты революционеров, происходившие в России довольно давно, порождали слухи о предательстве в центре партии, но прямых улик не было, пока в народовольческих кружках существовали только умозрительные предположения. Не вызывает сомнения, что информация подобного рода достигала и тех, кто находился в эмиграции. Но февральские события в Харькове, когда 10 февраля 1883 г. прямо на улице арестовали Фигнер (ее якобы узнал специально находившийся там предатель В.А. Меркулов), переполнили чашу терпения — о предательстве заговорили в открытую. Тогда никому не могло броситься в глаза, что осенью 1882 года Вера Николаевна «посвятила С.П. Дегаева во все связи с провинциальными кружками, включая Военную организацию партии "Народная воля". Фигнер поручила отставному штабс-капитану Дегаеву осуществлять связь между руководителями партии и Военной организацией»[80]. Большинство историков-специалистов считали и считают, что именно в период ареста в Одессе (Дегаева и его супругу взяли как хозяев динамитной мастерской, и по существующему «полицейскому законодательству» их ждало чрезвычайно суровое наказание) произошло падение Дегаева[81]. Все остальное — побег, членство его в «центральной организации»[82] — проходили уже под контролем вездесущего Судейкина, который с помощью Дегаева и разработал ловушку для Фигнер[83].

Такова канва этой весьма запутанной истории, до сих пор вызывающей определенные разночтения у историков. Действительно, в «дегаевской истории» не все ясно. Например, существуют свидетельства о более раннем знакомстве С. Дегаева с Судейкиным[84]. На этой основе историк Ф.М. Лурье в главе с характерным названием «Запутанная история», выдвигает следующую версию. Он полагает, что сотрудничество С. Дегаева с Судейкиным началось еще в начале мая 1882 года, когда В. Дегаев вернулся в Петербург из заграничного вояжа и не сумел обмануть Судейкина рассказами об эмигрантах. В. Дегаев попытался в новых условиях исполнить, впрочем весьма неудачно, роль «второго Клеточникова». Поэтому на встречах Судейкина и С. Дегаева одним из условий вербовки Дегаева-старшего являлось обещание Судейкина выпустить из полицейских «силков» В. Дегаева (младшего брата С. Дегаева). Судейкин быстро раскусил «зеленого» юношу и сам повел с ним игру, результатом которой стала дьявольская сделка с С. Дегаевым. Но эта версия пока не имеет реального подтверждения.

О предательстве в самом сердце организации, несмотря на давно курсирующие об этом слухи, Тихомиров узнал, как это ни парадоксально, от самого С. Дегаева. В вопросе о дате этого события мнения историков тоже расходятся. Но мы берем за основу данные календаря «Народной воли», свидетельствующие о поездке С. Дегаева за границу 15 (27) мая 1883 года[85]. Такой же точки зрения

---

[79] См.: *Троицкий Н.А.* Дегаевщина // Вопросы истории. 1976. № 3. С. 125—133; *Лурье Ф.М.* Полицейские и провокаторы: Политический сыск в России. 1649—1917. М., 1998; *Жухрай В.М.* Тайны царской охранки: авантюристы и провокаторы. М., 1991; *Перегудова З.И.* Политический сыск России (1880—1917). М., 2000.

[80] *Лурье Ф.М.* Полицейские и провокаторы. С. 155.

[81] Ф.М. Лурье полагает, что «Судейкин приезжал в Одессу не вербовать Дегаева, а выручать своего агента» // Там же. С. 156.

[82] Некоторые историки (Богучарский, Волк и др.), ссылаясь на Фигнер, считают, что Дегаев был членом ИК, но мы вслед за историком Троицким полагаем, опираясь на свидетельство Фигнер, что она осенью 1882 г. планировала создать и создала из наиболее выдающихся членов Военной организации «Народной воли», согласившихся выйти в отставку, так называемую «центральную организацию», которая, по ее мысли, должна была наследовать «исчезнувшему Комитету», куда вошли, кроме самой Фигнер, А.А. Спандони-Басманджи, Рогачев, М.Ю. Ашенбреннер и Дегаев. // См.: *Фигнер В.Н.* Запечатленный труд. Т. 1. С. 347.

[83] См.: *Троицкий Н.А.* Дегаевщина // Вопросы истории. 1976. № 3. С. 130—131.

[84] См.: *Маклецова (Дегаева)* Н.П. Судейкин и Дегаев // Былое. 1906. № 8. С. 269. *Прибылева-Корба. А.П.* Сергей Петрович Дегаев // Былое. 1906. № 4. С. 5—9.

[85] Календарь «Народной воли» // «Народная воля» в документах и воспоминаниях. М., 1930. С. 269.

придерживаются историки Троицкий и Пайпс[86]. Провокатор, видимо, ощутив близость разоблачения, в конце мая 1883 г. попросил у своего «патрона» разрешение на поездку за границу. Конечной целью визита стал Париж — центр народовольческой эмиграции. Там на встрече с Тихомировым и произошло признание провокатора. Сам Тихомиров так описывал ситуацию: «В это время — было начало 1883 года, может быть, в марте (ошибка мемуариста, — *авт.*), не могу припомнить, — явился ко мне неожиданный посетитель — Сергей Васильевич (так в тексте, на самом деле — Петрович, — *авт.*) Дегаев. Я очень обрадовался. Понятно, что я считал его честным революционером»[87]. Далее Тихомиров повествует о беседе с Дегаевым, и продолжает: «И вот — он может быть неожиданно и для самого себя — прервал мои расспросы. "Слушайте, — сказал он, — не будем играть в прятки. Расскажу все начистоту, всю правду, а тогда судите меня. Остаюсь на вашу волю. Что скажете, то я и сделаю". Так началась его кошмарная правда...»[88]. Результатом такого саморазоблачения Дегаева и стала его сделка с Тихомировым, по которой он должен был прекратить все выдачи революционеров, а главное убить Судейкина[89].

Историк Лурье, основываясь на воспоминаниях Е.А. Тетельман (Серебряковой)[90], придерживается следующего варианта событий. Отъезд Дегаевых из России произошел в самом конце августа, а в начале сентября супруги прибыли в Женеву, где С. Дегаев хотел встретиться с Тихомировым. Есть и еще ряд свидетельств о нахождении Дегаева за границей в это время[91]. И действительно, свидетели, по-видимому, не заблуждаются — второй визит Дегаева за границу имел место. На это разночтение в визитах обратили внимание историки И.Н. Курбатова и Т.А. Аркушенко, отмечавшие, что «Дегаев ездил в Париж дважды: в мае и в сентябре. О своем предательстве он рассказал во время первой поездки. До приезда Дегаева у Тихомирова и Ошаниной был делегат от южных народовольцев, сообщивший о подозрениях относительно Дегаева»[92].

Сейчас сложно точно судить, зачем Дегаеву понадобился второй визит. Можно предположить, что в отношении его обоснования перед Департаментом полиции Судейкин поставил перед Дегаевым задачу заманить Тихомирова на германскую территорию, где бы его «схватили и отправили в Россию»[93]. Дело в том, что между Россией и Пруссией в договоре от 19 августа 1872 г. существовал пункт, устанавливающий взаимную высылку подозрительных подданных лиц[94]. Но, скорее всего, Дегаев согласовывал с заграничным центром какие-то условия «торга», ценой которого были жизни русских революционеров. И здесь в дело вмешался случай: примерно в то же время революционерам-южанам стало известно о том, что побег Дегаева из Одесского тюремного замка — полицейская мистификация. Так обрывочная информация о провалах в партии и подозрения о работе предателя соединилась в единую логическую цепь, и со всей очевидностью стало ясно, что нити большинства арестов ведут в центр к Дегаеву. Об этом страшном открытии решили известить эмигрантский центр. По просьбе товарищей наиболее скомпрометированная перед полицией Тетельман (будущая супруга члена Военной организации «Народной воли» Э.А. Серебрякова), приехала с этой миссией в Швейцарию. По иронии судьбы она оказалась там в одно время с Дегаевым.

Где-то в начале сентября и состоялась первая встреча Тетельман и Тихомирова. На этой встрече она сообщила ему столь шокирующую весть, поставив Тихомирова в весьма двусмысленное положение. Ведь если бы он признался, что уже знает о провокации Дегаева, его репутация в глазах революционной России погибла бы окончательно. Отсюда нежелание якобы признавать изложенные факты.

---

[86] *Троицкий Н.А.* Дегаевщина. С. 132; *Pipes R.* The Degaev Affair: Terror and Treason in Tsarist Russia. New Haven: Yale University Press, 2003; *Он же.* Лев Тихомиров: революционер поневоле. С. 135.

[87] *Тихомиров Л.А.* Тени прошлого. С. 387.

[88] Там же. С. 390.

[89] Там же. С. 394—395.

[90] *Серебрякова Е.А.* Встреча с Дегаевым // Былое. 1924. № 25. С. 65—71.

[91] См.: *Попов И.И.* Петр Филиппович Якубович. М., 1930. С. 113. *Коган С.М.* В стране изгнания: Из записной книжки корреспондента. СПб, 1912. С. 123 (Подп.: *Евг. Семенов*).

[92] Примечания // От народничества — к марксизму: Воспоминания участников революционного движения в Петербурге (1883—1894). С. 343.

[93] Неизданные записки Л. Тихомирова. С. 168.

[94] Хроника социалистического движения в России. С. 289.

В результате 13 сентября на даче в Морнэ (пригород Женевы) состоялась повторная встреча Тетельман и Тихомирова, о которой есть упоминание в памятной книжке последнего: «Была Катерина Александровна. Говорила с Владимировым. Осталась ночевать»[95]. На этой встрече присутствовал и Дегаев, в лицо которому были брошены обвинения, которые он в конце-концов признал[96]. Таким образом, предательство Дегаева было раскрыто фактически *вторично*, но теперь уже официально. Поэтому неудивительно, что Тихомиров практически ничего не написал об этих событиях в своих «Воспоминаниях». Например, о встрече с Тетельман в них нет ни слова. Создается впечатление, что автор воспоминаний намеренно искажал детали, дабы подретушировать свою роль в этой неприглядной истории.

В своем исследовании Лурье пишет: «Никого не ставя в известность, Тихомиров взял на себя единолично роль высшего судьи. Именем Исполнительного комитета партии "Народная воля" он вынес фактически оправдательный приговор провокатору, он простил Дегаева, отправившего в тюрьмы и на эшафот сотни народовольцев, вытравившего из общества те его слои, которые вливали в партию новые силы, нанесшего сильнейший урон всему русскому революционному движению»[97]. Конечно, Тихомиров, скрывавший дегаевскую историю, вел себя двусмысленно, но, отталкиваясь от вышеизложенного, позволим себе не согласиться с тезисом, выдвинутым Лурье, согласно которому «создается впечатление, что Тихомиров умышленно исказил историю разоблачения Дегаева, уменьшив срок его провокаторской деятельности на четыре — шесть месяцев. Иначе получалось, а это так и было, что в рядах "Народной воли" полтора года успешно действовал правительственный агент, более того, почти год он руководил партией на территории России»[98]. При такой трактовке событий получается, что Тихомиров, удлиняя в своих воспоминаниях сроки своей информированности о дегаевской провокации, создавал ловушку для себя — ведь при таком раскладе «заграничный центр» *намеренно* скрывал информацию от революционеров в России не около 3—4 месяцев (т.е. до убийства Судейкина), а около полугода и больше. Из того, что нам известно о Тихомирове и особенностях его личности, кажется маловероятным, чтобы он интересы организации, в которой уже не было близких ему людей (значение оставшихся революционных сил он оценивал весьма невысоко), поставил бы выше сохранения своего собственного реноме. На наш взгляд, ему-то как раз для сохранения и без того пошатнувшегося в результате этой истории революционного имиджа удобнее было бы согласиться с тем, что он узнал о предательстве Дегаева в сентябре.

В любом случае дегаевщина стала для Тихомирова страшным ударом. Можно согласиться с мнением историка Тидмарша, считавшего, что психологически открытие самого факта провокации было тяжким для Тихомирова. Ведь важным фактором, подтверждавшим его убеждение, что правительство должно быть свергнуто, являлась не только вера в то, что власть висит в воздухе, но и убежденность в развращенности государственных чинов. Дело Дегаева показало, что революционная среда в плане «развращенности» не слишком отличается от правительственной[99]. Несомненно, предательство в самом центре организации усилило пессимизм Тихомирова относительно перспектив революционного движения в России. Он начал понимать, что, если раньше правительство боялось «Народной воли» и было готово пойти с ней на «соглашение», то при сложившихся обстоятельствах оно отлично понимало, какой колоссальный блеф представляла собой организация, и ни о каких уступках со стороны властей не могло быть и речи. Нельзя точно утверждать, что именно с «дегаевщины» началось разочарование Тихомирова в революционной борьбе, но эта история стала еще одним шагом на пути к идейной капитуляции Тихомирова-революционера. К тому же она показала слабость самой практики руководства революционной борьбой в России из-за границы. В то сложное для себя время Тихомиров зафиксировал в дневнике: «Еще Лопатину я заявил,

---

[95] Воспоминания Льва Тихомирова. С. 161.

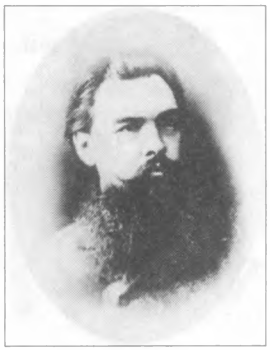
[96] См.: *Серебрякова ЕА.* Встреча с Дегаевым. С. 65—71; *Серебряков ЭА.* Революционеры во флоте // Былое. 1907. № 4. С. 96—129.

[97] *Лурье ФМ.* Полицейские и провокаторы. С. 171.

[98] Там же. С. 168—169.

[99] *Tidmarsh K.* L. Tikhomirov and a Crisis in Russian Radicalism. P. 55.

чтобы они не рассчитывали на меня ни в каких организациях. Я готов служить партии как *публицист*, но не больше. Из-за границы никаких организаций не веду»[100].

ГП. Судейкин

В такой ситуации Тихомиров и Оловенникова, поставленная им в известность, попытались, как им казалось, минимизировать возможные последствия «дегаевщины», дабы спасти пошатнувшееся реноме «Народной воли». Сделано же это было далеко не безупречным образом и явно в ущерб революционным кружкам в России. А так как первую скрипку в общении с Дегаевым играл Тихомиров, то именно он несет главную ответственность за то, что народовольцы в России не были своевременно проинформированы об истинной роли Дегаева. Сразу же после признания, сделанного провокатором, Тихомиров потребовал от него прекратить любое сотрудничество с Судейкиным и организовать убийство последнего, т.к. из утверждений Дегаева следовало, что многие тайны революционеров подполковник не доверял своему начальству, а держал для себя «про запас».

Взамен организации теракта против Судейкина Тихомиров без каких-либо консультаций с народовольческим центром в России дал обещание, что ему не только сохранят жизнь, но и помогут скрыться из страны. Таким образом, Тихомиров от имени ИК вынес Дегаеву оправдательный приговор в обмен на жизнь Судейкина. Более того, побег провокатору из России обязывались обеспечить с огромным риском для себя те самые революционеры, жизнь которых в этом страшном «торге» Тихомиров в расчет не очень-то и принимал. О провокации не сразу поставили в известность и Г.А. Лопатина, предложившего свои услуги в восстановлении народовольческих связей в России. Впоследствии Оловенникова говорила Лопатину, что она и Тихомиров не посмели сказать ему правду из опасения, что Герман Александрович из нравственной брезгливости отшатнется навек от группы, среди которой мог зародиться и существовать так долго «ужасный политический разврат»[101]. А между тем все они рассчитывали на Лопатина в деле реорганизации народовольческого центра в России. Следует отметить, что Тихомиров с глубоким уважением относился к Лопатину, как к человеку, и много лет спустя в письме к Бурцеву от 27 сентября 1906 года, характеризуя эмигрантскую среду, отмечал: «Герман — тоже симпатичнейшая личность. Даже для революции не делал он ничего нечестного: по нынешним временам это архаизм, а между тем только такими людьми вызываются в обществе идеи»[102].

На первый взгляд, поведение Тихомирова, некоторое время скрывавшего от революционного подполья дегаевскую провокацию, кажется подозрительным, но, думается, объяснение такому поведению есть. Сделка, заключенная с Дегаевым, давала возможность Тихомирову сохранить престиж «Народной воли», которую должен был возродить Лопатин, и которая могла бы еще послужить честолюбивым замыслам самого Тихомирова, чей авторитет оставался бы незапятнанным. При благоприятных обстоятельствах все могло остаться «шито-крыто» и никак не затронуть заграничный центр «Народной воли». А жизнь революционеров в России Львом Александровичем в расчет как-то особенно не принималась, в чем его потом неоднократно упрекали историки, обращавшиеся к этим событиям. Вот и пришлось потом в мемуарах задним числом пытаться объяснить свое поведение.

Все это напоминает азефовскую историю, которая позже произошла с партией социалистов-революционеров. Революционная самоцензура оказалась самодовлеющей и не позволяла выносить сор из избы. Кроме того, объяснение нужно искать и в некоторых чертах характера самого Тихомирова. Очень меткую характеристику дал знавший его по московскому периоду жизни (конец 1881—1882 г.) Стефанович. В письме к Дейчу он писал: «Я очень уважаю Протяжного (кличка Тихомирова, — *авт.*), но первое время мне с ним было тяжеловато. Он чересчур ревнив к своему авторитету»[103].

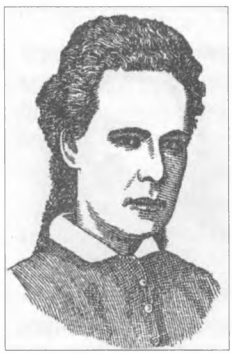
---

[100] Воспоминания Льва Тихомирова. С. 189.

[101] *Лопатин Г.А.* Автобиография. Показания. Письма. Пг., 1922. С. 14.

[102] См.: РГАЛИ. Ф. 75. Оп. 1. Д. 32.

[103] Группа «Освобождение труда». М.—Л., 1926. Вып. 4. С. 200.

Г.Ф. Черняховская-Бохановская, рис.

На фоне событий, развернувшихся вокруг Дегаева, в конце 1883 г. состоялся переезд семейства Тихомировых в Париж, чтобы быть ближе к редакции «Вестника». Первые дни Тихомировы прожили на квартире Оловенниковой и Г.Ф. Чернявской. Последняя вспоминала: «Отношения у нас были самые теплые, братские. А с Оловенниковой дружба у него (Тихомирова, — *авт.*) была такая неразрывная, что и вообразить трудно»[104]. Чуть позже Тихомировы переехали на нанятую для них друзьями квартиру на Aeneu de Reille.

Жизнь в столице Франции привела к возрастанию финансовой зависимости семьи от «Вестника», казначеем коего являлась Оловенникова. Парижская жизнь для политических изгнанников была тяжела. Нигде эмиграция так не бедствовала, как в Париже. Столица мира, по отзывам современников, представляла собой один из самых дорогих городов, где, ко всему прочему, было чрезвычайно трудно найти литературную работу. Журналистов и газетчиков в республиканской Франции хватало своих, и космополитичный город мало волновали русские проблемы.

И все же первые впечатления от столичной жизни у Тихомировых сложились хорошие. Очень комфортно чувствовала себя здесь Екатерина Дмитриевна, откровенно скучавшая в провинциальной Женеве. В Париже она воссоединилась со своей еще гимназической подругой Оловенниковой и близко сошлась с Русановыми. Довольным переездом поначалу казался и Лев Александрович, получивший доступ к отличным парижским библиотекам, а также к богатейшей библиотеке Лаврова. На первых порах близость к друзьям, возможность заниматься литературным трудом и, что немаловажно, определенная финансовая стабильность делали жизнь семьи во Франции насыщенной и приятной.

Вернемся к событиям вокруг Дегаева. Согласно плану Тихомирова, провокатор, хотя и без особого желания, выехал в Россию, где при участии Лопатина, самостоятельно, без информации от эмигрантского центра, вычислившего провокатора[105], разрабатывался план убийства Судейкина. Незадолго до покушения Дегаев отправил свою супругу в Европу. Ее поездка оплачивалась деньгами Департамента полиции, т.к. по заданию Судейкина она должна была следить за эмигрантами. И действительно, Любовь Дегаева регулярно посылала Судейкину подробные отчеты о наблюдениях за жизнью эмигрантской колонии. При этом она поселилась в Париже на квартире Оловенниковой, а обедать регулярно ходила к Тихомировым[106]. Если все остальное можно объяснить желанием народовольцев не выпускать супругу Дегаева из поля зрения (по сути, она была отправлена Дегаевым в качестве «залога»), дабы не поставить под удар операцию по устранению Судейкина, то последнюю любезность Тихомирова понять сложно. В конце концов, 16 декабря 1883 г. в Петербурге с помощью ловушки, организованной Дегаевым, народовольцы Н.П. Стародворский и В.П. Конашевич убили Судейкина, павшего под ударами лома. Такова была развязка этой истории.

Император сделал на докладе об убийстве Судейкина помету: «Я страшно поражен и огорчен <...> Потеря положительно незаменимая. Кто пойдет теперь на подобную должность?»[107]. На Дегаева объявили всероссийский розыск. По всем городам страны были расклеены объявления следующего содержания: «Указавшему местонахождение — 5000 рублей; оказавшему содействие к задержанию — 10000 рублей». Сообщались и приметы Дегаева. Такие же афишки отправили дипломатической почтой не только в европейские столицы, но и за океан[108].

Только с помощью народовольцев и при содействии польской партии «Пролетариат»[109] Дегаев

---

[104] РГАЛИ. Ф. 1185. Оп. 1. Д. 892. Л. 2.

[105] См.: *Давыдов Ю.В.* Герман Лопатин, его друзья и враги. М., 1984. С. 127—135.

[106] *Маклецова (Дегаева)* Н.П. Судейкин и Дегаев // Былое. 1906. № 8. С. 272.

[107] Цит. по: *Троицкий Н.А.* Крестоносцы социализма. С. 343.

[108] *Давыдов Ю.В.* Герман Лопатин, его друзья и враги. С. 135.

[109] Переговоры о союзе между «Народной волей» и «Пролетариатом» велись в течение лета 1883 г. в Париже между Тихомировым и Оловенниковой с одной стороны и С.Ч. Куницким с другой. В октябре того же года Куницкий вел переговоры в Петербурге с Якубовичем и Степуриным // *Волк С.С.* Народная воля. 1879—1882. С. 417.

в сопровождении С.Ч. Куницкого, впоследствии казненного, пересек границу Российской империи. В погоню за Дегаевым в январе 1884 г. за границу от Департамента полиции командировался один из самых талантливых учеников Судейкина — П.И. Рачковский. Первоначальной целью его поездки являлось выслеживание супруги Дегаева, через которую рассчитывали поймать и мужа. Тогда Тихомиров и не предполагал, что прибытие в Париж Рачковского в корне изменит привычное течение его жизни.

ОБЪЯВЛЕНІЕ.

ОТСТАВНОЙ ШТАБСЪ-КАПИТАНЪ

СЕРГѢЙ ПЕТРОВЪ ДЕГАЕВЪ

5,000 РУБЛЕЙ

10,000 РУБЛЕЙ

Объявление о розыске С.П. Дегаева

Провокатора судили в Париже третейским революционным судом зимой 1884 года. В состав суда вошли Тихомиров, Г.А. Лопатин и В.А. Караулов. Дегаев, собственно, ничего и не отрицал. Для суда он составил особый список-перечень всех тех, кого он с Судейкиным не подверг задержанию «по соображениям розыскного свойства». Но опять же по непонятным причинам этот жизненно важный для русского революционного подполья документ переслали в Россию лишь через несколько месяцев. Тогда же на суде провокатор рассказал и о заговоре против графа Д. Толстого (министр внутренних дел), разработанном им и Судейкиным. По окончании разбирательства народовольцы выполнили обещания, данные Дегаеву. По решению заграничного центра Тихомиров сопроводил семью Дегаевых через Ла-Манш до Лондона, где они сели на пароход, отплывающий в Южную Америку. В дальнейшем след Дегаева обнаружился в Америке, где под именем Александра Пелла Сергей Петрович, имевший хорошие математические способности, сделал чисто американскую карьеру «от грузчика до профессора математики. Там и умер в 1920 г.»[110]

Выпроводив Дегаевых из Европы, Лев Александрович провел некоторое время в Лондоне. Там он по делам организации много общался со своим старым знакомым (еще по Петербургскому кружку 1873 года), Чайковским. В основном разговоры велись вокруг сотрудничества последнего в «Вестнике» на правах корреспондента. Тогда же при протекции Чайковского Тихомиров поместил в газете «Today» статью, содержащую критику царского правительства, использующего в борьбе с оппозиционными силами такие недозволенные приемы, как провокация. В статье, ставшей газетной сенсацией, подробно излагалась совместная деятельность Судейкина и Дегаева на ниве бесконтрольной полицейской провокации, которая, по их желанию, как, например, в истории с министром внутренних дел Толстым, могла направляться также и против представителей власти.

По возвращении из Англии Тихомиров активно включился в редакционную работу. На подходе был второй номер «Вестника», для которого Лев Александрович подготовил две большие статьи. Одна из них — «В мире мерзости и запустения»[111] — являлась откликом на провокацию Дегаева. В ней вскрывались методы работы команды Судейкина — Дегаева и излагалась позиция организации по этому вопросу. Но все же выход № 2 «Вестника» успокоения в ряды народовольцев в России не внес. Наоборот, столь запоздалая реакция эмигрантского центра вызвала голоса протеста в России против двурушничества последнего, который, дабы спасти свою честь, решил восстановить реноме организации за счет сомнительного торга с Дегаевым, подставив тем самым под удар жизни и свободу молодых народовольцев в России.

О достаточно двусмысленном поведении в этой истории Тихомирова свидетельствует и его переписка как с С. Дегаевым, так и с его братом Владимиром, особенно после опубликования вышеназванной статьи. Причем Тихомиров, как можно предположить, давал какие-то гарантии С. Дегаеву после организации последним убийства Судейкина. Так, в письме Тихомирову (по поводу публикации в «Today».) Дегаев пишет: «Вы знаете и верите, что я еще не последний раз был революционером, а потому не портьте мне моих планов, иначе я буду защищаться и хоть тем, например, что и другие

[110] *Троицкий НА.* Царизм под судом прогрессивной общественности... С. 296.

[111] *Тихомиров Л.А.* В мире мерзости и запустения // Вестник Народной воли. 1884. № 2. С. 91—126.

постольку же виноваты в "знании и недонесении", как я в совершении поступка. Забудьте меня до того времени, когда я сам о себе не напомню опять. Или, если для вас необходимо публично возмущаться, то делайте это так, чтобы немного политики было в факте, а не просто злодейство»[112]. Не намекал ли тем самым Дегаев на сомнительное поведение самого Тихомирова, который «знал», но «не донес»?

Дегаевщина вызвала резкое охлаждение во взаимоотношениях между заграничным центром и народовольческими группами в России.

Вот как вспоминает И.И. Попов о впечатлении от «дегаевской истории» и роли в ней заграничного центра: «В широких кругах партийных и примыкающих к ним пошел ропот, возмущение "генералами от революции", которые, якобы, сознательно терпели Дегаева и его жертвы, лишь бы достигнуть цели и убить Судейкина»[113]. Среди народовольцев стали подниматься вопросы о вреде излишнего централизма и о большей самостоятельности местных групп. Попов полагал: «Не будь провокации Дегаева и того отношения со стороны Тихомирова, Ошаниной и других, какое проявилось в этом провокаторстве, вероятно, все эти вопросы не были бы поставлены остро и так ультимативно, как это было сделано в январе 1884 года. Только при централизме были возможны такие провалы и выдачи, какие сделал Дегаев. Он, и только он один, разгромил Военную организацию и партию "Народная воля", когда она была особенно сильна»[114].

Сторонником определенной децентрализации в «Народной воле» зарекомендовал себя П. Якубович. Он и ряд «молодых народовольцев» выражали желание не только дать местным организациям большую автономию, но и «террор приблизить к массам», т.е. «не ограничиваться применением этого способа к главным заправилам государства, но и употреблять его против других угнетателей народа»[115].

«Вся молодежь, — писал Якубович в своих показаниях от 18 мая 1885 г., — а в том числе и я, ждали какого-нибудь ясного и энергичного слова от комитета и о Дегаеве, и вообще о революционном деле, находившемся в последние полтора года в каком-то странном двусмысленном положении. А поверенные центра не могли или не хотели ничего сказать ясно не только о будущем, но и о прошедшем. Это раздражало такого человека, как я, а отсюда та преступная вражда, которую я повел впоследствии в таких широких размерах с комитетом»[116]. В результате в России создается реальная оппозиция заграничному центру, в дальнейшем оформившаяся в «Молодую партию "Народной воли"». Главными требованиями «молодых народовольцев» было изменение программы организации по следующим пунктам: перевести террор из сферы общеполитической в сферу социальную, т.е. ввести «аграрный и фабричный террор»; кроме этого, находили необходимым усилить самостоятельность местных групп[117].

Следствием такого положения дел стал съезд народовольцев в Париже в феврале 1884 г. Участниками его являлись Тихомиров, Оловенникова, Г.А. Лопатин, Лавров, Г.Ф. Чернявская, Салова, Л.К. Бух, Караулов, С.Ч. Куницкий, Русанов, Э.А. Серебряков, А.Н. Кашинцев, И.А. Рубанович и Сухомлин. Как вспоминал Сухомлин, «съезд состоял из двоякого рода заседаний — более обширных, где вентилировались принципиальные вопросы программы и тактики, и более тесных, где приезжие совместно с членами ИК обсуждали чисто организационные, практические вопросы и задания. На этих различных заседаниях подробно обсуждался злободневный факт образования оппозиции, возникшей среди питерских деятелей против ИК... ИК обвинялся в том, что не сообщил своевременно работникам на местах о двойственной роли, которую в течение полугода перед убийством Судейкина играл Дегаев, и не уведомил о предстоящей казни первого, вследствие чего многие товарищи, нахо-

---

[112] *Лавров П.Л.* Годы эмиграции. Бостон, 1974. Т. 2. С. 154—155.

[113] *Попов И.И.* Минувшее и пережитое // От народничества — к марксизму: Воспоминания участников революционного движения в Петербурге (1883—1894). Л., 1987. С. 66.

[114] Там же. С. 66—67.

[115] *Шебалин М.П.* Клочки воспоминаний. М., 1935. С. 161.

[116] *Валк С.Н.* Распорядительная комиссия и «Молодая партия народной воли» // Каторга и ссылка. 1931. № 2. С. 102.

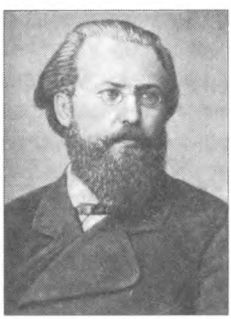
[117] См.: *Валк С.Н.* Молодая партия «Народная воля» // Проблемы марксизма. 1930. № 1. С. 95—119.

дившиеся под наблюдением, были схвачены жандармерией врасплох, тогда как, вовремя предупрежденные, они могли бы принять меры против своего ареста. Духом оппозиции особенно была охвачена столичная радикальная молодежь, во главе которой стоял даровитый поэт Якубович»[118].

Н.М. Салова

На съезде единодушно была отвергнута «необходимость внесения изменений в программу и боевую тактику партии», при этом участники съезда, естественно, не могли проигнорировать мнения народовольческих групп в России, поэтому «общее мнение съезда склонялось к тому, чтобы в переорганизованной партии предоставить возможно большую автономию местным группам, общее же руководство поручить наиболее активным и надежным представителям местных групп или, вернее, инициаторам и организаторам их»[119]. Кроме того, на съезде продолжались переговоры с «Пролетариатом» при посредстве Куницкого, и именно в Париже было достигнуто официальное соглашение между двумя этими революционными организациями о союзе в борьбе против царизма[120]. Официальное же объявление о заключении подобного договора было помещено в № 10 «Народной воли»[121].

Г.А. Лопатин, фото 70–80-х гг.

Если резюмировать решения съезда в целом, то было постановлено следующее: на съезде был избран центр, по указаниям Г.А. Лопатина в его письме Богучарскому от 11 марта 1911 г., состоящий из Тихомирова, Ошаниной, Г.Ф. Чернявской, Г.А. Лопатина, Сухомлина, Саловой, Караулова и А.Н. Кашинцева[122]. При этом было решено, что ИК действует только в Российской империи, за границей работает только так называемая «делегация ИК» в составе Тихомирова и Оловенниковой. Это решение являлось реализацией давнишних пожеланий Тихомирова о невозможности руководства организацией из-за границы. В обязанность заграничного представительства ИК входило издание «Вестника» и другой народовольческой литературы, а также хранение всех адресов, шифров и явок[123].

По воспоминаниям Сухомлина: «Первейшей задачей этого обновленного ИК было выяснение наличного партийного актива путем строгой персональной проверки... распределение его по территориям России для основания, организации и оживления местных групп; пока же намечен был предварительный список кандидатов, в который вошли: П.Ф. Якубович, Бах, С.А. Иванов, К.А. Степурин, Караулов, А.Н. Кашинцев, М.П. Овчинников... Другими ближайшими задачами ИК были: 1) устройство центральной типографии для выпуска очередного № 10 номера "Народной воли"... 2) организация, независимо от местных групп, на строго конспиративных началах, террористического акта против министра внутренних дел Д.А. Толстого, что должно было поднять подорванный дегаевщиной престиж партии»[124].

На съезде избрали Распорядительную комиссию, которая в кратчайшие сроки должна была отправиться в Россию.

В состав РК вошли Г.А. Лопатин, Салова и Сухомлин. Одной из главных задач РК являлось сглаживание острых противоречий между центральной и местными группами и восстановление нравственного авторитета организации. На долю РК выпал и нелегкий труд ведения переговоров с «молодыми народовольцами» во главе с П. Якубовичем. Основные противоречия вызывали два пункта — «автономия» и «аграрно-фабричный террор», именно эти пункты являлись главным препят-

---

[118] *Сухомлин В.И.* Из эпохи упадка «Народной воли» // Каторга и ссылка. 1926. № 6. С. 67.
[119] Там же. С. 68.
[120] *Волк С.С.* Народная воля. 1879 — 1882. С. 418.
[121] Литература партии «Народная воля». С. 221—223.
[122] *Валк С.Н.* Распорядительная комиссия и «Молодая партия народной воли». С. 117.
[123] *Сухомлин В.И.* Автобиография // Деятели СССР и революционного движения в России. М., 1988. С. 431—432.
[124] *Сухомлин В.И.* Из эпохи упадка «Народной Воли» // Каторга и ссылка. 1926. № 6. С. 68—69.

В.И. Сухомлин, рис.

ствием во взаимоотношениях между эмиссарами от «заграничного центра» Г.А. Лопатиным и Саловой, и «молодыми народовольцами» — «красными петухами», как их иронично называл Лопатин.

На первых порах диалог шел очень трудно, что нашло выражение и в письмах Г.А. Лопатина к товарищам из «заграничного центра», порождая там пессимизм. Вот один из ответов Лаврова Лопатину, сохранившийся в полицейском «Обзоре»: «Письма Ваши очень печальны. Расстройство в России таково, что едва ли вам удастся привести это все в порядок, а здесь (т.е. за границей), как мне кажется, плохо помогают вам». В этом же «Обзоре» дальше сообщалось, что «Лавров настаивает в письмах на необходимости восстановления Исполнительного комитета, так как, по его словам, замена этого комитета "союзами" (т.е. большая автономия групп, — *авт.*) равняется самоубийству партии»[125]. Хотелось бы особенно обратить внимание на точку зрения Лаврова, видевшего надежду для партии только в сохранении старой вывески ИК. Тихомиров, в отличие от Петра Лавровича, смотрел на эту проблему иначе, о чем мы выше уже косвенно упоминали. Фактически он остался на точке зрения «великого ИК», деятели которого не мыслили руководства движением из-за границы, кроме того, по-видимому, сказался и негативный опыт дегаевщины.

Точку зрения Тихомирова на проблемы реорганизации работы руководящих структур партии как нельзя лучше характеризует фрагмент из его письма Лопатину от 10 (22) мая 1884 г. Тихомиров писал: «Повторяю снова, что считаю всякие заграничные комитеты страшной ошибкой, когда они существуют в самом деле, так как заграничный центр неизбежно превращается в шарлатанство. Ссылка же на фиктивный заграничный центр, это есть сознание в неизлечимом, но претенциозном бессилии. Убедительно советую не делать так. Лучше совсем не действовать. Относительно же себя повторяю, что из-за границы не беру на себя никаких организационных дел; не могу даже согласиться, чтобы меня в том подозревали. На меня из России и то валят, что вздумают, о чем я даже понятия не имею, еще со времени Верочки (Фигнер, — *авт.*). Но в настоящую время у меня на руках журнал («Вестник "Народной воли"», — *авт.*). Какое он может иметь влияние, если меня будут считать шарлатаном, корчащим из себя генерала, желающим крутить партией из-за границы. Это невозможно. Для ведения дел недостаточно чистой совести, нужно иметь еще чистую репутацию. Сверх того, я не скрывал здесь, что считаю недобросовестным ведение организационных дел из-за границы. Серьезно прошу вас принять меры, чтобы в России мне не приписывали этой роли. Возвращаюсь к другому пункту. Вы, друзья, теперь видите Россию и можете убедиться, что для широкой организационной работы в ней нет материала. А там, где возможна только мелкая подготовительная деятельность, достаточно небольших частных кружков. Они даже сильнее, менее заметны шпионам и лучше воспитывают людей. Лучше маленькая, даже личная форма, да ваша, которую бы никто не смел назвать самозванщиной. Серьезно советую не надрываться и не скандалиться, стремясь к невозможному. Не отнимайте своих сил от того, что осуществимо. А не хотите мириться с мелочами, уезжайте и ждите лучших времен. Я предлагаю меры следующие: пусть образуется частный кружок народной партии с каким-нибудь названием, ну хотя бы "Союз Народной воли". Пусть объявит некоторых своих членов, заявит свое profession de foi[126], ведет дело от своего имени. Это мой последний совет. Если не годится, я умолкаю совсем. Буду только литературной работой заниматься»[127].

Жесткие споры шли и по поводу передовых статей к выпуску № 10 «Народной воли». Первые варианты из предложенных Тихомировым не прошли и были забракованы. В своем письме к нему Г.А. Лопатин делился впечатлением от первого варианта статьи, подчеркивая, что она кажется ему «несколько вялою: некоторые крайне ценные мысли утоплены в соусе изложения». Однако, не это самый важный недостаток в статье: в ней «нет горячего (хотя бы и фиктивного) приглашения в

[125] *Сухомлин В.И.* Из эпохи упадка «Народной Воли» // Каторга и ссылка. 1926. № 7/8. С. 97.
[126] Исповедание веры (фр.).
[127] Там же. С. 98.

народ, согласного с вашими убеждениями, хотя бы и с должными ограничениями. Все ваши колебания и огорчения тут налицо. С одной стороны, вы говорите: "Мы всегда советовали и советуем трудиться в народе". С другой, как бы испугавшись, как бы вас не послушались и не поперли все целиком к мужикам, вы прибавляете: "Однако, вы не очень-то напирайте, ребята"»[128].

И все же, несмотря на недопонимание между «молодыми народовольцами» и членами РК, переговоры о совместной борьбе и преодолении раскола продолжались. «Дегаевщина, организационный вопрос, фабричный и аграрный террор» — именно к этим вопросам сводил в своих показаниях в дальнейшем суть разногласий П. Якубович. Если дегаевщина обостряла отношения, то предметом дискуссии все же оказывался главным образом террор. В своих показаниях от 11—12 февраля 1886 г. С.А. Иванов указывает, что «все время», которое он провел тогда в Петербурге (конец марта – начало апреля, 3—4 недели), «проходило в разговорах и дебатах по поводу нового направления аграрного и фабричного террора»[129].

Г.А. Лопатин в своих письмах в характерной для него образной манере рисовал следующую картину переговоров. Он-де доказывал «красным петухам», как он называл оппозиционеров, что они «раздражают общество» (это на первом месте!) и «не сделают ровно ничего, только нашумят мерзких слов, а не сделают даже мерзких дел», что «если бы даже сделали, то восстановили бы против себя даже народ» и даже в крепостное время из этого террора ничего не вышло, и никогда не может выйти, поскольку это всегда личный протест (как вооруженное сопротивление или тюремные скандалы), а не система борьбы против общественных форм и «пусть они сперва попробуют это дело на практике, а потом уж проповедуют печатно, до чего тогда, наверное, не дойдет» и т.д.[130]

В результате в первых числах апреля произошел окончательный разрыв, и 13 апреля, в ответ на совет парижан «разорвать с иными людьми», Лопатин сообщает, что «это уже сделалось», что «они отщепились от нас и скоро выпустят свой орган, который я предлагал им назвать "Красный петух"»[131]. Однако Лопатин не был бы Лопатиным, если бы так легко сдался. Он меняет тактику и начинает, как он сам писал в Париж, «не повторять Петербургской ошибки». Теперь он не обращался к королькам (главарям кружков), заинтересованным лично в независимости, близкой к федерациям, а прямо «к народу», т.е. беседовал непременно с целыми группами, а не с отдельными лицами». Лопатин называл подобную тактику «фланговым движением». Но, пожалуй, самым весомым аргументом на чаше весов оказалась статья Тихомирова. Это признавал в том же письме и Лопатин, подчеркивавший, что «много содействовала слиянию с петухами» присланная Тихомировым «статья против аграрного террора», которую Лопатин «читал здесь многим», которая «положительно нравилась всем», впрочем, сам Лопатин признавал, что читал ее с «собственными комментариями»[132]. В результате всех этих сложных политических манипуляций в июне 1884 г. состоялось примирение фракций и их воссоединение. А об окончательном примирении Лопатин писал Г.Ф. Чернявской в письме 11 августа 1884 г., сообщая, что «красные петухи позабыли понемногу свои раздоры и жмутся к нам самым милым образом»[133].

В № 10 «Народной воли», напечатанном П. Якубовичем в типографии, устроенной В. Переляевым в г. Дерпте, и вышедшем в свет в сентябре 1884 г., был помещен документ, свидетельствующий о слиянии. Из него следует, что примирение носило компромиссный характер. Молодые народовольцы не отказывались полностью от своих взглядов, им «казалось и до сих пор кажется, что пришло время внести некоторые серьезные поправки в строй организации и в программу партии». То, что при наличии имеющихся разногласий они примкнули к ИК, объяснялось тем, что теоретическое расхождение в настоящее время не привело бы к такому разногласию в практической постановке вопросов, которое бы делало необходимым разрыв организации на две части, а также, что молодые

---

[128] Цит. по: *Валк С.Н.* Распорядительная комиссия и «Молодая партия народной воли». С. 121.

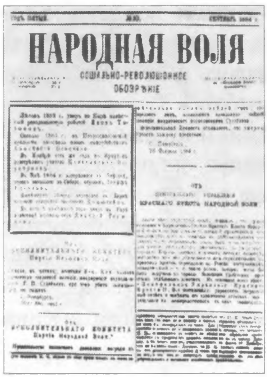
[129] Там же. С. 123.

[130] Там же. С. 123—124.

[131] Там же. С. 126.

[132] Там же. С. 133.

[133] Там же. С. 135.

НАРОДНАЯ ВОЛЯ
СОЦИАЛЬНО-РЕВОЛЮЦИОННОЕ
ОБОЗРЕНИЕ

«Народная воля», № 10, сентябрь 1884 г.

увидели с другой стороны «искренне желание предоставить возможно широкий простор личным мнениям и взглядам с целью лучшего выяснения многих вопросов, поставленных на очередь революционной практикой»[134].

В этом же номере вышли две передовицы, написанные рукой Тихомирова. Первая была посвящена дегаевской истории. Вторая анализу сложившегося политического момента, о ней мы уже упоминали выше. В ней Тихомиров подчеркивал первостепенную роль организационной работы по поддержке революционного переворота и отмечал, что главная задача настоящего момента сводится к созданию такой организации, которая будет необходима в эпоху революции и охватит массы народа[135]. В дальнейшем, развивая свою мысль, он указывал на то, что первейшая задача революционеров как сознательной силы состоит в выработке для революции хоть небольших, но крепких кадров организации, вокруг которой может сплотиться масса. И здесь он предпринимал попытку «перенацелить силы революционеров от увлечения террором к более продуктивной организационной работе по подготовке государственного переворота»[136].

В этой же статье Тихомиров резко высказывался против попытки включения в программу деятельности «Народной воли» фабричного и аграрного террора. Отметая подобного рода тактику, автор обращал внимание на то, что это отвлекло бы значительные силы от реализации главных целей организации. А саму тактику называл «делом частной мести» и т.п., участвовать в котором «для партии — это позор, это всенародное признание своей политической бессодержательности»[137].

«Мы должны помнить, — призывал Тихомиров, — что протест, неспособный найти себе правильной формулы, не может быть успешен и, кончаясь бесплодным истощением сил, приводит массу к самому страшному виду апатии — к разочарованию в себе и в возможности вообще чего бы то ни было добиться. Вся система полицейского провокаторства основана на этом общественно-нравственном законе. Революционер на основании того же закона действует, конечно, совершенно противоположным образом. Он старается сделать каждое проявление народного протеста целесообразным для того, чтобы движение, даже в случае неуспеха, осталось в народе памятником только частной неудачи, а не доказательством невозможности что-нибудь сделать по существу»[138].

И все же в целом сама постановка революционного дела в России не могла не вызывать чувства недовольства у Тихомирова, видевшего, что их последователи пытаются лишь слепо копировать опыт своих «великих» предшественников, ничего не извлекая из их ошибок и неудач, не делая поправок на изменившуюся социально-политическую атмосферу в стране, да, ко всему прочему, еще и принижают идейный уровень движения, пытаясь внедрить в тактику партии и «аграрно-фабричный» терроризм. Поэтому неудивительно, что в строках своей брошюры он фактически цитирует мысль из своего майского письма к Лопатину: «Деятельность Германа Лопатина с товарищами дала мне новое предостережение. Я увидел, что они делают не то, что нужно. Что нужно — этого я не мог почуять из-за границы, но настоятельно советовал Г. Лопатину искать новых путей, так как старые, на которых он стоял, очевидно негодны. Когда я увидал, что он и его товарищи не умеют или не хотят сойти со старых путей, я (летом 1884 года, числа не помню) письменно отнял у Г. Лопатина право считать меня членом их кружка и просил больше не пользоваться моим именем.»[139].

Видя, что народовольчество в России клонится к своему закату, не желая отказаться от террористических форм борьбы, Тихомиров все еще продолжал активно работать в «Вестнике "Народной

---

[134] Литература партии «Народная воля». С. 221.

[135] *Валк С.Н.* Молодая партия «Народная воля». С. 111.

[136] Литература партии «Народная воля». С. 218.

[137] Там же. С. 220.

[138] Там же.

[139] *Тихомиров Л.А.* Критика демократии. С. 30—31.

воли"», видно, подспудно надеясь своей публицистикой воздействовать на лучшие «радикальные умы» и удержать их от гибельного террористического увлечения. В апрельском № 2 «Вестника» за 1884 год появилась, пожалуй, основная статья Тихомирова, написанная им в эмиграции, — «Чего нам ждать от революции?». В ней наиболее подробно были изложены его взгляды на тот исторический момент, который переживало русское революционное движение и российская государственность. Там же автор поднимал вопрос и о судьбах русского капитализма, положении рабочего класса и роли буржуазии в сложившейся социально-политической ситуации.

Судьба русского капитализма находилась тогда в центре внимания как Тихомирова, так и сторонников марксистского направления во главе с Плехановым. Последний в своей работе «Социализм и политическая борьба» (1883 г.) подверг резкой критике программные установки «Народной воли». И вышеназванная публикация Тихомирова являлась в каком-то смысле ответом Плеханову. Вкупе с оценкой перспектив русского капитализма вставала проблема политической борьбы, которую Тихомиров связывал не столько с борьбой за конституционные преобразования, сколько с ориентацией на государственный переворот с целью захвата власти революционной партией, а затем осуществление одновременных политических и экономических преобразований в интересах народных масс.

Отметим, что, несмотря на разочарование в тактических действиях, которых придерживались революционеры в России, Тихомиров все еще оставался на позициях «политического заговорщичества», которому хотел придать более широкий и организованный характер, о чем отчетливо свидетельствовала его публицистика в «Вестнике "Народной воли"». В частности, его статья «Чего нам ждать от революции?» содержала мощный заряд критики против тезиса представителей марксистского социалистического крыла о неизбежности прохождения Россией капиталистической стадии развития по образу и подобию европейских государств. Оспаривая этот постулат, Тихомиров порицал ученых-социалистов за излишний догматизм и привязанность научным социологическим теориям, заявляя, что общий ход жизни это «сила страшная», которая вталкивает в свою колею каждого, даже не понимающего, куда его тащит жизнь. Печальна роль общественного деятеля, втянутого в это движение, но не понимающего его настоящего направления. Расхождение взглядов Тихомирова с марксистами на роль капитализма в судьбах российской государственности находилось не только в области теоретических разногласий, хотя они и играли существенную роль. В этот период времени Тихомиров верил в особый путь России, думая, что можно миновать капиталистическую стадию развития, опираясь на крестьянскую общину и широкое развитие кустарных промыслов. Регулятором такой общинной жизни, по его мнению, должно выступать государство, форма которого исторически сложилась. В неприятии им западного буржуазного уклада жизни и в неприемлемости в России западно-европейских государственных форм сказывались и причины субъективного свойства, присущие большинству русских мыслителей, начиная с Герцена и Бакунина, также столкнувшихся с западной цивилизацией.

Отсюда его отповедь теоретикам, считавшим, что в этот период времени в России борьба за политические свободы должна вестись лишь с целью реализации либерально-демократической программы в духе социалистов Западной Европы. У Тихомирова не вызывал сомнения тот факт, что на повестке дня для России стояла «идея действительной равноправности политического и экономического элемента», нашедшая-де ясное признание только с появлением народовольчества, и решить этот вопрос, несомненно, должна политическая борьба. При этом Тихомиров, замечая опасность более утилитарной трактовки тезиса о политической борьбе, отмечал, что, хотя идея политической борьбы сделалась неоспоримым выводом русской жизни, некоторая часть социалистов не может привести этот вывод в связь с правильными теоретическими взглядами и искажает смысл действительной политической борьбы, ведущейся «Народной волей».

Ближайшей задачей партии в статье «Чего нам ждать от революции?» ставился политический переворот с целью передачи власти Учредительному собранию. Предполагалось, что задача временного правительства будет состоять в том, чтобы явиться на помощь народной революции, революционизировать народные массы и организовать их. «Временное правительство не имеет тут нужды

ни приневоливать народную массу, ни учить ее. Оно только помогает ей с чисто внешней стороны, А между тем каждый шаг, сделанный в смысле такого употребления власти, укрепляет временное правительство, постоянно увеличивая, с одной стороны, количество сил, его поддерживающих, и в такой же мере ослабляя все больше и больше его противников»[140]. Аграрный вопрос следовало решать «в смысле принадлежности земли государству и пользования ею только трудящимися», что привело бы к ослаблению дворянства и буржуазии. Организация национального производства осуществлялась бы на началах, отличных от западно-европейских, в результате чего «предприимчивость людей из буржуазного слоя принуждена будет... обратиться на служение народу, на организацию его общественного производства»[141].

Тихомиров утверждал, что, если становиться на точку зрения русских марксистов, то при настоящем положении России, русского капитализма и русского рабочего класса пропаганда политической борьбы должна временно приводить человека, верующего в историческую необходимость капитализма, к полному отказу от социализма, так как рабочих, способных к классовой диктатуре, почти не существует. Однако, «масса народа, сила громадная — каждый раз, когда она сплочена, выдвинет и поддержит только такой строй, в котором будут осуществляться главные основы его миросозерцания: народное самодержавие в государственных отношениях, и организация земельных отношений на основании общенародного права на землю. В этом смысле *захват власти* социально-революционной партией вовсе не представляется ни фантастичным, ни бесплодным»[142].

Не оспаривая роли крупного производства в развитии страны, Тихомиров искренне считал, что пример Европы не является показательным. Он полагал, что организация национального производства путем капиталистической конкуренции на рынке — не лучший способ рациональной постановки народного хозяйства и подготовки рабочих к социалистическому строю.

Эти же мысли еще более концентрированно он высказал и в № 4 «Вестника "Народной воли"» в 1885 г. Анализируя взгляды К. Маркса и отдавая ему дань уважения, Тихомиров прямо заявлял, что эти идеи неприменимы к российской действительности, т.к. тот целиком прилагал к России революционную формулу, разработанную им для развитых капиталистических стран, с четким акцентом на развитое политическое сознание пролетариата и теорию классовой борьбы. «Поэтому — формулы нашего революционного процесса мы у Маркса не найдем. Нашего будущего он не предсказывает, а потому и не подсказывает нам программы деятельности», — писал Тихомиров[143]. В качестве общества будущего он находил такой его тип, «в котором наибольшая степень обобществления соединена с развитием личности»[144]. Предполагалось, что в обществе будущего личности будет обеспечена индивидуальная свобода, и будет коллективное самоуправление. Свою критику догматического приложения марксизма к российским условиям Тихомиров заключал следующим выводом: «Идея социализма в России появилась не случайно и не принесена ветром... Наш социализм не есть продукт только развития "капиталистического производства"»[145]. Он, по мнению Тихомирова, «обусловливается самим фактом столкновения уцелевших форм общинной России с социализирующейся жизнью Европы, его неизбежность обусловливается даже самою трудностью организовать наше производство на началах буржуазного капитализма... мы приступаем к своей общественной реформе, в такое время, когда всякий сколько-нибудь развитой человек не может иметь другого миросозерцания, кроме социалистического»[146].

В отличие от группы Плеханова, Тихомиров видел другой путь к достижению цели — через политический переворот. Эту идею он развивал еще в печатном органе «Народной воли», а статьи в «Вестнике "Народной Воли"» являлись только логическим развитием его прежних взглядов. Он

---

[140] *Тихомиров Л.А.* Из статьи «Чего нам ждать от революции?» // Революционный радикализм в России: век девятнадцатый. М., 1997. С. 432.

[141] Там же.

[142] Там же. С. 431.

[143] *Тихомиров Л.А.* Запросы времени // Вестник Народной воли. 1885. № 4. С. 262.

[144] Там же. С. 252.

[145] Там же. С. 268.

[146] Там же. С. 269.

их лишь детализировал и углубил. Тем более, по его мнению, настоящая эпоха характеризовалась двумя существенными явлениями: повсеместным банкротством монархии и выходом на арену политической жизни народных масс. И в этот момент роль интеллигенции оказывалась как никогда велика. Опираясь на народные массы при слабости и искусственности русской буржуазии и несостоятельности дворянства, революционная интеллигенция, составлявшая ядро партии, и должна была, по мнению Тихомирова, совершить государственный переворот.

Но Тихомиров говорил о захвате власти революционерами как об исходном пункте революции. По его мнению, ближайшая и первейшая задача победившего Временного правительства состояла в том, чтобы прийти на помощь народной революции. Временное правительство не должно ничего творить, т.к. народ способен сам организовать свою жизнь. «Правительство в собственных интересах должно будет служить народу, и даже сама предприимчивость людей из буржуазного слоя принуждена будет, также в собственных выгодах, обратиться на служение народу, на организацию его общественного производства. Мы действительно не видим причин, почему бы организация национального производства при обрисованных условиях не могла у нас развиваться совершенно иным путем, чем это было сделано капитализмом в Европе», — писал он в своей статье[147]. В конце он утверждал, что страна перейдет к социализму не через развитие капитализма и пролетариата, а через переход земли и государственной власти к народным массам, и уверял, что «нам вовсе незачем насмешливо вспоминать о Перу или Парагвае, и толковать о деспотизме коммунистического правительства. Правительство, народом выбираемое, контролируемое и сменяемое, не может насильно навязывать народу благодеяния социализма или коммунизма»[148].

Статья «Чего нам ждать от революции?» как нельзя лучше характеризовала взгляды Тихомирова в рассматриваемый период времени. В ней в концентрированном виде собраны его мысли, высказанные до этого. Свои экономические воззрения на своеобразный путь развития России Тихомиров пронес через всю жизнь, и, уже будучи монархистом, также выступал за то, чтобы при вмешательстве государства избежать «язвы пролетариатства», ратуя за решение рабочего вопроса в интересах всех сословий, а не за счет самих рабочих. Его мысли об ориентации на развитие внутреннего рынка и возможно меньшую зависимость от иностранного капитала, за некую автаркию при патерналистской поддержке государством национального производства и вмешательстве в решение трудовых конфликтов получили более развернутое воплощение в исследованиях позднего времени, но свои истоки они берут именно в рассматриваемом периоде.

Однако в целом социально-политическая доктрина, выстроенная Тихомировым на основе признания роли революционной партии в проведении одновременно политического и экономического переворота, была выражением отжившей социально-политической доктрины, основанной на неверной оценке расстановки классовых сил в стране и привносящей разрушающие инверсионные колебания, которые в случае реализации этой программы толкнули бы страну назад, к идеям «локального общества», т.е. изолированных крестьянских миров, к идеям общинного социализма при ослаблении роли государства как медиатора.

Идеи Тихомирова, высказанные им в «Вестнике “Народной воли”», являлись отражением вчерашнего дня и находились в полном противоречии с тем, что он сам наблюдал в России, и с той информацией о ней, которая попадала к нему в эмиграции. Имеется в виду быстрое промышленное развитие страны, характеризующееся, в первую очередь, ростом железнодорожного строительства, увеличением городского населения, а следовательно, нарождением рабочего класса. Все это говорило в пользу жизнеспособности русского капитализма.

Более того, левоавангардистские идеи, разработанные Тихомировым в период его активной революционной деятельности, оказались совершенно полярными той действительности, с которой он столкнулся в Европе. Замена самодержавной монархии «самодержавием народа», т.е. парламентом как органом народного представительства, никак не устраивала Тихомирова, сторонящегося либеральных воззрений и являвшегося сторонником сильной, но социально справедливой государственной власти.

---

[147] *Тихомиров Л.А.* Из статьи «Чего нам ждать от революции?» С. 433.

[148] Там же.

Тем более его убеждение в неэффективности западной политической системы постоянно усиливалось по мере наблюдения за жизнью европейских демократий. Все это вкупе рождало вопросы, пока остающиеся без ответа. Прояснить ему ситуацию помогли дальнейшие события в революционном движении и углубленная работа над проблемами социально-политического развития России.

Статья «Чего нам ждать от революции?» вызвала мощную волну критики со стороны марксистской группы «Освобождение труда». Сам же лидер русских социал-демократов ответил работой «Наши разногласия». В ней Плеханов обращался не только к идеям Тихомирова, но и давал детальный анализ всех предшествующих учений утопического социализма и подробно развивал тезис о той роли, которую уже играют капиталистические отношения в русской жизни[149].

Можно согласиться с Плехановым по поводу его мнения о том, что Тихомиров не прав в оценке перспектив капитализма в России. Это доказало и дальнейшее экономическое развитие страны, да и сам Тихомиров впоследствии изменил свое мнение о теории, разработанной В.В. Воронцовым. Что же касается обвинения Тихомирова в умалении исторического предназначения класса и замене его роли волей партии, то в этом отношении критика Плеханова оказалась опровергнута историей. Историческая судьба России показала на примере октября 1917 г., что это не только возможно, но и выполнимо. Только на смену существующим экономическим и политическим отношениям придут не идеи общинного социализма, а воплотятся в жизнь идеи полной подчиненности политической, экономической и социальной личности интересам государства, восторжествует так называемый «государственный социализм», с характерным для него тоталитарным режимом.

В России же ситуация для революционеров складывалась трагически. Провал Г.А. Лопатина в конце 1884 года, вызвавший многочисленные аресты, привел к полной утрате Тихомировым иллюзий относительно силы русских революционеров. «Сильно сдается, что этот конец, — пишет он сразу после ареста Лопатина, — конец им, на очень долгое время, в течение которого, конечно, десять раз успеет погибнуть от истощения сил и журнал. Значит, и этой мечте конец»[150].

Разгром «Народной воли» в России вызвал не только уныние в эмигрантской среде, но и ухудшение материального положения народовольцев, которые были задействованы в издании «Вестника "Народной воли"», не говоря уже об угрозе для самого издания. Причем во многом шаткость финансовой базы «Вестника» объяснялась неспособностью народовольческих кружков в России обеспечить его бесперебойную доставку в центральные города страны. В письме П. Якубовичу от 3 ноября 1884 г. Тихомиров сетовал: «"Вестник" погибает не от равнодушия публики, а оттого, что она его не знает. Судите сами: в Санкт-Петербурге за все время № 1 вряд ли было больше пятнадцати, № 2 — десять, № 3 — всего два... На юге, говорят, больше. Масса лиц предлагает по 20-ти, по 50-ти рублей за экземпляр, не удивительно ли, что не хотят давать денег вперед, когда вечно слышат о провалах транспортов с книгами»[151].

В такой обстановке отдушиной для Тихомирова был журнал «Дело». Последними его публикациями в нем являлись литературоведческие эссе, помещенные в разделе «Из современного обозрения». При знакомстве с ними хотелось бы обратить внимание на способность автора даже в литературно-критических статьях подводить читателя к размышлению о социально-политических вопросах, остро стоящих в России.

В статье «Московская беллетристика», помещенной в № 7 «Дела» за 1883 г., Тихомиров скрупулезно анализировал «охранительные романы» Б.М. Маркевича[152] и В.Г. Авсеенко, опубликованные в «Русском вестнике». Главное, что, по мысли критика, бросается в глаза при чтении вышеуказанных авторов, — это усиливающееся нравственное давление на художника, непременно побуждающее его доказывать ту или иную идею, и, по мнению критика, в охранительном лагере это давление производится особенно сильно, что, по справедливому его заключению, «значительно обедняет

---

[149] *Плеханов Г.В.* Наши разногласия. М., 1955. С. 272.

[150] Воспоминания Льва Тихомирова. С. 183.

[151] К истории «процесса 21-го» // Красный архив. 1929. Т. 5. С. 154.

[152] См.: *Лебедев С.В.* Маркевич Болеслав Михайлович // Русский консерватизм середины XVIII — начала XX века: энциклопедия. С. 282—283.

литературное произведение в художественном плане, т.к. авторы рисуют внимательно и тщательно только свою среду»[153].

Рецензируя работу Э. Ренана о евреях, Тихомиров, признавая глубину изложения и знакомство автора с темой, концентрировал внимание читателей на следующем — если во Франции, как следует из книги Ренана, проблемы, связанные с особенностями еврейского народа, интересны только с точки зрения истории и этнографии, то «у нас, к сожалению, до сих пор вопросы, ставшие во Франции достоянием истории, приобретают нередко жгучий практический интерес... Для разрешения этого вопроса прежде всего нужно твердое убеждение в том, что мы и здесь имеем дело с вопросом общественным, а не племенным»[154]. Таким образом, используя легальный журнал, Тихомиров, хотя и завуалировано, подчеркивал существование в России еврейского вопроса.

Самой удачной из статей, вышедших в цикле «Из современного обозрения», по мнению самого публициста, была публикация «И.С. Тургенев». В ней как нельзя лучше просматриваются своеобразные, и в корне отличные от европейских, взгляды Тихомирова на литературу и ее роль в социокультурной жизни страны. Позднее он отмечал в письме к Новиковой от 5 декабря 1888, что нет ни одного человека, который так, как он, написал о И.С. Тургеневе. В более раннем письме к ней Тихомиров оговаривался, что, хотя Тургенева не знает, но «много слыхал, и не люблю его». Признавая в статье литературные и общественные заслуги писателя перед читающей Россией, Тихомиров выдвигал тезис, что по глубине характеров его герои уступают, например, героям Ф.М. Достоевского. Для него Тургенев был в некотором роде слишком «западным писателем», которого долгое пребывание в лоне европейской культуры лишило остроты восприятия, а затем и повлияло на отсутствие в его произведениях глубоко национальных, сугубо российских проблем и характеров. Отрицал Тихомиров у него и «чуткость в понимании самой сути русской жизни», приводя, как пример, «Новь». Тихомиров сетовал, что «человек, проживший 15 лет за границей, смело (и не очень удачно, — *авт.*) берется за истолкование такого явления (как народничество, — *авт.*), перед которым в недоумении останавливаются самые близкие наблюдатели»[155]. Лев Александрович критически оценивал способность Тургенева к анализу общественных явлений, приводя пример с романом «Отцы и дети», в котором, по его мнению, автор в искаженном свете представил идейные искания главных героев и миросозерцание базаровского поколения в целом. По мысли Тихомирова, в этом романе «отсутствие настоящего анализа, маскируется поразительно живою внешностью», а это в свою очередь «не могло, однако, не ощущаться до некоторой степени публикой, хотя едва ли она сама сознавала, чего не достает в типе. Не понимал этого и Тургенев, вместе с публикой»[156]. В статье не раз подчеркивалось, что Тургенев достигал успеха у публики за счет мастерства внешнего изображения в ущерб внутреннему анализу и психологизму. Из текста можно увидеть, что Тихомиров считал его слишком впитавшим в себя рационалистический, присущий культуре современной ему Европы подход к оценке и изображению событий, происходящих в России, и оторвался от русской почвы. Поэтому-то для революционера Тихомирова консерватор Достоевский по внутреннему складу, по духу, по уровню восприятия общественных явлений оказался ближе, нежели идейный демократ Тургенев. «Я не хочу сказать, что у Тургенева нет анализа, — пояснял он свою позицию, — но заметно, что у него вы почти всегда находите не столько изображение внутреннего душевного состояния, сколько внешнего — в жестах, словах, поступках. Эта черта опять сближает искусство Тургенева с живописью, скульптурой»[157].

В некотором роде в своем эссе Тихомиров интуитивно подошел к мысли, которую много позже сформулирует В. Страда, о том, что «в русской литературе в большей степени, чем в ее философии, европейский Запад открывал для себя метафизические и историософские вопросы, выраженные на его собственном языке силой как бы первобытной, не ограниченной рационалистическими,

---

[153] *ИХ.* Московская беллетристика // Дело. 1883. № 7. С. 5.

[154] *ИХ.* Ренан о евреях // Дело. 1883. № 5. С. 11.

[155] *Григорьев КМ.* И.С. Тургенев // Дело. 1884. № 1. С. 20.

[156] Там же. С. 24.

[157] Там же. С. 16.

присущими культуре Нового времени инструментами. В известном смысле русская культура возвращала Запад к домодерной стадии, но одновременно являлась критикой модерности изнутри и окном в возможную реальность, представляющую собой "другое" самой модерности»[158]. Представляется, что во многом критик оказался прав, недаром сейчас на Западе глубоко психологические, в чем-то иррациональные, но при этом проникнутые высоким внутренним напряжением романы Достоевского более известны, нежели сочинения Тургенева. Из очень неоднозначной для того времени статьи Тихомирова следовало признание им некоторой повехностности тургеневских произведений, особенно изображающих «новых людей» и «новые веяния», а чтобы утверждать это в тот период в либерально-демократическом издании, нужно было иметь некоторое интеллектуальное мужество.

В заключении своего эссе Тихомиров, стремясь несколько сгладить впечатление от своей критической оценки творчества Тургенева, отмечал, что, если его как художника современники ставят выше, чем поставит потомство, то с Тургеневым — общественным деятелем выйдет как раз противное — потомство посмотрит объективнее и с уважением преклонится перед этой могучей деятельностью, вполне соответствующей наиболее важной потребности современной России[159]. Статья о Тургеневе оказалась последней, помещенной Львом Александровичем в журнале.

С середины 1884 г. начинается наступление на либерально-демократическую печать. Так, по решению правительства был закрыт журнал «Отечественные записки». Примерно тогда же начинается атака на журнал «Дело». Во многом это было связано с деятельностью заграничной агентуры, руководимой Рачковским, постепенно превратившимся в «злого гения» Тихомирова. Именно агенты Рачковского предоставили информацию о встрече Станюковича (один из издателей «Дела») с Тихомировым и передаче последнему 200 рублей.

Контакты легального издания с ведущими представителями народовольческого крыла в эмиграции вызвали пристальный интерес полиции к журналу. В редакции произвели обыск, вскрывший сотрудничество в нем политических эмигрантов, в том числе и Тихомирова[160].

Шелгунова и Станюковича арестовали и подвергли допросу. Это произошло 25 июня 1884 г., когда подполковник Жолкевич в присутствии товарищей прокуроров Петербургской судебной Палаты и Окружного суда М.М. Котляревского и Н. Богдановича сняли показания по поводу контактов Станюковича с деятелями революционной эмиграции. Под давлением неопровержимых улик Станюкович сей факт признал[161], равно как и Шелгунов. Следствие тянулось до глубокой осени. В результате за связь с политическими эмигрантами Шелгунов административно был сослан в Смоленскую губернию на 5 лет, а Станюкович, чья вина для полиции представлялась более очевидной, был сослан в Западную Сибирь, в Томск. В недрах полицейских архивов пропала и статья Тихомирова, с оказией направленная Н. Шелгунову незадолго до ареста и ссылки последнего. Статья посвящалась творчеству Г. Успенского и должна была выйти в июньской книжке «Дела», но так никогда и не дошла до читателей[162].

Журнал «Дело» передали новому владельцу, что привело к смене литературного направления и фактически означало конец «Дела» как демократического печатного органа. Естественно, ни о каком сотрудничестве Тихомирова в подобном издании и речи не было. Отлучение Тихомирова от легальной демократической журналистики не только закрывало перед ним возможность творческой работы, но и лишало его более-менее регулярного заработка, что, в свою очередь, сразу поставило его семью в тяжелейшее финансовое положение. Напомним, что именно выплаты из России поддерживали денежное благополучие Тихомировых. Так, за 1883 г. Льву Александровичу передали из редакции журнала «Дело» 400 рублей. В 1884 г. он получил 200 рублей от Станюковича, и за статью

[158] *Страда В.* Западничество и славянофильство в обратной перспективе. С. 63.

[159] *Григорьев К.М.* И.С. Тургенев. С. 43.

[160] ГА РФ. Ф. 93. Оп. 1. Д. 7. Л. 40—41 об.

[161] Там же. Л. 56—58.

[162] *Шелгунов Н.В.* Неизвестные страницы воспоминаний // Прометей. М., 1967. Т. 2. С. 142.

о И.С. Тургеневе ему был выписан гонорар 189 рублей 22 копейки[163]. Учтем, что, кроме жены, у него был еще ребенок, сын Саша, родившийся 22 августа 1882 года уже в эмиграции в Швейцарии.

Именно со второй половины 1884 г. в дневнике Тихомирова то и дело мелькают записи, полные сетований на судьбу и отсутствие денег: «Наши денежные дела отчаянно плохи. Без преувеличения – я начинаю иногда видеть перед нами не только банкротство (по типографии мы все больше залезаем в долги), но даже голодную смерть»[164]. В записях за 1884 г. он 16 раз ссылался на отчаянное безденежье. По сути дела, окончание сотрудничества Тихомирова в журнале «Дело» в России знаменует собой новый период в его эмигрантских скитаниях, наиболее тяжелый в материальном и нравственном отношении, во многом повлиявший на его дальнейшую судьбу.

[163] ГА РФ. Ф. 93. Оп. 1. Д. 7. Л. 51–52.
[164] Воспоминания Льва Тихомирова. С. 184.

Глава VI

ТОЧКА ВОЗВРАТА (1885–1888)

Я вижу дней моих отображенье,
Развернут свиток медленной рукой.
И нет душе желанного забвенья...

Я побежден. Я победитель пленный...
Я видел снег заоблачных вершин,
А ныне ниц лежу, как раб смиренный.

Но в мире есть Судья и Господин.
Христос — любовь. Голгофа — искупленье.
Мы — ветви. Он — лоза. Он — Божий сын.

Я верю: грешникам Его прощенье.

Савинков Б.В., 1911 год.[1]

О жизни семейства Тихомировых в Париже во второй половине 1884 г. сохранились воспоминания ряда лиц. Картина вырисовывается действительно удручающая. Тихомировы жили в одном доме с Русановыми, с которыми находились в приятельских отношениях. Тогда же, во второй половине 1884 г., на квартире Льва Александровича временно остановились бежавшие из России после народовольческого разгрома С.А. Иванов и Бах.

Последний в воспоминаниях описывал, как строился быт в семье Тихомировых в тот период времени. Обычно дело происходило так: жена Тихомирова давала скудные деньги на закупки провизии, Бах или С.А. Иванов отправлялись за покупками, затем чистили картошку, а Екатерина Дмитриевна варила еду. Плотно питались один раз в день. Сам Лев Александрович, погруженный в свои мысли, в каких-либо хозяйственных мероприятиях участия не принимал, т.к. в практических вопросах был «беспомощен, как младенец»[2]. Все его попытки найти литературный заработок во французских газетах разбивались о слабое знание французского литературного языка. Ко всему прочему семью Тихомировых, как, впрочем, и всю колонию русских политических эмигрантов, настигли два страшных потрясения.

Первое было вызвано рядом самоубийств — 14 (26) апреля 1883 г. выстрелом из револьвера покончила с собой в Женеве героиня «процесса 50-ти» С.И. Бардина. 6 августа того же года всех потрясло самоубийство в Женеве Е.Ф. Завадской, произошедшее после смерти ее мужа А.А. Франжоли, который скончался 6 августа 1883. Тихомиров знал их еще по «процессу 193-х», а затем и по совместной деятельности в «Народной воле». Конечно, эти события, совпавшие с отъездом Тихомировых в Париж, не способствовали улучшению их эмоционального настроя. Еще более сильным потрясением для Льва Александровича, человека вообще очень осторожного, стали события, связанные с арестом в середине 1884 г. в Германии Дейча. В Германию, а именно в Пруссию тот частенько наезжал по делам группы «Освобождение труда». Арест и выдача Дейча правительством О. Бисмарка России,

[1] *Савинков Б.В.* (*Ропшин В.*). То, чего не было. С. 661–662.
[2] *Бах А.Н.* Записки народовольца. С. 200.

где его быстро осудили на 16 лет каторги за попытку убийства в 1877 г. предателя Н.Е. Гориновича, явились тревожным предостережением для большинства русских политических эмигрантов. Были они тревожным «звонком» и для Тихомирова, которого в России ждала смертная казнь, а в лучшем случае — пожизненная одиночка в Шлиссельбурге.

Вообще к концу 1883 г. ситуация для русских революционеров в Европе начинает меняться в худшую сторону. Положение дел на континенте в связи с объединением Германии подталкивало к союзу Россию и Францию, правительство которой предпочитало закрывать глаза на деятельность русской секретной службы на ее территории. Наблюдалась и тенденция на постепенное сближение позиций в вопросе борьбы с международным революционным движением между некоторыми европейскими государствами, особенно между Германией и Россией. После провала «антинигилистической» конференции, которую царское правительство попыталось созвать в Европе после 1 марта 1881 г. с целью выработки общего плана действий против «Народной воли»[3], царская дипломатия изменила тактику и встала на путь заключения двусторонних договоров о выдаче политических преступников.

И это вскоре принесло определенные результаты — к 1885 г. такие договоры были заключены с Германией, Австро-Венгрией и Румынией. Ряд государств, в том числе Бельгия (17 августа 1881), Монако (24 августа 1883), Португалия (28 апреля 1887), а еще ранее Испания (9 марта 1877) и Нидерланды (1 августа 1880), «договорились с Россией взаимно выдавать людей, причастных к цареубийству»[4]. Определенному политическому давлению в этом вопросе подвергалось и правительство Франции, как уже указывалось выше, заинтересованное в сближении с Россией. Тем более что в качестве жеста «доброй воли» французские власти и без всяких договоров могли выдворить неугодных русскому правительству эмигрантов на территорию сопредельного государства, которым могла оказаться связанная с Россией договором о выдаче всех политических преступников Германия, а оттуда их могли уже этапировать в Россию.

Все это делало пребывание политических эмигрантов во Франции отнюдь не безопасным. Особенно тревожно ощущал себя Тихомиров, обвиняемый русскими властями в причастности к «делу 1 марта». Это означало следующее: в случае желания оказать услугу России власти «третьей республики», дабы не вызывать ажиотажа в местной прессе, способной поднять кампанию в случае высылки неугодного лица в ненавистную всем французам Германию, преспокойно могли доставить Тихомирова, как одного из причастных к цареубийству, на франко-бельгийскую или на франко-испанскую границу. Для последнего результат был бы таким же — неминуемая экстрадиция в Россию.

Вскоре последствия быстрого франко-российского сближения стал ощущать на себе и Тихомиров. С середины 1884 г. он начал претерпевать все возрастающее давление со стороны российских секретных служб, вольготно чувствовавших себя во Франции. Царское правительство, обеспокоенное активностью русской эмиграции, поставило во главе заграничной охранки энергичного и предприимчивого Рачковского, получавшего до 12000 рублей в год только жалованья (это больше тогдашнего оклада министра), а также огромные средства на секретные расходы. Выделение средств на содержание русской полицейской службы в Европе за 1884 г. резко возросло. Сумма составляла 58 тысяч рублей, что намного превышало прежние поступления, а к 1888 г. бюджет заграничной агентуры составлял уже около 90 тысяч рублей[5]. Глава русской секретной резидентуры оказался способным дипломатом и быстро установил хорошие связи с Луи Андрие, префектом парижской полиции в 1879 — 1882 гг., человеком, который люто ненавидел революционеров и нередко оказывал содействие русским властям в деле борьбы с революционной эмиграцией[6].

Используя свой полицейский талант, а главное, практически неограниченные финансовые возможности, Рачковский вскоре получил отличный источник информации прямо в центре парижской

---

[3] См.: *Тарле Е.В.* Канцлер Бисмарк и цареубийство 1 марта 1881 г. // *Он же.* Собрание сочинений. М., 1962. Т. 11. С. 481—487.

[4] *Троицкий Н.А.* Царизм под судом прогрессивной общественности... С. 45.

[5] Карьера П. Рачковского // Былое. 1918. № 2. С. 79.

[6] *Кропоткин П.А.* Записки революционера. С. 420. 426.

эмиграции. Бах, живший в одном доме с Тихомировыми, водил тесную дружбу с А.М. Геккельманом (он же Гартинг, он же Ландезен) и даже поселил его на своей квартире. Впоследствии этот «милый» юноша, скромный и с прекрасными манерами, не раз выручавший Тихомировых деньгами, станет правой рукой Рачковского[7]. В 1884 г. он еще только начинал полицейскую карьеру в качестве осведомителя.

Главной целью начавшейся «охоты» за эмигрантами являлся, несомненно, Тихомиров. В одном из своих донесений от 22 марта 1887 г. Рачковский признавался, что все мероприятия, проводимые парижской резидентурой, «были направлены главным образом именно против Тихомирова»[8]. Повышенное внимание к последнему объяснялось ролью, которую он играл в «Народной воле». Российские власти считали его одним из непосредственных руководителей преступления 1 марта. Поэтому пребывание Тихомирова на свободе рассматривалось в качестве «единственно верного залога дальнейшего хода русской революции»[9]. Его аресту министр внутренних дел Д.А. Толстой в письме Н.К. Гирсу от 22 октября 1884 года придавал *«решающее* значение в деле борьбы правительства с крамолой»[10]. Нетрудно понять и рвение Рачковского, который показал себя не только способным деятелем сыска, но и незаурядным психологом. Выявив слабые места Тихомирова, он безошибочно стал наносить удары именно по ним. Зная о его «шпиономании», он прямо-таки затравил его слежкой и довел буквально до истерии. Близко общавшийся тогда со Львом Александровичем Русанов подмечал у него прямо панический страх перед применением к нему физического насилия, но можно полагать, что Тихомиров опасался не столько прямого физического воздействия, сколько захвата врасплох и тайного вывоза в Россию.

Можно отметить и еще один факт. Когда-то высоко державший знамя «Народной воли» Тихомиров чувствовал, что после казни и арестов близких к нему товарищей остался без поддержки. Историк И.Н. Курбатова отмечает: «Массовые аресты в 1881—1882 гг. сильно ослабили организацию. Был арестован почти весь Исполнительный комитет "Народной воли"»[11]. В потверждение приведем данные историка Троицкого, из которых следует, что «процесс 17-ти» (28 марта — 5 апреля 1883 года) и «процесс 14-ти» (24—28 сентября 1884 года) были последними народовольческими процессами, на которых судились близкие Тихомирову люди, представители некогда грозного ИК. Среди них по «процессу 17-ти» Ю.Н. Богданович, А.П. Корба, М.Ф. Грачевский, С.С. Златопольский, Теллалов, А.В. Буцевич, Я.В. Стефанович, и Фигнер по «процессу 14-ти»[12]. После такого погрома Тихомиров не смог удержаться на высоте того авторитета, на которую попал, хотя доверие и уважение к нему товарищей было весьма высоко. Например, Русанов свидетельствовал: «Такого вдумчивого и внимательного собеседника мне редко приходилось встречать. У него был... особый сократический прием рассуждать, заставляя рассуждать вас самих путем вопросов и развития ваших же мыслей. Во время этих бесед он мне никогда не предлагал сразу своего готового решения, но, как будто колеблясь, как будто перебирая мнения и за и против, рассматривал интересовавшую нас задачу с разных сторон. И мы обыкновенно с ним никогда не успокаивались, пока не приходили к известному, хотя бы отрицательному, выводу, то есть пока не убеждались, что по крайней мере такой или иной ответ на вопрос был явно несостоятелен... Тихомиров, оставшийся с Ошаниной почти единственным членом грозного Исполнительного комитета первого состава, был окружен ореолом не только теоретика Народной Воли, но и одного из самых энергичных руководителей знаменитой революционной организации. Я смотрел на него, как на воплощение мужественного политического деятеля. Часто, когда у нас заходила речь о славной деятельности народовольцев, мне так хотелось воскликнуть прямо в лицо героя:

---

[7] *Бурцев В.Л.* В погоне за провокаторами. М., 1991. С. 52—53.

[8] ГА РФ. Ф. 102. 3-е д-во. 1887 г. Д. 69. Л. 26.

[9] Там же. 3-е д-во. 1884 г. Д. 1001. Л. 1—2.

[10] Там же. Л. 8.

[11] *Курбатова И.Н.* На переломе // От народничества — к марксизму: Воспоминания участников революционного движения в Петербурге (1883 — 1894 гг.). С. 6.

[12] *Троицкий Н.А.* «Народная воля» перед царским судом. С. 385—386, 389.

Ты воевал под башнями Казани,
Ты рать Литвы при Шуйском отражал!»[13].

Но рядом с Тихомировым уже не было старых товарищей и он все острее чувствовал свое одиночество и... беззащитность (в т.ч. физическую). Можно полагать, что Рачковский разгадал то, что происходило у него в душе, и выявил его слабые места. Эти слабости не могли заметить восхищавшиеся Тихомировым молодые соратники, но знали такие его старые друзья, как Михайлов, которые старались оберегать его (вспомните призыв «беречь Старика»). Перед умным противником, коим был Рачковский, он оказывался беззащитен.

П.И. Рачковский

Яростная травля Тихомирова началась ближе к концу 1884 г. Причем основную часть мероприятий по его «устрашению» проводили нарочито явно, напоказ, не считаясь ни с какими нормами права. «Пропадали письма, загадочным образом беспричинно задерживались на почте денежные переводы, знакомые получали за подписью Тихомирова телеграммы, которых он не посылал, квартирные хозяйки вдруг отказывали в квартире...»[14]. Наиболее ярким примером психологической атаки явился случай с передачей Льву Александровичу открытки, которая была подписана по-французски «Leon Tigrich de Prochvostov»[15]. Она была обращена «Мосье Базилю Долинскому», а по-русски в ней было написано: «Лев Тигрыч де Прохвостов, не думай, что мы забыли о тебе. Под какими бы именами и прозвищами ты ни скрывался, знай, что мы захватим тебя в свои руки и отвезем в Россию, где ты, нераскаянный злодей, и примешь от палача давно заслуженную тобой казнь за твои адские преступления»[16]. Открытка была написана шпионами-литераторами, творящими под псевдонимами граф Кун и барон Грюн, известными революционной эмиграции, но, тем не менее, вызвала пароксизм страха у Тихомирова. Невзирая на все увещевания товарищей, он так и не смог успокоиться. Справедливости ради отметим, что столь мощной психологической обработке подвергался только он, и со стороны легко было иронизировать над его страхом. В результате для его успокоения Лавров вынужден был устроить ему рандеву с лидером тогда могущественной Республиканской партии Ж. Клемансо. Встреча закончилась настоящим конфузом. Жалкая, беспомощная фигура Тихомирова, что-то невнятно лепечущего по-французски, произвела на вальяжного Клемансо шокирующее впечатление: «Я, признаюсь, ожидал встретить человека вроде наших знаменитых террористов Великой революции. Я слышал, что Тихомиров был душою той героической партии, которая своею борьбою с царским абсолютизмом привлекла внимание всего мира. И я приготовлялся встретить героя из героев... — сетовал влиятельный политик. — Представьте же себе мое печальное, трижды печальное разочарование, когда вместо Дантона или, по крайней мере, Робеспьера, — да что, вместо любого из вождей наших оппортунистов... я увидел человека вне себя от страха, с прыгающими по сторонам глазками, дрожащими руками, бессвязным лепетом: “мосье Клемансо, мосье Клемансо”»[17].

Период парижской жизни в 1884—1885 гг. был заполнен для Тихомирова и поисками ответов на проблемы социальной философии, которые могли пролить свет на вопросы дальнейшего развития общественного движения в России. Наиболее активно дискуссии на эту тему велись между

---

[13] *Русанов Н.С.* В эмиграции. С. 108, 111. Разочарованный «покаянием» Тихомирова, Русанов охарактеризует бывшего товарища, как человека «приспособляющего интересы общего дела к удовлетворению своего самолюбия», отметив, что тот «никогда не отличался глубокой верой в истинность тех или других идей» // Там же. С. 158. Как говорится, от любви до ненависти один шаг.

[14] *Тарапута Е.А.* С.М. Степняк-Кравчинский — революционер и писатель. С. 383.

[15] Там же.

[16] *Русанов Н.С.* В эмиграции. С. 111—112. Об этом же см.: *Бах А.Н.* Записки народовольца. С. 205.

[17] *Русанов Н.С.* В эмиграции. С. 112. К этому описанию Р. Пайпс сделал немаловажное примечание: «Клемансо не знал, что глаза Тихомирова странно выглядели не от испуга, а из-за нистагма — заболевания, характеризующегося непроизвольными быстрыми движениями глазных яблок» // *Пайпс Р.* Лев Тихомиров: революционер поневоле. С. 139.

Тихомировым и Русановым. Обмен мнениями между ними как бы продолжал их полемику образца 1881 г. в журнале «Дело». В основном в их беседах обсуждались вопросы, касающиеся критики экономического материализма. Тихомирова не устраивала экономическая детерминированность учения К. Маркса: «У Маркса ум был более точный, логичный, и потому теория была стройна. Мы не могли с ней согласиться только потому, что она отрицала инициативную роль *личности*, делала личность не творцом, а тварью. Мы поэтому искали ответов не в социализме, а в социальной науке»[18]. Поиски ответов на вопрос, куда идти дальше, уводили Тихомирова от марксизма в область увлечения «органической теорией общества», разработанной Спенсером. В беседах с Русановым Лев Александрович затрагивал и вопросы теории «естественного права». При рассмотрении ее положений отказывался только от ее крайностей. Опираясь на эту правовую концепцию, он формулировал и развивал тезис о том, что правовые нормы вырабатываются лишь в течение общественного процесса, первоначально формируясь в умах наиболее чутких личностей, и отвоевываются затем этим революционным меньшинством у эгоистических притеснителей целого общества.

Вновь обращает на себя внимание попытка обосновать особое предназначение «революционного меньшинства» в различных сферах общественной жизни. Такого рода рассуждения привели Тихомирова в область социальной психологии, к изучению трудов Эспинаса, Г. Лебона, Г. Тарда, Фулье, Н. Фюстель де Куланжа[19]. Труды этих ученых являлись более консервативными модификациями наработок Спенсера. Особенно часто он обращается к трудам Лебона, ставящего психологические, личностные, а отнюдь не материальные установки во главу угла как основополагающие при формировании современного общества.

При этом через знакомство с идеями вышеприведенных ученых Тихомиров начал постепенно склоняться к мысли, что формирующееся таким образом общество имеет «органический характер» и его развитие должно происходить эволюционно, а не революционно. Теоретические выводы эволюционной, органической школы в социологии вполне соответствовали его тогдашним научным воззрениям, представлявшим собой симбиоз дюрингианства и вытекающего из него «субъективного метода» Михайловского с их ориентацией на учет психологических факторов в определении настроения и мнения народных масс, игравших ведущую роль в развитии всего исторического процесса.

Создавая свою собственную социологическую доктрину, Тихомиров рассчитывал связать воедино идеи Дюринга и Михайловского с теориями сторонников «органического происхождения» государства, а в довершение — и с собственными идеями «политического заговора». Но, в отличие от своего промарксистски настроенного оппонента Плеханова, который усматривал залог успеха революционеров в учете объективных социально-экономических условий развития государства, Тихомиров видел залог успеха в самостоятельных устремлениях отдельных личностей, способных создать такой строй, при котором сила и значение личности возрастали бы еще больше. Он сам признавал: «Для меня даже логически не было иного исхода, как оставаться народовольцем-якобинцем или... совсем отбросить идею революции»[20]. Однако тогда идею революции в виде широкого «политического заговора» он еще окончательно не перерос, поэтому и не оставлял попыток хоть как-то ее «освежить».

В столь непростой обстановке внешнего давления и поиска верной социальной теории, приемлемой для специфических условий России, шла подготовка к выходу в свет № 4 «Вестника "Народной воли"», появившегося в январе 1885 г. В нем Тихомиров поместил, пожалуй, последнюю крупную статью — «Запросы времени». Здесь можно обнаружить уже новые оттенки, позволяющие лучше понять состояние смятения, переживаемое русской политической эмиграцией. «Наши поражения могут, по существу дела, быть только частными, поражением отряда, а не армии. Это закон истории», — писал Тихомиров, видя кризис народовольчества в России[21]. По тону статьи видно некоторый

[18] *Тихомиров Л.А.* Тени прошлого. С. 422.

[19] См. следующие труды: *Эспинас А.* История политико-экономических доктрин. *Лебон Г.* Арабская цивилизация (1884 г.); Индийская цивилизация (1887 г.), и др.

[20] ГА РФ. Ф. 634. Оп. 1. Д. 41. Л. 4.

[21] *Тихомиров Л.А.* Запросы времени. С. 229.

надлом во взглядах Тихомирова. Он обращался, скорее, к вопросам социалистического будущего, в котором пока не сомневался, но почти не давал ответов на задачи сегодняшнего момента. Во многом это объяснялось тем, что он сам находился в процессе идейного поиска.

Осложнилась ситуация и в кругах эмигрантской колонии. Отношения в редакции самого «Вестника "Народной воли"» складывались также не совсем гладко. Отметим довольно резкий спор Тихомирова и Лаврова из-за статьи Тарасова (Русанова) «Об экономических и политических факторах», одобренной Тихомировым для № 2 «Вестника». Недовольство Лаврова вызвал тон статьи, полемизировавшей с работами Ф. Энгельса. Лавров в это время углубился в изучение марксизма и посвятил ряд своих публикаций популяризации этого учения. Как отмечает Б.С. Итенберг, «Тихомиров всегда считал Лаврова "чужим" и стремился отделаться от его влияния. Еще в августе 1883 г. он писал М.Н. Ошаниной: "Думаю я, что журнал выйдет ужасно ерундовый, никому не нужный, и меня только скомпрометирует. Я бы желал не быть в такой зависимости от П.Л. (Лаврова, — *авт.*). Перетолкуй с Н.С. Русановым, не согласится ли он, в случае чего, быть редактором негласно, а членом останусь тогда один я"»[22]. О былом, хотя и без того достаточно хрупком, единстве взглядов в редакции приходилось только мечтать. Результатом такого положения дел стало обращение 4 августа 1884 г. Лаврова к ИК «Народной воли», в котором он отказывался от поста редактора «Вестника». Объяснял он свой демарш разногласиями в редакции по ряду основных пунктов: 1) по самой программе издания; 2) по отношению к другим социалистическим группам и по широте допускаемой в «Вестнике "Народной Воли"» критики деятельности партии «Народной Воли»[23]. И если в 1884 г. Лаврова удалось убедить остаться в составе редакции, то к середине 1885 г. из-за тяжелого финансового положения он вынужден был искать какую-нибудь оплачиваемую работу помимо «Вестника». Это, а также болезнь глаз окончательно подтолкнули Лаврова уйти с поста редактора. Он согласился только на простое сотрудничество с журналом.

В какой-то мере статья Тихомирова «Запросы времени» явилась еще и реакцией на укрепление позиций марксизма в русском революционном движении. В статье Тихомиров, признавая заслуги К. Маркса перед европейским социалистическим движением и объявляя даже его идейным вождем этого движения, заявлял, однако, что Маркс не предсказывает нам программы деятельности, и если в Европе он не только великий ученый, но и политический вождь, то в России Маркс не имеет этого последнего значения. В дальнейшем автор призывал русских революционеров перестать догматически относиться к марксизму, как это делалось в анонимной брошюре «Письмо к товарищам». Главную ее ошибку Тихомиров усматривал как раз в том, что Маркс прилагает к России революционную формулу капиталистических стран. В России же ситуация принципиально иная, а отсюда и иные формы революционной борьбы. По мнению Тихомирова, социалисты — это единственная партия, которая смело обращается к народу, «вызывает его на сцену политической жизни» и не боится, как другие, а требует переворота, основанного на желаниях народной массы.

В связи с появлением очередного номера «Вестника» наблюдалась и резкая активизация заграничной охранки, поставившей своей задачей окончательно прекратить его издание. Причем делалось это весьма успешно. Очень тяжелым бременем ложились на почти пустую кассу «Вестника» провалы транспортов издания при доставке их в Россию, а благодаря активизации агентуры в 1884—1885 гг. они участились.

Так, 15 мая 1884 г. в Севастополе арестовали И.Н. Телепнева, явившегося за журналом к матросу французского парохода «Мендоза». В сентябре 1884 г. провалился еще один перевалочный пункт[24]. Участившиеся провалы свидетельствовали о хорошей осведомленности Рачковского в вопросах организации нелегальных перевозок. Ко всем прочим бедам прибавились и проблемы с женевской типографией «Вестника». Фактически типография принадлежала К.М. Турскому, приверженцу Ткачева, и была им на основе документального соглашения передана народовольцам. Неожиданно она потребовалась Турскому для своих нужд, а документ о передаче типографии оказался крайне

[22] *Итенберг Б.С.* П.Л. Лавров в русском революционном движении. М., 1988. С. 216.
[23] *Лавров П.Л.* Годы эмиграции. С. 142.
[24] *Вахрушев И.С.* Очерки по истории русской революционно-демократической печати 1873—1886 годов. С. 201.

путано составлен, и началась очередная эмигрантская склока со взаимными обвинениями и претензиями[25].

Наступивший 1886 год не принес облегчения. 8 марта, после очередных провалов в России, Тихомиров записал в своем дневнике: «Я окончательно убедился, что революционная Россия в смысле серьезной сознательной силы *не существует*... Народ страшно измельчал, они способны только рабски повторять примеры былых героев, но совершенно не способны понять измельчившихся (так в тексте, — *авт.*) условий и выдумать что-нибудь свое»[26]. Его раздражало копирование старых террористических методов революционерами России и их нежелание привнести что-либо новое в революционную теорию в изменившихся общественных условиях. Для Тихомирова бесперспективность террора давно уже стала очевидна. «Идея *террора* сама по себе до такой степени слаба, что о ней не испытываешь даже желания говорить... терроризм как система политической борьбы или бессилен, или излишен: он бессилен, если у революционеров нет средств низвергнуть правительство; он излишен, если эти средства есть. А между тем он вреден в нравственном и умственном смыслах», — считал он[27]. Необходимость выдвижения на первый план культурной работы и реформирование революционной партии для него становились все очевиднее. Вместе с тем он интересовался революционной борьбой в России и комментировал процесс «12-ти» в «Вестнике» такими словами: «Просто любуешься поведением подсудимых!»[28].

К концу 1886 г., окончательно убедившись в нежелании, да и в неспособности русского революционного движения видоизменяться, Тихомиров пришел к выводу, что отныне от России, русского народа нужно ждать всего, ничего не ожидая от революционеров. И, сообразуясь с изменившимися условиями, он начинает перестраивать и свою личную жизнь. «Я должен ее устроить так, чтобы иметь возможность служить России так, как мне подсказывает *мое* чутье, независимо ни от каких партий», — записал он в дневнике 8 марта 1886 года[29]. Этот год приготовил для Тихомирова еще одно испытание. Оно во многом не только усилило его личный кризис, но и предопределило дальнейший ход его жизни. Ко всем несчастьям прибавилась болезнь сына, и 29 апреля Тихомиров записывает: «Вот уже две недели, как возимся с Сашей. Болен, по-видимому, менингит. Мушки, компрессы, бессонные ночи, крики, раздирающие душу. Я дошел до последней степени измученности. Я было совсем отчаялся и был уже уверен, что мой бедняжка помрет... Мочи нет. Всю душу вымотало»[30].

Тихомировы в связи с болезнью ребенка влезли в большие долги, приходилось тратиться на покупку очень дорогих лекарств, приглашать известных светил медицины. Деньгами им помогала вся эмигрантская колония, но особенно А.М. Геккельман и Павловский. Столь тяжелые обстоятельства способствовали сближению последнего с Тихомировым. Доктора особых надежд не питали, и Тихомирову ничего не оставалось, как обратиться к Богу. Вера достигла у него мистических пределов. Он стал крайне суеверным. Это отмечали в тот период многие[31]. Чудесное выздоровление сына, в которое, положа руку на сердце, никто уже и не верил, еще сильнее обострило у Тихомирова религиозные чувства, дремавшие с детства. По его собственному признанию, он глубоко погрузился в чтение религиозной литературы. Впоследствии, бывая с ребенком в русском православном храме, он с удивлением заметил, что светлые христианские образы привлекают не только его, но и маленького сына (в будущем он станет священнослужителем). Возможно, обратив внимание на то, как православная обрядность влияет даже на внутренний мир ребенка, Тихомиров впервые серьезно задумался о роли православной церкви в судьбах русского народа и русской государственности. Он все чаще стал заглядывать в Библию, которая открывалась на фразе «и избавил его от всех

[25] *Лавров П.Л.* Годы эмиграции. С. 157—168.

[26] Воспоминания Льва Тихомирова. С. 188—189.

[27] *Тихомиров Л.А.* Критика демократии. С. 36.

[28] *Троицкий Н.А.* «Народная воля» перед царским судом... С. 246. Приводится ссылка на статью Тихомирова «Киевский процесс», помещенную в 5 номере «Вестника "Народной воли"» за 1886 год.

[29] Воспоминания Льва Тихомирова. С. 189.

[30] Там же. С. 191—192.

[31] См.: *Бах А.Н.* Записки народовольца. С. 203—204.

скорбей его и даровал мудрость ему и благоволение царя египетского фараона...» (Деян., 7, 10)[32]. Пытавшегося вникнуть в смысл написанного Тихомирова озарило: «Да не государь ли это? Не на Россию ли мне Бог указывает?»[33]. Так происходило его внутреннее перерождение. Его потянуло в церковь и он, опасаясь ходить в посольскую православную церковь, пошел в католическую, где было «что-то понятное сердцу»[34]. «Молиться не молился, а так что-то такое в себя впитывал. Орган – не хор, грубо, однако, все же звучал молитвой, и толпа кругом как-то молилась»[35]. Много позже другой видный революционер, так и не раскаявшийся в своих деяниях, напишет:

...Железные люди
Бьются,
И алая кровь
Струится.
Я бы хотел проснуться
И помолиться...[36].

Соместить молитву с борьбой против монарха — «помазанника Божьего», а веру в революцию с верой в силу молитвы Тихомиров не мог. Нужно было делать выбор, и предпосылки к этому уже имелись. «Строго говоря, я не был вполне безбожником никогда, — вспоминал он. — Я только не верил в Бога, я имел материалистическое миросозерцание. Но я как-то боялся воевать с Богом, – меня от этого что-то удерживало. Один раз во всю жизнь я написал: "Мы не верим больше в руку Божью", и эта фраза меня смущала и вспоминалась мне, как ложь и как нечто нехорошее. И это потому, что я не имел теории Бога и имел теорию без Бога, но в то же время давно уже ощутил нечто таинственное, чего не понимал и не мог, однако, отрицать»[37]. Тихомиров начал брать с собой в католическую церковь и сына, которому говорил о Христе, «что Он добрый, что Он любит детей, что Он исполняет, что просят дети. Говорили и о Боге вообще. Говорили даже и о черте <...> Я как будто сам анализировал себе все это, говоря об этом Саше. Я заставлял молчать свои сомнения»[38].

Сделаем небольшое, но, как мы полагаем, весьма важное отступление от рассказа о жизни Тихомирова и происходивших с ним метаморфозах. Ранее мы уже обращали внимание на тот факт, что многие мыслители, прежде чем стать консерваторами и сторонниками монархической системы, входили в ряды ее критиков, а то и разрушителей[39]. Наиболее яркими примерами являются Достоевский, жестоко поплатившийся за свою принадлежность к петрашевцам, и Тихомиров, проделавший путь от убежденного революционера к убежденному монархисту-государственнику. Не случайно в понимании современников что-то роднило этих двух людей и заставляло сказать о том, что тихомировская судьба так и просится в роман Достоевского. Получившие в детстве отнюдь не радикальные, а вполне благонамеренно-религиозные установки, они, отчасти под воздействием «духа времени», отчасти под давлением жизненных обстоятельств, прошли «искушение» оппозиционности к власти. При рассмотрении их мировоззренческих установок было бы неразумно опускать факты биографии, поскольку именно под их влиянием формируется позиция человека по отношению к миру и к самому себе.

Данилевский, увлекшись идеями Ш. Фурье, посещал в 1844—1848 гг. кружок М.В. Петрашевского. В 1849 г., вместе с другими участниками кружка, он был арестован и помещен в Петропавловскую крепость, где пробыл сто дней. Однако ему удалось убедить следствие в своей непричастности к

[32] Воспоминания Льва Тихомирова. С. 290.
[33] Там же. С. 291.
[34] Там же.
[35] Там же.
[36] *Савинков Б.В.* (*Ропшин В.*) То, чего не было. С. 707.
[37] Воспоминания Льва Тихомирова. С. 287.
[38] Там же. С. 291—292.
[39] См.: *Репников А.В.* Консервативная концепция российской государственности. С. 98—99.

антиправительственной деятельности Петрашевского. В ответ на обвинение в пропаганде учения Фурье он сумел доказать в пространной записке, что трактовал это учение не как революционное, а как экономическое. Следственная комиссия освободила Данилевского от суда, но он был выслан из Петербурга в Вологду, вскоре переведен в Самару и до 1856 г. находился под надзором полиции.

К. П. Победоносцев с приемной дочерью Марфой

Леонтьев пришел к православной вере (от которой, впрочем, радикально и не отходил) и консервативной идеологии через борьбу с самим собой. Впоследствии он вспоминал, что в первые годы эпохи реформ он, как и все, сочувствовал либеральному движению. Избавившись от «увлечения» либерализмом, Леонтьев занял твердые консервативные позиции: «Я в течение 2-х зим до того переродился, что мне стало все то нравиться, что мне было прежде почти чуждо, и дорожить я стал многим из того, что прежде я готов был охотно пожертвовать, так сказать, отчасти для гуманности, отчасти для поэзии либерального движения. — Мне стали дороги: монархии, чины, привилегии, знатность, война и самый вид войск; пестрота различных положительных вероучений и т.д. — Личное положение мое тогда было невыносимо тяжело...», — писал он впоследствии[40]. Перелом во взглядах произошел неожиданно. Служа консулом в Салониках, в июле 1871, Леонтьев заболел и, закрывшись в доме, стал ожидать неминуемой смерти, поскольку установил у себя симптомы холеры. Когда наступил кризис, он молился на икону Богородицы и дал обет уйти в монахи. Ему стало лучше, и, оправившись от болезни, он, согласно обету, отправился на Афон, забросив все консульские дела. На Афоне он поселился в русском Свято-Пантелеймоновом монастыре. Изучая труды отцов церкви, прожил там до августа 1872, хотя просьба о монашеском постриге была отклонена. Леонтьев вскоре написал труд «Византизм и славянство», в котором с наибольшей полнотой раскрыл свое культурно-историческое мировоззрение, в т.ч. и антилиберальную позицию. С этого начинается новый этап в его жизни. Одни исследователи (Н.А. Бердяев, Ю.П. Иваск и др.) пытались дать исцелению Леонтьева и произошедшему с ним духовному перелому материалистическую трактовку. Другие считают, что Леонтьев, подобно самой Руси, проделал путь от язычества к христианству. Но ведь Леонтьев никогда язычником не был и его любовь к внешним формам античности не есть вера в язычество как религию.

Консервативные взгляды такого «столпа реакции», как Победоносцев, тоже оформились и закостенели не сразу. На определенном этапе своей жизни он верил в возможность либеральных преобразований сверху и даже сотрудничал в «Голосах из России», издаваемых в Лондоне А.И. Герценом и Н.П. Огаревым. В 1859 г. там был опубликован его памфлет, посвященный графу В.Н. Панину, Будущий обер-прокурор выступал как поборник гласности, инициативы и свободы судов. Весной 1860 г. в письме к К.Д. Кавелину Победоносцев жаловался на репрессии против печати: «Цензура у нас стала просто черный кабинет... терзают и режут все печатное; циркуляры сыплются один за другим из П[етер]бурга... Литературе нашей очень плохо приходится...»[41]. Вместе с тем было бы ошибочно считать, что Победоносцев, писавший этот памфлет, впоследствии стал «совсем другим», и, «зная позднее творчество Победоносцева, нетрудно увидеть в его ранних работах все основные идеи, характерные для "Московского сборника" и публицистики тех лет, когда он уже стал обер-прокурором Св. Синода и ближайшим советником императора, но двадцатью годами ранее они еще как бы не выкристаллизовались из смеси религиозных и либеральных воззрений, плохо

[40] Из воспоминаний К.Н. Леонтьева / Публ. *О.Е. Майоровой* // Лица: Биографический альманах. М.—СПб. 1995. Т. 6. С. 465—466.

[41] Письмо К.П. Победоносцева к К.Д. Кавелину // Константин Петрович Победоносцев: мыслитель, ученый, человек: Материалы Международной юбилейной научной конференции, посвященной 180-летию со дня рождения и 100-летию со дня кончины К.П. Победоносцева (Санкт-Петербург, 1—3 июня 2007 года). СПб., 2007. С. 215.

Александр III

согласовывавшихся друг с другом, но все же до поры сосуществовавших в одних и тех же статьях»[42].

С.Ф. Шарапов пережил кризис, когда ездил по Италии, бедствовал, и даже начал допускать мысль о самоубийстве, подумывая утопиться. Он вспоминал, как после нескольких дней полуголодного существования «натолкнулся на плохонькую статую Мадонны и пред ней на коленах старуху. Я не знаю, что со мною сделалось. Давно разорвав всякую связь с Богом по случаю либеральных теорий, я и забыл, когда в последний раз молился. Меня забило как в лихорадке, и, когда старуха ушла, я бросился на колена. Хлынули давно неведомые слезы, и вся молитва была только в двух словах: "Спаси! Ты можешь"»[43]. В этот же день пришло сообщение от Суворина, предлагавшего Шарапову сотрудничество и поддержку, что тот воспринял как исполнение своих молитв. Отметим также, что уже под влиянием Леонтьева, с которым он вел переписку, Шарапов исповедался и причастился Великим постом 1888 года после 15-летнего (!) перерыва.

Есть нечто общее, объединяющее Шапарова, стоящего в итальянском городе на коленях перед Мадонной, Леонтьева, молящегося на икону в страхе перед холерой, Тихомирова, обращающегося к Богу в страхе за сына. Если верить их собственным воспоминаниям, толчком к обращению к Богу и последующему (или параллельно с этим происходящему) переосмыслению взглядов послужил страх. Данилевский и Достоевский испытали на себе карательную силу государственной машины.

Тихомиров дальше всех из них «ушел» по «дороге революции», но тем более шокирующим для окружающим и болезненным для него самого было «возвращение». Но внутренними муками испытания Тихомирова не закончились. Продолжалась его травля российскими спецслужбами. Одной из главных задач, поставленных перед Рачковским Департаментом полиции, являлось создание таких условий, при которых стало бы возможным предъявить требование Швейцарии и Франции выдать проживавших там политических эмигрантов, и в первую очередь Тихомирова. Благодаря стараниям Рачковского, действовавшего через парижского префекта, французские власти попытались выслать Тихомирова из страны. Это событие совпало с болезнью сына и еще больше усугубило душевный кризис Тихомирова, записавшего в дневнике 12 мая: «Саша умирает. С каждым днем все слабее... Бедный мальчик измучился, исстрадался и смотрит так жалко... Приходит мысль еще страшнее: а что, если меня ждет самое ужасное, и мальчик даже не умрет, а сделается идиотом?»[44].

Все это происходило на фоне его борьбы за возможность любой ценой остаться во Франции и усиливающейся ненависти к французским властям: «Удар глубочайший. Франция показывает себя во всем ужасе своего падения. 4-го и 5-го был у комиссара; 5-го вечером — у Клемансо; 6-го — у префекта и вечером у Клемансо. Жалкие подлецы и трусы», — писал он[45]. Лишь вмешательство Клемансо через посредство Лаврова спасло положение. Неблаговидный поступок французского правительства окончательно определил отрицательное отношение Тихомирова к парламентаризму как форме политического устройства. Да и вообще западные демократии, по его мнению, вовсе не осуществлявшие на деле представительства интересов народа, вызывали у него сильнейшее раздражение. Особенно это проявилось на примере Франции, прославившейся своими парламентскими скандалами. Тихомиров, внимательно следивший за политической жизнью «третьей республики», не раз высказывался в дневнике по поводу несовершенства данной политической системы. Он считал, что Францией управляет кучка «политических скандалистов». У него все сильнее крепло убеждение в непригодности и вредности подобной формы народного представительства в государственном управлении для России. Личные же его невзгоды только острее давали это почувствовать.

---

[42] *Зубов А.Б.* Политико-правовые воззрения К.П. Победоносцева и их интерпретация зарубежными исследователями русской мысли // Русская политическая мысль второй половины XIX в. Сборник обзоров. М., 1989. С. 185–186.

[43] Цит. по: *Эфрон С.К.* Воспоминания о С.Ф. Шарапове // Исторический вестник. 1916. № 2. Февраль. С. 510.

[44] Воспоминания Льва Тихомирова. С. 192.

[45] Там же.

Свои впечатления о парламентской системе управления, осуществляемой через народных избранников, он лучше всего передал через обращение к Александру III, написанное им в 1888 году: «Чрезвычайную пользу в этом отношении я извлек из личного наблюдения республиканских порядков и практики политических партий. Нетрудно было увидеть, что самодержавие народа, о котором я когда-то мечтал, есть в действительности совершенная ложь и может служить лишь средством господства для тех, кто более искусен в одурачивании толпы. Я увидел, как невероятно трудно восстановить или воссоздать государственную власть, однажды потрясенную и попавшую в руки честолюбцев. Развращающее влияние политиканства, разжигающего инстинкты, само бросалось в глаза»[46].

Бедственное денежное положение семьи вынуждало Льва Александровича искать любых литературных заработков[47], и в этом вопросе он получил помощь от Павловского. Сближению Тихомирова и Павловского в это время способствовало не только разочарование в силе революционной партии, но и в целом неприятие жизни и быта политической эмиграции. Много времени проводили они и в разговорах на общественно-политические темы, особенно о России. При этом, конечно, их взгляды на жизнь не были тождественны. Они вообще были во многом разные люди. Ощущающий предназначение служить России и желающий играть в этом значимую роль, разрабатывая положительную программу преобразований Тихомиров и прагматичный интеллектуал Павловский, о котором сам Тихомиров писал, что любил его «большой ум, который гибко и ясно понимал глупость и ловил фразу на ее пустозвонстве. Но Павловский как-то и не нуждался в положительном. Наблюдать, приобретать независимое положение, развиваться, наслаждаться искусством, наукой — чем это не положительное? Его это и удовлетворяло. Но тут я уже с ним расходился. Мне невозможно было отрешиться от того, что жизнь имеет более глубокий смысл, а, стало быть, есть и для сильного человека иная роль, иная деятельность»[48]. Однако разность темпераментов и взглядов не мешала их дружбе. И именно дружеские отношения с ним вбили первый клин во взаимоотношения с остальными эмигрантами. Особенно они обострились, когда стало известно, что перу Павловского принадлежал хлесткий антиэмигрантский памфлет, помещенный в «Новом времени», язвительно описывавший никчемную жизнь революционеров за границей, которые занимаются только болтовней, чаепитиями, курением и ссорами[49]. Установление авторства Павловского, писавшего под псевдонимом И. Яковлев, вызвало бойкот. Тихомиров отказался к нему присоединиться и демонстративно продолжал поддерживать с Павловским отношения. При его помощи в середине 1886 г. Лев Александрович получил предложение писать книгу о современной России.

Так на свет появилась брошюра «Россия политическая и социальная». В ней Тихомиров попытался дать очерк русской общественно-политической жизни для западного читателя. Слабо зная французский язык, он писал книгу по-русски, а издатель Альберт Савин тут же переводил. Вероятно, в связи с работой над этой книгой у Тихомирова окончательно сложился достаточно утопический план создания более широкой партии, охватывающей все прогрессивные элементы русского общества, но партии умеренной, действовавшей легально.

Следовательно, к концу 1886 г. представления об эволюционном преобразовании действительности на основе использования самостоятельного творчества личностей возобладали в его политическом мировоззрении. Он так обрисовывал свои тогдашние планы и взгляды: «Я требую единения партии со страной. Я требую уничтожения террора и выработки “великой национальной партии” <...> Но тогда для чего же самые заговоры, восстания, перевороты? Такая партия, о создании которой я помышлял, очевидно, сумела бы выработать систему улучшений вполне возможных и явно плодотворных, а стало быть — нашла бы силы и способность показать это и правительству, которое не потребовало

[46] Воспоминания Льва Тихомирова. С. 250.

[47] Отвечая Л.Ф. Пантелееву на вопрос о причинах ренегатства Тихомирова, П.Л. Лавров отмечал, что, помимо идейных расхождений с революционной эмиграцией, «ближайшей причиной было крайне бедственное материальное положение, ведь он с семьей прямо-таки изголодались» // *Пантелеев Л.Ф.* Воспоминания. М., 1958. С. 555.

[48] Воспоминания Льва Тихомирова. С. 283—284.

[49] *Бах А.Н.* Записки народовольца. С. 202.

бы ничего лучшего, как стать самому во главе реформы. Поэтому моя точка зрения действительно являлась опасной и еретичной для тех, кто хочет во что бы то ни стало быть революционером. Она опасна потому, что в конце концов отклоняет от революции (хотя начинает с нее). Она еретична потому, что — сознательно или бессознательно — проникнута духом отрицания множества основ революционной религии»[50]. Схожую мысль Тихомиров высказал и в своем дневнике 4 августа 1886 г. после встречи с революционером М.И. Фундаминским, приехавшим из России: «Видя всех этих господ, тысячу первый раз прихожу к убеждению, что теперь нужна работа *культурная* (а вовсе не прямо революционная)»[51].

Выход в свет книги «Россия политическая и социальная» не остался незамеченным и в России, став предметом пристального внимания деятелей консервативного лагеря. Пожалуй, наибольший интерес к ней проявил публицист из «Русского вестника» И.Ф. Цион, кстати, отдавший должное литературным дарованиям Тихомирова[52]. Видимо, уже работая над книгой, последний многое стал пересматривать в своих воззрениях на российские политические порядки. Он по-иному взглянул на устройство русского общественного организма, нежели другие представители русских революционных фракций, рисуя его не только в темных тонах, но и более взвешенно оценивая специфику российского государственного устройства, усматривая в нем и элементы позитивного. Анализируя российскую действительность, Тихомиров постепенно приходил к выводу, что страна не нуждается в революционных изменениях, а нужного результата можно добиться и за счет культурной деятельности всех общественных сил, объединенных одной программой, т.е. эволюционно, на почве постепенного реформирования существующего политического строя.

Желая и дальше развивать свои новые взгляды публично, он предложил в редакцию «Вестника "Народной воли"» статью, являвшуюся концентрированным выражением его изменившихся политических воззрений. В ней Тихомиров прямо говорил о пагубности следования террористической тактики для организации. Его статья звучала предостережением тому пути, по которому шло русское революционное движение. Он прямо заявлял, что Россия не испытывает социально-экономических потрясений и находится на экономическом подъеме, а революционная партия — в полном расстройстве. Объясняется это все ошибками программы партии, заключающимися в слепом следовании террористической доктрине, обрекающей революционеров на полную изоляцию от здоровых национальных сил и уничтожающей лучшие силы организации. Выход из этого положения он видел в пересмотре программы «Народной воли» и ее исправлении с помощью культурно-революционного движения, которое она должна возбудить. Он впоследствии вспоминал, что призывал: «Не уединяться, не отстаивать свое должна бы партия, а, напротив, сливаться с Россией» [53].

В статье Тихомиров обрушивался на тактику террора, называя ее бесплодной и указывая, что роль настоящих революционеров не только бунтовская, но и культурная. «Идея террора, таким образом, со всех сторон сузила и обесплодила идею революции, замкнула ее дело в небольшом слое "своих" людей (слишком часто нелегальных), а потому помешала партии превратиться в широкое

---

[50] *Тихомиров Л.А.* Критика демократии. С. 34.

[51] Воспоминания Льва Тихомирова. С. 193.

[52] См.: *Цион И.Ф.* Нигилисты и нигилизм. М., 1886. В этой брошюре Цион отзывается об «идеях 1860-х» с презрением: «На все плевать, все отрицать, это может любой идиот, любой невежда, любой помешанный... Вот почему нигилизм сразу приобрел такую громадную популярность между "детьми". Не учиться, потому что наука дрянь, гораздо легче, чем задать себе труд познакомиться с этой дрянью; точно так же, не умываться, не причесываться и выражаться грубо опять гораздо легче, чем умываться, причесываться, одеваться опрятно и выражаться прилично». Цион считает, что «в пресловутых идеях нашего нигилизма весьма мало оригинального, что они только бледные снимки с идей величайших извергов эпохи террора во Франции» // Цит. по: *Котов А.Э.* Цион Илья Фаддеевич // Русский консерватизм середины XVIII — начала XX века: энциклопедия. С. 562. Нигилизм рассматриваетсяЦионом как разновидность эпидемической болезни, и главный объект его критики — не сами «микробы», а «санитарные власти», «давшие заразе развиться»; «пагубная небрежность публики,... не нашедшей в себе достаточно энергии, чтобы собственною инициативой заменить отсутствие правительства»; наконец, те развратители юношества, которые в стенах университетов и на столбцах журналов систематически вливали в молодые умы яд и сознательно, из-за пошлой популярности, губили целые поколения... русского юношества». Этим, по мнению Циона, «легальные и нелегальные руководители смуты... на десятки лет приостановили нормальное развитие России» // Там же. С. 562—563.

[53] *Тихомиров Л.А.* Критика демократии. С. 33.

общественное движение», — подчеркивал он[54]. Он вспоминал, что завершал свой анализ словами: «"Россия в более широком смысле идет своим путем". Должно, стало быть, надеяться, что "Россия и ее интеллигенция сумеют понять друг друга", а потому я смело говорил еще читателям: "До лучшего будущего"»[55]. Статью достаточно холодно встретили в редакции, и, невзирая на огромный авторитет автора, она так и не прошла.

Впрочем, наступившее отчуждение между Тихомировым и редакцией не помешало выходу последнего, 5 №, «Вестника "Народной воли"». В нем Тихомиров поместил только общественную хронику «Как живется в России». Этот материал завершался словами: «В жизни народной, в жизни больших социальных слоев России движение революционное заметно тем меньше, чем ближе к ним присматриваемся. Реакция, царствующая в политической сфере, находится в полном противоречии с органическими процессами народной жизни, и потому даже она сама не может быть продолжительна <...> Но, как бы ни держало себя правительство, те, кто обращается к народу и обществу, кто ждет спасения России от народа и общества, менее всего имеют оснований находиться в настоящее время в унынии.

Наше время ничем не хуже какого другого. Но, как всякое время, оно требует, чтобы общественный деятель его понимал и сообразовывал с ним свою деятельность. И, знаете, читатель, если у меня в каком-нибудь отношении и существует тревожное чувство сомнения, то именно по этому последнему пункту <...> Наше уныние, как и разные неудачи наши, не объясняются ли они этим неприятным, но весьма правдоподобным соображением?»[56].

Информация о скором выходе очередного номера «Вестника» подтолкнула Департамент полиции к решительным действиям. Первоначально предполагалось скупить весь тираж, но при таком раскладе революционеры получали хотя бы выручку от продажи журнала[57]. Тогда избрали другой путь. 1 марта 1886 г. директор Департамента полиции П.В. Оржевский послал на имя Рачковского следующую телеграмму: «Весьма желательно скупить отпечатанные листы "Вестника" и уничтожить набор. Телеграфируйте, возможно ли это еще теперь и сколько примерно будет стоить». Поняв это указание как руководство к действию и получив на покупку всего выпуска 3500 франков, Рачковский и его агенты, используя явное попустительство швейцарских властей, приступили к активным действиям. В ночь с 20 на 21 ноября 1886 г. ими проводится операция по налету на типографию «Вестника» в Женеве. Уничтожению подвергся почти весь пятый выпуск журнала, при этом нанесенный ущерб оценивался в 4673 франка, не считая рассыпанного набора и шрифта[58]. А ведь для издания именно № 5 «Вестника», по словам самого Тихомирова, «вошли в долги по уши. Ясно было, что и это дело умирающее, *не по силам партии*»[59]. Очевидно, что после такого удара «Вестник "Народной Воли"» подняться уже не смог, и дело было прекращено. Царская тайная полиция еще раз продемонстрировала свою вседозволенность, а это лишний раз убедило Тихомирова в том, что западно-европейские демократии не могут оградить интересы личности даже от посягательства иностранных спецслужб. По случаю столь успешно проведенной операции и после доклада о ней царю министр внутренних дел Д.А. Толстой подписал следующие наградные: Рачковскому, как непосредственному разработчику и руководителю акции, — 5000 франков; женевскому корреспонденту Департамента Гурину — 3000; непосредственным исполнителям — В. Милевскому и Г. Бинту — по 1500 франков. Швейцарский агент был оплачен отдельно[60].

Все эти события еще больше ухудшили психическое состояние Тихомирова, находившегося в тот момент на грани нервного срыва. Кризис мировоззренческих установок, разочарование в революционном движении, приведшее к полной переоценке им своих прежних общественно-политических взглядов, кроме того, семейные неурядицы, тяжелое финансовое положение усиливались творящимся

[54] *Тихомиров Л.А.* Критика демократии.
[55] Там же.
[56] Цит. по: *Пайпс Р.* Лев Тихомиров: революционер поневоле. С. 145.
[57] *Вахрушев И.С.* Очерки по истории русской революционно-демократической печати 1873—1886 годов. С. 201.
[58] Там же. С. 203.
[59] Воспоминания Льва Тихомирова. С. 189.
[60] *Вахрушев И.С.* Очерки по истории русской революционно-демократической печати 1873—1886 годов. С. 203.

произволом русских секретных служб в столице независимого, демократического государства. В самом же начале 1887 года, с 1 на 2 февраля, те же агенты нанесли второй удар по типографии «Вестника». По оценкам Рачковского, общий ущерб после двух типографских погромов составил 9—10 тысяч франков. «Таким образом, — отмечал в донесении Рачковский, — совершенно изъяты из обращения все средства для народовольческой пропаганды, над которыми так усиленно трудился тихомировский кружок со дня эмиграции Тихомирова из России»[61]. Более того, те же агенты распустили в среде эмигрантов ложный слух, что «типографию разгромили якобы приверженцы Плеханова и Засулич»[62]. Разумеется, несмотря на полемику с группой «Освобождение труда», народовольцы не могли поверить, что «освобожденцы» могли пойти на разгром типографии своих идейных противников[63].

Но типографский погром отнюдь не являлся конечной точкой в «войне» против Тихомирова. В дальнейшем усилиями Рачковского в эмигрантской, да и во французской прессе была развернута кампания с целью полной дискредитации Тихомирова. В январе 1887 г. в газете «L'evenement» появляется корреспонденция «Нигилисты», в которой разногласия между Тихомировым и другими эмигрантами раздувались до бесконечности. В ней утверждалось, что Тихомиров никогда не пользовался и не пользуется уважением и симпатиями эмигрантов, что он, в отличие от Плеханова, политически и теоретически необразован, и т.д.[64]

Примерно в это же время, с подачи Рачковского, организуется печатание прокламации, в которой от имени «молодых народовольцев» содержался призыв «положить конец бесконтрольному владычеству Тихомирова»[65]. В начале 1887 г. в Париже появилась брошюра «Исповедь нигилиста»[66], в которой в образе революционера Скорогнилова, изображенного в гротескной форме, легко узнавался Тихомиров. Можно предположить, что появлению этого памфлета также способствовал Рачковский, который терроризировал Тихомирова не только слежкой, но и угрозами его насильственного похищения и увоза в Россию. Так, например, шеф парижской агентуры, а такова была официальная должность Рачковского, заказал громадный чертеж Парижа и установил для своих агентов график слежения за Тихомировым, Лавровым, Оловенниковой.

Наблюдение за Тихомировым было расписано буквально по минутам, причем слежка велась явно, агенты буквально дежурили у дома. На его имя стали приходить письма откровенно провокационного содержания. Такого рода психологическая атака давала неплохие результаты. В донесениях П.Н. Дурново от 2 (14) февраля 1887 года Рачковский сообщал: «Путем принятых мною мер, я довел вначале Тихомирова буквально до бешенства, которое вскоре затем сменилось полным упадком как умственных, так и физических сил <...>. Поддерживая и усиливая в нем *болезненно-нервное* напряжение путем воздействия, вместе с другими мерами (которые потребуются обстоятельствами данной минуты), *я не безуспешно продолжаю изыскивать меры для того, чтобы сделать самое существование его* невозможным в каком-либо заграничном пункте. При таком положении дел, несомненно, должно наступить, наконец, то время, когда русское правительство может получить в свое распоряжение этого цареубийцу не какими-либо рискованными средствами, а вполне легально, как русского подданного, *сошедшего с ума* за границей»[67].

На угнетенное психическое состояние Льва Александровича в начале 1887 г. указывало большинство людей, близко его знавших. «Особенность, которая поразила меня в нем, это какое-то паническое отношение к шпионам... Тихомирова эти шпики очень волновали», — вспоминал Бах[68]. О чрезвычайно взвинченном состоянии Тихомирова сохранились свидетельства Саловой, так описывавшей его тогдашнее состояние: «Лев Александрович... уже в то время казался нервнобольным,

---

[61] ГА РФ. Ф.1762. Оп. 4. Д. 100. Л. 35.
[62] См.: *Тарапута Е.А.* С.М. Степняк-Кравчинский — революционер и писатель. С. 359.
[63] Там же.
[64] См.: *Костылев В.Н.* Лев Тихомиров на службе царизма... С. 327—328.
[65] ГА РФ. Ф. 102. 3-е д-во. 1887 г. Д. 69. Л. 26.
[66] Исповедь нигилиста. Париж, 1887. См. подробнее: Хроника социалистического движения в России. С. 306.
[67] Цит. по: *Тарапута Е.А.* С.М. Степняк-Кравчинский — революционер и писатель. С. 383.
[68] *Бах А.Н.* Записки народовольца. С. 204.

несмотря на все усилия скрыть это»[69]. Его все нервировало, он стал чрезвычайно возбудимым, потерял способность к литературной работе, хотя раньше мог заниматься ею в спартанских условиях. Теперь же он мог писать только ночью при абсолютной тишине, напившись крепчайшего кофе, а это, в свою очередь, еще больше расшатывало его нервную систему.

Через своего агента А.М. Геккельмана, близкого к окружению Тихомирова, Рачковский получал полную информацию о его угнетенном психологическом состоянии. Ровно через месяц 2 (14) марта в очередном донесении в Петербург Рачковский сообщал, что Тихомиров в смятении и «поддался мании преследования <...> и вообще имеет вид жалкого и больного психически труса. *Ввиду практикуемого мною внутреннего воздействия* моральное состояние его должно ухудшаться все более и более»[70].

Как уже говорилось выше, во многом такая резкая активизация русских спецслужб объяснялась сближением внешнеполитических позиций между Россией и Францией, что в первую очередь было выгодно «третьей республике». Популярность императора Александра III в Париже особенно выросла после «военной тревоги» 1887 года, когда только жесткая позиция российского императора спасла Францию от новой войны с Германией. Тогда по стране ходила даже своеобразная переделка «Марсельезы», восхвалявшая Александра как единственного гаранта независимости Франции и борца с «германской тиранией»[71].

Конечно, в сложившейся внешнеполитической ситуации правительство «третьей республики» вынуждено было закрывать глаза на определенное нарушение ее государственного суверенитета русскими спецслужбами, тем более? что это касалось лишь политической эмиграции, и так доставлявшей немало хлопот местной полиции.

Отчуждение Тихомирова от русской революционной эмиграции все увеличивалось. Этому способствовало и сильное влияние Павловского, в этот период времени финансово помогавшего семье Тихомировых. Павловский имел большие связи в местных литературных сферах. Тихомиров позже вспоминал, что Павловский имел ловкости на сто человек и давал ему умные советы. Несомненно, что отходу Льва Александровича от революционных кругов эмиграции способствовала и его жена, женщина практического ума, плохо переносившая материальные невзгоды, связанные с эмигрантской жизнью. К тому же в России у Екатерины Дмитриевны остались дочери (Надя и Вера), и, естественно, сердце матери разрывалось, а болезнь младшего сына только обострила материнские чувства. Мелкие семейные ссоры, помноженные на постоянное безденежье и нужду, делали пребывание Тихомирова в Париже подчас невыносимым. Все чаще в мечтах всплывали идеализированные образы родины, мучила ностальгия, терзали душу мысли об оставленных на родине детях. Наконец, 6 января 1887 года в Новороссийске умер его отец,о чем Лев Александрович узнал примерно через полтора месяца[72].

Ко всему прочему его давило гнетущее интеллектуальное одиночество. В это время и на долгие годы «лучшим другом», поверенным во всех его тайных мыслях и стремлениях, становится его дневник. Ему доверялись самые интимные переживания. О трагическом одиночестве Тихомирова, его мыслях о возможном самоубийстве свидетельствовала, например, следующая дневниковая запись от 30 ноября: «В личной жизни пустота ужасная. Ни привета, ни радости. Какое-то жуткое, тоскливое чувство. Одиночество. Хочется облегчить душу — негде. Один и один. И чувствуешь сам, как становишься хуже, а, кажется, мог бы еще жить, мог бы, может быть, и сделать что-нибудь. Страшно за будущее! Иногда я спокоен и чувствую какое-то странное утешение, когда думаю, что одна секунда, одно движение пальца может навсегда освободить от всякой гадости и тяжести. Но это редко. Я все еще боюсь смерти, и иногда хочется жить, безумно хочется. Вообще паскуднейшее состояние. Чем-то это кончится!»[73].

---

[69] *Салова Н.М.* Автобиография // Деятели СССР и революционного движения России. М., 1989. С. 403.

[70] Цит. по: *Тарапута Е.А.* С.М. Степняк-Кравчинский — революционер и писатель. С. 383.

[71] См.: *Костылев В.Н.* Лев Тихомиров на службе царизма... С. 321.

[72] *Тихомиров Л.А.* Тени прошлого. С. 552.

[73] Воспоминания Льва Тихомирова. С. 186.

О том, что Тихомиров с семьей плохо вписывался в европейскую жизнь, мы уже писали ранее, но самолюбие его страдало еще и оттого, что он, признанный в революционных кругах публицист, успешно работавший и в легальных русских журналах, не мог на Западе прокормиться литературной работой. Иногда в его записях проскальзывало самоуничижение: «Действительно. Я — ничто, нуль. Я существо даже уже пришибленное. И в то же время я не могу отказаться от желания серьезно, глубоко влиять на жизнь. С чистой совестью я мог бы совершенно отказаться от общественной деятельности, но раз уж ею заниматься, то заниматься серьезно»[74]. Даже издание книги «Россия политическая и социальная» не помогло Тихомирову выбраться из нужды. Коммерческим провалом закончилась и попытка выпуска второй книги — «Заговорщики и полиция», вышедшей в начале 1888 г.[75] Финансовый успех издания оказался ничтожен. Во многом этому способствовало вмешательство вездесущего Рачковского, оказавшего нажим на французскую прессу, когда Тихомиров попытался поместить в газетах рекламу о готовящейся к изданию книге[76]. Реальный доход от ее реализации не превысил сумму в 400 франков[77].

Во многом началу идейного перерождения Тихомирова способствовал и психологический тип его личности. О чрезвычайно большом самомнении и эгоцентризме Льва Александровича неоднократно упоминалось выше, но на эти особенности накладывалось отсутствие в характере бойцовских качеств и неумение «держать удар». Стремление играть важную историческую роль и возможности соответствовать столь трудной миссии в характере Тихомирова расходились диаметрально. Поэтому был чрезвычайно хорош, когда его окружали действительно неординарные личности, пионеры, не знавшие сомнений, — таковым, например, представляется его народовольческое окружение в России. Вот в такой ситуации он вполне соответствовал высоте положения, четко и талантливо формулируя в печати идеи «великого ИК» и дополняя их собственными оригинальными мыслями.

Примерно такая же ситуация сложилась в самом начале эмиграции, куда, как мы помним, Тихомиров приехал полностью раздавленный народовольческими неудачами. Находясь в Женеве, он отметил, что среди европейских социалистов авторитет «Народной воли» еще высок, царское правительство ее по-прежнему опасалось, бывшие идейные противники перед ней, следовательно, и перед ним, ее крупнейшим представителем за границей, преклонялись, предлагая сотрудничество. Тихомиров вновь на виду, он лидер, с помощью издания «Вестника» укрепилось и материальное положение его семьи.

Таким образом, он вновь получил опору, подпитку для своего честолюбивого желания влиять на общественно-политическую ситуацию в России. Ему опять было на кого опереться, но ненадолго. Арест Г.А. Лопатина и связанный с этим окончательный разгром «Народной воли», давление русских спецслужб и закрытие «Вестника», болезнь сына и бытовые проблемы — все это вновь навалилось на него, повергнув в состояние психологического шока. Стремление играть «великую роль» и возможность ей соответствовать в чрезвычайной ситуации у него явно не совпадали.

Самолюбие Тихомирова страдало еще и оттого, что его товарищ по борьбе Степняк-Кравчинский довольно успешно работал на литературном поприще. Его первая книга «Подпольная Россия» (1882 г.), написанная изначально по-итальянски, имела большой успех и была переведена на несколько языков. За ней последовали книги на английском языке, также не оставшиеся без внимания читателей. Тихомиров, слабо знающий иностранные языки, не имел возможности общаться с западной читающей публикой. Даже по поводу перевода и издания своей книги он был вынужден обратиться к Степняку-Кравчинскому, хотя и относился к нему с неприязнью, которую можно трактовать и как обычную человеческую зависть.

---

[74] Воспоминания Льва Тихомирова. С. 200.

[75] Russia political and social. By L. Tikhomirov. Transl. from the French by Edward Aveling. London, Sonnenschein, Lowzey & Co., 1888. В примечаниях к изданию 1928 г. указывается: «Печатаемая нами книга выпущена на французском языке в 1887 г. Переведена на русский язык и выпущена в Петербурге (Ленинград) в 1907 г. под названием «В подполье. Очерк из жизни русских революционеров в 70—80-х годах» // *Тихомиров Л.А.* Заговорщики и полиция. С. 207. См.: *Тихомиров Л.А.* В подполье. Очерки из жизни русских революционеров 70—80-х гг.: пер. с фр. СПб., 1907.

[76] *Костылев В.Н.* Лев Тихомиров на службе царизма... С. 331.

[77] Хроника социалистического движения в России. С. 321.

Правда, этому есть и еще одно объяснение, не менее важное. Дело в том, что, оставаясь русским патриотом, Тихомиров не терпел космополитизма, проявлявшегося у Степняка-Кравчинского. Сам Степняк-Кравчинский озвучивал свою позицию в письме от 19 декабря 1889 года следующим образом: «Наша задача заключается в том, чтобы так воздействовать на общественное мнение, чтобы русское дело было подержано англичанами»[78]. В этом отношении крайне интересна для анализа реакция Тихомирова на рекомендации Кравчинского по изменению стиля его работы в сторону большего негативизма в оценке российских социально-политических порядков в угоду западному читателю. Отвечая на письмо Кравчинского, в котором содержались рекомендации внести поправки в книгу «Россия политическая и социальная», Тихомиров подчеркивал, что он пишет то, «чему учился десять лет, что кажется мне ясно... Я отстаиваю русский социальный организм. Все Ваши замечания сводятся к тому, должен ли я описывать его таким, каков он есть. Но это моя манера публициста, мое убеждение»[79].

Здесь мы сталкиваемся с разными подходами к оценке европейского социокультурного опыта. Степняк-Кравчинский к тому времени уже известный в Европе писатель и общественный деятель, автор ряда книг на итальянском и английском языках. В этих книгах он жестко и нелицеприятно отзывался о российских социально-политических порядках, искренне полагая, что, если «Европа не признает в «нигилистах» частицы самой себя, то «нужно долбить и долбить все по одному месту, чтобы вдолбить ей в башку, что современные террористы — это люди 93-го и 89-го года во Франции»[80]. Кравчинский, по сути, являл собой пример тотального усвоения индивидуумом культурных ценностей и политических норм, привнесенных в Европу революцией модерности.

Тихомиров же в своем мироощущении был чужд европейской подражательности и выступал с позиций преодоления рационалистически-прагматических схем модерности. Он не терпел космополитизма, проявлявшегося у его визави. Не устраивала Тихомирова и манера Кравчинского в своих публикациях подлаживаться под вкусы западноевропейской публики, а отсюда, естественно, следовало еще большее искажение и очернение в той или иной степени российской действительности.

Нелюбовь Тихомирова к Степняку-Кравчинскому сквозит даже в записи его дневника от 25 декабря 1895 г., посвященной трагической гибели Кравчинского (это при том, что обычно Тихомиров корректно отзывался о своих товарищах): «Какая судьба! Избежать стольких опасностей, быть здоровым, как бык, и попасть под колеса паровика!.. Теперь, конечно, горюет его Фанни (жена)... Она была когда-то очень красива и ничего себе, кажется, хорошая женщина. А он, — прости его, Господи, конечно, — мало хорошего... Для эмигрантов это — большая потеря. Он был, конечно, хуже всех из них, но отчасти потому же — самый деловой, практичный. У него душа и сердце "либерала", и, вероятно, Фанни не осталась без маленького капитала. Еще в мое время у них, говорят, водились денжонки»[81].

Тихомиров переживал затянувшийся тяжелейший душевный кризис. Он анализировал пройденный путь, и предварительные итоги были весьма печальными: «Мне кажется, что я так мог бы еще многое сделать, если бы был легальным, и, однако, время не только идет бесплодно, но я даже не надеюсь ни на что. Передо мною все чаще является предчувствие или, правильнее, *ощущение* конца. Вот, вот конец жизни... Я уже почти не имею времени что-нибудь создать: мне уже — страшно сказать — тридцать шесть лет, и я, видимо, дряхлею. Ужасно! Еще немного, — и конец, и ничего не сделано, и перед тобой нирвана. И сгинуть в бессмысленном изгнании, когда чувствуешь себя так глубоко *русским*, когда ценишь Россию даже в ее слабостях, когда видишь, что ее слабости вовсе не унизительны, а сила так величественна. Это ужасно, это возмутительно!»[82]. Душа Тихомирова требо-

[78] Цит. по: *Таратута Е.А.* С.М. Степняк-Крачинский — революционер и писатель. С. 412. См. также письмо С.М. Кравчинского Роберту Спенс Ватсону от 23 марта 1889 года // Там же. С. 413.

[79] РГАЛИ. Ф. 1158. Оп.1. Д. 451. Л. 4.

[80] Цит. по: *Захарина В.Ф.* С.М. Степняк-Кравчинский. В лондонской эмиграции. М., 1968. С. 373.

[81] Воспоминания Льва Тихомирова. С. 437.

[82] Там же. С. 224.

Н.М. Катков

вала заполнения идейного вакуума, что, в свою очередь, подталкивало его в сторону признания православных ценностей, причем не только в обрядовой форме, но и в религиозном мистицизме. Особенно настроения такого рода усилились у него в конце 1886 — начале 1887 г. и сопровождались таинственными видениями. Решительный поворот в его мировоззрении наступил этой же зимой в деревне Ле Рэнси под Парижем, где он жил с семьей в полном уединении. Переезд в Ле Рэнси был обусловлен двумя причинами: во-первых, необходимостью поправки здоровья сына Саши. Во-вторых, в связи с делом по попытке выслать Тихомирова из страны власти предложили ему на некоторое время покинуть Париж. Это полностью совпадало с его желанием оказаться подальше от эмигрантских дрязг, особенно докучавших ему в последнее время. Опять же, переезд в провинцию на некоторое время позволял избавиться от навязчивой слежки, организованной Рачковским. В Ле Рэнси в тиши природы, в обстановке полного внешнего спокойствия Лев Александрович предавался размышлениям о своем будущем. «Той зимы я никогда не забуду. Ей я обязан всем, во мне она произвела полный переворот и весну я встретил новым человеком», — вспоминал он впоследствии[83]. Выработка этих новых взглядов дорогого стоила. Сознание Тихомирова оказалось расколотым: старые идеалы окончательно себя дискредитировали, и маятник настроений неизбежно качнулся в правую сторону. Как нельзя лучше это состояние иллюстрирует он сам: «Я был в полном противоречии со своей действительностью. Я был в сознании своем христианин, в действительности фактически отлучен от церкви и своих обязанностей христианина не выполнял. Я был горячим русским и от России отлучен. Я был монархистом, и... что имел на совести?»[84].

Возвращение в Париж весной 1887 г. принесло Тихомирову не только очередные моральные потрясения от травли, организованной Рачковским, но и новые встречи. Через Павловского в конце 1886 — начале 1887 г. состоялось его знакомство с Ольгой Алексеевной Новиковой, урожденной Киреевой, сестрой генерала А.А. Киреева, известного славянофила, последователя И.С. Аксакова. Она представляла собой незаурядную женщину, сотрудничала в «Московских ведомостях» и «Русском обозрении». Среди ее знакомых были: Т. Карлейль, М. Нордау, Катков, А.С. Суворин, Леонтьев, К.П. Победоносцев и др. Большую часть жизни она провела в Англии. Именно туда посылал ей письма Тихомиров. Помимо чисто дружеского интереса к Новиковой, он стремился, пользуясь ее связями, убедить власти в искренности своего раскаяния и заинтересовать их возможностью сотрудничества. Сама же Новикова стремилась повлиять на Тихомирова, настраивая его на то, что он может помочь построению «правильного самодержавного строя», тем более, что после смерти Каткова место монархического идеолога у трона оставалось вакантным. Немаловажно и то, что Новикова помогала Тихомирову деньгами, а это при его тяжелом материальном положении было особенно ценно.

Большой интерес в этой связи представляют письма Тихомирова к Новиковой в 1888–1904 гг., которые хранятся в ее личном фонде, в РГАЛИ. Значительный объем писем и большое количество чисто бытовых подробностей, содержащихся в них, делают сложной их полную публикацию в настоящее время. Вместе представляется возможным ознакомить исследователей с их основным содержанием. Выдержки из писем хорошо показывают происходившие с Тихомировым мировоззренческие метаморфозы. В качестве органического дополнения к письмам служат выдержки из дневников Тихомирова, которые также не были предназначены для широкой печати. Таким образом, хотя письма и не показывают нам «неизвестного Тихомирова», они, несомненно, дают возможность увидеть его внутренний, интимный мир. Имя Новиковой встречается и на страницах тихомировского дневника. 26 октября 1888 г. он записывает: «У меня завязалась настоящая пере-

[83] Воспоминания Льва Тихомирова. С. 293.

[84] Там же.

писка с Новиковой: прелюбопытная личность. По-видимому, она тоже заинтересовалась мною»[85]. «Что это за странная личность О<льга> А<лексеевна>! Что-то из ряду вон и по уму, и по сердцу!», — записывает он 9 ноября 1888 г.[86] Получив 22 марта 1889 г. от Новиковой сочинения И.С. Аксакова, Тихомиров восхищается: «Вот уж умница барыня!»[87]. В июле 1889 г., узнав, что Новикова в очередной раз едет в Лондон, Тихомиров записывает: «Видно, так больше и не увижу эту личность, с которой так экстраординарно столкнула судьба. Будто самим Богом была послана. Но зачем?»[88]. Таким образом, Новикова, которая «самим Богом была послана», сыграла, на наш взгляд, в жизни Тихомирова не меньшую роль, чем Перовская и его жена Сергеева.

О.А. Новикова

Знакомство с Новиковой пришлось очень кстати, несколько поддержав израненное честолюбие Тихомирова. На горизонте вновь замаячили крупные политические фигуры, расположение которых льстило его самолюбию и позволяло обрести столь необходимую ему психологическую опору — ведь теперь интерес к нему проявляли представители высших кругов российского политического истэблишмента. Переписка с Новиковой, работающей для русско-английского сближения в Лондоне, и с госпожой Ж. Адан, ярой пропагандисткой русско-французского союза, действовавшей в Париже, во многом способствовала формированию нового политического мировоззрения Тихомирова, постепенно приобретшего четкие промонархические черты. Влияние этих двух особ способствовало и выработке им дальнейших практических шагов, которые в итоге и привели его обратно в Россию. Званые вечера, где Тихомирова «соблазняли ролью генерала Монка[89] русской революции»: он, который «наносил такие удары самодержавию, должен теперь стать его опорой и защитником, и, отрекаясь от революционной деятельности, укрепляя царскую власть на престоле, придать окончательную прочность русскому монархическому строю»[90], следовали один за другим. Первую скрипку в этом альянсе играла, конечно, Новикова. Оставим будущим исследователям вопрос, была ли ее умная и психологически очень точная «игра» с Тихомировым личной инициативой, или, выполняя роль своеобразного «психоаналитика» бывшего революционера, Ольга Алексеевна решала задачу, поставленную перед ней более влиятельными силами. Возможно и то, и другое. Хорошо знавший ее У. Стед (издатель английской газеты, в которой Новикова сотрудничала) так характеризовал ее деятельность в Европе: «О. Новикова никогда не желала мстить безумным революционерам, и если кто-нибудь из них раскаивался, она спешила хлопотать о восстановлении его в числе честных граждан; она лелеяла мечту: учредить своих агентов, обязанность которых была бы находить искренне кающихся, введенных в заблуждение революционеров, могущих возвратиться на Родину и сделаться ей полезным»[91]. А тут в качестве почти готовой «жертвы» оказался один из столпов революционного движения, легендарный Тихомиров. Естественно, контакты шли со взаимным интересом. Сближали их и взгляды на русскую историю и вытекавшую, по их мнению, из нее национальную самобытность русского народа, выразившуюся в создании такой своеобразной формы государственности, как самодержавная монархия.

Содержание переписки Тихомирова с Новиковой свидетельствовало о близости их позиций в тот момент. Характеризуя свои взгляды, Тихомиров в письме от 26 октября 1888 года, отвечая на

---

[85] Воспоминания Льва Тихомирова. С. 259—260.

[86] Там же. С. 263.

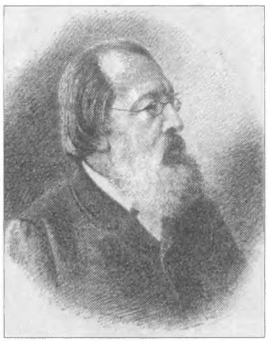
[87] Там же. С. 347.

[88] Там же. С. 360.

[89] Генерал Монк, один из наиболее доверенных офицеров О. Кромвеля, после его смерти предпринял с верными ему шотландскими войсками поход на Лондон и, завладев столицей, подготовил политические и военные условия возвращения из изгнания английского короля из династии Стюартов Карла II в 1660 г. // История Европы. М., 1994. Т. 4. С. 41.

[90] *Русанов Н.С.* В эмиграции. С. 168—169.

[91] *Стэд У.Т.* Депутат от России // Воспоминания и переписка Новиковой О.А. Пг., 1915. Т. 2. С. 203. Отметим, что в «Русском обозрении» в 1890 г. публиковался цикл статей У. Стэда «Письма из Лондона».

И.С. Аксаков

фразу Новиковой по поводу того, что она «аксаковка», писал: «У меня давно явилось убеждение в безусловной справедливости некоторых основ славянофильства. Точно также, напр[имер], Катков меня поражал своими глубокими суждениями, еще когда я был революционером... Вообще я без сомнения близок к славянофильству, но все-таки не могу себя зачислить совершенно ни в какое отделение. Есть вещи, на которые Аксаков не обращал внимания (тем более Хомяков), и которые очень важны...»[92].

Славянофильские настроения Новиковой, усиленные событиями в России (псевдонародное оформление правительственного режима при Александре III еще сильнее убеждали Тихомирова в возможности «правильного народного развития» страны при посредстве Верховной власти. Тем более, что, оставаясь сторонником сильной государственности, убедившись в несостоятельности революционной партии, презрительно относясь к возможностям либералов и парламентаризма, Тихомиров видел выход в решении проблем, присущих российскому обществу, через создание национальной партии, на которую бы опиралась Верховная власть в осуществлении проектов справедливого для всех сословий обустройства русской жизни. Объясняя читающей публике, почему он перестал быть революционером, Тихомиров писал: «Революционный период моей мысли кончился и отошел в вечность. Я не отказался от своих идеалов общественной справедливости. Они стали только стройней, ясней. Но я увидел также, что насильственные перевороты, бунты, разрушение — все это болезненное создание кризиса, переживаемого Европой, — не только не неизбежно в России, но даже маловозможно. Это не наша болезнь. У нас это нечто книжное, привитое, порожденное отсутствием русской национальной интеллигенции. Но не придавать ему значения тоже не следует. Конечно, наше революционное движение не имеет силы своротить Россию с исторического пути развития, но оно все-таки очень вредно, замедляя и отчасти искажая это развитие»[93].

Новиковой удалось быстро завоевать расположение осторожного Тихомирова и его семьи. Отметим, что всю оставшуюся жизнь Тихомировы поддерживали с ней дружеские отношения, она крепко и искренне привязалась к их дому. Новикова позволила Тихомирову ощутить свою политическую востребованность. Перед ним появилась четко очерченная цель, полностью отвечавшая его политическим амбициям, — играть ведущую роль в определении исторических судеб российской государственности, служить пропаганде преимуществ самодержавной формы Верховной власти для России. К тому же само течение событий подталкивало его к принятию окончательного решения. К концу 1887 г. он выработал следующую тактику поведения: не выступая еще с громогласной публичной антиреволюционной проповедью, всем открыто высказывать свое мнение и попытаться создать группу близких по духу людей, на которых можно было бы опереться с целью антиреволюционной пропаганды. Тогда Тихомиров, по его собственным признаниям, еще не думал о возвращении в Россию, а рассчитывал просто остаться во Франции, зарабатывать себе на хлеб насущный литературной работой и, вместе с тем, пропагандировать новые идеи.

На рубеже 1887—1888 гг. для него окончательного разрыва с революционной средой еще не произошло, но в общении с политическими эмигрантами он уже не скрывал своих антиреволюционных взглядов. Во многом на выработку такой независимой позиции Льва Александровича повлияла его супруга, к тому времени практически не общавшаяся ни с кем из политических эмигрантов, в том числе даже со старой подругой детства Оловенниковой. Для этого периода жизни Тихомировых очень характерна история с Ф.В. Вандекуровой, порвавшей, благодаря усилиям Льва и Екатерины Тихомировых, с радикалами. Более того, под их влиянием Вандекурова отправилась в русское консульство, где была любезно принята генеральным консулом в Париже Карцевым. Она искренне во всем покаялась и получила право на возвращение в Россию. Можно себе представить степень удивления сибирских ссыльных, когда в ответ на письмо народоволки С.А. Ивановой с

[92] РГАЛИ. Ф. 345. Оп. 1. Д. 746. Л. 5—5 об.

[93] *Тихомиров Л.А.* Критика демократии. С. 36.

вопросом, «будет ли своевременен ее побег» и «куда именно лучше направиться», Тихомиров ответил в том духе, что сожалеет о «своей недавней деятельности» и просил С.А. Иванову оставаться на месте, предлагая ей «заняться изучением крестьянской общины в Сибири», утверждая при этом, «что никакая социальная работа не будет иметь успеха без этого фундамента». По свидетельству Е.К. Брешко-Брешковской, письмо Тихомирова «возымело свое действие среди утомленных, неуверенных в себе и много содействовало их душевному разложению»[94].

Пытался он выяснить настроение и у таких крупных представителей революционной эмиграции, как Русанов. Тогда же семейство Тихомировых начало постепенно переводить свою жизнь на обычные обывательские рельсы. Лев Александрович уже без стеснения пользовался протекцией Павловского, приискивавшего ему литературную работу. Вскоре он стал корреспондентом либеральных «Санкт-Петербургских ведомостей» и бульварного, но хорошо оплачиваемого французского издания «La Revue Franco-Russe».

Перемены во взглядах Тихомирова не остались незамеченными в кругу народовольцев. В частности, именно в 1887 г. на «шатание его мысли» обратила внимание Оловенникова. Она, впрочем, приписывала первоначальные резкие выпады Тихомирова против революционеров тяжелым условиям эмигрантской жизни и считала, что это явление временное[95]. Первый шаг к официальному разрыву с революционным прошлым Тихомиров сделал после появления 20 февраля 1888 г. предисловия ко второму изданию его книги «Россия политическая и социальная». В нем он решительно восставал не только против политического террора, считая его ошибочным, но и вообще против революционных форм борьбы, подчеркивая важность и необходимость культурной работы.

«Кинжал и динамит способны только запутывать всякое положение. Распутать его способны лишь идеи — здоровые, положительные, умеющие указать России дорогу не для пролития крови, а для развития силы. Нужно иметь идею созидательную, идею социального творчества», — писал он[96]. Он считал, что настоящая причина бессилия революционных политических программ в их излишней теоретичности и оторванности от реальной российской действительности. «Человек нашей интеллигенции, — замечает он там же, — формирует свой ум преимущественно по иностранным книгам. Он, таким образом, создает себе мировоззрение чисто дедуктивное, построение чисто логическое, где все очень стройно, кроме основания — совершенно слабого. Благодаря миросозерцанию такого происхождения у нас люди становятся способны упорно требовать осуществления неосуществимого или даже не имеющего серьезного значения, а в то же время оставлять в пренебрежении условия капитальной важности»[97]. Нужны здоровые, положительные идеи, нужна созидательная программа социального творчества. Только в создании такой программы, по мнению Тихомирова, заключался путь к решению социально-политических проблем в России. Как пример реальных достижений в проведении государственных преобразований он приводил реформы П.Д. Киселева по переустройству быта государственных крестьян, проведенные в царствование Николая I. Появление такого рода предисловия было обусловлено самим ходом эволюции социально-политических воззрений Тихомирова, полностью разочаровавшегося в революционных методах борьбы и пытавшегося довести свои мысли о бессмысленности и порочности этих методов до окружающих.

Выходу этого предисловия сопутствовали и определенные события, происходящие в эмигрантской колонии. Дело в том, что давние старания Тихомирова уничтожить в революционном лагере «террористическую идею» оказались безуспешными. Напротив, на его глазах эта «безнравственная и нелепая идея» в 1888 г. стала проявляться особенно настойчиво. Тревожные симптомы возрождения террора как системы доходили до него еще в конце 1887 года, когда случайным взрывом в лесу под Цюрихом был убит революционер И.В. Дембо (Бронштейн). В дальнейшем, с подачи Рачковского, к деятельности революционеров, особенно из поздней эмиграции, организовавших динамитную мастерскую в Париже, присоединилась и русская заграничная резидентура. Рачковский с помощью

[94] *Семидесятница* (*Брешко-Брешковская Е.К.*) Софья Андреевна Иванова-Борейшо // Народовольцы 80-х и 90-х гг. М., 1929. С. 14.
[95] *Чернявская-Бохановская Г.Ф.* М.Н. Оловенникова. М., 1930. С. 26.
[96] *Тихомиров Л.А.* Критика демократии. С. 27.
[97] Там же. С. 26.

своего агента А.М. Гартинга (Ландезена, Геккельмана) рассчитывал организовать широкомасштабную провокацию, способную в дальнейшем привести к ликвидации центра русской революционной эмиграции в Париже[98].

Тихомиров чувствовал всю опасность ситуации и в предисловии пытался показать слабость революционной, а в особенности террористической идеи. Обстановка в кругах политической эмиграции после появления предисловия сложилась непростая, но при этом единства в оценке действий Тихомирова не наблюдалось. Вот как вспоминала о впечатлении, произведенном поступком Тихомирова, хорошо знавшая его еще по России Г.Ф. Чернявская: «Внезапно получаю письмо от Оловенниковой в котором она называет Тихомирова ренегатом и отзывается о нем самым резким образом. Я не могла поверить. Написала ей, что он вероятно болен, помешался. Она ответила еще определеннее и резче»[99]. Чтобы убедиться в искренности намерений Тихомирова и определить свою позицию по отношению к нему, Чернявская написала ему письмо, в котором спрашивала объяснений. Он ответил, что «путем зрелых размышлений и тяжелых испытаний пришел к убеждению, что ошибался, что не тем путем надо идти и т.д.». «А раз он в чем-нибудь убедился, для него это достаточно, он не из тех людей, которые идут за другими, а из тех, которые других ведут»[100]. Поэтому не удивительно, что, когда в марте 1888 г. Оловенникова-Полонская попыталась организовать нечто подобное коллективному протесту с осуждением его поведения, то натолкнулась на большое количество оговорок и сомнений относительно «этической» целесообразности подобного протеста и отказалась от этой затеи[101]. Все же авторитет Тихомирова среди революционеров был достаточно высок. Безоговорочно к ее предложению присоединились только парижские народовольцы (Чернявская, Рубанович, Русанов).

Русанов в марте 1888 г. написал протест, облаченный в форму брошюры «Революция или эволюция», за подписью «прежние товарищи Тихомирова по деятельности и убеждениям». В протесте парижские народовольцы открещивались от «независимых убеждений» Тихомирова, таких, как пренебрежительное отношение к борьбе за политические свободы и т.д. Они заявляли, что «остаются верны старым народовольческим принципам», не придавая, в частности, самодовлеющего значения террору и отводя ему весьма «ограниченную и специальную сферу действия». В памфлете не без основания отмечалось, что предисловие Тихомирова представляет собой «целый ряд недомолвок и прошмыгиваний мимо вопросов очень важных». Поэтому авторы предлагали ему «прямо и откровенно изложить свою позицию по этим вопросам»[102].

Появление парижского протеста с предисловием Лаврова взбудоражило эмигрантскую общественность. Парижские и женевские кофейни — традиционное место сбора политических эмигрантов — муссировали только эту тему. Даже жены революционеров, зачастую более толерантные в вопросах политики, не остались в стороне. Например, в связи с публикацией предисловия состоялось выяснение отношений между Екатериной Тихомировой и Натальей Русановой, о чем в своей записной книжке свидетельствовал сам Лев Александрович[103]. Вся пикантность ситуации заключалась в том, что бывшие друзья, а теперь непримиримые идеологические противники жили на разных этажах одного дома и вынуждены были встречаться практически ежедневно.

О том, что травля мужа революционерами волновала Екатерину Дмитриевну, полностью поддерживающую позицию супруга, свидетельствует ее письмо (примерно 1887 — начало 1888 г.) к Эпштейн: «Относительно Льва за последнее время так много писалось, что конечно и до Вас доходило. Но если Вы его действительно знали и понимали, то можете себе представить, как справедливо все то, что о нем пишут и говорят. Очернить его конечно трудно и сами "судящие" отлично понимают, что он несравненно умнее, честнее и самоотверженнее их. Ну да Бог с ними»[104].

---

[98] См. подробнее в книге: *Бурцев В.Л.* В погоне за провокаторами.
[99] РГАЛИ. Ф, 1185. Оп.1. Д. 892. Л. 2 об.
[100] Там же. Л. 3.
[101] *Костылев В.Н.* Лев Тихомиров на службе царизма... С. 56.
[102] *Русанов Н.С.* Революция или эволюция? С. 1—3.
[103] Воспоминания Льва Тихомирова. С. 220.
[104] РГАЛИ. Ф. 1158. Оп.1. Д. 856. Л. 1 об.

Парижский протест, как оказалось, выступил в роли катализатора, подтолкнув камень с горы. Вскоре за ним последовал выход небольшой книжки «По поводу одного предисловия», принадлежавшей перу молодых народовольцев — И.Н. Кашинцеву, Е.Д. Степанову и А.Л. Теплову. В брошюре подчеркивалась солидарность с протестом старших товарищей. В отношении же терроризма молодежь пошла еще дальше, заявляя, что видит в терроре «душу, центральную идею "Народной воли", ее главный завет молодому поколению»[105]. Выход парижского протеста полностью поддержал и Кравчинский. 2 мая 1888 года он писал Лаврову: «Хотелось мне еще поблагодарить Вас за выпуск листа относительно тихомировского предисловия. Вас и тех анонимных товарищей, в числе которых я знаю только Марину Никаноровну (Оловенникову, — *авт.*). Вполне разделяю ваши чувства. Мало было для меня таких тяжелых минут, как та, когда в первый раз прочел я тихомировское отречение»[106].

Отношения революционной эмиграции с Тихомировым практически полностью прервались, тиражировался слух чуть ли не о его сумасшествии. Характерно, что 12 мая 1888 года С.М. Степняк-Кравчинский писал Лаврову в аналогичном стиле: «Несколько дней назад... получил кое-какие сведения о взглядах Л. Тихомирова на М. Каткова и Александра III, которые заставляют меня серьезно задуматься, не сошел ли он с ума»[107].

Однако, представляется, что намного точнее, без эмоций к оценке переворота во взглядах Тихомирова подошел Плеханов. В своей статье «Неизбежный поворот» он подчеркивал, что переход Тихомирова к реформизму был неизбежен. Более того, он заявлял, что во взглядах Тихомирова на социальное и политическое положение России действительно не произошло никаких существенных изменений. Тихомиров, по его мнению, изменил только вытекающие из этих взглядов практические выводы, верность которых и прежде признавал лишь условно, поскольку верил в возможность захвата власти революционерами. «Теперь ему кажется более вероятным, что власть очутится в руках какого-нибудь новейшего Киселева[108], и потому он старается выработать новую программу. Таким образом, вопрос об его отношении к революционному образу действий вообще и терроризму — в частности решается сам собою: революция излишня, потому что и помимо ее сам новейший Киселев может исполнить свою экономическую миссию», — заключал Плеханов[109].

Обстановка вокруг Тихомирова в начале 1888 г. накалилась до предела. Похоже, он и сам не ожидал подобной реакции и вынужден был неуклюже оправдываться, как, например, в письме от 18 апреля Чайковскому, которого он искренне уважал[110]. «Я смотрю на это прошлое, как взрослый смотрит на даль юности <...>. Я не считаю своим господином программу, которую сам когда-то писал; я теперь не глупее тогдашнего; я не подчиняюсь никаким могилам, хотя бы там лежали люди, которых я люблю, может быть, побольше, чем те, кто им поклоняется. Коротко: я делаю, что указывает мне мой рассудок и совесть. Могу сказать — по самой чистой совести, с полным сознанием, что я ничем не запуган и ничем не подкуплен», — писал Тихомиров[111].

Пожалуй, впервые за долгие годы почти все слои русской революционной эмиграции объединились против одного человека не за то, что он стал шпионом или агентом правительства, а за высказанные им идеи. Демократическая, революционная цензура со своим цензом, о которой писал еще Герцен[112], показала себя во всей красе. Нельзя не согласиться с английской исследовательницей А. Келли, считавшей, что «левая цензура была, прежде всего, самоцензурой, направленной как против слов и поступков, так и против чувств и мыслей людей, проверкой их собственного сознания,

---

[105] По поводу одного предисловия. [Женева], 1888. С. 4—6. Брошюра вышла без указания авторов.

[106] ГА РФ. Ф. 1762. Оп. 4. Д. 425. Л. 64.

[107] Там же. Л. 64—65.

[108] Имелся в виду государственный деятель и реформатор П.Д. Киселев.

[109] *Плеханов Г.В.* Неизбежный поворот. Собрание сочинений. М.—Л., 1923. Т. 3. С. 36.

[110] Обратим внимание на текст тихомировского письма от 28 октября 1888 г. к О.А. Новиковой, в котором он вспоминает о кружке Чайковского, и, касаясь личности последнего, тепло оговаривается: «которого до сих пор люблю» // РГАЛИ. Ф. 345. Оп. 1. Д. 746. Л. 9 об — 10.

[111] Цит. по: *Тараттута Е.А.* С.М. Степняк-Кравчинский — революционер и писатель. С. 378.

[112] *Герцен А.И.* Письма из Франции и Италии. М., 1954. Т. 5. С. 202.

ведущей к наложению на себя ограничений сердца, мысли и воли». «Ее цель, — подчеркивала она, — состояла в прямом поощрении такого самоограничения и контроля, диктуемого революционной программой, путем подражания образцу положительного героя»[113].

Революционер должен быть монолитом, сумевшим подчинить всецело свое «я» служению только одному — революционной идее. И, взрывая этот образ изнутри, Тихомиров совершал поступок для революционного лагеря более страшный, чем прямое предательство или выдача властям товарищей. Вспомним, что та же «дегаевщина» вызвала отклики в революционных кругах во много раз более слабые, чем отступничество Тихомирова. Связано это было еще и с тем, что Тихомиров являлся одним из идейных столпов революционной эмиграции, и его «ренегатство» оказалось особенно болезненным ударом для революционных кругов. Выхода за «красные флажки революционной идеи» Тихомирову простить не могли. Видимо, он и сам не предполагал подобного развития событий, надеясь убедить многих в правоте своей новой позиции. Однако он оказался в одиночестве, покрываемый проклятиями со стороны революционного лагеря. Этому можно найти еще одно объяснение. Видя, что часть эмигрантов заняла во время развернувшейся полемики выжидательную позицию, и переоценивая воздействие своей контрреволюционной, а главное — антитеррористической пропаганды, Тихомиров ошибочно полагал, что сможет перетянуть на свою сторону часть, как ему казалось, колеблющихся в принятии решения революционеров.

Оставшись в изоляции, поддерживая отношения в основном только с Павловским и Новиковой, Тихомиров строил новые планы: «Моя линия такова: я объяснюсь с публикой посредством брошюры. Затем, — пустит меня прав[ительство] или нет в Россию, — *я веду себя одинаково*. Если прав[ительство] хочет пустить меня, — тем лучше, тем больше для него чести. Но выгоды оно от этого не получит, так как я все равно и без этого буду проводить свои новые взгляды»[114]. Именно в это время Лев Александрович, видимо, окончательно созрел для разрыва с эмигрантской жизнью. Такому решению сильно способствовала Новикова, поддерживавшая его как морально, так и финансово.

Прецеденты подобного возвращения в Россию из кругов революционной эмиграции уже имелись. В 1880 г. подал прошение о возвращении на Родину и вернулся Н.И. Утин, бывший членом «Земли и воли» 1860-х годов и который был вместе одним из организаторов русской секции I Интернационала. А в 1887 г. то же проделал бывший «чайковец» Цакни[115]. Подал аналогичное прошение о возвращении и Павловский. Во многом именно пример последнего заставил Тихомирова поверить в такую возможность и для своей семьи. В консульстве, где с Павловским имели беседу, не преминули ему попенять на близкое знакомство с Тихомировым. На что тот прямо заявил, что Тихомиров никакой не революционер и пишет брошюру, в которой намерен изложить свои новые взгляды. В ответ на такую удивительную информацию секретарь посольства заметил, что правительство тоже было бы не прочь с ним примириться[116].

В ситуации нараставшей изоляции со стороны политических эмигрантов Тихомиров все явственнее склонялся к мысли о возвращении на родину. В данном вопросе нельзя не согласиться с мнением историка Костылева, полагавшего, что данное обстоятельство оказало заметное влияние на окончательную редакцию его брошюры[117], приобретавшей в таком случае, по меткому выражению Плеханова, «характер печатного дополнения к рукописному прошению о помиловании».

Работа над брошюрой «Почему я перестал быть революционером» продолжалась около двух месяцев, что для Тихомирова являлось немалым сроком. Он закончил ее в мае 1888. Есть данные об издании брошюры на деньги заграничной агентуры, о чем Тихомиров, конечно, не подозревал. Деньги были переданы ему через Гартинга[118]. 4/16 ноября 1888 года Рачковский писал П.Н. Дурново: «Наконец, на отпечатывание двух протестов против Тихомирова мною дано было из личных средств

---

[113] *Келли А.* Самоцензура и русская интеллигенция: 1905—1914 гг. // Вопросы философии. 1990. № 10. С. 53.

[114] Воспоминания Льва Тихомирова. С. 222.

[115] *Таратута Е.А.* С.М. Степняк-Кравчинский — революционер и писатель. С. 376.

[116] Воспоминания Льва Тихомирова. С. 222.

[117] *Костылев В.Н.* Лев Тихомиров на службе царизма... С. 60.

[118] См.: ГА РФ. Ф. 102. 3-е д-во. 1888 г. Ч. 1. Л. 66—67.

300 франков, а на брошюру Тихомирова "Почему я перестал быть революционером" доставлено было моим сотрудником Л. (Ландезеном, — *авт.*) и вручено Тихомирову тоже 300 франков»[119]. Интерес российских спецслужб в использовании такого «козыря», как печатное покаяние одного из видных народовольцев, был несомненен.

В брошюре Тихомиров окончательно рвал связи с революционным движением. На ее страницах он снова и снова выступал против террора как опасного для общества метода действий, вредного своими развращающими последствиями: «в смысле политических изменений, значение террора равно приблизительно нулю. Но зато он отражается самым вредным образом внизу, на самих революционерах, и повсюду, куда доносится его влияние. Он воспитывает полное презрение к обществу, к народу, к стране, воспитывает дух своеволия, не совместимый ни с каким общественным строем. В чисто нравственном смысле какая власть может быть безмернее власти одного человека над жизнью другого? Это власть, в которой многие (и не худшие, конечно) отказывают даже самому обществу. И вот эту-то власть присваивает сама себе горсть людей, и убивает она даже не за какие-нибудь зверства, не за что-нибудь такое, что выводило бы ее жертвы за пределы человеческого рода, — она убивает, так сказать, за политическое преступление. И в чем же состоит это политическое преступление? В том, что признанное народом, законное правительство не желает исполнять самозваных требований горсти людей, которая до такой степени глубоко сознает себя ничтожным меньшинством, что даже не пытается начать открытую борьбу с правительством»[120]. Как и следовало ожидать, особое место в брошюре автор уделил вопросу о самодержавной власти. Он прямо указывал, что смотрит на вопрос о ее происхождении как на результат русской истории, «который не нуждается ни в чьем признании и никем не может быть уничтожен, пока существуют в стране десятки и десятки миллионов, которые в политике не знают и не хотят знать ничего другого. Непозволительно было бы не уважать исторической воли народа, не говоря уже о том, что факт, очень прочный в жизни его, всегда имеет за себя какие-нибудь веские основания. Поэтому всякий русский должен признать установленную в России власть и, думая об улучшениях, должен думать о том, как их сделать с самодержавием, при самодержавии»[121].

Критикуя парламентаризм как систему государственного управления в высшей степени неудовлетворительную, Тихомиров указывал, что «сильная монархическая власть нам необходима, и, думая о каких-либо усовершенствованиях, нужно прежде всего быть уверенным, что не повредишь ее существенным достоинствам»[122]. Более того, он считал, что в России политическая роль образованного класса не всегда заслуживала «аттестата зрелости». Анализируя общественно-политическую ситуацию в Империи, Тихомиров видел несостоятельность как молодежи, легко увлекающейся всякими теориями, так и старшего поколения, в большинстве зараженного «бациллами либерализма», неспособного к самостоятельной умственной работе и прямо попадавшего под передовое влияние западных идей. Поэтому именно в монархической самодержавной Верховной власти, опирающейся на достойное правительство, он видел единственную, по-настоящему реально мыслящую силу в стране.

Говоря о необходимости помощи Верховной власти в проведении государственных преобразований, Тихомиров выдвигал тезис, согласно которому «партии законного прогресса представляется очень широкое поле действия. Пусть ее люди служат, работают, пусть они имеют всегда годовую систему, приспособленную к нуждам положения, практичность которой может быть доказана Государю. В минуту, когда Император решит призвать ко власти прогрессивную партию (что он непременно будет делать от времени до времени, раз только убедится, что эта партия искренно признает его верховные права), партия прогресса должна быть готова оправдать призыв и сделать по устроению России действительно все, что можно. Разве мы не видали, к сожалению, как лица, призванные ко власти, оказывались, несмотря на свою всероссийскую репутацию, совершенно без системы и сами не знали, что делать? Я не хочу никого в отдельности обвинять за то, в чем вино-

[119] *Агафонов В.К.* Парижские тайны царской охранки. М., 2004. С. 47.
[120] *Тихомиров Л.А.* Критика демократии. С. 37.
[121] Там же. С. 46.
[122] Там же. С. 48.

ваты все, а отмечаю лишь факт, каких бы не должно случаться»[123]. Тихомиров остался верен своим идеям по переустройству России. Несмотря на полную переоценку своих социальных воззрений, он остался тверд в главном — стремлении сделать так, чтобы добиться процветания государства на твердой национальной почве. Ее основой теперь, по его мнению, становилась самодержавная власть, являвшаяся надклассовой, олицетворявшая собой прочный социальный гарант для всех сословий и общественных групп, которые сложились в стране, обеспечивавшая им стабильность, процветание и прочный социальный мир. Изменился лишь вектор направления его мыслей от радикального переустройства России путем революционного переворота до эволюционного преобразования под эгидой сильной монархической власти, санкционировавшей социально-экономические изменения, предложенные «партией прогресса» в интересах всего русского народа.

Действительно, мысли, высказанные им в книге и особенно развитые в переписке с Новиковой, а чуть позже и с Суворинным, позволяют оценивать его преобразовательную программу как синтез «правонароднических идей» (по типу В. Воронцова — И. Юзова) с положениями «неославянофильства» и «почвенничества», которые развивали И.С. Аксаков, Н.Я. Данилевский, Достоевский, А.А. Григорьев. Вместе с работой над антиреволюционной брошюрой у Тихомирова шло качественное оформление новых общественно-политических взглядов, и скупые строки его писем — лучшее тому подтверждение. Вот выдержка из его письма Новиковой от 22 ноября 1888 года: «Собственно разумный способ действия (если бы я мог его выбирать) был бы не сходиться ни с "Московскими ведомостями", ни с "Новым временем", а с такими фракциями, как, например, "Неделя". Их бы можно было крепко привязать к правительству и привести к чисто русской программе»[124]. Из вышеприведенного видно, что наш неофит очень быстро попытался встать в позу пророка в среде сторонников проправительственного лагеря, претендуя на роль непогрешимого оракула. Определенную оригинальность программным заявлениям Тихомирова придавало наличие в них некоторых социологических наработок, почерпнутых им из радикального прошлого. В первую очередь — использование «субъективного метода» Михайловского и напрямую связанных с ним дюрингианских идей об исключительной роли насилия в истории, а также активное использование теоретических положений, выдвигавших на первый план психологические оценки происхождения основ власти и чисто тихомировское преувеличенное представление о роли политических учреждений в жизни общества.

Впрочем, следует признать, что к 1888 г. Тихомиров многое переосмыслил и сформировал у себя новое социально-политическое мировоззрение. В нем он попытался абсорбировать все наиболее пригодные, как ему казалось, элементы ранее существующих политических программ — от правонароднической до неославянофильской. О какой-либо целостной доктрине, созданной Тихомировым, и речи не могло вестись.

При этом хотелось бы обратить внимание читателя на основные составляющие его новой социальной конструкции, базировавшейся на синтезе социологических теорий, разработанных им еще в легальной публицистике начала 80-х гг., с его ярко выраженной приверженностью этатистским концепциям в конце 80-х. Все это позволяет нам говорить о дальнейшей эволюции социально-философских построений Тихомирова в сторону сближения с «традиционалистами» леонтьевского толка.

Выход в свет книги Тихомирова вызвал шквал возмущения в революционных кругах. Многие эмигрантские группы вынуждены были яснее выразить свое политическое кредо. Причем его «ренегатство» затронуло и западно-европейские социалистические партии. Так, например, П. Лафарг прямо настаивал в своем письме к Плеханову на приезде последнего на учредительный конгресс Второго интернационала, заявляя, что его присутствие и выступление там «будет ответом на предательство Тихомирова»[125]. Плеханов сообщал Засулич, что Лафарг готов помочь: «Если, говорит он,

[123] *Тихомиров Л.А.* Критика демократии. С. 53—54.

[124] РГАЛИ. Ф. 345. Оп. 1. Д. 746. Л. 46.

[125] Из архива группы «Освобождение труда». Переписка Г.В. и Р.М. Плехановых, П.Б. Аксельрода, В.И. Засулич и Л.Г. Дейча. Вып. 1: 1883—1897 гг. С. 137.

у Вас не хватит денег на обратный проезд, мы достанем, приезжайте только»[126]. Историей идейного отступничества Тихомирова активно интересовались Ф. Энгельс[127], Э. Бернштейн и другие видные социалисты.

Интерес к «падению народовольческого Голиафа» проявило и либеральное общество Европы, особенно та его часть, чьи интересы соприкасались с вопросами литературы и искусства. Как полагает литературовед Е.А. Таратута, «именно измена Тихомирова наложила свой отпечаток на то, что в известном романе Джозефа Конрада "На взгляд Запада", в рассказе А. Конан-Дойля "Пенсне в золотой оправе" и некоторых других произведениях западноевропейской литературы, посвященных народовольцам, — основным мотивом является мотив измены, тема ренегатства»[128]. Описанное в рассказе Артура Конан-Дойля «Пенсне в золотой оправе»[129] происшествие относится к 1894 году. Согласно сюжету произведения, жена бывшего революционера, скрывшегося в Англии, приезжает, чтобы отомстить ему за предательство. Интересно описание предателя, напоминающего своей внешностью... Тихомирова: «Его лицо поразило меня: худое, с орлиным носом, пронзительными черными глазами, которые словно притаились в глубоких орбитах под густыми, нависшими бровями. Волосы и борода были у него совершенно седые, если не считать некоторой странной желтизны вокруг рта. Из густой поросли седых волос торчала тлеющая папироса, и в комнате было трудно дышать от густого табачного дыма»[130]. Бывший революционер писал «серьезнейшее исследование основ вновь открытой религии» и сетовал: «Мое здоровье так плохо, что я и не знаю, смогу ли я теперь закончить мой труд...»[131].

Интересно письмо Степняка-Кравчинского к Лаврову от 2 мая 1888 года, в котором он оценивает поступок Тихомирова в самых резких выражениях: «*Мало было для меня таких тяжелых минут*, как та, когда в первый раз прочел я тихомировское отречение. Что сей сон значит, понять трудно, т.е. психически трудно. Что же до политической стороны, то дело, мне кажется, совершенно ясно, и Ваши вопросы в конце статьи едва ли не излишни.

Гайндман передавал мне кое-что о ваших обших чувствах по этому делу, — между прочим, о желании напечатать нечто вроде протеста в английских социалистических газетах. Мое мнение, — которое высказал и Гайндман, — то, что этого делать решительно не стоит. Мы бы некоторым образом сами устраивали бы лужицу, чтобы иметь что засыпать песочком. Как представитель русского революционного движения Тихомиров здесь неизвестен. Как автор Russie Politique et Sociale[132] — известен в совершенно микроскопических размерах.

Несколько дней тому назад я виделся с людьми, встречавшими Тихомирова в Париже, и от них получил кое-какие сведения о взглядах Тихомирова на Каткова, например, и Александра III, которые заставляют меня совершенно серьезно спросить — *не начинает ли Тихомиров сходить с ума*. Подолинский был, говорят, два года сумасшедшим, как потом доктора признали, прежде чем кто из окружающих заметил это. Может быть, и Тихомиров просто больной человек, и мы бурю совершенно напрасно поднимаем. — Извините за вопрос. Но мне, право показалось, что, как бы ни изменились взгляды у человека, — тот, кто всего года два тому назад был революционером и народовольцем, тот не может, оставаясь в здравом уме и полной памяти говорить о Каткове и Александре III того, что говорит Тихомиров»[133].

Для того чтобы дать достойный отпор проповеди Тихомирова, Аксельрод в письме Лаврову от 16 августа 1888 г. предлагал объединить литературные силы «для общей борьбы против общего

---

[126] Из архива группы «Освобождение труда». Указ. изд. С. 136.

[127] «...Русский, если только он шовинист, рано или поздно падет на колени перед царизмом, как мы это видели на примере Тихомирова», писал Энгельс в работе «Внешняя политика русского царизма / *Маркс К., Энгельс Ф.* Собрание сочинений. М., 1962. Т. 22. С. 15.

[128] *Таратута Е.А.* С.М. Степняк-Кравчинский — революционер и писатель. С. 376.

[129] *Дойл А.К.* Записки о Шерлоке Холмсе. Казань, 1991. С. 254—276.

[130] Там же. С. 266.

[131] Там же. С. 267.

[132] «Политическое и социальное положение России».

[133] Цит. по: *Таратута Е.А.* С.М. Степняк-Кравчинский — революционер и писатель. С. 376—377.

врага», т.к. опасался, что «иначе неминуемо предстоит переход заметной части молодежи на сторону Тихомирова...»[134]. Нотки опасения за тлетворное влияние идей «ренегата» на революционно-демократический лагерь сквозили и в письме Засулич, написанном в 1888 году к С.М. Кравчинскому: «Вот уже 2 ночи, как я прочла его (Тихомирова, — *авт.*) ответ и от злости спать не могу. Нет, что и говорить, ему обеспечено место в министерстве, и такого злого врага еще не было у радикалов, каким будет он... Это чистейший Катков по злости, только в 10 раз глупее и описывает нравственное и умственное падение революционеров не своими словами, а заимствованными из повестей "Русского Вестника". Да и пяток у него, *наследственного монарха, главы православной церкви*, Катков никогда до такой степени не вылизывал. И ведь не похоже, чтобы с ума сошел: тон спокойный, и логика оставляет его лишь когда заговорит о самодержавии»[135].

Секретные службы под руководством Рачковского также приняли участие в травле Тихомирова и составлении протестов. Заграничная охранка, как явствовало из донесений ее руководителя, всячески пыталась использовать брошюру Тихомирова и полемику вокруг нее для деморализации революционного движения за границей и в России, не брезгуя никакими средствами. Пыталась, в частности, воздействовать на колеблющихся русских эмигрантов, чтобы склонить их к шагу «а-ля Тихомиров». В некоторой степени это имело успех — еще 12 человек из кругов русской революционной эмиграции подали аналогичное прошение. Кроме того, по данным Департамента полиции, за границей в то время находилось до 150 активно действующих русских революционных эмигрантов[136]. По приказу Департамента и книгу Тихомирова отдали для прочтения в Шлиссельбург и на Кару (место каторжных работ революционеров). Отметим, что она имела там некоторый успех. «Новейшая брошюра... несомненно, также не останется без соответствующего воздействия, и плоды его не замедлят обнаружиться на усилении эмиграции из нашей среды», — запишет на Каре в своем дневнике Стефанович[137].

С целью склонить каторжан к такому же шагу правительство отправило осенью 1888 г. в Сибирь чиновника Департамента полиции генерала Н.Ф. Русинова, якобы для улучшения быта ссыльнокаторжан. «Статский генерал Русинов произвел совсем иное впечатление, можно даже сказать, впечатление честного канцелярского дельца, симпатичного даже для правительства»[138], — читаем мы в одном из писем политического ссыльного Иванова. На вопрос о разных стеснениях политических заключенных он обещал им употребить «все старания, чтобы исполнить вам эти льготы, огороды, мастерские и т.п.». «Центральное правительство желает сделать вам жизнь более сносною, — витийствовал генерал, — я могу правильно истолковать вам принципы центрального правительства. Вы увидите, как гуманно будет обращаться с вами центральное правительство». Как отмечает очевидец тех событий: «После приезда Русинова у некоторых, насколько могу судить, зародилась было надежда на лучшее будущее»[139]. В качестве решающего аргумента для воздействия на каторжан использовалось и имя Тихомирова. Русинов советовал ссыльным революционерам последовать за Тихомировым и подать прошение о помиловании. Среди «подаванцев» оказались такие видные революционеры, как И.П. Емельянов, Н.К. Бух. Всего из среды заключенных таковых было около 30 человек[140]. В беседе с Дейчем И.П. Емельянов, оправдывая свой шаг, говорил, что если уж Тихомиров раскаялся, то уж и нам «Бог велел!» «Превращение Льва Тихомирова в защитника русского самодержца казалось столь же неправдоподобным, как переход Александра III в ряды революционеров»[141]. Летом 1889 года Дейч писал из Карийска: «До нас дошел слух, будто с Тигрычем произошла метаморфоза, будто он открещивается от своих прежних убеждений. Правда ли это? В чем, собственно, он сознает теперь,

---

[134] Из архива П.Б. Аксельрода. Вып. 1: 1880—1892 гг. С. 88—89.

[135] Группа «Освобождение труда». Вып. 1. С. 206.

[136] Хроника социалистического движения в России. С. 324—325.

[137] *Стефанович Я.В.* Дневник карийца. С. 46.

[138] РГАЛИ. Ф. 1196. Оп. 1. Д. 454. Л.1.

[139] Там же. Л. 1об. — 2.

[140] См.: *Костылев В.Н.* Ренегатство Л. Тихомирова и русское общество в конце 80 — начале 90-х годов. С. 165—166.

[141] *Дейч Л.Г.* 16 лет в Сибири. М., 1924. С. 182.

что ошибался? Известие это очень взбудоражило и огорчило его поклонников, которых у него много было»[142].

Л.Г. Дейч

Дейч отмечал, что известие о ренегатстве Тихомирова пришлось на период сомнений и колебаний в революционных рядах, и признавал, что случаи подачи прошений о помиловании все же имели место. Даже и в начале 1890-х годов Зубатов убеждал В.М. Чернова: «Вы, революционеры, нетерпимы, как верующие. Вы не можете себе представить человека, искренне преданного самодержавию. Однако, Лев Тихомиров налицо: он был вашим духовным вождем, он пользовался всеобщим уважением, он ходил не раз под виселицей. Что же, разве такой человек мог продаться? Вы легко признаете, что нет. Вы знаете, что он никого из своих товарщей не предал, — и никто от него не требовал предательства»[143].

В связи с вышеизложенным издание Лавровым в августе 1888 г. «Письма товарищам в Россию» имело для революционного лагеря *особое* значение. Недаром уже в самом начале он ставит Тихомирова на одну доску с Дегаевым: «С ним мог бы спорить и полемизировать о целесообразности той или иной формы деятельности еще один человек. Это — Дегаев»[144]. Для него Тихомиров теперь «упал» до уровня Суворина, с которым теперь сможет обмениваться любезностями, стоя на том месте, где когда-то казнили Желябова и Перовскую. Разбирая взгляды Тихомирова и пытаясь их опровергнуть, доказывая неизбежность революции в России, Лавров вместе с тем выражал опасение, что «отступничество человека, пользовавшегося такой громкой репутацией, таким сильным влиянием на все революционные умы в России, может вызвать в них смуту»[145]. Он писал о необходимости сделать из случившегося выводы: «Да, он нам чужой, он наш враг, и его слова нам теперь безразличны; но нельзя не вдуматься в судьбу бывшего товарища. Он прав, что следует обратить внимание на его эволюцию. Она поучительна»[146].

Примерно в то же время в Женеве выходит «Открытое письмо Л. Тихомирову», написанное Э.А. Серебряковым. Он сходился с Лавровым в главном — в том, что «реформаторские иллюзии» Тихомирова несостоятельны, как и его надежды на культурную миссию русской монархии и православной церкви. «Такие мысли, — вторил им один из редакторов журнала «Свобода» С.М. Коган, — могут возникнуть лишь в прекрасном далеке от хваленого самодержавия, которое вблизи-то не так красиво и не так безопасно»[147].

Не осталась в стороне и группа «Освобождение труда». 14 августа 1888 г. Плеханов писал Засулич: «Дорогая Вера Ивановна... я непременно напишу прибавление к статейке "Неизбежный поворот". Ко мне теперь некоторые народовольцы пристают, чтобы я разделал его[148] под орех. Из Берна, может быть, даже денег пришлют для издания брошюры, в которой я должен был бы высадить Тихомирову днище»[149]. В новом письме к Засулич, после 20 августа, Плеханов уточнял: «Что касается до высаживания днища Тихомирову, то об этом меня просят и из Цюриха. Деньги будут, и потому я скоро (когда будут деньги) засяду опять за писание. Материал есть, так как Тихомиров дает богатый повод для всевозможных рассуждения о русских общественных вопросах. Думаю хорошенько заняться этой брошюрой. Надеюсь, что выйдет недурно. В библиографии[150] я уже пробрал Тихомиро-

[142] Из архива группы «Освобождение труда». Переписка Г.В. и Р.М. Плехановых, П.Б. Аксельрода, В.И. Засулич и Л.Г. Дейча. Вып. 1: 1883—1897 гг. С. 141.

[143] Цит. по: *Костылев В.Н.* Выбор Льва Тихомирова. С. 32.

[144] *Лавров П.Л.* Письмо товарищам в России. Женева, [1888]. С. 4.

[145] Там же. С. 5.

[146] Там же. С. 27.

[147] *Семеновский Е.* (*Коган С.М.*). Старая песня на тот же лад // Свобода. 1888. № 10. С. 5—6.

[148] Т.е. Л.А. Тихомирова.

[149] Из архива группы «Освобождение труда». Переписка Г.В. и Р.М. Плехановых, П.Б. Аксельрода, В.И. Засулич и Л.Г. Дейча. Вып. 1: 1883—1897 гг. С. 118.

[150] Плеханов имел в виду рецензию на брошюру Тихомирова «Почему я перестал быть революционером», вошедшую в отдел библиографии первой книги сборника «Социал-демократ» (Женева, 1888. С. 214—218).

ва»[151]. Однако в силу разных причин работа Плеханова, подвергавшая критике взгляды Тихомирова и народовольческое учение в целом, вышла в свет лишь в марте 1889 г. в сборнике «Социал-демократ» под названием «Новый защитник самодержавия, или Горе г. Л. Тихомирова». Плеханов иронизировал над тем, как Тихомиров умудрился вложить в один текст свое покаяние и гимн во славу самодержавия, которое теперь должно принять в свои объятья раскаявшегося блудного сына. Идейная эволюция Тихомирова объяснялась тем, что «человеку, ни за что не хотевшему отказаться от идеализации допотопных экономических отношений русской деревни, естественно было кончить идеализацией царизма»[152]. По мнению Плеханова, новые взгляды Тихомирова представляют собой логический вывод из теоретических посылок народников, которых он всегда придерживался. Заключал он свою работув призывом к революционной интеллигенции избавиться от «теоретической тихомировщины» и встать на точку зрения революционного пролетариата[153].

Свою трактовку события, дискутируя с Плехановым, предложил Аксельрод в письме к Лаврову от 16 августа 1888 г. Он полагал, что Тихомиров «отнюдь не продажный ренегат, а несчастная жертва нашего славянофильского социализма, словом, народничества», и нет нужды доказывать «логическую необходимость этого превращения для человека, преданного народническим “идеалам” и в то же время разочаровавшегося в своей вере в революционный “захват власти”»[154]. В письме к Аксельроду от 4 марта 1889 года Плеханов уточнил, что «нападать на революционеров, как ни заслуженны эти нападки, мне не хотелось, потому что очень уж гадок сам Тихомиров. Его в Париже охраняли *шпионы*, и он таскался каждое воскресенье в церковь (русскую). Хорош гусь?»[155].

При столь мощной идеологической атаке на позиции Тихомирова все же полного единства среди эмигрантских изданий не наблюдалось. В какой-то мере это объяснялось спадом революционного движения в Российской империи и успешной экономической политикой правительства Александра III. Так, оценивая полемику вокруг тихомировской брошюры, журнал «Общее дело», также негативно отнесшийся к его политическому отступничеству, отрицательно отзывался и об остальных представителях революционного лагеря, стоявших на народовольческих позициях. Редакция «Общего дела» заявляла, что «путь честных реформ, улучшений и преобразований скорее приведет к цели и будет стоить меньше слез, крови и ошибок»[156]. Другой эмигрантский орган, «Свободная Россия», высказался в контексте «измены» Тихомирова за объединение революционеров и либералов на почве борьбы за политические свободы, по существу, оставив в стороне вопросы революции и социализма. «О полном социальном повороте в ближайшем будущем предоставим рассуждать тем, кому не на что тратить свое время», — писал в «Свободной России» в прошлом пламенный анархист, «южный бунтарь» Дебагорий-Мокриевич, предлагавший теперь ограничиться образованному обществу программой реформ, «намеченных самой жизнью»[157].

Огромный резонанс брошюра вызвала и в среде российского образованного общества. «Во всех местах теперь галдят о Тихомирове», — сообщал 12 сентября 1888 г. Г.И. Успенский, когда-то знавший Льва Александровича, своему корреспонденту В.М. Соболевскому[158]. Шок, вызванный действиями Тихомирова, можно понять. Как отмечает современный исследователь и публикатор писем Тихомирова Назаров, анализируя поведение Льва Александровича: «Его духовный поворот от революционности к монархизму, от атеизма к православию и от позитивизма к мистицизму — явление по-своему уникальное в русской духовной истории. Ведь речь идет не просто о смене идеалов, подобной творческой эволюции многих русских философов, повернувших от марксизма к

---

[151] Из архива группы «Освобождение труда». Переписка Г.В. и Р.М. Плехановых, П.Б. Аксельрода, В.И. Засулич и Л.Г. Дейча. Вып. 1: 1883 — 1897 гг. С. 120.

[152] *Плеханов Г.В.* Новый защитник самодержавия, или Горе г. Л. Тихомирова. С. 58.

[153] Там же. С. 83.

[154] Из архива П.Б. Аксельрода. Вып. I: 1880—1892 гг. С. 89.

[155] Из архива группы «Освобождение труда». Переписка Г.В. и Р.М. Плехановых, П.Б. Аксельрода, В.И. Засулич и Л.Г. Дейча. Вып. 1: 1883—1897 гг.

[156] Общее дело. 1889. № 3. С. 9.

[157] Свободная Россия. 1889. № 1. С. 44.

[158] *Успенский Г.И.* Полное собрание сочинений. М., 1954. Т. 14. С. 173.

идеализму. Здесь совсем другой случай, ибо Т[ихомирову] пришлось отрекаться не просто от своих убеждений, но и от самой практики революционной борьбы, расходиться со своими товарищами по партии, резко порвать с образом жизни и средой существования»[159]. Историк С.М. Сергеев пишет по этому поводу: «Это все равно, как если бы под псевдонимом Жозеф де Местр скрывался Робеспьер или В.И. Ульянов-Ленин в 1905 г. вместе с доктором Дубровиным сделался автором программы Союза русского народа»[160]. Тихомиров и Ленин, конечно, люди очень разные и Владимира Ильича Сергеев скорее упомянул «для красного словца», но все же имя Тихомирова долгие годы было далеко не последним и для революционеров и для их противников. Теперь же власть старалась извлечь максимальную выгоду из всего произошедшего. Согласно решению правительства, большие куски из брошюры «Почему я перестал быть революционером» были напечатаны в «Московских ведомостях» (2 августа 1888 г., № 214). При явном засилье в отечественной прессе верноподданнических изданий абсолютное большинство оппозиционных властям либеральных органов печати обошли появление работы Тихомирова молчанием либо просто констатировали факт ее появления. Исключение на этом фоне составило умеренно либеральное издание «Новости и Биржевая газета». Ее журналист усмотрел в отходе Тихомирова от народовольчества свидетельство окончательного крушения революционных планов и обращался к революционерам с призывом вслед за их идеологом «сложить оружие» и «искренно, безо всяких скрытых замыслов присоединиться» к «мирным труженикам прогресса»[161]. Консервативные издания торжествовали, повествуя о полном бессилии революционной партии и неуязвимой силе существующего порядка в России. Книга Тихомирова подавалась ими как пример «прекрасной отповеди революционным и либеральным доктринерам»[162]. Тихомиров следил за реакцией, сообщая Новиковой: «А как меня сегодня отделали "Новости", не называя, впрочем, по имени, а под обозначением "экс-нигилиста" *Московских ведомостей*. Ругают не на жизнь, а на смерть»[163].

Реакция прессы в России и за границей на отречение Тихомирова от революционного прошлого неоспоримо свидетельствовала о том, что оно стало крупнейшим событием в общественной жизни страны в конце 80-х гг. XIX в. Его брошюра породила новые дискуссии о роли интеллигенции в России в связи с меняющимися социально-экономическими реалиями жизни, споры о ее предназначении в новых условиях, характеризовавшихся спадом общественной активности в государстве, переживавшим экономический бум.

Например, для Чехова «ренегатство» Тихомирова явилось новым подтверждением мысли о «нравственной опустошенности» русской интеллигенции, растлевающем влиянии на нее «плохих» восьмидесятых годов[164]. Большинство мемуаристов из революционного лагеря отмечали впоследствии, что отступничество Тихомирова породило в революционных кружках, и без того в тот момент разрозненных, «ликвидаторские» настроения. Особенно была подвержена этому студенческая молодежь. Состояние московского студенчества конца 80-х гг. очень ярко описывал будущий большевик С.И. Мицкевич: «Господствующим настроением в это время был аполитизм, скептическое отношение к революционным программам»[165]. В такой обстановке разброда и шатания значительное распространение получили объединительные тенденции, т.е. стремление сочетать народничество и марксизм, народничество и либерализм.

Многочисленные обвинения со стороны революционеров были болезненно восприняты Львом Александровичем. 24 октября 1888 г. он жаловался Новиковой: «Вокруг меня так много злости, так много даже простой мерзости относительно меня, но сочувствием меня не балуют. Очень желал бы

---

[159] *Назаров В.Н.* Тихомиров Лев Александрович // Сто русских философов. Биографический словарь. М., 1995. С. 246.

[160] *Сергеев С.М.* «Мои идеалы в вечном...». С. 9.

[161] Новости и Биржевая газета. 1888. № 264.

[162] См.: Письма к другу. Нечто о Тихомирове // Гражданин. 1888. № 229, 18 августа; *Житель* [*Дьяков А.А., — авт.*]. Отставное заблуждение // Новое время. 1888. № 4566, 13 ноября.

[163] РГАЛИ. Ф. 345. Оп. 1. Д. 750. Л. 141.

[164] *Каминский В.И.* Пути развития реализма в русской литературе конца XIX века. Л., 1979. С. 108—109.

[165] *Мицкевич С.И.* На грани двух эпох. От народничества к марксизму. М., 1937. С. 44.

В.К. Плеве, прим. 1862 г.

познакомиться с Вами»[166]. И далее продолжал: «Видеть Вас очень бы желал. В конце-концов людям русским, людям *устроения* следовало бы также сплачиваться, как сплачиваются люди *расстройства*. Говорю конечно о сплочении в нравственном смысле». Здесь же он говорит о своих бывших соратниках: «Я ведь и сам не буду молчать, и сделаю все в пределах, так сказать, материальной возможности, для противодействия нашим революционным идеям. "Прежние друзья" знают это очень хорошо. Потому-то они и не спорят со мной, а избрали тактику — образовать вокруг меня пустое пространство, в котором пропадает именно материальная возможность действия. Никто не сочувствует, Ольга Алексеевна, повторю, что меня и без этого съедят настолько, насколько хватит зубов. Но знаете ли Вы то, что пишут обо мне эти господа? Это не безынтересно. Я уже вызвал целую литературу, и — знаете ли — честное слово — никогда в жизни я не воображал, чтобы мои прежние товарищи были так глубоко нечестны. Уверяю Вас — *я* никогда не был таким, когда был с ними»[167]. Странно, но, «посеяв ветер», Лев Александрович, вероятно, искренне не ждал, что ему придется «пожать бурю» в виде негодующих откликов на его действия.

Издав брошюру, Тихомиров сжег за собой все мосты, и ему остался один путь — в Россию. 7 августа 1888 г. он написал письмо товарищу министра внутренних дел В.К. Плеве с приложением к нему своей книги. Объясняя мотивы своего отхода от революционной деятельности, Тихомиров указывал: «Переворот этот назревал в течение долгих лет... Но особенно решающее значение имело для меня то обстоятельство, что я имел случай ознакомиться на практике, во Франции, какие результаты дает приложение к политике этого самого принципа *народной воли*»[168]. В послании он выражал желание вернуться в Россию и посвятить свои силы деятельности по пропаганде и укреплению здоровых политических идей, упрочению того, что он так долго расшатывал, т.е. самодержавия. Именно в этом Тихомиров видел теперь свою нравственную обязанность.

Находясь в эмиграции, он с болью думал о своих близких. Ему вспоминался голос отца: «Мы уже старики, тяжело жить, друг мой, надо кому-нибудь заботиться о старости»[169]. Эти воспоминания мучили его. Что будет с дочками, оставшимися в России? «За что же я народил на свет этих девочек, которых забросил, как щенят?», — терзался он[170]. Тревожила его и судьба Саши. «Мне вспоминались несчастные эмигрантские дети, растущие какими-то зверьками. И о своем вспоминал. Малютка едва лепечет, а какая-нибудь дура... самодовольно хихикая, спрашивает: "Шура, да скажи же, — ты анархист или народоволец?" <...> Ребенок, коверкая язык, лепечет: "ахист", "адось", и эти дубины в восхищении: "Ты "адось", народоволец! Милочка!". Стыдно, гнусно на душе становилось. Бедный мальчишка!»[171].

В августовские дни он словно заново «открывает» для себя жизнь, уже через своего сына Александра, и 26 августа ведет его в собор Александра Невского на Рю Дарю[172]. В дневнике записывает: «Сегодня был в первый раз с Сашей в русской церкви. Меня она растрогала чуть не до слез — эти родные звуки. Сколько уже лет не был: с самой Женевы. На Сашу, слава Богу, русская служба произвела огромное впечатление: он молился, видимо с каким-то особенным желанием; все ему нравилось, все восторгало. По выходе из церкви он сейчас, не дожидаясь моего вопроса, начал

---

[166] РГАЛИ. Ф. 345. Оп. 1. Д. 746. Л 1.

[167] Там же. Л. 2—2 об.

[168] Воспоминания Льва Тихомирова. С. 232.

[169] Там же. С. 285.

[170] Там же.

[171] Там же. С. 285—286.

[172] Закладка собора состоялась 19/3 марта 1859 г., освящен 30/11 сентября 1861 года в честь Александра Невского. Основатель собора Иосиф Васильев

мне толковать, как хорошо в церкви и что там гораздо лучше, чем в католической. Завтра Успение – русское. Думаю свести Шурку, чтобы сравнил с католическим. Катя с барышней были сегодня у всенощной»[173]. Сам Тихомиров, придя с сыном в церковь был тронут не меньше его: «Не могу выразить, что я почувствовал в этой ночи, освещенной множеством теплящихся свечей и лампад. Образа искрились своей позолотой. Дьякон читал ектенью. Когда раздалось пение молитвы, мне стало страшно, — я думал, что у меня разорвется сердце. Скажу прямо: с детства я не плакал и не умею плакать, и презираю и не верю плачу <...> Но у меня тут спазмы охватили горло, — мне хотелось упасть и рыдать от горя и счастья, от стыда за свое блужданье, от восторга видеть себя в церкви, я не знаю от чего, но я даже подумал на секунду: "Господи, если у меня лопнет сердце, что будет с мальчиком"... И вот мы выходим с этой первой службы... он с двух шагов, как только почувствовал, что можно разговаривать, окликнул меня: "Папа, папуся"... "Папа, мы больше не будем ходить в католическую церковь <...> Тут лучше, у нас гораздо лучше. Папа, мы сюда будем ходить, правда?"»[174]. Выйдя после церковной службы, Тихомиров, Екатерина Дмитриевна и Саша «накупили мешочков плюшек и прочих разных разностей... Веселые возвращались мы домой, обмениваясь впечатлениями от русского уголка Парижа. Высказывал свои ощущения и Саша. Он был в восторге от всего, но особенно почему-то поразили его выходы дьякона и молитвы ектиньи. Молитва дьякона, чтение Евангелия, каждение — все это как будто подчеркивало для мальчика все моменты богослужения, которое глубоко запечатлелось в душе его. Разумеется, это первое богомолье не осталось у нас последним. Нас и самих потянуло в церковь, да и Сашину просьбу нельзя бы[ло] не исполнить. С тех пор он уже ни разу не был больше в католическом храме, да и я перестал в них ходить. Незачем было искать у чужих людей духовного подаяния, когда найден был свой источник неистощимой пищи. Мы не могли бывать на rue Daru слишком часто, но пользовались всяким благоприятным случаем повторять наши богомолья... в самой церкви наш Саша насмотрелся самых разнообразных служб, перед которыми у него померкли все католические воспоминания»[175]. В письме к Новиковой от 27 ноября 1888 года Тихомиров сообщал, что его жена всегда любила ходить в церковь, «я же... позволил себе пойти в русскую церковь только с того времени, когда "поднял знамя бунта против революции"», и признавался: «Я чувствовал себя свободнее в католической церкви, куда ходил очень часто. Она мне всегда оставалась чужой, но все-таки — она что-то давала, за неимением своего. Сына своего я тоже сначала часто водил в католическую церковь, отчасти это было неизбежно, п.ч. мы жили далеко от Парижа... и о русской церкви нечего было даже думать»[176]. Тихомиров не без гордости писал Новиковой о том, что его сыну Саше понравилась православная церковь, что «он очень гордится тем, что умеет молиться» и сам (а не под влиянием отца) решил, побывав в православной церкви, что она лучше католической[177].

Реакция русского правительства на обращение Тихомирова оказалась весьма скорой и уже 1 сентября его попросили пожаловать к русскому консулу, где известили от имени Плеве, что он должен подать прошение на высочайшее имя. 12 сентября 1888 г. Тихомиров подал Александру III прошение с просьбой о помиловании. Он писал о нелегком пути от революционного радикализма к монархизму, о своем раскаянии: «Я понял, какое драгоценное сокровище для народа, какое неизменное орудие его благосостояния составляет *Верховная Власть* с веками укрепленным авторитетом. И горькое раскаяние овладело мною»[178]. Тихомиров просил государя «отпустить... бесчисленные вины и позволить... возвратиться в отечество»[179]. В письме, адресованном директору Департамента полиции П.Н. Дурново от 30 августа 1888 г., вместе с просьбой о разрешении вернуться в Россию Тихомиров также выразил желание сотрудничать с правительством.

---

[173] Воспоминания Льва Тихомирова. С. 238.
[174] Там же. С. 336.
[175] *Тихомиров Л.А.* Тени прошлого. С. 495—496.
[176] РГАЛИ. Ф. 345. Оп. 1. Д. 746. Л. 53 об.
[177] Там же. Л. 54.
[178] Воспоминания Льва Тихомирова. С. 250.
[179] Там же. С. 251.

26 октября 1888 г. в письме Новиковой Лев Александрович сообщает о том, что подал государю прошение. «Быть или не быть в России — для меня вопрос жизни и смерти»[180]. В этом же письме он с опаской высказывает мысль: «Боюсь же я больше всего, что меня простить — простят, да зато поставят в такие условия, что я буду не в состоянии что бы то ни было делать», — писал он 26 октября 1888 года[181]. Казалось, «перейдя Рубикон», Тихомиров должен был отбросить все сомнения, но этого не произошло. Если его брошюра «Почему я перестал быть революционером» написана языком человека, уверенного в своей правоте, то его письма и дневниковые записи представляют пример поразительной рефлексии, в чем легко убедиться при их изучении. Постоянные жалобы на бытовую неустроенность и отсутствие денег смешались в них с надеждами на то, что ему, Тихомирову, еще предстоит сыграть особую роль в политической жизни России. Забвение было бы неприемлемым для него. Пытаясь «классифицировать» свою позицию, Тихомиров, уже *переставший* быть революционером, в письмах к Новиковой склоняется к тому, что он близок к славянофилам. При этом к интеллигенции Тихомиров себя не относит, и часто критически отзывается в письмах об образованном классе России. 28 октября 1888 г. он писал Новиковой: «В России — я боюсь, большинство образованного класса именно одурачены собственным дурманом», и делал вывод: «Нужно обрусить образованный класс...»[182]. В этом же письме от 28 октября 1888 г. он оправдывается: «К *террору* касательства прямого не имел... хотя и состоял в тесных связях с террористами»[183]. Красной нитью через все письма проходят жалобы на материальную неустроенность. 1 ноября 1888 г. Тихомиров пишет о своем бедственном положении: «Не знаю, где я могу найти место. До сих пор у меня были связи только с *радикалами*, которые теперь вооружены против меня»[184]. Он с благодарностью принимает предложенную Новиковой материальную помощь. 16 ноября он писал о своем визите в консульство, где ему объяснили форму подачи прошения на Высочайшее имя. Он еще раз стремится оправдаться и пытается отделить себя от террористов: «*...полиция уверена, что я главный организатор злодейства 1-го марта 81 г.* Я же на самом деле в это время уже давно не состоял в Управлении Народной Воли, о готовящемся преступлении знал в общих чертах... гром взрыва услыхал со своей квартиры на Гороховой...»[185].

Ожидая решения своей судьбы, Лев Александрович пишет 19 ноября ей письмо, полное отчаяния, достаточно важное, на наш взгляд, для понимания его состояния в тот период[186]. Приведем фрагмент: «Вы очень добры, но, откровенно говоря, я остаюсь в самом пасмурном настроении. Боюсь, чтобы вся масса чепухи, клеветы, выдумок, подозрений, валящаяся на меня со всех сторон, не зарыла меня окончательно под собою, и не имела бы действительным результатом то, что я окажусь выведенным из жизни, и то, что я *стану невозможным* к работе. Мне это гроб. Я в узком смысле не деловой человек. Но я боюсь, что я вижу и понимаю кое-что, что другие поймут еще не скоро, а может быть даже тогда, когда уже будет поздно[187]. Это даже не гречневая каша, сама себя хвалящая[188], а просто результат очень своеобразного и очень разнообразного опыта. Знаете ли, прежде, когда у меня еще мелькала мысль о возможности амнистии (теперь я в это почти не верю), у меня была своя идея. Я думал отыскать кого-нибудь из умных людей там, сверху, и навязаться, хотя бы прямо требовать, — на разговор, выложить, что у меня на душе, чего я боюсь, что по мне можно бы сделать. Но вот фатальное положение! Хуже Кассандры, ту считали хоть сумасшедшей, а меня прямо каким-то неприятельским лазутчиком. Просто смерть. Это преувеличенное недоверие

[180] РГАЛИ. Ф. 345. Оп. 1. Д. 746. Л. 3.

[181] Там же. Л. 4.

[182] Там же. Л. 7 об.

[183] Там же. Л. 10—10 об.

[184] Там же. Л. 17 об.

[185] Там же. Л. 36 об. — 37.

[186] См. полную публикацию текста письма: *Репников А.В.* Два письма Льва Тихомирова к Ольге Новиковой // Эхо. Сборник статей по новой и новейшей истории Отечества. М., 2000. Вып. 3. С. 107—109.

[187] Сравните: «Мне твердо казалось, что я имею некоторую *миссию*... Я тогда видел, что я понимаю больше, чем все, кого я знал и читал» // Воспоминания Льва Тихомирова. С. 331.

[188] Имеется в виду народная пословица: «Гречная каша сама себя хвалит», осуждающая самохвальство.

меня огорчает вдвойне: оно не только превращает в прах все мои благие намерения (что, пожалуй, еще не важно, так как — один лишний человек не много составляет), но составляет очень скверный признак относительно самого *дела*. Ведь в сущности это недоверие ко мне заключает огромную долю недоверия *к себе*. И вот это меня просто оскорбляет. Как! Неужели люди русской Истории, русского Царя, — не могут себе представить, что их дело, их идеи могут кого-нибудь искренне привлечь? Неужели они так уверены, что искренне, по совести, и без расчетов можно делаться только революционером? Это ужасно, Ольга Алексеевна, уверяю Вас, это подавляет и обескураживает. Я — один из образчиков того, к чему приводит это органы (?) состояние духа. Я никак не допрошусь <...> Чего? Каких благ? Чтоб я мог *содействовать* модели порядка, людям порядка, скажу прямо — русским людям. Чего же боятся? Ведь я прошусь не в охрану Государя, ведь я буду находится под надзором. Что я могу сделать? Кому и чем повредить? И вот — скоро год (с выхода моего <нрзбр.>) если не считать раньше (?) революционные элементы, к которым присоединяются наконец и либеральствующие <нрзбр.> неукоснительно меня мучат всевозможным лганьем, разрушают репутацию, подрывают влияние, возможность деятельности. Во всем революционном мире не было человека с таким чистым именем как мое, в глазах молодежи, но ведь знаете — <нрзбр.> <...> И вся эта тля делает свое дело. А те, которых я бы хотел поддержать, они <...> «не доверяют». Какое, подумаешь, производительное занятие! Ну и пусть бы себе не доверяли, а только не мешали бы работать! Я не знаю, в чем упрекнуть себя — сделал все что мог. Ведь я прошу *милости*, я — *каюсь* <...> пусть думают, что это неискренне, во всяком случае я дал все аннотации (?), я взял все унижение на себя. Милосердие никакого Правительства не унижает. Почему стало быть не попробовать, не окажусь ли я искренним, а стало быть и полезным. По вреду, который я приносил, можно все-таки ждать, что я сумею быть и полезным, — если этого хочу действительно <...>[189]. Но вот — поди же! Они "не доверяют" <...> Заметьте, что если бы я просился в шпионы, меня бы сейчас же пустили. Переход в шпионы — понимается, а честное убеждение в нелепости революционных идей — нет! Меня это сокрушает. Мои идеи конечно от этого не меняются, не меняется и поведение. Напротив. Чем слабее что-либо вокруг правительства, тем обязательнее для каждого человека становиться вокруг него, приносить ему свои силы. Но тяжело видеть это, и особенно когда — руки связаны, и не можешь ничем помочь»[190]. Отметим, что и в переписке с Новиковой, и в своем письме Дурново Тихомиров настойчиво заявлял, что, согласно его новым убеждениям, хотел бы, прежде всего, заняться пропагандой доказательств необходимости для России монархической власти и выработкой «положительной программы» устроения монархической государственности[191]. Видя ущербность политического устройства западно-европейских государств, он высказывал пожелание служить пропаганде монархической идеи.

В письме Суворину от 16 ноября 1888 г. он писал по этому поводу: «С тех пор, как я вижу Францию, Швейцарию, отчасти слышу об Америке, я *совершенно* не верю в народное самодержавие. Это идея ложная в принципе, а на практике приводит лишь к господству тех, кто умеет искуснее других обманывать народ. Идея самодержавия народа, я боюсь, погубит Европу, как когда-то погубила Грецию; отрицая эту идею, не могу не вспоминать, что против нее были в конце-концов величайшие умы Греции. Со временем то же будет и в Европе, только может быть окажется слишком поздно. В России, таким образом, я дорожу царской властью, как учреждением, которое со временем может быть все передовые люди будут стараться воссоздать, да, может быть, будет поздно. Мне жаль, что я часто повторяю мысли Каткова, но, честное слово, я вижу, что это был замечательно умный человек. Я не реакционер, не гасильник и в этом отношении часто порицаю Каткова. Но я смотрю на царскую власть, как на орудие, на редкость хорошо скованное орудие прогресса: она уже была

[189] Посылая В.К. Плеве свою брошюру «Почему я перестал быть революционером», Тихомиров признавался: «Если мы отбросим все наговоры и неточности, остается все-таки факт, что в течение многих лет я был одним из главных вожаков революционной партии, и за эти годы, — сознаюсь откровенно, — сделал для ниспровержения существующего правительственного строя все, что только было в моих силах» // Воспоминания Льва Тихомирова. С. 231.

[190] *Репников А.В.* Два письма Льва Тихомирова к Ольге Новиковой. С. 107—109.

[191] *Иванчин-Писарев А.И.* Воспоминания о П.Н. Дурново // Каторга и ссылка. 1930. № 7. С. 50.

им по всему миру и еще будет повсюду, где жизни суждено развиваться, а не замирать. Я знаю, что цари бывают всякие, но думаю, что никакая личность не может быть ниже толпы. Итак, для меня этот принцип очень дорог. Но само собой — и здесь опять лишь примыкаю к давно существующему лагерю — голос народа составляет, так сказать, душу самодержавия; учреждения, доводящие этот голос до царя, необходимы»[192]. Углубляя свою мысль, Тихомиров делал следующий вывод: «Суть моих самых пламенных желаний составляет развитие в России *национальной интеллигенции*, без которой Земские соборы могут попасть в руки людей вредных, не понимающих, что они губят свою страну. Мы — я очень хорошо *вижу* это здесь — глубоко пропитаны идеями, которые считаются передовыми, а на самом деле составляют лишь заразительный продукт социального разложения. Я боюсь этих идей. Знаете — жизнь не всегда сильнее смерти и убить гораздо легче, чем оживить»[193].

Как видим, влияние славянофильских концепций на Тихомирова было тогда довольно сильным. Да и по тону его писем к Новиковой видно, что в этот период времени он углубленно знакомился с работами славянофилов, представителями в основном аксаковского лагеря. Вообще в последние месяцы 1888 г. переписка с Новиковой стала главной отдушиной для находящегося в полной изоляции Тихомирова. Следя за оценками своего поступка со стороны бывших друзей и врагов, Тихомиров отметает трактовку его действий как поступка психически неуравновешенной личности. В письме от 2 декабря 1888 г. к Новиковой он подчеркивал, что он проникся революционными идеями не из-за каких-то психологических особенностей его личности, а потому, что был охвачен этой «общественной заразой», и отказался от этого пути не из-за каких-то психологических особенностей, свойственных только ему, а потому, что понял всю ложность революции «с точки зрения Российской *национальной* психологии, и только тогда я в своих глазах стал преступником, и признал своей обязанностью покаяться и совершенно изменить деятельность»[194]. В этом же письме он опять рассуждает об ответственности интеллигенции. «Вообще — повторяю — *общество должно понять свою долю вины и свою обязанность исправить ее*. Только тогда Россия выздоровеет (т.е. *Россия интеллигентная*)»[195]. И далее: «Я уже несколько раз слышу... что я говорю вещи известные. Ах, боюсь, *что это не достаточно известно*! Неужто в России уже исчезло *космополитическо-либеральное направление*? Я что-то не слышал. Я что-то не видел *дельных ответов Соловьеву*, который проделал в наше *время совершенно чаадаевскую штучку*. Я не вижу, чтобы русская интеллигенция достаточно энергично *поддерживала разные добрые национальные начинания*. Я не вижу в нынешней литературе большой работы национальной мысли, не вижу ни Аксаковых, ни Данилевского, ни Каткова, ни даже хоть бы Аполлона Григорьева»[196]. Но, объявляя войну радикалам, Тихомиров уже сомневался в исходе этой борьбы: «Прибавлю между прочим, что не следует особенно успокаиваться на *уничтожении* револ<юционного> движения. Да, благодаря Богу и страшной ценой кровавого безумия, почти беспримерного в истории — оно *ошеломлено*. Но надолго ли? Если мы все, т.е. Россия образованная, будем энергично работать над выработкой своего национального мировоззрения, конечно можно верить, что старое безумие постепенно замрет окончательно»[197]. Но вполне возможен и другой вариант — пессимистический для самодержавия.

Страсти в Петербурге кипели нешуточные. Противников помилования оказалось великое множество. Подача прошения спутала все карты Рачковскому, рассчитывавшему самому доставить Тихомирова в Россию. Отсюда и его стремление помешать реализации тихомировских планов.

---

[192] *Бухбиндер Н.А.* Из жизни Л. Тихомирова (по неизданным материалам). С. 62–63. Характерно, что публицист И. Гофштеттер тоже не считал Тихомирова реакционером, отмечая, что тот в своих требованиях свободы шел дальше западнических партий. См.: *Гофштеттер И.* [Рецензия на книгу Л.А. Тихомирова «Монархическая государственность»] // Новое время. Иллюстрированное приложение к газете. 12 октября 1905. № 10635. С. 5–6.

[193] *Бухбиндер Н.А.* Из жизни Л. Тихомирова (по неизданным материалам). С. 63.

[194] РГАЛИ. Ф. 345. Оп. 1. Д. 746. Л. 65.

[195] Там же. Л. 66.

[196] Там же. Л. 66–66 об.

[197] Там же. Л. 66 об.

В частных письмах на имя Дурново он продолжал настаивать на желательности «доставить Тихомирова в распоряжение правительства, но без каких-либо договоров с ним, условий или ограничений, а просто как государственного преступника»[198].

Рачковский, встречавшийся с Тихомировым после подачи им прошения о возвращении на родину в сентябре 1888 г., утверждал (и, как мы полагаем, не без основания), что «новая выходка Тихомирова направлена к созданию себе *особого* политического положения взамен того, которое он утратил», замечая, что «в настоящее время Тихомиров считает возможным занять общественное положение умершего Каткова»[199]. За четыре года «охоты» за Тихомировым шеф парижского отделения заграничной агентуры как никто другой изучил особенности характера своего противника, составил его психологический портрет. Рачковский превратился в своеобразное alter-ego Тихомирова и хорошо понимал его честолюбивые планы. Оценивая впечатления после встречи с ним, Рачковский указывал в рапорте: «Тихомиров по свойствам своей натуры... от политики все равно не отстанет... Мне он, например, лично заявил, что Россия (где, как он выражается "намутил много революций") может быть спасена (!) не деятельностью государственных органов и даже не декламациями, а организацией в ней новой самостоятельной группы в самодержавном смысле и с философской подкладкой, на что он и хотел бы употребить свои блистательные способности»[200].

По просьбе Рачковского Тихомиров составил записку «О мерах к уничтожению вредного влияния эмиграции на учащуюся молодежь». Заведующий парижской агентурой оценил ее весьма скептически, сочтя ее химерой. Он вообще считал, что Тихомиров «является крайне несостоятельным» для какой-либо положительной работы[201]. Конечно, много в этой оценке было от личной неприязни: уж очень не хотел Рачковский отдавать четыре года напряженнейшей работы «за здорово живешь» и признавать за своим противником право на возвращение в Россию. Циничный, но неплохо знающий человеческую природу Рачковский понимал, что «покаяние» Тихомирова — это первая ступенька его новой карьеры, притом уже не революционера, а охранителя. Понимал и то, что Лев Александрович отнюдь не будет жить в России, прозябая всеми забытым «раскаявшимся грешником», не таков его характер! Рачковскому пришлось остаться без вознаграждения за труды. Но в данном случае Рачковский уже не мог ставить палки в колеса Тихомирову, все решалось на более высоком уровне. На основании неопубликованных воспоминаний Г.П. Сазонова можно полагать, что помимо вышеуказанных лиц, в возвращении Тихомирова на родину принял участие известный консервативный публицист и государственный деятель А.Д. Пазухин[202]. Однако, узнать все тонкости той масштабной «политической игры», которая началась вокруг раскаявшегося революционера, мы вряд ли когда-нибудь сможем.

Записка Льва Александровича, в которой тот доказывал необходимость более активной контрпропаганды среди молодежи и привлечения к этой работе благонамеренной части русского общества, чрезвычайно понравилась Дурново, приложившего немало усилий для доказательства необходимости прощения Тихомирова и возвращения его в Россию для участия в антинигилистической кампании. Однако не все в правительственных кругах разделяли точку зрения директора Департамента полиции. Близкий тогда к императору Победоносцев, по сообщению Богучарского, якобы как условие возвращения Тихомирова выставил то, чтобы прощаемый властью «земной грешник» поступил в монастырь замаливать грех 1 марта и убийство Судейкина[203]. Правда, ознакомившись с брошюрой Тихомирова, опытный и прагматичный политик Победоносцев в корне изменил свое мнение и со-

[198] ГА РФ. Ф. 102. 3-е д-во. 1888 г. Д. 545. Ч. 1. Л. 65.

[199] Там же. Л. 60.

[200] Там же. Л. 65. Схожие мысли в этот период его жизни Тихомиров высказывал в письме к О.А. Новиковой от 11 февраля 1890 года и в переписке с К.Н. Леонтьевым.

[201] Там же. Л. 90—92 об.

[202] Сообщил доктор исторических наук В.В. Зверев.

[203] *Богучарский В.Я.* Из истории политической борьбы в 70-х и 80-х гг. XIX века: Партия «Народной воли». Ее происхождение, судьбы и гибель. М., 1912. С. 123.

гласился с идеей возвращения опального экс-революционера, сочтя полезным его использование в деле борьбы с оппозиционными существующему строю течениями[204].

Константин Петрович еще в марте 1887 года писал Александру III с беспокойством о положении в лагере консервативной журналистики, защищая М.Н. Каткова и обращая внимание на «то значение, которое приобрели вместе с лицом его "Московские Ведомости"»[205]. Он обращал внимание на то, что «вся сила Каткова в нерве журнальной его деятельности, как русского публициста, и притом *единственного*, потому что все остальное — мелочь или дрянь, или торговая лавочка... Все, что происходит с "Московскими Ведомостями", становится *событием* не только всероссийским, но и европейским. Падение "Московских Ведомостей" есть великое торжество одной партии (к сожалению, именно партии врагов России и порядка) и великое уныние для другой партии, противоположной. Прибавлю еще, что Катков, при всех своих недостатках и увлечениях, очень дорог своей газетой именно теперь, в эпоху смуты, что когда его не будет, решительно *некем* будет заменить его в нашей распущенной и бедной серьезными талантами печати; и, наконец, что эта минута, которой нельзя не опасаться, вероятно, уже недалека, потому что Катков едва ли долго продержится»[206]. Победоносцев выделял из общего ряда консервативных изданий «Московские ведомости», выговаривая в письме к Е.М. Феоктистову: «Недоумеваю, что за причина запрещения розничной продажи, постигшая "Московские ведомости"; не странно ли, что газета вполне русская, *единственно* патриотическая и самого благонадежного направления, подвергается каре едва ли не чаще, чем другие газеты, и, напротив того, газеты самого вредного и фальшивого направления, развращающие публику, спокойно и безнаказанно продолжают свою деятельность. Какой Эдип разрешит эту загадку»[207].

В этих условиях обер-прокурор, сумевший оценить значение не только конкретной покаянной брошюры Тихомирова, но и его острого и талантливого пера в целом, исходил из вполне прагматических интересов. Тихомирова можно было *использовать* на благо власти. Таким образом, все решала целесообразность «наказания» или «прощения» бывшего революционера с точки зрения реальной политики. Много лет спустя, в эмиграции, В.И. Гурко следующим образом отзывался об эволюции Тихомирова: «Бывший некогда одним из самых видных членов партии "Народной воли" и затем круто и, по-видимому, искренне изменивший свои взгляды, перешедший в ряды сторонников самодержавного образа правления и даже сделавшийся впоследствии редактором ярко реакционных "Московских ведомостей"»[208]. Характерна оговорка «по-видимому», выдававшая сомнение бывшего царского сановника. Даже после покаяния и прощения Тихомиров продолжал казаться некоторым правым достаточно сомнительным с нравственной точки зрения человеком.

Споры о судьбе Тихомирова велись и на страницах печати — как российской, так и зарубежной. И здесь помощь Новиковой пришлась как нельзя кстати. При помощи пророссийски настроенной писательницы Ж. Адан она развернула на страницах французской прессы широкомасштабную кампанию за прощение Тихомирова, а сама вела аналогичную работу на страницах английских газет[209]. Консервативная русская пресса, первоначально благожелательно принявшая покаяние Тихомирова, к возможности его прощения отнеслась в целом негативно, высказывая опасение в возможном «валленродстве» бывшего революционера[210].

---

[204] *Костылев В.Н.* Выбор Льва Тихомирова. С. 31.

[205] Письма Победоносцева к Александру III. С приложением писем к в. кн. Сергею Александровичу и Николаю II. М., 1926. Т. 2. С. 141.

[206] Там же. С. 142. Письмо Победоносцева датировано 11 марта 1887 года, М.Н. Катков скончался 20 июля того же года.

[207] Письма К.П. Победоносцева к Е.М. Феоктистову / Вступительная статья *Б. Горева*, публикация и комментарии *И. Айзенштока* // Литературное наследство. 1935. Т. 22/24. С. 546 (письмо от сентября 1891 года).

[208] *Гурко В.И.* Черты и силуэты прошлого. Правительство и общественность в царствование Николая II в изображении современника. М., 2000. С. 141.

[209] *Костылев В.Н.* Лев Тихомиров на службе царизма... С. 80.

[210] *Конрад Валленрод* — герой поэмы А. Мицкевича, национальный герой литовского народа, разгромивший силы немецких рыцарей изнутри. Перейдя к ним на службу и сделав блестящую карьеру, в конце концов он возглавил рыцарский орден, чтобы привести его к поражению.

Особенно жесткую позицию занимало бывшее детище Каткова — «Русский вестник». В разделе «Внутреннее обозрение» этого журнала появилась статья «Повинная террориста», подписанная псевдонимом Житель (А.А. Дьяков). Ее автор пишет о Тихомирове: «Зверские инстинкты этого нравственного урода стяжали ему прозвище "Тигрыч"», озвучивая требование к правительству: «В награду за покаяние такого содержания, такой формы и по таким поводам общественная совесть не задумалась бы отправить злодея на виселицу»[211]. И далее: «С таким нравственным закалом, с таким позорным прошлым этот бывший атаман шайки политических убийц наблюдает теперь на берегах Сены действия своих бывших единомышленников и собирается служить России какою-то созидательной работой. В своей наглости он даже дает советы правительству и обществу»[212]. Тихомиров был в ярости от статьи в «Русском вестнике» и негодовал: «Никогда бы я не подумал, что *Русск*[ий] *В*[естник] может нападать на человека за то, что тот кается. Это что-то странное. И почему он меня называет убийцей? По намекам *Жителя* сдается, что будто речь идет о 1-м марта. Если так, *Русск*[ий] *Вест*[ник] плохо осведомлен. Я не принимал никакого участия, ни в организации, ни в исполнении этого... дела. Я даже боялся его; конечно я, как впрочем все тогда, был вполне уверен, что Государь не может погибнуть от этих покушений; но самое *покушение* должно было расстроить все мои планы радикальной агитации в обществе... могу сказать, не только не устраивал покушения, но даже не желал его... Ужасное время! Вспоминать его — это как ножом полосовать себя, и хуже всего — не *лично*, а именно как человека известного *слоя*, п.ч. — я, впрочем уже высказал свое убеждение в своей брошюре: террор является как следствие безнаказанности революционной»[213].

2 декабря 1888 года Тихомиров писал Новиковой, что говорить о его поступке, «как о *подвиге* — это даже и не смешно, а просто непонятно»[214]. Но также непонятно и подозрение в том, что он, Тихомиров, что-то недосказывает, скрывает и т.п. Он уверял, что именно излишняя озлобленность таких бывших революционеров, как Житель, и дает обратный эффект, даже если «Лавров или кто другой — какой угодно зверь: что из этого?»[215]. Все равно надо писать объективно. И тем более ошибочно думать, что Тихомиров пристрастился к революции из-за каких-то психологических особенностей личности. Он был охвачен этой «общественной заразой», как и многие другие, и отказался от революции тоже не из-за особенностей личной психологии, а потому, что понял лживость революции «с точки зрения российской *национальной* психологии, и только тогда, — уверял он Новикову, — я в своих глазах стал преступником, и признал своей обязанностью покаяться и совершенно изменить деятельность»[216].

Однако, позицию «Русского вестника» разделяли и некоторые другие издания, особенно после появления в консервативном лагере слухов о том, что правительство и лично Александр III заинтересованы в возвращении Тихомирова. В ответ на полученную информацию о возможном занятии раскаявшимся революционером редакторского кресла в «Московских ведомостях» вновь выступил «Русский вестник», поместивший статью «Опять раскаявшийся террорист»[217]. Ее автор заявлял, что «о признании Тихомирова государственной властью не может быть и речи, о занятии преступником, случайно не попавшим на виселицу, такого поста, как редактор "Московских ведомостей" и о его сотрудничестве в такой газете, как "Новое время", весьма естественно, никто никогда не помышлял»[218]. Поскольку Тихомиров, не довольствуясь только прощением, претендовал еще и на роль идеолога, его положение было весьма двусмысленным и «своим» он для консерваторов не будет еще очень долго. Признанные авторитеты монархического лагеря с опаской отнеслись к новоявленному пророку. Историк И.В. Лукоянов замечает, что Тихомиров «не добился однозначного признания среди монархистов. Там постоянство взглядов ценилось едва ли не выше, чем преданность самодержавию,

---

[211] *Житель.* [*Дьяков А.А.*] Повинная террориста // Русский вестник. 1888. № 9. С. 368—374

[212] Там же.

[213] РГАЛИ. Ф. 345. Оп. 1. Д. 750. Л. 142-142 об. 143 об.

[214] РГАЛИ. Ф. 345. Оп. 1. Д. 746. Л. 64-64 об.

[215] Там же. Л. 65.

[216] Там же.

[217] Опять раскаявшийся террорист // Русский вестник. 1888. № 11. С. 348—349.

[218] Там же. С. 349.

Д.А. Толстой

а измена прежним идеалам рассматривалась как ренегатство, какой бы эта смена не была и какими бы причинами не вызывалась»[219].

Е.Д. Тихомирова, поддерживавшая отношения с Новиковой, жаловалась ей на трудности, сообщая об отъезде мужа в Петербург в письме от 30 января 1889 года: «Он уехал веселый, спокойный, а я здесь очень волнуюсь, позволят ли ему ехать в Новороссийск, или нет, он хотел даже прибегнуть к вашей помощи, жаль, что вас не будет там»[220]. Получив от мужа письмо, со словами о том, что «Петербург ему очень понравился, говорит, что сразу почувствовал себя дома», супруга успокоилась, но не надолго[221]. Отправляя вскоре Новиковой открытку, Тихомирова сетует по поводу непрекращающихся нападок на мужа, который «жалуется на общество, на его безыдейность, разброд. Есть много людей также, которые против него, говорят, что чистое дело требует чистых рук, чтобы очистить себя, он должен выдавать и должен быть наказан»[222]. Это не удивительно — даже спустя много лет после возвращения Тихомирова в Россию А.В. Богданович с явной неприязнью писала о нем как о человеке, «который участвовал в убийстве Александра II, который весь был забрызган его кровью»[223].

Но в данном случае правительство оказалось дальновиднее своих адептов, которые жаждали не столько торжества справедливости, сколько были возмущены самим фактом появления в «их вотчине» бывшего революционера. Министр внутренних дел Д.А. Толстой отчетливо осознавал, какую идеологическую бомбу он может подложить под революционное движение, возвратив Тихомирова. Согласился с ним и император, наложивший следующую резолюцию на докладе Толстого о прошении Тихомирова о возвращении на Родину: «Это утешительный факт. Что предполагаете вы ему отвечать? Отталкивать его не следует, он может очень пригодиться»[224]. В соответствии с такой царской резолюцией был составлен всеподданейший доклад Толстого о возвращении в Россию Тихомирова. Не приводя его целиком, отметим, что министр внутренних дел *«на точном основании закона»* посчитал возможным «полное помилование Тихомирова, с тем, чтобы по возвращению в отечество он был водворен в определенную местность под надзор полиции сроком на 5 лет»[225]. Наконец, 10 ноября 1888 г. Александр III утвердил доклад Толстого, и судьба Тихомирова была решена.

10 декабря 1888 г. в русском посольстве Тихомирову сообщили, что государь император помиловал его с отдачей под надзор полиции на 5 лет. 11 декабря 1888 г. в 4 часа утра, вернувшись из посольства, Тихомиров пишет Новиковой: «Самое главное: ***Государь меня простил***, — совершенно, лишь с отдачей под надзор на пять лет. У меня до сих пор голова не на месте. Да, Ольга Алексеевна — совершенно простил, и я теперь легальный человек, после 10 лет нелегальщины, русский подданый!»[226]. Письмо к Новиковой от 12 декабря написано на высокой эмоциональной ноте и полно благодарностей самодержцу: «Государь приказал, в виду искреннего раскаяния эмигранта Тих[омирова] — простить его *совершенно* (подлинное выражение), и затем, чтобы в течение 5 лет он оставался под гласным надзором полиции»[227]. Тихомиров отмечал, что МВД вовсе не имеет

---

[219] *Лукоянов И.В.* Российские консерваторы (конец XVIII — начало XX веков). Пособие к лекционному курсу. СПб., 2003. С. 65.

[220] РГАЛИ. Ф. 345. Оп. 1. Д. 752. Л. 1.

[221] Там же. Л. 2.

[222] Там же. Л. 3.

[223] *Богданович А.В.* Три последних самодержца. М., 1990. С. 218.

[224] ГА РФ. Ф. 102. 3-е д-во. 1888 г. Д. 545. Ч. 1. Л. 54.

[225] Там же. Ч. 2. Л. 31—34.

[226] РГАЛИ. Ф. 345. Оп.1. Д. 746. Л. 75.

[227] Там же. Л. 78.

намерения по возвращении в Россию посылать его «в губернию Сибирскую»[228]. После приезда он должен отправиться в Петербург для получения окончательного прощения «у его превосходительства П.Н. Дурново». Оставалось только радоваться: «Ну, Ольга Алексеевна, до чего я доволен, и как я благодарен Государю...»[229]. Далее переписка посвящена уже предстоящему приезду в Россию (нужны деньги, которых нет, на родине — зима, хотелось бы, пока есть возможность, успеть поработать во французских библиотеках, надо думать о том, как зарабатывать деньги после возвращения и т.д., и т.п.). Не умаляя искренности Тихомирова, предположим, что он, как опытный конспиратор, воздавая в письмах постоянные хвалы Александру III, рассчитывал и на то, что при *возможной* перлюстрации его писем со стороны российских спецслужб это будет отмечено и пойдет ему на пользу.

Радость Тихомирова безмерна. «Ура! — записал он в дневнике 10 декабря, — теперь начинаю новую жизнь. Нужно лишь стараться, чтобы эта новая жизнь загладила все глупости и грехи прошлого... Устал, нет мочи...»[230]. После выхода брошюры он с волнением ждал любую информацию о реакции российской власти на его действия. Так, еще 27 ноября 1888 г. он пишет Новиковой: «Если Государь и читал с одобрением брошюру и милостиво отнесся к докладу, то, очевидно остается только кричать — ура!»[231]. И далее продолжает на такой же патетической ноте: «Я даже не представляю еще реально, ясно, что вдруг — я опять стану "русским", не отверженцем и не отщепенцем. Это слишком большое счастье, чтобы его можно было представить после стольких лет скитаний — телом и душой!»[232].

При этом Тихомиров сразу же расставил все точки над i, заявив, что ни о каком сотрудничестве с Департаментом полиции на уровне предоставления информации не может быть и речи. Характерно, что он стремился объяснить это не только с нравственной точки, но и с точки зрения пользы для правительства. 29 ноября 1888 г. он писал Новиковой: «Мое убеждение, что только строжайшее соблюдение достоинства, самое педантическое обережение чести и приличий может меня сделать *полезным* Правительству. Переход *честного* человека и *не озлобленного* как бешеная собака — производит огромное впечатление. Но что доказывает переход на сторону Правительства — какого-нибудь жулика или даже честного, но не помнящего себя от злобы человека?»[233]. И тут же Тихомиров предостерегает: «Но я знаете что скажу: революционное движение в упадке, но я уверен, что оно воскреснет м.б. хуже прежнего, если не воспользуются двумя, тремя, м.б. 5—6 годами затишья для того, чтобы создать *более здоровую атмосферу мнений*»[234]. И опять во всем у Льва Александровича виноват образованный слой: «Обновление интеллигенции или вечная конвульсия, вот дилемма!»[235]. В качестве позитивного идеала им выдвигается славянофильство («по крайней мере в зародыше»).

Теперь перед Тихомировым официально открылись возможности не только вернуться в Россию, но и попытаться воплотить в жизнь свои новые общественно-политические идеи. Он действительно загорелся этим, планируя широко поставить пропаганду своих новых взглядов в России, о чем можно судить по ряду его писем. 22 ноября 1888 года он писал Новиковой о желании «привлечь к чисто русской программе, не возбуждая против себя криков об *измене*», не только людей «сверху», т.е. находившихся у власти[236]. В этом же письме он уже выделяет молодежь в качестве среды для распространения своих идей, отмечая, что большая ошибка славянофилов и «людей национальной интеллигенции» состояла в том, что они «пренебрегали молодежью»[237]. Отметим, что в дальнейшем проблема промонархической агитации в молодежной среде станет одной из ведущих тем для Тихомирова. Он планировал: «Я даже попробую (если Бог даст и государь позволит) поискать людей

[228] РГАЛИ. Ф. 345. Оп.1. Д. 746. Л. 78 об.
[229] Там же. Л. 79 об.
[230] Воспоминания Льва Тихомирова. С. 265.
[231] РГАЛИ. Ф. 345. Оп. 1. Д. 746. Л. 52 об.
[232] Там же.
[233] Там же. Л. 61 об.
[234] Там же. Л. 62 об.
[235] Там же. Л. 63.
[236] Там же. Л. 46.
[237] Там же. Л. 46 об.

среди ссыльных и т.п. — лучших, умнейших, и мне все сдается, что это возможно»[238]. В этой связи Лев Александрович разослал большинству из своих, теперь уже бывших, друзей-ссыльных, среди которых находились Волховский, Станюкович, А.И. Иванчин-Писарев, брошюру «Почему я перестал быть революционером», а Клеменцу он отправлял ее дважды! Среди ссыльных он надеялся найти одобрение своих взглядов и поступков, но его и здесь ожидало горькое разочарование. В 1889 г. отдельной книжкой вышла статья из № 4 «Самоуправления» под названием «Союз или борьба?», посвященная разбору взглядов Тихомирова. Как установлено Е.Е. Колосовым, ее автором являлся Г.Ф. Зданович, ссыльный, осужденный в свое время по «процессу 50-ти». В 1888 г. он проживал в Томске и сотрудничал в издававшейся там «Сибирской газете»[239]. Содержание статьи и приводимые в ней факты свидетельствовали о том, что при ее написании Зданович, лично не знавший Тихомирова, пользовался советами товарищей по томской ссылке, т.е. в каком-то смысле эту статью можно рассматривать как коллективный ответ ссыльных «ренегату» Тихомирову. Главную причину упадка революционного движения автор усматривал в разобщении сил. Поэтому в качестве основной задачи момента им выдвигалось сплочение «всех недовольных элементов русского общества». На вопрос, вынесенный в заголовок, — союз или борьба с самодержавием? — ответ звучал однозначно — только борьба! Особое место в статье занимала проблема правомочности террора, объявлявшегося порождением царского произвола. А, следовательно, террор будет продолжаться до тех пор, пока не ослабнет «безграничный и ничем не измеряемый произвол правительства»[240]. Как видим, и здесь надежды Тихомирова на то, что старые соратники по революционному лагерю, разбросанные по бескрайним просторам Сибири, позитивно оценят его новые взгляды и последуют за ним, не сбылись. Наоборот, рефреном прозвучали слова обращения якутских ссыльных к товарищам по несчастью: «Мы понимаем, что ссылка является тем же полем борьбы против произвола и насилия, как и то, что мы здесь остаемся теми же борцами, что и на воле, только в иных условиях»[241].

Последовавшие за этим прямые столкновения каторжан и ссыльных с тюремной администрацией и властями, известные как Карийская и Якутская трагедии (1889 г.)[242], окончательно похоронили надежды Тихомирова на привлечение бывших товарищей к реализации выдвинутой им созидательной программы. Несколько позже в письме от 9 сентября 1896 года Тихомиров жаловался некогда своему задушевному другу — ссыльному Синегубу: «Конечно, нам теперь не столковаться. Слишком велика разница в том, что я пережил, и что ты. Но, может быть, ты поймешь, по крайней мере, что глупо и несправедливо ругать меня и оклеветывать, как делают ваши “старые язычники”. Ну, брат, будет. Это точно — грустно писать. Я прежде думал, что вас можно поднять, но — немыслимо»[243]. Синегуб ответил письмом с прилагаемым к нему стихотворением:

К портрету Л. Тихомирова

Давно то было!.. без сомненья,
Передовым ты шел в бою,
На алтаре освобожденья
Сжигая молодость свою!
Все мракобесное, все злое,
Царившее в краю родном,
Негодование святое
Будило в сердце боевом!

[238] РГАЛИ. Ф. 345. Оп. 1. Д. 746. Л. 46 об.
[239] *Колосов Е.Е.* Н.К. Михайловский. Пг., 1917. С. 64.
[240] См.: Союз или борьба? Женева, 1889. С. 30—31.
[241] Цит. по: *Круссер Р.Г.* Политическая ссылка и «Сибирская газета» // Сибирские огни. 1969. № 3. С. 142.
[242] См.: *Троицкий Н.А.* Царизм под судом прогрессивной общественности... С. 74—75.
[243] Из архива В.Я. Богучарского. Лев Тихомиров и С.С. Синегуб // Каторга и ссылка. 1927. № 2. С. 97.

Тебе угрозы самовластья —
Темница, плаха и палач —
Не страшны были!.. Мыслью, страстью —
Ты был герой, ты был силач!
Святой красой тогда сияли
Твои глаза, твои черты...
А ныне?.. Чувства все увяли,
И ум усох, — и жалок ты!
Как раб главу склонивши долу,
Вошел в языческий ты храм
И воскуряешь произволу
Благоговейно фимиам!.. [244]

Шумиха, поднятая в прессе вокруг имени Тихомирова, позволила ему несколько поправить свое очень тяжелое финансовое положение. Через Павловского Льву Александровичу удалось установить контакт с одним из самых известных и успешных издателей России — редактором «Нового времени» Сувориным. Могущественного газетного магната, несомненно, привлекла «скандальная слава» Тихомирова. Последний же рассчитывал на долговременное сотрудничество с этим популярным консервативным органом. Тихомиров, как человек расчетливый, надеялся убить одним выстрелом двух зайцев: застолбить себе гарантированный заработок в «Новом времени» и начать реализовывать свою «положительную» программу по борьбе с крамолой через официальную русскую печать. Он развернул перед Сувориным широкие планы совместного сотрудничества, предложив завести в газете раздел «С того берега», где бы помещались статьи о психологии революционного движения. Хотя, в конечном счете, из этих широкомасштабных планов так ничего и не вышло, все же Тихомиров получил от Суворина принципиальное согласие на дальнейшее сотрудничество. «Готов использовать талант, откуда бы он ни был», — написал Суворин Павловскому по вопросу о сотрудничестве с Тихомировым и выслал аванс в 200 рублей[245]. В этом «откуда бы он ни был» был колкий и прямой намек на революционное прошлое Тихомирова.

А. С. Суворин, рис. 76-го года И. Н. Крамского

Именно для «Нового времени» Лев Александрович готовил статью «Несколько замечаний на полемику с эмигрантами». Присылку ее Суворину он сопроводил припиской: «Это для меня вопрос, если не чести, то близко к тому. Я должен ответить этим бессовестным и бездарным клеветникам. Я не могу ответить иначе, как *за подписью*. Умоляю вас, Алексей Сергеевич, похлопочите о разрешении. Я уж и то старался быть покороче и вообще стеснял себя. Но совсем без подписи — я не могу говорить с этими людьми. Они обвинят в трусости, в битье из-за угла. А не отвечать совсем — что же — это значит мне нечего возразить? — Этим-то идиотам?»[246].

Но в суворинской газете статья так и не вышла: редактор не смог провести ее через все цензурные препоны. 16 января 1889 года Тихомиров писал Суворину: «Крепко печалит меня ваше известие о непомещении моей статьи. Не могу себе представить мотивов цензора, сколько-нибудь резонных, разве только м.б. начальство не желает допускать моей подписи, *пока я нахожусь за границей*. Я не могу допустить мысли, чтобы мне *вообще* не позволили полемизировать с эмигрантами. По-

[244] Красная летопись. 1925. № 5. С. 325.
[245] *Бухбиндер Н.А.* Из жизни Л. Тихомирова (по неизданным материалам). С. 59.
[246] Там же. С. 60.

чему бы? Ведь позволяют дискутировать с бывшими собратьями обратившимся к Православию раскольникам»[247].

Тихомиров полагал, что надо ехать в Россию и тогда все уладится и он «сможет доказать свою благонамеренность»[248]. Непрохождение статьи он объяснял тем, что он не в России, а приехать быстро он не мог, т.к. все упиралось в деньги. Вернувшись в Россию, в письме от 31 января Тихомиров написал Суворину, что хотел пойти к Е.М. Феоктистову — начальнику главного управления по делам печати, но заболел и уже соглашался, что вопрос о его подписи под статьей не принципиальный и статью можно поместить в любом виде. Когда Тихомиров посетил Феоктистова, тот просил передать Суворину, что решительно ничего не имеет против печатания статьи[249]. В итоге затянувшаяся история с публикацией статьи у Суворина завершилась. 27 февраля 1889 года уже из Новороссийска (!) Тихомиров писал осторожному редактору «Нового времени» следующие строки: «Вы, очевидно, эту статью соглашались поместить скрепя сердце, она вам — не идет. Мне же она *необходима*, и особенно теперь, после всех задержек. Из этого столкновения интересов есть очень легкий выход, если Вы захотите оказать мне услугу — переслать эту статью в *Моск*[овские] *Ведомости*. *Моск*[овские] *Вед*[омости] обещали мне принимать мои статьи, и эта им без сомнения будет вполне по сердцу. Я сегодня же напишу в редакцию, предупреждая о возможном получении этой статьи от вас. Вы не только вообще любезны, но и знаете, что для меня публикация этой статьи очень важна. Поэтому вы, вероятно, окажете мне эту услугу»[250]. Тихомирову оставалось только констатировать: «Это предосадная история»[251]. С большой задержкой, лишь в урезанном виде, статья увидела свет в «Московских ведомостях». Это лишний раз показало Тихомирову, что в России все не так просто, и как «мессию» его там никто не ждет, поэтому пора снимать розовые очки.

Собираясь в Россию, он ревниво следил за тем, как русская печать реагировала на решение о его возвращении. Своими наблюдениями он делился со своей постоянной корреспонденткой Новиковой, отмечая, что редактор «Санкт-Петербургских ведомостей», хоть «статьей и не высказался, но за меня, а Мещерский меня бранит»[252]. Наконец, все приготовления к отъезду были закончены, средства на отъезд Тихомировы частично получили через Новикову, что-то дали продажа ненужных вещей и гонорары Льва Александровича.

Главный вопрос перед отъездом упирался в архив, хранившийся у Тихомирова. Архив содержал в себе огромное количество информации революционного характера. Он писал Новиковой, что хочет поговорить с ней «относительно всяких моих бумаг» и собирался передать ей «книги недозволенные»[253]. Сетовал: «Было бы жаль, если бы пропала моя коллекция, хотя и неполная, революционных изданий. Ведь приходится не щадя сил с ними же бороться, а тогда где их найдешь»[254].

19 января 1889 г. Тихомиров сообщает о высылке Новиковой двух чемоданов. Один — революционная литература, которая может понадобиться ему в полемике с бывшими друзьями, второй — дневники, бумаги и книги Тихомирова, его статьи и статьи о нем. Он сообщает и об уничтожении части бумаг, сравнивая эту работу с очисткой Геркулесом Авгиевых конюшен: «Вы не можете себе представить, сколько бумаги я сжег и порвал! Я даже не подозревал, что... может быть столько этой дряни»[255].

Есть еще один очень важный момент, на который обратил внимание в своем диссертационном исследовании Костылев[256]. Дело в том, что в бумагах Тихомирова находилась часть народоволь-

---

[247] РГАЛИ. Ф. 459. Оп. 1. Д. 4234. Л. 12.
[248] Там же. Л. 12 об.
[249] Там же. Л. 17.
[250] Там же. Л. 19—19 об.
[251] Там же. Л. 20.
[252] РГАЛИ. Ф. 345. Оп. 1. Д. 746. Л. 49.
[253] Там же. Д. 750. Л. 131.
[254] Там же. Л. 131 об.
[255] Там же. Д. 747. Л. 13—13 об.
[256] См.: *Костылев В.Н.* Лев Тихомиров на службе царизма... С. 257.

А.М. Гартинг (он же Геккельман и Ландезен) с семьей

ческих документов, очень интересовавших российские спецслужбы. Естественно, народовольцы требовали возвращения документов, с этим полностью соглашался и Тихомиров. Решено было архив передать. Благодаря вмешательству А.М. Гартинга — человека Рачковского, пользующегося полным доверием и Тихомирова и парижских народовольцев, при перевозке архива из квартиры Тихомировых к В.К. Дебогорию-Мокриевичу документы на 24 часа попали в руки Рачковского[257]. Таким образом, хотя и невольно, но Тихомиров оказал помощь российским спецслужбам и «медвежью» услугу своим бывшим единомышленникам и соратникам. Догадывался ли он об этом? Вряд ли. А вот Рачковский в донесении от 10 июля 1888 г. указывает на факт знакомства с архивом. Уж этот опытный мастер сыска точно знал, что и зачем он делал. Не случайно в романе о Дзержинском известный советский писатель Юлиан Семенов саркастически писал о том, что «после того как Судейкин был убит — при помощи того же двойного агента Дегаева... Рачковский перевербовал в Женеве самого Льва Тихомирова, обратив его в слугу самодержавия, в ренегата и предателя. А уж вернул Льва Тихомирова в Россию и дал ему крайне правую монархическую газету тот, кого юный революционер столь страстно обличал, – министр внутренних дел, сенатор Вячеслав Константинович фон Плеве»[258]. Конечно, говорить о «вербовке» Тихомирова Рачковским нельзя, но последний мог торжествовать победу над своим противником. Добавим, что часть архива Тихомирова, переданная Дебогорию-Мокриевичу, до сих пор не найдена. Остальную же часть документов Тихомиров при выезде в Россию решил на всякий случай уничтожить, поступив весьма мудро, поскольку только их сожжение могло раз и навсегда гарантировать, что компрометирующие материалы не всплывут со временем на поверхность. С самим Львом Александровичем власти будут обращаться весьма деликатно, а вот его бумаги могли попасть в чужие руки.

Поначалу Тихомиров хотел послать Новиковой свои воспоминания (письмо, содержащее такое намерение, написано в ночь с 27 на 28 января 1889 г.), но, начав их перечитывать, чтобы зачеркнуть некоторые имена, увидел, что все исправить нельзя, и сжег эти бумаги[259]. Новиковой свой поступок он объяснил так: «А то еще не дай Бог — не успею исправить, и будут когда-нибудь на меня ссылаться в защиту чорт знает чего. Сжечь — жаль было, но сжег»[260]. С одной стороны, Тихомиров обращается к Богу, откровенничая в письме к Новиковой: «Завтра пойду в церковь. Как жаль, что нет темной старой многовековой церкви, где можно быть одному»[261]. С другой — пристально следит за реакцией на его поступок: «В Петербурге, я слыхал, есть студенты, которые жгли мою брошюру»[262].

От старой жизни Тихомиров решительно отошел, но какова будет новая, еще не знал. Покончив с формальностями, в начале января 1889 г. Лев Александрович отправился в Россию. В прошлом для него оставались не только эмиграция, но вместе с ней и годы, отданные революционной борьбе и... старые соратники по борьбе, для которых он теперь был «ренегатом». Проделав долгий путь в революционном движении в поисках какой-либо позитивной программы, зайдя в результате в тупик, он понял всю бессмысленность и опасность революции. Повинуясь чувству политической реальности, попытался нащупать «твердые основания» для дальнейшего переустройства общества,

---

[257] См.: *Костылев В.Н.* Лев Тихомиров на службе царизма... С. 257.

[258] *Семенов Ю.С.* Горение: роман-хроника. М., 1983. С. 101.

[259] РГАЛИ. Ф. 345. Оп. 1. Д. 747. Л. 15.

[260] Там же.

[261] Там же. Д. 750. Л. 135 об.

[262] Там же. Л. 138 об.

придя к выводу, что такой путь может быть проделан эволюционно только под эгидой Верховно власти в традиционной для России форме — самодержавии.

Впереди Льва Александровича ждало служение новому идеологическому кумиру — пропаганд самодержавной монархической идеи. Он был полон замыслов и надежд. Из европейского далека его демократическими ценностями, изрядно скомпрометированными коррупционными скандалам и заискиванием перед сильным восточным соседом в лице Российской империи, он вынес почт физиологическое неприятие западноевропейской демократии как политического режима. Тепер только Россия представлялась Тихомирову сосредоточением истинной мировой силы и могуществ Служению, укреплению самодержавной идеи он рассчитывал посвятить вторую половину свое жизни, начиная ее как бы с чистого листа. Жизнь в России готовила ему немало испытаний, н это было еще впереди. А пока Тихомиров ощущал жадное предвкушение встречи с родиной, с своими родными, которых давно не видел, и готов был покаяться за свое революционное прошло Sic fata voluerunt![263].

[263] Так было угодно судьбе (*лат.*).

Глава VII

ОБРЕТЕНИЕ ПОЧВЫ (1889—1894)

> Я уверен, что никакое наблюдение не изменит того убеждения, которое у меня сложилось еще за границей, и еще более окрепло здесь — что суть, главное, состоит не в уничтожении оппозиционных элементов, а в усилении *своих*, друзей, элементов сознательно национальных.
>
> *Из письма Л.А. Тихомирова к О.А. Новиковой от 11 февраля 1890 года*[1]

20 января 1889 г. Тихомиров прибыл в Петербург. Его возвращение в родное отечество было лишено какой-либо триумфальности. По прибытии в столицу Империи он сразу же отправился в Петропавловский собор, чтобы поклониться праху Александра II, погибшего, как известно, от рук народовольцев. Он пробыл в столице около месяца. В основном время занимали встречи с правительственными чиновниками и общественными деятелями консервативного направления. Активно контактировал и с проправительственно настроенными издателями на предмет сотрудничества в охранительной печати. Тогда же состоялось знакомство Тихомирова с генералом Киреевым.

Особый и вполне предсказуемый интерес к раскаявшемуся революционеру проявляли представители Министерства внутренних дел. Много времени Лев Александрович проводил в беседах с Дурново. Уже много позже, 12 сентября 1915 года, прочтя о смерти Дурново, он вспоминал в дневнике об этих встречах: «Дурново, человек замечательно умный и проницательный (равных ему я в этом отношении не видал в жизни), конечно скоро убедился в моей полной искренности, так что стал обращаться со мной чуть не по-дружески. На меня произвело превосходное впечатление то, что он даже не пытался о чем-нибудь "допрашивать" меня, что-нибудь выпытывать о революционерах. Один только был случай, уже чуть не на последнем свидании. "Вы видите, сказал он, как мы себя держали корректно в отношении Вас, веря Вам, забывая прошлое, я ни одного факта из революционных дел не спрашивал, не старался выпытать... Но вот еще маленький пустяк. Это дело не пользы, п[отому] ч[то] все эти лица давно поарестованы и дела их покончены. Но это дело самолюбия. Мы не могли разобрать *одного шифра*. Дело небывалое, обидно. И что это за шифр, такой не разрешаемый? Вы бы могли это сказать, потому что никого этим не выдадите". Тяжкая была для меня эта минута. Полиция была действительно рыцарски щепетильна, безусловно благородна. И в то же время я ее обременял просьбами об услугах мне. Однако я, — благодарю Господа, — помявшись в тяжелом молчании, сказал... "Ваше Превосходительство, позвольте мне остаться честным человеком"! Его всего передернуло, но он сдержал себя, и сухо и торопливо сказал: "Ах, пожалуйста, как хотите, оставим это"»[2]. По другой версии, Тихомиров произнес: «Я подавал прошение на Высочайшее имя не для того, чтобы быть шпионом»[3].

---

[1] РГАЛИ. Ф. 345. Оп. 1. Д. 748. Л. 10.

[2] Дневник Л.А. Тихомирова. 1915—1917 гг. С. 127.

[3] *Иванчин-Писарев А.И.* Воспоминания о П.Н. Дурново. С. 50.

А.А. Киреев

П.Н. Дурново

Полемизируя в 1880-е годы с Дурново, который считал, что терроризм — ядовитая и страшная идея, «создавшая силу из бессилия», Тихомиров говорил: «Это не мысль, не идея. Если бы террористы были поразвитее и действовали сколько-нибудь головой, они бы очень легко поняли, что терроризм нелепость, ибо они им революции все-таки не произведут. Но они действовали чувством и ни за что не хотели перестать быть революционерами»[4]. От Льва Александровича ждали каких-то рецептов по искоренению радикализма. На вопрос директора Департамента полиции о том, что в данный момент нужнее всего для России, он ответил: «Свету, больше свету»[5], имея в виду более широкое распространение просвещения. Схожую мысль он проводил и в письме Дурново от 23 февраля 1889 г., доказывая, что стеснение общественной деятельности «отражается неизбежно сильнее всего именно на друзьях правительства»[6]. От Тихомирова ждали совсем иного. Никого не интересовали его взгляды на русскую монархию, а вот подробные рецепты, как реально обуздать революционное движение, хотели услышать. На необходимость, для собственной же пользы, включиться в непосредственную антинигилистическую кампанию, а не заниматься созданием эфемерных теоретических конструкций обращали внимание искренние доброжелатели Тихомирова. Киреев советовал ему писать разоблачительные антиреволюционные статьи для «Гражданина», указывая, что «это наивернейший путь к тому, чтобы Вас прочел Государь»[7]. Оказывал ему поддержку и всячески пытался добиться разрешения проживать в столице и «главный полицейский» Империи Дурново.

Не терял времени и сам Тихомиров в поисках приемлемого для себя официозного печатного органа. Для прояснения ситуации в данном вопросе он встречался с В.А. Грингмутом[8]. Своими впечатлениями от этой встречи он поделился с Новиковой в письме от 25 февраля 1889 г., отмечая: «Я между прочим в Моск<овских> Вед<омостях> познакомился с Владим<иром> Андр<еевичем> Грингмутом, который мне понравился... я недоволен Суворины. Я с Сувориным не хочу ссориться и буду у него работать. Но он в иных случаях может очевидно подвести»[9]. При этом Тихомиров ссылался на тот факт, что Суворин до сих пор не поместил его статью «Несколько замечаний на полемику эмигрантов», но одновременно стремился оправдать Суворина: «Сам расхваливал, цензура (Филиппов[10]) говорит мне, что ничего не имеет против, Дурново говорит, что статья полезная... и результат — ничего, бесконечная волокита, отказ... Остается предположить вмешательство домовых, леших и тому подобных существ»[11]. При этом отсутствие публикации волновало Тихомирова, как он писал 26 февраля, потому, что «оно меня компрометирует перед молодежью, а м.б. и перед правительством»[12]. Окончательный же выбор между изданиями, в

[4] Цит. по: *Лачаева М.Ю.* «Цветущая сложность» К.Н. Леонтьева и концепция Л.А. Тихомирова // Историография истории России до 1917 г.: учебник для студентов высших учебных заведений в 2 тт. М., 2004. Т. 2. С. 67.

[5] *Иванчин-Писарев А.И.* Воспоминания о П.Н. Дурново. С. 50.

[6] ГА РФ. Ф. 102. 3-е д-во. 1889 г. Д. 113. Л. 4.

[7] ГА РФ. Ф. 634. Оп.1. Д. 101. Л.16—17.

[8] См.: *Репников А.В.* Грингмут Владимир Андреевич // Русский консерватизм середины XVIII — начала XX века: энциклопедия. С. 133—137.

[9] РГАЛИ. Ф. 345. Оп. 1. Д. 747. Л. 21.

[10] *Филиппов Тертий Иванович* — крупный государственный, выдающийся общественный деятель, консервативный публицист, светский богослов, специалист по церковным вопросам.

[11] РГАЛИ. Ф. 345. Оп. 1. Д. 747. Л. 21 об.

[12] Там же. Л. 22.

которых предстояло сотрудничать, Тихомиров сделал несколько позже, т.к. виды на него имел еще и редактор «Гражданина», влиятельный В.П. Мещерский[13].

№ 35 1873 27 Августа

ГРАЖДАНИНЪ

ГАЗЕТА-ЖУРНАЛЪ ПОЛИТИЧЕСКІЙ И ЛИТЕРАТУРНЫЙ

ОТЪ РЕДАКЦІИ

«Гражданин» В. П. Мещерского от 27 августа 1873 г.

Усилия директора Департамента полиции по смягчению участи Тихомирова в 1889 г. не увенчались успехом. Власть явно настороженно относилась к прозелиту, и решение о высылке на родину, в Новороссийск, осталось в силе. Впрочем, Дурново сделал все возможное, чтобы наиболее эффективно использовать литературный талант Тихомирова для борьбы с крамолой. Об этом свидетельствует, например, случай с багажом семьи Тихомировых. Дело в том, что при отправлении багажа встал вопрос о его конфискации, т.к., по донесению петербургского градоначальника, он состоял исключительно «из революционных изданий». В сложившейся ситуации именно Дурново распорядился не задерживать багаж. Благодаря личной поддержке Дурново Лев Александрович и в дальнейшем без проблем получал всю необходимую для журналистской работы нелегальную и эмигрантскую литературу, даже находясь в такой глубинке, как Новороссийск[14]. Перед отъездом между ними была достигнута договоренность о неформальном сотрудничестве Тихомирова с Департаментом, и по личной просьбе Дурново Тихомиров начал работу по составлению записки, посвященной истории русского революционного движения 1870—1880-х гг.[15] В свою очередь Дурново обещал продолжать хлопоты по освобождению Льва Александровича от гласного надзора полиции[16]. В свой последний день пребывания в столице Тихомиров в письме к Новиковой от 9 февраля 1889 года рассыпается в благодарностях МВД: «Надеюсь, что поведение мое, во время этого надзора, докажет Министерству, что я — не только *вообще* человек благонамеренный, но и в частностях своего отношения к современным задачам и деятельности Правительства составляю элемент безвредный или до известной степени — конечно в пределах своих сил — полезный»[17]. 25 февраля 1889 г., прибыв на место своей ссылки, Тихомиров пишет письмо Новиковой, в котором досадует, что местный жандармский полковник отсоветовал ему читать революционные издания, сказав, что для написания статей можно работать с отрывками из этих книг у самого полковника. При этом отрывки уже будут специально готовиться для Тихомирова. 6 марта 1889 г. он пишет о том, что получил книги, которые проверили жандармы на предмет их благонадежности: «Наши жандармск[ие] офицеры, между прочим, народ весьма любезный, насколько об этом можно судить по получасовому разговору»[18]. Узнав, о том, что Суворин передал его статью об эмигрантах в «Московские ведомости», Тихомиров выражает симпатию Грингмуту, который «со мной был, по видимому, совершенно искренен, смотря на меня, как на человека *своего* так сказать». Он также замечал, что Грингмут на него «произвел очень хорошее впечатление своей убежденностью и видимой верой в свое дело»[19]. А вот Суворин — «странный человек! А, казалось, так входил в положение, интересовался. Не понимаю»[20].

---

[13] В последние годы вышел ряд работ о нем: *Карцов А.С.* Русский консерватизм второй половины XIX — начала XX века: (князь В.П. Мещерский). СПб., 2004; *Дронов И.Е.* Князь В.П. Мещерский: Гражданин консерватор. М., 2005; *Леонов М.М.* Салон В.П. Мещерского: Патронат и посредничество в России рубежа XIX—XX вв. Самара, 2009.

[14] ГА РФ. Ф.102. 3-е д-во. 1889 г. Д. 97. Л. 1—5.

[15] См.: *Тихомиров Л.А.* Несколько мыслей о развитии и разветвлении революционных направлений // Каторга и ссылка. 1926. № 3. С. 112—122.

[16] ГА РФ. Ф. 634. Оп.1. Д. 25. Л. 10.

[17] РГАЛИ. Ф. 345. Оп. 1. Д. 747. Л. 16 об.

[18] Там же. Л. 25.

[19] Там же. Л. 27 об. — 28.

[20] Там же. Л. 28—28 об.

Тихомиров спешил проявить себя, призывая к действиям, был полон идей и жаждал пропагандировать свои взгляды. 20 марта он пишет Новиковой: «На евреев и поляков, конечно действовать нравственно — почти невозможно. Но на русских — да. Только действовать нужно систематически, долбить, повторять, с разных концов, с разных точек зрения, и особенно мелкими вещами — легко читаемыми, брошюрами, статьями. А их почти нет»[21]. Тихомиров сетует, что сам действовать не может, так как находится под надзором: «У меня от этого сердце кипит, но что делать? Кроме порчи крови все-таки нет других результатов. А действовать *нужно*»[22].

Во многом такое, казалось бы, странное начало контактов Тихомирова с властью объяснялось неожиданными для него цензурными запретами в связи с публикацией статьи «Несколько замечаний на полемику с эмигрантами», написанной еще в декабре 1888 г. для «Нового времени». Немало сил он потратил, убеждая чиновников в необходимости помещения данной статьи в одном из консервативных изданий, и благодаря его стараниям она была опубликована в 1889 году[23]. 23 марта 1889 года он с радостью сообщает Новиковой об этой публикации и решает посылать Суворину статьи по проблемам культуры, а статьи политического характера посылать в «Московские ведомости». Но он тут же замечает: «Ведь беда в том, что публика радикальная, т.е. особенно нуждающаяся в воздействии, не читает национальных журналов, кроме Суворинского, да и то благодаря тому, что Суворин не договаривает последних слов, почему между прочим и не имеет и влияния в *известном* отношении. А национальному направлению следует идти наступательно, проникая в самый неприятельский лагерь»[24]. Не ограничиваясь возражениями эмигрантам, Тихомиров дал собственное обоснование движения к созданию «идеальной монархии», призывая ни в коем случае не смешивать ее с абсолютизмом (впоследствии этот тезис будет развернут в работе «Монархическая государственность»). Он заявлял по этому поводу, что «на самом деле к *деспотизму* способна *всякая* форма власти, будь она монархическая, аристократическая или демократическая!»[25]. Революционеров же он обвинял в отрыве от реальной жизни, манипулировании волей широких масс населения в своих целях, двойной морали, базирующейся на формуле «для достижения цели все средства хороши». Порицал он их и за приверженность к кружковщине и келейности, превратившей революционеров в какой-то «иезуитский орден», охраняющийся жестокой внутренней цензурой. «Цензура (и еще столь беспощадная) в партии, претендующей пересоздать мир на основании всевозможных свобод, — это противоречит само себе... Люди кричат против цензуры, а сами являются истинными инквизиторами. Я живой пример того, как безмерны в этой среде привычки уничтожать все выходящее из рядов», — негодовал автор[26]. Определенные указания в статье на то, что Россия далека еще от высшего фазиса развития монархии, от «чистого монархического идеала», рассуждения о прогрессивных и регрессивных формах монархии не могли не вызывать раздражения в высших правительственных сферах.

Тихомиров был доволен выходом статьи. 27 марта 1889 г. он радостно писал Новиковой: «Стало быть, К.П. Победоносцев обратил внимание на мою статью? Интересно знать, понравилась ли она ему»[27]. Он сообщает: «Будь я богат, я бы только и писал *брошюры*», объясняя это тем, что статьи в газетах получаются очень сжатыми[28]. Но, к своему большому разочарованию, Тихомиров убедился, что его идея о создании программы «положительных» преобразований, на основе которой можно было приступить к реорганизации российской государственности, оказалась невостребованной. 28 марта 1889 года находим в дневнике Тихомирова полную отчаяния запись: «Гроша нет буквально. Не просить же у матери, да и у нее нет. И то у ней на шее сижу. Работать? Где? “Новое Время”, очевидно,

[21] РГАЛИ. Ф. 345. Оп. 1. Д. 747. Л. 29.
[22] Там же. Л. 30.
[23] *Тихомиров Л.А.* Несколько замечаний на полемику с эмигрантами // Московские ведомости. 1889. № 74, 76.
[24] РГАЛИ. Ф. 345. Оп. 1. Д. 747. Л. 31 об.— 32.
[25] *Тихомиров Л.А.* Критика демократии. С. 66.
[26] Там же. С. 63.
[27] РГАЛИ. Ф. 345. Оп. 1. Д. 747. Л. 40.
[28] Там же. Л. 40 об.

зменило. "*Моск. Ведом.*" ждут от меня того, что я не делаю. А другие статьи, кто их знает, будут ли ечатать. При таких условиях, когда сам навязываешься, как просить о деньгах? Неудачная жизнь, удачный человек! Смертный грех — отчаянье, ходит кругом меня, пронизывает меня неверием себя, в будущее, в свое призвание. Чувствую, что это низко, недостойно, и не могу оживить себя. мне 38 лет (в публикации 1927 года опечатка; Тихомирову было 36 лет, — *авт.*). Конец яснее и снее вырисовывается там с краю, к которому я уже ближе, чем к началу. Неужто все мечты, все иллюзии, все персть, все тлен, все осень <...> Веры нет. Кто поможет? Боже мой, где Ты, дай мне ощутить себя!»[29].

Идеи, предложенные Тихомировым, не вызвали большого интереса в правом лагере — их холодно встретили как в прессе, так и в правительственных кругах. После столь очевидной неудачи он решился на корректировку своих планов в духе предложений Киреева. 4 мая 1899 года на страницах «Московских ведомостей» печатается большая статья Тихомирова «Очередной вопрос», вызвавшая настоящий фурор в кругах консерваторов и привлекшая внимание к автору. Тихомиров подчеркивал, что, хотя правительство уже в основном разгромило революционные организации, почва, на которой «вырастает общее миросозерцание европеизированной части русского общества», осталась нетронутой[30]. В сложившейся ситуации главная роль, по мнению Тихомирова, не должна принадлежать репрессиям. «Национальным элементам русского общества», пребывавшим «в обычной своей индифферентности и пассивности» нужно усилить агитацию и пропаганду в монархическом духе.

Сравнение статьи с тем, что писал Тихомиров в этот период в личных письмах (например, к Новиковой), позволяет предположить, что статья «вынашивалась» им как нечто очень важное, как своего рода «программное» заявление вернувшегося в Россию «блудного сына». Он бросал консерваторам прямой упрек в том, что они почти ничего не делают для действительного противостояния революционной и либеральной агитации и вяло пропагандируют величие монархической идеи, т.е. они тоже повинны (хотя и косвенно) в успехе распространения революционных умонастроений[31]. Отсюда вытекала его идея о необходимости систематической и организованной контрреволюционной пропаганды. Эту мысль он неоднократно развивал и в письмах своим корреспондентам: Кирееву, Суворину, Новиковой, Леонтьеву.

Сам Тихомиров остался недоволен действиями редакции «Московских ведомостей», о чем прямо писал Новиковой 10 мая: «Видите ли, редакция внесла в статью немало ретушировки не в моем вкусе, именно внесла туда несколько резких выражений, несколько банально благонамеренных выражений; наконец выкинула решительно повсюду несколько раз повторявшееся имя И.С. Аксакова, выкинула имя Данилевского, вообще все имена, кроме М.Н. Каткова, который таким образом, и без того достаточно много подчеркнутый, является каким-то единственным светлым лучом на черном фоне»[32]. Он не хочет подобного ретуширования в духе благонамеренности: «Я утверждаю, что моя преданность Государю Императору и монархическому принципу нейдет в сравнении с чьей угодно; моя преданность Православной Церкви тоже; мое убеждение в необходимости сохранить и укрепить *исторические* основы русского государства — тоже»[33]. Его раздражает тот факт, что «в отношении революционеров редакция *Моск<овских> Вед<омостей>* также вставила мне бранные выражения, которые вполне позволительны для человека, не имеющего себя упрекнуть в прошлом, но в моих устах звучат вовсе нехорошо. Притом раз навсегда — я думаю, что нужно *убеждать*, доказывать, а не браниться. Эта брань только портит дело. Мне лично это страшно вредит. Мое влияние мыслимо лишь при убеждении публики, что я говорю от *любви*, а не от *ненависти*, как то впрочем и есть»[34]. Впоследствии Тихомиров объяснился с Грингмутом, и тот пообещал больше не править его статьи без его ведома.

---

[29] Воспоминания Льва Тихомирова. С. 349.

[30] *Тихомиров Л.А.* Очередной вопрос // Московские ведомости. 1889. № 121.

[31] Там же.

[32] РГАЛИ. Ф. 345, Оп. 1. Д. 747. Л. 50—50 об.

[33] Там же. Л. 50 об.

[34] Там же. Л. 51.

Консервативная кружковщина, на которую обратил внимание Тихомиров, невозможность свободного высказывания своих мыслей даже в проправительственных органах очень скоро показали ему, что надежды, возлагаемые им на объединение консерваторов под знаменем идеи «правильного» монархического переустройства российской государственности, под знаменитым лозунгом «православие, самодержавие, народность», который царь Александр III вновь вернул в обиход, — задача более трудная, чем он ожидал, да и едва ли выполнимая, по крайней мере в настоящих условиях. В своем дневнике он отмечал: «Я уже понял, что Россия при всей своей глупости *во мне* все-таки не нуждается. Я понял, что мне нужно думать *о себе, о своей душе*, а затем исполнять текущие маленькие обязанности, которые еле-еле по силам мне, не мечтая о крупных»[35]. Интересно, что после этих смиренных рассуждений о своей роли и своем месте Тихомиров записывает в раздумье: «Или это все-таки не скромно? Или я только думаю, что я так думаю, а в глубине души сидят самолюбие и гордость?»[36]. Перед самим собой Лев Александрович был честен и мог признаться дневнику в том, что не так это для него просто «думать о себе скромно» и «быть — как все»[37].

Но если призывы Тихомирова не нашли широкой поддержки среди консерваторов, то Департамент полиции они заинтересовали. Киреев в письме к Тихомирову сообщал ему о разговоре с Дурново по поводу статьи «Очередной вопрос», ссылаясь на слова Дурново о том, что «правительство готово всячески помочь делу» нравственного воздействия на молодежь, но не знает, как это сделать»[38]. «У правительства есть учебные заведения, — писал Киреев, — но они не имеют влияния (такого, о котором мы говорим). Официальная пресса — оружие слабое. Необходимо нечто среднее между правительственным органом, прессой и вольной прессой <...> Подумайте, как организовать это дело, устроить такую агентуру, которая достигла бы тех сфер, которые сбиваются с толку разными нигилистами»[39]. По совету Киреева, передавшего пожелание Дурново, Тихомиров изложил свои мысли в форме докладной записки «О нравственном влиянии на молодежь». О ее положениях мы можем судить по письмам Льва Александровича к Новиковой[40]. Тихомиров интересовался у нее: «Находите ли вы практичною мою *Записку*? По-моему, *такое* действие могло бы иметь очень полезные последствия. Нужно именно *тоном выше* всяких отрицаний! *Силу количественную они* (революционеры, — *авт.*) *в данное время ощущают, нужно, чтобы ощутили силу качественную*»[41]. Тихомиров предлагал ряд мер, включая лекции благонамеренных профессоров, открытие общественных библиотек и читален, распространение при помощи специальной «общественной агентуры» брошюр консервативных авторов. Он обращал внимание на тот факт, что молодой человек не может удовлетвориться одной карьерой, не может жить без идеала. Следовательно, необходимо дать молодежи идеал. Интересовался, можно ли показать записку Грингмуту, которому уже сказал, что пишет ее «не для печати», при этом не уточняя, кто именно адресат его работы.

В том же письме, от 6 июня, после размышлений о своей записке, Тихомиров выражал надежду, что сможет стать вне журналистики, поступить на службу и немного зарабатывать, ни от кого не завися. «В 36 лет нельзя долго ждать», — писал он Новиковой[42]. Жалел, что нет у него диплома, кроме гимназического, и даже нет свидетельства, что он учился в Московском университете, который, правда, не окончил. Тихомиров мечтал воспитать детей в русском духе, «*без всяких нигилистических зародышей в душах детей*»[43]. Сетовал, что его собственный отец слишком мало опекал его, отдав под опеку «либерального общества». За это ему и «пришлось расплачиваться. Не понимают этого и многие молодые.... В душе остающиеся с присущим им рационализмом», хотя и

---

[35] Воспоминания Льва Тихомирова. С. 365.

[36] Там же.

[37] Там же. С. 364.

[38] Цит. по: *Костылев В.Н.* Выбор Льва Тихомирова. С. 34.

[39] Там же.

[40] В.Н. Костылев пишет: «Записку найти, к сожалению, не удалось» // Там же. С. 45. Письма к Новиковой от 6 и 25 июня и 9 июля 1889 года с кратким изложением идей «Записки» см.: РГАЛИ. Ф. 345. Оп. 1. Д. 747. Л. 54–60.

[41] Там же. Л. 54. Выделения в письме Тихомирова сделаны Новиковой.

[42] Там же. Л. 54 об.

[43] Там же. Л. 55. Выделено Новиковой.

отрицающие революцию[44]. Полиция пугала Тихомирова возможностью покушения на него бывших товарищей-революционеров, и он замечал: «Во всяком случае — против убийства никто, никогда не застрахован»[45]. Волновало его и предстоящее крещение Саши вопрос о подтверждении его брака.

25 июня в письме из Новороссийска к Новиковой он радовался пришедшему от Дурново подтверждению того факта, что Тихомиров и Алещенко (под этой фамилией он венчался) — одно лицо. Т.е. Екатерина Дмитриевна Сергеева — его законная жена. В письме от 9 июля он вновь возвращается от семейных дел к своей записке. Дело в том, что Дурново, признав в целом правильность мыслей Тихомирова, выразил сомнение в практической возможности все «это устроить»[46]. И Тихомиров сетует: «Моя "Записка", судя по отзыву.. представляется *непрактичною*. Жаль, если не пришло еще время для чего-либо в этом роде, и жаль, если сил нет в нынешний момент. Впоследствии, м.б. будет больше сил, да зато и задача, весьма возможно, станет более трудною»[47].

Хотелось бы обратить внимание на глубокую прозорливость Тихомирова — он первым среди идейных консерваторов обратил внимание на молодежный фактор, как один из решающих в борьбе за торжество монархической идеи. Он понимал, что необходимо придать этой идее максимальную привлекательность. Поэтому нужна была не только антинигилистическая пропаганда, но и планомерная, правильно организованная и тщательно подготовленная промонархическая агитация, а это в свою очередь требовало от власти качественно иной политики в отношении молодежи, к чему она оказалась не готова, но, что еще хуже, она этого до конца не осознавала. В какой-то мере предложения Тихомирова, несколько опередившие время, предвосхитили то, что сегодня носит название государственная молодежная политика. В письме от 14 января 1890 г. к Новиковой Тихомиров продолжает развивать вопросы пропаганды. Он жалуется: «Я вижу, что писать об этом, о революционерах, возможно лишь при близком, личном столкновении с редакцией и с цензурой. Писать нужно так, чтобы это приносило пользу, а при этом важна не только суть, а и самая *форма*. Одно, два нетактичных слова портят все впечатление»[48]. Тихомиров пишет, что его работы предназначены не «своим», которые и так все понимают, а «чужим». «Нужно следовательно писать так, чтобы они прочли, а для этого прежде всего нужно, чтобы они не бросали статьи из-за чересчур шокирующих их слов»[49]. Для успеха контрреволюционной пропаганды, говорит он, нужна добросовестность в обличении, а неточные упреки только портят общее впечатление и вредят.

Видя бессилие власти сделать что-либо в указанном направлении, Лев Александрович сам попытался сблизиться с молодежью, надеясь повернуть ее на путь истинный. Имеются сведения, требующие, правда, уточнения, что он проводил неофициальное обследование характера революционных сил студенчества, общаясь со студентами Лесной академии в Петровско-Разумовском, где он снимал дачу в 1890-х годах[50]. Об этом же свидетельствует и его переписка с Новиковой. Как видим, он использовал любую возможность для выяснения господствующих среди юношества политических настроений и пропаганды монархических взглядов.

На одного из студентов, Алексея Фроловича Филиппова, общение с Тихомировым произвело сильное впечатление. Заслуживает внимание его письмо к Фигнер, написанное уже много позже, в феврале 1931 года. В нем А.Ф. Филиппов сравнил Тихомирова (совсем не желая его этим унизить) и Г.А. Гапона: «Их обоих я знавал лично. Первого довольно долго по времени», а Гапона — меньше, но «оба они оставили по себе у меня впечатление. И оба — интересуют до сих пор, и будут еще долго интересовать многих *загадочностью* своих действий и *непонятными* целями. Отсюда их непонятость»[51]. Филиппов выражал надежду когда-нибудь выпустить книжку о Тихомирове, и

[44] РГАЛИ. Ф. 345. Оп. 1. Д. 747. Л. 55 об. — 56.
[45] Там же. Л. 56.
[46] Там же. Л. 59 об. — 60.
[47] Там же.
[48] РГАЛИ. Ф. 345. Оп. 1. Д. 748. Л. 2.
[49] Там же. Л. 2—2 об.
[50] *Костылев В.Н.* Выбор Льва Тихомирова. С. 34.
[51] РГАЛИ. Ф. 1185. Оп. 1. Д. 797. Л. 1 об.

полагал, что «Л. Тихомирова с Г. Гапоном роднит одно: *попытка* (у обоих одинаково неудачная) через самодержавие и его аппарат, достигнув самых верхов его и используя *личность* самодержца, особенно такого, каким *представлялся* Николай II, достичь ровно того самого, что удалось сделать В.И. Ленину для народных масс и что уже вывело нашу страну из положения *второразрядного* и унизительно-угнетенного, после 1914—15 г. состояния духа и что *должно* вывести уже *новые* поколения на *новый* путь — не простого благосостояния, или официального "благоденствия", а в такую *ширь* расцвета народной *энергии* и духа, которая бы звучала *точно музыка*: ведь это то самое, с чем вы шли, когда были молоды, на свой первый подвиг и о чем *мечтали* мы в конспиративных заседаниях... в Москве. Вот поэтому я против шаблонного *осуждения* Георг. Гапона, как якобы *только провокатора* и слепого сотрудника охранки»[52]. Далее А.Ф. Филиппов обращается в письме к образу Тихомирова, приводя собственную оценку его действий: «Еще более я против того, чтобы прикреплять *ярлык* "ренегата", да еще будто бы действовавшего из-за личных выгод — на Л. Тихомирова, Вам известного своей *медлительной обдуманностью* действий, точностью и оценкой результатов будущего. *Идейного* человека! Когда его имя ставят (и кто ставит — вот что удивительно) на эшафот истории и клеймят отступничеством, — то передо мной встают десятки солнечных дней и много лунных ночей в аллеях парка *Петровско-Разумовского*, где еще витает перед глазами нашего поколения тень не В. Короленко, а даже Нечаева, — там жил в 90-х годах, на даче Л. Тихомиров. И его глубоко сердечные и *поучительные* признания — исповеди не как ренегата, а как революционера передо мной, студентом, перед которым ему не было *подробности лгать* и которого некуда и незачем было увлекать, ибо туда ("Моск[овские] Ведом[ости]"), куда попал Тихомиров, выпусти свою покаянную в 1889 г. «Почему я *перестал быть*» революционером» — там мог быть он один, и то ценой душевной драмы соглашательства»[53]. Автор письма признавался, что он хотя и не является членом партии, сторонник Ленина и большевизма, «но уже *по этому одному я не сторонник* Тихомирова (достаточно сказать, что после 1900 года и до его смерти, а он жил в двух шагах от Москвы, в Троице-Сергиевой Лавре, — я с ним не виделся). Однако, я противник *лубочно-аляповатого* (*русского*, как водится у нас) *подхода* к своим — не буду именовать их "историческими" личностями (ибо эта квалификация едва ли подходит даже к Л. Тихомирову и всего менее приложима к Гапону) — но к нашим, т.е. *русским* "*героям* прошлого"»[54]. А.Ф. Филиппов, просил Фигнер о помощи, хотел писать биографию Тихомирова. Но, кажется биографию не написал. Между тем это письмо с теплыми воспоминаниями об общении с Тихомировым в Петровско-Разумовском показывает, что Лев Александрович действительно оставил свой след в сердцах тех молодых людей, с которыми тогда общался. Тихомиров стремился повлиять на молодежь в антиреволюционном духе даже и своим личным примером при непосредственном общении.

Аналогичной цели призваны были служить его очерки «Начала и концы. Либералы и террористы», вышедшие в «Московских ведомостях» летом 1890 г. В них Тихомиров прямо указывал на связь либералов с террористами, объявляя первых главными виновниками революционизирования русского общества. Автор подчеркивал, что «никогда бы и террор не принял своих размеров, никогда бы он не дошел до своего слепого фанатизма, если бы не было объективной причины иллюзии в виде поведения известной части общества»[55]. Особый упор публицист делал на то обстоятельство, что именно представители либеральных кругов прививали незрелой молодежи космополитическое, европейское миросозерцание и делали ее революционной. «Если бы наши либералы хоть на минуту могли понять, что сулит *им* такое положение, особенно при легкости, с какой ученики их произносят слово "террор", — они бы пришли в ужас. В конце-концов, опасность, борьба, смерть не страшны, когда ложишься костьми *за* свой идеал. Но погибнуть *от* своего же идеала, слышать, как Руже де Лиль[56] — свою собственную "Марсельезу", которую орут люди, разыскивающие его, чтобы потащить

[52] РГАЛИ. Ф. 1185. Оп. 1. Д. 797. Л. 2.

[53] Там же. Л. 2 об.

[54] Там же. Л. 3.

[55] *Тихомиров Л.А.* Критика демократии. С. 107.

[56] *Руже де Лиль Клод Жозеф* (1760 — 1836) — поэт, автор «Марсельезы» (1792).

на гильотину, — это действительно страшно. Только либералы не захотят понять этого... потому что они тогда останутся без миросозерцания, без философии, без веры», — заключал Тихомиров[57]. И уже прямо обращаясь к молодежи, старый «заговорщик» советовал ей не обольщаться романтикой революции, предостерегая, что жизнь революционера — это жизнь «травленного волка». Из всего вышеприведенного следовал общий вывод, сформулированный Тихомировым еще ранее в его конфиденциальной записке для Департамента полиции, о том, что полное уничтожение революционного движения невозможно без «оздоровления нашего, передового, либерального общества»[58]. И в целом такой вывод не мог не устроить правительство. Об этом свидетельствует, в частности, пометка, сделанная Александром III на этой записке. Напротив фразы Тихомирова о том, что «либеральная публика держала себя (в эпоху «Земли и воли» — *авт.*) так, что революционеры не могли не думать, что она им сочувствует», император отметил: «Это совершенно справедливо и до сих пор!»[59].

14 мая 1890 в письме к Новиковой Тихомиров, как всегда, сетовал на жизнь: «Либералы — ругают, это факт, о котором я слыхал даже. Консерваторы, впрочем, тоже на 1/2 ругают, "не принимают". Правительство сочло необходимым надзор, что во всяком случае не показывает полного доверия»[60]. Пытаясь оправдать Суворина, с которым дела не пошли, Тихомиров предполагает, что тот мог расценить подобное его положение как двусмысленное: «Ведь я же действительно ничего для Суворина и ни для кого не могу сделать. Это не то что враждебность, а просто сдача в архив. Я думаю, что теперь едва ли меня уже и ругают»[61]. И далее он высказывает предположение, что о нем все забыли. Но о нем, конечно, помнили. Кроме неплохого денежного вознаграждения в 300 рублей от редакции «Московских ведомостей», очерки «Начала и концы» имели успех в «правом» лагере; их заметили и в правительстве. Министр народного просвещения И.Д. Делянов настаивал на публикации их отдельной брошюрой. Идею о публикации очерков отдельной книгой, как вещи «замечательной и крайне полезной», поддержали Дурново и Победоносцев[62]. Идея быстро воплотилась в жизнь. Вышедшая в Москве в том же 1890 г. брошюра «Начала и концы» была шумно отрекламирована в консервативной прессе.

Успех очерков в определенной мере облегчил Дурново и сторонникам Тихомирова, в частности, Кирееву, хлопоты о его возвращении из ссылки. Это было очень важно для Тихомирова и уже после смерти Дурново, он запишет в дневнике, вспоминая об этом периоде жизни: «Я не знал личной жизни покойного, но виделся с ним много раз, много говорил с ним, и — *много ему обязан.* Именно *он выручил меня из нелепой административной ссылки в Новороссийск, в которой я прямо чахнул, нажил там начало болезни, меня изнурявшей много лет*, и был поставлен в тяжкую необходимость объедать со всей семьей свою мать <...> Не говорю уже о том, что не мог почти заниматься публицистикой. После бесчисленных оскорблений, нанесенных мне болваном екатеринодарским приставом, я не выдержал и обратился к П.Н. Дурново с письмом, прося избавить меня от этого бессмысленного тяжкого положения. И он *чутко отозвался и быстро снял с меня надзор, так что я стал свободен ехать куда угодно.*

С тех пор я ежедневно не упускал молиться о нем, и могу сказать, что не было дня, когда бы я его не помянул в молитве. Пошли ему Господь Царство Небесное, оставляя все его прегрешения вольные и невольные!

Этот добрый и также умный поступок, спасший меня от 3 ½ лет мучительного подрыва сил (1 ½ года из назначенных мне 5 лет я все-таки отбыл) — тем лучше рисует гуманность П.Н. Дурново, что я в это время был с ним едва знаком»[63].

---

[57] *Тихомиров Л.А.* Критика демократии. С. 109.

[58] *Тихомиров Л.А.* Несколько мыслей о развитии и разветвлении революционных направлений. С. 113.

[59] Цит. по: *Кантор Р.М.* К истории революционного движения 1870—1880-х гг. (Неизданная записка Льва Тихомирова) // Каторга и ссылка. 1926. № 3. С. 111.

[60] РГАЛИ. Ф. 345. Оп.1. Д. 748. Л. 25. 25 об.

[61] Там же. Л. 26.

[62] ГА РФ. Ф. 102. 3-е д-во. 1888 г. Д. 545. Ч. 2. Л. 105.

[63] Дневник Л.А. Тихомирова 1915—1917 гг. С. 125—126.

Будучи опытным чиновником, Дурново твердо решил использовать бойкое перо Тихомирова для борьбы с революционной эмиграцией. Особенно это стало актуальным в связи с открытием «динамитного заговора» в Париже в мае 1890 г. и с арестом Е.Д. Степанова, А.Н. Лавренциуса и И.Н. Кашинцева, осужденных затем французским судом на три года тюремного заключения и высланных из Франции. Тихомирова вызывают в Петербург. В дневниковой записи от 11 июня он фиксирует, что Дурново при встрече с ним объявил, что правительству необходимы соответствующие статьи, что «Новое время» предлагало свои услуги, но написало «дряннную» и «слабую» вещь и он просит написать статью Тихомирова.

Тогда же состоялось и знакомство с Победоносцевым. В письме к Е.М. Феоктистову от 15 июня 1890 г. Константин Петрович сообщал: «Видел вчера Л.[А.] Тихомирова. Его вызвал сюда по Д[епартамен]ту полиции П.Н. Дурново и поручает ему писать какую-то статью по поводу парижских арестов. Странное требование, ибо и Дурново не знает хорошенько, что и как следует писать, и сам Тихомиров не понимает, чего от него требуют»[64]. 24 июня 1890 года Тихомиров, в свою очередь, отметил в письме к Новиковой: «Конст<антин> Петрович — мне чрезвычайно понравился. Он добр ко мне до нельзя. Пригласил к себе на дачу, где я ночевал у него, обедал, слушал прекрасную монастырскую всенощную и т.д. Познакомился с Саблером. Очень много говорил с К.П., который обещал применить старания для снятия с меня надзора»[65].

В результате «заказа» сверху появилось несколько статей Тихомирова, с нападками на эмигрантские круги, которые были опубликованны без подписи в «Московских ведомостях» и в «Гражданине»[66]. Костылев отмечал: «Все "дело бомбистов", от начала до конца спровоцированное царской заграничной агентурой, было настолько "грязным", что Тихомиров взялся писать о нем (да и то анонимно) лишь под нажимом Дурново и благодаря уговорам Киреева»[67]. Справедливости ради следует признать, что Тихомиров был действительно искренне возмущен известием об открытии динамитной мастерской в столице Франции, хотя при этом не преминул попенять и на медлительность правительства в проведении контрреволюционной пропаганды среди молодежи. «Грустно, хотя для меня не удивительно, — отмечал он в дневнике 25 мая. — В конце-концов, у нас не пользуются временем для воздействия на умы. Теперь, с одной стороны, студенческие волнения, с другой — опять динамитные бомбы. — Этих подлецов, конечно, вешать мало, и какой только там дряни нет... Но эту мразь не уничтожишь одними полицейскими мерами. Их уничтожить можно, только доказав массе молодежи их ничтожество, что очень легко. Стоит только решиться»[68].

Большого успеха разоблачительные статьи Тихомирова не имели, но в его судьбе они сыграли большую роль. В июне 1890 года Дурново ходатайствовал перед Александром III об облегчении участи Тихомирова, с тем, чтобы тот мог жить и работать в центре страны. В своем ходатайстве министр особенно отмечал брошюру «Начала и концы» и эти анонимные статьи, «усматривая в подобной деятельности Тихомирова фактическое выражение его раскаяния и проявление вполне правительственного образа мыслей»[69]. Поэтому, «принимая во внимание, что, состоя под гласным надзором полиции в Новороссийске, он не может входить в непосредственное общение с редакциями газет, что препятствует развитию его публицистической деятельности», правительство досрочно освободило Тихомирова от гласного надзора и разрешило ему «повсеместное в империи жительство»[70]. Полное помилование Тихомирова, состоявшееся по высочайшему повелению от 11 июля 1890 г., открывало перед ним несколько путей для продолжения литературной и общественной деятельности. 27 июля 1890 г. он с радостью написал Новиковой, что надзор с него снят, и он собирается в сентябре в Москву.

Небольшой отрезок жизни в Новороссийске не прошел для Тихомирова и его домочад-

---

[64] Письма К.П. Победоносцева к Е.М. Феоктистову // Литературное наследство. 1935. Т. 22/24. С. 543.
[65] РГАЛИ. Ф. 345. Оп. 1. Д. 748. Л. 32 об.
[66] См.: Московские ведомости. 1890. № 153; 157; 171; 172; Гражданин. 1890. № 170.
[67] *Костылев В.Н.* Выбор Льва Тихомирова. С. 36.
[68] Воспоминания Льва Тихомирова. С. 384.
[69] Цит. по: *Костылев В.Н.* Выбор Льва Тихомирова. С. 36.
[70] Там же.

цев бесследно. Воссоединение семьи породило новые, приятные заботы. 25 июня 1889 года в 18 часов вечера в Новороссийске состоялись крестины сына Тихомировых, Саши. Крестил епископ Михаил (Крылов). Крестным отцом стал Борис Дмитриевич Саблин — поручик и инженер. Крестной матерью заочно стала Новикова, но так как ее не было, за нее присутствовала мать Льва Александровича[71]. «Саша держал себя так умно, мило, так серьезно относился к св. таинству, что сердце радовалось»[72]. Супруга Тихомирова высылала из Новороссийска Новиковой фото детей, сообщая в письме от 8 августа о том, что карточка неудачная, и «они все гораздо лучше в натуре»[73]. В этом же письме она делилась радостью: «Не могу вам выразить, как я счастлива, что мы наконец в России и собрались все вместе. Муж целый день сидит над своими переводами, а я занимаюсь с детьми»[74]. Климат, правда, не радовал Екатерину Дмитриевну; раздражали болота, которые можно было увидеть даже и в самом городе. К тому же ей пришлось ехать в Орел к больной матери. Она даже делилась с Новиковой мыслью поехать самой в Петербург, хлопотать за мужа, высказывая опасение: «Боюсь только, не будет ли это слишком нахально с нашей стороны. Здесь мы видим, что работы Льву невозможно достать, надо ее искать в другом месте, а то, право, совестно сидеть на шее у матери»[75].

Тихомиров много читал, особенно И.С. Аксакова (признавался Новиковой, что учится у него), и проводил время в размышлениях о своем будущем и о собственном предназначении. Чтобы занять себя, он, помимо журналистской работы, углубился в изучение родного края. И все же это не избавляло Льва Александровича от тоскливого интеллектуального одиночества. Изолированность от участия в политических процессах, происходящих в стране, сильно угнетала его в новороссийский период жизни. Судя по его письмам и дневниковым записям, у него явно замечается несоответствие собственных планов и преобразовательных идей с реальным положением дел. Вновь в дневнике проскальзывают нотки откровенного уныния. Его нервирует все: и отсутствие писем, и кажущееся забвение. Как писал Тихомиров Новиковой на Пасху 26 марта 1890 года: «О себе нечего говорить: существование плоско и бессодержательно»[76]. Свои пессимистические мысли он доверяет и дневнику. Для кавказской ссылки Тихомирова характерны следующие записи: «У меня ничего ни нового, ни хорошего. Пусто, препусто»[77]. 18 мая 1890 в дневнике следует запись: «Чувствую себя отвратительно и простудился — бок болит, колет. Уж хоть бы Бог привел устроить сначала семью... Еще более расстроил меня сон, где я видел, как за мной смерть гналась. Только что схватила, или готова была схватить, как проснулся»[78].

От грустных мыслей Тихомиров пытался отвлечься делами. Сразу же по прибытии в Новороссийск он начинает собирать материал о колонизации русскими западного Кавказа. Впрочем, интерес к данной проблеме он испытывал еще в эмиграции. В ссылке же, благодаря любезности войскового старшины Соколова он получил доступ к архивным документам Новороссийского округа. Поддерживает тесные контакты с краеведом Фелициным[79]. К сожалению, эта часть архива Тихомирова, по-видимому, не сохранилась. И все же занятия краеведением не могли удовлетворить его интеллектуальных запросов. Поэтому вызов в Петербург и последовавшая за этим амнистия вселили в него надежду на то, что он еще нужен власти и может сыграть не последнюю роль на фронте идеологической борьбы с оппозиционными веяниями.

В период своего кратковременного пребывания в Петербурге, перед отправкой в ссылку, Тихомиров встретился с князем Мещерским. Большинство представителей консервативного лагеря прочили ему работу в «Гражданине»; предлагал ее и сам князь.

---

[71] Воспоминания Льва Тихомирова. С. 358. Сын Тихомирова Саша не только стал крестником Новиковой, но и был упомянут в ее завещании // РГАЛИ. Ф. 345. Оп. 1. Д. 12. Л. 34.

[72] Воспоминания Льва Тихомирова. С. 358.

[73] РГАЛИ. Ф. 345. Оп. 1. Д. 752. Л. 4.

[74] Там же.

[75] Там же. Л. 4 об. — 5.

[76] Там же. Д. 748. Л. 12.

[77] Воспоминания Льва Тихомирова. С. 380.

[78] Там же. С. 383.

[79] *Тихомиров Л.А.* Тени прошлого. С. 128.

Тихомировы. Во втором ряду: Л. А. Тихомиров, дочери Вера, Надежда, сын Александр, мать Л. Тихомирова Христина Николаевна. В первом ряду: сын Николай и супруга Льва Александровича Екатерина Дмитриевна

О поступлении подобного предложения сообщал в письме к Новиковой и сам Тихомиров, отмечавший, что Мещерский предлагал ему сотрудничать, но он не смог принять его предложение, так как Победоносцев «страшно против князя», и поэтому приходится выбирать. Предложения о сотрудничестве на постоянном жаловании делали ему и «Московские ведомости», которые, по его собственному мнению, были ему идейно ближе[80]. Вот тут-то и сказалось влияние на Тихомирова Победоносцева, не любившего Мещерского и его газету. При этом Тихомиров признавал, что «Константин Петрович... умен и ума высшего, но, кажется, у него чересчур своя линия. Он не кажется интересующимся моими планами»[81]. В итоге по рекомендации Победоносцева Тихомиров сделал свой выбор в пользу «Московских ведомостей». Сыграло свою роль и то, что, по мнению Тихомирова, высказанному им в письме от 27 июля 1890 года к Новиковой, «Петербург чересчур политический город; я же не могу мешаться в борьбу партий, в которых ничего не понимаю. Мое дело — только борьба против антиправительственных элементов»[82]. Выбор был сделан в пользу Москвы и «Московских ведомостей», но «литературное ремесло слишком мало уважается, да и не за что его уважать... Понимаю еще быть редактором, но им я никогда не буду, стало быть, нечего и толковать»[83].

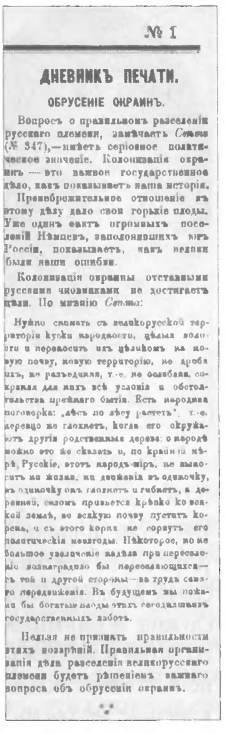
Тихомиров страстно хотел стать... чиновником. Одна часть жизни была позади, и он ее перечеркнул. Что же было впереди? 30 февраля 1890 года он пишет Новиковой: «Я и Государю говорю то, что скажу Вам: я не молод, у меня *очень мало* осталось *лет*, свежей силы, и если я потеряю ближайшие годы бесцельно, то моя жизнь — кончена. Ведь я в 38 лет начинаю с того пункта, с которого другие люди начинают в 23—24 года»[84]. 11 февраля ей же: «Мне нужно служить... Да не будь я — я, не компрометируй меня служба в полиции — я м.б. предпочел полицию многим пунктам наблюдения. Но мне это не годится»[85]. 11 августа, готовясь к отъезду в Москву, пишет ей: «Службу же я хочу и очень хочу иметь. Я даже намекал на это Победоносцеву, хотя просить прямо не решаюсь еще. Дело в том, что служба не дает денег, а нужно же жить... Я сам не деловой человек, а потому мне необходимы деловые друзья или начальники. Своей идеи систематически организованной пропаганды я нисколько не оставляю, как ни скептически отнеслись к ней Александр Алексеевич Победоносцев и Гринмут. Но это дело, как всякое другое, требует не только таланта, а деловитости, практичности. Этого я *в себе* не нахожу, я себя знаю. Я только понимаю, как нужно делать, но *сделать* не сумею 9 вещей из 10»[86]. Характерно, что Тихомиров хочет одновременно и денежную службу и время для свободного публицистического творчества. Чего в этих желаниях больше — наивности или самоуверенности, сказать сложно. Пожалуй, наивности, ведь еще 18 марта 1889 г. Тихомиров записал в дневнике: «Я не деловой человек, в делах денежных и вообще материальных чувствую себя детски-беспомощным, и когда они плохо идут, я впадаю в уныние»[87]. Впрочем, эта «детская» наивность через много лет не помешает ему возглавить «Московские ведомости», обрести искомую «службу» и стать статским советником.

---

[80] ГА РФ. Ф. 634. Оп. 1. Д. 113. Л. 50 об.
[81] РГАЛИ. Ф. 345. Оп. 1. Д. 748. Л. 37 об.
[82] Там же. Л. 34 об.
[83] Там же. Л. 35.
[84] Там же. Л. 7.
[85] Там же. Л. 9—9 об.
[86] Там же. Л. 37—38—38 об. — 37 об. В подлиннике письма, хранящемся в РГАЛИ, при архивной нумерации неверно пронумерованы страницы.
[87] Воспоминания Льва Тихомирова. С. 346.

В сентябре 1890 г. Тихомировы перебираются в Москву, где сначала живут на олгоруковской улице, а затем на улице Палиха. Давыдов в своем последнем рома-е «Бестселлер» отмечал иронию истории: «Долгоруковскую впоследствии назвали л. Каляева, потом вернули прежнее название...»[88]. Много лет изучавший историю ародовольческого движения, работавший в архивах (в РГАЛИ и ГА РФ листы спользования многих документов, связанных с Тихомировым, начинаются с под-иси Давыдова, впервые обращавшегося к этим источникам), писатель смог понять сихологию Льва Александровича, который «боялся Екатерининского канала: ам его давние, близкие товарищи убили царя. Боялся и Семеновского плаца: ам его давних, близких товарищей убил сын убитого царя. К тому ж Петербург ыл Бугром — бледным, плоским, полурусским. Тихомиров хотел жить в Гра-це – на холмах, где золотились, голубели церковки, маленькие, старенькие, з проулках; и холмы, и церковки, и нерегулярность включались в полный гип русской жизни, желанный Льву Александровичу, переставшему быть революционером»[89].

Здесь, в Москве, Тихомиров становится штатным сотрудником «Москов-ских ведомостей». В редакции газеты сразу же оценили его журналистский талант и поручили ему вести отдел «Дневник печати», где можно было заработать до 3000 рублей в год, не считая гонорара за другие социально-политические статьи, помещенные в газете.

№ 1

ДНЕВНИКЪ ПЕЧАТИ.

ОБРУСЕНІЕ ОКРАИНЪ.

Вопросъ о правильномъ разселеніи русскаго племени, занимаетъ *Сѣверъ* (№ 347),—имѣетъ серіозное политическое значеніе. Колонизація окраинъ — это важное государственное дѣло, какъ показываетъ наша исторія.

Пренебрежительное отношеніе къ этому дѣлу дало свои горькіе плоды. Уже одинъ опытъ огромныхъ поселеній Нѣмцевъ, заполонившихъ внутр. Россіи, показываетъ, какъ велики были наши ошибки.

Колонизаціи окраины отставными русскими чиновниками не достигаетъ цѣли. По мнѣнію *Сѣверъ*:

Нуйно сломать съ великорусской территоріи куски народности, цѣлыя волости и переселить ихъ цѣликомъ на новую почву, новую территорію, не дробя ихъ, не разъединяя, т.-е. не ослабляя, сохраняя для нихъ всѣ условія и обстоятельства привычнаго бытія. Есть народная поговорка: „лѣсъ по лѣсу растетъ", т.-е. деревцо не засохнетъ, когда его окружаютъ другія родственныя деревья: о народѣ можно это же сказать и, по крайней мѣрѣ, Русскіе, этотъ народъ-міръ, не выносятъ ни жизни, ни дѣятельности въ одиночку, въ одиночку онъ засохнетъ и погибнетъ, а деревенскій сказокъ привыкся крѣпко ко всякой землѣ, ко всякую почву пустить корень, и съ этого корня не сорвутъ его политическія невзгоды. Нѣкоторое, но не большое увеличеніе налога при переселеніи возвратило бы переселяющихся—съ той и другой стороны—на трудъ самого передвиженія. Въ будущемъ мы поймемъ бы богатыя выгоды этого государственныхъ работъ.

Надѣемся не признать правильности этихъ воззрѣній. Правильная организація дѣла разселенія великорусскаго племени будетъ рѣшеніемъ важнаго вопроса объ обрусеніи окраинъ.

Раздел «Дневник печати» в «Московских ведомостях»

Однако, работа в «Московских ведомостях», особенно подготовка «Дневника печати», в котором он совершенно в катковском духе «обличал» либеральные издания за крамольные мысли, не совсем устраивала Тихомирова. Ведение данного раздела забирало крайне много времени и отрывало его от главных дел. Тихомиров не скрывал своего разочарования. Ко всему прочему, с его статьями в редакции обращались достаточно бесцеремонно, иногда переделывая их «до неузнаваемости», в основном за счет добавления в них или «елейно-благонамеренных» или откровенно «бранных выражений». Атмосфера в редакции с ее постоянными интригами, дрязгами, склоками и взаимным подсиживанием также не добавляла комфортности в работе.

Не без доли сарказма бывшая соратница Тихомирова — А.П. Прибылева-Корба, обратившись к его судьбе после перехода в монархический лагерь, замечала: «Разумеется, ему разрешили вернуться в Россию, но держали его в черном теле. Мечта Тихомирова о том, что ему предстоит большая роль в исторической судьбе России, была плодом его больного ума. Далее сотрудничества, а позднее редактора бессмысленных «Московских Ведомостей» ему не было хода. Он писал бездарнейшие статьи, их печатали, и этот полнейший упадок литературного таланта Тихомирова является верным доказательством его психического недуга»[90].

Несмотря на активное сотрудничество Тихомирова в «Московских ведомостях» в рассматриваемый период, газета так и не стала подлинно его органом. Слишком много было в ней верноподданнического низкопоклонства, готовности принять и оправдать даже очевидные несуразности правительственного курса. «"Московские ведомости" имеют свой расчет, свои желания», — сетовал Тихомиров[91]. В письме к Победоносцеву в сентябре 1892 г. он прямо указывал: «Для всех нас, журналистов, убеждений православных и монархических, почти негде писать[92], ибо "Русский вестник"

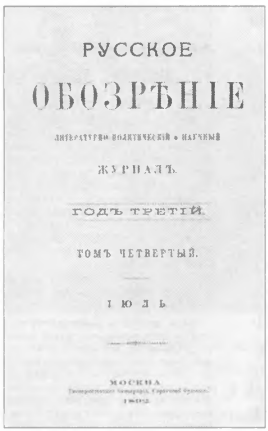
[88] *Давыдов Ю.В.* Бестселлер. С. 386.

[89] Там же. С. 384.

[90] РГАЛИ. Ф.1185. Оп.1. Д. 675. Л. 104 об.

[91] Там же.

[92] Сравните с записью в дневнике от 26 сентября: «Беда с "Русским Обозрением". Начальство не желает его дозволить... Но дело в том, что нам, журналистам монархического и особенно церковного направления, просто хоть пропадай — *негде писать*. Поэтому я писал Победоносцеву, нельзя ли так устроить, чтобы и начальству было спокойно и нам неубыточно? Раз он мне ответил. Другой раз — что-то молчит» // Воспоминания Льва Тихомирова. С. 409.

РУССКОЕ
ОБОЗРѢНІЕ
ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКІЙ И НАУЧНЫЙ
ЖУРНАЛЪ
ГОДЪ ТРЕТІЙ.
ТОМЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.
ІЮЛЬ
МОСКВА

«Русское обозрение», июль 1892 г.

малодоступен, а "Московские ведомости" допускают лишь мелкую газетную работу, остальные разрабатывают совершенно иные идеи, и нам недоступны»[93]. Органом, способным стать центром сплочения всех истинно национальных сил, Тихомиров в корреспонденции Победоносцеву называл журнал «Русское обозрение»[94].

Столкновение с официальной печатью со всей очевидностью показало Тихомирову изнанку служения самодержавной идее с ее лизоблюдством, угодничеством и мелким политиканством. Обнаружение этих фактов способствовало выработке окончательного убеждения, что ему нужно искать службы. Получив же служебное место и твердый заработок, бросив литературное ремесло, он рассчитывал писать «только для пропаганды». Но та альтернатива, которую он частенько рассматривал в переписке с Новиковой (служба или собственная газета), пока являлась для Льва Александровича недостижимой, т. к. «старые революционные грехи» закрывали перед ним эту возможность. То есть к началу 1891 г. Тихомиров мог ощущать себя более или менее удовлетворенным в основном в материальном плане. Запись в дневнике от 1 января 1891 года лишний раз подчеркивает это: «Еще нет 2 лет, как я в России.... И вот я, — если не прочно устроен, то все же содержу семью, слава Богу, ни в чем не нуждаюсь, свободен, член своего народа, своей церкви... Милость Божия! И сохрани Господь на много лет государя: ему тоже ничем не заслужил, и его милость была полная. Вместо 5 лет — не пробыл связанным и 19 месяцев. Кругом я облагодетельствован — ни за что. Чувствую это, но[95] недостаточно»[96]. Надо признать, что Новикова не оставляла Тихомирова своей дружбой и покровительством. Понимая, что он пока чувствует себя в Москве не очень уютно и весьма одиноко, она делал все возможное для расширения круга знакомств семьи Тихомировых. Сохранилось письмо Новиковой к нему от февраля 1892 г., в котором она отдает ему распоряжение («не протестуйте, а исполняйте») отнести ее статью лично Александре Николаевне Бахметьевой, которая очень расположена к Тихомирову, и уточняет, что брат Новиковой скоро приедет к Тихомирову «на щи и кашу».

Определенную отдушину для выражения собственных социально-политических взглядов Тихомиров нашел, сотрудничая с журналом «Русское обозрение». На десятилетие этот журнал стал, пожалуй, главным местом, где он будет иметь возможность наиболее полно высказывать свои мысли. Журнал «Русское обозрение» под редакцией князя Д.Н. Цертелева начал выходить в 1890 г. и задумывался как замена пришедшему в упадок «Русскому вестнику»[97]. Не случайно и редактором был назначен Цертелев, до этого являвшийся редактором «Русского вестника». Многие из сотрудников этого катковского издания перешли в новый журнал, например, П.Е. Астафьев, Грингмут, И.Д. Ахшарумов и др. Журнал практически все годы своего существования опирался на пожертвования меценатов, прежде всего московского фабриканта Д.И. Морозова. С 1896 г. издание начинает получать правительственные субсидии.

Цертелев, учтя опыт «Русского вестника», слишком рьяно отстаивавшего правительственную линию, основной задачей нового издания видел «спокойное и беспристрастное обсуждение текущих событий». Не скрывая своего консерватизма, редакция, тем не менее, заявляла, что не будет служить ни одной из существующих у нас партий, а страницы журнала открыты для всех публицистов, к какому бы лагерю они ни принадлежали[98]. И надо сказать, что в первые годы существования журнала так оно и было. В нем мирно соседствовали статьи таких литераторов-антагонистов, как

[93] НИОР РГБ. Ф. 230. Картон № 10802. Ед. хр. 28. Л. 1—2.
[94] Там же. Л. 2.
[95] Так в тексте.
[96] Воспоминания Льва Тихомирова. С. 389.
[97] *Головин К.Ф.* Мои воспоминания. СПб. 1910. Т. 2. С. 200—201.
[98] Русское обозрение. 1891. № 1. С. 401—402.

Вл.С. Соловьев и Грингмут. Печатались умеренно-либеральные авторы Э.Л. Радлов, И.И. Ясинский и их антиподы — Леонтьев, А.Н. Майков, В.В. Розанов, Ю.Н. Говоруха-Отрок. К сотрудничеству в журнале, где еще и недурно платили, на первом этапе существования были привлечены действительно серьезные литературные силы — Н.С. Лесков, А.А. Фет, Н.А. Любимов, Я.П. Полонский, С.А. Рачинский, И.А. Гончаров, Н.Н. Страхов[99]. Именно в этом издании Тихомиров поместил свои наиболее яркие работы начала 1890-х гг.

К.Н. Леонтьев

В первых статьях, написанных для «Русского обозрения», Тихомиров не только обличал либеральные и революционные круги русского общества, но и обращался к постановке вопросов, связанных с религиозной тематикой. К середине 90-х гг. он уже более обстоятельно переходит к изучению теории российской государственности, отталкиваясь от исследований таких российских ученых-правоведов, представителей государственной школы, как Победоносцев[100], А.С. Алексеев, Н.М. Коркунов, Б.Н. Чичерин.

Особый интерес в связи с разработкой данного вопроса вызывает переписка Тихомирова и Леонтьева. Письма Тихомирова к Леонтьеву хранятся в РГАЛИ в личном фонде последнего[101]. Письма Леонтьева к Тихомирову хранятся в НИОР РГБ в фонде 217 (Г.П. Георгиевского[102]) и были опубликованы С.М. Сергеевым и О.Л. Фетисенко в 2008 году[103]. Таким образом, историки получили возможность впервые прочесть сразу не только письма Тихомирова (фрагменты из них уже были введены в научный оборот), но и ответы на них Леонтьева. К сожалению, публикация столь ценного источника прошла практически незамеченной. А жаль, ибо особый интерес представляет тот факт, что в ходе этой переписки была затронута проблема воплощения в жизнь социалистической идеологии в России — тема, которая серьезно занимала Леонтьева. Представляют интерес и письма Тихомирова к Новиковой периода 1890—1891 гг. и записи из его дневника, в которых упомянут Леонтьев.

К моменту личного знакомства Тихомирова и Леонтьева оба мыслителя уже успели познакомиться заочно, прочитав и оценив работы друг друга. 27 октября 1889 Тихомиров писал Новиковой: «Читаю... *Леонтьева.* Это очень оригинальная голова...»[104]. Читал же Тихомиров, по совету Грингмута, «Восток, Россию и славянство», признавая книгу «одним из замечательнейших произведений русского ума»[105]. Личность и идеи одного из крупнейших представителей русского консерватизма импонировали вчерашнему революционеру, чувствовавшему себя неофитом в монархическом лагере. В письме к Новиковой он делился планами: «Знаете ли, что К.Н. Леонтьев поселился у Троицы Сергия. Я этому очень рад. Мне он нравится до чрезвычайности, хотя в конце-концов — я должен еще с ним познакомиться»[106].

С другой стороны, и сам Леонтьев отнесся с большим вниманием к брошюрам Тихомирова, в которых тот критиковал либеральные и социалистические доктрины. 12 сентября 1890, рассказывая о своем пребывании в Москве, Тихомиров писал Новиковой: «Из знакомых — единственный новый

---

[99] См.: *Костылев В.Н.* Лев Тихомиров на службе царизма... С. 106—109.

[100] Подробнее о его взглядах см.: *Репников А.В.* Победоносцев Константин Петрович // Русский консерватизм середины XVIII — начала XX века: энциклопедия. С. 362—368.

[101] РГАЛИ. Ф. 290. Оп. 1. Д. 51.

[102] См. о нем: *Довгалло Г.И.* Из истории отдела рукописей по материалам архива Г.П. Георгиевского // Записки отдела рукописей. М., 1986. Вып. 45.

[103] Переписка К.Н. Леонтьева и Л.А. Тихомирова / Публикация, вступительная статья, комментарии *С.М. Сергеева* при участии *О.Л. Фетисенко* // Записки отдела рукописей Российской Государственной библиотеки. Вып. 53. М., 2008. С. 433—454. К сожалению, судя по предваряющему публикацию вступлению с библиографией, Сергееву и Фетисенко не были известны вышеуказанные статьи Милевского и Репникова 1997 и 2000 годов, посвященные взаимоотношениям Леонтьева и Тихомирова.

[104] РГАЛИ. Ф. 345. Оп. 1. Д. 747. Л. 64 об.

[105] Там же. Д. 748. Л. 41 об.

[106] Там же. Д. 750. Л. 128.

и очень интересный К.Н. Леонтьев»[107]. В письме от 14 сентября 1890 он продолжал тему: «В Москве я еще совсем чужой. Кроме легких редакционных знакомств, познакомился только с Леонтьевым (Конст. Ник.). Человек очень любопытный, но в Москве он ненадолго, а живет собственно в Оптиной Пустыни»[108]. 24 сентября того же года Тихомиров упоминает в письме Новиковой о Леонтьеве: «Меня с ним познакомил В.А. Грингмут, по желанию самого Леонтьева; я у него был два раза»[109]. Знакомство состоялось в Москве. 19 октября уже Леонтьев написал Новиковой о Тихомирове: «Он сам желал со мной познакомиться и провел у меня в гостинице "Виктория" два-три вечера в долгих и задушевных беседах»[110].

Первая встреча сразу сблизила этих, казалось бы, совершенно разных людей. Их словно магнитом потянуло друг к другу. «Сам я в это время был уже человеком вполне сложившимся, выработавшим все основы своего мировоззрения. Мы встретились как люди умственно равноправные, и то, что оказалось у нас сходным и родственным, было каждым выработано самостоятельно и различными путями», — позже вспоминал Тихомиров[111]. Однако, публикаторы переписки Леонтьева и Тихомирова справедливо замечают, что тот «несколько искажает реальную картину» в поздних воспоминаниях, и, судя по его дневнику и переписке того периода, когда он общался с Леонтьевым, Тихомиров отнюдь не чувствовал себя «умственно равноправным»[112]. Что поделать, став известным консерватором Тихомирову было не так просто вновь «преклониться» в статьях перед тем, кем он когда-то был увлечен, мол, «и сами — с усами»! Те же публикаторы верно отмечают: «Совершенно очевидно непосредственное влияние Леонтьева на становление религиозных воззрений Льва Александровича»[113].

Беседы мыслителей продолжались во время последующих приездов Константина Николаевича в Москву и визита Тихомирова в Сергиев Посад, где жил Леонтьев. Тихомиров вспоминал: «В общей сложности за краткое время нашего знакомства я видел его очень часто, сидя подолгу, беседуя большею частию наедине, серьезно и сердечно. Мы сошлись очень быстро, сообщая друг другу и интимные подробности своей жизни, и свои духовные запросы, делясь мыслями о будущем»[114].

В этот период сложилось даже некоторое преклонение Тихомирова перед Леонтьевым. Греческие повести Леонтьева Тихомиров читал давно. «Некоторые мои взгляды, основанные на наблюдении социально-политической жизни Европы, являлись для него новыми и неожиданными. С другой стороны, для меня были новы его взгляды на византийский элемент в России, так как я в то время был довольно поверхностно знаком с византизмом», — писал о Леонтьеве Тихомиров[115]. Под этим элементом Леонтьев подразумевал особого рода культуру, слагающуюся из таких частей, как православная религиозность, монархическая государственность, нравственность, философия и художественность. По его мнению, «византизм в государстве значит — самодержавие. В религии он значит христианство с определенными чертами, отличающими его от западных церквей, от ересей и расколов»[116]. Что касается нравственного идеала, то византизм, по мысли Леонтьева, «есть сильнейшая антитеза идее всечеловечества в смысле земного всеравенства, земной всесвободы, земного

[107] РГАЛИ. Ф. 345. Оп. 1. Д. 748. Л. 41 об.

[108] Там же. Л. 42 об.

[109] Там же. Л. 43. Впоследствии Тихомиров отмечал: «Когда Грингмут познакомил нас в 1890 году лично, — мы встретились как будто давно знакомые» // *Тихомиров Л.А.* Тени прошлого. С. 631.

[110] НИОР РГБ. Ф. 126, Картон 3323. Ед. хр. 22. Л. 21. Тихомиров утверждал, что инициативу знакомства проявил сам Леонтьев.

[111] *Тихомиров Л.А.* Тени прошлого. С. 631.

[112] Переписка К.Н. Леонтьева и Л.А. Тихомирова. С. 435.

[113] Там же.

[114] *Тихомиров Л.А.* Тени прошлого. С. 632.

[115] *Тихомиров Л.А.* Тени прошлого. К.Н. Леонтьев // К. Леонтьев, наш современник. Составители: *Б. Адрианов, Н. Мальчевский.* СПб., 1993. С. 356. По непонятной причине этот фрагмент, как и ряд других фрагментов очерка о Леонтьеве, отсутствует в публикации, осуществленной М.Б. Смолиным. См.: *Тихомиров Л.А.* Леонтьев К.Н. // *Он же.* Тени прошлого. С. 631.

[116] *Леонтьев К.Н.* Избранное / Составитель, автор вступительной статьи и комментариев *А.В. Репников.* М., 2010. С. 33.

всесовершенства и вседовольства»[117]. Именно эти составные части в понятии «византизм» особенно привлекли внимание Тихомирова в концепции Леонтьева.

Тихомиров отдавал должное Леонтьеву-мыслителю, хотя и понимал, что тот весьма ограничен в своих возможностях. 31 октября 1889 г. он записал в дневнике: «Взять хоть Леонтьева, что он? Нуль по влиянию, по последствиям. А, ведь, я ему в подметки не гожусь по таланту и силам. Тут, дай Бог, если хватит сил *самому* прожить честно, при взглядах умных, исполняя свои обязанности православного. Вот maximum высоты для моих сил»[118]. К тому же Тихомиров видел, как с каждым днем ухудшалось здоровье Константина Николаевича. 10 сентября 1891 г. он отмечал в письме к Новиковой: «На Леонтьева я также не могу рассчитывать, это человек совершенно больной (физически), и уже не может быть деятельным»[119].

Сильное впечатление на Льва Александровича произвела книга Леонтьева «Отец Климент Зедергольм, иеромонах Оптиной Пустыни», по поводу которой он писал автору 21 ноября 1890 года: «"Отца Климента" я уже прочел. Это прекрасная книга. Не говоря о том, что сам о. Климент рисуется как живой — *меня* заинтересовало главным образом не это — но вы объясняете, как никто, православие и монашество. Говорю "как никто", понятно — из светских писателей. В отношении понимания православия я вам вообще чрезвычайно много обязан. Теперь я читаю Василия Великого о подвижничестве. Но даже и теперь — когда я все-таки кое-что уже знаю — все же трудно читать. У вас же все приспособление именно к русскому интеллигентному уму. Жаль в высшей степени, что вас мало читают именно те, среди которых ваша проповедь православия была бы особенно полезна, и, м.б., — не удивитесь странности предположения — может быть нашла[120] бы наиболее прозелитов. Я давал ваши сочинения людям радикального направления — или лучше отрицательного, "нигилистического", и — они вас понимают гораздо лучше, нежели всяких "умеренных". середку на половине[121]. Беда в том, что вы пишите в журналах, не читаемых этими людьми. А между ними много таких, которые бы стоили труда»[122]. На глубокое понимание Леонтьевым православной традиции Тихомиров обращал внимание и в письме к Новиковой от 21 сентября 1891: «У меня идет переписка с Леонтьевым. Он меня *очень* привлекает. Это личность совсем иная: грешная, ломаная, в которой однако есть и великая сила добра. Он очень умен. Я бы очень желал, чтобы он прожил еще десяток лет. Может быть он сделается очень нужным, необходимым человеком. Я думаю, что *вам* трудно понять его. У вас натура *существенно* здоровая, вам, думаю, сравнительно мало приходилось бороться с дурными стремлениями. А он из тех, у которых ангел и чорт вечно сцепившись в отчаянной борьбе. Но у него этот ангел не изгнан,

---

[117] *Леонтьев К.Н.* Указ. изд.

[118] Воспоминания Льва Тихомирова. С. 371.

[119] РГАЛИ. Ф. 345. Оп. 1. Д. 749. Л. 18.

[120] В публикации ошибочно написано «нашли» // Переписка К.Н. Леонтьева и Л.А. Тихомирова. С. 438.

[121] Сравните со схожим наблюдением немецкого мыслителя, сделанным в марте 1930 года, когда художник Рудольф Шлихтер, сотрудничавший ранее с коммунистами, сообщил своему другу-художнику Курту Вайнхольду, что «много общался с так называемыми новыми националистами, особенно с Эрнстом Юнгером», Шлихтер тоже назвал их «удивительно порядочными людьми». Шлихтер делал упор на том, что «среди левых я никогда не находил такую ясность мышления, как там. За исключением рабочих, бывших членами КПГ, но не среди наполовину левых дерьмовых интеллектуалов» // *Фрешле Ульрих.* Дружба в «Срединной стране»: Эрнст Юнгер и Рудольф Шлихтер Ч. 1. http://www.nb-info.ru/orden/schlichter1.htm. См.: *Репников А.В.* Революция и традиция // Вестник Фонда развития политического центризма. Россия в условиях трансформаций. Историко-политологический семинар. Материалы. 2000. Вып. 6. С. 41—46; *Он же.* К.Н. Леонтьев: «Я имею некий особый взгляд на коммунизм и социализм...» // Социальная теория и практика на рубеже столетий. Статьи Международной научной конференции (27—28 января 2000 года). Ч. 1. М., 2000. С. 101—103.

[122] Переписка К.Н. Леонтьева и Л.А. Тихомирова. С. 437—438. Тихомиров всячески подчеркивал свое «ученичество» в вопросах, связанных с православной традицией. 3 февраля 1891 г., разбирая дискуссию вокруг «Пушкинской речи» Ф.М. Достоевского, он писал о том, что в споре «все друг друга называют неправославными», и тут же оговаривался: «Я – откровенно говоря — такой еще *ученик*, что не могу разобраться в этих тонкостях. Множество же людей знают еще гораздо менее меня, и, стало быть, — могут быть в самом нежелательном недоумении, из которого рождается вопрос: да что же такое православие, да достаточно ли оно определено? Споры — просто опасные, я думаю» // Там же. С. 442.

не уступает. Он меня глубоко привлекает двойным чувством уважения и жалости. Сверх того он глубоко сведущий *православный*»[123].

В тот период у Тихомирова еще не было достаточно близких друзей в консервативном лагере, и он был искренне рад возможности поделиться своими идеями с более опытным и умудренным человеком. Но и Тихомиров вызывал интерес у Леонтьева, о чем свидетельствует их оживленная переписка. Леонтьев активно зазывал Льва Александровича в гости и готов был на компенсацию части расходов, памятуя о сетованиях Тихомирова на изрядные для его семьи финансовые издержки такой поездки. Показателен в этом плане фрагмент из письма Леонтьева: «Я очень рад, что вашему приезду сюда помешали "доходы", а не что-нибудь другое более существенное и *от вас самих* зависящее. — Это дело поправимое. — Во-1-х, не имейте в виду ни на что другое тратиться, кроме — 1) извозчика до Ярославского вокзала и 2) — места в вагоне сюда и обратно. — (Ведь и во 2-м классе это очень немного; забыл — сколько, рубля 2, я думаю?) Обедом я вас угощу и даже ночлег спокойный могу предложить; — ибо мой № — имеет 2 просторные комнаты. *Надо* приехать; — ибо разговор о службе и о средствах достижения весь должен состоять — из таких практических мелочей и оттенков, — о которых переписка была бы и неясна и бесконечна. — Не сомневайтесь, что я со своей стороны — буду действовать в вашу пользу... И так — если можете издержать 3 р[убля] сер[ебром], то приезжайте. — Кроме разговора о службе, я имею в виду переговорить с вами о другом деле»[124].

Под воздействием Леонтьева (и, отчасти, Победоносцева) произошло окончательное становление религиозного миросозерцания Тихомирова. Об этом также свидетельствуют письма Леонтьева к Тихомирову: «А вот в вас-то я вижу нечто такое (все с *той же* стороны, с религиозной), — что меня за вас тревожит. Боюсь — быть откровенным; — боюсь оскорбить как-нибудь; — боюсь лишиться вашего доброго расположения; — в надежде на то, что Господь расположит сердце ваше, принять слова мои так же искренно и просто, как я их говорю, буду откровенен. — Вы на прекрасном пути; вы ищете — именно того, что нужно искать, но я замечаю в вас какую-то нерешительность и вредную медленность. — В чем же? — Да, хоть бы и в том, напр[имер], что вы, вероятно, могли бы побывать в Оптиной и *видеть* От[ца] Амвросия[125], но откладывали и теперь жалеете.

И еще: Вы чувствуете — потребность найти духовника и говорите, что "страшно"... Хотя по правде сказать, — я думаю, что вам *пока* нужнее *катехизатор* (учитель теории) чем старец (руководитель *жизни* самой в ее *частностях*). — В старцы я, разумеется не гожусь и смешно даже мне и думать об этом! но катехизатором, не лишенным пригодности, сам О[тец] Амвросий удостаивал меня признавать», — писал Константин Николаевич 18 октября 1891 года[126]. Общение Тихомирова с Леонтьевым и Победоносцевым во многом способствовало тому, что он встал на позиции канонического православия, и в дальнейшем в своих статьях и брошюрах он не раз выступал против попыток вольной трактовки установок православной веры.

В письмах к Леонтьеву Тихомиров подробно обсуждал необходимость «миссионерской деятельности» среди молодежи: «Я думал, думаю и буду думать, что нам, православным — нужна *устная* проповедь, или лучше — миссионерство... Нужно миссионерство систематическое, каким-нибудь обществом, кружком. Нужно *заставлять* слушать, *заставлять* читать. Нужно искать, идти на встречу, идти туда, где вас даже не хотят. И — притом... важно не *вообще* образованное общество, важна *молодежь*, еще честная, еще способная к самоотвержению, еще способная думать о душе, когда узнает, что у ней есть душа. Нужно идти с проповедью в те самые слои, откуда вербуются революционеры»[127]. Самому Леонтьеву отводилась роль своеобразного вождя: «С вами, *под* вашим

---

[123] РГАЛИ. Ф. 345. Оп.1. Д. 749. Л. 23 — 23 об. Во вступительной статье к публикации переписки Леонтьева и Тихомирова этот фрагмент из письма цитируется с сокращением // Переписка К.Н. Леонтьева и Л.А. Тихомирова. С. 433. Приводим его полностью, дабы показать неоднозначность тихомировской оценки Леонтьева, которого он рассматривал как антипода Новиковой с ее здоровой натурой..

[124] Переписка К.Н. Леонтьева и Л.А. Тихомирова. С. 447.

[125] Имеется в виду Амвросий Оптинский.

[126] Переписка К.Н. Леонтьева и Л.А. Тихомирова. С. 451.

[127] Там же. С. 438.

влиянием или руководством пойдет, не обижаясь, каждый, так как каждый найдет естественным, что первая роль принадлежит именно вам, а не ему. Наоборот, если, напр[имер], взять меня, то никто, во-первых, не обратит внимания на мои слова, а если бы — паче чаяния — [128] начал и имел успех — это самое и оттолкнуло бы многих. Ведь люди — все-таки свиньи, с этим нужно считаться[129]. А то, знаете, от этих писаний (имеется в виду публицистическая деятельность Тихомирова, — *авт.*) польза очень минимальная. Никто все равно не читает. Да еще хорошо *вам*, по крайней мере пишете, что хотите. А мне напр[имер] даже и развернуться нельзя. Везде свои рамки, и как дошел до этой рамки — стукнулся и молчи. Какая же это работа мысли?»[130].

Другой оригинальной идеей был проект создания тайной организации, которую Леонтьев в шутку называл «Иезуитским Орденом», и которая должна была быть направлена для борьбы с бюрократией во имя самодержавия. В эту организацию планировалось включить В.А. Грингмута, Ю.Н. Говоруху-Отрока, А.А. Александрова и других. Организация не должна была себя афишировать, поскольку «борьба за наши идеалы встречает организационное противодействие враждебных партий. Мы все являемся разрозненными. Правительственная поддержка скорее вредна, чем полезна, тем более что власть — как государственная, так и церковная — не дает свободы действия и навязывает свои казенные рамки, которые сами по себе стесняют всякое личное соображение. Необходимо поэтому образовать особое общество, которое бы поддерживало людей нашего образа мыслей повсюду — в печати, на службе, в частной деятельности, всюду выдвигая более способных и энергичных. Очень важное и трудное условие составляет то, чтобы общество было неведомо для противников, а следовательно, ему приходится и вообще быть тайным, то есть, другими словами, нелегальным. Это главное условие его силы...»[131].

В воспоминаниях Тихомиров увлеченно рассуждал о том, как могла бы действовать эта, так и не созданная, организация. Т.к. общество — тайное, это создает «постоянный риск правительственного преследования»[132]. Для того, чтобы не попасть под удар «своих» правительственных сил, общество не должно иметь никаких признаков организации. У него не должно быть устава, печати, списков членов и протоколов заседаний. Необходимость создания именно *тайного* общества понимал и Леонтьев. Развивая эту тему, Тихомиров предположил, что, если бы дошло «до серьезного обсуждения этого плана», он бы высказал идею принять два устава — один явный и безобидный, удобный для властей, а второй — настоящий для внутреннего пользования[133].

Подобные игры взрослых людей «в заговорщиков» проистекали в значительной степени из осознания собственного бессилия изменить что-либо «сверху». К тому же, как верно заметил по этому поводу историк К.Ф. Шацилло, «такая тайная организация не могла быть многочисленной»[134]. Это признавал и сам Тихомиров, считавший, что в общество могли входить только знакомые между собой единомышленники. Но, в таком случае, непонятно, зачем нужно оформлять группу единомышленников в некое общество, если они и без всяких «формальных признаков» и без того мыслят в одном направлении и готовы поддерживать друг друга. Не исключено, что здесь получалось некое «зеркальное» отражение прошлой жизни Тихомирова. Кружковщина, тайные общества, сопутствующие этому атрибуты теперь должны были служить уже самодержавию. Есть здесь и нечто похожее на тайную «Святую» дружину и т.п.

Характерно, что Тихомиров и Леонтьев не мыслили (если судить по воспоминаниям Льва Александровича) при обсуждении идеи создания тайного общества о том, чтобы действовать официаль-

---

[128] В публикации пропущено «я бы».

[129] Тех, кому подобные размышления Тихомирова-консерватора покажутся мизантропическими, отсылаем к афоризмам отнюдь не консервативного по своим взглядам историка В.О. Ключевского, писавшего, например: «Человек — это величайшая скотина в мире» / *Ключевский В.О.* Афоризмы и мысли об истории. Пенза, 1992. С. 15.

[130] Переписка К.Н. Леонтьева и Л.А. Тихомирова. С. 438.

[131] *Тихомиров Л.А.* Тени прошлого. С. 650.

[132] Там же. С. 651.

[133] Там же.

[134] *Шацилло К.Ф.* Консерватизм на рубеже XIX–XX веков // Русский консерватизм XIX столетия. Идеология и практика. С. 389.

ными путями, выражаясь современным языком — *вписавшись в существующую властную систему*, став ее частью. Понятно, что Леонтьеву в этот период было уже поздно куда-то «вписываться», да и не в его духе это было. А вот Тихомиров жаждал дела и, не имея официального статуса и возможности влиять на события, хватался за идею «тайного общества», как возможность реального дела! Так, в письме к Леонтьеву от 31 января 1891 г. он сетовал: «Если Вы получите *Моск[овские] Вед[омости]*, то посмотрите в Дневнике № 31 заметку о *Христианском союзе молодежи*. Это очень дельная мысль. Но все *мысль*, все слова, а не дело. Не доходит до дел»[135]. На этом примере хорошо видно, что мыслители-монархисты оказались в ловушке. Политическая ортодоксальность верхов и утрата им способности адекватно и *мобильно* реагировать на происходившие в России изменения породили у большинства представителей правящей верхушки веру в несокрушимость самодержавия. Мыслители, подобные Леонтьеву и Тихомирову, с их мрачными предупреждениями и прогнозами выступали в качестве «беспокоящего фактора» и власти они были не нужны. Их просто не хотели слушать, да и сами они сознавали, что не могут в данной ситуации реально повлиять на политику правительства. В лучшем случае их, как занятого поденной редакционной работой Тихомирова, использовали, когда это было нужно[136].

Большой интерес у Леонтьева вызвала статья Тихомирова «Социальные миражи современности». В письме от 29 июля 1891 г. Тихомиров сообщал, что высылает эту статью для ознакомления: «Посылаю вам мою статью "Социальные миражи современности". Это, собственно, продолжение "Начал и концов". У меня еще тогда работа была задумана в трех частях. Не знаю, когда удастся сделать третью. Негде у нас писать. Странная какая-то пресса. Впрочем, вы это знаете лучше меня», и сожалел: «О социализме — пришлось скомкать. Предмет громадный и потребовалось бы впятеро больше места»[137]. Статья была опубликована в июльском номере «Русского обозрения». В ней доказывалось, что в случае практического воплощения в жизнь социалистической доктрины новое общество будет построено не на началах свободы и равенства, как это обещают социалисты, а на жесточайшем подавлении личности во имя государства. Тихомиров прогнозировал, что в грядущем социалистическом обществе важное место займут карательные органы, которые будут наблюдать за исполнением предписанных правил и сурово карать нарушителей. Он также предполагал развитие бюрократии, в которой наиболее видное место займут руководители и пропагандисты, создающие идеологическое обоснование действий власти.

Размышления Тихомирова об установлении при социализме новой иерархии и железной дисциплины отвечали прогнозам самого Леонтьева, который, к великому удивлению автора статьи, заметил, что если все действительно обстоит так, как описано в статье, то коммунизм будет полезен, поскольку восстановит в обществе утраченную справедливость. В разговоре с Тихомировым Леонтьев даже в шутку изобразил сценку из будущего социалистического строя: «Представьте себе. Сидит в своем кабинете коммунистический действительный тайный советник (как он будет называться — это безразлично) и слушает доклад о соблюдении народом постных дней — ведь религия у них будет непременно восстановлена, без этого нельзя поддержать в народе дисциплину. И вот чиновник докладывает, что на предстоящую пятницу испрашивается в таком-то округе столько-то тысяч разрешений на получение постных обедов. Генерал недовольно хмурится:

---

[135] Переписка К.Н. Леонтьева и Л.А. Тихомирова. С. 441.

[136] Ср.: 29 января 1916 года А.И. Дубровин писал И.И. Дудниченко: «Между нами: подумываем прекратить "Русское знамя". Все взвешено и обдумано. Хочется сбросить с себя костюм Дон-Кихота. Что там ни говорите, а мы в сущности все Дон-Кихоты: играем вничью и служим мишенью как для левых, так и для властей предержащих. С нами не считаются, а когда нужны, пальчиком поманят, и мы тут как тут» // Правые партии: документы и материалы. 1905—1917 гг.: в 2 т. М., 1998. Т. 2: 1911—1917 гг. С. 537—538.

[137] Переписка К.Н. Леонтьева и Л.А. Тихомирова. С. 443. В 1896 г. в Москве вышла книга Л.А. Тихомирова «Демократия либеральная и социальная», куда вошли три отдельных работы: «Социальные миражи современности» («Русское обозрение», 1891. Июль); «Панама и парламентаризм» (Московские ведомости. 1892. № 351, 354, 359; 1893. № 9, 12); «Коммунизм и партикуляризм» (Русское обозрение. 1892. Июль. Статья была опубликована под заголовком «Новейшие заявления коммунизма и партикуляризма»).

– Опять! Это, наконец, нестерпимо. Ведь надо же озаботиться поддержанием физической силы народа. Разве мы можем дать им питательную постную пищу? Отказать половине!

Докладчик сгибается в дугу.

– Ваше высокопревосходительство (или как у них там будут титуловать!), это совершенно справедливо, но осмелюсь доложить, ваше высокопревосходительство циркулярно разъяснили начальникам, как опасно подрывать и ослаблять привычную религиозную дисциплину в народных массах. Начнут покидать обрядность, и где они остановятся, осмелюсь доложить?

Генерал задумывается.

– Да... конечно. Не знаешь, как и быть с этим народом. Ну, давайте доклад.

И он надписывает: "Разрешается удовлетворить ходатайства"»[138].

«Разумеется, — замечает Тихомиров, — говорилось это шутливо, но в Леонтьеве на эту тему зашевелилась серьезная философская социальная мысль, связанная с теми общими законами развития и упадка человеческих обществ, которые он излагает в "Востоке, России и славянстве". Он об этом серьезно задумался, ища место коммунизма в общей схеме развития, и ему начинало казаться, что роль коммунизма окажется исторически не отрицательной, а положительной»[139]. В письме от 7 августа 1891 г. Леонтьев, поблагодарив Тихомирова за присланные ему «Социальные миражи современности», отмечал: «Приятно видеть, как другой человек и *другими путями* приходит почти к тому же, о чем мы сами давно думали»[140]. В письме от 20 сентября Леонтьев еще раз вернулся к заинтересовавшей его теме: «Кроме разговора о службе, я имею в виду переговорить с вами о другом деле, — не знаю, важном или не важном. — Я на него смотрю так или этак, смотря по личному настроению. — Желал бы знать, что вы скажете о нем.

Я имею некий особый взгляд на коммунизм и социализм, который можно формулировать двояко: во-1-х, так — *Либерализм есть революция* (*смешение, ассимиляция*); социализм — есть *деспотич*[*еская*] *организация* (будущего). — И иначе: «*Осуществление Социализма в жизни* будет выражением *потребности приостановить* излишнюю *подвижность* жизни (с 89 года XVIII стол[етия])». Сравните *кой-какие* места в моих[141] книгах с теми местами вашей последней статьи, где вы говорите о *неизбежности неравноправности* при новой организации труда <...> и вам станет понятен главный пункт нашего соприкосновения. — Я *об этом* давно думаю; и не раз принимался писать, но боясь своего невежества по этой части — всякий раз бросал работу неоконченной[142].

У меня есть *гипотеза* или, по крайней мере, довольно смелое *подозрение*; — у вас несравненно

---

[138] *Тихомиров Л.А.* Тени прошлого. С. 645.

[139] Там же. С. 646; К.Н. Леонтьев интересовался возможностью противопоставления радикальных социалистических идей буржуазным идеям. В связи с этим представляется интересным мнение В.В. Розанова, полагавшего, что Леонтьев заперся в «скорлупу своего жестокого консерватизма» только «с отчаяния», «прячась как великий эстет, от потока *мещанских* идей и мещанских факторов времени и надвигающегося будущего. И, следовательно, если бы его (Леонтьева) рыцарскому сердцу было вдали показано что-нибудь и *не консервативное*, даже *радикальное* — и вместе с тем, однако, *не мещанское, не плоское, не пошлое*, — то он рванулся бы к нему со всею силой своего — позволю сказать — гения» // *Розанов В.В.* Из старых писем. Письма Влад. Серг. Соловьева // Вопросы жизни, 1905, октябрь — ноябрь. С. 386.

[140] Переписка К.Н. Леонтьева и Л.А. Тихомирова. С. 444.

[141] В публикации ошибочно написано «тех» // Там же. С. 448.

[142] В своих работах и письмах Леонтьев прогнозировал трансформацию социализма на русской почве, в результате чего «то, что теперь — крайняя революция, станет тогда охранением, орудием строгого принуждения, дисциплиной, отчасти даже и рабством... Социализм есть феодализм будущего... в сущности, либерализм есть, несомненно, разрушение, а социализм может стать и созиданием» // *Леонтьев К.Н.* Избранные письма (1854—1891) / Публикация, предисловие и комментарии *Д.В. Соловьева.* Вступительная статья *С. Носова.* СПб., 1993. С. 437. Мыслитель допускал, что на первых порах наибольшее распространение получат именно разрушительные лозунги социалистов — «сначала анархия, организация — позднее; она придет сама собою», но не сомневался, что русские социалисты станут последовательными государственниками. Перманентное разрушение невозможно и государственность неизбежно восторжествует над анархией. К схожему выводу пришел и Тихомиров, писавший Суворину 18 августа 1906 года: «Эти, что орут "долой" – первейшие монархисты в своей глупой башке, только не понимают этого. Не устроиться нам без царя» // *Бухбиндер Н.А.* Из жизни Л. Тихомирова (по неизданным материалам). С. 67.

большее знакомство с подробностями дела. — И вот — мне приходит мысль предложить вам некоторого рода сотрудничество; — даже и *подписаться* обоим; — но плату разделить.

Впрочем, если бы это удалось, то дело так важно, что о плате можно много и не думать; (по крайней мере, мне). — Если бы эта работа — оказалась бы с точки зрения "оппортунизма" не удобной для печати; — то я бы удовлетворился бы и тем, чтобы мысли наши были ясно изложены в рукописи»[143]. В дальнейших строчках письма Леонтьев настоятельно предлагал Льву Александровичу приехать для обсуждения его предложений: «Рискните своими 4—5 р[ублями] — (если 3-х мало *на дорогу*); в 1-х числах я вам их отдам, и вы мне ничем обязаны даже не будете; — ибо — мне так хочется поговорить с вами и о социализме, и о религии и кой о чем другом — что я имею полное право *заплатить за труд* вашего путешествия; — а если вам самим этот "труд" будет *приятен*; то мне-то что до этого за дело. — Тем лучше! И больше ничего. — Пожалуйста — станьте выше обычных при этом чувств и рассуждений — и дайте *мне взаймы* до 1-х чисел окт[ября] на путешествие — *нужного* и **весьма** *приятного* мне человека»[144].

Тихомиров не смог воспользоваться любезностью Леонтьева и в письме от 21 сентября 1891 г. ответил: «Простите, уважаемый Константин Николаевич, никак не могу. У меня в дому ровно 10 рублей, а до октября еще далеко. В семье деньги так и тают. В редакции просить вперед не хочется. Я и так у них не выхожу из долгу, а работу сокращают до последних пределов. Мне часто кажется, что они желают, чтобы я убрался от них. А убираться некуда. Препротивное занятие.

О предлагаемой вами работе, понятно, нужно *лично* переговорить. В принципе я скажу следующее: если бы мы вполне сошлись в *выводах*, то можно сделать общую статью, за двумя подписями. Это мне даже очень нравится. Если же бы у нас оказались различия, то вы бы могли только *ввести* меня в статью, в качестве собеседника.

А в ожидании вы бы, м.б., могли набросать некоторую канву, конспект. Тогда бы мы удобнее и быстрее столковались как по существу, так и [по] внешней стороне работы»[145].

Во многом реализации совместных творческих планов Тихомирова и Леонтьева мешала газетная рутина в «Московских ведомостях». Желавший большей независимости Тихомиров жаловался Леонтьеву: «Живу я работой в *Моск[овских] Вед[омостях]*, работой редакционной, безымянной. Писать от себя, с именем — некогда. Я принадлежу к числу тех 5—6 человек, которые подготовляют отделы, я — именно *Дневник Печати*. Само собой — это такая работа, где окончательную личность налагает редакция... Теперь я начал писать также в *Русском Обозрении*, где являюсь автором, а не сотрудником редакционным, но только начал...

Я бы мог поехать в Оптину, если бы это означало только потерю рублей 8—10 ежедневно и путевые издержки. Но я не могу бросить отдел. Каждый день я *должен* быть в редакции, чтобы подготовить свою работу, и единственные дни в году, когда я свободен, — это дни, когда не выходит газета, т.е., кажется, два дня в году. Вот собственно чем я связан и совершенно прикован к Москве»[146].

К тому же Тихомировым всерьез рассматривался вопрос о поступлении на государственную службу, и Леонтьев обещал ему в этом поддержку через своего друга Т.И. Филиппова, но и этот проект не осуществился.

И все же Леонтьев и Тихомиров имели удовольствие общаться лично. Почти по известной поговорке «если гора не идет к Магомету, то Магомет идет к горе», Леонтьев сам выбрался в Москву, о чем свидетельствует его письмо от 23 сентября: «Если сам не заболею, и погода не испортится, то надеюсь в *Среду* быть в Москве к *4-м часам пополудни*; гост[иница] ["]Париж["], все та же. Хорошо бы, если бы вы с *Европейск[ой]* *точностью* пожаловали ко мне *ровно* в

---

[143] Переписка К.Н. Леонтьева и Л.А. Тихомирова. С. 447—448.

[144] Там же. С. 448.

[145] Там же. С. 449.

[146] Там же. С. 439.

5 ч[асов]; пока не собралось *общество* — успели бы предварительно переговорить о наших *особых* делах»[147].

Но взгляды двух мыслителей на социализм разделились. Хотя Тихомиров и признавал за социализмом определенные заслуги, он не считал, что в число этих заслуг входит установление диктатуры государства над личностью. В статье «Славянофилы и западники в современных отголосках» он даже мягко покритиковал своего уже покойного наставника, написав: «Я лично не имею надобности объяснять свое несогласие с социализмом, неизбежно ведущим к рабскому, антихристианскому строю. Я говорил об этом достаточно в последние годы, в том же "Русском обозрении". К.Н. Леонтьев так и умер, не разобравшись в точных отношениях вполне правильно понимаемого им православия и столь же правильно сознаваемого органического характера социальных явлений»[148]. Таким образом, можно отметить, что отношение Леонтьева к социализму было несколько иным, чем у Тихомирова, видевшего в данном учении антихристианские и деструктивные тенденции. Леонтьев же к концу жизни выдвинул идею «союза социализма с русским самодержавием», которую Тихомиров начисто отвергал.

Тихомиров спорил с Леонтьевым не только по глобальным вопросам, но и частным чисто жизненным проблемам. Между ними даже произошел спор по поводу трактовки нравственности и безнравственности поступков. Дело в том, что Леонтьев делился с Тихомировым воспоминаниями о наиболее значимых событиях его жизни. Эти воспоминания не всегда были приятны Тихомирову. Своеобразный эстетизм Леонтьева не находил у него понимания и поддержки[149]. Тихомиров даже считал, что там, где Леонтьева «соблазняло эстетическое сластенство, у него были поступки прямо безобразные, вроде истории с Фенечкой, о которой он многим рассказывал. Леонтьев по специальности был врачом... В одном глухом угле хозяин, где он проживал, опасно заболел, и Леонтьев очень внимательно ухаживал за ним. Хорошенькая Фенечка, жена больного, очень любившая мужа, не знала, как и угодить доброму доктору. Но, на беду, у него зашевелилась эстетическая чувствительность, и он стал соблазнять Фенечку: "Эх, Фенечка, вы мне все предлагаете разные угощения, а мне нужно только одно" (то есть ее саму). Он ей так прямо и сказал, и она отдалась ему... Потом она, однако, привязалась к соблазнителю, да, вероятно, ей стыдно было и глядеть в глаза мужу, начавшему поправляться. Леонтьеву уже нужно было уезжать, и Фенечка умоляла взять ее с собой. Но Константин Николаевич начисто отказался и прямо сказал, что он вовсе не намеревался себя навсегда связывать... Я, конечно, не мог не высказать Леонтьеву, что он нарушил тут элементарнейшие требования порядочности. Он с этим ничуть не согласился. "Ведь я тогда не верил в Бога, — возразил он. — Конечно, если Бог запрещает, то я должен слушаться. Но если Бога нет, почему же мне стесняться? Ведь это мне было очень приятно. Почему я должен был лишить себя удовольствия? Да ведь и Фенечке было приятно, а муж ничего не знал". Таким образом, по его рассуждению, только Бог может устанавливать нравственный закон... Если же Бога нет — можно делать что угодно... И грехов он совершал очень достаточно. Я не допытывался о них, и даже неприятно было слышать его признания, в которых он доходил до циничности, замечая иногда: "Бывало и похуже". Но он сам говорил об этом, как будто испытывая потребность исповеди и самообличения»[150]. Темперамент и жизненный опыт у Тихомирова был иной, чем у Леонтьева, и ему было явно неудобно слушать рассказы Константина Николаевича о романтических приключениях в молодости.

Сам же Тихомиров мечтал о семейном уюте и спокойствии. 27 октября 1883 года он жалуется в дневнике: «У меня долг перед семьей. Может быть, лучше бы ее не иметь, но раз она есть, — о ней приходится заботиться»[151]. Сравнивая судьбу Леонтьева со своей, он 17 апреля 1891 г. пришел к

---

[147] Переписка К.Н. Леонтьева и Л.А. Тихомирова. С. 450.

[148] *Тихомиров Л.А.* Критика демократии. С. 379.

[149] Подробнее о роли эстетического начала в жизни и творчестве К.Н. Леонтьева см.: *Бочаров С.Г.* «Эстетическое охранение» в литературной критике (Константин Леонтьев о русской литературе) // Контекст. 1977. М., 1978. С. 142—193; *Он же.* Эстетический трактат Константина Леонтьева // Вопросы литературы. 1988. № 12. С. 188—201; *Шестаков В.П.* Философия эстетизма Константина Леонтьева // Свободная мысль. 1994. № 7/8. С. 65—73; *Репников А.В.* «Эстетический аморализм» в произведениях К.Н. Леонтьева. М., 1999; *Он же.* Женщины и женственность в произведениях К.Н. Леонтьева // Театр. Живопись. Кино. Музыка. Ежеквартальный альманах. М., 2010. № 3. С. 167—173.

[150] *Тихомиров Л.А.* Тени прошлого. С. 635—636.

[151] Воспоминания Льва Тихомирова. С. 185.

выводу: «Ему полагается только одно: душу спасать. А мне — семью растить. И дальше, — ни шагу!.. Просто измучился. А все кнут, да кнут. Видно, нужно»[152]. 11 января 1892 г. он писал Новиковой по поводу отношения к женщинам: «Печальное явление на свете эти женщины. Как было бы великолепно жить и работать, если бы их не существовало. Но видно уж судьба такая... Впрочем в конце концов — женитьба это нечто вроде кары[153], которую приходится переживать»[154]. 17 мая 1895 г. он фиксирует в дневнике: «Я мечтал основать семью, — чистую, крепкую, и больше ничего не хотел. Хочу денег, но немного, только для обеспечения, только для независимости семьи. И вот, хоть перервись, — ничего нет»[155].

В написанных позднее воспоминаниях, посвященных Леонтьеву, Тихомиров относил все слабости (в т.ч., как можно понять, и амурные похождения) своего наставника к тому периоду его жизни, когда тот находился в «состоянии неверия и усыпления нравственного "императива"», и жил «без веры в Бога и на всей свободе побуждений своей автономной личности, не признающей над собою никакого владыки. Эта автономность, конечно, давала ему легкий доступ к *наслаждению*, но я полагаю, что она не давала ему *счастья*. Он делал все, что хотел, но ощущал свою жизнь пустой, без глубокого содержания, не связанную ничем, но зато и не связанную ни с чем великим в мире»[156]. На наш взгляд, Тихомиров излишне резко противопоставляет «раннего Леонтьева» тому Леонтьеву — апологету православной веры и византизма, которого он знал лично. При этом Тихомиров не упускает случая «бросить камешек в огород» нелюбимой им либеральной интеллигенции. «Беспочвенная автономность, — писал он, — вытекала у Константина Николаевича не из существа его души, а из интеллигентного воспитания, из внешней коры, которая облекала существо его души... Внутренний человек, пробуждаясь в Леонтьеве, начал пробиваться сквозь внешнюю кору, в которую был закутан воспитанием, рвал нити, связывающие его наносным европеизмом, срастался снова с древними корнями, от которых был оторван»[157].

Можно предположить, что Тихомиров бессознательно сверял свой собственный путь к Богу с тем путем, которым шел Леонтьев. Но путь Тихомирова от революционера, написавшего однажды о своем неверии в «руку Божию», до православного монархиста был очень болезненным, Леонтьев же так или иначе все время оставался в русле православной традиции, и революционером, а тем более «нелегалом», никогда не был. Метания и сомнения Леонтьева — это метания страстного, жизнелюбивого (и женолюбивого) эмоционального человека. Метания и сомнения Тихомирова — это метания интеллигента, человека принадлежащего к «образованному меньшинству». Леонтьев был в большей степени дворянин и «барин», чем интеллигент. Поэтому вряд ли можно согласиться с мнением Тихомирова о том, что «воспитание сделало из него (Леонтьева, — *авт.*) "интеллигента" новой России, отрицателя органических основ своей страны и потому глубокого "нигилиста"»[158]. Слова "глубокий нигилист" даже по отношению к молодому Леонтьеву звучат притянуто и фальшиво. Не исключено, что Тихомиров, трактуя жизненный путь Леонтьева, сознательно или неосознанно писал о своем, «наболевшем», и, описывая судьбу другого человека, пытался понять свои собственные метания и проблемы.

К сожалению, отношениям двух мыслителей был отмерен короткий срок. Последний месяц их общения был посвящен заботе о «духовных запросах» Тихомирова. Последнее письмо Леонтьева от 4 ноября 1891 г. заканчивалось словами: «Простите, — больше ни слова не скажу. — Была лихорадка; ослабел; принял 12 гр. хинина; теперь голова плоха»[159].

12 ноября 1891 года Константина Николаевича Леонтьева не стало. В этот день, узнав о кончине

---

[152] Воспоминания Льва Тихомирова. С. 393.

[153] В подлиннике письма это слово написано нечетко, поэтому можно прочитать его и как «кори», или «хвори», т.е. болезни.

[154] РГАЛИ. Ф. 345. Оп. 1. Д. 750. Л. 3 об.

[155] Воспоминания Льва Тихомирова. С. 434.

[156] *Тихомиров Л.А.* Тени прошлого. С. 636–637.

[157] Там же. С. 637

[158] Там же. С. 634.

[159] Переписка К.Н. Леонтьева и Л.А. Тихомирова. С. 454.

своего друга и единомышленника, Тихомиров записал в дневнике: «У меня еще не умирало человека так близкого мне не внешне, а по моей привязанности к нему. Судьба! Мне должно быть одиноким, по-видимому. Он мне был еще очень нужен. Только на днях предложил *учить* меня, быть моим *катехизатором*. И вот, — умер... Меня эта смерть гнетет. Так и хочется написать ему: «Константин Николаевич, неужели вы серьезно таки умерли?.. Тоска ужасная. Где он теперь? Проходит ли "области воздушные", где сторожат проход "лица угрюмые и мрачные". Господи, помоги. И мне помоги»[160]. В письме к Новиковой 18 ноября 1891 года он сообщал «У меня и еще неприятность: смерть К.Н. Леонтьева, с которым я последнее время сошелся очень сердечно»[161]. 11 января 1892 года он еще раз вспомнил о Леонтьеве: «Не поверите, какую пустоту я чувствую по смерти Леонтьева. Это был здесь единственный человек, с которым я почти уже столковался, чтобы что-нибудь делать. Все мои люди умирают: Толстой, на которого я рассчитывал, Пазухин, который на меня рассчитывал, наконец Леонтьев»[162].

Смерть Леонтьева была тяжелой потерей для Тихомирова, но ему предстояло испытать еще много потерь, и, словно предчувствуя это, 11 октября 1894 г. он записал в дневнике: «Бедная Россия! И какие потери. Все, что ни есть крепкого или подававшего надежды — все перемерло: Катков, Д. Толстой, Пазухин, К. Леонтьев, П. Астафьев. Ничего кругом: ни талантов, ни вожаков, ни единой личности, о которой бы сказал себе: вот центр сплочения. А остатки прошлого, либерально-революционного, пережили 13 лет, тихо и без успехов, но в строжайшей замкнутости и дисциплине сохранили все позиции, сохранили даже людей, фирмы, знамена, около которых завтра же могут сплотиться целые армии»[163].

В 1893 году в письме к Новиковой от 22 августа он пишет о том, что видел некоего англичанина Бирбска (кто это, пока установить, к сожалению, не удалось)[164]. «Подарил ему сочинения Леонтьева. Мне кажется, ему было бы выгодно познакомить Европу с Леонтьевым. А нам было бы выгодно, если бы в Англии что-нибудь заговорили о нем, это обратило бы здесь новое внимание на Леонтьева. Пожалуйста, не упустите дать мне знать, если Бирбск что-нибудь сделает по этой части. Я бы особенно рекомендовал отзыв Леонтьева о Достоевском и Толстом (которых англичане, вероятно, хоть немножко знают). Любопытно было бы тоже изложить "Византизм и славянство"»[165]. И далее напоминает: «Еще раз: постарайтесь подбить Бирбска написать о Леонтьеве. Нам здесь это было бы очень на руку, дало бы возможность и случай еще поговорить о нем»[166].

После смерти Леонтьева Тихомиров опубликовал несколько работ, посвященных ему, в которых разъяснял леонтьевские идеи и защищал их от критики неославянофильских и либеральных публицистов. В работе «Славянофилы и западники в современных отголосках» он подверг разбору статью С.Н. Трубецкого «Разочарованный славянофил»[167]. По его мнению статья Трубецкого «не есть *исследование*», поскольку ее автор не учитывает изменение мировоззрения Леонтьева в различные периоды его жизни, не знает всех работ Леонтьева (то есть не может проследить по работам эволюцию взглядов автора), и к тому же допускает ошибки в приводимых им цитатах. Тихомиров отвергает и трактовку Трубецким отношения Леонтьева к религии, утверждая, что «в Леонтьеве идея *православия* выступает с редкой чистотой и ясностью»[168]. В статье «Больные места публицистики» он еще раз возвратился к работе Трубецкого, видя ее главный недостаток в том, что автор стремится не разобрать точку зрения Леонтьева, а только раскритиковать его. В результате Трубецкой «только

---

[160] Воспоминания Льва Тихомирова. С. 397—398.

[161] РГАЛИ. Ф. 345. Оп. 1. Д. 749. Л. 38 об.

[162] Там же. Д. 750. Л. 4 — 4 об.

[163] Воспоминания Льва Тихомирова. С. 424—425.

[164] Этот англичанин будет появляться и на страницах дневника Тихомирова, например, в 1916 году (запись от 16 апреля) // Дневник Л.А. Тихомирова 1915—1917 гг. С. 224. Пользуясь случаем, исправляем допущенную опечатку, в публикации ошибочно — Биркбек.

[165] РГАЛИ. Ф. 345. Оп. 1. Д. 750. Л. 13—13 об.

[166] Там же. Л. 14 об.

[167] См.: *Трубецкой С.Н.* Разочарованный славянофил // К.Н. Леонтьев: pro et contra / Вступительная статья *А.А. Королькова*, составление, послесловие и примечания *А.П. Козырева*. СПб., 1995. Кн. 1. С. 123—159.

[168] *Тихомиров Л.А.* Критика демократии. С. 383.

убедил кое-каких своих сторонников не читать Леонтьева, не вдумываться в его идеи, то есть, другими словами, лишил этих людей некоторой доли умственного развития, которое получается при обдумывании чужой точки зрения»[169]. В статье «Русские идеалы и К.Н. Леонтьев» автор подчеркивает творческий характер традиционализма Леонтьева, заявляя, что тот «по существу, звал к будущему, к развитию, к "процессу" того типа, который мы получили от рождения. Никакой "реакции", никакого "ретроградства" тут быть не может»[170]. Возражая в статье критикам из консервативного лагеря, Тихомиров стремился доказать, что «еще старые славянофилы почувствовали необходимость осветить положение России при помощи идеи *органического развития*», а Леонтьев, взявший на вооружение эту идею, вовсе не был реакционером и ретроградом, чуждым славянофильских взглядов, как доказывал это Киреев[171].

Рассмотрению мировоззрения Леонтьева уделено место и в работе «Монархическая государственность». Тихомиров считал, что, несмотря на всю оригинальность и самобытность взглядов Леонтьева, «в них тоже нет подробного анализа самой "конституции" этого монархизма, анализа его связей с народом и способов действия. Ибо византийская централизация и бюрократизм не могут же считаться непременной принадлежностью русской государственности, в которой Леонтьев сам указывает не диктаториальное, а родовое начало в появлении монархии.

Что делать? Как править? К каким целям приспосабливать деятельность власти? На эти вопросы Леонтьев общего ответа не давал. Как публицист, он касается многих частных вопросов. Но что касается общих целей, лежащих перед властью, этого он не касался.

Мне кажется, что в определении этих целей он стоял также на византийской точке зрения. Как в Византии думали только о том, чтобы по возможности "сохранить" остатки Римского достояния, а если возможно, то прибавить к ним что-нибудь и из утраченного, так, мне кажется, и для России Леонтьев видел возможность лишь строжайше консервативной политики. Он выражал большие сомнения в молодости России, сильно полагал, что она уже дошла до предельного развития, начала склоняться к дряхлости, когда приходится думать не о развитии сил, а только о том, чтобы поменьше их тратить, помедленнее идти к неизбежному концу. С такими предчувствиями, конечно, не может быть охоты к разработке "конституции" хиреющей страны и монархии, и если бы он дожил до наших дней (1905 г.), то, конечно, признал бы в России все признаки разложения, а не развития. Может быть, он был бы и прав. Но — задачи науки не связаны с судьбами, жизнью и смертью России. Область науки — разум и истина. Вопрос о том, какая страна имеет силу быть в разуме и истине, не изменяет обязанности науки указать истинные законы разумной политики»[172]. О воздействии Леонтьева на Тихомирова в понимании последним основ устройства монархической государственности в России уже упоминалось. Нужно отметить, что вопросы сословности и ее роли в государственной жизни, интересовавшие Леонтьева, тоже не прошли мимо Тихомирова. Взгляды Леонтьева по сословному вопросу в России во многом совпадали с работой А.Д. Пазухина «Современное состояние России и сословный вопрос»[173]. В ней, признавая современное состояние России смутным и неопределенным, автор, в целом позитивно оценивая «Положение 19 февраля», подчеркивал, что, несмотря на отдельные недочеты при реализации данного манифеста, «дворянство сохранило свое политическое положение» и, более того, к его «старым служилым правам присоединилось новое право выставлять из среды своей лиц для приведения в исполнение реформы и для управления крестьянским сословием»[174]. Однако, дальнейший ход преобразовательной политики правительства подвергался Пазухиным резкой критике, в первую очередь за то, что «в основе всех реформ, следующих за крестьянскою, лежит принцип уравнения... так называемого слияния сосло-

[169] *Тихомиров Л.А.* Критика демократии. С. 440.

[170] Там же. С. 516.

[171] Там же. С. 511.

[172] *Тихомиров Л.А.* Монархическая государственность. С. 348.

[173] Опубликована в журнале «Русский вестник», 1885, № 1. Отдельное издание: *Пазухин А.Д.* Современное состояние России и сословный вопрос. М., 1886.

[174] Там же. С. 9.

вий не только в правах личных (гражданских), но и всех правах служебных (политических)»[175]. Именно на этой основе им и велась в дальнейшем критика «великих реформ» александровского царствования. Либеральная, по мнению публициста, практика проведения преобразований нанесла сильнейший удар по сословной организации русского общества, созданной «...продолжительным ходом истории и назначение коей удовлетворять определенным потребностям государственной жизни»[176], а это в свою очередь посеяло зерна непонимания между верховной властью в лице самодержавного монарха, и народом. Резкую отповедь давал Пазухин и интеллигенции, появившейся, по его мысли, «одновременно с постепенным разрушением сословий»[177]. Критикуя интеллигенцию, являющуюся проводником общегражданского общества, он подчеркивал: «Любовь к отечеству и преданность престолу, являясь необходимым условием сословной жизни, если не отсутствует вполне, то составляет лишь случайный и ничтожный элемент в жизни бессословной интеллигенции. Относясь враждебно к народу, интеллигенция относится враждебно и к нашему историческому государственному строю»[178]. В заключение свой работы Пазухин предлагал изменить направление реформ, обращая внимание на тот факт, что «реформа земских учреждений и городских учреждений должна состоять в замене бессословного начала сословным, в установлении представительства от сословий, вместо представительства от случайных групп разного рода имущественников»[179]. Обратим внимание на последнее утверждение Пазухина. Дело в том, что, несмотря на изрядную корректировку его предложений в связи с быстро меняющимися политико-экономическими реалиями в Российской империи в начале XX в., его идею выдвижения представителей в различные политические учреждения от «сословных корпораций» — в той или иной форме отразили в своих трудах все его последователи, в том числе и Тихомиров. Главный вывод, прозвучавший в работе Пазухина, был поддержан и в столичных консервативных кругах: «Восстановление исторической земско-сословной организации требует также восстановления исторических прав. Только возвратив дворянству его права, а вместе и обязанности по государственной и земской службам, можно скрепить связь между правительством и дворянством и между дворянством и землей. Возвратив себе преимущественные служебные права, дворянство снова станет опорой престола»[180]. Исходя из этого тезиса, Пазухин и призывал к скорейшему проведению земской и дворянской реформы. Положения данной брошюры в дальнейшем легли в обоснование введения института земских начальников, в котором главную роль как раз и играло дворянство. Работа Пазухина на долгое время стала знаменем сил сопротивления проводящейся политической модернизации России на западный манер.

В своей статье «Над могилой Пазухина» Леонтьев писал: «Для *задержания* народов на пути антихристианского прогресса, для удаления срока пришествия антихриста (т.е. того могущественного человека, который возьмет в свои руки все противохристианское, противоцерковное движение) *необходима сильная Царская власть*. Для того же, чтобы эта Царская власть была *долго сильна*, не только не нужно, чтобы она опиралась прямо и непосредственно на простонародные толпы, своекорыстные, страстные, глупые, подвижные, легко развратимые; но — напротив того — необходимо, чтобы между этими толпами и Престолом Царским возвышались *прочные сословные ступени*, необходимы *боковые опоры* для здания долговечного Монархизма»[181]. Он полагал, что «*сами сословия* или, точнее, сама *неравноправность* людей и классов важнее для государства, *чем монархия*»[182]. В этой же статье он подчеркивал: «Для замедления всеобщего уравнения и всеобщей анархии, необходим могучий Царь. Для того чтобы Царь был силен, то есть и *страшен*, и *любим*, — необходима проч-

[175] Опубликована в журнале «Русский вестник», 1885, № 1. Отдельное издание: *Пазухин А.Д.* Современное состояние России и сословный вопрос. М., 1886. С. 12.

[176] Там же. С. 17.

[177] Там же. С. 39.

[178] Там же. . С. 41.

[179] Там же. С. 59.

[180] Там же. С. 60.

[181] *Леонтьев К.Н.* Избранное. С. 610.

[182] Там же. С. 611.

ность строя, меньшая *переменчивость и подвижность* его; необходима устойчивость *психических навыков* у миллионов подданных его. Для устойчивости этих психических навыков необходимы сословия и крепкие общины. Честь же и слава тем немногим «бодрым» людям, которые, подобно покойным гр. Толстому и Алексею Пазухину, не «отчаялись в спасении отчизны» и сделали первые попытки, первые смелые шаги на пути нового органического и целительного расслоения нашего общественного материала. Плоды попыток этих еще зелены, самые попытки еще недостаточно, быть может, глубоки и решительны; но *пять каких-нибудь лет* для государства — немного времени. Будем ждать и надеяться <...> В наше время одно уже решение *вступить* на подобный путь есть само по себе великое решение!»[183]. Схожие идеи высказывались и другими общественными деятелями, например Победоносцевым[184]. Предложения Пазухина и Леонтьева нашли свое продолжение и главное развитие в творчестве более поздних представителей консервативного лагеря в первую очередь Тихомирова. Можно обратить внимание на попытки Тихомирова разработать в обстановке быстро меняющихся социально-экономических реалий обновленную концепцию организации и устроения социальных групп страны — концепцию, призванную способствовать более адекватной интеграции этих новых социальных страт в политическую систему, сложившуюся при самодержавной монархии. Таким образом, даже непродолжительное общение с Леонтьевым оказало на Тихомирова *значительное* влияние не только в личном плане, но и в смысле создания «положительной программы национального консерватизма», ставившей своей целью объединение новых консервативных элементов «в некоторое подобие коллективности». Хотя необходимо отметить, что Тихомиров, в отличие от того же Леонтьева, намного более реалистично оценивал те политико-экономические изменения, которые происходили в России и естественным образом отражались на положении различных социальных групп населения. О попытках выработки более адекватной эпохе консервативной программы Тихомиров сообщал в письме к А.Л. Волынскому (Флексеру)[185] от 11 февраля 1894 года: «Я не союзников ищу. Я только хотел сказать так, чтобы меня слышали именно те, кому это *наиболее нужно*... Ни с каким органом печати я, безусловно, не связан. При современном разброде мысли органы *для нового* еще даже и невозможны. Новые элементы недостаточно еще определились, чтобы слиться в некоторые коллективности. В сущности, не будь денежного вопроса, мне следовало бы писать не в журналах, а брошюрами, совершенно на свой *личный* страх. Я *в жизни* ничуть не одинок, но если бы имел даже собственный журнал, то не мог бы считать его своим органом п.ч. не нашел бы достаточного числа действительно единомыслящих сотрудников. Тем меньше возможно нынче связывать свою мысль с каким-либо чужим органом. Я говорю там, где могу, где есть слушатели, не имея ни малейшей возможности разбирать в хорошем, или плохом месте приходится говорить, а тем более, кому оно принадлежит. Я встречаю иногда мысли значительно гуманнее в *Гражданине*, встречаю строки, полные ума и знания жизни, в... "бульварной" газете, встречаю поразительно невозможные и дикие факты в Вестнике Европы... явную ересь в журналах богословских и богословскую глубину в иной строке пошленького фельетона... Помилуйте, какие тут органы в этой каше, в этом вавилонском смешении языков»[186].

На рубеже XIX—XX веков страна менялась, и менялась значительно. Основы этого быстрого экономического роста, по сути, толкавшего государство на путь ускоренной модернизации во всех сферах жизни, были в основном заложены в царствование Александра III. Бурное капиталистическое развитие экономики России в 90-е гг. привело к форсированному росту крупных промышленных предприятий, особенно в центре страны. Однако это была только одна сторона медали. Обратная сторона заключалась в совершенной неразработанности и не адаптированности существующей социальной политики запросам вновь появившихся сословных групп и корпораций. Эту проблему

---

[183] *Леонтьев К.Н.* Избранное. С. 615.

[184] См.: *Эвенчик С.Л.* Победоносцев и дворянско-крепостническая линия самодержавия в пореформенной России. С. 95, 103.

[185] См. о нем: *Пайман А.* История русского символизма. М., 2000. С. 24—30; *Котельников В.А.* Воинствующий идеалист Аким Волынский // Русская литература. 2006. № 1. С. 20—75.

[186] РГАЛИ. Ф. 95. Оп. 1. Д. 837. Л. 6—6 об. — 7.

очень отчетливо осознавал Тихомиров, неплохо ориентирующийся в современной ему общественно-экономической ситуации.

Действительно, структура имперской государственности в наступившую эпоху резко усложнилась. С одной стороны, это спровоцировало резкий рост бюрократизации власти, иначе говоря, увеличение управленческой прослойки, а с другой — поставило под сомнение само существование социально-сословного строя в том виде, в котором он де-юре находился. Старые сословия существовали лишь номинально, поскольку реально оказались уже изрядно дифференцированными и разделенными на множество более дробных корпоративных объединений, никак официально не признанных. Старый подход к социальной политике с точки зрения попытки консервации сословий, как служилых классов, несших бремя государственного тягла, в наступавшем XX в. уже не работал. Новая социально-политическая ситуация, отличавшаяся большим динамизмом, не позволяла больше предаваться прекраснодушным рассуждениям о славном прошлом Московского государства, как не так давно это делал Леонтьев, или же о необходимости сохранить за дворянством особое положение, как это предлагал Пазухин в конце 80-х гг. Образно выражаясь, консерватизм должен был или трансформироваться в духе времени, или уйти в прошлое, пытаясь дать последний и решительный бой наступающей модернизации.

Особенно обострились дискуссии на эту тему в период болезни Александра III. В сложившейся ситуации начала нового царствования невозможно было просто «подморозить» страну. Необходимо было что-то менять, в том числе и в социальной политике. Альтернативой оставался переход к строительству общегражданского общества, что открыло бы принципиально новую страницу в истории российской государственности. Однако, не желая развития событий по данному сценарию, Тихомиров в своих работах 90-х гг., отталкиваясь от идей Пазухина и Леонтьева, предлагал начать поиск новых подходов к организации социальной политики страны. Перестройку всего «социального организма» Российской империи он рассматривал в неразрывной связи с корректировкой всей социально-экономической политики. Поэтому немало места в своей публицистике он уделяет разработке вопросов социально-экономического развития государства. Однако все темы замыкались у него на главном — выяснении той роли, которую играют институты монархической государственности в судьбах России. Только с решением этого вопроса, как считал Тихомиров, можно будет разрешить и все другие проблемы.

Подходя к определению этой главной задачи, он в начале 90-х гг. опирался на выяснение частных вопросов, непосредственно связанных с центральной проблемой и постепенно выводящих его на создание целостной теории российской монархической государственности с вытекающим из нее тезисом о том, что судьба российского государства неразрывно связана со всеобъемлющей реализацией монархической идеи, объединяющей все сословные группы подданных российского императора под царской властью, базирующейся на высших этических нормах. «К государю я отношусь как к высшему принципу, содержание которого не в формальности, а в том, что у такого человека существует совесть», — подчеркивал он в своих письмах Новиковой[187]. Деятельность Тихомирова в журнале «Русское обозрение», все значимые статьи в «Московских ведомостях» так или иначе соприкасались с этой центральной темой.

Столь амбициозные планы Тихомирова, его близость к Победоносцеву крайне ревниво воспринимались его консервативным окружением. Недаром уже тогда он в Москве был чрезвычайно одинок. Все люди, к которым он питал дружеские чувства, находились не в Москве. Некоторое исключение составлял разве что Грингмут, с которым тогда Тихомиров более сошелся. Не скрывал он своего отношения к Грингмуту и в переписке с Новиковой, замечая, что «от души любит» Грингмута». Но основная масса монархистов приняла его достаточно настороженно, не упуская случая дать почувствовать, что он в их среде все же инородное тело.

Если отношения с Грингмутом все же скорее ограничивались деловым общением, обсуждением редакционных дел, то для души Тихомировы общались в Москве только с семьей И. Фуделя, свя-

[187] РГАЛИ. Ф. 345. Оп. 1. Д. 746. Л. 42.

И.И. Фудель

щенника и православного публициста. Его в 1892 г. перевели в Москву из Белостока. В первопрестольной он взял на себя нелегкую миссию священника «мертвого дома» — Бутырской тюрьмы. Видимо, это православное подвижничество, а также близость взглядов и литературный талант (в 1887 г. И. Фудель опубликовал сделавшие его известным «Письма о современной молодежи») привлекли к нему внимание Тихомирова, и вскоре Тихомировы и Фудели стали дружить семьями. Екатерина Дмитриевна в 1901 г. стала крестной матерью Сергея — сына Иосифа Фуделя[188]. И все же для абсолютного большинства «правых» он был чужим. С.И. Фудель отмечал, что Тихомиров был «человек, отрешенный от обыденной жизни и погруженный в жизнь мысли, — жизнь горячую и живую, но замкнутую в себе и часто не замечающую живых людей»[189]. Такая отчужденность, несомненно, сказывалась и на оценках творчества Тихомирова современниками.

Так, после публикации его первых статей в «Русском обозрении» у него сразу выявились разногласия с редактором Цертелевым. Особенно это касалось материалов на социально-экономическую тематику. В частности, колкий обмен мнениями произошел между ними по поводу статьи Тихомирова «Нужна ли нам фабрика?». В ней автор анализировал перспективы капиталистического развития страны и пытался изложить свое понимание необходимости для России в изменившихся социально-экономических условиях сильной самодержавной государственной власти. Отметим, что Тихомиров полностью пересмотрел свои прежние взгляды на проблемы капиталистического развития России. Он критиковал как либеральных народников во главе с В.В. Воронцовым, видевших в капитализме тормоз для быстрых социально-политических преобразований, так и ту часть «правых», которые усматривали в развитии капитализма опасность для самодержавия. Подобных взглядов, например, придерживался Победоносцев. Эвенчик отмечала, что, по мнению Победоносцева, «политика опеки, регулирования экономических процессов должна была... не дать развивающемуся капитализму смести господство помещика и поколебать основы самодержавного государства»[190].

В статье «Нужна ли нам фабрика?» Тихомиров полностью порывает с идеями Воронцова о возможности России миновать стадию капиталистического развития через поощрение кустарного и артельного производства в условиях сохранения крестьянской общины. Он утверждает, что «никакие разговоры об исчезающей патриархальности кустарничества, никакие попытки организации артелей... не могли остановить развитие крупной капиталистической промышленности»[191]. Чтобы избежать гибельных социальных последствий развития капитализма, по мнению Тихомирова, необходимо: «Государственный надзор и вмешательство может обеспечить рабочих от эксплуатации, то есть несправедливых притязаний хозяина, может создать надлежащее посредничество в спорных случаях... Государство может систематическими мерами достигать обеспеченности фабричного населения посредством развития в нем собственности, поддержания прочных семей, учреждения пенсиона старикам и т.д.»[192]. Отметим, что монархические организации так же писали в своих программах о необходимости государственного страхования рабочих на случай смерти, увечья, болезни или старости; затрагивали вопросы сокращения рабочего дня и упорядочения условий труда[193].

---

[188] *Фудель С.И.* Собрание сочинений: В 3 т. Т. 1: Воспоминания. У стен Церкви. Воспоминания об отце Николае Голубцове. Моим детям и друзьям. Письма. М., 2001. С. 61.

[189] Там же.

[190] *Эвенчик С.Л.* Победоносцев и дворянско-крепостническая линия самодержавия в пореформенной России. С. 331.

[191] *Тихомиров Л.А.* Нужна ли нам фабрика? // Русское обозрение. 1891. № 1. С. 288.

[192] Там же. С. 307.

[193] См.: *Оленев М.* Рабочий вопрос у правых // Современный мир. 1908. Январь. Отдел II (Наука и жизнь). С. 14—29.

Тихомиров пришел к выводу, что фабрика не только не мешает государству, но, напротив, с нею государство поднимается на новую высоту, общество еще больше сплачивается и еще крепче связывается развивающимися государственными учреждениями[194]. Он считал, что идеи В.В. Воронцова могли привести лишь к экономической отсталости страны и потере национальной независимости. Анализируя проблемы социальные, связанные с развитием капитализма, Тихомиров делал упор именно на патерналистскую роль государства, которое должно проводить попечительскую политику в отношении работающего сословия и разумно ограждать его от капиталистической эксплуатации, учитывая интересы представителей всех социальных страт. А для выполнения такой функции необходимо было наличие сильной государственной власти. Интересен отклик на эту статью Дейча в письме к Засулич от 31 марта 1891 года, написанного из Карийска: «Здесь произвело нек[о]т[о]рое впечатление сообщение из газет о статье Тихомирова, напечатанной в № 1 "Русс[кого] обоз[рения]", — "Нужна ли нам фабрика?", где он доказывает преимущества крупного производства, к[о]т[о]рое он считает не только желательным, но и необходимым. Товарищи шутят уже, говоря, что и он превратился в левого гегелианца, хотя, конечно, понимают, какая разница между его желанием и — первых»[195].

Как видим, уже в начале 1890-х годов Тихомиров уделял очень много внимания разработке рабочего вопроса. Борясь с укоренившимися у некоторых деятелей монархического лагеря взглядами на опасность развития капитализма, выражавшимися, по мнению Тихомирова, в противопоставлении ими земледелия обрабатывающей промышленности, а в сфере последней мелкого кустарничества — крупному производству, он предупреждал, что «думать о развитии мелкого промысла при отставании создающего его крупного производства — это утопия... только крупное производство организует экономическую сторону труда, и этим пользуется мелкий производитель»[196]. ОН обращал внимание представителей этого экономического направления на то, что для развития промышленности и сельского хозяйства Россия должна все дальше удаляться от роли международного поставщика сырья, больше внимания уделять развитию своего внутреннего рынка, и как следствие — созданию своей обрабатывающей промышленности. И здесь сильная государственная власть в лице монарха, стоящая над всеми российскими сословиями, являлась гарантом соблюдения их интересов, и потому была незаменима.

Работы Тихомирова, посвященные социально-экономической тематике, всегда пронизывала одна центральная идея — необходимость создания в России сильной, развитой экономики, на которую могла бы опереться государственная власть, обязанностью которой и было регулирование социальных отношений. В его публицистике вопросы социально-экономического развития тесно увязывались с проблемами власти и государства, но, в первую очередь, конечно, с вопросом государственного устройства. И здесь, считал он, все преимущества России, которую цементировала Верховная власть в лице царя, оказывались налицо.

Идею ориентации на развитие крупной национальной промышленности он неизменно увязывал с созданием единой национальной программы социально-экономических преобразований под эгидой сильной и справедливой монархической власти. В то же время он предостерегал правительство от недооценки общественно-политических последствий быстрого развития капитализма в Империи.

Такие мысли Тихомирова были не по душе многим представителям монархического лагеря. Трения подобного рода являлись отражением общих разногласий, затронувших «правых» при изучении и анализе перспектив социально-экономического развития и религиозной политики государства. Так, Цертелев, разбирая статью Тихомирова «Нужна ли нам фабрика?», не преминул заметить: «Ряды консерваторов стали у нас быстро наполняться новообращенными, которые оказываются нередко plus royalistes que le roi [большими роялистами, чем король, — *авт.*]. Можно было бы порадоваться этому

[194] *Тихомиров Л.А.* Нужна ли нам фабрика? С. 307—308.

[195] Из архива группы «Освобождение труда». Переписка Г.В. и Р.М. Плехановых, П.Б. Аксельрода, В.И. Засулич и Л.Г. Дейча. Вып. 1.: 1883—1897 гг. С. 192.

[196] *Тихомиров Л.А.* Народная и национальная политика // Московские ведомости. 1892. № 197.

явлению, если бы оно всегда доказывало убеждение в ошибочности прежних мнений; к сожалению, нередко превращения эти ничего общего с убеждениями не имеют»[197]. Цертелев предупреждал, что в поспешности, с которой новообращенные консерваторы спешат заявить, что именно их консерватизм — единственный, неподдельный и истинный, слышатся совершенно иные мотивы, и иронизировал, что на убеждения нельзя так же легко наклеивать ярлыки, как на бутылки мальц-экстракта. В ответ Тихомиров начал доказывать необходимость замены Цертелева на посту редактора.

Тихомиров проявил себя не только в анализе социально-экономических проблем, но и активно взялся за еврейский вопрос, причем не только на страницах журналов, где нужно было в определенной мере сдерживать свои эмоции[198]. Как и в случае с Цертелевым, он оказался не чужд методам закулисной интриги. В ноябре 1890 года в связи с получением информации о том, что видными деятелями культуры «предполагалась петиция на высочайшее имя об уравнении евреев в правах с прочими гражданами», он писал Новиковой: «Я, конечно, настаивал, чтобы начать сильный крик против. В редакции — все так думали»[199], и объясняя, что, «если бы их петиция появилась, — газеты все стали бы против, и общественное мнение могло бы показать, за жидов ли оно. А теперь — все стихло, и жиды, вероятно, очень рады. Будут себе втихомолку пускать корни — до лучшего будущего для них конечно»[200]. Не успокоившись, Тихомиров, получив от Новиковой ее статью из «Times», связанную с этим вопросом, осуществляет перевод и добивается перепечатки этого перевода в «Московских новостях». После чего сообщает: «Еврейская агитация у нас не утихает. Собственно *петиции*, конечно, не будет, п.ч. ее никто не примет», и начинает усиленно рекламировать статью Новиковой своим коллегам-журналистам[201]. Заканчивается эта история тем, что 1 декабря 1890 года Тихомиров пишет Новиковой: «Вчера подходит ко мне в редакции один сотрудник и спрашивает: «А что, жиды вас не повесят, Л.А.?». — За что? «Да что вы на них нападаете»... «Я, — говорю, — не нападаю, они сами на нас нападают»[202]. 5 декабря в письме Новиковой подводятся итоги: «Ваши статьи и вообще Ваша деятельность в этом деле — конечно блестящи. Вы не только сбили евреев в Англии, — но благодаря Вам — они и здесь получили отпор»[203]. Досталось от Тихомирова «Московским ведомостям» с Катковым: «У нас в редакции жидами очень недовольны. К несчастью, покойный М.Н. Катков оставил газете в наследство свое снисходительное отношение к этому племени, и это связывает редакцию. Сверх того, вы знаете, какую силу составляют евреи в Москве!»[204]. В конце января 1891 года последовало возвращение к этой теме: «Ну, Ольга Алексеевна, съедят нас Израильтяне или нет? У кого бы это узнать? Все что я вижу и слышу, заставляет думать, что мы все уже у них в руках, оседланы и взнузданы. Остается оформить существующий факт соответственными законоположениями. Скверные времена! Ой, скверные!»[205]. В том же месяце в письме Леонтьеву от 7 января Тихомиров жаловался: «Плохо дело, Константин Николаевич, с евреями. Они, кажется, форменным[206] образом штурмуют Россию, хотят взять. Вот тебе — пожалуй, и выйдет, бабушка, Юрьев день! Я, правду сказать, немножко застываю относительно России. По совести — не то, что почитаю, а прямо люблю Государя, и Церковь, — но прочее — так все ранит, так разочаровывает, так все слабо, что болит сердце и болеть устало! Куда нашим с евреями бороться! Все у них в руках. Простите, что нарушаю ваше безмолвие такими неприятными разговорами»[207]. Аналогичные по направленности записи встре-

[197] Цит. по: *Костылев В.Н.* Выбор Л. Тихомирова. С. 38.

[198] См.: *Тихомиров Л.А.* Евреи в России // *Он же.* Критика демократии. С. 485—497; *Он же.* Русский или еврейский вопрос? // *Он же.* Апология Веры и Монархии / Составитель, автор вступительной статьи и комментариев *М.Б. Смолин.* М., 1999. С. 216—218.

[199] РГАЛИ. Ф. 345. Оп. 1. Д. 748. Л. 50.

[200] Там же. Л. 50 об.

[201] Там же. Л. 52.

[202] Там же. Л. 56 об.

[203] Там же. Л. 59—59 об.

[204] Там же. Л. 66.

[205] Там же. Д. 749. Л. 2 об.

[206] В публикации опечатка — «формальным».

[207] Переписка К.Н. Леонтьева и Л.А. Тихомирова. С. 441.

чаются в письмах и дневнике Тихомирова в большом количестве на протяжении целого ряда лет[208].

Т.И. Филиппов, фото 1879 г.

Такие влиятельные лица, как Победоносцев, были недовольны «самочинными умствованиями» журналистов «Русского обозрения», в частности, Вл.С. Соловьева по религиозным вопросам. Отметим, что в это время Соловьев выдвинул в своих публикациях на религиозно-философские темы проект «Вселенской теократии» — всемирного религиозно единого человеческого общества, основанного на единении русской православной и римско-католической церкви под эгидой Римского Папы, который стал бы главой Вселенской церкви. Естественно, подобные теософские конструкции философа не могли найти поддержки у официальной русской православной церкви (в дальнейшем РПЦ), и уж тем более у сторонников канонического православия, коим являлся и Тихомиров.

Работы Вл.С. Соловьева он активно обсуждал в переписке с Леонтьевым еще в 1890—1891 гг., так, еще в письме от 31 января 1891 г., рассуждая об идеях Соловьева и разбирая фельетон Ю. Николаева (псведоним Ю.Н. Говорухи-Отрока) «Чему же учит Вл. Соловьев» («Московские ведомости» от 2 февраля 1891 года) он обращался к Леонтьеву с предложением: «...Я думаю, что вам бы лично следовало вступить в полемику с В. Соловьевым. У. Ю. Николаева что-то недостает аргументации... С Соловьевым следовало бы говорить *вам*. Уверяю вас. М[ожет] б[ыть], *вам* это вредно в каких-нибудь других отношениях. Дело вашего медика и духовника. Но для *нас*, для публики это было бы нужно. Соловьев очень запутал многих. Начал с католицизма, а теперь чуть не нигилизм вводит, и все оказывается православие»[209]. И надо признать, что, если Леонтьев открыто и не вступил в полемику с Соловьевым, то его религиозные изыскания оценивал, как и Тихомиров, негативно, о чем и сообщал последнему в письме от 20 сентября: «Про Вл[адимира] Соловьева я уж и сам не знаю, что и *думать* <...> Прежде (до его поступл[ения] в Вестник Европы) я перед ним преклонялся; — а теперь — он так разочаровал меня в себе, что я и сам даже чувств моих к нему не разберу (*личных* чувств; — *новые сочинения* — я просто *ненавижу*)[210].

В сложившейся ситуации Тихомиров повел себя в отношении своего теоретического противника очень жестко. Он порвал всякие отношения с Соловьевым, отметив в дневнике 20 октября: «Перерыв дипломатических отношений с В.С. Соловьевым. Я ему отослал его книги с запиской, где объяснил, что "ничего хорошего в них не вижу" и он либо неверующий, либо попал в западню крайнего самомнения. Он мне ответил, что из письма можно видеть, что нам *пока* не о чем говорить, но что, в виду искренности моей ошибки ("веры в русский государственный кулак", как он выражается), он думает, что со временем я откажусь от нее. И тогда, дескать, поговорим... едва ли когда мне интересно будет говорить с ним»[211]. Подобный обмен мнениями не остался в «Русском обозрении» незамеченным, ведь авторитет В. Соловьева был весьма высок и он тоже имел своих сторонников. В журнале начались склоки, впрочем, характерные для всех направлений русской консервативной мысли того времени. Идеологические разногласия привели к тому, что в августе 1892 г. из журнала ушел Вл.С. Соловьев, а затем и редактор Цертелев. Борьба за редакторское кресло развернулась нешуточная, о чем свидетельствует переписка Тихомирова с Победоносцевым. Поддерживая назначение А.А. Александрова, литературного критика, приват-доцента Московского

[208] Например: «Воображаю, как захватят Россию жиды в течение столетия. Гибель несомненная при нашей рыхлости. Нас только и спасает религия, а кто перестал верить — оказались народ никуда негодный, кроме как на съедение жидам и вообще хищникам» (1898 г.) // ГА РФ. Ф. 634. Оп. 1. Д. 6. Л. 171. Для сравнения — отклик Тихомирова о русских из письма к Суворину от 18 июля 1906 года: «Этот глупый, разлагающийся народ наш мне начинает становиться более чем жалок...» // РГАЛИ. Ф. 459. Оп. 1. Д. 4234. Л. 44 об.

[209] Переписка К.Н. Леонтьева и Л.А. Тихомирова. С. 442.

[210] Там же. С. 448.

[211] Воспоминания Льва Тихомирова. С. 397.

университета и почитателя Леонтьева, имевшего к тому же своим покровителем государственного контролера Т.И. Филиппова[212].

Тихомиров писал Победоносцеву: «Александров ищет разрешение стать редактором-издателем "Русского обозрения"... как журналист я вполне удовлетворен такой постановкой. Убеждения Александрова известны в Москве, его личность вполне безукоризненна. Ничто не препятствует сотрудничеству у такого человека», и, далее, проявляя осторожность в оценках, продолжал: «Без сомнения, может быть что-либо неизвестное, способное изменить мое расположение. В числе таких пока неизвестных мне величин находится и мнение Вашего высокопревосходительства, которым я очень дорожу, как дорожил во время, когда мне предстоял выбор между "Гражданином" и "Московскими Ведомостями"[213]. 23 октября 1892 года Победоносцев со свойственным ему скепсисом заметил в письме к Тихомирову: «Легко сказать — каждый месяц толстая книжка! Чем и как ее наполнить? Придется мириться с балластом и поневоле рассчитывать на господствующий вкус публики»[214]. К тому же он не хотел назначения А.А. Александрова, опасаясь, как бы «Русское обозрение» не стало неким подобием «Гражданина»[215]. Но в итоге доводы сторонников иной точки зрения были услышаны могущественным обер-прокурором. Назначение А.А. Александрова состоялось в октябре 1892 года он был редактором с № 10 за 1892 год по № 5 за 1898, значась также и издателем.

Победоносцев надеялся на авторитет Тихомирова в журнале и считал, что он сможет задавать «правильное» направление изданию. «Взаимоотношения Победоносцева с "Русским обозрением" в принципе складывались по схеме, которую он использовал по отношению к "Московским ведомостям". Обер-прокурор давал указания руководителям журнала, какие материалы публиковать и в какой форме это делать; предостерегал от шагов, которые могли навлечь неприятности на редакцию; посылал в журнал собственные статьи; участвовал в разборе внутриредакционных конфликтов. Его беспокоила бесхозяйственность Александрова как редактора ("с нынешним числом подписчиков мог бы вести издание сам, но нет — весь в долгах и хнычет о субсидиях"), плохая постановка библиографического отдела в журнале, неумение его сотрудников вести полемику. По всем этим вопросам обер-прокурор старался давать свои рекомендации...»[216].

Под руководством Тихомирова в «Русском обозрении» в конце 1892 года создали отдел «Летопись печати», заполняющийся большей частью его собственными материалами на различные общественно-политические темы. Журнал стал для Тихомирова чем-то вроде трибуны, для выражения своих идей. Он вел раздел с конца 1892 до начала 1898 года с перерывами. Историк Костылев отмечал: «За девять лет существования "Русского обозрения" (1890—1898) Тихомиров опубликовал в нем более 100 заметок, рецензий, обзоров и статей»[217]. Победоносцев продолжал следить за публикациями своего протеже и лично советовал Тихомирову различные иностранные издания, материалы которых можно было использовать. Он писал: «Дивлюсь без конца малой культурности наших журналов, редакторов и пр. К сожалению, редко кто знает иностранные языки и читают очень мало <...> Переводятся только книги отрицательного направления, и их только читает наша молодежь, не знающая языков! Печально!.. А сколько можно было бы замысливать доброго и интересного — если б читали и следили!»[218]. Такую поддержку нельзя было не оценить и 18 января 1899 года Тихомиров пишет о Победоносцеве, которого называл «мой старик», следующие строки: «Я неистребимо люблю этого человека, несмотря на то, что чаще и чаще недоволен его политикой. Практик и — все-таки архи-чиновник...»[219].

---

[212] После смерти в 1899 г. Т.И. Филиппова Тихомиров запишет в дневнике: «Не любил он меня» // Цит. по: *Сергеев С.М.* Л.А. Тихомиров и лагерь русских традиционалистов в 90-е годы. XIX века. С. 608.

[213] НИОР РГБ. Ф. 230. Картон.10802. Ед. хр. 28. Л. 1.

[214] Цит. по: *Полунов А.Ю.* К.П. Победоносцев в общественно-политической и духовной жизни России. С. 309.

[215] Нетерпимые отношения между Победоносцевым и Мещерским были общеизвестны.

[216] *Полунов А.Ю.* К.П. Победоносцев в общественно-политической и духовной жизни России. С. 309.

[217] *Костылев В.Н.* Выбор Льва Тихомирова. С. 38.

[218] Цит. по: *Полунов А.Ю.* К.П. Победоносцев в общественно-политической и духовной жизни России. С. 310—311.

[219] ГА РФ. Ф. 634. Оп. 1. Ед. хр. 6. Л. 190.

В декабрьском номере «Русского обозрения» за 1890 г. в разделе «Критика и библиография» появляется отклик Тихомирова на статью французского публициста Сен-Ромена «Русские реформаторы»[220]. Можно с большой долей вероятности утверждать, что внимание Тихомирова на эту публикацию обратил все тот же Победоносцев. Лев Александрович пишет, что, по мнению Сен-Ромена и «по учению той школы, к которой он принадлежит (школа Ле-Пле[221]), принцип *авторитета* и *социальной иерархии* составляет вечную, неизменную основу всякого общества»[222]. В своей статье о России Сен-Ромен «приходит к заключению, что как личность образованного класса, так и весь он — представляются у нас в высшей степени неудовлетворительными»[223]. Далее Тихомиров излагает те мысли Сен-Ромена, под которыми и он сам, и Победоносцев могли бы подписаться: «Высший образованный направляющий класс, для хорошего исполнения своей социальной функции, должен состоять из людей сильных, способных и работать, и поддерживать свое благосостояние. В России, по г. Сен-Ромену, он, напротив формируется из наименее сильных элементов, из природного не инициативного чиновничества и из declassés, людей отброшенных, отщепившихся от других здоровых классов. Этот плохой подбор приводит к тому, что "высший русский класс впадает часто в нужду, приходит к недовольству, к разочарованиям, которые порождают отвращение к жизни, к самому себе и к другим: три лучшие фермента для подготовления революции"»[224]. В XIX веке, в эпоху, когда тысячи изобретений перевернули вверх дном все в области труда, социальная система, ограничивающаяся рабским подражанием прошлому, неизбежно оставляет в беспорядке удовлетворение известной части нужд и потребностей. Между старою концепцией жизни и новыми условиями, какие она встречает, — образуется пустое пространство, и *вот тут оказывается необходим разумный, развитой патронаж...* который бы заполнил пустоту»[225]. Далее Тихомиров цитирует критические отклики французского публициста о Льве Толстом и делает вывод: «К несчастью для русских реформаторов, говорит г. Сен-Ромен, коммунистическое решение менее всего сообразно с действительными обстоятельствами, среди которых мы живем. Более чем когда-либо успех достигается нынче *личной* энергией. Современные изобретения, дав людям распоряжение неслыханными могучими силами, тем самым придали еще большее значение *людям способным управлять, править*. Господство в мире более чем когда-либо дано расам предприимчивым, способным к работе <...> Отсталая простая жизнь азиатских номадов или хоть русских крестьян не дозволительна более для того, кто не хочет отказаться от всякого будущего. Кто же из русских хочет таким образом стереть страну свою с карты Европы?»[226]. А для того, чтобы двинуть Россию вперед, нужен «*правящий класс*, достойный своей роли, класс людей крепкой, здоровой, положительной умственной работы... Надежды на будущее возможны для России только при этом условии»[227].

---

[220] *Тихомиров Л.А.* La Science Sociale 1890. T. X. Кн. 3. Les reformateurs russes // Русское обозрение. 1890. Т. 6. С. 891—896.

[221] «Влияние Ле-Пле... обнаруживается в учебнике Победоносцева по гражданскому праву. Во-первых, как Ле-Пле, находивший ключ к выздоровлению семейной жизни в реформе земельного права, так и Победоносцев "обращает особенное, даже чрезмерное, внимание и на семейное право". Более того, Победоносцев делал ставку именно на семью и на семейное право... На наш взгляд, и политика, проводимая Победоносцевым, противоречила самой сути учения Ле-Пле, которое заключалось в необходимости содействия семье как главнейшей единицы общественного организма. Цель, которую Ле-Пле ставил для общества, заключалась в формировании почвы, благоприятствующей "коренной семье" (famille souche). Главным условием для этого являлось обладание правом, в частности, правом на наследие. При этом Ле-Пле весьма скептично относился к вмешательству государства в формирование крепких стабильных семей» // *Модей К.* К.П. Победоносцев и школа Фредерика Ле-Пле в России // Константин Петрович Победоносцев: мыслитель, ученый, человек. С. 33. 34. См.: первое послереволюционное переиздание работы К.П. Победоносцева «Ле-Пле» на родине автора — *Победоносцев К.П.* Избранное / Составитель, автор вступительной статьи и комментариев *А.В. Репников.* М., 2010. С. 108—131

[222] *Тихомиров Л.А.* La Science Sociale. 1890. T. X. Кн. 3. Les reformateurs russes. С. 891.

[223] Там же. С. 892.

[224] Там же. С. 893.

[225] Там же. С. 894.

[226] Там же. С. 896.

[227] Там же.

Даже на одном примере анализа статьи Сен-Ромена хорошо видно, что Тихомиров талантливо отражал в обзоре печати именно то, что было нужно обер-прокурору. И, хотя, с одной стороны, ему было тесно в «рамках», очерченных Победоносцевым, да и позиции их не всегда совпадали, с другой стороны, Лев Александрович понимал, кому обязан своим положением и возможностью иметь печатную трибуну. Не случайно уже после отставки Победоносцева пришел его поддержать. По-человечески он чувствовал к влиятельному обер-прокурору искреннюю симпатию.

Многие статьи Тихомирова в журнале носили программный характер и являлись предметом широкого обсуждения и дискуссий, как в консервативных, так и в либеральных изданиях. Уже в мае 1893 г. Победоносцев, удовлетворенный направлением издания, писал Тихомирову о том, что журнал «идет вперед, разнообразен и занимателен»[228]. Победоносцев теперь отдавал «Русскому обозрению» пальму первенства перед «Московскими ведомостями» и охотнее давал туда свои статьи. Действительно, журнал в годы редакторства Александрова, при активной поддержке Тихомирова проводил «политическую линию», близкую взглядам обер-прокурора.

30 апреля 1895 г. Тихомиров писал по поводу речи Победоносцева в заседании Исторического Общества 6-го апреля 1895 года[229] следующее: «Если я был чем-нибудь очарован, то это речью в апреле, по форме и по мысли это нечто прямо замечательное. Не понимаю даже, как Вы умели вложить такую сложность мыслей в такое малое количество слов. Надеюсь, что я не подавал Вам поводов заподозривать меня в лести, и потому не стесняюсь мое буквально восхищение этим необычайным мастерством — выразить автору. Исходя из этой речи, я написал и свою майскую *Летопись* [имеется в виду статья Тихомирова «Личное творчество и духовная связь с родиной», опубликованная в 5 номере «Русского обозрения» за 1895 г., — *авт.*] Вообще я крайне завидую ходу развития Вашей мысли... Вашему Высокопревосходительству следовало бы издать отдельной книжкой все такие вещи. У Вас их не мало, речи, публикованные письма и т.п. Это было бы очень полезно хотя бы для тех, которые уже начали понимать необходимость *стройного* миросозерцания и ищут его»[230]. Публикатор этого письма Сергеев отмечает: «Как будто последовав совету Тихомирова, Победоносцев издал в 1896 г. книгу «Вечная память. Воспоминания о почивших», в которой собрал написанные им некрологи; туда вошла и речь памяти Александра III»[231].

На страницах «Русского обозрения» главное место отводилось статьям, направленным против революционных и либеральных идей, а также против неортодоксальных религиозных направлений. Победоносцев, как опытный наставник, учил Тихомирова полемизировать: «Понимаю, что следует опровергать ложное направление, но надо это делать по возможности объективно и с достоинством», поскольку «без полемики в серьезном смысле нельзя обойтись, но она должна быть безличная и объективно поставленная»[232]. Притом «умение ругаться образно не всем дается, и в этом отношении и "Новое время" и "Рус[ские] ведомости" всегда окажутся зубастее "Московских ведомостей"»[233].

Вопросы же касающиеся современного государственно-политического устройства Российской империи, корректировки самодержавного курса, затрагивались очень осторожно и зачастую наталкивались на неприятие обер-прокурора. Историк А.Ю. Полунов верно отмечает: «Не удалось обер-прокурору в конечном счете... наладить эффектный контакт с новым поколением российских консерваторов (Л.А. Тихомировым и др.), стремившихся к более активному, чем это допускал Победоносцев, участию в газетно-журнальной полемике, к более четкому теоретическому обоснованию своих взглядов»[234].

---

[228] ГА РФ. Ф. 634. Оп. 1. Д. 113. Л. 17.

[229] *Победоносцев К.П.* Избранное. С. 188—193.

[230] *Тихомиров Л.А.* Христианство и политика. С. 599.

[231] Там же. С. 600. См.: *Победоносцев К.П.* Вечная память: воспоминания о почивших // *Он же.* Избранное. С. 136—193.

[232] Цит. по: *Полунов А.Ю.* К.П. Победоносцев в общественно-политической и духовной жизни России. С. 311.

[233] Там же.

[234] Там же. С. 345.

Речь здесь шла не просто о мелких разногласиях между двумя мыслителями. Тихомиров полагал, что, кроме необходимости только сохранять то, что есть, необходимо «оживить» систему, привнести в управление страной созидательно-творческое и положительное начало. Он был убежден в том, что необходимо адаптировать самодержавие к меняющимся условиям окружающей действительности, но так, чтобы сохранить дух российской монархической идеи. Впоследствии он отмечал, что, «при всей практичности своей мысли, сам Константин Петрович Победоносцев не обладал практичностью действия: для этого он был слишком мудрец, видел слишком много "за" и "против" и потому становился слишком осторожен»[235].

Что касается Победоносцева, то, по его мнению, надежда на какие-либо перемены ни к чему хорошему не приведет, даже если это и перемены в монархическом духе. Не приведет, поскольку разрушение традиционного уклада жизни приняло необратимые последствия. Великий князь Александр Михайлович зафиксировал слова Победоносцева, сказанные Николаю II: «Я признаю, что продление существующего строя зависит от возможности поддерживать страну в замороженном состоянии. Малейшее теплое дуновение весны — и все рухнет»[236]. В ноябре 1898 г. Победоносцев писал императору: «Массы народные издавна коснели в бедности, нищете, невежестве и терпели от насилия сверху. Но они терпели, жили и умирали бессознательно», однако «в последнее время бессознательность миновала, умножились средства сообщения, и вопиющая разница между нищетою одних в большинстве и богатством и роскошью других в меньшинстве стала еще разительнее». В результате «все это легло на массу страшною тягостью, в иных местах невыносимою. Душа народная стала возмущаться. Стали подниматься всюду вопросы: для чего мы страдаем? а другие обогащаются нашим трудом, кровью и потом? И к чему служат власти, которые в течение тысячелетий ничего не могли устроить для нашего облегчения? И к чему правительство, которое только гнетет нас податями, правителями, судами? И к чему, наконец, государство и всякая власть государственная?»[237]. Происходящее в России не вселяло в обер-прокурора оптимизма в отношении будущего страны. В 1903 году, встретившись с Д.С. Мережковским по поводу закрытия Религиозно-философских собраний, Победоносцев произнес фразу, которая, по сути, отразила в себе весь *строй его мыслей*: «Да знаете ли вы, что такое Россия? Ледяная пустыня, а по ней ходит лихой человек»[238]. Розанов передает высказывание Победоносцева, которое слышал лично, давая ему свою оценку: «Россия, это – бесконечный мир разнообразий, мир бесприютный и терпеливый, совершенно темный: а в темноте этой блуждают волки... дикое темное поле и среди него гуляет *лихой человек*...

– А когда так, — кончил он, — то ничего в России так не нужно, как *власть*; власть против этого лихого человека, который может наделать бед в нашей темноте и голотьбе пустынной.

И пальцы его огромно сжались, как бы хватая чего-то... эти... две кисти рук его, точно второе его лицо, столь же характерное, как и женственное белое, умное лицо!

– Хватай! Хватайте все! Иначе — все разбежится и, разбежавшись, убьется, разобьется!»[239].

Тихомиров же был увлечен *развитием* теории монархической государственности. О его взглядах свидетельствует и анализ тематики его журналистской деятельности в «Московских ведомостях» и, главным образом, в «Русском обозрении» в 1890-х гг. Можно отметить, что хотя она и представляется достаточно разнообразной, в ней можно выделить несколько разделов, которые пытался объединить общей задачей. Рассматривая тот или иной социальный вопрос, Тихомиров неизменно указывал

---

[235] Цит. по: Там же. С. 6.

[236] Великий князь Александр Михайлович. Воспоминания. М., 2001. С. 172.

[237] Цит. по: *Соловьев Ю.Б.* Самодержавие и дворянство в 1902–1907 годы. С. 27–28. Подробнее об этом см.: *Репников А.В.* Капиталистическая модернизация России начала XX в. в оценках консервативной публицистики // Сергей Андреевич Муромцев — председатель первой Государственной думы: политик, ученый, педагог. Орел, 2010. С. 154–161; *Он же.* «Капитализм — самое страшное, что выдвинуло последнее полустолетие...» (русские консерваторы о социальных проблемах начала XX в.) // Рабочие — предприниматели — власть в конце XIX — начале XX в.: социальные аспекты проблемы: материалы V Международной научной конференции в 2 ч. Кострома, 2010. Ч. 1. С. 60–66.

[238] *Гиппиус З.Н.* Живые лица. Воспоминания. Тбилиси, 1991. Т. 2. С. 230–231.

[239] *Розанов В.В.* Собрание сочинений. Легенда о Великом инквизиторе Ф.М. Достоевского. Литературные очерки. О писательстве и писателях. М., 1996. С. 529. 530.

на то, что гарантом его решения является Верховная власть, выражающаяся в России в ничем не ограниченном, кроме определенных этических норм, правлении православного царя, связанного со всеми слоями населения и проводящего в своих решениях не волю какого-либо одного сословия, а всех его подданных, населяющих Российскую империю. Подходя к окончательной выработке своей целостной монархической теории, Тихомиров концентрировался на разработке следующих проблемных блоков:

— выяснение роли РПЦ в жизни общества и борьба с чуждыми каноническому православию религиозными идеями (Вл.С. Соловьева, Л.Н. Толстого)[240];

— критика народнических представлений о некапиталистическом пути развития России (он обращал внимание на поиски путей справедливого разрешения социальных противоречий посредством усиления роли государственной власти)[241];

— анализ парламентского устройства государств в Западной Европе, основанного на народном представительстве, и вытекающий из этого вывод об опасности развития либерального и социал-демократического движения в России[242];

— разработка вопроса о своеобразии русской национальной интеллигенции и ее особой роли в жизни страны[243];

— постановка национального вопроса, пропаганда идей и поддержка приоритетов развития русской нации[244];

— философская проблематика и, в первую очередь, знакомство читателей с работами иностранных авторов[245].

Обратим внимание на особое положение Тихомирова в «Русском обозрении» в отличие от «Московских ведомостей». К началу 1893 г. при поддержке Победоносцева он становится ведущим сотрудником журнала. Стоит отметить, что в начале 1890-х годов Лев Александрович основную часть своей публицистики посвящал выполнению «политического заказа» Победоносцева — борьбе против оппозиционных официальному кругу общественно-политических течений, от самого осторожного либерализма и западничества до марксизма и социализма. «Трудно назвать другого публициста правительственного лагеря, который уделял бы столько внимания критике марксизма», — отмечал Костылев[246].

Победоносцева и Тихомирова роднила непримиримость к западноевропейским формам парламентаризма. Большое впечатление на обер-прокурора произвела мощная и аргументированная тихомировская критика концепции народного представительства в странах Западной Европы, внедряющая в сознание русского общества идеи гибельности конституционализма как рассадника социалистических и коммунистических идей для России, а в будущем — и для всей Европы. Первоначально подобного рода мысли прозвучали в 1891 году в публикации «Социальные мираж современности»[247]. В ней Тихомиров предостерегал, что «во сто лет все нарядные покрывала либерального демократизма окончательно истрепались» и что «по мере дискредитирования либерально-демократической идеи на смену ей все более резко и успешно выступает идея социалистическая, вооруженная теорией Маркса[248].

---

[240] *Тихомиров Л.А.* Духовенство и общество в современном религиозном движении // *Он же.* Критика демократии. С. 359—372. *Он же.* Борьба века // Там же. С. 188—214; *Он же* В чем конец спора // Русское обозрение. 1894. № 8.

[241] *Тихомиров Л.А.* Народная и национальная политика // Московские ведомости. 1892. № 197.

[242] *Тихомиров Л.А.* Демократия либеральная и социальная // *Он же.* Критика демократии. С. 110—187. *Он же* Конституционалисты в эпоху 1881 года // Там же. С. 215—253.

[243] *Тихомиров Л.А.* Славянофилы и западники в современных отголосках // *Он же.* Критика демократии. С. 372—39 *Он же.* Русские идеалы и К. Леонтьев // Там же. С. 505—517.

[244] *Тихомиров Л.А.* Русское дело и обрусение // *Он же.* Критика демократии. С. 541—549; *Он же.* Варшава и Вильн в 1863 году // *Он же.* Христианство и политика. С. 264—281.

[245] *Тихомиров Л.А.* Существует ли свобода // Русское обозрение. 1894. № 1; *Он же.* Наблюдательный метод общественной науки // Московские ведомости. 1895. № 87.

[246] *Костылев В.Н.* Выбор Льва Тихомирова. С. 40.

[247] *Тихомиров Л.А.* Критика демократии. С. 113—152.

[248] Там же. С. 132.

Невзирая на определенные расхождения среди правых публицистов, в целом политическая линия, проводимая Тихомировым в «Русском обозрении», устраивала его «идейного опекуна» Победоносцева. Именно при его непосредственной поддержке в июльской книжке журнала за 1892 г. вышла еще одна статья, проникнутая теми же антизападническими и антилиберальными идеями, ставшая по сути продолжением предыдущей работы, под названием «Новейшие заявления коммунизма и партикуляризма» («Русское обозрение». 1892. № 7. С. 268—285).

Наиболее же наглядно всю «порочность» системы парламентаризма Тихомиров вскрыл чуть позднее в серии статей «Панама и парламентаризм»[249], вышедших в «Московских ведомостях» и позже объединенных в общую брошюру «Демократия либеральная и социальная». В них, опираясь на скандал вокруг кампании по строительству Панамского канала, Тихомиров обличал коррупцию и мошенничество, царившие в депутатских кругах Франции. «Мы в панамском деле видим только колоссальные злоупотребления. А французы не могут не видеть гораздо худшего: страшного понижения не людей (это бы еще не беда), а самой правительственной идеи», — резонерствовал Тихомиров[250]. Заявляя, что парламентская страна создает строй своеобразной олигархии, автор серьезно подрывал позиции своих либеральных оппонентов. Он утверждал: «Парламентаризм приводит официальное правительство страны к неслыханному доселе ничтожеству и бессилию»[251]. А значит, в условиях России любой парламент неизбежно превратится в антиправительственное учреждение с господством в нем худших элементов дворянской интеллигенции как наиболее организованного и политически активного сословия. Впервые такой тезис он выдвинул в 1891 г. в статье «Социальные миражи современности».

Вообще социал-демократическое движение представлялось экс-революционеру наиболее опасным из существующих революционных течений, и распространение его в России сильно беспокоило Тихомирова. Он не без основания опасался сращивания марксизма с рабочим движением из-за нежелания властей справедливо разрешить рабочий вопрос, действительно представлявший реальную опасность для государства. А ее, в отличие от остро чувствующего Тихомирова, многие в монархической среде не замечали. Так, вовремя не рассмотрел обозначившейся угрозы для существующей в России политической системы и «идейный наставник» Льва Александровича Победоносцев, заявивший на заседании Государственного совета 24 мая 1893 г. при рассмотрении фабричного закона «Об обеспечении рабочих, получивших увечья», что «рассмотрение подобного законопроекта противно духу русского законодательства», а принятие его «будет способствовать возникновению в России не существующего рабочего вопроса»[252].

Нанося удар по позициям буржуазной и социальной демократии, публицист всю вину за то, что эти чуждые русскому народу идеи оказались столь живучи в России — в стране с прочными национальными традициями, — возлагал на русское образованное общество, интеллигенцию, которая, по его мнению, оказалась неспособной к выполнению своей исторической миссии. Он надеялся, что «вместо нынешней “интеллигенции”, столь неудачно принявшей это пышное название, у нас явится тот передовой, просвещенный слой нации, который лишь приводит в сознательное состояние бессознательное творчество психологической природы целого народа»[253].

Анализ «порочных» западнических увлечений русской интеллигенции подталкивал Тихомирова к рассмотрению ошибок хорошо ему знакомой народнической идеологии. Главную из них, как у революционных, так и у либеральных народников он видел в том, что они не способны рассмотреть в русском крестьянстве «живого национального слоя», а думают видеть в нем «оторванный класс». Крестьянство же, освобожденное от крепостной зависимости, предстало перед народниками как сплоченная в общество масса, твердо сознававшая, что она политически организована «величайшею силой общего повелителя и попечителя — Царя». Как «слугу царского» крестьянин не отрицал

[249] *Тихомиров Л.А.* Критика демократии. С. 153—173.
[250] Там же. С. 156.
[251] Там же. С. 173.
[252] Цит. по: *Вовчик А.Ф.* Политика царизма по рабочему вопросу... С. 190.
[253] *Тихомиров Л.А.* Христианство и политика. С. 140.

даже и «барина», при этом «верил в Бога, был в значительной степени идеалист и лучшие думы направлял не на комфорт житейский, а куда-то туда — в непонятную пропагандисту небесную высоту»[254]. Из непонимания сущности крестьянского мира, считал Тихомиров, и проистекало стремление интеллигенции пересоздать Россию не на общенациональных, а именно на классовых основаниях[255].

Лучшим и наиболее достойным антиподом народнической интеллигенции Тихомиров считал славянофилов. В начале 1890-х гг. его увлечение идеями славянофильства было достаточно сильным. В 1892 — 1893 гг. он принял участие в журнальной полемике о славянофильстве, протестуя против растаскивания некогда мощного и цельного наследия славянофилов по различным «идеологическим квартирам». Лев Александрович настаивал на безусловной «ценности и неоспоримости» основ славянофильского учения, писал «о живом и развивающемся характере» этого течения российской социально-философской мысли.

Современное развитие славянских идей он усматривал в работах Достоевского, Данилевского, Каткова и Леонтьева. Признавая у славянофилов сороковых годов наличие западного влияния, он особо выделял идеи Каткова и Леонтьева, как подлинно русские и православные. В праве на славянофильское наследие Тихомиров отказывал ученым и публицистам оппозиционного лагеря, таким, как Н.К. Михайловский и князь С.Н. Трубецкой, и гордо заключал, что «идея православно-русская, пробивая себе дорогу в умы "образованного" общества, мертвит его прежние понятия, но еще не успела их заменить, она только вынуждает их на уступки, на бесцветность, но не положила еще на них своего цвета, своей жизненности. Это состояние переходное. Движение в направлении дальнейшей европеизации становится трудным, притяжение русского элемента затормозило полет "образованной" мысли в одном направлении, но еще не развило энергического движения в другую сторону. Этого периода нерешительности, неактивности никак не минуешь. Постепенно нарастающая сила "своих" влияний в конце концов создаст движение столь же активное, как прежде, но более сильное, в целях более широких, истинных, благодетельных»[256]. Гораздо более тревожным предзнаменованием, чем фрондирование передовой интеллигенции, казались Тихомирову попытки подкопаться под основы ортодоксального, канонического православия, цементирующей духовной основы всей русской жизни. О конфликте в редакции «Русского обозрения» между Вл.С. Соловьевым и Тихомировым уже говорилось, но на нем стоит остановиться подробнее. Ведь произошло столкновение не только двух ярких творческих личностей, но и двух подходов к ситуации, сложившейся вокруг РПЦ в конце XIX в.

Проблемы православия, его места в системе этических ценностей русского человека, а главное – его роли в работе «самодержавного механизма» российского государства интересовали Тихомирова очень сильно. Причем, по его мысли, истинным гарантом сохранения самобытного духовного и государственного начала русской нации являлось именно каноническое, ортодоксальное православие. К данному выводу он пришел, несомненно, под влиянием Леонтьева и Победоносцева.

Незыблемость такого подхода он отстаивал в многочисленных статьях, направленных против попыток модернизации православных идей, предпринимавшихся некоторыми религиозными философами. Вообще религиозная тематика стала чрезвычайно популярной в русской подцензурной печати на рубеже веков. Это объяснялось еще и тем, что 1890-е годы являлись расцветом отечественной религиозно-философской мысли. Причем ее формирование шло как бы в двух плоскостях: канонической, ориентированной на традиционные православные ценности (его олицетворяли Леонтьев, Победоносцев, церковные иерархи; к этому же направлению склонялся и Тихомиров). Другое течение опиралось на оригинальные религиозно-философские разработки, оценивавшие православие с учетом изменившихся социально-политических и нравственных реалий, к числу наиболее ярких его представителей можно отнести Вл.С. Соловьева и Л.Н. Толстого.

Как уже отмечалось выше, Тихомиров придавал Православной церкви и ее роли первенствующее

[254] *Тихомиров Л.А.* Что такое народничество // Русское обозрение. 1892. № 12. С. 918.
[255] *Тихомиров Л.А.* Критика демократии. С. 555—556
[256] Там же. С. 391.

значение в сохранении самобытного духовного начала русского народа. Причем за основу он брал именно традиционное православие. Поэтому-то и в своей публицистике он немало внимания уделяет православно-церковной тематике. Не будем забывать и того обстоятельства, что Тихомиров отводил решающую роль при выработке теории «идеальной монархии» правильному построению государственно-церковных отношений в стране.

Н.П. Аксаков

В «Русском обозрении» первой крупной работой по вопросам православия и оценки его роли в современных условиях оказалась статья Тихомирова «Духовенство и общество в современном религиозном движении», увидевшая свет в № 9 за 1892 г. Статья встретила одобрение Розанова, отмечавшего в письме к А.А. Александрову: «Если б Тихомиров написал еще такую же чудную статью <...> вот статья отрезвляющая, бесподобная по меткости определений, по верности указываемых путей»»[257]. Отмечая заметное оживление религиозного чувства в слоях образованного русского общества и особенно указывая на работы Соловьева, Тихомиров писал в статье, что «религиозное движение общества скорее похоже на "брожение", результат которого еще очень и очень подлежит сомнению»[258]. Обличая тех «вольных пророков», у которых общество учится религии, автор с грустью отмечал малую активность самих церковных пастырей, замечая, что в этом движении крайне мало религиозного элемента и что оно преимущественно есть «умственное» движение, ищущее Бога не для того, чтобы стать тем, что указывает Бог, а лишь для того, чтобы закрепить и усилить свои желания и свои требования от жизни. По его мнению, это ведет лишь к упадку духовной природы людей. Тихомиров критиковал «религиозное движение» мирян, признавая его вредным и антигосударственным, потому что оно направлено лишь на решение социальных вопросов и разлагает народный дух. Недостаток этого движения — «слабость *веры* и обилие *умствований*. Его развитие, в религиозном смысле, регрессивно. Религиозное состояние первых славянофилов несомненно выше их преемников. В позднейший период и до настоящего времени "религиозное движение" это вырисовывает черты очевидного духовного разложения»[259]. Выход Тихомиров видел в следующем: «Скромное, бесхитростное подчинение авторитету Церкви есть для общества первый шаг, может быть самый трудный. Но когда он будет сделан, то люди общества сразу попадут в надлежащую школу духовной выработки»[260].

Статья вызвала оживленный обмен мнениями между изданиями как консервативного, так и либерального лагеря. 7 декабря 1892 г. Тихомиров писал Т.И. Филиппову: «Против меня выдвинут ряд статей. Важно не то, что они против меня, а то, что они ведут чисто протестантскую пропаганду, полагая, будто бы это православие. Показать им, что они заблуждаются, устранить у себя то, что их соблазняет, наконец — просто раздавить сознательно подрывающих православие: вот что я *должен бы* сделать по требованиям положения политики. <...> тут заинтересован не только сам вопрос, но еще и журнал. Это первый случай, когда о "Русском обозрении" страстно заговорила печать <...> Выйти с честью и победой, утвердить журнал ясно и почетно — на этом первом, широко всех затронувшем вопросе — дело большое. Ведь как никак — "Русское обозрение" первый в России журнал, поставивший себе задачу быть органом русского *православного* общества»[261].

В дискуссию были втянуты почти все наиболее значимые издания. К удивлению автора и его покровителей в лице Победоносцева, представители официозного лагеря оценили статью неоднозначно. Их задело то, что в своем прозелитизме Тихомиров зашел слишком далеко и вторгся на «чужую» территорию. В качестве примера можно привести реакцию известного славянофила-теолога

[257] Цит. по: *Сергеев С.М.* Тихомиров Лев Александрович // Розановская энциклопедия. М., 2008. Ст. 995.
[258] *Тихомиров Л.А.* Христианство и политика. С. 21.
[259] Там же. С. 34.
[260] Там же. С. 35.
[261] Цит. по: Там же. С. 541.

Н.П. Аксакова[262]. Он посвятил критике богословских взглядов Тихомирова специальную работу «Духа не угашайте» (1892), которая была написана именно как ответ на статью «Духовенство и общество в современном религиозном движении» (характерно, что «Русское обозрение» полемический ответ Н.П. Аксакова Тихомирову публиковать не пожелало). Он прямо намекал на неофитство Тихомирова в вопросах православия: «Не рано ли учительствовать и обличать г. Тихомирову?... Немедленное, торжествующее проповедничество тех, кому надо совершить покаяние, противоречит и верованиям и народному духу русскому, является для них оскорблением»[263]. Он отмечал, что критикуемые Тихомировым «светские учителя» А.С. Хомяков, Достоевский, Вл.С. Соловьев и др. в большей мере знакомы с религиозными текстами, чем их критик, который «начал писать о православии, не успев еще ознакомиться с ним»[264]. По мнению Аксакова, общество не может состоять только из тех, кто слепо подчиняется авторитету духовенства и открытых врагов церкви. Многие (в первую очередь, представители образованного общества) могут приходить к вере «самочинною работою духа» и уже затем обращаться к авторитету духовенства и церкви[265]. Ссылаясь на тексты Священного писания и Предания, Н.П. Аксаков утверждал: «Церковь, по учению апостольскому, не есть школа, в которую верующие по требованиям г. Тихомирова отдают себя на "выучку к духовенству", но школа взаимообучения, взаимоназидания, взаимоусовершенствования вообще, в которую каждый вступает как "домостроитель многоразличной благодати Божией". Это обязательное взаимообучение верующих как членов Церкви»[266]. По убеждению Аксакова, «Тихомиров внушает верующему подчиняться, молчать и "культивировать" чувство веры своей пассивным подчинением»[267]. Подводя итог полемике, Аксаков делал вывод вполне в славянофильском духе: «В Церкви интересы истины и радение о нуждах церковных ставились всегда выше интересов охраны дисциплины церковной и иерархического начала, как высоко не ставила их Церковь... Интересы истины... стояли в ней выше интересов иерархического чиноначалия,... по отношению к истине в Церкви не было подразделения на старших и младших»[268]. По мнению Аксакова, православная церковь не только допускала, но даже прямо требовала от верующих тщательного рассмотрения предлагаемого ею учения; не только не делала обязательным полное подчинение учащей иерархии, но и одобряла право неверия этой иерархии и даже ее открытое обличение в случае необходимости.

Статья Аксакова «Свобода, любовь и вера»[269] с критикой Тихомирова и В.В. Розанова вызвала отклик последнего[270], солидаризировавшегося с Тихомировым и отмечавшего, что Аксаков «не достигнет цели, которую поставил себе — доказать антицерковность нашего учения»[271]. В защиту Тихомирова высказались и церковные круги во главе с Победоносцевым и официальным органом Святейшего синода «Церковными ведомостями», приветствовавшими Тихомирова как защитника подлинно православной точки зрения. Приводя обширные цитаты из его работы, «Церковные ведомости» подчеркивали, что «Тихомиров касается важного современного вопроса, а именно: обсуждает светское учительство в делах веры и церкви. Мысли г-на Тихомирова заслуживают полного внимания»[272]. Одобрение его работы со стороны Святейшего синода и Победоносцева подталкивало Тихомирова на продолжение полемики, обострившейся после помещения в «Вестнике Европы» (1892, № 12) статьи Вл.С. Соловьева с конкретными замечаниями по поводу неточного цитирования христианских иерархов. Несмотря на официальную поддержку, едва ли можно оценивать итоги по-

---

[262] См.: *Репников А.В.* Аксаков Николай Петрович // Русский консерватизм середины XVIII — начала XX века: энциклопедия. С. 28—30.

[263] *Аксаков Н.П.* Духа не угашайте. М., 2002. С. 17; 19—20.

[264] Там же. С. 23.

[265] Там же. С. 29.

[266] Там же. С. 51—52.

[267] Там же. С. 53.

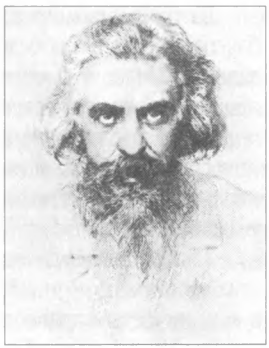
[268] Там же. С. 164—165.

[269] Русская беседа. 1895. № 1—3.

[270] Критическая заметка <О Н.П. Аксакове> // Русское обозрение. 1895. № 6.

[271] *Розанов В.В.* Собрание сочинений. Эстетическое понимание истории (Статьи и очерки 1889—1897 гг.). Сумерки просвещения. М.,-СПб., 2009. С. 387.

[272] Слово митрополита Филарета // Церковные ведомости. 1892. № 47.

Вл.С. Соловьев

лемики как успешные для Тихомирова. В дискуссии, развернувшейся на страницах «Русского обозрения» и «Московских ведомостей» с одной стороны, и «Вестника Европы» — с другой Соловьев нанес несколько сильных ударов по идеологии официальной церковности, отстаиваемой Тихомировым.

Дискуссия 1892—1894 гг., начатая по вопросам догматов веры, плавно переросла в споры о свободе личности и свободе вероисповедания, где позиции Соловьева, выступавшего с критикой современного ему положения вещей в православной церкви, оказались более выигрышными. В этом споре Тихомиров отстаивал свой тезис о том, что Россию нельзя мерить «общей меркой прав», т.е., по сути, ставил этические нормы, связывающие монарха и народ посредством божественных уз, выше правовых и выше «общественного договора», заключенного между властью и народом в Западной Европе. Он указывал, что религиозные проблемы надо решать «не упразднением, а повышением значения религии в государственной жизни, не подрывом, а усилением нравственного влияния Церкви, а стало быть (что особенно заслуживает внимания каждого из нас в отдельности) — живым участием каждого верующего в церковной жизни. Конечно, легче кричать о создании или пересоздании законов, нежели самому исполнять свои обязанности, но суть вопроса — в этом последнем обстоятельстве»[273]. Теории Соловьева, содержавшие вселенскую идею богочеловечества с ее отказом от русской исключительности и призывом к изменению вероисповедной политики, которая, по мнению Соловьева, проводилась в духе «национального эгоизма» и в ущерб другим народам страны, Тихомиров противопоставил утверждение, что разрыв союза между государством и Церковью путем отделения Церкви от государства ведет к созданию атеистического государства, лишая его духовной опоры. Источником веротерпимости в России, как он полагал, может быть лишь само государство, находящееся под влиянием православной Церкви: «Тут нет выбора: либо влияние религии на государство, либо подчинение религии соображениям государства»[274].

Отнюдь не всегда аргументы Льва Александровича попадали точно в цель, что замечали многие. Даже его близкий друг Киреев, высоко ценивший Тихомирова и относящий его к категории «мыслящих людей», в личном письме признавал некоторую слабость его доводов. «Снаряды Соловьева и К° попадают в Вас потому, что вы volens — nolens защищаете иногда незащитимые вещи: церковь, в которой игуменьи запрягают монахинь в тарантас; богословие, которое не может говорить то, что оно думает, и т.п.», — писал Киреев, указывая далее, что затягиванием спора Тихомиров компрометирует не только себя, но и все «русское дело»[275]. Шаткость позиций Тихомирова и представляемой им официальной Церкви постепенно осознал и Победоносцев, советовавший не развивать далее полемику. Не стал обострять вопроса и Соловьев, уступив советам Л.Н. Толстого и Страхова. В 1894 г. полемика была прекращена.

Колебания Тихомирова были замечены, в частности, на них обратил внимание Волынский, в письме к которому от 15 сентября 1893 года Тихомиров сообщал: «Я должен был прекратить полемику. По-видимому, она начала заходить слишком далеко»[276]. Он писал: «Я говорю то, что для них, православных, азбучно ясно», и не без раздражения предлагал Волынскому для серьезного разбора его статьи «Духовенство и общество в современном религиозном движении» обратиться «к какому-нибудь умному священнику, вроде о. Смирнова (в Церк. Вест.) или надо к знающему православному, вроде Победоносцева. А читать о моей брошюре нечего»[277]. Вывод в письме был такой: «До этого спора мы еще “не дожили” сверху, а снизу — не о чем спорить. Не стоит пока толковать. А *направление* у меня только и есть то, что я православный... больше ничего»[278].

---

[273] *Тихомиров Л.А.* Критика демократии. С. 505.
[274] Там же. С. 504.
[275] Цит. по: *Костылев В.Н.* Выбор Льва Тихомирова. С. 41—42.
[276] РГАЛИ. Ф. 95. Оп. 1. Д. 837. Л. 5.
[277] Там же. Л. 4.
[278] Там же. Л. 4 — 4 об.

В ответе Тихомирову 11 сентября Волынский благодарил: «Спешу принести вам мою искреннюю благодарность за любезно присланные статьи и брошюры по интересующему меня вопросу»[279]. И далее сообщал, что «поколебался в моем намерении спорить с вами на тему вашей статьи... Ввиду идейной важности затронутого вами предмета, я готов согласиться с вами, что мы не дожили до полемики по религиозному вопросу ни сверху, ни снизу. Я очень сожалею об этом: я надеялся на интересный обмен мыслей... Если вы не можете отвечать, дело могло бы свестись к одной только либеральной сенсации, которой я отнюдь не домогаюсь. Примите уверение в моем полном уважении»[280].

Заключительным аккордом полемики стала серия очерков Тихомирова в «Московских ведомостях» в октябре — ноябре 1894 г., изданная позже отдельной брошюрой «Борьба века». Видевший в каноническом православии нравственную связь между народом и Верховной властью Тихомиров вступает (при полной поддержке Победоносцева) на страницах этой работы в идеологическую борьбу с религиозными философами, подрывающими, по его мнению, эту связь. Цикл статей «Борьба века» носил ярко выраженную антитолстовскую направленность и был нацелен против графа с его еретическими для традиционного православия идеями. Тихомирова очень беспокоила антиправославная проповедь Толстого, подрывающая, как он считал, церковные устои и бросающая вызов самой Верховной власти своим призывом «непротивления злу насилием», выражавшимся в отказе от выполнения православных церковных обрядов и государственных повинностей (выплаты податей, несения воинской службы и т.д.). Тихомиров называет «толстоизм» единственным «настоящим» анархизмом, ибо «для социального мира он гораздо страшнее динамитного анархизма, ибо вносит в общество не острые кризисы, не оживляющую борьбу, а безнадежное мертвое гниение. Он пронизывает общество бациллами омертвления, подтачивает его во всех жилах и нервах. Если бы предположить прогрессивное развитие толстоизма, в нем для общества один конец: оно должно просто рухнуть, как источенное червями дерево»[281]. Подобные опасения Тихомирова разделял и Победоносцев, оказавший помощь материалами по этой теме, еще в частности, передав ему копию письма Толстого писателю Н.А. Полушину, в которой содержалось изложение его религиозных взглядов, далеких от традиционного православия[282]. В своих статьях Тихомиров провозглашал: «Вся наша борьба века имеет, в сущности, религиозную подкладку. Это эпоха религиозного отступничества, бунта против Бога в душе человека. Колыхания мира социального составляют лишь отражение этого возмущения. С умиротворения души начинается оздоровление социального мира»[283]. Кроме того, в этих очерках он затронул и ряд глубинных философских вопросов относительно мировоззрения русской интеллигенции. Отметим, что современные исследователи не без основания отмечали, что задолго до событий 1905 г. Тихомиров «высказал ряд замечаний, многие из которых были позднее развернуты в критику того же, о чем писали авторы “Вех”»[284]. В частности, он обращал внимание на религиозность как на черту, присущую русской интеллигенции. На это впоследствии указывали и многие «веховцы». Тихомиров писал по этому поводу, что «бессознательное чувство, которое делает наших рассудочно неверующих революционеров не простыми эпикурейцами, а фанатическими мечтателями об их будущем беспечальном строе, имеет несомненные признаки духовных стремлений заблудившегося религиозного искания»[285]. Второй важной составляющей разночинной интеллигенции Тихомиров считал ее склонность к разрушительному началу, находящему свое выражение во всем отрицающем нигилизме. Обращаясь к примеру Франции, отвергнувшей монархию, он заключал, что «французы заменили одни старые формы другими, не менее старыми, и человеческому *обществу* не открыли ровно ничего, кроме подтверждения того, что ни при какой страсти к новизне люди

[279] РГАЛИ. Ф. 95. Оп. 1. Д. 225. Л. 1.
[280] Там же.
[281] *Тихомиров Л.А.* Критика демократии. С. 196.
[282] ГА РФ. Ф. 634. Оп. 1. Д. 101. Л. 30—32.
[283] *Тихомиров Л.А.* Критика демократии. С. 214.
[284] *Ермашов Д.В., Пролубников А.В., Ширинянц А.А.* Русская социально-политическая мысль XIX — начала XX века: Л.А. Тихомиров. С. 48.
[285] *Тихомиров Л.А.* Критика демократии. С. 189—190.

не могут направлять развитие своего общества иначе, как в рамках вечно одинаковых, неизменных по существу *основ*»[286].

По сути, не признавая позитивности революционных исканий интеллигентов, Тихомиров намного осторожнее относился к самой идее прогресса, хотя и признавал в ней много неясного. Важнейшим недостатком понятия прогресс он считал то, что под ним часто подразумевают революционное разрушение. На деле же, по его мнению, в определение прогресса необходимо положить позитивное, а именно поступательное, эволюционное изменение основ общества. Исходя из данной посылки, Тихомиров выводил и понятие истинного консерватизма, который он определял, в отличие от консерватизма ложного, стремящегося к абсолютному сохранению существующего порядка вещей и не принимающего никаких инноваций, как консерватизм, совпадающий с истинным прогрессом. «Между прогрессом, насколько он существует в действительности, и *консерватизмом*, поскольку он необходим и возможен, с точки зрения жизнедеятельности человека или общества, нет решительно никакой противоположности. Прогресс, насколько он существует в мире, есть только *развитие*. Но консерватизм, поскольку он есть явление жизненное, тоже есть лишь другое название того же факта. Сохранение органической силы и развитие ее — одно и то же, ибо органические силы только и существуют в состоянии деятельном, в состоянии развития, точно так же, как нельзя развиваться, не сохраняясь в типе», — писал он[287]. По его мнению, и либерализм, и консерватизм, возведенные в общий принцип, «разрывают единство живого развития», являются следствием нарушенного равновесия жизни и делаются причиной дальнейшего еще большего его нарушения[288]. Признавая разрушительное воздействие интеллигенции на общественные процессы, он самую большую опасность от этого видел в ее воздействии на народ. Об этом впоследствии также писали и «веховцы».

Таким образом, Тихомиров не только предвосхитил идейные искания «веховцев», но и, оторвавшись от присущего им и оставшегося незыблемым антимонархизма, посмотрел на ситуацию под другим углом зрения, призвав обратиться к традиционным для русской государственности политико-нравственным ценностям, базирующимся на гармоничном церковно-государственном союзе, оплотом которого должен традиционно выступать самодержавный монарх, опирающийся не на бюрократию, а на все «здоровые» силы русского общества, в том числе и на национально мыслящую интеллигенцию. Кроме этого, в работе «Борьба века» Тихомиров попытался определить некоторые общие закономерности национального развития страны. Обрушиваясь на современные теории прогресса, он в осторожной форме осуждал стремление некоторых консерваторов «подморозить» («как однажды выразился К.Н. Леонтьев») Россию, подчеркивая, что «как система политики это тоже система самоубийственная, только по другому способу, нежели революционная»[289]. По мысли Тихомирова, «остановка, застой являются, таким образом, в явлениях органической и социальной жизни совершенно исключительным, недолгим моментом перелома от жизни к смерти»[290]. Ключевым моментом для России он считал царствование Александра III, полагая, что именно с данной исторической эпохи началось наступление периода «положительной работы, движения вперед, то есть тоже прогресса, но только в эволюционном смысле»[291]. Тихомиров обосновывал мысль, что, кроме собственно борьбы с течениями, оппозиционными самодержавной власти, нужна и созидательная работа. Нельзя только защищаться, ничего не предлагая для дальнейшего развития, либо одобрять все глупости власти, как поступала часть монархистов. Необходимо созидать, переходить в наступление, пытаться *влиять* на внутриполитическую ситуацию. К сожалению, эти предложения Тихомирова разделяли не многие.

События осени 1894 г., связанные с обострившейся тяжелой почечной болезнью императора, вновь остро поставили на повестку дня вопрос о судьбах российской государственности. По мере

[286] *Тихомиров Л.А.* Критика демократии. С. 198.
[287] Там же. С. 208.
[288] *Тихомиров Л.А.* Что такое либерализм? // Русское обозрение. 1894. № 7. С. 365.
[289] *Тихомиров Л.А.* Критика демократии. С. 207.
[290] Там же.
[291] Там же.

возрождения затухшей было активности либерально-конституционных элементов, как в обществе, так и в правящих сферах, в консервативных кругах, среди сторонников незыблемости самодержавного строя, стали появляться различные течения, выступавшие за реформирование монархии при сохранении и укреплении ее основ, «против чиновничьего бюрократизма, умалявшего власть и права самодержца»[292]. Особой остроты полемика достигла в конце 1894 г. во время агонии и смерти Александра III. Не остался в стороне от нее и Тихомиров. В своих работах этого периода он развивал еще катковскую идею о необходимости единомыслия русской национально мыслящей интеллигенции и обосновывал тезис об установлении «правильной дисциплины умов» в государстве, но применительно к новым историческим условиям. Все эти идеи он озвучил в статье «Сословие журналистов», появившейся в середине 1894 года[293].

Тихомиров предлагал от простых призывов перейти к делу и предпринять ряд практических мер, а именно создать организационно оформленное журналистское учреждение. При этом, по его мнению, «для того, чтобы такое учреждение стало возможным, необходима организация журналистского сословия, точное определение принадлежности к нему, установление соответственных прав и обязанностей»[294]. Ратуя за создание «корпорации людей пера», организованной по типу уже существующих дворянских обществ, он при этом предлагал подчинение правительству. И, хотя цель корпорации трактовалась им пока достаточно расплывчато, главное, что хотел видеть в ней автор, — это использование контролирующих и регламентирующих возможностей будущей корпорации, в том числе и «карательных».

По мысли Тихомирова, только при таком ее устройстве журналисты (естественно, благонамеренные) будут иметь возможность избавиться от «разбойников пера и мошенников печати»[295]. Подобная идея, как отмечал историк К.Ф. Шацилло, в дальнейшем ее развитии, уже в иную историческую эпоху, стала прообразом будущего советского «Союза писателей»[296]. Предложение Тихомирова подхватили и другие правые публицисты, такие, как Грингмут и Мещерский. Развивал ее в ряде своих статей и сам Тихомиров[297]. Либеральные же органы встретили предложение достаточно холодно. Дискуссия по этому поводу приняла затяжной характер, раздвинув рамки обсуждаемого вопроса шире, вплоть до положения и прав русской печати вообще.

Критикуя предложения Тихомирова, озвученные им в «охранительных» изданиях, публицист «Вестника Европы» К.К. Арсеньев высказывал опасение, что «подчинение печати полновластному хозяину; сохранение только тех ее органов, руководителям и участникам которых удастся получить удостоверение в честности — т.е. благонадежности — стремлений, организация "сословия" журналистов, не самоуправляющегося, а управляемого; обращение писателей в уполномоченных власти; вытекающая отсюда обязательность содействия правительству — вот к чему сводятся пожелания небольшой группы, которая в случае их исполнения монополизировала бы в своих руках всю периодическую прессу»[298]. В результате столь колкого обмена мнениями никакого практического решения выработано не было.

На попытку Тихомирова встать «над схваткой» различных политических направлений обратил внимание даже духовно близкий ему Волынский. Он высоко ценил Тихомирова-публициста и подчеркивал: «Оба эти писателя, Тихомиров и Ю. Николаев (псведоним Ю.Н. Говорухи-Отрока, — *авт.*), обладают некоторыми качествами, отличающими их от толпы завзятых направленцев, из которых обычно комплектуются консервативные газеты и журналы... Они выступают усердными критиками

---

[292] См.: *Лаверычев В.Я.* «Беседа» и тенденция к консолидации консервативных сил в России конца XIX — начала XX века // Отечественная история. 1994. № 2. С. 43—57.

[293] *Тихомиров Л.А.* Сословие журналистов // Русское обозрение. 1894. № 4. С. 911—916.

[294] *Тихомиров Л.А.* Указ. изд. С. 915.

[295] Там же.

[296] *Шацилло К.Ф.* Консерватизм на рубеже XIX—XX вв. // Русский консерватизм XIX столетия. Идеология и практика. С. 389.

[297] См.: *Тихомиров Л.А.* Еще об организации нашего «сословия» // Русское обозрение. 1894. № 12. *Он же.* Общественная роль печати // Русское обозрение. 1896. № 10. *Он же.* Еще об устройстве печати // Русское обозрение. 1896. № 12; *Он же.* Задачи публицистики // Русское обозрение. 1897. № 3.

[298] *Арсеньев К.К.* Законодательство о печати. СПб., 1903. С. 209; 218—219.

М.А. Зичи. Мария Феодоровна и умирающий император 20 октября 1894 г.

всего, что делается и пишется в наших журналах... При чтении статей г. Тихомирова, мысль невольно останавливается на его своеобразной диалектике, которая... не допускает себя до явного угодничества перед кем бы то ни было, но незаметно для себя запутывается в хитроумных противоречиях, обличающих отсутствие твердого внутреннего убеждения и психологической цельности»[299]. Объяснялось это (во многом — справедливо) тем, что «Тихомиров еще не завершил полного круга своих умственных исканий, в чем-то колеблется, чего-то опасается и, не имея внутренних святынь, невольно прилепляется к силам, действующим вне его»[300]. Исходя из этой посылки, Волынский обыгрывал тезис Тихомирова о том, что он не либерал и не консерватор и готов приветствовать всякие признаки живой работы в любом лагере[301]. Обращая внимание на двойственность в позиции Тихомирова, Волынский иронично замечал: «Мы видели людей, открещивающихся от всяких наименований и знамен и не умеющих скрыть своей внутренней, душевной пестроты» и эта двойственность «в писаниях Тихомирова бросается в глаза не нам одним»[302].

Волынский имел в виду хлесткий фельетон в «Новом времени», подписанный «Old Gentleman» и посвященный разбору статьи «Московских ведомостей», упрекавших его в неосторожном знакомстве с некоторыми политическими деятелями Болгарии, политически скомпрометированными в России. Отвечая на это обвинение, «Old Gentleman» весьма откровенно указывал пальцем на Тихомирова и Говоруху-Отрока, вопрошая: «Почему я должен брезговать Беламезовым, если вы, г. Петровский, не брезгуете Тихомировым?», и далее использовалось обращение к образу Конрада Валленрода[303].

В результате возникшей полемики Тихомиров отправил в редакцию «Нового времени» следующее заявление: «В № 6657 "Нового времени" помещен фельетон за подписью Old Gentleman, грубо меня оскорбляющий. Отвечать на него я не стану. Но в нем есть одно место, которое вынуждает объяснение. Автор заявляет, что он читал у "некоторого вождя движения" советы революционерам делаться "Валленродами", то есть притворяться благонамеренными, чтобы тем удобнее содействовать разрушению существующего строя. В связи с другими частями фельетона, сообщение автора выражено так, что у читателей, как мне уже пришлось слышать, получается впечатление, будто бы это именно мои советы. Считаю нужным заявить, что ничего подобного я не печатал, не писал и вообще никому не внушал. Прошу также и вас напечатать эти строки в "Московских Ведомостях"»[304].

Хотя напряженные отношения в кругу проправительственных журналистов угнетали Тихомирова, намного больше его пугала тяжелая болезнь Александра III, грозящая переменами на престоле. На страницах своего дневника он не скрывал своих чувств. 5 октября 1894 г., после прочтения официальной телеграммы о состоянии Александра Тихомиров записал: «Теперь, стало быть, так и жди телеграммы о кончине. Но что же будет с Россией и даже с Европой? Наши господа либералы уже приготовляются действовать. Говорят, у них образуется "национально-либеральная" партия»[305].

Император скончался 20 октября 1894 года в Ливадийском дворце от болезни почек. Мало кто знает о том, что к больному самодержцу приехал уже тогда высоко почитаемый о. Иоанн Кронштадтский, который продолжал держать благословляющие руки свои на главе умирающего императора до самого конца. Александр причастился, и вскоре настали последние минуты его жизни. Он тихо

[299] *Волынский А.Л.* Полемическая перестрелка // Северный вестник. 1894. № 10. С. 69—70.
[300] Там же. С. 79.
[301] См.: *Тихомиров Л.А.* Что такое либерализм? С. 363.
[302] *Волынский А.Л.* Полемическая перестрелка. С. 75. С. 71.
[303] Там же. С. 75. С. 71. Под псевдонимом «Old Gentleman» писал А.В. Амфитеатров.
[304] Там же. С. 71.
[305] Воспоминания Льва Тихомирова. С. 423.

покинул этот мир в окружении родных. Больше часа стоял у его изголовья о. Иоанн, поддерживая. «Это была смерть святого!», напишет впоследствии в дневнике Николай II[306].

Эта смерть наводила Тихомирова на тяжелые мысли, она словно завершала эпоху патриархального русского консерватизма. Во многом символично, что монарх уходил вслед за адептами того порядка вещей, который сложился именно за 13 лет его царствования. Кончина Александра и оживление либерального движения отчетливо продемонстрировали Тихомирову, как хрупки в России надежды на преемственность власти не в плане престолонаследия (с этим-то как раз все обстояло благополучно), а в плане следования правилам той самодержавной политики, которая была выработана покойным императором. Не без основания опасаясь давления либеральной фронды на молодого царя, он на страницах дневника не скрывал обуревавших его мыслей, подчеркивая, что «за 13 лет все *успокоилось*, т.е. затихло, все прониклось доверием к прочности существующего порядка. Враги его привыкли к мысли, что бесполезны попытки ниспровержения его. В таком спокойствии за последние 5—6 лет начинало уже кое-что и расти, но это самые ничтожные ростки. Уничтожить их — легко... Ничего хорошего не чувствуется мне. Россия очень мало воспользовалась временем...»[307].

В сложившейся ситуации он видел свою задачу как публициста и общественного деятеля дуалистичной. С одной стороны — усиление критики действующего либерального лагеря, на чем настаивал и Победоносцев, с другой — доведение до Николая II через все доступные Тихомирову возможности своих предложений по «правильному» проведению самодержавной политики. Да и сам Тихомиров, с горечью наблюдая физическое выбывание из консервативных рядов идейно близких ему людей, не оставлял тем не менее честолюбивых мыслей о том, чтобы стать тем интеллектуально-нравственным центром, вокруг которого бы теснее сплотились ряды защитников истинного самодержавия.

И вот здесь-то интересы Тихомирова и Победоносцева расходились. Обер-прокурор Святейшего синода, в отличие от Тихомирова, не являлся сторонником какой-либо, пусть частичной, трансформации сложившегося политического строя. Для него и православие, и сословность являлись лишь средством сохранения, а главное, пожалуй, — консервации монархической системы, уже существующей в России. Это четко осознавал и Тихомиров, не раз отмечавший, что его влиятельный опекун являл собой, прежде всего тип «архичиновника»[308]. Еще более точную характеристику Победоносцева как человека и политического деятеля дал в свое время Леонтьев: «Человек он очень полезный; но как? Он как мороз; препятствует дальнейшему гниению; но *расти* при нем ничто не будет. Он не только не творец; он даже не реакционер, не восстановитель, не реставратор, он только консерватор в самом тесном смысле слова; мороз... сторож; безвоздушная гробница; старая "невинная" девушка и больше ничего!!»[309]. Здесь уместно отметить следующее. В современной социально-политической литературе проблема определения и трактовки терминов «консерватизм» и «консервативная идеология» занимает многих исследователей и вызывает оживленные споры[310]. Не вдаваясь в подробности дискуссий, хотелось бы отметить одно обстоятельство: разность подходов в определении и классификации данного понятия не исключает общей составляющей, а именно выделения типов консерватизма, которые могут быть направлены либо только на охранение уже существующей политической традиции, либо на ее трансформацию в ту или иную сторону. В этом отношении достаточно универсальной, хотя и не бесспорной, представляется классификация, предложенная немецким ученым К. фон Шренк-Нотцингом, подразделившим консервативных мыслителей на 3 категории:

1) «контрреволюционеры», исходящие из необходимости восстановления заданного порядка как с точки зрения естественного права, так и в философском отношении;

2) «либеральные консерваторы», которые, принимая status quo, выделяют проблемы, встающие перед личностью, и противостоят им;

---

[306] Дневник императора Николая II. 1890—1906 гг. М., 1991. С. 87.

[307] Воспоминания Льва Тихомирова. С. 424.

[308] ГА РФ. Ф. 634. Оп. 1. Д. 6. Л. 184.

[309] Памяти К.Н. Леонтьева: Литературный сборник. СПб., 1911. С. 124.

[310] См.: *Гарбузов В.Н.* Консерватизм: понятие и типология (историографический обзор) // Полис. № 4. 1995. С. 60—68. *Репников А.В.* Русский консерватизм: вчера, сегодня, завтра // Консерватизм в России и мире: прошлое и настоящее: Сборник научных трудов. Вып. 1. Воронеж, 2001. С. 9—21; *Минаков А.Ю., Репников А.В.* Консерватизм в России // Русский консерватизм середины XVIII — начала XX века: энциклопедия. С. 6—18, и др.

3) «номиналисты», стремящиеся не к восстановлению какого-то прежнего порядка, а к формированию нового»[311].

Принимая всю условность данной классификации, попытаемся применить ее на практике к оценке системы взглядов Победоносцева и его креатуры — Тихомирова. В подобном сопоставлении отчетливо видно, что, если политическое мировоззрение Победоносцева, явно соотносимо с 1 типом, а в нашей историографии его чаще называют «охранительным», то мировоззренческие ориентиры Тихомирова к середине 90-х гг., претерпев определенную эволюцию, все более начинают подпадать под 3 тип. Естественно, при таком разном подходе к вопросам выработки и организации самодержавной политики пути Победоносцева и Тихомирова неминуемо должны были разойтись, что в дальнейшем и произошло.

Да и в целом ситуация конца октября 1894 г. оказалась рубежной для Тихомирова, открывавшей новую полосу его литературной и общественной жизни.

[311] Цит. по: *Френкин А.А.* Западногерманские консерваторы: кто они? М., 1990. С. 49.

Глава VIII

В НАЧАЛЕ НОВОГО ЦАРСТВОВАНИЯ (1894—1901)

> Это время, России данное, было ужасно коротко, чересчур коротко. Мы имели буквально 5—6 лет. Возможно ли что-либо вырастить за такое время, после 30-летнего периода почти революционного шатания? ... Теперь *все* зависит от наследника. Положит ему Бог взять верный тон, — может все хорошо сложиться. Но малейший ложный шаг, с самого начала, может воскресить 70—80-е годы.
>
> *Из дневника Л.А. Тихомирова, запись от 11 октября 1894 года*[1].

Болезнь и смерть Александра III заставила консервативные силы в стране перегруппироваться, попытаться объединить свои усилия в отстаивании внутренней политики, проводимой покойным царем[2]. Немало способствовал пропаганде идей правления Александра III и Тихомиров. В редакции «Московских ведомостей» он занимался составлением сборника «Памяти Александра III», включавшего наиболее яркие отклики на оценку образа правления покойного императора. Работа проводилась при полной поддержке и одобрении Победоносцева.

В это время Тихомиров полностью концентрирует свою литературную деятельность на вопросах обоснования незыблемости самодержавной власти России и выработке в доказательство этого целостной государственно-правовой теории. В конце 1894 г. в «Московских ведомостях» и «Русском обозрении» появились наиболее сильные его статьи по данной проблеме: «Великий пример» и «Носитель идеала». В них он с благоговением отзывался о покойном монархе: «Мир, уже было позабывший величайшие страницы своей истории, с изумлением увидел, что может сделать Самодержец, как исчезают пред лицом его все призраки, сглаживаются все препятствия, умиротворяется всякая смута и раздор. Мир увидал, как легко и свободно живется народу за крепкой рукой Царя, верующего в свое божественное избрание. В немного лет это почувствовалось даже далеко за пределами его непосредственной власти. И что же? Бессознательно для чужих народов в душе их заговорило старое сознание единства народа и монарха, вспомнилось то монархическое чувство, с которым Европа создала "святые чудеса" своей былой истории! Европа, казалось, отрекшаяся от монархического принципа, должна была только увидеть *настоящего* Самодержца, даже чужого, чтобы почувствовать доверие не к своим "ответственным" министрам, не к своим "представителям", не к своей "народной воле", а к воле его, никем, кроме Бога, не избранного, ни пред кем, кроме Бога, не ответственного»[3]. Особый резонанс в среде консерваторов вызвала статья «Носитель идеала». В ней, подводя итоги предыдущего царствования, Тихомиров доказывал, что «в царствование Александра III России и всему современному миру дано было пережить исторический момент, всю важ-

---

[1] Воспоминания Льва Тихомирова. С. 424—425.

[2] См.: *Репников А.В.* Александр III (1845—1894) // Библиотека Единой России. Книга вторая: Люди. М., 2003. С. 76—110.

[3] *Тихомиров Л.А.* Критика демократии. С. 525.

ность которого многие еще не сознают. Император Александр III не был только выразителем идеи. Он был истинный подвижник, *носитель идеала*»[4]. Обосновывая идею божественности неограниченной царской власти, Тихомиров приходит к выводу: «Будучи властью *правды*, монархия невозможна без религии. Вне религии единоличная власть дает только диктатуру или абсолютизм, но не монархию. Только как орудие воли Божией самодержец имеет свою единоличную и неограниченную власть. Не для народа только нужна религия в монархии. Народ должен веровать в Бога, чтобы желать подчинить себя правде, — но гораздо еще больше нужна эта вера для самодержца...»[5].

В вышеприведенных статьях Тихомиров дал четкое разграничение самодержавной монархии, базирующейся на мощной религиозной идее, и абсолютизма, в который, по его мнению, могла выродиться самодержавная монархия, утратившая свой православный идеал и создавшая бюрократическую элиту, являвшую собою средостение между монархом и народом. Это утверждение стало впоследствии одним из центральных звеньев теории монархической государственности, разрабатываемой им.

Очень хвалили публикации Тихомирова, особенно статью «Носитель идеала», такие корреспонденты Победоносцева, как Рачинский и архиепископ Амвросий (Ключаров)[6]. Эта публикация вызвала положительную реакцию в кругах близких к правительственным. Киреев писал 9 ноября о том, что «ее прочел государь и очень умилился, у него навернулись слезы»[7]. Многие представители традиционалистски мыслящей творческой интеллигенции (например, художник Васнецов) тоже выразили свое восхищение статьей. Не менее прочувствованными были и остальные отзывы. «Пришел я к гр. Аркадию Аркадьевичу Кутузову — все семейство встречает меня вопросом: читали вы статью Тихомирова в Моск[овских] Ведомостях "Носитель идеала"»? — писал А.Н. Майков 3 ноября 1894 г. Тихомирову, и далее предлагал — «надобно чтобы ее прочли *все* — номер газеты пропадет, надобно ее напечатать особой брошюрой... надобно, чтобы идея эта вошла в общее сознание»[8]. По мнению Майкова, это была «чудесная статья... никто не выражал так точно, ясно и истинно идею русского царя»[9]. Киреев передавал в письме к Тихомирову слова жандармского генерала Н.И. Шебеко, временно управлявшего Министерством внутренних дел в тот период: «Правительство очень довольно», что «бывший нигилист и враг правительства» сделался его сторонником[10].

Подводя итоги царствования Александра III, Тихомиров представил этого императора как воплощение качеств, необходимых, по его мнению, для идеального государя. Он писал: «Император Александр III не был только выразителем идеи. Он был истинный подвижник, *носитель идеала* ... В последние годы своей недолгой жизни он уже победил все и всех. Весь мир признал его величайшим монархом своего времени. Все народы с доверием смотрели на гегемонию, которая столь очевидно принадлежала ему по праву, что не возбуждала ни в ком даже зависти»[11].

Статьи действительно сделали имя Тихомирову. Он начинает осознавать свою идеологическую востребованность. И со второй половины 90-х гг. намечается, хотя очень медленный и постепенный, его выход из-под идеологической опеки Победоносцева. Тихомиров намного больше журналистского времени начинает тратить не на борьбу с революционной крамолой или либеральной фрондой, а на разработку целостной политико-правовой теории, призванной обосновать незыблемость самодержавной власти. Тем более что фигура Николая II, как преемника Александра III, вызывала определенные сомнения у «правых». Курсировали слухи о его либеральных увлечениях. У лиц, приближенных к Зимнему дворцу, наблюдалось ощущение легкой тревоги. По их мнению, со стороны трона «глянуло»

---

[4] *Тихомиров Л.А.* Критика демократии. С. 526.
[5] Там же. С. 531.
[6] НИОР РГБ. Ф. 230. Картон 4415. Ед. хр. 2. Л. 114. Там же. Ф. 224. Картон 1. Ед. хр. 2. Л. 11.
[7] ГА РФ. Ф. 634. Оп. 1. Д. 101. Л. 42.
[8] РГАЛИ. Ф. 311. Оп. 2. Д. 21. Л. 1. Л. 2.
[9] Там же. Л. 1.
[10] Цит. по: *Костылев В.Н.* Выбор Льва Тихомирова. С. 43.
[11] *Тихомиров Л.А.* Критика демократии. С. 526—527.

нечто неопределенное, некрепкое, не внушающее уважения и веры в крепость власти[12].

Смерть Александра III застала врасплох не только наследника престола и царедворцев, но, пожалуй, и все монархические силы. Ко всему прочему, начало нового царствования, вылившееся в кровавую Ходынскую драму (на коронации в Москве в 1896 г. погибли и покалечились почти полторы тысячи человек, а торжества так и не были прекращены), многими воспринималось как тревожное предзнаменование.

Неудачное начало как-то сразу высветило все слабости и недочеты в организации власти в Империи, ранее заслоняемые мощной фигурой Александра III. Главнейшей заслугой скончавшегося императора в глазах большинства консерваторов были те 13 лет спокойствия и мира, которых он добился не уступками оппозиции, а справедливой и непоколебимой твердостью.

Императорская семья на яхте «Штандарт» в 1908 г.

Но вот после его смерти сразу проявились все слабости и пороки системы самодержавной власти в существующем виде. Характерно по этому поводу письмо А. Киреева Тихомирову, датированное 1897 годом, где как раз и отмечается несоответствие декламируемого и реального положения дел в государстве: «Когда находишься вне России, — писал Киреев, — она кажется величественным, могущественным зданием строго определенных очертаний... Издали видишь православие, самодержавие и народность, войдешь внутрь — вместо православия видишь консисторию Константина Петровича, вместо самодержавия видишь чиновника и городового, вместо народности — пьяного мужика»[13].

В 1899 году Тихомиров будет с грустью констатировать в дневнике, что после смерти Александра III нет не только успеха, или развития, но и даже просто людей. По сути, со смертью императора православно-русское монархическое движение кончилось и восторжествовала «тля, гниль». Стали меняться к худшему и сами люди, исчезает вера, торжествует уныние. Тихомиров с ужасом осознал, что в самодержавной России подлинные консерваторы (такие, как Победоносцев, епископ Никанор, епископ Феофан, К.Н. Леонтьев, Говоруха-Отрок, Астафьев) были меньшинством! Эти размышления привели его к выводу, что если «мы все поголовно умираем» (имелась в виду не только естественная физическая смерть конкретных идеологов, но и «смерть» целого консервативного направления, органов печати и т.д.), то, значит, в этом, должно быть, есть некий *высший* смысл!».

В той политической ситуации, которая сложилась в России в конце 1890-х годов, для себя как публициста и общественного деятеля Тихомиров видел задачу в следующем: во-первых, оградить Николая II, пользуясь своими знаниями, опытом и опираясь на прямую поддержку и помощь Победоносцева, от «либеральных мечтаний», развенчав либералов как прямых врагов трона; во-вторых, попытаться через прессу достучаться до царя и подтолкнуть его к реформам, направленным на корректировку проводимой им самодержавной политики. Во втором случае надеяться на помощь обер-прокурора Лев Александрович не мог, зная его негативное отношение к любым попыткам вмешиваться и влиять на официальный правительственный курс, тем более, если затрагивается такая тонкая материя, как исправление самих «начал самодержавной власти».

Однако, пока на повестке дня стояла реализация первой части программы, Тихомиров и Победоносцев выступали единым фронтом. Наступление на либералов инспирировал сам Победоносцев своим нашумевшим «Московским сборником», вышедшим накануне коронации Николая II и обосновывавшим незыблемость самодержавия. В сборнике активно использовались аргументы, приводимые

[12] *Елпатьевский С.Я.* Воспоминания за 50 лет. Л., 1929. С. 264.
[13] ГА РФ. Ф. 634. Оп. 1. Д. 101. Л. 79.

западноевропейскими противниками парламентаризма (Т. Карлейлем, Ф. Ле-Пле, М. Нордау). Идеал Верховной власти изображался Победоносцевым, несомненно, самодержавным, хотя автор его нигде так не называет, но даже в изображении столь явного адепта монархизма реальное положение дел в стране изображалось им далеким от идеала.

Рисуя нерадостные картины российского бытия и резко отзываясь о западноевропейском парламентаризме и проводниках подобных идей в России — либеральной прозападнически настроенной интеллигенции, «Московский сборник», по оценкам ряда исследователей, не давал никаких рекомендаций относительно примирения идеала и действительности и был с тревогой встречен в консервативных кругах[14]. Такая точка зрения Победоносцева в вопросах подхода к оценке реально проводимой самодержавной политики как нельзя лучше подчеркивает отличие его позиции от позиции Тихомирова. Последний, являлся, несомненно, большим оптимистом. Он хотел не только «законсервировать» современный ему порядок вещей, но сделать его качественно иным, более применимым, как он полагал, к реалиям времени, следовательно — более жизненным и долговечным.

Пока же, в современных условиях, Тихомиров вслед за Победоносцевым, опасаясь активизации либерального лагеря перед коронацией Николая II, публикует в 1895 г. в «Московских ведомостях» цикл статей «Конституционалисты в эпоху 1881 года»[15]. В этих очерках он попытался показать всю гибельность и опасность либеральных идей и требований конституционных преобразований. Он подчеркивал: «Не подлежит, однако, никакому сомнению, что в личном составе, как и в идейном отношении, между чисто революционным и конституционным движениями нельзя провести резкой границы»[16].

Вскрывая близость либералов и революционеров в период царствования Александра II, Тихомиров предупреждал нового монарха о пагубности даже попыток уступок либералам, приводя в пример неудачную, как он считал, реформаторскую деятельность Лорис-Меликова, начатую под давлением либерально мыслящей интеллигенции. По мнению Тихомирова, именно она привела к катастрофе 1 марта. В заключение он выражал убеждение в том, что «количество развитых умов все же возрастает у нас к концу века, который в странах западной культуры разоблачил всю ничтожность парламента»[17].

Очерки произвели впечатление на Победоносцева. В корреспонденции на имя Тихомирова он с одобрением отмечал, что «фельетоны о попытках конституционализма очень интересны и поучительны и примечены, где следует, но не все имеющие уши услышат»[18]. По инициативе Победоносцева всего через 17 дней очерки издали отдельной брошюрой, которую он показал и рекомендовал для прочтения Николаю II.

7 февраля 1895 г. Победоносцев писал Николаю II в сопроводительном письме, приложенном к очеркам: «Вот и еще продолжение любопытных статей Тихомирова. Они представляют верную картину того, что мы пережили в 1881 году. Пережили, но — увы! — не погребли окончательно! Едва кончилось царствование усопшего государя, как те же люди и прежние их сподвижники проснулись и готовились возобновить ту же агитацию... Вот почему теперь, более чем когда-либо, необходима *твердость* воли верховной во всех исходящих от нее распоряжениях»[19]. Здесь обер-прокурор имел в виду подачу адресов от ряда земств, в частности тверским земским собранием, известным своими либеральными традициями. Министерство внутренних дел усмотрело в этом адресе тенденции к ограничению самодержавной власти[20].

С этой же целью в августе 1895 г. в «Московских ведомостях» редакция предложила ему ознакомить читателей с текстом работы «Почему я перестал быть революционером» (в 1896 г. она выйдет

---

[14] *Ведерников В.В.* Кризис консервативной идеологии и его отражение в печати (1895—1902). С. 105.

[15] *Тихомиров Л.А.* Критика демократии. С. 215—253.

[16] Там же. 219.

[17] Там же. С. 253.

[18] ГА РФ. Ф. 634. Оп. 1. Д. 114. Л. 48.

[19] Письма Победоносцева к Александру III. С приложением писем к в. кн. Сергею Александровичу и Николаю II. С. 305

[20] *Лаверычев В.Я.* Царизм и рабочий вопрос в России 1861—1917 гг. С. 305.

отдельной брошюрой). Переиздание 1896 года сопровождается замечанием от редакции, что сейчас объяснение Тихомирова, опубликованное за границей в 1888 г., «едва ли не более своевременно». Естественно, в текст (это отмечал и сам Тихомиров) им были внесены определенные изменения. Как пишет в своей статье В.Н. Гинев: «Современные почитатели монархиста Тихомирова переиздали в 1997 г. его брошюру[21], но только по тексту 1896 г. Было бы интересно переиздать текст 1888 г. с подведением всех разночтений с текстом 1896 г.»[22]. Далее историк отмечает некоторые разночтения и делает вывод, что текст претерпел изменения по двум основным параметрам. Во 1-х, были вычеркнуты или изменены места, где Тихомиров еще позитивно характеризовал революционеров, или признавал масштабность оппозиционности общества. Например: «Критикуя "Народную волю", Тихомиров в 1888 г. писал: "Но просто по справедливости отмечаю, что программа Н.В. была для своего времени большим шагом вперед". В соответствующем месте издания 1896 г. этого крамольного пассажа, конечно, нет...»[23]. Во 2-х, были подкорректированы места, где употребление слов «царь», «самодержец», «император» оказывалось в контексте, «очевидно, признанном цензурой недопустимым»[24]. Всего по подсчетам Гинева в брошюре помимо достаточно большой редакционно-стилистической правки имеется около сотни смысловых изменений текста[25]. Гинев полагает, что, хотя «суть причин отказа от революции сохранена в издании 1896 г., но облик автора на их страницах все же несколько иной — более враждебный к своему прошлому и более приспособленный к своему настоящему»[26]. Г.С. Кан отмечает, что воспоминания Тихомирова 1894—1898 гг. «чрезвычайно идеологизированы и далеко не беспристрастны. На события прошлого Л.А. Тихомиров смотрит сквозь призму своего нового церковно-монархического мировоззрения и со всей резкостью неофита высокомерно-менторским тоном судит все революционное движение 1870—1880-х гг., отказывая ему во всяком реализме, какой-либо правоте и идейной самостоятельности. В оценке тех или иных людей из революционного лагеря Л.А. Тихомиров склонен преувеличивать и выпячивать их отрицательные стороны, хотя при этом он избегает свойственных правоконсервативной публицистике однозначно-негативных суждений»[27]. Так что в проявленной вскоре Николаем II решимости охранять начала самодержавия, следуя заветам своего отца — Александра III, наперекор всяким «бессмысленным мечтаниям», есть и определенная «заслуга» Тихомирова[28], сосредоточившего с 1894 г. основное внимание на пропаганде идеи незыблемости самодержавной власти в России.

В марте 1895 г. в «Русском обозрении» появляется его статья «Из современных задач». При ее написании Тихомиров воспользовался высказанными в письме пожеланиями Победоносцева: «Полезны были бы теперь простые и ясные указания на предмет парламентского правления в Европе. На это сплетение сил и обмана всякого рода, которыми проникнуты выборы»[29]. В статье Тихомиров ставил монархическую организацию власти в пример, направляя критические стрелы в адрес западных демократий, и заявляя, что в стране, где «государственный строй поставлен на фантастическую основу *народной воли,* — там нечего делать, невозможно задаваться никакими широкими задачами, нельзя искать *действительных* потребностей, а приходится исполнять то, о чем *кричат,* хотя бы все сознавали, что это бессмысленно»[30]. Монархический же строй, по его мнению, ищет решений не сиюминутных, а наилучших: «Задача монархической власти не в том, чтобы исполнять *высказываемое* народом, а в том, чтобы угадать ему *потребное...* в стране монархической, где государь

---

[21] Имеется в виду переиздание, осуществленное М.Б. Смолиным и вошедшее в сборник работ Тихомирова «Критика демократии».

[22] *Гинев В.Н.* Революция или эволюция? Спор бывшего народовольца Льва Тихомирова с ветераном народовольческого движения Петром Лавровым // Отечественная история и историческая мысль в России XIX—XX веков: Сборник статей к 75-летию Алексея Николаевича Цамутали. СПб., 2006. С. 239.

[23] Там же.

[24] Там же. С. 239—240.

[25] Там же. С. 239.

[26] Там же. С. 240.

[27] *Кан Г.С.* «Народная воля»: идеология и лидеры. С. 107.

[28] Это отмечал в своей диссертации и Костылев.

[29] ГА РФ. Ф. 634. Оп. 1. Д. 113. Л. 48 об.

[30] *Тихомиров Л.А.* Критика демократии. С. 537.

имеет *право* делать по-своему и *обязанность* делать так, чтобы было хорошо, — в такой стране мы имеем полную возможность и обязанность брать не первые попавшиеся решения, а искать наилучших. Поэтому и в отношении выяснения народных *желаний* мы должны искать того, что *действительно,* а не того, что только сболтнуто языком»[31]. Развивая эту мысль, Тихомиров находил жизненность самодержавного строя в том, что, в отличие от системы народного представительства, он основан на непосредственной связи между монархом и народом и доступен голосу народному. Противопоставляя самодержавный строй парламентаризму, публицист указывал, что монарх должен прислушиваться к мнению народа, прежде всего — к мнению лучших его представителей, отбор которых ведется от различных социальных групп, имеющих при общении с Верховной властью в лице монарха лишь совещательный голос.

Обращаясь к примеру Земского собора, он писал: «Попробуй созвать собор — его переполнят политиканы и даже чистые конституционалисты, карьеристы политики. Вместо совещания о деле немедленно явятся попытки таких изменений государственного строя, при которых возможно было бы разному речистому люду кормиться политикой. Какой же смысл затевать такую меру, которая, кроме беспорядка, кроме потрясений, ровно ничего не обещает? Искусство правления руководствуется не одними теоретическими схемами, а главнее всего — практическим соображением, понимая, каково *в действительности* содержание той силы, которая *теоретически* предполагает или должна заключать содержание разумное и полезное. Если то, что в теории, на бумаге, числится "землей", в действительности есть не "земля", а оторванные от земли искатели политической карьеры, то понятно, что практический государственный смысл не должен допускать обмана правительства и народа пустыми словами и названиями»[32].

Исходя из выдвинутого положения, он поднимает ряд тем, касающихся социально-сословной проблематики, и ставит важный и остро обсуждаемый в славянофильской среде вопрос об общении между народом и властью. Соглашаясь с тем, что «*земско-соборное начало* нимало не противоречит принципу самодержавия, а между тем именно дает ему способы общения с народом»[33], Тихомиров тем не менее предостерегает, что эта теоретически верная конструкция может на практике явиться источником ошибок. Анализируя идею «соборного начала», он приходит к мысли о том, что «нужна *внутренняя* организация страны. Нужно, чтобы этот цвет производительных сил страны был возможно более жив, чтобы люди, к нему принадлежащие, имели *между собою* возможно больше общения в виде союзов, обществ, съездов, конкурсов и т.д. Это единственное средство обнаруживать их, делать известными, а потому доступными для выбора или вызова на совещания по поводу предполагаемых или только еще искомых мер. Без сомнения, такое проявление творческого слоя населения потруднее и посложнее, нежели ничего не дающая механическая организация выборов и голосований, — но в целях наилучшего обсуждения мер только таким способом можно достигнуть полезного общения власти со страной[34].

То есть, по мнению Тихомирова, необходимо переориентировать сословную политику государства в духе организации новых социальных групп, которые уже формально образовались, и властям требуется только легитимизировать их, санкционировав их право на создание каких-либо общественных объединений. В этом вопросе Тихомиров не без оснований надеялся на помощь влиятельных людей из кругов, близких к славянофильским. В его понимании это могло пойти на пользу укреплению самодержавия: «Монархический строй, выражение высшей степени политического здоровья, непременно требует своего дополнения в таком же здоровом общественном социальном строе, расслоенном на множество взаимно охватывающих групп, живых, сильных, производящих своей жизненной работой необходимую сортировку личностей в разных степенях управления и подчинения. Когда это есть, "лучшие" люди видны, их нечего и искать, их нечего и выбирать. Они давно в каждой группе выбраны, проверены, давно привыкли практиковать свое право и исполнять

[31] *Тихомиров Л.А.* Критика демократии. С. 537.
[32] Там же. С. 536.
[33] Там же. С. 533.
[34] Там же. С. 535–536.

свои обязанности. Они же и не политиканы, их не соблазнит легкая карьера парламентского болтуна. Таких людей есть о чем спросить и притом с уверенностью получить от них только *дело,* а не интриги. Когда страна так сложена, то возможны и земские соборы, а когда она дезорганизована внутренне, тогда все попытки выделить "лучших" людей в одно собрание есть вредная и опасная мечта, которая действительно может создать только политиканский парламент, а никак не собрание нравственных представителей нации»[35].

Отсюда он делал вывод: «Сверху мы имеем, при слабости второстепенных пружин, все-таки превосходную *главную,* очень прочную самодержавную власть, традиционную, сложившуюся, связанную с народом очень глубоко. Подчас только ею мы и живем. Слабый пункт не здесь, а в обществе и в народе; их нужно поддержать и скрепить. Народная масса, где еще легко поддержать крепкую семью, общину, приход, могла бы у нас не возбуждать особых опасений, если бы существовали порядочные верхние сословия, сколько-нибудь понимающие свой социальный долг. Ибо известное руководство для народных масс необходимо, а его негде взять, кроме верхних слоев. К несчастью, тут-то у нас и гнило, тут наибольшие разрушения. Тут предстоит наиболее работы. Развитие сословной и корпоративной жизни — настоятельная задача времени, как это чутко понимал почивший оживитель нашего социального строя. Но эта работа потребует десятилетий, она не будет прочна, пока не воссоздадутся *привычки* сословной и корпоративной жизни. Тут со стороны власти требуется продолжительная выдержка системы, имеющей тщательно беречь все еще уцелевшее и помогать ему расти и развиваться. На эту работу должны устремить свое особенное внимание те, кто столь хлопочет об *общении* власти с народом. Устройте сначала, чтобы *было с кем быть в общении,* а общение явится. На этот счет в *монархии* нечего беспокоиться. Уж если она даже теперь находит себе пути, то нечего беспокоиться о тех временах, когда власть увидит наконец перед собою население с прочным и здоровым внутренним строем. Тогда, можно сказать, и *вопроса* никакого не будет существовать, и *задачи* уже не будет. Общение явится во всевозможных формах. По мере такого внутреннего роста будут являться также и средства улучшать второстепенные пружины центрального правления. Теперь же толки о соборном общении были бы одним праздным разговором, если бы не были прежде всего опасным свидетельством непонимания одних и интриги других»[36]. В данном направлении Тихомиров и предлагал вести работу государственного строительства и всю социальную политику, прежде всего в отношении растущего класса рабочих. Тем более что само время выдвинуло на повестку дня рабочий вопрос[37]. По мнению Тихомирова, его решение стало бы удобным полигоном для дальнейшего развития идеи о сословно-корпоративном устройстве российской государственности под эгидой сильного самодержавного монарха.

Энергичная деятельность Тихомирова по защите основ самодержавной власти находила все больше признания в столице Империи. Так, в феврале 1896 г. он получает известие от влиятельного чиновника графа А.А. Голенищева-Кутузова о своем избрании в действительные члены «Общества ревнителей русского исторического просвещения в память императора Александра III». А потом уже и сам Тихомиров предложил своему другу И.И. Фуделю баллотироваться в число членов Общества[38].

Достаточно успешно шло и распространение книг. В апреле 1895 г., кроме выхода «Конституционалистов в 1881 году», единой книжкой вышла «Борьба века». К концу февраля 1896 г. через редакцию «Московских ведомостей» удалось реализовать два издания «Конституционалистов в 1881 году» (общим тиражом 2231 экземпляр) и одно издание «Борьбы века» (всего 747 экземпляров на общую сумму в 1341 рубль)[39].

Однако не во всем дела шли так благополучно. Тревогу у Льва Александровича вызывали события, происходящие вокруг «Московских ведомостей». В начале весны 1896 г. в редакции газеты начались

---

[35] *Тихомиров Л.А.* Критика демократии. С. 539.

[36] Там же. С. 540.

[37] См.: *Сухоруких А.В.* Рабочий вопрос в России: монархическая альтернатива Л.А. Тихомирова // Страницы истории и историографии отечества. Воронеж, 1999. Вып. 2. С. 82—92.

[38] ГА РФ. Ф. 634. Оп. 1. Д. 123. Л. 1.

[39] Там же. Д. 6. Л. 18.

смутные времена, связанные с возможной сменой редактора-издателя. С.А. Петровский собирался отказаться от аренды издания, и шли обсуждения и поиски его преемника. Не последнюю роль в данном вопросе сыграл и Тихомиров. Свидетельство тому — его переписка с Победоносцевым и Новиковой. Есть все основания утверждать, что во многом благодаря активным происка Тихомирова его давний оппонент Цертелев так и не стал владельцем газеты. А пока, пользуясь ситуацией относительного безвластия в редакции, Тихомиров в обоснование монархического образа правления начал подготовку серии статей. Продолжая развивать в них мысли, высказанные в публикациях «Русского обозрения», и противопоставляя идее народного представительства идею самодержавной монархии, он использует для обоснования данного тезиса государственно-правовые работы И.-К. Блюнчли[40] и Чичерина[41]. В своих книгах вышеуказанные авторы высказывались за идею сильной центральной власти, которой в России, благодаря историческим особенностям, являлась монархия. Эти статьи можно называть прологом к книге «Единоличная власть как принцип государственного строения», в которой Тихомиров в общих чертах изложил свою теорию монархической государственности. Статьи привлекли внимание большинства монархистов, хотя и были восприняты ими отнюдь не однозначно. Так, достаточно прохладно отнесся к их публикации Победоносцев, которому Тихомиров по этому поводу написал резкое письмо[42]. В своей работе Тихомиров впервые попытался сформулировать проект «правильного» строения всей «управительной системы России». Более того, именно в этой работе впервые среди отечественных консервативных мыслителей отчетливо прозвучал тезис об идеократии, в дальнейшем ставший одним из центральных в его монархической доктрине. Исходя из положения, что идея государства вытекает из самой глубины человеческого сознания, а в основе государства лежит принцип власти, он, характеризуя различные формы Верховной власти, приходит к выводу, что сами исторические условия способствовали формированию на русских землях типа единоличной, самодержавной Верховной власти, основанной на главенстве в ней мощного нравственного начала[43]. Он подчеркивал, что «в Византии верховная власть была христианской переделкой Римского императора. В России — эта верховная власть *выращена* прямо из жизни христианского народа. Москва имела право считать себя *третьим* Римом, а не простым пересозданием Византии. В своей государственной идее наши предки не просто повторили чужое слово, а сказали *свое*, тем более высокое, что при этом самосознание верховной власти столь же поразительно совпадает с политическим самосознанием народа, как и с христианским понятием сущности и задач власти — в общих целях земной жизни человеческой»[44]. В этих статьях публицист сконцентрировал внимание читателей и на наличии византийского элемента в российской государственности, столь пристально изучаемого когда-то Леонтьевым. Новационные теоретические наработки Тихомирова оказались явной неожиданностью для ортодоксов из правительственных сфер. Многие считали, что он вновь хочет оказаться «святее папы римского» (в данном случае — самого носителя Верховной власти — русского царя).

Часть правых завидовала широкой, неожиданно смелой и нетрадиционной для консерваторов постановке вопроса, фундаментальности, с которой бывший революционер подошел к анализу монархического начала. Особенно обижала Тихомирова агрессивная реакция на его труды со стороны столичной прессы. Откровенное раздражение подобной оценкой сквозит у него в письме к Розанову от 13 августа 1896 г. В ответ на сетования Розанова по поводу петербургской жизни Тихомиров советует ему оставить журналистику, уверяя, что тому следовало бы писать в Москве. «Петербургская пресса не по Вас: она чересчур бульварно нигилистична»[45]. И далее уточняет, что сам тоже не хотел бы там (т.е. в среде петербургской журналистики) находиться, хотя он и спокойнее Розанова. Тихомиров советует Василию Васильевичу «возвернуться в педагоги — да еще где-нибудь в Москве,

---

[40] *Блюнчли Иоганн Каспар* (1808—1881), швейцарский юрист, представитель органической школы права.

[41] См.: *Тихомиров Л.А.* Монархическое начало верховной власти // Имперский вестник. 2010. № 2. С. 2—26.

[42] ГА РФ. Ф. 134. Оп. 2. Д. 6. Л. 38.

[43] *Тихомиров Л.А.* Монархическое начало верховной власти. С. 23—24.

[44] Там же. С. 25.

[45] *Сергеев С.М.* Тихомиров Лев Александрович // Розановская энциклопедия. Ст. 997.

В.А. Грингмут

или хотя бы Подмосковных губерниях, где Вы, вероятно, отдохнули бы душой среди более родного Вам русского населения»[46].

В связи с работой вновь обострились и без того непростые отношения между Тихомировым и Цертелевым, редактировавшим в «Московских ведомостях» работу Тихомирова о монархических началах верховной власти. В своем дневнике, не скрывая эмоций, Лев Александрович отмечал 6 июня 1896 года: «Сегодня неприятный разговор с князем Цертелевым. Он не пропускает моего "Монархического начала", требуя выкинуть Ивана Грозного»[47]. Пытался охладить пыл Тихомирова в вопросе разработки монархической тематики и Победоносцев. В письме от 23 апреля 1896 года к Тихомирову, повествуя о визите к нему Грингмута, обер-прокурор подчеркивал, что «выражал ему мысль, что теперь... едва ли удобное время ставить на очередь тему о монархии, и не потому особливо, что подходит коронация, но потому что теперь на эту тему целый кружок ревностных не по разуму консерваторов предается самым диким и невежественным фантазиям, коим образцом может служить статья "Самодержавие и законность" в последнем номере "Гражданина", и это тем опаснее, что свою стройную и дикую теорию эти господа стремятся провести в жизнь и практику»[48]. Тихомиров отмечал 1 декабря 1896 г. в дневнике, что Победоносцев «не особенно доволен моей публицистикой за то, что касаюсь идеалов Монархии. Он этого всегда боится»[49]. И действительно, в то же самое время, когда Тихомиров делал эту запись, в конце 1896 года Победоносцев писал Рачинскому: «Вот, смотрите, какие глупости они пишут без малейшего такта и расчета». «Апострофы о самодержавии», как считал Победоносцев, представляли «верх бестактности» и стали «лакомой темой» «для всевозможного глумления» и «для всяких газеток»[50].

Вообще 1896 год оказался насыщен событиями приятными и не очень как для Тихомирова, так и для всей страны. О злополучной коронации Николая II уже упоминалось выше. Ко всему прочему летом 1896 г. неожиданно умирает один из самых близких по взглядам к Тихомирову человек — Ю.Н. Говоруха-Отрок.

В журнале «Русское обозрение» Тихомиров помещает большую статью, посвященную его памяти. В этом своеобразном некрологе он, рассказывая о судьбе Говорухи-Отрока, очень сходной с его собственной, вынес безжалостный приговор «поколению 70-х», к которому принадлежал и сам: «Печальна судьба этого поколения. Не имело оно недостатка ни в способностях, ни в искренности, ни в готовности к самопожертвованию, а в конце концов — было ли когда поколение до такой степени бесплодное, так мало создавшее, так безжалостно уложившее все силы в какое-то черное пустое место?»[51]. Характеризуя взгляды Говорухи-Отрока, он не преминул затронуть вопрос и о началах самодержавия, отметив, что «монархист он был безусловный, чтил идею Царя религиозно, но это относилось именно к православному самодержавию. Много раз, даже и печатно, Говоруха объяснял, что для него между *абсолютизмом* и *самодержавием* нет ничего общего... Не абсолютизм чтил он, а православного самодержца»[52].

Еще одним неожиданным и весьма неприятным событием уходящего 1896 г. оказалось для Тихомирова получение письма от своего старого товарища по революционному подполью Синегуба, который, прочтя в «Московских ведомостях» очерки Тихомирова из революционного прошлого, помещенные в газете в конце октября — начале ноября 1895 г.[53], выразил несогласие с трактов-

[46] *Сергеев С.М.* Тихомиров Лев Александрович // Розановская энциклопедия. Ст. 997.
[47] ГА РФ. Ф. 634. Оп. 1. Д. 6.
[48] Там же. Д. 113. Л. 63.
[49] Цит. по: *Сергеев С.М.* Л.А. Тихомиров и лагерь русских традиционалистов в 90-е годы. XIX века. С. 611.
[50] Цит. по: *Полунов А.Ю.* К.П. Победоносцев в общественно-политической и духовной жизни России. С. 319.
[51] *Тихомиров Л.А.* Критика демократии. С. 605.
[52] Там же. С. 611—612.
[53] *Тихомиров Л.А.* Шальное лето // Московские ведомости. 1895. № 294; 301; 308 [переиздано без ссылки на первую публикацию — *Тихомиров Л.А.* Шальное лето. Отрывки и очерки // Имперский вестник. 2010. № 4. С. 43—56, далее сноски даются по переизданию].

Д.И. Иловайский, рис.

кой ряда моментов их совместной революционной деятельности. При этом последние строки его письма являлись как бы ответом революционного «поколения 70-х» на приговор, вынесенный Тихомировым: «Прощай, когда-то горячо любимый и дорогой сердцу человек, а теперь... о боже мой...»[54]. Тихомиров ответил на письмо, не преминув подчеркнуть свою особую интеллектуальную роль в движении 1870-х годов, уверяя, что был «покрупнее других, но вот ведь зато вы меня даже уже не в силах понять и меня проклинаете. А ведь я буду вам некоторым оправданием, потому что фактически показываю, что при лучших условиях воспитания из этих людей могли бы развиться более крупные типы»[55].

Конец 1896 года принес новости и для официозной печати. После долгой закулисной борьбы «Московские ведомости» в декабре 1896 г. получили нового редактора-издателя — им стал Грингмут. Кандидатура последнего победила в борьбе с Цертелевым, против которого был и Тихомиров. Главным же в провале Цертелева оказались доверительные отношения князя с Вл. Соловьевым, а Грингмут, как следует из письма Новиковой к Тихомирову, — «persona grata», и его читает государь. Назначение Грингмута в целом устраивало Тихомирова, хотя они имели разные воззрения на то, как вести газету. Сам Лев Александрович в дневнике отмечал 3 декабря 1896 года, что Грингмут вступил в должность, но лишь фактически и ничего не изменилось, хотя в редакции все рады.

На фоне стабилизации в газете неожиданно осложнились отношения у Тихомирова в редакции его любимого детища — «Русского обозрения». Александров, будучи хорошим редактором, оказался никудышным издателем и, ко всему прочему, достаточно нечистоплотным человеком, чего очень щепетильный в финансовых вопросах Тихомиров простить не мог. Для дневников Тихомирова в то время характерны записи: «Александров никому ничего не платит» или — «Александров вымолил статью, а денег не заплатил и исчез»[56].

В 1897 г. Тихомиров, испытывая из-за разногласий с Грингмутом определенные трудности в проведении своих идей, направленных на создание законченной «положительной программы преобразования самодержавия», через «Московские ведомости» обращается в «Русское обозрение». Главной целью своих современных статей он ставил систематизацию своих воззрений на русское самодержавие, распыленных по множеству публикаций 1894—1896 гг. Он рассчитывал циклом больших статей в «Русском обозрении», объединенных общей темой и названием, создать единую и неопровержимую систему доказательств детерминированности для России самодержавной монархической власти. Подобный научный труд потребовал от Льва Александровича ознакомления с огромной массой документов и источников по русской истории. Большое влияние на него в вопросах прояснения генезиса российской государственности оказали труды историка Д.И. Иловайского, чью научную деятельность он оценивал высоко[57]. В свою очередь, Иловайский отвечал любезностями в письмах, пересылая Тихомирову собственную газету «Кремль»[58].

Столь обширное исследование потребовало от Тихомирова и глубокой переработки многочисленных государственно-правовых трактатов. За консультацией по этому вопросу он обратился к

[54] Письмо С.С. Синегуба к Л.А. Тихомирову по поводу очерков «Пропагандисты» из «Московских ведомостей» // Каторга и ссылка. 1925. № 4. С. 85.

[55] Из архива В.Я. Богучарского. Лев Тихомиров и С.С. Синегуб. С. 97.

[56] *Сергеев С.М.* Тихомиров и «Русское обозрение» // *Тихомиров Л.А.* Христианство и политика. С. 613.

[57] В 1908 г. «Московские ведомости» организовали празднование 50-летия начала научной деятельности Иловайского. Поздравляя историка с этой датой, Тихомиров писал ему в личном послании: «Я глубоко верю, что благодарное потомство с справедливой гордостью будет вспоминать того мужественного деятеля, который в тяжелую годину общей смуты и разрухи выступил во всеоружии научных знаний и публицистического таланта в защиту поруганной и опозоренной русской национальной идеи» // ЦИАМ. Ф. 1742. Оп. 1. Д. 11. Л. 19—19 об. Подробнее см.: *Репников А.В.* Иловайский Дмитрий Иванович // Русский консерватизм середины XVIII — начала XX века: энциклопедия. С. 195—200.

[58] ГА РФ. Ф. 634. Оп. 1. Д. 100. Л. 6.

Победоносцеву, не одобрявшему в целом направленности тихомировской работы. Возможно поэтому ничего существенного или инновационного последний ему не порекомендовал, отговорившись тем, что «уже давно не следит за иностранной юридической литературой, а потому не может указать новые, лучшие сочинения по государственному праву»[59].

Несмотря на трудности объективного характера, в июле 1897 г. сочинение, получившее название «Единоличная власть как принцип государственного строения», было завершено. Первые его главы увидели свет в пятой книжке «Русского обозрения» за 1897 г. Публикация довольно объемной книги продолжалась еще в двух номерах журнала, чуть позже вышло отдельное издание. Учитывая, что данное сочинение являлось, по собственной оценке Тихомирова, кратким конспектом его основного труда «Монархическая государственность», хотелось бы остановиться на нем подробнее. Современный историк отмечает специфику тихомировского подхода, позднее в полной мере проявившегося при написании «Монархической государственности», когда «используя результаты трудов отечественных историков, он синтезировал и переплавил их в собственную концепцию. У С.М. Соловьева он черпал сведения о древнерусских князьях, содержательной стороне взглядов Ивана Грозного и появлении бюрократии. Единение народного идеала с царским Тихомиров осветил по материалам В.И. Даля и С.Ф. Платонова; "правильный рост государственных учреждений" показал, используя труд И.Д. Беляева "Крестьяне на Руси"; общение царя и народа в управлении, институты Боярской думы и Земских соборов – на основании работ Д.И. Иловайского, С.Ф. Платонова, С.М. Соловьева»[60].

Красной нитью через исследование «Единоличная власть как принцип государственного строения», проходит тезис о том, что для России и русского народа лучшим образчиком Верховной власти является царское самодержавие – как наилучший выразитель общенациональных интересов, посредник в борьбе различных социальных групп, защитник и покровитель простого народа и т.д. Для обоснования подобной посылки Тихомиров привлекал огромный материал из истории России. По мысли Тихомирова, «анализ и оценка политических учреждений невозможны без правильного отношения к самой идее *государства*»[61]. Поэтому Тихомиров начинал анализ самой сущности монархической власти и условий ее функционирования с выяснения основ государственности и проблемы природы власти, а это потребовало от него и выработки определенной методологии исследования, опирающейся на ряд компонентов.

Обратим внимание, что работа над столь сложной проблематикой проходила во время проникновения в российскую социокультурную среду идей европейской Модерности. Базовой чертой, о чем мы уже писали ранее, была идея всепоглощающего научно-технического прогресса и поисков ответа на все вопросы жизни посредством только научного знания. Вторжение техногенной цивилизации во все сферы жизни породило в России мощную социокультурную реакцию своеобразную духовную революцию[62], характеризуемую постановкой вопроса о природе человека, его роли и месте в современном обществе, как ответе на идеи техногенной модернизации. Отсюда и увлечение российских мыслителей социальными теориями с антропологической составляющей.

Подобное интеллектуальное движение затронуло и Тихомирова. Поэтому и в своих, казалось бы, сухих политико-правовых трактатах он исходил из того, что «постоянство и реальность» обнаруживаются только в сфере внутренних свойств человека. На основе подобных антропологических наблюдений он приходил к выводу: «Мы видим поэтому в человеческом обществе явление,

[59] ГА РФ. Ф. 634. Оп. 1. Д. 113. Л. 59.

[60] *Лачаева МЮ.* «Цветущая сложность» К.Н. Леонтьева и концепция Л.А. Тихомирова. С. 90–91. У тех, кто не читал «Монархическую государственность» и предшествующие ей работы может возникнуть вопрос – а где же сам Л.А. Тихомиров и его интеллектуальная работа? Не напоминает ли его главный труд, своеобразную компиляцию, подборку цитат «на заданную тему» и некий «интеллектуальный гербарий», в котором выстроены по ранжиру соответствующие мыслители от Платона и Аристотеля до Шарапова и Чичерина? Отчасти (но только отчасти!) это мнение не лишено оснований. В начале XX века был необходим монархический «катехизис» и Тихомиров задачу по его созданию выполнил. Правда, монархию это не спасло, да и для широкой публики текст оказался слишком сложным, что и привело к появлению при содействии Иоанна Восторгова упрощенного варианта в форме вопросов и ответов.

[61] *Тихомиров Л.А.* Единоличная власть как принцип государственного строения. М., 1993. С. 29.

[62] Вспомним ренессанс русской литературы, получивший название «серебряный век», своеобразную русскую религиозную философию, духовные поиски в рамках «нового религиозного сознания» и т.д.

обладающее внутренними законами, способное в силу их и к эволюции своих форм на их вечно неизменных основах. Поэтому возможна и наука, проникающая в смысл того и другого, наука общественности»[63].

Методологической основой при изучении генезиса российской государственности для него оставался своеобразный синтез концепций различных социологических школ. В своих научных изысканиях Тихомиров по-прежнему использовал «субъективный» метод Михайловского, сочетая его с «теорией насилия» Дюринга и «теорией факторов». Однако наиболее явно при разработке своей монархической доктрины он прибегал к использованию теоретических наработок ученых, придерживающихся взглядов «органической школы в социологии», активно разрабатываемой в 70—80-х гг. XIX в. европейскими обществоведами. Особенно привлекали его труды Фулье и Лебона.

По мнению Тихомирова, в возникновении государственности прежде всего лежит психологический фактор, потребность в организации общества. Как и в природе, здесь действует принцип кооперации, или корпоративности, «всякая кооперация представляет необходимым некоторое направление в одну сторону этих разнообразных и противоположных чувств, хотений и представлений, то есть сама по себе предполагает некоторую *направляющую силу*, другими словами — некоторую *власть*. Ясно в то же время, что эта сила, эта власть, может явиться только из тех же чувств, представлений и хотений, которые кооперация кладет в основу общественных явлений. Таким образом, власть рождается одновременно с самим общественным процессом»[64]. При этом он полагал, что «законы кооперации совершенно одинаковы повсюду, где мы их ни наблюдаем, как в биологии, так и в социологии»[65]. Разница только в том, что в органическом мире сращивание происходит между клетками простейших организмов, а в высокоорганизованной биологической или социальной среде в кооперацию вступают не сами организмы, а только их нервные центры. Таким образом, как отмечал исследователь Неволин, «исходные посылки в воззрениях Тихомирова — вполне в духе "органической теории" развития общества К.Н. Леонтьева»[66]. О влиянии идей последнего на Тихомирова мы уже говорили, но в данном случае надо признать, хотя и с оговорками, правоту тех исследователей, которые считают, что «органический подход, органическое понимание общества — неотъемлемая составляющая консервативного миропонимания, в русле которого развивали свои идеи Леонтьев и Тихомиров»[67].

Как верно отметили ростовские ученые, «для русской философии права (в рамках которой и развивался Тихомиров, — *авт.*) очень характерно парадигмальное тяготение к проблематике «внутреннего», к признанию приоритета и значения внутренних качеств — способностей человека (в том числе религиозно-нравственных и национально-нравственных идеалов) для понимания государства, права, власти, свободы и других феноменов, исследовавшихся на философско-правовом уровне»[68]. И политико-правовое творчество Тихомирова также осуществлялось в данном антропологическом измерении. Его идеи о кооперации психических свойств как основы адекватного понимания государственно-правовых феноменов в некотором роде предвосхитили учение о правосознании И.А. Ильина, доктрину возрождения «естественного права» на базе этического критицизма П.И. Новгородцева, некоторые идеи психологической школы права Л.И. Петражицкого[69]. С.В. Посадский и А.В. Посадский отмечают, обращаясь к этой работе Тихомирова, что в ней он «также развивает социологическую концепцию монархии. Политико-правовой разум у него тесно связан с миром социальной практики, "политическая доктрина рождается из условий социальных". Взаимосвязь социальных и

---

[63] *Тихомиров Л.А.* Монархическая государственность. С. 39.

[64] Там же. С. 39.

[65] Там же. С. 36.

[66] *Неволин С.Б.* Лев Александрович Тихомиров. С. 189.

[67] *Ермашов Д.В., Пролубников А.В., Ширинянц А.А.* Русская социально-политическая мысль XIX — начала XX века: Л.А. Тихомиров. С. 27.

[68] *Верещагин В.Ю., Ясменко М.К.* Философия права как философия человека // Философия права как учебная и научная дисциплина. Ростов-на-Дону, 1999. С. 255—257.

[69] *Корнев А.В.* К вопросу о правопонимании в дореволюционной России // Государство и право. 1998. № 5 С. 96.

психических процессов также позволяет охарактеризовать монархическую теорию Л.А. Тихомирова как социально-психологическую, хотя сам мыслитель не давал подобных формулировок»[70].

В выдвижении положения об источнике власти Тихомиров, как указывалось выше, не избежал позитивистского влияния и «субъективного» метода Михайловского. Многое в своей политико-правовой концепции он взял из теоретических наработок позитивиста-правоведа Коркунова, сторонника психологической теории права. На эту методологическую составляющую научного творчества Тихомирова обращал внимание еще историк В.В. Ведерников[71].

Тихомиров четко классифицирует и разделяет «власть Верховную», проникнутую высшей идеей и являющуюся конкретным выражением объективного начала науки, и «власть управительную». Исходя из знаменитого аристотелевского положения о том, что всего может быть три принципа Верховной власти — монархия, аристократия и демократия, и анализируя их, он пришел к выводу, что «всякая верховная власть идеократична, т.е. находится единственно под властью своего идеала. Она неоспорима, пока совпадает с ним, и становится узурпацией, тиранией, олигархией или охлократией, когда сама выходит из подчинения ему. Пределы, определяющие нравственную законность или незаконность Верховной власти, не подлежат точной формулировке, но всегда чувствуются нацией, то послушно подчиняющейся основной правде, властью выражаемой, то возмущающейся против узурпации»[72].

Исходя из таких посылок, он считал, что наиболее совершенной является сильная единоличная власть (в лице монарха-самодержца). В обосновании принципа монархической власти Тихомиров не поднимался выше «субъективного» метода, считая основным условием и целью прогресса всестороннее развитие личности. Он утверждал, что только сильная единоличная власть наиболее способствует прогрессу. Обосновывая необходимость самодержавной монархии для России, он совершал достаточно экскурсов в русскую историю. Ей он придавал огромное воспитательное значение, не раз подчеркивая, что знание истории есть одно из главнейших условий формирования гражданственности, критикуя некоторых «чересчур боязливых консерваторов», стремящихся оградить историческое образование очерченным свыше кругом положительных знаний[73].

Тихомиров выделяет несколько исторических факторов, напрямую способствовавших установлению монархического принципа правления в русском государстве. Это и географическая близость к Византии с ее православием и особым типом монархии, что сыграло особую роль в формировании в России, в отличие от Западной Европы, самодержавного, а не абсолютистистского типа монархической государственности. Большое значение имел, по его мнению, и тот факт, что монархия у нас выступала в роли третейского судьи в борьбе вечевого и княжеско-боярского начал. Она же выступала в роли собирательницы русских земель, сыграла ведущую роль в свержении монголо-татарского ига.

Разделяя взгляды сторонников государственной исторической школы, Тихомиров вслед за ними определяет окончательное формирование самодержавного типа русской монархии временем правления Ивана III. Официальное оформление самодержавие получило при Иване Грозном и еще более укрепилось при царе Алексее Михайловиче. Отличительными чертами данного типа монархии он считал следующие:

– полное единение народа с царем (по преимуществу «нравственное», но имеющее и реально действующий орган — Земский собор);

– широкое включение в систему государственного управления аристократического и демократического элементов;

– союз Церкви, Верховной власти и государства — при самостоятельности и неизменности Церкви.

---

[70] *Посадский С.В., Посадский А.В.* Лев Александрович Тихомиров: философско-культурологические искания. С. 15—16.

[71] *Ведерников В.В.* Кризис консервативной идеологии и его отражение в печати (1895—1902). С. 105—106.

[72] *Тихомиров Л.А.* Монархическая государственность. С. 94.

[73] *Тихомиров Л.А.* Критика демократии. С. 216.

Отмечая все эти положительные моменты, Тихомиров отнюдь не идеализировал Россию того времени. Указывая на «отсутствие системы во всем», т.е. на несовершенство правительственных учреждений Московии, появление бюрократии, негативное влияние раскола, наступление государства на права Церкви, он как бы подводил читателя к мысли, что на рубеже XVII—XVIII вв. страна оказалась на перепутье, перед выбором одного из двух путей развития: либо сохранение самодержавности при необходимости некоторого изменения государственно-политической жизни, особенно в сфере управления, либо эволюция в сторону усвоения западноевропейских образцов развития, иначе говоря — подражательность как скорейший путь ликвидации технологического отставания России от Запада.

И в петровском выборе в пользу Запада Тихомиров находил одну из главнейших слабостей страны, а именно — отсутствие политической сознательности и политически просвещенной мысли, способной указать «ясные пути» государственной устроительной деятельности. Он подчеркивал, что «царь может делать все. Но есть действия практичные и непрактичные, сообразованные с природой этой формы власти и несообразованные, и даже ее подрывающие... Во всех этих вопросах русское политическое сознание не давало Верховной власти никаких ясных указаний, никакой помощи»[74]. Вся пагубность такого положения дел и проявилась в петровскую эпоху. Причем Тихомиров не отрицал прогрессивности «основной задачи» Петра I и с пониманием относился даже к насильственным мерам, используемым царем, поставившим «всю нацию на службу государства». Он подчеркивал лишь, что Петр «временную необходимую меру превращал в постоянный зловредный принцип»[75]. Заимствуя из Европы необходимое, чтобы ликвидировать технологическое отставание, Петр был прав, «но когда Петр начинает объяснять свои права, то говорит иногда нечто совершенно несообразное с тем чувством, которое подсказало ему формулу присяги. Он обращает себя в абсолютного монарха, а подданных в каких-то безгласных рабов, даже хуже — в нечто политически несуществующее»[76].

Особое возмущение Тихомирова вызывало окончательное прекращение в начале XVIII в. созыва Земского собора, а также уничтожение самостоятельности РПЦ и начал «правильного престолонаследия». Анализ исторических источников, по его мнению, явственно показывал и резкий рост бюрократии. «Петр устраивал истинно какую-то чиновничью республику, которая должна была властвовать над Россией. Вот к чему сводились творческие идеалы Лейбница и его державного ученика... Нельзя не сказать, что это — редкая бюрократическая идиллия, имевшая целью создать из правительства чисто чиновничью республику, часть граждан которых притом обязательно, "по штату", должна была состоять из "иноземцев", в том числе из пленных шведов, с которыми Россия вела двадцатилетнюю войну. Члены же этой бюрократии были поставлены выше всех социальных сил России. Введена была "Табель о рангах", по которой чин поставлен выше всего. Дворянин какого бы то ни было высокого звания обязан был уступать место старшему по чину. Само собой, что эта чиновничья республика действовала в национальных интересах очень плохо, расхищала Россию, не радела к делам и т.п. Но в заключение она была просто невозможна при сколько-нибудь энергичном государе, сознающем свои обязанности в отношении народа. А Петр имел и энергию, и сознание долга, как немногие на свете. И вот почему ему пришлось отдать свою бюрократическую республику под надзор фискалов, а сверх того подчинить обер-прокурорам и прокурорам. Царская власть принуждена была разрушать свое же собственное дело, но посредством самых несовершенных способов: единоличной централизованной бюрократии (фискалата и прокуратуры), которая возобновляла худшие стороны московских приказов. Этот исключительный бюрократизм разных видов и полное отстранение нации от всякого присутствуя в государственном управлении делают из якобы "совершенных" Петровских учреждений нечто в высшей степени "регрессивное", стоящее по идее и вредным последствиям бесконечно ниже московских управительных учреждений»[77].

---

[74] *Тихомиров Л.А.* Монархическая государственность. С. 295.
[75] Там же. С. 317.
[76] Там же. С. 323.
[77] Там же. С. 359. 360.

Вышеприведенные историософские построения Тихомирова не являлись чем-то принципиально новым и служили лишь развитием существующих в то время государственно-правовых теорий. Что же касается обоснования необходимости для России и ее народа единоличной власти, видевшейся ему в форме самодержавия, то здесь он шел вслед за Чичериным. С тем отличием, что если Чичерин оставался приверженцем конституционной монархии, то Тихомиров пошел дальше, выступая апологетом неограниченной самодержавной власти, которая сама выдвигается народом «как наилучшая».

В некотором роде взгляды Тихомирова на пореформенную историю России представляли собой гибрид на основе теорий ученых историков государственной школы, в основном С.М. Соловьева и Иловайского. В политико-правовом отношении Тихомиров, как это ни парадоксально, использовал теоретические разработки юристов-правоведов либерального направления, особенно Чичерина и Коркунова. Его выводы близки славянофильским. На столь очевидный эклектизм историософских конструкций Тихомирова ранее обращали внимание такие исследователи, как Ведерников и Костылев[78]. Определенная теоретическая самобытность проявилась у него в оценке особой роли политических учреждений в судьбах российской государственности. Она вытекала из его давнего увлечения историей политических учреждений, которым он придавал все же несколько гипертрофированное значение, считая их роль определяющей в российской истории.

Достаточно оригинальными представляются оценки и суждения Тихомирова о судьбах российской государственности в пореформенную эпоху. С падением крепостного права Россия, как он полагал, вновь пришла «к жизни самостоятельной культурной страны», и перед ней, как и в начале XVIII века, открылись возможности выбора вариантов развития, т. к. ликвидация крепостничества сделала необходимой перестройку всей государственной машины. Но, по убеждению Тихомирова, правильно провести перестройку можно было, лишь «проникнувшись всей широтой национальной мысли», уяснив, «что есть Правда», «в чем историческая миссия России». Но объективное мерило правды оказалось утрачено и «затуманилось ощущение правды» в умах. «Для поправки этого требовалась бы очень ясная сознательность государственной идеи. Но ее именно и не выработалось, и к новым берегам пришлось плыть "без руля и без ветрил"»[79].

С падением крепостного права, как небезосновательно считал Тихомиров, происходило и отмирание старого дворянства. На место дворянской общественно-политической мысли пришла разночинная интеллигенция, «первая эпоха появления которой прославилась нигилизмом». После реформы начался быстрый рост фабрично-заводских рабочих, способных при определенных условиях, по мысли Тихомирова, «стать в высшей степени полезной связью между нашим культурным слоем и деревнями», но для этого их надо было оградить от социалистической пропаганды.

Другой важной причиной кризиса монархической государственности, как он думал, стало резко усиливающееся после 1861 г. разобщение Верховной власти и народа. Во многом, по его размышлениям, это объяснялось не столько подрывом монархического принципа в сознании масс, сколько отсутствием в это время учреждений, осуществляющих связь между царем и народом. Земства таковыми стать не смогли, т.к. «огромное большинство народа было совершенно не впущено в них, и притом повсюду оттирались по преимуществу органические слои нации»[80]. Дворянство свою связующую роль утратило, а бюрократия, наоборот, приобрела. Именно в росте влияния бюрократии виделась Тихомирову главная причина глубокого кризиса русской государственности. Бичуя бюрократию и одновременно нападая на интеллигенцию, которая, по его мнению, вместо того, чтобы дать бюрократии разумную программу действий, только и делает, что «все отрицает», Тихомиров все же был далек от пессимизма.

Ссылаясь на царствование Александра III, он утверждал, что Россия все же сохранила основные черты своего национального типа (в том числе и тип государственности), который выше европейского. Следовательно, задача настоящего момента, стоявшая перед всем консервативным лагерем,

[78] *Ведерников В.В.* Кризис консервативной идеологии и его отражение в печати (1895—1902). С. 104—107.
[79] *Тихомиров Л.А.* Монархическая государственность. С. 393.
[80] Там же. С. 410.

значит, и перед ним лично, — разработать такую программу действий, которая бы позволила, не меняя типа развития России в целом, поднять его на более высокую ступень.

Главным же средством обеспечения такой «положительной» эволюции страны с последующей ликвидацией засилья бюрократии и либеральной интеллигенции он считал, наряду с восстановлением правильных отношений монархии и РПЦ, оживление постоянного и непосредственного общения верховной власти с нацией. Первым и важнейшим шагом в данном направлении, по представлениям Тихомирова, должна стать организация социальных сил нации, т.е. правильно поставленная социальная политика государства. «Возвращение государства к сословности настолько лежит в социальной природе, что непременно произойдет, только, к сожалению, *пока* это намечается лишь только борьбой, бунтом, партиями, рабочими союзами и т.п., вообще путем истощающих столкновений классов, покинутых государством на произвол судьбы»[81].

Появление «Единоличной власти...» было встречено в монархическом лагере достаточно осторожно. Тихомиров, ожидавший большего эффекта от сочинения, которое он сам высоко оценивал, замечая, что нет «ничего лучше и полезнее» в русской публицистике, с грустью на страницах дневника отмечал, что «эта вещь прошла совершенно незаметно. Нигде ни слова, кроме «Московских ведомостей»[82]. Более того, с «правого фланга» раздавались откровенно недовольные голоса. Особенное раздражение вызвали эскапады Тихомирова против дальнейшей бюрократизации российской государственной машины. Уж слишком прозрачно он намекал на столичные правящие сферы. Негативно отнесся к такого рода выпадам и Грингмут, хотя в целом теоретические построения Тихомирова следовали в фарватере охранительной идеологии, намеченном еще Катковым.

Тем не менее, в отличие от большинства других газетно-журнальных публикаций правой печати, статьи Тихомирова были выдержаны не столько в верноподданническом духе, одобрявшем любое безумство власти, сколько предлагали программу исправления допущенных ошибок. По сути, появление его «Единоличной власти...» являлось призывом к правительству приступить к созидательной работе. Книга представляла собой манифест, программу действий — некий прообраз его программы «национальных реформ», окончательно выработанной им в 1905 г.

Сообразуясь с ней, он и начал действовать, развивая детально отдельные положения программы, заявленные в «Единоличной власти...». Огромное значение он придавал проведению разумной социальной политики, проводимой правительством в интересах большинства сословий и групп в государстве. Интерес к социально-сословной политике зародил у Тихомирова еще Леонтьев, но сам Тихомиров начал активно разрабатывать эту тему со второй половины 90-х гг. Так, в 1897 г. параллельно с выходом «Единоличной власти...», увидела свет его статья «Государственность и сословность» («Русское обозрение», № 5), посвященная социальной политике государства. В ней автор прибег уже к традиционной для него критике теории «общегражданского государства», выдвинутой либеральными правоведами во главе с Чичериным. Тихомиров полагал, что реализация на практике подобной теории неизбежно будет способствовать установлению государства политиканов и бюрократии худшего толка и окончательно устранит народ от государственных дел.

В противовес им выдвигалась теория сословно-корпоративного строя. Отказываясь от традиционного сословного деления общества и указывая, что нации ныне расслоены гораздо сильнее, нежели прежде, и имеют вид «единого» только потому, что государство перестало принимать во внимание существующее расслоение, увлеченное демократической идеей однослойной «общегражданственности», Тихомиров предлагал под социальным строем понимать всю совокупность групп и слоев русского общества, различающихся по социальному, профессиональному, религиозному и другим признакам.

Такие «естественные классы и естественные группы нации», организованные в различные корпорации, профессиональные и творческие союзы, земства, различные производственные объединения, и должны были, по мысли Тихомирова, стать краеугольным камнем правильно организованного сословного государства. На основе этих наработок он давал и разграничение в категориях «класс»

[81] *Тихомиров Л.А.* Критика демократии. С. 657.
[82] ГА РФ. Ф. 634. Оп. 1. Д. 6. Л. 94.

и «сословие». Он писал: «...Мне кажется, совершенно ясно, что различие между *классом* и *сословием*, по существу, именно и состоит в том, что сословие есть класс, введенный в круг *государственного* строения, то есть получивший соответствующие тому права и обязанности»[83].

Шире он смотрел и на проблему, связанную с судьбой пореформенного дворянства. В отличие от своих предшественников, некогда бывших его идейными учителями, таких, как Пазухин и Леонтьев, Тихомиров не предавался догматическим и явно обращенным в прошлое сетованиям об отмирании традиционной роли дворянства как столпа русской общественной пирамиды, и не предлагал в настоящих условиях эту оставшуюся в прошлом роль искусственно поддерживать. Понимая, что в современной, быстро модернизируемой России наступили совершенно иные времена, Тихомиров, в отличие от того же Грингмута и Победоносцева, смотрел на современное дворянство более рационально и даже утилитарно.

«Допустим, — писал он, — что наше дворянство не может продолжать устроение государства на почве сословности. Это, однако, не означает еще уничтожения сословности»[84]. И далее продолжал: «Если бы России оказалось нужным *сословие служебное*, а дворянство не могло им быть, или *сословие землевладельческое*, а дворянство и тут не проявляло бы должного умения, то очевидно, что эти сословия могли бы сформироваться и заново из других элементов (пример столыпинской аграрной реформы подтвердил правоту Тихомирова в отношении создания, по сути, нового земледельческого сословия, — *авт.*). Таким образом, вопрос собственно *дворянский*, как фактический, нимало не уничтожает вопроса *сословного*, как принципиального»[85]. Для Тихомирова современная постановка дворянского вопроса состояла не в пролитии слез о постепенной утрате дворянством ведущей роли в общественной иерархии, и не в утопических попытках вернуть этому сословию былое величие, пусть даже и искусственным образом, а в другом — в назидательном примере. «Наш современный *дворянский* вопрос имеет ту заслугу, — писал Тихомиров, — что заставляет всех подумать о *сословности*. Но для того чтобы идея *сословного* государства могла нынче осуществиться, нужно очень хорошо понять ее. Дело это нелегкое в подробностях. Но в *основе* идея сословного государства, конечно, состоит в том, чтобы естественные *классы*, естественные *группы* нации получили от государства делегацию его *управительных* функций во всех пределах компетенции этих групп; государство же при этом может и должно войти в свою нормальную роль *верховного направления и согласования* этих естественных групп, покинув мелочную регламентацию их жизни и тем избавившись от бюрократического характера, столь невыгодно отличавшего "общегражданский" строй повсюду, где он, на несчастье народов, пытается возникнуть»[86]. Можно сделать вывод, что в работах этого периода, рассматривающих проблемы социальной стратификации России, мыслитель пытался проводить тезис о том, что в обществе должна существовать не только и не столько классовая дифференциация, а следовательно, и вытекающая из нее классовая борьба, сколько прежде всего интеграция и классовая солидарность. Достижение подобного социально справедливого устройства возможно было, по его мнению, только при самодержавии, являющемся, как он полагал, объективно надклассовым, и поэтому-то и призванным обеспечивать более ли менее равное перед ним положение всех субъектов социальной стратификации.

За основу «общественной организации» государства Тихомиров предлагал принимать не простейшие классы (например, тех же рабочих). По его убеждению, в рассматриваемое время они представляли уже не единое целое, а более дробные социальные группы, «объединенные общим делом» (например, не просто рабочие, а отдельно — ткачи, металлисты, горнорабочие и т.д.). Им также предлагалось, «чтобы каждый из этих слоев был организован в *особую* корпорацию, но чтобы точно так же имелась и *общая* для всех их организация, объединяющая их в том, где они являются сотрудниками одного целостного дела. Права хозяина и рабочих должны быть одинаково ограждены не только наказаниями за произвол и узурпацию, но созданием внутренней организации, обеспечи-

[83] *Тихомиров Л.А.* Критика демократии. С. 653.
[84] Там же. С. 652.
[85] Там же.
[86] Там же. С. 651.

вающей возможность их постоянного соглашения»[87]. В этом Тихомирову виделся путь, способный помочь избежать классовой борьбы, ведущей к революции, дезорганизации и анархии.

Работы мыслителя того периода казались достаточно неординарными не только для отечественной, но и европейской общественной мысли. Особое развитие это направление в дальнейшем получило в Германии в период существования и краха Веймарской республики в форме интеллектуального течения «консервативной революции»[88]. В своих теоретических построениях идеологи этого направления попытались соединить старый консерватизм и социализм и придать традиционной консервативной идеологии не охранительно-реакционный, а динамичный, направленный в будущее характер. А.Н. Мочкин отмечает, что, отвергая в качестве альтернативы движения как либеральный, так и социалистический пути развития, сторонники данного политического течения в России и Германии пытались создать пока теоретическую конструкцию «третьего пути» пути, сочетающего в себе старый феодально-корпоративный монархизм с новейшими течениями социализма[89]. Однако, «только Октябрьская революция в России 1917 года и приход к власти фашистов в Германии в 1933 году ставят финальную точку в развитии самого неоконсерватизма. Парадоксальным образом многие теоретические проблемы, поставленные неоконсерватизмом, будут практически решены как в "якобинском" большевистском режиме, утвердившемся в России, так и в национал-социалистической диктатуре Германии в период, предшествовавший второй мировой войне. Многое было заимствовано, многое из рецептов неоконсерваторов реализовано как в той, так и в другой стране с их режимами тотального подавления...»[90]. Историк Шерстюк, к мнению которого можно прислушаться, полагает, что, «хотя Тихомиров и был, в действительности и по существу, "человеком Александра III", его можно назвать предтечей европейской (немецкой) консервативной революции и русских евразийцев»[91].

Помимо Тихомирова подобным же образом задолго до европейских мыслителей ставили схожие задачи и некоторые русские консерваторы, не желавшие смириться с политико-экономическим и социокультурным натиском эпохи модерности, но при этом понимавшие, что для сохранения самобытности национальной организации российского государства требуется не только *консервация* всех устоев его жизни, но и поиск путей дальнейшего развития с использованием сочетания сильных сторон российской государственности и нового мирового социального опыта.

Вспомним, что еще Леонтьев усматривал в нарождающемся социализме определенные рациональные зерна, которые надлежит использовать в будущем российском общественном устройстве, дабы избежать гибельного для страны пути «вторичного смесительного упрощения». Еще дальше в разработке проектов «национальных реформ», в том числе и в социальной сфере, пошел Тихомиров. Его тогдашние предложения о социальной реорганизации России при дальнейшем сравнении их с европейским политическим опытом первой трети XX в. оказались наиболее близки тому, что начали создавать в Италии Муссолини и его окружение и что в дальнейшем, во многом в гротескном и крайнем выражении, получило воплощение в теории фашизации итальянского общества и создании на базе этой идеологии фашистского корпоративного государства[92]. Однако на рубеже веков ни правительство, ни собратья Тихомирова по монархическому лагерю практически никак

---

[87] Тихомиров Л.А. Монархическая государственность. С. 550.

[88] Подробнее см.: *Мёллер ван ден Брук А., Васильченко А.В.* Миф о вечной империи и Третий рейх. М., 2009; *Алленов С.Г.* Мёллер Ван ден Брук: вехи жизни и творчества революционного консерватора // Консерватизм в России и мире: прошлое и настоящее. Воронеж, 2001. Вып. 1. С. 215—226; *Он же.* К вопросу о содержании понятия «консервативная революция» и ее связи с традицией немецкого консерватизма (историографический обзор) // Консерватизм в России и мире: в 3 ч. Воронеж, 2004. Ч. 3. С. 74—107; *Артамошин С.В.* «Восточная ориентация» германской политики в творчестве Артура Мёллера Ван ден Брука // Проблемы этнической истории Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в новое и новейшее время: Сборник научных трудов. Воронеж, 2002. С. 270—278; *Пленков О.Ю.* Мифы нации против мифов демократии: немецкая политическая традиция и нацизм. СПб., 1997; *Он же.* Триумф мифа над разумом (немецкая история и катастрофа 1933 года). СПб., 2011.

[89] *Мочкин А.Н.* Парадоксы неоконсерватизма (Россия и Германия в конце XIX — начале XX века). М. 1999.

[90] Там же. С. 179.

[91] *Шерстюк М.В.* Одиночество Льва Тихомирова. С. 163.

[92] См.: *Милевский О.А.* Л.А. Тихомиров и Б. Муссолини: две концепции «корпоративного государства» (опыт сравнительного анализа) // Актуальные проблемы региональных исследований. Барнаул, 2006. Вып. 6. С. 89—124.

не отреагировали на его статьи по данной проблематике. Видимо, симптоматично для России того времени, что первыми предложения Тихомирова в практическом плане заинтересовали Департамент полиции. Зубатов попытался использовать их, дабы отвлечь рабочих от революционной борьбы. Тихомиров фиксирует в дневнике, что 15 декабря 1896 года Зубатов «неожиданно» нанес ему визит, положивший начало их знакомству, имевшему продолжение уже в начале XX века.

С.В. Зубатов

В какой-то мере отсутствие заметного интереса к нестандартным идеям Тихомирова, выбивавшимся из монолитного строя «верноподданнической» журналистики, во многом объясняется видимым спокойствием в стране. В 1897 году, когда столь удачны были литературные дела Тихомирова, он фиксирует в дневнике: «Мне кажется, что вообще моя писательская судьба будет служить упреком современной России: не умела она мною воспользоваться. Ослиное общество во всяком случае»[93]. Тем, кого Тихомиров метко назвал «ослиным обществом», казалось, что положение в Империи стабильно и ничего исправлять не требуется. Поэтому часть консерваторов, мыслящая наиболее традиционно, отмахивалась от, казалось бы, неактуальных предложений Льва Александровича, считая, что он такого рода выступлениями в печати лишь подогревает свои гипертрофированные политические амбиции и совершенно безосновательно претендует на роль всероссийского оракула.

В первую очередь этим можно объяснить острые нападки со стороны петербургских охранительных изданий на опубликованную им брошюру «Варшава и Вильна в 1863 году», статьи, составившие ее, печатались в «Московских ведомостях» осенью 1897 г. Работа, эмоционально написанная и прекрасно характеризующая М.Н. Муравьева-Виленского, имела не столько антипольскую направленность, сколько критиковала слабость и изменчивость русской государственной политики в Западном крае, как до воссоединения, так и в 1890-е годы. В ней вновь, в который уже раз, звучал прямой упрек современному управлению краем. Тихомиров, не скрывая раздражения, замечал, что «сила безнационального бюрократического начала немедленно сказалась по уходе, а тем более по смерти этого выразителя русского духа (Муравьева-Виленского, — *авт.*). Везде, на всем пространстве спорного края, начинаются колебания, перерывы русского развития, появляются даже эпохи прямой измены русскому делу, когда русские в Вильне, на Волыни, в Варшаве снова чувствуют себя под польским игом»[94].

Польские дела тогда вообще волновали Тихомирова[95]. Особенно будировали его слухи о назначении великого князя Владимира Александровича наместником в царстве Польском и уничтожении генерал-губернаторства. Ему казалось, что реализация подобной комбинации будет отступлением назад и ослаблением русских позиций. Не скрывая опасений, он фиксирует в дневнике 19 октября 1897 года: «Значит, польское дело идет в гору и в гору. Тяжко видеть это не только из-за непредсказуемых результатов, не из-за гибели всего порядочного, что делалось для торжества России... тяжко видеть, какой непопулярностью отражается это на Монархическом принципе»[96].

Реакция официозных изданий на статьи Тихомирова по польскому вопросу оказалась крайне резкой, а большинство газетных выпадов — прямо нечистоплотными. Особенно отличился редактор «Русского труда» С.Ф. Шарапов, выступивший против Тихомирова со статьей, которую современный историк Сергеев назвал «прямо доносительской»[97]. На страницах своего издания (1897 г., № 44) он в статье по поводу брошюры Тихомирова «Варшава и Вильна в 1863 году» писал, что Тихомиров — революционер, чернящий среди консерваторов государственную власть. Возмущенный Тихомиров

[93] Цит. по: *Шерстюк М.В.* Одиночество Льва Тихомирова. С. 153.
[94] *Тихомиров Л.А.* Христианство и политика. С. 280.
[95] См.: *Тихомиров Л.А.* Польский вопрос // Русское обозрение. 1895. № 2.
[96] ГА РФ. Ф. 634. Оп. 1. Д. 6. Л. 6.
[97] *Сергеев С.М.* Л.А. Тихомиров и лагерь русских традиционалистов в 90-е годы. XIX века. С. 607.

пишет дневнике 2 ноября 1897 года: «Шарапов (*Русский труд*) написал обо мне <...> статью такой бессовестной подлости, как я еще и не слыхивал. Очень грубо передергивая <...> он заявляет, что я — революционер, втершийся среди консерваторов, чтобы подрывать Государственную власть. <...> Я пишу 10 лет *за монархию*, во всей русской литературе, могу сказать без ложной скромности, *нет* ничего лучше и полезнее в защиту Монархии — и я теперь должен говорить, что я не Валленрод? И перед кем же я должен объясняться? Перед фигляром и шарлатаном — Шараповым?»[98]. В ноябре он отмечал в дневнике, что Э.Э. Ухтомский посвятил его статье «подлые инсинуации».

Столкнувшись со стойким неприятием его политических взглядов и предложений со стороны большинства консерваторов, Тихомиров уже в апреле 1898 г. начинает осознавать, что его труд «Единоличная власть...» — вещь еще «далеко не законченная, конспективная книга»[99]. Главную ее слабость он усматривал как раз в малой разработанности в ней именно положительной, преобразовательной программы. Он решил продолжать работу в данном направлении, еще более сконцентрировав внимание на необходимости обоснования программы по реформированию существующей в стране самодержавно-монархической политической системы. Но публицистическая деятельность Тихомирова в подобном русле вызывала раздражение в монархических кругах, близких к Зимнему дворцу. Так, очень остро отреагировал на нее Победоносцев. Неудивительно поэтому и упадочное настроение Тихомирова в это время. Например, отмечая трехлетие со дня кончины Александра III, он на страницах дневника 19 октября 1897 года поделился опасениями по поводу будущего российской государственности: «Три года, всего три года прошло, а Россию узнать нельзя. Собственно перемен никаких еще нет. Но огромная перемена в том, что прежде все знали, куда мы идем, а теперь этого, кажется, никто не знает...»[100].

Единственное утешение Тихомирову доставил визит Грингмута в столицу. Последний имел аудиенцию у царя, вполне одобрившего точку зрения редакции, а следовательно и Тихомирова, в польском вопросе. Начавшийся 1898 г. принес и новые финансовые неприятности, связанные с деятельностью Александрова в «Русском обозрении». Взбешенный Тихомиров окончательно отказывается в нем сотрудничать. Историк Сергеев отмечает: «К сожалению, будучи хорошим редактором, Александров оказался никудышним издателем и, кроме того, не вполне чистоплотным дельцом (присвоив, между прочим, казенные деньги, что оттолкнуло от него таких его высокопоставленных покровителей, как Победоносцев и Т.И. Филиппов). Обделывая свои дела, Александров довольно некорректно вел себя со своими сотрудниками»[101]. Журналу не смогли помочь даже щедрые субсидии: так, в 1896 г. главный редактор получил не менее 35 тысяч рублей. Но уже в начале следующего года обратился за помощью к великому князю Сергею Александровичу. По неподтвержденным данным, сумма всех субсидий составляла цифру до 80 тысяч рублей[102], но журнал все равно прекратил существование в середине 1898 г.

Не вызывает сомнения, что для Тихомирова крах журнала явился болезненным ударом. По сути, только на страницах «Русского обозрения» он мог помещать статьи, не будучи особенно скованным редакционными рамками, в отличие, например, от «Московских ведомостей». Неудивительно, что именно в «Русском обозрении» появилось абсолютное большинство его публикаций, в дальнейшем положенных в основу его оригинальной самодержавно-монархической теории.

Ко всему прочему, печально складывалась судьба и других общественных начинаний, в которых принимал участие Лев Александрович, в частности, судьба «Общества ревнителей русского исторического просвещения в память Александра III», с которым он связывал определенные надежды, рассчитывая использовать членство в нем для продвижения своих идей в петербургские высшие сферы. Первоначально деятели общества даже планировали финансировать издание собрания сочинений Тихомирова[103], о чем говорило письмо к нему одного из лидеров общества Голенищева-Кутузова от 24 апреля 1898 г.

---

[98] Цит. по: *Сергеев С.М.* Л.А. Тихомиров и лагерь русских традиционалистов в 90-е годы. XIX века. С. 607.
[99] ГА РФ. Ф. 634. Оп. 1. Д. 6. Л. 219.
[100] Там же. Л. 100.
[101] *Сергеев С.М.* Тихомиров и «Русское обозрение». С. 612—613.
[102] *Динерштейн Е.А.* И.Д. Сытин. М., 1983. С. 84—85.
[103] ГА РФ. Ф. 634. Оп. 1. Д. 97. Л. 36—37.

Выпускаемый же обществом журнал «Старина и новизна» представлял сугубо академическое издание, к тому же и выходил нерегулярно. Некоторой отдушиной для Тихомирова были хорошие отношения между ним и Грингмутом. Сам Грингмут называл его тогда своим «alter ego». И действительно, на начальном этапе редакторства Грингмута, по крайней мере до 1899 г., Тихомиров шел рука об руку с ним. И во многом благодаря своему опыту и таланту определял идейное направление «Московских ведомостей». Успехи газеты отмечал даже такой взыскательный читатель, как Победоносцев.

В корреспонденциях на имя Тихомирова Новикова указывала на это, сообщая, что Победоносцев пишет ей о том, что тихомировские статьи в «Московских ведомостях» читаются «с живейшим интересом». Укрепление положения издания при Грингмуте в глазах нового царя не могло не вызвать ревнивых взглядов со стороны других официозных изданий, особенно «Русского труда» в лице Шарапова, призывавшего Грингмута взять бразды правления в свои руки, т.е. дистанцироваться от Тихомирова и «повдумчивее вести газету»[104]. Впрочем, находились у газеты и союзники.

Так, третья четверть 90-х гг. XIX в. являла собой период активной работы «Московских ведомостей» совместно с «Гражданином» и ориентирующихся на них продворянских, аристократических группировок по защите в печати дворянских привилегий и поддержке курса на самобытное развитие страны при его корректировке, имеющей целью отстаивать право власти на более широкое вмешательство в социально-экономические процессы, происходящие в России. Такая позиция «Московских ведомостей» вызывала одобрение Николая II, отмечавшего в письме своему дяде Сергею Александровичу, что ему «чрезвычайно нравятся» статьи и вообще тон газеты, и он «успел почерпнуть из нее кое-что, полезное для себя»[105].

При этом все лавры от благожелательной оценки деятельности «Московских ведомостей» высшей властью получал тонкий политикан Грингмут. А это, в свою очередь, вызывало ревность Тихомирова, неоднократно сетовавшего на страницах дневника, что «вся выгода, вся благодарность, вся честь и карьера»[106] достаются Грингмуту, хотя при этом Лев Александрович и признавал в начале 1897 года, что у его политики очень солидные основания, так что он «не смог бы ее критиковать».

Постепенно укрепив свое редакционное положение, а главное — заслужив одобрение высоких правительственных сфер, Грингмут начинает склоняться к проведению газетной политики, исходя из принципа «чего изволите». Иначе говоря, стремится полностью подчинить «Московские ведомости» оправданию правительственного курса. В этом, собственно, не было ничего удивительного. Оскудение «охранительного» лагеря действительно неординарными и талантливыми литераторами и публицистами сформировало к концу 1890-х годов чрезвычайно распространенный в журналистских кругах тип публициста, работающего на потребу власть предержащих. Подобные журналисты не имели ясно выраженных политических убеждений, кроме, может быть, верности престолу, но при этом всегда пребывали в готовности на страницах «правых» изданий озвучивать позицию, выгодную правительству,, насколько бы самоубийственной она ни казалась. Само собой, при такого рода подходе они рассчитывали и неплохо зарабатывать на этом.

Тип такого дельца от журналистики представлял Грингмут, человек тонкого политического расчета, чутко улавливающий любые смены оттенков в политике Зимнего дворца. Близко знавшие его лица, коих не упрекнешь в либеральных симпатиях, отмечали его откровенный политический цинизм. Директор «катковского лицея» (из которого в «Московские ведомости» и пришел Грингмут) К.Н. Станищев вспоминал: «Я знаю Грингмута с молодых лет, и могу смело утверждать, что у него нет твердых политических убеждений. Это ловкий пройдоха, авантюрист, отлично знающий, где "раки зимуют"»[107]. В таком понимании служения царской власти прямую конкуренцию Грингмуту составляли, например, редактор «Гражданина» Мещерский и ряд других официозных издателей.

[104] Русский труд. 1897. № 44. С. 1—6.
[105] *Соловьев Ю.Б.* Самодержавие и дворянство в конце XIX в. С. 270.
[106] ГА РФ. Ф. 634. Оп. 1. Д. 6. Л. 191—192.
[107] *Щетинкин Б.А.* В литературном муравейнике // Исторический вестник. 1911. № 3. С. 884.

С.Ф. Шарапов

Вообще антагонизм между петербургской и московской консервативной прессой был налицо, и конкурирующие стороны не желали примириться, часто принося в жертву саму идею бескорыстного служения охранению основ самодержавной власти. Подобное положение вещей вызывало совершенно оправданное недовольство «идейных» консерваторов. Тихомиров не раз подчеркивал, что Грингмут слишком подобострастен, слишком опасается разгневать власть[108]. Откровенно соглашательская позиция редактора «Московских ведомостей» раздражала не только часть сотрудников газеты, но и неославянофильские круги. В письмах к Тихомирову его друг Киреев зло иронизировал над тем, что «Московские ведомости», «восхваляя все существующее» и защищая «скалозубствующих, мордобьющих и секущих администраторов», в результате, к сожалению, не только теряют массу своих сторонников, но и компрометируют дело монархии вообще[109].

В такой обстановке Тихомирову становилось все труднее находить общий язык с Грингмутом. Многие его статьи Грингмут редактировал лично, а некоторые вообще отказывался печатать. Главную линию противоречий во взглядах редактора и его бывшего соратника можно было сформулировать следующим образом: Грингмут придерживался взгляда на систему государственного управления, полностью исключавшего какие-либо перемены в существующем самодержавном строе, а Тихомиров, наоборот, чем дольше наблюдал организацию власти в стране и взаимодействия Верховной власти в лице монарха с остальными социальными группами, тем явственнее ощущал необходимость достаточно глубоких реформ, направленных на реорганизацию как государственного управления, так и всего социального строя. Все отчетливее он убеждался, что на лозунге «держать и не пущать», характерном для большинства охранителей-ортодоксов, далеко не уедешь. Необходима разработка целостной программы преобразований, невозможной «без ясного понимания монархического идеала»[110]. Считая, что Грингмут поставил «Московские ведомости» на почву «практической политики» и что это его крупная ошибка, впрочем, характерная для большинства охранителей-газетчиков, он настойчиво, посредством своих статей, пытался открыть глаза власти и читающей публике на реальное положение вещей в стране.

1898—1899 гг. оказались не самыми удачными в творчестве Тихомирова. В основном время занимала редакционная рутина в «Московских ведомостях». Изредка спокойное, но малопродуктивное течение жизни наполнялось очередной «газетной баталией» между консервативными изданиями. Так, в октябре — ноябре 1898 г. столичная пресса, в первую очередь «Русский труд», а за ним и «Санкт-Петербургские ведомости» начали печатную кампанию против брата В.А. Грингмута, Дмитрия Андреевича, обвиняя его в финансовых махинациях.

Первый «залп» в развернувшейся газетной шумихе, как всегда, сделал любитель разоблачений Шарапов в статье в «Русском труде» от 9 ноября. «Московские ведомости» вяло отбивались. Грингмут ездил по этому делу в Петербург. Тихомиров, несмотря на личную неприязнь к Шарапову[111], статьи

---

[108] *Костылев В.Н.* Лев Тихомиров на службе царизма... С. 174.

[109] Там же.

[110] ГА РФ. Ф. 634. Оп. 1. Д. 10. Л. 118.

[111] О сложных и противоречивых отношениях Шарапова с представителями консервативного лагеря см.: *Кирютина Т.М.* Проблемы развития русской литературы и журналистики конца XIX — начала XX в. С.Ф. Шарапов. Дис. канд. ист. наук. Смоленск, 2001; Научно-практическая конференция: С.Ф. Шарапов. Жизнь. Дела. Наследие. Посвящена 150-летию со дня рождения С.Ф. Шарапова, писателя, философа, общественного деятеля, сельского хозяина. Вязьма, 2005; *Репников А.В., Соловьев К.А.* Шарапов Сергей Федорович // Русский консерватизм середины XVIII — начала XX века: энциклопедия. С. 572—577; *Репников А.В.* Забытый Сергей Шарапов // Край родной. 2001. № 28. С. 7; *Он же.* Последний романтик славянофильства. Земская утопия Сергея Шарапова в «мертвом поле» идеологической борьбы // Муниципальная власть. Российский журнал местного самоуправления. 2001. № 4. С. 97—99. *Он же.* Сергей Федорович Шарапов // Москва. 2003. № 3. С. 211—219. *Он же.* Шарапов Сергей Федорович // Общественная мысль России XVIII — начала XX века: энциклопедия. С. 616—619; *Он же.* Славянофильская программа государственного устройства Сергея Шарапова // А.И. Кошелев и его время: материалы Международной научной конференции, посвященной 200-ле-

которого считал «подлым пасквилем», тем не менее, не одобрял полностью и поведения Грингмута, подчеркивая в дневнике, что не стал бы скандалить и компрометировать русскую партию, лишь бы успокоить брата. В этом же году в редакции «Московских ведомостей» зажглась новая журналистская звезда — А. Введенский. С 1897 он постоянный сотрудник газеты, его выделяет Грингмут, и отмечает комплиментом Тихомиров: «Не сравнивая г. А. Введенского с Герценом по собственно литературному таланту... в отношении мысли и наблюдения мы со времен Герцена не имели такого своеобразного и самостоятельного взгляда на западную жизнь»[112].

В самом конце года Тихомиров закончил подготовку большой статьи «Царский суд в России», специально послав ее корректуру для прочтения Победоносцеву, хотя и предполагал, что стареющий обер-прокурор Святейшего синода как профессиональный юрист будет недоволен ее содержанием. Статья явилась реакцией на сочинение К.Ф. Хартулари «Право суда и помилования как прерогативы российской державности» (СПб., 1899, в 2-х томах). В целом одобрительно отзываясь об этом исследовании, Тихомиров, тем не менее, не разделял многих положений автора, отмечая: «Не могли не отразиться на труде г-на Хартулари и общие недоразумения современного государственного права, в котором теория Верховной власти грешит полной неясностью»[113]. В качестве особенно слабой отмечалась сравнительно-историческая разработка Хартулари учреждений, благодаря чему автор, как полагал рецензент, видит в царском суде нечто специфически русское. Сам Тихомиров в статье прибегал к своему излюбленному приему — выяснению роли политических учреждений в становлении российской государственности и рассматривал становление и эволюцию юридических учреждений, эту историческую борьбу между магистратами и Верховной властью, в которой «подзаконные учреждения» фактически узурпировали право Верховной власти на отправление правосудия[114]. Тихомиров не соглашался и с мнением Хартулари об отмирании идеи «царского суда». Напротив, он заявлял, что «Царский суд прямо вытекает из самой идеи монархии, подобно тому, как народный суд — из идеи демократии»[115]. Умело оперируя историческими примерами, он обосновал тезис о том, что при монархических началах власти «наилучшие монархические учреждения, суть те, которые допускают наилегче *непосредственное* действие монарха»[116]. Иными словами, по мнению публициста, «прогресс формы всяких учреждений состоит вовсе не в достижении ею возможности обойтись без Верховной власти, а в достижении ею возможности наиболее полно и осведомленно влиять на ход дел»[117]. Тихомиров выступал в работе против либерального принципа «разделения властей», введенного еще Дж. Локком и получившего развитие в Европе в эпоху модерности. Он подчеркивал, что принцип разделения властей относится к области власти управительной, а не Верховной, и призывал практических юристов и государственных чиновников к реорганизации судебных учреждений по иному плану, цель которого — «обеспечить Верховной власти наибольший и легчайший *контроль* всех учреждений, а засим — к выделению во всех учреждениях области их *окончательных* решений, за неправильность коих они подлежат только взысканию, и области решений, подлежащих апелляции к Верховной власти»[118]. Тем более, что, как полагал Тихомиров, «едва ли возможно сомневаться в близком возрождении монархического принципа и в самих европейских странах, а тогда европейская научная мысль, вероятно, поможет нам стать на правильный путь, с которого она нас когда-то столкнула»[119]. Пример такого подхода к вмешательству верховной власти

тию со дня рождения А.И. Кошелева, 23—25 мая 2006 года. Рязань, 2007. С. 65—76; *Он же.* Шарапов Сергей Федорович // Экономическая история России (с древнейших времен до 1917 г.): энциклопедия. М., 2009. Т. 2. Ст. 1156—1159; *Он же.* Идеолог нравственной экономики С.Ф. Шарапов // Церковь и Русский мир: история, традиции, современность: Материалы Всероссийской научно-богословской конференции «V Свято-Филаретовские чтения, 9—10 декабря 2009 года». М.—Ярославль, 2010. С. 39—46.

[112] *Тихомиров Л.А.* Летопись печати // Русское обозрение. 1894. № 1.

[113] *Тихомиров Л.А.* Апология веры и монархии. С. 257.

[114] Там же. С. 261.

[115] Там же. С. 257.

[116] Там же. С. 263.

[117] Там же. С. 264.

[118] Там же. С. 268.

[119] Там же.

в систему осуществления судопроизводства он усматривал в мероприятиях Александра III, на деле свернувшего судебную реформу своего предшественника.

Тихомиров полагал, что в России на практике должна реализовываться особая концепция государственности, самобытность которой заключается в доминировании над юридическими отношениями этического начала. Им, как идеократическим элементом, питалась бы и ограничивалась одновременно верховная монархическая власть. Особенно важно подчеркнуть, что юридическое верховенство монарха в рамках русской монархической государственности имело ограничение именно в этических, обязательных для верховной власти началах. Недаром разработанную Тихомировым концепцию монархической государственности близкие к нему по взглядам консерваторы нарекли концепцией «этической монархии». Своими рассуждениями о «царской прерогативе» Тихомиров предложил, по мнению ряда специалистов, «один из самых корректных вариантов решения философско-правовой проблемы: как, сохраняя "суверенитет личности", ее неотчуждаемые права, обеспечить подчинение вне- и надличностному началу, государству и гетерономному праву»[120]. Идея верховенства решений верховной власти над судебными постановлениями специальных правительственных учреждений была создана им в пику классическому порождению «эпохи модерности» — либеральному подходу, базирующемуся на идее, при которой личность, подчиняясь закону и государству, тем самым подчиняется самой себе.

Появление этой статьи вызвало изрядное недовольство большинства специалистов-правоведов, находивших, что автор рассуждает о том, в чем не совсем компетентен. Очень раздраженно отреагировал на нее и Победоносцев, который в одном частном разговоре «ругательски ругал и Гримгмута, и меня», — запишет Тихомиров. Далее обер-прокурор заявил, что «был у них (в «Московских ведомостях», — *авт.*) один человек, Тихомиров, да и тот стал черт знает что писать»[121]. Более того, Победоносцев не удержался и прислал Тихомирову номер газеты, содержащий критику его преобразовательных предложений. Кроме этого, переслал ему, с явным намеком на несвоевременность его реформационных предложений, статью, повествующую о китайском реформаторе Кан Ювэе и провале его «100 дней реформ», имевших печальные последствия и для судьбы китайского императора[122]. Тем не менее статья «Царский суд в России» привлекла внимание в столичных департаментах. Она была доставлена для прочтения тогда еще управляющему Министерства внутренних дел Д.С. Сипягину, но на практике дальше этого дело не пошло. Несмотря на критику идей Тихомирова консерваторами-охранителями, можно отметить, что уже в то время он смотрел на проблемы организации и устроения самодержавной власти значительно шире, чем они. Тихомиров понимал, что политическая система России нуждается в определенной корректировке. И если ничего не менять сейчас, то в дальнейшем ситуация может измениться в худшую сторону, и дальнейший ход событий подтверждал наихудшие его опасения.

Обстановка в стране к началу 1899 г. постепенно накалялась. Февраль 1899 г. принес первые весточки начинающегося революционного подъема; в столице вспыхнули студенческие беспорядки. Вину за подобные провалы во внутренней политике Тихомиров взваливал на деятельность правительства, представлявшего, по его мнению, собой худшие образчики бюрократизации правящего режима. В сложившейся обстановке он выступил с предложением обратиться через «Московские ведомости» к молодежи, дабы предостеречь ее от сползания в революционную пучину, и разъяснить ей истинное содержание монархического принципа. Идею горячо поддержал и Победоносцев, приславший ему в апреле 1899 г. два письма на эту тему. Но редакция газеты

---

[120] *Верещагин В.Ю., Макеев В.В., Понежин М.Ю.* Доктрина монархической государственности Л.А. Тихомирова. С. 82.

[121] ГА РФ. Ф. 634. Оп. 1. Д. 6. Л. 172, 176 об.

[122] Кан Ювэй стал в 1898 г. во главе патриотического движения в Цинской империи. Его реформистские предложения были поддержаны молодым императором Гуансюем и положили начало реформистскому курсу, длившемуся чуть более 3 месяцев, целью которого была задача возрождения Китая. Все это породило мощную оппозицию в кругах правящей маньчжурской элиты и привело к перевороту, инспирированному императрицей Цыси и осуществленному Юань Шикаем, после которого император фактически до конца жизни находился под домашним арестом. Подробнее см.: *Фань Вэнь-лань.* Новая история Китая. М., 1955. С. 428—473.

получила указания из Петербурга ничего не писать о студенческих беспорядках.

Следствием такой студенческой акции стало закрытие большинства учебных заведений, а специальное правительственное сообщение от 2 апреля 1899 г. подвело итог этих бурных месяцев. В создавшейся обстановке среди консерваторов начал дискутироваться вопрос о сочетании Верховной власти и земского самоуправления. Министерство внутренних дел по предложению министра И.Л. Горемыкина инициировало появление проекта введения земства в Западном крае и еще четырех губерниях Северо-Западного края. Ярым противником проекта выступил Победоносцев, не раз заявлявший, что «нетрудно представить себе, какой отсюда последует вред для русского дела и для существенных интересов русской власти в Северо-Западном и Юго-Западном крае»[123]. Неожиданно союзником его стал министр финансов Витте. В своей записке Горемыкин, хорошо знакомый с земской проблемой по личному опыту, доказывал, со ссылкой на труды славянофилов, что местное самоуправление вполне совместимо с неограниченной монархической властью, что Россия искони привыкла к различным видам самоуправления — от сельских сходов до инородческих учреждений и т.д. Появление записки Горемыкина вызвало восторг у Тихомирова, считавшего, что она «очень умна». Содержание документа показывало Льву Александровичу, что в правительственных сферах есть люди, разделяющие его политические воззрения. Он с удовлетворением пишет в дневнике 22 апреля об этой «Записке», сетуя, что уже давно не читал в министерских записках ничего очень умного, истинно государственного. Пытаясь склонить на свою сторону и Победоносцева, Тихомиров посылает ему свою книгу «Единоличная власть...», надеясь, что содержащиеся в ней главы о самоуправлении помогут последнему скорректировать свои взгляды на данную проблему. При этом Тихомиров подчеркивал 22 апреля 1899 года в дневнике, что записка Горемыкина «так умна», что едва ли стоило посылать далеко не законченную конспективную книгу. В ответ на предложения Горемыкина летом 1899 г. появляется доклад Витте «О самодержавии и земстве», доказывающий тезис о полной несовместимости «общественной самоуправляемости» с неограниченной самодержавной властью. Появление подобного документа вызвало немалое удивление Тихомирова, ранее (запись от 28 февраля 1899 г.) отмечавшего, что доказательства непригодности введения земских учреждений имеют неверный исходный пункт — это «будто бы несовместимость самодержавия и самоуправления». Тихомиров полагал, что это неверная и зловредная мысль.

С.Ю. Витте

Появление подобного доклада, в свою очередь, еще сильнее укрепило Тихомирова в мысли, что правительство не способно понять истинной сущности самодержавия. В частности, записка Витте подтолкнула его к разработке проблемы взаимодействия единоличной монархической власти и народного представительства при ней. Однако правительство вновь не прислушалась к его голосу. Совместные действия Победоносцева и Витте имели успех, и Николай II не пошел по пути, предложенному Горемыкиным, так и не попытавшись связать Верховную власть с идеями земского самоуправления.

В некотором роде попытка сохранить «незыблемой» самодержавную власть объяснялась все усиливающимися противоречиями на Дальнем Востоке. И все же, несмотря на обострение как внутренней, так и внешнеполитической ситуации, готовность царя беспрекословно идти по пути, предложенному Витте, пугала Тихомирова, отмечавшего еще в феврале 1899 г., что он боится земского вопроса, т.к. «Московские ведомости», «наверное, втянутся в антиземское движение, а между тем как ни глупо земство, а ужаснее замена его чиновничеством»[124].

Опасения Льва Александровича по этому поводу полностью оправдались. Грингмут, чуткий к политическим веяниям и ориентирующийся на Витте, действительно, активно включился в анти-

[123] Цит. по: *Ольденбург С.С.* Царствование императора Николая II. М., 1992. Т. 1. С. 152.
[124] ГА РФ. Ф. 634. Оп. 1. Д. 6. Л. 192 об.

земскую кампанию, полностью игнорируя попытки Тихомирова объяснить читателям, что идея народного представительства при самодержавном монархе имеет право на существование, а уничтожение земства в Империи еще более подтачивает само основание Верховной власти и грозит похоронить российское самодержавие под обломками чиновничье-бюрократического управления, чуждого русской политической традиции.

Обострившаяся ситуация в стране и на международной арене как никогда требовала консолидации «промонархических» сил, но о подобном единстве приходилось только мечтать. Между изданиями «охранительного» толка шло настоящее сражение за влияние на слабого хозяина Зимнего дворца. Естественно, не оставался в стороне и Грингмут. В результате газетный тон «Московских ведомостей» все менее устраивал Тихомирова.

Все явственнее перед ним выкристаллизовывается мысль о необходимости создания при помощи правительства «крупного периодического органа православно-монархического направления», способного «сделаться центром русской нации» и задавать тон и направление деятельности для всего «образованного класса», в том числе его «правящей части»[125].

Некоторое время казалось, что замыслы Тихомирова близки к осуществлению. Он едва не добился возрождения «Русского обозрения», но в 1900 г. эта затея лопнула. Несомненно, к провалу данного начинания приложила руку и конкурирующая с московской столичная «правая» пресса, имеющая влияние при дворце. Да и положение Победоносцева в столичных сферах в начале XX в. было уже не столь прочным, и стремительно набиравший политический вес Витте не испытывал особой симпатии к Тихомирову.

Рассматривая же собственно публицистические работы Тихомирова в данный период, укажем, что в 1899 г. он значительное внимание уделил экономическим вопросам развития страны. Причем наиболее значимые его работы отнюдь не шли в фарватере правительственной политики, направляемой Витте.

Еще в первой половине 1890-х годов Тихомиров наметил в общих чертах те проблемы в социально-экономическом развитии России, на которых он хотел остановиться. Это, в частности, формирование крупной промышленности «фабричного типа», но при обязательном согласовании экономических интересов крупных промышленников с социально-политическими интересами всего общества и государства; патерналистская политика государства в экономических вопросах по отношению к различным сословным группам; попечительская политика государства в рабочем вопросе. В конце 90-х гг. он уже неизменно увязывал в своих публикациях вопросы, касающиеся интересов развития крупной промышленности, с выработкой единой национальной программы социально-экономических преобразований в России под эгидой сильной государственной власти во главе с монархом. Предостерегая при этом правительство от недооценки социально-политических последствий быстрого развития капитализма в стране.

В 1899 — 1900 гг. он выпустил две брошюры, логически вытекающие одна из другой: «Земля и фабрика» и «Вопросы экономической политики». В них Тихомиров концептуально обосновал свои, к тому времени уже сложившиеся, взгляды на пути социально-экономического развития России. Выступая против мнения ряда экономистов и публицистов, ратующих в духе Витте за наводнение России иностранными капиталами, Тихомиров отстаивал другую форму ее модели экономического развития.

Его идеалом являлась в некотором роде экономическая автаркия, создающая мощное самоудовлетворяющееся производство, практически не зависящее от иностранного капитала и развивающееся под эгидой государства, регулирующего все экономические процессы. «Государственная власть не есть власть *произвольная*, а имеет совершенно определенные обязанности — *охранять, укреплять, развивать именно ту страну, тот строй, те основы, существование коих только и дало государству его власть и его права.* Эта основная истина государственной науки определяет и *экономическую политику* государства», — подчеркивал он в работе «Земля и фабрика»[126]. По

[125] ГА РФ. Ф. 634. Оп. 1. Д. 6. Л. 135—136.

[126] *Тихомиров Л.А.* Апология веры и монархии. С. 272.

его мнению, «производство — дело такого рода, что если выбирать из двух зол, то менее вредным было бы полное невмешательство государства, нежели вмешательство ошибочное... *ошибочное* приложение фактора такой огромной, особенно у нас, силы, как правительственная власть, может иметь самые опасные последствия, подрывая ту необходимую гармонию экономических процессов, от которой зависит самое *существование* народа и всего культурного и политического элемента, вырастающего на народной жизни»[127]. В предлагаемой им экономической концепции намечались две важнейшие цели, которые должно было преследовать национальное правительство: 1) поддержание оборотного капитала; 2) его постоянное увеличение, как главный фактор экономического развития страны. Достигая этого результата, правительство, по мысли Тихомирова, должно также создать определенный избыток средств для различных учреждений, без которых функционирование народного представительства, а следовательно, и жизнь нации невозможны, и на первом плане должно стоять государство. По мысли Тихомирова, необходимо всячески способствовать созданию сильного внутреннего рынка, исходя из возможно более тесной связи своей же фабрики со своей же собственной землей, где иностранный рынок является исключением, не основой, а небольшим придатком, даже если иностранное сырье будет дешевле, т. к. главным мерилом для Тихомирова являлась самоудовлетворяющаяся экономика, обеспечивающая независимость страны. В своих экономических выкладках он выступал и за равновесие производства, т.е. за сбалансированность добывающих и обрабатывающих отраслей промышленности. Он сводил главную задачу национальной экономики к трем составляющим: «1) возможно сильное производство; 2) возможно полное *равновесие производства*; 3) возможно правильное распределение продукта» производства[128].

Тихомиров довольно скептически относился к идее мирового рынка, выступая против переустройства экономики России по типу промышленно развитых стран Европы, и придерживался мысли, что широкая постановка экономической политики на основе внешних рынков оказывалась возможной лишь до тех пор, пока существовала разница в промышленном развитии Европы и остального мира. На современном этапе, по его мнению, выраженному в работе «Вопросы экономической политики», для такой страны, как Россия, как и для любой другой великой страны, крайне важна потребность во внешних рынках. Он прогнозировал: «Представим себе недалекое будущее, когда все нации земного шара станут промышленными. Где же они будут искать "внешние" рынки? Не на Луне ли иль на Марсе? На Земле — во всяком случае — для нынешней хищнической политики внешних рынков места не останется, и "передовым промышленным странам" придется со страшными внутренними потрясениями перестраивать свою экономическую организацию на новый для них *нормальный* порядок, то есть по идее **внутреннего** рынка»[129]. Поэтому приоритетным должно быть развитие внутреннего рынка, а для этого необходимо проводить определенную социальную политику, направленную на повышение покупательной способности основной массы населения, а оно в России, по сравнению с другими странами Европы, огромно — около 130 млн. человек. Для поддержания внутреннего рынка и приоритетного развития национальной промышленности, дававшей работу миллионам рабочих рук, Тихомиров высказывался за протекционистскую систему, выступая против политики иностранных займов, толкавших экономику страны на работу для внешнего рынка в ущерб развитию рынка внутреннего.

Оценивая его предложения с позиций современного научного знания, хотелось бы отметить, что выдвигаемые им тогда экономические проекты во многом предвосхитили идеи, положенные в 30-е гг. XX в. в основу модели развития, получившей название «третьего пути». На практике эти идеи в той или иной форме реализовывались тогда в экономической политике ряда авторитарных и тоталитарных политических режимов Европы и Латинской Америки. Стоит отметить, что предлагаемая Тихомировым модель экономического развития России оказалась во многом близкой экономической практике, осуществляемой режимом Муссолини в Италии[130]. Это касалось, например,

[127] *Тихомиров Л.А.* Апология веры и монархии.С. 269—270.
[128] Там же. С. 276.
[129] Там же. С. 286.
[130] *Милевский О.А.* Л.А. Тихомиров и Б. Муссолини: две концепции «корпоративного государства» (опыт сравнительного анализа). С. 114.

желания видеть более активное участие государства в регулировании экономических процессов. Однако, главное, что их объединяло, — это идея создания самодостаточной, независимой от влияния внешних факторов экономики — автаркии. В Италии фашистские идеологи провозгласили курс на то, чтобы сделать страну независимой от импорта сырья и продовольствия, и стремились воспитать «автаркический образ мышления масс»[131]. При этом не будем забывать того факта, что масштабы экономики и ресурсной базы России и Италии были несопоставимы.

Тихомиров негативно относился и к политике, ориентированной на привлечение большого количества иностранного капитала в экономику страны. Он считал, что это вредно для интересов государства, призывая сосредоточиться на охране экономической независимости России, «ибо, поработив ее производство иностранным капиталам и "мировому рынку", мы уже и будущим поколениям, более нас способным, не дадим возможности разумной организации русского производства»[132]. Подобная постановка вопроса роднит предложения Тихомирова с тем, что впоследствии попыталось использовать в своих экономических построениях правительство Муссолини[133].

В целях поднятия покупательной способности основной массы населения, которую составляло в основном крестьянство, и для повышения эффективности сельского хозяйства он высказывался за то, что на земле нужно присутствие трех распорядительных сил: 1) массы мелких хозяев, крестьян; 2) крупного землевладения, являющегося творцом всего, на что требуется большой национальный капитал; 3) государства, охраняющего почвенно-климатические условия.

Решение сельскохозяйственной проблемы Тихомиров видел в ликвидации чересполосицы, связанной с принудительным перераспределением общественных земель, создании крупных крестьянских хозяйств как основного механизма по производству сельскохозяйственной продукции. Для этого, как он думал, необходимы долгие сроки владений, не дробимых и не отчуждаемых из сословия. Кроме того, необходимо иметь в государственном владении земли, которые нужны для охраны почвенно-климатических условий. Для достижения этого нужно было, по его мнению, приобретать в казну новые земли за счет закладных дворянских имений.

Все несуразицы в развитии русской экономической мысли Тихомиров связывал с проникновением в страну социалистических идей, основанных на доктрине К. Маркса, легко усвоенных отечественной либеральной интеллигенцией, склонной к подражательности. Он предостерегал от переноса марксистских воззрений на капитализм на русскую почву, протестуя против переустройства России по английскому типу и готовности либерально образованных слоев русского общества «перенимать у Европы и политическое устройство, и веру, и нравы, и безнравственность, и вообще все, что не увидим»[134].

Следует особо отметить, что свои экономические построения, ориентированные на автаркию и быстрое развитие внутреннего рынка страны, Тихомиров ставил в непосредственную связь с усилением экономической роли государства. Экономическая политика такого рода оказалась бы невозможной без выработки определенного социально-политического направления, неразрывно связанного с направлением экономическим, т. к. проведение хозяйственных преобразований связывало воедино интересы разных классов и сословий.

Как справедливо полагал Тихомиров, создание емкого внутреннего рынка не могло обойтись, с одной стороны, без активизации фабрично-заводской промышленности, а это приводило к росту рабочего класса, с другой — повышение покупательной способности требовало решения крестьянского вопроса, т. к. именно крестьянство составляло большинство населения, следовательно,

---

[131] *Белоусов Л.С.* Режим Муссолини и массы. М., 2000. С. 190.

[132] *Тихомиров Л.А.* Апология веры и монархии. С. 279.

[133] В Италии правящий режим на практике начал проводить курс на вытеснение государством из экономики зарубежного капитала. Во многом для этого правительство страны в мае 1934 г. установило жесткий контроль над всеми зарубежными активами и ввело государственную монополию на валютные операции по обмену. Принудительно сокращался импорт, а убытки покрывались значительным увеличением правительственных заказов. См.: *Белоусов Л.С.* Режим Муссолини и массы. С. 189.

[134] *Тихомиров Л.А.* Апология веры и монархии. С. 292.

являлось основным покупателем промышленной продукции. Все это увязывало в одно целое как экономические, так и социальные проблемы.

По мысли Тихомирова, только государство во главе с монархом, наделенным единоличной властью и стоящим над сословиями, могло распутать сложившийся клубок социально-экономических противоречий в стране. В его программных экономических работах, несомненно, наличествовали вполне разумные, а главное — необходимые экономические предложения, особенно в отношении крестьянства. Но при этом явно утопично звучала идея об экономической изоляции страны, ее дистанцировании от объективных мировых экономических процессов, таких, как участие в международном разделении труда, в которое все активнее втягивалась Российская империя. В целом выдвигаемая им социально-экономическая программа шла в пику экономическому курсу, проводимому министром финансов Витте. Публицист Юрий Кублановский отмечает: «Максимализм был... имманентной составной личности Тихомирова. Выбравшись из революционной клоаки, он весь до конца отдается новой утопии, несравненно более значительной и высокой, чем революционная, — но все равно утопии, а следовательно, чему-то уже внежизненному, точнее, не имеющему долгосрочных исторических перспектив»[135].

Хотя нельзя не отдать должного Тихомирову за то, что он попытался предостеречь правительство от игнорирования назревающих в стране социальных проблем в угоду частному и особенно иностранному капиталу. Проблем, помноженных на явную отсталость российского рабочего законодательства, что могло привести, и, в конечном счете, привело, большинство промышленных рабочих в объятия различных «левых» партий.

Бурное капиталистическое развитие экономики России в 90-е гг. XIX в. привело к форсированному росту крупных промышленных предприятий, особенно в центре России. По данным А. Погожева, за последнее десятилетие XIX в. возникло не менее 40% всех фабрично-заводских предприятий. Впрочем, это была только одна сторона медали. Другая заключалась в совершенной неразработанности социальной политики в отношении рабочего сословия.

Поэтому-то события 1900 г. не настраивали Тихомирова на мажорный лад. Начало года ознаменовалось опубликованием в прессе списка «почетных академиков», принятых в Академию из литераторов. Его опубликование сигнализировало Льву Александровичу о начале очередного либерального наступления и о «капитуляции» перед ним Верховной власти. Список академиков вызвал у него бурю гнева. На страницах дневника 18 января 1900 года он не скрывал своих чувств, отмечая, что в списках граф Л.Н. Толстой, что «скандально, но еще понятно», но «даже Короленко — почетный академик!». Это, по его мнению, говорило о падении высших слоев. «Какая скотина могла предложить его» и как могли принять, недоумевал Тихомиров. Через день, 19 января 1900 г., после столь неприятного для него известия, наступил его день рождения, ему исполнилось 48 лет. На страницах того же дневника он подвел достаточно неутешительный итог своему пребыванию на родине: «И вот пошел я своей дорогой. Ну, ей-Богу же, я старался... Прошло 14 лет. И что же? Нуль? Если не круглый нуль, то какая же величина? Дробь, какая-то бесконечно малая»[136]. При этом надо отметить, что Тихомиров тогда еще надеялся на лучшее для себя и для России. Он не переставал, даже в условиях постоянного редакционного мелкотемья и суеты, работать над важнейшими вопросами, напрямую касающимися разрабатываемой им «положительной программы» преобразований самодержавной государственности.

Так, в самом начале нового века он вновь, в который уже раз, обращается к вопросам церковной политики. Во многом этому способствовало появление в официозной печати, по его представлениям, достаточно острых статей по православной тематике. Отличался подобными публикациями «Гражданин». Чего стоит, например, помещенная в № 8 за 1900 г. достаточно смелая, с точки зрения ортодоксального православия, статья по поводу Розанова и его религиозных воззрений. Появление подобной статьи, да еще и написанной священнослужителем, вызвало возмущение Тихомирова,

---

[135] *Кублановский Ю.* О публицистических мыслях Льва Тихомирова [Рецензия на книгу: Лев Тихомиров. Критика демократии. Издание редакции журнала «Москва», 1997, 667 с.] // Новый мир. 1998. № 11. С. 224.

[136] ГА РФ. Ф. 634. Оп. 1. Д. 2. Л. 130.

который критически относился к исканиям Розанова. Он отправляет Победоносцеву резкое письмо по поводу «возмутительно еретической» статьи протоирея А-го (фамилия не установлена) в № 8 «Гражданина», фиксируя в дневнике, что спрашивает Победоносцева в письме — кто уполномочил автора на такую статью и как Синод отнесется к этому «еретику».

Стремясь хоть как-то обуздать интеллектуальные изыскания светских писателей в вопросах религии и веры, Тихомиров пытается воздействовать на них печатным словом, противопоставив «заблудшим душам» истинно православные работы. Так, анализируя на страницах «Московских ведомостей» статью Тареева «Цель и смысл жизни», он отмечает, что «психология "научная" стремится отыскать законы человеческой душевной жизни. Но наряду с человеческой душевной жизнью для полноты его существования должна быть Божественная духовная жизнь», а заслуга Тареева в том, что он дает формулировку этой христианской психологии. Все же заблуждения Л.Н. Толстого, Розанова, Н.А. Эгельгардта и других «имеют в своей основе полное незнание христианской психологии, той психологии, которая указывает нам жизнь духовную, то есть жизнь Бога в человеке»[137].

Подобные же идеи он высказывает в статье, посвященной выходу в свет 5-го издания «Московского сборника» Победоносцева. В статье, кроме восторженных отзывов об этом событии, Тихомиров предостерегает, обращаясь к запутавшейся в поисках Бога творческой интеллигенции: «Вместе со всем образованным миром Россия переживает критическое время, исход которого зависит от того, возобладает ли в течении общественной жизни мысль зрелая, глубокая, или легковесное, поверхностное влияние полуобразования»[138].

Интерес к проблемам православия, его защиты и распространения совпал у Тихомирова и с изменившейся ситуацией на Дальнем Востоке, а именно — в Китае. Причем обращает на себя внимание тот факт, что он, рассуждая об особой миссии православия в мире, в первую очередь имел в виду его распространение и продвижение на дальневосточные и азиатские территории, сопредельные с Россией. Подобная геополитическая переориентация православной экспансии разительно отличала предложения Тихомирова от представителей неославянофильских кругов, придерживающихся традиционной для них панславистской и ближневосточной ориентации.

Интерес к проблемам православия, его защиты и распространения за окраины России был тесно увязан у Тихомирова с вопросами внешнеполитической тематики. Еще в 1891 г. он поместил в «Московских ведомостях» небольшой очерк «Сибирские вопросы», в котором призывал не только активнее осваивать русский Дальний Восток, но и предостерегал, что «мы должны иметь на Востоке не новую Балтику, не Финляндию, а настоящую Россию», и указывал на необходимость осознания того обстоятельства, что хозяйственная колонизация и освоение этого региона государством должно идти рука об руку с религиозно-культурным проникновением, и в этом деле роль православной церкви, несомненно, главенствующая. «Успехи православия — это успехи русского образа жизни, русских порядков», — подчеркивал он[139]. Кроме того, Тихомиров считал, что необходима активная миссионерская деятельность, чтобы уберечь новых русских подданных «от увлечения другими религиозными течениями» (например, буддизмом). Поэтому он предлагал активизировать православную пропаганду и на сопредельных с Россией территориях, особенно в Китае[140].

Следует признать, что в своих построениях он был не одинок и во многом действовал под воздействием работ Э.Э. Ухтомского, сопровождавшего в 1890—1891 гг. в поездке по Дальнему Востоку наследника престола Николая Александровича, и написавшего по итогам поездки многотомный отчет[141]. Оценивая взгляды Э.Э. Ухтомского, можно отметить, что, «вопреки распространенному мнению, он отнюдь не идеализировал Восток (в частности Китай), хотя и считал его гораздо

---

[137] *Тихомиров Л.А.* Христианская психология // Московские ведомости. 1901. № 291.

[138] *Тихомиров Л.А.* Московский сборник // Московские ведомости. 1901. № 299.

[139] *Тихомиров Л.А.* Сибирские вопросы // Московские ведомости. 1891. № 122.

[140] Там же.

[141] *Ухтомский Э.Э.* Путешествие на Восток Его Императорского Высочества, Государя Наследника Цесаревича. 1890—1891. Т.1—3 (ч. 1—6). СПб., 1893—1897. Подробнее см.: *Репников А.В.* // Ухтомский Эспер Эсперович // Русский консерватизм середины XVIII — начала XX века: энциклопедия. С. 535—538.

ближе к России в геополитическом и духовном отношении, чем Запад»[142]. Однако в отличие от того же Э.Э Ухтомского, а также И.И. Дусинского, А.Е. Вандама, Ю.С. Карцова[143] Тихомиров заострял больше внимания на религиозной составляющей вопроса. Хотя тогда Цинская империя оценивалась в России не столько как арена для массированной религиозной пропаганды, сколько как объект геостратегического и экономического интереса, Тихомиров более склонен был рассматривать нашего дальневосточного соседа в первую очередь как основного «конкурента» в борьбе за духовное влияние в регионе, а уж потом оценивал его с точки зрения экономического интереса и бо́льшой политики[144].

Э.Э. Ухтомский

В свою очередь представители петербургских правящих сфер, чью точку зрения отражал, например, редактор «Санкт-Петербургских ведомостей» князь Э.Э. Ухтомский, при участии которого в конце XIX — начале XX в. активизировалась российская политика на Дальнем Востоке[145], смотрели на Поднебесную империю именно сквозь призму преимущественно геополитического интереса. Ухтомский был уверен, что «в Азии для нас, в сущности, нет и не может быть границ, кроме необузданного, как и дух русского народа, свободно плещущего у ее берегов необъятного синего моря»[146]. Российская держава должна «стать тем, чем она от века призвана быть (мировою силой, сочетающей Запад с Востоком), или бесславно и незаметно пойти по пути падения...», — полагал князь[147]. Отметим, что в дневниковых записях, оценивая критические отклики Ухтомского по поводу войны с Китаем, Тихомиров охарактеризовал противников войны эпитетом — «рыхлая дрянь». Однако в главном предложения Тихомирова и Ухтомского совпадали — в том, что Россия должна и обязана придерживаться в отношении Китая более *ясной* политики, в том числе и в поддержании миссионерской деятельности, а это, в свою очередь, поможет России в дальнейшем не только сохранить свои дальневосточные рубежи в неприкосновенности, но и должно способствовать укреплению российского влияния в само́м Китае. Беда, по Тихомирову, состояла в том, что Россия сама не знает, чего она хочет добиться в Азии, и к тому же еще опасается Японию.

Развивая дальневосточную тему в этом направлении, Тихомиров в 1894 году помещает в «Русском обозрении» статью «Япония и Китай в Корее»[148], в которой на основе анализа итогов Японско-китайской войны 1894 г. не только указывает на очевидные интересы России в тихоокеанском регионе, но и указывает на ту опасность, которую представляет для российских интересов на Дальнем Востоке возрастающая военная и экономическая экспансия модернизированной Японии. Само собой, геополитическое закрепление России на новых дальневосточных рубежах, по мнению Тихомирова, невозможно было бы без укрепления ее социокультурного, а особенно религиозного влияния.

Стоит обратить внимание на то обстоятельство, что для Тихомирова аксиомой являлся факт непосредственной связи внешнеполитических задач, стоящих перед Россией, и проводимой в стране внутренней политики. В 1895 г. в № 9 «Русского обозрения» появляется его статья «Нечто из внешних задач», в которой он прямо задает читателю вопрос: «Может ли Россия хотя бы во внутреннем устройстве стать сама собой, без участия в жизни международной?»[149]. И сам же на него отвечает: «Разве внешняя политика не выясняет нам между прочим и того, чем мы должны быть внутри?

---

[142] *Репников А.В.* Консервативные концепции переустройства России. С. 225.

[143] Подробнее см.: *Репников А.В.* Вандам Алексей Ефимович // Русский консерватизм середины XVIII — начала XX века: энциклопедия. С. 84—85; *Он же.* Дусинский Иван Иванович // Там же. С. 167—170; *Он же.* Карцов Юрий Сергеевич // Там же. С. 226—229; *Он же.* Алексей Ефимович Вандам — русский геополитик // Русское время. Журнал консервативной мысли. 2010. № 1. С. 74—79.

[144] *Милевский О.А.* Российская дальневосточная политика конца XIX — начала XX вв. в геополитической проекции Л.А. Тихомирова // Проблемы национальной стратегии. М., 2010. № 4. С. 147—167.

[145] См.: *Витте С.Ю.* Избранные воспоминания. М., 1991. С. 330—333.

[146] *Ухтомский Э.Э.* К событиям в Китае. Об отношениях Запада и России к Востоку. СПб., 1900. С. 84.

[147] Там же. С. 85.

[148] *См. статью в приложении к данной книге.*

[149] *Тихомиров Л.А.* Христианство и политика. С. 303.

Между делами внешними и внутренними, вообще говоря, вовсе не легко провести ясную границу, и особенно у нас, в России»[150]. У Тихомирова не вызывало сомнения, что Россия призвана играть мировую роль и «она имеет свою историческую миссию, посредством которой — хочет или не хочет — живет не для одной себя, а для всего мира... Нам приходится жить для *мира*, и устраиваться так, чтобы мы могли исполнять эту миссию»[151]. Важнейшей составляющей мировой роли России было ее служение возрождению и сохранению духа православия в человеческой цивилизации. Более того, он считал, что через осознание верховной властью и народом всемирной миссии России по распространению православия можно будет и в собственной стране достичь стабилизации внутриполитических порядков на основе церковно-государственной симфонии: «Разные "вольные пророки" доводили у нас идею православия до чистого протестантства, упражняются в этом и по сей час. Но вот мы видим, что болгары и абиссинцы заставляют нас вспомнить идею *церковности*. Без сомнения, ее легче вспомнить на внешних делах, на чужих делах, но раз вспомнив — разве мыслимо не примерить ту же мерку и ко внутренним отношениям»[152].

И все же наибольший интерес у него вызывало продвижение православной культуры на дальневосточные рубежи Империи. Особенно Тихомиров заинтересовался этим вопросом применительно к Китаю. Да и внимание всего мыслящего русского общества было приковано к нему на рубеже веков, после того, как там в 1899 г. началось восстание «ихэтуаней» (в Европе его называли «боксерским»). Одним из главных лозунгов восстания, начавшегося в Шандуне, была борьба против иностранного вмешательства в дела страны и против деятельности европейских религиозных миссий. К весне 1900 г. восстание стало приобретать ярко выраженный антиевропейский, в том числе и антирусский, характер. Участились нападения на религиозные христианские миссии, сопровождавшиеся убийствами крещеных китайцев и миссионеров. Все эти насилия чинились ихэтуанями при негласной поддержке Цинской династии повсеместно. Характерна в этом отношении запись от 15 июня 1900 г. в дневнике А.С. Суворина: «Китайские события очень тревожат меня, больше, чем мое болезненное, дохлое состояние»[153]. Следствием эскалации напряженности стало усиление в стране военного присутствия европейских держав, США и Японии, но это не помешало ихэтуаням уже при официальной поддержке Цинов захватить Пекин и начать громить дипломатические представительства и религиозные миссии. Была захвачена, разграблена и сожжена Русская православная миссия в Пекине. И по свидетельству очевидца событий: «Православным китайцам пришлось претерпеть жестокие мучения и казни 10 и 11 июня 1900 г. Православные китайцы считали себя безопасными от преследований, как бывшие потомки казаков албазинцев, исповедующие православную веру с разрешения пленившего их императора Канси, так и по принадлежности к знаменным китайским войскам.

Ихэтуани, однако, не считались с историей и правами, а преследовали одинаково всех китайцев-христиан, почему в эти дни было убито православных 222 человека: 75 мужчин, 76 женщин и детей обоего пола 71»[154]. Кроме погромов в Пекине, убийства православных китайцев были отмечены и в других регионах Цинской империи, например, в православной китайской деревне Дунь Дунь-ань из четырехсот крещеных китайцев более трехсот погибли мучительной смертью, а построенный там храм был разрушен[155].

События в Китае, на которые Тихомиров смотрел не только как на ущемление российских геополитических интересов, но и как в первую очередь на цивилизационный вызов христианству вообще и православию в частности, вызывали у него негодование. С точки зрения православной экспансии России было что терять в Поднебесной. К началу восстания подвижническими усилиями русских миссионеров на территории Китая существовала не только Пекинская православная миссия,

---

[150] *Тихомиров Л.А.* Христианство и политика. С. 303.

[151] Там же. С. 308.

[152] Там же. С. 306.

[153] Дневник Алексея Сергеевича Суворина. М.—London, 1999. С. 391.

[154] *Корсаков В.В.* Год в Пекине // Русская мысль. 1905. № 1. С. 104.

[155] См.: Церковные ведомости. 1900. № 43.

созданная официально еще в 1728 г.[156], но и имелись две православные церкви в Пекине, храм на юге Китая в Ханькоу, существовал также храм в деревне Дунь Дунь-ань, построенный при о. Исайе[157].

После подписания в 1858 г. Айгунского мирного договора Пекинская миссия под началом возглавляющего ее архимандрита Флавиана (Городецкого) начала работать особенно активно. Поэтому начавшееся восстание грозило уничтожить только что наметившиеся ростки православной миссионерской деятельности в Поднебесной, что не могло не волновать Тихомирова. Тогдашнее его настроение как нельзя лучше характеризует дневниковая запись летом 1900 года: «И вот того и гляди будем малодушны и в самую важную минуту восточной истории все провороним, а это будет значить, что через несколько времени будем жертвой китайского нашествия»[158].

В своих рассуждениях о политике России в Китае в период «восстания боксеров» Тихомиров был не оригинален. Как и большинство консерваторов, он высказывался за немедленное занятие Маньчжурии и усиление колонизации всего того, что в ней «может быть колонизированно». В целом его внешнеполитические оценки не шли дальше предложений «ура-патриотов» из компании А.М. Безобразова — сторонников создания «Желтороссии». «Безобразовцы», в отличие от Витте, «сторонника неподвижного Китая», гарантом чего выступала Россия в Московском договоре 1896 г., требовали территориальных приобретений в Поднебесной империи, что, по сути, и привело к дальнейшему обострению англо-русско-японских противоречий на Дальнем Востоке и в конечном счете к русско-японской войне 1904–1905 гг.

Неискушенный в вопросах дипломатии, Тихомиров, опьяненный видимой военной мощью России и не без основания опасавшийся за судьбу Православной миссии и принявших православие китайцев, высказывал подобного же рода предложения. Ему не нравилось, что Россия действовала не открыто, не брала прямо открытой и «благородной силой» то, что безусловно необходимо для нее (Порт-Артур, Маньчжурия). Тихомиров считал, что лучше прямо занять Маньчжурию во время войны, нежели заключать «лукавые» договоры. Подобные мысли он проводил и в ряде статей, помещенных в «Московских ведомостях». Очень жестко отозвался он на события в Китае в передовице от 12 августа 1900 г., критикуя политику МИДа во главе с В.Н. Ламздорфом относительно Китая. Статья вызвала одобрение в правящих кругах Петербурга, где «партия Безобразова» набирала силу. Единственное, что несколько отличало позицию Тихомирова от «безобразовской», — это приведение им аргументов в пользу необходимости активного религиозного проникновения в конфуцианский Китай.

Особенно четкое выражение подобная позиция, обосновывающая необходимость активной православной экспансии, получила в цикле статей Тихомирова в «Московских ведомостях» в сентябре 1900 г., объединенных общим названием «Китай, Россия и Европа»[159]. В них автор отстаивал право Европы и России вмешиваться в китайские дела, обосновывая это тем, что все государства, в том числе и Цинская империя, образовывались за счет завоевания. Он также обвинял китайские власти в ущемлении прав европейцев. Протестуя против обвинения цинскими властями европейцев в том, что они распространяют христианство в Китае, Тихомиров порицал российские правящие сферы и РПЦ за бездеятельность в этом вопросе. Публицист, дабы укоренить влияние России в Китае, предлагал российскому правительству, и особенно РПЦ, активизировать миссионерскую деятельность, приводя в пример успехи по распространению православного влияния в Японии. Он призывал к активизации дальневосточного направления в российской внешней политике. При этом он не соглашался с позицией некоторых представителей консервативного лагеря и резко отзывался о тех разговорах, которые слышатся в России против активной политики на Дальнем Востоке с указанием на то, что наша «настоящая» деятельность на Востоке ближнем.

---

[156] Русская православная миссия в Китае была создана еще в 1715 г., официальный статус получила по Кяхтинскому договору 1728 г. и первоначально практически не занималась миссионерской деятельностью, сосредоточив внимание на изучении культуры Китая. По Айгунскому трактату 1858 г. китайское правительство предоставило миссии полную свободу действий и обязалось не преследовать своих подданных за принятие христианства.

[157] См.: *Тальберг Н.Д.* История Русской Церкви. Джорданвилль, 1959. С. 773.

[158] ГА РФ. Ф. 634. Оп. 1. Д. 7. Л. 148.

[159] *См. статьи в приложении к данной книге.*

Эти суждения Тихомирова позволяют нам отчетливее понять отличие его внешнеполитической позиции от позиции «неославянофилов». В своих статьях он смотрел на международную роль России значительно шире, выходя за рамки «святая святых» славянофильства — балканского и вообще славянского направления внешней политики. Не отрицая важности балканского и ближневосточного направления во внешней и вытекающей из нее религиозной политике государства, он находил задачи ближне- и дальневосточной политики неразделимыми, полагая, что в том и другом случае мировое значение России определяется тем, что ей судьбы Божии дали остаться хранительницей нераздельного христианства, в отличие от Европы, расколовшейся на католичество и протестантство.

Столь смелые геополитические и религиозные проекты вызывали тогда неоднозначную реакцию как в правительственных кругах, так и среди идеологов «охранительства», о чем свидетельствовали дневниковые записи Тихомирова, в которых он сетовал, что его статьи «Россия, Китай и Европа» не вызвали и единой строчки похвалы или порицания в русской печати, и утешался тем, что общий тон в отношении китайских дел заметно изменился. Наиболее близкими по духу были для него публикации в «Санкт-Петербургских ведомостях». Так, он приветствовал «превосходно резкую статью в "Санкт-Петербургских ведомостях" за № 238 С.Н. Трубецкого, обличающую в бессмыслице нашу политику в угоду зарвавшимся французам и требующую раздела Китая»[160].

Проповедуемая Тихомировым идея мировой христианской миссии России на Дальнем Востоке вызывала раздражение у современных ему сторонников идеологии славянофильства. Так, близкий к нему Киреев в письме, датированном октябрем 1900 г., предостерегал: «Читал с великим интересом Ваши статьи, умные, они поистине православные и тем не менее опасные, скажу вредные... они возбуждают в нашем уме неосуществимые желания, переносят наши слабенькие (увы!) силы в далекий и ненужный нам Восток. И отнимают их у нашего исторического Востока... Слабы наши силы и средства, "нечего строить у себя иллюзии" на этот счет... С какими силами двинем мы на Дальний Восток, их у нас нет! Но это еще не беда, ежели мы двинемся туда. Беда, ежели мы сдвинем нашу Церковь, наше Государство с вековых устоев, переселившись на Дальний Восток, мы поневоле должны будем передать наш Восток Папе... а Вы вместо того, чтобы на площадях криком кричать остановитесь, не разрушайте, неразумные люди, не поддавайтесь обману — вы указываете на Дальний Восток и лишаете Ближний Восток нашей кровной истории»[161].

Сдержанно относились к планам продвижения православия на Дальний Восток и официальные круги РПЦ, в том числе обер-прокурор Святейшего Синода Победоносцев, о чем в дневнике свидетельствовал Тихомиров. Но и это не остановило его в углублении и развитии своих дальневосточных прожектов, выдвигаемых без учета знакомства с опытом исторического развития Китая и той идеологические роли, которую играла в нем конфуцианская этико-философская доктрина.

Развивая и углубляя свои идеи и предложения относительно китайских дел, Тихомиров в октябре 1900 г. на страницах «Московских ведомостей» помещает цикл статей — «Христианские задачи России и Дальний Восток», статьи после вышли в виде отдельной брошюры. В октябрьских статьях акценты еще более сместились в сторону именно религиозной миссии России на Дальнем Востоке. Причем публикация данного цикла статей вызвала недовольство Грингмута, считавшего их несвоевременными. «Владимир Андреевич (Грингмут, — *авт.*) отмечает несвоевременность моих "Христианских задач"... Очевидно ему эти статьи почему-то не очень нравятся. Это загадочно. Для православного человека эта статья — хороша, по содержанию. Для чиновников Санкт-Петербурга — вероятно нет»[162], — писал Тихомиров 20 октября 1900 года.

Лейтмотивом публикаций явился следующий тезис Тихомирова: «Активная политика *нации* не исчерпывается задачами чисто государственными, и перед Россией как нацией стоит на Дальнем Востоке еще одна общая задача, наиболее трудная, но и наиболее плодотворная, а также и наиболее нравственно обязательная. Я говорю о *приобщении Дальнего Востока к миру христианскому*, вне которого он до сих пор находился. Это приобщение для нас такая обязанность, которая лежит на

[160] ГА РФ. Ф. 634. Оп. 1. Д. 8. Л. 40.
[161] Там же (письмо от 29 октября 1900 г.).
[162] Там же. Л. 59.

России, по преимуществу как на Церкви, то есть нации, объединенной в своей Церкви. Но и государство не может оставаться безразличным к ее успеху или неудаче, потому что здесь находится коренной пункт наших будущих взаимоотношений с Дальним Востоком»[163]. В дальнейших размышлениях о недостатках и достоинствах той или иной ветви христианства он вновь откровенно выступал с антизападнических позиций. Анализируя роль католической и протестантской религии в мире, Тихомиров приходит к выводу, что православные религиозные ценности имеют хорошую перспективу привиться на Дальнем Востоке, и пример тому он видел в том, какие успехи делает православие в Японии. И, наоборот, он искренне полагал, что распространение католицизма и протестантизма приводит к сковыванию национальных интересов государств Дальнего Востока, и усматривал преимущества православия том, что только оно «по существу своему, способно дать Дальнему Востоку это доселе не дошедшее до него сокровище, этот источник *повышения личности*. Только православие может дать Китаю *национальную Церковь*, при которой китаец может жить христианином, не переставая быть китайцем, и свою китайскую жизнь устраивать *сам* по-христиански, уничтожая в ней лишь язычество»[164]. Поэтому естественным последствием приобщения к Православию «является возникновение местных, национальных церквей, тесно связанных с данными народами, а между собою объединенных во Вселенской Церкви, только действительно *высшими* началами, для всех церквей обязательными в равной степени и ни одной из них никому в отдельности не порабощавшими»[165]. В чем-то данное утверждение оказывалось не лишенным смысла, учитывая, например, тот факт, что в XIX в. служба в католических храмах все еще велась на мало кому понятном латинском языке. Обосновывая эту мысль, Тихомиров резонно заявлял, что «еще важнее, когда являются *свои* святые, *свои подвижники*; понятно, что их пример и воздействие для народа более реальны, нежели проповедь чужих людей»[166]. Однако еще важнее, считал он, выполнение такой глобальной задачи, как продвижение православия на Дальнем Востоке, для самой России. Он подчеркивает: «Если бы Россия вспомнила свои христианские обязанности на Дальнем Востоке, это было бы одним из тех случаев исполнения внешнего долга, при которых мы ближе вникнем в самих себя и для собственного счастья, для собственного развития попутно делаем, может быть, еще больше, нежели для тех, кому оказываем помощь»[167].

По представлениям Тихомирова, Россия, оказавшись на скрещивании путей Востока и Запада, испытывая разнообразные влияния, должна найти в своем собственном содержании нечто высшее, так как «нет нам возможности *уклониться* от этих влияний, которые проникают нас насквозь, и мы не можем ни одному из них *подчиниться*, потому что они совершенно различны по своему содержанию и стремлениям. Нет ни одной нации в мире, которая находилась бы в таком положении. И нет из него выхода, кроме одного из двух: или *уничтожиться*, разложиться на составные части, предоставив одни свои области различным европейским странам, другие — миру ислама, третьи — Китаю и Японии, или же *возвыситься над всеми этими сложными, противоречивыми влияниями своим собственным содержанием*, найти в своем *собственном содержании* нечто более высокое, способное над всеми ими господствовать и давать им некоторый тон»[168]. Развивая эту мысль, он подчеркивал: «Но если Россия в состоянии будет сделать это *внутри* себя, то тем самым она решает задачу и для всего мира. Она явилась бы тогда передовой нацией будущей объединенной культуры всего земного шара. А в то же время мы не можем решить задачи внутри страны, не участвуя в жизни Европы, ислама, Дальнего Востока, потому что все они входят в нашу жизнь и не могут не входить, по историческому составу и жизни нашей Империи»[169]. Таким образом, делал он вывод, «наше внутреннее развитие неразрывно переплетается с внешним действием по целому свету, и в настоящее время, когда, вдобавок к европейскому захвату всего мира и к оживлению ислама, заше-

[163] *Тихомиров Л.А.* Апология веры и монархии. С. 425.
[164] Там же. С. 429.
[165] Там же. С. 441.
[166] Там же. С. 442.
[167] Там же. С. 444.
[168] Там же. С. 443.
[169] Там же.

велился и Дальний Восток, окончательно пробил исторический час, ставящий перед нами дилемму: или сознать себя и выступить как мировая сила со своим собственным содержанием, или уходить со сцены Истории. А это *собственное содержание*, в конце счета, сводится у нас к *Православию* — как во внутренней жизни, так и во внешней. Им только создается у нас и все наше доброе, и вся наша роль в мире»[170].

Появление очередной серии статей по дальневосточной тематике вновь не вызвало сколько-нибудь заметной реакции ни в Москве, ни в Петербурге. Впрочем, такое положение вещей уже не удивляло Тихомирова, отметившего 31 октября 1900 года: «Мои "Христианские задачи России", как и следовало ожидать, прошли абсолютно незамеченными. Это и понятно: едва ли Россия вспомнит о Боге без величайших бедствий»[171].

С явным неудовольствием воспринимал он и сомнения ряда влиятельных лиц из окружения царя в необходимости резкой политической, и особенно религиозной, активизации России на Дальнем Востоке. Свое недоумение он доверял страницам дневника, не раз пестревшим в октябре 1900 г. записями, подобными этой: «Характерные слова о нашей "неготовности" к христианской миссии. Это, безусловно, справедливо, но разве люди когда-нибудь бывают к этому готовы?.. Меня собственно удивляет глубина неверия в наших верхних слоях. Почему у них так сильна вера в ничто? Ведь на это нет никаких оснований»[172].

Справедливости ради необходимо отметить, что определенную поддержку предложения Тихомирова относительно активизации внешней политики на Дальнем Востоке в столице все же имели. Выше уже указывалось на объективное сходство его предложений и предложений сторонников создания «Желтороссии». Причем, позиция Тихомирова относительно политики России в Китае в свете «восстания боксеров» была намного более проникнута имперским духом, нежели, например, точка зрения на этот вопрос князя Ухтомского, который в своей работе «К событиям в Китае» обосновывал мысль, что Россия не должна была входить в антикитайский блок[173]. Критикуя действия европейских колонизаторов в Китае, князь включал в понятие Востока и Россию, которая, по его словам, уже начинает догадываться, что она является обновленным Востоком, с которым не только ближайшие азиатские соседи, но и индусы, и китайцы имеют непременно и больше общих интересов и симпатий, нежели с колонизаторами Запада[174].

Более жесткий и прямолинейный подход Тихомирова к проблеме усмирения Китая просматривается при знакомстве с его рецензией на книгу Н.В. Голубцова, повествующую о событиях 1900 г. на Амуре, когда цинские войска пытались подвергнуть обстрелу Благовещенск, но получили достойный отпор. В этой небольшой по объему рецензии не преминул упомянуть об особой, в том числе и религиозной, миссии России в этом регионе, положительно отозвавшись о той стремительности, с которой царское правительство отреагировало на вылазку китайцев[175].

Отметим также, что, кроме литературной деятельности на ниве пропаганды идеи скорейшего цивилизационного проникновения и закрепления России на дальневосточных рубежах, Тихомиров

---

[170] Там же. С. 443—444.

[171] ГА РФ. Ф. 634. Оп.1. Д. 8. Л. 62.

[172] Там же. Л. 112.

[173] Обращаясь к этой работе, Тихомиров отметил, что «содержание ее обнаруживает весьма редкую путаницу религиозных понятий» // *Тихомиров Л.А.* Апология веры и монархии. С. 433. В значительной мере это замечание соответствует действительному положению вещей.

[174] См.: *Репников А.В.* Консервативные концепции переустройства России. С. 226. Подробнее см.: *Сунь Чжинцин.* Китайская политика России в русской публицистике конца XIX — начала XX века: «желтая опасность» и «особая миссия» России на Востоке. М., 2008; *Репников А.В.* Внешнеполитические представления русских консерваторов (конец XIX — начало XX веков) // Задавая вопросы прошлому: к 75-летию профессора О.В. Волобуева. М., 2006. С. 201—219; *Он же.* «Не будем мы защищать грудью Европу от Азии» (геополитические проекты русских консерваторов) // Романовские чтения. Центр и провинция в системе российской государственности: материалы конференции. Кострома. 26—27 марта 2009 года. Кострома, 2009. С. 275—290; *Он же.* Русская консервативная геополитическая школа (конец XIX — начало XX века) // Консерватизм: перспектива или альтернатива? СПб., 2010. С. 291—315. *Он же.* У истоков русской геополитики // Москва. 2011. № 1. С. 167—180.

[175] *Тихомиров Л.А.* Рецензия на книгу Н.В. Голубцова. Восточные события 1900 г. на Амуре // Московские ведомости. 1901. № 316.

явился инициатором и ряда практических мероприятий в этом вопросе. Особенно активное участие в китайских делах он начал проявлять после того, как летом 1900 г. было получено сообщение о захвате и разграблении Пекинской православной миссии и массовых убийствах и истязаниях китайцев, принявших православие.

В сложившейся ситуации Тихомиров вступил в переписку с Победоносцевым и церковными иерархами, настаивая на скорейшем восстановлении Пекинской миссии[176]. Первоначально Победоносцев относился к деятельности Тихомирова достаточно осторожно. А вот в кругах представителей РПЦ его подвижничество нашло определенную поддержку. За статьи о христианских задачах на Дальнем Востоке его тепло благодарил в письмах архимандрит Никон: «Искреннее спасибо Вам, за истинно православные статьи о наших христианских задачах в Китае. Но, Боже, как сами-то мы, даже монахи, нуждаемся в духовном обновлении и своего рода миссии», — писал он, добавляя при этом: «Страшно подумать, как мы не готовы»[177].

Благодаря активной деятельности Тихомирова в редакции «Московских ведомостей» образовался настоящий штаб по сбору средств на восстановление миссии, хотя решения по этому вопросу в столичных сферах еще не было принято и владелец газеты Грингмут не разделял дальневосточных увлечений своего коллеги по журналистскому цеху. Фактически в то время Тихомиров действовал по собственной инициативе. Однако вскоре ситуация вокруг сбора средств для восстановления Пекинской миссии кардинально изменилась. Проявив недюжинный напор и инициативу, Тихомиров сумел сформировать общественное мнение в нужном ему направлении. Удалось добиться перелома в отношении к этому вопросу и у Победоносцева. Именно через него отправили приветственную телеграмму архимандриту Иннокентию (Н. Фигуровский)[178], стоявшему во главе миссии с 1896 г. и пережившему вместе с ней «боксерское восстание».

В конце 1900 г. активизировался и сбор средств для миссии. Тихомиров сумел привлечь в качестве жертвователей и церковных иерархов. В дневнике он отмечал, что епископ Парасский прислал на китайцев 50 рублей и обещал еще. Всего собрано уже 245 рублей. К делу сбора денег он привлек как редакцию «Московских ведомостей», так и собственное семейство. Сам он первоначально пожертвовал на миссию 14 рублей, а всего семья передала для восстановления Пекинской миссии 21 руб. 20 коп.[179] Всего же к февралю 1901 г. на нужды миссии собрали около 460 руб. «Главное, — пишет Тихомиров, — пробить кору русского равнодушия к задачам христианства на Востоке»[180].

В начале 1901 г. в «Московских ведомостях» появляется его статья «Православие на Дальнем Востоке в 1900 г.». Рассказывая в ней о разгроме православной миссии о. Иннокентия в Пекине, автор, тем не менее, акцентирует внимание на мысли, что дело развития православия в Китае отнюдь не безнадежно. В качестве положительного примера публицист приводит данные об успехах миссии архимандрита Николая (Касаткина) в Японии[181] и о деятельности Корейской православной миссии[182].

В конце концов активная деятельность Тихомирова в продвижении идеи восстановления миссии имела успех. На проблему обратило внимание и высшее духовенство. 2 марта 1901 г. митрополит Антоний Вадковский прислал на нужды миссии 1000 рублей, а в октябре 1901 г. Тихомиров радостно отмечал в дневнике, что письмо от о. Иннокентия Китайского его очень радует, т.к. тот убедил митрополита Антония и Победоносцева, и китайская миссия сохраняется.

---

[176] *Милевский О.А.* Из истории русско-китайских культурных связей... С. 55–56.

[177] ГА РФ. Ф. 634. Оп. 1. Д. 8 (запись от 29 октября 1900 г.).

[178] *Архимадрит Иннокентий* (*Н. Фигуровский*), возведенный в 1902 г. в сан епископа Переяславского, каковой титул был присвоен Святителю Иннокентию, когда он отправлялся в 1721 г. в Пекин. Владыка Иннокентий скончался в Пекине, в сане митрополита, в 30-х гг. XX в. // *Тальберг Н.Д.* История русской церкви. Кн. 2. С. 774.

[179] ГА РФ. Ф. 634. Оп. 1. Д. 8 (запись от 23 ноября 1900 г.).

[180] Там же (запись от 24 февраля 1901 г.).

[181] В 1895 г. Японская православная церковь насчитывала у себя 220 общин и свыше 22500 душ православных христиан, обслуживалась 28 священниками. Школа в Токио обратилась в семинарию, которая в 1882 г. совершила первый выпуск воспитанников. Возглавлявший и много сделавший для развития миссии о. Николай (Касаткин) умер в 1912 г. // *Тальберг Н.Д.* История русской церкви. Кн. 2. С. 775.

[182] *Тихомиров Л.А.* Православие на Дальнем Востоке в 1900 г. // Московские ведомости. 1901. № 7.

Несмотря на определенные трудности, связанные с деятельностью Пекинской миссии, она под руководством о. Иннокентия и при поддержке РПЦ продолжала свою миссионерскую деятельность. Тихомиров и в дальнейшем продолжал следить за работой Православной миссии в Китае. Так, в 1904 г. появляется его статья «Вести о Китайском православии»[183]. В ней он сообщал об открытии в Успенском соборе в Пекине типографии и о переводе в Пекин редакции «Известий братства Православной церкви в Китае», первые 9 номеров этого издания вышли в г. Харбине. С радостью писал он и о том, что православные идеи достигли крупнейшего города Поднебесной — Шанхая. В Шанхае Православная миссия приобрела участок земли, где была построена церковь и школа.

Пропаганда необходимости развития православия на Дальнем Востоке настолько захватила Тихомирова, что он, от природы не очень способный к языкам, взялся за изучение японского, с тем, чтобы составить словарь необходимых православных понятий и терминов для японской миссии. Более того, он в начале XX в. переписывался с православным японцем Какусабуро Сенумой[184].

В ноябре 1901 г. Тихомиров на страницах дневника отмечал, что закончил кое-как свой японский словарь, написав еще 1700 похожих по смыслу и орфографии слов. Он понимал, что это, конечно, очень мало, но для него уже и это победа. Интересовал его и китайский язык. В письме к П.А. Флоренскому он вспоминал об этих упражнениях, отмечая, что «китайские иероглифы ("хон дзи"), которыми я немножко занимался, построены именно на изображении *понятий* и их комбинации, так что даже и новые иероглифы (например "конституция") составляются из комбинации тех же старых иероглифов. Это делает китайские (японские тоже) *знаки* очень наглядными в смысле выражения понятий. Наш ученик, читая слово "электричество", ровно ничего не узнает о смысле этого слова, есть ли это птица, или машина, или добродетель какая-нибудь. Китайский ученик напротив из самого начертания видит кое-какой основной *смысл* слова. Это конечно имеет свои большие удобства. Но все же я законы электричества не буду изучать по данному "хон дзи" или "цзыру", а напротив по явлениям самого электричества, и результаты моего наблюдения, может быть, дадут место *китайским* ученым к видоизменению иероглифа, обозначающего собой "электричество". У китайцев тоже есть предание, что основные черточки их цзыров явлены чудесным образом на черепе[185] какой-то черепахи, хотя вряд ли это правда, так как во множестве случаев даже древнейшие цзыры составляют несомненно *рисунок*. Так, например, "дракон" — очень даже похож на дракона, а кое-какие изображения деревни, поля и т.п. прямо списаны с *плана* землемера»[186].

30 апреля 1916 года, уже в период мировой войны, Тихомиров с грустью вспомнит в дневнике о своем былом увлечении, когда, роясь в бумагах, найдет тетрадь: «Это была когда-то книга моих упражнений в китайском языке. Рой воспоминаний охватил меня. Далекое, невозвратное время!.. Я нашел две тетради: одна — упражнения по японскому языку, другая — вот эта самая — по китайскому. Уничтожить первую — не поднялась рука. Но теперь *нет бумаги*. Такой тетради, как эта, не найдешь ни в одном магазине. Теперь бумага — протекающая, переплеты — дряннейшие... и страшные цены. Это — война. У нас ничего не оказывается, в том числе и бумаги. И вот я соблазнился: выдрал из тетради все упражнения, кое-как заклеил эту огромную рану в книге, перевернул книгу задней стороной к переду — и готова. Имею тетрадь, какой не найдешь, может быть, у иного министра. Сколько ей лет? Не упомню. Я занимался китайским языком еще до боксерского восстания. А эту тетрадь пустил для занятий примерно скоро по взятии Пекина, когда архимандрит Иннокентий[187] был только что рукоположен во епископы и отправился в Китай с радужными мечтами возродить или, точнее, создать Православную Китайскую Церковь. Я тогда мечтал, коли Бог поможет, съездить

---

[183] *См. статью в приложении к данной книге.*

[184] *Репников А.В.* Консервативные концепции переустройства России. С. 263.

[185] Вероятно, Тихомиров подразумевал панцырь.

[186] Избранные письма из переписки Л.А. Тихомирова и П.А. Флоренского. С. 97.

[187] *Иннокентий (Попов-Вениаминов Иван Евсеевич)* (1797—1879) — выпускник Иркутской духовной семинарии (1821); миссионер в Америке (с 1824), протоиерей (с 1839), архимандрит (с 1840) и епископ Камчатский (с 1840), архиепископ (с 1850); митрополит Московский и Коломенский (с 1868), священно-архимандрит Троице-Сергиевой лавры, настоятель кафедрального Чудова монастыря; член Святейшего Синода; в 1870 основал в Москве Православное миссионерское общество; был знаком с о. Николаем Японским.

к нему, чтобы посмотреть лично на этот новый росток Православия и помогать потом Иннокентию отсюда с той смелостью, которую дает личное знакомство с описываемыми местами и деятельностью.

Увы! С тех пор прошло, стало быть, около 14 лет. Китай, Китай! Где тут думать о Китае! Спрашиваешь себя: в какой степени уцелеет Православие в России? Пожалуй, и у самого Иннокентия опустились руки. А я — даже уже и не годен никуда, и мне не до Китая. Вырвал свои "упражнения", бросил в печку и превратил книгу в "Дневник".

Многое так уже вырвал я из своего сердца. Пускай пропадает заодно с прочим и Китай.

Архиепископ Николай Японский

А ведь сколько было светлых и бодрых надежд, зародившихся в царствование Императора Александра III, когда, казалось, воскресала русская духовная сила и ежегодно быстро возрастала русская мощь. Я тогда еще более старался для Японии и японский язык почти *изучил*. Еще немного — и я стал бы уже *читать* по-японски. Я мечтал сделать, сколько сил хватит, для епископа Николая, с которым находился в постоянных сношениях, и для епископа Иннокентия. Цвет русского епископства. Двое таких, подобных которым не оставалось в России. Я мечтал, что Россия дружески сойдется и с Японией, и с Китаем, и что мы на Дальнем Востоке сыграем великую и славную роль... Все смело и уничтожило проклятое время безумной политики, в которой глупость, алчность и бессовестное попирание чужих прав привели к позору и разгрому России и к уничтожению всех надежд на Тихом Океане. После же того — пошли удары за ударами. Теперь мы изгнаны и из славянского мира, изгнаны и с Ближнего Востока. Война не кончена, но ее исход не возбуждает сомнений. Что тут думать о Тихом Океане, когда и на Западе, и на Юге мы проиграли все свое значение, погубили все дела веков»[188].

Тихомиров также вел активную переписку с упомянутым в записи главой японской миссии о. Николаем. В своих дневниках, которые отец Николай вел с 1870 по 1912 г. он неоднократно упоминает имя Тихомирова[189]. В фонде Тихомирова сохранилось письмо о. Николая к нему с благодарностью за поддержку миссии. Из него явствует, что брошюра Тихомирова «Христианские задачи России на Дальнем Востоке» в скором времени будет переведена на японский язык для распространения среди окрещенных в православие японцев. Высоко оценивал о. Николай и подвижническую деятельность Тихомирова в вопросах распространения православия на Дальнем Востоке: «Вас же мы умоляем не оставлять вашего намерения — истинно православно-христианские писания Ваши послужат делу Японской православной церкви, столько же развитию и укреплению в русском народе сознания миссионерского назначения относительно языческого и неправославного мира», — подчеркивал глава миссии[190]. Тихомиров определил для японской миссии следующие приоритетные задачи: 1) облегчение ссуды для бедных приходов; 2) постройка храма в Нагасаки; 3) построение первого японского монастыря.

Дети Льва Александровича под его влиянием также активно участвовали в этих начинаниях. Его дочь Вера опубликовала в «Московских ведомостях» в 1904—1905 гг. ряд небольших заметок, повествовавших о жизни восстановленной Пекинской миссии[191]. Столь активная общественная по-

---

[188] Дневник Л.А. Тихомирова 1915—1917 гг. С. 272—273.

[189] Дневники св. Николая Японского / Составитель *К. Накамура*. В 5 т. СПб., 2004; См.: *Тихомиров Л.А.* Отчет Японской духовной миссии // Московские ведомости. 1906. № 131; *Он же.* Усиление бюджета Японской миссии // Московские ведомости. 1907. № 64, и др.

[190] См.: ГА РФ. Ф. 634. Оп. 1. Д. 8.

[191] *Тихомирова В.Л.* О православной миссии в Китае // Московские ведомости. 1905. № 19. Статьи Веры Тихомировой никогда не переиздавались. Вместе с тем они представляют определенный научный интерес: *Тихомирова В.Л.* Сентинский Спас-преображенский монастырь на Кавказе // Московские ведомости. 1903. № 115. В перспективе авторы данной монографии планируют подготовить переиздание наиболее значимых статей В.Л. Тихомировой и Л.А. Тихомирова из «Московских ведомостей».

зиция Тихомирова не могла не добавить ему политического веса и в столичных кругах. Еще больше он упрочил свой авторитет и среди православного клира.

В продолжение темы об особом предназначении православной миссии России в мире Тихомиров в сентябре 1901 г. публикует статью «Россия в Святой Земле». Он пишет: «С тех пор, как пала Византия, взоры Святой земли, колыбели христианства, могли с надеждой о помощи обратиться только к православной России. И действительно, идея помощи православному Востоку, против иноверцев, всегда жила в России»[192]. По мысли Тихомирова, после признания самой Турцией мысли об уступках христианским подданным для нашей помощи православному Востоку открывается путь «мирный и культурный»[193]. Отмечает он и то обстоятельство, что действительное положение церквей Святой земли крайне печально, и поэтому «историческая задача России в Палестине являлась, таким образом, несравненно более сложною, нежели в отношении других православных стран. ... Не могло быть и речи о простом освобождении православных военной силой, так как иго проникло в самые души населения православного. Поэтому могла идти речь лишь о воскресении внутренних сил православия, а не о каких-либо военных ссорах с Портой (Турцией, — *авт.*)»[194]. В подобных обстоятельствах, считал Тихомиров, «крупная роль в исполнении русской исторической миссии в Палестине и Сирии выпала нашему Палестинскому обществу»[195]. При этом автор с чувством неодобрения отмечал, что, если России четко осознает сложившуюся ситуацию, то этого нельзя сказать о нашем союзнике в делах веры — Греции, «которая вместо того, чтобы слиться с нами в одном общем деле воскресения здесь православия, постоянно мешает нам своими узко национальными тенденциями»[196].

Столь активная общественная позиция Тихомирова, да еще связанная с остро стоящими проблемами по продвижению и защите истинного православия, не могла не добавить ему политического веса и в столичных кругах. Еще больше он упрочил свой авторитет благодаря борьбе с идеями Л.Н. Толстого. Антитолстовские статьи Тихомирова были опубликованы в «Московских ведомостях» 3 и 5 декабря 1900 года под общем названием «Учительская проповедь гр. Л. Толстого». Критикуя действительно антиправославные выпады великого писателя, Тихомиров с яростью писал: «Л. Толстой совершенно губит умственно и нравственно именно тех, которые гонятся легкомысленною рекламой к "великому учителю" искать истины... Это наиболее вредная сторона проповедческой деятельности Л. Толстого — искажение им человека. Но есть и другая сторона его учительства, а именно сторона общественно-политическая, где граф Толстой уродует гражданина»[197]. В следующей статье, анализируя письмо Толстого к канадским духоборам, Тихомиров подчеркивал антигосударственный характер его проповедей, содержащий призыв к отказу от военной службы, судов и заявлял, что в конце концов это ведет к отказу и от частной собственности, что роднит толстовскую проповедь с деятельностью революционных партий»[198].

Православная церковь высоко оценила статьи Тихомирова, имевшие, в отличие от его дальневосточных статей, большой резонанс в русском обществе. В свою очередь это не могло не вызвать «ревности» Гринмута. В результате в отношениях этих двух сильных личностей вновь наступает период охлаждения отношений. Связано это, конечно, было не только с рассматриваемой общественной деятельностью Тихомирова. Дело в том, что на пороге нового века с появлением на посту главы Министерства внутренних дел Сипягина Тихомиров стал ощущать возрастающий интерес к своим работам, в особенности по экономической и социальной проблематике. Пер-

---

[192] *Тихомиров Л.А.* Россия в Святой Земле // Московские ведомости. 1901. № 268.

[193] Там же.

[194] Там же.

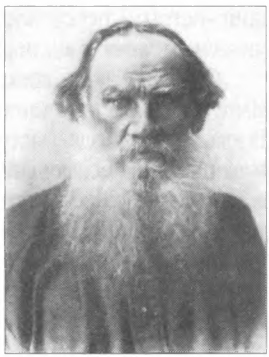
[195] Там же.

[196] Там же.

[197] *Тихомиров Л.А.* Учительская проповедь гр. Л. Толстого // Московские ведомости. 1900. № 334. См.: *Тихомиров Л.А.* Новые плоды учения графа Льва Толстого [Киев], 1897. Характерно, что сам Л.Н. Толстой одобрил брошюру Тихомирова «Почему я перестал быть революционером», найдя в ней «хорошую, правильную идею», на которой «споткнутся все террористы» / *Горький М.* Лев Толстой // Собр. соч. в 18-ти тт. М., 1963. Т. 18. С. 68.

[198] *Тихомиров Л.А.* Учительская проповедь графа Л. Толстого.

вым знаком того, что правительство готово допустить общественных деятелей к совместной работе по выработке позитивной преобразовательной программы, направленной на корректировку внутренней политики самодержавия, для Тихомирова явилось приглашение (еще в августе 1899 г.) от чиновника Министерства юстиции П.Н. Семенова к совместному сотрудничеству в составлении «Записки о самодержавной власти», над которой тот работал по поручению монарха. Печатным вариантом записки, полагал Костылев, явилась брошюра П.Н. Семенова «Самодержавие как государственный строй», увидевшая свет в 1905 г. и содержавшая ссылки на работы Тихомирова. В дальнейшем в годы работы Сипягина можно отметить почти текстуальное совпадение предложений и записок министра с сочинениями Тихомирова. На этот факт обратил внимание еще первый исследователь «монархического периода» жизни Тихомирова Костылев[199]. Об этом же свидетельствуют и записи Тихомирова тех лет, говорящие о том, что при формировании некоторых аспектов своей программы (рабочий вопрос, социально-экономическая политика) министр внутренних дел (по сути, третье лицо в государстве) усердно пользовался соображениями и доказательствами, позаимствованными из тихомировской публицистики. Особое внимание министра привлекла серия передовиц в «Московских ведомостях» за январь 1900 г. под общим заголовком «Оздоровление России» (первым авторство Тихомирова установил Костылев). Увеличение политического веса Тихомирова в газете и вызвало обеспокоенность Грингмута. Дело здесь не столько в амбициях последнего, сколько в самом подходе к ведению издания.

Л.Н. Толстой

О глубоких различиях в этом вопросе между Тихомировым и Грингмутом уже говорилось выше. Но начавшийся XX в. поставил де-факто перед страной угрозу оживления оппозиционного движения в различных его проявлениях. И от того, какую позицию займут издания промонархического толка, во многом, по мнению Тихомирова, зависели и судьбы российской государственности. Поэтому-то идейное противоборство Грингмута и Тихомирова за влияние на редакционную политику только нарастало.

«Огромная, коренная ошибка Грингмута — та, что он издает газету на почве политической деятельности... Я и тогда чуял и старался отвергнуть эту ошибку. — Еще во времена Александра III нужно было воздействовать на ум и совесть общества, и лишь создав в образованном обществе действительно православно-монархическое мнение... можно было перейти к практике политической. Но Владимир Андреевич этого не понимал и не хотел. Он хотел действовать... когда никто не знает, что такое православие и монархия»[200]. Показательна в этом отношении и точка зрения таких серьезных читателей «Московских ведомостей», как художник Васнецов[201].

Отметим, что в конце 1890-х годов происходит сближение Тихомирова с этим выдающимся русским художником. Васнецов чрезвычайно высоко оценивал публицистическую деятельность Льва Александровича. Близость идейных взглядов способствовала установлению истинно дружеских отношений. В какой-то мере семейная дружба Тихомировых с Васнецовым стала отдушиной для Тихомирова, имевшего немного поистине близких людей.

Так вот, В. Васнецов полностью разделял точку зрения Тихомирова и на ведение «Московских ведомостей», порицая Грингмута за политическую близорукость и отсутствие видения исторической перспективы. Но на позицию Грингмута относительно ведения издания это не повлияло. Более того, в редакции у Грингмута появляется новый фаворит — Д. Бодиско, человек, полностью разделявший идейные воззрения своего патрона и готовый служить не столько идее защиты монархии, сколько интересам своего работодателя. При этом Бодиско зарекомендовал себя как способный и обладаю-

[199] *Костылев В.Н.* Лев Тихомиров на службе царизма... С. 189.

[200] ГА РФ. Ф. 634. Оп. 1. Д. 8. Л. 27.

[201] См. переписку В.М. Васнецова и Л.А. Тихомирова: *Чесноков С.В.* Великий художник — «инвестор» реакции? // Преображение. Нижегородская молодежная православная газета. 1999. № 10/11.

щий «острым» пером журналист, а его раздел в «Московских ведомостях» «На злобу дня» стал очень читаемым, хотя и не поражал глубиной мысли.

Однако вскоре консервативным публицистам стало не до выяснения личных отношений. В Империи нарастало оппозиционное брожение, грозившее принять более организованные формы. Вновь в авангарде выступило студенчество, молчавшее 3 семестра после массовых исключений и зачисления исключенных на военную службу. Волнения, начавшиеся в самом конце 1900 года в Киевском университете (поводом послужило уголовное дело: два студента вымогали деньги у танцовщиц), переросли в требования университетской автономии и отстранения неугодных профессоров[202]. Очень скоро студенческие беспорядки лавинообразно накрыли все университетские центры страны. Катализатором беспорядков стал первый террористический акт наступившего XX века в России: 14 февраля 1901 г. бывший студент П.В. Карпович, дважды исключенный из университета за участие в беспорядках, выстрелом из револьвера смертельно ранил министра народного просвещения Н.П. Боголепова.

Призрак террора, молчавший столько лет, вновь ожил. Тихомиров остро ощущал всю опасность происходящих в стране событий. Он как никто другой знал, сколь живуча и притягательна для молодежи террористическая идея. Видел он и всю неготовность правительства и печатных изданий охранительного толка что-либо противопоставить быстро меняющейся социально-политической ситуации в России. Отсюда и встревоженный тон его дневниковых записей, в которых он пишет, что студенческие волнения прямо как «февральская революция» и нельзя себе представить, чем это кончится. Разумеется, следует и запись о том, что он давно ждал чего-нибудь скверного, и, кажется, час наступил.

Но это была лишь прелюдия будущей катастрофы российской государственности, и Тихомиров, в отличие от большинства благодушно настроенных монархистов, явственно чувствовал всю опасность событий, происходящих в стране, только вступавшей в XX в.

[202] *Ольденбург С.С.* Царствование императора Николая II. Т. 1. С. 161.

Глава IX

В ПРЕДДВЕРИИ РЕВОЛЮЦИИ (1901—1904)

> Как перейдешь к предметам общественным и политическим, то не весело. Не то, чтобы происходило что-нибудь положительно скверное, но какое-то недовольство, брюзжание, которые не обещают ничего хорошего. А со стороны власти тоже нет ясной линии поведения...
>
> *Из письма Л.А. Тихомирова к О.А. Новиковой от 7 апреля 1903 года*[1].

Начало нового века, сопровождавшееся в России студенческими беспорядками, неслыханным доселе ростом рабочего движения и активизацией деятельности революционных партий, в том числе и террористов, не могло оставить Тихомирова равнодушным. В целом его дневниковые записи того времени неопровержимо свидетельствуют о полном неприятии им правительственной политики и его уверенности в необходимости смены внутриполитического курса. Достаточно сдержанно он оценивал и действия большинства «правых» изданий, в том числе и «Московских ведомостей» под редакцией Грингмута, выступавшего с гневными статьями против бунтующих студентов. Тихомиров искренне считал, что публикации Грингмута нецелесообразны ввиду того, что в них допущен ряд ошибок в отношении понимания «собственно народного блага», т. к. газета придерживалась официального курса по абсолютному большинству проблем внутренней политики. Курса, который, по его мнению, отнюдь не всегда являлся верным, особенно в отношении социально-экономических вопросов.

Льва Александровича не покидало ощущение, что здание самодержавной монархии, тщательно укрепленное в царствование Александра III, отошедшего от реформаторских идей своего отца и вставшего на традиционную почву «православия, самодержавия и народности», должно вот-вот рухнуть. 7 апреля 1903 года он писал Новиковой: «Теперь Москва вся занята Царской семьей, ну, конечно, и мы тоже: все разговоры о них. Я жалею, что вы не видали их ни разу в Москве. Их тут так любят, и они сами себя так хорошо здесь чувствуют, что светлее становится на душе, глядя на все это и слушая рассказы о происходящем. Это самая светлая черта нашей теперешней жизни, и почти что единственная... Беспокоят нередко и внешние дела. На Балканах того гляди что-нибудь заварится, а время такое неустойчивое. Вот и вдвойне приятно становится забыться от "дел" видом действительно трогательной жизни Царской семьи со своим народом. Право, я часто начинаю думать, что Аксаков[2] был прав, советуя перенести столицу в Москву; тут, наверное бы все дела пошли лучше, нежели в Петербурге. Здесь не пришлось бы правительству уделять столько времени и сил на умиротворение разных пустяков, которыми постоянно шумит Питер. Тут было бы можно все внимание посвятить на действительно деловые вопросы. Ну, да когда Аксаковы не могли ничего сделать, то нам, малым людям, и думать нечего»[3].

---

[1] РГАЛИ. Ф. 345. Оп. 1. Д. 750. Л. 120 об.

[2] Имеется в виду Иван Сергеевич Аксаков.

[3] РГАЛИ. Ф. 345. Оп. 1. Д. 750. Л. 120 — 120 об.

Резко возросшая активность эсеров, принявших за основу своей деятельности тактические установки народовольцев и успешно осуществивших в 1902—1903 гг. серию террористических актов, все более укрепляла Тихомирова во мнении, что внутренняя политика кабинета Витте гибельна для самодержавной власти, т.к. отражает интересы только современных нуворишей и петербургской бюрократии. Для него ошибочность позиции Витте нагляднее всего проявилась в уже упоминаемой ранее антиземской кампании, поддержанной, кстати, и статьями Грингмута. Не имея возможности напрямую повлиять на позицию редактора «Московских ведомостей», все свое негодование Тихомиров выплеснул на страницы дневника, отмечая, что, как «ни глупо земство, а ужасна будет замена его чиновничеством»[4].

Видя резкое усиление общественно-политического кризиса в стране в начале XX в. и понимая, что свои идеи в полном объеме он проводить не может, Тихомиров все больше времени начинает уделять разработке проектов практической реализации своей социальной концепции, базировавшейся, в первую очередь, на осознании неотложного реформирования государственных учреждений с целью придания им функций, необходимых для поддержания жизнедеятельности самодержавно-монархического государственного устройства России. Кроме того, он ищет новые формы реорганизации государственно-церковного союза, направленные на достижение симфонии между Верховной властью в лице самодержавного монарха и институтом РПЦ, а это, по его мысли, требовало внесения некоторых изменений в деятельность последней. Именно с решения двух этих задач, как он полагал, и должно начаться оздоровление основ российской государственности.

Свои предложения по реорганизации государственного управления Лев Александрович пытался проводить первоначально через «Московские ведомости», хотя его мысли в этом направлении не всегда поддерживались редакцией. По мнению Тихомирова, Грингмуту «следовало бы быть министром, а не публицистом. Какой публицист без нравственной связи с публикой!.. Его настоящее дело — служить правительственному механизму, а не общественному сознанию»[5]. «Государство наше действительно плохо, и нужно было действительно его улучшить, а уж когда все разваливается, разве поправишь что-нибудь статьями газеты, никем не читаемой и скомпрометированной... в самой массе народа, интересы которого она никогда ни в чем не защищала», — с горькой иронией резюмировал Тихомиров[6]. Такая позиция редактора-издателя действительно не устраивала многих реально смотрящих на вещи представителей «правых» сил и вредила престижу газеты. Характерны в этом отношении строки из письма В.М. Васнецова, сетующего на нестерпимую «околодовщину» в «Московских ведомостях», что, по его словам, отталкивало читателей от газеты, в которой заслуживают внимание лишь статьи Тихомирова, выделяющиеся истинно русским тоном[7].

Вообще следует отметить, что в начале XX в. какого-либо единства взглядов между двумя ведущими журналистами газеты не отмечалось. Разногласия между Тихомировым и Грингмутом, в первую очередь, отражали их различные подходы и оценки общественно-политической роли печати в стране. Владимир Андреевич видел ее значение в защите интересов монархии, отстаивая все мероприятия центральной власти, не углубляясь в анализ причин и следствий тех или иных действий царского кабинета, т.е., по сути, являлся сторонником «партийной газеты», стоящей на службе монарха и правительства. Лев Александрович усматривал назначение правой прессы в ином, искренне считая, что периодическое издание должно стоять выше интересов «партий» и «фракций». Оставаясь надпартийным органом, оно, по мнению Тихомирова, обязано содействовать тем преобразованиям, которые могут пойти на пользу российской государственности, т.е. вырабатывать и выражать широко общественную точку зрения по вопросу социально-политического устройства России. «Если бы я был редактором, я бы старался работать на будущее, опять повторяю то, что нужно было делать в 80-е и 90-е годы, т.е. вырабатывать русскую национальную программу, программу реформ России на

[4] ГА РФ. Ф. 634. Оп. 1. Д. 6. Л. 192 об.

[5] Там же. Д. 8 (запись от 2 марта 1901 г.).

[6] Там же (запись от 4 марта 1901 г.).

[7] *Васнецов В.М.* Письма. Дневники. Воспоминания. М., 1987. С. 181.

основе Монархии и религии, а также национальной самостоятельности», — указывал Тихомиров[8]. Такая концепция «правой» газеты не только выходила за рамки поддержки всех правительственных решений, но и несла в себе элементы здоровой критики государственной политики. Именно такую идею в отношении издания и попытался реализовать Тихомиров, сам будучи редактором «Московских ведомостей» с 1909 по 1913 г.

Продолжая работать над предложениями по реорганизации государственного управления, он приходит к выводу, что прямой причиной революционного подъема в России в начале века оказалось отступление от главного в теории самодержавной монархии — опоры на все социальные и сословные группы русского общества, что, по его мнению, успешно проводилось в царствование Александра III. Он прямо заключал, что всю ненормальность положения «нетрудно видеть не в одном обществе, а и в правительстве». И вину за проведение столь недальновидной, по мысли Тихомирова, социальной политики он взваливал не только на министра финансов Витте, но и на Сипягина. Так, еще в марте 1902 г. в его дневнике встречаются строки, уничижительно характеризующие политику министра внутренних дел Сипягина не как защищающую основы русского самодержавия, а как «глупую и невежественную реакцию»; по мнению Тихомирова, все мероприятия Министерства внутренних дел, да и всего правительства, в целом носили «трусливый и непоследовательный характер»[9]. «Сколько лет оно всеми своими действиями только разваливало, ничего не укрепляя. Но почему оно так плохо? — задавал вопрос Тихомиров и сам отвечал на него: — Опять и это ясно — у них — то по названию монархия, а фактически бюрократическая олигархия, т.е. самая настоящая, самая разнузданная власть с господством только личных интересов»[10].

Такие мысли приходили в голову не только Тихомирову. Опасения по поводу политической ситуации в России высказывали и некоторые представители аристократических кругов Петербурга, выступавшие за сохранение самодержавного строя и укрепление его основ, но против чиновничьего бюрократизма, умалявшего царскую власть. Но если, по мнению, в частности, Киреева и Шарапова, положение мог бы спасти созыв Земского собора, на который бы опиралась монархия и который бы ограничивал влияние бюрократии, то Тихомиров скептически относился и к этой возможности: «Я даже не знаю, поправил ли бы дело Земской собор или Парламент. Чертовское положение, гнилое до глубины. Очень — очень похоже на революцию, если не явится умная диктатура, которой неоткуда явиться»[11].

В политике современного правительства особое раздражение Тихомирова вызывало то, что большинство преобразований в экономической и социальной областях отрывались от национальной почвы. Он усматривал в проводимой на рубеже веков внутренней политике осуществление не национально-государственных интересов, а интересов бюрократической и промышленной олигархии. Недаром он эту политику называл «плутократической» и направленной на разрушение нравственной связи между монархом и народом в угоду ограничения и самой самодержавной монархии конституционными рамками в духе западноевропейских государств. Нагляднее всего такая политика проявлялась, по его мнению Тихомирова, в разрешении рабочего вопроса, где во главу угла ставилось не достижение мира между сословиями под эгидой надсословной монархии, а интересы крупного капитала, да еще зачастую иностранного. Следовательно, интересы рабочих постоянно приносились в жертву капиталу, что и толкало, по мнению, рабочих в объятия социалистов.

Причем нельзя сказать, что сам Лев Александрович не пытался предпринять практических шагов в этом направлении. Он прекрасно понимал всю остроту рабочего вопроса и его опасность для страны, тем более он давно интересовался этой проблемой. Уже в 1870—80-е годы он затрагивал данную тему в своих легальных статьях. К тому же в эмиграции ему довелось столкнуться с изнанкой развития капитализма в европейских странах и с тем, как европейские социалисты использовали неизбежные противоречия между трудом и капиталом для пропаганды в рабочей среде своих идей.

---

[8] ГА РФ. Ф. 634. Оп. 1. Д. 9 (запись от 10 апреля 1901 г.).

[9] Там же. Д. 10. Л. 87 об.

[10] Там же. Д. 8 (запись от 4 марта 1901 г.).

[11] Там же.

Четко осознавая, что Россия в пореформенный период вступила в стадию экономической модернизации, Тихомиров не мог не понимать, что рабочий вопрос вскоре станет одним из важнейших для страны. И от того, как на него прореагирует правительство, будет зависеть, в какую сторону повернет пока стихийно формирующееся рабочее движение в России. Вплотную занимаясь анализом всей внутренней политики государства на рубеже веков, Тихомиров понимал и другое – в такой стране, как Российская империя, с массой нерешенных социальных проблем и крайне агрессивным оппозиционным движением, соединяющим время от времени либеральное и радикальное крыло в едином натиске на верховную власть, именно рабочие могут стать решающей силой, контроль над которой может помочь либо официальной власти, либо оппозиции диктовать условия в стране.

Более того, длительное время занимаясь вопросами, связанными с социально-экономической проблематикой, Тихомиров отчетливо видел то, что отказывались замечать некоторые политические деятели из консервативного лагеря, а именно, не только численный рост рабочего класса, но и постепенное обретение им собственного классового самосознания считал, что, насколько мировоззрение рабочих будет лояльно монархической идее, напрямую зависит от политики верховной власти, от ее умения понять и почувствовать умонастроение этого социального слоя.

Ускоренная экономическая модернизация России привела на рубеже веков к бурному промышленному развитию страны, на что мы уже указывали в предыдущих главах. Естественно, что ускоренный рост крупной промышленности сопровождался и резким увеличением численности рабочего класса. По официальной статистике количество рабочих в 1865 г. составляло 706 тыс. человек, в 1890 г. их было 1 млн. 42 тыс., а согласно переписи на 28 января 1897 г. — уже 7 млн. 42 тыс. 959 человек[12].

Наблюдалась и еще одна тенденция, на которую обращал особое внимание Тихомиров. Постепенно происходила концентрация рабочих на крупных промышленных объектах. За период 1900—1913 гг. численность рабочих на крупнейших предприятиях (свыше 1000 человек) увеличивалась в 2 раза быстрее, чем на всех заводах и фабриках. В результате удельный вес их повысился с 31 до 39%, что было выше, чем в других развитых странах (в Германии, например, на аналогичных предприятиях в 1907 г. работало всего 10% пролетариата)[13]. Даже эти неполные данные неоспоримо свидетельствуют, что к концу XIX в. перед лицом верховной власти со всей очевидностью вставал «рабочий вопрос», и необходимо было искать пути его разрешения.

Кроме того, по данным переписи 1897 г. рабочий класс России был и самым молодым среди всех социальных групп населения — 26% рабочих были в возрасте до 20 лет, 55% — от 20 до 39 лет и только 19% — от 40 лет и старше[14], а, как известно, именно молодая и не очень образованная часть общества наиболее склонна к радикальной экзальтации и представляет собой благоприятную почву для пропаганды. Тем более что рабочие, концентрирующиеся в больших городах, являющихся сосредоточением отнюдь не национально-патриархальной, а космополитической культуры, все сильнее вестернизировались, засасываемые в воронку экономической модернизации.

Отсюда и отмечаемое многими в 900-е гг. новое увлечение идеями Д. Писарева, рост нигилизма и примитивного полузнания, хулиганства, нравственной распущенности[15], т.е. то самое наступление «грядущего хама», вскоре вылившееся в кровавое насилие нового революционного подъема. Причем подвержены этому оказались в первую очередь молодые рабочие, не имеющие достаточной культурной выработки и готовые хвататься за самые простые и удобные теории, которые, как им казалось, таят в себе правильные ответы на различные социальные вопросы. Всего этого не мог не осознавать тонко чувствующий ситуацию Тихомиров, который также отчетливо понимал, что при дальнейшем устранении государства от правильного устроения рабочего сословия оно неминуемо окажется под влиянием социалистической пропаганды.

---

[12] *Вовчик А.Ф.* Политика царизма по рабочему вопросу... С. 19, 35.

[13] Новейшая история Отечества. XX век. В 2 тт. Т. 1. М., 1999. С. 28.

[14] Там же. С. 28.

[15] *Черкасов П.П., Чернышевский Д.В.* История императорской России. М., 1994. С. 397.

Государство же на проблему реагировало крайне вяло, считая ее несущественной. Тогда же в среде либеральной интеллигенции получили развитие идеи Э. Бернштейна, основанные на придании нарождающемуся «рабочему движению» импульса борьбы только за экономические требования в духе английского тредюнионизма. Однако на деле даже выдвижение на первый план экономической борьбы рабочих напрямую нарушало основы российского законодательства. Противоречие такого рода лежало в самих глубинах социально-экономической политики самодержавия. Основой ее была мощная государственная поддержка крупного капитала, а, следовательно, любое, даже справедливое экономическое требование, выдвигаемое рабочими, поневоле приобретало антиправительственную окраску. В данном случае необходимо было пересматривать всю правительственную политику по этому вопросу, но для этого требовался более широкий взгляд на вещи, к которому представители верхних эшелонов власти не были готовы.

Опасность сложившегося положения отлично понимал Тихомиров. Однако голос его властями практически не был услышан, за исключением Департамента полиции, который и предоставил Тихомирову возможность попытаться реализовать свои теоретические рекомендации на практике в период с 1901 по 1903 г. Чему, в первую очередь, способствовало то обстоятельство, что в это время в Москве с рабочими активно работал Зубатов — глава Московского охранного отделения. Его деятельность по насаждению так называемого «полицейского социализма» тогда пользовалась поддержкой генерал-губернатора Москвы великого князя Сергея Александровича и обер-полицмейстера Д.Ф. Трепова. Отражена она и в ряде научных работ[16].

Сам Зубатов так излагал суть своей пропаганды в письмах к начальнику особого отдела департамента полиции (и, между прочим, ученику Рачковского) Леониду Александровичу Ратаеву: «На допросах я разъединяю противоправительственный элемент с массой с блестящим успехом — могу сказать по совести. В русском движении, да пожалуй и в еврейском, я с успехом убеждаю публику, что рабочее движение — одно, а социал-демократическое — другое. Там — целью является копейка, здесь — идеологическая теория. Рабочий должен стремиться к гражданскому уравнению с так называемыми "привилегированными" классами (что вовсе не требует ни социализма, ни политической свободы, а также ни ума, знания и самодеятельности); социал же демократы, игнорируя непосредственные его интересы, зовут его помочь "привилегированным" классам в достижении их интересов (совершить революцию), обещая после этого ему всяких благ. Очевидно, только глупость и серость рабочих делают их неспособными видеть эту поддержку и вопреки здравому смыслу упускать синицу из рук и гнаться за журавлем в небе. С этим все, по разъяснении, соглашаются и начинают жаловаться, что "как этого они не доглядели"»[17]. Действительно, некоторые из арестованных и допрашиваемых Зубатовым рабочих искренно поверили ему и, оказавшись на свободе, повели агитацию в нужном ему направлении. В результате среди рабочих началось движение за учреждение легальных обществ взаимопомощи. Во главе его от рабочих стояли: бывшие приверженцы социал-демократии М. Афанасьев, Н. Красивский, а также Ф. Слепов, Сафонов, Назаров, Савинов и др. В начале 1901 г. группа рабочих подала московскому генерал-губернатору вел. кн. Сергею Александровичу ходатайство о разрешении «Московского общества взаимного вспоможения занимающихся ремесленным трудом в механическом производстве», приложив проект устава. Первоначальная редакция не прошла, и вскоре был представлен новый устав под названием «Московское общество взаимопомощи рабочих в механическом производстве».

В составлении устава принимали участие профессор И.Х. Озеров и доцент Московского университета В.Э. Ден. Активный участник этих событий Озеров так вспоминал об этом: «Весной 1901 г. ко мне пришло несколько рабочих, прося помочь организовать им кассу взаимопомощи, при этом ссылались на академика И.И. Янжула, у которого (когда он был в Москве около этого времени) они были и который их направил ко мне, указав на то, что сам не располагает временем, находясь в Москве

[16] См.: *Морской А.* Зубатовщина. М., 1913; *Айнзафт С.И.* Зубатовщина и гапоновщина. М., 1925; *Бухбиндер Н.А.* Зубатовщина и рабочее движение в России. М., 1926, и др.

[17] Цит. по: *Бухбиндер Н.А.* Зубатовщина в Москве (Неизданные материалы) // Каторга и ссылка. 1925. № 14. С. 97.

проездом. Я отнесся к проекту рабочих организовать кассу взаимопомощи, притом для всех рабочих механического производства и не только Москвы, но и всей Московской губернии, скептически, указав им, что по моим сведениям много подобных проектов было представлено в министерство финансов, но они остались без движения. Рабочие говорили, что им хочется попытаться и что, быть может, в министерстве 20 проектов лежат без движения, но 21-й будет утвержден. — "Попробуйте. Ну, а если ничего не выйдет?". — "Тогда мы будем знать, что таким путем нельзя ничего достигнуть". Тем не менее я отклонил свое участие в выработке проекта»[18]. Но через некоторое время к нему обратилась с той же просьбой учительница с Пречистенских курсов для взрослых рабочих Дмитриева. В итоге он вместе с Деном решил помочь рабочим в составлении проекта устава.

Однако, так как устав должен был быть утвержден МВД, московский обер-полицмейстер Д.Ф. Трепов разрешил инициаторам, не выжидая утверждения устава, приступить к работе. Активная работа общества началась с мая 1901 г. Как видно из устава, «Общество» имело целью оказывать помощь своим действительным членам и их семействам и выдавать для этого возвратные и безвозвратные пособия[19]. Кроме того оно стало устраивать по воскресным дням лекции — собеседования в аудиториях чайной общества общеобразовательных развлечений и Исторического музея. Чтения были разрешены Треповым при условии, что на каждом заседании обязательно будет присутствовать представитель полиции. Отметим, что Зубатов в своей работе с московскими рабочими, вступившей в активную фазу весной 1901 г., опирался на либеральных ученых-экономистов, таких, как Озеров, А.Э. Вормс, Ден, В.И. Анофриев, П.Ф. Езерский и др. Зубатов, делая ставку на этих людей, рассчитывал использовать их экономические идеи, базирующиеся на теориях «легального марксизма» и направленные на отвлечение рабочих от политической борьбы, с переводом их деятельности в русло экономических требований при тесном сотрудничестве с властями. Через созданные рабочие организации, не афишируя связь последних с охранным отделением, либеральным профессорам предложили прочесть ряд лекций и провести собрания с рабочими.

О заинтересованности самих рабочих в подобного рода начинаниях свидетельствует тот факт, что по данным самого Озерова, на первом собрании, проводимом под председательством Дена, присутствовало около 150 человек, а в дальнейшем «организационные собрания по просьбе рабочих решено было вести каждую субботу, а так как слух об этом по фабрикам распространился, то нужно было приискать более обширное помещение, между тем летом свободен Исторический музей, и эти собрания были перенесены туда»[20]. Зубатов позже писал, что «все время держался в стороне, оберегая одною рукою рабочих от бестактности, а другой примиряя Трепова с находимой ими интеллигенцией... Последняя непосредственно имела дело с Треповым, а меня и вовсе не знала. Когда моя закулисная роль обнаружилась — чудаки перепугались ужасно, и тут-то каждый по своему начал объяснять мое таинственное поведение»[21]. Была составлена программа, и начались лекции, которые действительно привлекли внимание рабочих Москвы. Обсуждались вопросы о кассах взаимопомощи, о дружеских обществах в Англии, о биржах труда, о квартирной нужде и средствах к ее удовлетворению, о потребительских обществах, о продолжительности рабочего дня и постановке фабричного законодательства, о коллективном договоре и третейском суде и т.д.[22]

Однако нельзя сказать, что у «Общества» дела шли очень гладко, его деятельность возбуждала подозрения столичных властей, недовольна была и фабричная инспекция. Так, например, старший фабричный инспектор Гросс после визита к нему делегации рабочих со всеми подробностями дела их организации возбудил официальный вопрос перед министерством финансов о том, как ему надлежит относиться к разрешенному московскими властями «Совету рабочих в механическом производстве», официального уведомления о существовании коего он не получал. Пытаясь разре-

---

[18] *Озеров И.Х.* Политика по рабочему вопросу в России в последние годы (По неизданным документам). М., 1906. С. 195–196.

[19] К истории Зубатовщины // Былое. 1917. № 1. С. 87.

[20] Цит. по: *Кавторин В.В.* Первый шаг к катастрофе. С. 96.

[21] Письма С.В. Зубатова к В.Л. Бурцеву // Былое. 1912. № 14. С. 79.

[22] См.: *Бухбиндер Н.А.* Зубатовщина в Москве. С. 99.

шить эту ситуацию, Зубатов пишет Ратаеву 24 ноября 1901 года: «Имею честь покорнейше просить через ваше высокородие ходатайства его превосходительства господина директора департамента полиции, перед его высокопревосходительством господином министром внутренних дел, не будет ли признано возможным официально санкционировать утвержденную генерал-майором Треповым и в копии при сем прилагаемую инструкцию Совета рабочих»[23]. Далее шел текст:

Инструкция совету рабочих механического производства города Москвы.

§ 1. Совет механических рабочих г. Москвы имеет целью:

а) обсуждать все вопросы, касающиеся совещаний как общих, так и местных,

б) обсуждать материальные нужды рабочих механического производства и меры, направленные к улучшению их экономического положения,

в) входить в непосредственные сношения с лекторами по делам совещания,

г) руководить рабочими на общих совещаниях для поддержания порядка во время прений и т.д.,

д) контролировать местные совещания, служащие подготовкой рабочих для общих совещаний.

§ 2. На первом собрании члены совета выбирают из своей среды председателя и товарища председателя, секретаря и его заместителя.

§ 3. Председатель имеет своею обязанностью:

а) руководить собраниями совета;

б) выдавать, по постановлению совета, деньги на проезд контролеров, назначенных для участия в местных совещаниях;

в) допускать, с разрешения г. Московского обер-полицмейстера, к участию в собраниях совета рабочих не принадлежащих к числу членов его, в случаях, заслуживающих особого внимания.

Примечание: лица, явившиеся с каким-либо заявлением в собрание совета, предварительно сообщают таковое председателю, который своевременно докладывает о том совету.

§ 4. Секретарь обязан вести протоколы собраний совета, записывать его постановления и вести текущую переписку.

§ 5. Совет может устранить председателя и секретаря от исполнения их обязанностей в случае явного невыполнения ими таковых или при последовавшем с их стороны отказе.

§ 6. Члены совета, прямо или косвенно вредящие интересам рабочих механического производства и не соблюдающие этой инструкции, могут быть исключены из него советом по большинству голосов.

§ 7. Расходы совета покрываются из общественной суммы. Общественная сумма составляется путем подписки и добровольных пожертвований от рабочих механического производства.

§ 8. Собрания совета бывают: а) обыкновенные, б) чрезвычайные. Обыкновенные собрания происходят один раз в неделю. Чрезвычайные собрания назначаются председателем при наличности не терпящих отлагательств дел.

§ 9. Постановления совета считаются действительными, если подписаны не менее, чем десятью подписями членов совета, включая председателя и секретаря.

§ 10. Совет обязан зорко следить за местными совещаниями через председателя или выбранных им членов совета.

§ 11. Для этой цели совет составляет программы собеседований для местных отделений. Программы эти подлежат утверждению со стороны г. Московского обер-полицмейстера.

§ 12. Сверх того, совет из своей среды большинством голосов избирает лиц, на которых возлагает обязанности присутствовать на местных совещаниях в качестве контролеров. В случаях, не терпящих отлагательства, председатель назначает контролера своей властью.

Примечание 1-е: совет вообще может предоставить это право назначения контролером единоличной власти председателя.

---

[23] *Бухбиндер Н.А.* Зубатовщина в Москве. С. 112—113.

Примечание 2-е: на проезд этих лиц совет может выдавать деньги из общественных сумм.

Примечание 3-е: члены совета, в том числе и должностные лица его, без особо уважительных причин не могут отказываться от возложенного на них советом участия в местных собраниях в качестве контролеров.

§ 13. Члены совета, выбранные советом для контролирования местных совещаний, по прибытии на последние должны предъявлять председателю его уполномочие от председателя совета с его подписью. Контролеры могут сверять программу местного совещания с программой, данной советом, или, если это окажется возможным, восстановить на нем должный порядок для его продолжения.

§ 14. Если на местном совещании произойдет какое-либо уклонение от порядка, предусмотренного в § 13, контролер на следующий после совещания день доводит о нем до сведения председателя совета, который о том докладывает совету.

Примечание: уведомление от контролера может быть сделано устно или письменно, в последнем случае оно должно заключать в себе все подробности.

§ 15. В случае уклонения местных совещаний от задач общих совещаний и программы, данной советом, последний может прекратить деятельность местных совещаний.

§ 16. В случае надобности совет может возбуждать перед г. Московским обер-полицмейстером ходатайство об изменении или дополнении этой инструкции[24].

Отметим, что невзирая на определенные трудности к концу, 1901 г. зубатовский проект набирал обороты. Движение перебрасывается и на другие отрасли промышленности. Так, по инициативе «Общества рабочих механического производства» подается хадатайство Трепову о разрешении «Общества взаимопомощи рабочих текстильного производства», а чуть позже, в 1902—1903 гг., пуговичного, картонного, табачного, парфюмерного, картонно-картонажного, ситце-набивного и граверного. Утверждение всех этих обществ МВД последовало в начале 1904 г., но фактически они начали работать с момента подачи Трепову прошения о регистрации[25].

Трудности по организации легального рабочего движения в то время возникали еще и потому, что оно находилось под пристальным вниманием революционного лагеря. И, как только информация о роли охранки в устроении рабочих обществ просочилась в свет, «левая», в основном социал-демократическая пресса подняла шум, обвиняя профессоров в связях с полицией. Из статьи «Буржуазная наука» из «Искры» (№ 8) о беседах с рабочими Озерова 19 августа: «...Поговорив о значении рабочих клубов в жизни европейских рабочих, г. Озеров заявил, что наши рабочие нуждаются в подобных клубах не менее, чем иностранные. Оказывается, это уже осознало <...> министерство финансов, которое с "введением винной монополии усиленно рекомендует комитетам трезвости устройство особых народных клубов, в которых рабочий мог бы не только пить чай, но и разумно проводить время". Да здравствует министерство финансов, трижды ура, г. Витте! По лицемерию или по невежеству г. профессор не упоминает лишь об одной малости, что разумное проведение в клубах и читальнях комитетов трезвости заключается, между прочим, в чтении "Света", "Московских ведомостей"[26] и тому подобной грязной литературы! Г. Озеров[27] не постеснялся выразить "большое спасибо казенной винной монополии"... Переводя эти "благонамеренные речи" на человеческий язык, мы констатируем тот факт, что г. Озеров приветствует и прославляет русское правительство за то, что оно в основу борьбы с алкоголизмом поставило не повышение народной культуры, не освобождение личности, не свободу образовательных учреждений, но жалкое подобие просветительской деятельности, насаждаемой мощной рукой помпадуров и попов, — этот фиговый листок, которым прикрывается гнусная нагота роли кабатчика»[28].

В результате «прогрессивное общество» стало также подвергать участников чтений из интеллигенции обструкции. О создавшейся ситуации Зубатов рапортовал в письме директору департамента

---

[24] *Бухбиндер Н.А.* Зубатовщина в Москве. С. 113—114.

[25] Там же. С. 102

[26] Перечисляются монархические издания.

[27] Т.е. — господин Озеров.

[28] Цит. по: *Кавторин В.В.* Первый шаг к катастрофе. С. 98.

полиции С.Э. Зволянскому от 1 ноября 1901 года: «Ю.А. Белевская и Максимов (народоправец) руководителя Езерского прямо произвели в подлецы и боятся это сделать относительно таких имен, как Озеров и Ден, хотя простить им участия в Совещаниях никоим образом не в силах. Они уверены, что экономическая организация, полученная от правительства, совершенно оторвет рабочих от политики, а если их и можно будет со временем где-либо поднять, то опять же только на экономической почве. Так или иначе, но Озеров уже получил ругательную анонимку»[29]. Давление на руководителей чтений оказывали и студенты, настроенные радикально — они стали бойкотировать их лекции в высших учебных заведениях Москвы.

Состоялся даже третейский суд, созванный по требованию Озерова и закончившийся его оправданием. Он начался 7 декабря 1901 г. под председательством известного историка, профессора П.Г. Виноградова и при участии редактора «Русских Ведомостей» В.Ю. Скалона. На нем после рассмотрения доводов сторон было принято следующее решение: «1. В высшей степени желательно продолжать и развивать просветительскую деятельность, которую с таким успехом проявили лекторы в руководстве так называемых собеседований... 2. Организационные начинания рабочих должны быть предоставлены самим рабочим»[30]. В своем дневнике Тихомиров назовет эту травлю «проявлением либерального деспотизма»[31]. Но оправдание Озерова большого значения не имело. Представители «правого» лагеря, обеспокоенные усилением оппозиционного влияния на рабочих, по воспоминаниям Зубатова, так давили на министра внутренних дел Сипягина, что тот отдал распоряжение о прекращении занятий. Тогда Зубатов нашел очень оригинальный выход — он обратился в январе 1902 г. к Тихомирову с просьбой помочь ему в организации рабочих[32], а последнего никак нельзя было упрекнуть в приверженности либеральным ценностям.

Первоначально Тихомиров настороженно отнесся к Зубатову, из-за его служебного положения. Зубатов в письме к Бурцеву так рассказывал об этом: «Принял меня Лев Александрович весьма нерадушно — мое служебное положение его крайне шокировало. Но видя, что я его заинтересовал и как будто *указал ему нечто новое*, назвав Бернштейна и только что тогда вышедших авторов по профессиональному рабочему движению (Рузье, Вигуру, Геркнер, Метен, Зомбарт и др.), я претерпел в интересах дела неприятное чувство при сношении с ним и после нескольких свиданий сдал ему рабочих, а его самого — Трепову»[33]. Мысль на практике реализовать свои идеи по справедливому разрешению рабочего вопроса при поддержке высшей власти заинтересовала честолюбивого Тихомирова, и он включился в работу, сочетая пропагандистско-публицистическую и организационно-практическую деятельность.

Реализацию своих планов по устроению рабочих в Москве он решил начать с их культурной выработки и формирования их мировоззренческих установок в монархическом направлении. В результате в январе 1902 г. создается «Комиссия по руководству чтениями для рабочих». Она включала представителей исключительно монархического лагеря: «председатель — епископ можайский о. Парфений, член — ректор духовной семинарии о. Анастасий, председатель Московского цезурного комитета Назаревский, Л. Тихомиров, Грингмут и др.»[34].

В качестве дополнения к организации общеобразовательных чтений Тихомиров планировал организовать и художественные чтения, тематика которых также должна была быть направлена на промонархическую выработку рабочих. С этой целью для подготовки программы художественных чтений он привлек своего близкого друга и единомышленника художника Васнецова. Вообще интеллектуальная роль Тихомирова в подготовке и организации чтений среди рабочих была чрезвычайно высока, о чем свидетельствует и переписка Зубатова. Вот фрагмент из его письма от 7 февраля 1902 г. к директору департамента полиции Зволянскому: «Прилагаю 1-ю

[29] *Бухбиндер Н.А.* Зубатовщина в Москве. С. 109—110.
[30] Цит. по: *Кавторин В.В.* Первый шаг к катастрофе. С. 108—109.
[31] ГА РФ. Ф. 634. Оп. 1. Д. 10. Л. 16.
[32] См.: *Милевский О.А.* Л. Тихомиров и зубатовщина в Москве (1901—1903 гг.). С. 46—56.
[33] Письма С.В. Зубатова к В.Л. Бурцеву. С. 79.
[34] *Бухбиндер Н.А.* Зубатовщина в Москве. С. 100.

лекцию Льва Тихомирова о профессиональном движении. Он ее только написал, а читать ее уже будут рабочие»[35].

И вскоре практическая деятельность монархистов дала первые результаты. 19 февраля 1902 г. «Общество» организовало огромную патриотическую манифестацию у памятника Александра II. Трепов первоначально выразил неудовольствие наложив на ходатайстве о проведении акции резолюцию: «Надлежало прежде всего испросить разрешение, а потом уж пропагандировать идею»[36]. Департамент полиции, со своей стороны, высказывался за то, чтобы рабочим было разрешено отслужить панихиду по Александру II и молебствие за Николая II и возложить венок, но предлагал запретить шествие по городу, но начинание нашло активную поддержку у Сергея Александровича, который разрешил «считать этот день нерабочим и выразил желание лично присутствовать на этом патриотическом празднике»[37]. Однако Трепов все же подстраховался, по словам Зубатова: «Как Д.Ф. (Трепов, — *авт.*) не верил в возможность мирного исхода этого дня, а все же не мог избежать искушения — скрыть поблизости казаков»[38]. В результате у памятника Александру II собралось около 50 тысяч человек, была отслужена панихида и возложен депутацией от рабочих роскошный венок. Фактически эта акция явилась высшим пиком зубатовского движения. Во многом она стала возможной благодаря усилиям группы, в которую входил и Тихомиров. Сам он по поводу этой акции разразился статьей «Значение 19 февраля 1902 г. для московских рабочих», в которой, подчеркивая огромное пропагандистское значение этого мероприятия, не преминул поднять ряд актуальных вопросов, касающихся современного состояния рабочего движения. Задаваясь в статье вопросом: «Почему московские фабрично-заводские рабочие могли достигнуть успеха в таком огромном деле?» он подчеркивал, что «ничего бы они не могли сделать, если бы не имели внутренней организации». И далее продолжал в том же духе, попутно делая жесткий выпад против либеральной интеллигенции: «Те московские рабочие, которые ближе знают дела организации, могут видеть и еще одно обстоятельство. Под влиянием разных подстрекательств рабочая организация была не только оставлена людьми интеллигенции, прежде ей помогавшими, но даже получила с их стороны разные противодействия и услыхала обвинения и клевету против разных нужнейших деятелей своих... Что же выручило рабочих? Самодеятельность. Организованные рабочие только потому и могли довести дело до благополучного конца, что решились действовать по своему соображению, по голосу своей совести... Если бы московские рабочие подчинялись настояниям своих интеллигентных руководителей, теперь в Москве была бы, без сомнения, большая сумятица, и все рабочие начинания разбились бы вдребезги. Теперь же, исполнив честно свой долг русских людей, московские рабочие заслужили и доверие власти, и получили разрешение трудиться над своей организацией и осуществлением своих задач, и уверились в своих силах, да и других убедили, что могут обойтись и без их помощи. Вот великий урок, который окончательно уяснился рабочими в торжественный день 19-го февраля»[39].

В это же время Тихомиров работал и над теоретическими вопросами организации рабочего движения на основе, как он считал истинно русской программы. Результат его изысканий был облечен в серию статей в «Московских ведомостях» (№№ 79—83), впоследствии изданных отдельной брошюрой «Рабочий вопрос и русские идеалы». В этой работе он развенчивал общественную власть, при которой мог быть воплощен в жизнь лозунг «свобода, равенство и братство». Он указывал на идеал коренного русского народа, являющийся не классовым, или сословным, а христианским, основанным на гармонии классов под сенью надклассовой самодержавной монархии[40]. Исходя из данного идеала, он и предлагал перестроить жизнь рабочих, базируясь на тезисе, что идея бессослов-

[35] *Бухбиндер Н.А.* Зубатовщина в Москве. С. 115.

[36] Там же. С. 103.

[37] Там же.

[38] Письма С.В. Зубатова к В.Л. Бурцеву. С. 80.

[39] Значение 19 февраля 1902 г. для московских рабочих // Былое. 1912. № 14. С. 86—87.

[40] *Тихомиров Л.А.* Апология веры и монархии. С. 314, 320—321.

ности ослабляет государство и «допускает общественное расслоение доходить до ненормальности, болезненности»[41].

Важным моментом этой статьи являлось указание автора на то, что государство всеми мерами должно способствовать выработке собственной сословной интеллигенции в пику бессословной и оторванной от социальных групп. Данную же задачу возможно осуществить только через широкое развитие и выработку сословной жизни. Тихомиров отмечал, что «нация, по различию условий жизни, по многообразию ее требований, всегда распадается на *слои*, неодинаковые по условиям жизни, а потому представляющие известные различия и в своем быте, в своих привычках, в том, что составляет сильнейшие и слабейшие стороны сословия... Мы на бумаге имеем *одно* крестьянское сословие. Но вникнем в действительную жизнь этого сословия — и мы увидим, что оно распалось на много слоев существенно различных»[42]. И все же основной мотив статьи — это устроение рабочего сословия. Главное опасение, высказанное публицистом по этому поводу, заключалось в следующем — ни в коем случае нельзя допускать превращения рабочего класса в пролетариат, не связанный с государством никакими сословными интересами и готовый под руководством антинациональной социалистической интеллигенции произвести социальный переворот. Тихомиров вообще считал, что, «какова бы ни оказалась степень чуткости интеллигенции при действительных запросах русской жизни, нельзя не выразить надежды, что чуткость самой Власти русской не оставит без внимания несомненной нужды нарождающегося класса рабочих в правильном сословном устроении. И чем скорее начнется это устроение, тем легче будет поставить его на почву *русского* идеала, идеала не "борьбы классов", а *всеобщего союза сословий* под общей властью всем им одинаково принадлежащего государства[43].

Еще более четко свои идеи по подготовке нового курса в проведении социальной политики Тихомиров раскрыл в «Записке о задачах русских рабочих союзов и началах их организации», которую составил для Д.Ф. Трепова[44]. К ней прилагалась его «Записка об учреждении профессиональных союзов». Произошло это с подачи Зубатова, через некоторое время после убийства 2 апреля 902 г. эсером С.В. Балмашевым министра Сипягина. Именно тогда, пытаясь использовать момент смены министров, а назначение Плеве Тихомиров как и большинство представителей «правого» лагеря, встретил с энтузиазмом[45], Зубатов и передал Трепову свою краткую записку и, как приложение к ней, обширный доклад Тихомирова.

Считая дело создания «Советов рабочих» в Москве вопросом чрезвычайно важным, Тихомиров пытался в этих документах наметить пути дальнейшего развития рабочих организаций, заявляя, что «все, кто у нас занимался рабочим вопросом, изучали его исключительно по европейским образцам и приучили свою мысль стоять на европейской точке зрения»[46]. Именно эту мысль он приводил в своей «Записке об учреждении профессиональных союзов», в которой также отмечал, что в Европе исторически рабочий вопрос был связан с идеями социалистическими. Развивая этот тезис, дальше он явно наносит удар по прежним руководителям движения, в частности, по Озерову, декларируя, что опасным и ложным шагом была бы постановка рабочего вопроса исключительно на экономическую почву и в силу этого построение рабочей организации, как только орудия борьбы с капиталистами. Это сразу бы придало рабочему движению узкий характер с наклонностью к социализму.

В противовес такому подходу он пытался предложить новые ориентиры для развития рабочего движения, а на его примере и всей социальной политики государства. Цели эти не должны были являться узкоклассовыми и отдавать групповым эгоизмом. По его мнению, такой общенациональной целью для рабочих «могла бы быть наряду с экономическими интересами помощь

---

[41] *Тихомиров Л.А.* Апология веры и монархии. С. 336.

[42] Там же. С. 335.

[43] Там же. С. 340.

[44] С 1896 года Д.Ф. Трепов являлся московским обер-полицмейстером.

[45] После назначения В.К. Плеве Л.А. Тихомиров записал в свой дневник: «Сегодня назначили министром внутренних дел В. Плеве. Это хорошо!» // ГА РФ. Ф. 634. Оп. 1. Д. 10. Л. 96.

[46] *Вовчик А.Ф.* Политика царизма по рабочему вопросу... С. 120.

по поддержанию экономического порядка, в чем заинтересованы и общая администрация, и сами хозяева-фабриканты»[47].

В «Записке о профессиональных союзах» Тихомиров «призывает сохранить "умственную самостоятельность" рабочих, дабы избежать западного социалистического соблазна при построении русских рабочих профессиональных союзов. Опасностью здесь он видит, прежде всего, постановку "нашего рабочего вопроса на исключительно экономическую почву и в силу этого построения рабочей организации как исключительно орудия борьбы с капиталистами. Это сразу бы придало русскому делу узкий характер с наклонностью к социализму". Встав на позицию чистого экономического эгоизма, рабочие не найдут многих союзников на этом пути. Л.А. Тихомиров предлагал поэтому наметить в экономической области деятельности союзов две задачи: "1) защита экономических интересов рабочих; 2) поддержка порядка и законности в отношении рабочих к хозяевам. Если первая задача состоит в защите рабочего от эксплуатации хозяина, то вторая не допускает эксплуатации хозяина рабочими". Это может помочь, по его мнению, умиротворить хозяев и рабочих»[48].

Для реализации этой идеи на практике Тихомиров активно поддерживал начинания по устроению легальных рабочих организаций в Москве. Хотя следует признать, что эта инициатива не пользовалась поддержкой финансовых и предпринимательских кругов. Вот как об этом вспоминал Зубатов: «Особую неприязнь и у чинов фабричной инспекции, и в среде предпринимателей встретил так называемый "Совет рабочих механического производства", в котором рабочими давались по делам советы самими же рабочими. История его происхождения очень проста. Московской администрации приходилось ведаться с двоякого рода недовольством: во 1-х хозяев рабочими и, во 2-х, рабочими хозяевами... Поэтому, для облегчения себе труда, подлежащими чинами был возбужден вопрос об образовании в Москве центрального рабочего бюро, где скоплялись бы и разбирались все претензии рабочих через своих же собственных выборных... Словом, благодаря такому бюро, жизнь рабочей массы направлялась по известному руслу, где обычно все страсти успокаивались, а недоразумения разрешались, в большинстве случаев мирным образом, не выходя на улицу и не выливаясь в форму рабочих фабрично-заводских беспорядков»[49].

Тихомиров смотрел на проблему устроения рабочего сословия еще шире, о чем свидетельствуют представленные им проекты. По мысли автора, очень важно было взамен выхолощенных идей чисто экономической борьбы предложить что-либо более конкретное. Понимая это, он предлагает «умножение способов образования и развития рабочей мысли». Идеям благонамеренного просвещения рабочего класса должно служить, в первую очередь, укрепление нравственного духа рабочих, а для этого, по мнению Тихомирова, необходимо более тесное общение рабочих с православной церковью. Он уделяет большое внимание выработке у рабочих религиозного мировоззрения. Конечной же целью должно стать формирование народной национально мыслящей интеллигенции.

Подобные мероприятия в совокупности своей, полагал Тихомиров, помогут привести рабочие союзы к тому, чтобы они стали «не узкопрофессионально-экономическим учреждением, но некоторою общиною, объединяющею фабрично-заводских рабочих во всех главных отраслях их нужд. Крестьянин, являясь в город из своей деревни, попадал бы как бы в ту же, уже привычную ему, общину, но только более развитую»[50]. Он писал в записке: «Как капитализм существует не для борьбы против рабочих, а прежде всего для самого себя — для того, чтобы жить и процветать, точно так же и рабочие должны жить вовсе не для борьбы с кем-нибудь, а для самих себя — для того, чтобы хорошо устроиться. Иногда для этого и необходимо бороться, но все-таки не борьба, не война является целью жизни рабочего, а правильное, выгодное и справедливое устройство обстановки своей жизни. Приступая к организации, ее и надо приспособлять к этой действительной цели, а не

[47] *Вовчик А.Ф.* Политика царизма по рабочему вопросу... С. 120.

[48] *Смолин М.Б.* Комментарии // *Тихомиров Л.А.* Церковный собор, единоличная власть и рабочий вопрос / Составитель, автор вступительной статьи и комментариев *М.Б. Смолин*. М., 2003. С. 597—598.

[49] *Зубатов С.В.* Зубатовщина // Былое. 1917. № 4. С. 164—165.

[50] Цит. по: *Смолин М.Б.* Комментарии // *Тихомиров Л.А.* Церковный собор, единоличная власть и рабочий вопрос. С. 598.

для одной только борьбы»[51]. Целью организации являлось устроение рабочих как сословия, так как сословие есть, по Тихомирову, «государственно признанный и урегулированный класс», получивший свои права и обязанности. Рабочее сословие «служит государству и другим сословиям своею специальностью, получая от других сословий услуги по их специальности»[52].

Мы уже упоминали, что по мнению Тихомирова, идеям просвещения рабочего сословия должно служить в первую очередь укрепление нравственного духа рабочих, а для этого необходимо и более тесное общение их с РПЦ. В одной из своих статей он не только положительно оценивал опыт по созданию школ для рабочих при фабриках, приветствуя участие церкви в этом начинании, но и сожалел «только о ее (РПЦ, — *авт.*) вспомогательной роли в решении рабочего вопроса»[53]. По мнению Тихомирова, РПЦ должна была активнее предлагать свою помощь правительству при реализации социальных проектов, ибо, только двигаясь рука об руку, правительство, проводящее правильную социальную политику, и церковь, всемерно ее поддерживающая, смогут что-то противопоставить социалистам в борьбе за влияние на умы рабочих. Важнейшей задачей для РПЦ в помощи правительству должна была оставаться борьба за нравственное влияние на трудящееся население.

Другой важный способ воздействия на нравственность рабочих виделся Тихомирову в правильной организации их досуга: «Сюда относятся разного рода чтения, курсы, библиотеки и т.п.»[54]. Кроме того, как он полагал, для охранения нравственности необходимо «вводить чистоту быта в их среду, преследовать порицанием грубые пороки, окружать уважением семейную жизнь, создавать приличные и интересные формы общения (как праздники, вечера и т.п.)»[55]. Конечной целью подобной политики пока в отношении только рабочего сословия и должно было стать формирование народной интеллигенции.

Также важной составляющей при выработке рабочего сословия, по его мнению, являлась и грамотная социально-экономическая политика властей. В одной из своих статей этого периода он совсем в духе «Записки» Д.Ф. Трепову писал: «Настоящее время требует развития кооперативных учреждений. Они тем более ощутимы, чем сильнее развивается промышленность»[56]. Признавая в целом положительность капитализма, он при этом указывал, что материальный прогресс должен дать место прогрессу социальному, и поэтому, на взгляд Тихомирова, «самым элементарным последствием капитализма является необходимость рабочих обществ взаимопомощи»[57]. По его представлению, рабочие союзы в России должны стать не только и не столько узкопрофессиональными, экономически ориентированными учреждениями. Он рассчитывал на их иное предназначение, а именно постепенную трансформацию в рабочие общины, некоторое подобие будущих рабочих корпораций.

В целом, оценивая идеи Тихомирова в отношении устроения рабочего сословия, следует отметить, что на примере организации рабочих он пытался создать идеальную модель для устройства в недалеком будущем и других социальных групп подобным же образом. Нельзя не отметить, что его предложения по организации рабочих являлись во многом новационными для своего времени. Можно с достаточной степенью вероятности утверждать, что идеи, им высказываемые, выходили и за рамки пресловутого «полицейского социализма», идеологом которого являлся Зубатов.

Как уже указывалось выше, при детальном анализе предложений Тихомирова усматривается некоторое сходство рекомендованных им мероприятий по реорганизации социальной политики в отношении рабочего сословия с тем, что спустя более чем четверть века стало на практике реализовывать правительство Муссолини в Италии для достижения в обществе «политики консенсуса»[58].

---

[51] Цит. по: *Смолин М.Б.* Комментарии. С. 598.

[52] Там же. С. 598—599.

[53] *Тихомиров Л.А.* Школа и рабочий вопрос // Московские ведомости. 1902. № 320.

[54] *Тихомиров Л.А.* Церковный собор, единоличная власть и рабочий вопрос. С. 177.

[55] Там же. С. 178.

[56] *Тихомиров Л.А.* Рабочие общества взаимопомощи // Московские ведомости. 1902. № 137—138.

[57] Там же.

[58] Под «политикой консенсуса» в Италии такие ученые, как А. Аквароне, Р. Де Феличе понимают «определенный, трудно измеримый уровень согласия в обществе по отношению ко всей системе социально-политических ценностей и

Главная же цель этой политики — обеспечение устойчивости господствующей формы власти в стране, и огромную роль в достижении консенсуса итальянские теоретики фашизма так же, как и ранее Тихомиров, придавали специально разработанной политике государства в отношении трудящихся слоев населения.

Попытаемся рассмотреть и проанализировать подобного рода сходство на конкретных примерах. При этом, конечно, следует отдавать себе отчет, что ни о каком полном тождестве речи вестись не может. Нас интересуют некоторые общие тенденции в формировании самой идеологии «третьего пути», у истоков которой стояли мыслители и политики ряда европейских государств, в том числе и Тихомиров. В Италии, например, эта политическая доктрина была на практике реализована в виде оформления тоталитарного фашистского государства. При этом деятельность по организации рабочего класса при Муссолини велась по нескольким важнейшим направлениям. На сцене итальянского «политического театра», кроме фашистской партии «ПНФ», действовали профсоюзы, зачастую выступавшие в роли посредника, амортизировавшего социальные противоречия и сглаживающего конфликты. Кроме этого, существовала еще одна, причем самая массовая, организация, объединяющая трудящиеся слои, — «Дополаворо» (ОНД)[59].

Данная организация, уж совсем в духе идей Тихомирова, высказанных в «Записке» Д.Ф. Трепову, призвана была ориентировать различные слои итальянского общества проводить время после работы в социально значимых целях. Как считает большинство исследователей, секции «ОНД» стали главным инструментом, посредством которого фашисты пытались «демократизировать» доступ масс к культурным и спортивным развлечениям, активному отдыху, а также надеялись в определенной степени уравновесить их потребительские запросы[60].

Еще одной важной составляющей режима Муссолини, что также очень близко тихомировским идеям, являлось его религиозное воздействие на рабочих. «Условия консенсуса, — пишет исследователь Л.С. Белоусов, — позволяли режиму использовать религию в качестве одного из элементов контроля за индивидуальной и общественной жизнью, одухотворяющего насаждаемые сверху поведенческие модели»[61]. В историографии итальянского фашизма в научный оборот был введен даже термин «клерофашизм» — своеобразная смесь мировоззренческих представлений религиозного и псевдопатриотического толка. В рамках политики консенсуса исследователи считают ее «самой распространенной и влиятельной идеологией в воспитании итальянцев в 30-е гг.»[62]. В данном вопросе также бросается в глаза определенное сходство идейных установок «клерофашизма» с предложениями Тихомирова, направленными на привлечение структур РПЦ и ее отдельных представителей для сотрудничества по воспитанию, обучению и реорганизации жизни рабочего сословия. Именно Тихомиров активно высказывался за более широкое привлечение священнослужителей к преподаванию в школах для рабочих.

Другой идеей подобного рода являлось его предложение по регламентации всей системы образования России, от церковно-приходских школ до высших учебных заведений, с целью поставить все образование под жесткую опеку РПЦ и государства, которые и должны были утверждать программы и контролировать весь образовательный процесс[63]. Рассуждения Тихомирова о необходимости «цензурирования» со стороны государства весьма схожи с аналогичеыми рассуждениями Победоносцева и других консерваторов. В работе «Государственность и религия» Тихомиров писал: «Живое *нравственное чувство* составляет, таким образом, основу для успеха действий государства. Но государство само по себе не имеет способов *порождать* это необходимое ему чувство. Госу-

связей, а именно: к государству, правительству, правовым нормам и институтам, социальной регламентации, культурной сфере, религиозным традициям». Цит. по: *Белоусов Л.С.* Режим Муссолини и массы. С. 41.

[59] «Дополаворо» (*итал.*) — дословно «после работы».

[60] *Белоусов Л.С.* Режим Муссолини и массы. С. 156.

[61] Там же. С. 47.

[62] Там же.

[63] Эти рекомендации Тихомирова очень похожи на те идеи, которые были реализованы в ходе школьной реформы, проведенной Дж. Джентиле в Италии в ходе правления Муссолини и «в значительной степени оставившей в руках церкви народную школу» // *Нольте Э.* Фашизм в его эпохе. Новосибирск, 2001. С. 276.

дарство может принимать меры к тому, чтобы нравственное чувство не подрывалось распространением безнравственных учений или деморализующим зрелищем торжествующего порока и т.п. Твердым настоянием на исполнении предписанных норм жизни и систематическим каранием преступления государство может "дрессировать" граждан, ввести у них соблюдение правды в привычку»[64].

Особенно созвучны предложениям Тихомирова социально-экономические мероприятия режима Муссолини в отношении трудящихся масс. Главное, что сближает теоретические предложения, Тихомирова и политическую практику Муссолини — это смещение акцентов в социально-экономической политике государства в сторону так называемой «гармонии интересов». На практике это выражалось в расширении со стороны государства форм контроля и укрепления связи между частным характером производства и вмешательством государства, как высшего арбитра, в конфликт интересов. То есть сложившийся политический режим в Италии оставлял за собой право прямого вмешательства в сферу трудовых отношений.

Об этом в своих статьях писал и Тихомиров[65]. Он полагал, что «государство, опираясь на отдельные сословия и классы, в преследовании их интересов не должно забывать, что оно выше всех их, порознь взятых. Его обязанность защищать всех... Если государство забывает этот свой долг и превращается в игрушку чьего бы то ни было классового интереса — его крушение неизбежно. Но если государство идет твердо к тому, чтобы создать строй, справедливо обеспечивающий самостоятельность и интересы рабочих, и капиталистов, и всех прочих классов, то организация рабочих, как и всех других классов, с каждым шагом вперед, настолько же умножает силы и авторитет государства, насколько умножаются силы этого отдельного класса»[66].

Стоит, впрочем, отметить, что все предлагаемые им социальные проекты необходимо рассматривать с учетом специфики его экономических воззрений и сквозь призму одобряемых им патриархальных традиций российской государственности, причем не без налета их идеализации. Так, в «Записке» им предлагалось следующее оригинальное решение по обеспечению фабрично-городских рабочих по болезни, старости или недееспособности. В отличие от Западной Европы он предлагал при организации восстановительных социальных программ использовать тесную связь членов промышленных рабочих союзов с деревней.

Тихомиров считал, что, «если наши промысловые организации будут иметь в виду существующую тесную связь своих членов с деревней, то легко смогут входить в соглашения с крестьянскими обществами для совместного устройства в деревне хороших приютов для нуждающегося в воздухе, отдыхе и поправке. Таково же может быть пристройство вдов и сирот городских рабочих. Наконец сами они, достаточно на своем веку поработав, могли бы спокойно и недорого доживать век в деревне»[67]. Таким образом, по мнению Тихомирова, решалась двуединая задача. Во-первых, не нарушалась окончательно связь городских рабочих с деревней, что могло помочь сохранить их некоторую патриархальность, а следовательно, нравственность. Во-вторых, в деревню шел бы приток средств из фондов социальной помощи рабочих для поддержки больных, престарелых и т.д.[68].

«Вообще, — полагал Тихомиров, — в интересах рабочего класса не нарушать, а поддерживать связь между городским трудящимся слоем и деревенским, как то наблюдалось в прежние времена у дворянского сословия, которое отчасти служило в городе, но крепко держалось за поместья, и пока держалось такой политики, являлось самым процветающим сословием в России. Для рабочего сословия — фабрика и завод такая же "служба", которая выгоднее всего тогда, когда есть какая-нибудь опора вне ее — на родной деревенской почве»[69].

---

[64] *Тихомиров Л.А.* Христианство и политика. С. 38.

[65] См.: *Тихомиров Л.А.* Правительство и рабочий вопрос // Московские ведомости. 1902; № 83; *Он же.* Благоустройство быта рабочих // Московские ведомости. 1909. № 77; *Он же.* Практические способы решения рабочего вопроса // Московские ведомости. 1909. №№ 77—106.

[66] *Тихомиров Л.А.* Церковный собор, единоличная власть и рабочий вопрос. С. 312—313.

[67] Там же. С. 201.

[68] Там же. С. 201—202.

[69] Там же. С. 202.

Еще одно сходство того, что некогда предлагал Тихомиров и что использовалось в социальной практике фашистского режима Италии, можно найти в проводимой кампании социального страхования, действовавшей при Муссолини достаточно эффективно. Причем суммарная доля отчислений на социальное страхование работодателей значительно превышала взносы рабочих и увеличивалась гораздо быстрее. Как полагают специалисты, цель активного государственного вмешательства в сферу социального обеспечения, нарушавшего принцип его регулирования на основе коллективных договоров, заключалась не только и не столько «в демагогическом провозглашении системы социальной защиты, сколько в попытке ограничить негативные последствия капиталистического развития и использовать с выгодой для себя естественное недовольство рабочего класса, порождавшееся этим развитием.

Кроме того, активная политика социального вспомоществования, проводившаяся Муссолини, способствовала формированию нового типа взаимоотношений между индивидом и государством, которое в Италии традиционно воспринималось враждебно, как недруг и исполнитель чужой воли. Теперь же государство обретало ореол гаранта и защитника социальных интересов масс»[70]. Не это ли, конечно, с поправкой на иные исторические обстоятельства и специфику страны, предлагал, обращаясь к российскому правительству еще в передовице «Московских ведомостей» № 83 за 1902 г., посвященной проблеме страхования рабочих, а позже и в ряде других статей Тихомиров[71]?

То же можно сказать и о системе регулирования трудовых споров — напомним, что и данную проблему в своих статьях затрагивал Тихомиров. В одной из статей, анализируя отчет фабричной инспекции в 1903 г., он, сравнивая данные по количеству в среднем работающих на одной фабрике и их годовой оплате, а эти цифры составляли по Москве 160 человек и 175 рублей в год, Санкт-Петербургу — 130 человек и 273 рубля, Варшаве — 64 человека и 223 рубля, усматривал дальнейшую тенденцию к укрупнению и концентрации производства, а также к неравномерности его регионального размещения, а следовательно, и к разрыву в оплате труда между промышленными регионами страны. На основе этих цифровых выкладок он приходил к выводу, что «видно, как необходимо в отношении промышленности государственное законодательство и промышленный надзор, которые нужны для того, чтобы чисто экономические тенденции не переходили в промышленности за границы, где они могут давать уже вредные социальные последствия»[72]. То есть уже в 1903 г. он предлагал использовать государство в роли арбитра для справедливого разрешения споров по экономическим вопросам.

В Италии же этот чрезвычайно щепетильный для власти вопрос был воплощен в закон о «Правовой организации коллективных трудовых отношений» от 3 апреля 1926 г. Именно этот закон стал главным нормативным актом фашистского государства, на основе которого и регулировались отношения между наемными работниками и работодателями, что и придавало режиму Муссолини еще больший налет «социальности». В свое время все в той же «Записке» Тихомиров указывал, что при урегулировании спорных вопросов между трудом и капиталом «очень бы полезно было дойти до своего внутреннего третейского суда. Точно так же необходимо ввести в практику союзов строгую добросовестность и справедливость в отношении хозяев, чтобы рабочий везде привык уважать и чтить всякое право, не только свое, но и чужое. Безнравственные способы борьбы за свои интересы не должны быть допускаемы с первого же начала осуществления союзов»[73].

Таким образом, представляется, что предлагаемая Тихомировым в самом начале XX в. программа социальных преобразований, призванная улучшить не только положение рабочего сословия, но и скорректировать в духе большей социальной справедливости всю политику государства и в отно-

---

[70] *Белоусов Л.С.* Режим Муссолини и массы. С. 241.

[71] См.: *Тихомиров Л.А.* Увечья рабочих на фабриках // Московские ведомости. 1904. № 7; *Он же.* Страхование рабочих // Московские ведомости. 1909. № 242.

[72] *Тихомиров Л.А.* Отчет фабричной инспекции // Московские ведомости. 1903. № 270; *Он же.* Практические способы решения рабочего вопроса // Московские ведомости. 1909. № 77.

[73] *Тихомиров Л.А.* Церковный собор, единоличная власть и рабочий вопрос. С. 178.

шении других сословных групп под контролем надклассовой самодержавной монархии, являлась по существу альтернативой социально-политическому порядку, тогда существовавшему в России. Тихомиров, наблюдая медленную агонию старой российской государственности, чувствовал неотвратимость перемен и хотел адаптировать их к традиционной политической системе Империи, понимая, что вектор изменений лежит в плоскости коренной реконструкции всей социальной политики. Исходя из данной посылки, он попытался на основе сочетания традиции и новации синтезировать программу возможных преобразований.

Двигаясь в этом направлении, он во многом предвосхитил и тенденции в развитии европейской консервативной мысли, сформировавшиеся после Первой мировой войны. Представители данного политического направления искали ответы на вопрос, как примирить «старое» и «новое» на континенте, где уже полыхал пожар социалистических революций и царил культурный хаос. Интеллектуальные поиски в этом направлении привели мыслителей к идее достижения социального консенсуса на основе выработки идеологии «третьего пути», которая была основана на трансформации политической системы государств в сторону явно авторитарных тенденций, вылившихся в политической практике ряда стран в различные модификации еще менее толерантного другим политическим воззрениям тоталитаризма.

При этом следует признать, что ряд предложений, высказанных Тихомировым, шел дальше идей европейских «консервативных революционеров». Например, некоторые положения социальной доктрины, выдвинутые им, в которых содержатся рассуждения о более социально ориентированной экономике, участии работников в доходах предприятия и т.д., очень напоминают то, что в позднейших редакциях программ политических партий будет носить название «социальное государство», синонимом которого является сочетание социально-рыночного подхода к управлению экономикой и доктрин христианского социализма.

Активную деятельность по пропаганде своих взглядов в 1902—1903 гг. Тихомиров развил на страницах «Московских ведомостей». Так, в статье «Чем живет человеческое общество» (№ 267—268 за 1902 г.) он подвергал критической оценке книгу Озерова «Итоги экономического развития XIX в.», обвиняя последнего в приверженности только экономическому материализму. Тихомиров отмечал, что в работе Озерова превалирует рабская зависимость личности от развития экономических процессов, и делал следующий вывод: «Экономические процессы сами по себе не могли создать общество и бесполезны его разрушить. Общество может ими командовать, так как общественный союз есть явление, которое зиждится на психологических основах»[74]. То есть здесь он, как и в 80-е гг., вновь показывает себя противником чистого экономизма. В контексте своей идеи о просветительской деятельности для рабочих, как одной из главных задач, Тихомиров на страницах газеты поднимал вопрос о создании школ на фабриках при непосредственном участии церкви.

В одной из центральных статей этого периода под названием «Рабочие общества взаимопомощи» он в духе своей «Записки» Д.Ф. Трепову предупреждал, что настоящее время требует развития рабочих кооперативных учреждений и они тем более ощутимы, чем сильнее развивается промышленность. Для примера Тихомиров анализировал деятельность «Московского общества взаимного вспомоществования рабочих в механическом производстве» и «Кассы взаимопомощи рабочих-типографов», в организации деятельности которых он принимал непосредственное участие. Не оставлял он без внимания и экономическую составляющую рабочего вопроса. Эта проблема заботила многих консерваторов[75]. Тихомиров считал, что рабочие союзы в России не должны быть только узкопрофес-

---

[74] *Тихомиров Л.А.* Чем живет человеческое общество // Московские ведомости. 1902. №№ 267—268.

[75] См.: *Сысоева Е.К.* Политика идеологического воздействия черносотенных партий на рабочих в годы первой русской революции: по материалам Москвы и Московской губернии. Дисс. ... канд. ист. наук. М., 1978; *Степанов С.А.* Рабочие и черносотенные организации. 1905—1917 годы // Рабочие и интеллигенция России в эпоху реформ и революций 1861 — февраля 1917 г. СПб., 1997. С. 367—378; *Белов А.М.* Политические партии и рабочие Центрального промышленного района в революции 1905—1907 годов. Кострома, 1997; *Бойко Т.В.* Рабочий России и культура: полемика на страницах консервативной и либеральной периодики начала XX века. М., 1997; *Милевский О.А.* Л.А. Тихомиров и рабочий вопрос в России // Консерватизм в России и мире: 3 ч. Ч. 2. Воронеж, 2004. С. 130, 142—143; *Репников А.В.* Социальная проблематика в работах русских консерваторов начала XX века // Призвание историка. Про-

сиональными, экономически ориентированными учреждениями. Конечная их цель — это переход в рабочие общины, некоторое подобие рабочих корпораций.

Но быстро меняющаяся политическая ситуация в России делала трудно осуществимой реализацию такого рода проектов. Убийство Сипягина являлось лучшим тому подтверждением. Поэтому-то Тихомиров и связывал столь большие надежды с Плеве, считая его человеком, сведущим в вопросах государственного управления и способным к проведению социально-экономической политики, соответствующей как нельзя лучше истинным принципам самодержавной монархии. Преувеличенное представление о возможностях Плеве влиять на выработку верной внутренней политики разделял не один Тихомиров. Многие деятели консервативного крыла считали, что достаточно оградить царя от влияния бюрократической камарильи, и дела в стране пойдут на лад. Ведь, по их мнению, основная масса населения страны — в целом сторонники самодержавной формы правления и любят своего монарха.

Характерно в этом плане свидетельство Тихомирова о впечатлении, произведенном на него приездом царской семьи в Москву в 1903 г. В письме Новиковой в Лондон он, захлебываясь от восторга, писал: «Без всяких патриотических преувеличений — это царское пребывание было замечательно отрадным проявлением любви народной по тому превосходному впечатлению, которое произвела царская семья... Да, еще крепка Россия, и очень отрадное впечатление производит наглядное зрелище этого крепкого народа»[76].

Благоприятное впечатление на противников бюрократизации самодержавного режима произвел манифест Николая II о неприкосновенности общинных земель и разрешении крестьянам арендовать участки вне пределов общины от 26 февраля (11 марта) 1903 года, в поддержку общинного землевладения. Казалось, ситуация начала меняться к лучшему. Через Плеве Тихомиров надеялся добиться реализации своих проектов по реорганизации всего рабочего сословия. Оптимизм Льва Александровича еще сильнее возрос после встречи и беседы, длившейся около полутора часов, с Плеве в Москве. Беседа касалась как раз рабочей политики, которой намерено придерживаться правительство. Оценивая итоги этой встречи, Тихомиров отметил в дневнике: «Плеве производит впечатление умного человека, но не видно, что он уже имеет программу. Он ее только ищет»[77]. Свою миссию Тихомиров видел в подсказке такой программы.

Однако события в стране развивались по другому сценарию. Вскоре оптимизм от назначения Плеве улетучился. С течением времени становилось ясно, что Плеве берет курс лишь на репрессивные меры, оставаясь верным своим идеям, сформулированным еще в записке от 27 июня 1901 г. В ней он выражал мысль о том, что в России нет общественных сил, а есть только группы и кружки. И дело лишь за хорошей полицией, которая может обнаружить их центр и арестовать его, и это решит все проблемы. Не устроил Тихомирова и законопроект «О разрешении стачек и рабочих организаций», представленный Витте. Обстановка в Москве также накалялась: фабриканты были недовольны тем, что полиция вмешивается в их отношения с рабочими, и жаловались Витте, который полностью поддерживал предпринимателей[78].

Свою обеспокоенность деятельностью зубатовских организаций Витте выражал и раньше, еще в бытность министром внутренних дел Сипягина. Яркое тому свидетельство его письмо от 6 марта

блемы духовной и политической жизни России: Сборник статей к 60-летию профессора, доктора исторических наук В.В. Шелохаева. М., 2001. С. 202—220; *Он же.* Л.А. Тихомиров о рабочем вопросе // Предприниматели и рабочие России в трудах историков XX века. Материалы международной научной конференции, посвященной памяти профессора М.Н. Белова. Ч.1. Кострома, 2001. С. 92—97; *Он же.* Российские традиционалисты и рабочий вопрос в конце XIX — начале XX вв. // Рабочий класс и рабочее движение России: теория, история, современность. М., 2003. С. 94—97; *Он же.* Рабочий вопрос в «зеркале» монархической публицистики // Рабочие — предприниматели — власть в XX веке: В 2 ч. Кострома, 2005. Ч. 2. С. 14—20; *Он же.* Социально-экономические проблемы в оценках русских консерваторов (конец XIX — начало XX в.) // Консерватизм: социально-экономические учения. Сборник статей. СПб., 2009. С. 98—136; *Богомолов А.И.* Монархисты, рабочие и «политика»: Смена политической принадлежности как язык общения с властью в начале XX в. // Герценовские чтения 2006. Актуальные проблемы социальных наук. СПб., 2006. С. 80—82.

[76] Николай II и самодержавие в 1903 г. // Былое. 1918. № 2. С. 199.

[77] ГА РФ. Ф. 634. Оп. 1. Д. 10. Л. 53.

[78] См.: *Спиридович А.И.* Записки жандарма. М., 1991. С. 101.

1902 г. В нем он, характеризуя обстановку в Москве и обвиняя «Совет рабочих» в организации прекращения работ ткачами 21 февраля на фабрике Товарищества шелковой мануфактуры (Гужона и Месси), отмечал: «Сообщая о вышеизложенном, я почитаю своим долгом высказать, что я решительно затрудняюсь отдать себе отчет в том, к каким последствиям может привести деятельность "Совета рабочих". Но при этом я не могу не обратить внимания вашего высокопревосходительства на то обстоятельство, что, несмотря на продолжительное существование "Совета рабочих", я до настоящего времени остаюсь в полной безвестности относительно того, каким образом, с чьего разрешения и в силу каких законодательных постановлений организовались в Москве "союзы рабочих" и "состоящие при них советы"... Соображая вышеизложенное с теми явлениями, кои имеют место в настоящее время в г. Москве, я не могу не возбудить пред вашим высокопревосходительством вопроса о том, в какой мере представляется закономерным вторжение "Совета рабочих" в сферу взаимных отношений трудодателей и нанимаемых и какими законоположениями руководствовался московский обер-полицмейстер, допустивший организацию "союза рабочих" и "состоящих при них советов"[79]. Следствием запроса Витте явилась переписка Сипягина с московским генерал-губернатором, в которой министр, хотя и в тактичных выражениях, высказывал недовольство тем, что в Москве, несмотря на решение об их прекращении, не только продолжаются совещания рабочих, но и возник «какой-то "Совет"», действующий «будто бы на основании выработанной инструкции» и принявший посредничество между фабрикантами и рабочими. А в письме от 26 марта 1902 г. Сипягиным прямо рекомендовалось: «Из полученных мною затем, как из официальных, так и из частных, сведений усматривается, что деятельность "Совета рабочих" принимает все большие и большие размеры и касается притом не только рабочих механического производства, но распространяется и на другие виды промышленных заведений, что подает повод к дальнейшим по сему нареканиям со стороны фабрикантов. Ожидая с большим интересом отзыв вашего императорского высочества по этому делу, вместе с тем позволяю себе представить вашему императорскому высочеству, что, впредь до выяснения и окончательного разрешения возбуждаемого вопроса, было бы крайне желательно приостановить всякую деятельность "Совета", официально не утвержденного, направленную к выяснению и урегулированию отношений рабочих к фабрикантам, и вмешательство его в вопросы, суждению "Совета" не подлежащие, так как это, несомненно, может вызвать значительные осложнения при дальнейшем рассмотрении дела»[80]. Однако, действия, направленные на закрытие зубатовских организаций в Москве, в тот момент были безуспешны, так как Сергей Александрович, пользовавшийся огромным влиянием при дворе, весьма благожелательно относился к московским опытам по организации легального рабочего движения. Хотя в отношении стачки на шелковой мануфактуре, охватившей до 1000 рабочих, дело было решено не в их пользу, и стачка усилиями полиции была ликвидирована[81].

Забастовка в Москве еще сильнее обострила противоречия между фабрикантами и представителями «Рабочего Совета». Временные правила, написанные Тихомировым для «Рабочего Совета» по поручению Д.Ф. Трепова, в конце августа 1902 г. были все же утверждены Плеве, но со значительными изменениями и, как отмечал Тихомиров, очень важными, ограничивающими возможности для выявления мнения самих рабочих. Приводим текст тихомировского проекта целиком:

Проект «Устава» «Общества рабочих механического производства города Москвы» (на основании § 16 этой «Инструкции» 1901 г.)

§ 1. Членами «Общества рабочих механического производства гор. Москвы» могут быть все рабочие этого производства в городе, занесенные в списки избирателей совета сего Общества.

§ 2. В списки избирателей имеет право быть занесен всякий рабочий механического производства города Москвы, уплачивающий установленные для сего членские взносы.

---

[79] *Бухбиндер Н.А.* Зубатовщина в Москве. С. 121—122, 123.

[80] Там же. С. 133.

[81] Там же. С. 104—105.

Великий князь Сергей Александрович

§ 3. В случае протеста со стороны собрания рабочих механического производства или со стороны Московского обер-полицмейстера данный кандидат к зачислению в списки не допускается.

§ 4. Член Общества, по занесении в списки, не подлежит исключению иначе, как по решению собрания.

§ 5. Собрания рабочих механического производства могут быть местные, по районам, и общие для всех членов Общества или представителей местных собраний.

§ 6. Предметы занятий собраний составляют: избрание совета, выслушание его отчетов и сообщений, обсуждение нужд рабочих механического производства и разного рода чтения, признанные нужными для осведомления рабочих в какой-либо отрасли знаний.

Примечание. С дальнейшим развитием Общества, в Уставе должны быть точно определены состав и компетенция разного рода собраний Общества.

§ 7. Исполнительным и руководящим учреждением Общества является *Совет* его.

§ 8. Совет рабочих механического производства города Москвы составляется из лиц, принадлежащих к числу рабочих этого производства, избранных Собраниями Общества и утвержденных Московским обер-полицмейстером.

Примечание. Подробные правила избрания членов Совета, их число и смена их, будут выработаны впоследствии по указаниям опыта.

§ 9. Совет рабочих имеет своими целями:

а) Способствовать Собраниям в выяснении нужд рабочих механического производства.

б) Принимать меры к удовлетворению этих нужд.

в) Способствовать тому, чтобы как это обсуждение рабочими своих нужд, так и достижение их удовлетворения совершалось порядком мирным и законным, на основах существующего строя.

г) Способствовать тому, чтобы удовлетворение нужд рабочих, поскольку это касается хозяев, совершалось с добровольного согласия последних и без ущерба для процветания промышленных предприятий.

д) оказывать, при требовании правительства, посильную ему помощь в уяснении нужд рабочих механического производства и способствовать успеху направленных к сему узаконений и мер.

§ 10. Совет имеет право ходатайствовать перед Московским обер-полицмейстером по поводу таких нужд рабочих, удовлетворение которых зависит от администрации.

§ 11. Совет обязан, по требованию Московского обер-полицмейстера, способствовать администрации в разъяснении и улажении мирными и законными средствами недоразумений, возникающих между рабочими и хозяевами на фабриках и заводах.

§ 12. Для исполнения обязанностей, упомянутых в § 11, Совет командирует такое количество своих членов, какое оказывается возможным без подрыва хода других обязанностей Совета.

§ 13. Совет, при согласии на это самих хозяев, имеет право входить в сношения с управлениями фабрик и заводов для приведения к полюбовному соглашению всех возникающих недоразумений между рабочими и хозяевами.

§ 14. Совет обязан руководить общими собраниями для поддержания должного порядка обсуждений.

§ 15. Совет обязан контролировать местные районные собрания рабочих.

§ 16. Порядок внутреннего устройства и действия Совета, а равно руководства и контроля им собраний совершаются в точности согласно §§ 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 12, 13, 14, и 15 «Инструкции», утвержденной Московским обер-полицмейстером 11 ноября 1901 г.

§ 17. Совет имеет право организовывать общеобразовательные и специально-технические чтения и курсы для рабочих механического производства, с разрешения Московского обер-полицмейстера.

§ 18. Совет, с соблюдением законных цензурных условий, имеет право издавать брошюры, книги и руководства для образовательных нужд рабочих.

§ 19. Совет имеет право организовывать библиотеки и читальни для рабочих механического производства, при соблюдении всех законных для сего условий.

§ 20. Совет имеет право, с уведомлением о сем администрации, устраивать для рабочих механического производства и их семейств непредосудительные и приличные развлечения, как семейные вечера и домашние спектакли.

§ 21. Для расходов, сопряженных со всеми делами Общества рабочих механического производства, в ведении Совета имеется Касса, составляемая из членских взносов, пожертвований сочувствующих и иных сумм, изыскиваемых Советом.

§ 22. С разрешения Московского обер-полицмейстера, Совет может устраивать, для нужд кассы, благотворительные вечера или спектакли.

§ 23. Время от времени Совет должен давать Собраниям отчет о состоянии кассы, о расходовании сумм оной и о своей деятельности.

Примечание. Точные сроки и формы этой отчетности имеют быть определены при дальнейшей выработке Устава.

§ 24. В случае надобности, Совет может возбуждать перед Московским обер-полицмейстером ходатайство об изменении или дополнении сего Устава[82].

Наблюдая такое состояние дел, Тихомиров все более скептически относится к заинтересованности властей в решении рабочего вопроса на справедливых основаниях. «За это время у меня было множество догадок о причинах строгого отношения властей к установке рабочих чтений. Причина была одна: опасливое, неискреннее отношение лиц власти к рабочим, как к трудящемуся классу. Все эти люди понятия не имеют о рабочем вопросе, усматривая в рабочей организации только опасность для порядка», — пишет он[83].

Активное вмешательство министра внутренних дел в дела «Рабочего Совета» и ограничение и без того малых его возможностей привело к недовольству рабочих — активных членов Совета. Тихомиров все явственнее ощущает, что правительство начинает сворачивать с дороги диалога с рабочими. Под давлением Витте и Плеве в октябре 1902 г. Зубатова переводят из Москвы в столицу на должность заведующего Особым отделением Департамента полиции. Плеве объяснял это тем, что «он не против постановки рабочего дела, но убрал Зубатова потому, что не может допустить социальной реформы охранным отделением»[84].

После его отъезда через некоторое время вышло запрещение Д.Ф. Треповым Совету писать жалобы на предпринимателей от имени рабочих. Деятельность Совета стала стремительно сокращаться. Видя это, Тихомиров тоже понемногу отходит от дел, тем более что в Москве инициативу общения с рабочими перехватил Грингмут, а в Петербурге интерес к рабочему вопросу стал проявлять и редактор-издатель «Гражданина». В феврале 1903 г. Тихомиров с горечью замечает: «Ничего не создано. Обещания не исполнены. А теперь еще и Мещерский берется за рабочий вопрос»[85]. Подобные перемены неоспоримо свидетельствовали о том, что правительство пыталось постепенно завести рабочее движение в мирные, охранительно-просветительные и националистические берега, оставляя рабочий вопрос без конкретного решения.

Хотя начинания Зубатова, в которых активное участие принимал и Тихомиров, имели определенный успех среди рабочих. Под влиянием идей легального рабочего движения, облеченного в официальные рамки, деятельность социалистов среди рабочих в Москве резко пошла на убыль. Вот как характеризовала работу среди рабочих Москвы в то время А.И. Ульянова-Елизарова: «Зубатовщина повлияла на распыление движения в Москве, создав кустарничество... Несомненно, что кустарничество было связано и с экономизмом, но, может быть, именно из-за него борьба между политическим и

[82] Былое. 1912. № 14. С. 89—91.
[83] ГА РФ. Ф. 634. Оп. 1. Д. 11. Л. 6.
[84] Там же.
[85] Там же. Л. 20.

экономическим направлением не выразилась так ярко, как в Петербурге»[86]. По мнению исследователя «зубатовщины» Бухбиндера, «нелегальная социал-демократическая пропаганда в те годы в Москве почти совершенно прекратилась. Некоторый просвет появился только в 1903 году»[87].

Зубатов попытался развернуть деятельность по организации легального рабочего движения и в Петербурге. В марте 1903 г. в там появляется «Рабочая газета» под редакцией Мещерского. Вводятся некоторые учреждения для рабочих (например, кассы с мелким казенным кредитом). Но все это, по оценкам Тихомирова, было полумерами, слишком мелко, оттого, что «не хотят раздувать вопроса»[88]. Хотя, есть основания полагать, что Тихомиров в этом вопросе был слишком пристрастен.

Несмотря на оппозицию его начинаниям в столице, Зубатов все же стремился максимально диверсифицировать процесс создания легальных рабочих организаций, обратив свои силы еще в 1902 г. и на охваченный активной социалистической пропагандой юг и запад России, в первую очередь Одессу, Киев, а также Минск, Вильно и др.[89] Однако, там события быстро вышли из-под контроля, что привело к возникновению в конце июня — начале июля 1903 г. в Одессе крупной забастовки, которая затем перекинулась на весь юг страны, охватив Екатеринослав, Киев, Елисаветград, Николаев, Баку, Тифлис и Батум, что в дальнейшем привело к отставке Зубатова и сворачиванию его проектов[90].

События, связанные с нарастанием волны забастовок и рабочих волнений, все больше убеждают Тихомирова в ошибочности и половинчатости политики правительства в отношении рабочего сословия. Не желая нести ответственность за непродуманные действия правительства в отношении рабочих, он окончательно отходит от практической деятельности в этом направлении[91].

Политические темы, как это часто было, переплетаются в записях Тихомирова с религиозно-эсхатологическими размышлениями. В начале августа 1902 года он обращается к разговорам, связанным с Серафимом Саровским, который был причислен к лику святых в 1903 году. Задолго до этого народ уже почитал его святым, а в крестьянских избах его изображения стояли вместе с иконами. Тихомиров фиксирует рассказ о том, что приказание об открытии мощей Серафима Саровского навело одного из священников на мысль, что очень скоро конец света, поскольку сам Серафим предсказал, что его мощи будут открыты «при Царе Николае, в тяжелое для России время». После этого Тихомиров перечисляет и другие предсказания на этот счет, добавляя, что и сам давно слышал об этом предсказании от знакомой — Елены Петровской.

Все словно подтверждало мрачные прогнозы Тихомирова относительно будущего. 21 августа 1903 года он публикует в «Московских ведомостях» заявление, в котором говорилось, что ни в какие союзы или комиссии по рабочему вопросу он официально никогда не вступал, а если и участвовал в работе некоторых из них, то только в роли «частного консультанта». Анализируя впоследствии причины закрытия зубатовских организаций, он напишет, что причина была одна — опасливое, неискреннее отношение всех лиц власти к рабочим как трудовому классу, поскольку для них рабочий вопрос был синонимом бунта, революции и беспорядка.

Провал планов Тихомирова участвовать в устроении рабочего сословия окончательно подорвал в нем доверие к политике Плеве. Впрочем, такого рода настроения испытывал не только он. К концу 1903 — началу 1904 г. среди консерваторов нарастает разочарование политикой министра внутренних дел, являвшейся не более чем метанием в поисках выхода из тупика со ставкой на голую силу при решении конкретных социально-политических проблем. Отсутствие у Плеве конструктивного плана социальных преобразований вызывало «резкое неодобрение» у Тихомирова. Мрачные прогнозы в отношении возможного будущего монархической России не покидают его. Впрочем, нельзя отрицать глубочайшего пессимистического мировосприятия, присущего Тихомирову в целом. Эти

[86] Цит. по: *Бухбиндер Н.А.* Зубатовщина в Москве. С. 107.
[87] Там же.
[88] ГА РФ. Ф. 634. Оп. 1. Д. 11. Л. 44.
[89] См.: О Зубатовщине // Красная летопись 1922. № 4. С. 289—335.
[90] К истории Зубатовщины // Былое. 1917. № 1. С. 90—99.
[91] *Милевский О.А.* Л. Тихомиров и зубатовщина в Москве (1901—1903 гг.). С. 49.

внутренние тревоги и волнения отразились на его внешности и поведении. Маевский вспоминал: «Никогда, например, не видели его веселым, смеющимся, беззаботным... Волосы упрямо торчали, брови хмуро сдвигались, со лба и лица не сходили борозды напряженных дум и тяжелых переживаний... Он производил впечатление человека, ежечасно, ежеминутно боящегося и ожидающего какого-то безвестного и тайного удара»[92]. Интересно сравнить это наблюдение с описанием, сделанным Андреем Белым: «Я увидел — испуганную, мрачно встрепанную, небольшого росточку сухую фигурку в очках; исподлобья уставилась: малою бородкою, носом курносеньким, складками лба и мохрами... с любопытством разглядывал облик некогда "опаснейшего" конспиратора, ныне — отъявленного ретрограда. Совсем нигилист! Серо вставшие он заерошил ерши; изборожденный морщинками лоб; улепетывающие не глаза, а глазенки: с напугом беспомощным, скрытым за блеском очковым; и черные, черствой полоской зажатые губы в усах, то-и-дело кусаемые; бороденка проседая: малым торчком; очень впалая грудь, изможденное тело, — сухое, худое; поношенный серый пиджак; что-то черное, вроде фуфайки, под серым жилетом; походка с подъерзом, — совсем не солидная: легкая; шмыгающий нетопырь!... Никакого устоя, критерия, веса!... Заживо похороненный, съеденный секпсисом и испугом; становились понятными и ерши, и поджимы, и летающие на вас не глядевшие глазки; ведь предупреждали меня, что встретит он оскаленным волком, скажет несколько колкостей, утихнет, превратится в волка затравленного; если пересидеть эти фазы в нем, то улыбнется не без добродушия; тогда и заговорит...»[93].

Стоит отметить, что в тот период Тихомирова занимали не только религиозные вопросы и проблемы социально-экономического характера. В русле реализации идей своей «положительной программы» преобразования российской монархии он параллельно с разработкой положений по разрешению в России рабочего вопроса поднимал и некоторые другие острые общественно-политические темы. Не будем забывать того факта, что он в тот период активно работал над своей основополагающей книгой «Монархическая государственность», являющей собой квинтэссенцию его воззрений на то, как должно быть устроено истинно самодержавное государство. И одной из важнейших составляющих в выработке «правильной» монархической политики, по мысли автора, было изменение вероисповедной политики государства. Поэтому и в реальной жизни он придавал огромное значение вопросам, связанным с реформированием института РПЦ, т. к. именно Церковь представляла собой тот духовный центр, объединяющий и связывающий самодержавного монарха и его подданных. Тесный союз государства и Церкви как раз являлся тем фундаментом, на котором строилось здание «идеальной самодержавной монархии» Тихомирова.

Вопросы, касающиеся церковной политики, активно поднимались им еще в период его сотрудничества в «Русском обозрении». Уже тогда он приступил к анализу роли и места РПЦ в Российской империи. Тихомиров являлся сторонником ортодоксального православия, основанного на следовании всем церковным канонам. Во взаимоотношениях церковных и государственных институтов он отстаивал право на естественный органичный союз, покоящийся не на «правовых», а на этических нормах, где Верховная власть в лице монарха контролировала бы дела государственного управления, а вся вероисповедная политика находилась бы под непосредственным контролем РПЦ во главе с патриархом.

Да и само новое столетие, знаменующее собой взрыв революционного насилия в России, и все большее увлечение молодежи антиправославным учением Толстого и далекими от канонического православия религиозными идеями Розанова и др. заставляют Тихомирова вновь обратиться к вопросам внутрицерковной политики, в ее изменении искать выход из кризисного состояния, в котором оказалась РПЦ в начале XX в. Поворот Тихомирова к проблемам современного устройства РПЦ свидетельствовал об осознании им того факта, что сама церковная организация в стране оставляет желать лучшего, и именно с нее необходимо начинать возрождение «правильной» церковной жизни.

---

[92] *Маевский В.А.* Революционер-монархист. С. 51.

[93] *Белый А.* Начало века. М., 1990. С. 159. 162.

Первоначально такая постановка вопроса прозвучала в его отклике на доклад М.А. Стаховича[94] в «Орловском миссионерском обществе». На данном мероприятии оратор, бывший тогда предводителем орловского губернского дворянства, выступил с нашумевшей речью о свободе совести. Упрекая его в «абсолютном легкомысленном невнимании к истинам веры и полнейшем незнании их»; заявляя, что Стахович «судит о делах Церкви с гражданских и политических позиций... и, стращая служителей Церкви деспотизмом государства... предлагает для русского государства разрыв с Церковью», Тихомиров пришел к следующим выводам: вероисповедные проблемы необходимо решать, четко выделив роль института Церкви в системе самодержавной России[95].

Отметим, что еще в начале 1890-х гг. проблемы реорганизации всей системы церковной жизни глубоко волновали монархистов. Определенные круги именно с РПЦ связывали надежды на национальное единение, возрождение национальных традиций и русской, истинно православной культуры[96]. Однако, чтобы к голосу Церкви прислушались, сама РПЦ нуждалась в большей независимости от светской власти. Дискуссии на эту тему активно велись с самого начала царствования Николая II, а особенно после выхода в свет работы протоиерея Александра Иванцова-Платонова «О русском церковном управлении». В ней автор ясно сформулировал насущные проблемы церковной жизни, а именно: 1) восстановление значимости в жизни Церкви православных мирян; 2) восстановление православного прихода; 3) предоставление права голоса духовенству и мирянам при избрании епископа; 4) прекращение порочной практики частных[97] перемещений епископов из одной епархии в другую; 5) необходимость подбора достойных кандидатов на священнические и епископские служения; 6) ограничение власти консисторий в деле управления епархиями; 7) ограничение власти Синода и децентрализация церковного управления; 8) ограничение власти обер-прокурора Синода; 9) необходимость проведения Собора и избрание Патриарха[98]. Иванцов-Платонов прямо заявлял, что церковное управление необходимо очистить от чиновничества и открыть возможности для притока новых талантов, а свободное общение церковных верхов и низов должно стать подлинно соборным. Более умеренную позицию в данном вопросе занимали такие авторитетные православные издания, как «Богословский вестник» и «Церковный вестник», хотя они и не защищали сложившееся положение вещей в РПЦ, усматривая причины упадка православия в церковной реформе Петра Великого. Об этом, например, в «Богословском вестнике» писал (февраль — март 1902 г.) в своих статьях профессор А.С. Павлов[99]. В том же 1902 г. появился и очерк известного церковного писателя и исследователя А.А. Папкова[100] «Необходимость обновления православного церковно-приходского строя». В нем автор призывал признать приход юридическим лицом со всеми вытекающими правами. Призывы к восстановлению силы прихода всерьез беспокоили Победоносцева, обратило на эту брошюру внимание и Министерство внутренних дел[101].

---

[94] *Стахович Михаил Александрович* (1861—1923) В 1896—1907 — орловский губернский предводитель дворянства, землевладелец, действительный статский советник, видный земский деятель. С 1907 — член Государственного совета. Депутат I и II Государственной дум от Орловской губернии, один из организаторов и член ЦК «Союза 17 октября», затем один из основателей Партии мирного обновления.

[95] *Тихомиров Л.А.* Христианские отклики на доклад г. Стаховича // Московские ведомости. 1901. № 326—327.

[96] *Свистунов А.А.* Проблема реформирования Русской Православной Церкви в начале XX века // Эхо. Сборник статей по новой и новейшей истории Отечества. М., 2000. Вып. 3. С. 38—46.

[97] Так в тексте. Возможно — частых.

[98] См.: *Бычков С.* Русская Церковь и императорская власть (Очерки по истории Православной Российской Церкви 1900—1917 годов). М., 1998. Т. 1. С. 28.

[99] *Павлов А.С.* Отношение Церкви к государству // Богословский вестник. 1902. № 1/2.

[100] *Папков Александр Александрович* (1868—1920) — автор работ о церковных братствах и приходах. Член Предсоборного Совета. Член Священного Собора Российской Православной Церкви 1917—1918 гг. Автор работ: Церковные братства. СПб., 1893; Упадок православного прихода (XVIII—XIX вв.). Историческая справка. М., 1899; Православные приходы в Финляндии. 1901; Церковно-общественные вопросы в эпоху царя Освободителя (1855—1870). СПб., 1902; Необходимость обновления православного церковно-приходского строя. СПб., 1903; О благоустройстве православного прихода. СПб., 1906; Начало возрождения церковно-приходской жизни в России // Русский вестник. 1900. Т. 265. Февраль, Т. 266. Март и т.д.

[101] *Бычков С.* Русская Церковь и императорская власть. С. 31.

Начало XX в. стало своеобразным религиозным ренессансом в стране. Проблемы РПЦ, судьбы православной культуры и нравственности, проблема человека и религии в меняющемся социуме, в условиях политико-экономической, а главное социокультурной модернизации волновал различные группировки творческой интеллигенции.

Именно в этот период при активной поддержке митрополита Санкт-Петербургского и Ладожского Антония Вадковского, обеспокоенного отходом от РПЦ представителей творческой интеллигенции, в период с 1901 по 1903 г. в Петербурге действовали Религиозно-философские собрания. Антоний умел прислушиваться к людям и отлично знал духовные запросы современников. Отсюда — его желание протянуть им от лица РПЦ руку помощи в их духовных исканиях и вернуть заблудших в лоно православия. Он искренне полагал, что только совместными усилиями можно будет изменить духовно-нравственную атмосферу в стране и отношение к РПЦ.

Религиозно-философские собрания и призваны были, по его мнению, решить эту задачу через свободное общение деятелей церкви и мыслящего общества. Поэтому на них, кроме творческой интеллигенции — Мережковского, З.И. Гиппиус, В.А. Тернавцева, А.Н. Бенуа, Розанова, А.В. Карташова, Флоренского, С.Н. Булгакова — присутствовали и представители церкви, например, ректор Санкт-Петербургской академии епископ Сергий (Страгородский), архимандрит А. Грановский, протоирей А. Бриллиантов и др.[102]

Дискуссии начала века по вопросам религии и веры как раз совпали по времени с активной деятельностью Религиозно-философских собраний. Тематика докладов, предлагавшихся на них, была чрезвычайно широка. Обсуждались вопросы об отлучении Л.Н. Толстого от церкви, велись прения о свободе совести, но особняком среди рассматриваемых вопросов стояли проблемы «догматического развития», им было посвящено 7 последних заседаний. Среди тем можно выделить проблемы канонического управления РПЦ, религиозной свободы. Причем трактовка этих остро стоящих для РПЦ вопросов была достаточно далека от официальной позиции.

Естественно, Тихомирова не мог устроить вывод о судьбе русской церкви, сделанный в работе «Русская Церковь» Розановым: «Теперь оно (христианство, — *авт.*) еле держится <...> холодностью, равнодушием! Страшное дело: "стойте, не шевелитесь, — *не горячитесь, главное — не горячитесь*: иначе все рассыплется" — вот лозунг времен, лозунг *религии, Церкви*! Но если таково средство, "чтобы не погибнуть", то не явно ли, что для "исцеления" уже никакого средства нет»[103]. С другой стороны, Розанов, полный религиозных исканий, открытий и заблуждений, мятущийся и ошибающийся не мог принять казенного рационализма Тихомирова, который представлялся ему резонером. В письме к Г.А. Лопатину он писал: «Вероятно, я покажусь Вам по этому письму глупее, чем есть на самом деле. Но пусть. Душа болит. Тьма, "дым ходит", и люди ничего не видят в дыму. И так самодовольны. Вот это самодовольство мне представляется ужасной подлостью. Знал Л. Тихомирова. Был "царь революции". Мысль его в характере не изменилась: тот же резонер, рационалист, без фанатизма и лишь с "последовательностью". Но, Боже: какой же это "средний человек", и не более. Просто это "директор департамента"[104], без гения, без "Гоголя" в себе — по глубине, без "Пушкина" — по очаровательности и округлости»[105]. По-прежнему, жестко и нелицеприятно отзывался Тихомиров и об учении Толстого[106], о котором также много говорилось на Собраниях. Так, он со страниц «Московских ведомостей» высказал благодарность В.М. Скворцову за выход сборника «По поводу отпадения от православной церкви графа Л.Н. Толстого»,

---

[102] *Бычков С.* Русская Церковь и императорская власть. С. 49—50.

[103] *Розанов В.В.* Собрание сочинений. В темных религиозных лучах. М., 1994. С. 29.

[104] Сравните с фразами Тихомирова в письмах (например, к Новиковой) и в дневнике о желании служить, иметь службу и хорошее место, т.е. в первую очередь — быть чиновником, но при этом еще и обладать временем для публицистического творчества. Подробнее см.: *Репников А.В.* Быт русского консерватора конца XIX — нач. XX в. (По материалам дневника Л.А. Тихомирова) // Человек в российской повседневности: сборник научных статей. М., 2001. С. 174—182.

[105] *Розанов В.В.* Сочинения. М., 1990. С. 520.

[106] *Тихомиров Л.А.* Великосветский голос о графе Л. Толстом // Московские ведомости. 1903. № 349/350.

Фото Иоанна Кронштатского с благословением «благословенному харьковскому Союзу русского народа», 28 января 1904 г.

«помогающего объективнее разобраться в истории с Л.Н. Толстым»[107].

Кроме того, собрания вызывали и большое опасение приверженцев сложившегося порядка вещей во главе с Победоносцевым. Действительно, трудно было бы поверить, что обер-прокурор Синода, сторонник незыблемости традиционных отношений внутри РПЦ, мог согласиться с оценкой положения церкви, сделанной одной из активных участниц этих собраний — Гиппиус и разделяемых Мережковским: «Мы узнали много новых людей. Узнавали все больше, из кого состоит Церковь православная, которая, как нам казалось, нуждается в движении, в принятии нового, ибо в ней не отвечающая современной душе косность <...> Вот из кого состоит ныне она (учащая): из верующих слепо, по-древнему, по-детскому, с детской подлинной святостью (о. Иоанн Кронштадтский). Им наши запросы, наша жизнь, наша вера — непонятны, не нужны и кажутся проклятыми. Затем — из равнодушных иерархов-чиновников. Затем — из милых полулиберальных душ: митр. Антоний... Из диких, злых аскетов мысли. Из форменных позитивистов, мелочных, самолюбивых... Профессора и прочие доценты Духовной Академии — почти сплошь позитивисты, хотя есть и с молодыми студенческими душами. Но и они мало понимают, ибо глубоко, по воспитанию, некультурны. И как-то уж неисцелимо... Отстранив всех, лишь внешне в ней находящихся, получим одного о. Иоанна и тех, кто с ним (невинная святость)»[108].

Конечно, можно списать все на либеральные симпатии Гиппиус, но вот мнение националиста и консерватора М.О. Меньшикова. В газете «Новое время» от 19 января 1917 года в статье «Не любят правды» он писал о православном духовенстве: «Если народ наш нравственно плох, то кто же виноват в этом, как не его так называемые духовные пастыри? ...Каково было духовенство за эти тысячу лет, таким сложился и народ наш»[109]. Духовенство «само виновато в дурных общественных нравах, отравляющих между прочим и печать»[110]. Меньшиков безжалостен в оценках: «Никаких *особенных* заслуг у духовенства я не вижу, а "влияние" его на народ вижу... в общем *тысячелетнем* итоге очень неважное влияние»[111]. Не отрицая, что «изредка всегда встречались и встречаются добрые, почтенные и религиозные батюшки», и особо отмечая деятельность Иоанна Кронштадтского, Меньшиков полагает, что тот «был таким священником, каким должны бы быть все... не осталось после его ни одного ученика и преемника его роли среди духовенства... Хотелось бы около имени о. Иоанна могучего религиозного подъема и облагорожения самых нравов народных, но этого-то как раз и не заметно»[112].

Что касается религиозно-философских собраний, то Тихомиров не слишком одобрительно оценивал их деятельность, зачастую уходящую в сторону от основ традиционного православия. Он

---

[107] *Тихомиров Л.А.* В.М. Скворцов. По поводу отпадения от православной церкви графа Л.Н. Толстого // Московские ведомости. 1903. № 349.

[108] *Гиппиус З.Н.* Живые лица. Воспоминания. Тбилиси, 1991. Книга II. С. 226—227.

[109] *Меньшиков М.О.* Не любят правды // Новое время. 1917. 19 января (1 февраля). С. 5.

[110] Там же.

[111] Там же.

[112] Там же. В наши дни, когда о. Иоанн Кронштадтский давно канонизирован, это утверждение Меньшикова кажется максималистским, ведь не могут же все священники быть такими, как святой подвижник. Подробнее см.: *Репников А.В.* «Россия провалилась сквозь толщу столетий в каменный век» (Михаил Меньшиков о революции) // Интеллигенция: генезис, формирование, становление, развитие и деятельность. Материалы XX Международной научно-теоретической конференции: Иваново, 24—26 сентября 2009 г. Иваново, 2009. С. 156—161; *Он же.* М.О. Меньшиков в 1917 году: анализ статей, опубликованных в «Новом времени» // Революция 1917 года в России: новые подходы и взгляды. Сборник научных статей. СПб., 2010. С. 93—100.

мог знакомиться со стенограммами докладов через журнал Мережковского «Новый путь». Кстати, публикации материалов собраний Мережковским и его единомышленниками в дальнейшем стали одной из причин закрытия Религиозно-философских собраний. Однако, в отличие от Победоносцева, Тихомиров понимал, что и теперешнее положение православной церкви не отвечает требованиям времени и нужно что-то *делать*! А вот замалчивание недостатков, особенно в церковном управлении, по мнению Тихомирова, только усугубляло ситуацию, которую, как он полагал, еще можно исправить. Многое в отношении церковных реформ, по его мнению, мог бы сделать созыв Поместного собора. В этом вопросе его мнение совпадало с позицией некоторых из участников собраний, таких, как Карташов и протоирей Бриллиантов.

Не оставались в стороне от споров на тему о дальнейших путях развития РПЦ и участники аристократических салонов. Не чурались обсуждения темы преобразования церковно-государственных отношений в кружке «Беседа»[113]. Еще активнее подобные дискуссии велись в петербургском салоне, собиравшемся на квартире братьев А.П. и Н.П. Барсуковых, где регулярно проводились встречи верноподданнически настроенных единомышленников, на которых обсуждались различные религиозные и морально-этические темы[114]. С кружком братьев Барсуковых достаточно тесные отношения поддерживал и Тихомиров. В целом его позиция и взгляды членов кружка совпадали по многим вопросам преобразования церковно-государственных отношений. Велась между ними и достаточно интенсивная переписка. В одном из своих писем Н.П. Барсукову Тихомиров, оценивая положение вещей в церковном управлении, подчеркивал, что это, к сожалению, «весьма запущенная у нас болезнь — так, что уже не думают об ее лечении. Между тем в ней источник слабости церковного воздействия на народный дух. Отсюда большие опасности для государства... Нужно быть на высоте идеалов и своей правды, если мы не хотим дождаться, чтобы народ стал искать правду там, где слово не расходится с делом»[115]. В этих строках, пожалуй, содержится центральный пункт его программы видоизменения всей церковной политики в стране.

Исследование внутрицерковных проблем в 1901—1904 гг. все больше привлекает Тихомирова. Так, в самом конце 1901 г. на страницах «Московских ведомостей» выходит цикл его статей «Вероисповедный состав России»[116]. В них он со скрупулезной статистической точностью дает оценку всех религиозных верований Российской империи, сделав акцент на лидирующем положении православия и перспективах его развития и укрепления на окраинах государства.

Эти статьи послужили прологом для его следующих исследований. В 1902 году Тихомиров опубликовал в «Московских ведомостях» работу «Запросы жизни и наше церковное управление». Статью прочитал Николай II, ее внимательно изучили в правительственных кругах, а в 1903 она вышла отдельным изданием[117]. Тихомиров разработал свою программу реформы внутрицерковного управления. При этом он солидаризировался с теми, кто видел причину кризиса церковного управления именно в действиях Петра I, выразившихся в упразднении патриаршества и создании Святейшего Синода[118]. При написании этого сочинения Тихомиров активно консультировался с Киреевым, придерживавшимся при оценке положения РПЦ еще более пессимистических взглядов. Свое отношение к делам переустройства церковно-государственных отношений Киреев не скрывал и в посланиях, адресованных своему старому другу. В присущей ему афористичной манере он издевательски писал: «Разве Вы не видите, что наш церковный строй столь же несостоятелен, как и государственный? Что мы отпугиваем комаров и глотаем верблюдов?»[119]. В другом письме, датиро-

---

[113] *Лаверычев В.Я.* «Беседа» и тенденция к консолидации консервативных сил в России конца XIX — начала XX века. С. 43—57; *Соловьев К.А.* Кружок «Беседа»: В поисках новой политической реальности. М., 2009.

[114] Там же. С. 50.

[115] РГАЛИ. Ф. 87. Оп. 1. Д. 82. Л. 175; 249; 300; 351; 493.

[116] *Тихомиров Л.А.* Вероисповедный состав России. М., 1902.

[117] См.: *Тихомиров Л.А.* Запросы жизни и наше церковное управление // *Он же.* Апология Веры и Монархии. С. 372—390.

[118] Подробно этот вопрос будет рассмотрен Тихомировым в параграфе «Противоречие принципов Петровской эпохи» его работы «Монархическая государственность».

[119] ГА РФ. Ф. 634. Оп 1. Д. 11. Л. 141.

ванном ноябрем 1902 г., Киреев, хорошо знавший высшие сферы Петербурга, в ответ на брюзжание Тихомирова по поводу постоянного затирания в редакции его статей по церковной проблематике, безапелляционно утверждал: «А знаете, почему вам не позволяют говорить по церковному вопросу? Совсем не оттого, что вам не доверяют, а оттого, что они, начальство, не знают, что можно и чего нельзя слушать. Вот причина!»[120]. Тем не менее, появление брошюры Тихомирова не прошло незамеченным для монархического лагеря.

В своей работе он наиболее полно выразил свой взгляд на необходимость реформы внутрицерковного управления, заявляя, что наше «церковное управление... во всех важнейших запросах жизни обнаруживает слишком часто как недостаток своевременной в них осведомленности, так и недостаток средств к их разрешению»[121]. В качестве основной причины ненормальности построения церковного управления он видел «вмешательство случайного принципа *коллегиальности*, который кроме своих обычных деловых последствий перепутал действия законных правил церковного управления», что выразилось при Петре I в упразднении патриаршества и создании Святейшего синода во главе с обер-прокурором[122].

Выходом же из создавшегося положения, которое Тихомиров вовсе не считал таким уж трагическим, по его мнению, было возвращение к единоличной управительной власти в Церкви путем восстановления патриаршества, закрепленного с древнейших времен и в канонах Православной церкви, находящегося в непосредственной близости от государственной Верховной власти, что было необходимо для удобства непрерывного общения власти церковной и власти государственной. Более конкретно реформу церковного управления он представлял в следующем виде: «1. Регулярно созываемые Поместные Соборы — как для принятия постановлений, так и для наблюдения за их выполнением. 2. Необходим старший епископ с административной властью и низведение Синода до уровня совещательного органа. Старший епископ постоянно проживает в столице и имеет титул Патриарха всея Руси. 3. Члены Синода, чередуясь, обладают совещательным голосом. 4. Обер-прокурор является лишь юридическим советником. Он поддерживает связь с гражданскими властями в церковных делах. 5. Глава Церкви поддерживает отношения с главой государства непосредственно, лично. Он поддерживает престиж Русской Церкви по отношению к другим восточным Церквам и римскому папству»[123]. Сношения Святейшего синода с Верховной властью должны осуществляться первопрестольным митрополитом или патриархом.

Как уже выше говорилось, точка зрения Тихомирова вызвала определенный интерес. Обсуждалась она не только в аристократических кружках. Основные положения работы дискутировались и среди интеллигенции, но гораздо сильнее самолюбие автора тешил факт прочтения и одобрения основных идей, им высказанных, царем.

Необходимость церковной реформы в консервативном духе осознавалась и другими российскими традиционалистами. Антоний Храповицкий критиковал Святейший Синод как учреждение, «неведомое святому православию и придуманное единственно для его расслабления и растления»; учреждение, которому «отдана в порабощение Православная церковь»[124]. Лейтмотив сочинения Тихомирова, базирующийся на тезисе, что реформа церковного управления, проведенная Ф. Прокоповичем по инициативе Петра I, явилась трагической ошибкой, совпадал с положениями, еще ранее высказанными А.С. Павловым и Папковым, но несомненный литературный дар, помноженный на скандальность его политической биографии, привлекли к работе Тихомирова внимание читающей публики, придерживающейся различных политических взглядов.

Остро поставив вопрос о необходимости церковной реформы, Лев Александрович рисковал подорвать расположение к себе многих влиятельных лиц, особенно Победоносцева. Последний, дабы избежать углубления дискуссии по опасной для Верховной власти, как он полагал, тематике,

---

[120] ГА РФ. Ф. 634. Оп 1. Д. 11. Л. 164.

[121] *Тихомиров Л.А.* Апология веры и монархии. С. 373.

[122] Там же. С. 387.

[123] *Бычков С.* Русская Церковь и императорская власть. С. 32.

[124] Цит. по: *Флоровский ГВ.* Пути русского богословия. Вильнюс, 1991. С. 431.

даже запретил 5 апреля 1903 г. традиционные Религиозно-философские собрания. Сделано это было с подачи В.М. Скворцова, который присутствовал на заседаниях как «глаза и уши» Победоносцева[125]. Но события уже вышли из-под контроля некогда всесильного царедворца.

6 марта 1903 г. на открытии в Петербурге богадельни Николай II передал тихомировские статьи митрополиту Антонию Вадковскому, попросив владыку прочесть их и изложить свое мнение по данному вопросу. Антоний подготовил свой отзыв, поддержав автора и высказавшись в пользу восстановления традиционного строя церковного управления. Вот как об этом вспоминал впоследствии сам митрополит: «Государь не со вчерашнего дня думает о церковной реформе. Еще в 1903 г. он с большим вниманием отнесся к статьям Льва Тихомирова "Запросы жизни и наше церковное управление", печатавшихся сначала в "Московских ведомостях" и вышедших потом отдельной брошюрой 6 марта того же года... Государь вручил мне эту брошюру и приказал мне дать о ней свой отзыв. Такое же поручение тогда же было дано протопресвитеру И.Л. Янышеву, К.П. Победоносцеву, а может быть и другим лицам»[126]. Таким образом, в одночасье Лев Александрович стал одним из авторитетов по вопросам реформирования церковно-государственных отношений. Обеспокоенность поисками совершенной церковно-государственной симфонии, недовольство развитием церковной жизни в России не оставляют его все это время. Развивая мысль о реорганизации внутрицерковной жизни, он уделяет большое внимание разработке приходского вопроса как краеугольного камня в переустройстве всей церковной жизни. Выводы его неутешительны: «Наш церковный приход утратил свое истинное значение первичной ячейки Церкви, а это подрывает Церковь вообще. Разрешить же приходской вопрос по-христиански, по-православному нельзя иначе, как путем общецерковного действия, а это уже требует реформы всей церковной политики»[127].

Антоний Вадковский

Антоний Храповицкий

Пытаясь хоть как-то воздействовать на общество, особенно на молодежь, Тихомиров пытается вернуть заблудших к религиозно-нравственным идеалам, базирующимся на ортодоксальном трактовании канонов православной веры. Этому посвящается ряд его брошюр: «Государственность и религия» (1903 г.), «Личность, общество и Церковь» (1903 г.), и чуть позже — «Альтруизм и христианская любовь» (1905 г.). Эти работы объединяет мысль о том, что идея христианская, православная в действительности выше идеи социальной как по своему содержанию, так и по мировому значению и что «затирание церковной идеи общественной составляет явление крайне вредное и опасное для личности и человечества. Это обман, стремящийся отвлечь нас от наиболее высокой жизни и погрузить в относительно низкую. Это обман, стремящийся задушить высшую жизнь, подчинив ее низшей, и заглушить в нас, людях, источник нашей истинной силы»[128].

В центре религиозно-нравственной концепции Тихомирова стояла идея духовного становления личности на основе канонов православия. Идейно-философским взглядам мыслителей, гипертрофировавших значение социальной жизни и пытавшихся слить ее с жизнью церковной на основе перенесения духовных стремлений человека в область общественно-политическую, что, по мнению Тихомирова, принижало значение Церкви, он противопоставлял формирование христианского типа

---

[125] Цит. по: *Флоровский Г.В.* Указ. соч. С. 57.

[126] Речь митрополита Антония 8 марта 1906 года // Журналы и протоколы заседаний Высочайше учрежденного Предсоборного Присутствия. СПб. 1906. Т. 1. С. VII.

[127] См.: *Тихомиров Л.А.* По поводу приходского вопроса // Московские ведомости. 1902. № 245; *Он же.* Церковный приход в России // Московские ведомости. 1902. № 237.

[128] *Тихомиров Л.А.* Апология веры и монархии. С. 80.

личности на основе нравственного закона, который может дать только Церковь с ее всеобщностью, основанной на соборном начале, с единым духовным центром — Богом. Социальная среда, по мнению автора, «является лишь низшим этапом для выработки личности, т.к. социальный строй составляют только личности юридические, и он всегда остается только «ассоциацией отдельных особей. В Церкви, напротив, отдельные личности представляют части одного Тела Христова. В их коллективности обитает Одна личность — Христос, чего нет и, по существу, не может быть в социальной среде», — заключал Тихомиров[129]. Именно таким образом выработанный христианский тип личности и нужен для здоровой жизни общества и государства, а дать его может только Церковь. Однако публицист предостерегал, что сила Церкви подвергается сомнению.

Неверующим сторонникам прогресса, считавшим основной задачей культурного развития материальное благосостояние, подменявшим, по мнению Тихомирова, личность учреждениями и «доходящим в социализме до превращения человека в безличное колесо чисто механического, экономического строя», он противопоставлял духовную выработку личности, основанную на любви к человеку, не к человечеству вообще, а к данному конкретному человеку, т.к., «желая возрастить в себе "семя любви", христианин восходит к Богу и к Божественному отражению в личности ближнего. Если семя любви (как это обычно) задавлено толстым слоем эгоистической страсти, мешающей его росту, христианина спасает опять Бог, страх Божий, которого тяжкое давление ломает страсть»[130]. Тем самым во главу угла Тихомиров ставил духовно-нравственную выработку личности. Можно согласиться с утверждением Л.Г. Сухотиной, что именно православное вероисповедание, по мнению Тихомирова, было призвано в итоге разорвать порочный круг двух крайностей — реакции и революции[131]. Православная религия могла дать молодежи не только новое миросозерцание, но и привести ее к созданию нового идеала, базирующегося на религиозно-этических нормах, уводящих людей от разрушительных революционных идей. Поэтому-то правильная постановка отношений между Церковью и государством, по мысли Тихомирова, призвана была играть главную роль в выработке христианского типа личности, и первостепенная роль в этом отводилась Церковному собору.

Тема получила развитие в статье Тихомирова «Нормы церковного строя», посвященной разбору работы Н.А. Заозерского «О средствах усиления нашего церковного влияния». Тихомиров прямо указывал, что «главное бедствие современной России в том, что она вообще, — особенно в своих верхних, образованных классах утратила сознание тех идеалов, на которых она сложилась исторически, которые с формальной стороны до сих пор остаются основами ее строя». Развивая мысль, он приходил к неутешительному выводу о том, что «большинство, забывшее смысл наших исторических основ, выводит отсюда заключение о непригодности их. Так рождается еще горшее бедствие — отрицание ни в чем неповинных основ и стремление заменить их новыми»[132]. По мнению Тихомирова, «главной задачей России должно быть уяснение себе смысла и духа тех идеалов, которые искажаются ее практикой»[133]. Поэтому «непосредственное соприкосновение власти с народом и сближение с нею живых общественных сил — усилило бы нравственное влияние церковного управления». И на первом месте должен стоять созыв Поместных соборов церкви, но соборов таких, каковы они должны быть по церковной идее и каковы они действительно были, в те времена когда практиковались[134]. В целом же Тихомиров положительно оценивал постановку Заозерским вопроса о церковной реформе, хотя и не во всем соглашался с ним в частностях.

Однако поступательное движение в направлении созыва Собора прерывается начавшейся русско-японской войной, ставшей прологом первой русской революции. События 1904 г. несколько отвлекли внимание Тихомирова от проблем внутриполитического устройства России. 13 января 1904 года, размышляя на страницах дневника о возможной войне онв писал: «Мне приходит на мысль,

[129] *Тихомиров Л.А.* Апология веры и монархии. С. 93.

[130] Там же. С. 366.

[131] *Сухотина Л.Г.* Л.А. Тихомиров о взаимоотношении церкви и государства // Культура Отечества: прошлое, настоящее, будущее. Томск, 1995. С. 131.

[132] *Тихомиров Л.А.* Нормы церковного строя // Московские ведомости. 1903. № 319.

[133] Там же.

[134] Там же.

что, может быть, война была бы полезна только при условии жестокого поражения японцев. К несчастью, если война и будет, то я не верю в русскую победу. Правительство слишком нерешительно и неспособно на сильные удары. Никакое геройство войне не поможет. Наша политика на Дальнем Востоке прямо противоположна той, какая нужна для нравственного воздействия. Мы — жадны, лживы и трусливы. Никогда мы не лгали так невероятно, как на Дальнем Востоке. А в то же время — показываем боязнь войны. Нужно, чтобы нас уважали и боялись. Нас же уличают в обманах и подозревают в бессилии. Это не обещает добра ни в мире, ни в войне»[135].

После начала войны он записывает 28 января в дневник: «Благодарение Богу, что теперь, благодаря японской дерзости, выступила на сцену честная русская сила, и не придется еженедельно краснеть перед миром за лживую дипломатию... порт-артуровские пушки загремели с чувством и достоинством»[136]. Он настроен вполне воинственно. На следующий день следует запись о том, что «теперь Порт-Артур становится пунктом почти неслыханной важности в России, а может быть, и мировой истории»[137]. Если бы Тихомиров знал, насколько точен этот прогноз...

Меняется и настроение в Петербурге. 13 января Лев Александрович сетовал, что пьяные радикально настроенные студенты пели под окнами редакции «Московских ведомостей» (оплота консерватизма) «то ли "Вечная память", то ли "Со святыми упокой". Теперь толпы, исполняющие "Боже, царя храни" и "Славься", останавливаются перед редакцией, кричат: "Ура!" и кидают верх шапки»[138].

В «Московских ведомостях» появляются статьи Тихомирова, связанные с военными действиями на Дальнем Востоке[139]. В них он полностью одобрял царскую политику, т.к. считал эту войну оборонительной, более того — в одной из своих статей заявлял, что «настоящая война должна иметь своей задачей... достижение мира на Дальнем Востоке»[140]. Он понимал под этим не только полный и окончательный разгром Японии в Корее и Маньчжурии, но и перенесение боевых действий на территорию агрессора. Он считал, что, «если Россия окажется способной только погнать Японию, то это будет доказательством, что с ее появлением на Дальнем Востоке соотношение сил осталось прежнее... и единственное средство прочного мира — перенесение военных действий на территорию Японии»[141]. Развивая свою мысль далее, в статье «О смысле войны бросал» он упрек определенным слоям русского общества в «декадансе», который развивается «уже много десятков лет» и дряблости чувств[142]. В основном гневные эскапады направлялись против «богемствующей» интеллигенции, порождавшей, по его мнению, опасные идеи о жестокости войны, причем в подкрепление своих мыслей автор апеллирует к идеям Достоевского и Вл.С. Соловьева[143]. Главный же постулат статьи содержится в тезисе: «***Дело воина — всегда чисто, если бы даже Отечество начало несправедливую войну***»[144], а, по представлениям Льва Александровича, война на Тихом океане не только справедлива, но и необходима для сохранения российского присутствия в этом регионе мира.

Данная работа Тихомирова дает достаточно материала, проливающего свет и на его историософские воззрения того времени. При ближайшем рассмотрении мы видим перед собой все того же, пускай уже и не явного, последователя «субъективного метода», дюрингианца и сторонника Карлейля, уверовавшего в роль силы в историческом процессе. Яркое тому подтверждение — обоснование им «истинного смысла войны», заключенного в формуле: «Война... имеет смысл очень глубокий, который делает обязательным *уважение* не к убийству, но к исторической роли силы... Война как вооруженная

---

[135] 25 лет назад. Из дневников Л. Тихомирова // Красный архив. 1930. Т. 1. С. 25.

[136] Там же. С. 31.

[137] Там же.

[138] Там же. С. 25, 31.

[139] *Тихомиров Л.А.* О смысле войны. М., 1904; *Он же.* Русско-японский спор // Имперский вестник. 2010. № 6. С. 22—40.

[140] *Тихомиров Л.А.* Война на японской территории // Московские ведомости. 1904. № 91.

[141] Там же.

[142] *Тихомиров Л.А.* Апология веры и монархии. С. 411.

[143] 24 июня 1900 г. Тихомиров отметил в дневнике, что купил «Три разговора» Вл.С. Соловьева, с приложенной к ним «краткой повестью о пришествии Антихриста». Подобное чтение на фоне китайско-японских событий приобретало особую актуальность, что Тихомиров неоднократно отмечает в своих записях.

[144] *Тихомиров Л.А.* Апология веры и монархии. С. 420.

защита... национальной идеи, как орудие ее распространения и утверждения есть и будет явлением ***необходимым***, явлением, без которого при известных условиях невозможны ни жизнь нации, ни окончательное торжество той общечеловеческой идеи, которая в результате окажется величайшей, наиболее объединительной, наиболее способной дать мир народам»[145].

Отметим, что в своих внешнеполитических воззрениях Лев Александрович был неоригинален, являя собой типичный пример консерватора с имперскими амбициями. Тем более, как мы помним еще из истории с «боксерским» восстанием в Китае, тема отстаивания российских интересов на Дальнем Востоке его чрезвычайно занимала. В «Московских ведомостях» за 1901—1904 гг. он поместил несколько программных статей, поднимающих проблемы освоения русского Дальнего Востока и освещающих положение русской православной миссии в Поднебесной империи[146]. При этом он не забывал увязывать геополитическую составляющую событий на Тихом океане с судьбами православия в этом регионе. Таким духом проникнута его статья «Война и японское православие»[147]. Кроме того, его дочь, Вера — мы уже говорили об этом — опубликовала в «Московских ведомостях» за 1904–1905 гг. ряд небольших заметок, повествовавших о жизни восстановленной Пекинской миссии[148].

15 июня 1904 года Тихомиров бодро писал Новиковой: «Не думаю, чтобы мир был близок. Ведь мы даже по изгнании японцев из Кореи имеем еще трудную задачу, перебраться на японские острова. Этого нельзя ждать раньше прибытия эскадры Рождественского. Заключать мир, не доказав всей силы России — это значило бы совершенно погубить правительство. Насколько слышно — так именно думают и в правительственных сферах. Поэтому я думаю, что вы услышите о мире уже в Лондоне»[149]. Испытывая с началом войны патриотический подъем, Тихомиров продемонстрировал свое отношение к этим событиям в цикле статей «О смысле войны», первоначально увидевших свет в «Московских ведомостях» в 1904 г. Не скрывая своих чувств, вызванных военным противостоянием двух держав, автор подчеркивал, что на берегах Тихого океана поднимается всемирно-исторический вопрос, при решении которого потребуются все наши способности «бороться и управлять». Размышления о судьбе взаимоотношений России и Японии получили неожиданное для Тихомирова, и скорее свойственное для его оппонента Меньшикова[150] преломление в статье «Желтая и белая раса». В ней Тихомиров, рассуждая о отличии рас, высказывал мысль, что стремительному и хитрому «натиску желтокожих» Россия должна противопоставить «истинные свойства белой расы: хладнокровие, стойкость, внутреннюю дисциплину, единодушное подавление интриг, старающихся обессилить Россию смутами и всенародную поддержку своих доблестных войск»[151].

Впрочем, неудачи на фронтах и нарастание смуты в России, приведшие к убийству 15 июля 1904 года Плеве, охладили воинственный пыл Тихомирова, продемонстрировав глубину внутриполитического кризиса в стране и вызвав 9 августа следующую запись о покойном Плеве: «Странный человек. Все было: ум, характер, честность, деловитость, опытность <...> Множество лиц ожидали от него многого, множество людей, преданных государю, предлагали ему все силы, всю помощь. Он всех слушал, всем, попросту сказать, лгал... а сам только[152] душил и больше ничего... Конечно, революционеров должно было подтянуть. Но ведь Россия не революционерка, и она действительно

---

[145] *Тихомиров Л.А.* Апология веры и монархии. С. 424.

[146] См.: *Тихомиров Л.А.* Православие на Дальнем Востоке // Московские ведомости. 1901. №.7; *Он же.* Наше миссионерское дело // Московские ведомости. 1902. №. 280; *Он же.* Владивостокский восточный институт // Московские ведомости. 1903. № 129; *Он же.* Новогоднее приветствие из Пекина // Московские ведомости. 1904. № 51; *Он же.* Война и японская православная церковь // Московские ведомости. 1904. № 240.

[147] *Тихомиров Л.А.* Война и Японское православие // Московские ведомости. 1904. № 240.

[148] См.: *Тихомирова В.Л.* О православной миссии в Китае. 1905. №№ 19—20.

[149] РГАЛИ. Ф. 345. Оп. 1. Д. 750. Л. 122. Ранее в статьях письмо датировалось 15 мая 1903 г., исправляем эту опечатку.

[150] См.: *Репников А.В., Санькова С.М.* Меньшиков Михаил Осипович // Русский консерватизм середины XVIII — начала XX века: энциклопедия. С. 289—295.

[151] *Тихомиров Л.А.* Желтая и белая раса // Московские ведомости. 1904. № 126.

[152] В оригинале дневника Тихомирова присутствует выделение слов подчеркиванием. В публикации «Красного архива» сделаны выделения курсивом. В опубликованном А.В. Репниковым дневнике Тихомирова 1915—1917 гг. сохранены авторские выделения подчеркиванием. В нашей монографии подчеркивания слов в цитатах из тихомировского дневника заменены нами на выделения курсивом.

нуждается в глубоких улучшениях жизни. Он же не хотел ничего делать. Почему? Да, вероятно, просто потому, почему и все министры не хотят: не желают уменьшать своей власти, не хотят перестать быть владыками над царем и народом. Плеве был глубокий до мозга костей бюрократ, носил в своей душе и сердце то величайшее зло, от которого гибнет Россия. И вот почему он не умел и не хотел ничего сделать»[153]. Эти строки как нельзя лучше подчеркивают представления Тихомирова о перерождении самодержавной монархии в абсолютную, покоящуюся на бюрократизации управленческого аппарата и создании средостения между монархом и народом в лице укрепившейся чиновничьей прослойки, служащей не государству, а своим корыстным интересам.

Преемник Плеве на посту министра внутренних дел П.Д. Святополк-Мирский, провозгласивший «политику доверия» и выдвинувший достаточно либеральную программу преобразований в стране, также не вызывал у него ничего, кроме раздражения. Причем в оценке нового министра Лев Александрович разошелся даже со старым другом Киреевым, который в своем письме к Тихомирову высказывался в поддержку Святополк-Мирского: «Наконец-то, слава Богу, имеем министра, совершенно ясно смотрящего на дела. Он понимает, что настоящий бюрократический строй не может держаться долее, понимает и то, что конституция для нас — гибель. Стало быть, в будущем — необходимость монархии с совещательным характером, наша древняя, московская!»[154]. Тихомиров не слишком разделял оптимизм Киреева, расценив обращение Святополк-Мирского к обществу как слабость власти. Несколько позже в статье «Революция, власть и общество» он отметил: «Если государственная власть впадает в бездействие и начинает предлагать обществу делать за нее то, что обязана совершить сама, то чего же возможно ожидать, как не худшего развития всякого рода беспорядков... без нее (власти, — *авт.*) общество остается не только как без рук, но и прямо как без головы»[155].

Между тем события в Москве, которые Тихомиров описывал в дневнике, не внушали оптимизма. 16 октября он записывает о событиях, произошедших накануне на Ярославском вокзале, где провожали солдат. Один студент произнес речь с призывом освободить Россию от самодержавия, и его товарищи начали петь революционные песни. «На вокзале было всего четыре жандарма, которые ничего не могли сделать. Но запасные (солдаты, — *авт.*), услыхав, что кто-то говорит против царя, стали вырываться из вагонов, повыбивали окна и, вылезая через окна, ринулись в залу, крича: "Где студенты? Кто тут против царя?". Как всегда, запасные были выпивши и атаковали студентов и курсисток, колотя их чем попало. Произошла страшная давка. Посторонняя публика разбегалась, студенты и курсистки спасались. Однако несколько человек студентов получили раны — бутылками. Один выпивший запасный, по одержании победы, когда студенты разбежались, подскочил к Добровольскому[156]: "Ваше высокоблагородие, дозвольте на чаек. Я об одну курсистку две бутылки разбил". Толпа запасных окружила жандармского офицера: "Покорнейше благодарим, ваше благородие, что не воспрепятствовали исколотить студентов". Между тем, поезд ушел, и запасных так и не успели посадить в вагоны... Из студентов арестован кто-то. Но самого оратора не тронули нарочно, а за ним поехали сыщики — посмотреть квартиру. Такова была история вчера ночью»[157]. Записывая в дневнике о дальнейших событиях (демонстрация в Москве и Петербурге), Тихомиров возмущался: «Это во время войны. Ну, что сделало бы с такой сволочью правительство якобинцев? Истолкло бы в порошок... Россия расползается по швам. Чем умнеть — она разлагается»[158].

Не доверял Тихомиров и широковещательным заявлениям правительства о либерализации, и здесь оказался прав. Указ от 12 декабря 1904 г., определивший меры уступок правительства обществу, практически аннулировал более ранние заявления Святополк-Мирского. Оценивая этот документ, Тихомиров вполне справедливо отмечал, что «указ 12 декабря возбудит, несомненно, лишь много злобы. Бедного царя обманул Витте. Победоносцев ослеп, а Плеве ошибался. Кто же остается?!

---

[153] 25 лет назад. Из дневников Л. Тихомирова // Красный архив. 1930. Т. 1. С. 59.

[154] Там же. С. 62.

[155] *Тихомиров Л.А.* Руководящие идеи русской жизни.С. 208.

[156] *Добровольский Борис Константинович* — знакомый Тихомирова, заведовал на Ярославском вокзале мобилизацией и находился там по долгу службы.

[157] 25 лет назад. Из дневников Л. Тихомирова // Красный архив. 1930. Т. 1. С. 63—64.

[158] Там же. С. 65.

В указе 12 декабря нет главного — контроля над бюрократией ни со стороны либералов, ни со стороны консерваторов. У льва волк выпросил себе место наблюдателя над овчарней. Но ведь в овчарне окажутся не одни овцы»[159].

Стоит отметить, что в оценке внутренней политики, проводимой правительством, и особенно манифеста от 12 декабря 1904 г., позиция Тихомирова расходилась с позицией редакции «Московских ведомостей». Точку зрения Грингмута в газете отражал сблизившийся с ним публицист Бодиско. Свидетельство тому — письмо последнего от 23 декабря 1904 года к Грингмуту, касающееся одной из программных статей. Вот строки из него: «Я имею намерение написать ряд статей, в которых займусь разбором положений Указа 12 декабря. Цель моя — подвести все нововведения под основной принцип монархического начала. Реформы признаны необходимыми свыше, и нам приходится им подчиняться. На нас же лежит задача совмещения их с основными началами монархии»[160]. То есть в понимании посылки «защита основ самодержавия» Тихомиров стоял на иных позициях, чем Грингмут и его окружение. Первый желал определенных и, как ему казалось, позитивных изменений в управлении страной, дабы сохранить самодержавие, второй политиканствовал и вел газету в рамках защиты и отстаивания официальной правительственной линии, даже если промахи Верховной власти казались очевидными.

Разногласия в редакции также не улучшали настроения Льва Александровича. Военные же неудачи на Дальнем Востоке и вовсе повергали в уныние. Его дневники за 1904—1905 гг. буквально проникнуты этим чувством. Сетуя на неудачи на фронтах, видя, как вновь поднимает голову в рабочей и студенческой среде революционное движение, он пишет: «В университете брожение. Ужасно, конечно, то, что правительство действительно очень плохо, и даже не имеет ни малейшего намерения исправляться. Недовольство им отражается и на той дряни, которая воображает себя "революционерами", хотя они только — интеллигентные "лобузы"... Правительству нужно бы было стать во главе устроения России, но правительство само плохо-преплохо <...> Вероятно, это происходит из общего источника — из умственного и нравственного принижения вообще нации. Это-то и мерзко <...> Впрочем, мне кажется, что в России, какова она есть, при всей ее испорченности, можно было бы иметь все-таки лучшее правительство»[161].

Бездарность власти, дипломатов, военных — все это чрезвычайно сильно задевало патриотические чувства Тихомирова, не удержавшегося от достаточно грубого литературного шаржа на генерала А.Н. Куропаткина, который «прохлаждался здесь и купил, сообщают газеты, "совершенно белую лошадь", на которой будет в походе (Куропаткина назначили главнокомандующим русской армией в войне с Японией, — авт.). Это очень глупо. Пародия Скобелева. Купить белую лошадь легко, но это еще не значит быть "белым генералом". Ребячество, не предвещающее доброго. Новый Скобелев уж, вероятно, завел бы себе не белую, а хоть гнедую лошадь, чтобы не быть обезъяной»[162]. Досталось и Ламздорфу, кстати говоря, сторонникуосторожного внешнеполитического курса на Дальнем Востоке и противнику конфронтации с Японией. В оценке его деятельности Тихомиров не скупился на негативные эпитеты: «Этот Ламздорф еще больший негодяй, нежели я думал... этот недостойный министр... Вот они — настоящие изменники царю!»[163]. Для Льва Александровича в это тяжелое время все очевиднее становилось, что «Россия прямо идет к разложению вследствие миролюбия и мягкосердечия свыше... довели до того, что доброму житья нет, а мошенники плавают, как сыр в масле. Худо это кончится»[164].

Чувствуя нарастание внутриполитического кризиса в стране, видя неспособность бюрократической элиты, окружавшей монарха, влиять на ситуацию, Тихомиров предпринимает некоторые шаги для консолидации консервативного лагеря под знаменем самодержавия. Вместе с Ф.П. Степановым[165]

---

[159] 25 лет назад (Из дневников Л. Тихомирова) // Красный архив. 1930. Т. 2. С. 53.
[160] НИОР РГБ. Ф. 497. Картон. 1. Ед. хр. 10.
[161] 25 лет назад. Из дневников Л. Тихомирова // Красный архив. 1930. Т. 1. С. 38—39.
[162] Там же. С. 40.
[163] Там же. С. 55.
[164] Там же. С. 43.
[165] *Степанов Филипп Петрович* (1857 — после 1927) — прокурор Московской Синодальной конторы, камергер,

он попытался составить записку для дворянства и земства в поддержку православной монархии, в которой бы выяснялась необходимость самодержавия для России. Записку планировалось показать великому князю Сергею Александровичу и после его одобрения разослать по губерниям. Но нарастание «революционного вала» уже лишило власть возможности маневрировать. Тихомиров с горечью заключал: «Самая мысль об этой записке, однако, немного устарела. Теперь события летят, как ветер. Уже начинаются разные верноподданейшие адресы с выражением верноподданичества и против конституции. Наша записка — уже не кажется нужна, и, может быть, даже покажется вел. князю уже неуместной. Ибо она все-таки дает программу реформ с самодержавием, а те адресы, которые явились в Фатеже, Харькове, Тамбове, провозглашают самодержавие без всяких реформ. Это, конечно, более понравится <...> к сожалению»[166]. Имелись в виду проекты подачи адреса, выдвинутые на съезде предводителей дворянства в Москве в ноябре 1904 г. в поддержку самодержавной монархии и против конституционных пожеланий, выраженных некоторыми земствами.

В таких условиях Тихомиров встречал новый 1905 год, записывая 31 декабря в дневнике: «Последний день старого, кровавого, мучительного года. Что ждет в будущем тех, которые в него вступят? Мы подходим к нему в ожидании полной смены всяких властей и сосредоточения всей власти у Витте. Одесский полужид, беспочвенный интеллигент <...> И я готов радоваться его власти. Все же это лучше монгольского ига. Монархия, сорганизованная Александром III, распалась вдребезги и обнаружила свою полную несостоятельность. А старая Россия ничего более высокого не умела создать. Она капитулирует перед космополитической еврейско-немецко-русской интеллигенцией и с отвращением призывает на свое спасение Витте, как единственного умного человека <...> И это правда. Может быть, он даже честнее всех прочих гг. "консерваторов", "монархистов" и пр. Он все-таки способен жить для чего-то великого, крупного, а все они не только ничтожности, но — мошенники, своекорыстные карьеристы, не имеющие никакой святыни, а только одни ярлычки»[167].

Новый, 1905 год, станет годом первой русской революции, обнажившей все проблемы монархической системы управления, сложившейся при Николае II. Системы, главной опорой которой окончательно стала внешне преданная и лояльная, но внутренне слабая и своекорыстная столичная бюрократическая элита, не способная удержать страну от надвигающихся катаклизмов.

действительный статский советник, помещик Тульской губернии. Организатор «Общества активной борьбы с революцией», член Союза русского народа.

[166] 25 лет назад (Из дневников Л. Тихомирова) // Красный архив. 1930. Т. 2. С. 51.

[167] Там же. С. 53—54.

ГЛАВА X

В ГОДЫ ПЕРВОЙ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ (1905—1907)

«Пятнадцать лет я делал *все*, что *мог*. Фальши не сделал ни намеренно, ни невольно. Кое-что успел высказать. На что не имел способов — не моя вина. Единство царя с народом, свобода царя и народа от бюрократии (она же "политиканский слой"). 15 лет старался я проводить эту идею. Ну что же делать? Комар есть комар, и писк его — не громом. И пользы от этого писка нет. Только не обвиняйте же несчастного комара. Он делал что мог».

Из письма Тихомирова А.С. Суворину от 5 февраля 1905 года[1].

«Насчет талантов у нас, конечно, оскудение большое. Но сказать правду — плохие песни соловью в когтях у кошки. Талант требует свободы. Тут дело не в начальстве, а несравненно худшем гнете. Вообще это сложный вопрос. Я думаю даже, что таланты есть, но им не охота выступать. Уж очень все мерзко, глупо, а главное — *мы, Русские* в полном *рабстве*, везде, и на каждом месте. Оскорбительно и противно».

Из письма Тихомирова А.С. Суворину от 15 февраля 1906 года[2].

Начавшийся 1905 год не принес России успокоения — наоборот, волна революционного насилия и рабочих волнений с каждым днем только нарастала. Львиную долю времени Тихомиров проводил за доработкой своего основополагающего сочинения «Монархическая государственность», хотя и понимал, что в создавшихся условиях обращение к академической теории и поучениям едва ли поможет. На широкий успех книги он особенно не надеялся: «Да боюсь, что все это "академический труд". Наша Монархия так разрыхлилась, что Господь один знает, каковы ее судьбы <...> Главное — в обществе подорвана ее идея, да и "самого" общества-то нет. Все съел чиновник. Система "монополий" и казенных предприятий проводит чиновника и в экономику страны. Ну а на этом пути — монархия может быть только "переходным моментом". Нужен гений, чтобы поставить Россию на путь истинно монархического развития. Мое сочинение, может быть, могло бы послужить будущей Монархической реставрации. Но для настоящего оно бесполезно. Ни очами не смотрят, ни ушами не слушают. Слишком вгрузли все в бюрократию и абсолютизм»[3].

---

[1] *Бухбиндер Н.А.* Из жизни Л. Тихомирова (по неизданным материалам). С. 65.
[2] РГАЛИ. Ф. 459. Оп. 1. Д. 4234. Л. 43.
[3] ГА РФ. Ф. 634. Оп. 1. Д. 12. Л. 82—83.

Внутриполитические события еще более убеждали Тихомирова в тщетности усилий по спасению самодержавной монархии. Он периодически впадает в апатию: «Ничего не делаю. Даже свою "Монархическую государственность" забросил опять. Правду сказать — не к чему себя мучить. Россия меня знать не хочет, да и сама монархия не интересуется собою. За *такой* строй стоят интересы могущественного чиновничества, которое не допустит до царя ничего, способного воскресить монархию, ни — подорвать господство бюрократии. Эта сила необоримая. Против нее могут быть отдельные "идеалисты" вроде Киреева, Хомякова[4] или меня. А если монархия совсем рухнет, — не чиновничество будет плакать; оно тогда еще лучше устроится, ставши политиканским сословием. Ничего не поделаешь — сила!»[5]. Действия правительственных чиновников в Петербурге, по мнению Тихомирова, губящих царскую власть, вызывали у него прямо-таки приступ ярости и 11 февраля 1905 года он писал в дневнике после похорон убитого террористом великого князя Сергея Александровича: «За эти дни схоронили бедного великого князя... власти держат себя гнусно. Траура не вывешено... Публика убивает своими глупыми суждениями... Нет ничего гнуснее вида нынешнего начальства — решительно везде. В администрации, в церкви, в университетах <...> И глупы, и подло трусливы, и ни искры чувства долга. Я уверен, что большинство этой сволочи раболепно служило бы и туркам, и японцам, если бы они завоевали Россию. Часть из них — принципиальные враги самодержавия и желают конституции. Но и среди этих — мечтают о карьере и выгоде, а помогают "революции" потому, что это совершенно безопасно. Это мало сказать — безопасно — это менее опасно, чем мешать "революции"[6]. Я думаю, что в так называемом "Петербурге" , т.е. в высших правительственных сферах, единственный *вполне* честный человек — это Трепов... Из царской семьи на погребение Сергея Александровича никто не явился, кроме "поэта" Константина и опального Павла. Это ужасно тяжело. Особам женского пола, казалось бы, можно было явиться "безопасно". А Трепов молодчина — приезжал и свой венок самолично возложил на гробницу. А уж кому и бояться, как не ему. Но дело в том, что страх не вне, а внутри людей. В сущности, конечно, только лично государю не следовало рисковать. Остальные — все могли бы, и даже не было бы никакого риска»[7].

Не только Тихомиров, но и многие другие консерваторы тоже полагали, что власть не должна показывать свою слабость, ибо под постоянным давлением оппозиции окруженному бюрократией самодержцу пришлось бы делать одну уступку за другой, а цепочка уступок воспринимается как слабость. «Последствия не замедлили доказать ошибочность расчетов правительства: чем более старалось оно подладиться под требования так называемого общественного мнения, тем сильнее разгорались страсти, тем неистовее действовала крамола, наисильнейшее проявление которой совпало с последней гранью уступчивости власти, выразившейся в акте 17 октября 1905 года»[8]. Д.И. Пихно также полагал, что «революции делаются оттого, что в Петербурге трясутся. Один раз хорошенько прикрикнуть, и все станут на места. <...> Это ведь все трусы, они только потому бунтуют, что их боятся. А если бы увидели твердость — сейчас спрячутся. <...> Но в Петербурге не смеют, там сами боятся. Там настоящая причина революции — боязнь, слабость»[9]. О том, что правительственные уступки расшатывают основы власти, писал И.А. Родионов: «Гуманность и великодушие царские, облеченные в мягкие законы, обыкновенно недостойными и невежественными подданными трактуются как слабость. Отсюда клич: "Все позволено!". Отсюда неуважение законов, суда и властей, отсюда страшное увеличение преступности, потому что *вместо справедливости и правды водворяется*

[4] Имеется в виду Д.А. Хомяков.

[5] 25 лет назад. Из дневников Л. Тихомирова // Красный архив. 1930. Т. 1. С. 24.

[6] Ср. с наблюдениями Шарапова о специфике российского чиновничества: «Наш национальный характер таков, что над нами должна быть всегда гроза. Скажите офицеру: командуйте и берите на себя всю ответственность: он будет счастлив, ибо воспитан в постоянной ответственности, жаждет самостоятельности и не боится за себя. Таков дух военного дела. Скажите монаху: иди и делай то-то. Он берет на себя ответственность, как "послушание". Скажите-ка чиновнику, чтобы он что-нибудь взял на свою ответственность, и он тотчас же струсит и спрячется» // *Шарапов С.Ф.* Избранное / Составитель, автор вступительной статьи и комментариев *А.В. Репников*. М., 2010. С. 94.

[7] 25 лет назад (Из дневников Л. Тихомирова) // Красный архив. 1930. Т. 2. С. 62—63.

[8] *Пасхалов К.Н.* Погрешности обновленного 17 октября 1905 года Государственного строя и попытка их устранения. М., 1910. С. 5.

[9] *Шульгин В.В.* Годы. Дни. 1920 год. М., 1990. С. 338.

право всякого делать то, что ему вздумается. Наши гуманные законы породили и укоренили в народе полное беззаконие. Никто не уважает такого слабого закона и не страшится преступить его»[10]. В итоге получилось так, что «недовольны положением дела решительно все: и рядовые обыватели, жаждущие единственно спокойствия и безопасности и их не находящие, и честолюбцы, неудовлетворенные пределами предоставленного участия в управлении государством, и патриоты, опасающиеся крушения русских основ государственного бытия, и многочисленные инородцы, не получившие ожидавшихся ими автономий и равноправий. Не оправдалась ни одна надежда, и оправдались все опасения, а жизнь населения, не приобретя ровно ничего нового, хорошего, потеряла даже ту устойчивость, которую имела при старом порядке. А между тем нет и не может быть никакого сомнения в том, что правительство наше искренно стремилось предпринимаемыми реформами принести пользу и улучшить положение государства»[11].

Знак «Русской Монархической партии»

Записи Тихомирова в дневнике — это крик отчаяния человека, который никак не мог повлиять на события. Историк Чесноков верно отмечает: «Тихомирову свойственны все черты интеллигенции как особой социальной группы: и сильные, и слабые. Постоянное самообразование, стремление изменить окружающую жизнь к лучшему, способность на поступок сочетаются в его характере с нерешительностью и безвольностью»[12]. В этот переломный момент для консервативных сил Тихомиров словно выпал из обоймы активных борцов против «крамолы». Сказывался и его теоретический склад ума, и боязнь оказаться втянутым в борьбу партийных группировок, программы которых он полностью не одобрял, предпочитая оставаться «над схваткой». Контактируя с представителями Русского собрания[13], возникшего еще в конце 1900 г., Тихомиров, однако, не вступил в созданную весной 1905 г. «Русскую монархическую партию»[14], которую возглавил Грингмут вместе с протоиереем Иоанном Восторговым[15], хотя ее деятельность во многом направлялась из редакции «Московских ведомостей».

По поводу своего неучастия в «Русской монархической партии» Тихомиров дал 9 сентября 1905 года на страницах дневника такое объяснение: «Сегодня у Владимира Андреевича было собрание его "монархической партии". Сам он об этом мне ничего не говорил, но Емельянов сказал и пока дал повестку, бланковую... Мне несколько совестно перед Грингмутом, что я отказался от участия в его деле. Но как быть? Их программа не по мне, да и быть в *одном* кружке с Грингмутом, от которого я денежно завишу, слишком стеснительно»[16]. Дистанцированность Тихомирова от политических партий объясняется по-разному. Можно объяснить это желанием публициста и чиновника сохранить свою независимость, а можно и боязнью подпасть под «пресс» той или иной партийности. Что такое партийная дисциплина, Тихомиров знал еще по своему революционному прошлому. И, наконец, он реально понимал, что, если он еще способен что-то сделать как «идеолог», то как организатор и, выражаясь современными терминами, партстроитель он не имеет необходимых для этого личностных качеств. Следовательно, в любом случае он не сможет быть в монархических организациях на первых ролях, и в этом случае разумно оставаться «независимым» публицистом. В письме от 26 января 1909 г. к Николаю Вячеславовичу Плеве (сыну В.К. Плеве) Тихомиров так пояснил и свое

[10] *Родионов И.А.* Два доклада: 1) Неужели гибель? 2) Что же делать? СПб., 1912. С. 119.

[11] *Пасхалов К.Н.* Погрешности обновленного 17 октября 1905 года Государственного строя и попытка их устранения. С. 4.

[12] *Чесноков С.В.* Л.А. Тихомиров и П.А. Флоренский в контексте исторического развития России. С. 28.

[13] Подробнее об этой организации см.: *Кирьянов Ю.И.* Русское собрание 1900—1917. М., 2003; *Репников А.В.* Русское собрание // Русский консерватизм середины XVIII — начала XX века: энциклопедия. С. 437—441.

[14] *Омельянчук И.В.* Русская монархическая партия // Там же. С. 411—414.

[15] См.: *Репников А.В.* Восторгов Иоанн // Русский консерватизм середины XVIII — начала XX века: энциклопедия. С. 206—211.

[16] 25 лет назад (Из дневника Л. Тихомирова) // Красный архив. 1930. Т. 3. С. 59—60.

нежелание вступать в какую-либо монархическую партию: «Покорнейше благодарю! Ни одно из них не имеет и 1/1000 того, чему бы я согласился покориться. А все вместе — они своей грызней еще больше уменьшают сумму общей силы. Нет, для того, чтобы «*Моск*<овские> *вед*<омости>» имели хоть малейшие шансы сплотить силы — я должен был *сразу* и *резко* стать *вне партий*. И, кажется, я не ошибся... Мой руководящий принцип — *люди*, а не партии[17]. Важны *вожаки*, важны сильные личности. Остальное пойдет само собой, поскольку это возможно по обстоятельствам. Заметьте, что организация *без действия*, это — канцелярщина, организация нужна только на краткое время действия и в *живом* состоянии только при этом возможна. Ну, однако, этот сложный предмет не исчерпать в кратком письме.... *Успех* нужен прочный, а не *фейерверк*»[18].

В минуту, когда еще ничего не было ясно, революционные выступления нарастали и судьба самодержавия висела на волоске, Тихомиров не нашел ничего лучшего, как схорониться за ширмой программных разногласий и излишней щепетильности. Неудовлетворенность Тихомирова самодержавной политикой Николая II, вырождающейся в абсолютизм, провал попыток практического решения насущных социально-экономических вопросов, что и явилось одной из причин революционных событий 1905 г., привели его к убеждению, что следование внутриполитической линии Николая II не способствует укреплению самодержавной монархии в России. Отсюда его очень осторожное отношение к деятельности нарождающихся промонархических политических партий и организаций в стране, программы которых он разделял далеко не полностью, т.к. видел в них лишь попытки консервации существующего положения в государстве, нуждавшемся, по его мнению, в глубоких социально-политических преобразованиях. «И что такое делается с Россией, — писал он в дневнике 22 сентября 1905 года, — революция? Но где ее *идея*? Это просто рушится старый строй, сгнил, не может держаться, и вот отчего революция. У него не хватает уже силы и ума произвести *реформу*. Запоздал! Чего хотят *революционеры*? Никто не может подвести *общего* итога, ибо его нет в сознании. В сознаниях есть только множество *недовольств*, есть *общее* неверие в существующее, а стало быть, искание *перемен*... Я лично думаю, что в основе это все есть кара Божия. Бог покидает на ее *собственные* силы изменившую Ему страну, и вот собственные силы ее оказываются гнилыми, никуда не годными»[19].

На все попытки как-то втянуть его в активную политическую деятельность в тот период времени он отвечал отказом: «Изнываешь в тупом претерпевании текущих бедствий и в ожидании будущих. Даже и бороться нельзя — *не с чем*, зло неуловимо и все наполняет, и не на что опереться. Конечно, можно улавливать зерна блага в этом ужасном взбаламученном море, но *когда* они разовьются? Сколько нужно перестрадать, сколько людей погибнет, сколько крови прольется до тех пор! И, во всяком случае, — *для меня* нет этого будущего, а есть только мучительное, гибельное настоящее. А между тем я хотел и хочу того, что могло бы дать и возрастить эти зерна блага без всякой крови, без взаимных насилий, без этого страшного количества зла: я хотел и хочу разума, справедливости и человечности. И именно поэтому вижу себя *вне* общества, вне поддержки, вне симпатий, вне возможности действия. Это, может быть, самая подавляющая мука из всех мук, которые приходится переживать», — записывал он в дневнике 9 ноября 1905 года[20]. Эта боязнь активного участия в политической борьбе преследовала Тихомирова на протяжении всего его пребывания в роли консервативного публициста. И, по-видимому, она являлась следствием печального опыта, приобретенного им еще в народовольчестве, когда он, не разделявший во многом тактику «Народной воли», стал невольным заложником ее террористических действий, т. к. оказался связан уставом этой организации.

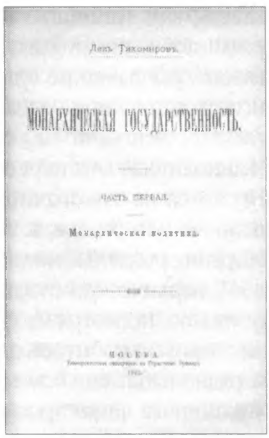
---

[17] Схожего мнения придерживался и В.А. Грингмут: «Там, где существуют политические выборы, там по необходимости возникают и политические партии; там, где существуют партии, всегда происходит партийная борьба из-за власти; а там, где существует эта борьба, интересы государства приносятся в жертву интересам партий» // *Грингмут В.А.* История народовластия. М., 1908. С. 26.

[18] Лев Тихомиров и Плеве / Автор вступительной статьи и публикатор *К. Малахов-Камартан* // Красная летопись. 1923. № 7. С. 207.

[19] 25 лет назад (Из дневника Л. Тихомирова) // Красный архив. 1930. Т. 3. С. 63.

[20] Там же. Т. 4/5. С. 104.

Дмитрий Тихомиров

МОНАРХИЧЕСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННОСТЬ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Монархическая политика

МОСКВА

Первая часть «Монархической государственности»

Вообще пик первой русской революции, а именно 1905 г., явился временем тяжелого испытания для всего консервативного лагеря. Отличной характеристикой сложившейся ситуации могут быть фразы из письма Б.В. Никольского от 29 августа к Антонию Храповицкому: «Я чувствую лишь одно — что всеобщее недовольство с каждым днем становится болезненней, острей и грознее, причем с каким-то ослеплением отверженного Богом человека сверху все последовательнее отталкиваются, оскорбляются и предаются верные и разнуздываются враги. Истребление династии становится такою неизбежностью, что каждый русский человек должен предусматривать и обдумывать последствия этого события, чтоб оно не застало в расплох, по крайней мере, хоть людей нашего образа мыслей. К 1912 году, видимо, назревает великое испытание... Умереть честно мы сумеем — не в обиду никому будь это сказано — но умереть всякий может: лучше не умри, да спаси[21]. Посильная ли чаша?.. Самоуправство и самосуд: вот единственное, что остается сторонникам порядка и закона. Но правительство, которое до этого довело, — преступно и терпеть его — еще преступнее. Да, Владыко, — быть консерватором нынче значит быть, по крайней мере, радикалом, а вернее — революционером»[22]. Хотя и с оговорками, но можно согласиться с мнением историка Костылева, высказавшего мысль о том, что в этих условиях усилия наиболее дальновидных монархистов направлялись на спасение самой идеи самодержавия и внедрение в сознание народа и общества мысли о том, что царящие теперь непорядки в управлении вовсе не вытекают из самого существа российской монархии[23]. Важен и тот факт, что Тихомиров пытался дать монархистам идейное «оружие» не только для борьбы с революцией, но и на много лет вперед. Никольский верно отмечал в дневнике, что «революция есть ослабление дисциплины как таковой в народах и государствах. Но ослабление дисциплины *не может* идти снизу: оно идет только сверху. Почему? Ослабела идея наверху — ослабела вера — ослабела власть — вспыхнул мятеж. Пока правительство остается христианским — у революции нет шансов. Вот почему революция сильна только против слабого в христианском отношении правительства»[24].

Поэтому-то книга Тихомирова «Монархическая государственность», вышедшая летом 1905 г., была позитивно воспринята монархическими силами. В предисловии к ней автор указывал: «Общая мысль настоящего исследования не впервые является перед читателями. Еще в 1897 году я опубликовал книгу, раньше появившуюся отдельными статьями в "Русском обозрении" — "Единоличная

---

[21] Сравните со схожими рассуждениями В.В. Шульгина: «Старый режим пал не почему иному, как потому, что мы уже не могли быть властителями!.. Причина простая: греческое слово "abulia"... Это значит — отсутствие воли... атрофировалась воля. Что такое знаменитая русская застенчивость? Это и есть отсутствие воли... Волевой человек не может быть застенчивым. Волевой человек постоянно принимает решения... Постоянно... В каждую данную минуту... сказать слово... вмешаться... потребовать... настоять на своем... А застенчивый — жмется под стенку... Застенчивость очень легко совмещается с героизмом. Я много видел таких, которые были удивительны под пулеметами и крайне робкими в обращении с людьми... Много таких русских, которые герои в смертельном бою, а в обыкновенной жизни — подстеночники... Государь наш был болен тем же. Он умер героически... Он был непреклонен в основном, там, где требовался героизм. В Его решении не покориться немцам. И это Он запечатлел героической смертью. Но в обыденной жизни... Разве все не знают, что Он никогда никому не сказал неприятности в глаза... Он был застенчив. Он не мог раскричаться, рассердиться, заставить дрожать перед собой. Он был *застенчив на троне*. Это его и погубило. А с ним и нас... И мы такие же, как наш Государь. Умирать? Сколько угодно! Но без всякой церемонии убрать от государственного дела такого-то, не обращая внимания на то, что он "наш милейший и симпатичнейший", — на это мы не способны. Властители — иные. Они ступают по людям... Они побеждают. А мы? Мы умираем...» / *Шульгин В.В.* 1921 год // Континент. 2002. № 114. С. 279. Подробнее см.: *Репников А.В.* «Мы из тех пород, которым нужен видимый и осязаемый вожак» (Василий Шульгин о специфике российской монархии) // Романовские чтения. Династия Романовых и российская культура: материалы конференции: Кострома, 25—26 марта 2010 г., Кострома, 2010. С. 39—49.

[22] *Никольский Б.В.* Сокрушить крамолу / Составитель, автор вступительной статьи и комментариев *Д.И. Стогов*. М., 2009. С. 179—180.

[23] *Костылев В.Н.* Лев Тихомиров на службе царизма... С. 203—204.

[24] *Никольский Б.В.* Сокрушить крамолу. С. 80.

власть, как принцип государственного строения"[25]. Эта книга давала очерк тех же идей, какие развивает ныне публикуемая "Монархическая государственность". В виду того, что "Единоличная власть" уже давно не существует в продаже, я, где можно, ввожу отдельные ее отрывки в настоящее исследование, при надобности их перерабатывая. Тем не менее ныне публикуемая "Монархическая государственность" не есть новое издание "Единоличной власти" и вместо 136 страниц, какие имела "Единоличная власть", составляет в четырех частях, примерно, около 600 страниц того же размера. Несмотря на эти значительные размеры — я сознаю, — книга моя оставляет многого желать и по полноте материалов, и по обработке предмета. Но я надеюсь, что она все-таки даст нечто для расширения русской *политической сознательности*»[26]. Действительно, многие положения перекочевали в «Монархическую государственность» из публикации 1897 г., но само появление этого объемного фолианта, несмотря на громоздкость изложения и обилие фактологического материала, явилось все же знаковым событием для сторонников самодержавной России. Кроме традиционного отстаивания изрядно набивших оскомину принципов охранения незыблемости основ самодержавия, в сочинении Тихомирова четко просматривалась и некая позитивная программа преобразований, направленная на реанимацию самодержавного строя в Российской империи.

К тому же в этом его исследовании новаторски зазвучали многие теоретические аспекты монархической доктрины. Остановимся на них подробнее. Исходя из положения, что идея государства вытекает из самой глубины человеческого сознания, Тихомиров отмечал, «что в государстве люди находят высшее орудие для охраны своей безопасности, прав и свобод». Наиболее характерна для понимания подобного методологического подхода Тихомирова постановка и разрешение проблемы власти и свободы. Он помещает эту проблему на одно из первых мест в своей концепции сразу же после выявления причин происхождения общества и государства. Это отличало его концепцию от традиционных консервативных построений, в которых эту антитезу критиковали в контексте несогласия с либеральным пониманием идеи «первоосновы категории свободы» перед категорией власти.

Тихомиров предлагал качественно иную трактовку осмысления самого принципа свободы через принцип власти. Он объединял власть и свободу, полагая, что «оба эти явления составляют не более как различные проявления одного и того же факта — а именно *самостоятельности человеческой личности*. Если бы человек не был существом, заключающим в себе некоторую самостоятельную силу, если бы он был простым результатом каких-либо внешних влияний, он не был бы способен ни к состоянию *свободы*, ни к состоянию *власти*. Наша свобода есть ничто иное, как состояние независимости от данных окружающих условий, а такое состояние может явиться только при способности напряжения внутренней нашей силы до степени по крайней мере равной напряжению действующих на них внешних сил. Наша власть есть ничто иное, как переход этого внутреннего напряжения к подчинению сил внешних условий или внешних сил. По самому существу общественных явлений эта способность свободы и власти прежде всего и чаще всего проявляется в отношении других личностей»[27].

В разрешении этой сугубо теоретической проблемы Тихомиров также опирается на психологический фундамент. По мнению авторов монографии о Тихомирове «методологическая ценность данного утверждения, которое Л.А. Тихомиров назвал психологической основой юридических отношений, заключается в том, что общество воспринимается как комплекс разнообразнейшего сплетения всевозможных видов взаимной власти и подчинения»[28]. Во многом это повторяло наблюдения других консервативных мыслителей (например, Победоносцева). Источник власти Лев Александрович усматривал в самой природе человека, из этого и следовал вывод о невозможности

[25] Работа Тихомирова «Единоличная власть, как принцип государственного строения» впервые была напечатана в журнале «Русское обозрение» в 1897 году и в том же году вышла отдельным изданием. В 1943 г. она была переиздана в Нью-Йорке. В 1993 г. произошло ее первое переиздание в постсоветской России.

[26] *Тихомиров Л.А.* Монархическая государственность. С. 31—32.

[27] Там же. С. 40.

[28] *Верещагин В.Ю., Макеев В.В., Понежин М.Ю.* Доктрина монархической государственности Л.А. Тихомирова. С. 21.

уничтожения как таковых власти и подчинения. Это заключение использовалось им как инструментарий для критики либеральных подходов к пониманию феномена «свободы». Он полагал, что в данном случае совершается некая подмена понятий и здесь имеет место не «свобода» в либеральной или анархистской трактовке, а самостоятельная деятельность человека, заключающаяся в том, что он реализует способность «выбирать» то или иное подчинение, а также «приобретать» власть личную. «Все мелкие союзы, общества, семьи, общины, сословия, партии, кружки точно так же пропитаны властью, подчинением и принуждением. С другой стороны, само государство есть в известных отношениях высшее торжество человеческой свободы и главное средство обеспечения для личности ее свободы в обществе. Та *способность* к свободе, которая воспитывается по преимуществу в среде общества, получает возможность приходить к *фактической* свободе по преимуществу благодаря государству» — заключал Тихомиров[29]. Таким образом, он попытался развенчать одну из иллюзий либерального государства, связанных с понятием свободы личности как исключительного завоевания революций эпохи модерности, и предлагал вести речь не о свободе как таковой, а только о способности к свободе в гражданском обществе, которое отличается от государства не отсутствием власти, а другим ее характером. Согласимся с утверждением исследователей о том, что «подлинное методологическое новаторство Л.А. Тихомирова заключается в том, что определенным образом прочитанная им проблема власти и свободы использована как методологический "ключ" для построения государственно-правовой теоретической системы и как теоретический фундамент такой системы»[30].

В тесной увязке с рассмотрением проблемы «власть — свобода» у Тихомирова стоит категория «правды». В его доктрине правда — цель властвования. Она же объясняет и феномен подчинения: «Человек несомненно ищет именно правды, как бы он ни был груб и неразвит нравственно. В нем есть неистребимое сознание, как бы воспоминание своего происхождения от некоторой высшей правды, от которой он отдален чем-то, но к которой стремится возвратиться, ибо только в подчинении ей, своему нравственному источнику, он чувствует себя самим собой, существом свободным. Это прекрасно раскрывается христианским учением о свободе, по которому мы становимся свободны, лишь становясь рабами Божьими. Это потому, что, подчиняясь источнику правды, человек подчиняется не чему-либо чуждому, а только наиболее высокой части своего собственного "я". И хотя сознательное понимание этого психологического состояния доступно только христианину, но смутное ощущенье факта собственной природы свойственно всякому человеческому существу. Человек ищет правды и ищет именно для того, чтобы ей подчиниться. Но что такое "правда"? Этот вопрос решается человечеством с большим трудом. Отсюда и различие принципов, которые человек выбирает в основу власти над собой»[31].

Тихомиров различает 3 варианта представлений о правде. На основе этих представлений формируется в дальнейшем верховная власть и весь присущий ей порядок вещей. Первый вариант — количественные представления о правде. «Иногда людям кажется, что в качестве высшей политической реальности существует просто *сила*, материальная, физическая, количественная, независимо от ее разумного или нравственного содержания. Как бы ни была нелепа или жестока она, но она есть сила, она — реальность, и потому нет "правды" выше ее»[32]. Второй вариант — подчинение правде качества. «Иногда люди замечают, напротив, что сила материальная, количественная при своей наружной неодолимости не есть самая высшая, ибо она оказывается при более тщательном наблюдении в зависимости от силы *качественной*, которая дает преобладание одному человеку над целой толпой. Тогда высшей реальностью в социальном и политическом смысле начинают казаться эти качественные, героические силы. Высшей правды ищут в них и от них»[33]. Третий вариант — при-

[29] *Тихомиров Л.А.* Монархическая государственность. С. 54.

[30] *Верещагин В.Ю., Макеев В.В., Понежин М.Ю.* Доктрина монархической государственности Л.А. Тихомирова. С. 17.

[31] *Тихомиров Л.А.* Монархическая государственность. С. 47.

[32] Там же. С. 48.

[33] Там же.

знается сила абсолютного нравственного закона. Он так говорит об этом: «Наконец, люди находят, что ни количественная, ни качественная сила не составляют еще высшей, что есть нечто глубже, непреоборимее их, с чем они, желая или не желая, принуждены в конце концов сообразоваться и что, наоборот, само ни с чем, кроме себя, не сообразуется: это именно некоторый *нравственный* закон, сила нравственного закона. Тогда люди признают высшей реальностью этот нравственный закон и в твердой надежде на него решаются подчинить ему и количественную и качественную силу своего общества»[34].

Выбирая вариант «правды силы», которой люди хотели бы подчиняться, они же избирают и принцип верховной власти. Это — центральное место монархической доктрины Тихомирова. Напомним, что при разработке трактовки категории «верховная власть» он опирался на классическое учение Аристотеля, который в своей третьей книге «Политики» впервые обозначил понятие верховной власти, которая имеет три разновидности. «Государственное устройство означает то же самое, что и порядок государственного управления, последнее же олицетворяется верховной властью в государстве, и верховная власть находится в руках либо одного, либо немногих, либо большинства»[35]. Наследие Аристотеля и разработки определения предикатов (свойств) верховной власти, осуществленные Б.Н. Чичериным, утверждавшим, что «верховная власть *едина, постоянна, непрерывна, державна, священна, ненарушима, безответственна, везде присуща* и есть *источник всякой государственной власти*»[36], были использованы Тихомировым, который разработал эту категорию более концептуально. Стоит согласиться с исследователями, полагающими, что «выдающийся вклад в научное осмысление проблем государства и права, внесенный Л.А. Тихомировым, заключается, прежде всего, во введении в академический оборот посредством анализа и концептуализации понятия "верховная власть"»[37]. На основе этого понятия и разработана его доктрина «этической монархии».

Тихомиров считал наличие неясности трактовок категории «верховная власть» одной из основных проблем науки государственного права. «Даже до настоящего времени, несмотря на появление славянофилов и ряда близких к ним умов, как Данилевский, Достоевский, Катков, Леонтьев, Владимир Соловьев, несмотря на официальное признание формулы "православие, самодержавие, народность", в нашей философии государственного права монархия и самодержавие остаются ничуть не более ясны, нежели в Западной Европе. Так было и раньше», — писал Тихомиров[38]. Причем отметим очень важное для развития политико-правовой науки на рубеже веков обстоятельство. Тихомиров первым из ученых-правоведов провел четкое разделение элементов государственности. Он выделил 4 основных ее элемента: «нация», «верховная власть», «государство» и «правительство».

Категория «нация» понимается им как совокупность лиц и групп, объединенных общей жизнью. В свою очередь верховная власть есть конкретное выражение принципа, принимаемого нацией в качестве объединительного начала. «Отечество — это не просто "раса". Это организованная нация, получающая завершение своей организации в государстве»[39]. Тихомиров также четко классифицирует и разделяет «власть Верховную», проникнутую высшей идеей и являющуюся конкретным выражением объективного начала науки, и «власть управительную», то есть правительство: «Верховная власть всегда основана на каком-либо *одном* принципе, *едина, сосредоточена и нераздельна*. Власть правительственная, напротив, всегда более или менее представляет *сочетание* различных принципов и основана на *специализации* — порождая так называемое *разделение властей*»[40].

Говоря о несовпадении категорий «верховная власть» и «власть управительная», Тихомиров боролся против утвердившегося в эпоху «революции модерности» в западноевропейской юридической и политической науке ложного тезиса о «сочетанной верховной власти» и о «разделении властей»,

---

[34] *Тихомиров Л.А.* Монархическая государственность. С. 48.

[35] *Аристотель* Политика. Мыслители Греции. М., 1998. С. 518.

[36] *Тихомиров Л.А.* Монархическая государственность. С. 68.

[37] *Верещагин В.Ю., Макеев В.В., Понежин М.Ю.* Доктрина монархической государственности Л.А. Тихомирова. С. 25.

[38] *Тихомиров Л.А.* Монархическая государственность. С. 315.

[39] *Тихомиров Л.А.* Христианство и политика. С. 146.

[40] *Тихомиров Л.А.* Монархическая государственность. С. 63.

распространенном и на саму верховную власть. Он полагал, что это теоретическое заблуждение является следствием не объективных научных поисков, а «требований чисто практических, необходимости как-нибудь осмыслить политическое строение революционной эпохи XVIII и XIX веков... Под такими спутанными влияниями у юристов явилось учение о том, будто бы современная эпоха создает в политике нечто невиданное, новое, "современное государство"»[41].

Следовательно, Тихомиров при разработке своей монархической доктрины исходил из того, что необходимо жестко разграничивать единую верховную власть и создаваемое ею правительство, суверена (Souverain) и правителя (Gouvernement), о чем в свое время писал еще Ж.-Ж. Руссо[42]. Определяя верховную власть, он исходил из аристотелевского положения о том, что всего может быть три принципа верховной власти — монархия, аристократия и демократия. Анализируя их, Тихомиров приходил к выводу, что верховная власть никогда не бывает сложной, а всегда основана на одном из этих трех принципов. То есть это именно типы, а не фазы развития верховной власти. Поэтому «смену форм Верховной власти можно рассматривать как результат *эволюции национальной жизни, но не как эволюцию власти самой по себе*, тем больше что, будучи низвергнут в качестве власти верховной, данный принцип власти все-таки нимало не уничтожается, а только получает подчиненные функции»[43]. В отличие от верховной власти власть управительная, по мысли Тихомирова, могла представлять из себя сочетание всех трех принципов в разных вариациях. Анализируя эти три принципа, он пришел к выводу, что «всякая верховная власть идеократична, т.е. находится единственно под властью своего идеала. Она неоспорима, пока совпадает с ним, и становится узурпацией, тиранией, олигархией или охлократией, когда сама выходит из подчинения ему»[44]. Нельзя не согласиться с мнением Исаева и ряда других исследователей, считающих что именно Тихомирову «в рамках консервативной традиции... удалось наиболее определенно сформулировать одну из важнейших идей, развитую и подхваченную последователями, — идею *идеократии*, т.е. такой системы авторитарного властвования, в которой консолидация осуществляется на основе некоего руководящего принципа, мировоззрения или идеала»[45]. Термин «идеократия» принадлежит И.-К. Блюнчли, но Тихомиров новаторски применил его в привязке к верховной власти. Он считал, что «в той или иной форме Верховной власти выражается дух народа, его верования и идеалы, то, что он внутренне сознает как высший принцип, достойный подчинения ему всей национальной жизни»[46].

Он полагал, что в отличие от демократии и аристократии для монархии характерно господство нравственного идеала. Идеала, для которого «не требуется действия силы физической (демократия), не требуется искания и истолкования этого идеала (аристократия), а нужно только наилучшее постоянное выражение его, к чему способнее всего отдельная личность как существо нравственно разумное, и эта личность должна лишь быть поставлена в полную независимость от всяких внешних влияний, способных нарушить равновесие ее суждения с чисто идеальной точки зрения»[47].

Таким образом, он определяет сущность монархического принципа верховной власти как верховную власть нравственного идеала. При этом Тихомиров обозначал и условия, необходимые для реализации данного принципа, а именно, «на первом месте должно быть поставлено то или иное

---

[41] *Тихомиров Л.А.* Монархическая государственность. С. 63.

[42] А.Р. Ефименко обращает внимание на востребованность Тихомировым-монархистом «философской базы, полученной еще в "предварительный", "социалистический" период, уже на этапе работы над учением о "единоличном принципе власти"», и влияние на него некоторых идей политической философии Ж.-Ж. Руссо // *Ефименко А.Р.* Эволюция социально-исторических и философских взглядов Л.А. Тихомирова. С. 18; См. также: *Ефименко А.Р.* Учение Ж.-Ж. Руссо в философско-государственной концепции Л.А. Тихомирова // Историко-философская персоналия: методологические аспекты: материалы конференции молодых ученых, 2 декабря 1999 г. М., 1999. С. 11–20. Ср.: «Народное самодержавие по Л.А. Тихомирову несет на себе явные следы увлечения Л.А. Тихомирова теорией народного суверенитета Ж.-Ж. Руссо, изложенной в его работе "Об общественном договоре"» // *Кан Г.С.* «Народная воля»: идеология и лидеры. С. 111.

[43] *Тихомиров Л.А.* Монархическая государственность. С. 92.

[44] Там же. С. 94.

[45] *Исаев И.А.* Политико-правовая утопия в России (конец XIX — начало XX в.). С. 55.

[46] *Тихомиров Л.А.* Монархическая государственность. С. 93.

[47] Там же. С. 95.

религиозное начало, которым проникнуто миросозерцание народа». Нельзя не согласиться с мнением ряда ученых, что в дальнейшем эту позицию развивал в своем творчестве и И.А. Ильин[48].

Вторым условием Тихомиров называл социальный строй, без которого «вообще не может существовать нация, а потому и монархия», и, наконец, по его мнению, «Верховная власть требует *сознательного* понимания своей сущности, для возможности правильного функционирования»[49]. В дальнейшем три эти фактора — «религиозное миросозерцание», «социальный строй» и «сознательность» — в разных вариациях создают три типа монархии: 1) монархия деспотическая, 2) монархия абсолютистская и 3) монархия чистая, или самодержавная.

Исходя из вышеприведенных посылок, он считал, что наиболее совершенной является сильная единоличная власть (в лице монарха-самодержца). В обосновании принципа самодержавной монархической власти Тихомиров во многом руководствовался «субъективным» методом, считая основным условием и целью прогресса всестороннее развитие личности. Он утверждал, что только сильная единоличная власть наиболее способствует прогрессу: «Верховная власть (монарха) есть власть *того же самого* этического начала, которое составляет сущность личности. Посему в монархе для личности является Верховная власть не посторонняя, а как бы ее собственная»[50].

Историческое развитие он понимал как постепенную эволюцию определенного национального типа со всеми характерными для него политическими и социальными институтами, традициями и верованиями. Он утверждал: «При этом различные национально-государственные типы чем выше развиваются, тем менее способны переходить один в другой. Мы постоянно наблюдаем в истории, что нации и государства, раз прочно вступив на тот или иной путь развития, уже как бы неспособны изменить его. Их прошлое определяет будущее. Они способны действовать только теми путями, которые заложены в их прошлом. Quibus mediis fundantur, iisdem retinentur[51] — гласит старинное правило эмпирической политики. Новый тип иногда появляется, но только ценой смерти прежнего государства»[52]. Далее он делал вывод: пока существует русская нация, должна существовать и самодержавная монархия, т.к. это неотъемлемая черта национальной жизни. На ней мы и остановимся подробнее.

Тихомиров в числе условий, необходимых для выработки идеального типа монархии, которым, по его мнению, и является самодержавие, называл религиозные, социально-бытовые и внешнеполитические. По его мнению, утрата православного религиозного идеала и разрушение существующей социальной иерархии в России могли привести к подмене идеала самодержавной монархии абсолютизмом, характеризующимся реальной властью бюрократии, а не монарха. В свою очередь союз бюрократии и прозападнически настроенной интеллигенции мог привести к самой худшей форме деспотизма — к превращению русского народа, лишенного православного идеала и прямой связи с монархом, в аморальную, бездуховную толпу, управляемую представителями демократической интеллигенции.

Тихомиров писал: «Торжество государственности поэтому всегда неизбежно, и в конце концов с какой бы теоретической анархии мы ни начали, а кончим всегда восстановлением государственности»[53]. Поэтому всеми силами необходимо добиваться господства в умах русских людей идеи монархической самодержавной власти — в противовес западным конституционным идеям, которые пропагандируют представители либерально-демократической интеллигенции. Монархия всегда стояла над сословиями, не являясь выражением интересов только одного или нескольких из них. Бороться с проявлениями анархизма или деспотизма оказывалось возможно, только сохраняя преемственность самодержавной власти, отсюда и выработка принципа престолонаследия и вообще династической политики.

---

[48] *Ильин И.А.* О монархии и республике // Вопросы философии. 1991. № 4. С. 109. О сходстве взглядов Л.А. Тихомирова и И.А. Ильина в данном вопросе см.: *Верещагин В.Ю., Макеев В.В., Понежин М.Ю.* Доктрина монархической государственности Л.А. Тихомирова. С. 37.

[49] *Тихомиров Л.А.* Монархическая государственность. С. 96.

[50] Там же. С. 630.

[51] Кого среда породила, того и цепко держит (*лат.*).

[52] *Тихомиров Л.А.* Монархическая государственность. С. 673.

[53] Там же. С. 52.

Проведение правильной династической политики, по его мнению, должно было опираться на такие принципы монархической власти, как самообладание, умеренность, следование своему долгу, справедливость, принцип законности, неразрывно связанный с долгом: «*Царь ограничен содержанием своего идеала*, осуществление которого составляет его *долг*. Нарушение же обязанности уничтожает право, связанное с этой обязанностью»[54]. Тесно увязан с принципом престолонаследия и династической политики в его концепции и принцип «деятельности по царской прерогативе», характеризующийся тем, что «может совершаться вне законных установленных норм, сообразуясь только с обязанностью *дать торжество правде высшей, нравственной, Божественной*»[55]. Рассуждая о праве монарха действовать по царской прерогативе, Тихомиров отделяет его от права действия по «монархической конституции». Этот термин он упоминает не в смысле ограничения монархической власти. Для него «монархическая конституция» — это система правильно организованных учреждений, созданных властью верховной.

Действие по царской прерогативе было основано на принципе «правда выше закона». Либеральная трактовка по сравнению с трактовкой Тихомирова представляется более узкой, сопровождающейся атрибутами подневольности и насилия. Он исходил из следующей посылки: «Верховная власть какого бы то ни было типа есть не что иное, как то верховное начало, которому нация сама, по собственному своему психологическому состоянию, решила подчиняться как высшему объединяющему и властвующему принципу. Источник Верховной власти находится в духе нации, который является поэтому поддержкой самой Верховной власти, основной силой ее существования и властвования»[56]. Из этого следует, что народ, подчиняясь верховной власти, подчиняется своему, выработанному им нравственному идеалу. Вообще же исследование доктрины Тихомирова в части анализа этического верховенства верховной власти, при котором монарх выражает не собственную волю, не ситуативное мнение нации, а народный дух, народный идеал, то, что «думала бы и хотела бы нация, если бы была на высоте собственной идеи», как отмечают исследователи, «существенно обогащает философское и теоретическое правоведение, с одной стороны, этико-религиозным толкованием естественного права, с другой стороны — естественно-правовой легитимизацией положительного права»[57]. Монархия «родилась с нацией, жила с ней, росла совместно с ней, возвеличивалась, падала, находила пути общего воскресения и во всех исторических задачах стояла неизменно во главе национальной жизни», — указывал он[58]. Тихомиров выделяет несколько исторических факторов, напрямую способствовавших установлению монархического принципа правления в русском государстве. Один из важнейших — это географическая близость к Византии с ее православием и особым типом монархии, что сыграло особую роль в формировании в России, в отличие от Западной Европы, самодержавного, а не абсолютистского типа монархической государственности.

Проблема византизма и его роли в российском государственном строительстве очень интересовала Тихомирова. Во многом, видимо, это было продиктовано его знакомством с работами Леонтьева[59]. При этом исследование Тихомировым образцов византийской государственности являлось достаточно новационным, но до недавнего времени было слабо введено в научный оборот. Только в последнее время в этом отношении произошли некоторые подвижки[60]. Тихомиров небезосновательно считал, что решающее влияние на формирование самодержавной монархической власти в России оказала Византия. Византийская государственность, как один из образчиков монархического принципа верховной власти, являлась как бы переходным вариантом от делегированной монархии абсолю-

---

[54] *Тихомиров Л.А.* Монархическая государственность. С. 477.

[55] Там же. С. 557.

[56] Там же. С. 561—562.

[57] *Верещагин В.Ю., Макеев В.В., Понежин М.Ю.* Доктрина монархической государственности Л.А. Тихомирова. С. 83.

[58] *Тихомиров Л.А.* Монархическая государственность. С. 390.

[59] См.: *Милевский О.А.* Л. Тихомиров и К. Леонтьев: к истории взаимоотношений // Вестник ТГПУ. Вып. 1. Серия: История, филология. 1997. С. 71.

[60] См. параграф «Типологическое своеобразие монархической государственно-правовой формы» в работе: *Верещагин В.Ю., Макеев В.В., Понежин М.Ю.* Доктрина монархической государственности Л.А. Тихомирова. С. 83—104.

тистского типа Римской империи к самодержавной монархии Московского царства. Отталкиваясь от изучения образчиков государственного творчества Византии, Тихомиров первым из консервативных мыслителей достаточно четко сформулировал идеократический элемент самодержавной монархии. По его мнению, именно Византия привнесла в формирующееся русское общество христианские идеалы жизни. Таким образом, православный религиозный аспект играл в формировании самодержавной верховной власти первостепенное значение. «Церковно-византийское влияние было тем могущественнее, что упало на младенческую почву зарождающейся Руси сразу, в наиболее сильных и созревших формах»[61].

То есть, с одной стороны, шло становление российской государственности по византийскому образцу, а с другой — одновременно распространяющееся христианство вырабатывало общее миросозерцание народа на православно-церковной почве. Православие стало тем объединяющим началом, которое неразрывно связывало самодержавную верховную власть и народ. При этом формирующаяся в недрах Московии власть самодержавного монарха опиралась и на учет негативного опыта Византии, заключающегося в том, что концепцию самодержавной монархии византийским императорам не удалось реализовать в полной мере.

Сказывалась некая двойственность, именно влияние старой римской политической традиции. В Константинополе император выступал и в роли носителя верховной власти — христианского государя, и одновременно был как бы римским цезарем, носителем управительной власти, некогда делегированной республикой. Еще одной причиной, приведшей к краху Византийской государственности, явилось отсутствие четко и институционально оформленного этатистского строя, который мог бы стать реальной силой контроля верховной власти за действиями бюрократии. «Государство тут строилось не из нации, а образовывало особую правящую корпорацию чиновников-политиканов, которые действовали от имени императора, но в то же время сами создавали императоров. Отсюда являлся целый ряд зол... Бюрократия сама тоже чрезвычайно развращалась от своего же всесилия, от отсутствия общественного контроля, от неимения обществом никаких органов, способных помочь Верховной власти контролировать и обуздывать бюрократию. Вся такая политическая обстановка действовала, наконец, деморализующе и на само общество, отчуждавшееся от государства»[62]. Таким образом, по мнению Тихомирова, роковым обстоятельством для Византии явилось «отсутствие или чрезмерная слабость строя социального... Византия теряла способность ассимилирующего воздействия на народности, входящие в состав империи, или ее окружавшие. Византийская государственность не привлекала к себе эти народы, напротив, являлась для них антипатичной, как сила только эксплуатирующая, но не дававшая почти ничего и сверх того сулящая народностям империи только порабощение чиновничеством. Социальные силы всякой провинции, всякой народности, при включении в состав империи, обречены были на захирение и уничтожение»[63].

Поэтому Московская Русь, по его мнению, эволюционно преодолевала проблемы римского и византийского образцов монархизма в виде формирования полноценной доктрины самодержавной монархии. По мысли Тихомирова, «это не есть передача государю народного самодержавия, как бывает при идее диктатуры и цезаризма, а просто отказ от собственного самодержавия в пользу Божьей воли, которая ставит царя, как представителя не народной, а божественной власти»[64]. Таким образом, царь является проводником воли Бога и ответственен только перед Ним, а это выгодно отличало самодержавную монархию от диктатуры и цезаризма, когда государь получал от народа право выражать его волю.

По мысли Тихомирова, самодержавная монархия в России являлась историко-правовым и политическим феноменом. Во многом он придерживался подобной точки зрения, исходя из того, что в русской монархической государственности пересекаются и пресекаются такие линии государственно-правового строительства, как Римская империя (косвенно), Византийская империя

[61] *Тихомиров Л.А.* Монархическая государственность. С. 247.
[62] Там же. С. 217.
[63] Там же. С. 217—218.
[64] Там же. С. 272.

(прямо), монгольский Восток и польская аристократия. Недаром он писал, что «если Древняя Русь, одним течением своей государственности создала Московское Самодержавие, то другим течением она же создала аристократическую Польшу»[65]. Исходя из этого, вполне можно принять следующий тезис, что «в феномене русской монархии усматривается ассимилирование созидательного потенциала как государственно-правового опыта, так и теоретико-доктринальных изысканий Запада и Востока хотя бы в части фундаментальных государственно-правовых идей и парадигм философского правоведения»[66].

Следует отметить, что вышеприведенные историософские построения Тихомирова являлись не только развитием существовавших в то время государственно-правовых теорий, но и существенно дополняли и обогащали их. Особенно с точки зрения теоретико-методологического подхода к категории верховной власти. Что же касается обоснования необходимости для России и ее народа единоличной власти, видевшейся ему в форме самодержавия, то здесь он шел вслед за Б.Н. Чичериным, чью формулировку свойств верховной власти он считал классической. С тем отличием, что если Чичерин оставался приверженцем конституционной монархии, то Тихомиров пошел дальше, выступив апологетом неограниченной самодержавной власти, которая «сама выдвигается народом как наилучшая».

Теоретическая самобытность проявилась у Тихомирова и в оценке особой роли политических учреждений в судьбах российской государственности. Она вытекала из его давнего увлечения историей политических учреждений, которым он придавал все же несколько гипертрофированное значение, считая их роль определяющей в российской истории. Достаточно оригинальными представляются и суждения Тихомирова о судьбах российской государственности в пореформенную эпоху. В эпоху освобождения крестьян, как он верно полагал, происходило и отмирание старого дворянства. На место дворянской общественно-политической мысли пришла разночинная интеллигенция, «первая эпоха появления которой прославилась нигилизмом». Конечно, отмечал при этом Тихомиров, прямые преемники Н.М. Карамзина, братьев И.В. и П.В. Киреевских, А.С. Хомякова и других не исчезли. Правильные идеи Тихомиров обнаруживал в публицистике Леонтьева, Вл.С. Соловьева, Н.И. Черняева, Киреева, М.В. Юзефовича и др. Более того, отмечал он далее, не могли полностью отрешиться от «национальных инстинктов» даже такие русские деятели, как, например, Бакунин, Герцен, Михайловский.

Особенно же выделял он «публицистическое сознание» Каткова и И.С. Аксакова. Правда, что касается первого, то Тихомиров в «Монархической государственности» не преминул покритиковать его за полное игнорирование идеи какого-либо народного представительства как формы общения монарха с подданными. Несколько более высоко оценивал он политико-правовое творчество И.С. Аксакова, отмечая, что, в отличие от своих предшественников, «ранних славянофилов», он главное внимание уделял именно политическим вопросам: «Аксаков требовал действительного общения царя с народом, он требовал самоуправления, он требовал восстановления прав Церкви, то есть требовал именно того, при наличности чего царская власть только и может быть верховной, выражать не произвольные побуждения царя, как человека, но требования нравственного идеала народа»[67].

При этом он выступал против известного тезиса И.С. Аксакова — «самоуправляющаяся местная земля с самодержавным царем во главе — вот русский политический идеал». «Тут, — писал он, — все неточно, все возбуждает вопросы...»[68]. Ошибочность этого тезиса доказывалась следующими несоответствиями. Во-первых, при таком подходе ограничивалась бы собственно царская власть, во-вторых, от общегосударственных дел устранялся бы и народ. Причины этих ошибок Тихомиров находил в том, что «в рассмотрении самодержавия Аксакову мешало еще очевидное незнакомство

---

[65] *Тихомиров Л.А.* Монархическая государственность. С. 243.

[66] *Верещагин В.Ю., Макеев В.В., Понежин М.Ю.* Доктрина монархической государственности Л.А. Тихомирова. С. 99–100.

[67] *Тихомиров Л.А.* Монархическая государственность. С. 340.

[68] Там же. С. 339.

его с государственным правом, вследствие чего его юридические определения подчас режут ухо своей неточностью и даже невероятностью»[69].

Впрочем, нечеткость и неопределенность юридических формулировок при определении верховной власти, разграничении ее с управительной властью, определении сущности самодержавной монархии представляла собой общую слабость политико-правовой мысли консервативного лагеря второй половины XIX в., вплоть до появления работ Тихомирова. Да и в целом он очень невысоко оценивал и современную ему российскую государственно-правовую науку с точки зрения ее вклада в развитие государственно-монархической теории. Ознакомившись с работами наиболее ярких представителей этой научной дисциплины (Коркунов, Алексеев, Чичерин, А.Д. Градовский и др.), Тихомиров пришел к неутешительному выводу: «Таким образом, подводя итоги, можно сказать, что наше государственное право едва ли что-нибудь сделало для развития нашего монархического сознания и указания каких бы то ни было путей для монархической политики. А между тем наши государственники очень смело ставят своей науке цели именно практические»[70]. Кроме того, государственное право в России остается в отношении европейской науки крайне несамостоятельным и не может до сих пор выдвинуть собственного учения о верховной власти.

Очевидную слабость национальной политической мысли того времени он объяснял прежде всего тем, что «разночинская интеллигенция была внутренне слишком слаба как культурная сила, и по своему сбродному сложению легче всего сплачивалась на отрицании. Естественно, лица, выходящие из разнородных по типу слоев, свободнее всего сходятся при отбрасывании каждым своего органического прошлого и при постановке общей цели на каких-либо чисто отвлеченных началах, имеющих вид "общечеловеческих". Таким "общечеловеческим" казалось "европейское", "общекультурное", и притом в тех крайних побегах, которые и в Европе отрицали все "старое", органическое»[71]. Поэтому в стране все было проникнуто общим «отрицательным, космополитическим, внеорганическим, а потому — революционным духом» нового периода русской истории. Тихомиров подчеркивал, что в России в этот период и «национальная интеллигенция» никуда не исчезла: «Напротив, в этот же новейший период создано почти все, в чем русское самосознание дошло до высших пределов, до сих пор им достигнутых. Этот новый период есть период Достоевского, Н. Данилевского, Л. Толстого, И. Аксакова, М.Н. Каткова, обоих Соловьевых (отца и сына), М. Салтыкова (Щедрина) и множества других деятелей, раскрывавших разные стороны содержания русского духа и более или менее формулировавших плоды русского самосознания. Но вся эта работа происходила в котле кипения интеллигентной революционности, заливалась ею со всех сторон, не имела сил подвести какого-нибудь *общенационального итога*»[72].

Тихомиров отмечал, что «это состояние мысли образованных слоев тем более сложно, что интеллигенция явно и сознательно "революционная" тесно переплеталась с интеллигенцией "национальной", выражающей органическую умственную работу России. Их коренное различие сказывается иногда очень ясно при переходе к политической деятельности, но в области культурного дела оба элемента смешиваются нередко даже *в одной и той же личности*. Л. Толстой, с одной стороны, — крайний отрицатель и даже революционер; но он же — великий работник национального самосознания. Немногие Русские так ярко доказали невозможность для себя отрешаться от *верховенства этического начала*. То же приходится сказать о Салтыкове-Щедрине, да и о множестве других. Что такое Владимир Соловьев? Что такое Глеб Успенский? У всех них отрицание современности держится на чисто русском же психологическом начале. В средних слоях интеллигенции эти элементы отрицания и утверждения смешиваются еще более неразложимо. В высшей степени бунтовское "народничество" в то же время родственно славянофильству по усилиям держаться на почве органических явлений. Внутренний разлад интеллигенции доходит до страшной путаницы, которую так неподражаемо

[69] *Тихомиров Л.А.* Монархическая государственность. С. 337.
[70] Там же. С. 353.
[71] Там же. С. 399.
[72] Там же. С. 400.

изобразил Достоевский»[73]. В столь непростой социокультурной ситуации, переживаемой Россией, господствующее положение в обществе приобрели либерально-демократические идеи и антиправославные учения, под влияние которых, в силу неразвитости национальной пропаганды и невнимания бюрократии к нуждам народа, попадали даже отдельные слои крестьянства, начавшего тянуться «к сознательной религиозной и гражданской жизни»[74].

Важной причиной кризиса самодержавной идеологии в пореформенную эпоху он считал то обстоятельство, что в социально-экономическом положении народа начались глубокие изменения, на которые верховная власть никак не отреагировала. Например, появившееся после реформы 1861 г. «огромное население» фабрично-заводских рабочих, которое «при разумной устроительной миссии могло бы стать в высшей степени полезной связью между верхним культурным слоем и деревенским. Но, к сожалению, оно развивалось вне всяких рамок какого бы то ни было социального строя. Наших рабочих воспитывала деревня, поскольку они не порывали с ней связи. Но сама фабрика для них не давала в социальном отношении ничего, кроме деморализации. Даже семейная жизнь здесь не находила опоры, а находила множество разлагающих влияний. Жизни общинной и корпоративной не было. Общественному миросозерцанию человека здесь грозило только разложение. А между тем фабричное население, умственно более развитое, несло свое влияние и в деревню. И вот здесь-то, на фабрике, среди населения, лишенного всяких социальных устоев, особенно нашла себе почву отрицательная и социалистическая пропаганда. Даже сектантство часто начиналось с фабрик, революционная же пропаганда почти исключительно через них проникла в народную массу»[75].

Другой причиной кризиса монархической государственности, как считал Тихомиров, стало резко усиливающееся после 1861 г. разобщение верховной власти и народа. Реформа 1861 г. нанесла сильнейший удар по дворянству как сословию, и бюрократия стала превращаться во все более страшную антимонархическую силу. По мнению Тихомирова, «с 1861 года Россия впервые представила тот тип бюрократического "полицейского государства", который господствовал в доконституционной Европе XVIII века. Но так как европейская эволюция этого абсолютистского типа уже у всех была перед глазами, то естественно являлось убеждение, что это и у нас только переходный период к "конституции"»[76].

Превращению России в монархию абсолютистского типа способствовало и то, что в петербургской России церковная иерархия, создававшая в московский период единение царя с народом, теперь сама была отрезана от верховной власти и подчинена той же бюрократии, что и вся нация. Тихомиров полагал, что, «таким образом, в эволюции государственности за 50 лет новейшего периода явилось нечто весьма опасное»[77]. И, хотя процесс ослабления государства был, по его мнению, задержан управленческими способностями Александра III, личное воздействие самого носителя верховной власти продолжалось крайне недолго и в области системы управления не успело ничего создать. Самодержавная монархия, оставаясь формой, утрачивала свое содержание, а это для нее могло окончиться крайне трагично.

Во многом, по его размышлениям, это объяснялось не столько подрывом монархического принципа в сознании масс, сколько отсутствием в это время учреждений, осуществляющих связь между царем и народом. Земства таковыми стать не смогли, а дворянство свою связующую роль утратило. «После 1861 года около Верховной власти осталась только бюрократия. Она все делала. Она вдохновляла Верховную власть. Она все решала за Россию. И вот в течение 40 лет она успела вырыть такую яму между царем и народом, какой никогда не было за все предыдущие 1000 лет существования России. Если бы у нас теперь оказалась подорванной монархическая власть — это был бы для государственной науки замечательнейший в истории образец того страшного зла, которое составляет для монархической власти эта ее болезнь — переход в бюрократическое прав-

---

[73] *Тихомиров Л.А.* Монархическая государственность. С. 400.

[74] Там же. С. 403.

[75] Там же. С. 404—405.

[76] Там же. С. 413.

[77] Там же. С. 417.

ление», — писал он[78]. По сути, Тихомиров опасался, конечно, с учетом изменившейся исторической обстановки, повторения в России именно той катастрофы, которая когда-то погубила Византийскую государственность.

Именно в росте влияния бюрократии виделась ему главная причина глубокого кризиса и опасности для русской государственности. Бюрократия «всю жизнь нации подводит под однообразные, обязательные нормы, уничтожая, поскольку хватает сил государства, всякую свободную творческую работу нации, упраздняет в ней все самостоятельные центры жизни, следовательно, подрывает все нравственные и социальные авторитеты. Она таким образом деморализует нацию и вносит в нее общее омертвение. Между тем сама бюрократия никак не может заменить собой того, что убивает в нации. Служебные качества бюрократии требуют исполнительности, дисциплины, выражения и исполнения *чужой* мысли и исключают развитие *своей*. Работа личная, вдохновенная, своеобразная противоречит самым элементарным задачам бюрократии. Национальная жизнь, напротив, вся зависит от этой личной, вдохновенной и своеобразной работы, которую бюрократия в других убивает, а сама по существу дать не может. В результате нация мертвеет и деморализуется. Воспитательное значение для людей вообще, а для молодых поколений в особенности, имеют те социальные и нравственные авторитеты, которые дискредитируются бюрократией. В стране становится некого уважать, не с кого брать пример. Все становится *безлико, безвольно, безыдейно*. Отсюда каждый, теряя уважение к обществу, к нации, к личности, становится сам себе высшим судьей, а потому развивается уродливо. Едва ли можно сомневаться, что этот подрыв нравственных и социальных авторитетов нации был в наше время повсюду одним из могущественнейших источников развития идей нигилистических и анархических»[79]. Бичуя бюрократию и одновременно нападая на интеллигенцию, которая, по его мнению, вместо того, чтобы дать бюрократии разумную программу действий, только то и делает, что «все отрицает», Тихомиров все же был далек от пессимизма.

Ссылаясь на царствование Александра III, он утверждал, может быть с излишним оптимизмом, что Россия все же сохранила основные черты своего национального типа (в том числе и тип государственности), находящегося выше европейского. Следовательно, задача настоящего момента, стоявшего перед всем консервативным лагерем, значит, и перед ним лично, — разработать такую программу действий, которая бы позволила, не меняя типа развития России в целом, поднять его на более высокую ступень.

Исходя из этого, одну из главных задач создания своей монархической доктрины Тихомиров усматривал в том, чтобы на ее основе разработать и создать не только теоретические, но и практические рекомендации для верховной власти, в лице российского императора, которые бы помогли ей вернуться на правильный путь развития самодержавной монархии. Таким образом, одной из целей разработанной им в окончательном виде в 1905 г., в обстановке хаоса первой русской революции, доктрины «этической монархии» стала выработка национальной программы положительных преобразований, призванных вывести российскую монархию из кризисной фазы. Такую задачу в общей форме он наметил, работая еще над книгой «Единоличная власть как принцип государственного строения». Главным средством обеспечения такой «положительной» эволюции страны с последующей ликвидацией засилья бюрократии и либеральной интеллигенции он считал также оживление «постоянного и непосредственного *общения* верховной власти с нацией, постоянное и непосредственное *участие* верховной власти в национальной жизни»[80]. Кроме того, одним из важнейших условий возвращения к истинной самодержавной системе правления, по его мнению, должна была стать жесткая стратификация общества.

На страницах «Монархической государственности» он в очередной раз высказывался против концепции общегражданского государства. При этом, оставаясь реалистом и понимая, что невозможно повернуть течение времени вспять и вернуться к старому сословному делению, Тихомиров полагал необходимым «поставить государство в связь уже не с прежними, отживающими и уже

[78] *Тихомиров Л.А.* Монархическая государственность. С. 409.
[79] *Тихомиров Л.А.* Единоличная власть как принцип государственного строения. С. 140—141.
[80] Там же. С. 139.

почти не существующими сословиями, а с новыми кипящими жизнью группами, "классами", как их стали называть»[81]. Давал он в своей работе и определение самих категорий «класс» и «сословие». Под классом он понимал социальный слой или группу, «которая по внутреннему своему сцеплению обособилась от прочих, но существует только фактически, еще не признанная государством»[82]. «Сословие», по его мнению, «есть та же самая группа, тот же самый слой, но получивший государственное признание и соответственную законную организацию»[83]. Исходя из данного определения, категория «сословность» трактовалась им как профессиональная группировка, которой государство дает определенные обязанности и за их исполнение наделяет социальными правами.

Вводил он и определение «сословного строя», под которым понималось такое общественное устройство, «в котором государство строится на специализированных группах, а не на отдельных личностях»[84]. Далее, развивая вышеприведенные теоретические посылки, он, вслед за Леонтьевым, пришел к следующему выводу — чем сложнее социальная структура общества, тем больше сил в этом обществе для созидания, а государство, получая напрямую народное представительство от социальных групп, более жизнеспособно. Исходя из данного тезиса, Тихомиров считал, что самодержавный способ правления для России подходит идеально. По его мнению, только верховная власть в лице наследственного монарха способна чутко улавливать все оттенки мнений различных социальных групп. Поэтому, подчеркивал он, «прежде всего необходимо заботиться о поддержании здорового социального строя, т.е. такого, при котором необходимое расслоение нации на слои и группы производится без помех, но и без доведения этого до разрыва, до забвения общности интересов. Средства для этого дает организация этих слоев и групп. Здесь вопрос не в простой свободе союзов и корпораций, каковая хотя и необходима, но имеет отношение, скорее, к личным правам. Социальная организация во всех ясно обозначившихся классах должна быть государственно *обязательной*»[85].

При всем желании сохранить историческое своеобразие российского политического устройства, меняя для этого лишь базис и сохраняя надстройку в виде самодержавия, Тихомиров понимал, что российский социально-политический механизм имеет весьма сложное устройство. Поэтому, предлагая преобразования в сословной сфере, он оставался жестким прагматиком. Ему виделось весьма сложное социальное устройство страны. Тихомиров писал: «Разнородность слоев, принадлежащих к промышленным единицам, рабочих, администрации, техников, хозяев, требует того, чтобы каждый из этих слоев был организован в *особую* корпорацию, но чтобы точно так же имелась и *общая* для всех их организация, объединяющая их в том, где они являются сотрудниками одного целостного дела. Права хозяина и рабочих должны быть одинаково ограждены не только наказаниями за произвол и узурпацию, но и созданием внутренней организации, обеспечивающей возможность их постоянного соглашения. Монархия современного периода должна понять смысл и тенденцию фактов социального строя, и сознательно, планомерно, повести ту сложную социальную организацию, в которую новые "сословия" даже сами собой, вопреки разобщающему их закону "общегражданского строя", стремятся войти»[86].

Предложение, высказанное Тихомировым, напоминает одну из главных теоретических новаций режима Муссолини, а именно идею создания «Совета корпораций», своего рода объединяющего начала для создания корпоративного государства. Стоит напомнить, что некоторые из идей, положенных Муссолини в основу теории фашистского государства, принадлежали философу-идеалисту Дж. Джентиле, с именем которого связано появление в трудах дуче концепции «этического государства». Джентиле сформулировал свою концепцию еще до прихода Муссолини к власти, и она основывалась на понимании государства как формы духовной жизни, объединяющей в себе закон

[81] *Тихомиров Л.А.* Монархическая государственность. С. 533.
[82] Там же. С. 533–534.
[83] Там же. С. 534.
[84] Там же. С. 532.
[85] Там же. С. 546–547.
[86] Там же. С. 550.

и свободу, главное же — Джентиле отрицал либеральный подход к трактовке государства. Отвергая культуру индивидуального либерализма, Джентиле создал образ «идеального государства», которое есть внутри каждого индивида и управляется «глубоко и подлинно религиозным духом». Обоснование концепции «этического государства» Джентиле в чем-то созвучно идеям, высказанным ранее Тихомировым. Отзвуки идей итальянского философа можно найти и в «Доктрине фашизма» Муссолини, особенно в 9—12 разделах[87]. Подобная концепция государства в трактовке и Тихомирова, и Муссолини подводила и того, и другого к оформлению законченной теории корпоративного государства. Но если Тихомиров так и не смог добиться практического воплощения своих идей, то Муссолини не только оформил их концептуально, но и попытался воплотить в практике государственного строительства.

В современной историографии в фашистской корпоративной политике усматривают сочетание следующих элементов: а) попытку установления классового сотрудничества; б) форму организации экономики; в) элемент связи с государством; г) воспитательную функцию корпоративной идеологии. Сами же корпорации замысливались как органы, в которых на равных правах будут представлены лица наемного труда, работодатели и фашистские иерархи в качестве арбитров. Фашистские идеологи не без основания усматривали в корпоративизме тот самый «третий путь» социального развития, противостоящий либерализму и социализму, о котором в 20-е гг. XX в. говорили интеллектуалы из лагеря «консервативных революционеров». К очень похожим идеям, но почти на четверть века раньше пришел и Тихомиров. Другое дело, что его теоретические построения не были доведены до логического конца и уж тем более не воплощены в жизнь, а идеологи фашизма не только оформили их институционально, но и попытались реализовать на практике[88].

Так, строительство корпоративной системы было декларировано законом от 3 апреля 1926 г. «О правовой организации коллективных трудовых отношений». Реализация этого закона привела к созданию Министерства корпораций и Национального совета корпораций как консультативного органа. То есть именно тогда были учреждены государственные органы, ставящие перед собой цель – мирное урегулирование конфликтов между трудом и капиталом, что создавало иллюзию возможности развития Италии по корпоративному пути, на основе классового примирения, при котором арбитром выступало государство, через свои специально созданные органы.

Попытка двигаться в этом направлении привела к объявлению о создании Корпоративного государства 20 марта 1930 г. и организации Национального совета корпораций, который возглавил лично дуче[89]. Наконец, после ожесточенных дискуссий в Италии в 1934 г. были созданы и собственно корпорации[90], объединявшие все трудоспособное население страны по принципу производимой продукции. Корпорациям были переданы все основные функции Национального совета корпораций, а также предоставлено право пересмотра тарифов и установления цен на готовую продукцию. Всего было создано 22 корпорации. В дальнейшем изменилась и роль корпораций в парламентской системе в связи с появлением в 1939 г. «Палаты фаши и корпораций»[91].

Несомненно, многие из предложенных режимом Муссолини идей и начинаний не были реализованы до конца, многое было забюрократчено или доведено до абсурда. И все же стоит признать, что, как бы критически сегодня не оценивались эти начинания, несомненным остается

---

[87] См.: *Муссолини Б.* Доктрина фашизма. М., б/г. С. 16—19 (разделы «Демократия и нация», «Понятие государства», «Этическое государство», «Содержание государства»).

[88] Сам Муссолини так характеризовал идею корпоративного государства: «Мы контролируем политические силы, мы контролируем моральные силы, мы контролируем экономические силы и, таким образом, мы находимся в корпоративном фашистском государстве» // *Нольте Э.* Фашизм в его эпохе. С. 235.

[89] *Ридли Дж.* Муссолини. М., 1999. С. 276.

[90] 6 декабря 1930 г. заработала Театральная корпорация. Первой же реально функционирующей корпорацией стала Корпорация разведения скота и рыболовства, которая начала работу 7 января 1935 г. // *Ридли Дж.* Муссолини. С. 276—277.

[91] В 1939 г. выборная палата парламента была окончательно ликвидирована. Вместо нее создали Палату фаши и корпораций, куда входили никем не выбираемые члены Национального совета фашистской партии и Национального совета корпораций, которые в случае лишения своих постов в этих органах теряли и «депутатское» кресло. См.: *Григорьева И.В.* Италия в XX веке. М., 2006. С. 110.

одно — реализация данной политической доктрины в Италии представляла собой в тех исторических условиях принципиально иной, нежели в странах либеральной демократии или социализма, опыт организации социально-экономических отношений и всей политической системы[92]. Альтернативу двум вышеприведенным политическим идеологиям искал и Тихомиров, и, глубже знакомясь с его теоретическим изысканиями, видим, что небезуспешно. Другое дело, что фактически все его более ли менее значимые предложения по коренной перестройке всей системы социальной политики Империи были проигнорированы властью и остались лишь на бумаге, в отличие о того же итальянского опыта, а чуть позднее португальского[93] и латиноамериканского[94].

Интересно в этом плане мнение историка Белоусова, отмечавшего, что в конце 1920-х — начале 1930-х годов фашистская Италия стала первой из индустриальных стран Запада, открыто провозгласившей принцип социальной ответственности государства за поддержание минимально необходимых биосоциальных условий жизни своих граждан. Удивительный факт: тоталитарное государство, с момента появления открыто выражавшее ненависть к либерализму, на практике осуществляло меры в духе кейнсианства (разумеется, наряду с подавлением) и даже в ряде случаев продвинулось в этом направлении гораздо дальше демократических государств (индексация зарплаты, коллективные договора, социальное страхование)[95].

Либеральным политическим режимам потребовалось пройти сквозь кровь и насилие Второй мировой войны, чтобы прийти к осознанию необходимости создания более толерантной в отношениях между различными стратами общества модели «социального государства». По сути, в послевоенное время европейские демократии фактически модифицировали концепцию «третьего пути», адаптировав ее применительно к изменившимся историческим условиям.

Поэтому не стоит недооценивать того факта, что в начале XX в., естественно, в качественно иной исторической ситуации, с поправкой на российские политические реалии того времени, Тихомиров наметил для России возможности для реализации принципиально иной политической доктрины, являющейся альтернативой и мечтаниям русских либералов, и претензиям социалистов. Доктрины, несомненно, авторитарной и в чем-то (только не в крайностях) действительно близкой концепции корпоративного государства Муссолини и его последователей в Европе, но могла ли она быть иной в то переломное время. И при этом доктрины социально ориентированной (опять же применительно к тому времени), где идеалом являлась не борьба классов в той или иной форме, а классовая солидарность, достигаемая правильной сословной организацией общества посредством устроения профессиональных корпораций под эгидой надклассовой самодержавной монархии.

На этот момент хотелось бы обратить особое внимание, ибо он таит в себе принципиальное отличие политического проекта Тихомирова от его последователей. Если тот же Муссолини фактически узурпировал власть, сделав фигуру короля Виктора Эммануила III, по сути, марионеточной (т.е. речь идет о прикрытой лишь тонким легитимным флером диктатуре), то Тихомиров главную ставку при реализации своей программы реформирования всей системы российской государственности, основу которой должна была заложить социальная перестройка общества, делал на сохранение традиционной для России самодержавно-монархической формы власти. Именно с фигурой императора (а не вождя-диктатора!) он связывал надежды на реализацию предлагаемых им преобразований. На

---

[92] См.: *Эбенстайн В.* Культ государства. Гегель и Муссолини // Знание — сила. 1990. № 4. С. 72—77; *Белоусов Л.С.* Муссолини: диктатура и демагогия. М., 1993; *Хибберт К.* Бенито Муссолини: биография. М., 1995.

[93] См.: *Логинов Д.В.* «Новое государство» Салазара: использование идеологии национал-синдикализма в государственном управлении (1930 — 1934) // Сборник материалов научных конференций: «Консерватизм в России и мире: прошлое и настоящее», «Национальный вопрос в Европе в новое и новейшее время», «Правый консерватизм в России и русское зарубежье в новое и новейшее время». Воронеж, 2005. С. 244—248.

[94] Идеи корпоративизма и ряд других теоретических новаций Муссолини в практике государственного строительства с большим или меньшим успехом использовали и президент Кубы Х. Мачадо, прозванный «Антильским Муссолини», чилийский президент К. Ибаньес дель Кампо, строитель «нового государства» в Бразилии Ж. Варгас. Определенные черты этой идеологии присутствовали в доктрине хустисиализма, культивируемой в Аргентине Х.-Д. Пероном. См.: *Строганов АИ.* Латинская Америка в XX веке. М., 2002. С. 71—74; 108—110; 143—150; История Латинской Америки. Вторая половина XX века. М., 2004. С. 78—86.

[95] Подробнее см.: *Белоусов Л.С.* Режим Муссолини и массы. С. 348.

деле его предложения вписывались в рамки уже существующей политической системы, то есть сохранялось, в отличие от ряда европейских демократий, впоследствии совершивших резкий скачок в авторитаризм, уже существующее правовое поле и преемственность верховной власти. По крайней мере, именно так предлагал действовать Тихомиров, вплоть до «кровавого хаоса» и беспорядков первой русской революции, после которой он несколько скорректирует свои предложения. Но и тогда фигура монарха для него по-прежнему будет оставаться центральной. Конечно, история не знает сослагательных наклонений — всем нам знакома эта непреложная истина, но, возможно, будь предложенная им альтернатива политического развития Российской империи реализована до начала революционного подъема 1900-х годов, российская государственность получила бы качественно иную точку отсчета.

Впрочем, вернемся к исследованию собственно концепции Тихомирова. Отметим, что его проект социальной модернизации России требовал и упрочения основ государственности, изрядно поколебленных событиями 1905 г. Да и само социально-политическое развитие страны вызывало у него — да и не только у него — чувство опасности за будущее Империи.

Заигрывание правительства С.Ю. Витте с либеральной фрондой, нашедшее воплощение в попытках преобразовать самодержавную монархию на западноевропейский манер, активная деятельность революционных и либеральных партий — все это заставляет Тихомирова вновь взяться за перо и работать над альтернативными проектами по «обновлению» России. Немаловажное место в них отводилось и чрезвычайно его интересующей социальной организации общества, тем более, что политическая ситуация в стране менялась очень быстро, а подвижки в отношении устроения вновь возникших сословных страт со стороны государства были минимальны.

Интересно отметить, что 9 сентября 1905 года «Монархическая государственность» была послана в Германию. Тихомиров писал в дневнике: «Сегодня отправлена моя книга (все части) императору Вильгельму II, с французским письмом. Жаль, что он не знает по-русски: он более всех монархов Европы мог бы заинтересоваться. Но я нарочно сопроводил письмом: авось, поручит кому-нибудь прочесть»[96]. Неизвестно, читал ли Вильгельм II книгу Тихомирова, но зато она нашла своих приверженцев при дворе Николая II. Осенью 1905 г. при посредничестве А.А. Киреева великий князь Константин Константинович передал монарху книгу Тихомирова. А чуть позже, в феврале 1906 г., Киреев обратился к министру двора В.Б. Фридериксу с просьбой «исходатайствовать Л.А. Тихомирову знак монаршего внимания за поднесенный Государю Императору труд «Монархическая государственность». Вследствие этого прошения было высочайше повелено выдать Тихомирову подарок ценою около 200 рублей. Заказ кабинета выполняла фирма Фаберже. В результате 28 февраля 1906 г. Тихомиров был удостоен всемилостивейшего пожалования — серебряной чернильницы «Empire» с изображением государственного герба[97].

В своем дневнике с присущей ему рачительностью Тихомиров отметил это событие: «Получена мною чернильница. Ничего себе — красивая. Пожалуй, рублей 50 может стоить. Впрочем, конечно, тут цена не имеет значения»[98]. В примечании к этой записи он с долей скепсиса фиксирует: «Она обозначена стоимостью, будто бы, 200 рублей!»[99].

Но этим Тихомиров, конечно, не ограничился и написал 15 марта 1906 г. «Всеподданнейшее прошение Льва Александровича Тихомирова, выражающее Его Императорскому Величеству благодар-

[96] 25 лет назад (Из дневника Л. Тихомирова) // Красный архив. 1930. Т. 3. С. 60.

[97] В 1907 г. В.Л. Бурцев писал С.В. Зубатову о Тихомирове, упоминая этот подарок: «Я нашел в нем "православного" человека (православнее всех митрополитов вместе взятых), убежденного монархиста (более убежденного, чем Дубровин и весь его союз русского народ, — Николай II недаром ему дал чернильницу), врага революционеров и особенно народовольцев» // *Козьмин Б.П.* С.В. Зубатов и его корреспонденты. М—Л., 1928. С. 79. В своей книге Бурцев вспоминал, что бывал у Тихомирова-монархиста в гостях по приезде в Москву несколько раз и тот его «поразил... и своей религиозностью и своим ханжеством. За едой он крестился чуть ли не при каждом куске, который клал в рот... Эти свидания с Тихомировым произвели на меня очень сильное впечатление, как свидания с человеком когда-то близким, а в то время жившим в совершенно чуждом для меня мире» // *Бурцев В.Л.* В погоне за провокаторами. С. 52.

[98] 25 лет назад (Из дневников Л. Тихомирова) // Красный архив. 1930. Т. 4/5. С. 134.

[99] Там же. Интересно было бы проследить судьбу этого весьма дорогого подарка. Остался ли он у Тихомирова, или же хозяин расстался с ним в голодный период революций и войн?

Иоанн Восторгов

ость за Всемилостивейше пожалованный подарок». В нем он не преминул ще раз продекларировать свои взгляды на состояние дел в организации правления Российской империи: «Наблюдая русскую действительность, ельзя, конечно, не замечать, что нашу Монархию подтачивают те же звы, которые ее разрушили в Европе. По вине, главным образом, русской науки, слабой и подражательной, по вине нашего подчинения европейским бразцам мысли и жизни принцип Самодержавия Царского стал отождествляться с принципом абсолютизма, и развившаяся практика управления создала бюрократическое всевластие, отделяющее Царя от народа. Получив в историческое наследие Самодержавную Верховную Власть, мы не умели создать правительственного строя, соответствующего этой форме Верховной Власти»[100]. Попутно он попытался дать и ряд рекомендаций власти, подчеркнув, что «монархия одна из всех политических принципов способна воздвигать государственный строй непосредственно на социальном, что и составляет единственное средство как для охраны народной самостоятельности, так и для прочного общения Царя и народа. При этом построение правительственных учреждений по системе сочетания народного самоуправления и действия бюрократии, их взаимной сдержкою, само по себе препятствует возникновению и политиканской и бюрократической узурпации. Таким образом, при правильном построении учреждений, соответственно Монархическому принципу, Россия не только сама освободилась бы от политических противоречий, но могла бы дать пример высшей государственности всему миру, ныне в этом столь нуждающемуся»[101].

Поклонники книги также не остались в стороне — они собирали деньги на ее переиздание, организовывали подписку. Хотелось бы отметить, что, несмотря на внушительный объем и излишнюю наукообразность, а также приличную цену в 5 рублей, первое небольшое издание достаточно быстро раскупалось. В целом «правые» приняли книгу Тихомирова. Раздавались и прямо восторженные отзывы. Так, один из авторитетных консервативных сановников П.Н. Семенов в своей корреспонденции на имя Тихомирова заявлял, что «по глубине мысли (книге, — *авт.*) нет равной в русской литературе»[102].

Однако, книга по ее прочтении показалась слишком «наукообразной» для русских монархистов, и уже 18 августа 1906 года он уже писал Суворину: «Обидно, что моя "Монархическая государственность" не читается. Время придет, конечно, но тогда пожалуй нужно будет строить монархию заново, а это трудно»[103]. Позже, в 1911 году, протоиерей Восторгов подготовил на основе «Монархической государственности» краткое общедоступное изложение основных идей в форме вопросов и ответов под заголовком «Что такое монархия? Опыт монархического катехизиса». При этом он не забыл воздать должное автору книги: «В русской литературе имеется прекрасная и обстоятельная работа, выясняющая начала монархического строя, а именно: "Монархическая государственность" Тихомирова, в четырех частях. Большой объем книги, и высокая ее цена делают ее доступной лишь для немногих. Кроме того, язык книги не приспособлен к пониманию широких народных масс. Вследствие этого мы даем краткое изложение главных мыслей указанного сочинения в катехизической форме, что значительно облегчает понимание и усвоение предлагаемого материала»[104].

И друзья, и завистники Льва Александровича подходили к его фундаментальному труду достаточно утилитарно. Каждый из них брал что-то из нее для аргументации своих взглядов, но никто не рассматривал ее как целостную программу спасения российской монархии. Яркое тому свидетельство — переписка Тихомирова с Киреевым, из которой явствует, что старого славянофила Киреева более всего привлекла в тихомировской работе мысль о народном представительстве, которую он

[100] *Тихомиров Л.А.* Церковный собор, единоличная власть и рабочий вопрос. С. 264.
[101] Там же.
[102] ГА РФ. Ф. 634. Оп. 1. Д. 118. Л. 5 об.
[103] *Бухбиндер Н.А.* Из жизни Л. Тихомирова (по неизданным материалам). С. 67.
[104] *Восторгов И.И.* Полное собрание сочинений. СПб., 1995. Т. 4. С. 508.

тут же интерпретировал в духе своей идеи о Земском соборе[105]. В ответ на это Тихомиров с раздражением зафиксировал в дневнике: «Этот Киреев толкует о Земском соборе. Кто же это его соберет? Уж если на простую полицию ума не хватает, так что же толковать о Земском соборе. Уж тогда бы прямо требовал бы Учредительного собрания, как студенты — владыки России»[106].

Революционные события 1905 года, приведшие к изменению общественно-политической ситуации в стране, не могли не выдвинуть вопроса о судьбах православия в России и о той роли, которую играла Церковь в социально-политической жизни страны. «По моему вполне определившемуся убеждению спасти династию от полного и поголовного истребления — немыслимо, — писал 29 октября 1905 г. монархист Никольский,— зато, с другой стороны, до этого истребления может пройти несколько недель, а может 2—3 года: а за это время мы зайдем так далеко, что не скоро вылезем. Но, во всяком случае только с истребления династии возможен поворот»[107].

Манифест 17 октября 1905 г., составленный Витте и знаменовавший собой реформу государственного устройства, повлек за собой проект реформы Церкви. Причем еще в начале января 1905 г. в Комитете министров под председательством Витте, где заслушивался вопрос о веротерпимости[108], выступил митрополит Санкт-Петербургский Антоний и высказал недовольство «слишком бдительным контролем светской власти», т.е. Святейшего синода и его обер-прокурора Победоносцева. Был поставлен вопрос о возрождении роли прихода и о созыве Собора церковников и мирян.

Это дало возможность Витте обратиться к царю с докладом «О современном положении Православной церкви». По воспоминаниям митрополита Евлогия Георгиевского, «записка графа Витте была знаменательным событием. Он внес ее на рассмотрение особого комитета под председательством Петербургского митрополита Антония...»[109]. Совещанию предлагалось обсудить преобразования в церковном управлении, а также вопрос о созыве Церковного собора и о патриаршестве. Все эти мероприятия, к слову, вызвавшие резкое недовольство Победоносцева, старавшегося повлиять на Николая II и резко критиковавшего записку Витте, в итоге привели к тому, что 17 марта 1905 г. «Церковные ведомости» (орган Санкт-Петербургской духовной академии) опубликовали «письмо 32-х» иерархов о необходимости перемен в церковном управлении. Иерархи писали о желательности восстановления института патриаршества, необходимости соборности и возрождении истинного авторитета церкви.

В это же время в «Московских ведомостях» Тихомиров поместил открытое письмо епископу Исидору, в котором от лица московских православных кругов высказывался за восстановление патриаршества и Соборов, но выражал протест против действий столичных чиновников во главе с Витте, подчеркивая: «Все дело в том, что мы не желаем под видом церковного возрождения служить политиканам». Весь сыр-бор разгорелся из-за решения Святейшего Синода собрать Поместный собор для выборов патриарха. Но в планы Витте входило преобразовать РПЦ помимо Собора, против

---

[105] Еще 17 октября 1904 года Киреев втолковывал Тихомирову в письме: «Идея все! Ведь в нее не верят потому, что наши глупые интеллигенты *без примера* ничего не понимают, они видят, что у нас глупо, скверно, ну и лезут в конституцию. А если бы увидели, что при земско-самодержавном строе будет еще лучше, — перейдут и на славянофильские идеалы. Нет! Вырабатывайте идеалы!» // Цит. по: *Ремнев А.В.* Крестный путь Льва Тихомиров. С. 123. Можно полагать, что Киреев увидел в некоторых главах работы Тихомирова результат именно *своей* агитации и воплощение своих идей. Впрочем, претендующего на оригинальность Тихомирова именно это и раздражало. Ведь он полагал, что создал нечто *новое*, доселе невиданное (отчасти так и было), а «наставники» и «соратники» видели в «Монархической государственности» или результат своего влияния, или же некий катехизис, который можно использовать в политической борьбе как идеологическую «дубину» против оппонентов.

[106] 25 лет назад (Из дневников Л. Тихомирова) // Красный архив. 1930. Т. 2. С. 64.

[107] Материалы для характеристики контрреволюции 1905 года (Из переписки Б. Никольского с Антонием Волынским) // Былое. 1923. Т. 21. С. 163.

[108] Результатом стало появление 17 апреля 1905 г. Высочайшего указа о веротерпимости, регулирующего положение иноверцев и сектантов. Фактически же наносился удар по авторитету РПЦ. При реализации этого указа за период с 1905 по 1907 г. из православия в католичество перешли 170 тыс. человек, кроме того 36 тыс. крещеных татар и башкир перешли в ислам и т.д. Всего же за период с 17 апреля 1905 по 1 января 1909 г. в России зафиксировано 308758 тыс. случаев отречения от православия. См.: *Свистунов А.А.* Проблема реформирования Русской Православной Церкви в начале XX века. С. 42.

[109] Митрополит *Евлогий* (*Георгиевский*). Путь моей жизни: Воспоминания. М., 1994. С. 154.

чего и протестовал Тихомиров. Он заявлял: «Мы желаем Собора, и пусть он сам решит, что нужно делать. Достаточно насилия над Церковью. Пусть ее устраивает не Витте, не митрополит Антоний со штатом, а Собор»[110].

Однако ситуация в стране накалялась, и в такой обстановке мятущийся император на всеподданнейшем докладе Святейшего Синода от 31 марта 1905 г. начертал следующее: «Признаю невозможным совершить в переживаемое ныне тревожное время столь великое дело, требующее спокойствия и обдуманности, каково созвание Поместного собора. Представляю Себе, когда наступит благоприятное время, по примеру древних православных Императоров, дать сему великому делу движение, и созвать Собор Всероссийской Церкви для канонического обсуждения предмета веры и церковного управления»[111].

Но, к большому разочарованию сторонников созыва Поместного собора, эта отсрочка не была, как они ожидали, «дополнена таковой же отсрочкой исповедных свобод для прочих исповеданий. Комитет министров не последовал примеру обер-прокурора Св. Синода и своих работ не приостановил»[112]. В результате 17 апреля 1905 г. последовал Высочайший указ Сенату о введении свободы исповеданий. Такая несогласованность действий Комитета Министров и Св. Синода, по мнению того же Тихомирова, «отразилась крайне нежелательными последствиями как на самой Православной Церкви, так и ходе всей жизни страны...»[113].

Впрочем, следует отметить, что сторонники созыва Собора не оставляли усилий по его хотя бы предварительной подготовке, как отмечает Тихомиров: «Указанная Высочайшая отсрочка в созвании Собора не исключала возможности подготовительных к нему работ, каковые шли... по программе установленной Св. Синодом. Для сего по всем епархиям производились совещания, различно устраиваемые, иногда имевшие форму "соборико в", с участием мирян... Результаты этих совещаний составили три объемистых тома "Отзывов епархиальных архиереев по вопросу о церковных преобразованиях", доставленные в числе 79 на 1278 страницах»[114].

В результате обострения вопроса о дальнейшей судьбе РПЦ, грозившего ко всему прочему и очередной церковной смутой, «27 декабря 1905 года император выпустил указ, уполномочивающий трех митрополитов подготовить созыв Собора, а Синод — учредить особое Предсоборное Присутствие, чтобы оно могло выработать повестку предполагаемого Собора»[115]. Первое заседание Предсоборного Присутствия было открыто 8 марта 1906 года в Петербурге, в Александро-Невской лавре. В его работе принимали участие не только представители церковной иерархии, но и светские эксперты в области православной веры, например, такие, как Киреев и Д.А. Хомяков[116]. Последний 12 мая 1906 г. писал Тихомирову о желании пообщаться с ним, как с единомышленником: «Когда встречаешь человека, имеющего общие с нами духовные интересы, хотя бы и не абсолютно одинаково понимаемые — к нему особенно сильно влечет...»[117].

К сотрудничеству в Предсоборном Присутствии на правах высочайше назначенного был привлечен и Тихомиров. В заседаниях он принимал участие вплоть до 15 октября 1906 г, а закончило Присутствие свою работу 15 декабря 1906 г. В Предсоборном присутствии в качестве членов работало 52 человека, а в общем составе на правах членов и сведущих лиц свыше 70 человек. В его составе было семь секций, занятых рассмотрением следующих вопросов: 1) составом Собора и структурой центральных органов; 2) епархиальной реорганизацией и учреждением метрополий, а

---

[110] *Тихомиров Л.А.* По поводу письма епископа Исидора // Московские ведомости. 1905. № 95.

[111] См.: Церковные ведомости. 1905. № 14.

[112] *Тихомиров Л.А.* Церковный собор, единоличная власть и рабочий вопрос. С. 224.

[113] Там же.

[114] Там же. С. 225.

[115] *Бычков С.* Русская Церковь и императорская власть. С. 120.

[116] См.: *Д.Х.* [*Хомяков Д.А.*] Соборное завершение и приходская основа церковного строя. М., 1906. Хомяков получил поддержку Тихомирова, творчески развившего ряд выработанных им положений: противопоставление самодержавия и абсолютизма, теорию средостений, представление о необходимости политического «общения» власти и народа, идею русского национализма. См.: *Попов Э.А.* Хомяков Дмитрий Алексеевич // Общественная мысль России XVIII — начала XX века: Энциклопедия С. 588—589.

[117] ГА РФ. Ф. 634. Оп. 1. Д. 124. Л. 2.

также будущим статусом Грузинской церкви; 3) вопросом о церковных судах, разводах, смешанных браках; 4) приходами, церковными школами и проблемой участия духовенства во внецерковных общественных движениях; 5) богословским обучением; 6) староверами; 7) сектами.

Тихомиров в участвовал в заседаниях Предсоборного Присутствия в составе I отдела, во главе с архиепископом Херсонским Дмитрием (Ковальницким), разрабатывавшего вопросы церковного управления, и в составе IV отдела, деятельность которго сосредоточилась на подготовке приходского устава. Его возглавлял архиепископ Могилевский Стефан (Архангельский)[118].

В Первом отделе было решено иметь церковное деление не только на епархии, но и на митрополичьи округа, включающие несколько епархий. «Тихомиров голосовал за учреждение митрополичьих округов только для пастырских целей, считая, что судебно-административное значение их само собою произрастает из пастырских задач. По вопросу о правах митрополичьих округов он высказал мнение, что сначала надо определить "отношения митрополии к высшему управлению" и что "права митрополита могут быть правильно определены только тогда, когда будет ясно определено его отношение к центру"[119]. По вопросу избрания епископов он поддержал формулу, согласно которой «избрание епископов принадлежит собору епископов с митрополитом во главе при участии клира и мирян в указании кандидатов на вдовствующие епархии» и предложил: «За 2–3 месяца до митрополичьего Собора, имеющего избрать епископа, митрополит должен оповестить об этом данную епархию, приглашая православных всех чинов обдумать, не имеют ли они предложить каких-либо кандидатов. Для исполнения этого митрополит благословляет всех этого желающих собираться по приходам, монастырям, в пастырских совещаниях с тем, что если эти собрания или даже отдельные частные лица найдут, по мысли своей, какого-либо кандидата, удовлетворяющего установленным условиям, то приглашаются сообщить о нем митрополиту письменно, не позже указанного им срока»[120].

Особенно же активно работал Тихомиров в IV отделе. На его заседаниях он в целом поддержал выработанную им формулу прихода как совокупности клира и мирян под верховенством епископа. Однако Тихомиров не был участником первой сессии Присутствия, на которой были разработаны проекты приходского устава. Его эти проекты не удовлетворили, но, так как дела по вопросу о проекте прихода были окончены, IV отдел не принял его замечаний и поправок.

Тихомиров высказал ряд возражений по проекту IV отдела, считая, что реформированный по этому проекту приход «станет лишь новым и быть может самым опасным очагом смуты»[121]. Свое несогласие с проектом, разработанным в недрах IV отдела, он заявил в статье «Приходской вопрос», опубликованной в «Новом времени». В ней он выступал против агитации в пользу введения проекта устава до созыва Поместного собора, усматривая в этом тенденцию к бюрократическому способу проведения церковной реформы. Особенно резко он высказывался против положения проекта, по которому приходские избиратели — это «поголовно весь народ, официально из Православной церкви не изгнанный. Тут будут иметь место и гг. Аладьины и Родичевы[122] и даже евреи, если им вздумается во время выборов присоединиться к Православной церкви»[123]. Таким способом реформирование прихода, по мнению Тихомирова, «могло бы создать орудие давления на решения Собора»[124]. Он высказывался за то, чтобы вопрос о приходе был выведен на обсуждение представителей самих приходов, приходских попечительств и вообще подлинных представителей церковной общественной

[118] *Бычков С.* Русская Церковь и императорская власть. С. 124.

[119] *Смолин М.Б.* Комментарии // *Тихомиров Л.А.* Церковный собор, единоличная власть и рабочий вопрос. С. 576.

[120] Там же. С. 576–577.

[121] См.: *Тихомиров Л.А.* Апология Веры и Монархии. С. 391–410.

[122] *Аладьин Алексей Федорович* — будучи студентом Казанского университета, в середине 1890-х исключен за участие в нелегальных кружках. После отбытия тюремного заключения выехал за границу. Вернулся в Россию после Манифеста 17 октября, был избран в I Государственную думу, один из лидеров Трудовой группы. *Родичев Федор Измаилович* — депутат I — IV Государственных дум, один из основателей и лидеров партии кадетов, член ее ЦК.

[123] *Тихомиров Л.А.* Приходской вопрос // Новое время. 1906. № 41064.

[124] Там же.

жизни. Призывая отбросить «повадки деспотического бюрократизма», Тихомиров предупреждал, что в противном случае это «может вызвать в Церкви большие смуты», и что приход, офасоненный по рецептам IV отдела Особого присутствия, станет не опорой порядка, а «лишь новым и, быть может, самым опасным очагом смуты»[125]. Он отмечал, что приход утратил свое истинное значение первичной ячейки Церкви, а это подрывает Церковь вообще. Разрешить же приходской вопрос по-христиански, по-православному нельзя иначе, как путем общецерковного действия, а это уже требует реформы всей церковной политики. К слову, Победоносцев, чья осведомленность в церковных вопросах была выше, чем у Тихомирова, не считал идею воссоздания прихода плодотворной, указывал на то, что «мы уже не можем вернуться из нового мира» в XVI или XVII век[126].

Данная тема так взволновала Тихомирова, что впоследствии получила дальнейшее развитие в брошюре «Современное положение приходского вопроса», написанной и изданной им в 1907 г. В ней приходские проблемы рассматривались более широко. Вновь критикуя вышеприведенный устав, он замечал, что «проект переходит все границы бюрократической страсти к регламентации малейших подробностей в жизни прихода»[127] и далее указывал, что «между духом православного и протестантского благочестия огромная разница, не принятая во внимание при составлении устава IV отдела»[128]. Развивая эту мысль, он продолжал: «Заботясь о поднятии религиозной жизни, мы не должны заглушать в приходе ничего привязывающего его к вселенской церковности»[129].

Тихомиров считал, что истинно верующие православные русские люди живут только верой и, не замыкаясь в религиозной общинной жизни, стремятся к всецерковной, вселенской общности, в отличие от протестантов, которые, даже несходные в своей личной вере, легко замыкаются вокруг своих религиозных приходских общин на идее удобной и благопристойной мирской жизни. Не устраивало Тихомирова в проекте устава и принижение роли приходского священника как пастыря за счет повышения роли «толпы, проживающей в приходе»[130]. Тихомиров полагал, что «священник должен понимать и уметь объяснить пасомым значение различных норм общественной и политической жизни. Это его бесспорный долг»[131].

Критике он подверг и имущественные отношения между церковью и приходом. Подтвердив опасения, уже высказанные в вышеприведенной статье, он прямо указывал, что «если масса населения России не умела провести своих истинных представителей в Государственную думу, то эта масса населения, выпускаемая теперь в приходские выборы, едва ли сумеет помешать Поместному собору превратиться в своей совещательной части в такую же буйную "Думу", не имеющую ничего общего с интересами духовной жизни. И вот почему приходская реформа, дающая возможность к такой *подготовке* собора, может стать большим бедствием для Церкви и веры в России»[132].

Как видим, в размышлениях Тихомирова о роли РПЦ в судьбах русских людей отчетливо проступало убеждение в примате духовного над материальным, что разительно отличало, по его мнению, русских православных верующих от христиан Западной Европы. Такое представление о нравственном превосходстве православия Тихомиров, несомненно, вынес из своих наблюдений за жизнью западноевропейских государств в период пребывания в эмиграции. Это было не только его убеждение. Большинство мыслителей консервативного лагеря придерживались точно таких же взглядов на роль и значение православия. В их религиозно-философских сочинениях сквозила вера в нравственное превосходство православной веры и в особую богоизбранность русского народа. Это являлось отражением не только православной ментальности, обусловленной всем ходом исторического развития российской государственности, но и, в некоторой степени, даже каким-то

[125] *Тихомиров Л.А.* Приходской вопрос // Новое время. 1906. № 41064.

[126] См.: *Зырянов П.Н.* Церковь в период трех российских революций // Русское православие: вехи истории. М., 1989. С. 395.

[127] *Тихомиров Л.А.* Апология веры и монархии. С. 397.

[128] Там же. С. 399.

[129] Там же. С. 401.

[130] Там же.

[131] *Тихомиров Л.А.* Пастырство и политика // Имперский вестник. 2010. № 6. С. 3.

[132] *Тихомиров Л.А.* Апология веры и монархии. С. 409–410.

высокомерием, характеризовавшимся тем, что оно не желало мириться с реальным положением вещей в стране и законсервировалось во взглядах на православие и его роль в русском обществе на уровне XV — XVI вв. русской истории.

С другой стороны, подобная позиция являлась реакцией определенных кругов русского общества на те политические, а главное, социокультурные модернизационные процессы, которые на рубеже веков затронули страну. Не желая повторения пагубного, на их взгляд, пути Европы, сторонники подобных взглядов, в том числе и Тихомиров, усматривали в православии тот якорь, зацепившись за который, можно будет не только сохранить исторически сложившиеся политические порядки, но и, что не менее важно, духовную нетронутость православного русского народа и, таким образом, привить ему иммунитет от чуждого его традиционным устоям европейского политико-культурного влияния.

То есть цена вопроса о преобразовании управления РПЦ была очень высока, и традиционалисты-ортодоксы ни в коем случае не желали отдавать этот вопрос на откуп антинациональной, по их мнению, петербургской государственной и церковной бюрократии.

Поэтому замедление движения в церковном вопросе и весьма неуклюжие попытки Министерства внутренних дел решать его без консультаций с живыми силами Церкви, а в обычном бюрократическом порядке через новые представительные учреждения, созданные под давлением революции 1905 г., весьма болезненно воспринимались Тихомировым и сторонниками Собора. В подтверждение этого можно привести фрагмент из письма от 6 ноября 1905 года к Никольскому Антония Храповицкого, полагавшего, что митрополит Антоний Вадковский «ведет себя двулично до позора», оправдывая тем самым слова Иеронима Преображенского, сказанные в 1900 году: «Вы, попы, хвалите самодержавие из-под палки, а возьмет плеть конституция, будете расхваливать конституцию»[133].

Таким же неприятием были проникнуты оценки Тихомирова реформаторской церковной деятельности, проводящейся по линии Витте — Антония. В ней он усматривал не только подрыв всех норм внутрицерковной жизни, но и попытку внести раскол в церковно-государственный союз, что означало бы гибель всей исторической русской государственности. Поэтому, критикуя религиозные проекты Витте — митрополита Антония в церковном вопросе, Тихомиров все активнее примыкал к более правому лагерю во главе с Антонием Храповицким, также выступавшим за освобождение церкви от излишней опеки Святейшего синода, но под лозунгом усиления власти епископата с восстановлением власти патриаршества, идеей усиления власти духовной и повышения роли православной церкви в государстве.

Но, как бы ни складывалась работа Предсоборного Присутствия, Верховная власть в то неспокойное время так и не смогла (или не пожелала) воспользоваться его рекомендациями. Последнее

---

[133] Материалы для характеристики контрреволюции 1905 г. (Из переписки Б. Никольского с Антонием Волынским). С. 164. На связь между оппозиционностью части высшего духовенства и отказом Николая II в созыве Поместного собора указывает современный историк М.А. Бабкин: «Неоднократно звучавший с высоты трона отказ в созыве Поместного собора был обусловлен целым рядом объективных причин. Среди них едва ли не главной была оппозиционная настроенность по отношению к церковной власти весьма значительной части высшего духовенства. В случае восстановления патриаршества император мог получить в лице первопрестольного архиерея главу оппозиционно настроенных сил, и при возникновении каких-либо (пусть даже незначительных) разногласий между церковной и государственными властями патриарх мог перейти в открытую оппозицию царю. При этом он был бы фактически "недосягаем" для светской власти. В случае, например, суда над патриархом для рассмотрения его дела следовало бы приглашать "равночестных" ему по сану восточных первосвятителей (как в случае с патриархом Никоном в 1666 г.). При этом государству грозила бы вероятность церковно-политического раскола, аналогичного расколу XVII в., что, в свою очередь, могло послужить катализатором революции. Существует точка зрения, согласно которой патриарх нужен был революционному движению как сила, с помощью которой можно было бы ускорить свержение власти царя» // *Бабкин М.А.* Современная российская историография взаимоотношений Русской православной церкви и государства в начале XX века (досоветский период) // Отечественная история. 2006. № 6. С. 177. Подробнее см.: Материалы и архивные документы по истории Русской Православной Церкви) / Составитель, автор предисловия и комментариев *М.А. Бабкин*. М., 2008; *Бабкин М.А.* Священство и Царство (Россия, начало XX в — 1918 г.). Исследования и материалы. М., 2011; *Репников А.В.* [Рецензия на книгу] *Бабкин М.А.* Духовенство Русской православной церкви и свержение монархии (начало XX в. — конец 1917 г.). М.: Государственная публичная историческая библиотека России, 2007. 532 с. // Отечественная история. 2008. № 5. С. 202—204.

общее заседание его состоялось 15 декабря 1906 г. Тогда еще оставалась надежда, что царь на основе знакомства с материалами его заседаний объявит в ближайшее время о созыве Собора, но ожидания не увенчались успехом. Хотя «вероисповедные законопроекты продолжали разрабатываться в Департаменте иностранных исповеданий, а затем и в Совете Министров в той ненормальной изолированности от работ Православной Церкви, в какую стали еще в апреле 1905 года при бывшем Комитете Министров»[134]. Таким образом, вся работа Предсоборного Присутствия, по сути, осталась лишь на рассмотрение будущих историков. Провал плана скорейшего созыва Поместного собора явственно показал Льву Александровичу всю тщетность его надежд добиться хоть какой-нибудь подвижки со стороны Верховной власти в реорганизации церковно-государственных отношений в духе его теории «этической монархии».

Неудачи в войне закончились подписанием позорного, по мнению Тихомирова, Портсмутского мира. Наблюдая финал, он видел в этом приговор России. «А вот где горе: на Востоке! Эта гниль здешняя, в лице Витте, позорит Россию, отдает японцам Манчжурию, подрывает престиж <...> Ну, вот уж этого не поправишь! Как Япония заберет Корею и Китай, так Россия — мировой гроб. Этого уж не поправишь. Мне наши внутренние дела кажутся совершенно ничтожной вещью в сравнении с той гибелью, которую правительство устраивает нам, по своей жалкой трусости и, вероятно, продажности, на Дальнем Востоке, — пишет он 7 августа 1905 года в дневнике[135]. 22 августа Тихомиров записывает: «По всему, что слышу, боюсь, что сердце народа совершенно оторвалось от царя. Это событие вполне *ужасное*, непоправимое, и я совершенно не понимаю, как он будет дальше править. Может быть, конституцию даст и уничтожит самодержавие <...> Но и этим *русские* в массе будут недовольны. Вероятно, ему, т.е. государю, придется волей-неволей отдаться в руки своих врагов (конституционалистов) и подчинить им также народ... Впереди скопляется какой-то непроглядный мрак. Монархия идет к гибели, а без монархии у нас лет 10 неизбежна резня. Прямо ужасное положение. Вот она — *Ходынка-то*! Наступает исполнение предвещания»[136]. 24 августа, прочитав в газетах о подписании Портсмутского мира, Тихомиров запишет: «Итак, гробовая доска надета и прибита. За что и почему убили Россию? Англия пригрозила *войной* <...> Нет пределов глупости наших заправил <...> Впрочем, это даже не глупость, а просто отсутствие лика человеческого <...> Россия осуждена Богом, и ничего тут не поделаешь»[137].

Опасения монархистов за судьбу русской монархии росли и у других монархистов. Как характеристика общего настроения упадка симптоматична фраза из письма Никольского: «В какую бездну ведет нас неврастеничное безволие человека[138], не ведающего, что творит. Какие чудовищные Ходынки сеются в Петергофских и Портсмутских совещаниях. За Гаагскую конференцию мы заплатили Порт-Артуром и Цусимой, страшно подумать, какою ценою заплатим за Петергоф и Портсмут»[139].

Никольский был не одинок. 20 мая 1905 г. после Цусимского сражения Тихомиров писал в дневнике: «Дело не в гибели флота, это само по себе пустяки, но ведь и вообще все гибнет. Уж какая ни есть дрянь Россия, а все-таки надо ей жить на свете. Ах, как мне жаль этого несчастного царя! Какая-то искупительная жертва за грехи поколений. Но Россия не может не желать *жить*, а ей грозит гибель, она прямо находится в гибели, и царь бессилен ее спасти, бессилен делать то, что могло бы спасти его и Россию! Что ни сделает, губит и ее и его самого. И что *мы*, простые русские, как я, например, можем сделать? Ничего ровно. Сиди и жди, пока погибнешь!»[140]. 29 августа того же года в дневник был записан еще один мрачный прогноз: «Все видимые шансы говорят, что нас ждет весьма нелепая революция... Я говорю "нелепая", потому что у нее нет

---

[134] *Тихомиров Л.А.* Церковный собор, единоличная власть и рабочий вопрос. С. 228.

[135] 25 лет назад (Из дневников Л. Тихомирова) // Красный архив. 1930. Т. 2. С. 71.

[136] Там же. С. 72—73

[137] Там же. С. 73.

[138] Николая II.

[139] Материалы для характеристики контрреволюции 1905 г. (Из переписки Б. Никольского с Антонием Волынским). С. 159.

[140] 25 лет назад (Из дневников Л. Тихомирова) // Красный архив. 1930. Т. 2. С. 71.

общей творческой идеи, а есть только отдельные озлобления, *временно* союзные... Они все союзники по разрушению "существующего строя", но не по созиданию. Все это сулит препечальное будущее»[141].

События 1905 года, приведшие к изменению всей общественно-политической ситуации в стране, не могли не выдвинуть вопроса о судьбах самодержавной монархии в России и о дальнейшей судьбе тех политических учреждений и законов, которые появились под давлением революционной волны. Реакция самодержавия на революционные события 1905 г., выразившаяся в издании «Манифеста 17 октября 1905 года», даровавшего политические свободы, и «Манифеста 6 августа», провозглашавшего создание Государственной думы из «выборных людей и представителей народа», не оставила Тихомирова равнодушным. Его окружение всячески пытается втянуть Льва Александровича в занятия активной политикой. Тем более что работодатель Тихомирова Грингмут стоял у истоков создания «Русской монархической партии», а «Московские ведомости» в 1905 г. были буквально напичканы его статьями по данному вопросу[142]. И, тем не менее, Тихомиров, в целом не чурающийся различных монархических мероприятий, так и не стал официально членом какой-либо правой организации. Про черносотенцев он писал 20 октября 1905 года в дневнике: «Ну, если революционеры сумеют охранить порядок, то, конечно, можно ручаться, что они захватят власть. Остальное будет зависеть от их уменья ею воспользоваться. Уж, конечно, не "ломовики" им помешают. Это вполне "черная сотня". Впрочем, вероятно, если ее покормить, то она к ним же пристанет. Какой поучительный пример крушения гнилушки! »[143].

Служить просто опорой трона, оправдывая зачастую, как он считал, ошибочные, а то и преступные действия Верховной власти, как это делали в большинстве своем члены черносотенных групп и их лидеры, он не желал. Тихомиров по-прежнему лелеял мечту о корректировке правительственного курса в духе созидательных преобразований, о которых он не раз говорил в своих статьях и книгах. А этого-то он в программах «правых» партий и не находил. Его настроение как нельзя лучше передают дневниковые записи за тот период: «Болен, силы нет! Какая тут политика! Да притом же я не вижу политики *по мне*. Во-первых, *все* программы меня не удовлетворяют. Во-вторых, с таким императором ничто, кроме революционной "смуты", невозможно. Политическая деятельность станет возможна тогда лишь, когда явится возможность какого-либа правительства. По мне, долгий период резни совершенно неизбежен, и политику будут делать только те, которые уцелеют от резни. А *пока* — все это не политика, а социально-политический тиф. Горячка, бред»[144]. По этому же поводу у него произошла размолвка с Грингмутом, настаивавшем на том, чтобы такая влиятельная среди «правых» фигура, как Тихомиров, непременно стала членом «Русской монархической партии». Сам Лев Александрович оставил следующее свидетельство этого разговора: «Я выдержал характер и совершенно теперь *вне политики*, сообразно с чем нахожусь "за бортом". Бог с ними. Не по мне эта политика, не по вкусу и не по силам. Сегодня получил "до расчета" 100 рублей. А должны они мне 260: вот как стали скупы. Видно, что дела плохи, или м.б. я сделался для Грингмута не нужен. Что делать? В сущности — правда»[145]. Произошло данное объяснение после того, как Грингмут принял участие в Петербурге в собрании «Народной партии». Там же присутствовали такие будущие лидеры черносотенного движения, как А.И. Дубровин и иеромонах Арсений (Стадницкий). Дистанцировавшись от практической политики, Тихомиров по-прежнему проявлял живейший интерес к событиям, происходящим на отечественной общественно-политической сцене. В конце 1905 г. его чрезвычайно занимали выборы в Государственную думу, т.к. проблема создания представительных органов в России напрямую пересекалась с интересующей его темой, а конкретнее — как сочетается самодержавие и народное представительство.

---

[141] 25 лет назад (Из дневников Л. Тихомирова) // Красный архив. 1930. Т. 2. С. 74.

[142] См., например: *Грингмут В.А.* Главная задача Монархической партии // Собрание статей В.А. Грингмута. М., 1910. Вып. 3. С. 270—281.

[143] 25 лет назад (Из дневника Л. Тихомирова) // Красный архив. 1930. Т. 3. С. 85.

[144] Там же. Т. 4/5. С. 105.

[145] Там же. С. 108.

Отношение к Государственной думе у Тихомирова было двойственным. С одной стороны, он считал, что придание Думе права законодательных решений — это отказ императора от самодержавия. С другой, не доверяя правительству и окружавшей монарха бюрократической камарилье, он полагал, что скорейший созыв Думы явится все же лучшим выходом из создавшегося положения и прекратит разграбление России. При этом Тихомиров скептически относился и к идее созыва Земского собора, сторонниками которой по-прежнему являлись Киреев, Шарапов, князь А.Г. Щербатов и некоторые другие представители отмирающего славянофильского направления. По мнению Тихомирова, чтобы Земский собор действительно мог качественно повлиять на улучшение внутриполитической ситуации в стране, нужно полностью изменить политику, проводимую Верховной властью. Поэтому-то он и не принимал идеи Земского собора, считая ее утопичной по сути. В своих письмах Кирееву, в дневниковых записях он не раз подчеркивал это: «Кн. Щербатов[146] хлопочет о созыве Земского собора <...> Но это только затяжка *невозможного* положения. По мне, хлопотали бы лучше об ускорении созыва Государственной думы. Это дело уже начатое, а, следовательно, и сделано может быть быстрее. Всем им, конечно, мечтается, что Земский собор восстановит самодержавие <...> Ну, а как он восстановит тем самым и бюрократию? Хорошо ли?»[147].

Так, в целом благожелательно относясь к идее созыва Государственной думы как выходу из революционного хаоса 1905 г., Тихомиров резко высказывался против предложенных властью проектов организации выборов в нее. Критиковал он и круг предполагаемых вопросов, переданных на рассмотрение Думы. Воочию наблюдая паралич российских властных структур перед революционным «вызовом времени». Он не уставал в своих статьях указывать на, как ему казалось, ошибочность многих политических решений, навязанных правительственной бюрократией верховной власти в годы первой русской революции.

Тихомиров не удержался от критических замечаний в адрес избирательного закона по выборам в Государственную думу. Он считал, что для России было бы идеальным народное представительство, создававшееся делегированием от различных социальных групп и слоев в обществе. В уставе же выборов в Государственную думу, по его мнению, закладывалась система общегражданского представительства, а это казалось ему роковой ошибкой. Негативно оценивал он и введение высокого имущественного ценза, отстранявшего от выборов значительную массу простого русского народа и, соответственно, представлявшего преимущества нерусским элементам, вообще более богатым, а это могло иметь прямо антинациональное значение. По этому поводу он писал: «Если России суждено создать истинное народное представительство, то это возможно исключительно путем организации социальных слоев и выборами лиц именно от них»[148].

Как видно из вышесказанного, Тихомиров оставался верным своим мыслям о возможности сочетания самодержавной монархии с народным представительством лишь в том случае, если оно будет иметь только совещательный характер и сословную организацию. Критикуя законы о выборах в Государственную думу как подрывающие основы самодержавия, и не веря, что ставка на крестьянский элемент в Думе оправдает себя, Тихомиров оказался провидцем. Действительно, и радикально настроенные Первая и Вторая Думы, и консервативные Третьи и Четвертая в большей или меньшей степени делали одно и то же дело — постепенно подрывали самодержавную власть в России, а, следовательно, и исторически сложившуюся российскую государственность.

При этом стоит отметить, что и предложения самого Тихомирова, ориентированные на создание социально-сословной Государственной думы с совещательными функциями, являлись тоже, в какой-то степени, утопичными и были направлены скорее в прошлое, нежели в настоящее, их можно было проводить лишь в более спокойную эпоху. А события 1904—1905 гг. создали на российской общественно-политической арене совершенно новый расклад социальных сил, что явно не способствовало реализации очень интересных тихомировских идей, если даже «Манифест

[146] См. подробнее: *Репников А.В.* Щербатов Александр Григорьевич // Русский консерватизм середины XVIII — начала XX века: энциклопедия. С. 599—602.

[147] 25 лет назад (Из дневников Л. Тихомирова) // Красный архив. 1930. Т. 4/5. С. 110.

[148] *Тихомиров Л.А.* Монархическая государственность. С. 435.

17 октября» воспринимался как незначительная уступка самодержавия, о чем ясно свидетельствовали не только события декабрьского восстания в Москве, но и поражение «правых» сил на выборах в Первую и Вторую Государственные думы.

Революционный взрыв в России начала XX века, закончившийся первой революцией, в которой активнейшее участие принимали представители как крестьянства, так и рабочего класса, еще раз наглядно продемонстрировал всему российскому обществу, что нерешенность важнейших вопросов социально-экономического развития страны несет серьезную опасность для всего политического строя Империи.

Являясь очевидцем событий, Тихомиров на страницах дневника беспристрастно фиксирует перипетии московского декабрьского восстания, отмечая как стойкость повстанцев, так и очевидную слабость центральной власти. В самый разгар боев на баррикадах он доверяет дневнику 12 декабря свои самые сокровенные мысли: «Начинаю думать, что революция может победить. Никакие времена Людовика XVI не могут сравниться с этим падением всего государственного строя. Ну, что Бог даст! Может быть, и вправду лучше гнилушками упасть уже совсем, чтобы хоть стройка стала возможна»[149]. Описывая свои впечатления от московских событий в письмах к Суворину, он 12 декабря заключал: «Вообще наше правительство показало себя во всем бессилии гнилости. Нечто невообразимое и невозможное. С таким государством невозможно жить. Хоть бы поскорей собиралась Дума»[150].

Видя всю пагубность политики, проводимой Верховной властью, с грустью отмечает Тихомиров в своем дневнике 27 марта 1906 года: «Теперь только и стоило бы махнуть рукой на все практические дела этих несовершенных людей, заняться чисто теоретическими работами. Но вот теперь на месте "ученых" сидят политиканы и газетчики, а ученые по природе должны быть борзописцами за хлеб насущный. Это страшная участь, когда человек развился дальше своих современников, и даже пользы для них от этого нет. Все равно — не только понимать, да и обвинять их за это нельзя. Теперь они, как дети, играют в политику, а потом будут играть в гильотину и республику, и ничто этому не поможет, кроме возраста страны в лета совершеннолетия. Но до тех пор она уже растеряет свои лучшие чувства, на которых *можно бы было* строить ее теперь, если бы только в ней были сознательные элементы. Но увы! И выходит, что живешь абсолютно бесполезно»[151]. Впечатляющее выступление на арену открытой политической борьбы в годы первой русской революции рабочих заставило и верховную власть распрощаться с иллюзией, что в России нет рабочего класса в западноевропейском смысле этого слова, а есть лишь «сословие фабричных людей», вчерашних крестьян, готовых в любой момент бросить завод, фабрику или шахту, чтобы вернуться в деревню.

В событиях 1905 г. рабочий класс заявил о себе как о важнейшей политической силе, с которой необходимо было считаться. Только по официальной статистике с января по декабрь 1905 г. в забастовочном движении приняло участие 2863173 рабочих. Причем если в январе бастовало 443929 человек, то и к декабрю 1905 г. активность не спала — 433357 человек[152]. Подтвердило это и «декабрьское» восстание в Москве, в котором рабочие дружины, возглавляемые профессиональными революционерами, играли роль «первой скрипки». В течение 10 — 17 декабря 1905 г., когда в городе шли упорные бои, в них участвовало около 8000 рабочих[153]. Под впечатлением от декабрьских событий Тихомиров записал в своем дневнике: «Однако система разрушения домов довольно бессмысленна. Она придает вид, будто против правительства восстает *Москва*, чего нет даже и подобия. Вместо того, чтобы истребить *врага*, приводят в нищету и выгоняют на мороз ни в чем неповинных жильцов! Население терроризируется и озлобляется, а *революционеры*, конечно, нисколько не боятся и перебегают себе из дома в дом. Глупо!»[154]. Тихомиров признавал: «Революционеры теперь говорят,

[149] 25 лет назад (Из дневников Л. Тихомирова) // Красный архив. 1930. Т. 4/5. С. 120.

[150] *Бухбиндер НА.* Из жизни Л. Тихомирова (по неизданным материалам). С. 66.

[151] 25 лет назад (Из дневников Л. Тихомирова) // Красный архив. 1930. Т. 4/5. С. 137.

[152] *Поцелуев В.А.* История России XX столетия (Основные проблемы). Учебное пособие для студентов вузов. М., 1997. С. 37.

[153] Новейшая история Отечества. XX век: учебник для студентов высших учебных заведений. В 2 тт. М., 1999. Т. 1. С. 90.

[154] 25 лет назад (Из дневников Л. Тихомирова) // Красный архив. 1930. Т. 4/5. С. 122.

что они одержали *нравственную победу*. Это совершенно справедливо. Правительственные власти снова (в тысячный раз) доказали свое ничтожество справиться с каким бы то ни было врагом. Мне жаль только гибнущих жителей, солдат и самих революционеров. За что столько крови? Для сохранения губящей Россию неисцелимой язвы? А если бы революция победила?»[155].

Об изменении отношения властей к рабочей проблеме свидетельствовали и записи в Особом журнале Комитета министров от 28 и 31 января 1905 г. по поводу противодействия Министерства внутренних дел, ведавшего рабочим вопросом, законопроектам о страховании рабочих от несчастных случаев и старостах, разработанным Министерством финансов еще до революции. Эти записи констатировали, что причиной рабочего вопроса был сложившийся «тогда взгляд на существо рабочего вопроса в России, будто условия фабричной жизни у нас и на Западе совершенно различны. Число рабочих, занятых на наших фабрично-заводских предприятиях, незначительно; благодаря счастливым условиям землепользования большая часть русских рабочих тесно связана с землей и на фабричные работы идет как на отхожие промыслы, ради подсобного заработка, сохраняя постоянную, живую связь с деревней; никакой систематической борьбы рабочих с предпринимателями в России нет; нет в ней и самого рабочего вопроса, а потому не приходится создавать по западным образцам фабричного законодательства. Возражать против этого взгляда в настоящее время, после январских событий, нет более надобности»[156].

Следствием признания ненормальной ситуации, связанной с нерешенностью рабочего вопроса, стало создание еще в январе 1905 г. «Комиссии В.Н. Коковцова». Программа, выработанная комиссией, исходила уже из того обстоятельства, что рабочий вопрос в России носит такой же характер, как и на Западе, а следовательно, и решать его нужно подобным же образом. В соответствии с этим была разработана и программа, сводящаяся к четырем основным пунктам: «1) обязательная организация больничных касс на базе совместных взносов и хозяев, и рабочих; 2) создание на фабриках и заводах смешанных органов из представителей администрации и рабочих "для обсуждения и разрешения возникающих на почве договора найма вопросов, а также для улучшения быта рабочих"; 3) сокращение рабочего дня с 11,5 часов до 10, ограничение законом количества сверхурочных работ; 4) пересмотр статей закона, карающих забастовки и досрочные расторжения договора о найме»[157]. В основном согласившись с подобной постановкой вопроса, Комитет министров указал, что для правильного разрешения рабочего вопроса о забастовках, возникающих «исключительно на экономической почве», необходимо, чтобы рабочие были надлежащим образом организованы и знали точно свои права и обязанности, и поэтому поставленный Комитетом вопрос об изменении действующих постановлений о стачках должен быть разрешен, по существу, лишь по обсуждении и выяснении прочих мер, определяющих внутренний быт рабочих[158].

Однако предложенные меры вызвали ожесточенное сопротивление промышленников, особенно это касалось предложений о сокращении рабочего дня и государственном страховании рабочих. Тем не менее, несмотря на споры, нашел признание тот факт, что иного решения рабочего вопроса нет, как только через признание права рабочих на стачку и создания собственных профессиональных организаций.

«Правые» издания подобную неуступчивость правительства в отношении рабочей политики связывали с тем, что представители крупного и зачастую инородческого капитала через Витте лоббируют выгодные только им решения в столице. Вообще в период подъема революции «Московские ведомости», руководимые Грингмутом, занимали очень жесткую антивиттевскую позицию, причем по основным вопросам внутренней и прямо вытекающей из нее социально-экономической политики. Передовицы газеты были полны критических выпадов против деятельности кабинета Витте[159].

---

[155] 25 лет назад (Из дневников Л. Тихомирова) // Красный архив. 1930. Т. 4/5. С. 124.

[156] Цит. по: *Аврех А.Я.* П.А. Столыпин и судьбы реформ в России. С. 95.

[157] Там же. С. 96.

[158] Рабочий вопрос в комиссии В.Н. Коковцова. М., 1926. С. 29—30.

[159] См.: Диктатура графа Витте // Московские ведомости. 1905. № 279; Граф Витте и Россия // Московские ведомости. 1905. № 326; Советники графа Витте // Московские ведомости. № 327. 1905; Значение графа Витте // Московские ведомости. 1906. № 27; Продажа России иностранцам // Московские ведомости. 1906. № 159.

В.Л. Бурцев

Ненависть к Витте в кругах консервативной оппозиции трону была действительно велика. Яркая иллюстрация тому письмо архиепископа Антония Храповицкого к Никольскому от 3 января 1906 г.: «Все-таки теоретически я убежден в том, что борьба с крамолой (революцией) должна начаться с казни графа Витте. Хороши воззвания, умные речи и книги, но начать-то надо с этого самого»[160].

События в России, совпавшие с отставкой ненавистного для консерваторов премьера Витте и назначением на пост министра внутренних дел Столыпина 26 апреля 1906 г., вновь активно толкали в буруны большой политики. Тем более что назначение Столыпина знаменовало собой начало «умиротворения» страны. На носу было и открытие Государственной думы, а авторитет Тихомирова как теоретика «правых» сил оставался все еще значителен. Втягивание Тихомирова в водоворот общественно-политической жизни началось с его участия во Всероссийском съезде русских людей, который состоялся 6—12 апреля 1906 г. в Москве и являл собой по составу сборище представителей от различных черносотенных организаций, возникших в период революционных выступлений 1904—1905 гг. в большинстве регионов страны и являвшихся как бы ответом на революционное насилие.

На съезде Тихомиров выступал с докладом о Церковном соборе. В дневнике он отмечал: «Но вообще мой доклад возбудил большое внимание, и публика, мне казалось, *за меня*... Вообще, эта масса монархистов, — человек до 400, с разных концов России и разных сословий — производит на меня двойственное впечатление. Дух *религиозный* и *церковный* у них очень силен и ясен. Сильно напряжение *национального* чувства. Но понимание политическое — узко, боюсь — даже очень узко. Мой доклад будет резкой пробой: понимают ли они монархию или не понимают»[161]. Перед самым открытием Первой Государственной думы Тихомиров по просьбе сотрудника «Московских ведомостей» и «Гражданина», дворянина Н.А. Павлова, близкого к дворцовым кругам, составлял проект тронной речи для Николая II при открытии Государственной думы. В ней он, верный своим идеалам, сделал акцент на незыблемости самодержавной, неограниченной власти царя, подчеркивая в представленном им тексте от имени монарха: «Даруя подданным права и вольности гражданские и политические, я остаюсь тою же верховною, самодержавною, неограниченною властью, какую унаследовал от предков и какую передам потомкам моим. Во имя этой власти я дал моим подданным права и призвал вас в Государственную думу, где вы должны служить не партиям, а мне и отечеству, со мною неразделимому»[162]. К разочарованию Тихомирова, предложенный им проект не был утвержден, поэтому, вероятно, он и заметил 28 апреля в своих записях: «Тронная речь императора довольно бледна, и, во всяком случае, не имеет ничего общего с набросанным мною образцом. Новое доказательство, что господа консерваторы только суетятся в Петербурге, но никакой силы и влияния не имеют»[163].

Попутно с активизацией своей общественной деятельности Тихомиров выразил готовность принять участие в мероприятии, которое могло его изрядно скомпрометировать перед представителями промонархических сил. Он устанавливает через Бурцева связи со «Шлиссельбургским комитетом» с целью оказать посильную финансовую помощь народовольцам, вышедшим по амнистии, провозглашенной «Манифестом 17 октября».

В письме на имя Бурцева от 30 марта 1906 г. он, осуждая сам принцип революции, выразил готовность помочь нуждающимся после более чем двадцатилетнего заключения товарищам, таким, как Михаил Фроленко или Михаил Попов, не имевшим возможности получать помощь от близких.

---

[160] Материалы для характеристики контрреволюции 1905 г. (Из переписки Б. Никольского с Антонием Волынским). С. 171.

[161] 25 лет назад (Из дневников Л. Тихомирова) // Красный архив. 1930. Т. 4/5. С. 140.

[162] Там же. С. 145.

[163] Там же. С. 147.

Шлиссельбург, фото 2008 г.

Тихомиров не без теплоты писал: «Я бы хотел, по возможности, помочь таким. Как же это сделать? Можете ли вы на себя взять это? Вы можете и не говорить им, что это от меня. Ведь они, без сомнения, такие же непримиримые революционеры, как прежде. Им негде было проверить свои взгляды. Это самая ужасная сторона тюрьмы, что знаю по себе. Четыре года тюрьмы были для меня совершенно потерянным временем для развития. А следующие четыре года свободы дали мне тысячи различнейших драгоценнейших наблюдений себя, людей и законов жизни... Если вы согласитесь оказать мне эту услугу, то прошу вас: пришлите мне список уцелевших. И на нем, пожалуйста, отметьте тех, которые не имеют семейных средств к жизни или случайной работы... Затем заметьте, что я вообще человек без средств, так что с меня пользы немного, и — кто знает — сегодня живу, а завтра могу быть вполне на улице. Я ведь не продаю своих убеждений никому. Ну, а таким людям денег нигде не дают. Так что большой пользы от меня нельзя иметь. Но мне лично было бы очень приятно, пока могу и сколько могу, помочь старым товарищам в нужде. Так что вы не им окажете услугу, а скорее, мне»[164].

Казалось бы, странный поступок для человека, давно порвавшего с революцией, имевшего прочное положение «около власти», еще и довольно скаредного к тому же, но в этом был весь Тихомиров. Для него «шлиссельбуржцы» в настоящем уже не являлись идейными противниками, с которыми он боролся ранее, а остались только друзьями юности, людьми по-рыцарски, бескорыстно преданными идее, пускай, с точки зрения Тихомирова-монархиста, и ошибочной. Чувство товарищества Лев Александрович всегда ставил несколько выше служения той или иной идеологической доктрине. Идею он еще мог принести в жертву жизненным обстоятельствам, а дружбу — никогда. Не исключено, что именно это качество впоследствии, уже после краха монархии, и помогло Тихомирову уцелеть в советской стране, где многие из его друзей по революционной борьбе стали почти «живыми легендами».

События в России, связанные с деятельностью Столыпина, роспуск I Государственной думы, назначение Столыпина премьером (8 июля 1906 г.) окончательно убедили Тихомирова в том, что на российском политическом небосклоне появилась сильная фигура. В письме Суворину 24 сентября 1906 г. он отмечает: «Надо бы мне когда-нибудь повидать П. Столыпина. Все, что слышу, рисует у него редкое качество — *волю*, но каковы его *цели*[165], думаю, никто не знает, а может быть, он и сам не определил вполне. Брат его — ваш сотрудник, преталантливый пустомеля, но талант должно быть — развивающийся»[166]. Программа преобразований, выдвинутая Столыпиным, заинтересовала Тихомирова, хотя он скептически оценивал ее проведение через II Государственную думу. 28 сентября он писал Суворину: «А конституции своей Столыпин ни за что не проведет. Будут ссоры без конца. Я уж не говорю о колебаниях сверху, но учреждение так составлены, что разве англичане или немцы могли бы изловчиться при них действовать, понемножку исправляя. А у нас не выйдет... Вон, сегодня "Речь" пишет, что Столыпин "бросится в объятия Гринмуту"»[167].

Не оставлял Тихомиров и попыток воздействовать на власть с целью разрешить положение, пока не поздно. В сентябре 1906 г. он в «Новом времени» (разногласия с Гринмутом давали о себе знать, отсюда и использование суворинского издания) выступил со статьей «Постройка без фундамента», в которой объяснял российскую революционную смуту тем, что в стране нет единой, неограниченной власти, способной при всяких разногласиях оставить за собой последнее слово.

---

[164] 25 лет назад (Из дневников Л. Тихомирова) // Красный архив. 1930. Т. 4/5. С. 138.

[165] В журнальной публикации ошибочно — *«целы»*.

[166] *Бухбиндер НА.* Из жизни Л. Тихомирова (по неизданным материалам). С. 69–70.

[167] Там же. С. 70.

М.О. Меньшиков

«Скажу прямо, — писал Тихомиров, — если у нас уже нет прежней Верховной власти или она по каким-либо причинам невозможна к реальному существованию, то есть только один путь быстро и сравнительно безопасно создать новую. Это обращение к народу, предоставление ему права учредить новую власть. То, что всенародно учреждено, во всяком случае может дать авторитет новой власти, и нет других способов дать ей авторитет»[168].

Статья вызвала немало шума, недовольство как сторонников современного положения вещей, так и противников нововведений. Резко против нее выступили черносотенные лидеры. Да и в самой редакции «Нового времени» единства не наблюдалось. Так, ведущий публицист Суворина Меньшиков в своей статье дал резкую отповедь Тихомирову, заявляя, что он пугает правительство «жупелом учредилки», грядущим обострением революционной борьбы и тем самым подталкивает Николая II к восстановлению абсолютизма[169].

Впрочем, и Льву Александровичу Михаил Осипович не особенно нравился, их нелюбовь была взаимной. 6 февраля 1906 года Тихомиров жаловался Суворину: «Сказать правду, разонравился мне ваш Меньшиков. Дела наши так сложны, что не под силу и семи мудрецам древнего мира. А он имеет своей обязанностью их понимать и разъяснять нам. Нелегкая задача, и не мудрено, что мы остаемся неудовлетворенными»[170]. 24 сентября того же года Тихомиров вновь жаловался Суворину: «Дело в том, что Меньшиков говорит лично обо мне ужасно много вредного для меня вздора. Мне – как вам угодно — обязательно сказать вашим читателям, что это неверно... Положим он у вас в газете первая персона (нисколько не по заслугам), но все же вы, вероятно, допускаете против него возражения... Я, вы знаете, *практической* политикой не занимаюсь»[171]. Разошедшийся Тихомиров изливал Суворину свои претензии к Меньшикову: «Мне ужасно досадно, что он навязывает мне колпак какой-то партийности. Это фактически неправда. А самое главное — страшно не выгодно для такого публициста, как я. Я по совести вне партий. А между тем, такие ложные слухи и "обвинения" отбивают у меня самую нужную мне публику. Разбойник этот Меньшиков. Это уже не полемика, а подвохи»[172]. На меньшиковскую критику нужно было реагировать, и пришлось Тихомирову выступать с объяснением своей позиции. 28 сентября он пишет Суворину, который не захотел помещать его статью с ответом Меньшикову, и просит вернуть и, обещая написать другую — более серьезную. 29 сентября посылает Суворину небольшую статью, еще раз попросив вернуть прошлый материал,3 октября он получает от Суворина непрошедшую в печать статью и уведомляет, что прочитал в «Новом времени» свои возражения Меньшикову.

Через газету Тихомиров вновь заявляет о своей непринадлежности ни к одной из партий, поясняя, что единственной целью его статьи являлось стремление «побудить своих сограждан понимать то, что они делают, и идти куда угодно, но сознательно». При этом Тихомиров относил себя к сторонникам восстановления самодержавной монархии, но не прежнего «абсолютистского», а «нового идеального толка»[173].

Предпринимая очередную попытку воздействовать на власть, он пытался действовать через А. Киреева, близкого к правительственным кругам, но тот оценивал шансы пробудить в государе истинный самодержавный инстинкт как ничтожные. В какой-то мере всю безысходность положения понимал и Тихомиров. В дневнике 20 мая он фиксирует: «Начал на всякий случай *записку* об

---

[168] *Тихомиров Л.А.* Постройка без фундамента // Новое время. 1906. № 10965.

[169] *Меньшиков М.О.* Вершина власти // Новое время. 1906. № 10966.

[170] РГАЛИ. Ф. 459. Оп. 1. Д. 4234. Л. 41 об.

[171] Там же. Л. 52—52 об.

[172] Там же. Л. 53—53 об.

[173] *Тихомиров Л.А.* По поводу полемики г. Меньшикова // Новое время. 1906. № 10974.

Основных законах, где разбираю всю их беззаконность и нелепость. Но все это совершенно явно бесполезно. Некому подавать, некому читать, некому понимать <...> Эти подлые чиновники всецело поглощены *своими* интересами, и для них удобнее всего именно такая нелепая конституция. А на императора, очевидно, расчетов никаких не может быть. Наказал Господь! Пожалуй, что и у революции нет средств действия <...> Самое ужасное, что нам предстоит *гниение и разложение*»[174].

Символично, что чтение Тихомировым 4 июня 1907 года в клубе умеренных и правых своего доклада «О недостатках конституции 1906 года» случайно совпало с третьеиюньским переворотом. В этот день Киреев зафиксировал в дневнике: «Вечернее заседание в клубе. Тихомиров делает интересный доклад о нашем политическом положении. Указывает на незаконность всего нашего строя, основанного ведь на хартии избрания на царство Михаила Федоровича в 1613 году. В акте избрания указано, чтобы Михаил царствовал по старине. Самодержавие с совещательным Собором»[175]. Граф Д.А. Олсуфьев, лично знавший Тихамирова, представил гранки доклада Столыпину. Совпадение его выступления с политическими событиями несколько укрепило веру Тихомирова в то, что не все еще потеряно, а вера его в Столыпина возросла безгранично. Впоследствии доклад был опубликован отдельной брошюрой. Ознакомившись с тихомировским текстом, Столыпин выслал автору письмо (получено 17 августа 1907), предложив «потолковать... если... случится быть в С.-Петербурге»[176]. Тихомиров выслал в ответ срочную телеграмму и уже 21 августа был принят Столыпиным.

Здесь нужно хотя бы кратко пояснить, что интерес Столыпина к публицисту был не случаен. В работе «О недостатках конституции 1906 года» Тихомиров анализировал всю совокупность манифестов и указов, изданных в 1905 — 1906 гг., объединенных кодификаторами в подобие конституции. Разбирая ее чрезвычайно подробно, он усматривал в ней немало мест, ничего общего с самодержавным принципом правления не имеющими, а, следовательно, как полагал Тихомиров, идущих вразрез насущным устремлениям русской жизни. Не только Тихомиров указывал на это обстоятельство. Об этом же писал в своем труде, вышедшем в 1913 г., и профессор П.Е. Казанский[177]. По поводу этой работы Тихомиров в своей рецензии на нее не без оснований опасался: «Не похоронят ли труд профессора Казанского искренним невниманием справа, как будут хоронить слева рассчитанным невниманием? Это будет не ново, но очень прискорбно для настоящего и будущего»[178].

Не стесняясь в выражениях, Тихомиров писал, что «основная черта конституции 1906 года составляет совершенно произвольное измышление составителей, и они дали России такой строй, основа которого не истекает ни из какой законной учредительной Воли страны. Отсюда является совершенно неизбежное новое зло: *отсутствие авторитета и прочности того строя, который закон объявляет обязательным для страны*»[179]. Причину этого он усматривал в том, что изменение Верховной власти, предпринятое устроителями данной «конституции», не имело учредительных полномочий ни от народа, ни от самой Верховной власти. На ее непрочность, по мнению автора, указывал хотя бы тот факт, что «царь, ею якобы ограничиваемый, на самом деле, как только пожелал, сделал все, что считал нужным, без всякого внимания к этим "ограничениям", и кто же против этого возразил?»[180] (имелся в виду третьеиюньский переворот). Не отступая от своих уже устоявшихся взглядов на неразделимость неограниченной самодержавной власти и российского государства, Тихомиров усматривал в законах 1906 г. попытку внести в государственные учреждения новый фактор — народное представительство. Он полагал, что «космополитическое» правительство Витте

---

[174] Из дневника Л.А. Тихомирова // Красный архив. 1933. Т. 6. С. 109.

[175] *Киреев А.А.* Дневник. 1905–1910 / Составитель, автор вступительной статьи и комментариев *К.А. Соловьев*. М., 2010. С. 208.

[176] Из дневника Л.А. Тихомирова // Красный архив. 1933. Т. 6. С. 113.

[177] *Казанский П.Е.* Власть Всероссийского Императора / Составитель, автор вступительной статьи и примечаний *М.Б. Смолин*. М., 1999.

[178] *Тихомиров Л.А.* Церковный собор, единоличная власть и рабочий вопрос. С. 519. Интересно сравнить отклик Тихомирова с рецензией Розанова. См.: *Розанов В.В.* Собрание сочинений. На фундаменте прошлого (статьи и очерки 1913–1915 гг.). М.-СПб., 2007. С. 201–206.

[179] *Тихомиров Л.А.* Апология веры и монархии. С. 150–151.

[180] Там же. С. 152.

желало добиться подобного результата через учреждение института народного представительства в западноевропейской форме, следовательно, ограничить власть императора и ослабить русскую национальную гегемонию в стране. По мнению Тихомирова, «подрыв русской гегемонии в Империи составляет подрыв самой Империи... Без русских, без их гегемонии нет Русской Империи.... Среди нерусских племен Империи нет ни одного, могущего по силе и государственным способностям заменить русских. Только гегемонией 84-миллионного русского племени держится единство Империи»[181]. Он утверждал, что, «созидая государство, мы должны в учреждениях его поддержать два ряда условий: 1) разумную сообразность с общими законами политики; 2) такую же разумную сообразность со специальными условиями существования данной национальности»[182]. А вот «конституция 1906 года в обоих этих рядах условий наносит России только разрушительные удары»[183].

Тихомиров внимательно следил за откликами на свой труд. В письме к Б.В. Никольскому от 24 августа 1907 года он благодарит за отзыв о работе «О недостатках конституции 1906 г., уточняя: «Ваш отзыв для меня ценнее, пожалуй, всех, мною слышанных. Вы, во-первых, действительно юрист, да еще с "Римской"[184] закалкой. Во-вторых, Вы вообще строгий критик. Ваш благоприятный отзыв показывает, что в произведенном мною анализе "творчества" 1906 г. есть некоторое количество логики и понимания... Сами знаете, что для писателей "не популярных" (каков и Вы сами) — при всей даже самостоятельности, все-таки очень дорого услышать голос одобряющих качество работы»[185]. В письме к Никольскому от 5 сентября Тихомиров развивает тему: «Мы так завязли в болоте, и положение, созданное 1906 годом, так развращает всех, в том числе даже и монархистов, что с ним нужно разделаться возможно быстро. Вот в чем этот мой ближайший интерес. Я теперь говорю о пересмотре решительно везде, и каждому, кто только согласен слушать...»[186].

Как видим, внимание Столыпина к работе Тихомирова было не случайным. Он сам, выступая со сходных позиций и подготавливая третьеиюньский переворот, видел в Тихомирове не только своего сторонника, но и одного из крупнейших консервативных теоретиков, пишущего по проблемам российской государственности. Повышенный интерес Столыпина вызвали предложения Тихомирова по социально-экономической проблематике, и особенно по разрешению остро стоящего в стране рабочего вопроса. Внимание премьера к Тихомирову во многом привлекали работы последнего, посвященные рабочей проблематике, а также аналитические работы, затрагивающие выяснение причин участия рабочих в событиях революции 1905 г.

Публикации по рабочему вопросу создали Тихомирову в консервативном лагере репутацию знатока данной проблемы. Большое место в публицистике Льва Александровича после подавления первой русской революции занимал и анализ причин, ее вызвавших, и роль различных слоев общества в ней. Изучая уроки революции, Тихомиров издал в 1906 г. цикл очерков, объединенных впоследствии в брошюры «Гражданин и пролетарий», «Заслуги и ошибки социализма», «Плоды пролетарской идеи». В них он в который уже раз доказывал гибельность для государственного строя России реализации на практике пролетарской и социалистической идеи. Оценивая российские политические забастовки 1904—1905 гг., публицист обращал внимание на то, что под этим названием развернулось самое что ни на есть анархическое насилие в рамках влияния все той же пролетарской идеи. Объяснение этому находилось им в невыработанности рабочих как сословия. Непосредственную роль в изоляции социалистов и отрыве их от рабочих должна была, по его мыс-

---

[181] *Тихомиров Л.А.* Апология веры и монархии. С. 166.

[182] Там же. С. 167.

[183] Там же.

[184] Б.В. Никольский в мае 1899 защитил магистерскую диссертацию по римскому праву «Система и текст XII таблиц». С октября 1899 приват-доцент гражданского права (вне штата), с 1900 читал курсы по праву в Петербургском университете, в Училище правоведения и на Высших женских курсах. С 1900 приват-доцент по кафедре русской словесности на историко-филологическом факультете Петербургского университета, в 1901 — 1902 читал в университете факультативные курсы. См.: *Стогов Д.И.* Никольский Борис Владимирович // Русский консерватизм середины XVIII — начала XX века: энциклопедия. С. 313.

[185] ГА РФ. Ф. 588. Оп. 1. Д. 781. Л. 1—1 об.

[186] Там же. Л. 3 об.

ли, играть правильная правительственная экономическая, но главное социальная политика. Причем Тихомиров не только критиковал правительство за невнятность проводимого им социального курса, но и предлагал пути выхода из сложившейся ситуации. В том числе и на основе учета и исправления тех негативных явлений в существующей социально-сословной политике России, на которые обращала внимание социалистическая пропаганда. Прекрасный аналитик, глубоко постигнувший суть вопроса, он не столько критиковал социалистов разных «мастей» за их антиправительственную деятельность, как это преимущественно делала вся проправительственная печать, сколько предлагал практически использовать, естественно, переработав и критически оценив, те наработки «левых», которые объективно указывали на негативные черты русского капитализма.

Таким образом, задолго до своих преемников, в числе которых были идеологи «третьего пути» 1920–1930-х годов и представители появившихся в период после 1945 года различных христианско-социальных и социал-реформистских партий с их идеями классового мира и «социального государства», Тихомиров предлагал властям не только бороться с социалистическим движением, но и одновременно с этим преодолевать негативные явления в социально-экономической сфере, укоренившиеся при капитализме, с тем, чтобы трудящиеся сословия видели в русском монархе союзника не только промышленно-предпринимательского сословия, но и защитника их собственных интересов[187].

Так, анализируя деятельность социалистов в рабочем движении, он отмечал: «Та историческая форма гражданского общества, которая ныне господствует в цивилизованном мире, есть *общественность буржуазная.* Она своими недостатками и злоупотреблениями создала социализм, который выдвинул много справедливого, как протест против буржуазного общества, и делается гибельной ошибкой лишь с того пункта, на котором превращается в протест против самой идеи гражданского общества вообще»[188]. Критика плутократической политики государства, длительное время игнорировавшего насущные потребности трудящегося населения, велась Тихомировым с позиций, очень близких к идеям будущих социал-реформистских партий Западной Европы. В своих работах Тихомиров неоднократно призывал учесть опыт социалистической критики негативных явлений, имеющих место и в современной социальной политике капиталистических государств, конечно, в первую очередь имея в виду Россию. Он предупреждал: «Когда социализм указывает современному капиталистическому обществу, хотя бы даже и с преувеличениями, на эту массу ничем не обеспеченной нищеты, нравственное чувство человека не может не отзываться полным сочувствием к этому укору, и положительную заслугу социализма составляет то обстоятельство, что он целое столетие неустанно пробуждал в этом отношении общественную совесть. Но его заслуга более значительна: он совершенно прав, взывая в этом случае не к простой филантропии, а утверждая, что общество *обязано* принять меры к изменению такого положения»[189]. Однако, пожалуй, главная заслуга социализма им усматривалась в том, что социализм давал указания «на общественную полезность увеличения доли рабочего в богатстве нации»[190]. Он призывал взять из идей социализма здоровое начало при полном отказе от главной разрушительной идеи — «уничтожения личной

[187] Например, Роман Лебедев полагает, что Тихомиров, «выделяя плюсы социализма для жизни нации и не отрицая экономических требований этого учения в деле обеспечения социальной справедливости, определяет наброски идеи национального социализма (национал-социализма) в структуре монархической идеологии. Взгляд Л.А. Тихомирова на природу национального социализма совпадает с идеей национал-социализма идеологии фашизма» // *Лебедев Р.* Русский монархизм и идеология фашизма на примере взглядов Л.А. Тихомирова. К., 2002. С. 15. «Отцом русского фашизма» называл Тихомирова и В.А. Маевский. Попытки найти протофашистов в консервативно-монархической среде дореволюционной России были характерны и для «правой» части русской эмиграции. Например: «Петр Аркадьевич Столыпин был своеобразный, даже гениальнее современного Бенито Муссолини» // *Горячкин Ф.Т.* Первый русский фашист Петр Аркадьевич Столыпин. С. 60–61. Фигура бывшего премьера была весьма популярна среди «русских фашистов». А в Высшей партийной школе, функционирующей в Харбине для подготовки кадров «будущих строителей Русского фашистского здания», высшей ступенью являлась «Фашистская академия имени П.А. Столыпина» // *Базанов П.Н., Кремнев С.С., Кузнецова Т.В., Шомракова И.А.* Издательства и издательские организации русской эмиграции 1917–2003 г. Энциклопедический справочник. СПб., 2005. С. 235.

[188] *Тихомиров Л.А.* Критика демократии. С. 268.

[189] Там же. С. 272.

[190] Там же. С. 273.

собственности» и всеобщего обобществления. Поэтому «*задача разумной реформы современного общества состоит в том, чтобы, отвергши фантазии социализма, искать средств действия в самих основах гражданского общества.* Такова должна быть также задача и самих рабочих, и их разумных и искренних друзей»[191], то есть главная цель состоит в проведении разумной социальной реформы.

Свои мысли о возможной альтернативе разрушительным социалистическим идеям в более справедливой социальной политике государства Тихомиров продолжал пропагандировать и на публичных чтениях перед представителями «Русского собрания» и духовенства, состоявшихся 19 и 26 февраля 1907 г. в Епархиальном доме. Выступления его в 1907 году вышли отдельной брошюрой под заголовком «Социализм в государственном и общественном отношении». Он не уставал подчеркивать, что «государство за последние пять-шесть десятилетий своей экономической политикой и рабочим законодательством служит живым опровержением возводимых социалистической теорией клевет против него. А между тем роль государства по устроению экономических отношений только началась, и ей еще предстоит широкая будущность»[192]. В качестве примера он ссылался на опыт постановки рабочего вопроса в Англии, где для рабочего идея социализма уже осталась в прошлом.

Обращая внимание на специфику России по сравнению с Западной Европой, он указывал, что и у нас государство, проводя разумную социально-экономическую политику с тем, чтобы искоренить социалистические идеи из рабочей среды, должно было искать средства действия в самих основах общества, не принижая гражданских прав ни одного из его членов. Для этого, по мнению Тихомирова, нужно, чтобы «действовали *общественные организации.* Их самодеятельность совершенно необходима, ибо нельзя помочь тем людям, которые сами о себе не заботятся. Поэтому нам нужно развитие вообще внутренней народной организации, а в частности рабочих организаций, не для войны, не для революций, не для того, чтобы создать себе какого-нибудь социалистического повелителя, а для того, чтобы самостоятельно улучшать свою жизнь во всякое время и на каждом месте и во всех отношениях, какие оказываются нужными. Без такой самодеятельности народных организаций невозможно ни умственное развитие народа, ни его благосостояние, ни установка каких-либо разумных мер к помощи ему сверху»[193]. Тем самым он в который уже раз высказывался за широкое развитие диверсифицированной народной организации, в первую очередь рабочей, и не для подготовки революций, а для самостоятельного улучшения жизни на законом предусмотренных основаниях. Главную роль в реализации этих начинаний, естественно, должно было играть государство. Тихомиров не уставал подчеркивать, что «нам требуется не переворот, не разрушение, а, напротив, только *оживление* нашей общественности. Когда люди твердо вступят на этот путь, это будет окончанием той революции, которую мир пережил в XVIII и XIX веках, сначала впавши в формы одностороннего индивидуализма, а потом — в формы столь же одностороннего социализма. Это было бы началом действительно *новой эры,* новой не в смысле создания новых, небывалых основ общественности, а в смысле сознательного применения вечных законов общественности к нашим современным условиям. Индивидуализм и коллективизм имеют одинаково законное место в нашей жизни и без всеобщего вреда не могут подрывать друг друга. Истинный девиз общественного развития составляют не индивидуализм, выдвинутый буржуазией, и не коллективизм, выдвинутый социалистами, *а солидарность,* в которой неразрывно и дружно соединяются и свобода личности, и объединение человеческих усилий. Когда люди поймут это, они поймут, что истинный путь к общественному благу составляет не революция, а мирное развитие — *эволюция*»[194]. Такова квинтэссенция воззрений Тихомирова на проведение социальной политики в тот период времени, содержащаяся в попытке, пусть и во многом интуитивной, отыскания альтернативы развития России через идеи солидаризма, которые могли быть реализованы в рамках четко организованных и структуриро-

[191] *Тихомиров Л.А.* Критика демократии. С. 282.
[192] Там же. С. 323.
[193] Там же. С. 347.
[194] Там же. С. 348.

ванных сословных групп и под эгидой самодержавного монарха, ограничиваемого только своим этическим идеалом.

Мысли, высказанные в статьях и брошюрах Тихомирова, во многом совпадали с точкой зрения Столыпина. Приватная встреча, состоявшаяся между ними в Петербурге 21 августа 1907 г., только усилила взаимные симпатии. «Столыпин Петр Аркадьевич был *очень* любезен и дружественен. Он прекрасно изучил брошюру («О недостатках конституции 1906 года» — *авт.*). Говорили обо всем на свете. Оставил ему записку "О способах улучшения наших законов"», — фиксирует Тихомиров в дневнике 23 августа[195].

По возвращении в Москву он отправляет Столыпину в качестве подарка свою книгу «Монархическая государственность» с приложением письма о статьях 11 и 87 конституции[196]. Далее события развиваются стремительно. В письме от 29 августа (получено 31 августа) Столыпин пригласил Тихомирова в Петербург, предложив место, правда, пока вне штата, в Главном управлении по делам печати, с окладом в 6 тысяч рублей в год, но Тихомиров все еще колебался, поделившись со Столыпиным своими сомнениями. Премьер попытался честно объяснить ситуацию:

«Многоуважаемый Лев Александрович!

Вполне понимаю ваши сомнения и спешу вам ответить.

Прочность, особенно в теперешнее время, вещь относительная. И я не скрываю, что прочность того положения, которое я для вас создаю, находится в зависимости от моей прочности: если я буду убит или заменен другим лицом, то вы окажетесь в зависимости от нового лица, стоящего у руля.

Но ведь положение всякого лица, состоящего на государственной службе, однородно.

Конечно, штатное место члена Совета Главного управления по делам печати (о чем я сначала думал) было бы прочнее, но такое назначение *сразу* наделало бы страшного шума, да и содержание членов Совета 4 тысячи рублей.

Поэтому я придумал предложить вам сначала причисление, с тем, чтобы через несколько времени назначить вас членом Совета, оставив вам получение 6 тысяч.

Что касается ваших вопросов, то 1) на устройство и ликвидацию дел я мог бы дать вам от 6 недель до 2 месяцев.

2) Если ваш патрон попросит подождать, то я готов и ждать.

3) Скрывать от него, что место вам предлагаю я, нет надобности, лишь бы он об этом не болтал.

Затем, должен вас предупредить, что я предполагал воспользоваться вами для разработки отдельных вопросов, так что служба вас не заест и у вас останется время для литературного труда.

Искренно вас уважающий *П. Столыпин*»[197].

Несомненно, Столыпин рассчитывал и на недюжинный литературный дар Тихомирова, рекомендуя не оставлять «крайне полезной» публицистической деятельности. Внимание премьера в первую очередь было продиктовано его стремлением заполучить Тихомирова в качестве эксперта по рабочей политике, тем более, что публицистическая деятельность его давала к тому все основания. Однако, даже в такой момент, когда, казалось, все налаживается, на страницы дневника опять выплескиваются тихомировский пессимизм и мизантропия.

24 сентября 1907 года он записал: «Страшное и беспримерное царствование: *никогда* и, вероятно, *нигде* за столь краткое время не было разрушено *все*: власть, вера, совесть, честь, достоинство, даже простое самолюбие. Я бы не поверил прежде, что в состоянии буду пережить падение и поругание всей святыни, всего дорогого, чем жил. И что же? Помучился, помучился и *пережил* <...> И живу —

[195] Из дневника Л.А. Тихомирова // Красный архив. 1933. Т. 6. С. 113.
[196] Там же. С. 114.
[197] Там же. С. 126.

страшно сказать — *ни на что не надеясь, зная*, что погибла родина, погиб мой народ, моя церковь, мои политические идеалы <...> И *живу*! Странно самому. Или это бессознательное действие русского "отсиживания", "авось", "небось"? Я когда-то сидел в крепости, и тогда тоже все как-будто замерло на душе, но тогда у меня жила до конца злоба, ненависть <...> Теперь же — одно универсальное презрение <...> Интересно знать: воскрес ли бы я душой *теперь*, если бы откуда-нибудь явилась, как тогда, возможность действия?»[198].

Историк Ю.Б. Соловьев верно отметил, что рисуемая Тихомировым в его дневнике картина «выдержана прямо-таки в апокалипсических тонах с разверзшейся под ногами бездной»[199]. Л.В. Селезнева в рецензии на публикацию дневника Тихомирова замечает, что «предчувствие конца России и собственного конца определяет господствующий пессимистически-угнетающий тон дневника, что делает его не самым простым документом для читателя»[200].

Философ А.Ф. Лосев писал в аналогичном духе: «Самые правые идеологи реакции, как Победоносцев, Константин Леонтьев или Лев Тихомиров, оказывается, тоже пророчествовали о гибели старого мира. И, вероятно, многие из них в реакцию-то шли в значительной мере из-за отчаяния»[201]. Так оно и было; например 24 июля 1907 года в дневнике Тихомирова следует запись: «Это будущее меня давит, мучит <...> Нет ниоткуда помощи, ни искры надежды. Мысль о нем так ужасна, что я не могу выразить! ...Вообще моя судьба — злая насмешка. Все уверены, что я имею повсюду влияние, что правительство меня необычайно высоко ценит, что я получаю массу заработка. <...> Мерзавцы! Значит, они *думают*, что так *должно бы быть*, и ни один из них никогда, ни в чем не поможет, ни в чем не поддержит, а я — прямо погибаю в одиночестве, в страхе за будущее свое и семьи. Гнуснейшие твари эти люди»[202].

Предложение Столыпина было для Тихомирова той самой возможностью *реального* действия, о которой он мечтал, и Лев Александрович ответил на него согласием. Однако, планам переезда в столицу едва не помешало следующее обстоятельство. Совершенно неожиданно 28 сентября 1907 г. скончался редактор-издатель «Московских ведомостей» Грингмут.

Перед Тихомировым забрезжила реальная возможность получить в свои руки издание газеты. Наконец, могла сбыться его давнишняя мечта проводить через издание собственные идеи о переустройстве всего «государственного механизма». Соблазн был велик, и Столыпин понял бы его, выбери он газету, более того — помог бы получить аренду издания. И все же, после долгих размышлений, обращения к Богу он выбирает Петербург. Сказалась харизма Петра Аркадьевича — Тихомиров искренне поверил в его «политическую звезду» и рассчитывал в паре с ним реализовать на практике свои амбициозные проекты реорганизации самодержавной политики во всех ее ипостасях. В октябре 1907 семейство Тихомировых перебирается в «Северную пальмиру». Для Льва Александровича начинается совершенно новый, столичный период жизни, полный надежд и разочарований.

---

[198] Из дневника Л.А. Тихомирова // Красный архив. 1933. Т. 6. С. 118.

[199] *Соловьев Ю.Б.* Самодержавие и дворянство в 1907 — 1914 гг. С. 152. Интересна в этой связи характеристика, которую дал личности Тихомирова П.А. Флоренский, в целом относившийся к нему позитивно: «Лев Александрович Тихомиров, бывший редактор «Московских ведомостей». Не высокий, жилистый, сейчас седой. Красные глаза, стоящие гривой волосы. Гнев, не знающий границ, гордость, величественность. Когда расположен, то очень любезен и приветлив. Темперамент не допускающий препятствий себе. Резок, суров, но может быть и весьма любезным. Был революционером крайнего направления, и таким остался. Благороден, но в ярости не знает никаких границ. Умен, начитан, с большими интересами; но ум его острый и разрывающий материал как добычу, не особенно плодотворен: начинает всегда очень сильно, а потом всю деятельность разоряет, и никакого заключения нет—нет. С семейными резок, но семьянин вероятно хороший. Любит деньги, скупится, и сам же негодует на себя. Правдив и прям. Рассудочность и скептицизм, но не ослабляющий напора» // *Флоренский П.А.* <Словарь имен> // Сочинения. В 4 тт. Т. 3 (2) / Составление игумена *Андроника* (*А.С. Трубачева*), *П.В. Флоренского*, *М.С. Трубачевой*; редактор игумен *Андроник* (*А.С. Трубачев*). М., 1999. С. 346—347.

[200] *Селезнева Л.В.* [Рецензия]. С. 287.

[201] *Лосев А.Ф.* Гибель буржуазной культуры и ее философия // Россия и Европа: Опыт соборного анализа. М., 1992. С. 297—298.

[202] Из дневника Л.А. Тихомирова // Красный архив. 1933. Т. 6. С. 112.

Глава XI

ПЕТЕРБУРГСКИЙ ПЕРИОД (КОНЕЦ 1907–1908)

> Чем больше я изучаю и ближе наблюдаю наши общественные и правящие круги и администрацию, тем более убеждаюсь в их политической малосознательности, а отсюда происходит своеобразность буффонального патриотизма — у одних и отсутствие его — у большинства, хотя и мыслящих себя монархистами... Наши правящие круги и все вообще... застряли на начатках своей политической веры. Спросите самого правоверного монархиста: почему он монархист и в чем его политическая вера? Кроме стереотипных славянских лозунгов "за Самодержавие, Православие и русскую народность", он ничего другого не сумеет сказать, определить и доказать.
>
> *Л.А. Тихомиров*[1].

Первоначально Тихомиров связывал с переездом в Петербург большие надежды. 22 октября он писал в дневнике по этому поводу: «Выходит, что совесть указывала мне *покинуть* "Московские ведомости" и не пытаться брать ни редакторства, ни аренды, по крайней мере, теперь, пока "монархическая партия" не отвыкла считать эту газету своей собственностью. Между тем Столыпин, *зная* мои взгляды, предложил мне службу, чтобы помогать ему. Я же считаю, что теперь помогаю правительству вырваться на более правильную дорогу — это значит едва ли не более, чем просвещать общественное мнение <...> Сверх того, Столыпин обещал мне помочь в получении независимого материального положения (на службе), что увеличило бы мою способность действия <...> Таким образом все соображения разума и совести влекли меня к этому перелому. И вот теперь перед мною стоит грозный и таинственный вопрос: что такое П.А. Столыпин? Обманет, или не обманет? Если обманет, я пропал... Страшный вопрос»[2].

Но и попасть в Петербург, даже с подачи Столыпина, еще не значило «покорить» столицу! Слабо разбирающийся в закулисных интригах, находясь под впечатлением идеализированного образа императора, который у него сложился под впечатлением визита последнего в Москву в 1903 г., а также благожелательного отзыва Николая II о книге «Монархическая государственность», Тихомиров навсегда остался для большой политики Петербурга чужаком и наивным «фантазером». Но он поймет это много позже и будет горько разочарован. Чиновничья служба и хорошее жалование, о которых он, как о сокровенной мечте, писал накануне возвращения в Россию Новиковой, окажутся в реальности не таким легким способом добывания «хлеба насущного», как это виделось из «французского далека».

Осенью 1907 г. Тихомиров был преисполнен честолюбивых планов, сразу же активно включившись в работу Русского собрания с лекциями и выступлениями, тем самым как бы расширяя

---

[1] Цит. по: *Маевский В.А.* Революционер-монархист. С. 71–72.

[2] Из дневника Л.А. Тихомирова // Красный архив. 1933. Т. 6. С. 121–122.

те рамки своих обязанностей, в которые пытался заключить его Столыпин. Тем более, что, по собственным словам Льва Александровича, «оба мои начальники не очень-то гонят в работу, так что мне пока приходится самому "идти вперед". И это необходимо, потому что, раз я уже впутался в такой переворот всей своей жизни, нужно приложить все старания, чтобы добиться хоть маломальски *прочного* служебного положения. Только перестав висеть на воздухе, только став чем-нибудь более определенным, чем "*причисленный к министерству внутренних дел, откомандированный для занятий в главном управлении по делам печати*" (название-то какое — вроде "Петр Савелий Неуважай Корыто"), могу я заняться снова каким-нибудь полезным делом»[3].

Лекции, преимущественно читаемые Тихомировым в стенах Русского собрания, являлись логическим продолжением его критических статей против манифестов, изданных правительством Витте под давлением революционных событий и навязывавших, по мнению Тихомирова, России западные формы представительных учреждений. Естественным образом в этих выступлениях затрагивались и проблемы социальной организации общества. Только теперь в увязке с идеями народного представительства под эгидой надклассовой монархии. Эти же мысли были развиты Тихомировым и в брошюре «Самодержавие и народное представительство», увидевшей свет в конце 1907 г. Он подчеркивал саму ошибочность подхода тех представителей консервативного лагеря, которые полагали несовместимыми самодержавную власть и народное представительство при ней. Он думал, что это два взаимодополняющих начала и оба они тесно связаны с сословной организацией общества, так как всякая Верховная власть, в том числе и монархия, должна иметь представление о нуждах народных, а это достигается учреждением народного представительства. В таком представительстве он находил «единственное средство предотвратить порчу и вырождение даже самих бюрократических учреждений»[4].

Народное представительство, по мнению Тихомирова, не должно состоять в непременном выражении Верховной власти народа, как в западных демократиях. Его главная цель в том, чтобы народ через своих представителей присутствовал в государственных учреждениях. Т.е. народное представительство только *дополняет* царское самодержавие, а при этом вся Верховная власть, самодержавная и неограниченная, должна по-прежнему принадлежать императору, управляющему через посредство своих государственных учреждений, либо, в случае чрезвычайной необходимости, самолично, в порядке верховного управления. Что же касается народно-представительных учреждений, то по существу они являются лишь органами царско-народного совещания. Данные учреждения могут созываться на небольшой срок по требованию Верховной власти (монарха), а в случае острой необходимости могут действовать постоянно. Поэтому Тихомиров предлагал правительству коренным образом преобразовать нынешнюю Государственную думу, взяв за основу его идею о проведении социально-сословных выборов в нее с наказами от каждой сословной группы. Основным критерием для участия в работе избранной таким образом «Народной думы» являлись бы разумность и добропорядочность[5].

Предлагая подобное, он исходил из формулы, выдвинутой еще Катковым: «Права даются человеку для исполнения обязанностей», и предполагал все русское население поставить в привилегированное положение, наделив не только личными, но и политическими правами, а «те народности Империи, которые по характеру своему и историческим традициям не способны поддерживать чуждую им национальную русскую государственность, суть только *подданные* и получают только *личные права*, необходимые для исполнения обязанностей честной и добропорядочной жизни всякого человеческого существа. Политических же прав государство им не дает»[6]. Лишь отдельные представители из инородцев и только за особые заслуги перед Российской империей могли рассчитывать на получение политических прав. По-видимому, термин «политические обязанности» Тихомиров считал возможным использовать только применительно к оформившимся сословным группам. Рассуждая

[3] Из дневника Льва Тихомирова (Период столыпинщины) // Красный архив. 1935. Т. 5. С. 124.
[4] *Тихомиров Л.А.* Апология веры и монархии. С. 136.
[5] Там же. С. 139.
[6] Там же. С. 137.

далее о политических правах, автор указывал на то, что «политические права, в принципе равные и одинаковые, в практическом осуществлении сообразуются с пригодностью гражданина к исполнению возлагаемых на него законом обязанностей»[7]. Тихомиров приходит к выводу о том, что «различного рода политические права даруются под условием того или иного ценза — образовательного, нравственного, сословного или имущественного, каковой ценз устанавливается для различного рода обязанностей в соответственных для того формах»[8].

Учреждение, которое он назвал Народной думой, должно было «состоять исключительно из выборного народного представительства, охватывающего все группы и разряды народа, имеющего права граждан Империи»[9], а «народные представители должны являться непременно от совершенно определенных групп населения, получать от них наказы и находиться, в течение заседаний, в непрерывных сношениях с избирателями»[10]. Сбор Народной думы планировался им раз в 3 года на одну сессию в 3—4 месяца. В случае чрезвычайной ситуации в государстве император мог созвать Земский собор — соединение всех государственно-национальных сил страны. В составе: Законодательного совета; высшей исполнительной власти (министерств); высшей царской власти; высшей судебной власти (Сенат); высших воинских чинов; Народной думы; специально вызванных государем или самим Земским собором особых представителей от сословий и частных лиц, известных высокими заслугами перед Отечеством. «Это единение государственно-национальных сил — Земский собор — есть высший, чрезвычайный орган царско-народного совещания», — заключал Тихомиров[11].

Брошюра имела некоторый успех и в консервативных кругах Петербурга. Из дневника Тихомирова следует, что на нее обратил внимание сам государь, на которого, по словам епископа Серафима Чичагова, она произвела сильное впечатление. Сочинения Тихомирова активно распространялись среди «правых» и в Государственной думе, но дальше кулуарного обсуждения дело не пошло. Переживавшая затяжной политический кризис Империя, на национальных окраинах которой также было неспокойно, не могла позволить себе подобного рода социальных экспериментов — это отчетливо понимал и Столыпин.

Столь сложная, а по отношению к сложившемуся историческому моменту утопичная и взрывоопасная политическая конструкция, в случае реализации на практике не имевшая никаких реальных полномочий, мало кого могла заинтересовать, и уж тем более Столыпина. Последний, в целом не мешая публицистической деятельности Тихомирова, все же в первую очередь обращался к нему не по вопросам государственного строительства, а как к специалисту по выработке наиболее рациональной рабочей политики. Такое узкоспециализированное использование, конечно, ущемляло честолюбие Тихомирова, хотевшего больше влиять на политику.

24 октября 1907 Тихомиров был принят Столыпиным, показавшим ему целую «кипу» бумаг «по профессиональной организации рабочих»[12]. Тихомиров сделал разбор материала в ряде записок, а также в серии брошюр. Первое и наиболее интересное письмо Тихомирова Столыпину датировано 31 октября 1907 г. Поводом послужила серия статей, напечатанных в газете «Россия», посвященных западноевропейскому рабочему движению[13] и посланных Петром Аркадьевичем Тихомирову для изучения. Письмо содержало детальную экспертную оценку современной рабочей политики в европейских государствах. Оценивая публикации в «России», он отмечал, что в общем виде они дают правильную статистику рабочего движения, хотя и не без пропусков. В качестве «пропусков» Тихомиров указал на то, что не освещено движение французских «желтых» рабочих организаций. Отметим, что изучением данного вопроса он занимался на страницах «Московских ведомостей» еще

---

[7] *Тихомиров Л.А.* Апология веры и монархии. С. 137.

[8] Там же.

[9] Там же. С. 139.

[10] Там же. С. 140.

[11] Там же. С. 142.

[12] Из дневника Льва Тихомирова (Период столыпинщины) // Красный архив. 1935. Т. 5. С. 124.

[13] Указанные статьи печатались в газете «Россия» с 10 июля по 12 октября 1907 года под общим названием «Профессиональные союзы и политическая борьба». Всего было опубликовано 59 статей.

в предреволюционные годы[14]. По мнению Тихомирова, германские христианские союзы рабочих также оказались оставлены без должного внимания. Но главным недостатком вышеприведенных статей он считал слабость выводов и даже «отсутствие всяких выводов и даже отсутствие всякой определенной точки зрения для оценки рабочего социального движения. Автор его только боится (что отчасти правильно), но что с ним делать — колеблется»[15]. Основываясь на анализе материала, он предлагал свой подход к устроению рабочих организаций. Базисным его тезисом являлась недопустимость только негативного подхода к рабочему вопросу. «В политике и общественной жизни, — указывал Тихомиров, — все опасно <...> понятно, что бывает и может быть опасна и рабочая организация. Но разве не опасны были организации дворянская, крестьянская и всякие другие?.. Вопрос об опасности организации для меня ничего не решает. Вопрос может быть лишь в том: вызывается ли организация потребностями жизни? Если да, то, значит, ее нужно вести, так как, если ее не будут вести власть и закон, то поведут другие — противники власти и закона. Если государственная власть не исполняет того, что вызывается потребностями жизни, она <...> за это наказывается революционным движением»[16]. «Вывод отсюда тот, что наше государство в настоящее время должно ввести в круг своей мысли и заботы организацию рабочих. Все сложности и опасности этого дела должны быть приняты во внимание, но никоим образом не могут остановить исполнения долга государства перед этим громадным слоем населения»[17].

Для Тихомирова вопрос о жизненности рабочего вопроса являлся очевидным, следовательно, и государство должно было ввести в круг своей заботы организацию рабочих. Указывая на объективные трудности в организации рабочего сословия в России, по сравнению с Англией и Германией, он считал это все-таки возможным. Главное в успешной реализации подобного начинания состояло, по его мнению, в том, чтобы проводимые мероприятия соответствовали местным условиям. Важным обстоятельством, на которое он обращал внимание Столыпина, было то, что при решении поставленной задачи ни одного социального вопроса нельзя решить на должном уровне без хорошей общей политики. На этот свой вывод он особенно упирал, заявляя, что без прочного, соответствующего русским условиям государственного строя мы не можем иметь твердой политики. А при политике шаткой, колеблющейся, ни одного социального вопроса провести нельзя, особенно такого сложного, как рабочий. «Я не верю в успешность никаких мер частных, пока у нас не будет ясной и твердой государственной власти, не подлежащей никаким перетолкованиям»[18]. Только тогда, по мысли Тихомирова, «русский народ всех слоев и классов может прийти к решению и стремлению спокойно и разумно устраивать <...> свои частные дела и интересы»[19]. Эти строки напрямую перекликаются с дневниковой записью Тихомирова, оставленной сразу после его приезда в Петербург, в которой еще раз четко прослеживалось его желание активнее влиять на общественно-политическую жизнь страны и помочь России выйти на «правильный путь» государственной жизни.

Внимание, уделяемое Столыпиным рабочему вопросу, лишний раз убеждало Тихомирова в том, что именно в данном направлении его деятельность способна принести наибольший успех и тем самым серьезно повлиять на формирование всего внутриполитического курса государства. Он начинает углубленно заниматься изучением огромного пласта литературы по рабочему вопросу – от марксистов и решений Лондонского съезда РСДРП до литературы о забастовочном движении, третейских судах, рабочих кооперативах, положении рабочего класса в Великобритании, США, Германии, Франции и даже Австралии. Тихомиров активно контактирует с Столыпиным, пытаясь добиться реализации своих идей по разрешению рабочего вопроса. Вместе с письмом от 31 октября Лев Александрович посылает премьеру и свои написанные ранее работы, в той или иной мере затрагивающие положение рабочего сословия.

---

[14] См.: *Тихомиров Л.А.* «Желтая» рабочая партия // Московские ведомости. 1902. № 85; *Он же.* «Красное» и «Желтое» во Франции // Московские ведомости. 1903. № 28.

[15] Здесь и далее цит. по: *Аврех А.Я.* П.А. Столыпин и судьбы реформ в России. С. 114.

[16] Там же.

[17] Там же.

[18] Там же. С. 115.

[19] Там же.

В газете «Россия» Тихомиров опубликовал ряд довольно серьезных статей, напрямую связанных с рабочей проблематикой. Так, очень интересна в этом ряду его статья «Действительные размеры забастовок 1905 года». В ней подробно анализировалась социально-экономическая ситуация, сложившаяся в стране после разрушительных событий 1905 г., и содержались предложения по реорганизации социальной политики, нашедшие в дальнейшем место в его записках на имя Столыпина. Впрочем, многое из написанного в статье в общих чертах повторяло его идеи по устроению рабочего сословия, высказанные им ранее, в статьях за 1905—1906 гг.[20]

В той же «России» он поместил серию статей, вышедших в 1908 г. отдельной брошюрой под заголовком «Рабочие и государство». Публицист развивал тезис о попечительской роли государства в решении рабочего вопроса. В этом плане он не забывал постоянно проводить мысль, что «в те моменты, когда государство забывает свою "надклассовую" обязанность, рабочие и поддаются пропаганде социалистов»[21]. Значительное место в брошюре уделялось определению роли государства как организатора всей социально-политической жизни общества. По мнению Тихомирова, «государство не создает общества и не порабощает его, а только регулирует действие тех разнообразных сил, которые в нем возникают самостоятельно»[22]. В таком случае явное преимущество перед государством парламентским могло иметь государство, основанное на единоличной самодержавной власти. Однако, развивая эту мысль дальше, Тихомиров выходил за рамки только социально-экономических обобщений. Он ставил вопрос о роли государства в новых социально-политических условиях, имея в виду ту ситуацию, когда самодержавная государственная власть должна будет делегировать часть полномочий верховной власти народному представительству в лице Государственной думы. Тихомиров полагал, что «государству, возвращающемуся к социальным обязанностям, необходимо *социальное*, а не *общегражданское* представительство, и достойно внимания, что к нему прокладывает путь то же рабочее движение, которое выдвинуло на вид социальные задачи государства... самый характер социального положения таков, что, повинуясь инстинкту, рабочие представители постоянно нарушают современную идею представительства и воскрешают идею сословную»[23]. Как видим, в публикациях петербургского периода жизни Тихомиров тоже активно пытался обращать внимание представителей высших слоев власти на необходимость тотальных общественно-политических преобразований, и «первой ласточкой» в этом случае должно было стать устроение на справедливых основаниях рабочего сословия.

В дальнейшем его рекомендации по этому поводу обрели уже более четкую практическую форму в ряде записок, написанных для Столыпина. В конце 1907 года чиновники особых поручений Дьяченко и М.И. Блажчук, прикомандированные к Департаменту полиции, приступили к сбору материалов о существующих профсоюзах и подготовке законопроекта об обществах и союзах[24]. В результате Блажчуком была составлена объемная записка «О профессиональном движении в империи». В его задачу входили обобщение и анализ данных о развитии профсоюзного движения в России на основе «Временных правил» от 4 марта 1906 года и выработка соображений о необходимых изменениях при создании постоянного закона об обществах и союзах. Этот доклад и представленный готовый законопроект стали, по просьбе Столыпина, объектом детального анализа Тихомирова. Он «готовит для Столыпина "Доклад относительно заявления о запросе по поводу преследования профессиональных союзов рабочих" и различные документы и характеристики отношений социал-демократов и профессиональных союзов, подборку материалов о профсоюзах Запада. Для Столыпина им была составлена записка о недостатках закона 4 марта»[25].

Свои замечания и дополнения Тихомиров привел в документе «Об отношении к профессиональному и революционному движениям». Записка Блажчука, по его мнению, заслуживала троякой

[20] См.: *Тихомиров Л.А.* Действительные размеры забастовок 1905 года // Россия. 1907. № 788.

[21] *Тихомиров Л.А.* Апология веры и монархии. С. 352.

[22] Там же. С. 352.

[23] Там же. С. 360.

[24] *Перегудова З.И.* Политический сыск России (1880—1917 гг.). С. 310.

[25] Там же.

оценки: 1) все, обрисовывающее грозную опасность, представляемую обществами в руках революционеров, заслуживает величайшего внимания; 2) критика закона 4 марта 1906 г. содержит некоторые очень ценные указания, но в общей целостности способна вызвать и возражения; 3) сам «Проект» нового закона следует признать совершенно неприемлемым, за исключением некоторых частностей. Во многом соглашаясь с автором записки, Тихомиров тем не менее критиковал проект за попытку слишком решительного изменения «мягких правил» от 4 марта 1906 г. Коренным недостатком законопроекта он считал то, что Блажчук предлагал «закон об общественных нуждах, руководствуясь только полицейскими соображениями»[26]. «Неудобства» проекта таковы, что его будет «невозможно провести ни через Государственную думу, ни через Государственный совет», — заключал Тихомиров[27]. Он детально по главам разбирал недостатки этого документа. Например, 1-я статья устанавливала минимум в 30 человек, дающий право просить об основании общества. 5-я статья требовала полицейское свидетельство о неподсудности и неприверженности к делам политического характера. «Такое ограничение, — полагал Тихомиров, — было бы равносильно запрещению, быть может, не одной сотне тысяч лиц быть членами обществ»[28]. Достаточно только привлечь любого человека по политическому обвинению, чтобы лишить права быть членом общества. Особенно не нравились Тихомирову 9-я и 10-я статьи. Относительно 9-й, ограничивавшей деятельность общества пределами города, в котором оно основано, а вне городов вообще не позволявшей создания обществ, кроме профессиональных, он отмечал, что «принятие этой статьи означало бы лишение права вступать в общество 9/10 населения России». Статья 10 воспрещала обществам устройство библиотек, чтений, курсов, спектаклей, экскурсий, концертов, базаров, сбор пожертвований. «Это нечто неслыханное», — возмущался он[29].

Оценивая проект в деталях, Тихомиров отмечал не только его «полицейский характер», но и усматривал крупный недостаток в том, что он «всецело отдавал общества и союзы под власть Министерства внутренних дел». Третий недостаток виделся ему в требовании обязательного третейского суда для улаживания конфликтов между рабочими и предпринимателями, в то время как «вся суть и все достоинства третейского суда состоят в добровольности согласия сторон подчиняться его решению». И, наконец, четвертый крупный недостаток сводился к тому, что проект объединял, не различая, общества как таковые и профессиональные союзы. Такое смешение не годилось, так как профессиональное объединение носит не личный, а социальный характер и вызвано к жизни «условиями существования класса или сословия»[30].

Таким образом, Тихомиров полностью отметал чисто полицейский подход к решению рабочего вопроса. Взамен он предлагал свой взгляд на данную проблему. При этом он исходил из того, что об организации рабочих еще много лет назад никто не думал, кроме революционеров. Затем, когда разразилась революция, потребность вывести действия революционеров из нелегальности вызвала закон от 4 марта 1906 г. Теперь же, когда революционеры показали, что легальностью можно воспользоваться еще лучше, чем нелегальностью, возникают новые проекты с названием о «профсоюзных организациях» или «обществах», а в действительности — о способах борьбы с революционерами в среде рабочих. Свой неутешительный вывод он заключал словами о том, что «в отношении рабочей организации "директиву" дает революция»[31]. В таком подходе, по мнению Тихомирова, и состояла причина больших смут и переворотов. Профессиональное движение, считал он, по сути своей не только не революционное, но, напротив, антиреволюционное, но действия властей и вся социально-экономическая политика нынешнего царствования привели к тому, что революционеры черпают свои силы из среды профессиональных рабочих союзов. Выход Тихомиров усматривал в следующем: вместо создания новых полицейских законов, только обострявших ситуацию, создать

[26] Здесь и далее цит. по: *Аврех А.Я.* П.А. Столыпин и судьбы реформ в России. С. 116.
[27] Там же.
[28] Там же.
[29] Там же. С. 117.
[30] Цит. по: *Аврех А.Я.* Столыпин и третья Государственная Дума. С. 221.
[31] Здесь и далее цит. по: *Аврех А.Я.* П.А. Столыпин и судьбы реформ в России. С. 117.

в стране «*уверенность в невозможности насильственных переворотов для того, чтобы разумная часть рабочих могла сдерживать революционные порывы молодежи и неустойчивой части рабочих, направляя развитие всего класса по пути мирного развития*»[32]. Для этого насущной необходимостью становилось улучшение жизненного уровня рабочих, чего возможно добиться лишь через оживление промышленного развития, а оно в свою очередь могло произойти только после стабилизации и усмирения страны. Именно чрезвычайные меры в отношении отдельных революционных проявлений и «устранение основных источников, питающих поток революционного настроения, необходимы стране». Более конкретно, по мнению Тихомирова, это должно выразиться в изменении «Основных законов» 1906 г.

Такой акт, по мнению Тихомирова, необходим для того, чтобы выбить главное оружие у революции, а именно приписывание себе «инициативы всех преобразований». «Приписывание произведенных преобразований революционному натиску, — писал он, — порождает убеждение, что смелым бунтовским натиском можно сделать все»[33]. Таким образом, он считал необходимым подготовку контрпереворота с целью утвердить в народе следующую мысль: «*Все сделано волей верховной власти и ничего не может быть сделано волей революции*»[34].

В заключение им предлагалась очень смелая, хотя и едва ли реализуемая на практике мера. Он рекомендовал «*наделять крестьян землей* на местах путем широкого переселения, не тратя времени на формальности, в порядке верховного управления и опираясь на *местные* учреждения или специально созванное *крестьянское землевладельческое совещание в Царском Селе*»[35]. Отвергая в целом проект Блажчука, он предлагал свой под названием «Положение о рабочих обществах».

Свою записку Тихомиров предварял следующими словами: «Говоря о профсоюзном движении, все имеют в виду рабочий вопрос. И раз все думают именно так и только о рабочих думают, когда вырабатывают проекты профсоюзных обществ, и только рабочих опасаются, то необходимо заняться устроением всех категорий рабочих, разумея их как класс, как сословие в полном объеме его нужд и со всей сословной дисциплиной, исходя из того, что рабочие — это четвертое сословие, и законодательство должно быть рабочим, а не профсоюзным... Именно находясь на таком пути, государство могло бы бороться против социализма, как идея против идеи... Русское государство должно идти во главе народного устроения, из-за небрежения к этому можно потерять в народе всякий кредит»[36].

Указывая на всю сложность рабочего вопроса, он предлагал в проекте скорейшее создание рабочего законодательства и учреждений, способствовавших совместной работе центральной власти с народным организованным движением. Он намечал три важных пункта, на которых могло строиться организованное рабочее движение, для чего нужно создать:

1) особое «Положение о рабочих обществах и союзах», которое в будущем разовьется в положение о рабочем сословии;

2) особое учреждение, ведающее рабочим делом, сосредоточенное пока около рабочих обществ;

3) особый вспомогательный рабочий банк по вспомоществованию рабочим обществам кредитами.

Центральная идея проекта «Положения о рабочих обществах» конкретизировалась автором в четырех пунктах: «а) чтобы среди рабочей массы преобладающее влияние получили постоянные рабочие, как наиболее заинтересованные в процветании кормящей их промышленности; б) чтобы рабочие имели достаточные права для повышения уровня своей жизни; в) чтобы власть сохранила достаточно надзора и возможности своевременной репрессии; г) чтобы рабочие не приходили к вражде с другими классами, но по возможности направлялись на путь обоюдовыгодного мирного

---

[32] Здесь и далее цит. по: *Аврех А.Я.* П.А. Столыпин и судьбы реформ в России. С. 118.

[33] Там же.

[34] Там же.

[35] Там же. С. 119.

[36] Цит. по: *Аврех А.Я.* Столыпин и третья Государственная Дума. С. 223—224.

сожительства. Вопрос о специальном ведомстве по рабочим делам, по мысли Тихомирова, целесообразнее всего было решать созданием подобного при министерстве внутренних дел, а не торговли или промышленности»[37].

В целом проект Тихомирова оказался довольно объемным и детально разработанным, включал в себя 33 статьи. Так, 1-я статья целью рабочих обществ провозглашала «поддержание и улучшение добрых условий своего труда». 2-я и 3-я статьи указывали на способы достижения этой цели, а именно увеличение заработка, заключение коллективных договоров с предпринимателями, участие в выборах фабричных старост и организация совместно с предпринимателями третейских судов и других «учреждений для улажения недоразумений», устройство потребительских лавок, сберегательных касс, общественных квартир и домов и т.п., выдача пособий по безработице, на приданое, похороны и др., устройство библиотек, курсов чтений, «попечение о религиозно-нравственных нуждах своих членов»: приглашение проповедников, устройство домашних богослужений, паломнические поездки, организация вечеров, домашних спектаклей, прогулок, приобретение недвижимой собственности, как обществом в целом, так и отдельными его членами.

Следующий раздел был посвящен регламентации обязанностей рабочих сообществ. Так, 4-я статья «вменяла в обязанность» обществам следить, чтобы их деятельность «не угрожала общественной безопасности и не разрушала производительности промышленных предприятий и общего развития национального производства». 12-я статья гласила: «Воспрещаются рабочие общества, управляемые политическими партиями». 13-я статья содержала в себе идею разделения членов общества на действительных и временных, первыми могли быть только постоянные рабочие. Только постоянные рабочие могли являться членами правления общества, а при голосовании голос действительного члена должен был составлять минимум полтора голоса — об этом гласила 14-я статья. Заключительные главы содержали в себе пункты, руководствуясь которыми, правительство могло официальным порядком закрыть общества. Так, 32-я и 33-я статьи предусматривали порядок закрытия общества и наказания его членов в случае, если деятельность общества станет угрожать «общественной безопасности» или примет «явно безнравственное направление»[38].

Главное же, что отличало предложения Тихомирова и социальную практику правительства Столыпина, заключалось в том, что премьер вписывал решение рабочего вопроса в прокрустово ложе сложившейся «третьеиюньской» системы, а идеи «новой социальной организации» российского общества, и в первую очередь рабочих, выдвигаемые Тихомировым, были значительно шире и выходили за рамки возможностей сформировавшейся при Столыпине думской монархии. Поэтому-то во всех предлагаемых Тихомировым документах по разрешению рабочего вопроса у него сквозила прямая их увязка с полной реформой политических учреждений, сложившихся в стране после 1905 г. и придания им вида, характерного для истинной самодержавной монархии, что и делало его социальные проекты неприемлемыми для власти. Эти проекты подразумевали качественно иной подход, полностью отличный от той политической системы, которая сложилась в России после 1905 г., и вполне могли спровоцировать русское общество на новые беспорядки.

В целом, оценивая практические предложения Тихомирова по разрешению рабочего вопроса, обратим внимание на то, что основные положения его предложений уже высказывались им в статьях за 1905—1907 гг. и во многом являлись модернизацией его прошлых идей с поправкой на послереволюционную ситуацию. Тем не менее его достаточно реалистичные и взвешенные предложения, направленные на улучшение положения рабочих как сословия, оказались невостребованными, точнее — востребованными не полностью. И винить за это Столыпина, как иногда делал Тихомиров, нельзя. Не будем сбрасывать со счетов того факта, что премьер, несомненно, талантливый политик и управленец, по большинству позиций действовал, что называется, в «рамках возможного». Тихомиров же в своих оценках во многом оставался «политическим идеалистом», переоценившим роль, а главное — влияние Столыпина в царском окружении, и верящим, что сильная личность с положительной программой преобразований способна многого добиться у царя.

[37] Цит. по: *Аврех А.Я.* Столыпин и третья Государственная Дума. С. 224.
[38] Цит. по: *Аврех А.Я.* П.А. Столыпин и судьбы реформ в России. С. 121.

П.А. Столыпин

Характерен следующий эпизод. 2 декабря 1907 года во время приема у Столыпина Тихомиров, по его словам, произнес речь, суть которой сводилась к тому, что он хочет видеть в премьере национального *вождя*, который «должен сомкнуть около себя товарищей, проникнутых тем же новым духом, и сразу систематически двинуть работу возрождения России»[39]. В ответ Столыпин заметил, что «верит в Бога... имеет... "мистическую" уверенность, что Россия *воскреснет*. Он — русский, любит Россию кровно и живет для нее... *знает и уверен, что сделает то, что угодно допустить Богу*»[40].

Конечно, мы можем судить об этой беседе *только со слов самого Тихомирова*, в пересказе которого она выглядит несколько пафосной. Он и сам признается, что «изъяснялся долго, ясно до резкости» и Столыпин, перед тем как произнести ответную речь, «иногда отвечал, слушая все более внимательно»[41].

Слишком уж поверил Тихомиров в столыпинский гений. Но, в кого так сильно верят, от того и ждут оправдания надежд. А с этим было не все просто и поэтому неудивительно, что на страницах дневника в конце 1907 — начале 1908 года у Тихомирова часто сквозит недовольство политикой Столыпина, несмотря на высокую оценку последнего. «Столыпин, наоборот, *живой* человек, — писал он 18 апреля 1908 года, — с ним можно было многое сделать, *если бы он хотел*»[42]. При оценке эмоциональных и не всегда лестных для премьера дневниковых записей Тихомирова нельзя не учитывать то обстоятельство, что Тихомиров представлял собой тип глубоко, до мистицизма религиозного человека, склонного к провиденциализму. Несомненно, что совпадение его доклада, выхода в свет брошюры «О недостатках конституции 1906 года» и третьеиюньского переворота на некоторое время заставили его поверить в *особое* предназначение Столыпина и его самого.

Далекий от действительной жизни политической элиты столицы, Тихомиров своими субъективными взглядами на исторический процесс, на роль личности и насилия в нем в личных беседах с премьером требовал от него реализации преобразований всей политической системы России через волевое усилие, не считаясь с объективно сложившимися реалиями и обстоятельствами. Пребывая в убеждении, что страну спасет сильная личность при царе, Тихомиров уверовал, что эта роль предназначена Столыпину, и уже примерял на него личину Бисмарка, при этом не желая считаться с политическими реалиями момента. И поэтому-то он кажущуюся медлительность Столыпина приписывал его слабости и нежеланию что-либо радикально менять. Отсюда и подобные, впрочем, как оказалось, во многом провиденциальные сентенции: «По-моему, если Столыпин *не тот* человек, какого нужно иметь, то такого человека еще *совсем нет*, он еще *не пришел*. Ну а если он не приходит, то, значит, Россия осуждена или на долгие годы гниения, или на новую революцию. Гнев Божий, значит, не снят, а м.б., — кто ведает — Россия уже кончила свою роль, отпела свою песнь в истории» (запись от 16 декабря 1907 года)[43].

Следует обратить внимание на то обстоятельство, что еще с 1900-х годов Тихомиров начал заниматься серьезными теологическими исследованиями, в частности, толкованием Апокалипсиса. Он слыл одним из авторитетных экспертов в этом вопросе, причем комментирующим только для специалистов[44]. В 1907 г. его увлечение пророчествами Апокалипсиса нашло свое выражение в исследовании «Апокалипсическое учение о судьбах и конце мира» («Миссионерское обозрение», 1907, № 1; «Христианин», 1907, № 9), а чуть позднее оно было издано отдельной брошюрой. В

[39] Из дневника Льва Тихомирова (Период столыпинщины) // Красный архив. 1935. Т. 5. С. 126.
[40] Там же. С. 127.
[41] Там же.
[42] Там же. С. 146.
[43] Там же. С. 130.
[44] *Белый А.* Начало века. С. 159.

этом теологическом сочинении автор предлагал свою систему чтения и толкования Апокалипсиса. Опираясь на разработанную им систему, Тихомиров, исходя из апокалипсического учения о семи церквях, развивал идею о том, что в нем рассматриваются семь эпох христианской истории. Углубляя этот тезис, он приходил к выводу, что «наше время должно быть отнесено к пятой эпохе. *Пятый период — Сардийской церкви* — принадлежит вообще к печальным»[45]. Дело в том, что «апокалиптическая характеристика этой эпохи как бы подставляет зеркало с отражением нашего псевдохристианского лика. "Знаю твои дела, — говорит Господь, — ты носишь имя, будто жив, но ты мертв". Действительно, весь мир теперь только носит имя христианского, но нигде противоположность между именем жизни "Святой Руси", "Православия" и т.д. и полной мертвенностью веры не поражает нас до такой степени, как в современной России»[46]. Пытался он проводить и другие аналогии, например, в отличие от трактовки К. Оберлена, выдвигал гипотезу, что в символе «Жены прелюбодейной» также просматривается образ России, изменившей Богу, ибо, по его мысли, «ни одна нация не сливала так своего гражданско-политического бытия с церковным, как Россия. Только древний Израиль представляет с нею в этом аналогию, ибо даже и Византия несла в себе наследство политического учреждения — Древнего Рима, а Россия, подобно Израилю, родилась вместе с обручением Господу. Если это печальное предположение верно, то и суд над великой любодейкой, и ее уничтожение царями, вассалами антихриста, — все это должно исторически быть относимо к судьбам России. Впрочем, это судьбы, еще предстоящие в будущем, так как относятся к седьмой эпохе. Появление же России в качестве жены любодейной (если только это она) должно в этом случае отнести как раз к нашей, пятой, эпохе» [47]. Как видим, в то время мистико-теологические увлечения Тихомирова имели и конкретный выход на современную ему российскую историю. Более того, опираясь на строки Апокалипсиса, из коих следовало, что лишь «несколько человек» в Сардисе «не осквернили одежд своих» и увенчаны «белыми одеждами», он заключал, что «с сардийской эпохой христианский мир еще не покончен. В нем еще кроются великие силы для возрождения, которое и достанется на долю следующей за нами филадельфийской эпохи»[48]. Т.о. Тихомиров видел «свет в конце тоннеля» и предполагал, после периода упадка и разрушения, новый созидательный период. Можно предположить, что к представителям великих сил возрождения и даже к людям в «белых одеждах» он в момент написания работы причислял себя, и, главное, Столыпина. Тогда же он опубликовал в журнале «Христианин» и большую статью «О семи апокалипсических церквах», в которой развивал свои апокалипсические пророчества, и о которой С.И. Фудель много лет спустя заметил, что она удивительна[49].

Мистические пророчества во всемирно-историческом масштабе очень причудливо переплетались у Тихомирова с их проекцией на личные проблемы автора, связанные с семьей и карьерой. Для него характерно в это время брюзжание по поводу невыполнения Столыпиным своих обещаний, главным из них для Тихомирова являлось официальное зачисление его в штат Главного управления по делам печати.

Чего стоит дневниковая запись от 25 февраля 1908 года о беседе с депутатом Государственной думы Г.А. Шечковым. Последний положительно отозвался о мысли Тихомирова, согласно которой «*представительство* и *законодательство* должны составлять отдельные функции *двух* различных учреждений»[50]. И далее Тихомиров неожиданно эмоционально продолжает запись словами: «Но все это — ничто в сравнении с вопросом моего "быть или не быть" — назначением. Прокляну Столыпина, если он изменит в последнюю решительную минуту»[51]. В этом весь Тихомиров, бывший максималистом во всем. В том числе и в желании получить все и сразу. Не имея некоторое время известий о своем зачислении в штат Главного управления по делам печати, он готов был

[45] *Тихомиров Л.А.* Апология веры и монархии. С. 461.
[46] Там же. С. 462.
[47] Там же. С. 463–464.
[48] Там же. С. 462.
[49] *Фудель С.И.* Собрание сочинений: В 3 тт. Т. 1. С. 62.
[50] Из дневника Льва Тихомирова (Период столыпинщины) // Красный архив. 1935. Т. 5. С. 141.
[51] Там же.

во всем винить Столыпина, не задумываясь о том, что при дворе и в правящей элите идут свои аппаратные игры и для реализации своего обещания премьеру нужно время. Нужно отдать должное Столыпину — для назначения на должность Тихомирова он сделал все, что мог. 10 февраля он принял Тихомирова, с которым общался час, и которому сказал о намерении назначить его членом главного управления по делам печати: «Я буду, по крайней мере, спокоен, что не испортил вашей жизни»[52].

21 февраля Столыпин посылает верноподданейший доклад о даровании Тихомирову чина статского советника, в котором дает своему протеже такую характеристику: «Литературная и публицистическая деятельность потомственного дворянина Льва Александровича Тихомирова, в течении последних 20 лет сотрудничающего в различных петербургских и московских изданиях умеренного направления ("Новом времени", "Московских ведомостях", "Свете", "Русском обозрении" и других), обращает на себя особое внимание. Обладая широким образованием и выдающимся литературным талантом, Тихомиров в своих историко-политических исследованиях выясняет с неопровержимой доказательностью особые условия развития русской государственности и возникновения и укрепления Верховной Царской власти. Значительное влияние на выработку русского политического идеала, выразителем которого является Царь, оказало, по мнению Тихомирова, присущее русскому народу глубокое религиозное чувство, этическое начало и особенности его социального быта. Идеал этот, которому Россия всегда оставалась верной и который помогал русскому народу с честью выходить из всех тяжелых испытаний <...> долгое время не находил для себя вполне определенного и ясного истолкования с исторической и научной точки зрения.

Тихомиров всю силу своего таланта направил на <...> научное обоснование русской государственности: заслуги его в этом отношении имеют несомненное значение.

Эти редкие способности и литературное дарование Тихомирова, в связи с приобретенным им опытом в вопросах публицистических, особенно могут быть полезны в занятиях Совета Главного Управления по делам печати, и потому я признавал бы в интересах службы необходимым назначить его Членом названного Совета.

Вследствие этого, всеподданнейшим долгом поставляю испрашивать Всемилостивейшего соизволения ВАШЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА в назначение, в изъятие из закона, причисленного к Министерству Внутренних дел, потомственного дворянина Тихомирова Членом Совета Главного Управления по делам печати, сверх штата, и на производство его, вне правил, — во внимание к свыше двадцатилетней литературной и публицистической деятельности его, направленной к честному и беззаветному служению Престолу и Отечеству и в соответствие с должностью Члена Совета, положенной по штатам в IV классе, — в статские советники»[53]. На докладе «Собственною Его Величества рукою начертано: "С" (согласен) 22 февраля 1908 г в Царском Селе, Министр Внутрених Дел Столыпин»[54].

Итак, 22 февраля 1908 г. долгожданное событие состоялось: вышло высочайшее соизволение о назначении Тихомирова на должность. И тут же для Льва Александровича все окрасилось в радужные тона. 26 февраля, после того, как Столыпин «официально известил» его по телефону о назначении «членом совета главного управления по делам печати сверх штата» и производстве в статские советники, Тихомиров записывает: «Да пошлет Бог всякое благо Петру Аркадьевичу. Благороднейшая натура! Редко встретишь такую! Высочайшее соизволение последовало 22 февраля (пятница, масленицы)»[55].

Тихомиров удостоился и личной аудиенции у Николая II, что явствует из всеподданнейшего доклада Столыпина от 17 марта: «"Член Совета Главного Управления по делам печати, сверх штата, Статский Советник Тихомиров, по случаю назначения на настоящую должность, испрашивает ВСЕМИЛОСТИВЕЙШЕЕ разрешение иметь счастье представиться ВАШЕМУ ИМПЕРАТОРСКОМУ

[52] Из дневника Льва Тихомирова (Период столыпинщины) // Красный архив. 1935. Т. 5. С. 138.
[53] Цит. по: *Гинев В.Н.* Революция или эволюция?... С. 240—241.
[54] Там же. С. 241.
[55] Из дневника Льва Тихомирова (Период столыпинщины) // Красный архив. 1935. Т. 5. С. 141.

ВЕЛИЧЕСТВУ". "Собственной Его Величества рукой начертано «С» (согласен). В Царском Селе 18 марта 1908 г. Статс-Секретарь Столыпин"[56]».

Назначение Тихомирова членом Совета Главного управления по делам печати сверх штата, с официальным представлением у императора, еще больше улучшили его эмоциональное состояние. Тихомирову очень льстили слова Николая II, сказанные на аудиенции, что в случае необходимости он может обращаться с письмами к нему лично. Это нашло отражение и в дневниковых записях того периода. Несколько изменилась в сторону позитива и оценка как личных качеств Столыпина, так и его реформаторской деятельности. Если долгое ожидание назначения бросало Льва Александровича то в жар, то в холод и все государственные дела отошли на второй план, то теперь он воспрянул духом и вновь поверил в свою звезду, правда, ненадолго. Но даже не это столь воодушевило Тихомирова, сколько информация, что дополнительное жалованье в 2 тысячи рублей останется при нем.

13 марта 1908 года Тихомиров делает запись в дневнике о том, что «в главное управление пришел из инспекторского отдела *приказ* о моем назначении членом совета и производстве в статские советники. Итак, благодарение Господу, *дело кончено*. Я уже получил пакет с наименованием "его превосходительству" и предложение начальника принять на себя контроль за киевским и казанским комитетами и харьковским и одесским инспекторами»[57]. И вот, 15 марта Тихомиров на приеме в мундире! Не без кокетства он пишет в дневник: «Ужасное множество людей, золота, лент, орденов. Однако, я был "золотее" многих. Ожидал приема *три с половиной часа*, весь изнемог... Столыпин был весел, любезен донельзя, радовался, что устроил меня... Самое главное из разговора то, что дополнительное жалование остается при мне. Буду кое-что и работать при министре. Именно по рабочему вопросу. Одобрил представление государю и поднесение ему моих книг»[58].

Интересно проследить, как развивались события, обратившись к мемуарам С.Н. Палеолога, служившего в Департаменте общих дел МВД. В январе 1909 г. Тихомиров пришел к нему с просьбой помочь получить чин действительного статского советника, на что считал себя вправе рассчитывать, поскольку бывшие до него редакторы «Московских ведомостей»: Катков, С.А. Петровский, Грингмут и А.С. Будилович «были все превосходительствами»[59]. Он принес Палеологу записку от П.А. Столыпина со словами: «Я хотел бы исполнить просьбу Л.А. Тихомирова; подумайте, как это сделать?»[60]. Палеолог вспоминал: «Тихомиров, вихрастый интеллигент учительско-статистического типа, небольшого роста, с рыжеватой с проседью общипанной бороденкой, менее всего подходил к тому, чтобы облечься в белые панталоны с золотыми галунами и форменное пальто на красной подкладке. Но, когда я затронул эту тему, он весь преобразился, лицо его расплылось в детскую улыбку, и он долго сердечно жал мне руку. Видимо, я попал в самое сокровенное место его тайных вожделений»[61]. Радостно и «как-то сконфуженно» Тихомиров добавил: «Если вам понадобится усилить мои права на чин, не забудьте, что в 1905 г. я был членом предсоборного присутствия, созванного под председательством первоприсутствующего митрополита Антония (Вадковского)»[62]. На вопрос, давно ли он состоит в чине статского советника, Тихомиров «весь съежился и сразу потускнел. "В том-то и дело, что у меня нет никакого чина и на государственной службе я никогда не состоял. Вот оно горе в чем". Растерянный, он стал каким-то цветным платком вытирать крупные капли пота, выступившие на его веснушчатом, покрасневшем лице»[63]. Для более подробной беседы Палеолог пригласил Тихомирова отобедать, и тот рассказывал ему историю своей жизни до глубокой ночи. Палеолог писал, что «своей захватывающей искренностью исповедь Тихомирова произвела на меня сильное впечатление. Передо мной был человек незаурядный и, несомненно, талантливый. Как-то неудобно было, после всего выслушанного, столь неожиданного и необычного, спускаться на землю

[56] *Пинев В.Н.* Революция или эволюция?... С. 241.
[57] Из дневника Льва Тихомирова (Период столыпинщины) // Красный архив. 1935. Т. 5. С. 142.
[58] Там же.
[59] *Палеолог С.Н.* Около Власти. Очерки пережитого. М., 2004. С. 69.
[60] Там же.
[61] Там же.
[62] Там же. С. 69—70.
[63] Там же. С. 70.

и заговаривать о том, что привело его к знакомству со мной»[64]. Но бюрократические правила надо было соблюдать, а «случай Тихомирова» в них не вписывался.

Как утверждает Палеолог, подобного прецедента в истории министерства не было, и Столыпин, опасаясь осложнений, поручил ему побывать у главноуправляющего собственной е.и.в. канцелярией А.С. Танеева, чтобы заручиться его согласием на представление императору предложенного доклада. Однако Танеев отнесся к этому, по словам Палеолога, «довольно кисло» и обосновал свой скепсис: «Не люблю я ренегатов, но, если ваш министр считает его достойным, то я не встречаю препятствий к представлению доклада Государю. Передайте все же Петру Аркадьевичу, что, в случае воспоследования Высочайшего согласия, необходимо представлять Тихомирова в каждый чин отдельно. В действительные статские я его так легко не пропущу»[65]. Далее Палеолог вспоминает, что, хотя «всеподданейший доклад удостоился Высочайшего соизволения, но бедному Тихомирову, почти 60-летнему старику, пришлось ждать много месяцев, пока мы последовательно представляли, а Танеев производил его в восемь чинов, начиная от коллежского регистратора. За это время Тихомиров два раза приезжал в Петербург, каждый раз заходил ко мне, и я заметил, что он похудел и осунулся. На Пасху 1912 года состоялось, наконец, его производство, но пока только в статские советники. Взволнованный и все же радостный, он зашел ко мне в парадном мундире с треуголкой и торжественно положил на стол 4 тома "Монархической государственности" в роскошных переплетах»[66]. Палеолог подводит итог: «До революции попасть в действительные статские советники ему так и не удалось»[67]. В большинстве мемуаров Тихомиров фигурирует как статский советник, но вслед за историком С.М. Сергеевым многие авторы «произвели» его в чин «действительного тайного советника»[68]. Этот частный эпизод показывает, что многие, казалось бы, общеизвестные факты из жизни Тихомирова нужно перепроверять.

Эйфория Тихомирова по поводу его назначения, а следовательно, как он мог полагать, и доверия к предлагаемым им проектам преобразований постепенно улеглась. Далеко не все, а точнее — абсолютное меньшинство его предложений находили отклик у правительства. Особенно это касалось предложений, связанных с изменением уже действующих законов, в основном изданных под давлением революционной волны 1905—1906 гг. Многое из того, что предлагалось Тихомировым, оказывалось невыполнимым и с чисто практической точки зрения.

Переоценивая возможности Столыпина, Тихомиров порицал его за половинчатость действий, в том числе и по разрешению рабочего вопроса. 15 июня 1908 он был на приеме у Столыпина и сделал доклад по рабочему вопросу: «Министр слушал *очень* внимательно. Просил... приготовить ему материал по рабочему вопросу, который... он проштудирует...»[69]. Но тут же отмечал, что, «кажется, результатов из сего не будет, т.к. он с вопросом мало знаком, а против моего мнения все решительно»[70].

Впрочем, представляется, что Тихомиров слишком мрачно смотрел на вещи. Невзирая на то, что не все его предложения были востребованы властью, он как эксперт котировался у Столыпина очень высоко. Именно ему премьер поручил ознакомиться по Особому журналу Совета министров со страховыми законопроектами, которые готовились для представления в Госдуму. Тихомиров в целом одобрил их, согласившись с рядом дополнений, внесенных по предложению Министерства внутренних дел И.Я. Гурляндом и его коллегами. Одновременно с этим он предложил, поскольку

---

[64] *Палеолог С.Н.* Около Власти. Очерки пережитого. М., 2004. С. 73.

[65] Там же. С. 74.

[66] Там же. С. 74—75.

[67] Там же. С. 76. В романе А.П. Полякова встречаем противоположное мнение о том, что Тихомиров «успел попросить Столыпина выхлопотать ему чин действительного статского советника, что позволяло облечься в белые панталоны с золотым галуном и форменное пальто на красной подкладке» / *Поляков А.П.* Великаны сумрака // Молодая гвардия. 2011. № 1/2. С. 59. Однако, вышеприведенная информация показывает, что Тихомиров «выхлопотал» у Столыпина только статского советника.

[68] «Лев Александрович... достигает чина действительного тайного советника и Высочайше награждается золотой табакеркой» // *Сергеев С.М.* «Мои идеалы в вечном...». С. 8.

[69] Из дневника Льва Тихомирова (Период столыпинщины) // Красный архив. 1935. Т. 5. С. 153.

[70] Там же. С. 152.

так случилось, что рабочее законодательство началось со страховых законопроектов, придать проектируемым больничным кассам «более широкий социальный характер» путем добавлений о сберегательных кассах, кооперации и т.п. Он также высказался против «чрезвычайной щедрости» законопроекта по отношению к рабочим за счет промышленников[71]. Это лишний раз свидетельствует о том, что в подходах к выработке справедливой рабочей политики государства Тихомиров стремился быть максимально объективным. Он не стремился лоббировать только интересы рабочего сословия, но пытался разработать такую программу, которая бы устраивала *все* заинтересованные в разрешении этого вопроса группы общества (вопрос в том — возможно ли это было сделать в тех условиях в принципе). Понимая всю степень ответственности правительства перед государством за фактическое создание в будущем рабочих организаций, Тихомиров искренне хотел сделать все возможное, чтобы они были максимально подконтрольны и лояльны власти.

С передачей страховых законопроектов в Думу в июне 1908 г. наступил последний этап их превращения в законы, ставший, к сожалению, самым долгим. Только 10—11 января 1912 г. оба законопроекта были окончательно приняты Думой и переданы в Государственный совет. Последний принял их 2 мая 1912 г., а 23 июня по утверждении царем они стали законами.

Однако одной работой со страховыми законопроектами практическая деятельность Тихомиров не ограничилась. К середине 1908 г. он еще не оставил попыток повлиять на Столыпина с целью продвижения более глобального проекта по устроению рабочего сословия. В записке от 2 августа 1908 г. «О желательной постановке русской социальной политики в области рабочего вопроса», подготовленной на имя премьера, он давал экспертную оценку представленным на рассмотрение правительства новым законопроектам по рабочему вопросу. В целом, одобряя их, Тихомиров вновь выдвигал свою давнюю идею об организации рабочих как сословия под эгидой государства.

Он не оставлял и надежд воздействовать на общественное мнение, пропагандируя свои социально-экономические идеи посредством печатного слова, хотя в Петербурге для него это было сделать гораздо труднее, чем в Москве. Собственно, публиковаться он мог только в газете «Россия», т. к. и «Гражданин», и «Новое время», несмотря на общее расположение к нему Суворина, оказались для него закрыты из-за разногласий в лагере консервативной прессы. Характерна в этом смысле запись в дневнике Суворина от 31 июля 1907 года: «Вчера у О.А. Новиковой. Говорили о Л.А. Тихомирове, чтоб взять его в "Новое время". Мне бы хотелось, но в редакции многие против него»[72]. Главным и непримиримым оппонентом Тихомирова являлся ведущий журналист «Нового времени» Меньшиков.

О стремлении Тихомирова добиться перелома в настроениях Столыпина свидетельствуют и дневниковые записи: «Столыпин может схватывать *идею*, но страшно мало осведомлен по рабочему вопросу (что сам прекрасно знает), и уж не знаю, выйдет ли у нас толк. Я хорошо сделал, что составил для него подробный обзор составных частей рабочего вопроса. Это ему может помочь разобраться в предмете, а тогда он, может быть, много лучше меня придумает практические меры» (8 сентября 1908 года)[73]. Однако Тихомиров чувствует, что ситуацию он изменить не в силах и ни о каком широкомасштабном изменении социальной политики речь идти не может. «Я бы сам хотел, чтобы меня кто-нибудь спас, воскресил, оживил. Я сначала держался, возгорался, негодовал, ожидал кого-то или чего-то. Но идет год за годом, и в этой мерзкой слякоти все погасает. Не знаю, каким нужно быть резервуаром огня, чтобы не погаснуть. В болото современной России можно бросить Везувий, и он — пошипит, пошипит, да и загаснет. А ведь я — не Везувий, а самый маленький, дрянной уголек, выпавший из распаявшегося самовара *прежней* России. Мерзейшее состояние! До чего же гибнет эта несчастная гнилушка, эта бедная, пропащая блудница, Россия, если есть люди, готовые *ко мне* обратиться за спасением», — отмечает он в дневнике[74]. Историк Шерстюк отмечает, что Тихомиров, наблюдавший политический кризис, вновь и вновь взвешивает пророчества Вл.С.

[71] Цит. по: *Аврех А.Я.* П.А. Столыпин и судьбы реформ в России. С. 121.
[72] Дневник Алексея Сергеевича Суворина. С. 450.
[73] Из дневника Л. Тихомирова (Период столыпинщины) // Красный архив. 1935. Т. 6 . С. 172.
[74] Из дневника Льва Тихомирова (Период столыпинщины) // Красный архив. 1935. Т. 5. С. 145.

Соловьева, записывая: «Неужели вправду Россия и есть апокалиптическая Вавилонская блудодеица, уже погибшая теперь духовно, а в будущем обреченная на разорение? По временам, точно, так и кажется, что слышишь уже голос Божий: "Выйди из нее, народ Мой..."»[75].

События 1908 года, в первую очередь, ситуация в Государственной думе, еще более усиливали опасения о «закате» в России истинного самодержавия. Впрочем, Тихомиров не терял надежды переубедить Петра Аркадьевича при личных встречах. В аналитических записках, направленных на имя премьера, он постоянно проводил генеральную мысль — о необходимости во всех вопросах, будь то церковный, аграрный или рабочий, исходить из понимания невозможности их более-менее полного решения без восстановления мощной и ничем не ограниченной верховной власти в виде возвращения к истинной самодержавной политике. Единственно правильным действием современного момента Тихомиров считал осознание того, что необходимо «поставить дело на *государственную* почву», то есть «все делать в интересах *народа, рабочих и крестьян*, а революцию и социалистов – усмирять. В целях защиты от революции — народных прав *не умалять*»[76]. К сожалению, как отмечал сам Тихомиров, «интересы *народа* сами по себе в СПб. не признаются, и если для народа что-либо делается, то либо для повышения *доходов казны*, либо для того, чтобы народ *не бунтовал*. Все остальное для них выходит из области "практического", "реального". Нет, загубят они Россию, не сдобровать. А может быть, загубят и себя. Этого бы они, пожалуй, и стоили, но ловкачи, наверное, вывернутся лично. Я говорю, конечно, *не о Столыпине* (он — *честный человек*), а о всем *слое*, к которому он принадлежит»[77].

Видя тщетность своих усилий, Тихомиров все более впадает в уныние. Служба в Петербурге начала угнетающе действовать на него. Когда-то, будучи революционером, он ходил по улицам этого города, опасаясь шпионов. Теперь, став обеспеченным чиновником и человеком *системы*, он, в который уже раз, убедился в невозможности реализации своих широкомасштабных общественно-политических замыслов. Тихомиров чувствовал некий тупик и неудача с его проектом решения рабочего вопроса еще сильнее усугубила его недовольство столичной жизнью. Особенно чувствуется это настроение в дневниковых записях за 1908 год. 21 сентября он пишет: «Вообще, кажется, из меня будет немного прока. Я собственно не чужд творческого настроения, но осуществлять не умею. Да и творческое мое настроение так чуждо современной мысли русских, что могло бы пригодиться разве через 20 лет. Это я давно замечаю. Идейно я выше своего времени, понять меня оно вообще не может, а убедить людей и тем паче заставить — силенки не хватает. Вот и выходишь — человек "ни к чему". Ни Богу молиться, ни горшки накрывать <...> Хуже суздальской иконы, о которой говорят: "Не пригодится Богу молиться, так пригодится горшки накрывать"»[78].

Попытки Тихомирова активно вмешаться в столичную общественно-политическую жизнь не ограничивались консультациями Столыпина по рабочему вопросу, что вызвало недовольство многих представителей «правого» лагеря. Ополчилась на него и консервативная столичная пресса. Он оставался для них таким же чужаком, *инородным* телом и чиновничий мундир вкупе со всеми привилегиями не мог изменить это положение.

Вообще, если рассматривать петербургский период жизни Тихомирова, бросается в глаза несоответствие его преобразовательных замыслов и реальных возможностей, имеющихся для их реализации. Отсюда и неопределенность его роли в Главном управлении по делам печати, и малая востребованность предлагаемых им идей. Подобная ситуация, несомненно, тяготила Тихомирова, не привыкшего к столичным политическим сферам. В дневнике он с горечью отмечал: «Когда я готовился к речи о "недостатках конституции", то не имел и подозрения, что у него (Столыпина, — *авт.*) назревает *манифест* третьего июня. Совпадение поразило меня, заставило ждать новой эры, и я принял его приглашение. Ибо в случае новой эры такой человек, как я, может быть нужен. Затем

---

[75] Цит. по: *Шерстюк М.В.* На краю истории. Эволюция религиозных взглядов Льва Тихомирова в 1900-е годы. С. 82.

[76] Из дневника Льва Тихомирова (Период столыпинщины) // Красный архив. 1935. Т. 5. С. 144.

[77] Там же.

[78] Там же. Т. 6 . С. 174—175.

явилась *декларация* — образцовая, схватившая самую суть дела. Но если из слов и формул перейти *к делу, то ничего не оказывается.* Тот вождь, который нужен России, должен сомкнуть около себя товарищей, проникнутых тем же новым духом, и сразу систематически двинуть работу возрождения России. Но у Столыпина — ничего подобного. Ничего не делается, и не может делаться, потому что все его министры никуда не годятся... чего ждать? Что он намерен делать? Какое будущее себе рисует? От этого зависит не только участь его самого и России, но и моя. Может быть, он не тот, кто нужен, может быть, придет кто-то другой? Но тогда мне с ним нечего делать, и я уйду к своей кабинетной работе»[79].

Осуждение вызвала у него и законотворческая деятельность «октябристов» в III Государственной думе, направленная, как ему казалось, и не без оснований, на ограничение самодержавной монархии. В этом же ракурсе высказывал он недовольство и политикой Столыпина. По сути, Тихомиров возвращается к оценкам деятельности правительства, высказанным им 21 января 1908 г., когда, видя всю неуспешность своих попыток как-то повлиять на ситуацию, он писал: «Россия медленно, но неуклонно выходит на банальный общегражданский конституционный путь. *Царство русское* кончено при Николае II. А с концом *царства русского* кончается и союзно церковно-государственный строй. Все это, по-видимому, уже *непреложно*, бесповоротно. Воскресить русскую идею теперь еще мог бы, может быть, *гениальный царь*, а через десяток лет уже и никакой гений не воскресит»[80]. 29 августа 1908 года Тихомиров не скрывал раздражения в своей записи: «Горе одно... А Россия в маразме более чем когда-либо. В прошлом году в это время еще, казалось, горели в сердцах огоньки, я и сам еще мог серьезно говорить о "недостатках конституции" и мечтать о ее исправлении. Эта проклятая мразь, Третья дума, увязила Россию в болото и задушила все искорки света в душах. Какие ничтожные, противные люди. Увяз в болоте и Столыпин. В прошлом году он способен был писать манифест 3 июня и вызвать меня. Теперь влез в "работу"»[81].

Тяготило Льва Александровича и то, что он не мог найти полного взаимопонимания со Столыпиным в попытках добиться изменения позиции императора в вопросах церковной политики. Столыпин просил Тихомирова проанализировать законопроекты о свободе совести, подготовленные для рассмотрения в Третьей думе. По итогам знакомства с предложенными законопроектами Тихомиров представил 25 сентября 1908 г. на имя Столыпина «Замечания на законопроекты о свободе совести», предварив их пометкой: «Ныне же приступаю к составлению "Записки о созыве Поместного собора"»[82]. И далее, прося извинения за свой «горячий тон», подчеркивал, что «причина этого состоит в их действительно вредном направлении и в том, что, не решаясь предлагать Вашему Высокопревосходительству целого сочинения, критикующего их, я нашел удобным для Вас сделать возможно краткую *яркую характеристику*, из которой, по моему убеждению, следует невозможность пускать их на законодательное рассмотрение»[83]. Выражая удивление тоном министерских законопроектов, он выдвинул для объяснения причины мысль, «что революционный натиск Второй Государственной Думы побудил составителей к мысли о возможных уступках и компромиссах с целью, как им вероятно казалось, спасти хоть кое-что из нормальных отношений к вере и Церкви»[84].

Детально разбирая далее законопроекты, Тихомиров принципиально высказывался против их исходного пункта. Этот пункт, по его мнению, — неправильное понимание «Манифеста 17 октября», где, как полагали авторы законов, говорится о даровании населению «незыблемых основ свободы совести». Подобная трактовка, по мнению Тихомирова, ошибочна, ибо «на самом деле того выражения Высочайший Воли, какое цитирует записка № 1480, в Высочайшем Манифесте 17 октября 1905 года *не существует*»[85]. Вот как он аргументировал центральный пункт своих возражений: «Государь Император, вознамерясь расширить свободу своих подданных, прежде все-

[79] Из дневника Льва Тихомирова (Период столыпинщины) // Красный архив. 1935. Т. 5. С. 126—127.
[80] Там же. С. 134.
[81] Там же. С. 158.
[82] *Тихомиров Л.А.* Церковный собор, единоличная власть и рабочий вопрос. С. 205.
[83] Там же.
[84] Там же.
[85] Там же. С. 207.

обратил внимание на религиозную свободу, основы которой и утвердил в Высочайшем Указе 7 апреля 1905 года. Таким образом, источником для уяснения основ свободы совести при пересмотре вероисповедного законодательства для Правительства может и должен служить Акт 17 апреля 1905 года, а вовсе не Высочайший Манифест 17 октября. Что касается сего последнего, то он никаких указаний или полномочий в отношении свободы совести для *правительства* не дает. В Манифесте 17 октября изображено: "Даровать населению *незыблемые основы гражданской свободы* на началах действительной неприкосновенности личности, свободы совести, слова, собраний и союзов". Выражение "незыблемые основы" относится к *гражданской свободе*, а никак не к свободе совести, как неправильно поняли составители законопроектов»[86].

Правительственные же законопроекты готовились, исходя из неправильного пути, несанкционированного Верховной властью, из-за чего в них явилось «чрезмерное уравнение прав веры и неверия, Православия и иноверия, едва ли совместимое с ясной Волей Государя Императора, предпринявшего расширение свободы совести не иначе как в уповании на *«вящее возвеличивание Православной веры»*[87]. Сильнейший вред при реализации на практике подобных законопроектов Тихомиров усматривал во взаимном отчуждении государства и православной церкви, в значительном повреждении их союза.

Большие вопросы вызывало у Тихомирова то, что разрабатывал эти законопроекты департамент духовных дел иностранных исповеданий, а распространение их действия предполагалось в том числе и на православное исповедание, а при этом правительство взялось разрешить этот вопрос, не имея никаких консультаций с православной церковью и игнорируя огромную работу, проведенную Предсоборным присутствием[88].

Естественно, Тихомирову было досадно, что его труд в области церковной реформы не был востребован. В январе 1907 года он сетовал в письме к Суворину на то, что, например, приходской вопрос так и не удалось решить: «Ведь вы, вероятно, и сами знаете, что власти очень плохо знают церковную действительность, и собственно поэтому склонны поддаваться на фантазии Папкова, который в отношении прихода совсем книжный человек... А вопрос этот, пожалуй, посерьезней общинного. О верхах государственных уже и не говорю. Они теперь все равно хороши не будут — долго еще. Там всякие опыты, хоть умные, хоть глупые, не так опасны для *народа* в целом. Ну а начепушивши[89] в приходе, можно создать полную анархию...»[90]. Вот и получалась у Тихомирова: «Беда с этим Присутствием: и дела не делал, и времени не видал»[91].

Неприятие Тихомировым предложенных законопроектов имело и черты методологического свойства. Дело в том, что свобода совести понималась светскими составителями законопректов как дело сугубо *личное* по типу философского мировоззрения, а для церковного мировоззрения свобода совести тесно связана со свободой Церкви, от которой его, т.е. человека, личная свобода совести неотделима. Резко выступал Тихомиров и против равенства инославных и иноверных исповеданий с православием, отмечая: «Полное уравнение политических и гражданских прав лиц различных исповеданий совершенно логично в "новейшем" государстве, отрешившемся от всякой связи с религией»[92]. Таким образом, выдвигая к законопроектам массу претензий, он предлагал изъять их из Государственной думы «для коренного пересмотра», и, так как этот шаг, по его мнению сделать было очень трудно, им для этого предлагался «единственный способ сделать это совершенно естественно, без всяких толков и неудобств»[93]. Таковым способом Тихомиров признавал следующий — «если бы Высочайшая Воля, уже три года назад признавшая необходимым созвание Поместного Собора Русской Церкви и лишь отсрочившая это "великое дело" по случаю смутного состояния

[86] *Тихомиров Л.А.* Церковный собор, единоличная власть и рабочий вопрос. С. 207.
[87] Там же. С. 208.
[88] Там же. С. 209.
[89] От слова чепуха.
[90] РГАЛИ. Ф. 459. Оп. 1. Д. 4234. Л. 68—68 об.
[91] Там же Л. 69.
[92] *Тихомиров Л.А.* Церковный собор, единоличная власть и рабочий вопрос. С. 217.
[93] Там же. С. 221.

России, в настоящее время признала бы общее состояние страны достаточно упорядоченным для созыва Собора»[94]. Тихомиров по сути намекал прямо на необходимость созыва Собора, дипломатично оставляя последнее решение за императором, но при этом прилагая все усилия и весь свой дар убеждения для того, чтобы это решение было положительным.

В развитие своих идей Тихомиров подготовил для Столыпина и вторую важную записку – «О необходимости созыва Поместного собора русской Церкви», датированную 29 сентября 1908 г. В записке он в обоснование настоятельной необходимости созыва собора давал историческую справку о предварительной работе по его подготовке в 1903–1906 гг. Тихомиров в лице Столыпина предостерегал власти и о вреде затяжек этого вопроса, особенно в контексте возможного рассмотрения в Госдуме вероисповедных законопроектов. Он подчеркивал, что «как со стороны политической, государственной, так и со стороны религиозной, православной, в высшей степени нежелательны и опасны те перспективы, которые порождаются введением вероисповедных реформ с оттягиванием созыва Поместного собора... В настоящее время (то есть начиная с 17 апреля 1905 года) все вероисповедания и Церкви растут и устраиваются, и крепнут, одна только Православная Церковь остается в *параличе учреждений*. Ответственность за это никоим образом не может быть возлагаема на лица, но по преимуществу на учреждения. Св. Синод по своему строю, по своему отношению обер-прокуратуре давно уже стал учреждением очень *слабым*»[95].

Положительность Собора, как полагал Тихомиров, в том, что «он создаст, или точнее – даст место согласному действию государственной власти с церковным управлением не в смысле пассивного подчинения церковного управления, а в смысле энергического содействия его внутренней политике Правительства»[96]. Кроме того, Собор мог внести «примирительную ноту в отношения между православными и разного рода иноверцами», и, что не менее важно, «оживление Православной Церкви хорошо повлияет на самую правительственную деятельность, сделав последнюю более русскою, освободив ее от чрезмерной связи с интересами нерусских элементов Имперского населения»[97].

Он считал бытующие в правительстве опасения о созыве Поместного собора необоснованными, так как они «главнейшим образом порождены опытом Государственных Дум, которые явились в первых двух созывах откровенно революционными, а в третьем созыве чем-то доселе спорным и неясным <...> Однако аналогия между Церковным Собором и представительным политическим собранием совершенно неосновательна»[98]. Здесь с Тихомировым трудно не согласиться. Дело в том, что его главнейшую часть в смысле решающих голосов должен был составить православный епископат, состоящий из 138 лиц, которые «принадлежат к числу людей старых, пожилых или среднего возраста, все с образованием, все с служебным и житейским опытом, все с обеспеченным положением. Все их интересы духовные и личные связаны с существованием в государстве порядка, спокойствия и надзирающей за этим власти. Накакой политической карьеры посредством шумной партийной деятельности для епископа не существует»[99]. В дополнение к нему надлежало выбрать элемент клирский и мирской, но, как отмечал сам Тихомиров, «принцип выборности в церкви, в сущности, не существует, и если он должен будет иметь место на предстоящем Соборе, то скорее из соображений утилитарных: для устранения мысли о тенденциозном подборе приглашенных, каковая мысль в настоящее время могла бы являться вследствие потрясенного авторитета епископата»[100].

Таким образом, по мысли Тихомирова, оптимальным условием будет, «если Поместный собор явится продолжением и завершением той работы, которая начата всеподданнейшим докладом Св. Синода, воспоследовавшей Высочайшей резолюцией 31 марта 1905 г., Высочайшим рескриптом 27 декабря 1905 г, епархиальными совещаниями 1905 г., Предсоборным Присутствием 1906 г. и последующими дополнительными занятиями Св. Синода». В своей записке Тихомиров сделал только

[94] *Тихомиров Л.А.* Церковный собор, единоличная власть и рабочий вопрос. С. 221.
[95] Там же. С. 230–231.
[96] Там же. С. 232–233.
[97] Там же. С. 233.
[98] Там же. С. 233–234.
[99] Там же. С. 234.
[100] Там же. С. 234–235.

одно важное дополнение на основе изучения исторического опыта созыва Вселенских соборов. Он рекомендовал: «Помимо той организации, которая была рассматриваема Предсоборным Присутствием и будет дополнена, конечно Св. Синодом, требует участия и председательства Государя Императора, каковое не может состоять из одной обычной обер-прокуратуры, имеющей своим предметом слежение за обычным течением дел церковного управления, но требует *специального назначения* лица, снабженного *инструкциями* Государя Императора именно в отношении Поместного Собора и долженствующего также предъявить ему ту часть его *программы*, рассмотрение которой интересует Его Императорское Величество»[101]. Особо он подчеркивал в своей записке, что во времена Вселенских соборов их постановления становились одновременно и государственными законами. Однако, к огорчению Тихомирова, его записки не нашли должного отклика у премьера.

Во второй половине 1908 года у Тихомирова в настроении намечается очередной перелом. Его иллюзиям о возможности активно влиять на политику правящей элиты Петербурга приходит конец. Он все яснее осознает, что воплощение его мечты о реформировании всей государственной политики России невозможно. Начинает он тяготиться и пребыванием в Главном управлении по делам печати. Впрочем, при все усиливающемся скепсисе по отношению к режиму личной власти Николая II в упорстве и настойчивости как-либо повлиять на внутриполитическую ситуацию в стране Тихомирову не откажешь.

Во второй половине 1908 г. Тихомиров активно разрабатывал новое положение о печати. В законченном виде его предложения были представлены читающей публике в цикле статей «Законы о печати», появившемся с 21 ноября на страницах газеты «Россия». Эти публикации вызвали недовольство «правых», в том числе и непосредственного начальника Тихомирова — А.В. Бельгарда, возглавлявшего Главное управление по делам печати, принимавшего непосредственное участие в подготовке проекта закона о печати по просьбе Столыпина. Появление статей Бельгард оценил как критику разработчиков уже принятого законопроекта, в том числе и его лично. Хотя Тихомиров подобной цели, конечно, не преследовал. Он, признавая ненормальность положения в печати, создаваемое временным указом от 24 ноября 1905 г., принятым под давлением революционных выступлений, соглашался с необходимостью его исправления с помощью создания постоянного «Устава о печати» и не отрицал полезности цензуры вообще. Но при этом Тихомиров предостерегал, что предварительная и карательная цензура, долгое время использовавшаяся в России, не решила поставленных перед нею задач. Поэтому он предложил заменить Особую инспекцию, как структуру слишком громоздкую, каким-либо судебно-административным органом с правом запрещения того или иного произведения без преследования автора. Указывал он и на пользу «особого вида *цензуры*, не в целях запрещения, как прежде, а в целях *рекомендации*»[102]. По его мнению, «не одобренное духовной цензурой произведение не лишалось бы права на распространение и для лиц, пренебрегающих мнениями церковной власти, имело бы даже большую привлекательность. А для всех тех, которые не желают отрываться от церковной дисциплины, важно знать, как относится Церковь к данному произведению, тем более, что в настоящее время антицерковная пропаганда любит обманно прикрываться видимостью православия»[103]. При анализе рекомендаций Тихомирова обращает на себя внимание тот факт, что автор в целом подошел к рассмотрению законов о печати без эмоций, а как умный практик, много сталкивавшийся с издательским делом и сам прекрасно знающий о том, что цензура в России бьет не только «чужих», но и «своих». Отсюда — скрупулезность в рассмотрении законов и взвешенность во внесении предложений.

В первую очередь предложения Тихомирова были направлены на расширение прав редакторов-издателей при условии соблюдения ими законов и добросовестного пользования предоставленными правами. Однако не все издания, в том числе и монархической ориентации, правильно поняли и оценили его предложения. Споров, а иногда и откровенно однобоких, топорно-прямолинейных суждений оказалось более чем достаточно. Столичные газетчики «ревниво» отнеслись к идеям, вы-

[101] *Тихомиров Л.А.* Церковный собор, единоличная власть и рабочий вопрос. С. 240—241.
[102] *Тихомиров Л.А.* Апология веры и монархии. С. 247.
[103] Там же.

сказанным московским чужаком. Чувствовал предвзятость, а зачастую и негатив, в оценках своих предложений и сам Тихомиров, отмечавший в дневнике, что в газете «Вечер» помещена «ругательнейшая статья против меня... Вероятно, по поводу "Законов о печати", и уж наверное вытаскивают на сцену мое революционное прошлое... Статья "Вечера" — вздор; лично против меня, правительства не задевает, так что никакого вреда мне нет. Ничего особенного. Все вяло, серо, скучно, погода гнилая... мерзкое, ничтожное время всеобщего упадка... Ни людей, ни идей, ни чувств»[104].

Появление «Законов о печати» не способствовало росту симпатий к Тихомирову и со стороны столичных консервативных кругов. Скорее, наоборот. Теперь завистников и недоброжелателей у «выскочки из Москвы» и «Конрада Валленрода от революции», как его именовали в некоторых монархических кругах, стало только больше.

Создавшуюся ситуацию разрешила скоропостижная смерть Будиловича, редактора-издателя «Московских ведомостей», произошедшая 14 декабря 1908 г. Перед Тихомировым вновь встал вопрос о возможном редакторстве. Соблазн был велик, тем более, что отношения его с «правыми» в Петербурге окончательно испортились. Вообще в столице Империи Лев Александрович с семьей чувствовал себя не очень комфортно. Старые связи и друзья остались в Москве, а извечное противостояние московских и столичных «правых» сделало его пребывание в граде Петровом еще менее приятным. Во многом такое неприятие Тихомирова, человека в житейском смысле, несомненно, очень порядочного, хотя и не без странностей, можно объяснить тем, что он, пытаясь сохранить независимость суждений, оставался за бортом чисто партийной политики. Видимо, ни в одной другой европейской стране не было и нет такого острого чувства коллективности, как в России. И, естественно, среди конкурирующих промонархических партий, групп и объединений одинокая, поучающая всех и вся фигура Тихомирова смотрелась едва ли не вызовом столичному «консервативному бомонду». Более того, Тихомиров, высказываясь не просто за сохранение статус-кво в государстве, а за реформы, укреплявшие самодержавие, невольно вызывал раздражение «правых», которым III Государственная дума давала возможность блеснуть с парламентской трибуны.

К тому же положение Столыпина при дворе в конце 1908 г. стало уже не столь прочным, как в 1906 г. Он нуждался в поддержке проводимого им курса в печати. В сложившихся обстоятельствах такой человек, как Тихомиров, во главе «Московских ведомостей» его вполне устраивал. Записи дневника Тихомирова прямо указывают на это. 22 декабря 1908 г. Столыпин участвовал вместе с В.Н. Коковцовым, А.Н. Шварцем, П.А. Харитоновым, А.В. Бельгардом и Тихомировым в совещании, посвященном назначению редактора «Московских ведомостей». Тихомиров фиксировал в дневнике 17 декабря: «Был у Столыпина. Он прямо заявил, что желал бы, чтобы я, именно я, взял аренду "Московских ведомостей". Я изложил свои условия: 1) полную самостоятельность, никаких обязательств; 2) доверие ко мне власти и доступ к ней для всяких разъяснений недоразумений; 3) обеспечение объявлений какой-либо неустойкой власти, в случае их отнятия, с правом моим отказаться немедленно от аренды и сохранением этой неустойки; 4) сохранение мною службы. На все это он согласился, заявив, что он ни за что не допустит отнятия объявлений... Говорил очень кардинально»[105]. Да и само положение «Московских ведомостей» претерпело определенные изменения. К этому времени чисто формальная связь газеты с Московским университетом окончательно ликвидировалась. Типографию, в которой печаталась газета, возвратили университету, а она получила новую[106].

И, приступая к рассмотрению вопроса о дальнейшей судьбе печатного органа, Особое совещание не могло не признать, что значение «Московских ведомостей» за последнее время, к сожалению, упало. Придавая поэтому особое значение выбору лица, которому могло бы быть вверено издание (а число претендентов на аренду газеты составляло 15 человек), Особое совещание остановилось на предложении Столыпина о передаче аренды Тихомирову. Во всеподданнейшем докладе по этому вопросу Столыпин, отмечая основные вехи биографии Тихомирова, дал следующее заключение: «Свыше двадцатилетняя публицистическая деятельность Тихомирова, направленная к укреплению

[104] Из дневника Л. Тихомирова (Период столыпинщины) // Красный архив. 1935. Т. 6 . С. 182.
[105] Там же. С. 185.
[106] *Костылев В.Н.* Лев Тихомиров: на службе царизма... С. 352.

русской государственности и государственного правопорядка дает... полную надежду, что он явится достойным руководителем "Московских ведомостей"». Царь также поддержал это назначение, выразив «чрезвычайное довольство» выбором Столыпина[107].

6 января 1909 Столыпин принял Тихомирова уже как нового редактора. Тихомиров отметил в дневнике: «Он встретил меня сердечно и добродушно, пожелал успехов и т.п. Поторопился объяснить (как бы в некоторое извинение), что он должен был нажимать на всех (т.е. и на меня), ибо с той стороны было давление, и они (мин. фин.) заподозрили меня в корыстолюбии... Я поблагодарил его за энергическое пособие в достижении этих возможных льгот. Он очень искренно говорил далее о своем политическом положении... Вообще расстались "кордиально", и должен сказать, что все свои подозрения против него я отбрасываю. Думаю, что он действовал искренне, без задней цели держать меня в руках»[108]. Уже на следующий день, услышав слухи о том, что его назначение якобы «провели» монархисты, Тихомиров негодует: «Это, очевидно, обычное низкопробное шарлатанство о. Восторгова, который хочет поддержать в своей армии веру в его связи и всемогущество. Все-то наглое вранье»[109].

Свое удовлетворение назначением Тихомирова Николай II подтвердил при личном представлении Тихомирова 10 января 1909 года. Более того, в беседе во время аудиенции Тихомиров затронул вопрос, являвшийся камнем преткновения в его отношениях с Столыпиным, — вопрос о созыве Церковного собора. Тихомиров попросил у государя разрешения представить свои соображения, и получил милостивое соизволение сделать это через дворцового коменданта В.А. Дедюлина[110]. Из данной беседы явствовало, что Тихомиров не оставил своих идей по реформированию церковно-государственных отношений, но пытался теперь заручиться поддержкой императора.

Дав окончательное согласие на руководство изданием, Тихомиров с присущей ему в денежных делах педантичностью оговорил и выгодную финансовую сторону предприятия. Не вызывает сомнения факт, что, кроме амбициозных планов по реорганизации газеты в нужном ему направлении, он рассчитывал получить и определенные материальные выгоды с аренды. После ряда встреч с Столыпиным относительно различных субсидий, размещения в газете выгодных коммерческих объявлений, Тихомиров подписал очень привлекательный с денежной стороны контракт об условиях аренды сроком на 10 лет (т.е. до 1 января 1919 г.).

После согласования всех необходимых формальностей семья Тихомировых вновь собирает вещи для того, чтобы перебраться в Первопрестольную, где Тихомирова ожидало редакторское кресло одного из важнейших публицистических форпостов промонархически настроенных сил — газеты «Московские ведомости».

---

[107] *Костылев В.Н.* Лев Тихомиров: на службе царизма... С. 353.

[108] Из дневника Льва Тихомирова. Период столыпинщины // Красный архив. 1936. Т. 1. С. 162—163

[109] Там же. С. 163.

[110] Там же.

Глава XII

ВО ГЛАВЕ «МОСКОВСКИХ ВЕДОМОСТЕЙ» (1909—1913)

«...Все обстоятельства и события, не привлекая ко мне никого, неустанно ссорят меня со всеми. Мучусь без пользы, стою одиноким <...> Нередко приходит в голову, что не *деятель* я, не гожусь, и не *организатор*».

Из дневника Л.А. Тихомирова, запись от 10 апреля 1909 года[1].

По возвращении семья Тихомировых твердо обосновалась в Москве. Редакция «Московских ведомостей» располагалась на Страстном бульваре в доме 78. Там же Тихомирову была отведена многокомнатная квартира. Сергей Фудель впоследствии вспоминал эту «великолепную квартиру на Петровке в эпоху редакторства правительственной газеты на втором этаже особняка, с громадным его кабинетом и еще более громадным холодным залом, где очень редко кто собирался, а когда собирались, то, как мне рассказывали мои старшие сестры, было всегда скучно. Впрочем, все-таки там и танцевали немного, причем среди молодых людей бывал там и танцевал Симанский, будущий патриарх Алексий, а тогда воспитанник московского лицея... Скучно было у Тихомировых не только в зале, но и везде, и я, тогда еще совсем мальчик, это чувствовал»[2]. В записях Тихомирова этот адрес обозначается как дом Е.Н. Самариной на Петровке[3]. В этом же доме находилась и университетская типография, в которой печатались «Московские ведомости» и был издан ряд брошюр Тихомирова.

Андрей Белый (Борис Бугаев)

Жили Тихомировы достаточно замкнуто. Интересное, хотя и ироничное, описание жилища оставил Андрей Белый. Пришедши к Тихомирову, который был ему, «разумеется, чужд, неизвестен, враждебен», с расспросами о трактовке Апокалипсиса, он вспоминал, как явился на Страстной бульвар. Тихомиров сам открыл дверь и повел Белого «в пренеуютную, как и он, комнату: неравнобокую; точно и не жили в ней, точно — редакция; старая мебель: диван, на котором спят не раздеваясь; кресла нелепо стоят; быт квартир нелегальных. В этом кубе орехового колорита чесал от угла до угла впалогрудый, какой-то колючий и маленький, морщась и плечи подняв; будто кислый лимон он лизнул; не глядя на меня, прерывал свою нетопыриную линию бега: зажечь папиросу; и — кинуться в угол: как пленник!»[4].

---

[1] Из дневника Льва Тихомирова. Период столыпинщины // Красный архив. 1936. Т. 1. С. 172.

[2] *Фудель С.И.* Собрание сочинений: В 3 тт. Т. 1. С. 61.

[3] Писатель Давыдов уточняет относительно места жительства Тихомировых: «Кто-то говорил мне, будто поселились они на Петровке. Неверно. На Страстном бульваре, Страстной, дом 78, при редакции и типографии "Московских ведомостей"» // *Давыдов Ю.В.* Бестселлер. С. 389. Можно полагать, что путаница произошла из-за двойного адреса. Далее уточняется, что контора «Московских ведомостей» находилась на Петровке, 25 // Там же. С. 394.

[4] *Белый А.* Начало века. С. 159—160.

Из газеты «Вече» за 1908 г.

Итак, в какой-то мере в это время реализовалась хотя бы одна, правда, сугубо обывательская, мечта Льва Александровича: он с семейством зажил как обеспеченный человек. Тогда он еще не предполагал, что минует всего несколько лет, и сбудутся самые мрачные его пророчества, а злодейка судьба преподнесет ему новую жестокую каверзу, с помощью войны и двух революций вновь возвратив его к разбитому «финансовому корыту» и заставив считать каждую копейку.

Назначение Тихомирова на пост редактора-издателя газеты консервативные круги Москвы встретили достаточно благожелательно. Руководители различных монархических организаций приветствовали его. Конечно, Тихомиров не был наивен и отчетливо понимал, что каждая из «правых» партийных группировок хотела бы через газету проводить свои идеи, а его видела «карманным» редактором.

«Союз русского народа» предпринял даже попытку посадить в редакцию своего человека, товарища председателя московского совета этой организации Л.Н. Боброва. В прошении на имя Столыпина Бобров указывал, что Тихомиров являлся сотрудником Грингмута «исключительно по газете и непосредственного участия в жизни монархических организаций как их член он не принимал» (что было абсолютной правдой). «Вот почему, — писал Бобров, – я и позволяю теперь просить... предоставить мне место помощника редактора, дабы я мог между прочим пополнить пробел, могущий быть в самом важном для развития монархических партий деле, что особенно важно в настоящее время, когда партии эти в силу происходящих в них непорядков значительно ослабели»[5]. Монархисты не учли того обстоятельства, что ни Столыпин, ни опирающийся на его поддержку Тихомиров не планировали делать «Московские ведомости» рупором какой-либо одной правой партии. Ситуация требовала разрешения, необходимо было расставить все акценты во взаимоотношениях редакции «Московских ведомостей» и монархических организаций.

Свое политическое кредо новый редактор выразил в передовице «От редактора-издателя» в № 5 за 1909 г., где заявил, что будет продолжать катковскую линию в газете, основываясь на традиционной формуле «самодержавие, православие, народность». По мысли Тихомирова, «Московские ведомости» не боевой партийный листок, по своим традициям газета является органом исторического национального направления, «и служение всей полноте национальной жизни составляет обязанность такого органа»[6]. Приоритетными направлениями «Московских ведомостей» назывались следующие: поддержка Православной церкви, необходимых для ее положения и значения в русском государстве прав, охрана ее авторитета и содействие оживлению ее деятельности. В области политической — поддержка существующего самодержавного строя, и с этой целью исправление недостатков государственных учреждений; восстановление гегемонии русского народа в Империи через посредство воссоздания национальной духовной жизни и пробуждения любви к Отечеству; выработка проектов необходимых социально-экономических преобразований с целью улучшения материального существования народа. Достичь всего этого, как подчеркивалось в передовице, можно было лишь единением национальных сил, презревших классовый эгоизм. Первостепенную роль здесь должно было сыграть дворянство как традиционный носитель государственных принципов.

После подобной передовицы, по мысли редактора, ни у кого не должно было остаться сомнений, что «Московские ведомости» при Тихомирове заявляются не как печатный орган, служащий интересам отдельных партийных групп, а является выразителем определенного национального направления»[7]. Об этом же Тихомиров во всеуслышание объявил на банкете, состоявшемся 18 января 1909 г. в ресторане «Эрмитаж» по случаю его назначения редактором-издателем. На нем

[5] Цит. по: *Костылев В.Н.* Лев Тихомиров на службе царизма... С. 353.
[6] [*Тихомиров Л.А.*] От редактора-издателя // Московские Ведомости. 1909. № 5.
[7] Там же.

исутствовали все крупные консервативные силы Москвы. Среди более м 40 присутствующих можно выделить И. Фуделя, Б.В. Назаревского, Ю. Нольде, Н.Ю. Зографа.

Отвечая на приветствия, Лев Александрович не преминул подркнуть общенациональное значение газеты, заявив, что «Московские домости» не будут служить интересам какой-либо одной партии, азета сама представляет своеобразную историческую организацию, ководитель которой утверждается государем императором. Это таой орган, который стоит выше партий»[8]. Впрочем, это не помешало азаревскому в ответном слове заметить, что «из недр "Московских едомостей" возникли русские национальные партии, которые смотрят а газету, как на свое знамя», и выразить новоиспеченному редактору риветствие от Русского монархического собрания[9].

Л.А. Тихомиров, фото кон. XIX — нач. XX в.

Попытка Тихомирова стать над партийными разногласиями и приать изданию роль центра, консолидирующего «правые», промонархиески настроенные силы, лишний раз показывала неспособность его адаптироваться в сложившейся ситуации. Претензии газеты на роль своего рода идейного лидера реди консервативной печати могли отражать лишь амбиции самого Тихомирова. Сыграть роль Каткова в 1909 г. не суждено было никому, и не потому, что так слабы оказались теоретические разработки Тихомирова или кого-либо другого, просто изменились условия жизни, и, конечно, 1909 г. нельзя было сравнивать с 70—80 гг. XIX в.

Ситуация в России в начале XX в. характеризовалась не только быстрым экономическим подъемом, приведшим к созданию качественно иной социально-политической ситуации. Шло нарождение новых политических сил, и самодержавие под их давлением, хотя и вынужденно, менялось. В силу объективных обстоятельств оно постепенно эволюционировало в сторону монархии парламентского типа, о чем ярко свидетельствовала деятельность Государственной думы.

Но стремление венценосных особ сохранить за собой единоличное управление страной толкало их на защиту традиционно присущих им привилегий любой ценой, а это, в свою очередь, суживало социальную базу монархии. В борьбе этих двух этих начал, несмотря на достаточно высокую политическую активность III Государственной думы, верх все же брала дворцовая камарилья, и Верховная власть из чисто самодержавной монархии все более превращалась в абсолютную. Возрастала ее опора на бюрократическую элиту, ставшую тем самым «средостением» между монархом и народом, чего так боялся Тихомиров. В чем-то можно согласиться с Р. Пайпсом, отмечавшим, что «принятие Плеве поста министра внутренних дел явилось кульминацией бюрократического консерватизма... Россия перестала быть самодержавной в любом смысле и обратилась в "полицейское государство"»[10].

Необходимо учесть и тот факт, что именно в начале XX века в ходе капитализации России на политическую сцену выходит русский национализм. С теоретической точки зрения национальный вопрос консерваторами начала XX века оставался разработанным слабо и Тихомиров, посвятивший этой проблеме цикл статей, жаловался, что «в нынешнем национализме чувствуется скорее "слово", чем "понятие"... хотя слово "национализм" раздается всюду, но что составляет содержание этого слова, к какому действию обязывает современного человека его "национализм", — этого пока невозможно определить»[11]. Историк М.Ю. Лачаева полагает, что «религиозный подход к истории и детальный анализ мировых религий, и прежде всего христианства и иудаизма, дал Тихомирову возможность показать личное неприятие национализма и определить приоритет общечеловеческих

[8] Московская жизнь (Обед в честь Л.А. Тихомирова) // Московские Ведомости. 1909. № 15.

[9] Там же.

[10] *Пайпс Р.* Русский консерватизм во второй половине X1X в. // Доклад на XIII международном конгрессе исторических наук. С. 10.

[11] *Тихомиров Л.А.* Христианство и политика. С. 164.

ценностей как показатель развития»[12]. Тихомирова, действительно, нельзя однозначно зачислить в русские националисты[13].

На вопрос о том, что же представляет собой русский национализм, попытался ответить Меньшиков. В его публикациях разных лет, посвященных этому вопросу, правда, можно обнаружить немало противоречий. Объясняется это не только переменчивыми симпатиями и антипатиями публициста, но и тем, что доктрина русского национализма еще оформлялась. В статье «Третья культура» Меньшиков признает, что русский национализм только начал свое становление: «В течение долгих веков народ вырабатывал себе "православие" и "самодержавие"», пока «его "народность" пребывала в некотором забвении», и вот, «просыпающийся к сознанию», он «видит себя во власти иноземных и инородных стихий»[14]. Т.е. «пробуждение» русского национализма — реакция на вмешательство «инородных сил»; объединение по принципу не веры, а крови! В другой статье с характерным названием «Русское пробуждение» у Меньшикова опять возникает тема становления национального самосознания: «Мы, русские, долго спали, убаюканные своим могуществом и славой, — но ударил один гром небесный за другим, и мы проснулись и увидели себя в осаде — и извне, и изнутри»[15].

Наступательный национализм использовался Меньшиковым в качестве мобилизационного фактора: «Империя — как живое тело — не мир, а постоянная и неукротимая борьба за жизнь, причем победа дается сильным, а не слюнявым. Русская Империя есть живое *царствование русского племени*, постоянное одоление нерусских элементов, постоянное подчинение себе национальностей, враждебных нам. Мало победить врага — нужно довести победу до конца... до претворения нерусских элементов в русские. На тех окраинах, где это считается недостижимым, лучше совсем отказаться от враждебных "членов семьи", лучше разграничиться с ними начисто. Но отказываться от своего тысячелетнего царства ради какой-то равноправной империи, но менять державную власть на какое-то "водительство" и "руководство" — на это живая Россия не пойдет»[16]. За этими словами просматривалось... признание кризиса Империи и готовность к ее демонтажу. От имени националистов Меньшиков обращался к «бунтующим» окраинам: «Вражда совершенно неизбежна при основном неравенстве, от которого ни вы, ни мы отказаться не можем. Вы... пламенно дорожите своим национальным своеобразием. Вы не хотите и *не можете* изменить ему. Мы, русские люди, то же самое... Остается, стало быть, разойтись... "Направо — твое, налево — мое". Национализм русский, по крайней мере *в моем* понимании, не есть захват и не есть насилие. *Национализм есть честное разграничение*... Завоевав чуждые племена, мы имели несчастную ошибку удержать их у себя»[17].

Стиль Меньшикова вызывал неприятие у Тихомирова, который, вполне в духе леонтьевской критики национализма, признавал, что преобладание этнического подхода в государственной политике ускоряет процесс эгалитаризации общества: «В узких порывах патриотизма... у нас понятие о вере ныне смешивается с понятием о племени, и русский народ представляется живущим верой только для самого себя, в эгоистической замкнутости»[18]. В статье с характерным названием «Что значит жить и думать по-русски?» (1911 г.) Тихомиров подверг критике идеологов русского национализма: «У нас нынче среди правых иногда появляется такая узкая идея русского интереса, такой национальный эгоизм, который приличествуют разве какой-нибудь бискайской "национальности". Но это в высочайшей степени антирусская черта... русская национальность есть мировая национальность, никогда не замыкавшаяся в круге племенных интересов, но всегда несшая идеалы общечеловеческой жизни, всегда умевшая дать место в *своем* деле и в своей жизни множеству самых разнообразных

---

[12] *Лачаева М.Ю.* «Цветущая сложность» К.Н. Леонтьева и концепция Л.А. Тихомирова. С. 75.

[13] Некоторые из публицистов указывают в качестве «признака» тихомировского национализма его критическое отношение к евреям, выражавшееся неоднократно как в статьях, так и в дневниковых записях, однако, было бы крайне ошибочно думать, что антисемитизм есть некий «обязательный признак» русского национализма.

[14] Нация и империя в русской мысли начала XX века / Составление, вступительная статьи и примечания *С.М. Сергеева*. М., 2004. С. 42.

[15] *Меньшиков М.О.* Из писем к ближним. М., 1991. С. 174—175.

[16] *Меньшиков М.О.* Письма к русской нации. М., 1999. С. 186.

[17] Там же. С. 176.

[18] *Тихомиров Л.А.* Апология Веры и Монархии. С. 221.

племен. Именно эта черта и делает русский народ великим мировым народом и, в частности, дает право русскому патриоту требовать гегемонии для своего племени. Мы же теперь слышим иной раз требование прав для русского племени не потому, что это нужно для всех других, для всего человечества, а просто потому, что для русского племени выгодно все забрать себе. Это настроение и точка зрения, против которых вопиют вся русская история, вся жизнь русского народа, все лучшие его мыслители и деятели. Только во имя своей великой общечеловеческой миссии русский народ может требовать себе руководительства другими народами и тех материальных условий, которые для этого необходимы. Те требования, которые может и должен предъявлять русский народ, налагают на него великие обязанности попечения и справедливости. Он не из тех опекунов, которые пользуются своими правами для того, чтобы обобрать отданных в зависимость от него. Люди, которые этого не понимают и не чувствуют, думают и живут не по-русски»[19]. Эта цитата очень важна, т.к. отражает точку зрения не только Тихомирова, но и тех, кто с правых, консервативных позиций критиковал русский национализм Меньшикова и его единомышленников. Важно отметить, что Тихомиров неоднократно употребляет в своей критике выражения об *общечеловеческой* миссии русских, которые есть «*мировая* национальность»! Схожие мысли встречались у Тихомирова и раньше. Например, в 1900 году он отмечал в дневнике, сокрушаясь по поводу убийств в Китае европейцев, что мы — русские, тоже европейцы, а европейские нации это нации всемирные. Хотим мы, или нет, но идем к всемирному общению. Это закон нашего существования и наша миссия. Причем это общение не обязательно имеет характер вражды, или покорения. Например, Россия заняла место в семье народов, а если нация может занять место в мирном общении народов, — то она в него вступит.

Жизнь не стояла на месте и процессы политической социализации русского общества шли необратимо, что сказывалось и на общественной жизни, разительно изменившейся после 1905 г. Отметим хотя бы значительное увеличение количества издаваемых общественно-политических газет и журналов, резко расширивших палитру мнений по различным вопросам социально-политической жизни России. Для сравнения: в 1871 г. издавалось 14 журналов и 36 газет общественно-политического содержания. В 1890 г. это соотношение составило уже 29 к 79, а в 1895 г. общее число общественно-политических газет и журналов составляло соответственно 36 и 93. Общее же количество периодических изданий с 1881 по 1895 гг. возросло с 531 до 841[20].

Что же касается «Московских ведомостей», то по своему тиражу газета после катковских времен никогда не поднималась на гребень его успеха (в 1863 г. — 12000 экземпляров) и не достигала даже уровня конца 1880-х гг., когда тираж ее стабильно составлял около 6 тысяч, хотя, для сравнения, суворинское «Новое время», судя по записи Суворина в его дневнике от 8 февраля 1893 г. имела тираж до 36000 экземпляров, при 17000 в 1876 году, т.е. «в 17 лет только удвоилась»[21]. Хотя «Новое время» представляло собой, без сомнения, самый популярный официозный печатный орган. Так что, как видим, претензии Тихомирова и его газеты на объединяющую роль в правом лагере не оправдывались, а независимая позиция Тихомирова обрекала его на полную изоляцию и отталкивала от него многие влиятельные силы промонархического лагеря. Не учитывал он и того факта, что большая политика делается в столице, а, как мы помним, петербургские монархисты не слишком жаловали бывшего революционера. Исключение составлял, пожалуй, Столыпин, но и тот весьма прагматично надеялся, что Тихомиров будет полностью поддерживать проводимый им политический курс. В Москве Тихомиров также не нашел полного понимания среди местных «правых». Монархические организации смотрели на него как на продолжателя дела Грингмута, и связывали с ним определенные надежды.

Об этом же свидетельствовали и дневниковые записи самого Льва Александровича, отмечавшего 21 августа 1909 года, что «газета не завоевывает публики. Движения, подписки нет, а есть колебания: то уменьшится, то прибавится. Публика будто пробует газету и, понюхав, уходит: не нравится

[19] *Тихомиров Л.А.* Апология Веры и Монархии. С. 220.

[20] См.: *Балуев Б.П.* Политическая реакция 80-х гг. XIX в. и русская журналистика. М., 1971. С. 153—154; *Есин Б.И.* Русская журналистика 70—80-х гг. XIX в. М., 1963. С. 149.

[21] Дневник Алексея Сергеевича Суворина. С. 98.

ей. Полугодовая моя подписка кончилась скандалом: сразу упала на 75 человек, с 1795 человек упала на 1720 <...> С тех пор колеблется каждый месяц, и хотя возрастает, но доселе не дошла до 1795 <...> Сейчас всего 1774 <...> И какая жалкая цифра. У Будиловича было на тысячу больше. Все это меня убеждает, что осенью я, вероятно, растеряю и тех подписчиков, которых имею <...> А уж кажется — куда еще понижаться. Я уже часто думаю, что придется ликвидировать дело или передать кому-нибудь. На мне лежит совершенно каторжная работа — редактора и издателя. Последняя особенно трудна для меня, в материальных делах несведущего... И вот истощаешься в буквальном смысле. Конторское дело особенно тяжко по своей неведомости мне. Вот как печально теперь мое существование! Уж какого-нибудь смысла оно совсем не имеет. России я, каков есть, не нужен, ну — и что же мне делать? Покориться ей я тоже не могу, и просто не умею <...> И вот живу, неизвестно зачем, и живу — в страшном, истощающем труде, который никому не нужен и ничего не достигает. Не весело»[22].

Анализируя деятельность Тихомирова на посту редактора-издателя «Московских ведомостей», нельзя не отметить, что одно из центральных мест в своих статьях он по-прежнему отводил вопросу реформирования государственных учреждений, исходя из того, что они должны соответствовать руководящим идеям национальной жизни, т.е. не противоречить идее самодержавия и не подрывать устоев Православной церкви. Отсюда резкая критика государственных учреждений, созданных Витте в 1905 — 1906 гг., которые «были созданы при чрезвычайном помутнении национального сознания, под влиянием смуты и при объявленном графом Витте лозунге — подчинить государство воззрениям не русской нации, а идеям "мыслящей части образованного общества", которое именно отрицало основы государственности, выработанной русской национальной жизнью»[23].

По сути, Тихомиров продолжал линию, проводимую им в 1905 г., когда начал разрабатывать целый ряд вопросов, связанных с необходимостью переустройства российских государственных структур. Основные недостатки в работе современных учреждений он находил во внутреннем противоречии, в их двойственности, т.к. в них не указывалось способов непосредственного действия верховной власти, а законодательная ее деятельность оказалась прямо ограниченной. Отсюда и стремление Государственной думы к расширению своих прав и умалению прав Верховной власти, т.е. монарха.

Правительство также не могло действовать, если бы не изыскивало способов влиять на Государственную думу и Государственный совет. Отсюда то репрессивные меры против Думы, то политика заигрывания. Еще одной характерной чертой, присущей государственным учреждениям образца 1906 г., было чрезвычайное усиление власти председателя Совета министров, т. к. при всеобщей борьбе за власть его положение оказалось наиболее выгодным для влияния на дела государства. По словам Тихомирова, «можно считать счастьем для России, что правительственные сферы выдвинули в этот период ряд крупных талантов, людей огромной энергии, а главное, бескорыстия. Эти личные качества, образчиком которых явился П.А. Столыпин, заменили до известной степени несовершенство учреждений»[24]. Причины сложившегося положения Тихомиров усматривал в искажении главного, на что традиционно опиралась российская государственность: превращение самодержавного принципа в абсолютизм, истинного православия — в омертвевший формализм, вырождение «народности» в простой племенной эгоизм и национальное «самомнение». Именно в забвении этих традиционных основ русской жизни Тихомиров видел капитуляцию России перед русской революцией. Наступившая текущая стабилизация посредством господства реакции не успокаивала его, он предостерегал: «Если наша реакция, как и полагается всякой реакции, начнет превращаться в "реставрацию" того, что начало разрушаться само собой даже до революции и что могло капитулировать даже пред такой жалкой (а потому и бессильной) революцией, — если у нас начнется воссоздание именно этого прежнего строя, то наша "реакция" будет только мимолетным отдыхом между двумя революциями. Реакция — это момент усталости, — не больше. От-

[22] Из дневника Льва Тихомирова. Период столыпинщины // Красный архив. 1936. Т. 1. С. 165—166.
[23] *Тихомиров Л.А.* Руководящие идеи русской жизни. С. 275.
[24] Там же. С. 278.

дохнут, позабудут все, чем себя компрометировала революция, и опять начнется ее поступательное движение. Такова судьба всех реакций. В смысле чего-нибудь прочного, положительного она не имеет и не может иметь решительно никакого значения, если бы даже водворяемые ею принципы были относительно лучше революционных, потому что все-таки позволяют кое-как жить, влачить существование... России нужна совсем не реакция, а возрождение жизненности национальных исторических основ; нужно, чтоб они стали в практическом действии такими же, какими являются в принципиальном своем содержании»[25]. Для этого, по его мнению, необходимо обратиться к выяснению истинного понимания принципов православия, дабы реализовать их на практике, тем более, когда перед страной открывается такое широкое поле для преобразований. Разумеется, решить великие задачи мог, по-Тихомирову, только великий монарх. «В это ответственное время, способное быть началом великой жизни или жалкой погибели, нам нужен наш Царь Самодержавный, Верховный, Богом, а не людьми поставленный, только Богом, а не людьми ограничиваемый, Повелитель сплоченного стомиллионного Русского народа. Всюду нужен Его взор, Его властное, решающее слово, всюду нужен Он как центр сплочения народного, как Вождь, за Которым пойдут, вокруг Которого положат жизни миллионы», — писал Тихомиров в статье «Царь и народ»[26]. Нечеткое понимание сути Верховной власти, считал он, и отражалось на работе современных государственных учреждений. Особую опасность Тихомиров усматривал в деятельности Государственной думы, работающей на основе партийного интереса и потому содействующей национальному разъединению.

Поскольку, по его мнению, каждая нация стремится к единению, то необходимо, чтобы существовала всепартийная власть, имеющая обязанности перед страной, а не перед партиями, т.е. самодержавие. Более того, главную беду в деятельности Думы в современном виде Тихомиров усматривал во все более явном эволюционировании думских учреждений в сторону парламентаризма, указывая на то, что «Дума обращает данные ей права запроса и права бюджетные не на полезное государственное употребление, а на, так сказать, "боевое", на добывание новых и новых прав "народному представительству"»[27]. Развивая эту мысль далее, он резюмирует: «Слово "парламент" у нас официально не существует и даже иной раз отрицается лицами правительства. Но дело не в словах, а в характере эволюции учреждений. В этом же смысле мы, конечно, насаждаем у себя не только "зародыши", а могущественные корни парламентаризма. В развитии их и состоит доселе главная миссия третьей Думы»[28]. Повинны в этом, по его рассуждениям, не только лидеры «левых» и либеральных партий, но и «октябристы», и даже действующие в Думе представители монархических партий.

Выход из создавшегося положения он видел в дальнейшем изменении избирательного закона 3 июня 1907 г., который, хотя и оценивался им позитивно, но признавался устаревшим. Он полагал, что «приходится доказывать, что для охраны интересов русского народа государство обязано дать ему не простое право побеждать на выборах, но и возможность на это, — соответственной системой избирательного права»[29].

В статье «О реформе народного представительства» он настаивал на полномасштабной реформе всей системы народного представительства, о чем он говорил и раньше, в работах 1905—1906 гг., предлагая вернуться к своей идее о том, что народное представительство в России может выражать лишь мнения, интересы и желания народа перед Верховной властью и ни в коем случае не должно претендовать на то, чтобы самому явиться носителем Верховной власти, которую воплощает монарх. Для достижения такого результата, считал он, необходимо видоизменить закон, чтобы народные представители избирались не от случайной массы избирателей, а от определенных групп населения, иначе говоря, перейти к социально-сословной системе выборов. Пока же в практическом плане Тихомиров предлагал ограничить сроки обсуждения законов в Думе, особенно в отношении бюджетных

[25] *Тихомиров Л.А.* Христианство и политика. С. 327.
[26] *Тихомиров Л.А.* Руководящие идеи русской жизни. С. 182.
[27] Там же. С. 299.
[28] Там же. С. 340.
[29] Там же. С. 331.

вопросов. По истечении установленного срока все рассматриваемые законопроекты должны были передаваться в Государственный совет, а затем выходить на непосредственное решение монарха, дабы пресечь превращение депутатов в сословие политиканов, им предлагалось сокращение сроков думских сессий, чтобы не дать депутатам оторваться от жизни представляемых ими групп населения, писал он в статье «О реформе законодательных учреждений»[30].

Забегая вперед, отметим, что в статье «Новогодние пожелания», в пожеланиях на 1912 год, бывший годом выборов в IV думу, Тихомиров сформулировал свои предложения относительно роли народного представительства при самодержавии: «России необходимо народное представительство, которое должно иметь, во-первых, обязанность представлять Верховной власти нужды и пожелания народа, а во-вторых, в законодательстве исполнять ту работу, которую ей указывает Верховная власть... Народное представительство должно, сверх того, быть устроено так, чтобы, во-первых, *русский* народ оставался господином в устроенной им Империи, а не превращался в раба инородцев, и, во-вторых, чтобы он в лице депутатов имел действительно *своих* представителей, верных слуг *своего интереса*, а не каких-то новых господ над собой»[31]. Предлагая подобное, он не мог не понимать, что такие изменения стали бы возможными только при реформировании *всего* законодательства в отношении устройства государственных учреждений, кодифицированного в 1906 г. Именно в нем Тихомиров и усматривал основную причину политических неурядиц в стране и все его теоретические разработки в этом плане заканчивались одной фразой: «Delenda est Carthago!» (Карфаген должен быть разрушен), т.е. законы о государственных учреждениях, разработанные в 1905—1906 гг., необходимо изменить.

В статье «Откуда беспокойство конституционалистов?» он отмечал, что законы 1905 г. «не монархичны, а... хаотичны, компромиссны, не имеют центра тяжести, полны противоречий, а посему не могут держаться. Как их исправлять — это вопрос, о котором можно спорить»[32]. Но исправлять нужно непременно. Рассматривая в «Московских ведомостях» возможности изменения кодификации 1906 г., он опирался на опыт манифеста от 3 июня 1907 г. Для примера приведем его предложения по изменению одной из основных статей законодательства 1906 г. — статьи № 7, гласившей: «Государь Император осуществляет законодательную власть в единении с Государственным советом и Государственной думой»[33]. Тихомиров предлагал внести следующую формулировку: «Власть законодательная во всем объеме принадлежит Государю Императору и осуществляется при законосоставлении либо *обычным* порядком, либо *чрезвычайным*, то есть непосредственным действием Верховной власти»[34].

Подобные изменения, направленные на подчеркивание неограниченной власти монарха, касались и поправок в отношении власти исполнительной и судебной. В целом изменения, предложенные Тихомировым в «Основные законы», при их реализации не только восстановили бы самодержавную власть в полном объеме, но и превратили бы Государственную думу в законосовещательное учреждение при царе. Главное же в том, что впоследствии такого рода поправки предоставляли Верховной власти возможность для дальнейшей корректировки «Основных законов» в нужном ей направлении. В предложениях Тихомирова по возвращению к «истинному самодержавию» мы можем найти много общего с «контрреформами» Александра III, по сути, свернувшего все либеральные начинания своего предшественника. Не учитывал Тихомиров одного — изменившейся политической ситуации в стране и расклада социальных сил, которые были отнюдь не в пользу сторонников отката к идеям, а главное методам их реализации 80-х гг. XIX в. Но, думается, нельзя упрекать Тихомирова и в политическом авантюризме.

Дело скорее в его специфическом взгляде на исторический процесс, который он переносил на оценку текущих политических событий и сквозь призму которого он оценивал сложившуюся

[30] *Тихомиров Л.А.* Руководящие идеи русской жизни. С. 446—451.
[31] Там же. С. 485—486.
[32] Там же. С. 405.
[33] *Тихомиров Л.А.* Апология веры и монархии. С. 179.
[34] Там же.

социально-политическую ситуацию в стране. В своих историософских взглядах Тихомиров по-прежнему оставался на позициях «субъективного» метода в социологии, ставящего во главу любого исторического процесса, как определяющий, личностный, психологический фактор, волевое усилие. Именно следование подобной логике и приводило его к неверной оценке ситуации в послереволюционный период и роли Столыпина в ней.

А реальное положение вещей в стране было иным. Видя, что правительство не спешит прислушиваться к его рекомендациям, Тихомиров винил в этом премьера, не учитывая того, что тот не всегда был свободен в принятии тех или иных политических решений. Неудовольствие политикой Столыпина в отношении «умиротворения» страны он не скрывал в своем дневнике, отмечая 1 ноября 1909 года: «Беда в том, что я еще не разочаровался в Столыпине, и не могу перейти с ним на почву неискренности и вранья. А между тем — он делает очень нехорошие вещи. Свои вероисповедные глупости продолжает поддерживать. О восстановлении царской власти даже и не помышляет, а через это ведет ее постепенно к полному упразднению <...> А государь? Живет в Ливадии — и о чем он думает? О чем заботится? Все вокруг него подкапывается, а он — неужели он ничего не видит? Вот умудрись тут поддерживать царскую власть!»[35].

Вопросы взаимоотношений между государством и Церковью волновали в те смутные для русского православия годы не только Тихомирова, но и многих представителей церковной иерархии. Нелишне будет привести свидетельство митрополита Евлогия: «Приниженность Церкви, подчиненность ее государственной власти чувствовалась в Синоде очень сильно... Эта долгая вынужденная безгласность и подчиненность государству создали и в самом Синоде навыки, искони церковным началам православия не свойственные — решать дела в духе внешнего, формального церковного авторитета, непререкаемости своих иерархических постановлений»[36]. Слова митрополита полностью совпадали с мыслями, ранее высказываемыми Тихомировым по вопросам церковной политики. Главную опасность для государства в статье «Град Божий» он усматривал в нарушении, начиная еще с петровской эпохи, органического союза между государством и Церковью. «Бедствия России и ее развращение начались с того, что некогда живой союз стал постепенно превращаться в пустую форму, и даже хуже — стал поддерживаться только из желания подчинить государству свободный "град Божий"»[37]. По мнению Тихомирова, для России насущно необходимо сохранить христианский характер государства, который состоит в том, чтобы государство «само, по своей доброй воле, проникалось христианскими нравственными идеями и проницало ими свое право, свои государственные обязанности, столь же добровольно становясь *покровителем* Церкви. Не господином (что есть идея Антихриста) оно должно быть, а покровителем, то есть без малейшего посягательства на духовно-нравственную сущность Церкви и ее самостоятельно определяемый церковный строй давать ей поддержку как первичному роднику своего собственного нравственного содержания...», утверждал он в статье «Клерикализм и союз с Церковью» [38].

В каком-то смысле пропаганде этих планов служило и возглавляемое им печатное издание. В нем с первых же номеров заявлялось, что одним из приоритетных направлений будет поддержка РПЦ, необходимых для ее положения и значения в русском государстве прав, охрана ее авторитета и содействие оживлению ее деятельности. Собственно на станицах газеты Тихомиров пропагандировал те идеи, которые были заявлены им в записках 1908 г. на имя Столыпина.

На страницах «Московских ведомостей» велась беспощадная борьба с уже упоминавшимися ранее вероисповедными законопроектами, рассматриваемыми в III Государственной думе. В них Тихомиров видел подрыв устоев православной веры, считая, что в государстве должна существовать одна господствующая Церковь, в данном случае православная. Усматривая в законодательных инициативах III Государственной думы попытки взять деятельность Церкви под свой контроль через

---

[35] Из дневника Льва Тихомирова. Период столыпинщины // Красный архив. 1936. Т. 1. С. 166.

[36] Митрополит *Евлогий (Георгиевский)*. Путь моей жизни: Воспоминания. С. 180—181.

[37] *Тихомиров Л.А.* Руководящие идеи русской жизни. С. 179.

[38] Там же. С. 214.

воздействие на Святейший синод, особенно в вопросе составления финансовой сметы[39], Тихомир выступал за уважение самостоятельности РПЦ.

Для этого, по его мнению, выраженному в статье «Римско-католическая пропаганда», требов лось «дать Церкви возможность воссоздать канонические формы общецерковной жизни, начин с центрального управления и кончая приходским, для чего необходим Поместный Собор и так определение отношений церковной и гражданской властей, при котором церковная власть п превращалась бы в подобие правительственного "ведомства"»[40]. В качестве первостепенной мер он предлагал поставить вопрос о церковном бюджете на рассмотрение специального комите Государственной думы в составе лиц исключительно православного вероисповедания[41].

По мысли Тихомирова, обоснованной в статье «Вероисповедные проекты», «во испо. нение Указа 17 апреля 1905 г. и Манифеста 17 октября правительству надлежало не начинать с ставление законодательных предположений[42] для представления в Государственную думу, а надл жало их заготовить для представления на Поместный Собор к тому времени, когда он буд созван»[43].

Деятельность «октябристов» в III Государственной думе, активно проталкивавших вероисповедн законопроекты, вызывала его негодование, и он прямо заявлял, что откладывать созыв Поместно собора возможно лишь при том условии, если правительство не даст хода вероисповедным зак нопроектам, но раз такое движение дано, то созыв Собора становится необходимым.

Усматривая в деятельности Думы только политическое явление, не связанное ни с русскими наци нальными традициями, ни с каким-либо вероисповеданием, Тихомиров в статье «Безотлагательнос Церковного собора» предостерегал, что при современном построении государственного управлен в России обер-прокурор Святейшего синода неизбежно окажется под влиянием Государственн думы, не имеющей никакого отношения к РПЦ. По его мнению: «Того и жди, что будет учрежде даже министерство исповеданий. Это уже не союз Церкви и государства, а принципиальное по чинение Церкви *внеисповедному государству*»[44].

Однако, безотлагательность созыва Поместного собора, активно декларируемая Тихомировы опасавшимся за традиционный союз самодержавной монархии и Православной церкви, неруш мость которого и должен был подтвердить Собор, разделялась далеко не всеми публицистам правого лагеря. Так, «престарелый флюгер реакции» — князь Мещерский, умудренный опытом интригах и политиканстве, и имевший близкие связи с правящими сферами Петербурга был бол осторожен. Зная о настроениях в Зимнем дворце, он на страницах «Гражданина» неодобритель отзывался о созыве Поместного собора и высказывался за сохранение существующего положен дел в государстве. Мещерский признавал созыв Собора несвоевременным и вредным и видел в ход в назначении хорошего обер-прокурора Святейшего синода. На это Тихомиров откликнул статьей, «Князь Мещерский и Церковный Собор». Он отмечал, что «Кн. Мещерский, человек пр шлого, подобно многим другим "собороборцам", способен любить Церковь, но не понимает самостоятельности, не понимает, что в недрах Церкви кроются силы бесконечно большие, ч силы какого бы то ни было обер-прокурора, и что Россия, вера и Церковь нуждаются теперь бол всего в том, чтобы к действию выступили эти могучие силы самой Церкви»[45]. Заключал свою стат Тихомиров патетическими словами: «Говорить же о вредоносности Собора Церкви и всеисцеляющ благодеятельности хорошего обер-прокурора — это значит ставить обер-прокурора выше Церкв Да не будет же этого!»[46].

---

[39] См.: *Тихомиров Л.А.* Смета Святейшего Синода в государственной Думе // Московские Ведомости. 19 15 мая.

[40] *Тихомиров Л.А.* Руководящие идеи русской жизни. С. 261—262.

[41] См.: Там же. 489—492.

[42] Вероятно, опечатка — предложений.

[43] Там же. С. 503.

[44] Там же. С. 544.

[45] Там же. С. 579.

[46] Там же.

В подобной ситуации Тихомиров пытается действовать через Николая II, следуя полученному от него разрешению прямо обращаться к нему через доверенное лицо — Дедюлина. Тем более, что к тому времени вероисповедные законопроекты, еще более радикализированные Думой, были уже частично приняты и вскоре должны были быть переданы на рассмотрение Государственного Совета. В результате 20 мая 1909 г. он отправляет записку на Высочайшее имя с приложением к ней своей статьи «Безотлагательность Поместного Собора». В записке говорилось: «Осмеливаясь повергнуть на Ваше Высочайшее внимание прилагаемую статью мою... я позволяю себе, во имя чрезвычайной важности обстоятельств, сопроводить ее нижеследующими пояснениями»[47]. Далее Тихомиров «разоблачал» перед царем думскую стратегию октябристов, ради которой они «поспешили выдвинуть освободительные вероисповедные законопроекты, которые по тяжким ударам, наносимым ими Церкви, и по искажению, вносимому в государственно-церковные отношения, а посему по подрыву монархической власти, вполне устраивают нужды октябристов и, сверх того, дают им популярность в среде той революционной интеллигенции, которая рада всему, подрывающему исторический строй, а равно в среде многих миллионов раскольников и сектантов, смешиваемых под наименованием старообрядцев»[48]. Целью Тихомирова было воздействовать на монарха в таком ключе, чтобы максимально долго задержать эти законопроекты в Госсовете с тем, чтобы не доводить их «до Вашего "утверждаю" или "не утверждаю"»[49]. А в дальнейшем и вообще изъять их из Думы, а «наилучшим поводом для этого могло бы быть возвещение о предстоящем созыве Церковного Собора. С момента такого возвещения, правительство было бы обязано взять назад свои законопроекты. И этот выход я указывал еще в прошлом году в своем докладе министру внутренних дел. Этот выход необходим...»[50]. Тут же он сообщал, что приступает к «изготовлению двух записок: о недостатках церковных законопроектов и о способах созвания Церковного Собора — каковые записки желал бы представить Вашему Величеству»[51].

Вторым из пакета материалов для монарха была записка «Недостатки правительственных законопроектов по делам вероисповедным». Ее текст во многом напоминал характер записок, поданных ранее Столыпину. В заключении записки Тихомиров, как бы суммируя все недостатки вероисповедных законопроектов, писал: «Самый же основной недостаток сводится к тому, что они самовольны. Они осуществляют не то, что указано Высочайшею волею. Они не сообразуются ни с русскими законами, ни с историей России, ни с народною верою. Они делают то, чего им никто не указывал делать. И на этом пути они производят полный переворот государственно-вероисповедных и государственно-церковных отношений в каком-то новом строе, составляющем смесь древнеримских языческих понятий с понятиями отрешившихся от веры "современных", или "новейших", как выражается Правительство, государств»[52].

Главная цель и первого и второго документа — созыв Поместного собора, на котором без каких-либо политических спекуляций можно было бы разрешить все неурегулированные внутрицерковные проблемы. В итоге было бы восстановлено патриаршество, а через это и авторитет всей церковной власти, как союзницы власти светской.

В прилагаемой к запискам статье Тихомиров также подчеркивал необходимость скорейшего созыва Собора, отмечая: «Потребность в созыве Собора обнаруживалась действительно уже давно. Управление русской Церкви слишком бюрократизировалось, что отзывается множеством вредных последствий»[53]. Особенно это стало актуальным, по его мнению, после проведения реформы государственных учреждений в 1905—1906 гг. Развивая свою мысль, он подчеркивал: «При сохранении прежнего церковного управления и при новых правах управления гражданского оказалось, что Св. Синод потерял всякое значение. Правительство нередко забывало о самом его существовании.

[47] *Тихомиров Л.А.* Церковный собор, единоличная власть и рабочий вопрос. С. 242.
[48] Там же. С. 243.
[49] Там же.
[50] Там же. С. 244.
[51] Там же.
[52] Там же. С. 256.
[53] Там же. С. 245.

Всякий закон и распоряжение, исходящие из области гражданского управления, обязательны для Св. Синода, а воля и голос Церкви для правительства в лучшем случае имеют значение частного совета, иногда менее влиятельного, чем голос крупной газеты»[54]. Так, например, произошло при разработке вероисповедных законопроектов в настоящее время проведенных в Государственной думе большинством, «состоявшим из католиков, протестантов, магометан и евреев»[55]. Поэтому в настоящий момент истории России, как полагал Тихомиров, Собор надо созвать безотлагательно. В сложившейся ситуации он прямо обращался к носителю Верховной власти с предупреждением: «Если допустить происходящее ныне поношение церковного управления гражданским, то власть Самодержца подкапывается в самом корне... Исход политических преобразований, ныне предпринятых, всецело зависит от того, будет ли церковная власть сохранена в своей прежней равночетности с гражданскою под общим верховенством Царя Самодержца. Если этого не будет — то народное представительство неизбежно выродится и в России в западноевропейский парламентаризм, с упразднением нашего исторического самодержавия»[56].

Статьи и записки Тихомирова по церковному вопросу, достаточно резкие по тону и пессимистичные по прогнозам на будущее, раздражали не только некоторые официозные издания, но и столичных чиновников[57]. Столыпин и в период пребывания Тихомирова в Петербурге довольно холодно относился к его церковным проектам, а теперь был и вовсе недоволен. Тихомиров отмечал это в своих записях: «Столыпин очень недоволен моими статьями. Значит, они не приносят только никому пользы, а вред мне все-таки приносят. Не совсем бесплодны... Этот Столыпин мне страшно надоел. Какого же черта он навязал мне "Московские ведомости"? Чего он мог ожидать от меня, кроме защиты церкви и царя?»[58].

Видя, что Столыпин не идет по предложенному «Московскими ведомостями» пути законодательных «контрреформ», Тихомиров все чаще в открытую, на страницах газеты, начинает критиковать его внутриполитический курс. Наглядно это можно увидеть в крайне непоследовательной оценке газетой аграрного законодательства Столыпина «как вынимающего краеугольный камень из-под всего политического здания монархии Российской» и устанавливающего в Российской империи «тот самый порядок, который служит в Западной Европе фундаментом парламентско-республиканского строя»[59]. В ответ же на резкую телеграмму Столыпина, возмущенного позицией газеты, Тихомиров помещает большую статью «Все или ничего», в которой обращает внимание на то, что не только аграрное законодательство, но и вся послереволюционная «устроительная работа» правительства ведет к «подрыву исторической идеи», а значит — и к новой революции[60].

При этом обращаем внимание на тот факт, что сами преобразования сельскохозяйственного быта крестьян благожелательно оценивались Тихомировым. Критика шла в рамках оценки правительственного курса в целом, и основной ее удар приходился на то, как в современной им России строятся взаимоотношения Верховной власти со своими подданными. То есть напрямую это касалось судьбы политических институтов, сформированных в стране под давлением первой русской революции. В одной из последних бесед со Столыпиным Тихомиров по-прежнему доказывал, что «у нас нет умиротворения, и положение крайне обостряется»[61]. Отсутствие широкомасштабных реформ в области государственного управления, по представлениям Льва Александровича, отрицательно сказывалось и на положении рабочего класса. Он отмечал, что «трудно... говорить об умиротворении в широкой среде рабочих масс. Вообще разочарованные в пережитом фазисе революции фабрично-заводские рабочие, однако, не нашли мирных способов улучшений, а социалистическая пропаганда среди них

---

[54] *Тихомиров Л.А.* Церковный собор, единоличная власть и рабочий вопрос. С. 246.

[55] Там же.

[56] Там же. С. 247.

[57] См.: *Repnikov A.V.* Russia's future as imagined by Russian conservatives in the early twentieth century // Russian studies in history: a journal of translations. 2004. Vol. 42. No. 4. P. 46—52.

[58] Из дневника Льва Тихомирова. Период столыпинщины // Красный архив. 1936. Т. 1. С. 166.

[59] См.: Московские ведомости. 1910. № 79.

[60] *Тихомиров Л.А.* Все или ничего // Московские ведомости. 1910. № 84.

[61] Цит. по: *Костылев В.Н.* Лев Тихомиров на службе царизма... С. 360.

остается неистребимой»[62]. Особо отмечалось, что «при возрастающем разрыхлении русского народа в его глазах затуманилась и государственная власть, способная его объединить. Где теперь власть, около которой нация могла бы единодушно сплотиться в минуту опасности? Новые учреждения делают все возможное для того, чтобы в глазах народа это стало тягостной загадкой»[63].

Тихомиров прорицал на страницах газеты новую перестройку: «Не умиротворив прошлого, не устроив настоящего, день 17 октября не гарантирует нам и будущего, ибо здание государственного строя, с тех пор воздвигаемого, кроет в себе два противоположных начала — монархическое и парламентарное, и не может быть приведено к прочности иначе, как новой перестройкой. На этом пункте, кажется, согласны все партии, а потому все они и смотрят на настоящее время только как на переходный момент. Вопрос будущего только в том, кто раньше выработает окончательный план и запасется силами для его осуществления»[64]. Публицист высоко оценивал степень боевой готовности революционеров, постоянно критикуя высшие эшелоны власти и ориентирующиеся на них монархические организации за излишнюю самоуспокоенность, борьбу амбиций, разобщенность, иначе говоря, за непонимание общественно-политической ситуации в стране.

В статье «Куда мы идем?» он довольно зло выговаривал монархистам, полагая, что в случае победы «они бы выставили множество отдельных планов, личных и кружковых, но национального плана не могли бы выдвинуть»[65]. Далее автор выносил свою оценку, звучавшую как приговор политическим способностям этих партий в преобразовании русской общественной жизни. «Простые "реакционеры" не были бы смущены, они бы просто восстановляли старый строй, может быть с попытками усугубления его дисциплины... Но торжество реакции всегда столь же недолговечно, как торжество революции, и дело истории решается не теми, кто производит революционные или реакционные перевороты, а теми, кто умеет — при перевороте или без него — заложить ростки *эволюции* своих принципов»[66].

Вывод Тихомирова звучал для монархистов и вовсе пессимистично: «Мы идем по прямой дороге к самому чистокровному *парламентаризму*, к господству партий и управлению государством политиканами»[67]. Бессмысленно обманывать себя, ибо «мы всем своим современным политическим существованием, своим партийным действием создаем парламентаризм... В этом смысл того политического процесса, который мы переживаем и который на вид представляется хаосом бессознательности»[68]. Подобные публицистические выпады шеф-редактора «Московских ведомостей» сильно раздражали Столыпина, не раз упрекавшего Тихомирова за излишнюю «резкость» его статей, а также преувеличение силы и влияния либералов и революционеров. В этой ситуации Тихомиров напоминал человека, который, вместо того, чтобы утешать неизлечимо больного ложными обещаниями выздоровления и стабилизации, говорит ему о скорой и неизбежной смерти. Тон статей, так или иначе задевавший позиции правительственной власти, не устраивал Столыпина, видевшего в публицисте свою креатуру и надеявшегося на то, что газета будет идти в фарватере правительственной политики. Пессимистические (но вместе с тем и реалистические!) прогнозы Льва Александровича вызывали досаду.

К 1910 году стало ясно, что многие предложения Тихомирова в конкретной политической ситуации не только не могли быть востребованы властью, но и раздражали ее. Это чувствовал и сам Лев Александрович, писавший 1 января 1910 года в дневнике: «Приходится весь год возбуждать неудовольствие Столыпина, а № 1 за 1910 г., в корне отрицающий его политику, может его и совсем взорвать»[69]. И далее: «Вот тут и спрашивай себя: что год наставший нам готовит? Мне-то, пожалуй, не страшен никакой провал и даже никакая участь. Не только не гонюсь за славой, а подчас равно-

[62] *Тихомиров Л.А.* Руководящие идеи русской жизни. М., 2008. С. 284.
[63] Там же. С. 286.
[64] Там же. С. 293.
[65] Там же. С. 334.
[66] Там же.
[67] Там же. С. 335.
[68] Там же.
[69] Из дневника Льва Тихомирова. Период столыпинщины // Красный архив. 1936. Т. 1. С. 168.

душен и к жизни. Страшно только за семью. Как бы их не увлечь за собой в гибель! А Россия? Что же мне с ней делать, если она хочет покинуть Богом благословленные пути, или если даже она просто глупа и изгадилась? Она, эта Россия, мне всю душу вывернула, лишила всякой охоты жить и работать... У меня нет силы, ничего не могу я сделать с этой Россией. Моя совесть чиста. Я заморил себя на работе, *и ничего не мог сделать*. На нет — суда нет!»[70]. Прогноз не утешителен, публика от «Московских ведомостей» отшатывается и Тихомиров мечтает «хоть маленький базис обеспечить для спасения семьи»[71]. В окружении мрачно смотрят на будущее «собственно старой России, царской, православной. Россия столыпинская, всеверная, интеллигентно-конституционная, бесцветная и безыдейная — та, может быть, и "образуется" <...> Да что в ней толку? Ни Богу свечка, ни черту кочерга, если только в конце-концов не выйдет действительно чертовой кочергой»[72]. Издательские дела Тихомиров характеризовал как «препоганые», отмечая, что «вообще мое издание ни с политической, ни с финансовой стороны не имеет успеха. С политической — особенно. Достопримечательно гробовое молчание, которое хранит вся печать о "Московских ведомостях"»[73]. От банкротства газету выручали правительственные субсидии и бесплатные объявления.

Многие консерваторы не одобряли независимого курса Тихомирова. В своих письмах Бельгард доводил до Льва Александровича, что Столыпин очень недоволен его статьями, главным образом — по церковно-государственной проблематике. Вопросы правильного устроения церковно-государственных отношений, созыва Поместного собора, критики вероисповедных законопроектов, рассматриваемых Думой, служили камнем преткновения во взаимоотношениях премьера и Тихомирова, о чем уже указывалось. Примечательна в этом плане реакция Петра Аркадьевича на письмо Тихомирова, призывающее начать незамедлительную работу по изменению законов 1906 г. как крайне неудачных и опасных для судеб российской государственности. На этом письме Столыпин сделал симптоматичную пометку: «*Все эти прекрасные теоретические рассуждения на практике оказались бы злостной провокацией и началом новой революции*»[74].

Столыпин, действуя в пределах возможного в горниле кипящих политических страстей, и неся колоссальную ответственность за судьбу вверенного ему государства, и сам, возможно, не разделяя многие из положений законов 1906 г., при всем желании не мог резко повернуть в сторону изменения уже сложившихся политических институтов. Он остался верен формуле, выдвинутой им на открытии III Государственной думы: «Правительство употребит все усилия, чтобы облегчить работу законодательных учреждений и осуществить на деле мероприятия, которые, пройдя через Государственную думу и Государственный совет и получив утверждение Государя Императора, несомненно, восстановят порядок и укрепят прочный правовой уклад, соответствующий русскому народному самосознанию»[75].

Отношения между Столыпиным и Тихомировым стали еще острее после того, как в «Московских ведомостях» появилась антистолыпинская статья Ипполита Гофштеттера, содержащая резкие нападки на проводимый премьером внутриполитический курс. В дневнике Тихомиров отмечал, что «статья прямо вызывает разрушить всю политику Столыпина, и может его взорвать»[76]. Так и произошло — в ответ Столыпин прислал в редакцию газеты следующую пометку от 10 апреля: «Возмутительно помещение такой статьи в "Московских ведомостях"»[77]. Тихомиров в ответ послал заказное письмо с утверждением, что «статья прекрасная» и упреками в адрес Петра Аркадьевича[78]. При этом практически прямым текстом Тихомиров писал о своем разочаровании в труде на издательской ниве.

---

[70] Из дневника Льва Тихомирова. Период столыпинщины // Красный архив. 1936. Т. 1. С. 168.
[71] Там же. С. 169.
[72] Там же.
[73] Там же. С. 170.
[74] *Тихомиров Л.А.* Христианство и политика. С. 365.
[75] *Столыпин П.А.* Нам нужна великая Россия. М., 1991. С. 78.
[76] Из дневника Льва Тихомирова. Период столыпинщины // Красный архив. 1936. Т. 1. С. 172.
[77] Там же.
[78] Там же.

Л. Тихомировъ

КЪ РЕФОРМѢ ОБНОВЛЕННОЙ РОССІИ.

(Статьи 1909, 1910, 1911 гг.)

Как уже указывалось, его планы по переустройству государственных учреждений тесно увязывались, с его практическими предложениями по реформированию института РПЦ. По его мнению, только Церковь являла собой тот духовный центр, объединявший и связывающий самодержавного монарха и его подданных. По представлениям Тихомирова, лишь тесный союз государства и РПЦ мог являться тем фундаментом, на котором способно было базироваться здание «идеальной самодержавной монархии».

Подобное направление и тон газеты не только раздражали правящие верхи, но и отнюдь не однозначно воспринималось и «правыми» интеллектуалами. Как нельзя лучше характеризует неприятие тихомировских идей частью консервативной богемы хлесткая фраза, брошенная Розановым: «Потом думал "сравнительно" о Льве Тихомирове. Тусклый редактор "Московск. Ведом." и автор каких-то статеек, брошюр и книжек, которые нужны безграмотному, а грамотному не нужны»[79]. Конечно, отношения между Тихомировым и Розановым были напряженными и их нельзя было и раньше назвать безоблачными (в 1894 г. между ними шла активная полемика по вопросу о «свободе и вере»). Резко отрицательно относясь к розановским работам о христианстве и «религии пола», Тихомиров посвятил ему в дневнике 25 июня 1899 г. запись, в которой с присущей его личным записям откровенностью зафиксировал, что Василий Васильевич, «в сущности, скотина». И хотя у него есть искорки честности, но он «затоплен во всякой дряни»[80]. Характерно письмо Тихомирова к Розанову от 15 апреля 1910 года, в котором Лев Александрович отвечал на предложение принять участие в публикации писем Леонтьева в «Московских ведомостях». Тихомиров отказал, справедливо отмечая, что «это материал не для политической газеты... Даже и сонаты воскресшего Бетховена немыслимо поместить в общеполитической газете. Можно иметь *статьи* о Константине Николаевиче, да и то в свое время, или в близком соотношении с чем-нибудь текущим. А где мне найти место на переписку?»[81]. Размышляя далее о судьбе Леонтьева и Говорухи-Отрока, Тихомиров саркастически намекал на статьи Розанова, связанные с проблемами взаимоотношения полов. Осуждавший своего старшего наставника Леонтьева за женолюбие («грехов совершал очень достаточно»), Тихомиров не преминул укорить и Розанова: «Но только как это *Вы* их вспоминаете? Ведь Вы так далеко от них ушли. А мне действительно жаль их. Без малого ни за что пропали. Земля, господине, такая: не вмещает здорового таланта, тянет ее к революции да клубничке, да смеси революции с клубничкой. Да, жалею, что не имею средств издавать исторического журнала. Только если бы имел — то издавал бы на немецком языке, а то, пожалуй, на японском. Нашему дикарю это не в коня корм»[82]. Публикатор тихомировского письма С.М. Сергеев предполагает, что ответной реакцией Розанова стало упоминание Тихомирова в статье «Константин Леонтьев и его "почитатели"» («Новое слово», 1910, № 7). Розанов писал: «Грингмут и теперь Л.А. Тихомиров, в обладании которых находилась типография "Московских ведомостей", одним мановением руки могли бы дать *обществу* издание сочинений Леонтьева, от "крох" которого оба идейно питались и питаются. Но "крохи" они подбирали, а "мановения" не дали...»[83].

Розанов, стремящийся к религиозному *поиску* (порой весьма далеко уводящему его от православных канонов), не без основания критиковал Тихомирова-публициста в статье «Что против

---

[79] *Розанов В.В.* Мимолетное. 1915 год: Издание полного текста / Составление, вступительная статья, подготовка текста и комментарии *А.В. Ломоносова*. М., 2011. С. 205.

[80] ГА РФ. Ф. 634. Оп. 1. Д. 7. Л. 30 об.

[81] См.: Письмо Л.А. Тихомирова В.В. Розанову / Публикация *С.М. Сергеева* // *Тихомиров Л.А.* Христианство и политика. С. 602.

[82] Там же.

[83] *Розанов В.В.* Собрание сочинений. Легенда о Великом инквизиторе Ф.М. Достоевского. Литературные очерки. О писательстве и писателях. С. 557.

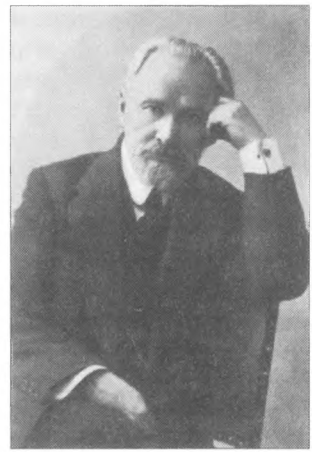
принципа творческой свободы нашлись возразить защитники свободы хаотической?». Розанов писал: «Чрезвычайная отчетливость выражения составляет главное достоинство г. Л. Тихомирова, и отсутствие длящихся мыслей какого-нибудь сложного созерцания — его недостаток как писателя. <...> Высокая отчетливость мысли г. Л. Тихомирова, быть может, и зависит от того, что в нем нет и ему не понятно все сколько-нибудь мистическое и священное в человеке; что простота механических воззрений одна ему известна; что значит живой росток в человеке и каковы его законы — это для него темная могила <...> Начало жизни в высшей степени чуждо и непонятно ему, и этот недостаток душевного проникновения даже отражается на достоинствах и недостатках его языка, столь прозрачного и как-то точно стучащего словами, — точно между ними недостает чего-то эфирного, живого, что, как сон, по трубочкам растений бежало бы, струилось в них всех и их одушевляло бы и связывало»[84]. Однако, если верить рассказу родственника Тихомирова, в отношениях мыслителей со временем не все стало столь однозначно: «Однажды... Тихомиров сказал: "Сегодня у нас будет к обеду интересный гость"... Перед самым обедом Лев Александрович вышел из кабинета с одетым в поношенный коричневый костюм пожилым человеком невзрачного и даже неопрятного вида, и все время за обедом проспорил с ним о каких-то, мало интересных для меня, церковных вопросах»[85].

Критика Тихомировым религиозных исканий (будь то искания Розанова, Мережковского или кого-то другого) — очень важная тема. Ведь даже Константина Леонтьева, как известно, незадолго до смерти ставшего монахом Климентом, Тихомиров заподозрил в недостаточной православности. Генерал Киреев для него тоже был «искренне верующим, только немножко не с русским оттенком»[86]. Интересно объяснение, почему же Тихомиров усматривал в вере Киреева элементы протестантизма: «Не замечал я, чтобы он усердно посещал храмы, и думаю, что никогда он не совершал богомолий к каким-либо святыням и не искал бесед с какими-нибудь почитаемыми старцами, например хотя бы с отцом Иоанном Кронштадтским»[87]. Зато в плюс Кирееву ставилось то, что «говенье он совершал очень набожно, стараясь на это время уединиться от дел и людей. Очень охотно он также обращал иноверцев в Православие»[88]. Сам Тихомиров тщательно фиксировал в дневнике (особенно по мере того, как старел, т.е. объективно все ближе подходил к роковой черте между жизнью и смертью), когда именно он говел, исповедовался, причащался; ходил в церковь и т.д. Обрядовая сторона была для него крайне *важна*, что, кстати, было характерно и для взглядов Победоносцева. Конечно же, Розанов на этом фоне должен был казаться Тихомирову «еретиком» и любителем «клубнички».

В свою очередь в рецензии на работу Тихомирова «Борьба века», под характерным названием «Где истинный источник "Борьбы века"», Розанов делал вывод, что эта «борьба» понимается Львом Александровичем излишне научно. Стремление к революционному насильственному переустройству мира вытекает, по Розанову, из потери чувства реальности и конструирования отвлеченного мира «своих созерцаний», когда человек создает свой особый внутренний мир. Противоречие между сконструированным в мечтах идеалом и реальностью приводит к стремлению перестроить мир по собственным идеальным образцам и изменить реальность во имя лучшей жизни или даже одной только «неверной надежды на ее осуществление»[89]. Следовательно, социализм порожден не столько экономическими изменениями, сколько духовным кризисом общества. Розанов решался открыто признать то, что неоднократно писал Тихомиров на страницах дневника и в личных письмах (историк С.М. Сергеев верно полагает, что оценка консервативного лагеря, выраженная в дневниках Льва Александровича, не так уж и далека от розановской). По Розанову, рост социалистических настроений — результат кризиса монархической государственности, результат распада подлинной *иерархии* и падения духовности в русском народе. Для Розанова очевидно, что «ни в хорошо сплоченных сословиях, как духовное или военное, ни в крепком быте, как, например, наш

[84] Цит. по: *Ломоносов А.В.* Комментарии // *Розанов В.В.* Мимолетное. 1915 год: Издание полного текста С. 452.
[85] *Терапиано Ю.К.* Встречи: 1926–1971. М., 2002. С. 20.
[86] *Тихомиров Л.А.* Тени прошлого. С. 662.
[87] Там же.
[88] Там же.
[89] *Розанов В.В.* Религия. Философия. Культура. М., 1992. С. 120.

крестьянский, — чувство социалистичности невозможно, не прививается, не встретит себе реагирующей почвы»[90]. Оба мыслителя (Розанов и Тихомиров) верно полагали, что социализм может дать всходы в среде пролетариата и что революционные учения появились на уже *подготовленной* к их привитию российской почве. А значит, только запретительными мерами положения не исправить. Не случайно Розанов, призывая вести борьбу за души людей, писал о недопустимости закрывать глаза «на действительно высокие страдания огромных масс людей, в умиротворении которых предполагается задача и сущность социализма»[91].

В.В. Розанов; фото 1917 г.

События первой русской революции стали своеобразной точкой отсчета для религиозно-философских и идейно-художественных поисков творческой интеллигенции. Эпоха «серебряного века», погруженного в декаданс и полного мрачных предчувствий, после 1905 г. уступила место идеализму и символизму, причем интеллектуальные поиски литературно-художественной богемы причудливо сочетали эти направления с мистицизмом и религиозными исканиями. Последние же напрямую задевали традиционное православие и входили в прямой конфликт с официальной Церковью, что вызывало гнев наиболее ортодоксальной ее части. Достаточно привести фрагмент из письма Антония Храповицкого: «Не столько боюсь противодействия двухсотлетнего государственного деспотизма над православием, сколько новонародившейся поповской декаденщины, проектов о женатых архиереях, попах двоеженцах и т.д.... если Мережковский и Розанов откроют свое хайло, не имея на чем более зарабатывать авторский гонорар, кроме богословия»[92].

Особенно ярко проявлялись подобные религиозные веяния в творчестве Розанова, у которого понимание вопросов жизни, философии и религии увязывалось с центральной для его творчества проблемой — семьи и пола. В отличие от официального догмата Розанов видел истоки жизни в соединении полов. Христос рисовался им как дух небытия, а в христианстве он усматривал религию смерти. Результатом подобных «богоборческих» исканий стало появление в 1910 г. книги «В темных религиозных лучах», а после ее запрета и уничтожения тиража он в 1911 г. на основе ее материала подготовил две другие книги — «Темный лик» и «Люди лунного света». Тихомирова также беспокоили подобные отклонения от канонов веры, и он откровенно не принимал такой постановки вопроса, что нашло отражение в его спорах с Розановым.

Творчество Розанова не осталось незамеченным и официальной Церковью. Следствием подобного положения вещей даже стало предложение епископа Саратовского Гермогена о предании «явного еретика» Розанова церковному отлучению (анафеме). 16 июня 1911 г. Гермоген направил в Синод доклад о книге Розанова «Люди лунного света», в которой, как он писал, автор, «воспевая гимны "священным блудницам", проповедует разврат, превозносит культ Молоха и Астарты, осмеивает евангельское учение о высоте девства, восхваляет язычество с его культом фаллоса <...> извращает смысл монашества и клевещет на него и издевается над духовенством»[93].

Возмущение некоторых представителей церковных кругов (в т.ч. того же Гермогена) вызывали и слухи об усилении влияния Распутина при дворе. Тихомиров через вверенную ему газету пытался воздействовать на ситуацию. При молчании по этому поводу большинства официозных изданий именно «Московские ведомости» начали проводить активную антираспутинскую кампанию, вызвавшую

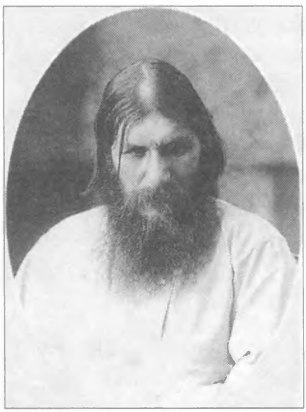
---

[90] *Розанов В.В.* Религия. Философия. Культура. М., 1992. С. 121.

[91] Там же. С. 124.

[92] Материалы для характеристики контрреволюции 1905 г. (Из переписки Б. Никольского с Антонием Волынским). С. 162.

[93] *Николюкин А.Н.* Возвращенная книга // *Розанов В.В.* Собрание сочинений. В темных религиозных лучах. С. 442.

Григорий Распутин

открытое неодобрение двора. Сам Тихомиров, ненавидевший Распутина, буквально как *личного врага*, негодовал по поводу симпатии к нему влиятельных представителей православной церкви и чиновников. Исследователи И.В. Никитина и С.М. Половинкин отмечают: «Тихомировские "Московские Ведомости", — орган правых, — где постоянно появлялись публикации членов Новоселовского кружка, начиная с 1910-х годов, то и дело выступают в оппозиции к Синоду, как силе бюрократической, враждебной духу живой церковной соборности... В марте 1910 г. Новоселов помещает здесь две статьи... где прямо называет Распутина "эротоманом и хлыстом", ссылаясь на частное мнение "одного архиепископа" (возможно, речь идет об архиеп. Антонии (Храповицком), высказывающемся в этом духе в письме к Ф.Д. Самарину), и выражает удивление по поводу молчания Святейшего Синода о нем. Здесь впервые публично, за полной подписью, со стороны православного и монархиста, человека известного и авторитетного, было брошено обвинение: "малодушие церковной власти", "позорное и преступное". Новоселов, как бы не видя уже в России церковной власти, не веря в нее, взывает не к ней, а к "нравственному сознанию и здравому смыслу рядовых пастырей и братьев-мирян"»[94]. Понятно, что именно Тихомиров предоставил на страницах своей газеты место для статьи М.А. Новоселова «Духовный гастролер», напечатанной 20 марта 1910 года[95]. Новоселов в статье не только обличал неблаговидное поведение Распутина и его «гнусное распутство», но и негативно оценивал контакты с ним некоторых религиозных иерархов, компрометирующих тем самым Церковь.

26 марта Тихомиров отмечал в дневнике: «Рассказывал М.А. (Новоселову), что статья "Духовный гастролер" о Григории Распутине, где изображено его гнусное распутство, далеко не произвела впечатления в высших сферах. Видел ли ее Государь и как отнесся к ней — неизвестно. Но вряд ли хорошо...», — заключал Тихомиров[96]. Последующая запись от 10 апреля 1910 г. лишний раз подтверждает правильность его оценки реакции Николая II на статью: «Узнал я, что государь сказал, что "ошибся в своих ожиданиях от Тихомирова". В чем причины разочарования — неизвестно, но можно думать (по совпадению времени), что виноваты статьи Новоселова о Григории Распутине <...> Ну уж, как угодно! Не могу я не обличать духовного он»[97]. В № 72 газеты от 30 марта появляется еще одна статья Новоселова — «Еще нечто о Григории Распутине». 30 апреля 1910 г. в газете появляется передовица, утверждающая, что Распутин — хлыст, и т.к. «секта хлыстов по закону гражданскому считается сектой вредною и недопустимою», в статье содержалось требование к Святейшему синоду рассмотреть это обстоятельство[98].

Оценивая этот поступок редактора, Столыпин, тоже негативно относившийся к Распутину, отмечал: «Это был с вашей стороны подвиг, но он очень дорого Вам обошелся»[99]. Ценой такого поступка стала потеря покровительства хозяина Зимнего дворца. Желая прояснить для себя ситуацию, Тихомиров вновь обратился к дворцовому коменданту Дедюлину с письмом от 4 ноября 1910 г. с приложением четырех статей из «Московских ведомостей», которые «весьма бы желал довести до сведения его величества»[100]. Три из них были посвящены реформе народного представительства при Верховной власти. Четвертая — «важнейшая часть речи члена Госуд. думы Львова[101], которая

---

[94] *Никитина И.В., Половинкин С.М.* «Московский авва» // Архив священника Павла Александровича Флоренского. Вып. 2. Переписка с М.А. Новоселовым. Томск, 1998. С. 25—26.

[95] *Новоселов М.А.* Духовный гастролер Григорий Распутин // Московские ведомости. 1910. № 49.

[96] Из дневника Льва Тихомирова. Период столыпинщины // Красный архив. 1936. Т. 1. С. 171.

[97] Там же. С. 172.

[98] *Тихомиров Л.А.* О Григории Распутине, иеромонахе Илиодоре и прочих // Московские ведомости. 1910. № 97.

[99] ГА РФ. Ф. 634. Оп. 1. Д. 25. Л. 102.

[100] Из дневника Льва Тихомирова. Период столыпинщины // Красный архив. 1936. Т. 1. С. 179.

[101] Вероятно, имеется в виду Николай Николаевич Львов.

была замолчана и в Думе и в печати и которая раскрывает смысл прав церкви в русском государстве и сущность прав государя императора в русской церкви... По моему глубокому убеждению, посылаемые мною статьи должны быть доведены до высочайшего сведения»[102]. В этом письме он выражал желание лично приехать в Петербург и выслушать решение самодержца относительно своей судьбы. В случае негативного отношения монарха к публицистике «Московских ведомостей» Тихомиров выражал желание уйти в «полную» отставку. «Я и на службу пошел и за редакторство взялся с единственной целью послужить по мере сил восстановлению нашего политического строя, который при надлежащем усовершении мог бы быть образцом для всех народов земных, а вместо того поставлен на путь разрушения», — подчеркивал он в письме[103]. И продолжал далее: «Если дело восстановления действительно усовершенного царства русского не двинется вперед, если вместо того у нас закрепляется шаг за шагом парламентаризм, подрывающий и царскую власть, и православную церковь, то мне нечего делать ни в "Московских ведомостях", ни в какой бы то ни было общественной деятельности, а остается удалиться в тишину и позаботиться о спасении своей души, в очень близком будущем имеющей предстать на суд выше человеческого»[104].

Представляется, что Лев Александрович несколько преувеличивал степень недовольства его газетой в высших эшелонах власти. Что же касается отношений с Столыпиным, то, несмотря на эпизодически проявлявшиеся между ними разногласия по поводу отдельных статей, Петр Аркадьевич, по свидетельству его брата, А.А. Столыпина, до конца жизни ценил и уважал Тихомирова и всячески поддерживал его публицистическую деятельность[105]. Согласимся с мнением историка Костылева, считавшего, что «Столыпина... в целом устраивала позиция газеты, формально независимой от правительства и нередко критиковавшей некоторые действия самого премьера, но в наиболее важные критические моменты неизменно оказывавшейся на его стороне»[106].

Несомненно, что Столыпин испытывал к Тихомирову и личную симпатию. С высоты своего политического положения он не только с подчеркнутым уважением, но и с долей доброй иронии относился к критическим выпадам «Московских ведомостей», считая это проявлением своеобразного идеализма и «политического донкихотства» Тихомирова, настолько же трогательного и романтического, насколько и практически не выполнимого в условиях тогдашней политической ситуации в России. Недаром во время их последней встречи, как бы предчувствуя свой трагический финал, Столыпин сказал Тихомирову: «Я... знаю очень хорошо, что, когда я паду, вы будете приходить ко мне еще охотнее, чем теперь»[107].

Существовала и еще одна точка соприкосновения в отношениях Столыпина и Тихомирова — очень схожие взгляды на проблемы социально-экономического развития страны. Столыпин с огромным вниманием относился к предложениям редактора «Московских ведомостей», касающимся рассмотрения социальной политики правительства, в том числе и по рабочему вопросу (это не значит, конечно, что они были для Столыпина «руководством к действию»). В свою очередь и Тихомиров на страницах газеты уделял достаточно много места социально-экономической проблематике.

К вопросам, непосредственно касающимся разработки экономической модели развития России, Тихомиров возвращается уже в годы редактирования «Московских ведомостей». В своей передовице от редактора-издателя он одной из приоритетных задач газеты называл «выработку проектов необходимых социально-экономических преобразований с целью улучшения материального существования народа»[108]. О его стремлении влиять через подведомственную ему газету на выработку правительством «правильного» экономического курса свидетельствует и появившаяся в самом начале его редакторской карьеры статья «Экономические задачи времени». В ней публицист откровенно и достаточно

[102] Из дневника Льва Тихомирова. Период столыпинщины // Красный архив. 1936. Т. 1. С. 179.
[103] Там же.
[104] Там же. С. 180.
[105] *Столыпин А.А.* Письмо Л. Тихомирова // Новое время. 1911. № 12758.
[106] *Костылев В.Н.* Лев Тихомиров на службе царизма... С. 361.
[107] *Тихомиров Л.А.* Христианство и политика. С. 358.
[108] *Тихомиров Л.А.* От редактора-издателя // Московские ведомости. 1909. № 5.

безапелляционно высказывался за государственное вмешательство в дела промышленности на разных уровнях[109]. При помощи контент-анализа тихомировских передовиц за 1909—1911 гг. (т.е. в период премьерства Столыпина), можно сделать следующие выводы: около трети передовых статей посвящены в той или иной степени социально-экономической проблематике; по чисто экономическим вопросам им написано около 21% передовиц. Обратим внимание на то обстоятельство, что отнюдь не всегда взгляды редактора и премьера полностью совпадали. Это касалось вопросов разработки и реализации социальной политики правительства и усиления роли государства в координации экономических процессов. К тому же Столыпин отнюдь не спешил корректировать достаточно эффективно работающие экономические механизмы, запущенные при Витте.

При более детальном анализе предложений Тихомирова следует выделить несколько групп вопросов, наиболее его волновавших. Основным направлением в освещении им социально-экономических проблем Российской империи оставалось положение рабочего сословия. Причем публицистика Тихомирова не претерпевает особых изменений по сравнению с предыдущими годами. Только теперь больше места он уделяет изучению частных моментов: рабочему страхованию и созданию рабочих обществ взаимопомощи под опекой государства и т.п.[110] Развивал он и идею мелкого народного кредита, выдвигая предложение об учреждении специальных кооперативных банков[111].

Рассматривая в целом экономический блок газеты, руководимой Тихомировым, можно отметить, что в целом в ней проводилась линия в поддержку основных мероприятий правительства, возглавляемого Столыпиным. Так, активно именно с точки зрения экономической целесообразности Тихомиров поддержал проводимые Столыпиным аграрные мероприятия. Особенно четко это проявилось в его статье «Великая историческая реформа», в которой прозвучала восторженная оценка правительственных мероприятий в сфере сельского хозяйства[112]. В тот период времени поддержка подобного рода была очень нужна премьеру, столкнувшемуся с неожиданным для него неприятием аграрной реформы «правыми» организациями.

Да и в анализе экономических результатов деятельности правительства Столыпина Тихомиров в целом придерживался позитивных оценок. На страницах газеты им не раз отмечалось оживление экономической деятельности в стране. Обращал он внимание и на упрочение кредитно-денежного обращения, и на вытекающий из этого рост потребления продовольственных товаров. Фиксировалось им и небывалое по сравнению с другими годами превышение в 1909 г. вывоза над ввозом. В первую очередь, как он полагал, это достигалось за счет подъема аграрного сектора экономики. В связи с улучшением экономической ситуации в России он предлагал также активизировать кредитные услуги для населения[113]. Поэтому-то он приветствовал правительственные меры по расширению мелкого кредита, отмечая, что эта «отзывчивость к одной из важнейших нужд народа даст в ближайшем будущем плодотворные результаты, и оживленная приливом капитала производительность быстро поднимет экономическое состояние России»[114].

В 1910 г. Тихомиров публикует во многом программную статью, служащую концептуальным развитием идей, выдвигаемых им в экономических брошюрах 1899—1900 гг. В статье он вновь обращается к критике экономического курса Витте, фокусируя главный тезис обвинения на том, что «при Витте раздробилась обрабатывающая промышленность, выводимая из всякой связи с внутренним рынком». Современная экономическая ситуация, как он полагал, полностью доказала его правоту в споре с Витте, ведь «нынешний министр торговли, наоборот, ставит развитие промышленных сил в тесную связь с внутренним рынком». И, словно подчеркивая преемственность действий нового

---

[109] *Тихомиров Л.А.* Экономические задачи времени // Московские ведомости. 1909. № 24.

[110] См.: *Тихомиров Л.А.* Благоустройство быта рабочих // Московские ведомости. 1909. № 77; *Он же.* Страхование рабочих // Московские ведомости. 1909. № 242.

[111] См.: *Тихомиров Л.А.* Мелкий народный кредит // Московские ведомости. 1909. № 123; *Он же.* Мелкий кредит // Московские ведомости. 1910. № 58.

[112] *Тихомиров Л.А.* Великая историческая реформа // Московские ведомости. 1909. № 25.

[113] *Тихомиров Л.А.* Хозяйственное состояние России // Московские ведомости. 1909. № 283.

[114] *Тихомиров Л.А.* Мелкий кредит // Московские ведомости. 1910. № 58.

министра и своих идей, Тихомиров отмечал: «Нынешний редактор «Московских ведомостей» во времена промышленных увлечений С.Ю. Витте вел упорную, хотя и бесплодную борьбу с торжеством плутократической предреволюционной экономической политики»[115].

Позитивно отзывался Тихомиров и о других частях правительственной программы, а именно о попытке решения уральских проблем, отношении к синдикатам и ряде других начинаний. При этом он отмечал, что «мы, поддерживая эти части программы, не можем не отмечать одного пункта, в котором находим необходимым несравненно более энергичное действие, а именно в области рабочего законодательства»[116].

Немаловажное место в своих статьях он по-прежнему отводил проблемам социально-экономического развития страны и прямо вытекающему из этого вопросу — о необходимости внесения корректив в проводимую государством социальную политику. Фактически Тихомиров продолжал проводить ту же линию, которую начал еще в 1905 г.

Значимое место в его публицистике занимали работы, исследующие современное экономическое состояние государства. В данном вопросе он исходил из высказанных им ранее идей о самоудовлетворяющейся экономике страны, автаркии, не зависящей от иностранного капитала. Отсюда — довольно резкая критика экономических преобразований, проводимых в свое время правительством Витте. Ведя борьбу против его экономической стратегии еще в предреволюционные годы, называя ее «плутократической», Тихомиров обвинял тогдашний Кабинет в том, что обрабатывающая промышленность развивалась без всякой связи с внутренним рынком, порицал его за недостаточное внимание к нуждам сельскохозяйственного производства.

Неодобрительно относился он и к излишней приверженности правительства внешним займам и ставке на усиленное привлечение иностранного капитала. Он считал, что иностранный капитал должен играть «только служебную роль», хотя и не оспаривал полезности его привлечения, но в разумных пределах: «Мы должны только пользоваться иностранным капиталом, но не подчиняться ему, если хотим не унижения, а преуспевания России и сохранения ее независимости от иностранного влияния»[117].

Достаточно критично редактор «Московских ведомостей» отзывался и о финансовой деятельности Витте, указывая на излишнее усиление роли Государственного банка и выступая за реформирование его деятельности, направленной на расширение контроля над ним со стороны государства[118]. В своих статьях на экономические темы Тихомиров выдвигал предложение и о реформе тарифного законодательства, также разработанного Витте в 1891 г. Причем Тихомиров признавал, что «в России применение покровительственной системы (высокие таможенные тарифы) дало благоприятные результаты», но при этом обращал внимание и на тот факт, что инициаторы этой реформы «поставили своей задачей сразу покровительствовать всем отраслям хозяйственной деятельности: и производству сырья и выработке готовых изделий, следовательно, все товары были обложены высокими пошлинами и получившаяся вследствие этого дорогая стоимость сырья препятствовала фабрично-заводскому благоустройству»[119]. Он выступал в поддержку идеи проведения таможенной реформы с тем, чтобы ликвидировать существующие перекосы между различными отраслями промышленности. При этом ведущая роль в подобных преобразованиях традиционно отводилась им государству.

Задачи экономического развития России на современном этапе, по мнению Тихомирова, заключались в следующем: главное — это укрепление внутреннего рынка, а для этого необходимо повысить покупательский спрос населения, чего можно достичь лишь проводя верную социальную политику. В связи со ставкой на повышение покупательской способности городского населения, необходимо было добиваться оживления промышленной деятельности. Здесь Тихомиров видел две задачи:

---

[115] *Тихомиров Л.А.* Программа развития торговли и промышленности // Московские ведомости. 1910. № 63.

[116] Там же.

[117] См.: Московские ведомости. 1909. № 112.

[118] *Тихомиров Л.А. Тихомиров Л.А.* Предполагаемые реформы Государственного банка // Московские ведомости. 1909. № 83.

[119] *Тихомиров Л.А.* Таможенная реформа // Московские ведомости. 1909. № 174.

во-первых — расширить рынки сбыта на окраинах страны (Закавказье, Средняя Азия и Дальний Восток) и увеличить сферу влияния России за счет более слабых, экономически пограничных государств и регионов: Китай, Туркестан, Персия, Балканы, Галиция, то есть в конкретном случае он выступал за активизацию внешнеэкономической экспансии[120];

во-вторых, задачу правительственной политики он видел в поощрении русской промышленности и защите ее от иностранных государств. Развивая этот тезис, он особо подчеркивал: «В задачу нашей правительственной политики должно входить поощрение русской промышленности и защита ее от иностранного господства»; «мы слишком долго уступали добровольно иностранцам лучшие и доходные отрасли промышленности»[121], — предостерегал он. Кроме того, по его мнению, необходима была продуманная политика государства в отношении старых промышленных регионов, примером он ставил Урал. Отсюда вытекала необходимость изменения тарифного законодательства[122].

Стоит обратить внимание на тот факт, что, поднимая вопрос о существовании в России кризисных, старопромышленных районов и необходимости их санации при помощи продуманной государственной политики, Тихомиров намного предвосхитил развитие отечественной экономико-географической мысли. Отметим, что в настоящее время эти вопросы также остро стоят в нашей стране, в то время как в Западной Европе реконверсия промышленности в староосвоенных регионах, находящихся в депрессивном состоянии, является одной из важнейших составляющих региональной экономической политики[123].

Насущной проблемой, связанной с развитием внутреннего рынка, была и борьба с монополией синдикатов, завышавших цены на товары. В этом вопросе Тихомиров высказывался за активное вмешательство государства, которое не должно допускать узаконивания синдикатов в России, так как тогда исчезнет всякая конкуренция и желание технических усовершенствований производства. Как пример, он приводил борьбу министра путей сообщения с «Продаметом»[124].

Выступал он и за то, чтобы, по примеру других стран, разработать специальное антимонопольное законодательство. Для этого Тихомиров предлагал организовать всестороннее исследование данной проблемы русской экономики, указывая на «прямую обязанность государства, как представителя общенационального интереса, — не допускать захвата общества в руки монополистов»[125].

Главной идеей, развиваемой Тихомировым при анализе современного ему экономического положения России, было подчинение стихийно развивающейся экономической жизни страны общенациональным интересам. Анализируя политику министерства путей сообщения в одной из своих статей, он подчеркивал, что главный вопрос политики путей сообщения состоит не в том, в чьих руках они должны находиться, а в том — какую национально-государственную задачу они должны обеспечивать[126]. В этой же статье он приходит к выводу: «Государство должно всех подчинить требованиям национально-государственной задачи»[127].

Данная посылка определенным образом сближает идеи и предложения Тихомирова с позднейшей экономической практикой итальянских фашистов. В числе особенностей государственного регулирования в Италии отметим следующие. Во-первых, жесткий контроль над потребительскими ценами и заработной платой, что позволяло удерживать покупательную способность населения на более или менее приемлемом уровне. Во-вторых, в 1933 г. было создано крупнейшее государственное финансовое учреждение Италии — ИРИ (Институт промышленной реконструкции), аналогов

---

[120] См.: *Тихомиров Л.А.* Необходимость расширения рынков // Московские ведомости. 1909. № 71; *Он же.* Россия и Англия в Персии // Московские ведомости. 1909. № 75.

[121] *Тихомиров Л.А.* Кризис на Урале // Московские ведомости. 1909. № 66.

[122] См.: *Тихомиров Л.А.* Необходимость оздоровления Урала // Московские ведомости. 1909. № 4; *Он же.* Кризис на Урале; *Он же.* Причины уральского кризиса // Московские ведомости. 1910. № 2.

[123] *Гладкий Ю.Н. Чистобаев А.И.* Основы региональной политики. СПб., 1998. С. 543.

[124] *Тихомиров Л.А.* Борьба синдикатами // Московские ведомости. 1909. № 156.

[125] *Тихомиров Л.А.* Совещание о синдикатах // Московские ведомости. 1909. № 56.

[126] *Тихомиров Л.А.* Политика путей сообщения // Московские ведомости. 1909. № 206.

[127] Там же.

которой не существовало тогда в буржуазно-демократических странах. Постепенно ИРИ обрел функции государственного холдинга, координировавшего хозяйственную политику в ключевых отраслях экономики: металлургии, металлообработке, судо— и автомобилестроении, авиационной, железнодорожной промышленности, производстве вооружений и т.д. А в 1937 г. за ИРИ был закреплен статус постоянного государственного финансово-промышленного предприятия, призванного управлять принадлежащим фашистскому государству акционерным капиталом[128].

Конечно, наступление фашистского государства на частный, в том числе иностранный капитал, проводимое в 30-е гг. в Италии, ни в коей мере не сопоставимо по масштабу с теми идеями, которые в начале XX в. озвучивал Тихомиров. Но по духу и по направлению мысли вышеприведенные предложения Тихомирова о перестройке экономической политики государства в духе этатизма схожи с экономической практикой фашистского государства в Италии и теми идеями, которые высказывались представителем немецкой исторической школы Г. Шмоллером и стоящим несколько особняком от нее О. Шпанном[129], а также представителями школы «государственного социализма» (Л. Штейном, Г. Вагенером и Р. Майером).

Рассматривая экономический блок газеты, можно отметить, что в целом редактором проводилась линия в поддержку основных мероприятий правительства, возглавляемого Столыпиным. Развивая экономическую тему, Тихомиров, еще раз демонстрируя солидарность с экономическими мероприятиями Столыпина, вновь акцентировал внимание на позитивности его аграрных преобразований. При этом он обращал внимание кабинета на то, чтобы «дело сельскохозяйственного благоустройства России было дополнено целесообразными мерами в отношении также крупного и среднего землевладения». «Действительно могучее поднятие сельского хозяйства мыслимо лишь в сочетании землевладений мелкого и крупного»[130], — подчеркивал он.

В связи с этим он не преминул в очередной раз направить критические стрелы в адрес экономических начинаний Витте. «Главная ошибка экономической политики предшествующей эпохи, — писал он, — заключалась в недостаточно внимательном отношении к нуждам сельскохозяйственной производительности, составляющей основной промысел русского народа»[131]. Развивая этот тезис, он вновь фокусировал внимание читателей на своей центральной экономической идее — ускоренном развитии внутреннего рынка, так как «главная причина малого спроса на продукцию промышленности — недостаточное количество средств у населения для приобретения промышленной продукции»[132].

Еще одной волнующей Тихомирова экономической проблемой, доставшейся, как он считал, кабинету Столыпина от кабинета Витте, была проблема, связанная с широкомасштабным использованием иностранного капитала в отечественной банковской сфере. «Усиление иностранного влияния в нашем банковском деле представляет немаловажную опасность для народохозяйственной деятельности, требующую внимательного и серьезного обсуждения»[133], — предостерегал он.

Анализируя экономическую составляющую в его целостной программе социально-экономических преобразований в Империи, следует признать, что выдвигаемые им предложения не выходили за рамки постоянно пропагандируемой им идеи развития страны, сочетающей в себе стабильную верховную власть в виде самодержавной монархии, являющейся при этом надклассовой, и идей социально-экономического партнерства, из нее же и вытекающих.

Основательное изучение экономического положения Российской империи, помноженное на глубокое знание ее политических порядков, позволяли Тихомирову, в отличие от большинства консервативных общественных деятелей, видеть и замечать те незаметные, но от этого не менее

---

[128] *Григорьева И.В.* Италия в XX веке. С. 103—104.

[129] См.: *Шпанн О.* Философия истории. СПб., 2005; *Он же.* Значение сословной идеи для современности // Русское самосознание. Философско-исторический журнал. № 3. 1996. С. 78—86; *Горшенева И.Б.* Общественно-политические взгляды Отмара Шпанна (1918—1938) Автореф. дисс. ... к.и.н. Воронеж, 2006.

[130] *Тихомиров Л.А.* Задачи хозяйственной политики // Московские ведомости. 1910. № 68.

[131] Там же.

[132] Там же.

[133] *Тихомиров Л.А.* Русский капитал на иностранной службе // Московские ведомости. 1910. № 140.

опасные явления в русской жизни, скрытые от многих кажущимся устойчивым экономическим ростом. Он осязаемо ощущал подспудно нарастающую нестабильность в государстве и указывал на ошибки и просчеты верховной власти через вверенную ему газету. Но, к его глубокому разочарованию, правительственные чины, за исключением в некоторых случаях Столыпина, к рекомендациям практически не прислушивались, как, впрочем, и «соратники» по журналистскому цеху.

В целом, оценивая очень неоднозначные, особенно с точки зрения сегодняшнего мирового экономического опыта, идеи и предложения Тихомирова, можно отметить, что они всегда следовали в контексте более глобальной задачи — воссоздания сильной монархической России. Важней составляющей этой задачи, по его мнению, являлась полная экономическая независимость России. Отсюда и идея ориентации на автаркию и ставка на ограниченное использование иностранного капитала.

В современном мире с постоянно усиливающейся экономической интеграцией работы Тихомирова могут показаться архаичными. Однако не будем забывать, что время начала XX в. качественно отличалось от сегодняшней ситуации. Поэтому, если полностью не экстраполировать предложения Тихомирова на современность, а рассматривать их в контексте той эпохи, то они покажутся не столь иррациональными. Несомненно, в какой-то мере его ставка на автаркию была реакцией на те модернизационные процессы по западному образцу, которые пронизывали всю политико-экономическую и социокультурную ткань России. Находясь под негативным впечатлением от политико-культурного проникновения европейских ценностей «эпохи модерности» в страну, он в своих экономических разработках пытался создать алгоритм движения, который бы позволил Российской империи избежать слепого копирования европейских порядков, а для этого, как он полагал, необходимо разрабатывать программу экономического развития государства с учетом национальной специфики, изначально базирующуюся на качественно иной, в отличие от Европы, политико-правовой модели развития российского государства и общества.

Ведь не секрет, что в разные времена своего существования Россия в проведении экономических реформ в основном заимствовала, и не всегда удачно, западный опыт, зачастую пренебрегая национальной спецификой. Во многом поэтому мы и сегодня историю развития отечественной экономической мысли XIX — начала XX в. в основном воспринимаем сквозь призму западнической традиции, к которой не раз прибегали при проведении тех или иных экономических преобразований. Ее проводниками в разное время выступали: Г.Ф. Канкрин, И.А. Вышнеградский, Н.Х. Бунге, Витте и другие.

При этом практически не обращается внимание на теоретические разработки представителей иного направления русской экономической мысли, так до конца и не понятой и не оцененной. Идеалом этого самобытного национального течения была независимая от западных стран экономика, регулируемая сильной самодержавной властью, имеющей при этом традиционный нравственный характер. К числу представителей этого направления, кроме Тихомирова, можно отнести А.И. Кошелева, А.Н. Энгельгардта, Шарапова, И.Д. Беляева, Н.П. Гилярова-Платонова, Д.И. Менделеева, Д.И. Пихно и ряд других мыслителей.

Все их экономические идеи изначально объявлялись химеричными и не заслуживающими внимания, а зачастую и просто оставались не изученными. То есть интеллектуальное господство европейской либеральной экономической мысли сделало ее, по сути, безальтернативной, и эта традиция является господствующей в наших умах повсеместно. Хотя хотелось бы напомнить высказывание современного американского экономиста, лауреата Нобелевской премии 2005 г. Р. Ауманна о том, что противоположные научные теории вовсе не обязательно противоречат друг другу. «Возможно даже, чтобы две конкурирующие теории счастливо существовали бок о бок и использовались одновременно, подобно тому как многие из нас хранят письма и в хронологическом порядке, и по именам корреспондентов», — писал он в своих трудах. По его мнению, главное в теории — даже не ее истинность, а ее полезность. Может быть, при оценке идей, высказанных представителями русской национальной экономической школы и отринутых тогда властью, стоит вспомнить слова нобелевского лауреата?

Тем более, что нельзя закрывать глаза и на то, что многое в экономическом развитии России в начале XX в. отличало ее от Западной Европы. Так, доля России в мировом промышленном производстве в 1913 гг. составляла 5,3% (для сравнения, Германии 15,7% и даже Франции 6,4%), ее участие в мировом экспорте и того меньше — всего 4,2%, она вывозила за границу в предвоенные годы 6—8% своей продукции, что для самой большой европейской страны, с населением в 1913 г. 174009, 6 млн. человек было не слишком впечатляющей цифрой. Доля же российского импорта была еще меньше — 3,5% [134].

Исходя из этих данных, часть представителей консервативного лагеря, в числе коих был и Тихомиров, отмечала незначительную втянутость России в мировые экономические процессы. Сторонники такого подхода полагали, что, опираясь на это обстоятельство, идеал построения в стране автаркической модели экономики вполне достижим.

Опасения приверженцев национально ориентированной экономической мысли вызывал и неравноправный характер внешней торговли, которая ими в полном объеме отнюдь не отрицалась. Неудовольствие высказывалось из-за ориентированности российской внешней торговли только на эксплуатацию собственных сырьевых ресурсов, да еще и по заниженным ценам.

Подобные же взгляды распространялись на привлечение иностранного капитала, роль которого в экономике страны, по мысли того же Тихомирова, была непомерно высокой и приводила к экономическому закабалению России. Так, в 1887—1913 гг. доля иностранного капитала в русской промышленности увеличилась с 177 до 1960 млн. рублей, а средняя норма прибыли иностранного капитала составляла 13%, что было почти в 3 раза больше нормы прибыли, получаемой отечественным капиталом.

Наиболее отчетливо подобная антинациональная экономическая политика проводилась, по мнению Тихомирова, в годы премьерства Витте. Его особенно беспокоило то, что направленность социально-экономической, да и всей внутренней политики отрывалась от национальной почвы. Для дневника его еще в 1905 г. характерны такие записи: «Витте, конечно, — у них там самый умный и ловкий человек. Если бы он был хоть чуточку русский, ему скорее всего можно бы было пожелать прочной власти — конечно, не такой безумной, о какой он мечтает (если мечтает)»[135]. Тихомиров считал правительство Витте и его самого ставленниками петербургской бюрократии, ставшей средостением между монархом и народом, и масоном. На последнюю мысль его натолкнуло чтение соответствующей литературы конспирологического характера и различные слухи. «Введенский говорил, будто бы по делу Мясоедова обнаружилась причастность С.Ю. Витте к убийству Столыпина. Это и прежде думали. Но не знаю, откуда у Введенского его сведения. Впрочем, я теперь читаю Дешампа и Клодио Жане о масонах, и исторические примеры их страшного могущества невольно обволакивают воображение какими-то мрачными привидениями. Турмантен говорил Маттерну, что Витте — масон 33 степени», — писал Тихомиров в дневнике 17 августа 1915 года[136]. Поэтому он усматривал в экономической политике Витте осуществление не национально-государственных интересов, а интересов бюрократической и космополитической олигархии. Отсюда и его жесткая отповедь сложившемуся при Витте политическому режиму. Альтернативу ему Тихомиров первоначально усматривал в правительстве Столыпина.

Главной его идеей при анализе современного экономического положения России было подчинение стихийно развивающейся экономической жизни страны общенациональным интересам. Основной упор он делал на политику государственного вмешательства в дела промышленности на разных уровнях, т.е. выступал за модернизацию страны «сверху». Но к середине 1910 г. стало ясно, что и в отношении надежд, возлагаемых на кабинет Столыпина, причем не по вине последнего, а из-за оппозиции начинаниям премьера со стороны дворцовой камарильи, он оказался большим идеалистом.

---

[134] Россия 1913 год. Статистико-документальный справочник. СПб., 1995. С. 51, 210, 16.

[135] 25 лет назад (Из дневников Л. Тихомирова) // Красный архив. 1930. Т. 2. С. 68.

[136] Дневник Л.А. Тихомирова. 1915—1917 гг. С. 101.

Немалое место в публицистике Тихомирова занимал и сословный вопрос в современном его виде. В создании «сословных» корпораций по профессиональному признаку он усматривал залог успешного государственного строительства России в будущем. Только прочное укрепление сословного начала в новых формах могло, как он думал, помочь избежать повторения «нового 1905 г.». Так, в статье «В чем разброд?» он прямо увязывал задачи успешного проведения социально-экономических реформ с опорой на сословия. Именно с этих позиций им приветствовалась крестьянская реформа Столыпина, помимо всего прочего уравнявшая крестьянство в правах с другими социальными группами населения[137], что, по мнению Тихомирова, было чрезвычайно важно для правильного устроения, по сути, нарождающегося заново крестьянского сословия.

Правда, при этом он сетовал, что работа в направлении социального устроения крестьянства могла бы вестись более активно. Он подчеркивал, что в промышленности уже организовано свое представительство в виде «Совета съездов представителей промышленности и торговли», и указывал на то, что сельские хозяева до сих пор не имеют никакой организации, которая стояла бы на страже их интересов. Далее он продолжал: «Для громадного большинства появившихся у нас хуторян подобные союзы представляют необходимое условие существования. Без взаимной помощи и поддержки хуторянам не справиться с новым хозяйственным строем»[138]. В заключение он еще раз подчеркивал, что «для правильной постановки сельскохозяйственной организации в ней необходимо участие всех местных хозяйственных групп, как крупных, так и мелких, владеющих землей на праве частной собственности»[139]. Подобную же мысль он развивал и еще в ряде передовиц «Московских ведомостей», подчеркивая в одной из них, что незаинтересованность государства в социальном устроении крестьянства может иметь негативные последствия в виде эволюции землевладения в сторону революционного[140].

В дальнейшем на страницах «Московских ведомостей» он развивал эту идею не только в отношении рабочих и крестьянства, но и других сословных групп, в частности, дворянства. Анализируя работу «Дворянского съезда» в 1909 г. и проводившийся на нем тезис о том, что сословия должны быть, но должны быть союзны, он писал: «Деклассированная интеллигенция смешивает идею сословности с идеей увековечивания старых сословий и придает ей реакционное значение. Дворянский съезд 1909 г. будет помянут тем, что в хаотическое время напомнил России значение внутренней социально-сословной организации сил»[141]. Развивая мысль в этом направлении, он обращал внимание на слабость торгово-промышленной организации, особенно в шелкоткацком предпринимательстве. Он прямо ставил вопрос о том, что современная ситуация требует, чтобы «все виды и отрасли народного труда были всемерно усовершенствованы и хорошо организованы», и отстаивал право на то, чтобы промышленную организацию в России получил не один крупный капитал, но и все производительные силы нации, т.к., по его представлениям, «наше государство никогда не было классовым, и нельзя допустить утрату им национального характера, связанного с Верховной властью единого самодержавия»[142].

Обращает на себя внимание, что очень тесно в его публицистике за 1909—1913 гг. соприкасались вопросы социально-сословного устроения и вопросы социально-экономического развития России. Анализируя социально-экономическую тематику газеты в интересующем нас ракурсе, можно отметить, что выдвигаемые им в газете положения укладывались в общую концепцию развития российской государственности под эгидой сильной монархической власти — власти, стоящей над всеми классовыми и сословными интересами и объединявшей различные социальные группы в рамках служения общим национально-государственным интересам, сторонником которой являлся сам Тихомиров.

---

[137] *Тихомиров Л.А.* В чем разброд? // Московские ведомости. 1909. № 10.

[138] *Тихомиров Л.А.* Сельскохозяйственное представительство // Московские ведомости. 1909. № 186.

[139] Там же.

[140] *Тихомиров Л.А.* Формы землевладения и социальный строй // Московские ведомости. 1910. № 120.

[141] *Тихомиров Л.А.* Дело дворянского съезда // Московские ведомости. 1909. № 49.

[142] *Тихомиров Л.А.* Политика путей сообщения // Московские ведомости. 1909. № 206.

В решении социальных вопросов он делал ставку на патерналистскую роль государства, проводящего политику на достижение социального мира, что могло быть достигнуто не только продуманной экономической политикой, но и четким определением социально-экономических приоритетов всех сословных групп и по возможности удовлетворением их потребностей.

Исходя из таких посылок, он подвергал жесткой критике социально-экономическую политику, проводимую правительством Витте в предреволюционные годы. Особенно не устраивали Тихомирова ее социальные аспекты. Обвиняя тогдашнее правительство в неспособности эффективно осуществлять политику социального партнерства, он указывал на его приверженность при проведении всей внутренней линии интересам только богатых предпринимателей при практически полном игнорировании интересов трудящихся, что и привело к «катастрофе 1905 г.».

Но, как уже указывалось, правительственные чины, за исключением в некоторых случаях Столыпина, к нему практически не прислушивались. В таких условиях он как никто другой мог подписаться под словами немецкого исследователя К. Шлегеля, сравнивавшего Россию начала XX в. «с симбиозом взаимно проросших миров», один из которых принадлежал XVI в., второй — XX. Первый представлен сильным народом, который быстро втягивался в воронку модернизации, с ужасом и удивлением взирая на современную цивилизацию, второй — верхами, уже успевшими устать от культуры и вкусить отравленных плодов декаданса.

По словам того же Шлегеля, «империя напоминала устаревший, ремонтируемый на ходу драндулет, на огромной скорости несущийся с перегретым мотором по ухабистой горной дороге»[143]. Только, в отличие от немца, «ремонт русского драндулета» виделся Тихомирову на исконно русских основаниях и при опоре на «истинное» самодержавие, не нуждающееся в осовремененных на западный манер политических учреждениях.

И в какой-то мере конец 1910 г. во многом стал переломным для него. Разочарование его в попытках как-то воздействовать на общественно-политическую ситуацию в России возросло. Он все отчетливее видел, что Столыпин не в состоянии повлиять на изменения «законодательства 1906 г.». Более того, Тихомиров все явственнее убеждался в том, что премьер и не хочет его кардинально исправлять, а это, в свою очередь, вызывало раздражение Тихомирова, писавшего в дневнике 12 апреля 1910 года, что «это кончится худо, революцией, горше прежней»[144]. Политика же «умиротворения» страны, проводимая Столыпиным, также не рождала у него оптимизма: «У них там, в СПб., кто-то... говорит, что теперь Россия на 10 лет застрахована от революции <...> Глупо, конечно: я и за 10 месяцев не поручился бы. Но дело в том, что разве в революции вопрос? Ну не будет революции, а будет только превращение России в маленькую пошленькую "Европу". Да, ведь, это еще хуже. Скука, бессмыслица!»[145]. Но к предупреждениям Тихомирова мало кто прислушивался. Казалось, Россия успокоена, умиротворена и вступает в фазу экономического подъема, а призрак революции остался в прошлом, но это была только иллюзия.

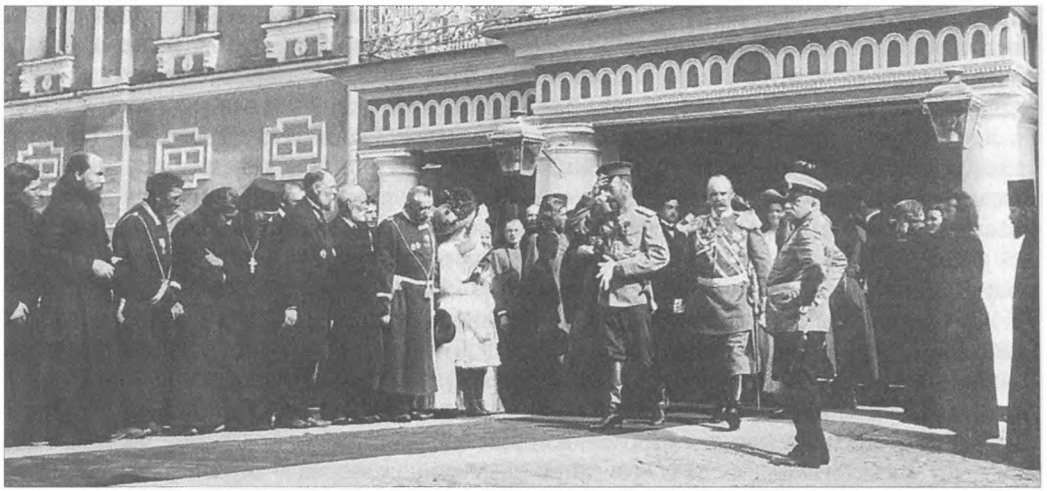
Политическое и духовное нездоровье правящей верхушки, выразившееся в усилении влияния таких людей, как Распутин, на престол, у Тихомирова вызывало только горечь. Не устраивала его не только политика правительства, но и деятельность некоторых представителей православного духовенства. Лишним подтверждением «духовного» нездоровья России являлись и события, связанные со смертью графа Толстого, отлученного от Церкви, память которого в Государственном совете почтили вставанием, а император выразил желание, чтобы Толстого приняли в лоно Церкви. Такая позиция Николая II и правительства по отношению к человеку, не один год подрывавшему устои православия своими религиозными проповедями, базирующимися на отрицании всякой общественной организации, включая государственную, и искажении традиционных христианских ценностей, вызвала негативную реакцию Льва Александровича. Это выразилось в его резкой статье против М.Г. Акимова, председателя Государственного совета, появившейся в «Московских ведомостях» в № 281 за 1910 г.

---

[143] Цит. по: *Черкасов П.П. Чернышевский Д.В.* История императорской России. С. 398.

[144] Из дневника Льва Тихомирова. Период столыпинщины // Красный архив. 1936. Т. 1. С. 173.

[145] Там же. С. 172.

Николай II в Троице-Сергиевой лавре, 1912 г.

Осознание гибельности проводимой властью церковно-государственной политики и невозможности повлиять на ее исправление не оставляло Тихомирова. Видя, что его предложения по церковным преобразованиям не востребованы в столице, он все больше погружается в религиозное созерцание. К этому времени он с семейством приобрел дом в Сергиевом Посаде[146]. И все чаще по воскресеньям Тихомиров с домочадцами выбирается за город, не забывая посещать и Лавру. Мысли его витали вокруг одного: «Стараюсь урываться (по воскресеньям) в посад. Там все-таки лучше: трава деревья, птицы, собаки, все это прежнее, то, с чем я свой <...> Бываю иногда в Лавре, у преподобного Там — все люди переменились, но святыня прежняя, опять же моя <...> и даже богомольцы (страшно сократившиеся численно) те же, мои, свои мне. Боже мой, сколько там воспоминаний! Каждый камень что-нибудь напоминает, хотя большею частью то, что было, теперь уже прошло. Все же это частички моей души, пока и я, подобно прочему, не перестану быть. Об душе бы надо подумать На покой нужно бы <...> А тут издавай ненужную газету, тщетно следи за воровством, умудряясь сколачивать деньги, которые от тебя разбегаются во все стороны, как ртутные шарики»[147].

Тяжелым ударом для Тихомирова оказались и пришедшиеся на 1910 г. смерти Киреева (14 июля[148] и К.П. Степанова (15 июля), пожалуй, самых идейно близких ему людей. Впоследствии он с болью писал о последнем периоде жизни Киреева: «Судьба или Божья воля сохранили его от еще худших испытаний в жизни родины, он не дожил до всесветной войны, в которой монархия так страшно рухнула. Впрочем, Кирееву было уже под восемьдесят лет, и он достаточно пережил; он достаточно и предвидел, так что будущие события вряд ли его бы удивили, если бы он их увидел. Старость имеет свои непонятные прозрения будущего, которых обыкновенно не понимает молодежь.

Но Киреева ждало еще одно личное испытание — потеря зрения.

Когда я последний раз видел его (он заезжал ко мне в Москве так около года до смерти), он жаловался, что с глазами его делается нечто неладное — потухают. Но он был спокоен. Скоро он заболел каким-то общим упадком сил и вызвал к себе из Лондона сестру, Ольгу Алексеевну (Но

---

[146] См.: *Репников А.В.* Лев Тихомиров в Сергиевом Посаде // Проблемы истории Московского края: Материалы пятой научно-практической конференции, посвященной 75-летию Московского государственного областного университета (Москва, 28 марта 2006 г.). М., 2006. С. 189—191.

[147] Из дневника Льва Тихомирова. Период столыпинщины // Красный архив. 1936. Т. 1. С. 174.

[148] Во вступительной статье к публикации дневника Киреева историк К.А. Соловьев приводит в качестве даты смерти 14 июля. См.: *Соловьев К.А.* Генерал Киреев и его дневник / *Киреев А.А.* Дневник. 1905—1910. С. 9. Однако. другой его статье о Кирееве встречаем дату смерти — 13 июля. См.: *Соловьев К.А.* Киреев Александр Алексеевич / Русский консерватизм середины XVIII — начала XX века: энциклопедия. С. 237.

викову, — *авт.*). Она все время и ухаживала за ним в Павловске и мне рассказывала о том, как он расставался с жизнью.

Ослепший и скоро уже лишенный сил подниматься с постели, он несколько месяцев терпеливо ждал смерти, ни на что не жалуясь и погруженный в свой внутренний мир. Думаю, что он молился и готовился к переходу в иную жизнь. О делах внешних, политических и т.п., он уже не заботился. Немного и распоряжений оставил он сестре. У него нечем было "распоряжаться" и из близких людей оставалась уже на свете одна-единственная Ольга. Ее он много раз благодарил за ухаживание и говорил, как он счастлив, что умирает на ее руках. Ни страха перед смертью, ни сожаления о жизни не было уже у умирающего могикана старой России. Он был совершенно спокоен, да и физически не страдал. Сознание его не оставляло, но он, по-видимому, уже видел что-то "потустороннее". Ольга Алексеевна передавала мне один случай, ее удививший. "Ольга, Ольга, — позвал ее умирающий, — что это такое?". — "Что такое?" — спросила она. "Да голубь... Вот он спустился. Неужто ты не видишь?".

Никакого голубя не видела она, и его не было в комнате, а если бы и был, то как бы его мог увидеть слепой? А он все повторял:

Да посмотри же. Вот спускается голубь....

– Не правда ли, странно? — спрашивала меня Ольга Алексеевна, передавая этот случай. — Что бы это могло быть?

Я, разумеется, не знаю и не знал. Это не был бред, потому что Александр Алексеевич оставался в сознании. Какое-то внутреннее созерцание умирающего, непонятное для окружающих»[149].

Тихомиров охарактеризует Киреева как «могикана старой России». Но таковым «последним могиканиным» он ощущал и... себя самого. И с его пера срывается: «Ну, понятно, что никакого влияния газета не имеет и ни малейшей пользы не приносит. Статьи иногда пишу резкие и положительно хорошие, но никакого толка от них нет. Читают и одобряют меня десяток стариков, постепенно вымирающих. Я — последний могиканин. *Будущего нет* не только у меня, но и у дела моего. Царя нет, и никто его не хочет, да и сам он не верит ни в себя, ни в свое дело, и притом не хочет ничего делать. Вероятно, чувствует себя в бездействии скорее приятно. Вероятно, совесть немножко тревожит, да что совесть! Зато находит себя безопасным, в чем, вероятно, жестоко ошибается. Церковь <...> Да и она падает. Вера-то исчезает. Пожалуй, и вправду песенка *старой* церкви спета. Положение иерархов сходно с положением царя <...> Народ русский! <...> Да и он уже потерял прежнюю душу, прежние чувства <...> А я — ни такому новому народу, ни конституции не хочу служить, да и не могу. Мне это не интересно. Я нахожу глупой "новую" Россию <...> Это не Россия, а что-то иное»[150].

Сохранилось свидетельство митрополита Вениамина Федченкова о настроениях Тихомирова в то время. Он вспоминал, как группа интеллигентов задумала написать «открытое письмо царю» по поводу того же Распутина, но Тихомиров убедил их не делать этого: «"Все бесполезно! Господь закрыл очи царя, и никто не может изменить этого. Революция все равно неизбежно придет, но я, – говорил он, — дал клятву Богу не принимать больше никакого участия в ней. Революция — от дьявола. А вы своим письмом не остановите, а лишь ускорите ее. Моей подписи не будет под письмом". Группа согласилась с ним, и письмо не было выпущено»[151].

От идеи полной отставки Льва Александровича удерживало только желание материально обеспечить семью. Идейное его одиночество, особенно после смерти близких людей, сквозило буквально во всем. В этом отношении интересным представляется анализ его взглядов, выполненный в вышеупомянутой статье историка Шерстюка с характерным названием — «Одиночество Льва Тихомирова». Можно привести мнение и другого исследователя: «Тоска по близким по духу людям, тоска о собственной "старости" и "немощности" (хотя Льву Александровичу было в годы написания дневника 63—65 лет), разлитая по всему тексту, проходящая в нем красной нитью, —

[149] *Тихомиров Л.А.* Тени прошлого. С. 671.

[150] Из дневника Льва Тихомирова. Период столыпинщины // Красный архив. 1936. Т. 1. С. 173—174.

[151] *Митрополит Вениамин* (*Федченков*) На рубеже двух эпох. М., 2004. С. 166.

это все-таки не уныние. Ведь он живет полноценной жизнью христианина: приобщается Святых Таин, духовно отмечает важнейшие даты церковного календаря, превозмогая немощи, часто ходит на богослужение. Эта тоска — скорее наставшее внезапно на склоне лет одиночество, резко контрастировавшее с его жизнью в период подъема публицистической деятельности»[152]. Однако, эта тоска была у Тихомирова в дневниковых записях и почти в 40 лет, и даже когда он был «шумною толпою окружен», как редактор «Московских ведомостей». Эта тоска охватывала его и в последние годы революционной деятельности, когда он был в эмиграции. «Старости» тогда еще не предвиделось, а «немощи» были не столь значительны, как в последние годы жизни. Кто знает, когда именно эта «тоска» стала постоянной спутницей Льва Александровича. Пока он был деятельным агитатором и ниспровергателем власти, ему было не до тоски и рефлексии. Потом, в одиночной камере, он испытывает некий психологический и душевный *надлом*. На свободу он выходит ожесточенным борцом с существующим строем. Потом — разочарование в «старой» вере и обращение к «новой». Но, живущий «полноценной жизнью христианина» и соблюдающий обряды (посты, приобщение Святых Тайн, богослужения и др.), Тихомиров так и не сможет уже избавиться от тоски. И причина здесь — не только «происходившее в стране», или ощущение «невозможности для него что-либо сделать, как-то изменить создавшуюся тяжелейшую ситуацию»[153]. Причины следует искать в более раннем этапе судьбы Тихомирова-революционера.

В последнее десятилетие его жизни резко сузился круг общения. Семья как бы отгородилась от окружающего мира. Казалось, что, принимая близко к сердцу российские неурядицы, Тихомиров, а вместе с ним и его близкие совсем разучились предаваться простым мирским радостям. Бывавший у них юношей С. Фудель вспоминал, что тон всему задавал хозяин дома, который «боролся непреклонно и страстно в книгах, статьях и выступлениях за тепло в мире, за сохранение этого уходящего из мира тепла, но не знал, что надо начинать с борьбы за тепло в собственном доме... Он воевал за то, что он понимал как христианскую государственность, и свою жизнь воспринимал, как жизнь в окопах этой войны»[154]. Правда, получалось, что вместе с ним в этих «идеологических окопах» оказались и его близкие.

Уныние Тихомирова нарастало еще и оттого, что подписка на издание постоянно падала, достигнув почти критической черты. Он не только не смог создать из «Московских ведомостей» идейного центра, консолидирующего разрозненные промонархические силы, но и остался в полной изоляции, подвергаясь нападкам «правых» изданий, особенно выходящих в Петербурге. Собственно, сложившаяся ситуация явилась как бы платой за «изоляционистскую» и равноудаленную политику в отношении промонархических организаций. Впрочем, сама идея Тихомирова создать из «Московских ведомостей» серьезный, культурный орган при быстрой коммерциализации прессы не соответствовала запросам времени. Кроме серьезных программных статей, возросшая аудитория читателей требовала от издателя еще и интересной и содержательной информации, а, учитывая рост числа общественно-политических изданий, для борьбы за читателя стало необходимо привлекать всевозможные технические новшества. Примером такого нового подхода к ведению газеты являлось «Новое время» Суворина, который поставил свое газетное предприятие на широкую ногу, стараясь заимствовать лучшие приемы западных газетных концернов. Это сказалось не только на жанре газеты (она коротко и оперативно освещала внешнеполитические события), но и на оснащении ее современной техникой. Суворин одним из первых ввел газетную иллюстрацию и иллюстрированные приложения. Он первым установил фотоцинкографию и т.д. В основе его редакторской концепции лежало отречение от какой-либо идейной принципиальности. Сознательный отказ мотивировался тем, что всякое направление мешает «полноте и живости» содержания. Газета имела большой успех, а Суворин стал миллионером[155]. Тихомиров же был лишен коммерческих дарований Суворина и пытался издавать газету в традиционном «катковском» духе, хотя и понимал, что такая концепция

---

[152] *Мраморнов А.И.* «Захолустный» свидетель уходящей России http://bogoslov.stack.net/text/311871.html

[153] Там же.

[154] *Фудель С.И.* Собрание сочинений: В 3 тт. Т. 1. С. 61.

[155] *Балуев Б.П.* Политическая реакция 80-х гг. XIX в. и русская журналистика. М., 1971. С. 126—127.

издания устарела. «Дела издательские — препоганые. Февраль (1910 года, — *авт.*) дал убытку 800 р. Начальство не высылает денег (еле-еле старые выслало). Подписка, оказывается, к февралю и марту упала против прошлого года... Издание идет мерзко... Вообще мое издание ни с политической, ни с финансовой стороны не имеет успеха. С политической — особенно... Замечательно, что ни одна "правая" газета не осталась без подложения мне какой-нибудь свиньи. Если бы у меня было много времени, жизни и денег, то, конечно, я бы пересидел их всех и добился бы своей читающей публики. Но <...> при наличных условиях они, т.е. главнейшие "правые", конечно, задушат меня и хода не дадут», — писал он[156]. Раздоры в стане монархических партий тоже не прибавляли оптимизма в отношении будущего России[157]. И все же, пожалуй, главная причина крылась в том, что все большие слои русского общества, в том числе и традиционалисты, видели неспособность самодержавной монархии Николая II управлять страной, и настраивались противомонархически, вернее, против той формы управления, которую приняла монархия при Николае II.

Симптоматична в этом плане позиция одного из самых ярких лидеров Русского собрания Бориса Владимировича Никольского, видевшего выход из создавшегося положения в перемене династии, либо замене царя, о чем свидетельствуют записи в его дневнике: «Когда я сказал, что конец династии, меня спросили, что же делать. Я сказал: переменить династию. Но конечно, если бы я верил в чудеса и возможность вразумить этого глупого, бездарного, невежественного и жалкого человека (Николая II, — *авт.*), то я предложил бы пожертвовать одним-двумя членами династии, чтобы спасти ее целость и наше Отечество... Я не Бог, чтоб из бабы делать мужчину, из Николая — Петра... Династия — вот единственная жертва. Но где взять новую? Ведь придворный переворот безнадежен, ибо при нем — долой закон о престолонаследии; а тогда полная смута. Словом, конец, конец. Чудес не бывает. Конец той России, которой я служил, которую любил, в которую верил. Конец не навсегда, но мне уже не увидеть ее возрождения: надолго ночь[158]. Агония может еще продлиться, но что пользы? Еще если бы можно было надеяться на его самоубийство — это было бы все-таки шансом. Но где ему!»[159].

Так что, как видим, не один Тихомиров испытывал серьезные опасения за судьбу самодержавной России. К надвигающимся общественно-политическим неурядицам, которые он пророчески предсказывал, прибавлялась и тревога за судьбу своего газетного детища, дела которого, как уже указывалось выше, обстояли далеко не блестяще. Продолжалось падение интереса к изданию со стороны читателей. 13 октября 1910 года он писал: «Совсем что-то падает газета. "Московские ведомости" разделяют участь "Русских ведомостей", которые также падают. Мы — дети прошлого, мечтаем об органах *серьезных*, культурных, но на это нет публики. Публика всех партий требует бойкости, хулиганства, знаний не может ценить, невежества не замечает... Я же не имею уж прямо не единой точки, общей с публикой. Вероятно, я погибну все же раньше их»[160].

Лишь поддержка Столыпина, в том числе и подтверждение за газетой права на публикацию объявлений, удерживала «Московские ведомости» на плаву. В свою очередь Тихомиров также оказал большую услугу своему патрону, полностью поддержав его на страницах своего издания во время «конституционного кризиса 1911 г.». Причем газета оказалось в числе очень немногих изданий, выступавших сторонниками и защитниками правительства и лично Столыпина. Журналисты «Московских

---

[156] Из дневника Льва Тихомирова. Период столыпинщины // Красный архив. 1936. Т. 1. С. 170.

[157] См.: *Соловьев Ю.Б.* Самодержавие и дворянство в 1907—1914 гг. С. 135—232.

[158] Сравните со строками из письма Б.В. Никольского к Б.А. Садовскому (весна 1918 года): «На реставрацию не надеюсь... Страшно то, что происходит, но реставрация была бы еще страшнее. Царствовавшая династия кончена, и на меня ее представителям рассчитывать не приходится. Та монархия, к которой мы летим, должна быть цезаризмом, то есть таким же отрицанием монархической идеи, как революция. До настоящей же монархии, неизбежной, благодатной и воскресной, дожить я не надеюсь. До нее далеко, и путь наш тернист, ужасен и мучителен, а наша ночь так темна, что утро мне даже не снится» // Монархист и Советы. Письма Б.В. Никольского к Б.А. Садовскому. 1913—1918 / Публикация *С.В. Шумихина* // Звенья. Исторический альманах. М.—СПб., 1992. Вып. 2. С. 359—360.

[159] *Никольский Б.В.* Сокрушить крамолу. С. 107—108.

[160] Из дневника Льва Тихомирова. Период столыпинщины // Красный архив. 1936. Т. 1. С. 179. Имеется в виду не физическая гибель Тихомирова, а «гибель» «Московских ведомостей», которая будет раньше «гибели» «Русских ведомостей».

ведомостей» резко обрушились на «правых» деятелей Государственного совета, в том числе и давнего покровителя Тихомирова — Дурново. В серии статей и сам Тихомиров обличал «правых» в том, что они приносят «интересы русского народа в жертву соблазну нанести удар П.А. Столыпину»[161]. Свою поддержку премьеру редактор «Московских ведомостей» выразил и личной телеграммой, в которой приветствовал его как «до конца стойкого защитника национальных интересов».

13 мая 1911 г. Столыпин последний раз принял Тихомирова. На указание, что положение обостряется, а умиротворение отсутствует, Столыпин ответил, что он верит в Россию и если бы не имел этой веры, то был бы не в состоянии что-то делать. Покушение на Столыпина и его смерть 5 сентября 1911 г. еще сильнее убедили Тихомирова в гибельности проводимого в стране внутриполитического курса. Ночью 5 сентября, узнав о смерти Столыпина, он пишет: «Я чувствую себя разбитым, усталым, в какой-то *внутренней* апатии с *наружной* оживленностью. Я его очень любил. Он — один из лучших людей, каких я знал... Я постоянно ссорился с ним, и никогда не разрывал. Я его не только любил, но глубоко уважал. И чувствую какую-то отраду от сознания, что и он меня уважал, верил моей искренности. Последние свидание, когда мы так жестоко спорили, он все-таки сказал: "Я знаю, что, когда я паду, вы ко мне придете еще охотнее" <...> Он был лучше, чище, благороднее всех своих соперников: нельзя даже и сравнивать. У него в политике, по-моему, много ошибок — коренных. Особенно печальна его церковная политика. Но, в общем, теперь, когда его уже безвозвратно нет, перед Россией открывается какая-то черная тьма неизвестности и, вероятно, жестоких бедствий <...> Не справится, вероятно, *никто* с положением»[162]. Тихомиров понимал, что теперь и его «ждет несомненное крушение»[163].

В газетных откликах на это ставшее смертельным для премьера покушение Тихомиров делал двусмысленные намеки на то, что Столыпин убит потому, что был неугоден кому-то в высших сферах Петербурга. Достаточно красноречиво это прозвучало в статье «Запрос об охране», в которой автор писал о том, что «могут быть лица, спускающие преступление с цепи и вовсе не состоящие в числе каких-нибудь непосредственных начальников охраны. Руководящие лица охраны сами могут даже и не подозревать таинственных влияний, которые им подсказали шаги и поступки, закончившиеся убийством того или иного министра»[164]. Намек в статье был весьма прозрачным: «Когда эта таинственная сила признала статс-секретаря Столыпина слишком "неудобным" для себя, она повлияла косвенно на те центральные террористические организации, которые дали Богрову предписание убить Столыпина»[165]. Далее он намекал, что под этой *возможной* таинственной силой может подразумеваться и масонство. Однако, из туманных намеков можно было сделать вывод и в виновности в убийстве Столыпина неких высокопоставленных государственных или политических деятелей. Лев Александрович, писавший статью в официальном издании, не мог прямо изложить свои подозрения и оставил читателю простор для трактовки его многозначительных намеков.

8 сентября 1911 года, после похорон Столыпина, он запишет: «Скверно! Все характеры ушли в революцию. Впрочем, и у них только разбойники, а ни единого умного тоже нет. Вот Нилус[166] пророчил на 1913 год антихриста <...> Пожалуй, если бы пришел, то могли бы все ему поклониться, как избавителю. Но только это все вздор. Не видать еще исполнения пророчеств. А скверно, а скучно, а бессмысленно жить! Даже и просвета не видно. Ведь и конституция не удержится и не умиротворит»[167].

---

[161] *Тихомиров Л.А.* Руководящие идеи русской жизни. С. 373.

[162] Из дневника Льва Тихомирова. Период столыпинщины // Красный архив. 1936. Т. 1. С. 190.

[163] Там же. С. 190—191.

[164] *Тихомиров Л.А.* Руководящие идеи русской жизни. С. 319.

[165] Там же. С. 319—320.

[166] Тихомиров полемизировал с Нилусом. См.: Тайна печати антихриста / [с предисловием] Л.[А.] Тихомирова. Мировая борьба добра и зла: По поводу письма С.А. Нилуса // Московские ведомости. 1910. № 228; *Тихомиров Л.А.* Борьба с масонством // Московские ведомости. 1911. № 243. Оба материала включены в сборник Неизвестный Нилус. М., 1995. Т. 1. С. 191—201; 405—410. В издании приводится копия отдельного оттиска очерка «Искатель града невидимого» с дарственной надписью С.А. Нилуса Л.А. Тихомирову // Там же. С. 201.

[167] Из дневника Льва Тихомирова. Период столыпинщины // Красный архив. 1936. Т. 1. С. 191.

С.А. Нилус

Уже много позже незадолго до крушения монархии, 29 января 1917, Тихомиров отмечал в дневнике: «Завелся "раз в жизни" человек, способный объединить и сплотить нацию, и создать некоторое подобие творческой политики — и того убили! А *кто* убил его, Столыпина? Но кто бы ни подстроил этого мерзкого Богрова, а *удача* выстрела есть все же дело *случая*, попущения. Все против нас, и нет случайностей в нашу пользу. "Мене, Текел, Упарсин"[168] так и сверкает над Россией. Неужели так и не сжалится Господь и не призрит на несчастного русского отрока Своего? Правда, что этот отрок отрекается от Отца своего <...> Но сумеет ли Россия устроиться или нет, а *переворот* какой-то кажется неизбежен»[169].

После убийства Столыпина наиболее думающие представители монархического лагеря начали осознавать, что это начало конца. Многие из них могли бы подписаться под выводом, сделанным А.Б. Нейдгардтом. Отвечая в письме Тихомирову, упрекавшему его в чрезмерном пессимизме, он писал: «Вы меня упрекаете в пессимизме, когда при наших дверях катастрофа»[170]. Несомненно, уже виден своеобразный «Божий перст» в гибели Столыпина. Теперь одиночество нестерпимо давило на Тихомирова, писавшего в дневнике: «Я не понимаю, как может возникнуть существо, не похожее ни [на] какие другие?.. Мне одному жить тяжело. Я хотел бы жить с другими. А между тем ни они меня не могут принять, ни я их. Так вот и подхожу к концу жизни во все возрастающем одиночестве. Отчасти это потому, что я — старого поколения, которое вымирает постепенно. Меня кое-какие старики любят и ценят, Кутузов[171], Васнецов, Нейдгарт <...> но они все сами выходят в тираж. Из новых попался Столыпин <...> ну вот проклятый жидюга и его убил <...> А больше никого и нет».[172]

Критерий религиозности самого Столыпина вообще был *очень важен* для Тихомирова, не случайно в свое время он связывал свое «призвание» Столыпиным в Петербург с совпадениями почти мистического характера. Вот и в статье, посвященной памяти Столыпина (1911 г.), он отмечал, что «у Петра Аркадьевича были внутренние опоры, которых *в такой степени*, мне кажется, не обнаруживалось у других. Это — вера в Бога и в Россию. Это давало ему веру в успех даже без отчетливого представления, в чем он будет заключаться. В этом был, думаю, секрет его уверенности, которая давала шансы на успех сама по себе»[173]. Характерно, что он отмечал, что ценил в Столыпине «именно его *личность*»[174].

Но вот в отношении религиозности премьера Лев Александрович был не столь тверд в суждениях. В октябре 1911 г. он, например, утверждал в письме, что одной из причин неудач деятельности Столыпина явилось то, что он абсолютно «не думал, что всякая путная деятельность должна быть проникнута христианским настроением»[175]. 12 декабря 1915 он писал в дневнике: «У Столыпина при личной религиозности были такие же поверхностные взгляды на Церковь, как и у большей части наших дворян и интеллигентов. Самостоятельности церковной он не понимал, и не то, чтобы боялся, а, так, сказать, его, как министра, оскорбляла эта независимость, казалась какой-то узурпацией.

---

[168] Речь идет об эпизоде из книги пророка Даниила, когда царь Валтасар увидел во время пира кисть руки, написавшую послание, которое никто не мог разгадать. Призванный пророк Даниил, отказавшись от наград, объяснил это явление как свидетельство гнева Божия на беззакония Валтасара, осквернившего на пиру сосуды из Иерусалимского храма: «За это и послана от Него кисть руки и начертано это писание. И вот, что начертано: МЕНЕ, МЕНЕ, ТЕКЕЛ, УПАРСИН. Вот — и значение слов: МЕНЕ — исчислил Бог царство твое и положил конец ему; ТЕКЕЛ — ты взвешен на весах и найден очень легким; ПЕРЕС — разделится царство твое и дано Мидянам и Персам» (Дан. 5, 24—28).

[169] Дневник Л.А. Тихомирова. 1915—1917 гг. С. 332

[170] Цит. по: *Соловьев Ю.Б.* Самодержавие и дворянство в 1907—1914 гг. С. 199.

[171] Аркадий Аркадьевич Голенищев-Кутузов.

[172] Цит. по: *Шерстюк М.В.* Одиночество Льва Тихомирова. С. 159.

[173] *Тихомиров Л.А.* Христианство и политика. С. 356.

[174] Там же. С. 358.

[175] ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. 1911 г. Д. 511. Л. 19.

Психологически — это, думаю, нечто вроде отношения политика к приходскому своему "попу". В государственном же смысле, тут, думаю, были только обрывки протестантских идей, да традиционный страх Петербурга перед всякой независимостью. Это последнее было особенно не к лицу Столыпину, который в принципе был за всякое самоуправление. Но у него вообще не было ясно сложенного политического миросозерцания, и он до него доходил лишь постепенно на практике Главы государственного управления»[176].

Тихомиров предпринял еще одну попытку убедить власть предержащих в необходимости воссоздания «полноценного» самодержавия и проведения глубоко «национальных реформ» в стране. 10 сентября 1911 г. он опубликовал в «Московских ведомостях» свое последнее письмо Столыпину, содержавшее требование пересмотра «конституции 1906 г.» и возвращения к такому законодательству, которое бы позволило в случае революционной опасности формирование в государстве сильной диктаторской власти. Помещение подобного письма в газете лишний раз показывало степень близости Тихомирова к покойному премьеру и способствовало тому, что на Тихомирова обрушился град нападок и «слева» и «справа».

Столыпин больше не мог оказать ему покровительство, и многие недоброжелатели Льва Александровича воспользовались этим в полной мере. Либеральные издания, «Вестник Европы», «Русская мысль»[177], «Голос Москвы» опасались усиления влияния Тихомирова и возможного осуществления его идеи о политическом перевороте. В публикации от 23 октября 1911 года в «Голосе Москвы» содержался намек на его закулисные связи с революционерами: «И поныне наши революционеры с каким-то особым почтением относятся к этому старому "льву" подполья <...> Чувствуется здесь как бы какая-то клятвенная связь между ними, как будто там, в подполье, все еще ждут чего-то от этого испытанного "соглашателя"»[178]. Крайне «правые» ругали Тихомирова за «пресмыкание» перед ненавистным им Столыпиным, обвиняли его в непоследовательности и высокомерном отношении к союзникам по охранительному лагерю. Черносотенная печать прямо заявляла, что «в правую газету "Московские ведомости" прокрались предатели и изменники»[179]. Тихомиров с грустью писал 8 октября 1911 года в дневнике о том, что на собрании Главного совета «Союза русского народа» (марковская организация) В.П. Соколов «заявил, что я — опаснейший тайный враг самодержавия», и добавлял: «Прямо куча какой-то сволочи, которых можно принять за преднамеренных врагов этой же монархии и вообще русского дела»[180].

Даже «Гражданин» Мещерского, когда-то близкий к «Московским ведомостям» по критике «законов 1905—1906 гг.» ерничал по его адресу, удивляясь, как правительство решилось раскаявшегося преступника вознести и поставить превыше миллионов людей, дав ему преемство М. Каткова[181].

23 ноября в дневнике Тихомирова следовала запись, в которой он сообщал о письме Дубровина, приглашавшем его на монархический съезд и просившем насчет публикации объявлений о мероприятии. «Ну я — повел себя обычно: напечатал их объявления, послал на съезд корреспондентов, печатаю о съезде <...> Сам, впрочем, не был. Но Дубровин навестил меня и просидел часа два с хвостом <...> Извиняется в мерзостях своей газеты. Ничего, дескать не могу поделать. У них — господин всего не он, а Полубояринова, которая дает деньги. А она — женщина, понятно, не высокого развития и властолюбивая... Вот положение "вождя"! Объяснялись много. Обещал изменить отношение своей газеты», — фиксировал Тихомиров, добавляя в примечании по поводу обещания Дубровина: «Понятно — наврал»[182].

Неприкрытая травля, конечно, больно уязвляла самолюбие Тихомирова. Ясно осознавая свое идейное поражение, он стал все чаще задумываться об уходе с поста редактора-издателя. Трепетно относящийся к денежным вопросам, на сей раз изданием «Московских ведомостей» на хороших

---

[176] Дневник Л.А. Тихомирова. 1915 — 1917 гг. С. 176—177.

[177] *Струве П.Б.* Преступление и жертва // Русская мысль. 1911. № 10. С. 143.

[178] Цит. по: *Сергеев С.М.* «Мои идеалы в вечном...». С. 16.

[179] *Патриот.* Бей тревогу, барабанщик! // Русское знамя. 1911. № 206.

[180] Из дневника Льва Тихомирова // Красный архив. 1936. Т. 2. С. 171.

[181] См.: Гражданин. 1911. № 43.

[182] Из дневника Льва Тихомирова // Красный архив. 1936. Т. 2. С. 171—172.

ловиях он обеспечил своей семье безбедное существование, и теперь
ог позволить себе заниматься разработкой интересующих его проблем,
думая о хлебе насущном (грядущую мировую войну и революции,
зметавшие в прах все накопленные им сбережения, он, конечно,
мог предвидеть). К тому же у «Московских ведомостей» возникли
рьезные финансовые проблемы в связи с попыткой отнять у газеты
стные и значительную долю казенных объявлений, составлявших
авные финансовые поступления издания. «Против меня ведется прямо
стервенелая кампания самой разнородной партийности, — фиксировал
я в дневнике, — особенно твердят, что я будто бы цареубийца (это
марта 1881 г.!), и вообще негодяй, и набиваю себе карманы (это от
оего собственного-то предприятия!), и что нужно у меня отнять ка-
енные объявления. Тут соединение всех мотивов. Мне передавали, что
н. Волконский, особенно ругающий меня в "Русском знамени", имеет
елью выжить меня из "Московских ведомостей" и получить аренду
ебе. Несомненно тоже, что октябристы испугались призрака моего
олитического влияния. Затем — куча просто пишущей твари злятся,
то я не принимаю их сотрудничество <...> Но вся эта разнородная
омпания одинаково грызет меня. Конечно, кампания идет и не в одних
азетах, а и в кабинетах»[183]. У Тихомирова, уставшего от нападок со
стороны черносотенных лидеров, даже прорывается: «Пожалуй, разве
революция сметет все это»[184].

А.И. Дубровин

В.М. Пуришкевич

Поднимая вопрос о замене издателя, наиболее крайние лидеры правых подчеркивали неспособность Тихомирова изменить ситуацию с газетой. В письме Коковцову от 4 июня 1912 года В.М. Пуришкевич с возмущением указывал на то, что «Московские ведомости» превращены Тихомировым в высшей степени «вялый, бесцветный, никому не интересный и не нужный орган. Подписка упала до невероятно малой цифры. Одним словом, газета, представлявшая собой выдающееся явление в области русской политической мысли, совершенно захирела»[185]. Лишь поездка Тихомирова в Петербург и вмешательство премьера Коковцова спасли положение. Преемник Столыпина дал согласие на то, что в обмен на решения Министерства финансов, отнявшего казенные объявления в декабре 1911 г., вся сумма, теряемая газетой за 2 года, будет возмещена.

Как писал Коковцову будущий глава Министерства внутренних дел, а тогда чиновник этого министерства Н.А. Маклаков, «было признано необходимым (столетие Отечественной войны 1812 г. и трехсотлетие дома Романовых, — *авт.*) издание "Московских ведомостей" сохранить на это время в руках прежнего арендатора»[186]. В результате 19 мая 1912 года с Тихомировым был подписан новый контракт на аренду газеты до 1 января 1914, по которому «Московским ведомостям» в возмещении убытков выделялась субсидия в размере 108000 рублей[187]. Коковцов в беседе с Тихомировым под-

[184] Из дневника Льва Тихомирова // Красный архив. 1936. Т. 2. С. 171.

[184] Там же. С. 172. Интересно сравнить эту мысль с рассуждениями Победоносцева: «Константину Петровичу возражали, что бездействие правительства должно привести Россию к страшным бедствиям, — в ответ на это он приводил странный аргумент, он указывал на то, что никакая страна в мире не в состоянии была избежать коренного переворота, что, вероятно, и нас ожидает подобная же участь и что революционный ураган очистит атмосферу.. Однажды кто-то весьма основательно заметил ему на это, что если все государства подвергались революционным потрясениям, то не было еще примера, чтобы правительство, так сказать, включало революцию в свою программу, считало ее таким неизбежным явлением, с которым бесполезно и бороться» // *Феоктистов Е.М.* За кулисами политики и литературы (1848–1896). Воспоминания. М., 1991. С. 219.

[185] РГИА. Ф. 776. Оп. 3. Д. 727. Ч. 4. Л. 13.

[186] Цит. по: *Костылев В.Н.* Лев Тихомиров на службе царизма С. 367.

[187] Там же.

черкнул, что, «идя на двухлетнее возмещение убытка, он руководствуется тем, что в 1912 и 1913 годах, с их вероятными смутами — невыгодно подрывать какие-нибудь правые издания»[188]. Все это совпало с просьбой Министерства внутренних дел к газетам ничего не печатать о Распутине. «Какой нестерпимый позор для царской фамилии. Они себя губят. Я даже в истории не помню такого позора», — отмечает Тихомиров в дневнике[189].

Вообще в годы после смерти премьера, наблюдая слабость правящей верхушки, он все чаще сожалел об отсутствии у подножия трона сильной личности, по типу Столыпина в начале его премьерства. Образ Столыпина очень часто возникает в его дневниковых записях: «Я очень любил и высоко уважал Столыпина, и *по типу* своему он мне виделся именно таким госуд[арственным] человеком, какой нужен. Это был человек идейный, человек, думавший об общественном благе. Все остальное — он сам, его карьера, Царь, народное представительство — все у него подчинялось высшему критериуму — *благо России*. Но он многого не знал, и особенно много сравнительно с величием своих целей. По этому я не могу считаться "Столыпинцем", ибо я постоянно не соглашался с ним и старался его перетянуть, переубедить. Однако это был *мой* человек, никого другого я не видел, и в этом смысле я был "Столыпинцем"» (запись от 12 сентября 1915 года)[190].

Тихомиров отмечал, что, в отличие от Дурново, «Столыпин — тоже умный — но неизмеримо более искренний, честный, дорожащий более всего *общественным благом*, — наоборот часто колебался, допускал охотно, что другие знают или понимают какое-нибудь дело лучше, чем он. Поэтому он и расспрашивал и спорил, и колебался, и терял время. Только вполне *убедившись*, он проявлял громадную энергию, пожалуй, не меньше Дурново, ломил как бешенный бык напролом...

Не то у Столыпина. Бывало, — делаешь доклад или высказываешь соображения, приведешь массу данных. Он слушает, спрашивает и делает очень умные возражения. В ответ на них исчерпываешь до самого дна все доводы и фразы, какие только у тебя были. Он как будто склоняется на твою сторону. Потом оказывается, однако, что он спрашивал еще других, значит, проверял тебя, и сам думал, а в результате иногда — месяца через два ничего не сделано, и снова приходится начинать доказывать сначала. Впрочем, иногда, оказывается, кое-какие части доклада приняты во внимание где-нибудь в законопроекте. Так было с церковными законопроектами.

Столыпин нередко замечал, что он не знает предмета, и начинал стараться узнать, на что, конечно, тратилось много времени... Конечно, Столыпин, проживи он еще десять лет, уже обладал бы тоже огромным накопленным знанием, которое точно так же подсказывало бы ему более быстрые решения. Но, во всяком случае, Дурново был не прав, называя его человеком "не государственным". У Столыпина были огромные способности именно "государственного человека", и он, будучи еще недостаточно опытным, сделал все-таки гораздо больше, чем Дурново за вдвое более долгую жизнь и за в семь раз более продолжительную службу государству»[191].

Но воскресить Столыпина было невозможно, и мысли об опоре на «твердую руку», о необходимости появления нового сильного лидера возле царя уже не покидают Тихомирова. В своих статьях он ищет «спасающего человека» и не раз возвращается к этой теме. В статье, опубликованной в июне 1912 года в «Московских новостях» под многозначительным заголовком «Спасающая личность и спасающая идея», он писал: «Россия теперь жаждет появления *спасающего человека*. Она ищет его, тоскует по нем и малейшее подобие такого человека готова, так сказать, "в кредит" окружить славой. Это настроение видимо нарастает. В нем выражается потребность найти исчезнувший центр национального единения»[192]. Далее, обращаясь к ментальным чертам русского этноса, он подчеркивал, что «русские более всех народов проникнуты чувством доверия к человеку, к *единоличному* выразителю национального движения или идеи. Но такое настроение нации делает наивыгоднейшим действие под знаменем нашей исторической власти, которая по самой сущности своей подразумевает *личного*

[188] Из дневника Льва Тихомирова // Красный архив. 1936. Т. 2. С. 173.
[189] Там же. С. 174.
[190] Дневник Л.А. Тихомирова. 1915—1917 гг. С. 132.
[191] Там же. С. 133. 134.
[192] *Тихомиров Л.А.* Церковный собор, единоличная власть и рабочий вопрос. С. 447.

ителя национального движения»[193]. Опора для оформления подобного политического режима, очетающего самодержавную монархию и диктатуру и проводящего через институты законодательной и исполнительной власти решения, направленные на укрепление «дряхлеющего» политического строя России, по мысли Тихомирова, должна быть найдена в здоровых силах русской нации. Он писал: «Эта Империя создана *русскими* и без них непременно должна распасться. Единящий центр Империи может быть или русским, или его совсем не может существовать. Другой властвующей идеи у нас нет. Политический идеал федерации — среди народов Империи — это жалкая книжная выдумка интеллигенции, утратившей политическое чутье... Вообще никакой другой объединяющей силы, кроме *национально-русской*, у нас *не может быть*. Для России поэтому нужна *гегемония русского народа»*[194].

Тихомиров полагал, что, только опираясь на гегемонию русского народа и твердые в своих монархических взглядах социальные слои русского общества, можно скрепить распадающееся государство. «Это есть основа той *спасающей идеи*, которая должна созреть в нации прежде, чем у нее может явиться *спасающий человек*, столь страстно ею ожидаемый. Идея есть предтеча личности», — предрекал он[195].

Отметим, что Тихомиров был далек от националистической риторики. Стоит обратить внимание на то обстоятельство, что для него гегемония русского народа в Империи не выражалась лозунгом: «Россия для русских». Он выдвигал иную формулу: «Россия должна устраиваться по-русски», то есть устраиваться сообразно русской исторической идее[196]. Хотя, конечно, в любом случае подобная трактовка роли нации в государственном строительстве была достаточно авторитарной. Тихомиров предлагал всем национально-мыслящим людям задуматься, «как устроиться сообразно русской исторической идее, как получить государственную власть, во всех действиях проникнутую национальным духом, народу понятную и опирающуюся на этическое содержание, общее ей самой и русской нации»[197]. Это «политическое задание», полагал он, разрешается следующей схемой учреждений:

«1) Верховная Самодержавная Власть Царя, юридически неограниченная; 2) вооружение этой Верховной Власти близостью к нации, общением с ней, осведомленностью в нуждах страны, ее средствах, обладанием, наконец, хорошим управительным механизмом; 3) для последней цели — приведение бюрократии в должные границы, уничтожение ее тенденции захвата власти и освежение всего ее духа; 4) введение в государственные учреждения народного представительства, с разумно и практично поставленными целями...; 5) восстановление церковного строя, обеспечивающего сильную, нравственно-авторитетную церковную власть, союзные государственно-церковные отношения...; 6) народная самодеятельность в местном и социальном управлении, обеспеченная необходимыми правами и представительством пред агентами центральной власти. Для установки учреждений в таком смысле необходим *пересмотр как прошлого законодательства, так и позднейшего в отношении Верховной Власти, управительных учреждений, народного представительства, местного управления, прав* личности и связанного с ними законодательства о свободе совести, слова, печати, организаций»[198].

Достаточно вольно трактовал Тихомиров и соблюдение правовых норм при возможной реализации своих предложений. Чрезвычайное положение требует и чрезвычайных мер. В статье «Нужны ли принципы?», еще в 1911 г., он призывал руководствоваться не инструкциями, а здравым смыслом и предупреждал: «Россия историческая, то есть православная и монархическая, была расшатана и так легко разбита ничтожнейшими силами своих врагов только потому, что у нее появилась гниль в ней самой. В ее защитниках, по привычке признававших Православие и Самодержавие, заглохло понимание, в чем заключается Православие и Самодержавие, а потому они не могли ни осуществлять

[193] *Тихомиров Л.А.* Церковный собор, единоличная власть и рабочий вопрос. С. 447.
[194] Там же.
[195] Там же. С. 449.
[196] Там же.
[197] Там же.
[198] Там же. С. 449—450.

жизни по этим, лишь номинально признаваемым, принципам, ни защищать их против нападения врагов. Ибо нельзя же защищать что бы то ни было, если мы не понимаем, в чем оно состоит. Без такого понимания мы, при всей ревности, будем защищать, может быть, то, что именно и не заключает в себе Православия или монархизма, а станем насмерть биться за поддержание того, что на самом деле лишь искажало Православие и монархию. Обыкновенно каждый строй именно и гибнет таким образом не от силы врагов, а от непригодности своих защитников»[199]. Причины кризиса российского самодержавия следует искать не только в «разрушительной» деятельности либералов, а внутри самой самодержавной системы. Публицист призывал: «Наше спасение, — писал он, — зависит от того, перестанем ли мы полагаться на бумажные правила и каменные стены и потребуем ли от самих себя и от всех наших, чтобы наше дело всюду защищалось живым, сознательным и преданным ему человеком. Если этого у нас не явится, то неврастеническим выкрикиванием проклятий врагам мы не возвратим назад ни одного камня взятых у нас бастионов, а потеряем и все остальное, пока еще не отнятое»[200].

Тихомиров призывал к еще большей концентрации власти в руках царя, положение которого должно было быть усилено за счет появления при дворе «сильной личности» (почти диктатора, но не «затмевающего» при этом монарха); человека, имеющего большие полномочия для реализации на практике воли монаршей[201]. Подобная система власти должна была опираться на перестроенную, а по сути, созданную заново на принципах корпоративизма и солидаризма социальную структуру общества в сочетании с имперской идеологией, опирающейся в многонациональной стране преимущественно на русский этнос. Реализация подобного политического проекта таила в себе опасность постепенной эволюции существующей в России системы государственной власти, и так носящей черты авторитаризма, в сторону ее еще большего ужесточения и, по сути, придания ей тоталитарного характера, в духе будущих идей европейской «консервативной революции». В качестве иллюстрации можно привести примеры из итальянского политического опыта 30-х гг. XX в.[202]

Между политической системой, сложившейся в России к началу XX в., с фактически неограниченной властью царя и политическим режимом в Италии, где королевская власть была ограничена парламентскими рамками, дистанция огромного размера, но в данном случае ни о каких прямых параллелях речь не идет. Мы говорим только о назревших к концу 20-х г. XX в. качественно иных общественно-политических тенденциях в Европе. К двум парадигмам дальнейшего социального развития европейских стран — либерализму и социализму — прибавилась третья, пресловутый «третий путь», нашедший идейное основание в политико-философской доктрине «консервативной

---

[199] *Тихомиров Л.А.* Христианство и политика. С. 126. Впоследствии эти рассуждения продолжал И.А. Ильин, считавший, что видеть в Октябрьской революции «просто результат заговора» — «это все равно, что объяснять болезнь злокозненно сговорившимися бактериями и их всесильностью... Бактерии не причина болезни, они только ее возбудители; причина в организме, его слабости» // *Ильин И.А.* Мировые причины русской революции // Вече. Мюнхен, 1985. № 17. С. 44—45.

[200] *Тихомиров Л.А.* Христианство и политика. С. 127.

[201] Сравните с более поздними (конец 1920-х годов) рассуждениями В.В. Шульгина на эту тему: «Мы из тех пород, которым нужен видимый и осязаемый вожак. Ибо сей вожак, избавляя каждого отдельного русского от необходимости сноситься со своими согражданами... направляет их стремление как-то послужить единой и ценимой ими русскости — "вверх", то есть на себя... Ибо отношение к вожаку иное: оно не отравлено неизживаемыми даже перед лицом смертельной опасности счетами... В былое время достаточно было быть Царем, чтобы вбирать в себя все лучшие токи нации. Драки сами собой смолкали на ступенях трона; оставалось одно очищенное желание служить родине, — *через Царя*. Нынче мы живем в веке фашизма. Сейчас Государь, который хотел бы выполнить служение былых времен (то есть выловить из народа все творческое, отринув разрушительное), должен быть *персонально* на высоте своего положения. Если же этого нет, то рядом с ним становится вождь, который, по существу, исполняет царские функции» // *Шульгин В.В.* «Что нам в них не нравится...»: Об антисемитизме в России. СПб., 1992. С. 94—95.

[202] Сравните с мессианскими идеями Муссолини о возрождении Италии в границах Римской империи, о поклонении принципам эллинизма и т.д. Все это первоначально делалось под эгидой королевской власти. Однако влияние Савойского правящего дома во главе с Виктором Эммануилом III не шло ни в какое сравнение с харизмой Муссолини, и «медовый месяц» короля и лидера фашистов, получившего после «похода на Рим» в 1922 г. пост премьер-министра практически с неограниченными полномочиями, и узаконившего свою диктатуру в 1929, длился недолго. Уже в 30-е гг. фигура короля в политической жизни Италии стала практически номинальной, если не карикатурной. См.: *Нольте Э.* Фашизм в его эпохе. С. 274—279.

революции», а на практике воплотившийся в ряде крайне авторитарных, и даже откровенно тоталитарных модификаций.

Конечно, всем знаком тезис — история не терпит сослагательного наклонения, но не будем забывать и того, что Российская империя, как справедливо подмечал еще В.И. Ленин, это было «слабейшее звено в цепи империализма».

Мыслящие консерваторы тоже понимали, что движение к пропасти хотя и приостановлено, но все равно продолжается и никакие «верноподданнические» демонстрации остановить этого не смогут. 5 июня 1907 года генерал Киреев записал в дневнике: «Дубровины, Илиодоры и т.п., конечно, вредят делу... Однако, по словам Д.А. Олсуфьева, Государь читает "Русское знамя". Эти эксцессы, конечно, возбуждают недоверие к партии Р[усского] н[арода]. Да и Столыпин не считает возможным на нее опираться <...> Конечно, мы, монархисты (с совещат[ельною] Думой) — не такие фанатики. Но ведь большинство-то не у меня, Нарышкина[203], Тихомирова и др., а у Дубровина и других полусумасшедших»[204] В том же, 1907 году, Никольский, оценивая деятельность «Союза русского народа», писал в дневнике: «Историю в перчатках не делают. Дубровин, конечно, гнусный паразит, ничего никогда не делавший и ничего не умеющий сделать, но зато никому не мешал. Союз рос до сих пор, как лавина, ему и нужны были Дубровины. Теперь чувствуется, что Дубровин уже не нужен. Мне кажется, что назревает время нам становиться во главе дела. Нужен дух инициативы. Прогулки со знаменами недостаточны. Нужна политическая деятельность»[205]. 22 декабря 1908 года Киреев записывает: «Несомненно, Дубровин со своей дикостью, бестактностью, неуравновешенностью вредит консерватизму у правительства, но в народе они сослужили немалую службу самодержавию, ведь нужны *разные* деятели при теперешних обстоятельствах, нужны не только умы, но и кулаки. Беда лишь в том, что теперь хотят руководить движением (консервативным)»[206]. Такие отклики были не редкими — по мнению Ю.С. Карцова, Дубровин не обладал «обширными сведениями и политическим опытом» и «во всех отношениях человеком он был заурядным»; лишь «события революции выдвинули его как крупного деятеля и сделали его лидером монархической реакции»[207]. Один из руководителей Союза русских людей Ю.П. Бартенев характеризовал Дубровина как человека «совершенно ограниченного», ибо «он не только не первостепенный, но совершенно плачевный ритор — скудный мыслью, бедный выбором слов, с избитым синтаксисом, с деревянною интонацией, — смех и горе. Но когда ему приходится не говорить, а изрекати и рычати на толпу, он преображается и становится хорошим властителем массы»[208].

Иными словами, и сам Дубровин и его методы были хороши в тот период, когда нужно было гасить «пожар» революции, но после стабилизации ситуации и начала реформ они вызывали у консерваторов-интеллектуалов отторжение, а попытки крайне правых претендовать на свою «долю» во власти возбуждали еще и ревность. Приведенные выше записи вполне можно трактовать и как отражение позиции влиятельных монархистов и их единомышленников видеть перемены в стране, в том числе и перемены в правящей династии. Тот же Никольский крайне низко оценивал политические таланты Николая II: «Я думаю, что Царя *органически* нельзя вразумить. Он хуже чем бездарен: он — прости меня Боже — полное ничтожество! Если так, то не скоро искупится его царствование. О, Господи, неужели мы заслужили, чтобы наша верность была так безнадежна?.. Я мало верю в близкое будущее. *Одного* покушения мало, чтобы очистить воздух. Нужно что-нибудь сербское[209]. Конечно,

---

[203] Имеется в виду *Нарышкин Александр Алексеевич* (1839—1916) — общественный и государственный деятель.

[204] *Киреев А.А.* Дневник. 1905—1910. С. 209.

[205] Дневник Б.В. Никольского (1905—1907 гг.) // Красный архив. 1934. Т. 2. С. 88.

[206] *Киреев А.А.* Дневник. 1905—1910. С. 301.

[207] Цит. по: *Богоявленский Д.Д., Иванов А.А., Репников А.В.* Дубровин Александр Иванович // Русский консерватизм середины XVIII — начала XX века: энциклопедия. С. 163.

[208] Там же.

[209] Никольский подразумевает военный переворот в Сербии в ночь с 28 на 29 мая 1903 года, когда тайная офицерская организации во главе с Д. Димитриевичем и П. Живковичем свергла короля Сербии Александра Обреновича, убив его, его супругу и королевских приближенных, в том числе военного министра Д. Цинцар-Марковича, и восстановила на престоле династию Карагергиевичей. Королем стал Петр I Карагергиевич, внук основателя сербского государства. См.: *Васильева Н., Гаврилов В.* Балканский тупик?.. (Историческая судьба Югославии в XX веке). М., 2000. С. 23.

мне первому погибать. Но мне жизни не жаль — мне России жаль»[210]. А при видимой слабости императора одним из возможных сценариев развития событий в России могло стать появление при дворе «сильной личности» с диктаторскими полномочиями. Личности, достойной той исторической роли, которую уже предначертал для нее в своих теоретических построениях Тихомиров. Однако для реализации предлагаемой им масштабной программы «консервативных реформ», в том числе и в сфере социального строительства, требовалась поистине титаническая фигура «харизматического диктатора» — волевого, целеустремленного и уверенного в себе человека.

При этом представляется, что анализируемые выше предложения Тихомирова, так или иначе направленные на изменение социально-сословной политики государства, не следует рассматривать как дань создаваемой им глобальной имперской утопии. Авторам ситуация представляется несколько в ином свете. Думается, что, обладая несомненным даром политического предвидения и огромным политическим опытом, приобретенным за годы пребывания в революционных, а затем монархических кругах, Тихомиров в конце своей политической карьеры показал себя аналитиком-футурологом. В своих многочисленных статьях, опубликованных в различных изданиях, он фактически предвосхитил один из вариантов дальнейшего развития политико-правовой мысли Европы, реализовавшийся через четверть века после выхода его работ. Сначала теоретически, в форме манифеста «консервативной революции», а затем и в практических формах, в виде различных разновидностей тоталитаризма на европейском континенте.

Как показывает исследование, теоретические модели, разрабатываемые Тихомировым, оказались наиболее близки той политической модели, которая восторжествовала в странах, переживавших политический кризис эпохи модерности и имевших незрелое гражданское общество, таких, как Германия, страны Южной и Восточной Европы и, наконец, Россия. При этом стоит также отметить, что в определенной мере идеи Тихомирова шли *дальше* теоретических построений будущих «консервативных революционеров». Они несли в себе зерна некоего симбиоза национализма и социализма, который в политической практике европейских государств оказался распыленным во времени.

С одной стороны, его идеи, особенно в сфере социальных преобразований, действительно напоминают практику итальянского «корпоративного общества». Но, с другой стороны, на что мы также указывали, его предложения по вопросам корректировки социально-экономической политики в духе социального мира и идеи солидаризма во многом схожи с концепциями «христианского социализма» и «социального государства», нашедшими практическое воплощение в политико-экономической практике правящих в ряде государств Европы после Второй мировой войны политических партий.

Вполне возможно, что в случае реализации на практике его предложений они могли бы представлять собой один из альтернативных вариантов дальнейшей эволюции российской политической системы в духе одной из вариаций концепции «третьего пути». Однако в реальной действительности все оказалось иначе. События февраля 1917 г., приведшие к свержению династии Романовых, а затем и Октябрьский переворот дали истории российской государственности, более чем на 70 лет, качественно иную точку отсчета, повергнув страну из недолговечной «либеральной вольницы» — февраля, на десятилетия в тоталитарный коммунистический советский строй. Подобного поворота в истории России даже столь чуткий к изменению политического барометра Тихомиров в полном масштабе предсказать не мог.

Начавшаяся Балканская война на некоторое время отвлекла его от горьких мыслей о судьбе России. Анализ его дневниковых записей вновь рисует нам несколько простоватый для его интеллекта образ беззаветного обывателя — «панслависта», не слишком задумывающегося о внешнеполитических реалиях, сторонника применения военной силы для продвижения рубежей православия дальше на Восток. В осенние дни 1912 г. он сетует на слабость российской политики в восточном вопросе, поверяя своему дневнику следующие мысли, в которых явственно сквозило горькое разочарование, особенно усиленное «дипломатической Цусимой» 1909 г., состоявшейся в признании российским

[210] *Никольский Б.В.* Сокрушить крамолу. С. 102.

Министерством иностранных дел во главе с А.П. Извольским за Австро-Венгрией права на аннексию Боснии и Герцеговины[211]. Тогда по этому поводу Тихомиров разразился гневной филиппикой, прямо обвиняя министра иностранных дел в предательстве русских интересов и подчеркивая: «Извольский не мог не видеть, что русский народ, не желая никакой войны, готов был всеми силами поддерживать правительство в вопросах, касающихся чести и интересов России», а между тем бездарный министр «вместе с собой положил к ногам Австрии и Россию»[212].

Видя беспомощность России, 30 октября 1912 года Тихомиров, уже в который раз, с благоговением обращается к образу Столыпина, теперь уже изрядно идеализируя его в сравнении с теми, кто остался у власти: «Правительство такое — что с ним все возможно. А пропаганда в войсках и подготовка рабочих все время идет. Все может быть. Конечно, с бестрепетным сердцем и твердой рукой, — все это легко бы было разрушить в зародыше. Но при данном персонале людей вскоре может быть дождемся и своего 1793 года. Ведь у нас революция идет по французскому — масонскому рецепту <...> Недаром Столыпина убили. Он хотя и конституционалист, но человек "прусского образца" и по энергии характера не дал бы монарха в обиду. А теперь — людей нет, и, вероятно, куча прямых предателей. В народе же даже и для Вандеи нет уголка. Не Курская же губерния со своими правыми? Несчастнейший монарх. Мне его до смерти жалко. Я лично, признаюсь, потерял всякую веру в спасение»[213]. В письме Никольскому от 14 января 1913 г. он язвительно замечает: «Ругали Вы Столыпина, говорили, что препятствует устроению России. Что же у вас там устроили без него? Пора бы покаяться перед покойным»[214]. Историк Селезнева верно отмечает, что задолго до «взрыва 1917 года» Тихомиров в своих записях «регулярно называет главную, по его мнению, причину катастрофы — отсутствие эффективных государственных деятелей, но не дает никакого ответа на вопрос, каким образом рекрутировать этих людей»[215].

В сложившейся обстановке Льву Александровичу было все труднее проводить свою линию в газете. Сказывался и возраст — в дневнике он все чаще жаловался на расстроенное здоровье. Решение об уходе окончательно вызрело к 1913 г. Тогда он находился в еще более мрачном расположении духа. 16 декабря 1912 г. министр внутренних дел А.А. Макаров был отправлен в отставку, вместо него назначили Н.А. Маклакова, ставленника крайне «правых», не любившего Тихомирова. Одной из причин увольнения явился Распутин. В своем дневнике Тихомиров отмечал: «Макаров, видимо, ушел против своей воли... Очевидно, что я должен уйти. С такой правительственной политикой, как эта, никто не может ничего делать»[216]. Не видя возможности повлиять на ситуацию и добиться изменения правительственного курса, лишившись надежды увидеть после смерти Столыпина подле трона сильную личность, способную достойно заменить его и возглавить антилиберальные и антипарламентские «контрреформы», Тихомиров осознавал также всю иллюзорность надежд хоть как-то повлиять через газету на проводимую в стране политику. 30 декабря 1912 года он записывает в дневнике: «Вечер... А там, на редакционной половине, происходит елка для детей служащих <...> Все наши там. Слышны песни детей <...> Кажется, веселятся. А я тут лежу один в кабинете. Устал да и не знаю чего. И ничего мне не хочется <...> А из-за чего эта истощающая работа? Кому нужна, для чего?»[217].

Симптоматична и позиция Тихомирова в дни празднования трехсотлетия правящего дома Романовых. На протяжении января — февраля 1913 года он поместил в «Московских ведомостях» целую серию статей, прославлявших «подвиги национального самосознания», подчеркивая спасительную роль народа в реставрации российского самодержавия[218]. Это были отнюдь не парадные статьи, написанные «к дате»! В этих публикациях он попытался спроецировать в расчете на думающего и

[211] *Тихомиров Л.А.* Извольский и Босния и Герцеговина // Московские ведомости. 1909. № 249.
[212] *Тихомиров Л.А.* Новый траур нашей дипломатии // Московские ведомости. 1909. № 62.
[213] Из дневника Льва Тихомирова // Красный архив. 1936. Т. 2. С. 177.
[214] ГА РФ. Ф. 588. Оп. 1. Д. 781. Л. 8 об.
[215] *Селезнева Л.В.* [Рецензия]. С. 289.
[216] ГА РФ. Ф. 634. Оп. 1. Д. 21. Л. 134 об.
[217] Из дневника Льва Тихомирова. // Красный архив. 1936. Т. 2. С. 177.
[218] Московские ведомости. 1913. № 47, и др.

Плакат к 300-летию Дома Романовых

самостоятельно мыслящего читателя анализ героических событий прошлого на современную ему действительность. Он по-прежнему стремился проводить мысль о необходимости возвращения к исконным основам самодержавия, беря как основу так называемую «Утвержденную грамоту» 1613 г. об избрании Земским собором на престол Михаила Романова. В своей борьбе против «кодификации 1906 гг.» он опирался и на анализ этой грамоты, подчеркивая: «Этот замечательный учредительный документ, не имеющий ничего себе равного во всемирной государственно-правовой созидательной деятельности, должен был по мысли Собора остаться навеки основой Русского Царства. Наша кодификационная работа исключила его из числа актов юридического значения, несмотря на то, что именно на нем основана была Верховная власть, триста лет с тех пор владычествующая в Русском государстве. Это не уменьшает его громадного исторического значения, о котором особенно своевременно вспомнить в настоящее чествование трехсотлетия династии, воцарившейся в 1613 году»[219].

Говоря о спасительной роли Церкви в преодолении Смуты начала XVII века, Тихомиров не уставал отмечать, что в тот исторический период «мы замечаем Церковь, в лице ее иерархии и учреждений, во всей ее организованной силе, как могущественную опору национального и государственного спасения России... Церковь того времени была стройной и крепкой организацией. Век был полон насилий, но иерархия Церкви, нисходящие чины духовных лиц были вооружены множеством способов бороться против насилия»[220]. Поэтому, «когда гражданские власти стали разваливаться, церковная организация не лишилась сил действовать... в 1605—1613 годах... именно организованность Церкви стала орудием ее спасительной роли, тем условием, благодаря которому могло совершиться великое дело 1613 года»[221]. Рассматривая цикл этих статей, можно согласиться с мнением историка Костылева, что в столь знаковые для России дни «редактор почти начисто “забыл” о самих Романовых, стремясь провести прежде всего ту идею и надежду, что в 1913 г. ... народ справится со своей работой не хуже, чем было 300 лет назад»[222].

В конце февраля 1913 г. Тихомиров отправляется в Петербург для переговоров с Коковцовым о передаче газеты. 9 августа он проинформировал С.С. Татищева (начальника Управления по делам печати) о своем намерении уйти в отставку, сделав по этому поводу в дневнике следующую запись: «Назад не повернуть, милосердный Боже, помоги мне... у меня нет больше сил продолжать эту каторгу и быть соединенным с людьми, которым я не верю и от которых не могу ожидать ничего хорошего для своих идеалов»[223]. Единственной его заботой остался вопрос о том, кому передать газету. Задача эта была вовсе не безразлична Тихомирову. Сам он еще в феврале 1913 г., контактируя в столице с Н.В. Плеве[224] и Коковцовым, на первоначальных переговорах предлагал кандидатуру профессора А.С. Вязигина, как фигуру наиболее компромиссную и могущую устроить даже крайне «правых». К Вязигину, известному ученому и политическому мыслителю, он относился с уважением. Об этом свидетельствовал и его позитивный отзыв в «Московских ведомостях», посвященный историческому исследованию Вязигина[225]. Но в июле 1913 г. он изменил свою позицию и стал рекомендовать барона А.Э. Нольде. «Это был бы хороший исход, — отмечал он в дневнике. — При Нольде обе-

[219] *Тихомиров Л.А.* Церковный собор, единоличная власть и рабочий вопрос. С. 496.
[220] Там же. С. 498, 499.
[221] Там же. С. 499.
[222] *Костылев В.Н.* Лев Тихомиров на службе царизма... С. 367—368.
[223] ГА РФ. Ф. 634. Оп. 1. Д. 21. Л. 139 об. — 140.
[224] Управляющий делами Совета министров в 1910 — 1914 гг.
[225] *Тихомиров Л.А.* Церковный собор, единоличная власть и рабочий вопрос. С. 491—492.

спечено существование всей семьи "Московских ведомостей" (имелись в виду сотрудники, — *авт.*). Я ушел бы спокойно, зная, что не привел их к разорению»[226]. Вообще же следует отметить, что перед своим уходом Тихомиров в отношении сотрудников и рабочих газеты вел себя очень порядочно, всячески стараясь сохранить их рабочие места и финансовую стабильность. Вот характерная дневниковая запись середины лета 1913 г.: «Я бы и против Башмакова[227] не сказал ничего, если бы он оставил при себе нынешних сотрудников. Это моя единственная забота»[228]. Лоббируя те или иные кандидатуры, он активно сносился с Петербургом. Сохранилось его письмо за сентябрь 1913 г. к министру земледелия и ближайшему сподвижнику Столыпина А.В. Кривошеину, в котором Тихомиров предупреждал, что «будет злой насмешкой судьбы, если сначала... убьют "Московские ведомости", а потом пройдет перемена правительственных лиц, за что будущая власть лишится единственного органа, который при всей своей "малораспространенности" может и способен иметь нравственное влияние на общество и возбуждать уважение даже среди врагов... Ввиду этих слухов повторяю Вам свое убеждение, что никаких кандидатов, кроме Вязигина и Сидорова[229], не следует допускать»[230].

Новое Время
Основатель А. С. Суворинъ.
С.-ПЕТЕРБУРГЪ, СУББОТА, 8-го (21-го) ИЮНЯ 1913 г.

Из газеты «Новое время» от 8 июня 1913 г. Под фото, которое было сделано в Костроме: «Отъезд Их Величеств Государя Императора, Государыни и Наследника Цесаревича с пристани на Волге, 19 мая»

Параллельно с поисками приемлемого издателя он продолжал вести работу по пропаганде идей истинной монархии, к которой следовало «подтянуть» российские политические институты. В этом отношении характерна его статья «Монархизм и прогресс, в которой он заступался за свою газету, которую в очередной раз «правые» издания упрекнули за двойственность («уживаются рядом монархизм и прогресс»)[231]. Отвечая на этот упрек, Тихомиров отмечал, что «Московские ведомости», будучи «органом сознательного монархизма, в то же время убеждены в том, что это ничуть не мешает им отстаивать прогрессивное движение русской жизни ко всякому усовершенствованию. Прогресс жизни не имеет лучшего государственного орудия, как монархию»[232]. Лев Александрович поучал ультраконсерваторов-ортодоксов: «Монархия потому и была орудием прогресса, что составляет наилучшую форму Верховной Власти, всегда способную перейти от роли учреждающей — к роли исполняющей. На этот переход неспособна демократия, которая поэтому и попадает всегда в рабство установленному ее же именем правящему механизму»[233]. Сходные идеи он проводил еще в ряде статей этого года[234].

Другой темой, взволновавшей тогда всю Россию и разделившей ее на два лагеря, было нашумевшее «дело Бейлиса». Цикл статей, посвященных этому делу, опубликовал в 1913 году в «Московских ведомостях» и сам Тихомиров[235]. Одну из таких статей «К расследованию вопроса о ритуальных

---

[226] ГА РФ. Ф. 634. Оп. 1. Д. 21. Л. 62.

[227] См. о нем: *Репников А.В., Иванов А.А.* Башмаков Александр Александрович // Русский консерватизм середины XVIII — начала XX века: энциклопедия. С. 49—52.

[228] ГА РФ. Ф. 634. Оп. 1. Д. 21. Л. 63.

[229] *Сидоров А.А.* — председатель московского комитета по делам печати.

[230] ГА РФ. Ф. 634. Оп. 1. Д. 22. Л. 5.

[231] *Тихомиров Л.А.* Церковный собор, единоличная власть и рабочий вопрос. С. 515.

[232] Там же.

[233] Там же.

[234] См.: *Тихомиров Л.А.* Власть Всероссийского Императора // *Он же.* Церковный собор, единоличная власть и рабочий вопрос. С. 519—521. *Тихомиров Л.А.* Основы русского государственного строя // Там же. С. 521—527.

[235] См.: *Тихомиров Л.А.* Дело Бейлиса и еврейство; Суд и толпа в деле Бейлиса; Дело Бейлиса и дело об убийстве Ющинского; К расследованию вопроса о ритуальных убийствах; Затруднения при покупке книг Даля и Кузьмина; По поводу ритуальных убийств // *Он же.* Церковный собор, единоличная власть и рабочий вопрос. С. 528—544, 547—550.

убийствах» (№ 252 «Московских ведомостей» от 1 (14) ноября 1913 года) он приложил к письму Никольскому от 1 ноября 1913 года. В письме Лев Александрович сообщал: «Многоуважаемый Борис Владимирович. Посылаю Вам вырезку моей статьи о необходимости специального правительственного расследования вопроса о ритуальных убийствах. Если Вы этим заинтересуетесь, то я бы Вам выслал сколько угодно №№ этой статьи. Между прочим, я бы весьма желал, чтобы Вы обратили на этот вопрос внимание Министра Юстиции. Самому не хочется писать ему. Я представляю, что если бы был образован для этого особый комитет, то Вы бы должны были быть его членом. Возможно, что годился бы Чаплинский. Конечно, следовало бы вызвать Пранайтиса, может быть Скворцова, который умеет расследовать. Без сомнения, должен быть Замысловский[236]. Ему я, впрочем, буду писать и сам. Моя точка зрения такова, что черни подобает орать тогда, когда это неприлично. Люди же серьезные должны молчать, когда неприлично давить на суд, но зато после суда должны начинать действовать, ибо нельзя оставить без последствий добытых фактов. Так известите, нужна ли Вам газета. Искренне преданный Л. Тихомиров»[237]. Рекомендация Василия Михайловича Скворцова, бывшего редактором правой газеты «Колокол», наряду с другими лицами в Комиссию по расследованию «дела Бейлиса» согласовывалась с тем, что Тихомиров писал в газетных статьях, говоря о возможности существования «секты», которая может быть причастна к «ритуальным зверствам». В телеграмме Никольскому от 9 ноября 1913 он запрашивал: «Прошу, известите, есть, ли или будет стенографический отчет о киевском деле не еврейский, если есть, не прикажете ли выслать наложно»[238].

Линия «Московских ведомостей» по итогам разбирательства в суде была следующей. Ее сформулировал редактор: «Мы уже не в первый раз повторяем это потому, что у нас нет подозрений против целостного еврейства. Но мы считаем почти несомненным существование среди евреев какой-то страшной секты»[239]. В целом же «Московские ведомости» Тихомирова остались в «деле Бейлиса» на стороне официозной печати, но вели себя достаточно корректно, отличаясь от крайне правых газет, что также не прибавило Тихомирову очков в «ультраправом» лагере. Тем более, что он не собирался отдавать газету без боя в руки крайне правых.

Год вместе с тем близился к завершению, а вместе с ним и редакторская карьера Льва Александровича. К тому же к концу 1913 г. заканчивались и льготы изданию, предоставленные правительством, что делало финансовое положение «Московских ведомостей» еще более нестабильным. Собственно в этом не было ничего удивительного, вся официозная печать, кроме, разве что, «Нового Времени», переживала не лучшие времена. Мрачное состояние Тихомирова усугублялось не только происками оппонентов из черносотенных изданий, вовсю поносивших бывшего революционера и любимчика Столыпина. Ругали не столько из-за борьбы за чистоту рядов, сколько просто из обыкновенной зависти и желания лягнуть ослабевшего Льва. Ему припоминали все, что можно.

Еще одним ударом стала судебная тяжба. Управлением по делам печати против Тихомирова был инсценирован судебный иск по статье 1034 по обвинению в клевете против Окулича. Сам Тихомиров считал, что «это — подлая интрига истинной сволочи комитета по делам печати Истомина (Владимира Аввакумовича), Слепцова и Вознесенского. Эти господа злятся, что я их не печатаю, а что мне делать, когда их статьи — дрянь. Они злятся, что у меня имеет хороший заработок Сидоров, которого ненавидят Истомин и Слепцов. Слепцов — потому что он дрянный чиновник и имеет много неприятностей от Сидорова. А Истомин — потому что Сидоров председатель <...> Они тщательно следят, нельзя ли "поймать" "Московские ведомости", и вот нашли глупейшую придирку (якобы на-

В последней из перечисленных статей Тихомиров сетовал, что тщетно просил магазин «Нового времени» продать ему издания В.И. Даля «Записка о ритуальных убийствах» и И.О. Кузьмина «Материалы к вопросу об обвинениях евреев в ритуальных преступлениях» (СПб., 1913), высказывая подозрение, что эти книги отсутствуют в продаже не просто так, и задавая вопрос: «Не скупаются ли книги в одни руки? На это уж магазину следовало бы обратить внимание» // Там же. С. 542—543.

[236] См. о нем: *Иванов АА.* Замысловский Георгий Георгиевич // Русский консерватизм середины XVIII — начала XX века: энциклопедия. С. 187—188.

[237] ГА РФ. Ф. 588. Оп. 1. Д. 781. Л. 13.

[238] Там же. Д. 1053. Л. 1.

[239] *Тихомиров ЛА.* Церковный собор, единоличная власть и рабочий вопрос. С. 541.

рушение предписания), тайком составили большинство голосов, выбрали такое заседание, когда не было Сидорова и Языкова[240], и составили "постановление" о привлечении меня к суду <...> Думаю, что прокурор тоже будет непрочь "насолить" "Московским ведомостям", да и судейские тоже»[241]. 14 февраля 1912 года он записал: «Московский окр. суд (под предс. кадета Гудим-Левиковича) признал сегодня меня виновным в оклеветании этой стервы Окулич, и присудил к 2 месяцам тюрьмы»[242].

В итоге Тихомиров все же отделался штрафом, но дело было не в деньгах, в той душевной ране, которая была ему нанесена. Впоследствии в дневнике Лев Александрович будет с неподдельной болью вспоминать об этих событиях: «Вообще я чувствую какую-то пассивность. Строго общественной деятельности я уже даже не хочу. Она во мне возбуждает какое-то отвращение. Этот подлый суд порвал у меня нравственную связь с официальной Россией: он как-то является ее символом. Не могу отделаться от этого чувства. Что касается *общества*, то у меня не заготовлено было связей для деятельности в его рядах. Судьбы России меня живо интересуют, я за ними слежу, думаю о них, болею и радуюсь ими. Но работать для них у меня нет способов, и я остаюсь в положении наблюдателя»[243]. Жаловавшийся на редакционную текучку Тихомиров, оказавшись вне общественно-политической жизни, ощущал тягучую пустоту, изливая жалобы на страницы дневника. Еще одна запись о суде: «Сегодня приходил смотреть квартиру отставной генерал Стерлигов, и вместо того, чтобы нанять — битый час проговорил со мной об этом поганом суде надо мной. Он, оказывается, бывший читатель [«]*Моск*[овских] Вед[омостей»]. Собственно судом он, зная дело по прежним отчетам, возмущается. Но эти разговоры меня расстраивают, бередят рану. Притом — естественно спрашивал: — *почему* же такая несправедливость? А я откуда могу знать побуждения судей? Крайне неприятно. Только волнует и расстраивает. Интересно бы знать: сознают ли все эти гг. Томошевские с К°, что они разрушили всю мою жизнь? А за что? Ведь они не могут не понимать, что я никакой клеветы не совершал»[244]. Усилились и болезни, мучившие Тихомирова. 22 марта 1915 года он записывает: «У меня сегодня крайне печальное явление. Левый глаз мой еще от прошлого года (помнится со времени приблизительно суда) подвержен *изредка* каким-то подергиваниям, вроде ударов. Но я было думал, что это прошло. Этим постом повторилось, но слабо и скоро прошло. Сегодня — с половины дня — до ночи — беспрерывно. Неужели Господь готовит мне еще это страшное испытание?»[245].

В редакции уход Тихомирова восприняли достаточно болезненно. Он все же являл собой тип отнюдь не самого «прожженного» газетного дельца и искренне, с любовью относился к своим со-

---

[240] *Языков Д.Д.* — библиограф, секретарь редакции «Московских ведомостей», прикомандированный к московскому комитету по делам печати.

[241] Из дневника Льва Тихомирова. Период столыпинщины // Красный архив. 1936. Т. 1. С. 176.

[242] Из дневника Льва Тихомирова // Красный архив. 1936. Т. 2. С. 175. Случай для правых деятелей и монархической печати не столь уж и редкий. Так, в начале 1914 г. за статью, опубликованную в «Киевлянине» еще 27 сентября 1913 г., по поводу «Дела Бейлиса» был привлечен к ответственности и приговорен к тюремному заключению на три месяца «за распространение в печати заведомо ложных сведений о высших должностных лицах» В.В. Шульгин. От преследований его спас тот факт, что после начала Первой мировой войны он ушел на фронт. После вмешательства Николая II было принято решение «считать дело не бывшим». Подробнее см.: Тюремная одиссея Василия Шульгина: Материалы следственного дела и дела заключенного / Составление, вступительная статья *В.Г. Макарова, А.В. Репникова, В.С. Христофорова*; комментарии *В.Г. Макарова, А.В. Репникова*. М., 2010. Доставалось со стороны властей и нелюбимому Тихомировым «Русскому знамени». Ряд публикаций в этой газете вызвал преследования со стороны правительства, выражавшиеся в наложении штрафов и привлечении к суду по обвинению в диффамации. Например, за публикацию в номере от 2 апреля 1910 г. заметки с критикой городского головы г. Батум кн. М.А. Андроникова (отца известного авантюриста М.М. Андроникова) последний подал в суд на издателя газеты А.И. Дубровина, который 31 марта 1915 был приговорен Петроградским окружным судом к 2 месяцам тюрьмы за клевету (из-за плохого состояния здоровья Дубровин не отбывал наказания по приговору, а выплачивал денежный штраф). По подсчетам, опубликованным в «Русском знамени» от 2 декабря 1910 Н.И. Ермиченко (псевдоним Н. Полтавец) в статье, посвященной 5-летнему юбилею газеты, за прошедший с начала ее выхода период на газету налагалось 6 штрафов на общую сумму в 11 тысяч рублей, было сделано 13 предупреждений и обращений внимания, 18 номеров газеты было изъято (8 арестов через несколько дней было отменено). Подробнее см.: *Репников А.В.* «Русское знамя» // Русский консерватизм середины XVIII — начала XX века: энциклопедия. С. 430—432.

[243] Дневник Л.А. Тихомирова. 1915—1917 гг. С. 71—72.

[244] Там же. С. 59.

[245] Там же. С. 49.

трудникам — как к журналистам, так и к типографским рабочим. Недаром, тронутые его заботой и теплым отношением, рабочие-наборщики перед его окончательным уходом из редакции, 25 декабря 1913 г., преподнесли ему прочувствованный адрес. В дневнике Тихомиров записывает о том, что это очень тронуло его, хотя он сделал для рабочих так мало, и отмечает, что рабочих не балуют, раз они ценят «каждый пустяк».

В обстановке довольно активной борьбы за столь авторитетное издание не дремали и черносотенные организации. Их представители всеми силами пытались занять столь значимый пост. В конце концов, при сильном давлении крайне «правых» через руководителя Министерства внутренних дел Н. Маклакова с подачи протоиерея Восторгова и, по слухам, при поддержке Распутина, 18 ноября 1913 г. назначили преемника Тихомирова. Им стал Борис Владимирович Назаревский. Стоит отметить, что ко времени передачи газеты отношения «правых» партий и Тихомирова окончательно испортились. «Я нахожусь вне современной России... Нет вокруг родственного духа, и я чужой каждому. От правых, кажется, я стою в стороне больше, чем от левых», — писал он[246]. Вада Харуки верно отмечал, что после ухода Тихомирова «правые газеты, не говоря уже о либеральных, захлопнули перед ним свои двери»[247].

Популярность «Московских ведомостей» падала и при новом редакторе, а идеи Маклакова сделать орган более читаемым вызывали лишь скепсис у Тихомирова. Отметим, что даже среди московских изданий «Московские ведомости» занимали очень скромное место. Для сравнения: «Русское слово» — общий тираж 300 тысяч экземпляров, «Раннее утро» — от 70 до 120 (в связи с «делом Бейлиса»); «Русские ведомости» — 30; «Голос Москвы» — 7—10; «Московские ведомости» — 3—3,5; «Колокол» — около 7; «Россия» — 4; «Земщина» — менее 1 тысячи экземпляров.

Политическое безвременье 1913 г., совпавшее с приближающейся отставкой Тихомирова, еще более усилило его разочарование той, по его мнению, вовсе не самодержавной политикой, которая проводилась при Николае II. Все чаще он обращался к вопросам теософии и истории религии. В конце года в его дневнике начинают появляться записи, которые свидетельствовали об углубленном изучении им источников по христианской религии. Видимо, именно в конце 1913 г. у него окрепла мысль о создании обширного историософского полотна, получившего поначалу название «Борьба за царство Божие». Над этой книгой он начал работать после своей отставки.

31 декабря перед тем, как окончательно расстаться с газетой, Тихомиров опубликовал в ней две заключительные статьи, взаимодополняющие друг друга. В одной из них он обращался к вопросу о сильной национальной власти в России, которую видел не в партийном диктате или власти партий, а только в единении с народом. Как образец такого порядка он приводил период премьерства Столыпина, который «никогда не терял драгоценной веры в существование какого-то народного единства, искал его и, может быть, нашел бы, если бы не трагическая преждевременная смерть его»[248]. Он подчеркивал: «Задача создать сильную руководящую власть вся сводится к отысканию общего принципа органической политики, который можно найти только *вне партий*. Партии все неизбежно охватывают лишь одну какую-нибудь часть народных стремлений. Для создания же сильной власти нужно выйти из сферы односторонних формул партий»[249].

Вторая статья носила символическое название «На прощание» и была своеобразным призывом — предостережением властям. «Теперь, прощаясь с читателями “Московских ведомостей”, я должен повторить... что наше национальное положение за пять лет, по моему мнению, не только не улучшилась, но и ухудшилась», — предупреждал он[250]. Объясняя причину данного явления, публицист указывал, что «положение современной России мне представляется таким же расшатанным и неустойчивым, как было прежде. Оно приняло оттенки даже худшие, чем раньше. В 1909 году мы имели перед собой больше видимых остатков острой анархии недавно пережитого револю-

[246] ГА РФ. Ф. 634. Оп. 1. Д. 22. Л. 34.

[247] *Вада Харуки.* Лев Тихомиров: его духовный мир в последние годы жизни (1913—1923). С. 129.

[248] *Тихомиров Л.А.* Церковный собор, единоличная власть и рабочий вопрос. С. 564.

[249] Там же.

[250] Там же. С. 561.

ционного взрыва, но то было время надежд, которые особенно умел возбудить П.А. Столыпин. В современных же настроениях заметна самая тревожная вялость. Может быть, мы живем спокойнее. Но это спокойствие безжизненности»[251]. По его мнению, Россия давно не имеет идеала или великой национальной цели. «С некоторой энергией мы заботимся лишь о внешнем порядке своей жизни, да о материальном преуспеянии. Но когда нет идеала, нет великой национальной цели, — ничего не прочно в остальных областях жизни. Страна, в которой исчезают идеалы великой национальной, а потому и общечеловеческой жизни, может идти только к разложению... Некоторые явления нашей жизни составляют такие странички истории, каких не знала ни дряхлеющая Византия, ни варварские средние века»[252]. По его мнению, то, что кажется материальным прогрессом или экономическим ростом, есть не более чем проявление процесса мирового завоевания России иностранным капиталом. В заключение он высказывал и свое прощальное пожелание читателям газеты, которое состояло в том, «чтобы все мы, вся Россия взялись наконец за работу воскресения и осуществления своего исторического дела, которое есть в то же время дело веры христианской, процветания Церкви, света культуры, могучей государственности, истинной монархии и сознательного участия народа в жизни своей Церкви и государственности»[253]. К сожалению, его призывы так и не были услышаны власть предержащими и остались «гласом вопиющим в пустыне». Уходя из активной общественной жизни, Тихомиров не столько предупреждал власть и общество о возможных потрясениях в недалеком будущем, сколько выносил приговор тому бюрократическому строю, который, как он полагал, пришел на смену самодержавной монархии в России.

---

[251] *Тихомиров Л.А.* Церковный собор, единоличная власть и рабочий вопрос. С. 561.

[252] Там же. С. 561—562.

[253] Там же. С. 562.

Глава XIII

НА ЗАКАТЕ ЖИЗНИ (1914–1923)

Если гаснет свет — я ничего не вижу.
Если человек зверь — я его ненавижу.
Если человек хуже зверя — я его убиваю.
Если кончена моя Россия — я умираю.

Зинаида Гиппиус, февраль 1918 года[1].

Отказавшись от издания «Московских ведомостей», Тихомиров практически полностью отходит от какой бы то ни было общественной деятельности, ограничиваясь редкими газетными публикациями. Покинув после своего ухода с поста редактора жилище на Страстном бульваре, он снимал квартиру на Старой Басманной в доме 13. Основную часть времени он проводил в Сергиевом Посаде, где на средства, вырученные от достаточно выгодной аренды газеты, семья приобрела дом на Московской улице (в советское время — проспект Красной армии, д. 30, по старой нумерации[2]). Андрей Белый, случайно столкнувшийся там с Тихомировым в 1911 году, оставил крайне язвительный портрет: «Едва я узнал его: высох он, напоминая мне мумию, — худо-образием, сухостью донельзя; ставшая узеньким клинушком белая вовсе бородка напомнила лик старовера перед самосожжением в изображении Нестерова[3]; не хватало лишь куколя на голове, потому что сюртук длинный и черный — как мантия; жердеобразная палка, колом, — мне напомнила жезл; точно инок, он шел на меня, сухо переступая и сухо втыкая "жезл" в землю среди грядок капустных (развел огород); вздернул клин бороды, поджав губы, сверкая очками, без нервности, — замер и руку к очкам, защищаясь от солнца, поднес»[4]. Белый со спутницей искал помещение для съема. Тихомиров «с видимым дружелюбием комнаты сам показал, спустил цену, на все условия согласился», но Белого мысль «о хозяине эдаком» настолько смутила, что он «твердо решил улизнуть»[5]. Указывая на спутницу, заявил Тихомирову, что с ней в церкви не венчан «и — не повенчаемся: из убеждения», но Тихомиров якобы не увидел в этом проблемы — «волному воля; а жить в своем доме не будет препятствовать; не в его вовсе нравах стеснение свободы жильцов»[6]. Как хозяин Тихомиров был радушен, и Белый вспоминал: «Он не отпустил нас без чаю; стол вынесли в сад... я разглядывал тощее благообразие профиля, четко построенного, благолепие жестов, с которыми он брал стакан, ломал хлеб, совершая чин службы, а не чаепития: не то действительный статский от схимы, не то схимник — от самодержавия...»[7].

Отошедшего от дел и не имевшего больше влияния Тихомирова, как это почти всегда и бывает в таких случаях, сразу «позабыло» множество людей, когда-то искавших его благосклонности. Он сетовал: «Прежде, до Петербургской службы, до издательства, у меня были друзья, были люди, лично меня уважавшие. С Петербурга я стал человеком, у которого можно получить разные выгоды. Зна-

---

[1] *Гиппиус З.Н.* Стихотворения. СПб., 2006. С. 224.

[2] Протоиерей *Олег Пэнэжко.* Город Сергиев Посад, Троице-Сергиева Лавра, Покровский Хотьковский монастырь и монастырские подворья. Владимир, 2007. С. 229.

[3] Имеется в виду художник М.В. Нестеров.

[4] *Белый А.* Начало века. М., 1990. С. 164.

[5] Там же.

[6] Там же. С. 164–165.

[7] Там же. С. 165.

Л.А. Тихомиров, 1910-е гг.

комых и ухаживателей постепенно расплодилось едва ли не тысячи. Но как личность, сам по себе, я стал исчезать и постепенно все привыкли думать обо мне, только как о предмете эксплуатации. Но вот я вышел в тираж и этой ценности уже не имею. Личность же моя давно забыта. И вот я остался в пустыне, один, всеми заброшен. Я видел таких злополучных людей, уже действительно "бывших великих". Бедный Победоносцев. Когда он пал и его уже нельзя было обсасывать, его покои на Литейной опустели абсолютно. Он был вечно один, и даже казался удивлен, когда я зашел к нему[8]. На свое одиночество он жаловался с глубокой грустью. Вот и я теперь попал в положение леденца, в котором нечего обсасывать. Приветливое слово слышу разве от сторожей»[9]. Привыкший к обширной переписке, он писал в дневнике 15 апреля 1915 года, перечисляя тщательно тех, кто еще общался с ним: «Теперь получение мною письма чрезвычайная редкость. Нет *ни одного* человека, с которым бы я был "в переписке", кроме Тихона[10]. Отдельных же случайных писем — не больше 2—3 в месяц, я думаю... Правда, были еще с войны... нескольких солдат (благодарности за подарки). Никогда в жизни не был до такой степени без друзей и знакомых. Старые поумирали, новых не нажил»[11].

Патриархальная Москва нравилась Тихомирову больше казенного Петербурга. Сергиев Посад манил его не просто красотой, но и обещанием душевного спокойствия. «Врачевался он в лавре. В Троице-Сергиевой лавре», верно отметил писатель Давыдов[12]. Строки тихомировского дневника проникнуты любовью не просто к Лавре, церквам, священникам и богомольцам, а к тому *вечному*, что олицетворяло все это для него. Писательские и политические интриги, редакционная суета, прошлая жизнь — все это оставалось в Петербурге и Москве.

Тихомиров общается с о. Павлом Флоренским, и это дает ему духовное утешение. 2 апреля 1914 он записывает: «Был на исповеди у о. Павла (Флоренского). Он мне дал очень полезные советы. Уж не знаю, как я их исполню. Но производит впечатление очень сильного духовника. В годы еще очень молодые, откуда он набрался этого духовного опыта? У него, нужно сказать, и общих научных знаний чрезвычайно много»[13].

Отрешившись от политики и связанных с нею дрязг, в окружении любимой им подмосковной природы, под звон церковных колоколов Тихомиров приступил к написанию давно задуманного им глобального религиозно-философского сочинения. Целью работы являлся анализ и объяснение всей истории человеческой цивилизации с религиозной точки зрения. Подобная идея давно привлекала Тихомирова, собиравшего материалы по данной тематике не один год. К отдельным вопросам, связанным с этой проблематикой, в частности, к толкованию Апокалипсиса, он обращался и ранее. Писатель Давыдов не без иронии отмечал, что теперь он решил «закладывать основы. Религиозно-

[8] 25 октября 1905 года Тихомиров записывает в дневнике: «Послал письмо Победоносцеву. В минуту падения его, нельзя не выразить ему сожаления и сочувствия» / 25 лет назад (Из дневника Л. Тихомирова) // Красный архив. 1930. Т. 3. С. 91. Лев Александрович, в отличие от многих своих современников, помнил добро, которое было ему когда-то сделано другими людьми и стремился сохранить контакты с теми, кто помогал не только в то время, когда они пребывали на вершине могущества.

[9] Цит. по: *Шерстюк М.В.* Одиночество Льва Тихомирова. С. 160.

[10] Иеромонах Тихон — сын Л.А. Тихомирова и Е.Д. Тихомировой — *Тихомиров Александр Львович* (1882—1955) — в 1902 поступил в Московскую Духовную Академию. Пострижен в монашество с именем Тихона. В Академии принял сан иеромонаха. В 1906 г. окончил Академию со степенью кандидата богословия. Назначен преподавателем в Новгородскую Духовную семинарию. В 1908—1913 преподаватель, затем инспектор Вифанской духовной семинарии. С 1913 — ректор Новгородской семинарии с возведением в сан архимандрита. Сотрудничал с журналом «Голос Церкви», где в 1915 г. опубликовал статью «Аскетизм как основа русской культуры».

[11] Дневник Л.А. Тихомирова. 1915—1917 гг. С. 55.

[12] *Давыдов Ю.В.* Бестселлер. С. 381.

[13] Цит. по: Избранные письма из переписки Л.А. Тихомирова и П.А. Флоренского. С. 98.

философские основы мировой истории», и, как человек, много лет работавший с документами Тихомирова в ГА РФ, уточнял относительно вышедшей в свет публикации этого труда: «Я рукопись[14] держал в руках задолго до того, как ратоборцы возрождения России продали манускрипт читателям. Машинопись на чистой оборотной стороне большой конторской книги. Листал, листал... но, извините, доселе не готов признать основы — уникальными. Реаниматоры духовности, коммерцией ужасно озабоченные, не помогли нам рассмотрением трехтомника на те же темы»[15].

М.А. Новоселов и П.А. Флоренский, 1913 г.

Обращение к религиозно-философской тематике было для Тихомирова не в новинку. Еще в 1907 г. вышла его нашумевшая работа «Апокалипсическое учение о судьбах и конце мира». Примерно тогда же он опубликовал в журнале «Христианин» и большую статью «О семи апокалипсических церквах». Уже в этих ранних религиозно-мистических произведениях легко узнаваемы те эсхатологические идеи, которые впоследствии развивались им в его основополагающем труде «Борьба за царство Божие», получившем в итоге название «Религиозно-философские основы истории». Обращение Тихомирова к христианской историософии в какой-то мере объяснялось и тем, что, проводя много времени в Сергиевом Посаде, он сблизился с представителем Московской духовной академии Митрофаном Дмитриевичем Муретовым, работы которого он активно использовал для подготовки собственного сочинения.

После своего ухода с поста редактора-издателя «Московских ведомостей» Тихомиров близко сходится и с кружком, группирующимся вокруг его старого приятеля Новоселова (полное его название — «Кружок ищущих христианского просвещения в духе Православной Христовой Церкви»). Именно в «Религиозно-философской библиотеке», издаваемой Новоселовым, в 1904—1905 гг. увидели свет две работы Тихомирова, посвященные христианской тематике: «Личность, общество и Церковь» и «Альтруизм и христианская любовь».

При этом обратим внимание, что, уйдя на обочину общественной жизни, Лев Александрович, тем не менее, продолжал интересоваться вопросами как внутренней, так и внешней политики. Он по-прежнему поддерживает личные отношения и переписку со многими влиятельными представителями русского монархизма, такими, например, как Шечков, Нейдгардт. Причем, в отличие от абсолютного большинства «правых», Тихомиров нашел теплые слова и для Коковцова после отставки последнего с поста. В письме на его имя он с одобрением отзывался о реалистичной финансовой политике, проводимой кабинетом Коковцова, и подчеркивал: «Я с благодарностью вспоминаю беседы с Вами, очень восполнившие мой пробел в финансовых вопросах»[16]. Посещал он и возобновившиеся в Москве вечера с литературными чтениями. Он полагал, что участие в такого рода мероприятиях поможет ему быстрее войти в интеллектуальные круги московского общества, от которого он, по его собственным словам, «до такой степени отстал»[17].

В том же 1914 г. по результатам литературно-философских чтений, на которых Лев Александрович выступил с сообщением «О свободе», он помещает статью на основе доклада в журнале «Прямой путь». Очень занимала его и тема подготовки законодательства о печати. Свои предложения по данному вопросу, облаченные в форму статьи «К построению законодательства о печати», он отправил в редакцию газеты «Россия», известной своими простолыпинскими симпатиями и возглавляемую ставленником Столыпина С.Н. Сыромятниковым[18]. Обращение к этому петербургскому издателю было

---

[14] Т.е. рукопись труда «Религиозно-философские основы истории».

[15] Там же. С. 399.

[16] ГА РФ. Ф. 634. Оп. 1. Д. 21. Л. 98.

[17] Там же. Л. 101.

[18] Подробнее об этом неординарном мыслителе, публицисте и путешественнике см.: *Репников А.В.* Сыромятников

не случайным, и дело не только в том, что оба они когда-то были в «команде» Петра Аркадьевича. В Москве отношения между официозными изданиями и Тихомировым оставались чрезвычайно натянутыми и опубликовать статью в местном органе представлялось практически невозможным. Лев Александрович неоднократно сетовал в дневнике, что «Назаревский с Восторговым не только взяли у него "Московские ведомости", но и отняли возможность писать»[19].

Но если Тихомиров, частью и не по своей воле, находился за бортом внутриполитической борьбы, то его друг Новоселов по-прежнему вел яростную антираспутинскую кампанию. Так, он поместил в «Итогах жизни» резкую статью против Распутина и поддерживающего его архиерейства, вызвав немалые опасения осторожного Тихомирова, боявшегося, не привлекут ли Новоселова к суду. Письмо от Сыромятникова, сообщавшего, что помещение статьи Тихомирова в его газете вызвало неудовольствие министра внутренних дел Маклакова и «послужило для него предлогом для запрещения газеты "Россия", последний номер которой выйдет 30 апреля», стало еще одним мощным ударом по позициям Тихомирова в консервативной среде[20]. Он не мог скрыть горечи на страницах дневника: «Это какое-то умопомрачение. Я видел бы в этом хоть какой-нибудь практический смысл, как у начальника карательной экспедиции. Чего хочет министр? Чтобы Тихомиров начал не писать? Но я ведь человек порядочный. Мои статьи антиреволюционны. Они полезны для правительства, а не вредны»[21].

Несомненно, Тихомиров не мог не понимать, что министр, как бы ограничен он ни был, поступает так не только по своей инициативе. К середине 1914 г. представления о «пользе» или «вреде» тех или иных статей для Верховной власти у Тихомирова и у правительства явно не совпадали. Монаршее окружение, особенно после появления в кресле премьера Горемыкина, придерживалось простой заповеди, обозначенной еще на гербе А.А. Аракчеева: «Без лести предан». Разве что они могли добавить: «Но при этом блюду свой интерес». В Зимнем дворце уже не ждали каких-либо экстраординарных идей и предложений по реорганизации управления. Набиравшей силы партии «Императрицы Александры Федоровны» требовалось только одно — личная преданность императорской семье и доверие к Распутину. Тихомиров с его концепциями обустройства России оказывался не у дел. Видя столь отчетливое охлаждение власти к собственной персоне, и ощущая себя насильственно выброшенным из политической жизни, Лев Александрович все глубже погружается в далекие от реальной политики историософские изыскания. В апреле 1914 г. в его дневнике появляется следующая запись: «Я теперь занят очень сложным чтением. Передо мной рисуется вопрос некоторой мировой борьбы, которая определяется очень сложным составом факторов. Читаю, понятно, о божестве, космогонии, теургии... Это в общих словах, все темы распадаются на множество частностей. Что из этого выйдет и выйдет ли?»[22]. Приведенная дневниковая запись как нельзя лучше подтверждает то обстоятельство, что с середины 1914 г. он активно занялся разработкой сложнейшей теософской проблемы — определения религиозного фактора как движущей силы всего мирового исторического процесса. Речь шла о попытке открыть и выявить качественно иные законы, определяющие все историческое развитие человеческого социума. Однако спокойное течение жизни Тихомирова, погрузившегося в дебри религиозных источников и старинных теософских манускриптов, прервал выстрел в Сараево 11(24) июля 1914 г., открывший дорогу началу Первой мировой войны.

Убийство эрцгерцога Франца Фердинанда и последовавший за ним австро-венгерский ультиматум маленькой православной Сербии на некоторое время отвлекли внимание Льва Александровича от научных занятий. Настроенный антиавстрийски, Тихомиров, воочию видевший слабость русского правительства, да и Верховной власти, не скрывал своих опасений на страницах дневника. Быстро

Сергей Николаевич // Русский консерватизм середины XVIII — начала XX века: энциклопедия. С. 502—506; *Он же.* С.Н. Сыромятников: штрихи к портрету // Интеллигенция и мир. Российский междисциплинарный журнал социально-гуманитарных наук. 2010. № 3. С. 93—110; *Он же.* Сергей Николаевич Сыромятников — ученый, публицист, геополитик // Русское время. Журнал консервативной мысли. 2010. № 2. С. 76—83.

[19] ГА РФ. Ф. 634. Оп. 1. Д. 21. Л. 121.

[20] Там же. Л. 123.

[21] Там же. Л. 129.

[22] Там же. Л. 132.

меняющаяся политическая ситуация в Европе бросала его, что называется, то в жар, то в холод, он был растерян. Глобальная европейская война, казалось, подтверждала выдвинутые им ранее мрачные апокалипсические пророчества. Его настроение разрывалось между жаждой видеть Россию вершительницей европейских судеб и осознанием реального факта ее сильнейшей социально-политической деморализации. И все же, несомненно, симпатии Тихомирова оказались, как и у абсолютного числа русских людей, на стороне союзной России Сербии.

Плакат Первой мировой войны

Представляется, что, лишенный возможности выразить свои чувства в печати, он полностью солидаризовался с корреспондентом «Нового времени», освещавшим стихийную уличную манифестацию в Петербурге. Она состоялась 13 (26) июля сразу после оглашения австро-венгерского ультиматума. «Это необычный вечер, — писал журналист. — Это вечер народного ликования, народного восторга перед возможностью той войны, которая может быть со времени Освободительной турецкой войны одна так популярна и возвышенна»[23].

Извечный российский фатализм, безудержная вера в успешное, а главное, скорое окончание этого мирового безумия, стремление поквитаться с ненавистными австрийцами за «дипломатическую Цусиму 1907 г.» и вновь помочь братьям-славянам в эти дни объединили царя и его окружение с рядовыми российскими обывателями. Но, несмотря на всеобщую эйфорию, тревожные предчувствия и беспокойство за судьбу российской монархии не покидали Тихомирова. Отсюда и очень противоречивый тон его дневниковых записей конца июля 1914 г., например, от 16 (29) июля: «Я не верил в европейскую войну, п[аче] ч[аяния] слишком верил в малодушие нашей политики. Но нынешние известия очень грозны. Если правда, то от России требуют заявление нейтралитета, что также оскорбительная провокация, которой, пожалуй, не выдержат и наши бронированные лбы»[24]. На следующий день он записывает, что изданы мобилизационные указы, но все еще не может поверить в европейскую войну, которая уже стучится в двери России.

Тихомиров, как и некоторые другие «охранители», весьма реалистично полагал, что Россия может оказаться неспособной вести войну с Германией. Такого рода оценка складывалась из всегда присущего Льву Александровичу недоверия к союзу России с западноевропейскими демократиями. В дневнике он пишет: «Ради успокоения совести, я желаю, чтобы я был не прав. Но самодовольная некомпетентность наших политиков настолько велика, что позволяет делать возможными наиболее пессимистические предположения. С моей точки, зрения Россия может быть спасена какими-нибудь просчетами со стороны противника»[25].

Дальнейшие события, а именно — объявление общей мобилизации в России и последовавший в ответ на это немецкий ультиматум, а за ним — нота Германии об объявлении войны России от 19 июля (1 августа) 1914 г., разожгли по всей стране мощное патриотическое движение, выразившееся в массовых демонстрациях, призванных показать единение русского народа вокруг престола и царя.

Вот как описывают эти события современники: «Огромные толпы, во много раз большие, чем при вести о нападении японцев на Порт-Артур, наводнили 20 июля улицы столицы. Площадь перед Зимним дворцом заполнилась народом; когда Государь вышел на балкон, толпа опустилась на колени. Не смолкали крики "ура" и пение народного гимна»[26]. Французский посол Морис Палеолог, ставший свидетелем этого, без сомнения, величественного события и потрясенный им, оставил такое свидетельство: «Наконец, я достигаю площади Зимнего Дворца, где теснится бесчисленная толпа с

[23] Цит. по: *Ольденбург С.С.* Царствование императора Николая II. М., 1992. Т. 2. С. 145.
[24] ГА РФ. Ф. 634. Оп. 1. Д. 22. Л. 70.
[25] Там же. Л. 173—173 об.
[26] *Ольденбург С.С.* Царствование императора Николая II. Т. 2. С. 147.

флагами, знаменами, иконами, портретами царя. Император появляется на балконе. Мгновенно все опускаются на колени и поют русский гимн. В эту минуту, для этих тысяч людей, которые здесь повергнуты, царь действительно есть самодержец, отмеченный Богом, военный, политический и религиозный глава своего народа, неограниченный владыка душ и тел»[27]. Можно только представить, какие чувства обуревали тогда Тихомирова, молившегося в первопрестольной за победу русского оружия и воочию наблюдавшего, как великое испытание, ниспосланное на его Родину, буквально в одночасье сплотило, казалось бы, окончательно расколотую русскую нацию вокруг самодержавного монарха. Из его дневника явствует, с каким трепетом он переживал успехи и неудачи русской армии в самом начале войны.

Патриотический подъем первых дней, плавно перешедший в антигерманские погромы, охватил не только крупные российские города, но и отдаленные местечки. Невиданное национальное единение страны, еще недавно переживавшей революционную бурю, особенно поразило иностранцев, мало знакомых с русской ментальностью. Английский посланник Дж. Бьюкенен, пораженный невиданным всплеском патриотизма, с удивлением отмечал: «Вместо того, чтобы вызвать революцию, война теснее связала государя и народ. Рабочие объявили о прекращении забастовок, а различные политические партии оставили в стороне свои разногласия»[28].

Тихомиров также переживал состояние легкой эйфории от столь грандиозных событий, особенно сильное впечатление на него произвел триумфальный визит императора со свитой в Москву. Это мероприятие на некоторое время зародило в нем надежду на то, что не все еще потеряно и народ по-прежнему готов сплотиться под скипетром российской самодержавной монархии в лице ее верховного представителя Николая II. Хотя окружение царя, да и его способности проводить правильную политику вызывали у Льва Александровича большие сомнения. Главное, полагал он, – как сам монарх воспользуется столь благоприятной минутой национального примирения. Впрочем, впечатления от поведения монарха в первые дни войны оказались более чем благоприятными. Прибыв 5 (18) августа в Москву, Николай II обратился к дворянству и жителям столицы с просьбой о поддержке, «он заявляет, что, по обычаю своих предков, он пришел искать в Москве поддержки своим нравственным силам в молитве перед святынями Кремля; он свидетельствует, что прекрасный порыв охватил всю Россию, без различия племен и национальностей...»[29]. Заявление подобного рода произвело хорошее впечатление на Тихомирова. Еще больше он умилился торжественной службе, проведенной под взглядами тысяч глаз в Успенском соборе. Эффект от увиденного действительно оказался сильным. Иностранные дипломаты не могли скрыть своего восхищения от происходящего. Морис Палеолог вспоминал: «Вся декорация Москвы внезапно развертывается при ослепительном солнце. В то время, как процессия развертывается, я думаю, что только византийский двор в эпоху Константина Багрянородного, Никифора Фоки и Андроника Палеолога знал зрелища, исполненные такого пышного, такого величественного великолепия»[30]. Пристально и с воодушевлением следил за визитом царя со свитой в Москву и Тихомиров. Только один факт его очень сильно настораживал: близость к царской семье Распутина. Эти же опасения разделяли и члены кружка Новоселова. Нельзя на святое дело идти в окружении нечистых душой и помыслами личностей — вот квинтэссенция оценок царского визита в первопрестольную в окружении Тихомирова. Иначе Бог может отвернуться от России.

Первые десять дней события на фронтах приносили успех русскому оружию, что несколько рассеяло беспокойство Тихомирова о боеспособности русской армии. Но последовали катастрофа под Танненбергом, разгром армии генерала А.В. Самсонова[31], за ним потеря Восточной Пруссии, со-

[27] *Палеолог М.* Царская Россия во время мировой войны. М., 1991. С. 57.

[28] *Бьюкенен Дж.* Мемуары дипломата. М., 1991. С. 139–140.

[29] *Палеолог М.* Царская Россия во время мировой войны. С. 82.

[30] Там же. С. 84.

[31] *Самсонов Александр Васильевич* (1859–1914) — при проведении мобилизации 1914 г. назначен командующим 2-й армией Северо-Западного фронта. Она разворачивалась на фронте Гродно-Осовец-Остроленка. После разгрома армии пытался с штабом пробиться из окружения, но, видя безвыходность положения, застрелился 17 августа. Армия Самсонова потеряла около 6,7 тысяч убитыми, свыше 20 тысяч ранеными, 92 тысячи человек пленными (в том числе

пряженная, ко всему прочему, с потерями в русской армии. Столь оглушительная неудача не только подорвала авторитет армии и ее генералитета, но и ударила по престижу всей императорской фамилии. Эйфория от первых локальных успехов быстро улетучивалась. В Петербурге, Москве и множестве больших и малых городов Российской империи внимательно следили за положением на театре боевых действий, оплакивали жертвы, радовались победам и надеялись, что война не будет долгой.

Манифестация в Москве 11 января 1915 г. в честь победы сербов над австрийцами

К началу 1915 г. стало ясно, что война принимает затяжной, позиционный характер. В свою очередь, данное обстоятельство, как сквозь увеличительное стекло, высветило всю неготовность России к длительному и кровопролитному противостоянию. Коррупция, карьеризм, иногда откровенное предательство и на этом фоне — слабость Верховной власти в лице Николая II, а главное — так называемая «распутинщина» очень скоро породили опасное недоверие к царской власти в стране.

В обществе заговорили о действиях окружения императрицы в пользу Германии. Отчетливо всю опасность ситуации осознал и Тихомиров, болезненно переживавший все углубляющийся разрыв между властью и народом, а ведь еще несколько месяцев назад этот союз казался как никогда прочным. К февралю 1915 г. его пессимизм в оценках перспектив России в этой войне, следовательно — и сохранении существовавшей Верховной власти достигает апогея. В дневнике, изливая свою душу, он фиксирует 2 февраля: «Что касается общего политического положения, то оно весьма скверное. Оказывается, что Италия и Румыния не нынче — завтра присоединятся к Германии и Австрии. Сазоновская кухня[32] не хорошо готовит блюда. Если только это произойдет, то мы будем, по моему мнению, биты, да еще как! По словам Шечкова, план Вильгельма состоит в том, чтобы уничтожить Русских до того, пока Англичане успеют собрать войско, и тогда наброситься на Западный фронт. Если к тому времени выступит активно Италия и Румыния, то уж не знаю, чего и ожидать, кроме полного разгрома? Дело все в том, что немцы не только патриоты и великолепно подготовлены, а еще важнее — умны. А у нас — такая ничтожность как Сазонов. Вильгельм у него из-под носа вырвал Турцию, а теперь вырвет еще Италию с Румынией»[33].

Ко всему прочему, к 1915 г. стало очевидным и неважное экономическое положение страны. «В Москве становится очень трудно жить. Все страшно дорого, или даже совсем нет. У нас дров *нет*. Осталось на несколько дней, а на дровяных складах не дают, говорят — нет. Не знаю, что из этого выйдет, и не придется ли уезжать в Посад за невозможностью топить. Правда, что и в Посаде плохо с дровами. Эти дурацкие губернаторские запрещения вывоза заморозят Россию, хуже чем немцы. Мы в Посаде на границе Владимирской губ[ернии] и живем ее продуктами. Евгения Сергеевна Фудель[34] (на Арбате) не может купить яиц к Празднику. У нас на Басманной[35] еще продают (45 коп[еек] за десяток), и Катя обещала ей купить. А дров и даже антрациту нет и у Фуделей. Нужно отапливать квартиру церковного дома, и о. Фудель едва достает антрацит, да и с какой-то протекцией. Уже хоть бы тепло поскорее дал Бог. Тогда остается только вопрос о пище. У нас создается внутрен-

15 генералов), 350 орудий. Впоследствии тело Самсонова было доставлено в Петроград и затем перевезено для погребения в имение в Херсонской губернии.

[32] Намек на *Сазонова Сергея Дмитриевича* (1860—1927), в 1909—1910 товарища министра иностранных дел; с ноября 1910 до июля 1916 министра иностранных дел.

[33] Дневник Л.А. Тихомирова. 1915—1917 гг. С. 38.

[34] *Фудель (Емельянова) Евгения Сергеевна* (1865—1927) — жена И.И. Фуделя и мать С.И. Фуделя

[35] Там Тихомировы снимали квартиру.

ней блокадой то, что в Германии внешней, и может быть мы себя заморим успешнее, чем Германию», — пишет он 18 марта[36].

Характерно, что в дневнике за 1915—1916 гг. у Тихомирова звучат не только нотки отвращения и страха, но и определенного восхищения (если не сказать — зависти) перед германской мощью и силой духа. Это было не ново. Еще в начале века, во время китайских волнений, он с удовольствием цитировал стихотворение Вл.С. Соловьева «Дракон», написанное в связи с «боксерским восстанием» в Китае и решением Вильгельма II начать интервенцию:

Зигфриду

Из-за кругов небес незримых
Дракон явил свое чело, —
И мглою бед неотвратимых
Грядущий день заволокло.

Ужель не смолкнут ликованья
И миру вечному хвала,
Беспечный смех и восклицанья:
«Жизнь хороша, и нет в ней зла!».

Наследник меченосной рати!
Ты верен знамени креста,
Христов огонь в твоем булате,
И речь грозящая свята.

Полно любовью Божье лоно,
Оно зовет нас всех равно...
Но перед пастию дракона
Ты понял: крест и меч — одно[37].

Тихомиров отмечал, что в Вильгельме проснулся рыцарский дух предков. Стихи так понравились ему, что он не только цитировал их, но и явно восхищался Вильгельмом.

Теперь же Германия — была главным врагом России, и Тихомиров записывает 20 мая 1915 года: «На днях [«]*Моск*[овские] Вед[омости»] (№ 112[38]) приводили любопытную выдержку об идеях Императора Вильгельма... Впрочем, слова Вильгельма несколько переврали, но *сущность*, конечно, выражает *германскую идею*. И она заставляет задуматься. Идея, настроение — общенемецкое. Это сказалось и в социал-демократии. По боку всякий идеализм, реальна только материальная сила, а потому она есть основа права. *Faustrecht*[39]. Le droit de plus fort[40]. Идея абсолютно *безбожная*, но понятно, что такая "вера" заставляет и побуждает развивать гигантскую силу. Эту силу мы видели теперь в войне. И что же противопоставляют ей союзники? Да в сущности ничего. Идеи никакой. Зомбарт[41], который недавно писал нечто сходное с объяснениями Вильгельма, ошибся, будто против

[36] Дневник Л.А. Тихомирова. 1915—1917 гг. С. 47.

[37] *Соловьев В.С.* Смысл любви: Избранные произведения. М., 1991. С. 457.

[38] В книге «Дневник Л.А. Тихомирова. 1915—1917 гг.» был ошибочно указан № 122, исправляем ошибку.

[39] Право кулака (*нем.*).

[40] Право сильнейшего (*фр.*).

[41] *Зомбарт Вернер* (1863—1941) — немецкий философ и экономист, один из основоположников социологии. В 1915 году в книге «Торговцы и герои» утверждал: «Мы — Божий народ. Как немецкая птица — орел — летит выше всякой твари земной, так и немец вправе чувствовать себя превыше всех окружающих его народов и взирать на них с безграничной высоты» / Цит. по: *Свасьян К.А.* Освальд Шпенглер и его реквием по западу // *Шпенглер О.* Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. М., 1993. С. 107.

Германии выдвинулся "принцип 1789 г.". Никаких принципов никто не имеет и не выдвигает. Все движутся своими интересами, хотя вполне законными, но ничего принципиального не предвещающими. Германия выставляет принцип, несомненно, бесовский: высшее право, высшее счастье, абсолютный принцип — составляет *могущество*. Эта вера может быть сокрушена только принципом Божьей Воли, *действительной* верой в Бога. А где же она? Немцы верят в силу, и потому ее разбивают. Но кто же верит в Бога настолько, чтобы разобрать исполнение Воли Божьей? На очень грустные предчувствия это наводит»[42].

Великий князь Николай Николаевич

3 июня того же года следует запись о том, что в России «нет центра народного единения. Государя *любят* и *жалеют* — это факт. Именно *жалеют*, т.е. хотели бы все *ему* помочь. Но мысль о Нем, как о человеке способном помочь *России* — кажется, почти исчезла. Его слабость представляется, быть может, даже в преувеличенном виде. Теперь создали себе идола в Николае Николаевиче, и на него смотрят как на центр народа. Но он все-таки не царь, и всякий понимает, что в общем ходе дел России он не имеет решающего голоса. И вот — у нас нет того, что есть у немцев. У них Вильгельм — *центр*, ясный и бесспорный. У нас такого центра в сознании народа нет. А между тем — *война* ведется, в сущности, только нами, Россией. Из остальных одна Англия кое-что делает. Остальные — ничего»[43]. Вот еще несколько дневниковых записей на эту тему: «Победа Вильгельма с каждой неделей становится все более несомненной. Весь вопрос лишь в том, насколько Германия *обессилена* досель войной?»; «обидно, как умен этот негодяй Вильгельм, и как глупы мы с французами и англичанами»; «этот Вильгельм и немцы — как сами лишились образа человеческого, так и в куче прочих народов развили все мерзкие чувства — конечно по силам каждого. Германия попыталась быть тигром, а мелкая дрянь — Италия, Болгария, Румыния играют роль шакалов и гиен — стервоедных хищников»[44]. Были у Тихомирова и такие предположения: «Я думаю, что тут вступилось в дело *масонство*. Вильгельм — масон»[45].

В апреле 1915 он снял квартиру в угловом доме Новикова, имевшем двойной адрес (дом 7 по Борисоглебскому переулку и дом 30 по ул. Большая Молчановка). Жизнь в угловых домах, если верить приметам, не идет их обитателям на пользу, но причин для скорби у Тихомирова хватало и без примет. К лету 1915 г. ситуация на фронтах еще более осложнилась. Первую линию обороны русской армии в Галиции прорвали немецкие войска. Затем последовало большое отступление, в результате которого 20 мая русская армия оставила важнейший узел обороны на стратегически важном направлении — Перемышль.

Трагизм ситуации нашел выражение и в умонастроении Льва Александровича, что отражали его июньские записи. Так, 9 июня он писал: «Дела всесторонне скверны. Недостаток *снарядов* признан официально, а без снарядов — какая же война? Можно, конечно, отступать и по расчетам. Но какие ж у нас расчеты? Конечно, тот, что без орудий и снарядов попытки удержаться, во что бы то ни стало — означали бы только беспощадное истребление нашего войска немецкими снарядами. Разумеется, лучше отступить, чем быть истребленным. Но при таком положении — выходит у нас не война, а медленное завоевание России неприятелем. И вот — смотришь на свой дом, сад, на железную дорогу вдали, и думаешь: а что если увидишь на всем этом — немцев, истребляющих, распоряжающихся и надругающихся над тобой? Скверно на душе становится. И что же тут невозможного? Без снарядов — что можно сделать? За последнее время я было двинул наконец вперед вторую часть своего сочинения. Путь изложения, долго остававшийся для меня необозримо темным,

[42] Дневник Л.А. Тихомирова. 1915—1917 гг. С. 61—62.
[43] Там же. С. 72—73.
[44] Там же. С. 155, 164, 264.
[45] Там же. С. 101.

прояснился и работа двинулась складно и быстро. Но отвратительный ход войны опустил мне руки. Перед воображением развертываются такие картины, что мирная работа представляется какой-то бессмыслицей. Теперь бы нужно было помогать России. Но как, где, чем? Если бы я был здоров и силен — мог бы хоть на войну идти. Но куда я гожусь? Я не могу пройти пешком даже верст двух, я не могу поднять одного пуда. А здесь — я не знаю, что делать, ибо я вне всяких связей общеизвестных или правительственных. Я гожусь еще только для кабинетной работы, в той или иной канцелярии. Но нет такой канцелярии, куда бы меня пустили»[46].

Только судьба России все еще живо интересовала его. В эти тяжелые для страны и монархии дни он много размышлял о политических процессах, эволюционирующих в недрах государства, подчеркивая их сложный, запутанный и во многом, как ему казалось, мистический характер. Тихомиров сам задавал себе вопросы, пока остающиеся без ответа: «Должно сказать, что *понять* эволюцию России очень трудно. В ней идут процессы сложные, неясные. Партийные люди их оценивают по *своей* мерке. Я же и умом и сердцем стою *вне партий*, и меня привлекает лишь мысль о *всенародной* сущности. И вот эта совокупность процессов, в России совершающихся, сложна до таинственности. Жива ли в народе религиозная вера? Живет ли в его сердце царский принцип? Каковы чувства междусословные? Развивается ли принцип народного представительства? В каком направлении складывается идея справедливости, права, долга? На все можно видеть разноречивые ответы. Какова равнодействующая линия этих ответов, — невозможно рассмотреть. Ясно, очень ясно, одно: что тот или иной исход войны будет иметь решающее значение. Победа или поражение? Это двинет страну по двум совершено разным направлениям. А между тем — трудно мне представить исход войны. Германия обнаруживает громадный запас ресурсов и действует, как один человек. А союзники разрознены. Их силы действуют не дружно, и все-таки каждый себе на уме. На Россию немцы наваливают все силы, как будто на западе им ровно ничего не угрожает. Вот выступила Италия, и это не заставило Австрию и Германию не только *ослабить* натиск на нас, но даже не уменьшило беспрерывного *увеличения* своего натиска на Россию. Что же может выйти при таких условиях?», — писал он в дневнике 3 июня[47].

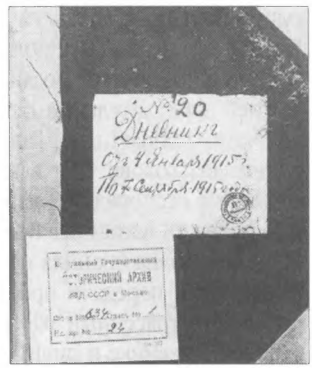
В это трагическое для Империи время дневник для Тихомирова стал единственной отдушиной, как ничто другое, демонстрировавшей его душевное одиночество. Он стоял вне партий и организаций, не имел никаких общественных контактов, кроме кружка Новоселова, был лишен возможности сотрудничать в печати, т.к. фактически каждое издание отстаивало ту или иную партийную позицию. Успокоение приносила семья, но она же и создавала проблемы, т.к. необходимо было обеспечить ей достойную жизнь: война изрядно обесценила и без того невеликие капиталы Тихомировых. Оставалось творческое уединение в доме в Сергиевом Посаде и научная работа над начатым еще в довоенное время религиозно-философским трактатом.

Не радовала его и судьба близких и дорогих ему людей. Он гордился тем, что его дочери — Надя и Вера — выросли (не без его влияния) честными, верующими в Бога; монархистками «до мозга костей». Но, наблюдая за реалиями жизни, он ужасался, думая, что если бы дочери были нигилистками и либералками, то смогли бы лучше устроить свою судьбу и, возможно, личную жизнь. А так для них остается только монастырь или же разочарование во всем том, чему их учили верить. Старея, Тихомиров начинал думать, что именно он виновен в таком положении вещей. Он всегда ставил свою семью высоко, трудился, не покладая рук, зарабатывая, помогал родным. Но в итоге все оказывалось иллюзией и он корил себя: «Я думал прежде всего о семье. И тут — где счастье? Дочери остались одиноки, и это страшно. А если бы вышли замуж? Может быть, было бы еще хуже»[48]. Дочери, так и оставшиеся незамужними, видимо, покорились судьбе. Это отражалось и на их облике и Андрей Белый в своих воспоминаниях достаточно колко прошелся по этому поводу.

Самым близким другом дочери Тихомирова Надежды был... кот Руська, но и здесь судьба была жестока. В дневнике Тихомирова встречаем запись: «Руська издох. Закопал его. И у самого крайне

[46] Дневник Л.А. Тихомирова. 1915—1917 гг. С. 74.
[47] Там же. С. 72.
[48] Цит. по: *Шерстюк М.В.* Одиночество Льва Тихомирова. С. 149.

неприятное чувство. Но особенно тяжело смотреть на Надю. Она этого кота любила, как друга, как дитя. Десять лет назад взяла его котенком, возила его в Петербург и никогда доселе не расставалась. Кот был замечательно умный, кроткий, ни разу в жизни ничего не своровал и любил Надю — прямо трогательно. Это для нее ужасная потеря. Жалко смотреть на нее. И то сказать, в сфере личных привязанностей, ей — исключая семью — только и был дан на свете один друг — этот кот. Бедная, бедная моя Надя. И это в такое время, когда вокруг повсюду ни одной радости, ни одного светлого впечатления, ничего кроме тяготы и мрака и без всякой надежды в будущем. Не в чем даже забыться. Горе, одно горе кругом у всех. Оставляя в стороне Руську, — время какое-то апокалипсическое, что-то сходное с тяжким мраком "последних времен". И самое подавляющее — то, что никакой надежды на будущее. Как будто попали под какое-то проклятье»[49].

Один из дневников Л.А. Тихомирова, 1915 г.

Боль за судьбы Отечества не покидала Льва Александровича. «Вместе с тем, — писал он в дневнике, — положение власти очень печально. Обвинений против нее масса, и, к сожалению, справедливых. Власть берется под надзор и опеку, и конечно — для спасения России это необходимо. Горе только в том, что фактически это относится и к Царю. Против его *личности* никто, кажется, искренне ничего не имеет. Но *как правитель*, как Царь, — его авторитет исчез. В 1612 тяжкая война привела к воскресению Монархии; здесь, по видимому, война приведет к падению Самодержавия. Ни в Думе, ни в России, о Царе, как личности, даже не говорят. Слова Государь, Император, произносят как *символ*. Но власть ищут и стараются видеть не в нем, а в разных других лицах, в Великом Князе, в министрах, в Думе»[50]. Подобные настроения охватили тогда многих монархистов. Так, в беседе с Морисом Палеологом 23 июня 1915 г. известнейший публицист и газетный магнат Суворин якобы говорил: «У меня больше нет надежды. Отныне мы обречены на ряд потрясений»[51]. Главную беду Суворин усматривал в усилении чиновничье-бюрократической прослойки в государственном аппарате, в невозможности сложившейся политической системы обойтись без нее: «Сегодня мы нападаем на чиновников; мы обвиняем их во всех несчастиях, которые случились с нами, — и мы в этом правы, но мы не можем без них обойтись. Завтра, по лености, по слабости мы сами отдадим себя опять в их когти»[52]. Неудачи на фронтах, а главное — вопиющая слабость власти как тараном крушили и без того непрочное здание российского самодержавия. Тихомиров справедливо отмечал: «Не знаю, чем кончится война, но *после нее* революция кажется совершенно неизбежной. Дело идет быстрыми шагами к тому, что преданными Династии останутся только *лично* заинтересованные люди, но эти продажные лица, конечно, сделаются первыми изменниками в случае наступления грозного часа»[53].

Многие решения власти вызывали изумление даже у видавших виды дипломатов и политиков. Например, «дело полковника Мясоедова», обвиненного в шпионаже в пользу Германии, повлекшее за собой увольнение и суд над пусть и не блещущим талантами, но, несомненно, лояльным царю военным министром В.А. Сухомлиновым[54]. Яркую оценку этого события дал английский министр лорд Э. Грей, заявивший: «Ну и храброе у вас правительство, раз оно решается во время войны

[49] Дневник Л.А. Тихомирова. 1915—1917 гг. С. 279.
[50] Там же. С. 86.
[51] *Палеолог М.* Царская Россия во время мировой войны. С. 184.
[52] Там же.
[53] Дневник Л.А. Тихомирова. 1915—1917 гг. С. 145—146.
[54] Был обвинен в неподготовленности армии к войне и снят с должности под давлением общественности; в марте 1916 арестован. В сентябре 1917 приговорен к бессрочной каторге, замененной заключением, хотя обвинения против него не подтвердились. Освобожден советской властью в мае 1918 года в связи с преклонным возрастом. Эмигрировал за границу. Автор ряда статей и брошюр, посвященных административным, учебным и бытовым вопросам армейской жизни.

судить за измену военного министра»[55]. Последовавшее же его освобождение при посредничестве Распутина вызвало еще больше шума и окончательно подорвало авторитет царской власти.

Слухи об измене во дворце, казалось бы, обретали в глазах простых солдат и рядовых обывателей действительные основания. Таким образом, создавалась реальная почва для антимонархической пропаганды. «Гидра революции», с трудом усмиренная покойным Столыпиным, вновь поднимала голову. Под влиянием такого рода слухов в Москве в конце мая 1915 г. вспыхнули серьезные беспорядки. Толпы громили немецкие магазины, избивали лиц с немецкими фамилиями, или похожих на немцев и вообще на иностранцев[56]. Морис Палеолог фиксировал, что на Красной площади «толпа бранила царских особ, требуя пострижения императрицы в монахини, отречения императора, передачи престола великому князю Николаю Николаевичу, повешения Распутина и проч.»[57]. Потрясенный рассказами о погромах, Тихомиров посвящает этому событию обширные записи в дневнике и пишет письмо к Новиковой. 17 июня от нее к Тихомирову приходит просьба «разрешить ей *напечатать* мое письмо о московских немецких погромах. Я сегодня же ответил *категорическим* отказом по трем причинам: 1) во-первых, каждое слово должно быть более обдумано, чем в частном письме; 2) я нахожу, что об этих погромах лучше не говорить, ибо народ и без того не спокоен; 3) при отношении ко мне *суда*, которое я испытал, я решил не выступать в печати ни с чем публицистическим[58].

Ссылка на суд убедительно показывает, что Тихомиров-монархист был глубоко ранен тем фактом, что его осудила та власть и то государство, которых он защищал. Это очень важный момент! Он понимал, почему с ним, когда он был революционером, власть боролась, хотя и не мог простить ей жестоких методов (вспомните жалобы о том, что он был осужден «за вздор, за дурацкую брошюру»). Потом, после покаяния и прощения, новая жизнь заслонила этот период. И вот, после того, как не стало его «патрона» — Столыпина, началась травля, и судебное решение, принятое не в пользу Тихомирова, словно показало ему всю ничтожность его положения. Историкам еще предстоит исследовать перепетии и закулисную подоплеку иска по обвинению Тихомирова в клевете против Окулича. Но по дневниковым записям можно точно судить, что для него это была не просто *несправедливость*. Государственная машина словно показывала ему, что, даже став статским советником, возглавив правительственную газету, бывая на приемах у министров и, выражаясь современными терминами, «вписавшись в систему», он все равно остается *чужаком*, является *уязвимым* и может быть *раздавлен*. Не случайно его отказ Новиковой в публикации письма о погромах был столь поспешным и категорическим. Это было не столько беспокойство по поводу того, что народ «и без того не спокоен», сколько страх (по-человечески вполне понятный), что за новое неосторожное *слово* с ним, уже больше не имеющим покровителей, старым и больным, могут посчитаться. И тогда — новые гонения. Необходимо пояснить, что Тихомиров при всей его осторожности не был трусом, но любые гонения на него означали трагедию для близких ему людей, а вот этого он боялся больше, чем собственных неприятностей.

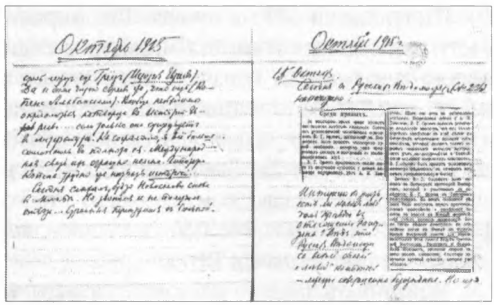
---

[55] Цит. по: *Черкасов П.П., Чернышевский Д.В.* История императорской России. С. 408.

[56] В дневнике Тихомирова, опубликованном А.В. Репниковым в 2008 году, можно прочесть подробные свидетельства записанные Тихомировым со слов очевидцев событий. В последние годы тема немецких погромов 1915 года получила освещение в целом ряде работ. См.: *Харламов Н.* Избиение в первопрестольной. Немецкий погром в Москве в мае 191 года / Публикация *В. Григоренко* // Родина. 1993. № 8/9 С. 127—132; *Кирьянов Ю.И.* «Майские беспорядки» 1915 г. в Москве // Вопросы истории. 1994. № 12. С. 137—150; *Шумихин С.В.* Русский бунт как он есть. Немецкие погромы 191 года (по неопубликованным материалам) // Независимая газета. 1998. 14 июля; *Осин В., Филимонов Б.* «Окончание с внутренними немцами». Русские письма после погромов 1915 года: перлюстрация мнений // Независимая газета. 199 27 ноября; *Рябиченко С.А.* Три дня из жизни неизвестной Москвы. Погромы 1915 года. М., 2000; *Кирьянов Ю.И.* Правы партии в России. 1911—1917 годы. М., 2001; *Гатагова Л.* Хроника бесчинств. Немецкие погромы в Москве в 1915 году / Родина. 2002. № 10. С. 18—23; *Она же.* Москва во власти охлоса (о погромах немцев в 1915 г.) // Проблемы этнофоби в контексте исследования массового сознания. Всероссийская научная конференция: Сборник научных статей. М., 200 С. 110—128; *Соболев И.Г.* Борьба с «немецким засильем» и политические партии России (1914—1917) // Политически партии России: прошлое и настоящее: Сборник статей. СПб., 2005. С. 99—104; *Савинова Н.В.* Политические парти России о немецких погромах периода Первой мировой войны // Там же. С. 105—111.

[57] *Палеолог М.* Царская Россия во время мировой войны. С. 179.

[58] Дневник Л.А. Тихомирова. 1915—1917 гг. С. 77.

Две страницы из дневника Л. А. Тихомирова 1915 года, сентябрь, с приклеенной вырезкой из «Русских ведомостей»

Реакцией Тихомирова на цепь этих скандальных и компрометирующих власть событий, вызвавших московские погромы, стало очередное, но отнюдь не последнее высказывание об откровенной слабости власти: «Только страшно сильное правительство могло направлять к подобию единства эту разношерстную нацию. П.Н. Дурново прав, что теперь нужно уметь *приказать*, но он упускает из виду, что уже нет никого, кто мог бы приказать. Это было и сплыло. А за отсутствием этого — являются в критический момент только ссоры, пререкания, взаимообличения. Немцы же — вооружают армию за армией, собирают тысячи орудий, забирают одну провинцию за другой, идут упорно и систематично. Это такое неравенство сил, что исход столкновения кажется неизбежным. Боюсь, что нас может спасти только чудо, т.е. или какое-то *внутреннее*, от нас независящее крушение Германии, или появление у нас человека, способного «приказать». Но в такой анархии, как у нас, такому человеку негде и явиться»[59].

В возобновлении забастовочного движения и организации беспорядков Лев Александрович усматривал движение космополитической интеллигенции и тайных сил. На основе своих наблюдений он полагал, что Россия не может более бороться с Германией, не учредив истинно национальное правительство. При этом он напрочь отрицал идею создания правительства в угоду тем или иным партийным интересам. Особую ответственность за гибельное положение отчизны он взваливал на раскольническую деятельность «кадетов» и Думу. 12 августа 1915 года Шечков писал Тихомирову: «Ганнибал у ворот — тут уж не до реформ, и Госдума продолжает свое сиденье не ко времени. Дума говорлива: не нынче-завтра проболтается... Наступление на русскую государственность и ее начала возникло одновременно с наступлением наших внешних врагов. В Думе приходится отступать перед ними по тем же причинам, по каким армия наша отступает пока перед врагом внешним <...> Черта оседлости и еврейские законы, по-моему, крайне недостаточны, но отменять их теперь и притом не в интересах замены их чем-нибудь более действенным, было бы для России гибелью»[60].

31 декабря, провожая 1915 год, Тихомиров традиционно обращается к дневнику, описывая сценку, которая совсем не вязалась с его мрачными прогнозами: «Через четыре часа канет в вечность 1915 г. Конечно, прожили, благодаря Бога, — вот почти до самого конца его, до самого преддверия 1916 года. И как знать, может быть пережившие будут вспоминать о нем с завистью. Нет пределов бедствиям человеческим. Но если сравнивать с *прежними*, хорошими годами, то 1915 г. был страшно тяжел. Дай, Господи, чтобы не было еще чего хуже. Я сижу с какой-то ноющей тревогой на сердце. Так и кажется, что сгущаются какие-то несчастья. Наступающий 1916 г. — *високосный*. Их считают несчастливыми, но у нас теперь все годы вроде високосных... Одиннадцатый час. Через час собираемся на Новогодний молебен <...> Раздается звонок телефона. Подхожу: "Кто у телефона?". — Тоненький голосок отвечает: "Скажите, пожалуйста, Ваше имя"... Я сначала не догадался: "Да кого Вам нужно" <...> "Имя Ваше, пожалуйста"... "Да вы гадаете, что ли?". — "Да". — "Ну ладно. Имя — Лев". "Очень Вам благодарна" <...> Барышни гадают! Они не ноют, вероятно, и не стонут, а веселятся. Ну, дай вам Бог, неведомые барышни, видеть поменьше горя, и побольше радости, и понаходить себе женихов в 1916 году. Курьезно. *Гадание* и *телефон*! Прежде выходили мерзнуть на улицу и спрашивать имя прохожего. Теперь звонят наугад в телефон. Во всем прогресс. А все-таки хорошо, что барышни веселятся»[61].

---

[59] Дневник Л.А. Тихомирова. 1915—1917 гг. С. 92.

[60] Переписка правых и другие материалы об их деятельности в 1914—1917 годах / Публикация и комментарии *Ю.И. Кирьянова* // Вопросы истории. 1996. № 1. С. 125.

[61] Дневник Л.А. Тихомирова. 1915—1917 гг. С. 186.

Наступивший 1916 г. принес Тихомирову новые разочарования. Уже в январе Горемыкина на посту председателя комитета министров сменил выдвиженец Распутина Б.В. Штюрмер. Для Тихомирова такая замена означала окончательную победу «партии Императрицы» в Зимнем дворце, вместе с ней и капитуляцию приверженцев истинного монархического начала в России, а с ними и крушение самодержавия. Опасались крушения самодержавия и посланники Антанты. Так, английский дипломат Дж. Бьюкенен выказывал неудовольствие тем, что Николай II решился принять пост Верховного главнокомандующего русской армией, отмечая, что в результате этого «царица фактически управляла Россией, особенно с тех пор, как в феврале 1916 года председателем совета министров был назначен Штюрмер»[62].

Может быть, именно поэтому 23 января, всего через три дня после назначения Штюрмера, Лев Александрович отправился к нотариусу для исправления своего завещания. По нему недвижимое имущество, как-то: дом в Новороссийске, хутор под Москвой — должно было после его смерти перейти в руки второго сына, Николая. Оставшееся же имущество, движимое и недвижимое, делилось поровну между женой, сыном Николаем и двумя дочерьми. Старший сын, Александр, ставший священником, принявший имя Тихона и бывший тогда архимандритом, в завещании не упоминался[63].

26 января 1916 следует запись в дневнике: «Сердце пусто, празден ум. Впрочем, сердце не пусто, а наполнено каким-то давящим чувством. Россия меня убивает. Ну каждый день — какая-нибудь чепуха в государственной и общественной жизни. Разнузданная алчность аппетитов становится все наглее и своим видом развращает всех. Уже, кажется, лучше бы газеты молчали, а то все привыкают к мысли мошенничать и грабить. Из разоблачений не получается ничего, кроме доказательства безнаказанности спекуляций. Расправа судебная — медленная, вялая — не имеет никакого оздоровляющего действия. Распоряжения администрации постоянно неудачны, нередко просто глупы. Да и какими им быть, когда правящий персонал тасуется чуть не ежемесячно. Не понимаю, как можно это не сознавать. И этакое внутреннее разрыхление, распадание, деморализация — во время страшной, опаснейшей войны. Я очень опасаюсь, что немцы весной опять нас будут так же бить, как в прошлом году. И что выход? Его нет. Нужно правительство. И нет никакой надежды, что оно будет когда-нибудь составлено. Разве *после войны* <...> Но тогда уже поздно»[64]. 27 февраля последует запись: «Весь наш верхний класс, дворянский и промышленный, — ловкий на всякое хищничество — лишен идеи, самосознания, идеалов. Энергии нигде нет. Бороться энергично не может ни с кем. При опасности каждый будет спасаться *сам*, не заботясь о гибели других, а потому все составляют легкую добычу каждого свирепого и энергичного врага. Авторитета не существует. Духовный провален и опозорен, и все больше падает в глазах народа. Авторитет Царский, конечно, все-таки еще крепче, но подорван и он. Особенно помрачен он Гришкой. Говорят, Государя непосредственно предостерегали, что Распутин губит Династию. Он отвечает: «Ах, это такие глупости; его значение страшно преувеличивают». Совершенно непонятная точка зрения. Ведь от того и гибель, что *преувеличивают*. Ведь дело не в том, каково влияние Гришки у Государя, а в том, каким его весь народ *считает*. Авторитет Царя и Династии подрывается именно этим»[65]. Историк С.В. Хатунцев в рецензии на публикацию тихомировского дневника не без основания отмечает, что в своих оценках Лев Александрович «весьма нередко... "пересаливает", сгущает краски чрезмерно. Настроения его близки к пораженчеству и достаточно типичны как настроения тогдашнего представителя русской интеллигенции... Однако, в целом Тихомиров скорее объективен, чем субъективен...»[66]. А.Д. Степанский полагал, что «в целом ситуация в стране выглядит в дневнике по существу безнадежно»[67]. Конечно, причин для оптимизма не было, но вместе с тем, как отмечает историк Е.М. Мягкова, также обращаясь к дневниковым записям, Тихомиров совершает типичную ошибку, поскольку «за немногим исключением человек

---

[62] *Бьюкенен Дж.* Мемуары дипломата. С. 155.

[63] ГА РФ. Ф. 634. Оп. 1. Д. 1. Л. 1—1 об.

[64] Дневник Л.А. Тихомирова. 1915—1917 гг. С. 200.

[65] Там же. С. 211.

[66] *Хатунцев С.В.* Хроники приближения к Мальстриму. С. 209.

[67] *Степанский А.Д.* [Рецензия]. С. 192.

хорошо видит и слышит лишь то, что для него важно. Оценки Тихомировым событий исторического масштаба (Брусиловский прорыв, сражения Первой мировой войны, Февральская революция и т.д.) заслоняются более значимыми для него мелкими происшествиями. Рост цен на дрова и муку или простуда тревожили его больше, чем судьба самодержавия. Во время революции 27 февраля 1917 г. Тихомиров переживал не за Николая II, а за своего сына»[68]. Было бы черезчур резко характеризовать взгляды Тихомирова, как пораженческие, однако, его уход в личную жизнь и замкнутость на своих, житейских проблемах, имели определенное место.

Впечатления от углублявшегося кризиса в Империи утверждают Тихомирова в мысли, что его главное предназначение сейчас — это усиленная научная работа над глобальным историософским проектом. Он полностью отдался своим теологическим изысканиям, с головой уйдя в таинства религиозного эзотеризма и сократив до минимума личное общение с внешним миром. Исключение составляли только участники кружка Новоселова. Лев Александрович проводил большую часть времени в своем доме в Сергиевом Посаде. С близкими ему по духу людьми вне Москвы он общался в основном по переписке. Среди его корреспондентов такие авторитетные деятели монархического лагеря, как Шечков, Н.А. Зверев, П.С. Бобров[69].

Об углубленной его работе над новой книгой свидетельствовала и сохранившаяся переписка с Лодыженским (религиозным писателем, автором мистической трилогии). Следует отметить, что на протяжении 1915—1916 гг. кружок Новоселова заседал достаточно регулярно. Так, весной 1915 года Тихомиров выступил перед членами кружка с небольшим сообщением, посвященным выяснению философского определения категории «мистики». Тихомиров так писал об этом: «Недавно мне пришлось читать в кружке М.А. Новоселова маленькое сообщение, имевшее однако целью не столько сообщить нечто другим, как вызвать рассуждения. Дело в том, что по ходу моей работы мне нужно очень ясно установить, что такое *мистика*. То, что приходилось читать, слышать, наконец, думать — привело меня к мысли, что из общих определений наиближе подходит к истине старое экхартовское[70] определение (восприятие непосредственное — сущности к сущности). Однако мне было сделано множество возражений, которые (некоторые) были и весьма дельны, однако в общей сложности убедили меня, что все мы — очень много интересующиеся мистическим элементом — весьма мало вдумывались в его точное определение, и более способны критиковать всякое определение, чем дать на его место что-либо лучшее»[71]. В дальнейшем, как явствует из переписки Тихомирова с Лодыженским, Лев Александрович пытался осмыслить свой мистический опыт в философских понятиях «различных категорий бытия», развивая философскую традицию «рационального мистицизма», противостоящую теософской и оккультной мистике[72]. Из этой переписки следует также, что Тихомиров встречался в Сергиевом Посаде с Флоренским для прояснения некоторых интересовавших его философских и теософских вопросов. В совместном обмене мнениями по интересующей их проблематике был сделан вывод, что для более четкой формулировки определения мистики, причем не языческого, а именно христианского, «нужна православная гносеология (каковой не имеется). Тут, конечно, есть очень верная мысль, но будет ли когда-нибудь православная гносеология?»[73]. Для прояснения этого же вопроса Тихомиров отправил письмо Гермогену Жировицкому (Долганову)[74].

---

[68] *Мягкова Е.М.* [Рецензия]. С. 259. Действительно, 27 февраля 1917 года Тихомиров запишет: «Ох, и болит у меня сердце за Николашку: какие тяжелые положения ставит перед ним судьба» // Дневник Л.А. Тихомирова. 1915—1917 гг. С. 344. На этот факт обращал внимание и японский историк Вада Харуки.

[69] См.: *Кирьянов Ю.И.* Правые партии в России. 1911—1917 гг. М., 2001.

[70] *Майстер Экхарт* (ок. 1260 — ок. 1328) — немецкий религиозный философ, крупнейший представитель философской мистики. Экхартовское определение Тихомиров выводит на основании проповеди Экхарта «Об отрешенности». См.: *Мейстер Экхарт.* Духовные проповеди и рассуждения. М., 1912.

[71] Л.А. Тихомиров. Письма к М.В. Лодыженскому. С. 140.

[72] *Назаров В.Н.* «Загадочный» Лев Тихомиров. С. 139.

[73] Л.А. Тихомиров. Письма к М.В. Лодыженскому. С. 142.

[74] *Гермоген* (*Георгий Ефимович Долганов*) (1858—1919), епископ Саратовский и Царицынский, духовный писатель. Лев Тихомиров достаточно хорошо знал владыку, и их отношения — еще одна тема для будущих исследований. 20 октября 1908 г., во время гонений на епископа Тихомиров поддержал его письмом, высказав «свое уважение к Вашему служению и свою надежду на то, что Господь Бог поддержит Своего служителя имиже весть путями». Тихомиров писал:

Н.Н. Тиханович-Савицкий

Таким образом, видно, что Тихомиров весьма серьезно погрузился в работу над своим историософским трактатом. Планы его были следующими: по окончании войны он рассчитывал подать в отставку, т.к. официально все еще числился в Главном управлении по делам печати, и хотел окончательно осесть с семьей в Сергиевом Посаде, где жизнь текла значительно спокойнее, нежели в Москве, и, к тому же, оказалась намного дешевле. Понимая всю огромность задачи, которую он перед собой поставил, он не скрывал в письмах к Лодыженскому опасений по поводу окончания своей работы о религиозно-философских основах истории: «Не льщу себя мыслью окончить работу, но, *может быть* — мне удастся *возбудить* ею Христианскую мысль. Надо сказать, — продолжает он с присущим ему скепсисом, — я не жду тысячелетий жизни человечества. Вероятно, *гораздо* короче <...> Не смею решать себе этого, но не удивился бы и столетиям»[75]. И, уже явно размышляя о предназначении всего в этом мире, он завершает письмо от 13 марта 1915 года словами: «Мы знаем о Боге достаточно для *своей мировой миссии*, и больше не узнаем, пока Ему не понадобится нам открыть для какого-то продолжения миссии в иных уже условиях бытия нашего»[76]. Из переписки явствует, что в рассматриваемый период времени Лев Александрович ознакомился не только с религиозными христианскими источниками и их современными комментариями, но и с древнееврейскими теософскими сочинениями, в частности, с Каббалой. С головой погрузившись в таинства различных религиозных концепций и продвигаясь по пути создания органичного «полотна», в котором вся история человечества рассматривалась бы и анализировалась с религиозной точки зрения, Тихомиров как бы отгородился от неприятной ему современной реальности. Тем более, что это была *страшная* реальность с продолжающейся войной, дороговизной и надвигающейся революцией. В своем погружении в прошлое, в глубинные исторические пласты только зарождающихся религиозных движений он топил грусть по уходящей навсегда эпохе российской самодержавной монархии.

И все же отметим, что, невзирая на почти демонстративный отход Льва Александровича от любых форм участия в общественной жизни, ряд деятелей охранительного направления по-прежнему рассматривали его как своего союзника. П.С. Бобров в письме на имя Тихомирова от 29 декабря 1916 года доводил до него информацию о задачах «Союза Михаила Архангела», оговариваясь, что ему «было весьма приятно побывать на последних заседаниях Палаты Михаила Архангела» и «совершенно ясно, что эта организация пойдет совершенно по другому пути монархизма, чем Союз Русского народа»[77]. Бобров сетовал на то, что «Палата занята исключительно вопросами, отличными от вопросов духовного устройства, возрождения и воспитания России. Между тем, я считаю этот вопрос краеугольным камнем будущего России»[78]. Но к тому времени Тихомиров категорически отказывался от любых поступавших к нему предложений участвовать в политике, или составить программу «спасения монархии», считая все это пустой тратой времени. 5 мая 1916 года Н.Н. Тиханович-Савицкий писал Н.Н. Родзевичу: «Пасхалов потерял веру в восстановление самодержавия окончательно, сказать правду, и я в глубине души колеблюсь, а вы знаете, какой я упорный. Л.А. Тихомиров — совсем отошел обескураженный»[79].

«Тяжелый искус проходит православие на Руси в наши дни, и не только по дружному натиску противников, но и по тому, что в самой православной среде нередко приходится думать: "своя своих не познаша". Надеюсь, Преосвященнейший Владыка, что не откажете мне в Вашей молитве о Божьей помощи в трудностях и сложностях, усеивающих и мой скромный путь и нередко затуманивающих понятие о том, что делать для того, чтобы делать не свое, а Божье дело» // Цит. по: Игумен *Дамаскин* (*Орловский*) Епископ Гермоген (Долганев). М., 2010. С. 83.

[75] Л.А. Тихомиров. Письма к М.В. Лодыженскому. С. 142.

[76] Там же. С. 144.

[77] Правые партии. 1905—1917 годы. Документы и материалы, в 2 тт. Т. 2. 1911—1917 годы / Составитель, автор введения и комментариев *Ю.И. Кирьянов*. М., 1998. С. 604.

[78] Там же.

[79] Там же. С. 552.

Ф.Д. Самарин

Лев Александрович мучительно искал пути спасения самодержавия, но не мог их найти. В дневнике можно встретить множество обширных записей на эту тему. 20 января 1916 года он записывает: «Я часто ломаю голову над вопросом, чем можно спасти Монархию? И право — не вижу средств. Самое главное в том, что Государь не может, конечно, переродиться и изменить своего характера. С громадным характером, с твердым преследованием *одного* плана, *одной* линии поведения, — вообще говоря — можно спасать *все*, выходить из самых отчаянных положений. Но ведь именно этого у него не будет и *не может* быть. Он может только вечно колебаться и постоянно переходить от плана к плану. Ну а при этом — в столь запутанном положении — можно только рухнуть... если не будет какого-нибудь Провиденциального вмешательства»[80].

2 июня 1916 года Тихомиров фиксирует: «В Москве я пересматривал старые свои *Дневники*, и с грустью подивился, до какой степени бесплодно для моего духовного развития проходят годы, целый десяток лет. Я уже *тогда*, десять лет назад сознал, что не гожусь более для жизни общественной. Тогда уже вполне увидел, что *моей* России — пришел конец, а *новой* — я не умею служить, п[отому] ч[то] не согласен с ее планами самоуничижения. Поэтому я уже тогда просил у Бога, чтобы мне кончить жизнь — хоть не оставляя семьи в нищете. Хорошо. Мне это мое прошение — удовлетворено. Значит — сиди покойно и жди смерти. И однако у меня нет *покоя*. Я все хочу что-то *делать*, не умею жить в бездействии, и — тоскую. Глупо. Конечно — надо сознаться, что все члены моей семьи, все, кого мне дал Бог, не имеют счастья теперь, как и тогда... Но ведь много людей, гораздо больше несчастливых, и многие из них остаются покойны и мирятся с судьбой, с Божией волей. Я же не умею мириться, не умею покориться, принять с доверием данную мне долю — ни за себя, ни за других. Отсюда — мое неспокойство, уныние, раздражение. И все от того, конечно, что плоха моя вера в Бога. Это тянется годы и годы, без конца. Как не подивиться на себя, на неспособность свою к духовному развитию!»[81].

Только религиозная проблематика, в том числе и положение православной церкви вызывали у Тихомирова хоть какой-то интерес. Он сближается с «Кружком ищущих христианского просвещения», которым руководили Ф.Д. и А.Д. Самарины[82].

Активными членами этого объединения были Д.А. Хомяков, И.А. Лебедев и др. Члены кружка много занимались религиозно-философскими вопросами, чем в первую очередь и привлекли внимание Тихомирова. Он использовал тогда любую возможность для обмена и получения информации, а в ряде случаев и для разъяснений проблем, касающихся тематики его будущей книги. Кроме этого, в кружке шла активная работа над проектами по реорганизации учреждений РПЦ. Напомним, что ожидаемый многими монархистами созыв Поместного собора до войны так и не состоялся. Поэтому реально в критикуемом положении РПЦ изменений практически не произошло, а война и антираспутинская шумиха только усугубили ситуацию.

К сожалению, активную работу кружок вел недолго и фактически распался после смерти И.А. Лебедева и Самарина. 9 августа 1916 года Тихомиров фиксирует в дневнике: «Был на похоронах Ивана Алексеевича Лебедева. Похороны парадные. Много народа, городского управления, школ, купечества, даже несколько генералов... Итак, умирает старая Россия. Уже почти никого и не осталось. Лебедев был хороший ее представитель, умный, честный, замечательно трудолюбивый и здравомыслящий. Обладал вообще большими знаниями, а по Истории был даже ученым... Самаринский кружок, со смертью Ивана Алексеевича Лебедева, можно считать окончательно прекратившимся. Сам Федор Самарин — только что жив, но вполне нетрудоспособен. Александр Дмитриевич — конечно деятелен,

[80] Дневник Л.А. Тихомирова. 1915—1917 гг. С. 329.

[81] Там же. С. 232—233.

[82] *Самарин Федор Дмитриевич* (1858—1916) — общественный и религиозный деятель. Друг М.А. Новоселова и один из основателей Новоселовского кружка. *Самарин Александр Дмитриевич* (1868/69—1932) — общественный и церковный деятель, брат Ф.Д. Самарина.

но в кружке держался только для брата. Затем остается Дм. Ал. Хомяков, тоже весьма мало трудоспособный. Людей здоровых и крепких остается два: *Корнилов*[83], да *Кожевников*[84]. Ну — пожалуй и я еще не умер, хотя я "молодой" член кружка, далеко не вошедший в его дух... Замечательно, что кружок не мог привлечь никого больше из дворянства, хотя в дворянстве есть дельные и умные Вообще — кружок можно считать не существующим. Его последняя лебединая песнь была записка о Польше, где в подписях значился и И.А. Лебедев. Нужно сказать, что в редакционном отношении этой записки *я* играл значительную роль, так как Федор Самарин внес и развил множество моих поправок. По *основной* же мысли эта записка была главнейшим образом Федора Самарина. Роль Лебедева была не очень велика, хотя больше, чем остальных подписавших (кроме меня)»[85].

Всю тщетность попыток что-либо изменить в организации церковной жизни в Империи Тихомиров, уже не раз «ломавший себе на этом зубы», чувствовал лучше других членов кружка. 24 октября 1916 последовала запись в дневнике, которая беспристрастно оценивала деятельность кружка: «Объявление в газетах: скоропостижно скончался 23 окт[ября] *Федор Дмитриевич Самарин*. Послал выражение соболезнования Александру Дмитриевичу. Умирают все мои современники, все люди национальной России. Федор Самарин был по уму краса Самариных. Теперь, значит, Самаринский кружок исчез совершенно. Уж он и то на ладан дышал и держался только Федором Дмитриевичем. Александр Самарин бывал только из любви к брату, а сам по себе он больше тянется к общественным делам. Кожевников, сам по себе, поддерживает охотно только Новоселовский кружок. Корнилов — весь в делах Красного Креста, да и помимо того — инициативной силой никакого кружка не захочет быть. Впрочем, все это неважно. Нынешнее время не принимает ни таких людей как Федор Дмитриевич, ни таких кружков, как Самаринский. Этот кружок имел целью быть вольным центром свободного общественного мнения умственной аристократии Русского направления. Все это уже — нечто отжившее, прошлое, последний отблеск Самаринско-Аксаковской Москвы, которой уже нет. Теперь есть Москва кадетская, Москва социалистическая, Москва промышленная, но *Русской* Москвы уже давно нет. Хомяков Дмитр[ий] Алексеевич живет только как антикварный драгоценный сосуд, разбитый, но склеенный — и тоже не надолго»[86]. Лев Александрович не скрывал грустных мыслей об уходящей России, тем более что к осени 1916 г. обстановка как на фронтах так и внутри страны окончательно обрела черты глобального кризиса, сопряженного с нарастанием революционной ситуации (вспомним итоги конференции социалистов в Циммервальде). К осени же 1916 экономический кризис плавно перетек в политическую сферу.

Угроза революционного взрыва и падение уровня жизни навевали на Тихомирова, живущего на свои сбережения и проценты с них, тревожные мысли. Оказавшись не у дел, он страшился подобной финансовой неопределенности, подчеркивая исключительность той ситуации, в которую он попал, когда его общественно-политические воззрения не были востребованы ни одной из противоборствующих сторон. «Мне скучно в одиночестве, но все-таки лучше, чем среди людей не вполне моего настроения»[87]. Так сложилось, что «блестящее перо» Тихомирова, когда-то являвшееся гордостью монархистов, не смогло найти применения ни в одном из «официозных» изданий, а следовательно он не мог журналистикой добыть себе дополнительного заработка. Печатать же свои сочинения на собственные средства было невозможно по финансовым причинам. Поэтому-то в столь острый момент для страны перо Тихомирова, пребывавшего практически в полной интеллектуальной изоляции

---

[83] *Корнилов Александр Александрович* (1862—1925) — профессор Московского университета, член-учредитель «Кружка ищущих христианского просвещения»; член-учредитель «Братства Святителей Московских» (с 1909), член Совета этого Братства. В его доме на Нижней Кисловке в 6 примерно раз в две недели собирался кружок: «Помню атмосферу этих собраний в светлые зимние вечера в особняке Корнилова. Вдоль стен сидят на стульях гости, больше дамы, молодежь, иногда кое-кто из духовенства... По середине зала, вокруг стола, сидели сами члены кружка — человек 12—15. Вместе с гостями собиралось человек 60—80» // *Арсеньев Н.С.* Дары и встречи жизненного пути. Франкфурт-на-Майне, 1974. С. 61.

[84] *Кожевников Владимир Александрович* (1852—1917) — историк культуры, философ, публицист.

[85] Дневник Л.А. Тихомирова. 1915—1917 гг. С. 261—262.

[86] Там же. С. 297.

[87] Там же. С. 229.

(исключение составлял Новоселов и К°), и было обращено не к анализу современного состояния государства, а к далеким от реального положения дел проблемам теософии и историософии. Иногда, впрочем, нехотя он брался за написание статей или же загорался новыми проектами, но это были лишь искры, мелькавшие под пеплом сгоревших надежд Льва Александровича.

Положение же в России к концу 1916 г. еще более ухудшилось. Непосредственный свидетель этих событий С.С. Ольденбург позже вспоминал, что «русское общество осенью 1916 г. жило верою в два призрака, одинаково нереальные: в "*министерство доверия*", которого *не могло быть*, и в "темные силы", которых на самом деле *не существовало*»[88]. В столь непростой обстановке вместо поисков взаимоприемлемого компромисса между различными политическими силами перед лицом как внутренней, так и внешней угрозы фактически наблюдалось совсем иное. Противоречия между «оппозиционными» думцами в лице кадетов и некоторой части октябристов с одной стороны и представителей правящей династии, опиравшейся на лояльную ей бюрократию — с другой только нарастали. Результатом, по сути, прямого противостояния стала отставка премьера Штюрмера.

«Левые» думцы торжествовали, считая это первым успехом, а «Московские ведомости» предсказывали, что «уходом неугодных министров дело не ограничится: пойдет еще более яростная агитация за то, чтобы портфели были отданы никому другому, как генералам от революции»[89]. Получая столь неутешительную информацию, Тихомиров все отчетливее ощущал наступление для России очередного «смутного времени», тем более что неспособность Верховной власти единолично выправить ситуацию ни у кого сомнений не вызывала. Диалог же с оппозицией также оказался невозможен, т.к. последняя ставила вопрос бескомпромиссно: «все или ничего».

Подобная позиция «левых» думцев чрезвычайно раздражала Тихомирова, не первый уже раз убеждавшегося в недальновидности, деструктивности и одновременно с этим невероятной амбициозности русской либеральной интеллигенции. Ее лидеры, как полагал он, своим провокационными действиями еще более усугубляли внутриполитическую ситуацию в стране.

Спасение Лев Александрович в который уж раз чаял найти в появлении сильного политического лидера: «Господи, где нам взять хоть чуть-чуть сносное правительство? Теперь бы нужен был *диктатор*, который бы *заставил* работать, и — особенно обуздал бы немцев внутри и показал бы стране, что власть не за немцев, не изменники. Вся масса народа стала бы за него горой. Но нет *человека*!»[90]. Он постоянно возвращается к этой теме: «Наша гибель — не в одних ошибках правительства, а *еще больше* во внутренней разложенности русского так называемого образованного общества. Теперь в *передовых* (т.е. «кадетских») слоях идет безумная политическая спекуляция в целях упразднить Самодержавие и добиться либеральной конституции (с ответственным министерством). Под влиянием страшно компрометированной власти теперь бесчисленные общественные управления поддались агитации конституционалистов демократов и осыпают Государя требованиями о назначении министров по желанию якобы «общества» или «страны», а в действительности нескольких тысяч человек передовых партий. «Страна» и понятия не имеет о людях, которых те хотят провести во власть, но поддерживает их агитацию своими постановлениями разных самоуправлений и корпораций. Этим окончательно подрывается власть, а стало быть и оборона страны. Теперь нам нужен *диктатор*, а мы вместо этого создаем *анархию*»[91].

Впрочем, острота политического момента при этом нисколько не мешала Льву Александровичу вести работу над своей книгой. При изучении его архива стало ясно, что в сентябре 1916 г. он работал над главой о рыцарях Тамплиерах, а в октябре перешел к описанию тайных религиозных обществ[92]. Отдельные фрагменты своего сочинения он выносил в виде докладов на обсуждение новоселовского кружка. Чтения обычно проходили на квартире Новоселова. Известны следующие темы выступлений Тихомирова: «О гностицизме», «О Логосе и Филоне Александрийском», «О философии Каббалы»,

---

[88] *Ольденбург С.С.* Царствование императора Николая II. Т. 2. С. 210.

[89] Московские ведомости. 1916. № 259.

[90] Дневник Л.А. Тихомирова. 1915—1917 гг. С. 100.

[91] Там же. С. 106.

[92] См.: *Тихомиров Л.А.* Религиозно-философские основы истории. С. 385—452.

«О философии Веданты», «О магометанском мистицизме». В кружке шел оживленный обмен мнениями, и, несомненно, его члены оказали определенное влияние на историософские идеи Тихомирова.

Все более ухудшающаяся ситуация в стране время от времени отрывала его от научных изысканий. Страшно раздражаясь думской деятельностью П.Н. Милюкова и его единомышленников, он на страницах дневника предложил «оригинальную» идею — думские деятели сами должны потребовать установления диктатуры сильной личности. Много он размышлял и о роли «темных сил» в российских событиях. Вполне возможно, что такого рода мысли пришли ему в голову под впечатлением от прочитанного им тогда же трактата французского ученого Дешампа, рассматривавшего роль и влияние масонства на политику во Франции XVIII в.

Под влиянием французского автора и собственных размышлений Тихомиров приветствовал 4 декабря 1916 г. резолюцию, разоблачающую «темные силы», одобренную XII съездом Объединенного дворянства, и оставил по этому поводу следующую запись: «По моему мнению эта резолюция дворянского съезда производит гораздо более сильное впечатление, чем соответственные заявления Гос[ударственной] Думы и Госуд[арственного] Совета. Страшно подумать, из-за какой ничтожной и гнусной личности поднимаются все эти черные тучи над Монархией. Ведь собственно, что это за «темные силы»? В основе *всего только Григорий Распутин.* Тут, которые около него налипают — мелочь и не важны. И вот только из-за этого ничтожного и гнусного человека потрясаются самые основы Монархии. Беспримерно в Истории. Готовы жертвовать Штюрмерами, Курловыми[93], кем угодно — но Григорий, от которого и идет гибель, остается незыблем. Нечто роковое и мистическое»[94].

В столь накаленной атмосфере постепенного развала армии, экономического хаоса, партийных раздоров, слухов и взаимного недоверия в ночь на 16 декабря произошло убийство Г. Распутина. Впечатления об этом событии нашли отражение в записях Тихомирова, завершающих 1916 год: «Из «животрепещущих тем» общих разговоров — все, конечно, поглотило убийство Григория Распутина. Газеты («Русск[ое] слово», «Русск[ие] вед[омости]», «Утро России») три дня были полны описаний, за что потом поплатились штрафами и смолкли. Да и пора было, ибо договорились до Великих Князей. Частные разговоры были еще более обильны разными слухами. Должно сказать, что вообще убийство Распутина возбуждало решительно *всеобщую радость.* Я не видал еще никогда, чтобы *убийство,* во всяком случае дело трагическое, возбуждало такую радость и — прямо сказать — сочувствие. Из других событий порадовало было наступление армии Радко-Дмитриева. Но недолго было торжество его, скоро операции остановились, и радость сменилась прежним скептицизмом в отношении победы над немцами»[95].

Особое возмущение Тихомирова вызывали слухи о том, что труп Г. Распутина был погребен в Царском Селе. 8 января 1917 он пишет в дневнике: «В Москве рассказывают, будто бы по сведениям хорошо знающих местных жителей, что труп Григория Распутина похоронен в Федоровском Государевом Соборе (в Царском Селе) и притом в Алтаре. Отпевал и хоронил известный епископ Исидор (Колоколов)[96]. Господи, сколько греха и скандала. Конца нет с этим Гришкой: вот и умер, а зло плодит как при жизни»[97]. 20 января, сразу же после своего 65-летия, Лев Александрович оставил следующую запись, посвященную погребению Г. Распутина: «А *нравственно* Власть подорвана трижды проклятым Гришкою. Это уж такой позор, что и описать нельзя. Уж когда назначения министров

---

[93] *Курлов Павел Григорьевич* (1860—1923) — в годы первой мировой войны состоял при главном начальнике снабжения Северо-Западного фронта, затем помощник главного начальника Двинского военного округа по гражданской части, генерал-губернатор прибалтийских губерний, состоял в резерве чинов Петроградского военного округа. После Октябрьской революции в эмиграции.

[94] Дневник Л.А. Тихомирова. 1915—1917 гг. С. 313—314.

[95] Там же. С. 320—321.

[96] *Исидор (Колоколов)* (1866—1918) — с 1906 — епископ Михайловский, викарий Рязанской епархии. С 1911 на покое. С 1916 был назначен управляющим, на правах настоятеля, Тюменским Троицким монастырем. Совершил отпевание Г.Е. Распутина. После февраля 1917 удален на покой. По некоторым данным был убит в Самаре.

[97] Дневник Л.А. Тихомирова. 1915—1917 гг. С. 324.

могут зависеть от Гришки — то какая искра доверия может сохраниться? Эту подлую тварь, наконец, убили. Но ведь это не восстановляет доверия. Если бы Государь сам прогнал его — это могло бы убедить всех, что он может, наконец, вырывать язвы. Но убийство только закрепило страшный факт, в чьих руках может быть Россия. Это все ужасно. Сверх того — если уж был случай убийства, как единственного средства снять позор *со страны*, то ведь это все-таки — ужасный *прецедент*. Подлый Гришка и после смерти остается угрозой династии»[98].

Несомненно, под последним он понимал вмешательство божественной стихии. Еще больший интерес представляют строчки дневника о возможном прецеденте, вытекающем из убийства Г. Распутина. Думается, что в этой фразе Тихомиров предвосхитил кровавые события 1918 г., связанные с убийством царской семьи. Еще более радикальную точку зрения в своей статье озвучил японский ученый Вада Харуки, полагающий, что под провиденциальным вмешательством Тихомиров подразумевал убийство Николая II. В подтверждение своей гипотезы ученый приводит тот факт, что следующие две страницы дневника Тихомирова вырваны, как считает историк, из-за их компрометирующего содержания. Несмотря на такую аргументацию, все же представляется, что в посленародовольческий период Тихомиров являл собой тип личности, не приемлющей насилия, тем более против законного, хотя и не самого способного, по его мнению, монарха. К тому же фигура императора для него как православного носила сакральный характер. Многое говорит и в пользу того, что он был фаталистом, полагающимся в своих поступках и помыслах на Божественное провидение.

События начала 1917 г., сопровождавшиеся усиливающимися беспорядками внутри страны и ростом дезертирства на фронтах, окончательно убедили Тихомирова в том, что «народ полностью потерял доверие к способности Его Величества управлять», и все, от революционеров до рядовых обывателей, ожидают государственного переворота. В эти страшные для страны дни он своими мыслями обращается к последнему периоду правления Александра II: «Положение это не имеет ничего общего с тем, как было, напр[имер], при Императоре Александре II. Там, действительно, *народа* против Царя не было. Теперь против Царя — в смысле полного неверия в него — множество самых обычных «обывателей», даже тех, которые в 1905 г. были монархистами, правыми и самоотверженно стояли против революции. Разумеется, всем этим усердно пользуются революционеры <...> А Государь — очевидно — не представляет себе ужаса этого положения»[99]. Размышления Тихомирова схожи с наблюдениями К.Н. Пасхалова[100], который в письме от 28 декабря 1911 г. жаловался Д.А. Хомякову: «... мы в настоящем идем от позора к позору, можно сказать, ежедневно, каждым действием, каждым распоряжением правительственных несмышленышей... Мы приучаемся мало по малу презирать наше правительство, сознавать его неспособность и бесполезность. А это штука очень опасная. В критическую минуту, когда революция ринется на существующий строй, стану ли я на его защиту? Нет. Мы наверно останемся в стороне... И правда, нам осталась одна надежда на великую милость Провидения, которое авось смилуется над нашей несчастной, засиженной всякой нечистью родиной» [101].

Февраль 1917 г., начавшийся сильнейшими продовольственными перебоями, еще более ухудшил положение семьи Льва Александровича. Дневниковые записи Тихомирова от начала февраля как будто переносят нас во времени в его полунищенскую эмигрантскую эпоху. Абсолютное большинство записей посвящено бедственному положению семьи и продовольственной проблеме.

Так, уже 4 февраля он фиксировал: «Завтра начнется Масленица. А ничего нет. Едва добыли молока. Мяса — один раз совсем не добилась Маша. Потом послали Марфушу, и после долгого стояния — она получила 4 фунта (с костями). Ни печь блины не из чего, ни есть не с чем. Мне-то, лично, все равно. Но прочим? "Широкая масленица"»[102]. Дальнейшие события только ухудшили положение

---

[98] Дневник Л.А. Тихомирова. 1915—1917 гг. С. 329.

[99] Там же. С. 331.

[100] См.: *Репников А.В.* Пасхалов Клавдий Никандрович // Русский консерватизм середины XVIII — начала XX века: энциклопедия. С. 351—356.

[101] Переписка и другие документы правых (1911—1913) / Публикация и комментарии *Ю.И. Кирьянова* // Вопросы истории. 1999. № 10. С. 102.

[102] Дневник Л.А. Тихомирова. 1915—1917 гг. С. 334.

Февральская революция в Москве. Раздача «Известий Совета рабочих депутатов»

семейства, вынужденного в ожидании получения положенного продовольственного рациона выстаивать часами в очередях на морозе. Перебои с хлебом все более подогревали негодование толпы, гнев которой в любую минуту мог выплеснуться на улицы больших городов. Это отчетливо осознавал Тихомиров, наблюдая за жизнью Москвы и при совершении железнодорожных поездок в Сергиев Посад. Запись от 17 февраля, т.е. в самое преддверие революционного взрыва, показала всю степень его отчаяния: «Положение продовольствия наводит какой-то ужас. Ничего нет. В Москву доставляется 1/3 нормального количества муки. Едим — ужасный хлеб, даже затхлый, количество — ничтожное. Наш бедный кот, голодный, мучит своими просьбами пищи. Но и сами в таком же роде. Вдобавок — неумолимый мороз, не прекращающийся. Мы прямо раздавлены испытаниями. Сегодня в булочной выдали *два* хлебца (нас 8 человек) и сказали, что 19 ф[евраля] совсем не дадут»[103].

Сообщение о демонстрациях в Петрограде, переросших в революцию, он отметил в дневнике достаточно бесстрастно, ограничившись преимущественно констатацией фактов. Тихомиров воспринял известие о революции как данность, к коей он давно внутренне готовился. 2 марта он зафиксировал в дневнике: «Масса арестованных, вероятно, из предосторожности. Это, конечно, понятно. Судя по известиям, можно надеяться, что Временное Правительство поддержит порядок и защиту страны. Если это будет так, то нужно будет признать, что переворот произведен замечательно ловко и стройно. Впрочем ясно, что бесконечно громадное большинство народа *за переворот*. Видно всем уже надоело быть в страхе за судьбы России. Несчастный Царь, может быть — *последний*. Я думаю однако, что было бы практичнее ввести Монархию *ограниченную*. Династия видимо сгнила до корня. Какое тут Самодержавие, если народу внушили отвращение к нему — действиями самого же Царя»[104].

Известие об отречении Николая II Тихомиров встретил также относительно спокойно. Для сравнения вспомним случай с Зубатовым, который при получении известия о падении самодержавия застрелился. Лев Александрович вряд ли разделял энтузиазм своей дочери Надежды, находившейся тогда с матерью в Сергиевом Посаде и прокричавшей ему в телефонную трубку: «Поздравляю с переворотом», но и особого сожаления в связи с падением режима Николая II он не испытывал. «Действительно, — ужасная была власть. Если только Временное Правительство окажется прочным (что, по-видимому, несомненно), — то падение Николая II будет встречено радостью по всей России. Я думаю, что основная причина гибели Царя — его ужасная жена. Но, конечно, не погибать стране из-за нее... А он — был под башмаком. И то удивительно, что так долго терпели. Я приходил к полному разочарованию в России. С этой стороны, конечно, снимается со всех гнетущее чувство, и дух народа может подняться. Но мне жаль, что теперь ведут слишком отчаянную смену лиц, даже низших, вроде полиции. Новая организация требует страшной траты сил и времени. Да и где народа набрать? В этом чувствуется неопытность. Отчего же во Франции, при переворотах, меняются почти исключительно *верхи*, а не масса служащих?»[105]. Да и что, по его мнению, можно было в будущем ожидать от подобного политического строя, который себя совершенно дискредитировал для Тихомиров.

Основные мысли Льва Александровича были связанны с беспокойством за судьбу младшего сына Николая, добровольно определившегося на воинскую службу в и находившегося со своей воинской частью в Петрограде. 6 марта следует запись в дневнике: «Наконец получено письмо от Коли (от 4

[103] Дневник Л.А. Тихомирова. 1915—1917 гг. С. 338.
[104] Там же. С. 348.
[105] Там же. С. 349.

числа). Жив, здоров, говорит, что в Петрограде порядок уже полный, и по-видимому, очень доволен совершившимся переворотом. Да и не мудрено... Уж очень изгадился прежний строй и принял какой-то анти-национальный характер. Приехала из Посада Надя, и тоже в полном восторге от происшедшего переворота. Говорит, что управление в Посаде наладилось очень успешно. Дай Бог[106]. Характерно примечание Тихомирова к этой записи: «Их рота (2-я), и *он, конечно*, вырвались из казарм и присоединились к восстанию около 5 ч. дня 27 февраля»[107]. Так что автор «Монархической государственности», судя по его собственной записи, с пониманием отнесся к известию, что его сын Николай вместе с товарищами по электротехническому батальону присоединился к восставшим. В целом он поддержал новую власть, в том числе и мероприятия, ущемлявшие его интересы. Так, 7 марта под впечатлением «февральских освободительных идей» в Москве горничные и прислуга провели собрание, на котором обсуждали дальнейшие условия свей работы на бывших хозяев. В этой акции приняла участие и кухарка семьи Тихомирова, причем Лев Александрович не возражал[108].

Тем не менее, не все обстояло столь благополучно для бывшего революционера и записного монархиста. Первый тревожный сигнал поступил от супруги Екатерины Дмитриевны из Сергиева Посада. Связавшись с Москвой, она 8 марта сообщила Льву Александровичу неприятные новости о том, что их дом посетили два молодых человека, угрожавшие произвести арест Тихомирова — как монархиста, бывшего когда-то редактором одиозной для всего «передового» общества газеты «Московские ведомости». Получив столь тревожный сигнал, Тихомиров не стал медлить и прямиком отправился в ближайшее отделение созданной милиции, дабы не подумали, что он скрывается. Оттуда его перенаправили в городской штаб, где встретивший его представитель новой власти предложил подписать заявление о признании Временного правительства. Вежливый чиновник принес Тихомирову «листок с напечатанным текстом: "Я ... такой то ... заявляю, что признаю Временное Правительство и обязуюсь повиноваться его распоряжениям", дата — 8 марта 1917 г. Ну я, конечно, подписал. Он прибавил еще, чтобы я тут же написал свой возраст (65 лет)»[109]. А вскоре и газеты сообщили, что 8 марта он явился в милицию и дал подписку: «Я, нижеподписавшийся, Лев Александрович Тихомиров, даю сию подписку в том, что новое правительство я признаю, и все распоряжения оного исполню и во всем ему буду повиноваться»[110].

Чего же в этом поступке оказалось больше — надломленности старого и больного человека, решившего с присущей ему осторожностью ради интересов семьи пойти на компромисс с новой властью, или же это явилось осознанным решением человека, разочаровавшегося в той политической системе, которая сложилась при последнем императоре? При присущем Тихомирову некотором политическом практицизме все же представляется, что в признании Временного правительства, следовательно и итогов Февральской революции, он был честен. Четко осознавая, что его идеи и предложения оказались несвоевременными и невостребованными эпохой, в которой он жил, и будучи во многом религиозным фаталистом, не чуждым мистических увлечений, он в своем восприятии свершившихся событий, по-видимому, исходил из рассуждения, что для России, для судеб государства событиями 1917 г. и даже его собственной смертью круг исторического бытия не заканчивается. Тихомиров полагал, что, пусть и в отдаленном будущем, вполне вероятно возрождение из нынешнего политического хаоса обновленной самодержавной России, очистившейся после перенесенных испытаний. Но, как бы то ни было, публичное признание им Временного правительства сделало свое дело. Он и его семья получили гарантии от властей на то, что имеют право жить так же свободно, как и другие граждане, а в случае возникновения каких-либо проблем могут обращаться к властям за помощью.

Опасаясь репрессий, Тихомиров решил прекратить свой дневник. Видимо, не все мероприятия, проводимые новой властью, его устраивали, а критиковать их, даже в интимных дневниковых записях,

---

[106] Дневник Л.А. Тихомирова. 1915—1917 гг. С. 351.

[107] Там же.

[108] Там же. С. 352.

[109] Там же. С. 353.

[110] Русское слово. 1917. 10 марта.

он не решался. Ко всему прочему на завершающий этап выходило написание его научного труда. Однако, 9 марта ему позвонила жена и сообщила, «что говорила (по телефону же) с Посадским Комиссаром (кажется, д-р Королев, не разобрал). Это был его приказ, и он сказал, что я — редактор [«]*Моск*[овских] *Вед*[омостей»], а [«]*Моск*[овские] *Вед*[омости»] есть опора реакции. Катя сообщила ему, что это ошибка, ибо я уже 4-й год — не редактор. Она сообщила и то, что я был здесь в Штабе милиции. Это его, по-видимому, удовлетворило, и он сказал, что в таком случае "будьте покойны"»[111].

Тихомиров сделал 10 марта в дневнике запись, которая должна была засвидетельствовать его лояльность: «В газетах началось мое поругание. Какую страшную гору несправедливости взваливают на меня революционеры. Ведь я действовал искренне и честно, и притом — всегда думал о благе народа и рабочих. Зачем ругать меня служителем реакции, когда я им никогда не был? Не я ли всегда работал на дело организации рабочих, не я ли первый выдвинул идею созыва Собора, не я ли *первый* обличил Распутина... Дубровин в своем [«]*Русском знамени*[»] называл меня революционером. Глинка[112] в [«]*Земщине*[»] писал, что я как был, так и остался *радикалом*. Вот как ко мне относились реакционные силы. Да и Правительство — сколько я вынес борьбы с ним, и оно же меня придушило. И вот меня же поносят, с прибавкой ругатель[ной], реакционером. Эта несправедливая ненависть меня давит, как камень»[113].

После 20 марта следует перерыв в записях до 8 мая, когда Тихомиров фиксирует: «Давно ничего не записывал, да и охоты нет... О положении России говорить трудно. Факт в том, что революция укрепляется, и, конечно, с сильным социалистическим характером... В этом устройстве у нас закладываются две идеи, очень противоположные: *демократическая* и *социалистическая*, которые считаются ошибочно совпадающими. В действительности глубокая демократизация, о которой стараются "кадеты" — немыслима без сохранения прав и достояний буржуазии, ибо она существует; социалистическая же идея подрывает буржуазию и в сущности почти уничтожает. Социалистическую идею поэтому можно насаждать только при диктатуре одной лишь части народа, т.е. вообще если не одного пролетариата, то малоимущих классов. При диктатуре же, чьей бы то ни было, демократические учреждения нельзя насаждать. Это в сущности — противоположность. Не знаю, замечают ли это социалисты, или они сознательно под словом "демократия" разумеют пролетариат и малоимущих...

Правительство имеет в виду скорейший созыв Учредительного Собрания. Но оно, если будет собрано раньше демократической организации народа, может быть только более или менее захватным. Нечто вроде Конвента, который был не народным, а якобинским. У нас вместо якобинцев могут быть только социалисты, то есть — им будет предстоять задача в тысячу раз более трудная и сложная, чем во Франции предстояла якобинцам. Как они справятся, какими способами, с каким успехом — это загадка, которую едва ли кто может разгадать. Что при этом будут делать другие народы? Произойдут ли у них социальные революции или они соблазнятся мыслью расхватать Россию — это тоже загадка.

Шанс России составляет то, что весь почти мир крайне истощен и утомлен этой беспримерной войной. Это истощение и утомление может дать демократически-социальной России время устроиться. Но насколько велик этот шанс — кто его знает[114].

В настоящее время, как слышно, у нас уже заметна эмиграция имущих классов заграницу, именно в Швецию. По прекращении войны эта эмиграция может только усилиться. Какое это будет иметь значение, предугадать не менее трудно.

---

[111] Дневник Л.А. Тихомирова. 1915—1917 гг. С. 354.

[112] *Глинка-Янчевский Станислав* (по другим сведениям *Святослав*) *Казимирович* (1844—1921) — монархист, с 1910 состоял членом Союза русского народа (обновленческого, Марковского). Принимал участие в деятельности Русского народного Союза им. Михаила Архангела. С 1909 — редактор газеты «Земщина». В марте 1917 арестован вместе с сыном. В начале августа освобожден, затем выслан из столицы. Задержан на территории Финляндии. После Октябрьской революции вновь арестован. Скончался в заключении.

[113] Дневник Л.А. Тихомирова. 1915—1917 гг. С. 354.

[114] Далее зачеркнуто предложение — «Вообще мне будущее представляется крайне туманным».

А.Ф. Керенский, лето 1917 г.

Вообще будущее мне представляется очень туманным, и ясно одно, что оно, каков бы ни был окончательный исход, полно болезненных потрясений, полно множества страданий. Увидеть окончательный исход — мне, без сомнения, не суждено, но испытать все горе и страдания и все разорение первого периода — совершенно неизбежно. Конечно, я достаточно объективен, чтобы не судить об интересах России по своим интересам. Но мне страшно за *семью*. Бедная Мама, зачем она прожила так долго! Неисповедимы судьбы Господни! Да и я сам — почему не умер раньше? Одно можно сказать: против Воли Божией не пойдешь, и да будет Его Воля, как бы тяжко ни было страдание.

А вот относительно Бога — новая Россия проявляет большое отпадение. Трудно и в этом отношении определить *степень* отпадения народа от Бога, но факт несомненен.

И все это мне пришлось увидеть, пережить, перестрадать, и — это страдание, конечно, находится только *вначале*. Теперь я вижу цветочки, но придется вкусить и горькие, ядовитые ягодки.

В сущности, не стоит теперь уже вести дневника. Не зачем записывать, не для чего. Теперь у меня уже кончена жизнь, и если нет еще смерти, то уже началась *агония*»[115].

Тихомиров вернулся к записям после реорганизации Временного правительства в коалиционное с участием «правых» социалистов во главе с А.Ф. Керенским.

Плакат, выпущенный после февраля 1917 г.

Характерны довольно мрачные прогнозы: «Если пенсии задерживают, то это ужасный удар, потому что я сам не знаю, не стану ли я скоро нищим, и вся моя семья. Предвидения всех деловых людей крайне мрачны. Уцелеют ли банки, не будут ли уничтожены обязательства Правительства и упразднены бумаги — никто ни в чем не уверен. Вообще — мое личное положение полно только угроз будущего и опасений и нет ни одного проблеска надежд, исключая помощь Божию»[116].

Тихомиров воочию видел слабость существующей государственности и нарастание революционного вала, надеясь в правительстве Керенского обрести силу, способную удержать страну от окончательного сползания в анархию, а армию — от окончательного развала. В дневниковых записях он даже выражал надежду на одержание побед на фронте и чутко фиксировал сведения, которые, как он полагал, должны были подтвердить его надежду на военные успехи.

Однако последующие события показали всю тщетность усилий правительства Керенского стабилизировать ситуацию в стране и армии, окончательно похоронив для Тихомирова надежды на благоприятный исход очередной «русской смуты». Не случайно в общирной записи от 8 мая он подводил некий жизненный итог: «Мне одно горько: *участь семьи*. Если бы Господь ее устроил — то *личная* моя участь не представляет большой важности. Я ухожу с сознанием, что искренне хотел *блага* народу, России, человечеству. Я служил этому *благу честно и старательно*. Но мои идеи, мои представления об этом благе отвергнуты и покинуты народом, Россией и человечеством. Я не могу признать их правыми в *идеалах*, я не могу отказаться от *своих идеалов*. Но они имеют право жить, как считают лучшим для себя. Я не могу и даже не хочу, не имею права, им мешать устраиваться как им угодно, хотя бы и гораздо хуже, чем они могли бы устроиться. В итоге — я отрезанный ломоть от жизни. Жизнь уже не для меня. Для меня во всей силе осталась одна задача, единственная: *позаботиться о спасении души своей*. Да

[115] Дневник Л.А. Тихомирова. 1915—1917 гг. С. 355—358.
[116] Там же. С. 356.

Манифестация инвалидов в Петрограде 16 апреля 1917 г.

поможет мне Бог в этом, и да будет во всем Его непостижимая Воля. Не остави меня, Господи Боже мой, не отступи от меня, вонми в помощь мою, Господи спасения моего»[117].

Воочию наблюдая слабость всех структур власти и неспособность правительства Керенского держать ситуацию под контролем, а главное, видя, как разваливается становой хребет российской государственной машины того времени — русская армия, Тихомиров начал отчетливо понимать, что события, связанные с падением царизма, — только *прелюдия* новой исторической драмы. Активизация большевиков, двоевластие в Петрограде, резко обострившаяся обстановка в российской деревне — все вышеперечисленное при осязаемой слабости центральной власти, контролируемой либералами и «правыми» социалистами, убеждало его в том, что нарастающее внутриполитическое напряжение при существующей расстановке сил в стране неизбежно должно закончиться установлением диктатуры. Впоследствии он напишет: «Керенский был вообще не государственный человек, а остался у власти таким же болтуном адвокатом, каким был раньше, воображая побороть кипящие революционные страсти красноречивыми речами. Ленин был объявлен государственным преступником, но Керенский сам помог ему бежать в Финляндию, чтобы не быть вынужденным его арестовать, а потом, когда стих шум правительственных фраз против большевиков, сам же дал Ленину знать, что он может возвратиться безопасно в Петербург»[118].

На основе наблюдений за дальнейшим развитием политической ситуации в стране Лев Александрович чутьем опытного в прошлом революционера-заговорщика воспроизводил возможную цепь последующих событий и указал на то обстоятельство, что у русского народа отсутствуют даже зачатки каких-либо демократических традиций, поэтому в России возможно повторение ситуации времен французской революции со всеми вытекающими отсюда последствиями. В такой обстановке на первый план у него выходят интересы семьи.

В целом же стоит признать неоспоримым то обстоятельство, что после Февральской революции Тихомиров пришел к убеждению в теоретическом банкротстве своей монархической доктрины применительно к ее реализации при последнем русском самодержце. Поэтому-то почти отстраненно взирал он на «революционные катаклизмы», раздиравшие страну, рассматривая их как Божью кару за отступление не столько народа, сколько Верховной власти от божественных и мирских законов, которыми она *должна была бы руководствоваться* при реализации «управительной политики». Имея немалый опыт практической политической деятельности и обладая даром политического предвидения, он не мог не понимать, что в том социальном хаосе, куда все более погружалась российская государственность, утверждение национально ориентированной диктатуры могло оказаться спасением. Другое дело, что при политической неспособности либералов, при инертности умеренных социалистов реально готовыми к ее осуществлению оказывались только крайне левые партии.

Кто знает, не приходили ли тогда Тихомирову на ум когда-то развиваемые Леонтьевым в письмах к нему идеи о «социализме, как феодализме будущего». Дальнейшие события, свидетелем которых он стал, показали, что Леонтьев в оценках перспектив реального, а не книжного осуществления идей социализма не так уж и ошибался[119].

---

[117] Дневник Л.А. Тихомирова. 1915—1917 гг. С. 358

[118] *Тихомиров Л.А.* Плеханов и его друзья. Из личных воспоминаний. С. 42. В публикации, снабженной примечаниями П.С. Попова, эти рассуждения Тихомирова сопровождаются следующей сноской: «Все изложенное здесь Тихомировым относится к области обывательских выдумок, не имеющих за собой никаких фактических данных» // Там же.

[119] Подробнее см.: *Репников А.В.* Социальные идеи в работах К.Н. Леонтьева // Россия в новое время. Образованно еньшинство и крестьянский мир: поиск диалога. М., 1995. С. 73—74; *Он же.* «Охранительный социализм» Константина Леонтьева // Подмосковная правда. 1998. № 27. С. 3; *Он же.* Константин Леонтьев сказал: «Я предчувствую, что какой-

В конце мая 1917 г. Тихомиров и его двоюродный племянник Ю.К. Терапиано оказались свидетелями революционного митинга, за которым Тихомиров наблюдал, стоя на ступенях крыльца храма Христа Спасителя. «Вся площадь, вся улица, все громадное крыльцо храма были заполнены народом. Толпа напирала, было душно и жарко. Шествие дефилировало бесконечно. Особенное внимание обращали на себя анархисты: они везли гроб, развевались черные знамена. Толпа орала и выкрикивала лозунги; множество солдат, расхлябанных и расхлестанных, без погон и поясов; многие из них были пьяны, шли под руку с девицами. В манифестацию влилась вся муть и накипь тогдашней революционной толпы. Оторвавшись на минуту от зрелища, я взглянул на Льва Александровича: никогда не забуду выражения страдания на его лице, как будто погибало что-то самое для него дорогое. Он был страшен. Работая локтями... с большим трудом я вывел из толпы Льва Александровича и усадил его на извозчика. Всю дорогу Тихомиров не проронил ни одного слова и, лишь входя в дверь квартиры, вдруг обратился ко мне: — Я вспомнил, там, на площади <...> мое прошлое <...> то, что было с нами <...> ради этого <...>»[120].

Сложно утверждать, насколько верно оценивал чувства Тихомирова его родственник. Терапиано осторожно намекал, что из отдельных высказываний за время общения с ним «вынес впечатление, что в душе он так и остался до конца революционером, что царский режим он считал обреченным даже тогда, когда решил поддерживать его, что разочарование касалось методов революционного движения и людей, принимавших в нем участие — особенно заграницей, но не самой идеи»[121]. Можно предположить, что огромная, враждебно настроенная, расхлябанная и расхристанная толпа действительно поразила Льва Тихомирова, и интерпретировать его высказывание двояко. С одной стороны, он признавал живучесть и преемственность *разрушительной* революционной традиции, приведшей в конце концов не только к падению династии Романовых, но и поставившей жирную точку на всей истории российской монархической государственности, с другой — он не мог не признавать определенной закономерности и даже объективности этого, по крайней мере в отношении правящей династии и для Николая II. Наблюдая правление последних трех императоров, длившееся суммарно около 61 года, он позитивно оценивал лишь период правления Александра III. Особенно страшные, по его мнению, удары по престижу российского самодержавия, после которых оно уже не могло оправиться, нанес последний царь, Николай II.

В конце июля 1917 г. в семью Тихомировых возвратился из Новгорода старший сын Александр — архимандрит Тихон. На некоторое время столь радостное событие заслонило для Льва Александровича все невзгоды, проистекавшие от уже более чем полугодичной русской анархии. Он по-прежнему много работал над своей книгой, лишь иногда отрываясь для дневниковых записей, в то время достаточно однообразных. В них он уже традиционно сетовал на слабость правительства. Керенский, как его глава, порицался за неумение нормализовать ситуацию в стране. Очень невысоко он оценивал и политические таланты Керенского, считая, что тот оказался не в состоянии добиться реализации своего плана создания правительства, которое оказалось бы независимым от Советов, следовательно, и более дееспособным. Очередной правительственный кризис, вызванный проведением неподготовленного наступления на фронте, закончившегося провалом, еще более убеждал Тихомирова во временности фигуры Керенского.

21 июля он фиксирует в дневнике: «По-видимому у Керенского, при способности развивать *нервную силу*, далеко нет настоящего *характера*. Не умеет настоять на своем. Его очевидным утверждением было — необходимость сойтись с кадетами и промышленным классом, и он сначала соглашался с условиями кадетов. Потом вдруг все сразу рухнуло. Не нашел силы преодолеть партийных влияний.

нибудь русский царь... станет во главе социалистического движения» // Экономическая газета. 1999. № 43. С. 7; *Он же.* «Славянский царь... учредит социалистическую форму жизни...» // Россия XXI. 2002. № 2. С. 120—141; *Он же.* От Леонтьева до Сталина: консерватизм, социализм и либерализм // Наш современник. 2005. № 10. С. 268—281; *Карпец В.И.* Русский социальный консерватизм // Русское время: журнал консервативной мысли. 2009. № 1. С. 27—29.

[120] *Терапиано Ю.К.* Встречи: 1926 — 1971. С. 20.

[121] Там же. С. 19.

Л.Г. Корнилов, фото 1917 г.

Конечно, я сужу только по газетным сведениям, не зная закулисной стороны событий. Но вряд ли я ошибаюсь. И если мои суждения об этом кризисе *верны*, то нужно предвидеть, что Керенский недолго сохранит влияние и популярность. Он провалится и у солд[атских] и раб[очих] депутатов и в других слоях населения, и сойдет на нет.

В сущности он уже провалился в двух важнейших делах: 1) *в наступлении*, где полагал воодушевить миллионы солдат своим красноречием, 2) и теперь в попытке создать национальное Правительство. Не подействовало его красноречие ни на армию, ни на Совет депутатов. Вместо наступления получился разгром, вместо национального Правительства пока ничего, а потом, вероятно, тень, ни на что не пригодная.

Нет у него, по-видимому, настоящей силы государственного человека. Жаль. А это был единственный человек, как будто обещавший вывести Россию из тупика.

На фронте теперь вопрос о Корнилове[122]. Чем-то он окажется? Но мое мнение — что в сущности на фронте нам не может угрожать *большой* опасности. Как бы плохо ни дралась армия, — немцы тоже не имеют силы на что-нибудь серьезно угрожающее. Ну даже отодвинут нас верст на сто: что из этого? На завоевание России у них нет силы, п[отому] ч[то] на них давят союзники. Ведь нельзя же завоевать Россию миллионом солдат, а у немцев не найдется и миллиона для движения вглубь страны.

У нас серьезна и страшна *внутренняя* политика. Если она доведет страну до полного развала и междоусобия, или даже до уничтожения промышленности, — то мы погибнем и без неприятельского нашествия, тем более, что и оно *потом* может повториться, уже по заключении мира.

Увы, не имею я уже силы помогать родине, не имею и понимания положения, не имею даже достаточно времени жизни. Смотрю только на эту страшную картину развала, и ничего не могу сделать. Лучше бы не думать ни о чем этом, да обстоятельства сами толкают со всех сторон»[123].

Кто знает, не вспоминалась ли тогда Тихомирову личность погибшего в Алексеевском равелине его друга по революционному подполью — Михайлова, чьи государственные дарования он оценивал чрезвычайно высоко. Время показало, что он заблуждался в оценке перспектив появления сильной личности на российском политическом горизонте. Среди радикальных социалистов, большевиков и левых эсеров оказалась целая плеяда действительно одаренных, волевых, целеустремленных и достаточно прагматичных политиков, среди которых была фигура Ленина.

14 августа Тихомиров, приехавший в Москву чтобы взять денег и расплатиться за квартиру, с грустью писал: «На второй день свалился: воспаление толстой кишки. Один. Доктор дал наставления по телефону, но сам больной, не может зайти... Здесь теперь великие собрания — всероссийское Совещание, завтра Поместный Собор... Сомневаюсь, чтобы из Собора вышел большой толк. А впрочем — никто как Бог... беда в том, что люди *разъединены*, и в сущности никто не хочет поступаться своим. Старая и вечная история. Люди объединяются около какой-нибудь *силы*, а силы преобладающей фактически нет. Так и толчемся на месте.

Много я за это время передумал и о себе и о пережитом мной сорокалетии жизни России, — и совершенно не могу сказать ничего другого, кроме того, что приходится сказать о настоящем моменте: нет (или очень мало) *единения* и безмерно много *разъединения*. Судить или осуждать — не мог бы никого, потому что тут все были отчасти правы, отчасти виноваты, и *общее бедствие* состояло из недостатка объединяющей силы. Но никого не обвиняя, я бы теперь мог при помощи своих дневников и воспоминаний написать безусловно *беспристрастную картину этого сорокалетия.*

Жалко, что раздергивающие нервы события не дают возможности взяться за эту работу. Я бы ее мог сделать в год времени, если бы никто и ничто не мешали. Но теперь наоборот, ***все*** мешает. Это, конечно, и не важно, п[отому] ч[то] — передо мной стоит другая задача — привести хоть в

[122] Имеется в виду генерал Л.Г. Корнилов.

[123] Дневник Л.А. Тихомирова. 1915—1917 гг. С. 360.

маленький порядок *свою душу*. Жизни мне уж, пожалуй, и года не осталось. Так что и с душой своей приходится отдаваться только на *милость* Божию. Да это и самое благонадежное, п[отому] ч[то] что такое все наши *усилия*? Жить приходится среди столкновения таких безмерно громадных и почти всегда непонятных сил, что наши усилия сходны с действием дуновения нашего рта во время урагана...

Зазвонили ко всенощной. Завтра *Успенье*. Завтра же открывается *Собор*. Для придания ему торжественности и религиозного настроения населения — будут молебны, крестные ходы и особые ектеньи. Я этого ничего не могу ни увидеть, ни услышать, ибо не могу выходить из-за болезни... Так-то у нас: и молебны, и крестные ходы и забастовки, и самые разнообразные угрозы. Только и можно сказать: "Не отступи от меня, вонми в помощь мою, Господи спасения моего"»[124].

Казалось бы, Тихомиров, активно интересовавшийся жизнью Православной церкви и работавший в Предсоборном присутствии, должен был проявить интерес к Собору, но он сомневался, чтобы из Собора «вышел большой толк»[125]. 15 августа он записывает в дневнике: «Успенье. Было "торжественное" по случаю Поместного Собора молебствие на Красной Площади. Я не выходил. Спрашивал по телефону знакомых. Говорят "очень хорошо". "Сколько народу было на площади?". — "Очень много". — "А например, тысяч десять было?". — "Нет, вряд ли десять тысяч"... Ну это для города, в котором теперь почти 2 миллиона народа, из которых 1 ½ миллиона номинально православных, — очень ничтожная цифра...[126].

И в довершение в газетах — объявление стачечного Комитета Московского железнодорожного узла предупреждает публику, что с 12 часов ночи на 20 августа *начинается забастовка*, прекращается сначала движение пассажирских поездов, а через несколько дней и товарных. Будут пропускать только воинские и санитарные.

Это значит — прекратить доступ продовольствия и топлива.

Я, вероятно, завтра уеду в Посад, а то, пожалуй, застрянешь совсем в городе. Положим и в Посаде не лучше. Он тоже останется без продовольствия, но там все же гужевой подвоз несколько больше, чем в Москве.

Надо полагать, конечно, что Правительство — уступит и даст рабочим жалованье, ими требуемое. Но это характеристика "единения" и "самоотвержения" в России, а также "всемогущества" и "неограниченности" власти, о которых на все лады говорит Керенский.

Ведь эта власть формально воспретила железнодорожные забастовки. Уже не говорю о требованиях Корнилова "железной дисциплины" на железных дорогах <...> Корнилов, конечно, не относится к Временному Правительству. Но Врем[енное] Правительство эвакуируют — и в значительной мере, в Москву, Петроград из-за недостатка продовольствия. А железные дороги, номинально правительственные, прекратят Москве подвоз припасов.

Похоже, что мы безысходно погибли. Такого полного отсутствия народного единения — никогда не было, а власть *бессильна*. Не знаю, зачем собрано Государственное Совещание, если у государства нет силы, если его распоряжений не признают организованные силы рабочих и солдат»[127].

16 октября 1917 года, под влиянием впечатлений, полученных от встречи с сыном Николаем, прапорщиком одной из воинских частей Петрограда, прибывшим на побывку, Лев Александрович обратился к своему дневнику: «Очень утешило нас всех это свидание, пролетевшее, как какое-то мгновение. Коля, благодаря Богу, производит очень хорошее впечатление. Он бодр, даже весел, смотрит на жизнь без нервности, с некоторым философским спокойствием. С нами всеми, и в Посаде, и здесь, был истинно братом и сыном, и внуком, ну конечно и здесь все были в радости. По-видимому, ему было тяжело уезжать, хотя он вообще проявил много сдержки и самообладания...

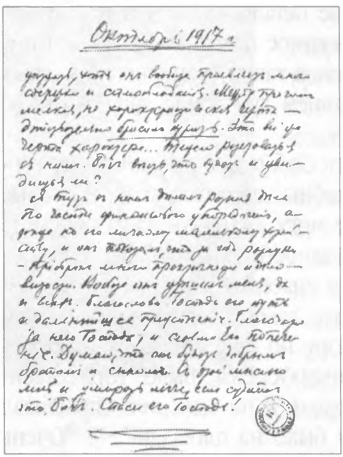
---

[124] Дневник Л.А. Тихомирова. 1915—1917 гг. С. 361—362.

[125] Там же. С. 361.

[126] Современный исследователь истории православной церкви в рецензии на дневник Тихомирова не без основания отмечает, что эта запись свидетельствует о том, что Тихомиров «пребывал в забвении и был далек от эпицентра как церковной, так и общественной жизни». «Из вторых рук узнает о великом событии тот, кто был к нему во многом причастен!» // *Мраморнов А.И.* «Захолустный» свидетель уходящей России http://bogoslov.stack.net/text/311871.html

[127] Дневник Л.А. Тихомирова. 1915—1917 гг. С. 362—363.

Последняя запись в дневнике Л. А. Тихомирова

Тяжело расставаться с ним. Бог ведает, что будет и увидишься ли? Я тут с ним делал разные дела по части финансового упорядочения, а также по его личному маленькому хозяйству, и он показал, что за год разлуки — приобрел много практичности и деловитости. Вообще он утешил меня, да и всех. Благослови Господь его путь и дальнейшее преуспеяние. Благодарю за него Господа, и славлю Его попечение. Думаю, что он будет добрым братом и сыном. С этой мыслью мне и умирать легче, если судит это Бог. Спаси его Господь!»[128].

Невозможно точно установить, вел потом Тихомиров дневник, или нет. В тех дневниках, которые сохранились в ГА РФ, последней записью является эта.

Октябрьский переворот застал Тихомирова в Москве, он заканчивал работу над книгой. В первопрестольной, в отличие от Петрограда, некоторое время еще было относительно спокойно, и жизнь текла по накатанному курсу. В столице же России часы истории уже вовсю отсчитывали время новой эпохи, приближение которой предсказывал, но при этом и боялся Тихомиров. Только 2 ноября после кровопролитных столкновений и артиллерийского обстрела Кремля Москва перешла в руки большевиков. «Россия уже не на краю пропасти, а в глубине ее: мы перешли последнюю черту. Большевики везде взяли верх, опираясь на невежественных и развращенных солдат, — записал 8 ноября 1917 г. в дневнике очевидец московских событий выдающийся русский историк Ю.В. Готье, отметив с издевкой «трогательный союз пугачевщины с самыми передовыми идеями...»[129]. Под такими словами смело подписался бы и Тихомиров. Можно думать, что он решил из-за остроты и непредсказуемости ситуации приостановить ведение дневника, и, как оказалось, навсегда. Лев Александрович отправил семью в более спокойный Сергиев Посад, сам же остался в Москве. Объяснялось это необходимостью оберегать сохранность квартиры в Москве и дома в Сергиевом Посаде. Пришлось ему освоить и новые обязанности, например, дежурство по двору, то есть некоторое время проводить в роли дворника. Вскоре волна революционных реквизиций, зачастую носящих прямую форму грабежа, докатилась до первопрестольной. По городу курсировали слухи о социализации домов.

В самом конце 1917 года началась полномасштабная реализация декрета о национализации банков. В связи с этим приняли декрет и о ревизии личных сейфов, находящихся в них. Большевикам требовались финансовые средства на строительство «новой» жизни и борьбу с контрреволюцией, и ради этого напрямую попиралось право личной собственности. Золото, драгоценности, а также наличные деньги конфисковывались, владельцам возвращали компенсацию на сумму до 10000 рублей, а уже с суммы в 5000 рублей взимался налог. Данные мероприятия новой власти окончательно разорили Тихомировых, чье финансовое благополучие и без того пострадало в годы войны и Февральской революции. Более того, в начале января 1918 г. Москву наводнили новые слухи, как выяснилось в дальнейшем, имеющие под собой реальные основания, об убийстве в Мариинской больнице А.И. Шингарева и Ф.Ф. Кокошкина[130].

И все-таки главной головной болью для семьи Тихомировых стало не столько опасение за жизнь Льва Александровича, за которым тянулся шлейф активного монархиста, сколько резкое ухудшение продовольственной ситуации в городе, поставившей семью перед угрозой голодной смерти. Напомним, что Тихомиров был уже старым, больным человеком, неспособным в изменившихся условиях обеспечить сносную жизнь своему семейству. Их денежные накопления обесценились. Ко всему прочему семья приравнивалась к классово чуждым элементам и не могла рассчитывать

[128] Дневник Л.А. Тихомирова. 1915—1917 гг. С. 363—364.
[129] *Готье Ю.В.* Мои заметки. М., 1997. С. 48.
[130] Там же. С. 105.

на приемлемые продовольственные пайки. Историк профессор Н.И. Кареев, по возрасту близкий к Тихомирову, позже вспоминал, что «потерял до трети своего веса». Для представителей научной интеллигенции действительно наступили нелегкие времена, когда, по меткому замечанию того же Кареева, «белые булки были только предметом воспоминаний»[131].

К бытовым и продовольственным проблемам примешивалось ощущение национального унижения. В дворянских гостиных говорили о том, что октябрьский переворот организован на деньги генштаба Германии. Большевистское правительство казалось не только нелегитимным, но и откровенно антинациональным и антирусским. Такую точку зрения еще больше подогревали приготовления новых властей к переговорам в Брест-Литовске и готовность подписать сепаратный мир с Германией и ее союзниками. Несомненно, находясь в Москве, Тихомиров тяжело переживал сложившееся положение. В таких тяжелых морально-психологических условиях, в обстановке непрекращавшихся экспроприаций (а в 1918 началось еще и занятие «господских» квартир через подселение жильцов), он заканчивал свой религиозно-философский труд[132].

Лев Александрович отчетливо понимал, что положение его в бытовом плане непрочно, в любую минуту может измениться в худшую сторону, и решил передать имеющиеся у него и представляющие исторический и научный интерес материалы на сохранение новым властям. К сожалению, записи Тихомирова, относящиеся к периоду Октябрьской революции (если они и велись, в чем мы не уверены), в ГАРФ отсутствуют и трудно судить, как именно оценил он свершившиеся события. Что касается отношения Тихомирова к Советской власти, то одно не было однозначным. Глухо упрекая большевиков в том, что они чрезмерно злоупотребляют принципом насилия, вместе с тем обмолвился, что только большевики сохранили понимание государственности. С одной стороны, Харуки Вада верно отметил, что «Октябрьская революция, в задачу которой очевидно входило установление твердой революционной диктатуры, должна была, по представлениям Тихомирова, осуществить давно лелеемую им мечту о сильной государственной власти»[133]. Но, с другой стороны, анализ последних эсхатологических работ Тихомирова показывает, что в будущем он видел только новые жесточайшие испытания: «мир подходит к последнему своему периоду среди страшного революционного переворота, который, очевидно, изменяет самые основы государственной власти»[134].

В России тем временем шла Гражданская война, но главное — развернулся красный террор, вызванный покушением на Ленина 30 августа 1918 г. После рокового выстрела последовало принятие решения Совнаркома о проведении акций устрашения, и в Москве начались массовые расстрелы. В числе первых жертв террора оказались и лица, когда-то близкие Льву Александровичу, например, протоиерей Восторгов. Он был арестован ВЧК 31 мая 1918 в своей квартире «по обвинению в совершении в своекорыстных целях, в обход декрета от 23 января об отделении Церкви от государства, незаконной сделки по продаже дома, ранее принадлежавшего Православному Миссионерскому обществу»,[135] и помещен в московскую внутреннюю тюрьму ВЧК на Лубянке. Оправдательные показания Восторгова были подтверждены в удостоверении, которое выдал патриарх Тихон, а проверка показала, что купца, провоцировавшего о. Иоанна на совершение сделки, не существует. В «Прошении в следственную комиссию Верховного революционного трибунала заключенного в Бутырской тюрьме протоиерея Иоанна Восторгова» священник писал о том, что «купец» — провокатор, «вошел в сношение со мною с совершенно определенной целью, во-первых, создать обвинение против патриарха в спекуляции или получении денег на нужды Церкви каким-то незаконным путем, уличив его и вместе в контрреволюционности, во-вторых, искусно обманув меня... втянуть меня путем крупной взятки в 300 тыс. рублей в спекулятивную сделку, этим потом опозорить меня в глазах общества, одновременно же войти ко мне в доверие и выявить политические секреты в

---

[131] *Кареев Н.И.* Прожитое и пережитое. С. 272.

[132] См.: *Милевский О.А.* Религиозная историософия Л. Тихомирова. С. 153—191

[133] *Вада Харуки.* Лев Тихомиров: его духовный мир в последние годы жизни (1913—1923). С. 145.

[134] *Тихомиров Л.А.* Религиозно-философские основы истории. С. 580.

[135] Правда веры и жизни. Житие и труды Священномученика протоиерея Иоанна Восторгова. М., 2004. С. 45.

области активного участия моего в контрреволюции»[136]. Современные церковные исследователи приводят такой факт: «В начале июня 1918 протоиерей Иоанн обратился к начальнику Бутырской тюрьмы с просьбой разрешить ему совершить богослужение в тюремной церкви, тогда еще не закрытой. Заявление было передано в ЧК, откуда 25 июня последовал ответ: "Применить высшую меру наказания". 4 сентября 1918 г. Следственная комиссия Революционного Трибунала при ВЦИКе постановила ликвидировать дело отца Иоанна во внесудебном порядке»[137]. 23 августа (5 сентября) 1918 года Иоанна Восторгова расстреляли в Москве вместе с бывшими царскими министрами И.Г. Щегловитовым, Н.А. Маклаковым, А.Н. Хвостовым и др. По свидетельству очевидца, приговоренным по просьбе о. Иоанна разрешили помолиться перед расстрелом, «после чего все подходили под благословение Преосвященного Ефрема и о. Иоанна». Затем о. Иоанн, сказав «несколько слов остальным, приглашая всех, с верою в милосердие Божие и скорое возрождение Родины, принести последнюю искупительную жертву», первым подошел к могиле, и произнес: «Я готов», после чего прозвучал выстрел. Пока заключенные закапывали расстрелянных, чекисты «высказывали глубокое удивление о. Иоанну Восторгову и Николаю Алексеевичу Маклакову, видимо поразивших их своим хладнокровием»[138].

В период «красного террора» пострадал и чтимый Тихомировым историк Иловайский. «Весной 1918 г. он был арестован и три недели провел в застенках чека. М.И. Цветаевой с помощью ее "квартиранта", некоего "Генриха Бернардовича" или "Икса", через Дзержинского удалось добиться освобождения восьмидесятилетнего старца. По свидетельству осведомленных лиц, он держался безукоризненно. "На следующее утро, — вспоминает М.И. Цветаева, — явление Андрея. "Ну, Марина, молодец твой Икс! Выпустил деда". — "А ты сказал, через кого?". — "Да что ты!". — "Напрасно, непременно передай, что освободил его из плена еврей Икс". — "Да что ты, матушка, он, если узнает — обратно запросится!". — "Обратно не запросится, сам вышагнул. Из мира, где Иловайского сажает Игрек и освобождает Икс — в мир иной, о котором, думаю, за всю свою жизнь мало думал, целиком и отродясь отдавшись миру не менее потустороннему: белому"»[139].

Не избежал репрессий и Пуришкевич. Вместе со своим братом Михаилом Пуришкевичем он проходил по делу «о монархическом заговоре». О своем «товарище по несчастью» вспоминал П.Д. Долгоруков, также находившийся в тюрьме: «Иногда удостаивал нас своим посещением и Пуришкевич, который свободно расхаживал по своей "каторге". Но не в своей среде он долго не засиживался... Оказались у нас и поэты: Пуришкевич, Терещенко и Бернацкий. Я как-то между ними устроил конкурс... Пуришкевич написал звучную, но совсем не подходящую элегию, Терещенко подпустил еще более неподходящее легкомыслие, чуть не порнографию, и пальму первенства получил Бернацкий...»[140]. 3 января 1918 г. состоялся политический процесс. Приговор для В.М. Пуришкевича был мягким, к тому же он был амнистирован по случаю праздника 1 мая 1918 года[141].

14 сентября 1918 года был арестован, и 20 сентября — расстрелян на берегу Валдайского озера давний оппонент Тихомирова — Меньшиков. Сохранились его письма из тюрьмы и воспоминания, повествующие о подробностях ареста, заключения и гибели, свидетельствующие о том, что он не отрекся от своих убеждений и спокойно встретил смерть. Каждый из монархистов пытался

---

[136] Цит. по: Там же. С. 47.

[137] См.: Священномученик Иоанн (Восторгов) / Составитель священник *Афанасий Гумеров* // Жития новомучеников и исповедников российских XX века Московской епархии. Июнь — август / Под общей редакцией председателя Синодальной Комиссии по канонизации святых Митрополита Крутицкого и Коломенского *Ювеналия*. Тверь, 2003. С. 171. См. подробнее: *Струков А.В.* Общественная деятельность протоиерея Иоанна Восторгова. Дис. ... канд. ист. наук. М., 2010.

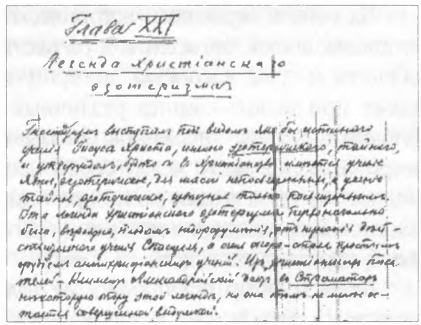
[138] *Степанов С.А.* Черная сотня. 2-е изд. доп. и перераб. М., 2005. С. 477.

[139] *Дурновцев В.А., Бачинин А.Н.* Ученый грызун: Д.И. Иловайский // Историки России XVIII — начало XX века. М., 1996. С. 377. См.: *Цветаева М.И.* Дом у Старого Пимена // *Она же.* Проза. М., 1989. С. 122—163; *Чекурин Л.В.* Русский историк Д.И. Иловайский. Опыт библиографического исследования. Рязань, 2002.

[140] *Долгоруков П.Д.* Великая разруха. Воспоминания основателя партии кадетов. 1916—1926. М., 2007. С. 72—73.

[141] Подробнее о дальнейшей судьбе см.: *Иванов А.А.* Владимир Пуришкевич: Опыт биографии правого политика (1870—1920). М.—СПб., 2011.

выжить, или же погибал теперь в одиночку. Не спасся и нелюбимый Тихомировым Дубровин[142]. Арестованный после Февральской революции, он был отпущен на свободу в начале ноября 1917 «с правом проживать по всей России», и 13 ноября с женой переехал в Москву к сыну. Летом 1919 Дубровин возобновил врачебную практику; с 1 декабря числился врачом Лефортовской амбулатории. Переживший «красный террор» 1918—1919 гг. он будет арестован сотрудниками ВЧК в Москве 21 октября 1920 по обвинению в «организации и участии целого ряда убийств, погромов, инсинуаций, затемнений, подлогов и пр. в качестве пред. "Союза рус. народа" (его закулисной деятельности)»[143]. Коллегия ВЧК 29 декабря 1920 приговорила Дубровина к смертной казни (по неизвестным причинам приговор не был приведен в исполнение). Начальник Оперативного отдела ВЧК Б.М. Футорян в служебной записке от 8 апреля 1921 предложил завершить дело Дубровина показательным процессом: «Считаю нужным передать Ревтрибуналу и приговорить к расстрелу. Если Зап[адная] Европа когда-либо оправдывала наш красный террор, то Дубровин один из таких. Все еврейство всего земного шара будет, безусловно, благословлять этот расстрел. Нет смысла расстреливать без Рев[олюционного] Триб[унала]»[144]. 11 апреля 1921 дело Дубровина было передано в Учетно-регистрационный отдел (УРО) ВЧК. В силу неизвестных причин от процесса отказались и 14 апреля Президиум ВЧК принял окончательное решение: «Дубровина... б[ывшего] пред. "Союза русск[ого] народа"... расстрелять»[145].

Начало 21 главы «Легенда христианского эзотеризма» «Религиозно-философских основ истории» Л. А. Тихомирова

Как видим, начиная с 1918 года многие из единомышленников или оппонентов Тихомирова по консервативно-монархическому лагерю были репрессированы. Тихомирову реально было чего опасаться. Можно предположить, что, передавая архив властям, Лев Александрович решал двуединую задачу: одновременно спасал свой уникальный архив от полного уничтожения, и создавал перед новыми властями самим фактом передачи документов видимость лояльности. Впрочем, он действительно был лоялен и готов к сотрудничеству. Музей не заставил себя ждать, и уже 30 октября Тихомиров получил ответ со словами: «Мы решили принять и хранить Ваши рукописи... в соответствии с условиями, выраженными в вашем письме»[146].

К осени 1918 г. Тихомиров окончил и «Религиозно-философские основы истории». Лев Александрович работал над этой объемной книгой более пяти лет. Закончив рукопись и внеся в нее необходимые редакторские коррективы, он положил ее «под сукно». Он ясно отдавал себе отчет в том, что в настоящих условиях о ее публикации не может быть и речи. Мы не будем подробно останавливаться на анализе этой работы. Она заслуживает самостоятельного научного исследования, причем не только историков, но и специалистов в области философии и теософии. Основной идеей данного оригинального и глубокого сочинения явилось доказательство выдвинутого автором тезиса о борьбе в человеческом мире на всем протяжении его существования двух мировоззрений: дуалистического и монистического.

---

[142] См.: *Макаров В.Г., Репников А.В.* Русские монархисты после октября 1917: Новые документы // Ф.И. Тютчев (1803—1873) и проблемы российского консерватизма: Южнороссийское обозрение ЦСРИиП РГУ и ИСПИ РАН. Приложение: Сборник статей. Ростов н/Д, 2004. Т. 1. С. 47—65; *Они же.* Дубровин А.И. // Санкт-Петербург: энциклопедия. СПб.—М., 2004. С. 261; *Они же.* Александр Дубровин и Лев Тихомиров: судьба после крушения самодержавия // Историк и время: Сборник научных статей. Пенза, 2004. С. 131—144.

[143] *Макаров В.Г.* Приговоренный к расстрелу дважды («коммунист-монархист» А.И. Дубровин) // Репрессированная интеллигенция. 1917—1934 гг. М., 2010. С. 97.

[144] Там же. С. 143.

[145] Там же. Сведения о дате приведения приговора в исполнение и месте захоронения Дубровина в ЦА ФСБ России не обнаружены.

[146] ГА РФ. Ф. 634. Оп. 1. Д. 2. Л. 2.

На основе огромного исторического материала, включающего в себя источники периода политеизма, эпохи зарождения и расцвета монотеистических религий, изучения тайных религиозных обществ и сект, масонства, истории зарождения и падения древних восточных цивилизаций, а также при использовании различных религиозных первоисточников от Каббалы и Талмуда до Библии и Корана Тихомиров показывает, как на протяжении всей человеческой истории эти два мировоззрения ведут между собой непримиримую духовную борьбу. При этом сами они никогда полностью не исчезают из истории цивилизации, но и не смешиваются между собой, несмотря на часто повторяющиеся в истории попытки их синтезировать. Тихомиров детально проанализировал эту беспримерную духовную борьбу.

Причем автор остановился не только на прошлом и настоящем периоде этой борьбы, но и попытался дать анализ истории человечества в ее последующие времена. Своеобразие книги Тихомирова еще и в том, что в ней он одним из первых среди русских мыслителей (а в числе его предшественников, пожалуй, да и то достаточно условно, можно назвать лишь А.С. Хомякова[147]) попытался рассмотреть и оценить развитие мировой истории с религиозной точки зрения. После окончания книги, являющейся, несомненно, одной из вех отечественной историко-философской мысли, он решил приступить к доработке старых и написанию новых очерков воспоминаний, объединенных общим названием «Тени прошлого»[148]. Предисловие к этим мемуарам, датированное 10 (22) сентября 1918 г. и объясняющее цели и задачи этой работы, как можно предположить, в какой-то мере писалось и в расчете на чужой глаз. В предисловии автор заявлял: «Давно уже у меня начинало назревать истинное отвращение к политической деятельности, более всего вследствие нараставшего во мне понимания, что я к ней совершенно непригоден по своим силам и характеру. В 1913 году, ликвидировавши лежавшее на мне издание[149] и еще раньше освободившись от службы, я порешил отстраниться совсем от всяких политических и общественных дел, в которых вечно стоял особняком, вне партий, будучи вследствие этого еще более неспособен к какому-либо полезному действию. Это намерение свое я и действительно исполнил, оставшись с тех пор совершенно частным обывателем»[150]. Таким образом, из предисловия явствовало, что, не занимая активной общественной позиции, Тихомиров давно уже вел жизнь частного человека: «На мне, по суждению моему, осталось два дела, которых было более чем достаточно для окончания моей жизни. Это именно, во-первых, сочинение об "Основных религиозно-философских идеях истории", во-вторых — мои воспоминания»[151].

Не вызывает сомнений и то обстоятельство, что во многом к ускоренной работе над воспоминаниями Тихомирова подталкивало и то, что в печати начали появляться мемуары оставшихся в живых революционеров. Честолюбивый Тихомиров, несомненно, опасался, что будет выглядеть в их изображении не совсем лицеприятно. Поэтому, пока у него еще оставались силы, он хотел предвосхитить возможный литературный удар со стороны бывших товарищей по борьбе и показать свою — истинную, как он считал — роль в революционном движении конца 70-х — начала 80-х

[147] См.: *Хомяков А.С.* Полное собрание сочинений. М., 1900; *Он же.* Богословские сочинения. М., 1907; *Он же.* О старом и новом. М., 1989. *Керимов И.В.* Философия истории Хомякова // Вопросы философии. 1989. № 3. С. 88—103. *Он же.* Историософия Хомякова. М., 1989; *Бердяев Н.А.* Алексей Степанович Хомяков. Томск, 1996.

[148] Название не отличалось оригинальностью. Например, Н.А. Морозов озаглавил одну из частей своих воспоминаний «Тени минувшего». В 1913 г. дипломат и консервативный публицист Ю.С. Карцов выпустил в Петербурге повесть «Тени прошлого». См.: *Репников А.В.* Карцов Юрий Сергеевич // Русский консерватизм середины XVIII — начала XX века: энциклопедия. С. 226—229. Историк Чесноков критикует специфическую особенность переиздания этих воспоминаний Тихомирова, выполненного Смолиным, отмечая, что «под заглавием "Тени прошлого. Воспоминания" под одной обложкой выходят воспоминания второго ("Мои воспоминания") и третьего (собственно "Тени прошлого") пластов, причем "Тени прошлого" почему-то без очерка "Плеханов и его друзья" (видимо, потому, что в нем содержится свидетельство о принятии Тихомировым Октябрьской революции и достаточно благожелательная оценка большевизма). Все это тем более обидно, что все смолинские издания выдержали по два и даже более переизданий, но исправления ошибок от раза к разу не предпринималось» // *Чесноков С.В.* Роль идейно-политического наследия Л.А. Тихомирова в русской общественной мысли и культуре конца XIX—XX веков. Дис. ... канд. ист. наук. С. 33.

[149] Характерно, что Тихомиров не называет напрямую «Московские ведомости».

[150] *Тихомиров Л.А.* Тени прошлого. С. 17.

[151] Там же.

гг. XIX в. Тем более что в новой России это могло принести ему и неплохие политические дивиденды. Тихомиров понимал, что времени на написание воспоминаний у него осталось немного, и решил «писать воспоминания в виде отдельных эпизодов и картинок»[152], наметив 80 тем, наиболее значимых для него.

Из написанного после 1918 г. любопытен очерк, посвященный революционеру Стефановичу, участнику знаменитого Чигиринского дела, впоследствии чернопередельцу, вступившему в 1882 г. в «Народную волю». Дело в том, что в тех материалах, ранее переданных на хранение в Румянцевский музей и написанных до революционных событий в России, автор достаточно жестко и критично подходил к оценке своего радикального прошлого, концентрируясь на разрушительной стороне революционного движения. Сквозь эту же призму он оценивал и окружающих его тогда товарищей. Последующие воспоминания, посвященные Стефановичу, написаны уже в ином ключе. В оценке масштабов личности и деяний этого очень неоднозначного революционера у Тихомирова уже просматривался менее критический подход, нет и намека на сарказм, ранее присущий Тихомирову при рассмотрении деятельности революционеров. В очерке отсутствуют какие-либо идеологические передержки, нет откровенной брани по адресу террористов, и, наоборот, присутствует взвешенный анализ идеологических установок «Народной воли» со всеми их плюсами и минусами[153]. На основе анализа этого очерка можно предположить, что Тихомиров в 1918—1919 гг. пришел к признанию того обстоятельства, что отход от линии народовольчества к социал-демократии и от революционных споров интеллигенции к диктатуре пролетариата оказался с точки зрения скорейшей подготовки и осуществления революции более плодотворным. Так, в застарелом и, казалось, навсегда забытом эмигрантском споре между Плехановым и Тихомировым о путях развития русской революции Тихомиров с более чем четвертьвековым опозданием признал правоту Плеханова[154]. Вада Харуки высказывает предположение, что такого рода признание Тихомиров сделал не только из тактических соображений, дабы улучшить отношения с новой властью и, возможно, облегчить публикацию своих мемуаров. Японский ученый полагает, что изменение точки зрения Тихомирова на оценку революционных возможностей пролетариата объяснялось, в первую очередь, изменением его личной точки зрения на события. «Теперь его взгляд — это взгляд старого ветерана, с высоты своих лет оценивающего революционный опыт молодости»[155]. То есть ученый выдвигает тезис о том, что Тихомиров качнулся в сторону принятия итогов двух русских революций, но нам думается, что не все так очевидно, и рассмотрение его дальнейших жизненных коллизий это покажет.

К концу 1918 г. пребывание в Москве для Тихомирова стало практически невозможным. Продолжалось уплотнение жильцов в квартирах — вспомним «красочное» описание в романе М.А. Булгакова «Собачье сердце». Вскоре для семьи стало окончательно ясно, что отдельное жилье в Москве не сохранить. Более того, на страну, погруженную во мрак, холод, голод и ужасы гражданской войны, обрушилась и новая напасть — сильнейшая эпидемия «испанки» — гриппа со смертельным исходом. В конце октября — начале ноября 1918 г. она достигла Москвы. В огромном, голодающем, практически прифронтовом городе (да еще и при полном отсутствии медикаментов) смертность от испанки была ужасающей.

В таких условиях Тихомиров принял решение окончательно перебраться к семье, безвылазно проживавшей в Сергиевом Посаде. К переезду подталкивала и все возрастающая трудность железнодорожного сообщения между Москвой и Сергиевым Посадом, хотя расстояние казалось небольшим, всего 71 километр. Но для старого и больного человека каждая такая поездка была нешуточным испытанием — ведь поезда приходилось брать штурмом.

Еще одним доводом в пользу окончательного расставания со столицей советской России стал жесточайший продовольственный кризис. По свидетельству очевидца тех страшных лет Готье, к

---

[152] *Тихомиров Л.А.* Тени прошлого. С. 18.

[153] ГА РФ. Ф. 634. Оп. 1. Д. 33. Л. 10-11.

[154] *Вада Харуки* Лев Тихомиров: его духовный мир в последние годы жизни (1913 — 1923). С. 149.

[155] Там же. С. 148.

ноябрю 1918 года «испанская болезнь, общий упадок, от которого страдают все, плохое питание и холод — делают свое дело. Москва не только разбегается, но и вымирает»[156]. Жизнь в Сергиевом Посаде, впрочем, также таила много трудностей. Тихомировы, как и большинство населения страны, жили теперь «в большой скудости, почти в нищете»[157]. И все же жизнь в небольшом патриархальном городке, имеющем давние православные традиции, давала измученной душе Льва Александровича на склоне лет определенное успокоение. Недаром в этот городок перебрались Флоренский и Розанов; часто там бывал и Готье. Тихомировы жили достаточно замкнуто и ни с кем не общались. Лев Александрович в основном занимался написанием мемуаров, отнимавших у него все время. Более того, он не разделял новомодных увлечений как в литературе и искусстве, так и в религиозно-философской мысли. В ее восприятии он законсервировался на оценках 80-х гг. XIX в., храня верность «знамени» катковского поколения мыслителей эпохи Александра III.

Как вспоминал С.И. Фудель, бывавший в Сергиевом Посаде, Тихомиров «больше жил в тенях прошлого. Этим объясняется то, что он не сближался с жившими тогда там же Флоренским, Мансуровым[158], Розановым, Дурылиным[159] и часто приезжавшим Новоселовым. Флоренский ему казался каким-то модернистом. Не любил он и не понимал не только новые течения религиозно-философской мысли, но и искусство эпохи перелома, воспринимая его тоже только как "декадентство". Помню, как он с возмущением говорил, цитируя чьи-то стихи: "Вы только подумайте! Это называется поэзия:

Ходит месяц обнаженный
Пред лазоревой луной..."»[160].

Общение Тихомирова с бывшими коллегами по литературному цеху казалось достаточно ограниченным. Возможно, что и по прагматическим соображениям, дабы избежать лишней компрометации перед представителями советской власти, не приветствовавшей бывших активных защитников самодержавной монархии. Каждый выживал (или умирал) в одиночку.

Поиски хлеба насущного тоже отнимали немало сил и времени. Не будем забывать, что 1919 г. — это пик голода в стране, Сергиев Посад не являлся исключением, и здесь случаи смерти от недоедания и общего ослабления организма стали обычным явлением. Угасал Розанов, когда-то страстно полемизировавший с Тихомировым. Василий Витальевич скончался 23 января (5 февраля) 1919 года, несколько раз причастившись перед смертью. В последний путь его напутствовал другой знакомец Тихомирова — Павел Флоренский. В солнечный день, на дровнях, покрытых елочками, Розанова свезли на кладбище в Черниговский скит, где он обрел покой рядом с могилой еще одного тихомировского друга — Константина Леонтьева. Для могильного креста Флоренский предложил надпись из Апокалипсиса: «Праведны и истинны все пути Твои, Господи», но судьба напоследок сыграла злую шутку. «Представьте себе наш ужас, — писал он М.В. Нестерову, — когда наш крест,

---

[156] *Готье Ю.В.* Мои заметки. С. 199.

[157] *Фудель С.И.* Собрание сочинений: В 3 тт. Т. 1. С. 61.

[158] *Мансуров Сергей Павлович* (1890—1929) — церковный историк, член «Кружка ищущих христианского просвещения» М.А. Новоселова, священник (1926), автор незавершенных «Очерков по истории Церкви», опубликованных посмертно.

[159] *Дурылин Сергей Николаевич* (1877—1954) — религиозный мыслитель, писатель, искусствовед. Был секретарем религиозного общества им. Владимира Соловьева в Москве. Рукоположен в 1920. Служил в храме свт. Николая в Кленниках при Алексее Мечеве в 1920—1921. 11.06.1922 арестован по обвинению в том, что занимался «скрытой антисоветской агитацией-деятельностью». По решению Комиссии НКВД по административным высылкам от 25.11.1922 сослан в Хиву на 2 года; по решению того же органа выслан в Челябинскую губернию. Повторно арестован 10.07.1927 г. по обвинению в «распространении среди верующих литературы антисемитского содержания». По решению Особого совещания при Коллегии ОГПУ от 16.09.1927 выслан в Сибирь сроком на 3 года. Направлен на поселение в Томский округ. Занимался историей литературы, театра, был искусствоведом, автор биографии М.В. Нестерова. Профессор, доктор филологических наук. Реабилитирован 25.03.1998 (за 1922 г.) и 27.05.1993 г. (за 1927 г.). Подробнее см.: *Макаров В.Г.* Следственное дело 1922-го года священника С.Н. Дурылина // Интеллигенция России и Запада в XX—XXI вв.: поиск, выбор и реализация путей общественного развития: Материалы научной конференции 28—30 мая 2004 г. Екатеринбург, 2004.

[160] *Фудель С.И.* Собрание сочинений: В 3 тт. Т. 1. С. 62.

поставленный на могиле непосредственно гробовщиком, мы увидели с надписью: "Праведны и немилостивы все пути Твои, Господи"»[161].

17 июня 1919 года по сообщению советской прессы по приговору Петроградского ЧК в числе заложников с формулировкой «за принадлежность к контрреволюционной деятельности» был расстрелян корреспондент Тихомирова — известный монархист Никольский. Менее чем за год до своей гибели он записывал: «Россия посажена в клетку и окружена своею судьбою. Невежество, дикость, непредусмотрительнось, бессмыслие, косное прозябание сил вместо государственного существования. Тупое упорство вперемешку с истерическими судорогами вместо политики... Вообще же великие катострофы для отдельных людей и семей в огромном большинстве сходят даром. Гибнут обреченные, по закону большого числа, а массы живут себе да живут. Катастрофичность катастрофы не в катастрофе, но в паниках мечущейся твари двуногой, в ее нытье, стонах, глупости, трусости и пр. А сами по себе катастрофы — те же будни, только с повышенными коэффициентами статистических явлений. Надо быть философом...»[162].

В том же 1919 году Гиппиус запишет в своем дневнике: «Хочу завершить мою эту запись изумительным отрывком из "*Опавших листьев*" В.В. Розанова. Неизвестно, о чем писал он это — в 1912 году. Но это мы, мы — в конце 1919-го!

"И увидел я вдали смертное ложе. И что умирают победители, как побежденные, а побежденные, как победители.

И что идет снег и земля пуста.

Тогда я сказал: Боже, отведи это. Боже, задержи.

И победа побледнела в душе моей. Потому что побледнела душа. Потому что где умирают, там не сражаются. Не побеждают, не бегут.

Но остаются недвижимыми костями, и на них идет снег".

(Короб II, стр. 251).

На нас идет снег. И мы — недвижимые кости. Не задержал, не отвел. Значит, так надо»[163].

Инфляция набирала обороты, и цены росли как «на дрожжах». Как фиксировал в дневнике Готье, в середине лета 1919 г. в Сергиевом Посаде «масло 170 рублей фунт, молоко 75 рублей четверть, конина 30 рублей, творог 32 рубля, яйца 120 рублей»[164]. В октябре «масло стоит уже 500 рублей, а мука 3300»[165]. Через несколько дней «яйца 200 рублей, молоко 210 рублей, мясо 560»[166]. К началу ноября «мука стоит 6—7 тысяч, мясо 150 рублей, яйца 330 рублей десяток. Купив... 10 яиц и 4 фунта мыла... истратили 1000»[167]. 3 марта следующего года в Посаде «мука возвысилась до 13—15000 рублей, пшено до 16—17000. Вопрос о питании делается все труднее и труднее»[168]. Единственным плюсом в провинциальном захолустье была возможность достать молочные продукты, хотя и по жестоким ценам, а также картофель. Для Тихомировых, не имеющих побочных доходов и потерявших все сбережения, наступили действительно страшные времена беспросветной нужды. Можно предположить, что в эти тяжелейшие дни пожилого Льва Александровича выручала традиционная оборотистость его жены Екатерины Дмитриевны и помощь двух дочерей, Веры и Надежды. Совершенно неожиданно поддержка пришла оттуда, откуда не ждали — от Александрова, бывшего редактора журнала «Русское обозрение», что явствует из сохранившегося письма Тихомирова Александрову от 2 сентября 1920 г. В нем Тихомиров писал Александрову и его жене: «Уважаемая Евдокия Тарасовна и дорогой Антоний[169] Александрович! Не мог доселе лично зайти и посему наконец письменно благодарю вас за ваше доброе участие и помощь. Очень полезна эта помощь и

---

[161] В.В. Розанов: pro et contra / Составление, вступительная статья *В.А. Фатеева*. СПб., 1995. Кн. 1. С. 258.
[162] *Никольский Б.В.* Сокрушить крамолу. С. 127.
[163] *Гиппиус З.Н.* Дневники. Воспоминания. Мемуары. Мн., 2004. С. 279.
[164] *Готье Ю.В.* Мои заметки. С. 297.
[165] Там же. С. 318.
[166] Там же. С. 320.
[167] Там же. С. 325.
[168] Там же. С. 390.
[169] Правильно — Анатолий.

очень отрадно участие. Истинные друзья познаются в беде. В беде же познаются и хорошие люди. Очень, очень благодарю. Кстати, хочу посильно помочь вам в другом вашем добром деле — в заботе о вашем нуждающемся священнике. Ведь вы делаете сбор для него. Посылаю мою лепту — пятьсот рублей. Мои средства теперь самые жалкие <...> Если разживусь, может быть, я еще прибавлю. Храни вас обоих Господь. Душевно преданный, Л. Тихомиров»[170]. Можно предполагать, что Лев Александрович рассчитывал на прибыль за публикацию оконченной в конце 1920 — начале 1921 гг. главы из цикла «Тени прошлого», получившей название «Плеханов и его друзья».

Действительно, этот фрагмент воспоминаний издали достаточно быстро, в 1925 г., но все же это произошло уже после смерти Льва Александровича. В этих очерках, выдержанных в достаточно корректном тоне, Тихомиров, размышляя над причинами успеха марксизма в России и о роли «группы Г. Плеханова» в пропаганде этого леворадикального учения, писал: «Серьезно говоря, из всех тогдашних партий — только одни большевики сохранили понимание *государственности* и значение *силы* для существования государства. Но они несли с собою идею *коммунистического государства*, и, правильно понимая значение принуждения, насилия, до крайности преувеличивали это значение, веря, что насилием можно создать все, даже и то, чего нет в обыкновенных условиях жизни»[171].

Примерно тогда же, параллельно с написанием воспоминаний, он начал работу над, пожалуй, самым необычным по форме произведением «В последние дни» (с подзаголовком «эсхатологическая фантазия»). Начало датировано 18 ноября 1919 г., окончание — 28 января 1920 г. Произведение имеет посвящение Е.Д.Т. (Екатерине Дмитриевне Тихомировой). Почему же в столь тяжелое время он начал работу над сочинением, которое ни при каких условиях не могло быть опубликовано в советской России и изначально писалось им «в стол»? Видимо, измученная душа Льва Александровича жаждала выплеска негативных эмоций, накопившихся за годы революции. В нем автор отразил свои эмоциональные ощущения от всего пережитого после крушения монархии и наблюдаемого им в настоящее время. Ко всему прочему в данном сочинении продолжает развиваться тема Апокалипсиса, над которой Тихомиров работал, начиная с 1907 г.

Повесть «В последние дни» в какой-то мере несла и футурологическую нагрузку: в ней автор рисовал картины отдаленного развития человечества. В научный оборот это произведение, хранившееся в архивном фонде Тихомирова, ввел Репников[172], а полностью оно было опубликовано в сборнике работ Тихомирова «Христианство и политика», который был подготовлен к печати Сергеевым. По направленности это сочинение перекликается с другой работой Тихомирова — «Религиозно-философские основы истории». Однако мистическая повесть не являлась чисто философским произведением, поскольку на ее страницах действовали вымышленные персонажи: Антиох, Лидия, Яни и др. Обращает на себя внимание и тот факт, что повесть написана в совершенно ином ключе, нежели абсолютное большинство работ Тихомирова. В ней чувствуется беллетристский и литературный талант автора.

Не последнее место занимает в повести тема социализма. В отличие от некоторых монархистов и церковных деятелей Тихомиров не считал, что социалистическое общество представляет собой *абсолютное* воплощение зла, а Октябрьская революция знаменует воцарение Антихриста. Социализм и связанный с ним материализм были, по его мнению, «пассивным» отступлением от Бога, а «для перехода к активному отступлению нужно, чтобы материализм сменился какой-либо

---

[170] Цит. по: *Вада Харуки.* Лев Тихомиров: его духовный мир в последние годы жизни (1913—1923). С. 149.

[171] *Тихомиров Л.А.* Плеханов и его друзья. Из личных воспоминаний. С. 41—42. . ..

[172] Подробнее см.: *Репников А.В.* Лев Тихомиров — от революции к апокалипсису. С. 191—198; *Он же.* Неизвестная мистическая повесть Л. Тихомирова. С. 8—12.

формой нового мистицизма, при котором только и возможно появление "нового бога", "иного бога"»[173].

Как отмечает Чесноков, «к моменту окончания работы над "фантазией" Тихомиров уже понял, что Ленин не антихрист... Но если Ленин — не антихрист, тогда понятно становится, почему, начав писать фантазию серьезно, Тихомиров в конце концов сбился-таки на пародию» (о том, что именно в работе стало «пародийным» мы объясним ниже)[174]. Следовательно, к моменту появления Антихриста общество уже пережило испытание социализмом и материализмом. Об этом Тихомиров прямо писал и в повести: «Последние десятилетия перед началом нашего повествования представляли, в социально-политическом отношении, господство социализма, стремившегося отлиться в рамки строгого коммунизма. Но удержаться на этой почве нигде не могли прочно, потому что в строгом коммунизме нет места свободе. Стремления к свободе постоянно прорывались в виде анархического беспорядка, который разрушал все построения коммунизма. Производительные экономические силы, таким образом, подрывались со всех сторон. Коммунизм подавлял свободную инициативу, анархизм разрушал обязательный труд. Народы погружались в бедность и необеспеченность, беспрерывно переходя от полукрепостного состояния к состоянию дикого произвола, в течение которого каждый, смотря по силе и удаче, захватывал себе кусок пожирнее так же легко, как вслед за тем терял его»[175].

Именно на почве социальной нестабильности и выдвигается некий Антиох, человек, получивший всестороннее образование, обладавший необычайными способностями и умевший подчинять себе людей. Он становится Председателем Союза Народов, организованного из десяти держав, разделивших между собой мир. Антиох, согласно Тихомирову, это Антихрист, а под десятью державами подразумеваются «десять царей, которые еще не получили царства, но примут власть со зверем...» (Откр. 17,12).

Получив власть, Антиох восстанавливает утраченный в результате революционных потрясений порядок: «В экономическом отношении он повсеместно сразу ввел новый строй, который, сохраняя *принудительно* государственный коммунизм и право безграничного государственного вмешательства, восстановил, на правах срочного и бессрочного *владения,* частную собственность, частное производство и вольную торговлю. Это быстро оживило производство, обеспечило частные интересы и личную инициативу, и привело к такому процветанию, которое, по сравнению со вчерашней нищетой, казалось волшебным»[176]. Таким образом, Тихомиров считал, что именно Антихрист восстановит государственность, разрушенную в результате социалистического переворота и войн «и люди, истомленные бедствиями, порожденными этим переворотом, будут радостно приветствовать произведенное Антихристом восстановление порядка и говорить: "кто подобен зверю сему". В этом отношении Антихрист является консерватором-контрреволюционером»[177]. В качестве верных подручных Антиоха выступает воссозданный Орден тамплиеров. «Тамплиеры составляли тогда гвардию Великого Устроителя и самую назойливую часть его полиции»[178]. Характерно, что в числе тамплиеров, согласно повести, были представители разных национальностей: русские, итальянцы, испанцы, поляки, евреи, татары и т.д.

Еще в 1907 г. Тихомиров обращался к трактовке образа семи церквей из Апокалипсиса (Откр. 2; 3). В повести он опять затронул эту проблему, уделив особое внимание эпохе последней седьмой Лаодикийской церкви. Он разделил эту эпоху на два периода: Лаодикийский период и период Антихриста и Жены любодейной. Эта «Жена любодейная» (она же «Вавилонская блудница») представлена в повести в виде «Универсальной церкви», которой управляют «колдуны и чародеи». В

---

[173] *Тихомиров Л.А.* Религиозно-философские основы истории. С. 573.

[174] *Чесноков С.В.* Ключ к пониманию (Анонимность «Эсхатологической фантазии» Л.А. Тихомирова «В последние дни» и двуединство апокалипсического сюжета первомартовского цареубийства 1881 г.) // Эсхатологический сборник. СПб., 2006. С. 201.

[175] *Тихомиров Л.А.* Христианство и политика. С. 407—408.

[176] Там же. С. 409.

[177] *Тихомиров Л.А.* Религиозно-философские основы истории. С. 581.

[178] *Тихомиров Л.А.* Христианство и политика. С. 399.

работе «Религиозно-философские основы истории» он подробно перечислил основные трактовки богословами «Жены любодейной» и пришел к выводу, что под ней подразумевается не государство, а «павшая церковь», находящаяся в услужении у Антихриста, и им же потом уничтоженная. Таким образом, согласно его трактовке «Вавилонская блудница» «есть не иное что, как *выродившаяся уродливость церкви* или *павшая церковь*, как очень сильно доказывает Оберлен. Я полагаю, что это мнение справедливо»[179]. Согласно Откровению Иоанна Богослова, перед тем, как Антихрист станет царем, людям будет дан еще один шанс покаяться. На землю для проповеди покаяния посылаются пророки Енох и Илия. После окончания назначенного им для проповеди срока они гибнут от рук Антихриста, но потом воскресают и возносятся на небо. Все эти события описываются в повести, включая и коронацию Антихриста, после которой он начинает открытую борьбу с Богом. В отличие от социалистов и атеистов Антихрист «не отрицает существования Бога и подчиненных Ему небесных сил, но восстает против них и надеется их победить. Не одна земная власть мерещится ему, а власть над небом и вселенной»[180]. Бросая вызов Богу, Антиох делится своими мыслями: «Мы владеем землею. Жалкое владение, которое у нас всегда может вырвать Тот, кто владеет Небесами, высшим миром духов»[181]. «Я хочу, чтобы на земле не осталось ни единой христианской книги, иконы и т.п., кроме разве ученых библиотек и музеев, в интересах науки»[182].

После подавления Антиохом вооруженного сопротивления христиан ничто не мешает установлению его полной диктатуры. Происходит его коронация в бывшем христианском храме, с которого «кресты были сняты...», а «стены были... покрыты причудливыми узорами из каббалистических фигур и знаков»[183]. Начинаются публичные казни и отречения от веры. «И казни и отречения проводились публично; тысячи народа теснились на площадях смерти и ренегатства, осыпая и героев и слабодушных ругательствами и насмешками»[184]. Жестокость и предательство становятся нормой жизни. «Отныне христианин становился государственным преступником по тому самому, что он христианин»[185]. Описываемые Тихомировым гонения на христиан, убийства и казни напоминают реальные события, происходившие в России: «Жалость к человеку в те времена стала явлением редким, возбуждавшим насмешливую улыбку[186]... Все храмы были конфискованы и обращены в театры, музеи, цирки, отданы под клубы и т.п. Иконы и все принадлежности богослужения сжигались целыми кострами, священные сосуды и драгоценные ризы отдавались на Монетный двор»[187]. Но и среди гонений появляются борцы-христиане, готовящие восстание, освобождающие из тюрем своих единомышленников и проповедующие свои убеждения, не страшась смерти. Вот как характеризует Антиоха один из борцов с ним: «Антиох является высшей степенью развития давно назревшей духовной болезни человечества, которое не хочет быть под властью Бога, хочет управлять собою самостоятельно»[188]. Фантастические видения борьбы между потусторонними силами чередуются в повести с описанием действий борцов против Антиоха. В повести встречаются неожиданные моменты, напоминающие о революционном прошлом самого Тихомирова. Так, например, по приказу Антиоха были арестованы и заключены в темницу православный патриарх и папа. Когда борцы с Антиохом решили спасти их, то был испробован способ бегства, который практиковался в русских тюрьмах, когда арестованные менялись именами.

Начинаются гонения на *все* религиозные конфессии, которые могут представлять угрозу для власти. Тихомиров подробно описывает, как для борьбы с Антиохом объединяются представители различных вероисповеданий и национальностей. Создаются вооруженные отряды христиан и му-

---

[179] *Тихомиров Л.А.* Религиозно-философские основы истории. С. 574.
[180] Там же С. 582.
[181] *Тихомиров Л.А.* Христианство и политика. С. 395.
[182] Там же. С. 469.
[183] Там же. С. 437.
[184] Там же. С. 450.
[185] Там же. С. 446.
[186] Там же. С. 465.
[187] Там же. С. 469.
[188] Там же. С. 479.

сульман. «По тому же типу организовался другой большой отряд, чисто еврейский...»[189]. Эти отряды нападали на слуг Антиоха, отбивали приговоренных к смерти, разрушали храмы, посвященные Люциферу.

В то время как не пожелавшие принять власть Антиоха люди становились повстанцами, те, кто признал его власть, испытывали различные бедствия. При этом они «хулили Бога Небесного от страданий своих... и не раскаялись в делах своих» (Откр. 16.11). «Антиоха утешало только одно: что никакие кары свыше не пробуждали в людях раскаяния и вызывали в них только хулы на Бога»[190].

Тем, кто противостоял власти Антиоха, приходилось рисковать жизнью, но «христиане среди гонений, мук и казней, чувствовали себя более удовлетворенными, и не соглашались променять свою тяжкую жизнь на радости жизни своих гонителей»[191]. Стремясь не допустить возрождения христианства, «детей христианских родителей приказано было отбирать в казенные воспитательные дома», где бы им внушалась покорность перед властью Антиоха[192].

В это же время он начинает поход против Универсальной церкви («Вавилонской блудницы»), служители которой до этого преданно выполняли все его указания. «Так называемое «духовенство» Универсальной церкви, то есть колдуны и чародеи разных сортов, подвергали христиан мучительной смерти», но теперь настал и их черед[193]. Обращаясь к трактовке 18 главы Апокалипсиса, посвященной истреблению «Вавилонской блудницы», Тихомиров сделал вывод, что это истребление означает не только уничтожение церкви-отступницы, но и города, бывшего ее резиденцией. В повести описывается битва войска Антиоха и его союзников с войском Универсальной церкви, в результате которой последняя была уничтожена, а город, где она находилась, был предан огню: «возненавидят блудницу, и разорят ее, и обнажат, и плоть ее съедят, и сожгут ее в огне» (Откр. 17,16). Таким образом, Антиох бессознательно выступил в качестве орудия божественной справедливости, покарав церковь-отступницу.

После этих событий начинается подготовка к последней битве. Верные Антиоху войска собираются в Армагеддон. Тихомиров считал, что битва должна носить двойственный характер: «Это, во-первых, обыкновенный, материальный бой, поскольку он ведется против людей, но, во-вторых, должен иметь психо-магический характер, поскольку совершается против ангелов»[194]. Далее все в повести происходит в полном соответствии с последними главами Откровения Иоанна Богослова. Борьба добра и зла заканчивается Вторым пришествием Иисуса Христа. Однако, как отметил современный философ В.И. Карпец, есть у Тихомирова странные пробелы. Так, «в "Религиозно-философских основах истории" поразительно отсутствуют главы о Воскресении, о природе Церкви, о Таинствах, о сверхразумности и сверхъестественности жизни во Христе»[195]. Можно, впрочем, предположить, что деятельность всевозможных «тайных обществ», от тамплиеров до масонов, и эсхатология интересовали Тихомирова больше, чем перечисленные Карпцом темы.

С.И. Фудель хорошо описал атмосферу, которая царила в доме во время чтения этой повести: «Мы сидели в столовой, угощением были какие-то не очень съедобные лепешки и суррогатный чай без сахара. Лев Александрович почему-то пил его с солью. Керосина тоже не было (это был 1918 год), и горели две маленькие самодельные коптилки, освещая на столе больше всего рукопись. Апокалипсис был не только в повести про Лидию, но уже и в комнате»[196]. В целом в повести прослеживается традиционный библейский сюжет. Но что, на наш взгляд, действительно интересно, так это то, как выписаны литературные типажи, борющиеся против Антихриста: Лидия Лучицкая,

---

[189] *Тихомиров Л.А.* Христианство и политика. С. 514.

[190] Там же. С. 531.

[191] Там же. С. 520–521.

[192] Там же. С. 519.

[193] Там же. С. 524.

[194] *Тихомиров Л.А.* Религиозно-философские основы истории. С. 586.

[195] См.: *Карпец В.И.* Эсхатологический выбор Льва Тихомирова. О повести «В последние дни» // *Он же.* Русь, которая правила миром, или Русь Міровеева. М., 2005. С. 343.

[196] *Фудель С.И.* Собрание сочинений: В 3 тт. Т. 1. С. 62.

Эдуард Осборн, Валентин Стожаров, Яни Клефт. Читая об их самопожертвовании, готовности отдать все и даже саму жизнь, за истинного христианского Бога, наблюдая умелое использование конспиративных мероприятий и удивляясь их дерзкой смелости (вспомним освобождение Лидии из секретной башни, куда заточил ее Антиох, рассчитывая сломить ее духовные силы и перетянуть на свою сторону), невольно вспоминается, хотя это, безусловно, лишь предположение, революционная молодость Тихомирова. На использование Тихомировым в повести эпизодов из хорошо известной ему практики революционного подполья ранее в своих работах обращал внимание Репников. Исследователь Чесноков обращает внимание на тот факт, что в тот период, когда заканчивалась работа над «Религиозно-философскими основами истории» и Тихомиров уже начал писать повесть, «параллельно... шла работа над воспоминаниями. Это позволяет говорить о том, что эсхатологические представления имели непосредственную связь с революционным периодом его биографии. Именно цареубийство и последовавшие за тем казни народовольцев стояли перед глазами Тихомирова всю жизнь, подобно тому, как у фронтовиков воспоминания военных лет зачастую вытесняют из памяти все остальные воспоминания»[197].

Интересно, хотя и не бесспорно, мнение Чеснокова, который считает, что «можно с уверенностью утверждать, чье имя дано было Тихомировым главной героине Лидии Лучицкой. В "Вестнике Народной воли" (№№ 1—4, 1885), в разделе «Хроника арестов», который вел Л.А. Тихомиров, находим: "В Болхове (Орловск. Губ.) осенью 1881 Лидия Луцкая". Легко напрашивается вывод, что и другими христианами-филадельфийцами последних времен у Тихомирова оказываются народовольцы его молодости. Безусловно, что в этом было отражение реакции на события Гражданской войны, цареубийство, борьбу с Интервенцией»[198]. Однако, героиня повести носит фамилию Лучицкая, а Чесноков указывает на народоволку Луцкую (не самый известный персонаж!). Совпадение имен может носить случайный характер. Напрашивается, правда, возможная близость Луцкой жене Тихомирова (Орловская губерния, то, что их объединяет). Однако, накаких доказательств, кроме отдаленного сходства фамилий, Чесноков не приводит, и его слова о том, что «можно с уверенностью утверждать» о тождестве героини повести и реальной народоволки — повисают в воздухе, ибо автором эта уверенность какими-либо доказательствами, увы, не подтверждается.

Что же касается «пародии», о которой упоминает Чесноков в приведенной выше цитате, то можно предположить, что религиозные подвижники из повести Тихомирова напоминают присущей им склонностью к самопожертвованию, своими делами и поступками скорее друзей его молодости по «Народной воле», нежели христианских мучеников. Хотя истинное служение *любой идее* непременно формирует подобный тип человека-борца, очень ярко и убедительно представленного в аллегорической форме Горьким в образе Данко. Возможно, в какой-то мере в изображении борцов против Антиоха сказалось то обстоятельство, что параллельно Тихомиров работал над «Тенями прошлого» и перенес некоторые черты героев своей революционной юности на библейский сюжет, облеченный в форму художественного произведения. Особенно это касается образа Лидии — самоотверженной христианской подвижницы. При чтении книги не покидает ощущение, что ее поведение и поступки очень напоминают... Софью Перовскую, погибшую за свои идеалы на эшафоте, — первое любовное увлечение Тихомирова.

Увлеченную работу Тихомирова над повестью отмечали немногочисленные очевидцы его жизни в Сергиевом Посаде. Думается, при написании и чтении этого произведения не только слушателей, но и самого автора охватывало мистическое ощущение близкого конца. Только постоянное обращение к Богу через молитвы служило ему какой-то отдушиной и несколько примиряло с окружающей действительностью. В страшное для страны время, с 1918 по 1920 г., меткое определение которому дал писатель А.М. Ремизов («Взвихренная Русь»), в период страшной скудности и «какой-то великой темноты» только «свободный корабль Церкви плыл, освященный огнями», и это поддерживало силы многих. Старший сын Тихомирова, Александр, предлагал ему принять пострижение в монахи.

---

[197] *Чесноков С.В.* Ключ к пониманию (Анонимность «Эсхатологической фантазии» Л.А. Тихомирова «В последние дни» и двуединство апокалипсического сюжета первомартовского цареубийства 1881 г.). С. 188.

[198] Там же. С. 449.

Тихомиров отказался, в первую очередь — по причинам бытового характера: все же на его иждивении находились три женщины, и ответственность перед семьей удержала его от такого поступка. Держаться вместе и надеяться на Божий промысел — единственное, что им оставалось во все ухудшающейся экономической ситуации. Судя по сохранившимся воспоминаниям и документам, можно с большой долей вероятности утверждать, что Тихомиров остался верующим человеком, но вот на чем основывается мнение, что он «до конца жизни оставался убежденным монархистом»?[199]

«Годы революционной бури Лев Тихомиров провел в уединении отшельника, в Сергиевском Посаде, близ Москвы... среди мучений большевицкого "рая"»[200]. Он вполне мог ощущать себя Кассандрой, ибо сбылось то, чего он так опасался и о чем тщетно предупреждал власти самодержавной России. Но «никто не хотел серьезно вдуматься в трезвый голос предостережения, тем более что и пророк-то был выходец из революционного Назарета»[201]. И вот — рухнул трон, рухнула империя и Россия истекала кровью в братоубийственной войне.

Религиозно-философские работы писались Тихомировым без какой-либо надежды на публикацию, а в реальной жизни нужно было кормить семью. С.А. Волков вспоминал о Тихомирове, с которым часто беседовал, и которого «когда-то хорошо знал в бытность его делопроизводителем школы имени М. Горького (бывшей Сергиево-Посадской мужской гимназии). Я был в то время (1921—23 гг.) уже в ней учителем, а "Лев" или "Карл Маркс", как, к его огромному неудовольствию, прозвали его ученики, заканчивал там свое жизненное странствование, начавшееся в обстановке "Народной Воли"»[202]. Общение с Тихомировым (как и с Флоренским) серьезно повлияло на мировоззрение Волкова. В 1941 году он фиксирует: «Читаю посмертную рукопись Л.А. Тихомирова об А[нтихристе?]. Впечатление»[203]. 9 июня 1943 года Волков записывает в дневнике: «Сегодня прочел книгу Льва Тихомирова "Демократия либеральная и социальная", М., 1896. Очень интересна первая статья "Социальные миражи современности". Надо будет со временем записать свои мысли на эту тему... Вспоминал и самого Льва, которого я знал на закате его дней. Тяжелый, но любопытный старик!»[204]. Можно только гадать, кто еще, кроме Волкова, мог во время Великой Отечественной войны размышлять в СССР над вышедшей в конце XIX века книгой Тихомирова.

Все это будет много лет спустя, когда Тихомирова давно не будет в живых, а в условиях Гражданской войны Льву Александровичу нужно было позаботиться и о судьбе собственного архива. Всегда трепетно относившийся к своим записям, он пишет письмо председателю ученой коллегии Румянцевского музея: «Покорнейше прошу Вас принять на хранение в Румянцевском Музее прилагаемые при сем двадцать семь переплетенных тетрадей моих дневников и записок на следующих условиях:

1) В течение моей жизни и десять лет по моей смерти право пользоваться этими рукописями оставляю исключительно за собой и членами моей семьи: а) Е.Д. Тихомировой, б) архимандритом Тихоном Тихомировым, в) Н.Л. Тихомировым, г) Надеждой Львовной Тихомировой, и д.) Верой Львовной Тихомировой.

2) Через 10 лет по моей смерти рукописи поступают в распоряжение Румянцевского музея на общих основаниях.

3) Право пользоваться по п. 1 включает и право публикации»[205].

Просьба была исполнена.

Тем временем продовольственный кризис в стране продолжал нарастать, несмотря на проде-

---

[199] Игумен *Дамаскин (Орловский)*. Епископ Гермоген (Долганев) // Примечания. С. 376.

[200] *Маевский В.А.* Революционер-монархист. С. 9.

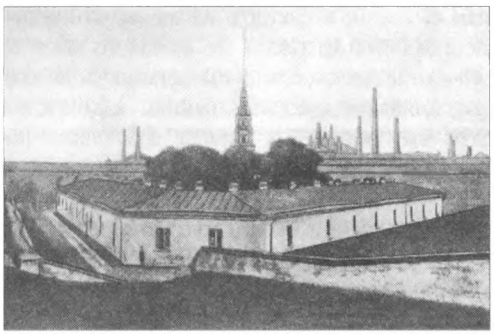
[201] Там же. С. 61.

[202] *Волков С.А.* Возле монастырских стен. Мемуары. Дневники. Письма. М., 2000. С. 282.

[203] Там же. С. 534—535. Рукопись повести Тихомирова «В последние дни» хранится в ГА РФ. В этой связи требует уточнения вопрос, когда текст рукописи поступил на хранение. Если ее текст был передан Тихомировым незадолго до его смерти, то что же именно и где читал Волков в 1941 году?

[204] Там же. С. 345.

[205] ГА РФ. Ф. 634. Оп. 1. Д. 2. Л. 1.

Алексеевский равелин Петропавловской крепости, фото 2-й полов. XIX в.

кларированную большевиками на X съезде партии новую экономическую политику. Ситуация летом 1921 г. оставалась тяжелейшей. Рубль стремительно обесценивался, 10 царских золотых рублей стоили в Москве более 700 000 новых. Курс ассигнаций тоже быстро снижался, следовательно, таяли и реальные сбережения граждан, в том числе и Тихомировых. 18 (31) декабря 1921 г. историк Готье запишет в дневнике: «Закончен еще один год русской смерти»[206]. В декабре 1921 г. внимание Тихомирова, кроме заботы о «хлебе насущном», привлек и первый том вышедших воспоминаний Фигнер — «Запечатленный труд». В архиве Тихомирова среди заметок того периода есть и касающиеся этих мемуаров. Его не устраивала трактовка Фигнер некоторых фактов народовольческого движения. Так, он отмечал, что она неверно осветила события, связанные с получением в январе 1881 г. ИК письма от Нечаева из Алексеевского равелина. Возражая Фигнер, он утверждал, что контакты между Желябовым и Нечаевым под окнами Алексеевского равелина действительно имели место. Недовольство Тихомирова вызвало и заявление Фигнер о том, что письмо ИК к Александру III, написанное им, якобы редактировалось, кроме Михайловского, еще и членами ИК. Он полностью отрицал данный факт, отметив, что только Михайловский внес в этот документ небольшие стилистические исправления.

Наибольшее же возмущение Льва Александровича вызвало объяснение Фигнер причин, приведших его в монархический лагерь. Пытаясь дать свою трактовку причин его «ренегатства», Фигнер давала указание на его психическую неуравновешенность после 1 марта 1881 г., приводя в доказательство этого факт посещения Тихомировым молебна по случаю цареубийства и его нарастающую шпиономанию. Негодуя по этому поводу, Тихомиров подчеркивал, что «Фигнер смотрит на все... чересчур поверхностно», указывая на ее определенный субъективизм, и на то, что эмоции у нее превалируют над тем, что «действительно имело место»[207].

Под впечатлением воспоминаний Фигнер Тихомиров написал две главы собственных очерков, акцентируя внимание на событиях, данных, по его мнению, неверно или тенденциозно в «Запечатленном труде». Там же он, конечно, по своему усмотрению, дал оценку роли и значения для «Народной воли» каждого из членов ИК. На первое место по значению в организации он поставил Михайлова, и это как раз сомнения не вызывало. Далее же все достаточно субъективно. Себе он отвел «скромное» второе место, третьим стал Желябов, шестой — Перовская, при этом пятой по значению он поставил Оловенникову, находя ее крупнее Перовской, хотя при этом оговаривался, что последняя «почти все время жила в Москве и не могла пристально наблюдать комитетские отношения». «Обидевшая» Тихомирова в своих мемуарах Фигнер оказалось лишь двенадцатой в списке, сразу после Фроленко. При этом Верочка Топни Ножка, как в шутку называли ее товарищи по организации, удостоилась следующей характеристики: «Блестящая агитаторша, увлекавшая всех, с кем сталкивалась, была плохой организаторшей, органически не способной к осмотрительности, не умела различать людей и вечно рвалась к блестящим и трескучим делам; фантазия в ней чрезмерно преобладала над разумом, так что она была настолько же полезна, насколько опасна»[208]. Отметим, что Вера Николаевна Фигнер, отойдя с 1918 года от политической деятельности, и посвятив себя литературе, поступила мудро. С 1926 года ей была назначена персональная пенсия. Она скончается во время Великой Отечественной войны, 15 июня 1942 года в Москве. Там же, в Москве, 18 февраля 1938 года закончит свой жизненный путь еще один народоволец — М.Ф. Фроленко.

---

[206] *Готье Ю.В.* Мои заметки. С. 483.

[207] ГА РФ. Ф. 634. Оп. 1. Д. 63. Л. 6 об.

[208] Из архива Л. Тихомирова // Красный архив. 1924. Т. 6. С. 175—176.

Но в 1921 году Тихомиров, конечно, не мог знать о судьбе тех оставшихся в живых революционеров, которых он располагал по ранжиру в своем списке. Так, в писательских упражнениях, закончился для него 1921 год. В наступившем 1922 году Льву Александровичу исполнилось 70 лет — время подведения жизненных итогов. Самому себе он казался разбитым на «всех фронтах». К этому же году относится его статья об убийстве Александра II[209]. Много лет назад Тихомиров писал Новиковой, что услышал взрыв «со своей квартиры на Гороховой». Теперь он опять повторял, что, вернувшись в Петербург рано утром 1 марта, подъезжая к своей квартире (не то на Вознесенской, не то на Гороховой — путался он в воспоминаниях), встретился с Грачевским и пригласил его к себе домой для беседы. От Грачевского он узнал о намерении Перовской произвести покушение именно в этот день и вместе с товарищем пошел «на предполагаемое место действия», но по дороге услышал грохот взрыва. Решив далее идти порознь, Грачевский и Тихомиров расстались, и Лев Александрович долго блуждал в районе Невского, Екатерининского канала и Малой Садовой, вслушиваясь в разговоры толпы. Итак, в старости Тихомиров вновь вернулся к воспоминаниям о том роковом дне. Чем было вызвано это тщательное фиксирование непричастности непосредственно *к убийству* императора? Может быть, попыткой снять с души тяжесть, которая все равно продолжала мучить его.

Начало 1922 г. нанесло еще один сильный удар по эмоциональному состоянию Тихомирова. Весной началась прямая конфронтация между большевистским государством и РПЦ. Поводом стало изъятие церковных ценностей для нужд борьбы с голодом. Продовольственная ситуация в стране, вызванная неурожаями и голодом в Поволжье, действительно представлялась ужасной. Неурожаи 1921 г. привели к катастрофическому росту цен на продовольствие в столице. Если в январе 1922 г. фунт хлеба в Москве оценивался в 11000 рублей, а кружка молока — в 25000, то к маю стоимость фунта хлеба достигла отметки в 120 — 130000 рублей за фунт[210]. По сути, правительство большевиков оказалось банкротом и в такой ситуации пошло на столь рискованный шаг, как экспроприация церковных ценностей. Можно только догадываться, какие чувства вызвала подобная акция властей в душе православного Тихомирова.

Начались репрессии государства против церкви. Уже 5 мая 1922 г. Московский революционный трибунал вынес определение о привлечении патриарха Тихона и еще троих церковных деятелей к уголовной ответственности. В апреле — мае 1922 г. в Москве слушалось дело еще 17 церковных деятелей, обвиняемых в сопротивлении изъятию церковных ценностей, а уже 7 мая 11 из них приговорили «к высшей мере социальной защиты» — расстрелу с конфискацией имущества[211]. Казалось бы, хрупкая стабилизация в стране, связанная с приостановлением репрессий, начавшихся в 1918 году в период «красного террора», вновь нарушалась. К опасениям Тихомирова, измученного голодом и революционными погромами, прибавилась еще и боязнь за судьбу старшего сына Александра. Тихомиров в оценке событий вокруг конфликта государства и церкви мог бы полностью солидаризоваться с мнением Готье: «По первому церковному процессу вынесено 11 смертных приговоров. Этого никто не ожидал... Значит, все остается по-прежнему и ничего не изменилось. Они (большевики, — *авт.*) остаются все те же и вновь оскалили зубы. Здесь, вероятно, определенная задача — гонение на церковь. Я думаю, что очередной вопрос — уничтожение патриарха и всей иерархии русской церкви»[212]. Советское правительство в этом конфликте пыталось опереться на часть духовенства, находившегося в оппозиции к патриарху Тихону, тем самым оказавшись катализатором церковного раскола. Группа священников, увлеченных идеями перестройки всей общественной жизни, под водительством популярного проповедника протоиерея Александра Введенского выступила против официальной линии РПЦ с позиций «обновленчества», исповедовавшего приверженность идее христианского социализма на основе реального сближения новой православной идеологии с идеологией большевизма. В дальнейшем при поддержке советской власти Введенский стал ректором

[209] Тихомиров Л.А. Смерть Александра II // Красный архив. 1924. № 6. С. 170—175.
[210] *Готье Ю.В.* Мои заметки. С. 511, 519.
[211] См.: *Регельсон Л.* Трагедия Русской Церкви. 1917—1945. Париж, 1977.
[212] *Готье Ю.В.* Мои заметки. 520.

обновленческой Московской духовной академии[213]. Большевики приветствовали новое направление в русском православии и преследовали религиозных деятелей, которые осмеливались его критиковать. Начались массовые аресты среди сторонников патриарха Тихона. Арестовывали и лиц, близких к семье Тихомировых. Так, за выступление против «живоцерковников»[214] летом 1922 г. арестовали и доставили в Бутырскую тюрьму крестника Тихомировых Фуделя[215]. Несмотря на демонстрируемую Львом Александровичем индифферентность, гонения на церковь, несомненно, ранили его, тем более что затронули близких ему людей. Возможно, что возникал и немой вопрос: «Кто следующий?».

В какой-то мере эти обстоятельства проливают свет на дальнейшее поведение Льва Александровича, связанное с подачей им заявления для регистрации в Комиссию по улучшению быта ученых (далее — КУБУ). Комиссия была создана по решению Совнаркома от 23 декабря 1919 г. Комитеты же ее в Петрограде и Москве начали реально работать в начале 1920 г.[216] Представляется, что причина обращения Тихомирова в КУБУ более сложна, нежели считает Вада Харуки, полагающий, что Тихомиров начал хлопоты за признание своей научной ценности, поскольку «секретарем московского отделения комиссии была Панаева, одна из знакомых его семьи»[217]. Однако, в документе речь идет о Панаеве (мужчине!), а не Панаевой![218]

О знакомстве В.П. Панаева с семьей Тихомирова может говорить приписка в ответном послании из КУБУ, в которой тот передавал привет жене и дочерям Тихомирова. Несомненно, что обращению его в КУБУ способствовал целый ряд факторов. В первую очередь — тяжелейшее материальное положение семьи, фактически не имевшей средств к существованию, что, впрочем, вытекает и из тезиса японского ученого.

При этом возникает вопрос, почему Тихомиров столь долго ждал, испытывая страшную нужду и не обращаясь в это учреждение в 1920—1921 гг.? Думается, что, предоставляя свою анкету в КУБУ, Лев Александрович в какой-то мере рассчитывал и обезопасить положение свое и своей семьи после начавшихся в 1922 г. погромов РПЦ, вновь подтвердив свою лояльность правящему режиму. Об этом же свидетельствует и дата подачи анкеты — 1 мая 1922 г. — как раз начало первых процессов над священниками. Поэтому-то и в анкетном бланке, указывая состав семьи, он внес туда только данные о жене, бывшей народоволке, и дочерях, никак не упомянув сыновей, один из которых являлся священником, а другой — сторонником Временного правительства[219]. Дабы подтвердить право на получение дополнительного пайка, а заодно и показать свою лояльность власти, Тихомиров в список своих научных трудов включил только те, которые не могли его скомпрометировать. Это «Россия политическая и социальная», изданная в Париже в 1888 г., пять больших программных статей, написанных им в годы участия в народовольческом движении, и двенадцать наиболее безобидных из тех, что вышли из-под его пера, когда он был монархистом, в основном по рабочему вопросу. Причем среди перечисленных работ он не упомянул брошюру «Почему я перестал быть революционером» и три своих основополагающих сочинения посленародовольческого периода — «Единоличная власть как принцип государственного строения», «Монархическая государственность» и сборник статей «К реформе обновленной России».

Перечисляя в опросном листе, согласно пунктам, места своей научной работы и характер деятельности, Тихомиров, помимо прочего, назвал: Библиографический отдел Главного управления по делам печати в 1905—1909 гг., библиографические и статистические работы по составлению и изданию «Книжной летописи»; членство в Совете Главного управления по делам печати. Отметил, что как литератор, сотрудничал в журналах «Слово», «Дело», «Отечественные записки», «Русское обозрение»;

---

[213] См.: *Краснов-Левитин А.* Лихие годы... Париж, 1977.

[214] Сторонники обновленчества, группирующиеся вокруг московского священника С.В. Калиновского, основавшего и редактировавшего православно-христианский, посвященный обновлению церкви на евангельских началах журнал «Живая Церковь».

[215] *Фудель С.И.* Собрание сочинений: В 3 тт. Т. 1. С. 85—90.

[216] *Борисов А.А.* А.М. Горький — организатор первого дома искусств // Горьковские чтения. М., 1968. С. 322—323.

[217] *Вада Харуки.* Лев Тихомиров: его духовный мир в последние годы жизни (1913 — 1923). С. 156.

[218] ГА РФ. Ф. 634. Оп. 1. Д. 3. Л. 1.

[219] Там же. Л. 1—2 об.

газетах «Новое время», «Санкт-Петербургские ведомости», «Московские ведомости», «Московский голос», «Россия», «Русское слово» и др. В списке научных трудов были указаны не только публикации в «Деле» («Общественность в природе», «С низовьев Дона»), но и несколько «крамольные» для 1922 года работы: «Борьба века», «Социальные миражи современности», «Альтруизм и христианская любовь», «Личность, общество и церковь», «Земля и фабрика», «О недостатках конституции», «Рабочий вопрос и практические способы его разрешения» и др.

Тихомировым были указаны и неизданные работы: «Религиозно-философские основы истории», «Тени прошлого» и «Основы государственной власти». Что касается последней работы (указан объем — около 900 страниц), то, возможно, Тихомиров рассчитывал переработать книгу «Монархическая государственность» в ином ключе, как не без основания полагает Вада Харуки, и «создать на ее основе более общее исследование о государственной власти, преимущественно единоличной. Более того, можно предположить, что именно Советское государство во главе с Лениным послужило новым весомым аргументом для пересмотра текста»[220]. Но это лишь гипотеза, никаких данных о такого рода корректировках «Монархической государственности» мы не имеем. Обозначил Тихомиров и научные доклады, указав, что делались они в Национальном клубе. В качестве таковых значились доклады «Заслуги и ошибки социализма», «Гражданин и пролетарий», «Что такое отечество» и др. Были обозначены и выступления в 1916—1918 гг. в аудитории «Религиозно-философской библиотеки». Под заполненной анкетой стоит дата — 1 мая 1922 года, а рядом зачеркнута другая дата — 28 апреля.

Для удовлетворения своего ходатайства в КУБУ Тихомиров заручился поддержкой и своих бывших соратников по «Народной воле», имевших тогда определенный вес у новой власти — Фигнер и Фроленко[221]. В конечном итоге при помощи старых товарищей, не оставивших нуждающегося Тихомирова (с учетом его когда-то безупречного революционного прошлого), анкету приняли к рассмотрению. В ответном письме секретаря Московского отделения комиссии от 4 (19) июля того же года Тихомирову сообщалось: «Глубокоуважаемый Лев Александрович! Душевно рад сообщить Вам приятную новость. Вы зарегистрированы в Комиссии по улучшению быта ученых и сверх того квалифицированы по 3-й категории, т.е. должны получить и будете получать в определенный срок по 37 ½ миллионов....»[222]. Итак, Тихомиров был зарегистрирован по 3-й категории — история литературы, языковедение, библиотековедение (всего было 5 категорий, из которых высшей считалась пятая). Требовалось обратиться в КУБУ, взять документы и 250000 на членский взнос. Тихомирову также выделялась определенная денежная сумма, и паек — 1 пуд, 12 фунтов муки, 16 фунтов гороха, 10 фунтов риса, 6 фунтов масла, 30 фунтов мяса, ¾ фунта чая, 4 фунта сахара, 3 фунта соли[223].

До сведения Тихомирова доводилось, что он может получить академическую продовольственную карточку, но чтобы ее получить, должен побеседовать с генеральным секретарем Московского КУБУ М.Н. Покровским. Известный историк, ученик В.О. Ключевского и П.Г. Виноградова, хотя и был пламенным большевиком, не стал акцентировать внимание на монархической стороне деятельности Тихомирова. Старый, сломленный жизнью человек, когда-то являвшийся идеологом могущественной революционной организации, бывший другом прославляемых и уже увековеченных в советское время Михайлова, Перовской, Желябова нуждался в помощи. К тому же за этого старика просили живые легенды революционного подполья — известная и популярная в новой России общественная деятельница Фигнер и старый народоволец Фроленко. В результате права Тихомирова на академические льготы были подтверждены.

Для лучшего понимания того, какие страсти кипели в КУБУ, и какая борьба шла за различные категории (а также для характеристики поведения представителей интеллигенции, распоряжавшихся всеми этими благами), приведем фрагмент из дневника историка Готье от 23 июля 1922 года: «Московская “Кубу” (Комиссия улучшения быта ученых) включила меня, наравне с моими коллегами

---

[220] *Вада Харуки.* Лев Тихомиров: его духовный мир в последние годы жизни (1913—1923). С. 156.

[221] *Костылев В.Н.* Лев Тихомиров на службе царизма... С. 375.

[222] ГА РФ. Ф. 634. Оп. 1. Д. 3. Л. 1.

[223] Там же. Л. 4 об.

(Любавским[224], Кизеветтером, Богословским[225], Яковлевым[226]) в 4-ю категорию, которая определяется как "выдающийся". Но потом все квалификации пошли на новое рассмотрение Центральной Кубу, где главенствует Покровский, члены — Волгин[227], Гливенко[228] и другие... а защитники наших интересов — Павлов по естественным и Богословский по гуманитарным. И там, по настоянию Покровского, поддержанного Волгиным, Гливенко, из историков — Егорова, Яковлева и меня ниспровергли в 3-ю, а Богословский и Любавский — повышены в 5-ю. Я не имею ничего против повышения их... Но это интересно по той общей картине, которая открывается из отрывочных разговоров о том, что делается в Цекубу. Оказывается, что надо было очистить места для своих, для большевиков...»[229].

По сути, обращение Тихомирова в КУБУ в какой-то мере означало и его идеологическую капитуляцию перед Советским режимом. Тем не менее это обстоятельство принесло определенное успокоение в жизнь его семьи. Больше не нужно было заботиться о хлебе насущном, академический паек гарантировал хотя и незатейливый, но необходимый в тяжелое время для выживания минимум продуктов. Теперь Лев Александрович, и без того погруженный мыслями в прошлое, мог полностью сосредоточиться на написании воспоминаний, над которыми и работал до конца жизни.

Осенью 1923 г. Тихомиров почувствовал ухудшение здоровья. Понимая, что приближается его смертный час, он незадолго до смерти передал свои рукописи в Румянцевский музей. Они составили 61-у, в дополнение к 27, переданным ранее. Историк Бурин упоминает, что «существует легенда, согласно которой его вдова Екатерина и дочери Надежда и Вера долгое время сохраняли огромный сундук с его рукописями, не попавшими в государственные архивы... Но судьба этого таинственного сундука, если, конечно, он вообще существовал, — увы! — неизвестна»[230]. По непроверенным сведениям после Гражданской войны в доме Тихомировых был пожар. Так или иначе, но Лев Александрович поступил мудро, доверив новой власти хранение своих дневников, писем и воспоминаний и историки XXI века должны поблагодарить за это и его самого, и тех архивистов, что помогли в трудные времена сохранить наследие бывшего народовольца, ставшего монархистом, и, возможно, пришедшего к концу жизни к осознанию суетности страстей человеческих перед величием религиозно-философских основ мировой истории.

Лев Тихомиров скончался в Сергиевом Посаде 16 октября 1923 года. Его могила не сохранилась, какие-либо организованные поиски места захоронения не велись. Различной была судьба его близких. Вера и Надежда Тихомировы продолжали после смерти отца проживать в Сергиевом Посаде. Там же жила и Екатерина Дмитриевна. Их дальнейшая судьба — еще одна тема для исторических розысканий. Нет точной информации и о смерти матери Тихомирова — Христины Николаевны (в 1917 г., судя по дневниковым записям Тихомирова, она была еще жива). Младший сын Тихомировых — Николай был репрессирован в 1920-е гг. (по одной версии — расстрелян, по другой — погиб от болезни).

Точно известна только судьба Александра Львовича Тихомирова (о. Тихона)[231]. По отзывам знавших его людей он «уже в годы московской жизни нес... особый молитвенный подвиг: спал совсем мало и только сидя, многие часы молился коленопреклоненно»[232]. В 1920 г. он был хиротонисан во епископа Череповецкого Новгородской епархии. В Череповце он твердо поддерживал патриарха Тихона и

---

[224] *Любавский Матвей Константинович* (1860—1936) — из семьи сельского дьячка. Историк, в 1911 — 1917 ректор Московского университета.

[225] *Богословский Михаил Михайлович* (1867—1929) — из дворян; историк, ученик В.О. Ключевского.

[226] *Яковлев Алексей Иванович* (1878—1951) — из интеллигенции; историк, ученик В.О. Ключевского.

[227] *Волгин Вячеслав Петрович* (1879—1962) — из семьи профессиональных революционеров, с 1890-х годов принимал участие в революционном движении, подвергался арестам и ссылкам. Историк, профессор (1919), академик АН СССР (1930).

[228] *Гливенко Иван Иванович* (1868—1931) — историк литературы, переводчик.

[229] *Готье Ю.В.* Мои заметки. С. 524—525.

[230] *Бурин С.Н.* Эффект Тихомирова // *Тихомиров Л.А.* Воспоминания. М., 2003. С. 14.

[231] См.: *Трофимов А.А.* Епископ Тихон (Тихомиров) // Новая книга России. 2001. № 4; Епископ Тихон (Тихомиров). составитель акафиста святым Косме и Дамиану Асийским // Святые бессребреники и чудотворцы Косма и Дамиан. Жития и акафист / Подготовка текста: *Кремнев Г.Б.* М., 2003. С. 22—25.

[232] Там же. С. 23.

«после службы верующие часами ожидали владыку, чтобы побеседовать с ним»[233]. В 1924 его назначили епископом Кирилловским, викарием Новгородской епархии, однако «по указанию властей священство епархии собралось на съезд, объявивший о присоединении к обновленчеству и удаливший с кафедры владыку Тихона, как поминающего патриарха»[234]. После этого он жил в Нило-Сорской пустыни, но в 1924 г. монастырь был закрыт и с 1924 по 1927 гг. о. Тихон жил в местечке Сорово при храме в честь святых бессребреников и чудотворцев Космы и Дамиана Асийских, где исправил и дополнил акафист этим святым. «В период с 1920 по 1932 г. владыка Тихон написал и исправил 11 акафистов»[235].

Иеромонах Тихон (А. Л. Тихомиров)

Провел три года (1927—1930) в лагерях, работая на лесозаготовках и «в любую погоду таскал бревна по пояс в воде»[236]. Вышел из лагеря на свободу инвалидом и был уволен на покой по состоянию здоровья[237]. Некоторое время жил у родных (сестер и матери) в Сергиевом Посаде (Загорске), потом уехал в Ярославль. С.И. Фудель вспоминал, что Александр Тихомиров прожил в Ярославле «последние 15 лет в затворе, в бедности, в крошечной комнате. Он выходил из дома только раз в несколько лет: на выборы в советские органы. Во время войны однажды я долго ждал на кухне окончания его одинокой молитвы, чтобы повидаться. Он нес подвиг молитвы совершенно один. Когда он умирал, он сказал: "Я пойду домой". Я вспоминаю, что над столиком, за которым он меня угощал чаем, висели фотографии всех его близких и родных и родного дома в Загорске. По распоряжению патриарха отпевание его совершал местный архиерей, сказавший громадной толпе собравшихся: "Вот мы жили с вами в этом городе и не знали, какой светильник хранится в нем под спудом"»[238]. Он скончался 26 марта 1955 года и был похоронен на кладбище на Туговой горе[239] в Ярославле.

233 *Трофимов АА.* Указ. изд.
234 Там же.
235 Там же. С. 24.
236 Там же.
237 См. о нем: также: *Фудель С.И.* Собрание сочинений: В 3 тт. Т. 1. С. 61, 117, 535, 551, 552.
238 Там же. С. 117—118.
239 В издании «Епископ Тихон (Тихомиров)...» фигурирует как Ту*т*ова гора // Епископ Тихон (Тихомиров), составитель акафиста святым Косме и Дамиану Асийским. С. 24.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

«Молиться надо не только за царские "грехи, за темные деянья", но и за всех погибших в поисках правды для земли Русской. Молиться надо и за нас, сугубо грешных, бессильных, безвольных и безнадежных путаников. Не оправданием, а лишь смягчением нашей вины может быть то обстоятельство, что мы запутались в паутине, сотканной из трагических противоречий нашего века».

Шульгин В.В.[1]

Политическое поражение Тихомирова, выразившееся в идеологической капитуляции перед большевистской властью, было трагедией всей его жизни, значительная часть которой была связана с верой в незыблемость самодержавия. Но важно понять, что Тихомиров, как никто другой, с особой остротой предчувствовал приближение рокового конца российской монархии. Он ощущал неизбежность краха той системы, где, как он сам неоднократно писал в дневниках «правительство так мерзко... что ничего хуже не может быть»; «церковь разлагается»; бюрократия «съела царя» и т.д. Он пытался помешать этому краху, но ни его многостраничные труды, ни доклады, ни даже чиновничья и редакторская служба не могли ничего изменить.

Тихомиров являлся одним из немногих правых мыслителей России, верно усматривавших опасность «учреждений 1906 г.» в том, что при их компромиссности слишком большую роль начинала играть личность председателя комитета министров. И если Столыпин, и в определенной степени Коковцов, соответствовали возложенной на них миссии, то их последователи подорвали авторитет монархической власти. Правильнее было бы полагать, что Тихомиров разочаровался в том *бюрократическом строе*, который он наблюдал изнутри в царствование Николая II. Дискуссионным остается вопрос — считал ли он крах монархии Николая II полным концом монархической России. Ведь перед его глазами стоял пример царствования Александра III, начавшегося с цареубийства 1 марта и ставшего символом возврата к консервативным основам. Идеализируя деяния Александра III, он все же надеялся на то, что Россия сможет выйти на предназначенную ей свыше историческую дорогу, которую он связывал не просто с государственной властью, а именно с властью самодержавного монарха, как наиболее соответствующей, по его мнению, интересам православного русского народа.

Гибель императорской России, как полагал Тихомиров, была следствием не только революционных ударов, но в большей мере результатом внутреннего «разрыва» государственной «ткани». Небольшая часть консервативных мыслителей, к которым принадлежал и Лев Александрович, понимала, что этот «разрыв», хотя и связан с социально-экономическими изменениями, включает в себя также трудноразрешимые и на первый взгляд незаметные проблемы нравственно-психологического плана. Прежде чем власть лишилась физической опоры, она должна была потерять духовный и нравственный авторитет. Власть становилась чем-то чуждым народу, враждебным для него. Ощущавшие это консерваторы стремились одухотворить власть, сетуя на то, что «государства начинают отвергать для себя обязанность руководиться в своей деятельности принципами христианства»[2]. В своих по-

[1] *Шульгин В.В.* Последний очевидец: Мемуары. Очерки. Сны / Составление, вступительная статья и послесловие *Н.Н. Лисового*. М., 2002. С. 31.

[2] *Тихомиров Л.А.* Религиозно-философские основы истории. С. 276.

строениях они постоянно возвращались к вопросу: какой быть России? Допуская при этом самые разнообразные прогнозы, они сходились на необходимости наличия надюридического религиозно-нравственного идеала, который находился бы «над властью» и которому эта власть следовала бы. Как мыслитель Тихомиров сделал для «вооружения» власти новыми идеями все, что мог, и не его вина, что эти труды оказались в *тот период* тщетными.

Представляется спорным утверждение некоторых историков, считающих, что, разочаровавшись в монархии, Тихомиров качнулся в сторону принятия двух революций 1917 года. Харуки Вада мотивирует это тем, что в основе взглядов Тихомирова лежало убеждение, что только сильная власть могла бы спасти Россию. И эту власть он, по мнению японского историка, увидел в силах, пришедших на смену монархии. Разумеется, Тихомиров был сторонником твердой власти, но сложно представить его перешедшим на позиции своеобразного «национал-большевизма». В первую очередь это было бы невозможно из-за того огромного влияния, которое оказывало на него православие. Как государственник он бы мог принять новую «красную» империю, но как верующий он отвергал атеизм, борьбу с Православной церковью, репрессии против священников и т.д.

В феврале 1917 г. множество монархических газет, союзов и партий оказались бессильны перед антимонархическими лозунгами, которым поверил народ. Монарх пал жертвой всеобщего равнодушия. Идеи сильной власти, мощной империи, строгой иерархии и подчинения и т.п. столпы самодержавия оказались подточенными. При этом массы не устраивала уже и «либеральная середина», в чем идеологи отечественного либерализма вскоре убедились на собственном опыте. В итоге после многолетних потрясений левые радикалы, пришедшие к власти опять, как и предрекал Леонтьев, вернулись к идеям государственности и стали воссоздавать империю. Впоследствии им пришлось искать опору в религиозных и национальных корнях, но консерваторы были преданы забвению.

В наше время мы имеем уникальную возможность взглянуть на концепции Тихомирова не как на «архаику», которая относится только к прошлому, а как на ценные исторические прогнозы, которые нужно учитывать, чтобы не повторить прежних ошибок. Анализируя его концепции, необходимо, с одной стороны, избегать применяемых в течение десятилетий «ярлыков» о «реакционности традиционализма», а, с другой стороны, воздержаться от идеализации дореволюционной России, твердо помня, что в последние десятилетия перед крушением власть и народ жили, по сути, отдельной жизнью.

Современная наука должна внести свои коррективы в оценку консервативных проектов. Нельзя «узурпировать» патриотизм, объявив его «белым» или «красным». Только внимательное и, по возможности, беспристрастное изучение всех «цветов» отечественной истории поможет избежать «хождения по кругу». Необходим синтез того лучшего, что было в консервативной, либеральной и социалистической составляющих. Этот синтез должен базироваться на основе защиты российской государственности, на современном этапе, от тех «недугов», которые в прошлом подточили государственность как самодержавной, так и советской России.

Идеологическая монополия всегда приводит к определенной зашоренности. Стремление к социальному согласию предполагает необходимость объединения на основе общих принципов. В начале XX века консерваторы, либералы и социалисты выступали как политические оппоненты. Каждая из групп хотела тождества своей идеологической программы. Противоречия буквально «разъедали» изнутри государственную «ткань» самодержавной Российской империи. При этом в процессе дальнейшего хода истории России выяснилось, что государственниками и патриотами могут в равной мере выступать и традиционалисты, и либералы, и социалисты. В связи с этим монархисты находили позитивные стороны в советской системе, а либералы начинали прислушиваться к доводам консерваторов. Подобные изменения показали, что идеология не может не развиваться, поскольку «застывшие» концепции отрицают сам ход истории. В то же время существуют и традиционные ценности, разрушение которых грозит гибелью всему государственному зданию. Попытка синтеза традиции и модернизации, предпринятая видными представителями отечественной консервативной мысли, заслуживает самого внимательного анализа.

Идеологические конструкции русских консерваторов изучены еще далеко недостаточно. Необходимо не только научное изучение их работ, но и анализ их опыта применительно к конкретной ситуации, когда Россия переживает не менее болезненную модернизацию, чем это было столетие назад. В противном случае все «выстраданные» консерваторами выводы останутся «мертвым грузом» для будущих поколений. Маятник российской истории опять будет качаться между двумя крайностями — революцией и реакцией, а синтез накопленного исторического опыта и основанной на этом опыте модернизации так и останется утопией.

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

КИТАЙ, РОССИЯ И ЕВРОПА[1]

I

Китайские волнения застали врасплох не только дипломатию и политику, но и русское общественное самосознание. У нас вообще мало думали о Китае. Конечно, мы имеем ученых синологов, имеем отважных путешественников; все они многое сделали для нашего знакомства с Китаем. Но собственно по определению внутреннего смысла Китая как исторического фактора, по определению его отношения к исторической миссии России, — у нас думалось очень мало. Мы имеем ряд крупных мыслителей, разбиравших вопросы об отношениях Европы и России, России и славянства, России и *Ближнего* (православного) Востока и т.д. Но собственно о мировом смысле наших отношений к *Дальнему* Востоку русское самосознание думало очень мало. Покойный Владимир Соловьев — чуть не единственный человек, указывавший на огромное и притом крайне опасное для нас значение Китая в будущем, но и Владимир Соловьев поделился с публикой лишь незначительной долей своих долгих размышлений об этом предмете.

Россия мало думала о Дальнем Востоке, и это понятно: у нас было слишком мало живых отношений, которые вызывали бы мысль на оценку, сравнение, предусмотрение будущего. Китай оставался замкнутым, мало касался нас, мало и мы касались его. Не возбуждалась и работа мысли об отношениях России и Китая как сил духовных, исторических, вообще деятельных мировых сил.

Нынешнее движение китайцев, неожиданное при таком беспечном и бездейственном состоянии нашей мысли, не могло не встряхнуть ее. Китай сам резко противопоставил себя и России, и Европе. Россия и Европа, неожиданно для себя, оказались союзниками против нападения, направленного совместно против них. Союзником своим и врагом Китая мы увидели и Японию, которая не менее Китая представляла для нас национальную идею Дальнего монгольского Востока. Это внезапное сопоставление мировых сил, явившееся в самых неожиданных комбинациях, не может не заставить задуматься над внутренним смыслом событий. Что такое Китай? Что он несет с собой в мир? Как привносимое им относится к России и Европе? С кем мы союзники не по случайным политическим условиям, а по существу России, Китая и Европы? С кем из них и в какой степени совпадает наше собственное содержание, а стало быть и наша мировая роль, а стало быть и наша *постоянная* политика?.. Китайские волнения, можно сказать, насильно заставляют нас определиться в этих вопросах.

По несчастью, почти по иронии судьбы, этот вопрос поставлен русскому самосознанию в такую эпоху, когда у нас замечается особое оскудение в умах чутких, сильных и даже просто искренних, для которых правда выше личных расчетов и прикладных соображений. То, что за три месяца наша публика наслушалась от публицистики, в большинстве случаев только затуманивает перед общественным сознанием даже и самые ясные стороны вопроса. А между тем он и без такого запутывания очень сложен и представляет многое, способное вызывать разноречивую оценку и выводы даже у людей, честно думающих над смыслом китайского вопроса. Тем не менее, при каких бы неблагоприятных условиях ни приходилось это делать, России теперь необходимо поскорее разобраться в своих отношениях к Китаю и Европе, чтобы на будущее время не действовать в потемках, среди постоянных «неожиданностей», под давлением недоумений, не позволяющих иметь ясный план действий.

II

Основное обстоятельство, приводящее ныне русского человека в недоумение при мысли о нашем и европейском столкновении с Китаем, — состоит, как кажется, в следующем. Китайцы, их защитники и прислужники их защитников говорят: «Народ Китая жил по своему вкусу, у себя дома, никого не трогал, ни у кого ничего не просил. Европейцы сами стали лезть к китайцам, навязывать им свою культуру, свою веру, свою торговлю, стали захватывать влияние в Китае, покусились, наконец, даже на его территорию... Как же китайцам не протестовать, не бунтовать? Пусть этот бунт, в частностях, дик, жесток, пусть *в частностях* виноваты китайцы, но они правы *по существу*, мы же и европейцы виноваты по существу, а правы только в частностях». Вот рассуждение, которое приводит теперь русское самосознание к смущению, к вопросу: не участвуем ли мы в *неправом* деле, и если даже оно есть правое дело, пока мы только выручаем русских и европейцев, угрожаемых варварским избиением, — то не совершаем ли мы греха и несправедливости, если останемся в союзе с Европой и *после того* и примем участие в требованиях от Китая, чтоб он отказался от того, из-за чего стал избивать европейцев и христиан?

---

[1] Текст статьи печатается полностью по публикации 1900 года в газете «Московские ведомости» (№№ 241, 242, 244, 245, 246, 247, 248, 249). Все выделения сделаны Тихомировым.

Эта чисто *нравственная* постановка политического вопроса, ловко эксплуатируемая нашими китаефилами, очень характеристична для русского самосознания, и в основе, конечно, делает ему большую честь. Но в том же чересчур простом прикидывании нравственной мерки к очень сложному историческому явлению проявляется, несомненно, очень недостаточная *умственная* работа, что опять не менее для нас характеристично.

Дело в том, что в сложном общественном или, тем паче, историческом явлении, прежде прикидывания нравственного мерила нужно хорошо определить *в каком именно месте* это нужно сделать. Иначе — наша нравственная мерка ничего не измерит и ничуть не покажет кто прав и кто виноват. Вот этого-то предварительного анализа наша общественная мысль, видимо, не умеет сделать, а публицистика не умеет ей в этом помочь.

Китай, говорят, живет *у себя* и хочет жить *по-своему*, а европейцы к нему лезут непрошеные и заставляют его жить не так как он хочет. Значит, заключают отсюда, европейцы *не правы*...

Так ли? Посмотрим, однако, что выйдет, если мы, осудив европейцев, решим тем самым, что мир должен жить согласно китайскому требованию.

Возвратимся за 3000—4000 лет до нашего времени и спросим: что бы было, если б европейцы тогда усвоили китайское правило «не лезть» в «чужие страны», «никому ничего не навязывать» и поставить себе и другим принципом существования, что «моя хата с краю, я ничего не знаю...».

Никакой Европы тогда не было бы. Все племена, живя порознь, без общения, остались бы доселе дикарями. Наша высшая государственность, идущая от Рима, не могла бы и возникнуть. Христианство точно также было бы невозможно... Что же — все это было бы очень хорошо?

Мало того: сам Китай — соблюдал ли он свое правило, пока жил и развивался? Нет. Он, пока был полон жизненной силы, действовал не по нынешним своим правилам, а по осуждаемым им европейским. Китайцы говорят, что они *у себя*... Но они не созданы на китайской почве, а *завоевали* ее, они покорили аборигенов, они когда-то представляли ряд борющихся государств, из которых ни одно не соблюдало *нынешних* китайских правил: сидеть дома, никуда не лезть, никому ничего не навязывать. Китай только потому теперь и существует, что его предки действовали не по его правилам.

Все должны, говорят, сидеть у себя дома, и каждый живи как хочет, а в чужие дела не мешайся... Я бы желал знать, где мы, русские, должны были бы жить, усвоив это правило? Где наш дом, где мы у себя? Наши предания гласят что-то о Дунае, откуда мы, говорят, вышли... Но этот наш старый дом давно занят другими жильцами, которые вполне уверены, что они там «у себя», и нас туда не пустят. Вся же остальная Россия — от Днепра до океанов — *чужая*... И если бы мы, при дедах Кия, Щека и Хорива, не стали «лезть» к другим, не «мешались» в чужие дела, не «навязывали» финским, татарским и иным племенам своего образа жизни, веры, языка, культуры, — то и России не было бы, и русских не было бы, а была бы только первобытная мешанина дикарей, которые, как известно, тоже никогда не соблюдают правила «не лезть к другим», а напротив, грабят и режут друг друга насколько хватит силы.

III[2]

В человеческой истории были случаи национальной изолированности. Древний Египет некоторое время не допускал к себе чужеземцев. По рассказам скандинавов так называемая Белая Ирландия Северной Америки установила законом, чтобы все прибывавшие иностранцы, даже заброшенные бурей, подвергались смертной казни. Сам Китай и Япония — замыкались почти до той же степени в некоторый период своей истории... Но все эти случаи — не идеал для нас, не залог прогресса, и не приемлемы в качестве принципа. Ни в законах социологии, ни в наших понятиях о *правах* человека и народа мы не находим места такому принципу.

Факты всемирной истории, точно так же, как учение нашей веры, а равно указания нашего разума, — говорят нам совершенно иное: именно, что *земля есть общее достояние всего человечества*, и это достояние, меняющее владельцев, находится у отдельных народов и государств лишь во *временном пользовании*, не с абсолютными правами на занятую территорию, а с относительными.

То обстоятельство, что Россия, Китай, Франция и т.д. являются владельцами нынешней своей земли, хозяевами ее, и находятся на ней *у себя*, дома, нисколько не уничтожает их обязанности уважать права других народов *на общение* с их территориями и народами их населяющими. Китай, Россия, Франция и всякая другая страна, как хозяева данной территории, могут ставить иностранцам те или иные *условия* взаимообщения со своими гражданами, известные условия пребывания между ними. Это совершенно справедливо, ибо на каждом народе лежит обязанность поддерживать у себя, дома, жизнь *в порядке*, устраивать так, чтобы всем живущим было хорошо, не было притеснений и т.д. Каждое национальное правительство имеет и право, и обязанность *ограждать* своих подданных от тяжких вторжений иностранцев, от их эксплуатации, от преобладания, особенно если иностранцы сильнее и умнее туземцев: в этом случае законно и обязательно даже *ограничение* прав

[2] См. *Моск[овские] Вед[омости]* № 241. В этой статье я отметил полное ничтожество публицистики по китайскому вопросу. Однако это было писано до появления прекрасной статьи князя С. Трубецкого в № 238 *С.-Петербургских Ведомостей*. С этим голосом честного русского патриота и мыслителя читатели *Московских Ведомостей*, надеюсь, будут ознакомлены (*прим. Л.А. Тихомирова*).

иностранцев, в целях уравнения силы местных граждан с силами чужеземцев. Короче говоря, каждый народ *у себя*, без сомнения, хозяин, но у чужих тоже есть права, которых никакой хозяин не может уничтожить. Каждый народ может у себя устраиваться и жить как ему угодно, по своим вкусам и особенностям, но это право не абсолютное, а *относительное*. Есть вкусы и особенности, которых человечество не допускает, и иностранные державы имеют полное *право* всякими средствами, от пропаганды до силы, уничтожать такие вкусы и особенности, какие, например, были в Дагомее, с ее праздниками, где король катался в лодке на пруду, наполненном кровью тысяч перерезанных жертв. Чужеземные государства имели бы полное право смирить Белую Ирландию и принудить ее отменить закон о казни иностранцев. Человеческое право выше национального, и национальное право законно только в тех пределах, в которых оно не противоречит праву человеческому.

IV

Итак, чересчур поверхностно и непродуманно рассуждение тех, кто решает: «Китайцы сидят у себя дома, стало быть, они правы. Европейцы лезут к ним непрошенные, — стало быть, они виноваты». Нет, это вывод ложный. Нужно еще разузнать *с чем* китайцы «сидят дома» и *с чем* европейцы лезут? Нравственная оценка возможна только по определении этих вопросов. Если китайцы «сидят у себя дома» с чем-нибудь хорошим, а европейцы «лезут» к ним с чем-нибудь плохим, то китайцы правы, а европейцы виноваты. А если наоборот, то виноваты китайцы, европейцы же правы, хотя бы «лезли непрошенные».

Китайцы, говорят нам, этого не хотят. Но европейцы хотят. Почему же европейцы обязаны сообразовываться с китайскими желаниями, а не китайцы с европейскими? Очевидно, это может решить только мерка высшая, нежели чье-нибудь простое хотенье, и такой меркой является *право общечеловеческое*.

Весьма возможно, по нынешним временам, что у многих при этом вырвется возражение: «Какое это общечеловеческое право? Его нет, это одна фикция и пустая фраза»... Это возражение так и чувствуется в подкладке рассуждений наших китаефилов. Но непонимание реальности общечеловеческого права показывает только то, что люди эти — одинаково чужды и христианства, и европейской культуры, подходя по умственно-нравственному складу именно к китайцам.

Что общечеловеческое право *существует*, это знают по горькому опыту все народы, пытающиеся его отрицать, ибо на защиту его, с течением времени, выступает вся *сила* человечества и заставляет неразумный народ *подчиниться* невольно тому, чего он не умел добровольно понять умом и почувствовать совестью. Узнают это, без сомнения, и китайцы.

Мы, конечно, по несовершенству своего разума, по слабости логики, по влечению наших пристрастий, можем нередко путаться в правильной формулировке общечеловеческого права, можем что-либо ошибочно относить к нему или исключать из него. Но как христиане и люди культуры, мы не можем отрицать его, не можем не искать его, не можем не видеть в нем высшей проверочной мерки всякого национального и частного права.

Существование общечеловеческого права определяется для христианина тем, что есть Бог, общий Создатель и единый Господин всего сущего, всех народов и людей. То, что по закону Божиему обязательно для человека, делает его *правом* все необходимое для исполнения Воли Божией. Никакие люди и народы со своими низшими законами не могут отнять у человека, как *высшего права*, — того, что указано Божьей Волей.

Для человека культурного, независимо от его вероисповедания, существование общечеловеческого права определяется теми условиями, которые необходимы для общечеловеческого существования, и если закон отдельного народа расходится с требованиями этих условий общечеловеческого существования, процветания и развития, — требование этих последних, для человека культурного, *выше*, нежели закон национальный. Христианство и культура здесь сходятся между собою, как ни грешит в последнее время европейская (а с ней и наша) культура против христианства в установке целей «процветания».

Сходятся христианство и культура и в том, что *государственность* культурой признана высшей формой человеческого общежития, а христианство указало в той же государственности *дар Божий* человечеству. Между тем именно путем *государственного права* уже со времен Рима мы признаем принципиально и пытаемся формулировать практически право *общечеловеческое*.

Это-то общечеловеческое право, как более *нравственно* обязательное для нас, только и может быть судьей в современном столкновении Европы и Китая.

V

Но, при такой постановке вопроса, китайско-европейское столкновение с нравственной стороны должно быть решено совершенно противоположно тому рассуждению, которое сбивает с толку наше общественное сознание. Несомненно, что именно *по существу* дела правы европейцы, а не китайцы, если же европейцы виноваты, то только *в частностях*, а китайцы по существу виноваты и правы только в некоторых частностях.

В самом деле, с чем идут европейцы в Китай? Они искали сбыта для продуктов своего труда, искали в Китае продуктов, нужных для европейских стран. Что тут преступного или предосудительного, требующего

воспрещения? Это желания законные с точки зрения права общечеловеческого. Китайцы, говорят, *не хотят* торговать с европейцами. Но даже и это неправда. Если бы китайцы не покупали привозимых товаров, не продавали своих шелков, чаю и т.д., то торговля стала бы сама собой невозможной. Но в Китае множество народа *хочет* покупать и продавать и даже не может обойтись без этого, ибо, например, пищевых продуктов там недостаточно. Не хотят допускать торговли, собственно, заправители китайской политики.

Но, с точки зрения общечеловеческой справедливости, они имеют право лишь охранять местную производительность и сообразно с этим устанавливать тарифы или даже налагать запрещения. Возвести же *в принцип* уничтожение всякого обмена с чужими странами они могут только в виде акта чистого национального каприза и произвола. Такие капризы никто нисколько не обязан уважать.

Полное изгнание чужеземцев, возведенное в принцип, — это есть отрицание самой идеи права и справедливости в отношении их. Ну, а если Китай не признает никаких правовых норм в отношении иноземцев, то тогда нечего жаловаться, когда иноземные страны отвечают тем же, и если тогда, за отсутствием идеи права, является вопрос простой *силы*. Так оно и вышло. Европейские державы, которые не могут возбранять своим подданным поездок в чужие страны, не могут и допускать беспричинных обид своим подданным, не совершающим ничего предосудительного, в конце концов, после ряда столкновений, силой заставили китайское правительство допустить торговые сношения. Кто *прав*, кто *виноват* в этом столкновении прошлого? С нравственной стороны тут даже и измерять нечего. Можно только сказать, что китайцы были неумны в своей упорной замкнутости и не понимали собственной пользы. Европейцы же в *принципе* пришли не для какого-нибудь грабежа или эксплуатации, а для добросовестного обмена продуктами, то есть занятия по нашим нравственным понятиям совершенно законного.

Правда, *на практике* это вышло не совсем так. Англичане, например, силою заставили допустить в Китай ввоз опиума, вопреки совершенно правильному желанию китайского правительства охранить свой народ от гибельной опиефагии. В таких отдельных частностях и можно, и должно обвинять европейцев. Вообще же, в сложности, они не требовали ничего предосудительного.

Далее, благодаря совершенно плохому политическому строю Китая, благодаря страшной отсталости народа, европейцы мало-помалу приобрели в нем кое-где господствующее положение, которое позволило им третировать китайцев свысока и эксплуатировать их. В этом опять их нельзя оправдывать, и китайцы имеют полное право негодовать на эти поступки и стараться выйти из положения для них неприятного. Но они обязаны были делать это средствами разумными и допускаемыми нравственно. Китай — громадная сила, 400 миллионов человек, объединенных в одно государство. При малейшей разумности его поведения, его невозможно обидеть и притеснить. Но, вместо того, чтобы ввести у себя разумные законы и порядки, при которых права и личность его граждан были бы обеспечены и внутри и со стороны иноземцев, Китай умел только совершенно по-варварски избивать иноземцев. Это и нелепо, потому что не вело к цели, и безнравственно, потому что на простое мошенничество или надменность отдельных лиц нельзя же отвечать муками и избиениями поголовно всех иноземцев, не за то, что они кому-нибудь вредили, а за то, что они иностранцы! Способ действий совершенно зверский, совершенно не приличествующий человеку, как существу разумному. Даже горячо негодуя на тех европейцев, которые поступали в Китае дурно, невозможно ни с какой стороны оправдать китайцев за их способ протеста.

VI

Еще изумительнее второе «обвинение» против европейцев: они распространяют в Китае христианство и просвещение!

По поводу этого особенно негодуют «кулачники», и по этому же поводу особенно усердно обличала европейцев печать православной России.

Тяжело и стыдно за русское имя при одном воспоминании этих статей. Миссионеров всячески ругали, называли «вампирами и скорпионами», за неимением ничего поумнее, — выражали соболезнование китайским языческим женихам, за которых отказывались выходить христианские невесты...

Прямо сказать — смех и горе! Рядом с этим особенно хвалили и ставили Европе в пример Россию за то, что она в течение 200 лет совершенно ничего не делала для распространения в Китае Христовой веры!

Не стану гадать, какая награда нам будет перед судом Божиим за такое усердие в вере христианской. Будем надеяться, что некоторым искуплением для России послужит немногое, все-таки сделанное нами для христианства в Японии. Но, оставляя в стороне печальный вопрос о *нас*, — русских, нельзя не протестовать против клеветнической ругани в отношении инославных миссионеров.

Прежде всего, берем вопрос в принципе — кого они должны были слушаться: русских газетных болтунов, китайских мандаринов или же Спасителя, сказавшего: «Шедше, научите все языци»? Миссионеры, сначала римско-католические, потом и протестантские, исполнили Слово Учителя, и — хвала им за это! Они, по Божественной и общечеловеческой мерке, были в *своем праве*. Китай и державы всего мира, если бы даже имели силу воспретить им это, не имели бы на это *права*. Может быть, миссионеры не всегда действовали удачно,

но во всяком случае ничего общего ни с какими «вампирами и скорпионами» они не имели, и китайцам даже с материальной стороны приносили только пользу. Если, может быть, купцы европейские умудрились эксплуатировать даже китайцев (величайших пройдох и кулаков по торговой части), то уж миссионеры только обогащали китайцев деньгами, собираемыми в Европе. Точно также миссионеры заслуживают лишь благодарности китайцев и по своему влиянию на них.

Деятельность миссионеров повсюду одинакова и достаточно хорошо известна. Понятно, что они не одинаковы по нравственной высоте: есть между ними люди высокой жизни и святого самоотвержения, есть и средние люди, есть, без сомнения, и плохие. Но во всяком случае несомненно, что католические миссионеры — в общем — люди искренно верующие и очень способные зажигать веру в душах. А это очень нелегко с таким духовно-тупым, загрубелым народом, как китайцы. Католические миссионеры, правда, не прочь от компромиссов с безвредными, как им кажется, суевериями, не прочь, для удобства, связать Христову веру с привычными преданиями и обычаями язычников. Но они ведут все-таки к вере, ко Христу, они проповедуют Христа, и их китайские ученики уже прославили себя и своих наставников актами истинного самоотверженного мученичества за Христа[3]. Много ли таких высоких личностей между 700000 или 1000000 китайских католиков? Не знаю, но спрошу, много ли таких стало нынче между *нами*, среди которых уже возможно печатно хвалиться своим равнодушием к распространению веры?... У нас боятся и слово сказать за Христа, а там все же находятся и такие, которые идут за Него на муки.

Протестантская миссия в чисто религиозном отношении везде на свете слабее католической. Она распространяет не столько *веру*, сколько *просвещение*. Миссионеры строят школы, больницы, приюты, организуют помощь нуждающимся и т.д. Но в этом что же плохого? Кто вправе это воспретить? Все миссионеры, сверх того, с давних пор спасают множество брошенных детей и воспитывают их в христианстве[4]. Если не обманывает память, в последнем отчете католической миссии значится более 100000 таких детей, спасенных от смерти, на которую они были брошены родителями с характеризующим китайцев холодным бесчеловечием. Вот каковы преступления миссионеров...

В чем же они еще грешны? При тяготеющем на всех китайцах хищничестве и продажности китайской администрации, при необеспеченности суда и правды, миссионеры, сверх того, много помогают единоверцам заступничеством и хлопотами перед властями. Китайские «Большие Кулаки» ставят им это в преступление, как «вмешательство во внутренние дела страны», и наши заступники «кулачников» повторяют обвинение. Говорят, что миссионеры прибегают к защите консулов и тем подчиняют китайцев власти иноземцев... Но, во-первых, миссионеры вели проповедь и тогда, когда некому было их защищать, да и теперь еще кое-где ведут ее по таким трущобам, где не сыскать защиты ни у кого, кроме Господа Бога; во-вторых, все же: где «вампиры и скорпионы»? Где что-либо предосудительное, нравственно незаконное во всех указанных действиях?

Может быть, очень горячий христианин скажет, что в приемах проповедников слишком мало *духовного* воздействия, слишком много мирских средств, удобств и приманок. Но если с чисто религиозной стороны мы найдем эту проповедь даже не очень-то высокой, то с точки зрения житейской, гражданской и нравственной — что, кроме похвалы, можно воздать миссионерам за их спасение гибнущих детей, за их школы, больницы, приюты, за их помощь населению материальную и заступничество перед властями за обиженных? Миссионеры действуют, по малой мере, как порядочные люди и филантропы, и если даже они вырабатывают не очень высоких христиан, то, благодаря им, в Китае есть хоть один миллион христиан. Они делают это как умеют, насколько хватает нравственных сил, и — их ли смеют упрекать те, кто сами ничего не делают и даже хвалятся своим равнодушием к обязанностям христианина!

VII

До сих пор, задаваясь вопросом, с кем мы можем быть нравственно солидарны в китайско-европейском столкновении, мы не можем найти *принципиальной* неправоты, которая со стороны европейцев сколько-нибудь могла бы склонить на сторону язычников-монголов, избивающих поголовно иностранцев и христиан.

Не упоминаю о том, что китайцы *против нас* поднялись даже гораздо более, нежели против прочих народов. Наше посольство они старались истребить наравне с прочими; наши храмы также сожгли безо всякого

---

[3] Недавно сообщалось о католическом миссионере, *китайце*, который, будучи священником, особенно разыскивался; не находя его, гонители обрушивали ярость на паству. Тогда этот священник-китаец добровольно вышел из убежища и отдался в руки мучителей, которыми и был умерщвлен (*прим. ЛА. Тихомирова*).

[4] В Китае детоубийство и выбрасывание детей на произвол судьбы издавна проводится в страшных размерах Так и поныне. На днях еще г-н Лобза, работавший на нашей Маньчжурской дороге, писал в «Книжках недели» (августсего года) такие путевые сцены: «Мы спустились вниз (в овраг), и глазам моим представилась картина, заставившая меня от ужаса податься назад. Собака грызла маленький труп ребенка». Спутник, китаец, рассказал г-ну Лобзе, что «завернуть ребенка в солому и выбросить в канаву и даже на улицу — здесь обычный способ отделаться от ребенка» «Это делают и семейные люди, если находят, что ребенок им не нужен, или в тягость». Такие случаи «очень часты» и г-н Тихонов, начальник изыскательской партии, встретил труп ребенка, брошенный среди деревни, у колодца, уже наполовину расклеванный воронами (*прим. ЛА. Тихомирова*).

снисхождения к нашей полной небрежности по распространению христианской веры. Наибольшие материальные убытки они причинили тоже нам. Вооруженное вторжение произвели тоже только в наши пределы, а не к французам, например, и не в японскую Формозу. Но допустим, что все это касается только материальных интересов, жизни и безопасности наших сограждан, а мы о таких пустяках не будем размышлять, желая лишь отыскать *правду*... Это, однако, не может прибавить нам солидарности с Китаем, потому что именно правда не на его стороне.

Прав тот, кто стоит за высшие идеалы, высшее развитие, за жизнь более совершенную. Китай же упорно желает остаться при жизни духовно и нравственно низшей, при культуре более грубой. Европейцы поставили перед ним возможность подняться на более высокую нравственную, общественную и культурную ступень, а Китай за это пускает в ход все средства — самую вероломную ложь, самое зверское избиение слабых, лишь бы остаться в своем прежнем состоянии. Можно ли хоть секунду колебаться, на какой стороне должны быть *мы*, русские, христиане и культурный народ? Ведь, в общей сложности, историческое столкновение с европейцами давало Китаю доступ только к его же собственному *благу*.

Пример и доказательство этого представляет Япония. Точно также хотела она замкнуться, точно также «лезли» к ней миссионеры и европейские купцы, и гораздо более свирепо избивала Япония своих христиан... Но более чуткие японцы скорее опомнились. Они увидели, благодаря европейским миссионерам и купцам, насколько выше их стоит европейская культура; благодаря нескольким вооруженным столкновениям, они увидели какая *сила* в этой культуре и, вместо того, чтобы с китайским безумием истреблять приносимое им благо, решились *усвоить* его. Что же получилось в результате? Захватил ли кто-нибудь японские территории? Закабалена ли японская промышленность европейцами? Властвуют ли европейцы внутри Японии? Нет, Япония не только ничего не потеряла, не только никем не обижена, но радушно принята в семью цивилизованных народов, даже, можно сказать, слишком радушно, по слишком недостаточным свидетельствам своей к этому подготовленности.

Все эти блага несла Европа и Китаю, и если Китай не хочет и не способен их доселе взять, — виноват он сам, а не Европа, которая возилась с ним несравненно больше, чем с Японией и дала ему несравненно больше доказательств необходимости стать на более высокую ступень культурного развития.

VIII

Нравственная солидарность с *общечеловеческою* и *христианскою* идеей, которую представляет Европа в столкновении с Китаем, затуманивалась теперь у нас еще одним направлением, порожденным продуктами разложения самой же европейской культуры.

Это направление, или, точнее, *настроение*, состоит в каком-то ослаблении духа, разжижении всех сил его, вследствие чего у страждущих этим недугом развивается отвращение ко всему крепкому, твердо стоящему за свое существование. Отсюда проповедь «непротивления злу», избегания всякой борьбы, отрицание каких бы то ни было «насильственных действий». Для людей, пораженных такой «мягкотелостью», дело Европы представляется незаконным уже по тому одному, что оно является в Китай в виде «насильственных действий», в виде материального или нравственного «принуждения». На этой почве раздаются даже обвинения, будто Европа действует «не по-христиански»...

Христианство тут, конечно, ни при чем. Если бы представители нашей психическо-социальной дряхлости изучали бы его по Христу, а не по графу Л.Н. Толстому, то они знали бы, что христианство находится в согласии не с мечтаниями органического бессилия, а с действительными законами жизни и природы, теми самыми законами, которые обнаруживает нам и наука.

Значение силы и принуждения в мире не только огромно, но вполне *законно*, по учению Божественному и по учению науки. Наш мир и наша жизнь утверждены на непрерывной *борьбе*. В мире биологическом только победитель получает возможность жить. В истории только победитель служит развитию будущего. В мире духовном только победитель спасается. Мир духовный, по учению Христову, борется рядом с миром земным. Не мир, а меч принес земной жизни Спаситель, и не мир, а борьбу открывает нам Откровение до самого последнего момента существования мира. Везде, сверху донизу наше существование исполнено борьбы, которая требует силы и крепости, а не слабости, рассыпчатости и мягкотелости.

Не одни мирные средства законны, а также и средства принуждения, глядя по обстоятельствам. Недостаточно сказать: «Такое-то дело проводится силою», чтоб осудить его. Много гибельного зла создается и принимается на свете «добровольно», и много спасительного добра утверждается насилием и принуждением. Никогда зло не уступает добру без борьбы и принуждения, как и добро злу, но утверждаются, будучи побеждены силой противоположного начала. Вопрос о том, где мы нравственно правы или даже обязаны применить силу нравственного или материального принуждения, и где мы обязаны воздержаться от принуждения, очень сложен и не решается во всех случаях краткими универсальными рецептами, вроде «ad patibulum» или «миролюбие».

Вопрос о способах и средствах достижения блага в каждом данном случае требует особой внимательной работы ума и совести, просвещенных знанием жизни и памятованием заветов великих учителей веры, великих

деятелей истории. И если для всех них мирный способ действия и добровольное утверждение людей в благом составляло всегда высший идеал, то не менее того факт, — что высочайшие вероучители христианства, люди ничего кроме правды не искавшие, множество раз ободряли правителей земных на применение силы, принуждения и оружия. Несомненный факт также, что ни одно великое дело в истории не обошлось без жестокой борьбы, не только идейной, а материальной и вооруженной. Факт также, что в истории очень редко *благо* принималось исключительно добровольно, но всегда с примесью принуждения. Зато сколько раз впоследствии, сравнивая низшее, за которое упорно держались их предки, с высшим, которое полудобровольно, полунасильственно было им навязано, народы благодарят судьбу, не давшую торжества ошибочной воле их предков.

Когда народ, как в настоящем случае китайский, не умеет собственным умом и совестью понять законность общечеловеческого права, не хочет устроить свою жизнь так, чтобы с ним и около него могли безопасно жить другие народы; когда он мучит и казнит людей за то, что составляет их *право*, всем миром признанное, тогда *сила* цивилизованного мира должна *принудить* его жить по-человечески, а не по-звериному.

Это не только право, но обязанность всех культурных народов, в том числе и России. Мы все, живущие основами христианской всечеловеческой культуры, обязаны, во имя благ, полученных от Бога и от нашей прошлой истории, сохранить их для будущего своих детей и для всего мира. Если какой-либо отдельный народ не может принять этих основ добровольно, его нужно принудить к этому силою. Если он неспособен их *понять*, его нужно подчинить *дисциплине*, которая ввела бы у него хотя в *привычку* то, на добровольное усвоение чего у него не хватает разума и совести. Иначе свободное существование такого выродка будет вечною угрозой всему остальному человечеству.

IX

В великом процессе мировой истории, в последние тысячелетия, почти неведомо одна для другой, нарастали две силы: на Западе — культура *христианская*, на Востоке — культура *китайская*. Их развивали две различные расы, обе усвоившие себе миросозерцание из религиозных концепций, зародившихся вне пределов их стран. Европа и Россия последовали проповеди, вышедшей из краев *Ближнего* Востока, который сам отбросил спасительное учение в нем зародившееся. Китай воспринял проповедь буддизма, возникшего в Индии, которая сама не признала его и изгнала[5].

Мир христианский был некоторое время задержан в своем поступательном распространении по земле отпором Востока, семито-монгольско-кавказского, объединившегося под знаменем ислама. Но это препятствие было сломлено, и через несколько веков Западная Европа и Россия еще шире прежнего понесли христианскую культуру по всему лицу земного шара.

И вот теперь *Дальний* Восток, монголо-буддистский, который за это время тоже зрел, тоже распространял свое владычество, сталкивается с этим шествием христианской культуры. Он становится ей поперек дороги с той пассивною упорностью, какая свойственна его духу, и человечество снова видит в наши дни великое противоположение двух культур.

Тут наступает какой-то решающий момент всемирной истории, более важный, чем при восстании ислама. Христианство видит перед собой последнего из *языков*, восставшего против него. Если и на этот раз победа останется на нашей стороне, то будущее человечества отныне уже станет всецело историей *внутренних сил* христианства. Если монголо— буддистский Восток окажется в борьбе сильнее пылкого ислама, а христианский мир обнаружит себя ослабевшим с тех пор, история будущего предстанет перед нами в виде самой мрачной загадки...

И вот перед лицом такого всемирно-исторического столкновения мы слышим теперь голоса, говорящие, что мы не должны действовать против Китая вместе с *враждебной* нам Европой. Слышим голоса, утверждающие даже, будто «Россия и Азия — одно», и приглашающие Россию «идти во главе пробуждающегося Востока». Один публицист выдвинул проект тройственного союза России, Турции и Китая... Громко отрекаться от христианства *во имя России* — еще никто не додумался, но зато изобилуют софистические обличения Европы в том, будто ее культура *не христианская* и представляет *разлагающееся христианство*. Вот какую мысленную муть подняло у нас китайское движение!

Европейская культура не христианская?...

Ну, а китайская? А турецкая? Один публицист, натуживаясь в дешевой игре слов, доказывал, что *культура* есть там, где есть *культ*, а какой, дескать, культ у Европы? Китайцы, те крепко верят в своих идолов, имеют, стало быть, культ, а европейцы ни во что не верят... думаю, что во всяком случае европейцы больше верят в Бога и Христа, нежели люди, способные на подобную антихристианскую агитацию...

Дело прежде всего в том, что характер европейской культуры и состояние религиозного чувства в современной Европе — совсем не одно и то же. Характер европейской культуры заложен всей ее историей, то есть создан в основе именно горячим религиозным чувством и христианской верой. Этими основами созданы

[5] В Индии, как известно, буддизм удержался только на Цейлоне (*позднейшее прим. ЛА. Тихомирова*).

культурные понятия и *принципы*, которыми доселе живет Европа. Эти понятия и принципы вошли в ее плоть и кровь, стали привычными для всех, даже для неверующих. Европеец, если даже он лично не верит в Бога, все-таки, когда задает себе вопрос о своем поведении, о правах своих и окружающих людей, своего отечества и чужих стран, решает эти вопросы на тех основаниях, на каких выросла историческая Европа. Как выразилась о себе знаменитая деятельница первой революции, г-жа Ролан, — она, «перестав быть христианкой, всегда старалась действовать так, как должна действовать христианка». Это и есть культурное состояние «атеистической Европы».

Понятно, что с течением времени, господство неверия не может не подорвать христианского характера культуры, но этого доселе не произошло. Даже в идеях первой революции Европа не отрекалась еще от нравственных идей *своего прошлого*, а только хотела формулировать их с устранением Христа, почему и напутала очень много. Но все-таки изменение самых *основных* идей христианской культуры, с отречением не от одного христианства, а также и от исторического прошлого Европы, — происходит исключительно в *социализме*. Если Европа создаст у себя когда-нибудь культуру на основах социализма, тогда, конечно, ее *культура* станет *нехристианской*, — но ведь этого еще нет, да и будет ли? Европа свои старые культурные идеи (в основе и источнике — христианские) защищает против социализма более энергично, нежели мы.

Сверх того, совершенная неправда — и даже невежественная неправда — утверждать, будто бы Европа стала сплошь атеистическою. В Европе множество верующих, и они стоят за свою веру гораздо энергичнее, нежели мы. Отделение Церкви от государства еще не значит уничтожения веры в нациях. В самой Франции католическая церковь не только сохраняет, но постоянно увеличивает свою силу. Несправедливо и грешно называть нехристианами и протестантов, у которых одностороннее направление веры не исключает самого чувства веры во Христа[6].

Нет, культура европейская доселе не может быть названа иначе, как *христианской*. Немало и в ней, и у нас разложения, но мы вместе с Европой были и остаемся внутренне солидарны, встречаясь с Китаем, представляющим в религиозно-культурном смысле нашу общую мировую *антитезу*.

X

Китайская антитеза христианскому Западу так резка, что содержание китайского типа возбуждает невольную опасливость человека нашей культуры. «Желтая душа темнее для нас всякой чужой души», — заметил недавно кн. С. Трубецкой, и — правда! Покойный Вл.С. Соловьев в своих апокалипсических размышлениях выражал даже полное убеждение, что Антихрист будет порожден именно тем духом, который свил себе гнездо на монголо-буддийском Востоке. И действительно — *идея* буддизма, изо всех идей, известных человечеству, наиболее *противоположна* христианству и наиболее отрезывает человека от Бога.

Понятно, насколько лишено смысла уверение, будто бы русскому душа китайца сроднее, нежели душа европейца, так как европеец, дескать, ничему не *верит*, а китаец своей *вере* очень предан, все равно как и русский. Это типичное рассуждение нашего «интеллигента», знающего веру лишь понаслышке, и потому не понимающего самой психологии этого чувства, столь глубокого в русском народе. В действительности верующих людей сближает только *общность* их веры, всякое же существенное различие ее разделяет гораздо сильнее, чем простое отсутствие веры.

Есть, например, поклонники Сатаны, имеющие свой сатанинский кумир и целый церемониал обрядов... Но ведь такая «вера» может быть для русского народа лишь предметом отвращения и ужаса. Христианин найдет, в чисто житейских отношениях, общую почву с атеистом, если этот последний держит себя человеком честным и порядочным. С ним можно во многом практически сойтись. Но поклонник Сатаны является активным помощником самого Источника зла, вечного Врага Божия и Губителя человечества[7]. Какое же тут мыслимо общение — Христа с Велиаром?

Напрасно наши газетные мыслители полагают, будто православному для общения нужно только, чтобы стояло изображение, зажигалась свеча, кадился фимиам? Верующему важна не икона, а то — *Чья* она, не свеча, а *Кому* она ставится...

В вопросе о духовной близости с русскими дело состоит не в том, сколько в год сжигает ладана китаец или европеец-протестант. Протестант совсем не употребляет ладана, но он молится Богу, Христу, Святому Духу. В своей молитве он не знает только формы, какая обычна у нас, но мы нередко молимся с протестантским отсутствием внешних форм и совершенно понимаем эту молитву, которая вводит православного в общение с тем же Богом, как и протестанта. Но кому курит свой ладан китаец? Перед кем преклоняет колени, какому духу служит? С кем входит в общение?

---

[6] Своеобразная рассудочность веры протестанта вовсе не исключает для него *реальности* духовного мира. Сравним, например, предсмертную «Краткую повесть о пришествии Антихриста» Вл. Соловьева, — конечно, одного из религиознейших русских людей, — с исследованиями Оберлена о том же предмете («Пророк Даниил и Апокалипсис Св. Иоанна»). Нелегко решить, кто реальнее и сильнее вводит воздействие духовных сил в земную историю человечества, и уж конечно, решение будет *не против* протестантского автора (*прим. Л.А. Тихомирова*).

[7] Здесь и в аналогичных случаях написание с заглавных букв присутствует в оригинале.

Буддизм совсем не знает Бога, даже игнорирует Его существование. Лишь с земли буддизм населяет небо некоторыми тенями людей, не имеющих, однако, никаких свойств Бога. Общение с этими существами (Буддами всех видов) не имеет ничего однозначащего с христианским общением с Богом. Будды и сами не стремились к Богу, Которого не признавали, и не к Нему пришли, по верованиям буддистов, а только к состоянию, освобожденному от земных миражей, приблизились к «Нирване», где нет ни рождения, ни смерти и никакой жизни, но нет также и самого вопроса о Боге, который, по нашему верованию, есть Жизнь.

Не подводят китайца к Богу и все прочие его религии. Конфуцианство совершенно игнорирует Бога, а «духов» смешивает с «испарениями». Даосизм знает лишь некоторый принцип мирового порядка (Дао), в роде нашего понятия о физической энергии, но точно также совершенно не знает Личного Бога Создателя. Мир для китайца никем не создан. Допуская множество «духов», выражающих разные силы природы, даосизм в религиозном смысле грубее, однако, и ниже даже европейского язычества классических времен.

Религия предков, которой преданы одинаково и буддисты, и конфуцианцы, и даосисты, тоже совершенно не знает Бога Создателя. Она почитает души предков, выше всех ставя Небо, Шанди, который есть не что иное, как древнейший патриарх, родоначальник китайского народа. Бога истинного, Которого, например, хотя и неправильно, почитают магометане в Аллахе, — у китайцев совершенно нет. Это народ ультраязыческий[8], и его общение с тем, что он считает «духовным миром», — не имеет и тени сходства с нашим религиозным общением с Божеством.

XI

Основное различие мировоззрения развивает личность китайца совершенно в особом направлении. Оттого-то и темна для нас «желтая душа».

У нас *личность*, исходящая от Личного Бога, — выше всего и сильнее всего. Наша личность, имея всю силу от Бога, не может гордиться этой силой (которая не от нее), но безгранично верит в ее непобедимость, потому что сильнее Бога нет ничего. У китайца личность — мелкое и частное проявление мирового процесса, в конце концов очень ничтожное. По даосизму, духовный мир (поскольку он понимается китайцем) хотя и выше физического, но *небытие* еще выше духовного мира. Христианская личность подчинена Богу, но если находится действительно с Ним, то нет у нее более никакого высшего начала, никакого господина. У китайца личность подчинена мириадам всяких духов, понимаемых даже в смысле «испарений». У нее нет даже искры *свободы*, если она, в буддизме, не «освобождается» от всего существующего и тогда погружается в «Нирвану»... Это свобода пассивная, свобода человека, бегущего от врага, а враг буддиста — жизнь, все, где есть рождение и смерть, ибо *жизни*, которая выше смерти, жизни абсолютной, жизни в Боге, китайский дух не знает.

Все концепции, все цели мирового процесса у нас различны. У нас — вечная активность, борьба, и в конце — победа жизни над смертью, такая победа, когда даже наше материальное тело явится «прославленным» под властью духа, достигшего полной силы. У китайца есть или рабство природе, или бегство от жизни, которая по существу для него есть зло.

Все нравственное воспитание личности направляется отсюда — в основе пассивно. С другой стороны, если когда-нибудь личность такой закалки очень возмечтает о себе, то она должна получить действительно характер «Антихриста», ибо она не знает Бога выше себя и считает злом Жизнь, которая и есть Бог. Тут возможна борьба прямо *против Бога*...

Не заходя так далеко и не выходя из пределов существующего, во всяком случае должно сказать, что личность китайца тысячелетия вырабатывается совсем отлично от нашей. У нас ставится выше всего нравственное начало и, следовательно, ценятся и развиваются *побуждения* человека. Для нас нужно, чтобы человек сам становился выше. У китайца — нужен не человек, а только его *поступки*. Не повышение личности преследуется воспитанием, а ее *муштровка*. На душе может оставаться сколько угодно звериных, диких элементов, но требуется *самообладание*.

Однако, китаец, хотя и действительно достигший огромного самообладания, не доверяет все-таки личности, которая у него и не заслуживает доверия. Поэтому там больше всего думают о прочных *внешних рамках*, которые ежесекундно направляли бы человека куда требуется для сохранения общественного порядка. Отсюда бесконечный церемониал подчинений, рабство семье, роду, обычаю и т.д. В этом рабстве личность теряет прямое мужество, которого никто и не желает в ней видеть, а зато развивает хитрость и неискренность. Китаец этим очень доволен, ибо мужества он боится: оно может бунтовать, а бунт немедленно вызовет в личности все

[8] Один публицист недавно обиделся за «пономарское», как ему кажется, применение термина «язычество» к «высоко-философскому буддизму». Если б этот публицист был знаком с христианством хотя настолько, насколько обыкновенно знакомы пономари, то он понял бы законность не нравящегося ему термина. По христианскому понятию «язычники» — это все, не относящиеся к «сынам Израиля», то есть почитающие *не того* Бога, Который есть Единый Сущий Бог. Буддисты же даже не интересуются вопросом об Истинном Боге, в твердой презумпции, что Его совсем нет. Они почитают за высшее начало — *человеческий* духовный элемент, то есть нечто в действительности «сотворенное». Это, может быть, «философия», но философия вполне *языческая* (*прим. Л.А. Тихомирова*).

не истребленные в ней зверские силы. Хитрость же и лживость достигают своих целей без всяких опасных порывов.

Для нас это противно, а для китайца в этом — хорошее воспитание.

У нас идеал составляет *развитие силы личности*, широта ее, богатство сил, нравственная самостоятельность, гениальность ума и способностей. Для китайца богатство сил личности, по самому понятию о ней, сомнительно: он в него не верит, да оно и не нужно. Но зато нужно *упорство, настойчивость*, как вообще способность к выдержке: это и развивается. У нас выше всего ценится *гений*, способность развития могучей силы. У китайца — способность экономной затраты силы. Тут на каждом шагу противоположность.

В общей сложности, китайская личность вырабатывается, с нашей точки зрения, в силу очень непривлекательную. Ни нравственно, ни умственно она не развивается высоко, в ней остаются самые жестокие и дикие инстинкты. Китаец, по общему миросозерцанию и подавленной жизненности личности, не уважает человека и не дорожит жизнью как своей, так и чужой. Это дает еще большее развитие его бессердечию и жестокости. Желая отомстить или устрашить, он не довольствуется лишением врага жизни, но утонченно мучает его. Таков же характер общественного и государственного закона, который создает целый арсенал пыток и казней, непременно *мучительных*.

Различие целей жизни и характера личности проявляется точно так же и во всем строе жизни. У нас выше всего ценится строй, дающий простор личности и такому союзу личностей, который был бы проникнут возможно больше *нравственным* чувством. У китайца стремятся развивать формальный строй, крепко держащий в своих рамках человека с колыбели до могилы.

Мы развиваем по преимуществу *государственность*, у них государственность — первобытная, несовершенная и слабая, но зато глубоко обдуманно развит *родовой быт*, который у всех народов нашей культуры отбрасывался очень рано, как невыгодный ни для личного, ни для государственного развития. Китайцы же, наоборот, в своем *родовом строе* поглощают и личность, и семью, и общество, и государство, мало расчлененные и одинаково мало развитые. Сливая с родовым строем религию, нравственность, семейственность, общественность и государственность, китаец получает некоторый быт пассивно крепкий, почти несокрушимый, но неподвижный, не допускающий никакого развития.

В этом, однако, одна из причин *самомнения* китайца. Прочность и незыблемость строя сама по себе производит на умы китайцев впечатление какой-то необычайной силы их отечества и их культуры. Этим пользуется со своей стороны идея воспитательной муштровки, уже целые тысячелетия стараясь крепко внушить китайцам, что они выше всех народов и что все другие народы не только варвары, но *подчинены* китайцам. Премудрые устроители этой нации рассудили, что китаец тем легче остается рабом своего строя, чем крепче будет верить в господство Китая над всем миром. Эта фикция китайского мирового господства давно у них и возведена в теорию; у них даже и война *не объявляется* иностранным державам, потому что в теории последние считаются *вассалами*. Их можно *усмирять*, но не воевать с ними. Китаец изолирован от мира *фактически*, но в принципе считается, что весь мир объединен подчинением ему.

Таков китайский Восток, с которым для нас невозможно общение без неизбежных *враждебных* постоянных столкновений, по резкой противоположности всего, чем живем мы, и чем живут у них.

Но время фактической изолированности уже отошло в прошлое. Китай живет не на луне, а на одной с нами земле и, что особенно важно, рядом с Россией. Китай растет, население его умножается, растем и мы. Соприкосновение стало неизбежно. Европейцы пришли в Китай, но Китай и сам давно уже стал выходить из-за своих стен. Нужно вспомнить, что не далее, как в 1645 году Манчжурия еще была чужда Китаю, а с тех пор за 200 лет китайское племя, культура и язык подошли к самым границам Сибири. За эти же 200 лет завоеваны Китаем (Манчжурской династией) Тибет и Формоза.

Китайское племя за последнее столетие выходит уже целыми массами — на Зондские острова, на Филиппины, в восточную Индию, даже прорывается в Америку и Европу (Лондон и Гамбург), не говоря уже о нашем Амурском крае.

Китай делается тесен для своих 400 миллионов жителей, и его общение с миром с каждым годом становится неустранимее.

А это общение немыслимо без *столкновения*, если только Китай не примет общечеловеческих норм жизни или не победит их. Но он их не хочет принять и, — считая себя выше всех народов, считая, в *принципе*, что все народы его вассалы, — мудрено ли, если решит, наконец, принудить их к действительной покорности, принудить их дать у себя место китайцу, естественному господину «чужеземных варваров»?

XII

Взвешивая все сказанное, мы не можем не видеть, что *активная политика* на Дальнем Востоке стала для России одним из важнейших вопросов ее существования.

Когда мы занимали Амурский край, мы сознательно не формулировали для себя всего значения этого шага и придавали ему гораздо меньшее значение, нежели он имел в нашей и мировой истории. Но нами руководил глубокий национально-исторический инстинкт, безошибочное вдохновение нашего гения.

Характерно, что к занятию Амура вся рутинно-канцелярская политика относилась не только холодно, но враждебно. Ее, как всегда, занимали ничтожные интересы дня, она боялась «усложнений», для решения которых не имела никакой идеи; она думала только о спокойствии.

Не таково было настроение представителей русского национального гения, Муравьева[9] и Невельского с их сподвижниками. Не такова была оценка событий и в уме Императора Николая I, поддержавшего, благодаря Бога, не русскую канцелярию, а русский гений. И смело можно сказать, что ни в 1812 году, ни при защите Севастополя русские люди не работали с большим вдохновением, увлечением и самоотверженностью, чем на берегах Амура и Уссури. Только этот необычайный подъем силы и мог дать такой горсти людей возможность совершить их подвиг.

Вдохновение инстинкта теперь оправдывается событиями.

Выступление китайско-монгольского мира на сцену истории было все равно неизбежно. Наша слабость и неподготовленность к его встрече нас бы не спасла. От великих мировых событий спрятаться нельзя, и, отвертываясь от них, мы только даем им возможность развиваться против нас. Занятие же Амура поставило нас в отношении Дальнего Востока, по крайней мере, на твердую позицию, допускающую теперь, конечно, при желании, возможность надзора, защиты и активного воздействия.

Эта позиция доселе не укреплена, не довершена, и наше действие там доселе не развито. Но все эти задачи стали по крайней мере *возможны*, благодаря тому, что накануне решающей эпохи мы успели хотя и кое-как создать *русский* форпост на Амуре и Уссури. Мы теперь *можем*, если сумеем понять смысл событий, явиться *активной силой* в столкновении двух миров.

Между нами теперь, однако, именно слышатся возражения против активной политики на Дальнем Востоке, с указанием даже, что наше настоящее дело — на *Ближнем* Востоке, и что в Китае мы принуждены действовать рука об руку со своими же злейшими врагами и на руку им.

Какое это тяжкое недоразумение!

Возможно ли ставить хоть в какое-нибудь соответствие нашу *домашнюю*, междуевропейскую борьбу с той борьбой, которая надвигается со стороны Дальнего Востока? Россия в среде народов христианской культуры занимает, конечно, особенное место, и во многом с ними не солидарна, а, следовательно, говоря *относительно*, — они враждебны нам по своей мировой роли и вытекающей из нее политики. Но ведь это ссоры все-таки домашние. Мы с Европой расходимся в том, как лучше устраивать *один и тот же* общий нам храм. С китайским миром мы расходимся в том, что он воздвигает *совсем иной* храм. Это огромная разница!

На наших глазах англичане — эти самые опасные из наших европейских врагов — покорили буров, и мы знаем, что нелегко будет покоренным. Но все-таки, по основным принципам своей жизни, буры и под властью англичан могут *жить*, а не находиться в аду. Их права, их совесть, их достояние — все будет ограждено под английским господством лишь немногим менее, нежели при национальном правительстве. Но представим себе покорение европейского мира китайским! Это была бы полная *гибель*, это было бы иго, в котором уцелевшие от резни могли бы влачить лишь жалкое существование, которое хуже смерти, существование, в котором безнадежно оскорблено и попрано было бы все нам дорогое и святое, все нам необходимое для человеческой жизни...

Нет, нельзя даже и отдаленно сравнивать нашего противоположения Европе и Китаю, нельзя даже и отдаленно сравнивать опасностей внутренних междуевропейских раздоров с роковыми опасностями борьбы христианского и монголо-буддийского миров.

XIII

Без всякого сомнения, роль России на Ближнем, православно-магометанском, Востоке точно также должна быть оживленной и деятельной. Нельзя не согласиться и с тем, что мы далеко не развиваем здесь деятельной силы в тех размерах, как это было бы необходимо и нравственно обязательно. Но необходимое повышение нашей деятельности на *Ближнем* Востоке не только не противоречит активной политике на *Дальнем* Востоке, но по внутреннему смыслу прямо связано с этою последней.

Что такое *должна* делать Россия на Ближнем Востоке, какой смысл и цель этой деятельности?

Ответ сводится, конечно, к развитию *активной мировой* роли Православия.

Наши разногласия с Европой в основе сводятся к тому, что европейский мир нарушил *синтез* христианства, разделил истинную веру на два взаимно отрицающие течения — римско-католическое и протестантское. Дальнейшая христианская культура, которая отдельные свои стороны могла еще развивать при таком разделении, не могла сказать доселе своего *полного* слова и, напротив, увидела рождение в мире множества отрицающих ее сил, созданных этим же разделением веры и Церкви христианской. Мировое значение России определяется тем, что ей судьбы Божьи дали остаться хранительницей *нераздельного* христианства, сохранившего всю полноту своего синтеза. Это значение России наша Церковь сохраняет совместно с церквами православного Востока, в совокупности с ними являясь Вселенскою Церковью, от которой отклонилось западное христи-

[9] Имеется в виду М.Н. Муравьев-Виленский.

анство. Но простое сохранение не есть еще деятельность, и мировая *роль* России, как единственной нации, имеющей для того *средства*, могла бы состоять в *культурном осуществлении* этой истинной, нераздельной христианской веры, разумеется, не для одной *себя*, а для всего мира, так как христианство дано Богом всему миру, а не одной России.

Есть ли в судьбах Божиих решение о таком культурном осуществлении христианства, или нет, и когда оно будет, и кто его исполнит, — все это вопросы, о которых можно спорить. Но обязанность наша в этом отношении совершенно ясна. Мы должны стремиться к применению доверенного нам «таланта», а не зарывать его в землю.

Нельзя не признать, что мы были доселе больше «хранителями» этого «таланта», который порядочно пылится и ржавеет у нас от неприменения к делу. Можно выслушать и принять к сведению всякие упреки собственно по этому поводу. Но если мы хотим исполнять то, что должны, то есть применять свой «талант», то не можем делать этого на «Ближнем» Востоке, отстраняясь он «Дальнего», где выступают силы и идеи прямо отрицающие христианство и угрожающие всей христианской культуре уничтожением не только той идеальной объединенной ее жизни, которой залог хранит вместе с нами православный Восток, но и какой бы то ни было жизни.

На Ближнем Востоке Россия приходит с Западной Европой в столкновение, которое способно вызывать известную враждебность, но которого цель в будущем — есть высшее объединение[10]. На Дальнем же Востоке между Россией и Европой враждебное столкновение может возникать только по недоразумению, только по забвению своих собственных высших целей.

И Россия, насколько она сознает свою историческую роль, может на Дальнем Востоке быть уже теперь только тем объединительным элементом, каким должна быть в будущем на Ближнем Востоке. Активная роль на Дальнем Востоке даже уясняет нам деятельность на Ближнем, научая нас не преувеличивать своих разъединений с Европой и напоминая, как много у нас с ней *общего*.

Таким образом, это две стороны *одной* и той же задачи, от которой мы почти не в состоянии уклониться.

Судьбы России как бы предумышленно поставили нас географически, исторически и даже отчасти этнографически на самых границах как Ближнего, так и Дальнего Востока. В краях первого решается вопрос о судьбах Православия, в краях второго христианству противополагается последний и главный, самый сильный, самый выработанный оплот язычества.

Мы, как государство, поставлены так, что не можем просто *уклониться* ни от Ближнего, ни от Дальнего Востока. По своей же мировой идее, приходя в это неизбежное соприкосновение, мы принуждены брать на себя *активную* роль, ибо наша мировая идея, заставляющая нас быть *решителями* вопроса об окончательной христианской культуре, тем самым более чем кого-либо другого обязывает нас *охранять* ее неприкосновенность и ее торжество в странах монгольского язычества.

XIV

Активная политика на Дальнем Востоке ныне уже совершенно *неизбежна* для России по самым историческим обстоятельствам. Она неизбежна *практически*.

Но она была бы обязательна *принципиально*, если бы даже не была неизбежна практически. В этом случае не могу согласиться с мнением князя С. Трубецкого, который говорит, что если бы Китай мог опять заснуть, то следовало бы немедленно бежать оттуда и не будить его. В этом рассуждении я не вижу достаточного сознания наших мировых обязанностей, и вижу преувеличенное понимание сил Дальнего Востока.

Если б он даже *спал* и хотел опять заснуть, то наша обязанность вовсе не уходить на цыпочках из его темных покоев, но войти в них и разбудить спящего, разбудить его для жизни более высокой.

Я выше характеризовал приниженное духовное состояние китайцев и соответственное тому низкое состояние созданных ими культурных основ. Все наблюдатели китайской жизни, все европейцы, пытавшиеся повысить ее, единогласны в оценке упорной малоспособности китайцев подняться на высшие основы культуры. Итак, это дело, бесспорно, крайне трудное, но считать его невозможным — это значило бы не верить в христианство как религию и не ценить сил своей христианской культуры.

Китайцы, как бы они ни были принижены своею историей — во всяком случае *люди*. Наша вера не говорит нам ни о каких народах безнадежно погибших, проклятых Богом и отверженных. Нам сказано — «научите *все* языки», и не сказано, чтобы китайцы составляли исключение.

---

[10] Говоря об этом *объединении*, я не предполагаю ничего, в догматическом смысле, нового для Православия. Объединение состоит лишь в том, что для западных христиан должна быть ясной истина *нераздельного* Православия, а для Православия должно лучше уясниться его собственное содержание, отчасти даже указанное западными односторонностями, имеющими свою относительную долю истины, как в *папизме*-ультрамонтанстве, так и в *невидимой* церкви протестантов (*прим. ЛА. Тихомирова*).

Наши культурные идеи точно также говорят нам, чтобы высшая человеческая жизнь, высшее развитие и те высшие принципы, которые мы ценим, принадлежали только *некоторым* народам. Наши принципы потому и высоки, что они *общечеловечны*.

Может быть, китайцы труднее других народов воспринимают нашу высшую жизнь, может быть, у них *меньшая* доля, нежели у других, способна воспринять, усвоить и развить в себе эту высшую жизнь. Но эту статистику позволительно подводить только в конце, а не в начале счета. Японцы тоже много столетий жили почти по-китайски. Однако теперь большинство не сомневается уже в их способности к нашей культуре, а собственно наши русские миссионеры, в отношении чисто религиозном, уже ставили свою молодую православную японскую паству *в пример* нам, русским, 1000 лет живущим в православии. Предрешать исход своих усилий в подобных случаях всегда рискованно и гораздо правильнее просто помнить и исполнять свой долг, предоставляя событиям показать, насколько благодарна почва, на которой мы трудились.

Собственно в Китае христианская культура никак не может сказать себе, чтоб она не делала *никаких* завоеваний, и тем менее — чтоб она оставалась побежденною. До сих пор у нас, в христианском мире, если есть случаи тяготения к буддизму, то исключительно у пресыщенного барства, даже не столько искренне усваивающего буддизм, сколько развлекающегося им, раздражающего свои размягченные нервы *новыми*, необычными впечатлениями. В Китае же христианская проповедь все-таки обратила уже не менее миллиона бывших язычников[11].

В отношении быта и нравов — европеец у китайцев ровно ничего не перенимает; в отношении своих идей, правовых и государственных, точно также. Наоборот, китайцы в этом отношении постепенно кое-что у нас перенимают и кое-что у себя уже даже пытаются переустроить по-нашему. Об области чисто материальных усовершенствований и техники — нечего и говорить: уже нет ни одного умного китайца, который бы не убедился в необходимости *подражать* в этом Европе.

В общей сложности, при столкновении двух миров, все данные на победу, по всем видимостям, находятся на нашей стороне.

Что касается чисто материальной силы Китая, как ни велика она, так же не должно ее преувеличивать. Говорят, например, об огромном количестве и плодовитости населения Китая. Конечно, нелегко думать, что мы, например, русские имеем в своем государстве 130 миллионов, а китайцы 400 миллионов человек. Но должно вспомнить, что *рост* нашей численной силы, по-видимому, до сих пор был быстрее китайского. Князь С. Трубецкой вспоминает, что на каждого русского приходится по три китайца. Но в 1812 году, когда у китайцев была одна из самых, кажется, достоверных переписей, их считалось 262000000, а нас только 40000000. Следовательно, 90 лет назад на каждого подданного Русской Империи приходилось по шести китайцев, ныне же на 130 миллионов наших приходится 391 миллионов китайцев, то есть всего по три. Итак, еще большой вопрос, кто будет быстрее развивать даже численную силу. Должно также вспомнить, что при чисто *вооруженном* столкновении, когда вопрос сводится к тому, кто более способен развивать наибольшее количество силы, один русский *органически* стоит нескольких китайцев.

Г[осподин] Южаков недавно напоминал (*Русское Богатство*, август) в этом отношении данные, добытые им при посещении Уссурийского края, относительно рабочей способности русских и китайцев. Оказывается, что русский землекоп *вчетверо* больше китайского землекопа потребляет питательных продуктов, но работает *в семь раз* больше. При этом г. Южаков замечает, что это дело чисто органической силы. Как русский не сработает больше, если ему дать 10 фунтов хлеба вместо 3, а только заболеет и отяжелеет, так и китаец, если вздумает съедать три фунта хлеба, только истощит организм, а не станет сильнее работать.

Этой меньшей способностью развивать силу г. Южаков объясняет поражения китайцев, которые не боятся смерти, но скорее устают, нежели русские, и в то время, когда русский, после 20-часового напряжения, еще готов постоять за себя, китаец находится в полном изнеможении.

В общей сложности, подводя итоги, мы были бы ниже задач своих и могли бы рисковать самым существованием, если б оставались пассивными на Дальнем Востоке. Но точно так же — мы не можем не верить в свою *силу* до тех пор, пока она у нас не зарывается в землю, не застывает в бездействии, а пускается в оборот.

Наша мировая задача ведет нас на Дальний Восток, подобно тому, как ведет нас на Восток Ближний и ставит в известные отношения к Европе и Америке. Но для этой задачи нам также даны и силы. Только опускаясь ниже самих себя, ниже основ своей культуры и особенно, переставая быть христианами, мы можем не исполнить своей задачи и оказаться ниже и слабее Китая. Не китайская сила, а только наше собственное разложение может нас победить при наступающем столкновении двух культурных миров.

[11] Г[осподин] П. Бадмаев также очень настаивает на способности китайцев к воспринятию христианства и недостаточную успешность проповеди объясняет только виной самих миссионеров (См. *Россия и Китай*) (*прим ЛА. Тихомирова*).

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

ВЕСТИ О КИТАЙСКОМ ПРАВОСЛАВИИ[1]

Несмотря на Японскую войну и сомнительный вопрос о нейтралитете Китая, православная деятельность в Срединной Империи идет не без успехов. Об этом говорят как письма из Китая, так и орган *Братства Православной Церкви в Китае*, его *Известия*. Главным центром деятельности остается, как и подобает, Пекин.

Сам преосвященный Иннокентий около Пасхи возвратился в Пекин из продолжительного объезда Манчжурии, где был и в Порт-Артуре, и особенно долго в Харбине. В это время частные письма извещали, что спокойствие в Пекине весьма сомнительно. «Мы, — писали оттуда, — каждый день ждем нарушения Китаем нейтралитета». Но что будет при этом с Миссией и православными китайцами?

Вопрос очень сомнителен, однако духовная власть Миссии доселе склонялась к тому, чтобы оставаться на месте даже в случае выезда Русского посольства. Не мудрено, что, как ни темно будущее, жаль покинуть столько созданного неусыпными трудами епископа Иннокентия и его помощников, среди которых первое место занимает архимандрит Авраамий. Китайская Миссия успела после боксерских разгромов восстать с таким блеском, какого никогда не имела раньше.

Успенский монастырь в Пекине, можно сказать, впервые стал монастырем и настоящим архиерейским подворьем. Это место, расположенное в северо-восточном углу Пекина, под самою городской стеной, представляет обширное пространство около 13 десятин земли, с хорошим небольшим озером Хай посередине. Оно куплено первоначально на деньги, пожертвованные после боксерских разгромов из России, главным образом из Москвы... Теперь оно стало настоящим святым местом православного Китая.

Здесь находятся места избиения большей части его мучеников. Здесь же, в поэтической обстановке, на берегу озера воздвигается храм во имя Свв. Мучеников с обширными склепами, в которых уже погребены торжественно останки избиенных православных китайцев.

Это религиозное торжество тем более затронуло сердца китайцев, что среди замученных у каждого из них есть родные — отцы, матери, дети, братья и сестры. На этих же местах несчастные остатки православных, после боксерских злодейств, нашли себе пристанище, когда их пастырь, тогда еще архимандрит, купил эту обширную площадь земли вместе с бедными «фанзами» прежних владельцев, где и разместил бесприютные остатки своей разоренной Церкви...

С тех пор прошло три года, а православный китаец, входя в Успенский монастырь, уже не узнает этого места, прежде столь пустынного, разоренного и бедного. Монастырь обведен прекрасными стенами, в нем уже возвышается несколько храмов, а над святыми воротами — колокольня истинно величественная, около 140 футов вышины, с порядочными колоколами (большой имеет 50 пудов весу), звон которых звучит торжественным призывом Китая к новой жизни. На обширном дворе монастыря виден ряд зданий, вмещающих в себе различные учреждения Миссии: типография, школа, пекарня, переплетная мастерская, столярная. Тут же, в чисто китайском вкусе, дом самого преосвященного. Далее на острове видна метеорологическая станция, за нею обширные огороды. По всему пространству идут новые работы, продолжается стройка церкви всех Свв. Мучеников и разных необходимых служб. Одна часть обширного подворского места предназначена в будущем для женской Общины... Здесь православный китаец чувствует себя вполне дома, в ограде своей Церкви, где всегда находит и помощь, и утешение. В монастыре около 30 человек братии, а среди духовенства китаец снова видит и своих соотечественников...

Должно оговориться, впрочем, что китайцы, имеющие духовное звание, чуть ли не все из «Албазинцев». Мы плохо различаем это, но в Пекине потомки пленных Албазинцев, даже не знающие по-русски, все-таки помнят свое русское происхождение. Когда в Пекин было послано поздравление с Новым годом из Москвы, в ответ было прислано поздравление отдельно от «единоверных китайцев» и отдельно от «единоверных и *единокровных* Албазинцев». Впрочем, обе пекинские церкви находятся между собою в самых братских отношениях.

Успенский монастырь, укрывший в своих склепах останки всех мученически избиенных, служит общим местом единения и для здравствующих христиан, среди которых найдутся несколько десятков приезжих из России.

Помимо своего значения центрального архиерейского управления, Успенский монастырь уже много делает для всего Китая трудами своей типографии. У него издан целый ряд служб на китайском языке. С внешней стороны эти издания далеки от изящества и даже роскоши токийских. Но пекинская типография еще недавно поставлена и должна думать о необходимом, оставляя будущему заботу о более роскошном. В ней же выпущен и календарь на 1904 год, на китайско-русско-английском языках.

В настоящее время преосвященный Иннокентий перевел в Пекин и редакцию *Известий Братства Православной Церкви в Китае*. Первые три №№ *Известий* были выпущены в Харбине; 4-й, только что полученный в

[1] Текст статьи «Вести о китайском православии» печатается полностью по публикации 1904 года в № 181 газеты «Московские ведомости». Все выделения сделаны Тихомировым.

Москве, номер вышел уже в пекинском Успенском монастыре. Должно сказать, что этот № издан очень чисто, хотя в Пекине жалуются на отсутствие русских наборщиков. Китайцам трудно набирать на незнакомом языке, и монастырь ищет себе теперь опытного наборщика в России. Как бы то ни было, перенос в Пекин органа *Братства* показывает, что епископ Иннокентий решается, несмотря на неясность будущего, поддерживать центральное церковное значение столицы Китайской Империи. И дай, конечно, Бог, чтобы обстоятельства позволили ему выдержать это решение. Понятно, что дело проповеди православия в Китае лучше всего может идти из Пекина, и для всего Китая гораздо приятнее сознавать, что центр китайской Церкви находится, как это и подобает, в столице государства, а не за границей.

Как видно из органа «Братства», в собственно Китае проповедь православия раскидывается все шире. Еще несколько лет назад в Шанхае и не слыхали о православии. Теперь здесь уже имеется отделение Миссии, о котором в № 4 *Известий* начата любопытная статья иеромонаха Симона. В Шанхае у Миссии есть свой участок земли с церковью и школой, в которой обучались в 1903 году 24 ученика. Крещения китайцев, время от времени, постоянно совершаются в Шанхае. Из других мест идут такие же сведения. Послушник Григорий Олейников пишет из Пейтахо, где также имеются православная церковь и школа, что его теперь вызывают в Юн-Пин-Фу, где более 100 китайцев желают принять православие. Требования катехизаторов слышатся и из других мест Чжили, как из Таина, Людцзяина, Цянь-Ань-Саня.

Правда, не все известия так хороши. Катехизатор отец Сергий Чан (диакон и китаец родом) недавно едва избежал смерти в Юнь-цзя Коу, где были разрушены часовня и все подворье православных. Печальнее всего то, что в этом виноваты христиане. «Это все протестанты подстрекнули, чтобы нас выгнали из Юнь-цзя Коу, — пишет отец Сергий, — чтобы нам не проповедовать о нашей православнейшей вере».

В общей сложности, однако, православие растет и укрепляется. Задерживает его ход недостаток средств и людей. Особенно должно сказать это о задачах «Братства». Всех пожертвований получено им до сих пор всего 8791 рубль. Если не считать самого епископа, то крупнейшее пожертвование сделано купцом М.Д. Батуевым (1220 руб.). Средства небольшие. Вот, например, расходы только на один *барак для раненых*, предстоящие Братству. Постройка его окончена, но внутреннее оборудование потребует еще 1700 рублей, да ежемесячного расхода (доктор, фельдшер, сестры, содержание больных, лекарства и т.д.) высчитано по 1200 рублей... Трудно представить, откуда достанет Братство такие средства. Нельзя не пожелать, чтобы пожертвования на раненых направились из России отчасти и в Братство, которое устраивает в Харбине этот барак. По объявлению, публикуемому Братством, все пожертвования принимаются *в Харбине священником Павлом Фигуровским*, который состоит казначеем Братства Православной Церкви в Китае.

Там же подписываются на *Известия* Братства, стоящие 3 рубля в год. Эту газету нельзя не порекомендовать нашим российским газетам, в виду многих интересных известий, которые находишь здесь по столь малоизвестным нам жизни и делам Дальнего Востока.

ПРИЛОЖЕНИЕ 3

ЯПОНИЯ И КИТАЙ В КОРЕЕ[1]

Японско-Китайская война за обладание Кореей заставляет обратить внимание на интересную статью г. Краснова в *Книжке Недели* (сентябрь) «Корея и японские колонии». Автор рассказывает историю этого тысячелетнего спора двух высших наций крайнего востока.

«Инцидент нынешнего года есть один из многих в многовековой истории страны Восходящего солнца. Еще на заре японской истории, когда страной самодержавно правили микадо, непосредственные потомки Джинму Теппо, сына солнца, именно в царствование 10-го по счету микадо (97–30 г. до Р.Х.) Япония впервые становится в близкие отношения с Кореей, уже тогда данницей и вассалом Китая. Впрочем, Китаю непосредственно тогда принадлежала лишь северная часть полуострова; остальные же части его были разбиты на маленькие независимые графства. Один из таких мелких владельцев, притесняемый более сильными соседями, обратился за помощью к японцам и обещал, в случае помощи, платить им дань. Таким образом, в самом начале нашей эры Япония простерла свое влияние за пределы архипелага – на континент Азии.

Первое военное нападение с целью завоевания полуострова было сделано японцами в 200 году после Р.Х. по плану энергичной императрицы Джингу-Кого. Она снарядила большой флот и, одевшись мужчиной, сама приняла над ним командование. Военные силы Японии показались тогда корейцам настолько внушительными, что все мелкие княжества полуострова немедленно признали над собою зависимость от Японии, заплатили богатую дань, а императрица, посадив в стране своих чиновников, победоносно вернулась домой. Событие это и доныне празднуется с большим торжеством ежегодно».

Это завоевание Кореи Японией послужило, однако, скорее к усилению, чем ослаблению Китая. «Корея явилась как бы мостом, соединившим молодую, зарождавшуюся цивилизацию и культуру Японии с китайскою. С этого момента литература, обычаи, нравы, домашние растения и животные Китая начинают распространяться в Японии, а за ними законы и обычаи и основные религиозные учения – Конфуция и Будды – присоединяются к первобытной религии Шинту».

Сверх того, японцы не продержались долго в Корее. «В империи происходят смуты и беспорядки, и Корея, пользуясь ими, объявляет себя независимой. Позже, когда Японией начинают править майордомы, а в руках истинных микадо остается одна духовная власть, корейцы отваживаются даже сами делать нападения на Японию».

С 1391 года объединенная Корея составила особую монархию, которая вот уже 500 лет существует и поныне. Но завоевательные планы японцев не прекратились. «Вторичная попытка захватить не только Корею, но подчинить себе и могущественный Китай возникает у японцев в 1590 году, когда выходец из народа и японский герой и полководец Гидейоши вновь соединил под одну власть распадавшееся в смутах и междоусобиях царство».

«Гидейоши писал корейскому королю: "Я собираю могущественное войско с целью нападения на Китай, чтобы наполнить все небо его 400 провинций росой с моих мечей. Я надеюсь, что Корея примет мою сторону, составив мой авангард. Моя к тебе дружба и отношения будут много зависеть от твоего по отношению к нам поведения". Король корейский, не веря в военные силы Японии, послал Гидейоши ответ, в котором сравнивал его замысел покорить Китай с попыткой вычерпать океан раковиной, или с желанием пчелы ужалить черепаху через ее щит. Такие сравнения воспалили гнев Гидейоши, и он, став во главе войск, двинулся на Корею».

Энергия и напряжение сил, выказанные японцами, совершенно напоминают наши дни. «Их задачею было не только завоевание Кореи, но и покорение Китая. Поэтому все приготовления к войне велись здесь в гораздо большем масштабе, чем то могло быть нужно для победы над маленькой и слабой Кореей. Особенно тяжелые поборы пали на остров Киу-Сиу. Таким путем составилось обеспеченное провиантом 300000 войско, из которого высадилось на полуострове не меньше 100000 человек. Уже тогда японцы, хотя и безуспешно, пытались купить в Нагасаки несколько португальских кораблей для перевозки провианта.

«Войска японцев вступили в Корею в 1592 году, под начальством двух полководцев. Оба войска различными путями приблизились к столице, нигде не встречая противодействия и, взявши крепости, ее защищавшие, без особого затруднения заняли город. Оба полководца везде одерживали победы и гнали далее корейцев к китайской границе. Китайцы оставались все время хладнокровными зрителями совершавшихся в Корее событий. Лишь тогда, когда число беглецов стало громадно, и они стали досаждать своими мольбами и просьбами губернатору соседней провинции Лао-тунг, он послал корейцам помощь из 5000 человек. Войско это было разбито наголову, и его бегство прекратилось лишь в провинции Лао-тунг».

Это блестящее начало войны, однако, привело к концу вовсе не блестящему. Корейский флот одержал верх над японским. «В стране вспыхнуло восстание. Повсюду покоренное население восстало против поработителей.

[1] Текст статьи «Япония и Китай в Корее» печатается полностью по публикации в № 12 журнала «Русское обозрение» за 1894 год. Все выделения сделаны Тихомировым.

В то же время к китайцам подошло подкрепление. Измученные и голодные войска японцев слабели. Корейцы уничтожили все посевы и разорили все жилое. Между тем наступала осень. Счастье окончательно обратилось на сторону Китая. Одна победа за другой заставили японцев отступать на южную оконечность острова, где они и остались зимовать. Весною к ним подошли подкрепления, но их было едва достаточно для того, чтобы убраться домой. К тому же во внутренних делах государства произошло усложнения. Гидейоши умер. Япония поспешила заключить мир с Китаем».

Главною помехой Японии, в сущности, были внутренние смуты, которые г. Краснов относит на последний план. В результате же войны было опять «влияние процветавшей тогда в Корее китайской культуры на японскую».

Эти исторические данные заставляют смотреть на современный исход Китайско-Японского столкновения довольно осторожно. Как видим, и в прошлом Япония и Китай проявляли те же черты, как ныне. Пылкая, заносчивая Япония полна широчайших замыслов, для исполнения которых способна развертывать кипучую энергию. Она начинает с побед, кончает смутами. Китай, как и ныне, медлителен, пассивен. А в результате – японцы не только отбрасываются на свои острова, но подпадают еще большему влиянию флегматического соседа. В настоящее время, когда Япония на Востоке является все же представительницей европейской культуры, исходы прежних столкновений способны заставить очень задуматься о будущем.

ПРИЛОЖЕНИЕ 4

БИБЛИОГРАФИЯ КНИГ Л.А. ТИХОМИРОВА[1]

1. Где лучше? Сказка о четырех братьях и об их приключениях. — [Женева], 1873. — 64 с.
2. Счастливые встречи или Любовь к Родине (Четыре странника, или Правда и кривда). — [Женева], 1873. — 64 с.
3. Счастливая встреча или Любовь к Родине. Изд. 3-е [Женева, тип. кружка чайковцев, 1875. На обл.: "Четыре странника или Правда и кривда. Сочинения А.Д.В.». Сведения о месте изд. и тип., указ. на тит. л.: "М., тип. Спиридонова, Кузнецкая ул., № 115" и ценз. разреш. — не соответствуют действительности].
4. Софья Львовна Перовская. (Материал для биографии). — [Женева, на обложке указано вымышленное место издания — Лондон] 1882. — 24 с.
5. Андрей Иванович Желябов. (Материалы для биографии). — [Женева, на обложке указано вымышленное место издания — Лондон] 1882. — 47 с.
6. Андрей Иванович Желябов. 1(13) марта 1881 г. — Carouge-Geneve. M. Elpidine, Libraire-Editeur, 1899. — 45 с.
7. Материалы для биографии С.Г. Нечаева: 1. Аресты и тюремная жизнь Нечаева. — [М. 1884]. — 40 с.
8. Емельян Иванович Пугачев или бунт 1773 г. Изд-е 2-е. Печатано с изд-я 1869 г. без перемены. — М.: В типолитографии Николая Ивановича Кассова, Б. Лаврентьевка, д. Пивцова. 1871.
9. Е. Пугачев или бунт 1773 г. — Женева, 1873. — 143 с.
10. Почему я перестал быть революционером. — [1888]. — 39 с.
11. Почему я перестал быть революционером. — [Женева], 1889.
12. Почему я перестал быть революционером. — М., 1895. — 127 с.
13. Начала и концы. Либералы и террористы. — М., 1890. — 125 с.
14. Духовенство и общество в современном религиозном движении. М., 1893, — 36 с.
15. Конституционалисты в эпоху 1881 г. — М., 1895. — 122 с.
16. Конституционалисты в эпоху 1881 г. — Изд. 2-е. М., 1895. VI, 3 — 101 с.
17. Конституционалисты в эпоху 1881 года. — Изд. 3-е., пересмотр. М., 1895 — 109 с.
18. Знамение времени — носитель идеала. — М., 1895. — 16 с.
19. Борьба века. М., 1895. — 88 с.
20. Демократия либеральная и социальная. — М., 1896. — 188 с.
21. Новые плоды учения графа Льва Толстого. — [Киев], 1897. — 18 с.
22. Единоличная власть как принцип государственного строения. — М., 1897. — 135 с.
23. Единоличная власть как принцип государственного строения. — Нью-Йорк, 1943. — 131 с. [2-е изд-е].
24. Единоличная власть как принцип государственного строения.— М., 1993. — 192 с. [3-е изд-е].
25. Варшава и Вильна в 1863 году. — М., 1897. — 44 с.
26. Земля и фабрика. (К вопр[осу] об экономич[еской] политике). — М., 1899. — 48 с.
27. Царский суд в России. — М., 1899. — 30 с.
28. Христианские задачи России и Дальний Восток. — М., 1900. — 47 с. [Работа была переведена на японский язык]
29. Вопросы экономической политики. — М., 1900. — 83 с.
30. Чем живет человеческое общество? М., 1902.
31. Рабочий вопрос и русские идеалы. — М., 1902. — 67 с.
32. Личность, общество и церковь. — [Сергиев Посад]: Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1903. — 43 с.
33. Личность, общество и церковь. — М., 1904. — 87 с. — (Религиозно-философская библиотека. Вып. 5).
34. Личность, общество и церковь. Изд. 2-е, совместно с работами К. П. Победоносцева. — Сергиев Посад, 1913. — 84, [1] с. — (Религиозно-философская библиотека. Вып. 5).
35. Запросы жизни и наше церковное управление. — М., 1903. — 45 с.

---

[1] Составлена А.В. Репниковым. В библиографии представлены книги, но в нее не включены публикации фрагментов дневников и воспоминаний Тихомирова, осуществленные в периодических изданиях («Красный архив», «Философская культура» и др.), а также многочисленные статьи, выходившие в «Русском обозрении», «Московских ведомостях» и других изданиях. Библиографический перечень революционных изданий Тихомирова см.: Анархизм в истории России: от истоков к современности: библиографический словарь-справочник / Составители: *В.Д. Ермаков, П.И. Талеров.* СПб., 2007. С. 459—461. Подготовка академического собрания избранных сочинений Тихомирова (о ПСС его трудов вряд ли можно сейчас даже мечтать, если не найдется соответствующей финансовой поддержки, что в период экономического кризиса весьма сомнительно) — дело отдаленного будущего. Впрочем, успешный выход собрания сочинений В.В. Розанова; продолжающееся издание ПСС К.Н. Леонтьева и начавшийся недавно в Петербурге выход собрания сочинений Каткова внушают надежду, что наследие Тихомирова рано или поздно окажется востребованным академической наукой.

36. Социальное значение религиозной личности. — Вышний Волочек, 1903. — 87 с.
37. Государственность и религия. — М., 1903. — 39 с.
38. Альтруизм и христианская любовь. — Вышний Волочек, 1905. — 23 с.
39. Альтруизм и христианская любовь. Изд 2-е, доп. Прилож.: Мысли преподобного Исаака Сирина о христианской любви, милосердии и милостыне, — Сергиев Посад, 1915. — 64 с. — (Религиозно-философская библиотека. Вып. 9).
40. О смысле войны. — М., 1904. — 34 с.
41. Монархическая государственность. Ч. 1 — 4. — [1-е изд-е]. — М., 1905. Вып. 1. Ч. 1. Происхождение и содержание монархического принципа; Ч. 2. Римско-Византийская государственность. — М., 1905. — [4]. 118. [6]., 132 с.
42. Монархическая государственность. Вып. 2. Ч. 3. Русская государственность. — М., 1905. — V. [3], 244 с.
43. Монархическая государственность. Вып. 3. Ч. 4. Монархическая политика. — М., 1905. — [2]. XVI, 318 [2] с.
44. Монархическая государственность. [2-е изд-е]. — Мюнхен, 1923.
45. Монархическая государственность. [3-е изд-е]. — Буэнос-Айрес, 1968. — 674, [6] с.
46. Монархическая государственность. [4-е изд-е]. Репринт изд-я 1968 г. — СПб., 1992. — 674, [6] с.
47. Монархическая государственность. [5-е изд-е]. / Вст. ст. *СМ. Сергеева*, прим. *СМ. Сергеева, З.Г. Антипенко*. — М., 1998. — 672 с.
48. Монархическая государственность. [6-е изд-е].— М., 2004. — 512 с.
49. Монархическая государственность. [7-е изд-е]. — М., 2006. — 624 с. — (Библиотека истории и культуры).
50. Монархическая государственность [8-е изд-е]. / Сост., вступ. статьи и комм. *А.В. Репников*. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. — 752 с.
51. На помощь пленным. М., 1905.
52. Христианство и политика. — М., 1906. — 25 с.
53. Христианство и политика. — М., 1908. — 30 с. [2-е изд-е].
54. Социально-политические очерки. Очерки 1 — 3. Очерк I. Гражданин и пролетарий. Очерк II. Заслуги и ошибки социализма. — 38, Очерк III. Плоды пролетарской идеи. — М., 1906. — 38, 56 с.
55. Заслуги и ошибки социализма. — М., 1906. — 38 с.
56. Гражданин и пролетарий. — М., 1907. — 26 с.
57. Плоды пролетарской идеи. — М., 1907. — 43 с.
58. Социально-политические очерки. М., 1908. Очерк 1. — 32 с. Очерк 2. — 37 с.
59. Что такое отечество. — М., 1907. — 57 с.
60. Самодержавие и народное представительство. — М., 1907. — 22 с.
61. Современное положение приходского вопроса. — М., 1907. — 16 с.
62. Социализм в государственном и общественном отношении. — М., 1907. — 54 с.
63. В подполье. Очерки из жизни русских революционеров 70—80-х гг.: пер. с фр. — СПб., 1907. — 176 с.
64. Апокалипсическое учение о судьбах и конце мира. — Сергиев Посад, 1907. — 36 с.
65. О недостатках конституции 1906 г. — М., 1907 г. — 67 с.
66. К вопросу об общественной деятельности учащейся молодежи... — М., 1907. — 36 с.
67. Рабочие и государство. — СПб., 1908. — 47 с.
68. Рабочий вопрос (практические способы его решения). — М., 1909. — 257 с.
69. Законы о печати. — СПб., 1909. — 46 с.
70. Верховная власть и Основные законы 1906 года. — М., 1909. — 13 с.
71. Представительство народа при верховной власти. — М., 1910. — 12 с.
72. Что такое монархия? Опыт монархического катехизиса. — М., 1911. — 93 с.
73. Государство, свобода и христианство. Симферополь, 1912.
74. К реформе обновленной России (Статьи 1909, 1910, 1911 гг.). — М., 1912. — 343 с.
75. Воспоминания Льва Тихомирова / Пред. *В.И. Невский*, вступ. ст. *В.Н. Фигнер*. — М.-Л., 1927. — 516 с.
76. Воспоминания / вступ. ст. *С.Н. Бурина*. — М., 2003. — 617 с.
77. Плеханов и его друзья. Из личных воспоминаний. / Пред. и прим. *П.С. Попова*. — Л., 1925. — 51 с.
78. Заговорщики и полиция. — М.—Л., 1928. — 229 с. (Сер. Революционное движение в России в мемуарах современников. Под ред. *В. Невского* и *П. Антольева*).
79. Заговорщики и полиция. Пер. с французского. — М., 1930. — 171 с.
80. Религиозно-философские основы истории / Сост., вступ. ст., комм. *М.Б. Смолин*. — М., 1997. — 592 с.
81. Критика демократии. Статьи из журнала «Русское обозрение». 1892—1897 гг. / Вступ. ст. и комм. *М.Б. Смолина*. — М., 1997. — 672 с.
82. Апология Веры и Монархии / Сост., вступ. ст. и прим. *М.Б. Смолин*. — М., 1999. — 480 с.

83. Христианство и политика / Сост., предисл., коммент., прилож. *С.М. Сергеев*; подготовка текста: *С.М. Сергеев, А.В. Ефремов.* — М., 1999. — 616 с.
84. Последние времена: завершение круга мировой революции. — М., 2003. — 80 с.
85. Тени прошлого. Воспоминания / Сост., вступ. ст. и прим. *М.Б. Смолин.* — М., 2000. — 720 с.
86. Церковный собор, единоличная власть и рабочий вопрос / Сост. *М.Б. Смолин.* — М., 2003. — 624 с.
87. Дневник Л.А. Тихомирова. 1915—1917 гг. / Сост., пред., комм. и прим. *А.В. Репников.* — М., 2008. — 441 с.
88. Личность, общество и Церковь. Минск, 2010. — 480 с.
89. Russia political and social. By L. Tikhomirov. Transl. from the Frenc by Edward Aveling. London, Sonnenschein, Lowzey & Co., 1888.
90. La Russie politique et sociale. Paris, 1888
91. Conspirateurs et policiers. — Paris, 1886. — (En tete du titre l'aut.: L.T. — Leon Tikhomirov).

ПРИЛОЖЕНИЕ 5

БИБЛИОГРАФИЯ ОСНОВНЫХ РАБОТ О Л.А. ТИХОМИРОВЕ[1]

МОНОГРАФИИ

1. ***Абелинскас Э.Ю.*** Консерватизм как мировоззрение и политическая идеология (опыт обоснования). — Екатеринбург: Урал. отд-ние РАН, 1999. — 100 с.

2. ***Аврех А.Я.*** П.А. Столыпин и судьбы реформ в России. — М.: Политиздат, 1991. — 285 с.

3. ***Балуев Б.П.*** Либеральное народничество на рубеже XIX—XX веков. — М.: Наука, 1995. — 265 с.

4. ***Бурин С.Н.*** Судьбы безвестные: С. Нечаев, Л. Тихомиров, В. Засулич. — М.: Ин-т всеобщ. истории, 1994. — 284 с.

5. ***Верещагин В.Ю., Макеев В.В., Понежин М.Ю.*** Доктрина монархической государственности Л.А. Тихомирова. — Ростов н/Д.: Рост. юрид. ин-т, 2003. — 120 с.

6. ***Воронихин А.В.*** Прозрения Л.А. Тихомирова (1852—1923) // ***Он же.*** Исторический календарь царствования Александра III: пособие к спецкурсу. — Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 2001. — С. 96—102.

7. ***Ермашов Д.В., Пролубников А.В., Ширинянц А.А.*** Русская социально-политическая мысль XIX — начала XX века: Л.А. Тихомиров. — М.: Книжный дом «Университет», 1999. — 200 с.

8. ***Лебедев Р.*** Русский монархизм и идеология фашизма на примере взглядов Л.А. Тихомирова. — К., Изд. группа BHV, 2002. — 32 с.

9. ***Маевский В.А.*** Революционер-монархист. Памяти Льва Тихомирова. — Белград. Нови-Сад: Рус. тип. Филонова, 1934. — 110 с.

10. ***Милевский О.А.*** Лев Тихомиров: две стороны одной жизни. — Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2004. — 496 с.

11. ***Начапкин М.Н.*** Малоизвестные страницы русского консерватизма. Л.А. Тихомиров: жизнь и мировоззрение. — Екатеринбург: Рос. гос. проф.-пед. ун-т, 2007. — 424 с.

12. ***Посадский С.В., Посадский А.В.*** Лев Александрович Тихомиров: философско-культурологические искания. — СПб.: Изд-во «СПбКО». 2009. — 260 с.

13. ***Репников А.В.*** Консервативная концепция российской государственности. — М.: СигналЪ, 1999. — 161 с.

14. ***Репников А.В.*** Консервативные концепции переустройства России. — М.: Academia, 2007. — 520 с.

15. ***Репников А.В.*** Консервативные представления о переустройстве России (конец XIX — начало XX века). — М.: Готика, 2006. — 423 с.

СТАТЬИ

16. ***Афонский Л.Н.*** Современная Россия и идея народной монархии // Москва. — М., 2001. — № 8. — С. 126—142.

17. ***Бренькова А.С.*** Критика идеи демократии Л.А. Тихомировым // История идей и история общества. Материалы IX Всероссийской научной конференции. — Нижневартовск. 2011. — С. 218—219.

18. ***Булычев Ю.*** Сверяясь с Россией: о жизни и творчестве Л.А. Тихомирова // Москва. — М., 1992. — № 2/4. — С. 113—119.

19. ***Бурин С.Н.*** Эффект Тихомирова // Русский курьер. — М., 1992. — № 8. — С. 8—9.

20. ***Бухбиндер Н.А.*** Зубатовщина в Москве (Неизданные материалы) // Каторга и ссылка. — М., 1925. — № 14 — С. 96—133.

21. ***Бухбиндер Н.А.*** Из жизни Л. Тихомирова (По неизданным материалам) // Каторга и ссылка, — М., 1928. — №. 12. — С. 59—70.

22. ***Верещагин В.Ю., Понежин М.Ю.*** Естественно-правовой аспект доктрины монархической государственности Л.А. Тихомирова // Русская философия права: основные проблемы и традиции. Сборник материалов всероссийской конференции 18 — 19 мая 2000 г. Ростов н/Д., 2000. С. 93—100.

23. ***Гинев В.Н.*** Революция или эволюция? Спор бывшего народовольца Льва Тихомирова с ветераном народнического движения Петром Лавровым // Отечественная история и историческая мысль в России XIX—XX вв.: сборник статей к 75-летию Алексея Николаевича Цамутали. — СПб., 2006. — С. 222—246.

24. ***Гордейчик Е., Машкин А.*** Творческий консерватизм Льва Тихомирова: переосмысление наследия славянофилов // А.С. Хомяков — мыслитель, поэт, публицист. — М., 2007. — Т. 1. — С. 241—249.

25. ***Доброхотов А.*** Лев Тихомиров // Волгарь. — 1913. 16 октября.

[1] Составлена А.В. Репниковым.

26. ***Ефименко А.Р.*** Л.А. Тихомиров: обзор документов личного фонда // Вестник архивиста. — М., 1999. — № 6. — С. 61—67.

27. ***Ефименко А.Р.*** Тема эсхатологии в социально-философских концепциях Л.А. Тихомирова // Историко-философская проблема: существо и типологическое многообразие. — М., 1998. — С. 74—80.

28. ***Ефименко А.Р.*** Учение Ж.-Ж. Руссо в философско-государственной концепции Л.А. Тихомирова // Историко-философская персоналия: методологические аспекты: материалы конференции молодых ученых, 2 декабря 1999 г. — М., 1999. — С. 11—20.

29. ***Зайцев А.*** Тернистый путь (к 150-летию со дня рождения Л.А. Тихомирова) // Подъем. — Воронеж, 2002. — № 1. — С. 210—230.

30. ***Карнишин В.Ю.*** Л.А. Тихомиров о проблемах российской государственности: из истории консерватизма второй половины XIX — начала XX в. // Актуальные проблемы политики и права. — Пенза, 2001. — Вып. 3. — С. 12—16.

31. ***Карцов А.С.*** Проблема личности и власти в творчестве Л.А. Тихомирова // Личность и власть в истории России XIX — XX вв. — СПб., 1997. — С. 103—108.

32. ***Картавых Г.А.*** Социально-экономическая проблематика в легальной публицистике Л. Тихомирова // Актуальные проблемы региональных исследований: сборник научных и научно-методических трудов преподавателей, аспирантов и студентов кафедры регионологии Алтайского государственного технического университета. — Барнаул, 2008. — Вып. 8. — С. 68—74.

33. ***Кононова О.А.*** Опыт «полицейского социализма»: к истории сотрудничества С.В. Зубатова и Л.А. Тихомирова // Исторические документы и актуальные проблемы археографии, отечественной и всеобщей истории нового и новейшего времени. Сборник тезисов докладов участников конференции молодых ученых и специалистов «Clio — 2011». — М., 2011. — С. 58—60.

34. ***Костылев В.Н.*** Выбор Льва Тихомирова // Вопросы истории. — М., 1992. — № 6/7. — С. 30—46.

35. ***Костылев В.Н.*** Лев Тихомиров на службе царизма // Новая советская литература по общественным наукам. История. Археология. Этнография. — М., 1985. — № 2. — С. 95.

36. ***Костылев В.Н.*** Ренегатство Л.А. Тихомирова и русское общество в конце 80-х — начале 90-х годов XIX в. // Проблемы истории СССР. — М., 1980. — Вып. 11. — С. 151—169.

37. ***Лачаева М.Ю.*** «Цветущая сложность» К.Н. Леонтьева и концепция Л.А. Тихомирова // Историография истории России до 1917 г.: учебник для студентов высших учебных заведений в 2 тт. — М., 2004. — Т. 2. — С. 65—91.

38. ***Лурье В.М.*** Протрезвление от славянофильской утопии: К.Н. Леонтьев, Л.А. Тихомиров и их выбор между Православием и Россией // Эпоха: Общество. Политика. Цивилизация. — М., 2003. — № 11. — С. 56—69.

39. ***Макаров В.Г., Репников А.В.*** Александр Дубровин и Лев Тихомиров: судьба после крушения самодержавия // Историк и время. — Пенза, 2004. — С. 131—144.

40. ***Малахов-Камартан К.*** Лев Тихомиров и Плеве // Красная летопись. — М.-Л., 1923. — № 7. — С. 199—207.

41. ***Милевский О.А.*** Анализ основных направлений публицистики Л.А. Тихомирова в «Московских ведомостях» (1909 — 1913 гг.) // Ползуновский вестник. — Барнаул. — 2006. — №3/2. — С. 312—322.

42. ***Милевский О.А.*** Еще раз к проблеме «ренегатства» Л. Тихомирова // Природа, общество, человек: региональная научно-практическая конференция молодых специалистов. — Томск, 1995. — С. 23—24.

43. ***Милевский О.А.*** Идеи Л. Тихомирова по преобразованию церковно-государственных отношений в духе теории «идеальной монархии» (1901—1913 гг.) // Консерватизм в России и мире: прошлое и настоящее: Сборник научных трудов. — Воронеж, 2001. — С. 147—159.

44. ***Милевский О.А.*** Из истории русско-китайских культурных связей: Л. Тихомиров и его роль в пропаганде православия в Китае в конце XIX — начале XX в. // Вестник Томского государственного педагогического университета. Серия: Философия, история. — 1999. — Вып. 1. — С. 55—57.

45. ***Милевский О.А.*** К вопросу о причинах отхода Л. Тихомирова от революционного движения. — Томск, 1995. — 25 с. Рукопись деп. в ИНИОН РАН № 51133 от 29.01.96 г. — 25 с.

46. ***Милевский О.А.*** К истории идейной эволюции Л. Тихомирова: последние годы эмиграции (1885—1888 гг.) // Проблемы отечественной и всеобщей истории: сборник статей, посвященный 70-летию д.и.н., проф. Л.И. Боженко. — Томск, 1999. — С. 96—111.

47. ***Милевский О.А.*** Концепция создания «нового социального строя» в России в трудах Л.А. Тихомирова // Тюменский исторический сборник. — Тюмень, 2010. — Вып. 13. — С. 146—151.

48. ***Милевский О.А.*** Л. Тихомиров и демократическая журналистика: анализ легальной публицистики (1880—1884 гг.) // Актуальные проблемы региональных исследований: сборник научных и научно-методических трудов преподавателей, аспирантов и студентов кафедры регионологии Алтайского государственного технического университета. — Барнаул, 2002. — Вып. 2. — С. 42—67.

49. ***Милевский О.А.*** Л. Тихомиров и его роль в организации православной миссии в Китае // Право-

славие и духовное возрождение России: Доклады V-х духовно-исторических чтений. — Томск, 1996. — С. 35—36.

50. ***Милевский О.А.*** Л. Тихомиров и «зубатовщина» в Москве. 1901—1903 гг. // Актуальные проблемы региональных исследований: сборник научных и научно-методических трудов преподавателей, аспирантов и студентов кафедры регионологии Алтайского государственного технического университета. — Барнаул, 2003. — Вып. 3. — С. 101—112.

51. ***Милевский О.А.*** Л. Тихомиров и К. Леонтьев: к истории взаимоотношений // Вестник Томского государственного педагогического университета. — 1997. — Вып. 1 — С. 70—74.

52. ***Милевский О.А.*** Л. Тихомиров о взаимоотношениях православной церкви и самодержавного государства (1892 — 1905 гг.) // Вестник Томского государственного педагогического университета. — 1997. — Вып. 3. — С. 37—44.

53. ***Милевский О.А.*** Л. Тихомиров о социально-экономической политике правительства в 1909—1913 гг. // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История. Филология. — 2001. — Т. 6. Вып. 1. — С. 175—178.

54. ***Милевский О.А.*** Л.А. Тихомиров и Б. Муссолини: две концепции «корпоративного государства» (опыт сравнительного анализа) // Актуальные проблемы региональных исследований: сборник научных и научно-методических трудов преподавателей, аспирантов и студентов кафедры регионологии Алтайского государственного технического университета. — Барнаул, 2006. — Вып. 4. — С. 89—124.

55. ***Милевский О.А.*** Л.А. Тихомиров и рабочий вопрос в России // Консерватизм в России и мире. В 3 ч. — Воронеж. — 2004. — Серия: Монографии. Вып. 3. — С. 126—146.

56. ***Милевский О.А.*** Лев Тихомиров и Сергей Зубатов: из истории «полицейского социализма» // Актуальные проблемы региональных исследований: сборник научных и научно-методических трудов преподавателей, аспирантов и студентов кафедры регионологии Алтайского государственного технического университета. — Барнаул, 2010. — Вып. 10. — С. 35—64.

57. ***Милевский О.А.*** Лев Тихомиров как литературный критик // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. — 2010. — № 4. — С. 123—131.

58. ***Милевский О.А.*** Л.А. Тихомиров о реформировании социально-сословных отношений в Российской империи в конце XIX — начале XX в. // Актуальные проблемы региональных исследований: сборник научных и научно-методических трудов преподавателей, аспирантов и студентов кафедры регионологии Алтайского государственного технического университета. — Барнаул, 2005. — Вып. 5. — С. 121—182.

59. ***Милевский О.А.*** Монархическая утопия Л. Тихомирова // Духовное и социальное развитие России 1990-х годов: проблемы сохранения жизненных сил русского народа. Материалы региональной научно-практической конференции. 1999 г. — Барнаул, 2000. — Вып. II. — С. 112—117.

60. ***Милевский О.А.*** «Московские ведомости» в годы редакторства Л.А. Тихомирова: 1909—1913 гг. // Сборник материалов научных конференций: «Консерватизм в России и мире: прошлое и настоящее», «Национальный вопрос в Европе в новое и новейшее время», «Правый консерватизм в России и русском зарубежье в новое и новейшее время». — Воронеж. — 2005. — С. 130—151.

61. ***Милевский О.А.*** «Московские ведомости» о социально-экономической политике правительства в 1909—1911 гг.: анализ передовиц Л.А. Тихомирова // Российская империя: стратегии стабилизации и опыты обновления. — Воронеж. 2004. — Серия: Монографии. Вып. 5. — С. 372—377.

62. ***Милевский О.А.*** Под псевдонимом «Кар...» (к вопросу об установлении поэтического псевдонима Л.А. Тихомирова) // Гуманитарному факультету — 15 лет: юбилейный сборник научных и научно-методических трудов преподавателей и аспирантов гуманитарного факультета Алтайского государственного технического университета. — Барнаул, 2007. — Вып. 2. — С. 36—41.

63. ***Милевский О.А.*** Православная составляющая в концепции «этической монархии» Л. Тихомирова // Теология и религиоведение. — Барнаул, 2000. — Вып. 1. — С. 46—49.

64. ***Милевский О.А.*** Программа «национальных реформ» Л.А. Тихомирова: Социально-экономический аспект // Вестник Сургутского государственного педагогического университета — Сургут. — 2009. — № 3. — С. 18—30.

65. ***Милевский О.А.*** Проект «идеальной монархии» Л.А. Тихомирова: утопия или реальность // Эхо: сборник статей по новой и новейшей истории Отечества. — М., 2001. — Вып. 5. — С. 10—27.

66. ***Милевский О.А.*** Религиозная историософия Л. Тихомирова // Актуальные проблемы региональных исследований: сборник научных и научно-методических трудов преподавателей, аспирантов и студентов кафедры регионологии Алтайского государственного технического университета. — Барнаул, 2008. — Вып. 8. — С. 153—191.

67. ***Милевский О.А.*** Российская дальневосточная политика конца XIX — начала XX в. в геополитической проекции Л.А. Тихомирова // Проблемы национальной стратегии. — М., 2010. — № 4. — С. 147—167.

68. ***Милевский О.А.*** Русские мыслители о положении русской православной церкви в конце XIX в.: (на примере дискуссии между В.С. Соловьевым и Л.А. Тихомировым в 1892—1894 гг.) // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. — 1999. — № 1. — С. 45—47.

69. ***Милевский О.А.*** Текст Апокалипсиса в историософском наследии Л.А. Тихомирова // Человек — Текст — Эпоха. Томск. — 2011. — Вып. 4. — С. 302—316.

70. ***Милевский О.А., Репников А.В.*** Опыт создания политической биографии Л.А. Тихомирова как пример исторического исследования // История идей и история общества: Материалы VIII Всероссийской научной конференции (г. Нижневартовск, 15—16 апреля 2010 года). — Нижневартовск, 2010. — С. 182—184.

71. ***Назаров В.Н.*** «Загадочный Лев Тихомиров» [Предисловие к публикации писем Л.А. Тихомирова о мистике] // Вопросы философии. — М., 1992. — № 5. — С. 123—139.

72. ***Невский В.И.*** Герой политического безвременья // Воспоминания Льва Тихомирова. — М.—Л., 1927. — С. III—XXI.

73. ***Оболенский Л.Е.*** Умственные шатания: по поводу полемики между Вл. Соловьевым и Львом Тихомировым // Книжки недели. — 1893. — № 9. — С. 197—207.

74. ***Пайпс Р.*** Лев Тихомиров: революционер поневоле // Неприкосновенный запас. — М., 2010. — № 4. — С. 116—153.

75. ***Парамонов Б.*** О ненужности покаяния // Звезда. — Л., 1994. — № 2. — С. 199—206.

76. ***Пелевин Ю.А.*** Новые материалы о народовольцах А.Д. Михайлове, А.П. Прибылевой-Корбе и Л.А. Тихомирове // Вестник Московского университета. — М., 1979. — № 3. Сер. 8: История. — С. 65—77.

77. ***Попов Э.А.*** Проблема Верховной власти в политико-правовых доктринах Л.А. Тихомирова и Б.Н. Чичерина // Философия права. — Ростов н/Д., 2005. — № 2. — С. 14—17.

78. ***Попов Э.А.*** Проблема понятийно-категориального аппарата в исследованиях по истории русской монархической мысли рубежа XIX—XX вв. // Эхо: сборник статей по новой и новейшей истории Отечества. — М., 2000. — Вып. 4. — С. 77—80.

79. ***Попов Э.А.*** Рабочий вопрос в неоконсервативной доктрине Л.А. Тихомирова // Вторые межрегиональные научные чтения по актуальным проблемам социальной истории и социальной работы: научно-теоретическая конференция: тезисы докладов и сообщений. 24 — 25 мая 2001 г. — Новочеркасск, 2001. — С. 33.

80. ***Попов Э.А.*** Л.А. Тихомиров и Б.Н. Чичерин: спор оппонентов // Либеральный консерватизм: история и современность. — М., 2001. — С. 188—194.

81. Последний консерватор // Речь. — 1914. № 82.

82. ***Ремнев А.В.*** Крестный путь Льва Тихомирова // Исторический ежегодник. — Омск, 1997. — Специальный выпуск: Общественное движение в Сибири в начале XX века. — С. 113—133.

83. ***Ремнев А.В.*** Между революцией и самодержавием (идейная метаморфоза Льва Тихомирова) // Русский вопрос: история и современность. — Омск, 1993. — С. 43—50.

84. ***Репников А.В.*** 1917 год на страницах неопубликованного дневника Льва Тихомирова // Музейный сборник. Материалы научной конференции «Великий Октябрь и мировая цивилизация», проходившей 10 ноября 2007 г. — М., 2008. — Вып. 11. — С. 211—220.

85. ***Репников А.В.*** Быт русского консерватора конца XIX — нач. XX в. (По материалам дневника Л.А. Тихомирова) // Человек в российской повседневности: сборник научных статей. — М., 2001. — С. 174—182.

86. ***Репников А.В.*** «...Все идет к перевороту». Лев Тихомиров. Из Дневника 1917 г. // Россия XXI. — М., 2006. — № 5. — С. 160—188.

87. ***Репников А.В.*** Два письма Льва Тихомирова к Ольге Новиковой // Эхо: сборник статей по новой и новейшей истории Отечества. — М., 2000. — Вып. 3. — С. 104—109.

88. ***Репников А.В.*** Дневник Л.А. Тихомирова 1915—1916 гг. // Герценовские чтения 2007. Актуальные проблемы социальных наук. Сборник научных и учебно-методических трудов. — СПб., 2008. — С. 112—114.

89. ***Репников А.В.*** Дневник Льва Тихомирова как исторический источник // Научное наследие академика Л.В. Черепнина и российская история в Средние века и Новое время во всемирном историческом процессе: материалы Всероссийской научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения академика Л.В. Черепнина, 90-летию основания и 75-летию со дня воссоздания Рязанского государственного педагогического университета им. С.А. Есенина, 17—19 ноября 2005 года. — Рязань, 2006. — С. 256—260.

90. ***Репников А.В.*** «Если гибнет моя Россия...» (быт русского консерватора начала XX века по материалам дневника Л.А. Тихомирова) // Гуманитарный сервис: X Международная научная конференция «наука — сервису»: Материалы секций: «История и культура повседневности» и «Актуальные проблемы социально-гуманитарного сервиса». — М., 2005. — Кн. 3. — С. 25—38.

91. ***Репников А.В.*** Константин Леонтьев и Лев Тихомиров // Эхо: сборник статей по новой и новейшей истории Отечества. — М., 2000. — Вып. 3. — С. 7—16.

92. ***Репников А.В.*** Л.А. Тихомиров — две грани одной жизни // Эхо: сборник статей по новой и новейшей истории Отечества. — М., 2001. — Вып. 5. — С. 5—9.

93. ***Репников А.В.*** Л.А. Тихомиров о «заслугах и ошибках социализма» // Провинция России: тенденции, факторы и перспективы социокультурной динамики. Материалы круглого стола «Регионы России» III международной Кондратьевской конференции. — М.-Кострома, 1998. — С. 131—133.

94. ***Репников А.В.*** Л.А. Тихомиров о рабочем вопросе // Предприниматели и рабочие России в трудах

историков XX века: материалы международной научной конференции, посвященной памяти профессора М.Н. Белова. — Кострома, 2001. — Ч. 1. — С. 92—97.

95. ***Репников А.В.*** Л.А. Тихомиров, «схимник от самодержавия» // Россия и современный мир. — М., 2002. — № 3. — С. 178—191.

96. ***Репников А.В.*** Лев Александрович Тихомиров // Отечественная история. — М., 2008. — № 2. — С. 146—160.

97. ***Репников А.В.*** Лев Александрович Тихомиров // Вопросы истории. — М., 2011. — № 4. — С. 20—32.

98. ***Репников А.В.*** Лев Тихомиров в 1917 г. (по материалам дневника) // 1917 год: революции в России: Материалы Всероссийской научной конференции (30 ноября — 1 декабря 2007 г.). — М., 2008. — С. 277—282.

99. ***Репников А.В.*** Лев Тихомиров — от революции к апокалипсису // Россия и современный мир. — М., 1998. — Вып. 3. — С. 189—198.

100. ***Репников А.В.*** Лев Тихомиров в Сергиевом Посаде // Проблемы истории Московского края: материалы пятой научно-практической конференции, посвященной 75-летию Московского государственного областного университета. (Москва, 28 марта 2006 г.). — М., 2006. — С. 189—191.

101. ***Репников А.В.*** Лев Тихомиров: «Мои идеи отвергнуты и покинуты народом, Россией и человечеством» // Философия и будущее цивилизации: Тезисы докладов и выступлений IV Российского философского конгресса (Москва, 24 — 28 мая 2005 г.): В 5 тт. — М., 2005. — Т. 5. — С.614—615.

102. ***Репников А.В.*** Лев Тихомиров о социализме // Подмосковная правда. — 1999. — № 1. — С. 3.

103. ***Репников А.В.*** Лев Тихомиров: «Царство русское кончено при Николае II» // Революция в России: история и современность: материалы третьей межрегиональной научной конференции. — Рязань, 2007. — С. 22—27.

104. ***Репников А.В.*** Лев Тихомиров: возвращение к истокам // Эволюция консерватизма: европейская традиция и русский опыт: Материалы международной научной конференции. Самара, 26 — 29 апреля 2002 года. — Самара, 2002. — С. 226—239.

105. ***Репников А.В.*** «Моя судьба — злая насмешка» (революционер и консерватор Лев Тихомиров) // Гуманитарные науки в творческом вузе: сборник статей. — М., 2010. — Вып. 3. — С. 25—46.

106. ***Репников А.В.*** «Мы находимся в положении лодки, попавшей в водоворот...» (по страницам Дневника Л.А. Тихомирова) // Ставропольский альманах Российского общества интеллектуальной истории. — Ставрополь, 2005. — Вып. 7. — С. 266—280.

107. ***Репников А.В.*** Неизвестная мистическая повесть Л.А. Тихомирова // Эхо: сборник статей по новой и новейшей истории Отечества. — М., 1999. — Вып. 1. — С. 8—12.

108. ***Репников А.В.*** «Несчастный Царь, может быть — последний» (события Февральской революции на страницах Дневника Л.А. Тихомирова) // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. — 2007. — № 3. — С. 31—40.

109. ***Репников А.В.*** «От правых, кажется, я стою в стороне больше, чем от левых...»: дневник Л.А. Тихомирова // Сборник материалов научных конференций: «Консерватизм в России и мире: прошлое и настоящее», «Национальный вопрос в Европе в новое и новейшее время», «Правый консерватизм в России и русском зарубежье в новое и новейшее время». — Воронеж, 2005. — С. 94—113.

110. ***Репников А.В.*** Оценка социалистической перспективы в работах Л.А. Тихомирова // Общественная мысль и политические деятели России XIX и XX веков. Материалы научной конференции. 16—17 апреля 1996 г. — Смоленск, 1996. — С. 37—39.

111. ***Репников А.В.*** «...Погибла Родина, погиб мой народ, моя церковь, мои политические идеалы...» (Лев Тихомиров и его дневник) // IV Сургучевские чтения: «Локальная литература и мировой литературный процесс»: Сборник материалов Международной научно-практической конференции. — Ставрополь, 2007. — С. 352—359.

112. ***Репников А.В.*** Предисловие / Дневник Л.А. Тихомирова. 1915—1917 гг. / Составление, предисловие, комментарии и примечания ***А.В. Репников***. — М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2008. — 440 с., ил.

113. ***Репников А.В.*** «...Силам добра нет доступа к власти»: (по страницам дневника Льва Тихомирова) // Историческая газета. — 2006. — № 6. — С. 10.

114. ***Селиванова Г.И.*** Некоторые проблемы политико-правовой концепции Л.А. Тихомирова // Проблемы истории России. — Екатеринбург, 1998. — Вып. 2. — С. 253—259.

115. ***Соломкина А.А.*** Концепция идеального государства в социальной философии Л.А. Тихомирова // Философский век: Альманах. — Вып. 12. Российская утопия: от идеального государства к совершенному обществу: Материалы Третьей Международной Летней школы по истории идей, 9—30 июля 2000 г. — СПб., 2000. — С. 159—167.

116. ***Сергеев С.М.*** «Мои идеалы в вечном...»: (творческий традиционализм Льва Тихомирова) // ***Тихомиров Л.А.*** Монархическая государственность. — М., 1998. — С. 3—23.

117. ***Сергеев С.М.*** От составителя // ***Тихомиров Л.А.*** Христианство и политика. — М., 2002. — С. 5—7.

118. ***Сергеев С.М*** Л.А. Тихомиров и лагерь русских традиционалистов в 90-е гг. XIX в.: (материалы к истории русского традиционализма) // ***Тихомиров Л.А.*** Христианство и политика. — М., 2002. — С. 606—615.

119. ***Смолин М.Б.*** Всеобъемлющий идеал Льва Тихомирова // ***Он же.*** Очерки Имперского пути. Неизвестные русские консерваторы второй половины XIX — первой половины XX века. — М., 2000. — С. 27—34.

120. ***Смолин М.Б.*** «Если нам суждено жить, мы должны искать иных путей» // ***Он же.*** Очерки Имперского пути. Неизвестные русские консерваторы второй половины XIX — первой половины XX века. — М., 2000. — С. 35—55.

121. ***Смолин М.Б.*** Система православной монархии Льва Тихомирова // ***Он же.*** Очерки Имперского пути. Неизвестные русские консерваторы второй половины XIX — первой половины XX века. — М., 2000. — С. 65—83.

122. ***Смолин М.Б.*** От Бога все его труды // ***Тихомиров Л.А.*** Тени прошлого. Воспоминания. — М., 2000. — С. 5—16.

123. ***Степанов А.Д.*** «Я увидел и отвернулся...» (Лев Тихомиров о русской революции) // Вече: Альманах русской философии и культуры. — СПб., 1994. — Вып. 1. — С. 95—105.

124. ***Суслов М.Д.*** Правовые взгляды Льва Тихомирова // Право: сборник студенческих работ. — М., 1999. — С. 78—115.

125. ***Сухоруких А.В.*** Рабочий вопрос в России: монархическая альтернатива Л.А. Тихомирова // Страницы истории и историографии отечества. — Воронеж, 1999. — Вып. 2. — С. 82—92.

126. ***Сухотина Л.Г.*** Л.А. Тихомиров о взаимоотношении церкви и государства // Культура Отечества: прошлое, настоящее и будущее. — Томск, 1995. — Вып. 4. — С. 130—133.

127. ***Тимохова Е.А.*** Консерватор рубежа XIX — XX веков Лев Тихомиров // Платоновские чтения. — Самара, 1998. — Вып. 2. — С. 78—82.

128. ***Тимохова Е.А.*** Лев Тихомиров: на защите национального государственного строя // Платоновские чтения. — Самара, 1998. — Вып. 1. — С. 34—39.

129. ***Тимохова Е.А.*** Лев Тихомиров о нравственно-общественном значении христианства // Христианство и мир: Материалы Всероссийской научно-практической конференции «Христианство — 2000», 16—18 мая 2000 г. — Самара, 20001. — С. 781—788.

130. ***Тимохова Е.А.*** Лев Тихомиров: от революционности к консерватизму // Самарский земский сборник. — Самара, 2000. — № 1. — С. 114—116.

131. ***Трифонов А.Г.*** Апокалиптические элементы в мировоззрении Л.А. Тихомирова: эсхатологическая история России // Россия в новое время: Историческая традиция и проблемы самоидентификации: материалы межвузовской научной конференции 25—27 апреля 1996 г. — М., 1996. С. 141—143.

132. ***Тростников В.Н.*** Он поправил самого Аристотеля: 150 лет со дня рождения Л.А. Тихомирова // Русский дом. — М., 2002. — № 2. — С. 36.

133. ***Трофимов А.*** Епископ Тихон (Тихомиров) // Новая книга России. — 2001. — № 4. — С. 61—64.

134. ***Федосеева И.*** Русский фонд души: Духовное завещание Л.А. Тихомирова // Домострой. — М., 1991. 7 мая.

135. ***Фигнер В.Н.*** По поводу записок Л. Тихомирова // Воспоминания Льва Тихомирова. — М.—Л., 1927. — С. XXII—XXXVI.

136. ***Филимонов В. (Александров М.)*** Лев Тихомиров как пример для русской интеллигенции // Монархист. — 1995. — №№ 29,30. — 1996. — № 31/32. — URL: http://monarhist-spb.narod.ru/

137. ***Харуки Вада.*** Лев Тихомиров: его духовный мир в последние годы жизни (1913—1923) // Россия как проблема всемирной истории. Избранные труды. — М., 1999. — С. 123—162.

138. ***Цыганов В.И.*** Л.А. Тихомиров о монархии и республике // Нижегородский юрист: Сборник научных статей. Альманах. — Нижний Новгород, 2000. — Вып. 1. — С. 43—47.

139. ***Чебчев Ф.*** Л. Тихомиров и 1 марта 1881 г. // Голос Москвы. — 1911. № 244.

140. ***Чесноков С.В.*** Где и когда произошла встреча Л.А. Тихомирова и П.А. Флоренского? // V Саровская историческая конференция, посвященная 100-летию канонизации преподобного Серафима Саровского. Тезисы докладов. — Саров, 2003. — С. 126—128.

141. ***Чесноков С.В.*** «Да разгорается эта искра в пламя» (Роль В.М. Васнецова в истории первого издания «Монархической государственности» Л.А. Тихомирова // Проблемы взаимодействия духовного и светского образования. История и современность: XII Рождественские православно-философские чтения. — Нижний Новгород, 2004. — С. 52—62.

142. ***Чесноков С.В.*** Интеллигенция и правосознание // Судьбы российской интеллигенции: Материалы третьей Всероссийской научной студенческой конференции 13—14 декабря 1995 г. — Нижний Новгород, 1996. — С. 134—136.

143. ***Чесноков С.В.*** Ключ к пониманию (Анонимность «Эсхатологической фантазии» Л.А. Тихомирова «В последние дни» и двуединство апокалипсического сюжета первомартовского цареубийства 1881 г.) // Эсхатологический сборник. — СПб., 2006. — С. 185—202.

144. ***Чесноков С.В.*** Л.А. Тихомиров и П.А. Флоренский в контексте исторического развития России // Энтелехия. — 2005. — № 10. — С. 22—33.

145. ***Чесноков С.В.*** Лев Тихомиров и Макс Вебер: монархия и цезаризм // Мир власти: традиция, символ, миф: материалы Российской научной конференции молодых исследователей 17 — 19 апреля 1997 г. — М., 1997. — С. 60—63.

146. ***Чесноков С.В.*** Лев Тихомиров по обе стороны баррикад // Новая деловая книга. —1998. — № 4. — С. 44—51.

147. ***Чесноков С.В.*** «...Не идут мне впрок советы старца...» (О причинах признания Временного Правительства Львом Тихомировым) // Царские дни в Иваново-Вознесенске. Православно-патриотические чтения, посвященные памяти Государя-Мученика Николая II. — Иваново, 2003. — С. 71—74.

148. ***Чесноков С.В.*** Неизвестный Тихомиров (1852 — 1923) // Отечественная философия: русская, российская, всемирная. — Нижний Новгород, 1998. — С. 200—203.

149. ***Чесноков С.В.*** Неизвестный Тихомиров // Отечественная философия: русская, российская, всемирная: материалы V Российского симпозиума историков русской философии. — Нижний Новгород, 1998. — С. 112—113.

150. ***Чесноков С.В.*** Проблемы кадровой политики в советской историографии // Проблемы историографии и источниковедения партийных организаций. — Пермь, 1992. — С. 57—63.

151. ***Чесноков С.В.*** Святитель Митрофан Воронежский и тайна материнского благословения Льва Тихомирова // Трибуна русской мысли. — 2002. — № 2. — С. 94—102.

152. ***Чесноков С.В.*** «Социология господства» Макса Вебера сквозь призму теории верховной власти Л.А. Тихомирова // Полис: Политические исследования. — 2000. — № 2. — С. 161—171.

153. ***Чесноков С.В.*** Тема еврейской письменности в переписке Л.А. Тихомирова и П.А. Флоренского // На пути к синтетическому единству европейской культуры. Философско-богословское наследие П.А. Флоренского и современность. — М., 2006. — С. 212—222.

154. ***Чесноков С.В.*** Теория верховной власти Льва Тихомирова: аксиома, о которой умолчали? // Проблемы истории и творческое наследие профессора Н.П. Соколова: Материалы межвузовской конференции 10—11 октября 1997 г. — Нижний Новгород, 1998. — С. 237—239.

155. ***Чесноков С.В.*** Чудесное спасение семьи императора Александра III и покаяние вождя террористической партии «Народная Воля» Л.А. Тихомирова // Покровские Дни: Тезисы докладов историко-патриотических чтений, посвященных 100-летию со дня рождения Цесаревича Алексия: «Наследник Престола и наследники Империи». — Нижний Новгород, 2004. — С. 7—8.

156. ***Чесноков С.В.*** Эволюция восприятия идеолога «Народной воли» Л.А. Тихомирова // Ученые записки Волго-Вятского отделения Международной Славянской Академии наук, образования, искусств и культуры. — Нижний Новгород. 2005. — Вып. 16. — С. 169—176.

157. ***Чурзин В.В.*** Л.А. Тихомиров и парижская эмиграция // Вече: Альманах русской философии и культуры. — СПб., 1998. — Вып. 11. — С. 32—55

158. ***Шамяунов Е.Д.*** Программа консервативного обновления России Льва Тихомирова // Вестник Челябинского университета. Сер. 1: История. — 1999. — С. 95—104.

159. ***Шерстюк М.В.*** Драма консерватора (Л.А. Тихомиров) // Доклады ТСХА. — М., 2008. — Вып. 280. — С. 369—371.

160. ***Шерстюк М.В.*** Идеальная монархия Льва Тихомирова. // Власть и общество: проблемы теории и практики политической модернизации России XIX — XX вв. — М., 2004. — С. 59—128.

161. ***Шерстюк М.В.*** К вопросу о взглядах на организацию национальной промышленности на рубеже XIX—XX вв. // Глобализация и предпринимательство: национально-государственные стратегии и практики: материалы IV международной научной конференции, Домодедово — Москва. — Домодедово, 2009. — С. 247—250.

162. ***Шерстюк М.В., Некрасов О.Г.*** К вопросу о зарождении религиозной полемики на страницах русской периодической печати в первой половине 90-х гг. XIX в. // Материалы научной конференции (декабрь 2001 года). Сборник научных трудов. — М., 2002. — Вып. 8. — С. 290—296.

163. ***Шерстюк М.В.*** Мыслитель из «Соломенной сторожки». Л.А. Тихомиров в Петровской земледельческой и лесной академии // Материалы юбилейной научной конференции (декабрь 2000 года): сборник научных трудов. — М., 2001. — Вып. 6. — С. 223—227.

164. ***Шерстюк М.В.*** На краю истории. Эволюция религиозных взглядов Льва Тихомирова в 1900-е годы // Родина. — М., 2010. — № 1. — С. 81—83.

165. ***Шерстюк М.В.*** Не услышанный Лев Тихомиров // Материалы IV научной конференции молодых ученых МГУ им. Н.П. Огарева: Научные труды в 3 частях. — Саранск, 1999. — Ч. 3. — С. 81—84.

166. ***Шерстюк М.В.*** Одиночество Льва Тихомирова // Россия XXI. — М., 2002. — № 2. — С. 142—163.

167. ***Шерстюк М.В.*** Эволюция эсхатологических взглядов Л. Тихомирова в 1900-е годы // Ломоносовские чтения 2007: Основные направления реализации национальных проектов РФ в системе повышения квалификации преподавателей: в 2-х частях. Научная конференция: сборник докладов. — М., 2007. — Ч. 2. — С. 345—351.

АВТОРЕФЕРАТЫ ДИССЕРТАЦИЙ

168. ***Ефименко А.Р.*** Эволюция социально-исторических и философских взглядов Л.А. Тихомирова: автореф. дис. ... канд. филос. наук. — М., 2000. — 24 с.

169. ***Карцов А.С.*** Политическая теория Л.А. Тихомирова: автореф. дис. ... канд. полит. наук. — СПб., 1998. — 64 с.

170. ***Костылев В.Н.*** Лев Тихомиров на службе царизма (из истории общественно-идейной борьбы в России в конце XIX — начале XX в.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. — М., 1986. — 25 с.

171. ***Лукьянов М.Н.*** Российский консерватизм и реформа, 1907—1914: автореф. дис. ... докт. ист. наук. — СПб., 2004. — 56 с.

172. ***Милевский О.А.*** Тихомиров Л.А.: от революционности к монархизму: автореф. дис. ... канд. ист. наук. — Томск, 1996. — 18 с.

173. ***Милевский О.А.*** Л.А. Тихомиров: из истории формирования консервативной мысли в России в конце XIX — начале XX в.: автореф. дис. ... докт. ист. наук — Томск, 2007. — 48 с.

174. ***Начапкин М.Н.*** Монархическая идея в русском консерватизме конца XIX — начале XX века: автореф. дис. ... канд. ист. наук. — Екатеринбург, 1998. — 24 с.

175. ***Омельянчук И.В.*** Черносотенное движение в Российской империи (1901—1914 гг.): автореф. дис. ... докт. ист. наук. — Воронеж, 2006. — 46 с.

176. ***Петричко Ю.В.*** Наследие Л.А. Тихомирова в отечественной историографии: автореф. дис. ... канд. ист. наук. — М., 2007. — 26 с.

177. ***Попов Э.А.*** Разработка теоретической доктрины русского монархизма в конце XIX — начале XX века: автореф. дис. ... канд. ист. наук. — Ростов н/Д., 2000. — 28 с.

178. ***Попов Э.А.*** Русский консерватизм: идеология и социально-политическая практика: автореф. дис. ... докт. филос. наук. — Ростов н/Д., 2006. — 38 с.

179. ***Пролубников А.В.*** Концепция монархической государственности Л.А. Тихомирова: автореф. дис. ... канд. полит. наук. — М. 1998. — 18 с.

180. ***Репников А.В.*** Консервативная концепция переустройства России в контексте исторического процесса конца XIX — начала XX в.: автореф. дис. ... докт. ист. наук. — М., 2006. — 57 с.

181. ***Репников А.В.*** Проблемы государственной власти в концепции русских консервативных мыслителей конца XIX — начала XX в: (исторический аспект): автореф. дис. ... канд. ист. наук. — М., 1997. — 25 с.

182. ***Рузавин В.В.*** Русская либеральная и консервативная философия на рубеже XIX—XX веков: основные направления эволюции: автореф. дис. ... канд. филос. наук. — СПб., 2000. — 25 с.

183. ***Рухтаева Л.В.*** Идея монархической власти в российской политической культуре конца XIX — начала XX в.: автореф. дис. ... канд. филос. наук. — Екатеринбург, 1995. — 20 с.

184. ***Сергеев С.М.*** Идеология творческого традиционализма в русской общественной мысли 80—90-х гг. XIX в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. — М., 2002. — 16 с.

185. ***Сергеева Е.В.*** Политические процессы и практика монархической государственности в России: автореф. дис. ... канд. филос. наук. — М., 2000. — 25 с.

186. ***Смолин М.Б.*** Государственно-правовые идеи Л.А. Тихомирова: автореф. дис. ... канд. ист. наук. — СПб., 2004. — 23 с.

187. ***Тимохова Е.А.*** Лев Тихомиров и русский консерватизм рубежа XIX—XX вв.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. — Самара, 2001. — 19 с.

188. ***Цыганов В.И.*** Идея русского самодержавия и ее развитие в творчестве Л.А. Тихомирова: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — Нижний Новгород. 2000. — 26 с.

189. ***Чесноков С.В.*** Роль идейно-политического наследия Л.А. Тихомирова в русской общественной мысли и культуре конца XIX — XX веков: автореф. дис. ... канд. ист. наук. — Нижний Новгород, 2005. — 23 с.

190. ***Честнейшин Н.В.*** Проблема человека в социальной философии русского консерватизма: автореф. дис. ... канд. филос. наук. — Архангельск, 2004. — 22 с.

191. ***Шерстюк М.В.*** Л.А. Тихомиров: обретение религиозного мировоззрения: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2010. — 34 с.

192. ***Шестопалов С.В.*** Аксиология права в философии российского консерватизма: Л.А. Тихомиров, И.А. Ильин. — Автореф. дис. ... канд. филос. наук. — Тула, 2009. — 22 с.

РЕЦЕНЗИИ

193. ***Белов В.*** Незамеченная книга [о книге монархиста Л.А. Тихомирова «Монархическая государственность»] // Наш современник. — М., 1997. — № 1. — С. 192—195.

194. ***Валк С.Н.*** Рецензия на книгу «Воспоминания Л. Тихомирова» // Пролетарская революция. — М., 1927. — Кн. 8/9. — С. 429—434.

195. ***Иванов А.А.*** Революционер и консерватор // Литературная Россия. — 2008. — 11 июля (№ 28). — Рецензия на книгу: Дневник Л.А. Тихомирова. 1915—1917 гг. / сост. ***А.В. Репников***. — М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2008. — 440 с.

196. ***Карнишин В.Ю.*** [Рецензия] // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. — 2008. — № 2. — С. 171—173. — Рецензия на книгу: Дневник Л.А. Тихомирова. 1915—1917 гг. / сост. ***А.В. Репников***. — М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2008. — 440 с.

197. ***Кублановский Ю.М.*** О публицистических мыслях Льва Тихомирова // Новый мир. — 1998. — № 11. — С. 223—227. — Рецензия на книгу: Критика демократии: статьи из журнала «Руск. обозрение» 1892—1897 гг. — М.: Ред. журн. « Москва», 1997. — 667 с.

198. ***Минаков А.Ю.*** [Рецензия] // Москва. — М., 2008. — № 7. — С. 207—208. — Рецензия на книгу: Дневник Л.А. Тихомирова. 1915—1917 гг. / сост. ***А.В. Репников***. — М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2008. — 440 с.

199. ***Минаков А.Ю.*** [Рецензия] // Отечественные архивы. — 2008. — № 3. — С. 109—111. — Рецензия на книгу: Дневник Л.А. Тихомирова. 1915 — 1917 гг. / сост. ***А.В. Репников***. — М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2008. — 440 с.

200. ***Мягкова Е.М.*** [Рецензия] // Вестник РГНФ. — 2008. — № 4. С. 257—261. — Рецензия на книгу: Дневник Л.А. Тихомирова. 1915 — 1917 гг. / сост. ***А.В. Репников***. — М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2008. — 440 с.

201. ***Николаевский Б.И.*** О «Воспоминаниях Л. Тихомирова» // Каторга и ссылка. — М., 1928. — № 1. — С. 174—178.

202. ***Смолин М.Б.*** «Библия монархизма» // ***Он же.*** Очерки Имперского Пути. Неизвестные русские консерваторы второй половины XIX — первой половины XX века. — М., 2000. — С. 56—64. Рецензия на книгу: ***Тихомиров Л.А.*** Монархическая государственность / Вступ. ст. ***С.М. Сергеева***; прим. ***С.М. Сергеева***, ***З.Г. Антипенко***. Именной указатель ***А.В. Ефремова***. М.: ГУП «Облиздат», ТОО «Алир», 1998. — 672 с.

203. ***Соловьев К.А.*** [Рецензия] // Исторический архив. — 2008. — № 6. — С. 212—214. — Рецензия на книгу: Дневник Л.А. Тихомирова. 1915—1917 гг. / сост. ***А.В. Репников***. — М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2008. — 440 с.

204. ***Степанский А.Д.*** [Рецензия] // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. — 2008. № 2. — С. 169—170. — Рецензия на книгу: Дневник Л.А. Тихомирова. 1915—1917 гг. / сост. ***А.В. Репников***. — М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2008. — 440 с.

ИЗДАНИЯ НА ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКАХ

205. ***Gleason A.*** The Emigration and Apostasy of Lev Tikhomirov // Slavic Review. — 1967. — Vol. 36. — P. 414—429.

206. ***Tidmarsh K.*** L. Tikhomirov and a Crisis in Russian Radicalism // Russian Review. — 1961. № 1. — Vol. 20. — P. 45—63.

207. ***Wada H.*** Lev Tikhomirov: His Thought in his Years, 1913—1923. — Tokyo: The Institute of Social Sciences of University of the Tokyo, 1987. — 161 p.

СТАТЬИ В ЭНЦИКЛОПЕДИЯХ И СПРАВОЧНЫХ ИЗДАНИЯХ

208. ***Жуков В.Н.*** История русской философии: Учебник для вузов / Редколлегия: ***М.А. Маслин*** и др. М., 2001. С. 320—321.

209. ***Задорожнюк И.Е., Мощелков Е.Н.*** Тихомиров Лев Александрович // Русская философия: словарь / под общей редакцией ***М.А. Маслина***. — М., 1999. — С. 514—515.

210. ***Кирьянов Ю.И.*** Тихомиров Лев Александрович // Политические партии России: конец XIX — первая треть XX в.: энциклопедия / ответственный редактор ***В.В. Шелохаев***. — М., 1998. — С. 608—609.

211. Тихомиров (1852 — 1923) // История Государства Российского: жизнеописания: XIX в.: вторая половина / [авторы-составители ***М.А. Опалинская, С.Н. Синегубов, А.В. Шевцов***]; РНБ. — М., 1998. — С. 143—153.

212. Тихомиров Лев Александрович // Деятели революционного движения в России. Справочник и электронная база данных. Вторая половина 1850-х — 1890-е гг. Т. 2: 1870-е гг. / ответственный составитель ***Л.М. Ляшенко.*** — М., 2009. — С. 549—550.

213. ***Милевский О.А., Репников А.В.*** Тихомиров Лев Александрович // Общественная мысль Русского зарубежья: энциклопедия / ответственный редактор ***В.В. Журавлев***. — М., 2009. С. 543—547.

214. ***Назаров В.Н.*** Тихомиров Лев Александрович // Сто русских философов. Биографический словарь. — М., 1995. — С. 245—247.

215. ***Неволин С.Б.*** Тихомиров Лев Александрович // Русские философы, конец XIX — середина XX века: антология. — М., 1994. — Вып. 2. — С. 185—198.

216. ***Репников А.В.*** Тихомиров Лев Александрович // Общественная мысль России XVIII — начала XX века: энциклопедия / ответственный редактор ***В.В. Журавлев***. — М., 2005. — С. 533—536.

217. ***Репников А.В.*** Тихомиров Лев Александрович // Русский консерватизм середины XVIII — начала XX века: энциклопедия / ответственный редактор ***В.В. Шелохаев***. — М., 2010. — С. 515—521

218. ***Репников А.В.*** Тихомиров Лев Александрович // Императорский Московский университет: 1755 — 1917: энциклопедический словарь. М., 2010. С. 718—719.

219. ***Сергеев С.М.*** Тихомиров Лев Александрович // Розановская энциклопедия / составитель и главный редактор ***А.Н. Николюкин***. — М., 2008. — Ст. 995—998.

220. ***Фигнер В.Н.*** Тихомиров Лев Александрович // Энциклопедический словарь / Т-во Братьев Гранат и К°. — М. [Б.г.]. — Т. 41. — Стб. 190.

ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ

221. ***Давыдов Ю.В.*** Глухая пора листопада. Роман. — М.: ТЕРРА, 1996. — 496 с. — (Тайны истории в романах, повестях и документах).

222. ***Михайлов О.Н.*** Забытый император: Исторический роман / Комментарии ***В.В. Васильева***. М.: АРМАДА, 1997. — 457 с. — (Романовы. Династия в романах).

223. ***Поляков А.П.*** Великаны сумрака. М.: Сибирская Благозвонница, 2011. — 698, [6] с.

224. ***Яковлев А.И.*** Корона и крест: Сцены российской церковной жизни конца XIX — начала XX века. — 2-е издание, исправленное. — М.: ТЕРРА — Книжный клуб, 2005. — 736 с. — (Русь православная).

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ[1]

А

Абелинскас Э.Ю. 534
Авдеева Л.Р. 5
Аврех А.Я. 9, 381, 394, 396, 397, 398, 404, 534
Авсеенко В.Г. 172
Агафонов В.К. 201
Адан Ж. 195, 214
Адрианов Б. 238
Айзеншток И. 214
Айнзафт С.И. 319
Аквароне А. 327
Акимов М.Г. 429
Аксаков И.С. 118, 194-196, 202, 212, 227, 233, 315, 363, 364, 478
Аксаков Н.П. 263, 264, 315
Аксельрод П.Б. 6, 145, 152-155, 202-206, 253
Аладьин А.Ф. 374
Александр II, российский император 20, 31-35, 41, 80, 84, 91, 97, 104, 105, 112-115, 118-120, 157, 215, 216, 223, 249, 276, 324, 338, 481, 487, 505
Александр III, российский император 12, 24, 120, 123, 135, 146, 157, 162, 184, 186, 187, 191, 196, 199, 203, 204, 206, 209, 213-217, 224, 227, 228, 231, 232, 250, 251, 258, 267-270, 273-277, 279, 287, 290, 292, 296, 311, 313, 315, 317, 349, 365, 366, 420, 487, 496, 504, 511, 534, 540
Александр Михайлович, вел. князь 259
Александр Обренович, король Сербии 451
Александра Федоровна, императрица 455, 464, 467, 472, 474
Александров А.А. 241, 255, 256, 258, 282, 292, 497
Александров В.М. 49, 56
Александрова Е.Т. (жена А.А. Александрова) 497
Алексеев А.С. 237, 364
Алексей (Симанский) 413
Алексей Михайлович, царь 285
Алещенко Т.Л. (псевдоним Л.А. Тихомирова) 110, 229
Альбранд Л.Л. 28
Амвросий Оптинский 240
Амвросий (Ключаров А.И.) 274
Анастасий (Александров А.И.) 323
Андреев Ф.К. 18
Андреева А.В. 52
Андрие Л. 178
Андроник (Трубачев А.С.) 19, 390
Андроник Палеолог 466
Андроников М.А. 457
Андроников М.М. 457
Аносов Н.М. 51, 53
Анофриев В.И. 320
Антиох 498-502
Антипенко З.Г. 22, 542
Антоний (Вадковский А.В.), митрополит 309, 339, 340, 343, 376, 402
Антоний (Храповицкий А.П.), митрополит 342, 343, 355, 372, 373, 376, 382, 429, 430
Антонова Т.В. 49
Антонович И.И. 14
Аптекман О.В. 45, 78, 88, 89, 91-93, 96, 97
Аракчеев А.А. 464
Аринин А.М. 5
Аристотель 14, 283, 285, 358, 359, 539
Аркадский К.В. 52
Армфельдт Н.А. 50, 53
Арончик А.Б. 94
Арсений (Стадницкий) 378
Арсеньев К.К. 268
Арсеньев Н.С. 478
Астафьев П.Е. 236, 247, 275
Артамошин С.В. 290
Ауманн Р. 436
Афонский Л.Н. 14, 534
Ашенбреннер М.Ю. 158
Ашешов Н.П. 109
Ашмарина С.В. 9

[1] Составлен О.А. Милевским и А.В. Репниковым.

Б

Баадер А. 37, 38
Бабкин М.А. 376
Багрянородный Константин 466
Бадмаев П. 526
Бажов С.И. 5
Базанов В.Г. 74, 75
Базаркина Д.Ю. 37
Бакунин М.А. 45, 46, 52, 57, 58, 103, 142, 169, 363
Баландин Р.К. 50, 57
Балмашев С.В. 325
Балуев Б.П. 5, 136, 150, 417, 442, 534
Барабанова А.И. (Сергеева Е.Д.) 102
Баранников А.И. 83, 94, 116, 117
Бардина С.И. 177
Барсуков А.П. 341
Барсуков Н.П. 341
Бартенев Ю.П. 451
Басов И.И. 47
Батюшкова В.Н. 50, 53
Бах А.Н. 7, 91, 165, 177, 179, 180, 183, 187, 190
Бахметьева А.Н. 236
Бачинин А.Н. 492
Башмаков А.А. 455
Безобразов А.М. 305
Бейлис М.М. 455-458
Беламезов 269
Белевская Ю.А. 323
Беленький И.Л. 6
Белов А.М. 2, 25, 331
Белов В.И. 13, 541
Белов М.Н. 332, 538
Белоусов Л.С. 300, 328, 330, 369
Белый А. (Бугаев Б.Н.) 337, 399, 413, 461, 470
Бельгард А.В. 409, 410, 426
Беляев И.Д. 283, 436
Бенуа А.Н. 339
Берви-Флеровский В.В. 50
Бердников И.С. 12
Бердников Л.Ф. 86
Бердяев Н.А. 185, 494
Бернацкий 492
Бернштейн Э. 203, 319, 323
Бинт Г. 189
Бирбск 247
Бисмарк О. 177, 178, 399
Блажчук М.И. 395-397
Блюнчли И.-К. 280, 359
Бобров Л.Н. 414
Бобров П.С. 475, 476
Богданов И.А. 53
Богданович А.В. 216
Богданович Н. 174
Богданович Ю.Н. (Кобозев) 117, 130, 147, 179
Боголепов Н.П. 314
Боголюбов (Емельянов) А.П. 68-70
Богомолов А.И. 332
Богородский Н.Н. 94
Богословский М.М. 508
Богоявленский Д.Д. 451
Богров Д.Г. 444, 445
Богучарский В.Я. 147, 158, 165, 213, 218, 282
Бодиско Д. 313, 348
Бойко Т.В. 331
Бокль Г.-Т. 46, 130
Борисов А.А. 506
Бороздин К.А. 146
Боханов А.Н. 123
Бочаров С.Г. 245
Брандтнер Л.К. 82
Брем А.-Э. 130, 138
Бренькова А.С. 15
Брешко-Брешковская Е.К. 197
Бриллиантов А., протоирей 339, 341
Будилович А.С. 402, 410, 418
Будницкий О.В. 107
Буланов Л.П. 86
Булгаков М.А. 495
Булгаков С.Н. 339
Булычев Ю. 534
Бунге Н.Х. 436
Бурин С.Н. 13, 508, 532, 534
Бурцев В.Л. 112, 161, 179, 198, 320, 323, 324, 370, 382
Бух Л.К. 102, 164
Бух Н.К. 102, 204
Бухбиндер Н.А. 7, 61, 212, 219, 243, 319-324, 333, 336, 351, 371, 380, 383, 534
Буцевич А.В. 179
Бычков С. 338, 339, 342, 373, 374
Бьюкенен Дж. 466, 474
Бюхнер Л. 33, 43

В

Вагенаар Э. 6, 153
Вагенер Г. 435
Вагнер В.А. 42

Вада Х. (Wada H.) 20, 21, 135, 458, 475, 481, 491, 495, 498, 506, 507, 512, 539
Вайнхольд К. 239
Валк С.Н. 7, 8, 164, 165, 167, 168, 541
Валленрод К. 214, 269, 292, 410
Валтасар 445
Вандам (Едрыхин) А.Е. 303
Вандекурова Ф.В. 196
Варгас Ж. 369
Варзар В.Е. 56
Васильев И. 208
Васильев Н.В. 77
Васильева Н. 451
Васильченко А.В. 290
Васнецов В.М. 274, 313, 316, 323, 445, 539
Васьков М. 25, 138
Ватсон Роберт Спенс 193
Вахрушев И.С. 88, 92, 151, 152, 182, 189
Введенский А. 295, 437
Введенский А.И., протоиерей 505
Вебер М. 21, 540
Ведерников В.В. 9, 276, 285, 287
Веймар О.Э. 80
Вениамин (Федченков И.), митрополит 441
Верещагин В.Ю. 12, 15, 284, 296, 356-358, 360, 361, 363, 534
Вернер И.А. 47
Вигуру 323
Виктор Эммануил III Савойский 369, 450
Вильгельм II 370, 467-469
Вильгельм Телль 85
Виноградов П.Г. 323, 507
Витте С.Ю. 18, 297, 298, 301, 303, 305, 316, 317, 322, 332, 333, 335, 347, 349, 370, 372, 373, 376, 377, 381, 382, 385, 392, 418, 432, 433, 435-437, 439
Владимир Александрович, великий князь 291
Вовчик А.Ф. 9, 261, 318, 325, 326
Вознесенский 456
Войнаральский П.И. 68
Волгин В.П. 508
Волк С.С. 96, 106, 108, 110, 131, 147, 153, 158, 162, 165
Волков С.А. 503
Волконская М.Н. 48
Волконский М.С. 447
Волобуев О.В. 308
Волховский Ф.В. 47, 53, 75, 218
Волынский (Флексер) А.Л. 250, 265, 266, 268, 269
Вормс А.Э. 320
Воронихин А.В. 12, 534
Воронцов В.В. (В.В.) 107, 128, 132, 136, 172, 202, 252
Воронцов-Дашков И.И. 146
Восторгов И.И. 283, 353, 371, 411, 458, 464, 491, 492
Вышнеградский И.А. 436
Вязигин А.С. 454, 455

Г

Гаврилов В. 451
Гагкуев Р.Г. 25
Гайндман Г.М. 203
Гайнуллина Р.М. 6
Галкина Е.С. 25
Гамов Д.И. 49, 52
Гапон Г.А. 9, 229, 230, 319
Гарбузов В.Н. 270
Гартман Л.Н. 143
Гартинг А.М. (он же Геккельман, он же Ландезен) 179, 198, 200, 221
Гаршин В.М. 113
Гатагова Л. 472
Гегель Г.-В.-Ф. 253, 369
Геккель Э. 138
Гельфман Г.М. 123
Георгиевский Г.П. 237
Гераков П.К. 66
Геркнер 323
Геркулес 220
Гермоген Жировицкий (Долганов Г.Е.), епископ 429, 475, 476, 503
Гернет М.Н. 67
Герцен А.И. 23, 27, 142, 143, 169, 185, 199, 295, 332, 363, 537
Гиляров-Платонов Н.П. 436
Гинев В.Н. 436
Гиппиус З.Н. 259, 339, 340, 461, 497
Гирс Н.К. 179
Гладкий Ю.Н. 434
Гливенко И.И. 508
Глинка-Янчевский С.К. 484
Глисон Э. (Gleason A.) 20, 542
Говоруха-Отрок Ю.Н. (Николаев Ю.) 71, 237, 241, 255, 268, 269, 275, 281, 427
Гоголев Р.А. 5
Голдовский (Иохельсон) В.И. 143, 148
Голенищев-Кутузов А.А. 279, 292, 445
Головин К.Ф. 236
Головина Н.А. 73
Головкина М.В. 16, 17

Голубцов Н.В. 252, 308
Гольденберг Г.Д. 38, 94, 113
Гольденберг Л.Б. 56
Гольцев В.А. 42, 53, 88
Гончаров И.А. 237
Гордейчик Е. 534
Горев Б. 214
Горемыкин И.Л. 297, 464, 474
Горинович Н. Е. 154, 178
Горшенева И.Б. 435
Горшколепов А.А. 12
Горький А.М. 312, 502, 503, 506
Горячкин Ф.Т. 387
Готье Ю.В. 490, 495-497, 504, 505, 507, 508
Гофштеттер И.А. 212, 426
Градовский А.Д. 364
Грановский А., архимандрит 339
Грачев А.С. 37
Грачевский М.Ф. 115, 131, 135, 147, 179, 505
Грей Э. 471
Грибоедов Н.А. 87
Григоренко В. 472
Григорьев А.А. 5, 12, 20, 72, 212
Григорьев К. (псевдоним Л.А. Тихомирова) 109, 173, 174
Григорьева И.В. 435
Грингмут В.А. 224, 225, 227, 228, 234, 236- 238, 241, 251, 268, 281, 282, 288, 289, 292-294, 297, 298, 306, 309, 312, 313, 315, 316, 323, 335, 348, 353, 354, 378, 381, 383, 390, 402, 414, 417, 427
Грингмут Д.А. 294, 295
Гроньяр М. (Михайловский Н.К.) 108
Гросс, старший фабричный инспектор 320
Гросул В.Я. 5, 146
Гуансюй, император Китая 296
Гудим-Левикович 457
Гужон Ю.П. 333
Гуковская В.Л. 35
Гулевич В. 15
Гумеров Афанасий, священник 492
Гумилев Н.С. 99
Гурин 189
Гурко В.И. 214
Гурлянд И.Я. 403
Гусев В.С. 131

Д

Давыдов Ю.В. 13, 24, 47, 162, 235, 413, 462, 543
Даль В.И. 283, 455, 456
Дамаскин (Орловский), игумен 476, 503
Дамиан Асийский 508, 509
Даниельсон Н.Ф. 45
Даниил, пророк 445, 521
Данилевский Н.Я. 5, 20, 184-186, 202, 212, 227, 262, 358, 364
Данилов 84
Дантон Ж. 180
Дворкина М.Д. 6
Де-Роберти Е.В. 46
Дебагорий-Мокриевич В.К. 62, 81, 82, 146, 206
Дегаев В.П. 158, 163
Дегаев С.П. (Пэлл Александр) 39, 147, 158-168, 200, 205, 221
Дегаева Л.Н. 159, 162, 163
Дедюлин В.А. 411, 423, 430
Дейч Л.Г. 6, 64, 132, 145, 151-156, 161, 177, 202, 204-206, 253
Делянов И.Д. 231
Дембо (Бронштейн) И.В. 197
Ден В.Э. 319
Дешамп П. 437, 480
Джентиле Дж. 328, 367, 368
Дзержинский Ф.Э. 63, 221, 492
Динерштейн Е.А. 5, 292
Дическуло Л.А. 68
Дмитриева, учительница 320
Дмитрий (Ковальницкий) 374
Добржинский А.Ф. 117
Добровольский Б.К. 347
Добровольский И.И. 141
Добролюбов Н.А. 37, 38
Доброхотов А. 534
Долгоруков П.Д. 492
Долгушин А.В. 49, 82, 121
Долинский В.И. (Тихомиров Л.А.) 142, 150, 156, 180
Достоевский Ф.М. 18, 144, 173, 174, 184, 186, 202, 239, 247, 259, 262, 264, 345, 358, 364, 365, 427
Драгоманов М.П. 106, 151, 152
Дрентельн А.Р. 91, 92
Дрие ла Рошель, П. 39
Дронов И.Е. 225
Дружинин Н.М. 94
Дубровин А.И. 121, 207, 242, 370, 378, 446, 447, 451, 457, 484, 493, 535
Дурново П.Н. 108, 190, 200, 209, 211, 213, 217, 223, 224, 225, 228, 229, 231, 232, 444, 448, 473
Дурновцев В.А. 492

Дурылин С.Н. 496
Дусинский И.И. 303
Дьяков А.А. («Житель») 207, 215
Дюринг Е. 32, 90, 92, 97, 104, 127, 129, 181, 202, 284, 345

Е

Евгеньев-Максимов В. 38
Евлогий (Георгиевский В.С.), митрополит 372, 421
Егоров 508
Езерский П.Ф. 320, 323
Елисеев Г.З. 38
Елпатьевский С.Я. 275
Емельянов 353
Емельянов И.П. 204
Емельянов-Лукьянчиков М.А. 5
Ермаков В.Д. 531
Ермашов Д.В. 13, 266, 284, 534
Ермиченко Н.И. («Полтавец Н.») 457
Есенин С.А. 23, 537
Есин Б.И. 417
Ефименко А.Р. 16-18, 359, 535, 541
Ефрема, священник 492
Ефремов А.В. 16, 22, 533, 542

Ж

Жане К. 437
Желиховский В.А. 78
Желябов А.И. 8, 31, 39, 41, 73, 80, 83, 89, 94-96, 106, 107, 109, 110, 112, 115, 118, 121, 123-125, 133, 205, 504, 507, 531
Живкович П. 451
Жихарев С.С. 64
Жолкевич 174
Жохов Н.Ф. 70
Жуков В.Н. 542
Жуковский Н.И. 143, 149
Журавлев В.В. 6, 542, 543
Жухрай В.М. 158

З

Завадская (Франжоли) Е.Ф. 131, 177
Задорожнюк И.Е. 14, 542
Заичневский П.Г. 103, 110
Зайцев А. 535
Замысловский Г.Г. 456
Заозерский Н.А. 344
Засодимский П.В. 56
Засулич В.И. 6, 13, 69, 78, 80, 81, 151, 190, 202, 204-206, 253, 534
Захарина В.Ф. 56, 57, 193
Зацепина Н.С. 94
Зверев В.В. 2, 25, 85, 112, 213
Зверев Н.А. 475
Зволянский С.Э. 323
Зданович Г.Ф. 218
Зеге фон Лауренберг В.В. 94, 97
Зернов Д.Н. 42
Зибер Н.И. 129
Зиновьев Г.Е. 93
Златопольский С.С. 115, 133, 147, 179
Зограф Н.Ю. 415
Зомбарт В. 323, 468
Зубатов С.В. 9, 15, 205, 291, 319-327, 332, 333, 335, 336, 370, 482, 534-536
Зырянов П.Н. 375

И

Ибаньес дель Кампо К. 369
Иван III, царь 281, 283, 285
Иванов А.А. 12, 24, 451, 455, 456, 492, 542
Иванов С.А. 94, 102, 165, 167, 177
Иванова С.А. 103, 113, 146, 196, 197
Иванцов-Платонов А.М. 338
Иванчин-Писарев А.И. 109, 211, 218, 223, 224
Ивичевич Иван Николаевич 82
Ивичевич Игнатий Николаевич 82
Извольский А.П. 453
Илиодор (Труфанов С.М.) 430, 451
Иловайский Д.И. 12, 282, 283, 287, 492
Ильин И.А. 17, 284, 360, 450, 541
Иннокентий (Фигуровский Н.) 309-311, 527, 528
Иннокентий (Попов-Вениаминов И.Е.) 310
Иоанн Богослов 500, 501, 521
Иоанн Кронштадтский (Сергиев И.) 269, 270, 340, 428
Иохельсон (Голдовский) В.И. 143, 148
Исаев Г.П. 94, 112, 115, 123
Исаев И.А. 13, 359
Исайя, священник 305
Исидор (Колоколов), епископ 372, 373, 480
Истомин В.А. 456
Итенберг Б.С. 5, 10, 16, 57, 59, 67, 182

К

Каблиц И.И. (Юзов И.И.) 150
Кавторин В.В. 9, 320, 322, 323
Казанский П.Е. 17, 385
Какусабуро Сенума 310
Калиновский С.В. 506
Каляев И.П. 235
Каменский Ф. 80
Каминский В.И. 207
Камнев В.Н. 25
Кан Г.С. 16, 27, 95, 277, 359
Канкрин Г.Ф., граф 436
Кантор Р.М. 231
Каракозов Д.В. 35, 43
Карамзин Н.М. 363
Каратаев И.Г. (Тихомиров Л.А.) 88, 109, 126
Каратаева В.Н. 27
Каратаева Х.Н. 27
Караулов В.А. 163-165
Кареев Н.И. 35, 79, 137, 491
Карл II Стюарт 195
Карлейль Т. 194, 276, 345
Карнишин В.Ю. 2, 14, 24, 535, 542
Карпачев М.Д. 10
Карпентер В.-В. 138
Карпец В.И. 487, 501
Карпович П.В. 314
Картавых Г.А. 535
Карташов А.В. 339, 341
Карцев (Карцов) Ю.С. 196, 303, 451, 494
Карцов А.С. 5, 14, 15, 17, 225, 535, 541
Кассандра 210
Катков М.Н. 5, 9, 10, 12, 31, 34, 38, 81, 150, 194, 196, 199, 203, 204, 211-215, 227, 235, 236, 247, 254, 262, 268, 293, 358, 363, 392, 402, 414, 415, 417, 442, 446, 496, 531
Кашинцев А.Н. 164, 165
Кашинцев И.Н. 199, 232
Квятковский А.А. 83, 91, 92, 94, 100, 113, 116
Келли А. 199, 200
Керенский А.Ф. 485-489
Кибальчич Н.И. 115, 123, 124
Кизеветтер А.А. 508
Киреев А.А. 12, 194, 224, 227, 228, 231, 232, 248, 265, 274, 275, 294, 306, 317, 341, 342, 347, 352, 363, 370-372, 379, 384, 385, 428, 440, 441, 451
Киреевский И.В. 58, 363
Киреевский П.В. 363
Кирьянов Ю.И. 353, 472, 473, 475, 476, 481, 542
Киселев П.Д. 197, 199
Клемансо Ж. 180, 186
Клеменц Д.А. 46, 47, 52, 53, 56, 58, 60, 78, 85-88, 218
Клеточников Н.В. 90, 99, 100, 116, 117, 158
Ключевский В.О. 19, 241, 507, 508
Клячко С.Л. 48-50
Князев В.И. 49, 51-53
Ковалик С.Ф. 45, 68
Ковальский И.М. 35, 84, 85, 121
Коган С.М. (Семеновский Е.) 157, 205
Кожевников В.А. 478
Кожин К. (Тихомиров Л.А.) 87
Кожухов Андрей 67
Козырев А.П. 247
Козьмин Б.П. 84, 109, 127, 370
Коковцов В.Н. 381, 410, 447, 454, 463, 511
Кокошкин Ф.Ф. 490
Кокушкин М.Ф. 47
Колодкевич Н.Н. 94, 116, 117
Колосов Е.Е. (Кузьмин Д.) 72, 88, 126, 131, 218
Кольб А. 130
Кольцов И. (Тихомиров Л.А.) 8, 109, 117, 126-130, 135-138, 144, 145, 150
Кон Ф.Я. 153
Конан-Дойл А. 203
Конашевич В.П. 162
Кони А.Ф. 69, 74
Кононова О.А. 535
Конрад Дж. 203
Константин Константинович, великий князь 352, 370
Конт О. 32, 46
Корба А.П. (Прибылева-Корба А.П.) 7, 9, 79, 90, 102, 113-115, 117, 132, 135, 147, 158, 179, 235, 537
Коркунов Н.М. 237, 285, 287, 364
Корнев А.В. 284
Корнилов А.А. 478
Корнилов Л.Г. 488, 489
Корнилова А.И. 41, 42, 47-50, 52, 58, 70
Корнилова Л.И. 48
Короленко В.Г. 56, 101, 102, 230
Корольков А.А. 5, 247
Корсаков В.В. 304
Косик В.И. 5
Косма Асийский 508
Костомаров Н.И. 89
Костылев В. Н. 10, 11, 18, 110, 111, 190-192, 198, 200, 204, 205, 214, 220, 221, 228, 229, 232, 237, 254, 256,

260, 265, 274, 277, 287, 294, 313, 355, 410, 411, 414, 424, 431, 447, 454, 507, 535, 541
Котельников В.А. 250
Котляревский М.М. 174
Котов А.Э. 188
Кошелев А.И. 294, 295
Кравчинский С.М. (Степняк-Кравчинский С.М.) 47, 53, 55, 56, 58-60, 67, 80, 82, 83, 85, 86, 88, 93, 110, 119, 120, 148-152, 180, 190, 191, 193, 199, 200, 203, 204
Красивский Н. 319
Краснов-Левитин А. 506
Кремнев Г.Б. 508
Кремнев С.С. 387
Кривошеин А.В. 455
Кромвель О. 195
Кропоткин П.А. 43, 46-48, 50, 54-57, 59, 62, 80, 110, 149, 178
Круссер Р.Г. 218
Крылова М.К. 85, 93
Крылов Ф. 131
Кублановский Ю.М. 14, 301, 542
Кувшинская А.Д. 84
Кузнецова Т.В. 387
Кузьмин И.О. 456
Кузьмин А.Г. 19
Кузьмин Д. (Колосов Е.Е.) 72, 88, 126, 131, 218
Кулешов А.П. 37
Куницкий С.Ч. 162-165
Купреянов (Куприянов) М.В. 47
Курбатова И.Н. 159, 179
Курлов П.Г. 480
Куропаткин А.Н. 348

Л

Лаверычев В.Я. 9, 268, 276, 341
Лаврениус А.Н. 232
Лавров П.Л. 6, 10, 32, 45, 47-50, 58, 103, 148-157, 162, 164, 166, 180, 182, 183, 186, 187, 190, 198, 199, 203, 205, 206, 215, 277, 534
Ладыженский (Лодыженский) М.В. 14, 475, 476
Лакёр У. (Laquer W.) 19
Ламздорф В.Н. 305, 348
Ланганс М.Р. 123
Ланге Ф.-А. 32, 130
Лассаль Ф. 46, 103
Лафарг П. 202
Лачаева М.Ю. 224, 283, 415, 416, 535
Леббок Д. 130
Лебедев В.С. 131
Лебедев И.А. 477, 478
Лебедев Р. 387, 534
Лебедев С.В. 172
Лебедева Т.И. 116, 123
Лебон Г. 181, 284
Левашов А.К. 47
Левин Ш.М. 76
Ленин В.И. 9,11, 79, 81, 192, 207, 230, 451, 486, 488, 491, 499, 507
Леонов М.М. 225
Леонтьев К.Н. 5, 13, 16, 17, 20, 185, 186, 194, 202, 213, 224, 227, 237-251, 254-256, 260, 262, 267, 270, 275, 280, 283, 284, 288-290, 358, 361, 363, 367, 390, 416, 427, 428, 486, 487, 496, 531, 535-537
Ле-Пле Ф. 257, 276
Лермонтов М.Ю. 18
Лермонтов Ф.Н. 47
Лесевич В.В. 32
Лесков Н.С. 237
Лешерн Герцфельдт С.А., фон 84
Лизогуб Д.А. 96, 97, 121
Линев И.Л. 56
Линней К. 138
Лисовой Н.Н. 511
Лисовская А.И. 131
Логинов Д.В. 369
Лозинский М.П. 113
Локк Дж. 295
Ломоносов А.В. 427, 428
Ломоносов М.В. 540
Лопатин В.А. 47
Лопатин Г.А. 45, 47, 120, 145, 147, 161-168, 172, 192, 339
Лопатин Н.Н. 47
Лорис-Меликов М.Т. 38, 117, 276
Лосев А.Ф. 18, 390
Лукоянов И.В. 215, 216
Лукьянов М.Н. 541
Лурье В.М. 535
Лурье Ф.М. 158-160
Львов Н.Н. 430
Льюис Д.-Г. 32, 138
Любавский М.К. 508
Любавский Ф.М. 53
Любатович О.С. 7, 38, 39, 79, 105-107, 117
Любимов Н.А. 237
Людовик XVI 380

Ляшенко Л.М. 39, 119, 542

М

Маевский В.А. 6, 144, 337, 387, 391, 503, 534
Майер Р. 435
Майков А.Н. 237, 274
Майнхоф У. 37, 38
Майорова О.Е. 185
Макаров А.А. 453
Макаров В.Г. 2, 25, 457, 493, 496, 535
Макаров Н.В. 6, 53
Макеев В.В. 12, 296, 356-358, 360, 361, 363, 534
Маклаков Н.А. 447, 453, 458, 464, 492
Маклецова (Дегаева) Н.П. 158, 162
Максаков В.В. 146
Максимов, народоправец 323
Малахов-Камартан К. 354, 535
Малинин В.А. 8, 9, 88, 130, 136
Малинка В.А. 154
Малиновская А.Н. 86, 91
Мальчевский Н. 238
Манхейм К. 33
Мао Цзэдун 37
Маркевич Б.М. 172
Маркс К. 7, 11, 45, 46, 90, 104, 120, 128, 129, 145, 152, 156, 159, 164, 169, 170 ,172, 179, 181, 182, 203, 206, 207, 260, 261, 300, 320, 394, 498, 503
Маслин М.А. 14, 542
Маттерн Е.Э. 437
Мачадо Х. 369
Машкин А. 534
Мезенцов Н.В. 75, 80, 82, 85
Мейер В.Я. 84
Мёллер ван дер Брук А. 290
Менделеев Д.И. 436
Меньшиков М.О. 5, 138, 340, 346, 384, 404, 416, 417, 492
Мережковский Д.С. 259, 339-341, 428, 429
Месси 333
Местр Жозеф, де 207
Метен 323
Мечев (Мечов) А.А. 496
Мещерский В.П. князь, 220, 225, 233, 234, 256, 268, 293, 335, 336, 422, 446
Милевский В. 189
Милевский О.А. 2, 6, 12, 15, 16, 24, 65, 117, 237, 290, 299, 303, 309, 323, 331, 336, 361, 491, 534-537, 541, 542, 544, 555
Милль Дж.-С. 32, 46, 128
Милюков П.Н. 480
Минаков А.Ю. 23, 25, 270, 542
Мирский Л.Ф. 90, 91
Митрофан (Воронежский) 28, 540
Михаил (Крылов), епископ 233
Михаил Романов, царь 385, 454
Михайлов А.Д. («Дворник») 7, 8, 78, 80, 82, 83, 85, 88, 89, 91, 92, 94, 95, 99, 101-102, 105, 109, 114-117, 123, 124, 133, 146, 147, 180, 488, 504, 507, 537
Михайлов О.Н. 13, 71, 124, 543
Михайлова Е.М. 25
Михайловский Н.К. 32, 88, 90, 92, 103, 108, 109, 120, 130, 139, 181, 202, 218, 262, 284, 285, 363, 504
Михеев В.А. 5
Мицкевич А. 214
Мицкевич С.И. 207
Млодецкий И.О. 113
Модей К. 257
Мокиевский-Зубок С.В. 84
Молешотт Я. 33
Монк 195
Морозов Д.И. 236
Морозов Н.А. 7, 8, 38, 42, 53, 55, 62, 77-79, 83, 85-89, 91-97, 103-107, 133, 157, 494
Мороховец Е.А. 7
Морской А. 319
Мочкин А.Н. 290
Мощелков Е.Н. 14, 542
Мраморнов А.И. 24, 442, 489
Муравьев-Виленский М.Н. 291, 524
Муретов М.Д. 463
Муромцев С.А. 259
Муссолини Б. 290, 299, 300, 327-330, 367-369, 387, 450, 536
Мышкин И.Н. 74, 75, 82
Мягкова Е.М. 24, 25, 474, 475, 542
Мясоедов С.Н. 437, 471

Н

Назаревский Б.В. 323, 415, 458, 464
Назаров В.Н. 14, 206, 207, 475, 537, 542
Назаров, рабочий-зубатовец 319
Накамура К. 311
Нарышкин А.А. 451
Натансон М.А. 47, 48, 78, 86
Начапкин М.Н. 17, 534, 541
Неволин С.Б. 13, 284, 542

Невский В.И. 7, 22, 28, 57, 532, 537
Нейдгардт А.Б. 445, 463
Некрасов Н.А. 2
Некрасов О.Г. 540
Ненароков А.П. 6, 153
Нестеров М.В. 461, 496
Нечаев С.Г. 13, 43, 48, 49, 51-53, 118, 230, 504, 531, 534
Низовкин А.В. 53, 59
Никанор, епископ 275
Никитина И.В. 430
Никифор Фока, император Византии 466
Никифоров, рабочий 60
Николадзе Н.Я. 146, 147
Николаев Г.Б. 23
Николаевский Б.И. 7, 8, 542
Николай I 34, 38, 39, 79, 197, 524
Николай II 21, 23, 214, 230, 259, 270, 274-277, 281, 292, 297, 302, 314, 324, 332, 336, 338, 341, 343, 349, 354, 370, 372, 376, 377, 382, 384, 391, 401, 402, 406, 409, 411, 423, 430, 439, 440, 443, 451, 457, 458, 465-467, 474, 475, 479, 481, 482, 487, 511, 538, 540
Николай Николаевич, вел. кн. 469, 472
Николай Японский (Касаткин И.Д.), епископ 309-311
Никольский Б.В. 355, 372, 376, 377, 382, 386, 429, 443,451-453, 456, 497
Николюкин А.Н. 429, 543
Никон, архимандрит 309
Никон, патриарх 376
Никонов А. (Финогенов) 82
Нилус С.А. 444, 445
Новикова О.А. 12, 66, 67, 101, 102, 137, 139, 173, 194-196, 199, 200, 202, 207, 209-217, 220, 221, 223-229, 231-234, 236-240, 246, 247, 251, 254, 282, 293, 315, 332, 339, 346, 391, 404, 472, 505, 537
Новоселов М.А. 18, 430, 463, 464, 466, 470, 475, 477-479, 496
Нольде А.Э., барон 454
Нольде Э.Ю. 415
Нольте Э. 328, 368, 450
Нордау М. 194, 276
Носов С. 243

О

Оберлен К. 400, 500, 521
Ободовская А.Я. 48
Оболенский Л.Е. 537
Овсянико-Куликовский Д.Н. 35, 36, 42, 46, 49
Овчинников М.П. 165
Огарев Н.П. 185, 540
Озеров И.Х. 319, 320, 322, 323, 325, 331
Окулич 456, 457, 472
Оленев М. 252
Оловенникова Е.Н. 118
Оловенникова М.Н. (Ошанина, Полонская) 83, 89, 94, 102, 109, 112, 116, 118, 131, 135, 143, 145, 149, 152-155, 157, 161, 162, 164, 165, 190, 196-199, 504
Олсуфьев Д.А. 385, 451
Ольденбург С.С. 297, 314, 465, 479
Омельянчук И. В. 138, 353, 541
Опалинская М.А. 542
Оржевский П.В. 189
Орлов М.А. 60
Осин В. 472
Осинская А.А. 139
Осинский В.А. 81, 89, 93, 94, 121, 139

П

Павлов А.С. 338, 342
Павлов Н.А. 382
Павловский И.Я. (Яковлев И.) 52, 183, 187, 191, 194, 197, 200, 219
Павлюченко Э.А. 48
Пазухин А.Д. 213, 247-251, 289
Пайман А. 250
Пайпс Р. (Pipes R.) 19, 80, 112, 159, 180, 189, 415, 537
Пален К.И. 64,75,
Палеолог Андроник 466
Палеолог М. 465, 466, 471, 472
Палеолог С.Н. 402, 403
Палман 130
Панаев В.П. 506
Пантелеев Л.Ф. 187
Папин И.И. 49
Папков А.А. 338, 342, 407
Парамонов Б. 13, 144, 537
Парфений, епископ 323
Пасхалов К.Н. 12, 352, 353, 476, 481
Пелевин Ю.А. 9, 114, 115, 537
Перегудова З.И. 158, 395
Перовская С.Л. 42, 47-49, 52, 55, 58, 62, 70-72, 75, 78, 80, 82, 83, 86, 87, 94, 103, 109, 111, 116, 118, 121, 123, 124, 146, 195, 205, 502, 504, 505, 507, 531
Перовский В.Л. 83
Перон Х.-Д. 369

Перрис Д. 55
Перье Ж.-О.-Э. 138
Петерс К.К. 73, 74
Петр I Карагеоргиевич 451
Петр I Алексеевич, император 286, 338, 341, 342, 410, 421, 443
Петражицкий Л.И. 284
Петричко Ю.В. 17, 541
Петровская Елена 336
Петровский С.А. 280, 402
Пирогов Н.И. 39
Писарев Д.И. 33-39, 42, 43, 54, 135, 150, 318
Пихно Д.И. 352, 436
Платонов О.А. 24
Платонов С.Ф. 283
Плеве В.К. 208, 209, 211, 221, 325, 332, 333, 335, 336, 346, 347, 353, 354, 415, 535
Плеве Н.В. 353, 454
Пленков О.Ю. 290
Плеханов Г.В. 6, 7, 15, 55, 77, 80, 86, 88, 89, 91-93, 104, 141-143, 145, 148, 149, 151-156, 169, 170, 172, 181, 190, 199, 200, 202, 205, 206, 253, 486, 494, 495, 498, 532
Плеханова Р.М. 141-143, 153, 202, 205, 206, 253
Плотников Н.А. 49
Победоносцев К.П. 5, 9, 12, 114, 185, 186, 194, 213, 214, 226, 231, 232, 234, 235, 237, 240, 250-252, 255-266, 270, 271, 273-277, 280, 281, 283, 289, 292, 293, 295-298, 302, 306, 309, 328, 338, 340, 342, 343, 347, 356, 372, 375, 428, 447, 462, 531
Подолинский С.А. 203
Погожев А. 301
Подлевский (Падлевский) А.А. 79
Покровский М.Н. 507, 508, 540
Половинкин С.М. 430
Полонский Я.П. 237
Полубояринова В.А. 446
Полунов А.Ю. 5, 256, 258, 281
Полушин Н.А. 266
Поляков А.П. 13, 71, 124, 403, 543
Поляков Н.П. 45, 49
Понежин М.Ю. 12, 15, 296, 356-358, 360, 361, 363, 534
Попов И.И. 115, 159, 164
Попов М.Р. 78, 90, 91, 94, 382
Попов П.С. 142, 486, 532
Попов Э.А. 15, 373, 537
Посадский А.В. 17, 284, 285, 534
Посадский С.В. 17, 284, 285, 534
Поцелуев В.А. 380
Пранайтис И. 456
Преображенский Г.Н. 78, 96, 97
Преображенский Иероним 376
Пресняков А.К. 113, 116
Прибылева-Корба А.П. 7, 9, 79, 90, 102, 113-115, 117, 132, 135, 147, 158, 179, 235, 537
Прокопович Ф. 342
Пролубников А.В. 13, 17, 266, 284, 534, 541
Пронина М.В. 153
Протасов Л.Г. 55
Пугачев Е.И. 50, 56, 57, 490, 531
Пуришкевич В.М. 447, 492
Пуришкевич М.М. 492
Пушкин А.С. 239, 339
Пыпин А.Н. 38
Пэнэжко О. 461

Р

Рагозин Л.Ф. 50
Радко-Дмитриев Р.Д. 480
Радлов Э.Л. 237
Распутин (Новых) Г.Е. 429, 439, 441, 448, 453, 458, 464, 466, 467, 472, 474, 477, 480, 484
Ратаев Л.А. 319, 321
Рачинский С.А. 237, 274, 281
Рачковский П.И. 41, 163, 174, 178-180, 182, 186, 189-192, 194, 197, 200, 204, 212, 213, 221, 319
Регельсон Л. 505
Рейнштейн Н.В. («Николка») 90
Ремизов А.М. 502
Ремнев А.В. 13, 15, 16, 372, 537
Ренан Э.-Ж. 90, 173
Репников А.В. 2, 5, 6, 15, 16, 18, 19, 22-25, 76, 138, 184, 210, 211, 224, 237-239, 245, 257, 264, 270, 273, 282, 294, 302, 303, 308, 310, 331, 339, 340, 346, 352, 353, 355, 376, 379, 440, 451, 455, 457, 463, 472, 481, 486, 493, 494, 498, 502, 531-535, 537, 538, 541-544
Репникова Л.К. 25
Ридли Дж. 368
Робеспьер 180, 207
Рогачев Д.М. 58, 59, 158
Родзевич Н.Н. 476
Родионов И.А. 352, 353
Родичев Ф.И. 374
Рожков Н.А. 8
Рожкова Н.И. 37
Розанов В.В. 18, 81, 237, 243, 253, 259, 263, 264, 280,

281, 301, 302, 337, 339, 385, 427-429, 496, 497, 531, 543
Розовский И.И. 113
Романенко Г.Г. 132, 133
Романов Ю.В. 6
Рубанович И.А. 164, 198
Рубцов Н.М. 25
Рудницкая Е.Л. 136
Руже де Лилль Клод Жозеф 230
Русанов Н.С. (Тарасов К.) 6, 7, 102, 104, 124-126, 129, 130, 150, 162, 164, 177, 179-182, 195, 197
Русанова Н.П. 162, 177, 198
Русинов Н.Ф. 204
Руссо Ж.-Ж. 359, 535
Руткевич А.М. 5
Рухтаева Л.В. 541
Рысаков Н.И. 120, 123, 124
Рябиченко С.А. 472

С

Саблер В.К. 232
Саблин Б.Д. 233
Саблин Н.А. 123
Савельев П.Ю. 6, 153
Савин А. 187
Савинков Б.В. 77, 99, 141, 177, 184
Савинов – рабочий-зубатовец 319
Савинова Н.В. 472
Савицкий А.П. 27, 28, 30, 34
Садовской Б.А. 443
Сазонов Г.П. 213
Сазонов С.Д. 467
Салова Н.М. 146, 164-166, 190, 191
Салтыков-Щедрин М.Е. 364
Самарин А.Д. 477, 478
Самарин Ф.Д. 20, 430, 477, 478
Самарин Ю.Ф. 22
Самарина Е.Н. 413
Самсонов А.В. 466, 467
Санькова С.М. 5, 346
Саровский Серафим 336, 539
Сафонов – рабочий-зубатовец 319
Свасьян К.А. 468
Свистунов А.А. 338, 372
Святополк-Мирский П.Д. 347
Сегал Е.А. 62, 71, 75, 123, 124
Седов М.Г. 8, 10 ,130
Селезнева Л.В. 24, 390, 453
Селиванова Г.И. 14, 538
Семенов П.Н. 313, 371
Семенов Ю.С. 221
Сен-Ромен 257, 258
Сенчакова Л.Т. 147
Серафим (Чичагов Л.М.), архиепископ 393
Сергеев С.М. 11, 16, 18, 21, 22, 207, 237, 256, 258, 263, 280-282, 291, 292, 403, 416, 427, 428, 446, 498, 532, 533, 538, 539, 541-543
Сергеева (Тихомирова) Е.Д. 94, 103, 110, 111, 113, 118, 144, 195, 229
Сергеева Е.В. 541
Сергей Александрович, великий князь 319, 334, 352
Сергий, архиепископ Самарский и Сызраньский 21
Сергий (Страгородский) 339
Сердюков А.И. 47
Сердюкова Л.И. 70
Серебряков Э.А. 6, 159, 160, 164, 205
Сидорацкий Г.П. 80
Сидоренко Е.М. 118
Сидоров А.А. 455-457
Синегуб Л.В. (Чемоданова) 58, 59, 69
Синегуб С.С. 47, 58-62, 66, 68-71, 82, 218, 281, 282
Синегубов С.Н. 542
Сипягин Д.С. 296, 312, 313, 317, 323, 325, 332, 333
Скалон В.Ю. 323
Скандраков А.С. 133
Скворцов В.М. 340, 343, 456
Скворцова Н.К. 48
Скобелев М.Д. 348
Скуратов 46
Слезкин И.Л. 64, 66
Слепов Ф. 319
Слепцов 456
Смирнов, священник 265
Смирнова И.В. 6, 153
Смолин М.Б. 11, 12, 17, 21, 22, 27, 238, 254, 277, 326, 327, 374, 385, 494, 532, 533, 539, 541, 542
Соболев И.Г. 472
Соболевский В.М. 206
Соколов В.П. 446
Соколов Н.П. 540
Соколов, войсковой старшина 233
Солдатенков К.Т. 49
Соловьев А.К. 91-93
Соловьев Вл.С. 32, 123, 212, 237, 243, 255, 260, 262-265, 282, 345, 358, 363, 364, 405, 468, 496, 514, 521, 536, 537
Соловьев Д.В. 243

Соловьев Д.И. 70
Соловьев К.А. 24, 294, 341, 385, 440, 542
Соловьев С.М. 283, 287, 364
Соловьев Ю.Б. 9, 259, 293, 390, 443, 445
Соломкина А.А. 538
Солоневич И.Л. 7
Сорока Л. 6
Спандони-Басманджи А.А. 158
Спасович В.Ф. 73
Спенсер Г. 32, 46, 128, 138, 181
Спиридович А.И. 332
Сталин И.В. 8, 40, 487
Станищев К.Н. 293
Станкова М.В. 15
Станюкович К.М. 135, 174, 218
Стародворский Н.П. 162
Стахович М.А. 338
Стед У. 195
Степанов А.Д. 14, 539
Степанов Е.Д. 199, 232
Степанов К.П. 440
Степанов С.А. 331, 492
Степанов Ф.П. 348
Степанский А.Д. 24, 474, 542
Степурин К.А. 162, 165
Стерлигов 457
Стефан (Архангельский) 374
Стогов Д.И. 355, 386
Столыпин А.А. 431
Столыпин П.А. 9, 18, 22, 76, 289, 381-383, 385-387, 389-406, 408-411, 413, 414, 417, 418, 421, 423-426, 430-432, 435-441, 443-448, 451, 453, 455-459, 463, 472, 511, 534
Страда В. 32, 33, 173, 174
Страхов Н.Н. 5, 20, 237, 265
Строганов А.И. 369
Струве П.Б. 446
Струков А.В. 492
Суворин А.С. 5, 61, 186, 194, 202, 205, 211, 219, 224-227, 231, 243, 255, 304, 351, 371, 380, 383, 404, 407, 417, 442, 471
Судейкин Г.П. 117, 133, 135, 147, 158-164, 213, 221
Сунь Чжинцин 308
Суслов М.Д. 16, 539
Сухомлин В.И. 7, 144, 149, 164-166
Сухомлинов В.А. 471
Сухоруких А.В. 279, 539
Сухотина Л.Г. 15, 25, 344, 539
Сыромятников С.Н. (Сигма) 463, 464
Сысоева Е.К. 331
Сытин И.Д. 292

Т

Тагиефф П.-А. 24
Таден Э. (Thaden E.) 19, 20
Талеров П.И. 531
Тальберг Н.Д. 305, 309
Танеев А.С. 403
Тарасов (псевдоним Русанова Н.С.) 182
Таратута Е.А. 53, 59, 82, 85, 151, 180, 190, 191, 193, 199, 200, 203
Тард Г. 181
Тареев 302
Тарле Е.В. 144, 178
Татищев С.С. 454
Твардовская В.А. 5, 8, 9, 78, 79, 86, 87, 89, 96, 119, 136
Телепнев И.Н. 182
Теллалов П.А. 115, 135, 147, 179
Теплов А.Л. 199
Терапиано Ю.К. 428, 487
Терещенко М.И. 492
Тетельман (Серебрякова) Е.А. 159, 160
Тидмарш К. (Tidmarsh K.) 19, 160
Тимофеев В.Н. 60
Тимохова Е.А. 17, 539, 541
Тиханович-Савицкий Н.Н. 476
Тихомиров Ал.Ал. 27, 29, 30, 191
Тихомиров А.Л. (о. Тихон) 135, 142, 183, 184, 186, 192, 209, 229, 233, 487, 502, 503, 508, 509
Тихомиров В.А. 41, 73
Тихомиров Н.Л. 135, 483, 497, 503, 508
Тихомирова (Каратаева) Х.Н. 27, 485, 508
Тихомирова (Сергеева) Е.Д. 118, 135, 141, 144, 177, 191, 198, 216, 229, 233, 252, 462, 483, 484, 493, 497, 498, 503, 508
Тихомирова В.Л. 135, 191, 311, 470, 497, 503, 508
Тихомирова Н.Л. 135, 191, 470, 503, 508
Тихон (Белавин В.И.), патриарх 491, 505, 506, 508
Тихон (Тихомиров А.Л.) 135, 462, 474, 487, 503, 508, 509, 539
Тихонравов Н.С. 79
Тищенко Г.М. («Титыч») 78, 96
Ткачев П.Н. 32-34, 182
Толстой Д.А. 163, 165, 179, 189, 216, 247, 250
Толстой Л.Н. 123, 247, 257, 260, 262, 265, 266, 301, 302, 312, 313, 337, 339, 340, 364, 439, 519, 531

Тотлебен Э.А. 96
Трепов Д.Ф. 319, 320
Трепов Ф.Ф. 69, 321-325, 327, 328, 331, 333, 335, 352
Тригони М.Н. 31, 123
Трифонов А.Г. 14, 16, 539
Троицкий Н.А. 8, 47, 48, 64, 73-77, 91, 93, 95, 96, 113, 123, 135, 147, 148, 158, 159, 162, 163, 178, 179, 183, 218
Тростников В.Н. 14, 539
Трота М., фон 37
Трофимов А.А. 508, 509, 539
Трубачев А.С. (игумен Андроник) 19, 390
Трубачева М.С. 390
Трубецкой С.Н. князь 247, 262, 306, 515, 521, 525, 526
Тургенев И.С. 173-175
Турмантен Ж. 437
Турский К.М. 182
Тютюкин С.В. 6, 153

У

Ульянов (Ленин) В.И. см. Ленин В.И.
Ульянова-Елизарова А.И. 335
Успенский Г.И. 174, 206, 364
Утин Е.И. 75
Утин Н.И. 200
Ухтомский Э.Э. князь 292, 302, 303, 308

Ф

Фан Вэнь-лань 296
Фатеев В.А. 497
Федосеева И. 14, 539
Федотов Г.П. 144
Фелицын 233
Феличе Р., де 327
Феоктистов Е.М. 214, 220, 232, 447
Феофан, епископ 275
Фет А.А. 70, 237
Фетисенко О.Л. 237
Фигнер В.Н. 7, 12, 22, 28, 48, 97, 102, 110, 111, 114-116, 135, 149, 158, 168, 179, 229, 230, 504, 507, 532, 539, 543
Фигуровский Павел, священник 528
Филарет (Дроздов), митрополит 264
Филимонов Б. 472
Филимонов В. 539
Филимонова Т.И. 6, 153
Филиппов А.Ф. 229, 230
Филиппов Т.И. 224, 244, 255, 256, 263, 292
Филипченко Г. 51, 52
Филон Александрийский 479
Фишер Г.М. 84
Флавиан (Городецкий Н.Н.) 305
Флоренский П.А. 18, 19, 24, 310, 339, 353, 390, 430, 462, 463, 475, 496, 503, 539, 540
Флоровский Г.В. 342, 343
Фогт (Фогд, Фохт) К. 33, 42, 43
Фока Никифор, император Византии 466
Фомин А. 83
Фомин С.В. 11, 22, 23
Франжоли А.А. 131, 177
Франц Фердинанд, эрцгерцог Австрийский 464
Френкель (Полен) Я.С. 155
Френкин А.А. 271
Фриденсон Г.М. 117
Фридерикс В.Б. 370
Фриш М. 39
Фроленко М.Ф. 81, 83, 84, 91, 94-96, 101, 107, 111, 116, 123, 382, 504, 507
Фудель (Емельянова) Е.С. 252, 467
Фудель И.И. 251, 252, 279, 415, 467
Фудель С.И. 252, 400, 413, 442, 467, 496, 501, 506, 509
Фукс Э.Я. 66, 69
Фулье А. 138, 181, 284
Фундаминский М.И. 188
Футорян Б.М. 493
Фюстель де Куланж Н.-Д. 181

Х

Халтурин С.Н. 101, 109
Хардести Д., фон (Hardesty Von Duane) 21
Харитонов П.А. 410
Харламов Н. 472
Хартулари К.Ф. 295
Хатунцев С.В. 5, 24, 474
Хвостов А.Н. 492
Хибберт К. 369
Хомяков А.С. 58, 196, 264, 494, 534
Хомяков Д.А. 352, 373, 477, 478, 481
Христофоров В.С. 457

Ц

Цакни Н.П. 48-50, 200
Цамутали А.Н. 91, 94, 120, 277, 534
Цветаева М.И. 492

Цертелев Д.Н., князь 236, 252-255, 280-282
Циллиакус К. 62, 63
Цинцар-Маркович Д. 451
Цион И. Ф. 188
Цыганов В.И. 14, 17, 539, 541
Цымрина Т.В. 94
Цыси, императрица 296

Ч

Чайковский Н.В. 42, 47-50, 52-59, 61, 62, 66, 68, 70, 78-80, 82, 102, 121, 163, 199, 200, 531
Чан Сергий 528
Чаплинский Г.Г. 456
Чарушин Н.А. 47, 49-54, 58, 74 ,76
Че Гевара Э. 37
Чебчев Ф. 539
Чекурин Л.В. 492
Черепнин Л.В. 23, 537
Черкасов П.П. 318, 439, 472
Черкесов А.А. 49
Чернышевский Д.В. 318, 439, 472
Чернышевский Н.Г. 35, 37, 38, 54, 125, 135, 146, 147
Чернявская (Бохановская) Г.Ф. 89, 97, 99, 162, 164, 165, 167, 197, 198
Чернявский И.Н. 74
Черняев Н.И. 363
Чертков М.И. 96
Чесноков С.В. 11 ,17, 18, 21, 22, 24, 28, 313, 353, 494, 499, 502, 539
Честнейшин Н.В. 541
Чехов А.П. 30, 54, 144, 207
Чистобаев А.И. 434
Чичерин Б.Н. 15, 237, 280, 283, 287, 288, 358, 363, 364, 537
Чурзин В.В. 14, 540

Ш

Шамяунов Е.Д. 540
Шарапов С.Ф. 12, 186, 283, 291, 292-295, 317, 352, 379, 436
Шатриан А. 56
Шацилло К.Ф. 5, 241, 268
Шварц А.Н. 410
Шебалин М.П. 164
Шебеко Н.И. 274
Шевцов А.В. 542
Шевырев С.П. 17
Шевырин В.М. 25
Шелгунов Н.В. 88, 109, 110, 125, 127, 135, 143, 174
Шелохаев В.В. 2, 6, 332, 542, 543
Шерстюк М.В. 11, 14, 17, 18, 81, 116, 290, 291, 404, 405, 441, 445, 462, 470, 540, 541
Шестаков В.П. 245
Шестопалов С.В. 17, 541
Шечков Г.А. 400, 463, 467, 473, 475
Шингарев А.И. 490
Ширинянц А.А. 13, 266, 284, 534
Ширяев С.Г. 94, 113, 115
Шишко Л.Э. 47, 56
Шлейснер О.А. (Натансон О.А.) 48
Шлемин П.И. 5
Шлихтер Р. 239
Шмеман Н.В. 90
Шмоллер Г. 435
Шомракова И.А. 387
Шпанн О. 435
Шпенглер О. 5, 468
Шренк-Нотцинг К. фон 270
Штейн Л. 435
Штемпель, барон 29
Штромберг А.П., барон 39
Штюрмер Б.В. 474, 479, 480
Шульгин В.В. 352, 355, 450, 457, 511
Шульгин В.Н. 25
Шульц, цензор 45
Шумихин С.В. 443, 472

Щ

Щеглов Г.А. 60
Щегловитов И.Г. 492
Щеголев П.Е. 102
Щербатов А.Г., князь 379
Щетинкин Б.А. 239

Э

Эбенстайн В. 369
Эвенчик С.Л. 9, 250, 252
Эймонтова Р.Г. 5
Экхарт М. 475
Эльсниц А.Л. 142, 143
Энгельгардт А.Н. 126, 406
Энгельс Ф. 104, 120, 145, 182, 203
Эпштейн А.М. 85, 198
Эркман Э. 56

Эспинас А.-В. 138, 181
Эфрон С.К. 186

Ю

Юань Шикай 296
Ювэй Кан 296
Ювеналий, митрополит 492
Юзефович М.В. 363
Юзов И.И. (Каблиц И.И.) 150, 202
Юнгер Э. 239
Ющинский А. 455

Я

Языков Д.Д. 457
Якимов В.М. 94
Якимова А.В. 73, 74, 94, 116, 117, 123
Яковлев Александр Иванович, писатель 543
Яковлев Алексей Иванович, историк 508
Яковлев В.Я. 49
Якубович П.Ф. 77, 159, 162, 164, 165, 167, 172
Янжул И.И. 319
Янышев И.Л. 343
Ярцев А.В. 84
Ясинский И.И. 237
Ясменко М.К. 284

Gleason A. (Глисон А.) 20, 542
Pipes R. (Пайпс Р.) 19, 80, 112, 159, 180, 189, 415, 537
Thaden E. (Таден Э.) 19, 20
Tidmarsh K. (Тидмарш К.) 19, 160
Wada H. (Вада Х.) 20, 21, 135, 458, 475, 481, 491, 495, 498, 506, 507, 512, 539
Hardesty Von Duane (Хардести Д., фон) 21

Репников Александр Витальевич, Милевский Олег Анатольевич

ДВЕ ЖИЗНИ ЛЬВА ТИХОМИРОВА

Издательство «Academia»
совместно с редакцией журнала «Вестник РАН»
Тел. 8(499)238-21-44, 8(499)238-21-23
Эл. почта: yurin.og@yandex.ru
info@academpress.net
www.academpress.net
Наши книги можно заказать он-лайн

Директор издательства
О. Г. Юрин

Редактор
А. М. Чепелов

Художник
А. В. Кубанов

Верстка
Т. Н. Гризунова

Корректор
А. В. Силина

Подписано к печати 01.09.2011.
Формат 70 ×100 $^{1}/_{16}$. Гарнитура GaramondNarrowC.
Физ. печ. л. 35.
Тираж 800 экз. Заказ № 6896.

Отпечатано в ОАО «Можайский полиграфический комбинат».
143200, г. Можайск, ул. Мира, 93.
www.oaompk.ru, www.oaompk.рф тел.: (495) 745-84-28, (49638) 20-685